ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ТЕКСТЫ

ВВЕДЕНИЕ

ТОМ 1 / КНИГА 3

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тексты
В трех томах

Том 1

Введение

Книга 3

Редакторы-составители:

Ю.Б. Дормашев
С.А. Капустин
В.В. Петухов

Издание третье, исправленное и дополненное

Рекомендовано УМО по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки (специальностям) ГОС ВПО 030300 «Психология», 030301 «Психология», 030302 «Клиническая психология»; направлению подготовки ФГОС ВПО 030300 «Психология» и специальности 030401 «Клиническая психология»

Москва
Когито-Центр
2013

УДК 159.9
ББК 88.3
О 28

Рецензенты:

Иванников В. А., член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, заслуженный профессор МГУ
Романов В. Я., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник, заслуженный преподаватель МГУ

О 28 **Общая психология.** Тексты: В 3 т. Т. 1: Введение. Книга 3 / Ред.-сост.: Ю. Б. Дормашев, С. А. Капустин, В. В. Петухов. М.: Когито-Центр, 2013. – 688 с.

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-89353-379-8 (т. 1, кн. 3)

Курс общей психологии – фундаментальный для образования психологов всех специальностей, как исследователей, так и практиков. Трехтомное собрание оригинальных психологических текстов, дополняющее любой базовый учебник по темам и вопросам, определяющим структуру и содержание общей психологии, предназначено для проведения семинарских занятий по этому курсу и самообразования. Большинство текстов написано авторитетными философами, учеными и авторами учебников, имеющими мировое признание.

В первом томе представлен раздел «Введение», который закладывает основы для более глубокого изучения общей психологии и других психологических дисциплин. Он состоит из трех книг. В этой книге представлены тексты по теме «Общая характеристика психологии как науки».

Данное учебное пособие подготовлено сотрудниками факультета психологии МГУ имени М. В. Ломоносова для студентов и преподавателей факультетов психологии университетов, а также других высших учебных заведений, в которых изучается психология. Многие тексты этой книги вызовут интерес и у широкого круга читателей.

В оформлении обложки использована схема лабиринта из дерна, расположенного в парке Боутона (Англия).

ISBN 978-5-89353-379-8 (т. 1, кн. 3)
ISBN 978-5-89353-376-7

Содержание

Предисловие

В третьей книге первого тома представлены тексты к пяти темам, в которых обсуждаются вопросы, относящиеся к таким основополагающим категориям психологии, как личность, психика, сознание, деятельность, познание.

Тема «Общее представление о личности и ее развитии» посвящена проблеме личности в психологии. Поскольку многие теории личности базируются на определенных философских и психологических представлениях о природе и сущности человека, то эта тема начинается с рассмотрения данного вопроса. В других вопросах этой темы также уделяется специальное внимание различным точкам зрения на природу и сущность человека, которые лежат в основе очень известных теорий личности, разработанных в таких крупных психологических направлениях, как марксистская психология (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев), гуманистический психоанализ (Э. Фромм), экзистенциальная психология (В. Франкл), гуманистическая психология (А. Маслоу, К. Роджерс) и трансперсональная психология (Р. Уолш, Ф. Вон). Специально подчеркнем, что эту тему следует рассматривать лишь как введение в проблематику личности. Более широко и основательно студенты будут изучать психологию личности и индивидуальности в разделе «Субъект деятельности» по текстам, помещенным в книгах второго тома.

В теме «Возникновение и развитие психики» представлены очень известные точки зрения на эту проблему. Основное внимание уделяется теории А.Н. Леонтьева, в которой проблема возникновения и развития психики решается с позиции деятельностного подхода. Согласно его теории психика впервые возникла у живых организмов, обитающих в так называемой дискретной среде, в форме чувствительности (способности к ощущению) в связи с жизненной необходимостью ориентировки их деятельности в отношении определенных компонентов среды, от которых зависело их выживание. В дальнейшем в процессе биологической эволюции психика развивалась в тесной связи с развитием деятельности живых существ, проходя четыре основных стадии: элементарная (сенсорная) психика, перцептивная психика, интеллект и сознание. В работах П.Я. Гальперина и К.Э. Фабри содержится критика отдельных положений теории А.Н. Леонтьева и предлагаются другие объяснения.

Основным содержанием темы «Социокультурная регуляция деятельности» является проблема сознания. Студентам предлагается познакомиться с самой известной в психологии точкой зрения о так называемой социальной природе сознания, согласно которой оно возникло только у людей в связи с их переходом к общественному образу жизни как необходимое условие существования человеческого общества. Впервые она была высказана и разрабатывалась во французской социологической школе, основателем которой был Э. Дюркгейм, и именно поэтому данную тему открывает текст этого автора, в котором его идея о социальной природе сознания раскрывается с помощью понятия коллективных представлений. В дальнейшем эта идея была по достоинству оценена и получила дальнейшее развитие в марксистской психологии, особенно в трудах Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева. Поэтому в одном из вопросов этой темы помещены тексты Л.С. Выготского, в которых он излагает основы своей культурно-исторической теории сознания и центральное для этой теории понятие высших психических функций, в другом вопросе представлена в авторском изложении теория о строении и развитии сознания А.Н. Леонтьева, в которой главный акцент делается на понятии значения.

В связи с тем, что деятельностный подход, как об этом было заявлено ранее в первой книге, является одним из ведущих направлений в отечественной психологии, следующая тема «Строение индивидуальной деятельности человека» посвящена детальному рассмотрению понятия деятельности. С этой целью подобраны тексты, в которых автор деятельностного подхода в психологии А.Н. Леонтьев дает определения и разъясняет содержание таких базовых для данного подхода понятий, как потребность, мотив, цель, деятельность, действие и операции. Кроме того, в этой теме в работах А.Н. Леонтьева и А.Р. Лурия обсуждается понятие функциональных органов, т. е. функциональных физиологических систем, обеспечивающих процессы деятельности. В качестве конкретного примера такого рода функциональных физиологических систем студентам предлагается подробно познакомиться с теорией Н.А. Бернштейна о кольцевой и уровневой регуляции движений.

Завершает эту книгу и вместе с ней раздел «Введение» тема «Человек как субъект познания», в которой студенты совершают свое первое знакомство с основными психическими процессами, обеспечивающими познание человеком окружающего мира и себя самого. Основной акцент в этой теме делается на рассмотрении определений и феноменов восприятия и мышления, которые составляют основу, соответственно, для чувственного и рационального познания. Более широко и подробно студенты будут изучать психологию познавательных процессов в разделе «Субъект познания» по текстам, помещенным в книгах третьего тома.

Ю.Б. Дормашев,
кандидат психологических наук, доцент

С.А. Капустин,
кандидат психологических наук, доцент

(Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет психологии)

Тема 3

Общее представление о личности и ее развитии

Понятия субъекта, личности, индивида, индивидуальности. Человек и мир: природа, общество, культура. Видовой биологический опыт и его воспроизведение у животных и человека. Органические предпосылки становления и развития индивида. Социальная среда как необходимое условие развития личности. Личность как субъект самостоятельного и ответственного решения собственных проблем на основе общечеловеческих культурных норм. Личность и индивидуальность.
Общее представление о развитии личности. Личность в традиционном (архаичном) обществе. Возможность самостоятельного выбора социальных позиций и становление личности в современном обществе. Становление и развитие личности в онтогенезе. Иерархия (соподчинение) мотивов как основание личности, личностный поступок. Проблема осознания собственных мотивов и возможность изменения их соотношения. Основные черты развития личности. Личность и культура.

Вопросы к семинарским занятиям

1. *Философские и естественно-научные представления о природе и сущности человека*

2. *Понимание личности и ее развития в широком и узком смысле. Индивид и личность*

3. *Сущность человека и проблема развития личности*

1 *Философские и естественно-научные представления о природе и сущности человека*

П.С. Гуревич, И.Т. Фролов

Философское постижение человека*

Человек — уникальное творение Вселенной. Он неизъясним‚ загадочен. Ни современная наука, ни философия, ни религия не могут в полной мере выявить тайну человека. Когда философы говорят о природе или сущности человека, то речь идет не столько об окончательном раскрытии этих понятий, их содержания, сколько об уточнении роли названных абстракций в философском размышлении о человеке.

Понятия «природа», «сущность» человека часто употребляются как синонимы. Однако между ними можно провести концептуальное разграничение. В принципе под «природой человека» подразумеваются стойкие, неизменные черты, общие задатки и свойства, выражающие его особенности как живого существа, которые присущи *Homo sapiens*[1] во все времена, независимо от биологической эволюции и исторического процесса. Раскрыть эти признаки — значит выразить человеческую природу.

Перечисляя те или иные человеческие качества, философы приходят к выводу, что среди них есть определяющие, принципиально значимые. Например, разумность присуща только человеку. Он овладел также искусством общественного труда, освоил сложные формы социальной жизни, создал мир культуры. У *Homo sapiens*, стало быть, есть постоянные и специфические признаки, но в какой мере они приоткрывают тайну человека в целом?

Человеческая натура проявляется в разном, но в чем-то, надо полагать, обнаруживается верховное, державное качество человека. Выявить эту главенствующую черту означает постичь сущность человека. Какое качество можно считать специфически человеческим? Есть ли вообще в человеке какое-то внутреннее устойчивое ядро? Философы, как показывают материалы хрестоматии, отвечают на эти вопросы по-разному.

---

* Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир — эпоха Просвещения / Редкол.: И.Т. Фролов и др.; Сост. П.С. Гуревич. М.: Политиздат, 1991. С. 3—4.

[1] *Homo sapiens* (*лат.*) — человек разумный. — *Ред-сост.*

Э. Фромм

[Гуманистическая этика как прикладная наука «искусства жить»]*

Предисловие

Может показаться неожиданным, что психоаналитик занимается проблемами этики и, более того, убежден, что психология призвана не только развенчать ложные этические установки, но и стать основой для построения объективных и подлинных норм поведения. Такой подход противоположен преобладающим тенденциям современной психологии, которая придает большее значение не «добродетели», а «приспособлению» и стоит на позиции этического релятивизма[1]. Мой опыт практикующего психоаналитика привел меня к убеждению, что при исследовании личности этические вопросы нельзя игнорировать ни в теоретическом, ни в терапевтическом отношении. Наше поведение во многом определяется ценностными суждениями, и на их обоснованности зиждется наше психическое здоровье и благополучие. Рассматривать оценки только как рационализацию[2] бессознательного или иррациональных желаний (хотя, возможно, это отчасти и верно) — значит сужать и искажать представление о целостности личности. Согласно послед-

---

* *Фромм Э.* Человек для самого себя: Введение в психологию этики // Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. С. 19, 22—33, 35—39; *Фромм Э.* Революция надежды: Навстречу гуманизированной технологии // Фромм Э. Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. С. 261—264.

[1] *Этический релятивизм* выражается в том, что моральным нормам придается относительный, полностью условный и изменчивый характер. — *Ред.-сост.*

[2] *Рационализация* — процесс, при помощи которого человек пытается объяснить логически связным и морально приемлемым образом свои действия, идеи и чувства причинами, не только их оправдывающими, но и скрывающими их подлинную мотивацию. — *Ред.-сост.*

ним данным, неврозы[3] рассматриваются как симптом моральной несостоятельности (хотя «приспособление» никоим образом не может рассматриваться как симптом морального благополучия). Во многих случаях неврозы представляют собой специфическое выражение морального конфликта, и успех терапии зависит от осознания личностью своей моральной проблемы и ее разрешения. <...>

Проблема

— Но чем же питается душа, Сократ?

— Знаниями, разумеется, — сказал я.

— Только бы, друг мой, не надул нас софист, выхваляя то, что продает, как те купцы или разносчики, что торгуют телесною пищей. Потому что и сами они не знают, что в развозимых ими товарах полезно, а что вредно для тела, но расхваливают все ради продажи, и покупающие у них этого не знают, разве случится кто-нибудь сведущий в гимнастике или врач. Так же и те, что развозят знания по городам и продают их оптом и в розницу всем желающим, хоть они и выхваляют все, чем торгуют, но, может быть, друг мой, из них некоторые и не знают толком, хорошо ли то, что они продают, или плохо для души; и точно так же не знают и покупающие у них, разве лишь случится кто-нибудь сведущий во врачевании души. Так вот, если ты знаешь, что здесь полезно, а что — нет, тогда тебе не опасно приобретать знания и у Протагора, и у кого бы то ни было другого; если же нет, то смотри, друг мой, как бы не проиграть самого для тебя дорогого. Ведь гораздо больше риска в приобретении знаний, чем в покупке съестного[4].

Духом гордости и оптимизма была отмечена западная культура последних нескольких веков: гордости за человеческий разум как инструмент познания и овладения природой; оптимизма в связи со свершением невероятных надежд человечества и достижением счастья для большинства людей.

Гордость человечества оправданна. Благодаря разуму человек создал материальный мир, реальность которого превосходит самые смелые мечты и фантазии сказок и утопий. Он заставил так служить себе энергию, что скоро она будет в состоянии обеспечить человечество материальными условиями, необходимыми для достойного и продуктивного существования. И хотя многие из его целей

[3] *Невроз* — функциональное (т.е. не имеющее явной органической основы) расстройство психики, для которого характерен высокий уровень тревожности и другие вызывающие страдание симптомы, такие как патологические страхи, навязчивые идеи и действия, соматические реакции и настроение подавленности. При этом значительных нарушений личности не происходит и контакт с реальностью сохраняется. Неврозы обычно рассматривают как преувеличенные и неосознаваемые способы разрешения внутренних конфликтов и борьбы с вызываемой ими тревогой. — *Ред.-сост.*

[4] *Платон*. Протагор // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 423.

еще не достигнуты, нет сомнения в том, что они — в пределах возможного и что проблема производства, которая была действительно проблемой в прошлом, в принципе разрешима. Идея единства человечества и покорения природы ради человека уже больше не мечта, а реальная возможность. Разве не вправе поэтому человечество гордиться собой и верить в себя и свое будущее?

Однако современный человек чувствует себя все более обеспокоенным и озадаченным. Он трудится и борется, но одновременно осознает тщетность своих усилий. В то время как его власть над материальным миром значительно возрастает, в личностной и социальной сфере он ощущает бессилие. Создавая новые и более совершенные средства овладения природой, человек оказался запутавшимся в сетях этих средств и утратил понимание цели, единственно дающей им смысл, — самого человека. Став хозяином природы, человек превратился в раба созданной им же самим машины. Овладев знанием природы, человек упустил важнейшие вопросы собственно человеческого существования: что есть человек, как ему следует жить и каким образом можно высвободить гигантские силы, дремлющие в человеке, и дать им продуктивное применение. Современный кризис привел человечество к крушению надежд и идей Просвещения[5], под знаменем которых начинался наш экономический и политический прогресс. Самую идею прогресса называют сегодня детской иллюзией, а вместо нее сегодня в ходу слово «реализм», обозначающее, в сущности, недостаток веры в человека. Идея достоинства и могущества человека, которая дала ему силы и мужество для грандиозных свершений последних столетий, подверглась сомнению под действием мысли, что нам следует вернуться к прежнему состоянию беспомощности и ничтожности. Эта идея грозит разрушить те самые корни, на которых взращена наша культура.

Идеи Просвещения учили человека полагаться на собственный разум в деле утверждения этических норм; учили его опираться на самого себя в деле познания добра и зла, не прибегая ни к откровению, ни к авторитету церкви. Девиз Просвещения «Познай!», подразумевавший «Доверяй знаниям», стал побудительным мотивом всех усилий и достижений современного человека. Возникшее сомнение в человеческой независимости и силе разума вызвало состояние морального замешательства, когда человеком более не руководит ни откровение, ни разум. Результатом явилось принятие релятивистской позиции, которая предполагает, что ценностные суждения и этические нормы есть исключительно дело вкуса и предпочтений и что никакие объективные ценностные суждения вообще невозможны. Но поскольку человек не может жить без норм и ценностей, то релятивизм сделал его легкой добычей разных иррациональных систем ценностей. Тем самым он вернулся к тому положению, которое уже

[5] *Просвещение* — политическая идеология, философия и культура эпохи крушения феодализма и утверждения капитализма (XVII — начало XIX в.). — *Ред.-сост.*

было преодолено греческим просвещением, христианством, Возрождением[6] и Просвещением XVIII в. Требования государства, восхищение неординарными качествами сильных лидеров, мощная техника и материальный успех — вот чем стали теперь определяться его нормы и ценностные суждения.

Но не пора ли остановиться? Неужели мы должны выбирать между религией и релятивизмом? Неужели мы должны принять отречение от разума в вопросах этики? Неужели мы должны верить, что выбор между свободой и рабством, любовью и ненавистью, честностью и приспособленчеством, жизнью и смертью осуществляется на основе субъективных предпочтений?

Нет, есть другая альтернатива. Этические нормы могут вырабатываться разумом человека, и им одним. Человек так же способен различать и вырабатывать ценностные суждения на основе только разума, как и любые другие. Великая традиция гуманистической этической мысли заложила фундамент системы ценностей, основанных на человеческой самостоятельности и разуме. Эти системы были построены на предпосылке, что для того, чтобы познать сущность добра и зла, надо познать природу человека. Следовательно, эти системы являлись также и глубокими психологическими исследованиями.

Если гуманистическая этика основывается на познании природы человека, то современная психология, особенно психоанализ, должны быть одним из мощнейших стимулов развития гуманистической этики. Но хотя психоанализ во многом расширил наши знания о человеке, он, тем не менее, ничего не прибавил к нашим знаниям о том, как должен жить человек и что он должен делать. Главной его функцией было развенчать ценностные суждения и этические нормы, продемонстрировав, что они представляют собой рационализацию иррациональных — и часто неосознаваемых — желаний и страхов и, следовательно, не могут претендовать на объективную значимость. Хотя само по себе это разоблачение было чрезвычайно ценным, но за пределами критики оно оставалось совершенно бесплодным.

Психоанализ в попытке утвердить психологию в качестве естественной науки сделал ошибку, оторвав психологию от проблем философии и этики. Он игнорировал тот факт, что человеческую личность нельзя познать, если не рассматривать ее в ее целостности, и что человеку присуща потребность искать ответы на вопрос о смысле жизни и определять те нормы, в соответствии с которыми он должен жить. «Homo psychologicus» Фрейда столь же нереалистическое создание, сколь и «homo economicus» классической экономической науки. Невозможно понять эмоциональные и психологические расстройства человека без понимания природы его ценностных и моральных конфликтов. Прогресс психологии лежит не на пути отрыва области «естественного» от «духовного» и фокусировке внимания на первой, а в возвращении к великой традиции гума-

---

[6] *Возрождение*, или Ренессанс — период в культурном и идейном развитии ряда стран Европы (в Италии XIV—XVI вв., в других странах XV—XVI вв.), наступивший после Средневековья. — *Ред.-сост.*

нистической этики, которая рассматривала человека в целостности физического и духовного, предполагающей, что цель человека — *быть самим собой*, а условие для достижения этой цели в том, чтобы быть *для самого себя*.

Я написал эту книгу с целью возродить действенность гуманистической этики, показать, что наши знания природы человека ведут не к этическому релятивизму, но, напротив, что источник норм нравственного поведения следует искать в самой природе человека, что моральные нормы основаны на врожденных качествах человека, что нарушение норм приводит к эмоциональному и психическому распаду. Я попытаюсь показать, что структура характера зрелой и продуктивной личности сама является источником «добродетели» и что «зло» есть (как показывает анализ) равнодушие к себе самому и саморазрушение. Не самоотречение и не эгоизм, а любовь к себе, не отрицание индивидуальности, а утверждение подлинно человеческой самости — вот высшие ценности гуманистической этики. Чтобы быть уверенным в своих ценностях, человек должен знать самого себя и свою способность к добру и продуктивности. <...>

Этика гуманистическая и этика авторитарная

Если мы, в противоположность этическому релятивизму, не отказываемся от поиска объективно значимых норм поведения, то какие критерии этих норм мы можем найти? Тип критериев зависит от этической системы, нормы которой мы изучаем. Так, критерии авторитарной этики в корне противоположны критериям гуманистической этики.

В авторитарной этике власть определяет, что хорошо для человека, и устанавливает законы и нормы его поведения. В гуманистической этике человек сам является и законодателем и исполнителем норм, их формальным источником или регулятивной силой, и их содержанием.

Употребление термина «авторитарный» вызывает необходимость уточнить смысл понятия авторитета. С этим понятием связано много недоразумений из-за того, что мы часто альтернативно противопоставляем диктаторский, или иррациональный, авторитет отсутствию всякого авторитета. Такая альтернатива ошибочна. Действительная проблема заключается в том, с какого рода авторитетом мы могли бы иметь дело. Говоря об авторитете, какой из двух мы имеем в виду: рациональный или иррациональный? Источник *рационального авторитета — компетентность*. Человек, авторитет которого основан на уважении, всегда действует компетентно в выполнении обязанностей, возложенных на него людьми. И ему не надо ни запугивать людей, ни вызывать их признательность с помощью каких-то неординарных качеств; постольку, поскольку он оказывает им компетентное содействие, его авторитет базируется на рациональной почве, а не на эксплуатации, и не требует иррационального благоговения. Рациональный авто-

ритет не только допускает, но требует оценки и критики со стороны подчиняющихся ему; он всегда временен, его приемлемость зависит от его действенности. Источник же *иррационального авторитета — власть над людьми.* Эта власть может быть физической или духовной, абсолютной или относительной, обусловленной тревогой и беспомощностью подчиняющегося ей человека. Сила и страх — вот те подпорки, на которых строится иррациональный авторитет. Критика авторитета в данном случае не только недопустима, но попросту запрещена. Рациональный авторитет основан на равенстве лица, облеченного властью, и подчиненных, которые отличаются между собой только степенью знаний или мастерства в определенной области. Иррациональный авторитет по самой своей природе основан на неравенстве, включающем и неравенство ценностей. Термин «иррациональная этика» применяется в случае иррационального авторитета, следуя современному употреблению термина «авторитарный» в качестве синонима тоталитарной и антидемократической системы. Читатель скоро увидит, что гуманистическая этика не несовместима с рациональным авторитетом.

Авторитарную этику можно отличить от гуманистической по двум критериям: один из них — формальный, другой — содержательный. Рассматриваемая формально, авторитарная этика не признает за человеком способности познать добро и зло. Нормы, заданные авторитетом, всегда превалируют над индивидуальными. Такая система основана не на знании и разуме, а на осознании субъектом своей слабости и зависимости от авторитета и благоговении перед ним; подчинение авторитету происходит в результате применения последним неограниченной власти; его решения не могут и не должны подвергаться сомнению. Рассматриваемая же содержательно, авторитарная этика отвечает на вопрос о смысле добра и зла с точки зрения интересов власти, а не интересов индивидов; она по существу эксплуататативна, несмотря даже на то, что индивиды могут извлекать из нее значительные для себя выгоды, как в плане психического, так и материального благополучия.

И формальный и содержательный аспекты авторитарной этики хорошо видны в генезисе этических суждений у ребенка и в нерефлексированных ценностных суждениях у взрослых. Основания нашей способности отличать добро и зло закладываются в детстве: сначала по поводу физиологических функций, а затем и относительно более сложных вопросов поведения. Прежде чем ребенок научится разумному различению добра и зла, у него вырабатывается чувство хорошего и плохого. Его ценностные суждения формируются в результате дружественных или недружественных ответов на его поведение людей, играющих первостепенную роль в его жизни. При понимании полной зависимости ребенка от заботы и любви взрослого не вызывает удивления тот факт, что выражение одобрения или неодобрения на лице матери является достаточным, чтобы «научить» ребенка отличать хорошее от дурного. В школе и в обществе действуют подобные же факторы. «Хорошо» то, за что хвалят; «плохо» то, за что сердятся или наказывают либо официальные власти, либо большинство друзей. В самом деле,

страх перед неодобрением и желание поощрения являются самой мощной или даже единственной мотивацией для морального суждения. Это сильное эмоциональное давление не дает возможности ребенку, а затем и взрослому критически усомниться: благо ли на самом деле то, что провозглашается как добро, для него самого или для авторитета. Возможные в данном случае альтернативы станут очевидными, если мы рассмотрим оценочные суждения, относящиеся к разным вещам. Если я говорю, что этот автомобиль «лучше» того, то самоочевидно, что «лучший» автомобиль значит лучше служащий мне, чем другой; здесь хорошее и плохое подразумевает полезность для меня той или иной вещи. Если хозяин считает свою собаку «хорошей», то он имеет в виду те качества собаки, которые удовлетворяют его. Скажем, она может быть хорошей сторожевой, охотничьей или ласковой собакой. *Вещь называется хорошей, если она хороша для человека, который пользуется ею.* Тот же самый критерий применим и к человеку. Хозяин считает работника хорошим, если он полезен ему. Учитель называет ученика хорошим, если он не мешает на уроках, послушен, почитает его. Так же и ребенка называют хорошим, если он послушен. Но ребенок может быть и шалунишкой, и обманщиком, однако если он угождает своим родителям, подчиняясь их воле, то он «хороший», тогда как «плохой» — это тот, кто своеволен, имеет собственные интересы, неугодные родителям.

Очевидно, что формальный и содержательный аспекты авторитарной этики неразделимы. Если бы власть не желала эксплуатировать подчиненных, не было бы необходимости управлять на основе страха и эмоционального подавления; она могла бы поощрять рациональность суждений и критицизм — но в таком случае рисковала бы обнаружить себя некомпетентной. Именно потому, что интересы власти поставлены на карту, она предписывает *послушание как главную добродетель, а непослушание как главный грех.* Самым непростительным грехом с точки зрения авторитарной этики является бунт, подвергающий сомнению право авторитета устанавливать нормы и его главную догму, что эти нормы создаются именно в интересах народа. Но даже если человек согрешил, он может вернуть себе доброе имя ценой признания вины и принятия наказания, как свидетельство признания превосходства и власти авторитета над собой.

Ветхий завет, рассказывая о начале человеческой истории, приводит пример авторитарной этики. Грех Адама и Евы нельзя объяснить, исходя из одних только их действий. То, что они вкусили от древа познания добра и зла, не было злом само по себе. В сущности и иудейская и христианская религии согласны в том, что способность различать добро и зло — это основополагающая добродетель. Грехом было непослушание, вызов авторитету Бога, который испугался, что человек, «став одним из Нас, познав суть добра и зла», сможет «вкусить также и от древа жизни и жить вечно».

В гуманистической этике, так же как и в авторитарной, можно выделить формальный и содержательный критерии. Формальный базируется на принципе, что сам человек, а не отчужденная от него власть может определять критерий

добродетели и порока. Содержательный основан на принципе, что «добро» есть то, что является благом для человека, а «зло» — то, что вредит ему. *Единственный критерий этической ценности — это благополучие, благоденствие человека.*

Различие между гуманистической и авторитарной этикой иллюстрируется при подходе к трактовке слова «добродетель». Аристотель[7] использовал термин «добродетель» для обозначения некоего «наивысшего» качества — качества деятельности, посредством которой реализуются способности, свойственные человеку. Парацельс[8], например, употреблял понятие «добродетель» как синоним индивидуальных характеристик вещи, а именно, ее особенности. Камень или цветок обладают каждый своей добродетелью, своей комбинацией присущих им качеств. Аналогично и добродетель человека — это определенное множество качеств, характеризующих человека как вид, добродетель же каждого отдельного человека — это его уникальная индивидуальность. Он «добродетелен», если реализовал свою «добродетель». В противоположном смысле понятие «добродетель» употребляется в авторитарной этике. Там добродетель означает самоотречение и послушание, подавление индивидуальности, а не ее полную реализацию.

Гуманистическая этика антропоцентрична. Разумеется, не в том смысле, что человек — центр вселенной, а в том, что его ценностные, равно как и всякие другие, суждения и даже его восприятия коренятся в особенностях его существования и значимы только в их свете. Поистине человек — «мера всех вещей». Гуманистический принцип заключается в том, что нет ничего более высокого и более достойного, чем человеческая жизнь. <...>

Этика субъективистская и этика объективистская

Что с точки зрения гуманистической этики мы должны ответить тем, кто отказывает человеку в способности самому устанавливать объективно значимые нормативные принципы?

Одна из школ гуманистической этики принимает вызов и соглашается с тем, что ценностные суждения не имеют объективной значимости и представляют собой не что иное, как произвольные предпочтения или желания индивидов. С этой точки зрения, например, выражение «свобода лучше рабства» описывает просто различие во вкусах, но не имеет объективной значимости. Ценность в этом смысле определяется как «некое желаемое благо», и желание определяет ценность, а не ценность определяет желание. Такой радикальный субъективизм

[7] Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. — *Ред.-сост.*

[8] Парацельс (*Paracelsus*) (настоящее имя и фамилия Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогенхейм, von Hohenheim) (1493—1541) — немецкий (по происхождению швейцарский) врач и естествоиспытатель. — *Ред.-сост.*

по самой своей природе несовместим с идеей, что этические нормы должны быть универсальны и применимы ко всем людям. Если бы такой субъективизм был единственным типом гуманистической этики, тогда и в самом деле мы столкнулись бы с необходимостью выбора между этическим авторитаризмом и полным отказом от общезначимых норм.

Этический гедонизм — первая уступка принципу объективности. Допущение, согласно которому удовольствие есть благо для человека, а страдание — зло, являет собой как бы два крайних полюса принципа, позволяющего оценивать желания: те желания, осуществление которых приводит к удовольствию, — ценностные, остальные — нет. Однако, несмотря на аргументацию Герберта Спенсера[9], согласно которой удовольствие обладает объективной функцией в процессе биологической эволюции, удовольствие не может быть ценностным критерием. Но есть люди, которые получают удовольствие от подчинения, а не от свободы, от ненависти, а не от любви, от эксплуатации, а не от продуктивной, творческой работы. Феномен извлечения удовольствия из объективно отрицательных ситуаций типичен для невротического характера, что тщательно изучено психоанализом. <...>

Важным шагом в направлении поисков более объективного ценностного критерия стала модификация гедонистического принципа Эпикура[10], который попытался преодолеть это затруднение путем различения «высших» и «низших» степеней удовольствия. Но пока не были поняты присущие гедонизму затруднения, попытки их преодоления оставались абстрактными и догматичными. Тем не менее, гедонизм обладает одним величайшим достоинством: признав единственным ценностным критерием собственный опыт удовольствия и счастья человека, он тем самым закрыл путь любым попыткам авторитарного определения того, «что есть благо для человека», не оставляющего человеку даже возможности осознать свои чувства по поводу этого «блага». Поэтому неудивительно, что гедонистическая этика в Греции и Риме, а также в современной европейской и американской культурах была взята под защиту прогрессивными мыслителями, искренне и страстно мечтавшими о счастье человечества.

Но, несмотря на определенные достоинства, гедонизм не сумел заложить основу для объективно значимых этических суждений. Значит ли это, что, защищая гуманизм, нам следует отказаться от объективности? Или, может быть, возможны нормы поведения и ценностные принципы, имеющие объективный и общезначимый характер и установленные при этом самими людьми, а не внешней по отношению к ним властью? Да, я считаю, что возможны, и попытаюсь продемонстрировать эту возможность.

Прежде всего, не следует забывать, что понятие «объективно значимый» не идентично понятию «абсолютный». К примеру, утверждение вероятности, приблизительности чего-либо или вообще любые предположения могут быть дей-

---

[9] Спенсер (*Spencer*) Герберт (1820—1903), английский философ и социолог. — *Ред.-сост.*

[10] Эпикур (347—270 до н.э.) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

ствительными, имеющими силу, но одновременно «относительными» в силу ограниченной возможности их доказательства и подлежащими уточнению в будущем, если новые факты или методы будут подкреплять их. Целостная концепция разделения и противопоставления абсолютного и относительного свойственна теологическому мышлению, согласно которому сфера божественного в качестве «абсолютного» отделена от несовершенной сферы человеческого. За пределами теологического контекста понятие абсолютного бессмысленно и занимает незначительное место как в этике, так и в научном мышлении вообще.

Но даже если мы не будем смешивать объективно значимое с абсолютным, все-таки остается главное требующее ответа возражение против объективности общезначимых положений этики, а именно, то, что «факты» должны четко отделяться от «оценок», «ценностей». Еще со времен Канта широко утвердилось мнение, что объективно значимые суждения могут быть высказаны только по отношению к фактам, а не к ценностям, и что признаком науки является исключение ценностных суждений.

Как бы то ни было, мы привыкли даже в отношении искусства и ремесел устанавливать объективно значимые нормы, выводимые из научных принципов, в свою очередь устанавливаемых на основе наблюдения фактов, и/или выводимых с помощью математико-дедуктивных методов. Чистые, или «теоретические», науки занимаются отысканием фактов и разработкой принципов, хотя даже в физике или биологии содержится элемент нормативности, не ущемляющий, однако, их объективности. Прикладные науки связаны главным образом с практическими нормами, в соответствии с требованиями которых должно осуществляться производство — причем «долженствование» детерминируется научным познанием фактов и принципов. Ремесла и искусство — это деятельность, требующая специальных знаний и умений, причем если одни из них требуют только обыденных знаний, то другие, скажем инженерия или медицина, требуют обширного корпуса знаний теоретических. К примеру, если я собираюсь построить железную дорогу, то я должен строить ее в соответствии с принципами физики. *Во всех ремеслах система объективно значимых норм составляет теорию практики (прикладную науку), основанную на теоретической науке.* Хотя и существуют разные способы достижения значительных результатов в любом ремесле или искусстве, тем не менее, нормы ни в коем случае не могут быть произвольными: их нарушение чревато либо ничтожным результатом, либо полной неспособностью достичь желаемой цели.

Но не только медицина, инженерия или живопись являются искусством; *сама жизнь есть искусство*[11], в сущности самое важное и в то же время самое трудное и сложное искусство для человека. Его объектом является не та или иная специализированная деятельность, а сама жизнедеятельность, т.е. процесс раз-

[11] Употребление слова «искусство», однако, противоположно терминологии Аристотеля, который различает «действие» и «деятельность».

вертывания и осуществления всех потенций человека. В искусстве жить человек одновременно художник и модель, скульптор и мрамор, врач и пациент.

Гуманистическая этика, которая принимает, что «добро» — это то, что хорошо для человека, а «зло» — то, что для него плохо, предполагает, что, для того чтобы знать, *что же именно* хорошо для человека, необходимо понять его природу. *Гуманистическая этика есть прикладная наука «искусства жить», основанная на теоретической «науке о человеке»*. Здесь, как и в других искусствах, наибольшие достижения («добродетели») пропорциональны знаниям в области науки о человеке, а также приобретенным навыкам и практике. Однако нормы могут быть выведены из теории только при условии, что выбран определенный вид деятельности и поставлены определенные цели. Так, условием для медицинской науки является цель излечения болезней и продления жизни; не будь ее, все ее (медицины) нормы были бы лишены смысла. В основе любой прикладной науки лежит аксиома, являющаяся результатом акта выбора, а именно, утверждение цели деятельности в качестве желаемой. Однако аксиома, лежащая в основе этики, отлична от аксиом, лежащих в основе других искусств. Мы могли бы вообразить себе культуру, в которой люди не хотели бы заниматься живописью или строить мосты, но невозможно вообразить такую культуру, в которой люди отказывались бы жить. Тяга к жизни присуща любому живому существу, и человек не может не хотеть жить, независимо от того, что он думает по этому поводу[12]. Выбор между жизнью и смертью скорее кажущийся, чем реальный; реальный же выбор — это выбор между хорошей и плохой жизнью.

Небезынтересно было бы задаться вопросом, почему в наше время утрачено понятие жизни как искусства. Складывается впечатление, что современные люди полагают, будто обучение необходимо лишь для овладения искусством чтения и письма, что обучение гарантирует возможность стать архитектором, инженером или квалифицированным рабочим, но что жизнь — дело столь простое и обычное, что и учиться здесь нечему. Именно потому, что каждый «живет» по-своему, жизнь представляется людям той сферой, где каждый считает себя специалистом, знатоком. Но это вовсе не потому, что человек до такой степени овладел искусством жить, что утратил ощущение всех жизненных трудностей. Как раз то, что в жизни превалирует отсутствие подлинных радости и счастья, совершенно исключает подобное объяснение. Сколько бы ни акцентировало современное общество внимание на счастье личности, ее интересах, оно приучило человека к мысли, что вовсе не его счастье (или, используя теологический термин, спасение) является целью его жизни, а служебный долг или успех. Деньги, престиж и власть — вот стимулы и цели. Человек пребывает в иллюзии, что он действует в своих собственных интересах, тогда как в действительности он служит чему угодно, только не своим собственным интересам. Для него важно все, кроме его собственной жизни и искусства жить. Он живет для чего угодно, только не для себя.

---

[12] Самоубийство в качестве патологического явления не противоречит этому общему примеру.

Если этика действительно составляет корпус норм для достижения успеха в искусстве жить, то ее наиглавнейшие принципы должны вытекать из природы жизни вообще и человеческой жизни в частности. Обобщая, можно сказать, что природа всякой жизни — это ее сохранение и утверждение. Любому живому организму присуще врожденное стремление к сохранению своего существования: именно этот факт позволил психологам сформулировать идею «инстинкта» самосохранения. Первая «обязанность» организма — быть живым.

«Быть живым» — это динамическое, а не статическое понятие. *Существование и раскрытие специфических сил организма — это одно и то же.* Все организмы имеют врожденное стремление к актуализации заложенных в них возможностей. Отсюда цель человеческой жизни следует понимать как *раскрытие его сил и возможностей в соответствии с законами его природы.*

Однако не существует человека «вообще». Хотя основные качества человека свойственны всем представителям рода человеческого, тем не менее, каждый человек всегда индивидуален, уникален, отличен от других. Он отличается особенностями черт характера, темпераментом, талантом, склонностями, так же как отличаются отпечатки его пальцев от отпечатков пальцев других. Он может превратить свои возможности в действительность только путем реализации своей индивидуальности. Долг быть живым означает то же, что и долг стать самим собой, развить свои возможности до зрелого состояния, сформировать свою личность.

Итак, *добро в гуманистической этике — это утверждение жизни, раскрытие человеческих сил. Добродетель — это ответственность по отношению к собственному существованию.* Злом является помеха развитию человеческих способностей; *порок — это безответственность по отношению к себе.*

Таковы принципы объективистской гуманистической этики. Мы не можем давать здесь подробные разъяснения, мы вернемся к ним в четвертой главе. Пока же зададимся вопросом: возможна ли «наука о человеке» как теоретический фундамент прикладной науки — этики.

Наука о человеке[13]

Концепция науки о человеке опирается на предпосылку, что ее объект — человек — существует и что природа человека — типичная, характерная черта рода человеческого.<...>

Человек — не чистый лист бумаги, на котором культура пишет свои письмена; он — существо, наделенное энергией и определенным образом организованное, которое в процессе адаптации вырабатывает специфические ответные реакции на воздействие внешних условий. Если бы человек адаптировался к внешним

---

[13] Говоря «наука о человеке», я имею в виду более широкое понятие, чем традиционное понятие антропологии. В подобном же более широком смысле употребляет понятие науки о человеке и Линтон (ср.: *Linton R.* (Ed.) The Science of Man in the World Crisis. N.Y.: Columbia University Press, 1945).

условиям аутопластично, путем изменения собственной природы, подобно животным, и приспособился бы только к одному виду условий, для которых выработал специфические приспособительные реакции, он зашел бы в тупик специализации, который является судьбой каждого вида животных, тем самым делая невозможной историю. Если бы, с другой стороны, человек мог адаптироваться к любым условиям вообще, не противодействуя даже тем, которые противны его природе, он и в этом случае не имел бы истории. Человеческая эволюция основана на сочетании адаптационных способностей и устойчивых качеств человеческой природы, которая заставляет его никогда не прекращать поисков условий, наилучшим образом обеспечивающих его внутренние потребности.

Итак, предмет науки о человеке — человеческая природа. Но начинает она не с полного и точного описания того, что есть человеческая природа; более или менее удовлетворительное определение ее предмета — ее цель, а не исходный пункт, не предпосылка. Ее метод заключается в том, чтобы наблюдать реакции человека и социальные условия и из этих наблюдений индивидуальных человеческих реакций в разных условиях делать заключения о природе человека. История и антропология изучают реакции человека на культурные и социальные условия, отличающиеся от наших собственных; социальная же психология изучает поведение человека в различных социальных условиях в рамках нашей же культуры. Детская психология исследует реакции ребенка в различных ситуациях; психопатология изучает человеческую природу со стороны тех нарушений, которые возникают под влиянием патогенных факторов. Человеческую природу нельзя наблюдать как таковую, но только через те или иные проявления в тех или иных ситуациях. Она есть теоретический конструкт, создаваемый на основе эмпирического познания поведения человека. В этом отношении наука о человеке не отличается от других наук, которые оперируют понятием сущности, выработанным на основе (либо контролируемым со стороны) наблюдаемых данных, а не наблюдаемым непосредственно само по себе.

Несмотря на богатство данных антропологии и психологии, мы имеем только приблизительное представление о человеческой природе.<...>

Традиция гуманистической этики

В традиции гуманистической этики преобладает мнение, что знания о человеке являются основой установления норм и ценностей. Трактаты по этике Аристотеля, Спинозы[14] и Дьюи[15], взгляды которых мы кратко рассмотрим в этой главе, являются одновременно трактатами и по психологии. Я не намереваюсь излагать

---

[14] Спиноза (*Spinoza*, *d'Espinosa*) Бенедикт (Барух) (1632—1677) — нидерландский философ. — *Ред.-сост.*

[15] Дьюи (*Dewey*) Джон (1859—1952) — американский философ, педагог и психолог. — *Ред.-сост.*

здесь целиком историю гуманистической этики, но только проиллюстрирую ее принципы, как они выражены ее главными представителями.

Согласно *Аристотелю*, в основе этики лежит наука о человеке. Психология изучает природу человека, отсюда этика — это прикладная психология. Изучающему этику, так же как и изучающему политику, «нужно в известном смысле знать то, что относится к душе, точно так, как, вознамерившись лечить глаза, [нужно знать] все тело... А выдающиеся врачи много занимаются познанием тела»[16]. Из природы человека Аристотель выводит норму, согласно которой «добродетель» (наилучший поступок) — это «деятельность», под которой он понимает упражнения функций и способностей человека. Счастье, являющееся целью человека, достигается в результате «деятельности» и «[прекрасных] поступков», а не является пассивным обладанием неизменным даром или состоянием сознания. Для объяснения понятия деятельности Аристотель использовал аналогию с Олимпийскими играми. «Подобно тому как на олимпийских состязаниях, — говорил он, — венки получают не самые красивые и сильные, а те, кто участвует в состязании (ибо победители бывают из их числа), так в жизни прекрасного и благого достигают те, кто совершает правильные поступки»[17]. Свободный, разумный и деятельный (созерцательный) человек добродетелен и, следовательно, счастлив. Здесь перед нами объективные ценностные суждения, имеющие антропоцентрический или гуманистический характер, выведенные на основе понимания человеческой природы и человеческой деятельности.

Спиноза, как и Аристотель, исследует специфически человеческую жизнедеятельность. Он начинает с рассмотрения деятельности и цели любой вещи, существующей в природе, и определяет, что «всякая вещь, насколько от нее зависит, стремится пребывать в своем существовании (бытии)»[18]. Деятельность и цель человека те же, что и любой другой вещи: способность или стремление пребывать в своем существовании. Спиноза, далее, приходит к понятию добродетели, которое есть только применение этого всеобщего положения к существованию человека. «Действовать абсолютно по добродетели есть для нас не что иное, как действовать, жить, сохранять свое существование (эти три выражения обозначают одно и то же) по руководству разума, на основании стремления к собственной пользе»[19].

Сохранение существования для Спинозы значит *развитие или совершенствование своей сущности (природы)*. Это справедливо для любой вещи. «Лошадь, например, — говорит Спиноза, — исчезает, превращаясь как в человека, так и в насекомое»; а мы могли бы добавить, что и человек исчез бы, стань он ангелом

---

[16] *Aristotle*. Ethica Nicomachea. L.; N.Y., 1925 (цит. по: *Аристотель*. Никомахова этика // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. Кн. 1. 1102а. С. 17—24).

[17] Там же. 1099а. С. 3—5.

[18] См.: *Spinoza B*. Ethics // Scribner's Spinoza Selections. L.: Oxford University Press, 1927 (цит. по: *Спиноза Б*. Этика // Избр. произв.: В 2 т. М.: Политиздат, 1957. Т. 2).

[19] Там же.

или лошадью. Добродетель тем самым есть развертывание возможностей, присущих каждому организму; для человека — это стремление к совершенствованию своей природы, то есть стремление к наиболее человеческому существованию. Соответственно под *добром* Спиноза понимает то, «что составляет для нас, как мы наверное знаем, средство к тому, чтобы все более и более приближаться к *предначертанному нами образцу человеческой природы»* (курсив мой. — *Э.Ф.*). Под *злом* же он понимает то, «что, как мы наверное знаем, препятствует нам достигать такого образца»[20]. Добродетель, следовательно, отождествляется с осуществлением человеческой природы; наука о человеке есть соответственно теоретическая основа этики.

Тогда как разум указывает человеку, что ему следует делать, чтобы стать подлинно самим собой, и тем самым открывает ему, что есть добро, путь к достижению добродетели заключается в активном применении человеком своих сил. *Сила (потенция)* в таком случае то же, что добродетель, а *бессилие (импотенция)* — то же, что порок. Счастье же — это не цель сама по себе, а переживание, сопровождающее возрастание сил. Тогда как импотенция сопровождается депрессией[21]. Потенция и импотенция относятся ко всем способностям человека. Ценностные суждения применимы только по отношению к человеку и его интересам. Однако ценностные суждения — это не просто высказывания о предпочтениях индивидов, но, поскольку человеческие свойства и способности присущи всем людям как виду, постольку и способность суждения (ценностного) также является общей для всех людей. Объективный характер этики Спинозы вытекает из объективного характера человеческой природы, которая, хотя и допускает различные варьирования, в целом идентична для всех людей. Спиноза — радикальный противник авторитарной этики. Для него человек является целью, а не средством в руках отчужденной от него власти. Ценность может быть определена только по отношению к его действительным интересам — свободе и продуктивному, творческому использованию своих сил[22].

---

[20] Там же.

[21] *Депрессия* — длительное и устойчивое расстройство эмоциональной сферы человека, характеризуемое переживаниями печали, уныния, грусти и отчаяния, потерей интереса к окружению. Негативное настроение образует ядро т.н. депрессивного синдрома, включающего в себя и определенные нарушения когнитивной и моторной сфер. — *Ред.-сост.*

[22] Маркс высказывает взгляд, близкий взглядам Спинозы. «Если мы хотим узнать, — пишет Маркс, — что полезно, например для собаки, то мы должны сначала исследовать собачью природу. <...> Если мы хотим применить этот принцип к человеку, хотим по принципу полезности оценивать всякие человеческие действия, движения, отношения и т.д., то мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху. Но для Бентама этих вопросов не существует. С самой наивной тупостью он отождествляет современного филистера — и притом, в частности, английского филистера — с нормальным человеком вообще» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 623).

Понимание этики Спенсером, несмотря на значительные философские различия, в сущности аналогично, а именно что «хорошее» (доброе) и «плохое» (злое) есть результат особой природы человека и что наука о поведении основывается на нашем знании человека. В письме

Наиболее выдающимся современным представителем научной этики является *Джон Дьюи*, отвергающий как авторитаризм, так и релятивизм в этике. Что касается авторитаризма, то Дьюи утверждает, что различные социальные действия, например обращение к откровению, выполнение предписанных тем или иным вероучением правил, требований государства, следование традициям и так далее, имеют одну общую черту, заключающуюся в том, что «существует некий голос, столь властный, что не допускает самостоятельного познания этих вещей»[23]. Что же касается релятивизма, то Дьюи утверждает следующее: тот факт, что нечто вызывает удовольствие, еще не заключает в себе *«суждения* о ценности того, что вызывает удовольствие»[24]. Удовольствие — первичное данное, но оно должно быть «верифицировано очевидными фактами»[25]. Подобно Спинозе, он утверждает, что к объективно значимым ценностным высказываниям можно прийти, руководствуясь разумом; для него, как и для Спинозы, цель человеческой жизни — рост и развитие человека, определяемые ***в терминах его природы***. <...>

Человеческая природа в различных своих проявлениях

<...> Может быть, было бы полезно воспроизвести несколько определений человека, способных одним словом охватить специфически человеческое. Человека определяли как *Homo faber* — производящий орудия. В самом деле, человек производит орудия, но наши предки тоже производили орудия еще до того, как стали людьми в полном смысле слова[26].

Человека определяли как *Homo sapiens* [человек как разумное существо (лат.). — *Ред.-сост.*], но в этом определении все зависит от того, что подразумевать под *sapiens*. Использовать мысль, чтобы отыскать более подходящие средства для выживания или пути достижения желаемого, — такая способность есть и у животных, и если имеется в виду этот вид достижений, то разница между человеком и животными оказывается в лучшем случае количественной. Если же, однако, понимать под *sapiens* знание, имея в виду мысль, пытающуюся понять сердцевину явлений, проникающую за обманчивую поверхность к «подлинно

к Дж.С. Миллю Спенсер пишет: «Я придерживаюсь того взгляда, что Мораль, т.е. так называемая наука о правильном поведении, должна, в качестве своего предмета, определить, как и почему одни способы поведения вредны, а другие — полезны. Хорошее и плохое не может быть случайным, но с необходимостью вытекает из природы вещей» (*Spencer G.* The Principles of Ethics. N.Y., 1902. Vol. I. P. 57).

[23] *Dewey J.*, *Tufts Z.H.* Ethics. N.Y.: H. Holt and Co., 1932. P. 364.

[24] *Dewey J.* Problems of Men. N.Y., 1946. P. 254.

[25] Там же. P. 260.

[26] См.: *Mumford L.* The Myth of the Mashine: Techniques and Human Development. N.Y.: Harcourt Brace Jovanovich, 1967.

подлинному», мысль, цель которой — не манипулировать, а постигать, тогда *Homo sapiens* было бы действительно правильным определением человека.

Человека определяли как *Homo ludens* — человек играющий[27], подразумевая под игрой бесцельную активность, превосходящую сиюминутную потребность выживания. В самом деле, со времени творцов пещерных росписей вплоть до сего дня человек предавался удовольствию бесцельной активности.

Можно бы добавить еще два определения человека. Одно — *Homo negans* — человек, способный сказать «нет», хотя большинство людей говорят «да», когда это требуется для выживания или успеха. С учетом статистики человеческого поведения человека следовало бы назвать скорее «поддакивающим человеком». Но с точки зрения человеческого потенциала человек отличается ото всех животных своей способностью сказать «нет», своим утверждением истины, любви, целостности, даже ценой жизни.

Другим определением человека стало бы *Homo esperans* — надеющийся человек. Как я указал [ранее. — *Ред.-сост.*], надеяться — это основное условие, для того чтобы быть человеком. Если человек отказался от всякой надежды, он вошел во врата ада — знает он об этом или нет — и оставил позади себя все человеческое.

Пожалуй, наиболее значимое определение видовой характеристики человека дал Маркс[28], определивший ее как «свободную, осознанную деятельность»[29]. Позже я рассмотрю значение такого понимания.

Вероятно, к уже упомянутым можно было бы добавить еще несколько подобных определений, но все они совершенно не отвечают на вопрос: что же значит — быть человеком? Они подчеркивают лишь некоторые элементы человеческого бытия, не пытаясь дать более полного и систематичного ответа.

Любая попытка дать ответ немедленно натолкнется на возражение, что в наилучшем случае такой ответ не более чем метафизическая спекуляция, пожалуй, даже поэтическая, но все-таки это скорее выражение субъективного предпочтения, нежели утверждение некоей определенно установленной реальности. Последние слова вызывают в памяти физика-теоретика, способного рассуждать о собственных представлениях, как если бы они были объективной реальностью, и вместе с тем отрицающего возможность какого бы то ни было окончательного

---

[27] Ср.: *Huizinga J.* Homo Ludens: A Study of the Play Element in Culture. L.: Routledge and Kegan, 1949 [Рус. пер.: *Хёйзинга Й.* Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры // Хёйзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Изд. группа «Прогресс»; «Прогресс-Академия», 1992. С. 7—240. — *Ред.-сост.*]; *Bally G.* Vom Ursprung und von den Grenzen der Freiheit: Eine Deutung des Spiels bei Tier und Mersch. Basel, 1945.

[28] Маркс (*Marx*) Карл (1818—1883) — мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма. — *Ред.-сост.*

[29] Стоит отметить, что Маркс критиковал знаменитое аристотелевское определение человека как политического животного и заменил его пониманием человека как общественного животного, а также что он нападал на данное Франклином определение человека как животного, изготовляющего орудия, считая его «характеристикой мира янки».

утверждения о природе материи. Действительно, сейчас нельзя окончательно сформулировать, что значит быть человеком; не исключено, что этого никогда нельзя будет сделать, даже если бы человеческая эволюция намного превзошла нынешний момент истории, в котором человек вряд ли уже начал существовать как человек в полном смысле слова. Но скептическое отношение к возможности дать окончательную формулировку природы человека не означает, будто нельзя вообще дать определений, научных по характеру, т.е. таких, в которых выводы сделаны на фактическом материале и которые верны не только несмотря на то, что поводом для поиска ответа было желание более счастливой жизни, но как раз потому, что, как заявил Уайтхед[30], «функция Разума — способствовать искусству жить»[31].

Какие знания можем мы привлечь, чтобы ответить на вопрос, что значит быть человеком? Бессмысленно искать ответ в том направлении, откуда подобные ответы чаще всего и извлекают: хорош или плох человек, любящий он или губящий, легковерный или независимый и тому подобное. Очевидно, человек может быть всем этим так же как иметь музыкальный слух или не иметь его, быть восприимчивым к живописи или не различать цветов, быть святым или мошенником. Все эти и многие другие качества — разнообразные ***возможности*** быть человеком. В самом деле, все они в каждом из нас. Полностью осознать себя в качестве человека значит осознать, что, как сказал Теренций[32]: «Homo sum, nihil humani a me alienum puto» (Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо); что каждый несет в себе все человеческое содержание: он — святой, так же как и преступник. Как выразился Гёте[33], нет такого преступления, автором которого не может вообразить себя любой человек. Все эти ***проявления человеческой природы*** не отвечают на вопрос, что же такое — быть человеком. Они лишь отвечают на вопрос, ***насколько мы можем различаться, будучи людьми***. Если мы хотим знать, что значит быть человеком, нам надо быть готовыми к тому, чтобы искать ответ не в области многообразных человеческих возможностей, а в сфере самих условий человеческого существования, из которых проистекают все эти возможности в качестве альтернатив. Эти условия можно постичь не с помощью метафизического умозрения, а путем привлечения данных антропологии, истории, детской психологии, индивидуальной и социальной психопатологии.

---

[30] Уайтхед (*Whitehead*) Алфред Норт (1861—1947) — британский философ, логик, математик и методолог науки. — *Ред.-сост.*

[31] *Whitehead A.N.* The Function of Reason. Boston: Beacon, 1958. P. 4.

[32] Теренций, Публий Теренций Афр (*Publius Terentius Afer*) (ок. 195—159 до н.э.) — римский поэт-комедиограф. — *Ред.-сост.*

[33] Гёте (*Goethe*) Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель. — *Ред.-сост.*

Г. Мерфи

Три природы человека*

Несмотря на поражающий воображение рост наших знаний о человеке и все возрастающие успехи методологии, позволяющей пролить свет в самые темные закоулки, тени от этого света постоянно удлиняются — неизвестного и неясного все равно остается пока еще намного больше, чем известного. Исходя из того, что нам известно и, в особенности, неизвестно о человеке, мы можем и должны попытаться атаковать проблему человека одновременно со всех сторон. Структура космоса помогает понять структуру атома. Живая клетка проливает свет как на организм, частью которого она является, так и на составляющие ее молекулы и атомы. Качества человека дают возможность понимания простейших форм животного мира, а принцип эволюции обнаруживает в только что возникших новых способах мышления и ощущения те проблески, которые уже были предопределены в первобытной тьме.

Первая природа человека

Сегодняшняя жизнь является результатом эволюционного процесса, в ходе которого образовалась ***первая природа человека***. Постепенно развиваясь, она принимала вид грубой человечности: человек отличался от всех других существ более острым умом, большей способностью к научению и, кроме того, более живыми исследовательскими функциями, способностью обнаруживать и использовать новые отношения. Именно из этой грубой или «первой» человеческой природы развились более сложные культурные процессы и та человеческая природа, которую мы видим сегодня. Бесконечные изменения в формах жизни привели к образованию видов и ко вполне определенным отношениям между ними и их окружением, включая другие виды, за которыми они охотятся или с

---

* *Murphy G.* Human Potentialities. L.: Allen and Anwin, 1960. P. 15—25. (***Перевод Ю.Б. Дормашева.***)

которыми должны так или иначе «прийти к соглашению». Процесс эволюции включает в себя огромную индивидуальную изменчивость, в особенности заметную в случае высоко развитых видов, таких как человек. В известном смысле, индивидуальность есть одно из больших достижений длительного эволюционного процесса.

Вместе с тем в основе всей жизни, и, в частности, в основе функционирования систем органов, нервной системы и головного мозга лежат физические и химические реалии, а процессы научения, мышления и даже самосознания отражают нашу «биологическую индивидуальность». Есть два общих принципа, определяющих первую человеческую природу, один из которых должен быть связан с *общей* биохимической и нервной организацией человеческих существ как таковых, их способов познания, ощущения и действия, тогда как другой — с процессами, обеспечивающими *индивидуальность* человека таким образом, чтобы могла возникать разнородность как мир неожиданностей, а не единообразие.

Шаблон культуры

Первая природа человека — это продукт процесса эволюции и тот сырой материал, из которого происходит человек; эмоциональные и побудительные механизмы человека определяются, по сути, его местом в схеме эволюции. В свете такого широкого представления о человеке важнейшими его особенностями являются восприимчивость, пластичность, способность учиться, адаптироваться, прилаживаться и переделывать мир согласно своим потребностям. Биологическая природа человека не является неизменной, она находится в неустойчивом состоянии равновесия и всегда готова перейти в какое-то новое состояние. Она не является застывшей и постоянно меняется под непрерывным воздействием разных сил. Благодаря этому культура модифицирует биологическую основу. Можно привести дополнительные биологические соображения по вопросу о том, как природный материал изменяется в настоящее время в результате культурных условий, сказывающихся на новых технологиях здоровья, типах семейных отношений и смешении генофондов.

Возникновение культуры означает создание «второй человеческой природы», т.е. приспособлений, которые приобретены индивидуумами в течение их жизни и могут быть переданы в том же виде потомству, и с помощью которых способы жизни, не передаваемые наследственным путем, могут стать общепринятыми и передаваться как базисные формы жизни последующим поколениям. Языки, физические изобретения, логические и математические рассуждения, религии и этики, — все это примеры реалий культурного происхождения, относительно стандартизованных и довольно успешно, без искажений, передаваемых от поколения к поколению или посредством миграции через материки и океаны. Стандартизация человеческой природы, которая происходит в различных регионах в отдельные периоды, может легко обмануть каждого, но не тех, кто

изучал историю и антропологию. То, что кажется «полностью природным» или «находится в крови» отдельных людей, например, воинственность или чувство прекрасного, может улетучиться, если устранить условия, поддерживающие подобные способы жизни.

Конечно, существует множество условий, которые обеспечивают непрерывность или прерывистость культуры. Концепция, которая рассматривается здесь, состоит в том, что человеческая природа является постепенно прививаемой, лелеемой и внушаемой, можно сказать, оставляющей отпечаток в душах людей до такой степени, что она кажется похожей на первую человеческую природу. Однако, как только культурные условия изменяются, она может проявить свой подлинный характер как относящаяся к иному кругу человеческих качеств, основанному в большей степени на культуре, чем на наследственности. Эта ***«вторая природа человека»***, которой предшествует его первая, биологическая природа, эволюционирующая в различные виды под влиянием культуры, включает в себя развитие новых способов восприятия, или «приобретенных манер», разделяемых многими людьми и передаваемых от старшего поколения к младшему, представители которого вырастают, зная только переданную им культуру.

Однако более детальное рассмотрение данного положения дел обнаруживает, что в результате этой передачи вторая природа человека приобретает качества жесткости, заданности и «самоочевидности». Нет больше дикой, свободной, грубой, сырой и пластичной человеческой природы, готовой к формированию в любом направлении. Вместо этого появляется человеческая природа, загнанная в шаблон, заключенная в определенное русло, «посаженная в тюремную камеру», уготованная двигаться только в каком-то одном направлении, обладающая огромной инерцией, так что для ее отклонения в сторону, даже в очень слабой степени, требуется большое усилие, как это бывает, например, в случаях великих изобретений или революций.

Прорыв через шаблон

Несмотря на все это, существует слабый голос инакомыслия, который может временами подрывать, а в конечном итоге даже разрушить эти огромные жесткие глыбы культурной традиции. Внутри нас существуют глубинные силы, которые борются за удовлетворение потребности ***понимать***, сопротивляются стандартизации и шаблонности, нервно и без устали разрезают кокон культуры. Человеку так же свойственно бороться против культурной стандартизации, как и подчиняться ей; и в условиях современной жизни творческие силы любознательности, искусства и науки, направленные на реорганизацию фактов и способов жизни, могут одолеть мощные консервативные силы культуры. Эта творческая устремленность к пониманию есть ***третья человеческая природа***.

Третья человеческая природа, которая предстает перед нами, появилась на свет как побуждение к ***открытию***, называемое во времена Древней Греции

духом интеллектуального приключения. Этому духу была дана вторая жизнь в эпоху Ренессанса[1], и он стал краеугольным камнем той науки, которая в XVI в. начала приводить в замешательство всю цивилизацию. Отчасти через чистую науку, имеющую дело с физическим миром, отчасти через способ размышления о живой природе и даже временами о человеке, дух открытия, опираясь на медицину и инженерию, сделал нечто гораздо большее, чем изменение лица Земли. Он изменил лицо человека. Он изменил смысл всего, что мы видим, дал новую перспективу понимания и применения всех новых знаний. Эта жажда понимания, эта настоятельная потребность мысленного постижения вселенной и его значения для нас и есть то, что мы называем процессом «прорыва через шаблон».

Только такой сильный удар мог пробить толстую броню древних традиций Запада. Точно так же под воздействием подобного тарана в настоящее время рушится мощная и жесткая броня традиций Южной и Восточной Азии, и люди наутро просыпаются совсем другими. Наука делает гораздо большее, чем ломка покрытых плесенью бастионов когда-то открытого знания: она создает новое отношение к бесконечным пространствам, в которых может возникать и развиваться понимание.

Современные мыслители, пытающиеся показать, что культура может быть низвергнута с трона, разумеется, выглядят как маленькие Давиды, состязающиеся с огромными Голиафами[2], и не следует забывать, что в действительности Давид побеждает своего Голиафа крайне редко. Направленные против традиции силы человека могут оказаться как больше, так и меньше тех сил, которые определяют устойчивость культуры. Но анализировать эти силы следует только тогда, когда они действуют. В действительности ничто и никогда не остается *окончательно* застывшим. В спирали развития всегда есть нечто большее, чем прогнозируется, всегда есть какое-то противодействие стандартизации. Этот подчиняющийся закону процесс развития, представляющий собой процесс последовательного выбора из законных возможностей, расширяет представления человека о его собственных возможностях.

Эта тяга к открытиям, эта живая любознательность, начинающаяся со своего рода «освобождения ума» от культурных оков и развивающаяся в прогрессивном направлении, активированная жаждой контакта с окружающим миром, его понимания и созидания его смысла, приведет к появлению такого общества, в котором мотив понимания станет господствующим. Наука, философия и этика

---

[1] *Ренессанс*, или Возрождение — период в культурном и идейном развитии ряда стран Европы (в Италии XIV—XVI вв., в других странах XV—XVI вв.), наступивший после Средневековья. — *Ред.-сост.*

[2] Согласно ветхозаветному повествованию юноша Давид вступил в поединок со страшным Голиафом, который был примерно в два раза выше его ростом и хорошо вооружен. У Давида была только праща — кожаный мешочек, привязанный к палке; в мешочек закладывался небольшой гладкий камешек. Размахнувшись палкой, Давид запустил этот камешек и попал Голиафу в лоб. Голиаф упал, а Давид подбежал к нему, вытащил его меч и отрубил ему голову. — *Ред.-сост.*

массового демократического движения позволяют надеяться, что пессимистичное положение о неуправляемости культуры может быть опровергнуто, и что проект построения общества, мотивированного в значительной степени стремлением к пониманию — в том числе к пониманию места человека в космосе и его внутренней природы — может быть осуществлен.

Самонаправляемое изменение

Как только мы убедимся в возможности действительного выбора творческого и самонаправляемого общества, мы неизбежно столкнемся с наиболее явной из насущных проблем: будет ли этот выбор эффективным с точки зрения тех угроз, с которыми столкнулось человечество во второй половине XX в.? По-видимому, спасение от этих угроз возможно только при условии объединения человечества в рамках одной экономической системы на основе любознательности и применения ее продуктов в форме науки и изобретений. При этом необходимо поддерживать атмосферу свободного обсуждения и поиска во всех сферах исследований — философских, религиозных, морали и личности человека.

В настоящее время, когда продолжается борьба между наукой, приносящей человечеству пользу, и наукой, усиливающей его способность к разрушению, становится ясным, что выбранный нами путь к пониманию может быть реализован только тогда, когда будет признано единство мира. Для того, чтобы совершилось постепенное освобождение и второе рождение человечества, о которых говорилось выше, оно должно быть единым, а не распадаться на два или три человечества, борющихся за мировое господство. Проблемы в целом не безнадежные, поскольку люди, живущие в государствах с одной экономической системой, независимо от места проживания будут в значительной степени похожими друг на друга, и высвобожденные в таком современном обществе силы будут поддерживать науку, гуманизм, и даже демократию. С этой точки зрения, кризис современного общества следует рассматривать не как препятствие на пути к реализации описанной перспективы, а как катализатор, способный ускорить переход единого человечества к полной реализации всех трех, вкратце описанных нами, природ человека.

Предположим, что человечеству удастся совершить трудный переход через этот кризисный этап его развития. Тогда возникает вопрос: каким образом общество, реализующее третью человеческую природу, может, кроме того, реализовать его первую и вторую природу? Действительно, не исчезает ли первая человеческая природа в то время, когда за формирование человека берется культура? И не будет ли процесс открытий аннулировать культурно сформированные и укоренившиеся особенности человека? Вероятно, нет. Изменение в культуре ускоряет *биологическое* изменение. Если мы признаем, что три человеческие природы взаимодействуют друг с другом, возникает сложная проблема, представляющая собой вызов человеческой изобретательности. Любознательность

и творчество разрушают культуру, но, несмотря на это, культура обогащается. Главная проблема состоит в том, чтобы реализовать три человеческие сущности в их взаимосвязях; реализовать внутри отдельной личности сырой материал ее жизни, приобретенные желания, которыми она обладает, будучи цивилизованным человеком, и глубинный протест первой и второй природы как стремление к новым смыслам, выходящим за рамки той и другой.

Взаимоотношения человека с миром

Эти проблемы не могут быть решены с помощью мер, направленных на трехстороннюю борьбу внутри жизнесплетений отдельного индивидуума. Их решение предполагает поиск каких-то понятий, определяющих взаимоотношения человека и космоса. Курт Левин[3] и другие творчески мыслящие ученые с позиций «теории поля» попытались показать, что «жизненное пространство» человека — это не есть функция внутреннего мира человека, его окружения, или их взаимодействия. Это функция *сотворения возможных систем взаимоотношений* между человеком и окружением.

Появление новых взаимодействий трех видов человеческой природы зависит от того, в какой степени мы их представляем, а также от того, способны ли мы добровольно пойти на риск, предоставив им возможность существовать, помогая друг другу расти, что приведет к возникновению совершенно новой человечности и совершенно новых возможностей окружения. Новые человеческие качества приведут к появлению новых видов окружения, а новые виды окружения, в свою очередь, приведут к возникновению новых человеческих качеств, и так будет продолжаться в непрерывном цикле становления и совершенствования. <...>

То, что мы пытаемся сказать, не является открытием. Здесь мы всего лишь даем теоретический ответ на перекликающиеся между собой предположения современных наук — физических, биологических и социальных. Он представляет собой набросок концепции трех человеческих природ, указывающий на крайнюю необходимость их интеграции. В этой интеграции одновременно присутствуют биологическая природа человека, его культурная природа и протест против них обеих. Те социальные, культурные, политические, экономические военные угрозы, с которыми непосредственно сталкивается человечество, менее ужасны, чем кризис, состоящий в необходимости реализации нашей человечности. Признать этот факт будет намного легче, если мы более пристально рассмотрим те отдаленные темы и вопросы, которые имеют отношение к самой сути проблемы.

---

[3] Левин (*Lewin*) Курт (1890—1947) — немецкий психолог, представитель гештальпсихологии в области психологии мотивации и личности; с 1932 г. жил и работал в США. — *Ред.-сост.*

Мы исходим из того, что человеческая природа будущего не может быть предсказана продолжением тенденций настоящего в направлении крутого подъема. Метод экстраполяции, придерживаясь которого мы выводим все больше и больше из того, что уже имеем, в нашем случае непригоден, так как мы имеем дело с драматическими изменениями, непредвиденными случайностями и открытиями, происходящими в результате совершенно новых взаимодействий. С этой точки зрения человеческая природа будущего будет продуктом как биологических, так и культурных факторов, отличающихся от тех, которые известны сегодня. Цикл взаимодействий между изменяющейся культурой и изменяющимся биологическим потенциалом будет, как предполагал Джулиан Хаксли[4], проходить по спирали трансформаций, которая естественным образом произрастает непосредственно из явных тенденций настоящего. Реализация трех человеческих природ будет включать в себя не просто раздельную реализацию биологических и культурных потенциалов; она будет вовлекать новые уровни человеческого опыта, основанного на взаимодействиях между пока еще не существующими компонентами. ***Новые компоненты*** и ***новые взаимодействия*** станут создавать виды человеческой природы и человеческого опыта, которые будут настолько же далекими от существующих в настоящее время, насколько наше настоящее отстоит от Каменного века.

Поскольку мы настойчиво пытаемся разобраться с растущим биологическим и культурным наследием, этот «умозрительный» способ размышления остается для нас единственным, способствуя развитию исследовательского интереса, подталкивающего к социальным преобразованиям. Бог сказал об Адаме и Еве: с тех пор, как они приобрели знание, они стали «как мы»; отныне они никогда не смогут вновь стать по-детски искренними, незнающими, невинными. Для того чтобы спастись, человеку, открывшему в себе такую любознательность, и, как Пандора[5], выпустившему ее в мир, не остается ничего другого, как управлять своей собственной эволюцией, зная, как она происходит.

Здесь возникает классический этический вопрос: имеем ли мы право планировать жизнь наших потомков? Поскольку мы не считаем себя ни философами, ни царями, то, согласно Платону[6], мы не имеем права принимать такие решения. Однако вся наша жизнь состоит из множества решений, и отказ от принятия решения сам по себе является решением. Недальновидные решения, возникающие в результате нашей инертности, вероятно, могут нанести урон свободе наших современников, наших детей и наших далеких потомков. Освобождение себя из пут мыслей о настоящем имеет значение для поддержания

[4] Хаксли (*Huxley*) Джулиан Сорелл (1887—1975) — английский биолог и философ. — *Ред.-сост.*

[5] Согласно древнегреческому мифу, Пандора из любопытства, несмотря на запреты, открыла подаренный ей ларец и выпустила на волю все бедствия, от которых до сих пор страдает человечество. — *Ред.-сост.*

[6] Платон (427—347 до н.э.) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

мира во всем мире, а также для развития и реализации научных и технологических ресурсов.

Автократическая элита попросту не выживет, если принимаемые решения не будут основываться на размышлениях всех заинтересованных лиц и обсуждаться ими, что безусловно является важнейшей составляющей демократического процесса и единственным средством управления работоспособным научно-технологическим сообществом. Для того, чтобы было принято свободное решение, необходимо наличие соответствующей информации, и наше размышление будет увеличивать, а не уменьшать свободу тех, кому позже придется принимать решения, к которым мы пока не готовы.

Читателю не следует забывать, что человек (в более глубоком смысле, чем о нем обычно думают) есть *часть космоса*, и что его реализация есть в известном смысле реализация им определенных контактов с космической структурой, контактов более глубоких, чем он обычно себе позволяет. Человек — это не изолированная часть, или маленький островок, выпавший из-под влияния всеобщих холодных, безличных законов, с которыми наука, как правило, имеет дело. В каком-то смысле его жизнь — это зеркальное отражение реалий, имеющих отношение к основному земному замыслу, согласно которому определена космическая структура. Я осторожно предполагаю, что реализация человека не определяется полностью космическими силами, находящимися за пределами его понимания, или, с другой стороны, отрицанием того, что он является частью вещества, из которого образован мир. Скорее, реализация человека определяется тем фактом, что между ним и вселенной часто не существует отчетливых границ.

Можно ли сделать из этой точки зрения выводы, касающиеся человеческих взаимоотношений? В соответствии с тем, что уже было сказано, применительно к отдельному человеку она отрицает существование какой-то частицы реальности, которая принадлежит только ему и не принадлежит его ближнему. Как и в случае «жизненного пространства» Курта Левина, с этой точки зрения человек не в состоянии четко определить, что ему принадлежит. Поэтому человеческие взаимоотношения следует рассматривать как спираль взаимодействий между людьми, спираль взаимообменов между человечеством и миром, а не как наличное состояние человеческой природы, которое должно быть использовано для предсказания. Человеческие возможности должны быть реализованы не только посредством извлечения их из глубин, что не очевидно, но непрерывным творением реальностей, которые вовсе не являются частью существующей природы человека, а станут частью той по-новому определяемой человеческой природы, которую новые взаимодействия с окружением введут в бытие.

Таким образом, это не столько вопрос нашего изменения *внутри* мира, сколько вопрос нашего изменения *вместе с* миром посредством развивающегося паттерна новых взаимообменов. В действительности никакой четкой границы между человеком и его космическим окружением не существует; мы непрерыв-

но открываем новые способы взаимодействия с нашим окружением и потому становимся *едиными с* ним в результате процесса самораскрытия. Проблема, получаем ли мы космическую поддержку в наших усилиях найти собственное направление и придать ему некое подобие велению сердца, всегда будет ставиться перед нами в терминах, предлагаемых наукой. Еще Джон Донн[7] понимал, что «человек не является островом», он соединен дном океана с действительной жизнью всех других людей. Мы также пытаемся показать, что разрабатываемая нами концепция предполагает неизбежную и более богатую реализацию [человеческой природы. — *Ред.-сост.*] в жизнях наших потомков в разных поколениях, которые мы не можем представить даже приблизительно. Кроме того, мы доказываем, что реализация наших потомков как живых отдельных личностей может быть осуществлена только в совместной жизни посредством взаимообменов между ними как членами будущей общности. Отношения человека с миром и человека с человеком, которые невозможно предугадать, судя по наличным внешним (по отношению к человеку) тенденциям, все же проявляются в виде намеков, среди которых мы можем делать выбор.

Как связана эта концепция с множеством современных литературных источников, посвященных будущему человечества? Оптимистична она или пессимистична? Предполагает ли она детерминизм или свободный выбор? Предполагает ли она одиночество человека или божественную поддержку в его борьбе за совершенство? Предполагает ли она, что вначале должны быть решены политические и военные проблемы, что условием успешной апробации глобального человеческого мышления является защита демократии и морали Запада? Что «все остается таким же, как раньше», или что человек может и должен стать чем-то новым?

<...> Я верю в то, что человечество все еще меняется биологически («эволюция до сих пор продолжается»), и что с необычайной скоростью, которая в ближайшие десятилетия резко возрастет, продолжается его социально-культурная эволюция. Я верю, что любознательность, опора на разум и страстное стремление к пониманию, всегда выступавшие как факторы расширения потенциальных возможностей человечества, стали в настоящее время решающим различием между людьми прошлой и современной эпохи. Я верю, что наука — это нечто гораздо большее, чем технология, это способ жизни, распространяющийся на все ее сферы; что технические науки в широком смысле, включая сюда все, что имеет отношение к нашему материальному существованию, от корпоративной структуры бизнеса до всеобщности прививок и увеличения продуктивности сельского хозяйства, выражают господствующую идею нашей эпохи о том, что человек способен понимать и будет *понимать*. В частности, человек способен и будет понимать *сам себя* и общество, в котором он живет. Более конкретно, в эпоху господства науки все люди смогут научиться понимать друг друга, не-

---

[7] Донн (*Donne*) Джон (1572—1631) — английский поэт. — *Ред.-сост.*

смотря на колоссальные пропасти между ними, созданные политическим, экономическим и военным противостоянием, и все поймут, что мир, в котором можно жить и понимать друг друга, един.

Возможно, это звучит скорее оптимистично, чем пессимистично. Предполагается, что полностью осознанное стремление к пониманию со временем будет увеличиваться. Внешние по отношению к человеку силы, которые могут воспрепятствовать его движению по этому пути, не следует рассматривать как фатальные. С другой стороны, это не означает, что спасение человека состоит в «безудержной спонтанности» или же в его индивидуальном свободном выборе, не принимающим в расчет огромную силу влияний культуры. Мы верим в то, что в нашем обществе люди могут и будут развивать взаимопонимание, они будут использовать это растущее понимание, чтобы увеличивать свою свободу и свою способность совершать разумные выборы.

М.К. Мамардашвили

Если осмелиться быть...*

— Как вы думаете, Мераб Константинович, что с нами происходит, что с нашим обществом? Почему мы, победив в такой войне, как Отечественная, с трудом справляемся сегодня с нашими собственными мирными проблемами? Не произошло ли в послевоенный период определенное снижение уровня культуры?

— В каком-то смысле это несомненно. Только не думаю, что это впрямую связано с войной. Здесь не прямая связь культуры с войной, а, на мой взгляд, связь с ней через феномен личности. Ведь смотрите: непосредственно после войны культура пополнялась людьми более интересными, чем сейчас. Почему? Да потому, что это были люди, опаленные войной, осмелившиеся самостоятельно, на свой собственный страх и риск *быть* перед лицом уничтожения и порабощения. Огнем дышали два дракона: один — в лицо, другой — в спину. И вот так вот опалившись, люди обрели одну характеристику — совершенно четко очерченный и выраженный личностный хребет. А последующие поколения, молодежь... Я не вижу у них как раз того личностного хребта, той туго натянутой струны духа и характера, которые были у военного поколения. Они, может быть, и умнее, начитаннее, свободнее, более раскованы и уж во всяком случае более мобильны. Мы в свое время и мечтать не могли о тех достижениях НТР [научно-технической революции. — *Ред.-сост.*], которые сегодня доступны, например, любому студенту, о таком количестве книг, информации. Да и контакты у них разнообразнее. И вкус есть. Словом, заинтересованную молодежь можно увидеть везде, где можно получить какой-то интеллектуальный и нравственный заряд. Но беда в том, что все это носит, в основном, потребительский характер: молодежь не работает. А что такое работа, любая действительная работа? Это самостоятельность, ответственность, риск и готовность за все платить. Работа вообще — взрослое дело. Неработающий, в этом смысле, — ребенок, он инфантилен.

---

* *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М.: Издательская группа «Прогресс»; Культура, 1990. С. 172—177, 179—180, 184—187, 189—190, 194—198. (*Беседу вели Ю. Сенокосов и А. Караулов.*)

Но дело в том — и я к этому веду, — что такая «проблема молодежи» есть, в действительности, проблема общества, как оно сложилось в послевоенный период, т.е. проблема взрослых. Проблема *их* инфантильности. Общество-то за это время успело сползти в онемение, в некий цепенящий абсурд. Откуда молодым людям быть личностями и уметь работать, если социальное омертвение и анемия лишили их интенсивной и полной жизни? Нам-то службу «взросления» сослужила война. А как молодым открывать себя и свою судьбу, если это можно сделать только на *своих собственных испытаниях*?

— *То есть взрослеть?!*

— Да, конечно. Но я хочу сказать, что этого не может быть без открытого и граждански защищенного поля свободного движения, о котором никто заранее или извне не может знать, для чего оно и к чему. Без свободного прохождения человеком этого оставляемого ему люфта не может быть личности. Это очевидно. Ведь личность — это форма и способ бытия, особое состояние жизни, находка ее эволюции. Я бы сказал так, что личность — это «крупная мысль природы». Самонастраиваемость ее проявлений не зависит от всезнания или каких-либо высших ориентиров. В этом все дело в определении культуры. Сказал ведь один умный человек, что культура — это то, что остается после того, как ты все забыл. То есть она именно живая! Понимаете, феномен личности не менее таинствен, чем, например, такие великие находки эволюции, как лист растения, локаторное устройство у летучей мыши, глаз человека, копыто лошади, или такие формы в технике и общественной жизни, как колесо, архитектурный купольный свод, нация и национальный язык, правовое общественное состояние, крестьянская семья и т.п. В этом смысле одинаково, я думаю, можно говорить как о личностной культуре, так и о культуре земледелия, культуре генетических форм и вообще всего живого и свято оберегаемого (т.е. почитаемого в смысле «культа», от которого, кстати говоря, и происходит слово «культура»).

Таким образом, под культурой я понимаю определенность *формы*, в которой люди способны (и готовы) на деле практиковать *сложность*. Культура для меня есть нечто необратимое, что нельзя ничем (в том числе и знанием, умом, логикой) заменить или возместить, если ее нет. Но ее можно легко разрушить. Например, закрыв люфт граждански защищенного поля свободного действия, о котором мы говорим, и оказавшись, тем самым, в мире исторического бессилия. Или, если угодно, в до-историческом и до-ценностном мире.

Поэтому, возвращаясь к ранее сказанному, я могу утверждать, что молодые люди лишены чувства исторической традиции и ответственности еще и потому, что у них нет даже возможности выбора, решения. Поскольку выбор-то (в смысле: «жизнь моя, а вместе с ней и весь мир здесь решается») делается всегда в лоне предшествующих образцов поступков — а никто вокруг или до тебя никак не поступал. Так что? Жить на общественном и моральном иждивении или, еще хуже того, молодым и старым вместе, в тщательно огороженном закутке бесформенного райского бытия, в параллельной реальности?! А первой (и единственной)

реальности погружаться, как Атлантида[1], на дно? Это и есть инфантилизм, вернее, состояние переростков. В нем нет способности (или культуры) *практикуемой сложности*. Нет форм, которыми люди владели бы и которыми их собственные состояния доводились бы до ясного и полного выражения своей природы и возможности и оказывались бы историческим событием, поступком.

Естественно, что в сложном XX в. инфантилизму нет места: он ему не соприроден и принципиально чужд. Он удобен, может быть, только для текущих задач близорукой власти, равнодушной к дальним целям культуры, национальной истории и государственности. Действительно, пора мыслить по-новому, что равнозначно, видимо, тому, чтобы просто мыслить.

— *И вы считаете, что инфантилизм преодолим?*

— В определенном смысле — да. Но при условии, что все будет додумываться и проговариваться до конца.

Опасность здесь тем более серьезная, что в самой основе российской государственности уже был заложен отказ от внутреннего развития в пользу развития внешнего, экстенсивного. Как известно, в свое время Петр I сделал рабство фундаментом бурного расцвета экономики страны и ее государственной мощи. В то же время он требовал от людей, «уложенных в основание пирамиды», проявлений изобретательности и инициативы, чудес предприимчивости. Он действительно, видимо, ожидал этого от них, не замечая в этом явного противоречия. В эпоху Петра I (и затем все больше) Россия достигла многого из того, к чему сама не была готова. А когда государство и его военная и экономическая мощь опережают общество и культуру (в том числе и культурное действие в экономике), за это всегда рано или поздно приходится расплачиваться. Расплачиваться за отставание внутреннего развития, «состоялости» людей, личностей, за пренебрежение ко всякому правосознанию и частному правопорядку, в том числе и к недвижимому порядку «Я мыслю и не могу иначе». То есть ко всякому существованию из собственного убеждения. И свободные люди это понимали. Поэтому, например, когда Пушкин, изначально раненный в сердце стрелой совсем не «татарской древней воли», представлял царю нечто вроде «предупредительной» записки «О народном воспитании», он имел в виду не просвещение в смысле распространения суммы позитивных знаний (достигнутых на данный момент), а распространение и размножение живых и автономных очагов действия и воплощенного существования. Имел в виду «воспитание историей» (молчаливо тем самым принимая чаадаевскую дилемму «историческое — неисторическое» в применении к русской жизни).

Напомню старое определение действительной природы Просвещения. Просвещение — это «взрослое состояние» человечества, т.е. способность людей думать своим умом и ориентироваться без внешних наставников и авторитетов, не ходить «на помочах». Между прочим, эта проблема культуры (т.е. внутреннего развития)

[1] *Атлантида* — согласно древнегреческому преданию, некогда существовавший в Атлантическом океане огромный остров, населенный культурным и могучим племенем атлантов; в результате землетрясения Атлантида исчезла, погрузившись в воды океана. — *Ред.-сост.*

относится и к технической мощи страны, к ее техническому потенциалу и вооруженности. Мы часто теряем представление, какой богатый и сложный мир идей, моральных и гражданских навыков, внутренней развитости стоит за теми техническими новинками и достижениями, которые мы наблюдаем у соседей на Западе. И думаем воспользоваться ими как внешними, готовыми продуктами. Или думаем, что это просто и есть техника, и мы, следовательно, можем сами. Но даже «просто техника», как это ни парадоксально, всегда является продуктом культуры, духовного зерна. Культурное сознание неделимо и, как уже замечено в литературе, не может один и тот же мозг, который в своих собственных гражданских, нравственных и социальных делах оказывается недорослем, дитем малым, вдруг взять и в физических науках, в сложнейшей технике и т.п. проявить чудеса изобретательности, самостоятельности и отвлеченного интеллектуального мужества. Посмотрите, когда естественным образом иссяк человеческий материал (я имею в виду интеллектуальный и моральный тип ученого, инженера и т.д.), унаследованный от довоенных и военных лет, какая ситуация сложилась в теоретической физике, в современной технике, в генетической биологии и медицине? Дополнительным доказательством этому служат и многочисленные неудачи механического переноса разных технических новинок из одной страны в другую. Мы часто по-обезьяньи копируем что-то, а потом это все у нас ломается, выходит из строя, простаивает или вообще оказывается какой-то неподвижной потусторонностью в наших условиях (как, например, компьютеры). Между тем это закономерно и понятно, ибо мы берем только сами вещи, но не то, что за ними стоит. Мы отнимаем их от духовного зерна, их родившего, оказавшись сами вне его и его человеческих условий. Можно взять все технические достижения — и ничего из этого не получится.

— *Но, очевидно, здесь есть какие-то более широкие процессы, затрагивающие причины того или иного уровня культуры и творчества?*

— Так оно и есть, на мой взгляд. Конечно, жизнь вольна и спонтанна, дух веет там, где хочет, и цветок жизни пробьет даже асфальт. Был ведь Пушкин, и сейчас есть и будут изобретатели, сыны и носители гармоний. Но это не может быть принципом организации жизни. Не может быть школы «гения чистой красоты» и красоты свободы. Школой может быть лишь открытая школа исторического существования. А если в стране, уже как бы и привычно, вынужденно устанавливается подпольная и контрабандная форма существования культуры (в том числе и экономической), то само по себе это тоже несомненный признак снижения и упадка культуры, ее малой продуктивности. Ибо культура всегда публична, ее всепространственность и повсевременность, по определению, всегда открыто представлена на том, что греки называли «агорой» («рыночной площадью»). В нишах и подвалах не может ничего возникать, кроме вторичного (я говорю, конечно, о принципе, а не об исключениях) или призрачного, только в ненаступившем, но окончательном будущем полагаемого. Так — многозначительный туман, воспарения... Все или прошлое, или будущее, — и ничего в настоящем. Культура же, т.е. вечность в настоя-

щем, в существующем, нуждается в открытом пространстве и свободном слове. Это, очевидно, «врожденное» свойство культуры: она не может органично и жизненно полноценно расти в подполье, в глухой, не связанной словом (или, если угодно, «все-словом») жизни. Живые токи коммуникации должны быть!

И посмотрите, насколько отсутствие этой дополнительной, культурной продуктивности отражается на самих возможностях нашего общественного самосознания и даже просто осмысленности слов, терминов. Например, мы говорим о молодежи и употребляем слова «поколение», «традиция», а ведь по сути дела это незаконно. Чтобы эти термины имели смысл и работали в общественном самосознании, недостаточно, чтобы физически существовали молодые люди и их проблемы. Нужно, чтобы нити между ними (формальными организациями и информацией как раз перерезанные) сходились в каком-то связном пространстве, в котором люди могли бы открыто отображать себя и свои проблемы и в котором они могли бы осознать себя как «поколение», способное быть органом развития реальных проблем и состояний. А на деле между одной мыслью и другой — тысячи километров расстояния (скажем, между юношей в Риге и во Владивостоке), и каждая у себя атомизирована. И, в итоге, как бы существуя, эта мысль не существует. То, что какой-то внешний наблюдатель их может идентифицировать, не имеет никакого значения. А сами молодые сегодня чаще всего встречаются не в том пространстве, о котором я говорил, а, например, в дискотеках (особенно, в провинции), на своего рода коллективных радениях, которые есть лишь перевернутый образ наших митингов 30-х гг., на деле разобщавших людей в том, что действительно есть. Я никаких претензий (тем более высоколобых) не имею ни к дискотекам, ни к тому, во что одеваются, ни к тому, что поют, ни к тому, как общаются. Я говорю совершенно о другом. Я говорю об органе развития, существование которого, с одной стороны, делало бы осмысленными термины описания, а с другой — служило бы артикуляции и движению того, что действительно есть. Иначе просто глухая жизнь, как бы громко ни звучал рок. <...>

Я не сомневаюсь, что существовало множество людей, о таланте которых мы уже никогда не узнаем. В том числе и потому, что их творческая жизнь искусственно прервалась в самом ее зарождении. И мы знаем чудище Молоха[2] жестокости одних и трусости и предательства других. Кто не жил в те глухие годы, когда «все молчало на всех языках» (и, добавлю я, больше трех никто не собирался), кто не знает изнутри этот почти что совершенно физический страх, взвешенный, как капельки, в атмосфере, проникающий во все закоулки души, во все прилегающее к человеку окружение, тот не может достойно судить о состояниях и поступках людей тех лет. Что угодно могло убийством души ее детонировать как объемную бомбу. Но сострадание вызывают и внутренние жертвы, т.е. люди, которые дали самих же себя съесть изнутри, приняв в себя — хотя и

[2] *Молох* — почитавшееся в древней Палестине, Финикии и Карфагене божество, которому приносились человеческие жертвы, чаще всего дети. — *Ред.-сост.*

с отрицательным знаком — те же внешние идолы успеха и влияния. У них на деле не конфликт с властью, а конфликт власти, которую они хотели бы иметь на месте «дураков», «уродов», «недостойных», — или болезненный, как удачно кто-то сострил, комплекс «соответствия другими занимаемой должности». Действительно, как это весь мир, закатившись в восторге, не падает к их ножкам?! К такой духовной смерти, нравственному дальтонизму[3] может ведь приводить и безудержная страсть к пробиванию своего литературного детища или концепции, роковое ощущение своей непризнанности. Сочувствие, сострадание и собственное прозревание людей вокруг тебя — казалось бы, достаточно. Но нет, все что-то гложет — «право имеют»[4].

На деле это оборотная сторона какого-то всеобщего рабского чувства, живой кровью питающаяся потусторонность, внутренне принадлежащая кому-то или чему-то, инфантилизм внутренней зависимости, просто-таки непредставимость самодостоинства человеческого образа в себе.

А все потому, что в свое время не работали и не устраивали сами свою жизнь, не строили и не развили в себе и непосредственно вокруг себя обжитые стены *человеческого самостояния*, осмысленную недвижимую «малую родину», тысячами нитей затем связуемую с «большой Родиной», которая без них — мистическая абстракция. Обезумевшие атомы! Действительно, если есть семена ума, то можно представить себе и волосы ума. И это там и тогда, где и когда больше всего нужна социальная общегражданская грамота мысли и чувства! Вы представляете себе современный мир, сегодняшние наши задачи?! А тут заблудившиеся в чащобе волос мысли, чувства...[5]

Понимаете, ведь главная страсть человека — это быть, исполниться, состояться. А без форм и изначальных надындивидуальных устоев (они в философии любовью называются) человек отбрасывается в сферу исторического бессилия и взрывоопасной «немоготы», о чем я уже говорил. Именно в этом смысле я употреблял сопоставления «исторического» и «неисторического» состояний, «традиции» и «безродности» и т.д. Особенно существенна здесь вероятность необратимых последствий исторических выборов, ибо культура — это прежде всего духовное здоровье нации, и поэтому надо в первую очередь думать о том, чтобы не нанести ей такие повреждения, последствия которых были бы необратимы. <...>

---

[3] *Дальтонизм* — врожденное отклонение от нормального цветового зрения. — *Ред.-сост.*

[4] По-видимому, здесь имеются в виду слова студента Родиона Раскольникова из «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского: «Тварь ли я дрожащая или право имею». (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 6. С. 322). — *Ред.-сост.*

[5] В статье «Сознание и цивилизация», впервые опубликованной в журнале «Природа» (1988. № 11. С. 61), автор пишет: «Представим, что волосы у человека растут на голове внутрь (вместо того, чтобы, как полагается, расти наружу), вообразим мозг, заросший волосами, где мысли блуждают, как в лесу, не находят друг друга и ни одна из них не может оформиться». — *Ред.-сост.*

— И все-таки, как вам кажется, материальное от духовного отделимо или нет?

— Нет, потому что духовное телесно. Оно имеет протяженность, объем, уходящий куда-то в глубины и широты. Это своего рода коллективное тело истории и человека, предлагающее нам определенную среду из утвари и инструментов души и являющееся антропогенным пространством, целой сферой. Это среда усилия. Для того чтобы что-то создать, — любое, в том числе, и в сфере духа, — нужна работа, а работа всегда в конечном счете выполняется мускулами. Можно, если угодно, говорить о мускулах души, ума, гражданственности, историчности и т.д. Поэтому в человеческой и исторической реальности внешнее и есть внутреннее, а внутреннее и есть внешнее. Существует точка зрения, что когда урезается внешнее пространство деятельности человека, то это может оказаться толчком для интенсивного развития внутреннего пространства, богатой внутренней жизни. Это часто встречающийся, но, по-моему, глубоко ошибочный аргумент. Он просто самодовольно-умильная сублимация[6] и компенсация фактического исторического бессилия.

— Почему? Пушкин ведь не по своей воле, как известно, оказался в Болдино, и здесь, когда он был оторван от обеих столиц...

— Да, болдинская осень есть болдинская осень... Но вы понимаете, мы не Пушкины. Не просто в том смысле, что не обладаем личной гениальностью Пушкина. Но еще и потому, что Пушкин принадлежал к высшей русской аристократии, т.е. как раз обладал одновременно и «телом», побуждавшим его к самостоятельному совершенствованию и историчности и при том еще как-то, хотя бы сословно, ограждавшим и защищавшим его. Он принадлежал определенному кругу так называемой «сотни семейств», способному к самодостойному культурному существованию. Во многом именно принадлежность к этому кругу помогала людям сохранять свое личное достоинство и мыслить самостоятельно. Но и этой минимальной защищенности оказалось недостаточно. Не говоря уже о том, что они не могли не дышать испарениями окружающего рабства и невольно (или вольно) питались им, стоит вспомнить гениальную фразу, сказанную еще Михаилом Луниным[7]: все мы бастарды[8] Екатерины II. Молодые люди, которые жили не *эту* жизнь и не так... в *историческом* смысле лишние. Поэтому Пушкин чуть ли не собственноручно, единолично хотел создать историю в России, пытаясь на деле доказать свою антитезу некоторым мыслям Чаадаева[9]. Например, утвердить традицию семьи как частного случая Дома, стен обжитой культуры, «малой родины». Как автономного и неприкосновенного исторического уклада,

---

[6] *Сублимация* — переход вещества при нагревании из твердого состояния в газообразное, минуя жидкое состояние; здесь, скорее всего, употребляется в переносном смысле. — *Ред.-сост.*

[7] Лунин Михаил Сергеевич (1787 или 1788—1845) — декабрист, осужденный на двадцать лет каторги, автор ряда антимонархических сочинений. — *Ред.-сост.*

[8] *Бастард* — внебрачный сын владетельной особы. — *Ред.-сост.*

[9] Чаадаев Петр Яковлевич (1794—1856) — мыслитель и публицист. — *Ред.-сост.*

в который никто не может вмешиваться, ни царь, ни церковь, ни народ. Под семьей, разумеется, он имел в виду не раздачу отметок за добродетель. И принес себя в жертву своему принципу. Для меня очевидно, например, что он был выведен на дуэль не зряшной физической ревностью. Действительно, «невольник чести»[10]. Но чести не в ходячем, «полковом» ее понимании, а чести как устоя бытия, как элемента чуть ли не космического осмысления порядка и меры. В ней он утверждал и защищал также и гражданское достоинство и социальный статус поэта, всякого человека мысли и воображения. Пушкин сразу, резко оторвался от литературы своего времени. К 30-м годам его уже не понимала собственная среда, даже ближайшее окружение и друзья, ибо эта среда была согласна продолжать быть тайным больным добром, тайной больной мыслью и больными прекраснопениями. А Пушкин менял сами рамки, почву проблем, основным элементом которой были собственнические притязания государственности на все плоды занятий мастеров своего дела, сведение их к какому-то юродивому довеску к всеобщему бесправию, гражданской бескультурности и бездуховности. Кстати, по этому же водоразделу шли его расхождения и с официальным православием и церковью, которые он упрекал в том, что они не создали независимую и самобытную сферу духовной жизни, сравнивая в этой связи священников с евнухами, которых «только власть волнует», и отмечая разительное отсутствие фигуры православного попа в светском салоне, т.е. в культурном строительстве.

Такие люди, как Пушкин, сами создают вокруг себя пространство для возникновения культуры и преемственности, истории, всегда чреватой новым бытием. Так что Пушкин, оказавшийся в Болдино, совсем не похож на какого-нибудь московского интеллигента, загнанного в свою внутреннюю жизнь и ушедшего в подвал где-нибудь на Сретенке или вообще в сторожа создавать свои гениальные работы. Есть разница!

Люди освобождаются ровно настолько, насколько они сами проделали свой путь освобождения изнутри себя, ибо всякое рабство — самопорабощение. «Внутренняя свобода» — это вовсе не подпольная свобода ни в социальном смысле, ни в смысле душевного подполья. Здесь слово «внутренняя» мешает, вводит в заблуждение. Это реально явленная свобода в смысле освобожденности человека внутри себя от оков собственных представлений и образов, высвобожденности человеческого самостоянья и бытия. Так что «внутренняя свобода» — это вовсе не скрытое что-то. Обычно человек вовнутрь самого себя переносит стиснутость его внешними правилами и целесообразностями, дозволенностями и недозволенностями в культурных механизмах, обступающих его со всех сторон в жизни, бурной и непростой. Тем заметнее и крупнее любое исключение из этой ситуации. Вот почему я говорю, что сегодня особенно нужны люди, способные на полностью открытое, а не подпольно-культурное существование, открыто

---

[10] *Невольник чести* — из стихотворения М.Ю. Лермонтова (1814—1841) «На смерть поэта»: «Погиб поэт, невольник чести / Пал, оклеветанный молвой...» — *Ред.-сост.*

практикующие свой образ жизни и мысли, благодаря которым могут родиться какие-то новые возможности для развития человека и общества в будущем.

Создавая на деле новое пространство и человеческие возможности, Пушкин (и вслед за ним уже многие другие в литературе) ничего не выражал, никого не «представлял», не «отражал» и уж, тем более, никому не поставлял предметов духа для «законных наслаждений». Пушкин, Тютчев, Достоевский, Толстой целую Россию пытались родить (как и себя) из своих произведений! <...>

— Как вы, философ, оцениваете, точнее, понимаете современного человека? Каков он с точки зрения философа?

— «Современного» человека не существует. В качестве «современной» может лишь восприниматься та или иная мысль о человеке. А сам он есть всегда лишь попытка стать человеком. *Возможный* человек. А это — самое трудное, так же, как жить в настоящем. И он всегда нов, так же, как всегда ново мышление — если мы вообще мыслим. Речь может идти лишь об *историческом человеке*, т.е. существе, орган жизни которого — история, путь. А его можно отсчитывать от греко-романского мира и Евангелий[11], и уже необратимо — от эпохи Возрождения[12]. Мы — люди XX века, и нам не уйти от глобальности его проблем. А это есть прежде всего проблема современного варварства, одичания. Это угроза «вечного покоя», т.е. возможность вечного пребывания в состоянии ни добра, ни зла, ни бытия, ни небытия. Просто ничего. Сокровища культуры здесь не гарантия. Такая катастрофа может произойти до атомной. Ибо культура не совокупность, как я уже говорил, готовых ценностей и продуктов, лишь ждущих потребления или осознания. Это способность и усилие человека быть, владение живыми различиями, непрерывно, снова и снова возобновляемое и расширяемое. В противном случае с любых высот можно упасть. Это очевидно в сегодняшней антропологической катастрофе, в появлении среди нас иносуществ, зомби, с которыми у «человека исторического» нет ничего общего и в которых он не может узнать самого себя, а может лишь — при случае — «вернуть билет»[13].

---

[11] *Евангелия* — раннехристианские повествования о жизни Иисуса Христа. — *Ред.-сост.*

[12] *Эпоха Возрождения* — период в культурном и идейном развитии ряда стран Европы (в Италии XIV—XVI вв., в других странах XV—XVI вв.), наступивший после Средневековья. — *Ред.-сост.*

[13] В лекциях М.К. Мамардашвили о Прусте говорится: «Я вижу уродливый шкаф, который действует мне на нервы, я ощущаю свое неловкое состояние, вызванное якобы шкафом, я так переживаю это, а в действительности происходит нечто совсем другое. И это “нечто совсем другое”, что не выступает, но происходит, есть реальность, а то, что происходит, этого нет. Нет злых шкафов. Так же как ни по ту, ни по эту сторону Пиренеев не думают о русском человеке. В мире происходят, реально происходят — не события, злые или хорошие по отношению к нам, а что-то другое. Значит, это и будет сомнением, т.е. сомнение есть как бы, если перефразировать Достоевского, возвращенный билет. Вы помните тему Достоевского (там, правда, возвращение билета происходило с иными словами и по другим причинам): он возвращал билет, который дан, чтобы жить в мире, возвращал Богу, поскольку Бог допускает, что в этом мире может быть пролита невинная слеза ребенка. На этом основании он возвращал билет. Мы тоже возвращаем билет. Билет эмпирии. Или, скажем так: то, что есть — злой шкаф или

Вот мы обсуждаем: быть или не быть цивилизации на Земле. Так вот, ее может не быть и до какой-либо атомной катастрофы и совершенно независимо от нее. Достаточно необратимых разрушений сознания, последовательного ряда перерождений структуры исторического человека. Это же относится и к экологической катастрофе. Сначала умирает человек — потом умирает природа. То есть, я хочу сказать, что сначала появляется человек «из бумажки» (раз уничтожена социально-культурная часть ноосферы[14], та, которую я назвал «телом истории и человеческого»), а потом уже эта безродная потусторонность, не поддающаяся развитию, т.е. лишь имитирующая жизнь, властвует над природой — и умирает эта последняя часть ноосферы, часть нашей единственной естественности.

Отсюда, как мне кажется, ясен и ответ на вопрос, во что нам верить, где и как проходят линия необратимости и направление человеческой истории. Например, необратима ли революционная перестройка? Не знаю. Я знаю лишь, как она может быть необратима. Необратимым нечто может быть лишь в человеке. Нужны индивидуальные точки необратимости, и важно, *сколько* таких «точек», в противодействие которых упирался бы любой обратный процесс распада и разрушения. По ним и выведется тот или иной интеграл. Вера в человека только это и означает. Можно верить и полагаться лишь на верящего человека, способного, веря, самого себя переделывать и совершенствовать. В своей точке, независимо от того или иного социального механизма. Ибо нет и не может быть никакого социального механизма, даже самого изощренного и совершенного, который мог бы обойти разрешающие индивидуальные точки: результаты самой усложненной системы все равно устанавливаются по уровню их разрешающей способности. Таковы минимальные задачи индивидуальной метафизики. Вообще я все время вел речь об элементарных и минимальных условиях жизнеспособности и полноты бытия общественных образований. <...>

испанцы в Пиренеях, думающие о нас, — этого как раз нет и не может быть. Мир устроен иначе» (*Мамардашвили М.К.* Психологическая топология Пути. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. Гуманитарн. Ин-та; Нева, 1997. С. 79). В романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» Иван говорит Алеше: «Не хочу я, наконец, чтобы мать обнималась с мучителем, растерзавшим ее сына псами! Не смеет она прощать ему! Если хочет, пусть простит за себя, пусть простит мучителю материнское безмерное страдание свое; но страдания своего растерзанного ребенка она не имеет права простить, не смеет простить мучителя, хотя бы сам ребенок простил их ему! А если так, если они не смеют простить, где же гармония? Есть ли во всем мире существо, которое могло бы и имело право простить? Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями неотомщенными. Лучше уж я останусь при неотомщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, хотя бы я был и неправ. Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возвратить обратно. И если только я честный человек, то обязан возвратить его как можно заранее. Это и делаю. Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю» (*Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. С. 223). — *Ред.-сост.*

[14] *Ноосфера* — новое эволюционное состояние биосферы, при котором разумная деятельность человека становится решающим фактором ее развития. — *Ред.-сост.*

Сегодня мы часто сталкиваемся с людьми, дезорганизованными в своем сознании, с разрушенной памятью и безродно мечущейся тотальной завистью. Они не знают, чьи они, из какого рода, как жили их предки, по каким законам, какая живая сила воодушевляла то, что они делали. Они ждут, если угодно, только приказа. Но лишь продолжением сна был бы приказ, произвольное решение: чему-то «быть»! И это, кстати, тоже из области гипноза — давняя российская привычка считать, что если приказано, значит возникнет, сделается, чуть ли не «по щучьему велению, по моему хотению». Следуя традиции определенного просветительского абсолютизма, мы долгое время стремились построить все общественные дела, жизнь и материальное производство по рациональной схеме, из «идей», из чьего-то ясного знания, устроившегося на строительной площадке «малюсенького человеческого ума», забывая, что история и общество есть органическое образование, а не логическое. Собственно плоды всего этого мы и пожинаем сегодня в полной мере, медленно открывая глаза на то, что общество — это живое целое и вызревает во времени из взаимодействия сложных всечленений своих гражданских сил.

Да и потом, что значит знать? Ведь истина — это путь, движение. Только в движении, путем естественного обкатывания представлений и опыта в связном пространстве «агоры» человек узнает, что он на самом деле думает или почувствовал. Если же ты из высших соображений и по произволу своего пронзительно ясного знания где-то однажды нарушил — утаиванием, ложью, хирургическим очищением — процесс истины, то она неминуемо разрушится в других местах; происходит своего рода цепная реакция, и остановить ее уже очень трудно. А то и невозможно. Кончается ведь тем, что истины нет даже и у того, кто начал с ее сокрытия «во спасение». Тайного знания не существует и не может существовать.

Сошлюсь на недавнее прошлое. Долгое время, как известно, было законом, что только все то, на чем лежит печать коллективной машины, особой анонимной и таинственной логики инстанций должно жить и имеет на это право. А все самостоятельные, независимые и автономные производители (я имею в виду не экономический характер предприятий, а тип и культуру людей) обрекались на исчезновение. Именно поэтому, например, в 20-х и 30-х гг. выкашивался определенный тип инженеров и инженерной мысли, а не по чьему-то злому умыслу или заблуждению и ошибкам. И до сих пор не пропал страх перед собственными усилиями всякого человека, живущего своим собственным трудом, а, с другой стороны, человек в массе все больше от него отучен, отучен от самостоятельности, причем настолько, что даже не решается и на то, что законом не запрещено. Эта невнятица и двойственность наложили свой отпечаток и на принятый «Закон об индивидуальной трудовой деятельности», который лишь в качестве первых шагов имеет какой-то смысл.

Повторяю, сама по себе коллективная машина только воспроизводит. Не она двигает прогресс. Не она руководит движением жизни. Прогресс предопре-

деляют только автономные независимые люди, которые сумели отвоевать для себя и своего дела особую духовную экстерриториальность, формально оставаясь в рамках системы. Это стало возможным благодаря их таланту и их уму. Как бы они при этом ни кооперировались! Кооперируются ведь только независимые. Что же касается иной «кооперации», то она и в самом дурном смысле существует в качестве реальной силы. За последние десятилетия, как известно, сложилось достаточно большое — в масштабах страны — число людей, кровно и свирепо заинтересованных в том, чтобы все было и продолжалось так, как было и есть. И они весьма едины в своих интересах и их защите. Вот уже кто опутан взаимозависимостями и недвижимой спайкой! И если такие люди говорят о перестройке, о гласности, о развитии демократии, доверии к собственным силам каждого человека, то это — пустые слова. Ибо на деле им совсем не нужно, чтобы человек имел голос. Ведь если человек имеет голос, с ним уже не просто. Потому что это всегда голос традиции, преемственности, жизненного единства и здравого смысла, органически выросших связей. А они «перед лицом своим» хотят иметь голенького. И в этом они едины, архаически солидарны, «кооперируются»!

И многое из того, чего они не хотят и что им поперек горла, они и разрушили. Для меня очевидно, например, что из жизни ушли простейшие человеческие связи. Скажем, милосердие, сострадание. А милосердие и сострадание — это целая культура, «крупная мысль природы», ибо действует независимо от решения вопроса, виноват ли тот человек, к которому проявляется милосердие, или не виноват. Если я даю человеку оступившемуся, согрешившему перед людьми и обществом кусок хлеба, то только абсолютный варвар может отбивать дающую руку или вязать меня вместе с совершившим преступление.

Перед нами фактически стоит задача исторического творчества. Мы должны сначала свой безответственный мир превратить в мир ответственности, где можно называть добро и зло и где понятия «наказания» и «искупления», «греха» и «покаяния», «чести» и «бесчестия» имели бы смысл, существовали, а не в «чертог теней»[15] возвращались, как в ситуации, воспроизведенной в фильме «Остановился поезд»[16]. Нужно *создавать* ситуации, в которых все это было бы различимо, описуемо, определимо и вменяемо.

Это равнозначно тому, чтобы нащупывать механизмы общественной жизни, способные трансформировать человеческие потуги бытия в развитие, в рождение. Поэтому артикуляция гражданской жизни, гласность, законопорядок, отделение идеологии от функционирования гражданских структур (в том числе от механизмов информации и образования) — все это есть необходимые условия того, чтобы человек поверил в себя, в свои силы, стал доверять жизни, т.е. той, которая ему доверяет, открывая дорогу «толчкам и родовым схваткам» всякой но-

---

[15] «И мысль бесплотная в чертог теней вернется» — строка из стихотворения «Ласточка» О. Мандельштама. — *Ред.-сост.*

[16] «Остановился поезд» (1982 г., СССР) — художественный фильм режиссера В. Абдрашитова по сценарию А. Миндадзе. — *Ред.-сост.*

вой и самостоятельной силы. Возрождение инстанции свободного внутреннего слова или, если угодно, самостоятельной мысли в человеке есть совсем не прихоть времени (которая пройдет, как надеются многие и многие), не чья-то игра с ситуацией, а реальная потребность общества, развития его экономики, культуры, множественного национального состава, всех его оригинальных сил.

Если же продолжить рассуждение о необходимости объективной структурации ситуации, в которой человек оказывается перед лицом неизбежности мысли, то тут, я думаю, следует помнить, что Россия является неделимой частью европейской цивилизации. Мы вот с вами, например, беседуем по-русски, а это европейский язык. Развитие же европейских обществ шло по пути эмпирически опытного нащупывания механизмов общественной жизни, а не волепроизвольного, из одной господствующей точки определения. Всечленение гражданского общества и оказалось таким механизмом. А он предполагает человека, который даже представить себя не может вне и без него. То есть, я хочу сказать, что нам, т.е. европейской культуре, известно эмпирически только одно устройство, закрепляющее инстанцию свободного «внутреннего слова» в человеке и обеспечивающее пространство для его развития, — это институции, развитое гражданское общество. Еще даже неистовый Сен-Жюст[17] говорил, что чем больше у народа институций, тем больше у него свободы.

— *Сколько же всего нужно тогда реформировать?!*

— Не знаю. Знаю лишь, что никакие реформы, их успех, невозможны без расцепления, например, вязкого сращения государство—общество. Необходимо выделение и развитие автономного общественного элемента, не только являющегося естественной границей власти, но и не прислоненного ни к каким государственным гарантиям и опекунству или иждивенчеству. Мы не малые дети, не народ-недоросль, не народ-малютка. Этот паразитический симбиоз вреден и для самого государства, не давая ему стать тем, чем оно замыслено исторически. Государство ведь — лишь служебный орган общества, а не алхимическое лоно выплавки чего-то общественно или нравственно нового, например «нового человека», «новой морали» и т.п. Правда, важный орган. Скажем, общегражданское мышление, политическое мышление в социальных субъектах невозможны без и вне развитого и единого государства (история Грузии тому пример), они без него впадают — по уровню своей мысли — в до-историческое, до-гражданское состояние. Но это обратимая материя: вне осуществления в лицах и группах лиц, свободно, из своей собственной развитости, из духа держащих закон, — т.е. вне справедливости, — что такое государство, как не «просто лишь большие разбойничьи шайки», по словам Августина[18] (я ведь предупредил, что философия идет к нам из большого исторического далека).

[17] Сен-Жюст (*Saint-Just*) Луи Антуан (1767—1794) — идеолог и деятель французской буржуазной революции конца XVIII в. — *Ред.-сост.*

[18] Августин (*Augustinus*) (Блаженный) Аврелий (354—430) — философ и христианский теолог. — *Ред.-сост.*

т.е. парадоксальным образом государство само может оказаться частью доисторического, естественного состояния.

Следовательно, можно вести речь только о правовом государстве, об обществе правопорядка, а не лиц и групп лиц. И уж тем более — не идей. Потому что и в их случае имеет место то же самое, если перерезана нить связи идей, убеждений с личной совестью граждан. То же голое соотношение сил — сил убеждений как естественных страстей и неистовства.

— *Но для этого ведь необходим какой-то уровень культуры, образования.*

— Именно. В школе из года в год разрушалось воспитание и образование духовного начала в человеке, воли и способности к самостоятельным усилиям, т.е. гуманитарное образование. Отчаянно плохо учили литературе и истории. Их преподавание было наполнено и переполнено различного рода идеологическими и «охранительными» штампами, когда вместо самих явлений подавалось изображение явлений из какой-то параллельной реальности. Школа требует несомненно большего числа учителей-мужчин, нужно иное количество классов, иное количество детей в классах. По авторитету статус школьного учителя должен быть близок к божественному. А он не представим при той, скажем, зарплате, которую учитель (как, кстати, и рядовой врач) получал, сам при этом лишенный самостоятельности. Образование, как и лечение, не может даваться в очередь или в бумажном мире отчетностей и валовых показателей, ибо «очередь» в самом широком смысле этого слова — не место, где можно проявлять и развивать свою индивидуальность. Любая очередь — это паразитический организм, независимо от того, за чем стоят люди и что они надеются получить... Тем более, если именно это «получение» закрепляет ощущение всеобщей и безысходной зависимости, тщеты тебя самого и твоих усилий перед лицом таинственных благоволений и опеки, держащей тебя — нерыпающегося! — как бы перед прилавком Армии спасения[19]. Это уже из детства идет и не может не сказываться, конечно, и на жизни взрослого человека или того, кто формально таковым считается.

Поэтому нужны именно реформы, способные разорвать кольцо неразвитости и немоготы собственных усилий людей, как и узел высшей опеки над ними. Это и радикальные реформы в области здравоохранения и школы, и реформа права, запрещающего нередко то, что и по закону не запрещено, и отношения закона и преступления (резонансно друг друга усиливающих), и вообще тюремная реформа, включая и бытовую реформу самого содержания тюрем и лагерей, связанную, конечно, и с реформой общероссийского быта, потому что речь идет и о быте и условиях жизни охраны и надзора. Ведь многие «высокие» и в неразрешимый правовой, гражданский узел сцепившиеся проблемы являются на самом деле бытовыми по своему происхождению.

---

[19] *Армия спасения* — религиозно-филантропическая организация, основанная в 1865 г. в Лондоне методистским священником Бутсом. — *Ред.-сост.*

2 *Понимание личности и ее развития в широком и узком смысле. Индивид и личность*

С.Л. Рубинштейн

О человеке[1]: проблема личности в психологии[*]

Введение в психологию понятия личности означает прежде всего, что в объяснении психических явлений исходят из реального бытия человека как материального существа в его взаимоотношениях с материальным миром. Все психические явления в их взаимосвязях принадлежат конкретному, живому, действующему человеку; они зависимы и производны от природного и общественного бытия человека и его закономерностей.

Это положение получает свое раскрытие и дальнейшее развитие в диалектико-материалистическом понимании детерминации психических явлений. <...> Мы исходим из того, что внешние причины (внешние воздействия) всегда действуют лишь опосредствованно через внутренние условия. С этим пониманием детерминизма связано истинное значение, которое приобретает личность как целостная совокупность внутренних условий для понимания закономерностей психических процессов. При таком понимании детерминизма постановка проблемы личности освобождается от метафизики, субъективизма и приобретает все свое значение для психологии. *При объяснении любых психических явлений личность выступает как воедино связанная совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия.* (В число внутренних условий включаются свойства высшей нервной деятельности, установки личности и т.д.). Поэтому введение личности в психологию представляет собой необходимую предпосылку для объяснения психических явлений. Положение, согласно которому внешние воздействия связаны со своим психическим эф-

---

[1] Тема *Человек* — это большая тема мировоззренческого плана и прежде всего этического порядка (при этом этическое для нас никак не сводится к морали в смысле морализирования, в смысле нравоучения со стороны; проблема этического — проблема самой сущности человека в его отношении к другим людям). Здесь мы берем лишь один специальный аспект этой темы: проблему личности в психологии.

[*] *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 307—313.

фектом лишь опосредствованно, через личность, является тем центром, исходя из которого определяется теоретический подход ко всем проблемам психологии личности, как и психологии вообще. Во взаимосвязи внешних и внутренних условий главную роль играют внешние условия, но главная задача психологии заключается в выявлении роли внутренних условий. Закономерности психических явлений — это внешне обусловленные внутренние закономерности; такое их понимание и введение личности как необходимого звена в психологию — это равнозначные положения.

Поскольку внутренние условия, через которые в каждый данный момент преломляются внешние воздействия на личность, в свою очередь формировались в зависимости от предшествующих внешних взаимодействий, положение, согласно которому эффект внешних воздействий зависит от внутренних условий личности, которая им подвергается, означает вместе с тем, что психологический эффект каждого внешнего (в том числе и педагогического) воздействия на личность обусловлен историей ее развития, ее внутренними закономерностями.

Говоря об истории, обусловливающей структуру личности, надо понимать ее широко: история включает как процесс эволюции живых существ, так и собственно историю человечества, так, наконец, и личную историю развития данного человека. В силу такой исторической обусловленности в психологии личности обнаруживаются ***компоненты разной меры общности и устойчивости, которые изменяются различными темпами*** <...>.

Так, психология каждой человеческой личности включает в себя, как мы видели, черты, обусловленные природными условиями и общие для всех людей. (Таковы, например, свойства зрения, вызванные распространением солнечных лучей на земле, и детерминированное этим строение глаза.) Поскольку эти условия являются неизменными, закрепившимися в самом строении зрительного прибора и его функциях, общими для всех людей являются и соответствующие свойства зрения. Другие условия изменяются в ходе исторического развития человечества. Таковы <...> например, особенности фонематического слуха, обусловленные фонематическим строем родного языка. Они различны не только у представителей различных народов, говорящих на разных языках; они изменяются и в ходе развития одного народа. Определенные сдвиги и изменения в психическом облике людей происходят с изменением общественной формации. Хотя существуют общие для всех людей законы мотивации, конкретное содержание мотивов, соотношение мотивов общественных и личных изменяется у людей с изменением общественного строя. Такие изменения являются типически общими для людей, живущих в условиях данного общественного строя. Они выступают у каждого человека в индивидуальном преломлении, обусловленном соотношением специфических для него внешних и внутренних условий. В силу этого соотношения с внутренними условиями формально одни и те же внешние условия (например, условия жизни и воспитания для двух детей в одной семье) оказываются по существу, по своему жизненному смыслу для

индивида различными. В этой индивидуальной истории развития складываются индивидуальные свойства или особенности личности. Таким образом, свойства личности никак не сводятся к ее индивидуальным особенностям. Они включают и общее, и особенное, и единичное. Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее. *Индивидуальные свойства личности* — это не одно и то же, что *личностные свойства индивида*, т.е. свойства, характеризующие его как личность.

В качестве собственно личностных свойств из всего многообразия свойств человека обычно выделяются те, которые обусловливают общественно-значимое поведение или деятельность человека. Основное место в них поэтому занимают система мотивов и задач, которые ставит себе человек, свойства его характера, обусловливающие поступки, т.е. те действия, которые реализуют или выражают отношение человека к другим людям, и способности, т.е. свойства, делающие его пригодным к исторически сложившимся формам общественно-полезной деятельности. <...>

Никак нельзя вовсе обособить личность от роли, которую она играет в жизни. Значительность личности определяется не столько свойствами, которыми она, взятая сама по себе, обладает, сколько значительностью тех общественно-исторических сил, носителем которых она выступает, тех реальных дел, которые она благодаря им осуществляет. Дистанция, отделяющая историческую личность от рядового человека, определяется не соотношением их природных способностей самих по себе, а значительностью дел, которые в силу не только исходных природных способностей, но и стечения обстоятельств исторического развития и его собственной жизни человеку, ставшему исторической личностью, удалось свершить. Роль крупного исторического деятеля, а не сами по себе взятые его способности определяют соотношение масштабов данной исторической личности и рядового человека. Отнесение этих различий в масштабах между исторической личностью и простым человеком из народа целиком, исключительно к различию их исходных природных данных обусловлено ложным противопоставлением гения и толпы и создает неверные перспективы в оценке возможностей, открытых перед каждым человеком.

Личность формируется во взаимодействии человека с окружающим миром. Во взаимодействии с миром, в осуществляемой им деятельности человек не только проявляется, но и формируется. Поэтому такое фундаментальное значение для психологии приобретает деятельность человека. Человеческая личность, т.е. объективная реальность, обозначаемся понятием личность, которая выступает в том качестве, — это, в конце концов, реальный индивид, живой, действующий человек. <...>

В качестве личности человек выступает как «единица» в системе общественных отношений, как их реальный носитель. В этом заключается положительное ядро точки зрения, которая утверждает, что *понятие* личности есть *общественная*, а не психологическая категория. Это не исключает, однако, того,

что сама личность как реальность, как кусок действительности, обладая многообразными свойствами — и природными, а не только общественными — является предметом изучения разных наук, каждая из которых изучает ее в своих специфических связях и отношениях. В число таких наук необходимо входит психология, потому что нет личности без психики, более того, — без сознания. При этом психический аспект личности не рядоположен с другими; психические явления органически вплетаются в целостную жизнь личности, поскольку основная жизненная функция всех психических явлений и процессов заключается в регуляции деятельности людей. Будучи обусловлены внешними воздействиями, психические процессы определяют поведение, опосредствуя зависимость поведения субъекта от объективных условий[2].

Человек есть индивидуальность в силу наличия у него особенных, единичных, неповторимых свойств; человек есть личность в силу того, что он сознательно определяет свое отношение к окружающему. Человек есть личность, поскольку у него свое лицо. Человек есть в максимальной мере личность, когда в нем минимум нейтральности, безразличия, равнодушия и максимум «партийности» по отношению ко всему общественно значимому. Поэтому для человека как *личности* такое фундаментальное значение имеет *сознание*, не только как знание, но и как отношение. Без сознания, без способности сознательно занять определенную позицию нет личности.

Подчеркивая роль сознания, надо вместе с тем учитывать многоплановость психического, протекание психических процессов на разных уровнях. Одноплановый, плоскостный подход к психике личности всегда есть поверхностный подход, даже если при этом берется какой-то «глубинный слой». При многоплановости целостность психического склада человека сохраняется в силу взаимосвязи всех его — иногда противоречивых — свойств и тенденций.

Положение о протекании психических процессов на разных уровнях имеет фундаментальное значение для понимания психологического строения самой личности. В частности, вопрос о личности как психологическом субъекте непосредственно связан с соотношением непроизвольных и так называемых произвольных процессов. Субъект в специфическом смысле слова (как «я») — это субъект сознательной, произвольной деятельности. Ядро его составляют осознанные побуждения — мотивы сознательных действий. Всякая личность — это субъект в смысле «я», однако понятие личности применительно к психологии не может быть сведено к понятию субъекта в этом узком, специфическом смысле. Психическое содержание человеческой личности не исчерпывается мотивами сознательной деятельности; оно включает в себя также многообразие неосо-

---

[2] Часто говорят, что личность не входит в сферу психологии. Это, конечно, верно в том смысле, что личность в целом не есть психологическое образование и не может быть поэтому только предметом психологии. Но если в этом смысле верно, что личность не входит в психологию, то не менее верно и то, что психические явления входят, притом необходимо входят в личность: поэтому без психологии не может быть всестороннего изучения личности.

знанных тенденций — побуждений его непроизвольной деятельности. «Я» как субъект — это верхушечное образование, неотделимое от многоплановой совокупности тенденций, составляющих в целом психологический склад личности. В общей характеристике личности надо еще также учитывать ее «идеологию», идеи, принимаемые человеком в качестве принципов, на основе которых им производится оценка своих и чужих поступков, определяемых теми или иными побуждениями, которые, однако, сами не выступают как побуждения его деятельности. В психологию личности входит изучение всех этих образований в их взаимосвязи.

А.Н. Леонтьев

[Деятельностный подход к личности и ее развитию]*

Индивид и личность

Изучая особый класс жизненных процессов, научная психология необходимо рассматривает их как проявления жизни материального **субъекта**. В тех случаях, когда имеется в виду отдельный субъект (а не вид, не сообщество, не общество), мы говорим *особь* или, если мы хотим подчеркнуть также и его отличия от других представителей вида, *индивид*. <...>

Индивид — это прежде всего генотипическое образование. Но индивид является не только образованием генотипическим, его формирование продолжается, как известно, и в онтогенезе, прижизненно. Поэтому в характеристику индивида входят также свойства и их интеграции, складывающиеся онтогенетически. Речь идет о возникающих «сплавах» врожденных и приобретенных реакций, об изменении предметного содержания потребностей, о формирующихся доминантах поведения. Наиболее общее правило состоит здесь в том, что, чем выше мы поднимаемся по лестнице биологической эволюции, чем сложнее становятся жизненные проявления индивидов и их организация, тем более выраженными становятся различия в их прирожденных и прижизненно приобретаемых особенностях, тем более что, если можно так выразиться, *индивиды индивидуализируются*.

Итак, в основе понятия индивида лежит факт неделимости, целостности субъекта и наличия свойственных ему особенностей. Представляя собой продукт филогенетического и онтогенетического развития в определенных внешних условиях, индивид, однако, отнюдь не является простой «калькой» этих условий, это именно продукт развития **жизни**, взаимодействия со средой, а не среды, взятой самой по себе.

---

* *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 173—180, 182—184, 186—189, 206—214, 216—222, 225—226, 228—229.

Все это достаточно известно, и если я все же начал с понятия индивида, то лишь потому, что в психологии оно употребляется в чрезмерно широком значении, приводящем к неразличению особенностей человека как индивида и его особенностей как личности. Но как раз их четкое различение, а соответственно и лежащее в его основе различение понятий «индивид» и «личность» составляет необходимую предпосылку психологического анализа личности.

Наш язык хорошо отражает несовпадение этих понятий: слово *личность* употребляется нами только по отношению к человеку, и притом начиная лишь с некоторого этапа его развития. Мы не говорим «личность животного» или «личность новорожденного». Никто, однако, не затрудняется говорить о животном и о новорожденном как об индивидах, об их индивидуальных особенностях (возбудимое, спокойное, агрессивное животное и т.д.; то же, конечно, и о новорожденном). Мы всерьез не говорим о личности даже и двухлетнего ребенка, хотя он проявляет не только свои генотипические особенности, но и великое множество особенностей, приобретенных под воздействием социального окружения; кстати сказать, это обстоятельство лишний раз свидетельствует против понимания личности как продукта перекрещивания биологического и социального факторов. Любопытно, наконец, что в психопатологии описываются случаи раздвоения личности, и это отнюдь не фигуральное только выражение; но никакой патологический процесс не может привести к раздвоению индивида: раздвоенный, «разделенный» индивид есть бессмыслица, противоречие в терминах.

Понятие личности, так же как и понятие индивида, выражает целостность субъекта жизни; личность не состоит из кусочков, это не «полипняк». Но личность представляет собой целостное образование особого рода. Личность не есть целостность, обусловленная генотипически: личностью не родятся, личностью **становятся**. Поэтому-то мы и не говорим о личности младенца, хотя черты индивидуальности проявляются на ранних ступенях онтогенеза не менее ярко, чем на более поздних возрастных этапах. ***Личность есть относительно поздний продукт общественно-исторического и онтогенетического развития человека.*** Об этом писал, в частности, и С.Л. Рубинштейн[1]. <...>

Формирование личности есть процесс *sui generis* [лат. — своего рода, своеобразный. — *Ред.-сост.*], прямо не совпадающий с процессом прижизненного изменения природных свойств индивида в ходе его приспособления к внешней среде. Человек как природное существо есть индивид, обладающий той или иной физической конституцией, типом нервной системы, темпераментом, динамическими силами биологических потребностей, аффективности и многими другими чертами, которые в ходе онтогенетического развития частью развертываются, а частью подавляются, словом, многообразно меняются. Однако не изменения этих врожденных свойств человека порождают его личность.

[1] См.: *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М., 1940. С. 515—516. [Рубинштейн Сергей Леонидович (1889—1960) — отечественный психолог и философ. — *Ред.-сост.*].

Личность есть специальное человеческое образование, которое так же не может быть выведено из его приспособительной деятельности, как не могут быть выведены из нее его сознание или его человеческие потребности. Как и сознание человека, как и его потребности (Маркс говорит: **производство** сознания, **производство** потребностей), личность человека тоже «производится» — создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности. То обстоятельство, что при этом трансформируются, меняются и некоторые его особенности как индивида, составляет не причину, а следствие формирования его личности. <...>

Существует, однако, фундаментальное отличие того особого образования, которое мы называем личностью. Оно определяется природой самих порождающих его отношений: это специфические для человека **общественные** отношения, в которые он вступает в своей предметной деятельности. Как мы уже видели, при всем многообразии ее видов и форм, все они характеризуются общностью своего внутреннего строения и предполагают сознательное их регулирование, т.е. наличие сознания, а на известных этапах развития также и самосознания субъекта.

Так же как и сами эти деятельности, процесс их объединения — возникновения, развития и распада связей между ними — есть процесс особого рода, подчиненный особым закономерностям. Изучение процесса объединения, связывания деятельностей субъекта, в результате которого формируется его личность, представляет собой капитальную задачу психологического исследования. Ее решение, однако, невозможно ни в рамках субъективно-эмпирической психологии, ни в рамках поведенческих или «глубинных» психологических направлений, в том числе и их новейших вариантов. Задача эта требует анализа предметной деятельности субъекта, всегда, конечно, опосредствованной процессами сознания, которые и «сшивают» отдельные деятельности между собой. Поэтому демистификация представлений о личности возможна лишь в психологии, в основе которой лежит учение о деятельности, ее строении, ее развитии и ее преобразованиях, о различных ее видах и формах. <...>

Здесь мы подходим к главной методологической проблеме, которая кроется за различием понятий «индивид» и «личность». Речь идет о проблеме двойственности качеств социальных объектов, порождаемых двойственностью объективных отношений, в которых они существуют. Как известно, открытие этой двойственности принадлежит Марксу, показавшему двойственный характер труда, производимого продукта и, наконец, двойственность самого человека как «субъекта природы» и «субъекта общества»[2].

Для научной психологии личности это фундаментальное методологическое открытие имеет решающее значение. <...>

---

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 50; Т. 46. Ч. 1. С. 89; Т. 46. Ч. 2. С. 19.

Действительный путь исследования личности заключается в изучении тех трансформаций субъекта (или, говоря языком Л. Сэва, «фундаментальных переворачиваний»), которые создаются самодвижением его деятельности в системе общественных отношений[3]. <...>

Деятельность как основание личности

Главная задача состоит в том, чтобы выявить действительные «образующие» личности — этого высшего единства человека, изменчивого, как изменчива сама его жизнь, и вместе с тем сохраняющего свое постоянство, свою аутоидентичность. Ведь независимо от накапливаемого человеком опыта, от событий, которые меняют его жизненное положение, наконец, независимо от происходящих физических его изменений, он как личность остается и в глазах других людей, и для самого себя тем же самым. <...>

Что же образует это постоянство и непрерывность? Персонализм[4] во всех своих вариантах отвечает на этот вопрос, постулируя существование некоего особого начала, образующего ядро личности. Оно-то и обрастает многочисленными жизненными приобретениями, которые способны изменяться, существенно не затрагивая самого этого ядра.

При другом подходе к личности в его основу кладется категория предметной человеческой деятельности, анализ ее внутреннего строения: ее опосредствований и порождаемых ею форм психического отражения.

Такой подход уже с самого начала позволяет дать предварительное решение вопроса о том, что образует устойчивый базис личности, от которого и зависит, что именно входит и что не входит в характеристику человека именно как **личности**. Решение это исходит из положения, что реальным базисом личности человека является совокупность его, общественных по своей природе, отношений к миру, но отношений, которые **реализуются**, а они реализуются его деятельностью, точнее, совокупностью его многообразных деятельностей.

Имеются в виду именно **деятельности** субъекта, которые и являются исходными «единицами» психологического анализа личности, а не действия, не операции, не психофизиологические функции или блоки этих функций; последние характеризуют деятельность, а не непосредственно личность. На первый взгляд это положение кажется противоречащим эмпирическим представлениям о личности и, более того, обедняющим их, тем не менее, оно единственно открывает путь к пониманию личности в ее действительной психологической конкретности. <...>

---

[3] См.: *Сэв Л.* Марксизм и теория личности. М., 1972. С. 413.

[4] *Персонализм* — здесь, по-видимому, имеется в виду персоналистическая психология; направление, согласно которому психологические принципы и закономерности имеют значение только в том случае, если они отображают жизнь и опыт личности. — *Ред.-сост*

Уже первые шаги в указанном направлении приводят к возможности выделить очень важный факт. Он заключается в том, что в ходе развития субъекта отдельные его деятельности вступают между собой в иерархические отношения. На уровне личности они отнюдь не образуют простого пучка, лучи которого имеют свой источник и центр в субъекте. Представление о связях между деятельностями как о коренящихся в единстве и целостности их субъекта является оправданным лишь на уровне индивида. На этом уровне (у животного, у младенца) состав деятельностей и их взаимосвязи непосредственно определяются свойствами субъекта — общими и индивидуальными, врожденными и приобретенными прижизненно. Например, изменение избирательности и смена деятельности находятся в прямой зависимости от текущих состояний потребностей организма, от изменения его биологических доминант.

Другое дело — иерархические отношения деятельностей, которые характеризуют личность. Их особенностью является их «отвязанность» от состояний организма. Эти иерархии деятельностей порождаются их собственным развитием, они-то и образуют ядро личности.

Иначе говоря, «узлы», соединяющие отдельные деятельности, завязываются не действием биологических или духовных сил субъекта, которые лежат в нем самом, а завязываются они в той системе отношений, в которые вступает субъект.

Наблюдение легко обнаруживает те первые «узлы», с образования которых у ребенка начинается самый ранний этап формирования личности. В очень выразительной форме это явление однажды выступило в опытах с детьми-дошкольниками. Экспериментатор, проводивший опыты, ставил перед ребенком задачу — достать удаленный от него предмет, непременно выполняя правило — не вставать со своего места. Как только ребенок принимался решать задачу, экспериментатор переходил в соседнюю комнату, из которой и продолжал наблюдение, пользуясь обычно применяемым для этого оптическим приспособлением. Однажды после ряда безуспешных попыток малыш встал, подошел к предмету, взял его и спокойно вернулся на место. Экспериментатор тотчас вошел к ребенку, похвалил его за успех и в виде награды предложил ему шоколадную конфету. Ребенок, однако, отказался от нее, а когда экспериментатор стал настаивать, то малыш тихо заплакал.

Что лежит за этим феноменом? В процессе, который мы наблюдали, можно выделить три момента: 1) общение ребенка с экспериментатором, когда ему объяснялась задача; 2) решение задачи и 3) общение с экспериментатором после того, как ребенок взял предмет. Действия ребенка отвечали, таким образом, двум различным мотивам, т.е. осуществляли двоякую деятельность: одну — по отношению к экспериментатору, другую — по отношению к предмету (награде). Как показывает наблюдение, в то время, когда ребенок доставал предмет, ситуация не переживалась им как конфликтная, как ситуация «сшибки». Иерар-

хическая связь между обеими деятельностями обнаружилась только в момент возобновившегося общения с экспериментатором, так сказать, *post factum* [лат. после сделанного. — *Ред.-сост.*]: конфета оказалась горькой, горькой по своему субъективному, **личностному** смыслу.

Описанное явление принадлежит к самым ранним, переходным. Несмотря на всю наивность, с которой проявляются эти первые соподчинения разных жизненных отношений ребенка, именно они свидетельствуют о начавшемся процессе формирования того особого образования, которое мы называем личностью. Подобные соподчинения никогда не наблюдаются в более младшем возрасте, зато в дальнейшем развитии, в своих несоизмеримо более сложных и «спрятанных» формах они заявляют о себе постоянно. Разве не по аналогичной же схеме возникают такие глубоко личностные явления, как, скажем, угрызения совести?

Развитие, умножение видов деятельности индивида приводит не просто к расширению их «каталога». Одновременно происходит центрирование их вокруг немногих главнейших, подчиняющих себе другие. Этот сложный и длительный процесс развития личности имеет свои этапы, свои стадии. Процесс этот неотделим от развития сознания, самосознания, но не сознание составляет его первооснову, оно лишь опосредствует и, так сказать, резюмирует его.

Итак, в основании личности лежат отношения соподчиненности человеческих деятельностей, порождаемые ходом их развития. В чем, однако, психологически выражается эта подчиненность, эта иерархия деятельностей? В соответствии с принятым нами определением мы называем деятельностью процесс, побуждаемый и направляемый мотивом — тем, в чем опредмечена та или иная потребность. Иначе говоря, за соотношением деятельностей открывается соотношение мотивов. <...>

Формирование личности

Ситуация развития человеческого индивида обнаруживает свои особенности уже на самых первых этапах. Главная из них — это опосредствованный характер связей ребенка с окружающим миром. Изначально прямые биологические связи *ребенок — мать* очень скоро опосредствуются предметами: мать кормит ребенка из чашки, надевает на него одежду и, занимая его, манипулирует игрушкой. Вместе с тем связи ребенка с вещами опосредствуются окружающими людьми: мать приближает ребенка к привлекающей его вещи, подносит ее к нему или, может быть, отнимает ее у него. Словом, деятельность ребенка все более выступает как реализующая его связи с человеком через вещи, а связи с вещами — через человека.

Эта ситуация развития приводит к тому, что вещи открываются ребенку не только в их физических свойствах, но и в том особом качестве, которое они приобретают в человеческой деятельности — в своем функциональном значении (чашка — из чего пьют, стул — на чем сидят, часы — то, что носят на руке, и т.д.),

а люди — как «повелители» этих вещей, от которых зависят его связи с ними. Предметная деятельность ребенка приобретает орудийную структуру, а общение становится речевым, опосредствованным языком[5].

В этой исходной ситуации развития ребенка и содержится зерно тех отношений, дальнейшее развертывание которых составляет цепь событий, ведущих к формированию его как личности. Первоначально отношения к миру вещей и к окружающим людям слиты для ребенка между собой, но дальше происходит их раздвоение, и они образуют разные, хотя и взаимосвязанные, линии развития, переходящие друг в друга.

В онтогенезе эти переходы выражаются в чередующихся сменах фаз: фаз преимущественного развития предметной (практической и познавательной) деятельности — фазами развития взаимоотношений с людьми, с обществом[6]. Но такие же переходы характеризуют движение мотивов внутри каждой фазы. В результате и возникают те иерархические связи мотивов, которые образуют «узлы» личности. <...>

Действительную основу личности составляет то особое строение целокупных деятельностей субъекта, которое возникает на определенном этапе развития его **человеческих** связей с миром.

Человек живет как бы во все более расширяющейся для него действительности. Вначале это узкий круг непосредственно окружающих его людей и предметов, взаимодействие с ними, чувственное их восприятие и усвоение известного о них, усвоение их значения. Но далее перед ним начинает открываться действительность, лежащая далеко за пределами его практической деятельности и прямого общения: раздвигаются границы познаваемого, представляемого им мира. Истинное «поле», которое определяет теперь его действия, есть не просто наличное, но **существующее** — существующее объективно или иногда только иллюзорно.

Знание субъектом этого существующего всегда опережает его превращение в определяющее его деятельность. Такое знание выполняет очень важную роль в формировании мотивов. На известном уровне развития мотивы сначала выступают, как только «знаемые», как возможные, реально еще не побуждающие никаких действий. Для понимания процесса формирования личности нужно непременно это учитывать, хотя само по себе расширение знаний не является определяющим для него; поэтому-то, кстати говоря, воспитание личности и не может сводиться к обучению, к сообщению знаний.

Формирование личности предполагает развитие процесса целеобразования и соответственно развития действий субъекта. Действия, все более обогащаясь, как бы перерастают тот круг деятельностей, которые они реализуют, и вступа-

---

[5] См.: *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 368—378.

[6] См.: *Эльконин Д.Б.* К проблеме периодизации психического развития советского школьника // Вопросы психологии. 1971. № 4. С. 6—20.

ют в противоречие с породившими их мотивами. Явления такого перерастания хорошо известны и постоянно описываются в литературе по возрастной психологии, хотя и в других терминах; они-то и образуют так называемые кризисы развития — кризис трех лет, семи лет, подросткового периода, как и гораздо меньше изученные кризисы зрелости. В результате происходит сдвиг мотивов на цели, изменение их иерархии и рождение новых мотивов — новых видов деятельности; прежние цели психологически дискредитируются, а отвечающие им действия или вовсе перестают существовать, или превращаются в безличные операции.

Внутренние движущие силы этого процесса лежат в исходной двойственности связей субъекта с миром, в их двоякой опосредованности — предметной деятельностью и общением. Ее развертывание порождает не только двойственность мотивации действий, но благодаря этому также и соподчинения их, зависящие от открывающихся перед субъектом **объективных** отношений, в которые он вступает. Развитие и умножение этих особых по своей природе соподчинений, возникающих только в условиях жизни человека в обществе, занимает длительный период, который может быть назван этапом стихийного, не направляемого самосознанием складывания личности. На этом этапе, продолжающемся вплоть до подросткового возраста, процесс формирования личности, однако, не заканчивается, он только подготавливает рождение сознающей себя личности.

В педагогической и психологической литературе постоянно указывается то младший дошкольный, то подростковый возрасты как переломные в этом отношении. Личность действительно рождается дважды: первый раз — когда у ребенка проявляются в явных формах полимотивированность и соподчиненность его действий (вспомним феномен «горькой конфеты» и подобные ему), второй раз — когда возникает его сознательная личность. В последнем случае имеется в виду какая-то особая перестройка сознания. Возникает задача — понять необходимость этой перестройки и то, в чем именно она состоит.

Эту необходимость создает то обстоятельство, что чем более расширяются связи субъекта с миром, тем более они перекрещиваются между собой. Его действия, реализующие одну его деятельность, одно отношение, объективно оказываются реализующими и какое-то другое его отношение. Возможное несовпадение или противоречие их не создает, однако, альтернатив, которые решаются просто «арифметикой мотивов». Реальная психологическая ситуация, порождаемая перекрещивающимися связями субъекта с миром, в которые независимо от него вовлекаются каждое его действие и каждый акт его общения с другими людьми, требует от него ориентировки в системе этих связей. Иными словами, психическое отражение, сознание уже не может оставаться ориентирующим лишь те или иные действия субъекта, оно должно также активно отражать иерархию их связей, процесс происходящего подчинения и переподчинения их мотивов. А это требует особого внутреннего движения сознания.

В движении индивидуального сознания, описанном раньше как процесс взаимопереходов непосредственно-чувственных содержаний и значений, приобретающих в зависимости от мотивов деятельности тот или иной смысл, теперь открывается движение еще в одном измерении. Если описанное раньше движение образно представить себе как движение в горизонтальной плоскости, то это новое движение происходит как бы по вертикали. Оно заключается в соотнесении мотивов друг с другом: некоторые занимают место подчиняющих себе другие и как бы возвышаются над ними, некоторые, наоборот, опускаются до положения подчиненных или даже вовсе утрачивают свою смыслообразующую функцию. Становление этого движения и выражает собой становление связной системы личностных смыслов — становление **личности**.

Конечно, формирование личности представляет собой процесс непрерывный, состоящий из ряда последовательно сменяющихся стадий, качественные особенности которых зависят от конкретных условий и обстоятельств. Поэтому, прослеживая последовательные его сечения, мы замечаем лишь отдельные сдвиги. Но если взглянуть на него как бы с некоторого удаления, то переход, знаменующий собой подлинное рождение личности, выступает как *событие*, изменяющее ход всего последующего психического развития.

Существуют многие явления, которые отмечают этот переход. Прежде всего, это перестройка сферы отношений к другим людям, к обществу. <...>

Одно из изменений, за которым скрывается новая перестройка иерархии мотивов, проявляется в утрате самоценности для подростка отношений в интимном круге его общения. <...>

Процесс развития личности всегда остается глубоко индивидуальным, неповторимым. Он дает сильные смещения по абсциссе возраста, а иногда вызывает социальную деградацию личности. Главное — он протекает совершенно по-разному в зависимости от конкретно-исторических условий, от принадлежности индивида к той или иной социальной среде. <...>

Наконец, на том же рубеже происходит еще одно изменение, тоже меняющее самый «механизм» формирования личности. Выше я говорил о все более расширяющейся действительности, которая существует для субъекта актуально. Но она существует также во времени — в форме его прошлого и в форме предвидимого им будущего. <...>

Дело в том, что на этом уровне прошлые впечатления, событие и собственные действия субъекта отнюдь не выступают для него как покоящиеся пласты его опыта. Они становятся предметом его отношения, его действий, и потому меняют свой вклад в личность. Одно в этом прошлом умирает, лишается своего смысла и превращается в простое условие и способы его деятельности: сложившиеся способности, умения, стереотипы поведения; другое открывается ему в совсем новом свете и приобретает прежде не увиденное им значение; наконец, что-то из прошлого активно отвергается субъектом, психологически перестает существовать для него, хотя и остается на складах его памяти. Эти изменения

происходят постоянно, но они могут и концентрироваться, создавая нравственные переломы. Возникающая переоценка прежнего, установившегося в жизни, приводит к тому, что человек сбрасывает с себя груз своей биографии. Разве не свидетельствует это о том, что вклады прошлого опыта в личность стали зависимыми от самой личности, стали ее функцией?

Это оказывается возможным благодаря возникшему новому внутреннему движению в системе индивидуального сознания, которое я образно назвал движением «по вертикали». Не следует только думать, что перевороты в прошлом личности производятся сознанием, сознание не производит, а **опосредствует** их; производятся же они действиями субъекта, иногда даже внешними — разрывами прежних общений, переменой профессии, практическим вхождением в новые обстоятельства. Прекрасно описано у Макаренко[7]: старая одежда принимаемых в колонию беспризорников публично сжигается ими на костре. <...>

Личность создается объективными обстоятельствами, но не иначе, как через целокупность его деятельности, осуществляющей его отношения к миру. Ее особенности и образуют то, что определяет тип личности. Хотя вопросы дифференциальной психологии не входят в мою задачу, анализ формирования личности, тем не менее, приводит к проблеме общего подхода в исследовании этих вопросов.

Первое основание личности, которое не может игнорировать никакая дифференциально-психологическая концепция, есть богатство связей индивида с миром. <...> Само собой разумеется, что речь идет о **действительных**, а не об отчужденных от человека отношениях, которые противостоят ему и подчиняют его себе. <...>

Различия, которые здесь существуют, являются не только количественными, выражающими меру широты открывшегося человеку мира в пространстве и времени — в его прошлом и будущем. За ними лежат различия в содержании тех предметных и социальных отношений, которые заданы объективными условиями эпохи, нации, класса. Поэтому подход к типологии личностей, даже если она учитывает только один этот *параметр*, как теперь принято говорить, не может не быть конкретно историческим. Но психологический анализ не останавливается на этом, ибо связи личности с миром могут быть как беднее тех, что задаются объективными условиями, так и намного превосходить их.

Другой, и притом важнейший, параметр личности есть степень иерархизированности деятельностей, их мотивов. Степень эта бывает очень разной независимо от того, узко или широко основание личности, образуемое его связями с окружающими. Иерархии мотивов существуют всегда, на всех уровнях развития. Они-то и образуют относительно самостоятельные единицы жизни личности, которые могут быть менее крупными или более крупными, разъединенными между собой или входящими в единую мотивационную сферу. Разъединенность

7 Макаренко Антон Семенович (1888—1939) — педагог и писатель. — *Ред.-сост.*

этих, иерархизированных внутри себя, единиц жизни создает психологический облик человека, живущего *отрывочно* — то в одном «поле», то в другом. Напротив, более высокая степень иерархизации мотивов выражается в том, что свои действия человек как бы примеривает к главному для него мотиву-цели, и тогда может оказаться, что одни стоят в противоречии с этим мотивом, другие прямо отвечают ему, а некоторые уводят в сторону от него. <...>

Здесь мы подходим к самому сложному параметру личности: к общему типу ее строения. <...>

Структура личности представляет собой относительно устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизированных мотивационных линий. Речь идет о том, что неполно описывается как «направленность личности», неполно потому, что даже при наличии у человека отчетливой ведущей линии жизни она не может оставаться **единственной**. Служение избранной цели, идеалу вовсе не исключает и не поглощает других жизненных отношений человека, которые, в свою очередь, формируют смыслообразующие мотивы. Образно говоря, мотивационная сфера личности всегда является многовершинной, как и та объективная система аксиологических понятий[8], характеризующая идеологию данного общества, данного класса, социального слоя, которая коммуницируется и усваивается (или отвергается) человеком.

Внутренние соотношения главных мотивационных линий в целокупности деятельностей человека образуют как бы общий «психологический профиль» личности. Порой он складывается как уплощенный, лишенный настоящих вершин, тогда малое в жизни человек принимает за великое, а великого не видит совсем. Такая нищета личности может при определенных социальных условиях сочетаться с удовлетворением как угодно широкого круга повседневных потребностей. В этом, кстати сказать, заключается та психологическая угроза, которую несет личности человека современное общество потребления. <...>

Предметно-вещественные «потребности для себя» насыщаемы, и их удовлетворение ведет к тому, что они низводятся до уровня **условий** жизни, которые тем меньше замечаются человеком, чем привычнее они становятся. Поэтому ***личность не может развиваться в рамках потребления, ее развитие необходимо предполагает смещение потребностей на созидание, которое одно не знает границ.*** <...>

Мы привыкли думать, что человек представляет собой центр, в котором фокусируются внешние воздействия и из которого расходятся линии его связей, его интеракций с внешним миром, что этот центр, наделенный сознанием, и есть его «я». Дело, однако, обстоит вовсе не так. Мы видели, что многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархии и образуют тот таинственный

[8] *Аксиологические понятия* — устойчивые представления о предпочитаемых объектах и благах, значимых для человека. — *Ред.-сост.*

«центр личности», который мы называем «я»; иначе говоря, центр этот лежит не в индивиде, не за поверхностью его кожи, а в его бытии.

Таким образом, анализ деятельности и сознания неизбежно приводит к отказу от традиционного для эмпирической психологии эгоцентрического, «птолемеевского» понимания человека в пользу понимания «коперниковского», рассматривающего человеческое «я» как включенное в общую систему взаимосвязей людей в обществе. Нужно только при этом подчеркнуть, что **включенное** в систему вовсе не значит растворяющееся в ней, а, напротив, обретающее и проявляющее в ней силы своего действия.

В.В. Петухов

Понятие личности. Функциональные различия природы и культуры

При организации знаний в курсах общей психологии, фундаментальных и прикладных, особое и постоянное место занимает проблема определения человека как предмета изучения. Следует признать, что содержание терминов, обозначающих человека — «субъект», «индивид», «индивидуальность», и, наконец, «личность» — часто пересекаются, оказываются размытыми. Попытаемся разобраться в этих определениях.

Понятие «субъект» является родовым: это базовая психологическая категория. В англоязычной литературе разъяснить это понятие довольно просто — термин *S* (*subject*) обозначает испытуемого. В литературе отечественной подробное разъяснение понятия «субъект» дает С.Л. Рубинштейн[1]. Так, в его фундаментальном учебнике[2] бытие, практика, деятельность рассматривается как взаимодействие внешних и внутренних условий. Если внешние условия есть окружающий природный и социальный мир (источник воздействия), то условие внутреннее — это и есть сам действующий субъект. Тем самым субъект есть внутреннее условие деятельности. Мы замечаем, что здесь подчеркивается первое и самое важное свойство субъекта — его активность. Данное свойство, очевидное для современной мировой и отечественной психологии, было во время создания учебника С.Л. Рубинштейна — в середине 1930-х годов — явной полемикой с классическим бихевиоризмом. Тогда возможность определять и моделировать поведение человека лишь воздействиями извне казалась привлекательной многим. Однако Рубинштейн, как бы отстаивая сохранение самого понятия «субъект», дополняет его характеристику известным принципиальным положением: «Внешние условия действуют только через внутренние»[3]. Актив-

[1] Рубинштейн Сергей Леонидович (1889—1960) — отечественный психолог и философ; см. его тексты на с. 53—57, 677—680 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[2] *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: В 2 т. М.: Педагогика, 1989.

[3] *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1975. С. 5.

ность субъекта есть возможность самому определять собственное поведение. Как известно, идея активного субъекта, определяющего влияние внутренних (когнитивных) представлений о внешних условиях появлялась в те же годы и в необихевиоризме.

Второе свойство субъекта фактически выделяет А.Н. Леонтьев в своей книге «Деятельность. Сознание. Личность», написанной уже в середине 1970-х гг. Как бы полемизируя с Рубинштейном, он усиливает приведенную исходную формулировку — не внешние условия действуют через внутренние, но наоборот: «Внутреннее (субъект) действует через внешнее и этим само себя изменяет»[4]. Отсюда второе свойство субъекта есть его способность к изменению, преобразованию себя, к саморазвитию.

Однако эта способность должна иметь свой внутренний источник. Таково третье свойство субъекта — его неоднородность, полиморфность, или множественность. Действительно, в каждом из нас несколько качественно разных субъектов, вступающих в диалог, а порою и враждующих между собой. Данный факт был впервые открыт в психоанализе: ведь внутреннее противоречие (мотивационный конфликт) может быть источником как невротических симптомов, так и продуктивного личностного развития.

Заметим, что последнее свойство субъекта определяется не только разнородностью его взаимодействия с миром, но и качественным различием «миров», областей практики, в которые он объективно включен. Несомненно, надежное теоретическое основание для самой постановки проблемы субъекта, освоенное в психологической классике и обсуждаемое до сих пор, заключается в том, что человек принадлежит миру и не может быть адекватно рассмотрен как изолированный, независимый от него. По разумной традиции, так или иначе принятой представителями разных научных дисциплин и психологических направлений, действительные условия существования и развития человека, источники разных видов его опыта, жизненных проблем и средств их разрешения разделяются на три основных. Это — ***природа***, ***общество*** и ***культура***.

Не претендуя на полноту, рискнем определить природного (А), социального (Б) и культурного (В) субъектов (рис. 1). Так, природный (А) есть субъект активного гибкого приспособления к изменяющимся условиям окружающей среды на основе врожденного генетического опыта, сформированного в биологической эволюции. Так, человек, как часть природы (животное), есть представитель своего биологического вида *Homo sapiens*. Далее, социальный (Б) есть субъект присвоения и адекватного применения коллективных сознательных представлений, способов поведения, имеющихся в данном обществе. Каждый человек — член определенного общества, обладающий психическими свойствами, способами общения, адекватными занимаемой им позиции (и допустимыми в ней). Заметим, что присваиваемые им социальные правила всегда относительны, зависимы от места и времени социального существования. На-

[4] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977. С. 181.

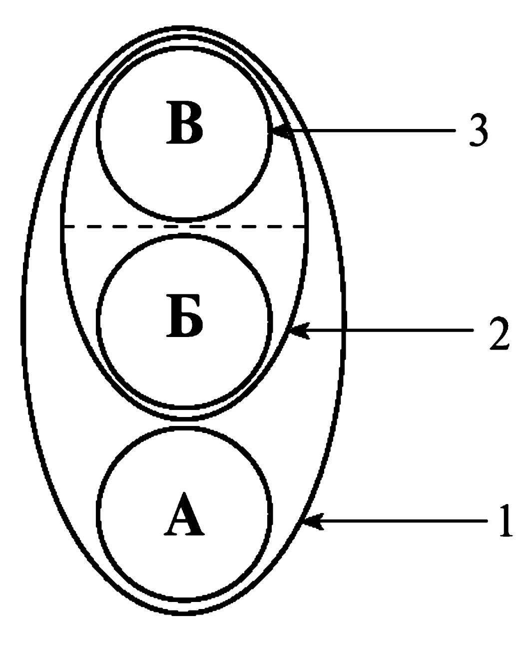

Рис. 1

конец, культурный (В) есть субъект самостоятельного и ответственного решения собственных проблем на основе универсальных, т.е. общечеловеческих норм. Подчеркнем, что если социальные правила относительны, то культурные нормы абсолютны. При решении собственных проблем (например, в ситуации мотивационного конфликта) человек может стать субъектом культуры, способным к осмысленному преобразованию уже присвоенных им социальных правил и — в особом смысле — своих природных свойств.

Обратимся теперь к понятию личности. Как всякое понятие, оно имеет определенный объем, т.е. класс входящих в него объектов, и содержание — существенные признаки данного класса. Применительно к нашему материалу существенные признаки, даже определения, нами уже даны. Тогда следует признать, что в современной психологии, отечественной и мировой, объем понятия «личность» имеет по крайней мере три варианта, связанные с разными его содержаниями.

В первом варианте личность понимается в широком смысле и фактически совпадает с понятием субъекта как внутреннего условия деятельности по Рубинштейну[5], которое воспроизводится в учебниках и пособиях для педагогических институтов[6]. Тем самым это понятие включает в себя всех трех выделенных субъектов (А, Б, В), в том числе — природные особенности человека, такие как задатки его способностей, темперамент и т.п. Тем самым, фактически это по-

[5] См.: *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии. 2-е изд. М.: Педагогика, 1976.

[6] См.: *Немов Р.С.* Психология: В 3 кн. М.: Просвещение; Владос, 1996. Кн. 1; Общая психология / Под ред. А.В. Петровского. М.: Просвещение, 1986; *Платонов К.К.* О системе психологии. М.: Мысль, 1972.

нятие характерно не для общей, но для дифференциальной психологии и совпадает с понятием индивидуальности субъекта. Действительно, индивидуальность есть совокупность всех психических свойств (качеств, черт), способов поведения субъекта, которые отличают его от других. Если довести данное понятие до предела, можно понять, что индивидуальностью, или личностью в широком смысле, обладают и животные, и поэтому первый вариант объема понятия «личность» не является единственным.

Для обсуждения специфики человеческих свойств, в отличие от животных, обычно пользуются известным по работам А.Н. Леонтьева[7] различением личности и индивида. Таков второй вариант объема понятия личности, который уже не включает природного субъекта, представителя биологического вида *Homo sapiens*, именуя его индивидом и относя лишь к органическим предпосылкам развития личности. Показательно, что субъектов общества и культуры, в данном случае объединенных, все же приходится разделять, но уже в самой личности, например как социально типическое и индивидуальное в ней[8].

В мировой психологии второй вариант объема понятия «личность» ярко представлен в концепции индивидуальной психологии А. Адлера[9], основателя «социального фрейдизма». По Адлеру, исходным для развития личности является социальное чувство, или чувство общности, связанное с необходимостью войти в общество и занять в нем полноценное место. Реализации этого чувства препятствуют: а) физические дефекты (или те внешне наблюдаемые собственные телесные признаки, которые человек считает дефектными); б) авторитарное воспитание; в) излишняя эмоциональная опека. Если эти препятствия имеют место, то весьма вероятен комплекс неполноценности — собственная проблема, которую надо как-то разрешить, компенсировать. Есть два пути компенсации комплекса, или разрешения личностной проблемы — негативный и позитивный. Негативной компенсацией комплекса неполноценности следует признать только социальную: это попытка компенсации последствий комплекса, но не его истоков. Такова, по Адлеру, неверная личностная защита — стремление к личному превосходству, власти. Позитивной компенсацией комплекса должна быть названа культурная. Человек обращается к самим истокам комплекса неполноценности, а не компенсирует его последствия. Вот принципиальные примеры Адлера: художник, обладавший от рождения дефектами зрения; музыкант — слуха; оратор — дикции, и т.п. Иными словами, именно там, где содержался источник неполноценности, находится материал для постановки жизненных целей субъекта. Подчеркнем, что эти цели достигаются через сотрудничество с другими людь-

[7] См.: *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.

[8] См.: *Асмолов А.Г.* Психология личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.

[9] См.: *Адлер А.* Практика и теория индивидуальной психологии. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1995. [Адлер (*Adler*) Альфред (1870—1937) — австрийский психиатр, первый из учеников Фрейда, ушедший от него и создавший собственное направление психоанализа — индивидуальную психологию. — *Ред.-сост.*]

ми. Совокупность способов достижения жизненной цели есть индивидуальный жизненный стиль, характер человека — основное понятие Адлера.

Теперь рассмотрим последний, третий вариант. Личность в точном, узком смысле есть только субъект культуры (В). В мировой психологии этот вариант восходит к архетипу самости Юнга[10] — центральному среди остальных. Переживание данного архетипа можно описать так. Человек долго и безрезультатно решал какую-то проблему, считая ее только своей собственной; наконец, он решил ее совершенно самостоятельно — и почувствовал себя уникальным, но одновременно понял, что с подобной проблемой люди сталкивались до него множество раз, и поэтому он является теперь частью человечества. Понятие самости перешло в гуманистическую психологию, получив новое название — реальное, или подлинное (в отличие от поверхностного) *Я*.

При рассмотрении личности в узком смысле охватываются критические моменты (периоды) жизненного пути человека, требующие самостоятельного решения собственных проблем, ответственного выбора, в результате которого происходит становление, осознание и преобразование мотивационной сферы. Тогда личность следует отличать от индивида, имея в виду не только природную особь, но и представителя конкретного общества — социального индивида: в своем культурном развитии личность может не совпадать с носителем конкретных сложившихся общественных установлений. Опираясь на одно из положений А.Н. Леонтьева, здесь следует подчеркнуть: если индивид (природный или социальный) лишь *присваивает* опыт, так или иначе существующий до него, то личность разумно *преобразует* присвоенный опыт, прежде всего — собственный. Природный организм, социальный индивид, личность — так мы и будем теперь называть определенных выше субъектов[11].

Точное понимание личности содержит, казалось бы, видимое противоречие. Ведь личность действительно возникает лишь при вхождении человека в общество, а теперь она отличается от социального индивида, выходит за его пределы. Данное противоречие так же разрешается с опорой на известную фразу А.Н. Леонтьева, касающуюся развития личности: «Личность рождается дважды». Действительно, на рисунке 1 субъекты Б и В разделены пунктирной линией: мысленно перегнем рисунок по данной линии так, чтобы в результате культурный субъект буквально совпал с социальным. Таковым будет первое рождение личности, которое впервые возникает внутри социального индивида, причем абсолютные культурные нормы в данном случае тождественны наличным социальным правилам. Теперь вернем субъектов Б и В на свои места и увидим, что второй раз личность рождается уже вне социального индивида, самостоятельно

---

[10] См.: *Юнг К.* Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. [Юнг (*Jung*) Карл Густав (1875—1961) — швейцарский психолог и психиатр, ученик З. Фрейда, ушедший от него и создавший собственное направление психоанализа — аналитическую психологию. — *Ред.-сост.*]

[11] Подробнее об этом см.: *Петухов В.В., Столин В.В.* Психология: Методические указания. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. С. 26—31.

и ответственно решая собственные проблемы и, если это необходимо, отделяет культурные нормы от конкретного общественного опыта. Впрочем, общее представление о развитии личности ниже будет рассмотрено подробнее.

Теперь же приведем примеры того, как именовались выделенные нами субъекты в известных теориях личности. Первая из них принадлежит классику психологии сознания Уильяму Джеймсу[12]. Так, природный субъект был назван Джеймсом «материальным, физическим *Я*», которое не сводится лишь к физическому телу человека, но может быть переведено как «Мое», т.е. относится ко всем предметам, которые субъект отождествляет со своим материальным существованием. Подобно тому, как животное размечает ту территорию, на которой считает себя хозяином, так и физическое *Я* включает в себя все то, что ему субъективно принадлежит (как в известной пословице о доме англичанина как его крепости).

Социальный индивид у Джеймса так и назван — «социальное *Я*». Это — «*Я* для других», субъект взаимодействия и общения с окружающими людьми. Подчеркнем, что социальное *Я* есть набор типовых способов общественного взаимодействия, или привычек, необходимых для того, чтобы упорядочить общественную жизнь и не сталкиваться с проблемами на каждом шагу.

Наконец, наш субъект культуры именуется Джеймсом «духовным *Я*», хотя, конечно, связан не только с моральным развитием, в частности религиозным опытом. Духовное *Я* есть источник внутренней активности субъекта, принятия им самостоятельных решений, связанный прежде всего с развитием воли. Обратим внимание на то, что если физическое и социальное *Я*, согласно Джеймсу, подчиняются определенным механизмам, которые являются предметом научно-психологического изучения, то активность духовного *Я*, например свобода воли, не может быть механизмом, и поэтому выходит за пределы науки, в том числе психологии.

Обратимся теперь к представлению о структуре личности в классическом психоанализе Зигмунда Фрейда[13]. Если соотнести его терминологию с нашей, то природный, социальный и культурный субъекты будут названы соответственно — «*Оно*», «*Я*», «*Сверх-Я*». Не будем однако забывать о том, что психоаналитик имеет здесь в виду прежде всего своего пациента, который испытывает трудности в управлении собственным социальным поведением, и тем самым его сознательное *Я* является слабым, испытывающим давление снизу и сверху, со стороны бессознательных инстанций. Так, *Оно* суть совокупность вытесненных, аффективно окрашенных телесных желаний, неразрешенных проблем раннего детства. Следует подчеркнуть, что здесь мы встречаемся не с природой как таковой, но с такими телесными влечениями, которые стали

---

[12] См.: *Джеймс У.* Психология. М.: Педагогика, 1991. [Джеймс (*James*) Уильям (1842—1910) — американский психолог и философ. — *Ред.-сост.*]

[13] Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр, основатель психоанализа. — *Ред.-сост.*

поводом, предпосылкой для определенных личностных проблем. Собственно конфликт пациента, проявляющийся в его сознании, есть противоречие между *Я* и *Оно*. Однако подлинная причина конфликта глубже, в бессознательном. Это противоречие между *Оно* и *Сверх-Я*. Источником последней инстанции является неразъясненный родительский социокультурный запрет, который позже становится для пациента внутренней цензурой. Инстанция *Сверх-Я* есть также не культура как таковая, но совокупность непонимаемых им «моральных» принципов, которые почему-то надо соблюдать. В наиболее трудных для терапии случаях место культуры занимают так называемые защитные механизмы, которые на время позволяют как бы устранить нерешенную проблему и связанную с ней тревожность, но в действительности препятствуют ее подлинному решению. Обратим внимание на слово «механизмы»: в данном случае их как раз и следует изучать с целью возможного снятия, устранения препятствий для личностного развития.

Наконец, упомянем о теории личности в транзактном анализе Эрика Берна[14]. Здесь человек рассматривается прежде всего как субъект общения, социальный индивид. Берн, во многом опираясь на Фрейда, предлагает для наших субъектов следующие названия. Это — «Ребенок, или Дитя» — субъект неуправляемых природных желаний, «Взрослый» — в данном случае, субъект принятия конкретных социальных решений в повседневной жизни, и «Родитель» — носитель обобщенных моральных принципов, абсолютных культурных норм.

Мы вспомнили о теории Берна потому, что обращение к ней позволяет нам спросить у «Родителя»: что означает культурный запрет? «Родитель» даст два ответа: один — «Ребенку», другой — «Взрослому». Для «Ребенка» запрет не разъясним и звучит как тавтология: «нельзя потому, что нельзя». А для «Взрослого» в слове «нельзя» отражен не только факт запрещения, но и принципиальной невозможности, бессмысленности каких-то действий. Тем самым для «Взрослого» культурный запрет будет означать: «не стоит потому, что все равно ничего не выйдет».

Таков, например, запрет инцеста — первый, по мнению К. Леви-Стросса[15], опорный для человека культурный запрет на внутрисемейную половую связь. Безусловность его принятия, устрашающая альтернативой тягчайшего греха кровосмешения, тавтологична и не разъясняет, почему его нельзя нарушать. Казалось бы, для выполнения важнейшей задачи продолжения рода в совместно трудящемся племени есть все необходимое и можно обойтись без инородцев. Но не стоит подчиняться ситуации, хотя ясно, что и нарушение запрета принесет потомство (правда, по свидетельствам биологов, не вполне полноценное в перспективе). Однако *все равно* вне общения с другим социальным целым, без

---

[14] См.: *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. М.: Прогресс, 1988.

[15] Леви-Стросс (*Levi-Strauss*) Клод (1908—2009) — французский этнограф и социолог, один из главных представителей структурализма. — *Ред.-сост.*

обмена с ним невестами не случится и знакового обмена, и, следовательно, из этого человеческого рода ничего *не выйдет.*

В заключение приведем ключевые термины, которые обычно используют психологи в нашей стране, обсуждая роль природы, общества и культуры в развитии личности. Так, во-первых, говорят об органических, или биологических, *предпосылках* развития личности, скажем, задатках способностей, или свойствах темперамента как основы характера. Природные предпосылки, какими бы они ни были сами по себе, можно назвать материалом для преобразования. Во-вторых, социальную среду справедливо считают необходимым *условием* становления и развития личности. Надеюсь, понятно, что данное условие необходимо для первого рождения личности, но не достаточно для второго. И в-третьих, культурные нормы являются: а) универсальными принципами решения личностных проблем; б) средствами преобразования природы; в) способами подлинной защиты этой природы, когда она уже преобразована. Впрочем, функциональные различия природы и культуры следует обсудить подробнее.

* * *

Различение природного и культурного, естественного и искусственного в человеке восходит к старинным — тела и души (Платон[16]), протяженной и мыслящей субстанций (Декарт[17]). Философская классика учила не смешивать их в области познания и правильно понимать факт «совпадения», взаимной зависимости в жизни. Так, и в традиционной научной, да и в житейской психологии природные и культурные особенности разделяли на «низшие» и «высшие», допуская объяснение первых и лишь описание вторых. Как две стороны бумажной ленты, свернутой в кольцо, они могли бы так и не пересечься, оставаясь противоположными. Но если, прежде чем склеить концы этой ленты, один из них перевернуть, получив в результате «ленту Мебиуса», то, продвигаясь по одной ее стороне, теперь уже нельзя не «встретиться» с другой.

Местом встречи природы с культурой оказывается конкретный социальный индивид, как бы захваченный «снизу» и «сверху» природными страстями и культурными запретами, каждые из которых имеют над ним собственную власть. В этой властности — их единство, однако, в каждой точке единства — глубокие различия.

Во-первых, и природа, и культура составляют необходимые условия существования любого человеческого общества и, взятые вместе с обществом, превращают бытие конкретного человека в проблемную ситуацию (и в принципе, и фактически). Но если природные условия подобны исходно данному материалу, подчиненному, впрочем, своим законам, которые следует изучать и учитывать при работе с ним, то культурные сравнимы с *принципами* его организации, определяющими саму постановку проблемы, а также область поиска

[16] Платон (427—347 до н.э.) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

[17] Декарт (*Descartes*) Рене (1596—1650) — французский философ и математик. — *Ред.-сост.*

возможных (и допустимых) средств ее разрешения. Понятна взаимосвязь не всегда податливого природного материала с принципиальностью культурных норм при разработке правил социального поведения: так, повседневное соблюдение моральных запретов может стать для индивида серьезным телесным испытанием, а сохранение физической полноценности — культурной, личностной проблемой.

Во-вторых, и природный, и культурный опыт человечества объективно предшествуют социальному индивиду и (при нормальном развитии) безусловно *принимаются* им. Природа и культура изначально свободны в своем действии от конкретных общественных обстоятельств, в которых оказывается человек в любой данный момент. Однако спонтанность естественных процессов обнаруживается индивидом как факт его несвободы, непроизвольности поведения, которым он учится овладевать с помощью культурных средств в ходе социализации. Как всякая природная особь, человек наделен частным вариантом видовых свойств и связанных с их функционированием и развитием натуральных нужд, т.е. требований к окружающей (в том числе — социальной) среде, при опосредствованном удовлетворении которых его поведение становится произвольным. Присвоение же культурного опыта — от орудийных действий до нравственных норм — является неспонтанным, требует произвольных, сознательных усилий. Оно основано на акте свободного выбора, самостоятельном и определенном поступке в неопределенной жизненной ситуации, последствиями которого становятся личностные свойства социального индивида, сравнимые с искусственными «постройками» (артефактами), за которые он отвечает сам. Природные и культурные особенности человека (проявляющиеся, например, в чертах характера) бывают внешне похожи, однако правильное отношение к тем и другим связано с разными приемами воспитания, коррекции, психотерапии: в каждом человеке важно отличать невольного, *невинного обладателя* первых от сознательного и *ответственного* (а то и бессознательного, «безответственного») создателя вторых.

И *в-третьих,* преемственность и природного, и культурного опыта зависит от реальных его носителей — социальных индивидов, которыми он своевременно и полноценно должен быть *воспроизведен.* Различны формы, средства сохранения и передачи того и другого опыта, результаты актов их воспроизводства. Так, природный опыт и сохраняется, и передается как совокупность прямо наследуемых натуральных свойств, среди которых имеются их репродукции. Культурный опыт закреплен в искусственных предметах, моральных нормах, которые сохраняются посредством личностных (а не естественных) поступков, и их нельзя передать наследнику без самостоятельного участия его самого. Действительно, если в акте *порождения* организма закладывается генетическая программа задатков, готовых к дальнейшему созреванию при обеспечении адекватных средовых влияний, то в актах становления личностных свойств *возрождаются* культурные предметы, причем эти предметы (как и свойства) обеспечиваются данными актами, а не

программируются наперед. Отсюда телесный акт, случившийся однажды при высоковероятном стечении объективных обстоятельств, является необходимым и достаточным для воспроизведения природного опыта, а личностный — только необходимым и достаточным для все нового обращения к культурным предметам и соблюдения норм в каждой следующей ситуации. Конечно, тот и другой часто требуют максимального напряжения соответствующих — телесных и личностных — сил, однако первые мобилизуются натуральным позывом, блокируемым лишь физической их утратой, а вторые сознаются как нравственный долг, необходимость «держать форму» и, не допуская личностного бессилия перед близким и далеким, даже незримым потомком, сохранять для него культурный опыт и условия его присвоения.

Наконец, благодаря внутривидовому разнообразию индивидуальных вариантов природного опыта (подразделяемых обычно на классы и типы), его воспроизводство допускает стихийную, а затем и направленную селекцию, возможность «гармонического» сочетания частных преимуществ разных особей с сохранением наиболее приспособленных к окружающей среде. Культурные же предметы, нормы воспроизводятся только целиком (ведь душа, как утверждали древние, не составлена из частей), и личностные свойства их носителей в отличие от природных, индивидуально изменчивых, уникальны, неповторимы и не сложены раз и навсегда: сохранение культурного опыта есть его продуктивное расширение, которое производит развивающаяся личность, выходя за пределы уже достигнутых решений своих жизненных проблем.

Таким образом, в обычных, нормальных условиях функции природы и культуры строго различаются. Если же это не так, то мы можем получить особый «личностный» феномен, для разъяснения которого удобно обратиться к классическому психоанализу. Грубого пациента аналитика можно интерпретировать так, что функции природы и культуры как бы смешиваются, меняются местами, когда частные природные интересы вдруг начинают выполнять роль абсолютных культурных принципов. Тогда и может возникнуть явление «натуральной личности», излишнее как для природной, так и для культурной сферы как результат необоснованного их смешения. Акт «принципиального выбора», совершаемый здесь социальным индивидом, внешне подобен личностному, однако его «опорой» становится не культурная норма, а естественная нужда. Впрочем, последняя тоже «преобразована», поскольку данный акт — отнюдь не безвольная уступка непокорной природе (которая так или иначе «свое возьмет»), истомившейся от дефицита благ, но, напротив, произвольное, убежденное (и до поры готовое к аскетизму) стремление «помочь» ей, «отстоять» натуральный закон, не отступать от него из принципа, «ради идеи».

Так, например, отдельные черты характера подростков бывают как бы «подчеркнуты» на фоне остальных самой природой, и их оригинальные непроизвольные проявления часто затрудняют процесс социализации. Для подростка-акцентуанта определенного типа некоторые житейские ситуации могут быть

аффектогенными, провоцировать бесконтрольные асоциальные поступки с тяжким последующим раскаянием[18]. Поэтому обычно по деликатному совету терапевта он должен быть в таких ситуациях осмотрителен, внимателен к себе и терпеливо овладевать правильными способами поведения. Представим, однако, что этот подросток, узнав поставленный ему диагноз, но отвергая помощь воспитателя, вдруг объявит себя «принципиальным» истероидом (данная акцентуация наиболее распространена), астено-невротиком, эпилептоидом и т.п. и, призывая к солидарности всех представителей того же класса, потребует от взрослых построить мир, адекватный его возрастным недугам. Тогда он как бы вторично, сознательно подчеркнет свою природную особенность нарочито неблаговидной проказой и теперь может, даже «должен», открыто, «гордо» и уже без стыда заявить в терминах фрейдовской триады: «Да, вот такое "*Я*" — "*Оно*"!» Так неопытный социальный индивид, находясь вне культуры (*Сверх-Я*), беззапретно преобразует собственную природу, сам лишая ее невинности, и хочет закрепить «приоритет» своих частных конституциональных черт в общем для всех конституционном праве.

Действительно, хотя понимание индивидом универсальности правовых принципов утрачено, структура личности, предложенная в классическом психоанализе, не остается неполной. Поскольку организм так или иначе преобразован, он объективно нуждается в опеке и должен быть защищен. Обычно такой защитой служат культурные нормы, воплощенные в конкретных способах общественной организации. Если же понимания норм нет, то психологически они могут сохраняться лишь во внешнем своем оформлении, редуцируясь к наличным социальным стереотипам. Поэтому характеристику феномена следует уточнить, используя юнговы названия выделенных Фрейдом субстанций: Тень манифестирует, раскрывает себя, прикрываясь Маской, и они появляются вместе, заключив коварное перемирие злобных антиподов, порождающее конфликт. Причудливые плоды этого внезаконного сговора, названные в психоанализе «защитными механизмами личности», конечно, не могут стать жизнеспособными средствами управления поведением. Впрочем, так и не состоявшаяся «корыстная личность», будучи самостоятельной Персоной, признает императивность существующих общественных (моральных, логических) правил и хитро, старательно использует их для *само*защиты собственных, ею же преобразованных «принципиальных нужд». Однако все предпринимаемые меры, лишь на время укрывая Тень, сами оказываются иллюзорными и объективно препятствуют подлинному личностному развитию.

Показательно, что и те принципиальные жизненные вопросы, которые ставит и решает внекультурный социальный индивид, сходны с личностными по форме, но ошибочны по существу. «Быть или не быть?» — вот единственный верный для личности вопрос, ответ на который отделяет ее существование от

[18] См.: *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л.: Медицина, 1983.

призрачной игры, требует выбора между соблюдением нравственных норм и разрушающим их поведением. Неверные же, пусть похожие, вопросы не предполагают такого (да и никакого) выбора, хотя тоже бывают связаны с «отважным», действенным самоиспытанием. Такова, например, знаменитая «дилемма» Раскольникова[19]: «Тварь я дрожащая или право имею?», — толкнувшая его к корыстноидейному преступлению. Нетрудно видеть, что данный «личностный» вопрос — мнимый: его не следовало задавать (а соответствующий поступок — совершать), так как «право» на недопустимое в культуре действие у индивида есть именно потому, что оно сделало его — «тварью дрожащей» — природным существом, теперь уже коварным и трусливым.

Итак, наблюдаемое явление можно относить к личности потому, что социальный индивид совершает произвольное усилие, преобразующее собственную природу, активно «защищает» ее собою созданными средствами, формулирует и пытается разрешать жизненно важные вопросы, имеющие для него принципиальное значение. Но поскольку в отличие от действительной личностной жизни совершаемое усилие безразлично к культурной норме, создаваемые «защиты» временны и ненадежны, решение «принципиальных» вопросов не допускает свободного выбора, то в данном случае «личность» оказывается мнимой, и ее сокращенно можно назвать «мничностью» (автор благодарен за это предложение Т.А. Нежновой).

[19] Родион Раскольников — главный герой романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». — *Ред.-сост.*

Р. Н. Уолш,
Ф. Вон

Что такое личность?*

Что такое личность? Это наиболее фундаментальный вопрос, лежащий в основе всех направлений психологии. Различные психологические подходы уделяют внимание разным сторонам личности и придают особое значение тем или иным ее измерениям, из которых конструируют сильно отличающиеся друг от друга (как это может показаться) описания человеческой природы. Часто такие взгляды воспринимаются как оппозиционные, но скорее всего они являются отдельными частями сложного многомерного целого. Трансперсональная модель, представленная здесь, не отрицает другие модели, а, скорее, помещает их в более широкий контекст, который включает в себя состояния сознания и уровни психологического благополучия, не учтенные предыдущими психологическими моделями.

Четыре наиболее важных измерения данной модели — это сознание, обусловленность, личность и идентификация. Под этими заголовками мы кратко изложим основные принципы трансперсональной модели и сравним их с традиционными западными представлениями.

Сознание

Сознание является центральным измерением трансперсональной модели, которое создает основу всех психических процессов и контекст, в котором они протекают. Традиционные направления западной психологии придерживаются различных позиций по отношению к сознанию. Эти взгляды варьируют от бихевиоризма, предпочитающего игнорировать сознание из-за трудности его объективного исследования, до психодинамического и гуманистического под-

---

* *Walsh R.N., Vaughan F.* What is a Person? // Beyond Ego: Transpersonal Dimensions in Psychology / R.N. Walsh, F. Vaughan (Eds.). Los Angeles: J.P. Tarcher, 1980. P. 53—62. (***Перевод В.А. Баталиной.***)

ходов, которые признают сознание, но большее внимание обычно уделяют его содержаниям, а не сознанию *per se* [лат. самому по себе, по существу. — *Ред.-сост.*] как контексту психологического опыта.

Согласно трансперсональной модели, наше сознание обычно находится в суженном защитном состоянии. В этом обычном состоянии сознание в значительной степени (хотя мы и не замечаем этого) наполнено непрерывным потоком практически неконтролируемых мыслей и фантазий, соответствующих нашим потребностям и защитам. Как сказал Рам Дасс: «Все мы – узники своего ума. Осознание этого — первый шаг на пути к свободе»[1].

Оптимальное сознание рассматривается как гораздо более широкое, это состояние потенциально доступно в любое время при ослаблении защитного сужения сознания. Поэтому основное направление роста заключается в том, чтобы, успокоив свой ум и уменьшив перцептивные искажения, устранить защитное сужение сознания, а также препятствия, мешающие раскрытию его потенциальных возможностей[2].

> Основная задача, дающая ключ к пониманию многих вещей, — это достижение безмолвия ума. <...> На самом деле, все открытия совершаются тогда, когда останавливается мыслительная машина, и первое из этих открытий заключается в том, что если способность думать — это удивительный талант, то еще более замечательной является способность не думать[3].

Согласно трансперсональной концепции, существует широкий спектр измененных состояний сознания, причем некоторые из них обладают полезными возможностями и своими функциональными особенностями (связанными с наличием некоторых функций, не доступных в обычном состоянии, а также с отсутствием других функций). Некоторые измененные состояния сознания являются действительно «высшими» состояниями. Понятие «высшие состояния сознания» используется здесь, согласно Тарту[4], в том смысле, что они обладают всеми свойствами и возможностями более низких уровней сознания, а кроме этого — и некоторыми другими[5]. Более того, широкий спектр литературы, созданной в разно-

---

[1] См.: *Ram Dass.* A Meditator's Guidebook. N.Y.: Doubleday, 1978.

[2] См.: *Ouspensky P.D.* In Search of the Miraculous. N.Y.: Harcourt Brace and World, 1949. [Рус. пер. см.: Успенский П. В поисках чудесного. СПб.: Издательство Чернышева, 1992. — *Ред.-сост.*]; *Rajneesh B.S.* The Way of the White Cloud. Poona, India: Rajneesh Center, 1975; *Ram Dass.* A Talk at the San Francisco Gestalt Institute // Gestalt Awareness / J. Downing (Ed.). N.Y.: Harper and Row, 1976; *Ram Dass.* Grist for the Mill. Santa Cruz, Calif.: Unity Press, 1977; *Vaughan F.* Awakening Intuition. N.Y.: Doubleday, 1979.

[3] См.: *Satprem.* Sri Aurobindo or the Adventure of Consciousness. N.Y.: Harper and Row, 1976. [Рус. пер. см.: *Сатпрем.* Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. — *Ред.-сост.*].

[4] Тарт (*Tart*) Чарлз (р. 1937) — американский психолог, профессор психологии Института трансперсональной психологии в Пало-Альто, Калифорния. — *Ред.-сост.*

[5] См.: Transpersonal Psychologies / C. Tart (Ed.). N.Y.: Harper and Row, 1975; *Tart C.* States of

образных культурах и духовных традициях, свидетельствует о достижимости этих состояний[6]. С другой стороны, традиционный западный подход рассматривает лишь ограниченный ряд существующих состояний сознания: бодрствование, сон, опьянение, бред. Более того, почти все измененные состояния рассматриваются как вредные, а оптимальным считается «нормальное» состояние.

Рассмотрение нашего обычного состояния в более широком контексте дает некоторые неожиданные результаты. Традиционная модель определяет психоз как неосознаваемое искаженное восприятие реальности. С точки зрения данной многоуровневой модели, наше обычное состояние сознания подходит под это определение, так как является субоптимальным, дает искаженное восприятие реальности и не позволяет заметить присутствие такого искажения. На самом деле, любое состояние сознания с необходимостью ограничено и дает лишь относительно реальную картину действительности. Следовательно, в более широком смысле психоз можно определить как привязанность к одному из состояний сознания[7].

Так как каждое состояние сознания дает свою картину реальности[8], эта реальность представляется нам лишь относительно реальной. Тогда психоз — это привязанность к какой-то одной реальности. Вот что пишет по этому поводу Рам Дасс:

> Мы живем на одном из уровней существования, который называем реальным. Мы полностью отождествляем себя с этой реальностью как с абсолютной и не принимаем в расчет опыт, не согласующийся с ней. <...> То, что Эйнштейн[9] открыл в физике, также справедливо и для всех остальных аспектов космоса: любая реальность относительна. Всякая реальность истинна только в определенных пределах. Она является лишь одной из возможных версий о существующем положении вещей. Таких версий всегда много. Выйти за пределы одной-единственной реальности — означает признать ее относительность[10].

Consciousness. N.Y.: E.P. Dutton, 1975. [Рус. пер. см.: *Тарт Ч.* Состояния сознания // Магический кристалл: Магия глазами ученых и чародеев. М.: Республика, 1994. С. 180—248. — *Ред.-сост.*].

[6] См.: *Kapleau P.* The Three Pillars of Zen. Boston: Beacon Press, 1967. [Рус. пер. см.: *Капло Р.Ф.* Три столпа дзэн. М.: Либрис, 1996. — *Ред.-сост.*]; *DeRopp R.S.* The Master Game. N.Y.: Delta, 1968; *Riordan K.* Gurdjieff // Transpersonal Psychologies / Tart C. (Ed.). N.Y.: Harper and Row, 1975. P. 281—328; *Goleman D.* Meditation and Consciousness: An Asian Approach to Mental Health // American Journal of Psychotherapy. 1976. P. 41—54; *Goleman D.* The Varieties of of the Meditative Experience. N.Y.: E.P. Dutton, 1977. [Рус. пер. см.: *Големан Д.* Разнообразие медитативного опыта. Киев: Экслибрис, 1993. — *Ред.-сост.*]

[7] См.: *Ram Dass.* Grist for the Mill. Santa Cruz, Calif.: Unity Press, 1977; *Ram Dass.* A Meditator's Guidebook. N.Y.: Doubleday, 1978.

[8] См.: *Ram Dass.* A Meditator's Guidebook. N.Y.: Doubleday, 1978.

[9] Эйнштейн (*Einstein*) Альберт (1879—1955) — физик-теоретик и мыслитель, один из основателей современной физики. — *Ред.-сост.*

[10] *Ram Dass.* A Meditator's Guidebook. N.Y.: Doubleday, 1978.

Таким образом, реальность, которую мы воспринимаем, отражает наше собственное состояние сознания, и мы никогда не сможем ее исследовать, не исследуя одновременно самих себя, поскольку являемся и исследуемой реальностью, и ее создателями.

Обусловленность

Трансперсональный подход утверждает, что люди гораздо сильнее, чем им кажется, они запутались в ловушке собственной обусловленности, однако могут освободиться из нее[11]. Основная цель трансперсональной психотерапии состоит в том, чтобы освободить сознание от этой тирании обусловленного ума. Более подробно это описано в разделе, посвященном отождествлению.

Одна из форм обусловленности, подробно изученная на Востоке, — это привязанность. Привязанность, тесно связанная с желанием, означает, что неудовлетворенное желание в конце концов вызовет боль. Поэтому наличие привязанности является основной причиной страданий, а освобождение от привязанности — важнейшим условием их прекращения[12].

Когда бы ни появилась привязанность,
Общение с ней
Принесет бесконечное страдание[13].

Если мы все еще привязаны, то мы одержимы;
А если человек одержим, это означает существование чего-то,
более сильного, чем он сам[14].

Привязанность не ограничивается только внешними объектами или людьми. Кроме привычных форм привязанности — к материальному имуществу, определенным взаимоотношениям и своему *status quo* [существующее положение (*лат.*). — *Ред.-сост.*], — могут быть и другие, такие же сильные, привязанности — к определенному образу себя, способу поведения или психологическому процессу. Среди самых сильных привязанностей, которые упоминаются в дисциплинах, касающихся сознания, — привязанности, связанные с боязнью страданий и потери собственного достоинства. Поскольку мы убеждены, что источник нашей индивидуальности — это наши роли, наши проблемы, наши

---

[11] См.: *Goleman D.* The Varieties of of the Meditative Experience. N.Y.: E.P. Dutton, 1977. [Рус. пер. см.: *Големан Д.* Разнообразие медитативного опыта. Киев: Экслибрис, 1993.— *Ред.-сост.*].

[12] См.: *Buddhagosa.* The Path of Purity / P.M. Tin (Trans.). Sri Lanka: Pali Text Society, 1923; *Guenther H.V.* Philosophy and Psychology in the Abbidharma. Berkley, Calif.: Shambhala, 1976.

[13] *Ram Dass.* A Meditator's Guidebook. N.Y.: Doubleday, 1978.

[14] *Jung C.G.* The Secret of the Golden Flower (Rev. Ed.). N.Y.: Harcourt, Brace and World, 1962. P. 114.

взаимоотношения или содержимое нашего сознания, — привязанность усиливается из-за страха потерять собственную личность. «Если я оставлю свои привязанности, кем и чем я буду тогда?»

Личность

Понятие «личность» является центральным для большинства существующих направлений психологии, и многие психологические теории действительно утверждают, что человек — это его личность. Очень интересно, что наиболее распространенным названием книг о психологическом здоровье и благополучии было «Здоровая личность»[15]. Путь к здоровью обычно рассматривался в первую очередь как преобразование личности. Однако с трансперсональной точки зрения, личность играет относительно менее важную роль. Скорее она рассматривается как лишь один из аспектов существования человека, с которым он может (но не должен обязательно) отождествлять себя. Путь к здоровью, таким образом, — это скорее уход от отождествления себя исключительно со своей личностью, чем ее изменение.

Подобно этому, личная драма или история, которую может поведать о себе каждый человек, также рассматривается в другой перспективе. Согласно Фэйдиману, личные драмы — это излишняя роскошь, которая мешает полноценному функционированию человека[16]. Они являются частью нашего эмоционального багажа, и нередко бывает полезно уменьшить привязанность к своей жизненной драме или перестать отождествлять себя с ней (что справедливо и по отношению к жизненным драмам других людей).

Отождествление

Отождествление — это понятие, которое имеет решающее значение для трансперсональной психологии и понимается гораздо более широко, чем в традиционной западной науке. Традиционные направления психологии признают существование отождествления с внешними объектами и понимают его как бессознательный процесс, благодаря которому человек становится похожим на что-то (или на кого-то) или же чувствует себя кем-либо или чем-либо[17]. Трансперсональная и восточная психология также рассматривают внешнее отождествление, но при этом утверждают, что отождествление с внутренним (интрапсихическим) феноменом или процессом является еще более важным. В данном

[15] См.: The Healthy Personality / H. Chiang, A.H. Maslow (Eds.). N.Y.: Van Nostrand Reinhold, 1969.

[16] См.: *Fadiman J.* The Transpersonal Stance // Beyond Ego: Transpersonal Dimensions in Psychology / R.N. Walsh, F. Vaughan (Eds.). Los Angeles: J.P. Tarcher, 1980.

[17] См.: *Brenner C.* An Elementary Textbook of Psychoanalysis. N.Y.: Anchor, 1974.

направлении отождествление понимается как процесс, посредством которого нечто переживается как собственное *Я*. Более того, этот тип отождествления остается незамеченным для многих из нас, в том числе для психологов, терапевтов и ученых-бихевиористов, потому что все мы очень сильно вовлечены в этот процесс. На самом деле мы настолько сильно отождествляем себя, что нам никогда даже не приходит в голову усомниться в том, кем мы являемся, и в том, что нам кажется предельно ясным. Получившие всеобщее признание отождествления остаются незамеченными, потому что они не подвергаются сомнению. Действительно, любая попытка подвергнуть их сомнению может встретить значительное сопротивление других людей. «Наши попытки проснуться раньше времени часто пресекаются, особенно теми, кто сильнее всех любит нас. Потому что они, благослови их Господь, погружены в сон. Они думают, что любой, кто просыпается, или <...> осознает, что принимаемое за реальность является сном, сходит с ума»[18].

Процесс освобождения от отождествления затрагивает широкий круг проблем. Отождествляя сознание с работой своего ума, индивид не осознает более широкий контекст сознания, в который включена умственная деятельность. Когда сознание отождествляется с его психическим содержанием, это содержание становится контекстом, на фоне которого воспринимается вся умственная деятельность и переживаемый опыт. Таким образом, психическое содержание сознания, ставшее контекстом, интерпретирует другие содержания сознания и определяет их значение, восприятие, а также убеждения человека, его мотивацию и поведение. Все это происходит в соответствии с существующим психическим контекстом, что все больше усиливает его влияние. Более того, этот психический контекст запускает психологические процессы, которые также усиливают его[19].

Например, если появившуюся мысль «мне страшно» наблюдать и рассматривать такой, как она есть, т.е. просто как очередную мысль, тогда она оказывает на нас небольшое влияние. Однако если происходит отождествление с этой мыслью, то в данный момент реальность индивида заключается в том, что он испуган и склонен порождать целые серии страшных мыслей и соответствующих эмоций, отождествляя себя с ними, а также интерпретировать свои неясные чувства как страх, воспринимать мир как пугающий и вести себя испуганно. Таким образом, отождествление запускает самодостаточный процесс, в ходе которого происходит дальнейшее подтверждение реальности того, с чем отождествил себя индивид. Для человека, отождествившего себя с мыслью «мне страшно», все выглядит как подтверждение реальности его страха. Отождествляя себя таким

---

[18] *Laing R.D.* The Politics of the Family. N.Y.: Pantheon, 1971. P. 82.

[19] См.: *Erhard W.* Workshop for Psychotherapists. San Francisco, 1977; *Erhard W.* Who is It? Who is Healthy? // Beyond Health and Normality: Explorations of Extreme Psychological Well-Being / R. Walsh, D. Shapiro (Eds.). N.Y.: Van Nostrand Reinhold, in press; *Walsh R.* Initial meditative experiences: I // Journal of Transpersonal Psychology. 1977. Vol. 9. P. 151—192.

образом, человек не осознает, что особенности его восприятия зависят от этой мысли «мне страшно». Данная мысль становится недоступной для наблюдения, а точнее — она становится той «призмой», через которую воспринимается и интерпретируется все остальное. Сознание, которое могло бы быть трансцендентным и не ограниченным какой-либо установкой, становится суженным, т.е. сведенным к восприятию мира с единственной точки зрения, в рамках которой происходит дальнейшее подтверждение ее истинности. Это похоже на процесс, происходящий с незамеченными моделями, о котором говорилось выше. «Мы находимся во власти всего того, с чем отождествляем себя. Мы можем управлять и контролировать все то, с чем перестаем себя отождествлять»[20]. «Пока мы отождествляем себя с определенным объектом, мы остаемся в рабстве»[21].

Возможно, что мысли и убеждения образуют механизмы, или алгоритмы, которые конструируют, опосредствуют, направляют и поддерживают суженное благодаря отождествлению состояние сознания. Такие механизмы могут выступать в качестве ограничивающих моделей личностей, которыми мы считаем себя. Играя такую роль, эти механизмы должны быть готовы к новым отождествлениям, чтобы обеспечить возможность развития личности. Возможно, что убеждения, образующие подобные механизмы, действуют как защитные стратегии, в соответствии с которыми мы решаем, кем и чем мы должны быть, чтобы выжить и оптимально функционировать.

Если вспомнить, что наш ум обычно наполнен мыслями, с которыми мы неумышленно отождествляем себя, то становится очевидным, что в нашем обычном состоянии сознания мы в буквальном смысле находимся под гипнозом. Как и во всяком другом гипнотическом состоянии, мы не осознаем, что находимся в трансе и что наше сознание сужено, а также не помним, с чем мы отождествляли себя до гипноза. Пребывая в трансе, мы принимаем за себя собственные мысли, с которыми себя отождествляем! Другими словами, те мысли, от отождествления с которыми мы не смогли освободиться, создают наше состояние сознания, нашу индивидуальность и ту реальность, в которой мы существуем!

Мы являемся тем, что мы думаем о себе.
Все, чем мы являемся, возникает с нашими мыслями.
Своими мыслями мы создаем мир[22].

Мы поддерживаем мир своим внутренним диалогом[23].

---

[20] См.: *Assagioli R.* Psychosynthesis: A Manual of Principles and Techniques. N.Y.: Hobbs Dorman, 1965. [Рус. пер. см.: *Ассаджиоли Р.* Психосинтез. Принципы и техники: Пер. с англ. М.: Эксмо-Пресс, 2002. — *Ред.-сост.*]

[21] *Wei Wu Wei.* All Else is Bondage. Hong Kong: Hong Kong University Press, 1964.

[22] Будда (цит. по: *Byrom T.* The Dhammapada: The Sayings of the Buddha. N.Y.: Vintage, 1976).

[23] *Castaneda C.* Tales of Power. N.Y.: Simon and Schuster, 1974. [Рус. пер. см.: *Кастанеда К.* Сказки о силе // Кастанеда К. Сказки о силе. Второе кольцо силы. Киев: София, Ltd., 1992. С. 5—298. — *Ред.-сост.*].

По-видимому, у всех нас действуют сходные механизмы, лежащие в основе гипнотической природы нашего обычного состояния сознания, хотя их конкретное содержание может варьировать у разных людей и в разных культурах. Принятые в культуре убеждения и образы реальности имеют тенденцию широко распространяться среди людей и глубоко внедряться в их сознание[24].

> Что является бессознательным, а что сознательным, зависит <...> от структуры общества и от тех паттернов чувств и мыслей, которые оно создает. <...> Общество воздействует на нас, не только наполняя наше сознание фикциями, но и препятствуя осознанию реальности. <...> Каждое общество <...> определяет формы сознания. Эта система действует подобно *социально обусловленному* фильтру; никакой опыт не может проникнуть в сознание до тех пор, пока он не пройдет сквозь этот фильтр[25].

Посмотрев на проблему в такой перспективе, можно понять, что Эго возникает, когда сознание отождествляет себя с мышлением. Это Эго представляет собой комплекс мыслей, с которыми мы склонны себя отождествлять. По сути, такое Эго является иллюзией, созданной нашим ограниченным сознанием. Эта здравая мысль касается как отдельной личности, так и традиционной западной психологии в целом, поскольку все ее направления — это психологии Эго, а следовательно — науки об иллюзии.

За пределами отождествления

Таким образом, с определенной точки зрения пробуждение можно рассматривать как постепенное избавление от отождествления с психическим содержанием сознания вообще и со своими мыслями в частности. Это показано в таких практиках, как инсайт-медитация, где человека обучают наблюдать за всеми психическими процессами и быстро и точно опознавать их[26]. Для большинства людей это медленный, трудный процесс, в ходе которого постепенное обострение восприятия приводит к очищению сознания от все более тонких уровней отождествления[27].

---

[24] См.: *Elgin D.* Voluntary Simplicity. N.Y.: William Morrow, in press; *Wilber K.* The Spectrum of Consciousness. Wheaton, Ill.: Theosophical Publishing House, 1977.

[25] *Fromm E., Suzuki D.T., DeMartino R.* Zen Buddhism and Psychoanalysis. N.Y.: Harper and Row, 1970. P. 98—99, 104. [Рус. пер. см.: *Фромм Э., Судзуки Д., Де Мартино Р.* Дзен-буддизм и психоанализ. М.: Весь Мир, 1997. — *Ред.-сост.*]

[26] См.: *Goldstein J.* The Experience of Insight. Santa Cruz, Calif.: Unity Press, 1976; *Goleman D.* The Varieties of of the Meditative Experience. N.Y.: E.P. Dutton, 1977. [Рус. пер. см.: *Големан Д.* Разнообразие медитативного опыта. Киев: Экслибрис, 1993. — *Ред.-сост.*]

[27] См.: *Sayadaw M.* Practical Insight Meditation. Kandy, Sri Lanka: Buddhist Publication Society, 1976; *Sayadaw M.* The Progress of Insight. Kandy, Sri Lanka: Buddhist Publication Society, 1978; *Kornfield J.* Living Buddhist Masters. Santa Cruz, Calif.: Unity Press, 1977; *Walsh R.* Initial meditative experiences: I // Journal of Transpersonal Psychology. 1977. Vol. 9. P. 151—192.

И в конце концов сознание перестает отождествлять себя с чем-либо конкретным. Это свидетельствует о том, что произошло радикальное изменение сознания, известное под разными названиями, например как просветление или освобождение. Поскольку больше не существует конкретного отождествления с чем-либо, человек преодолевает дихотомию *Я* / не *Я* и ощущает себя одновременно ничем и всем. Такие люди воспринимают себя и как чистое сознание (ничто), и как целую вселенную (всё). Не отождествляя себя ни с какой точкой пространства и в то же время ощущая каждую его точку, будучи одновременно нигде и везде, они чувствуют себя за пределами пространства и определенного местонахождения в нем.

Подобным образом происходит выход и за пределы времени. Ум пребывает в постоянном движении. Тренировка восприятия, такая как медитация, позволяет достичь настолько высокого уровня чувствительности, что весь ум, а следовательно и феноменальный мир в целом, воспринимается как постоянно движущийся и изменяющийся, причем каждый сознаваемый объект возникает в сознании из пустоты и вновь исчезает за короткие доли секунды[28]. Это основное подтверждение буддийского учения о непостоянстве — о том, что все изменяется и ничто не остается прежним[29]. Осознание этого может стать главной силой, побуждающей человека, который продвинулся в медитации, преодолеть все психические процессы и достичь неизменного, необусловленного состояния нирваны.

На этой заключительной ступени чистого сознания нет чувства отождествленности с его изменениями, поскольку больше не существует и его отождествления с умом. А поскольку течение времени можно ощутить, когда что-то изменяется, человек, находящийся в данном состоянии сознания, чувствует себя вне времени. Это переживается как вечность, вечность неизменного «сейчас», и в таком случае время воспринимается как иллюзорный продукт отождествления.

Время создано тобой
Его часы тикают в твоей голове.
В тот момент, когда ты остановишь мысли,
Время тоже остановится и умрет[30].

Психические процессы и содержания сознания являются в основном результатом обусловленности; этот факт признается как западной, так и незападной психологией. Отождествление с этими содержаниями приводит к пережи-

---

[28] См.: *Goldstein J.* The Experience of Insight. Santa Cruz, Calif.: Unity Press, 1976; *Goleman D.* Meditation and Consciousness: An Asian Approach to Mental Health // American Journal of Psychotherapy. 1976. Vol. 1. P. 41—54; *Buddhagosa.* The Path of Purity / P.M. Tin (Trans.). Sri Lanka: Pali Text Society, 1923.

[29] См.: *Sayadaw M.* Practical Insight Meditation. Kandy, Sri Lanka: Buddhist Publication Society, 1976; *Sayadaw M.* The Progress of Insight. Kandy, Sri Lanka: Buddhist Publication Society, 1978; *Kornfield J.* Living Buddhist Masters. Santa Cruz, Calif.: Unity Press, 1977.

[30] *Frank F.* The Book of Angelus Silesius. N.Y.: Vintage, 1976. P. 40.

ванию своего *Я* как полностью зависящего от собственной обусловленности. Преодолев отождествление, человек освобождается и от последствий обусловленности. Обусловленные мысли и эмоции продолжают появляться в его уме, но, поскольку он не отождествляет себя с ними, сознание такого человека остается необусловленным.

Необусловленное чистое состояние сознания, по-видимому, позволяет испытать блаженство и счастье; в индуистской традиции это состояние описано как сат-чит-ананда: вечность, знание и блаженство. Без отождествления с болезненными мыслями и эмоциями не может быть страдания. Таким образом, в соответствии с данными представлениями, причиной страданий является отождествление.

Освобожденное от неосознанных искажающих и ограничивающих отождествлений и контекстов, сознание становится способным к ясному, точному восприятию. Поэтому в тибетском буддизме оно называется «кристальным зеркалом», так как дает ясное, правдивое отражение реальности. Более того, из-за отсутствия конкретных отождествлений само зеркало и то, что оно отражает — субъект и объект — воспринимаются как одно и то же явление. Сознание воспринимает себя теперь как то, на что оно раньше смотрело со стороны, потому что наблюдатель, или Эго, которое было иллюзорным продуктом отождествления, больше не воспринимается как отдельное существо.

Кроме того, поскольку в таком состоянии человек воспринимает себя как чистое сознание, которое едино со всем и тем не менее является ничем, он также воспринимает себя как в точности идентичного, или тождественного всем другим людям. В таком состоянии сознания слова мистиков, провозглашающих, что «мы едины», наполняются смыслом, буквально обозначая подобное переживание. Поскольку такой человек не исключает из своего *Я* ничего, что существует в мире, мысль о причинении вреда «другим» больше не имеет для него никакого смысла; утверждается, что подобные мысли у таких людей могут даже не возникать[31]. Естественным проявлением данного состояния сознания будет любовь и сострадание к окружающим.

Судя по описаниям этого состояния, большинству из нас подобные переживания известны лишь по тем моментам трансцендентного озарения, которые бывают при пиковых переживаниях[32]. Таким образом, наша способность к пониманию этого состояния ограничена рамками нашего обычного сознания и недостатком непосредственного опыта. Следовательно, становится очевидным, что описания таких состояний могут быть отчасти непостижимы для людей, которые никогда не испытывали их, и объяснение этих состояний в терминах традиционной психологии может оказаться невозможным. Поэтому отношение

---

[31] См.: *Goleman D.* The Varieties of of the Meditative Experience. N.Y.: E.P. Dutton, 1977. [Рус. пер. см.: *Големан Д.* Разнообразие медитативного опыта. Киев: Экслибрис, 1993. — *Ред.-сост.*]

[32] См.: *Maslow A.H.* The Farther Reaches of Human Nature. N.Y.: Viking, 1971. [Рус. пер. см.: *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. — *Ред.-сост.*]

к данному феномену легко может стать поверхностным — как к чему-то абсурдному или даже патологическому. Эту ошибку совершают даже некоторые выдающиеся западные специалисты, которые занимаются психическим здоровьем. Однако трансперсональная психология впервые пытается создать психологическую модель, способную объяснить религиозные переживания и учения.

Поскольку люди, пребывающие в состоянии сознания, известном как просветление, чувствуют самих себя чистым сознанием, всем и ничем, целой вселенной, необусловленными, неизменными, вечными и едиными со всеми людьми, они также ощущают себя едиными с Богом. В данном случае Бог представляется не как некоторая личность или вещь «вне меня», а скорее как непосредственное переживание единства всего сущего. В самой глубине человеческой психики, когда исчезают все ограничивающие сознание отождествления, сознание не чувствует границ своей индивидуальности и непосредственно переживает себя как нечто, находящееся за пределами времени и пространства, как то, что по традиции люди называли Богом. «Для меня Бог — это слово, которое употребляется для того, чтобы указать на нашу невыразимую субъективность, на невообразимый потенциал, заложенный в каждом из нас»[33].

Таким образом, говоря о высших уровнях психологического благополучия, трансперсональная модель может лишь указать на существование того, что находится за пределами каких бы то ни было моделей, а также за пределами сферы личности.

---

[33] *Bugental J.F.T.* Psychotherapy and Process. Reading (Mass): Addison-Wesley, 1978.

Э.В. Ильенков

Что же такое личность?*

Две логики – два подхода

> ...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений.
>
> *К. Маркс*

О том, что «личность» — уникальное, невоспроизводимо-индивидуальное образование, одним словом, нечто *единичное*, спорить не приходится. «Единичное» в философии понимается как абсолютно неповторимое, существующее именно в данной точке пространства и времени и отличающееся от любого другого «единичного», а потому и внутри себя столь же бесконечное, как и сами пространство и время. Полное описание единичной индивидуальности равнозначно поэтому «полному» описанию всей бесконечной совокупности единичных тел и «душ» в космосе. Это понимали и Декарт[1], и Спиноза[2], и Гегель[3], и Фейербах[4], все грамотные философы, независимо от их принадлежности к тому или иному лагерю в противоборстве материализма и идеализма.

По этой причине наука о «единичном», как таковом, действительно невозможна и немыслима. Раскрытие тайн «единичного» запредельно науке именно

---

* *Ильенков Э.* Что же такое личность? // С чего начинается личность / Под общ. ред. Р.И. Косолапова. М.: Политиздат, 1979. С. 183, 185—192, 200—206, 216—218, 220—237.

[1] Декарт (*Descartes*) Рене (1596—1650) — французский философ и математик. — *Ред.-сост.*

[2] Спиноза (*Spinoza*, *d'Espinosa*) Бенедикт (Барух) (1632—1677) — нидерландский философ. — *Ред.-сост.*

[3] Гегель (*Hegel*) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ, представитель немецкой классической философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма. — *Ред.-сост.*

[4] Фейербах (*Feuerbach*) Людвиг (1804—1872) — немецкий философ. — *Ред.-сост.*

потому, что любая частная цепочка причинно-следственных зависимостей уводит исследователя в «дурную» бесконечность всего прошлого бесконечной вселенной.

Гегель не случайно назвал тем же словом «дурная» (и не в осуждение, а в логическом смысле) и *человеческую индивидуальность*, поскольку под ней как раз и подразумевают абсолютную неповторимость, уникальность, неисчерпаемость деталей и невоспроизводимость их данного сочетания, невозможность предсказать заранее с математической точностью ее состояния и поведение в заданных обстоятельствах. Неповторимость свойственна каждой отдельной личности настолько органически, что если ее отнять, то исчезнет и сама личность. Но эта неповторимость свойственна личности не в силу того, что она — *человеческая* личность, а постольку, поскольку она *нечто единичное вообще*, «индивид вообще», нечто «неделимое». <...>

Экзистенциалистские[5] «защитники личности», ополчаясь на Гегеля за его якобы «высокомерное» отношение к «дурной индивидуальности», сами воспроизводят «первородный грех» гегельянщины. Растворяя конкретную проблему определения своеобразия человеческой индивидуальности (личности) в абстрактно-логической проблеме отношения «общего и единичного», они сводят ее к вопросу о соотношении «одинаковости и неодинаковости». Солидаризируясь с Гегелем в том, что составляет как раз его порок (манеру всякую конкретную проблему сводить к ее абстрактно-логическому выражению и в нем видеть ответ, «абсолютное решение»), они отвергают то, что есть умного, диалектического в его подходе, — понимание того факта, что «всеобщее» не есть «одинаковое», не есть признак, свойственный каждому порознь взятому индивиду. Поэтому и бесплодна любая попытка определить «сущность человека» путем отыскания «общего признака», которым обладает каждый порознь рассматриваемый человеческий индивид.

Всеобщее с точки зрения диалектической логики — синоним закона, управляющего массой индивидов и реализующегося в движении каждого из них, несмотря на их неодинаковость и даже благодаря ей; синоним конкретной взаимосвязи, объединяющей в одно целое, в одну конкретность (К. Маркс обозначил это как «единство во многообразии») бесконечное множество бесконечно разнящихся между собою *индивидов* (безразлично, каких именно — людей или листьев на дереве, товаров на рынке или микрочастиц в «ансамбле»). Так понимаемое всеобщее и составляет *сущность* каждого из них, конкретный закон их существования. А одинаковость их лишь *предпосылка*, лишь предварительное условие их «конкретной всеобщности», т.е. объединения в конкретное целое, многообразно расчлененное внутри себя.

Руководствуясь именно такой логикой, К. Маркс ставил и решал вопрос о «сущности человека» — о конкретно-всеобщем определении *человеческого* инди-

---

[5] *Экзистенциализм* — иррационалистическое направление в философии и литературе, представители которого считают, что предметом философии является человеческое существование, человек как духовное начало. — *Ред.-сост.*

вида, *личности*, как совокупности всех общественных отношений[6]. В оригинале сказано еще выразительнее — *ансамбль*, т.е. не механическая сумма одинаковых единиц, а представленное в единстве многообразие всех социальных отношений.

«Сущность» каждого индивида, относящегося к данному «роду», заключается, согласно логике мышления К. Маркса, в той *совершенно конкретной системе взаимодействующих между собою индивидов*, которая только и делает каждого из них тем, что он есть. В данном случае это принадлежность к роду человеческому, понимаемому не как естественно-природная, биологически заданная «немая связь», а как исторически возникшая и исторически же развивающаяся социальная система, т.е. общественно-исторический организм как расчлененное целое.

Биологическая же связь, выражающаяся в тождестве морфофизиологической организации особей вида *homo sapiens*, составляет лишь *предпосылку* (хотя и абсолютно необходимую, и даже *ближайшую*), лишь условие человеческого, «родового» в человеке, но никак не «сущность», не внутреннее условие, не *конкретную общность*, не общность социально-человеческую, не общность *личности* и *личностей*.

Непонимание этого марксистского положения в лучшем случае приводит к разговорам о двойственной, «биосоциальной» сущности человека, человеческой индивидуальности, личности. Если же продолжить дальше логическое путешествие по этому пути, то можно дойти до его плюралистического конца, включив в понимание «сущности человека» и все остальные — а не только ближайшие — предпосылки возникновения «родового», человеческого в человеке.

Социально-биологический дуализм [двойственность. — *Ред.-сост.*] в понимании сущности человеческой индивидуальности (личности) — только начало этого плюралистического конца, то бишь могилы мышления, руководствующегося логикой редукции[7], уводящей все дальше и дальше от той конкретной «сущности», которую хотели понять, логикой разложения конкретности на неспецифичные для нее составляющие части. В конечном итоге эта логика с неизбежностью приведет к «социо-био-химически-электро-физически-микрофизически-квантово-механическому» пониманию сущности человека.

И совсем не по праву представители подобной *механистической* логики мнят себя материалистами. Проблема человеческой индивидуальности (личности) — как раз та проблема, где механистический материализм сам собою выворачивается в свою собственную противоположность, в самую плоскую форму идеализма — в физиологический идеализм, в позицию, где архаические представления о «душе» пересказываются на грубо-физикальном языке, переводятся в терминологию физиологии мозга или биохимии, кибернетики или теории информации, не меняясь от этого ни на йоту по существу.

---

[6] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 265.

[7] *Редукция* — упрощение, сведение сложного процесса к более простому. — *Ред.-сост.*

Действительно научно решить проблему личности, проблему индивидуальной психики можно лишь в рамках *материалистически ориентированной психологии* — науки «о душе», о тайне ее рождения и о законах ее развития. И ни в коем случае не в области физиологии мозга и нервной системы. Сведение проблемы психики вообще и индивидуальной психики в частности (то есть проблемы личности) к проблеме исследования морфологии мозга и его функций — это не материализм, каковым такое сведение некоторым представляется, а только его неуклюжий эрзац [неполноценный заменитель. — *Ред.-сост.*], псевдоматериализм, под маской которого скрывается физиологический идеализм. <...>

Знание особенностей мозга человека не раскроет нам тайны его личности. Наличие медицински нормального мозга — это одна из материальных предпосылок (повторим это еще раз) личности, но никак не сама личность. Ведь личность и мозг — это принципиально различные по своей «сущности» «вещи», хотя *непосредственно*, в их фактическом существовании, они и связаны друг с другом столь же неразрывно, сколь неразрывно слиты в некое единство образ «Сикстинской мадонны» и те краски, которыми он написан на куске холста Рафаэлем[8], троллейбус и те материалы, из которых он сделан на заводе. Попробуйте отделить одно от другого. Что у вас останется? Железо и краски. «Сикстинская мадонна» и «троллейбус» исчезнут без следа. А железо и краски останутся именно потому, что они лишь предпосылки, лишь внешние (а потому *безразличные)* условия существования данной конкретной вещи, а никак не сама вещь в ее конкретности.

То же самое и с отношением личности к мозгу. То, что мозг ни в коем случае не есть личность, доказывается уже тем простым фактом, что личности без мозга быть не может, а мозг без намека на личность (т.е. на какие бы то ни было психические функции) бывает (он существует в этом случае в чисто биологическом смысле, как биологическая реальность). <...>

Так рождается личность

> ...Предмет, как бытие для человека, как предметное бытие человека, есть в то же время наличное бытие человека для другого человека, его человеческое отношение к другому человеку, общественное отношение человека к человеку.
>
> *К. Маркс*

В 1844 г., говоря о будущей материалистической психологии — о науке, которая в то время еще не была создана, К. Маркс писал, что именно «история *промышленности* и сложившееся *предметное* бытие промышленности являются *раскры-*

[8] Рафаэль Санти (*Raffaello Santi*) (1483—1520) — итальянский живописец и архитектор. — *Ред.-сост.*

той книгой *человеческих сущностных сил*, чувственно представшей перед нами человеческой *психологией*» и что «такая *психология*, для которой эта книга, т.е. как раз чувственно наиболее осязательная, наиболее доступная часть истории, закрыта, не может стать действительно содержательной и *реальной* наукой»[9].

Рассматривая личность как чисто социальную единицу, как конкретный ансамбль социальных качеств человеческой индивидуальности, психология обязана абстрагироваться от отношений личности к тем вещам, которые не имеют к ней *внутренне* необходимого отношения, и исследовать лишь отношения-связи, которые опосредствуют личность с самою собою, т.е. одну личность с другой такой же личностью. «Внешняя вещь» в этом исследовании должна приниматься во внимание лишь постольку, поскольку она оказывается опосредствующим звеном между двумя (по меньшей мере) человеческими индивидами.

В качестве примера такой «внешней вещи» можно указать на слово — созданную человеком для человека («для самого себя») форму общения. Но слово — далеко не единственная, и даже не первая из таких форм. Первыми (и по существу и во времени) являются те *непосредственные* формы общения, которые завязываются между индивидами в актах коллективного труда, совместно осуществляемых операций по изготовлению нужной вещи. Эта последняя и выступает в данном случае как опосредствующее звено между двумя изготавливающими ее или хотя бы совместно пользующимися ею индивидами.

Таким образом, *человеческое отношение* всегда предполагает, с одной стороны, созданную человеком для человека вещь, а с другой стороны — другого человека, который относится по-человечески к этой вещи, а через нее — к другому человеку. И *человеческая* индивидуальность существует лишь там, где одно органическое тело человека находится в особом — социальном — отношении к самому себе, опосредствованном через отношение к другому такому же телу с помощью искусственно созданного «органа», «внешней вещи» — с помощью орудия общения.

Только внутри такой состоящей из «трех тел» системы и оказывается возможным проявление уникальной и загадочной способности человека «относиться к самому себе как к некоему другому», т.е. *возникновение личности*, *специфически человеческой индивидуальности*. Там, где такой системы из «трех тел» нет, есть лишь биологическая индивидуальность, есть лишь естественно-природная предпосылка рождения человеческой индивидуальности, но ни в коем случае не она сама как таковая.

Морфологически необходимость появления человеческой индивидуальности в единичное биологическое тело особи вида *homo sapiens* не «встроена», генетически не предусмотрена. Она «встроена» лишь в более сложное и обширное «тело» — в коллективное «тело человеческого рода». По отношению к организму отдельного человека она выступает поэтому как необходимость «внешняя», да-

---

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 123.

вящая на него «извне» и вполне принудительно преобразующая его тело таким образом, каким оно само собой никогда бы не преобразовалось.

Биологически (анатомо-физиологически) человеческий индивид не предназначен даже к прямохождению. Предоставленный самому себе, ребенок никогда не встанет на ноги и не пойдет. Даже этому его приходится *учить*. Для организма ребенка научиться ходить — это мучительно трудный акт, ибо никакой необходимости, диктуемой ему в том «изнутри», нет, а есть насильственное изменение врожденной ему морфофизиологии, производимое «извне».

Предоставленный самому себе, организм ребенка так и остался бы чисто биологическим организмом — животным. Человеческое же развитие протекает как процесс *вытеснения* органически «встроенных» в биологию функций (поскольку они еще сохранились) принципиально иными функциями — способами жизнедеятельности, совокупность которых «встроена» в морфологию и физиологию коллективного «тела рода».

Ребенка принуждают встать на задние конечности вовсе не в силу какой-либо биологически оправданной целесообразности, не потому, что две конечности лучше приспособлены для передвижения. К прямохождению ребенка принуждают именно для того (и только для того), чтобы освободить его передние конечности от «недостойной» работы для труда, т.е. для функций, навязываемых условиями культуры, формами предметов, созданных человеком для человека, и необходимостью с этими предметами манипулировать по-человечески.

Биологически (анатомически и физиологически, структурно и функционально) передние конечности человека вовсе не устроены так, чтобы они могли держать ложку или карандаш, застегивать пуговицы или перебирать клавиши рояля. Заранее морфологически они для этого не предназначены. И именно потому они способны принять на себя исполнение любого вида (способа) работы. Свобода от какого бы то ни было заранее «встроенного» в их морфологию способа функционирования и составляет их *морфологическое преимущество*, благодаря которому передние конечности новорожденного и могут быть развиты в органы человеческой деятельности, могут превратиться в человеческие руки.

То же самое и с артикуляционным аппаратом, и с органами зрения. От рождения они не являются органами человеческой личности, человеческой жизнедеятельности. Они лишь *могут стать*, сделаться таковыми, и только в процессе их человеческого, социально-исторически (в «теле культуры») запрограммированного способа употребления.

По мере того как органы тела индивида превращаются в органы человеческой жизнедеятельности, возникает и сама личность как *индивидуальная совокупность человечески-функциональных органов*. В этом смысле процесс возникновения личности выступает как процесс преобразования биологически заданного материала силами социальной действительности, существующей до, вне и совершенно независимо от этого материала.

Иногда этот процесс называют «социализацией личности». На наш взгляд, это название неудачно, потому что уже предполагает, будто личность как-то существует и до ее «социализации». На деле же «социализируется» не личность, а естественно-природное тело новорожденного, которому еще лишь предстоит превратиться в личность в процессе этой «социализации», т.е. личность еще должна *возникнуть*. И акт *ее рождения* не совпадает ни по времени, ни по существу с актом рождения человеческого тела, с днем физического появления человека на свет.

Поскольку тело младенца с первых минут включено в совокупность человеческих отношений, потенциально он уже личность. Потенциально, но не актуально, ибо другие люди «относятся» к нему по-человечески, а он к ним — нет. Человеческие отношения, в систему которых тельце младенца включено, тут еще не носят *взаимного* характера. Они односторонни, ибо ребенок еще долгое время остается *объектом* человеческих действий, на него обращенных, но сам еще не выступает *как их субъект*. Его пеленают, его купают, его кормят, его поят, а не он одевается, не он купается, не он ест и пьет. Он «относится» ко всему окружающему еще не как человек, а лишь как живое органическое тело, которому еще лишь предстоит превратиться в «тело личности», в систему органов личности как социальной единицы. По существу, он еще не отделился от тела матери даже биологически, хотя пуповина, физически соединяющая его с материнским телом, уже и перерезана ножом хирурга (заметьте, человеческим способом, а не зубами).

Личностью — социальной единицей, субъектом, носителем социально-человеческой деятельности — ребенок станет лишь там и тогда, когда *сам* начнет эту деятельность совершать. На первых порах с помощью взрослого, а затем и без нее.

Подчеркнем еще раз, что все без исключения человеческие способы деятельности, обращенной на другого человека и на любой другой предмет, ребенок *усваивает извне*. «Изнутри» ни одно, пусть самое пустяшное специфически человеческое действие не возникает, ибо в генах запрограммированы лишь те функции человеческого тела (и мозга, в частности), которые обеспечивают чисто биологическое существование, но никак не социально-человеческую его форму.

Личность и возникает тогда, когда индивид начинает самостоятельно, как субъект, осуществлять внешнюю деятельность по нормам и эталонам, заданным ему извне — той культурой, в лоне которой он просыпается к человеческой жизни, к человеческой деятельности. Пока же человеческая деятельность обращена на него, а он остается ее объектом; индивидуальность, которой он, разумеется, уже обладает, не есть еще *человеческая* индивидуальность. И лишь постольку, поскольку ребенок усваивает, перенимая от других людей, человеческие способы отношения к вещам, внутри его органического тела и возникают, формируются, образуются и специфически *человеческие органы*, за-

вязываются нейродинамические «структуры», управляющие его специфически человеческой деятельностью (в том числе и тот нервный аппарат, который управляет движениями мышц, позволяющими ребенку встать на две ноги), т.е. структуры, реализующие личность.

Таким образом, функция, заданная извне, создает (формирует) соответствующий себе орган, необходимую для своего осуществления «морфологию» — именно такие, а не какие-либо другие связи между нейронами, именно такие, а не иные «рисунки» их взаимных прямых и обратных связей. Поэтому же возможен любой из «рисунков», в зависимости от того, какие функции приходится осуществлять телу человека во внешнем мире, в мире за пределами его черепа и кожного покрова. И подвижная «морфология» мозга (точнее, коры и ее взаимоотношений с другими отделами) сложится именно такая, которая требуется *внешней* необходимостью, *условиями внешней деятельности человека*, той конкретной совокупностью отношений данного индивида к другим индивидам, внутри которой этот индивид оказался сразу же после своего появления на свет, тем «ансамблем социальных связей», который сразу же превратил его в свой «живой орган», сразу же поставил его в такую систему отношений, которая принуждает его действовать так, а не иначе.

Речь идет, конечно, о тех «церебральных структурах», которые реализуют *личностные* (специфически человеческие) функции индивида, его психические функции, а не о тех морфологически встроенных в тело мозга структурах, которые управляют кровообращением, пищеварением, газообменом, терморегуляцией, работой эндокринной системы и прочими физиологическими процессами, совершающимися внутри тела индивида.

Отсюда ясно, что материалистический подход к психической деятельности состоит в понимании того, что она определяется в своем течении не структурой мозга, а *системой социальных отношений человека к человеку, опосредствованных через созданные и создаваемые человеком для человека вещи внешнего мира*.

Это и дает нам право настаивать на тезисе, согласно которому в теле индивида выполняет себя, реализует себя, осуществляет себя *личность* как принципиально отличное от его тела и мозга социальное образование («сущность»), а именно совокупность («ансамбль») реальных, чувственно-предметных, через вещи осуществляемых отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам).

Эти отношения могут быть только отношениями *деятельности*, отношениями *активного взаимодействия* индивидов. Именно в силу взаимного характера таких отношений возникает ситуация, когда активное действие индивида, направленное на другого индивида, возвращается рикошетом обратно к нему, «отражается» от другого индивида как от своеобразного препятствия и тем самым превращается из действия, направленного на «другое», в действие, направленное (опосредствованно через «другое») на самого себя. <...>

В каком пространстве существует личность?

Где я? Не тут (*касается ладонью головы*) и не здесь (*указывает на грудь*)... А, понял: я — в сумме моих отношений с друзьями... и с врагами тоже. В совокупности моих отношений с другими людьми, вот где...

Из размышлений студента МГУ А. Суворова

Философ-материалист, понимающий «телесность» личности не столь узко, видящий ее прежде всего в совокупности (в «ансамбле») предметных, вещественно-осязаемых отношений данного индивида к другому индивиду (к другим индивидам), опосредствованных через созданные и создаваемые их трудом вещи, точнее, через действия с этими вещами (к числу которых относятся и слова естественного языка), будет искать разгадку «структуры личности» в пространстве *вне органического тела индивида* и именно поэтому, как ни парадоксально, — во *внутреннем пространстве личности*. В том самом пространстве, в котором сначала *возникает* человеческое отношение к *другому индивиду* (именно как реальное, чувственно-предметное, вещественно-осязаемое отношение), которое «внутри» тела человека никак заложено не было, чтобы затем — вследствие взаимного характера этого отношения — превратиться в то самое «отношение к самому себе», опосредствованное через отношение «к другому», которое и составляет *суть личностной — специфически человеческой —* природы индивида.

Личность поэтому и рождается, возникает (а не проявляется!) в пространстве реального взаимодействия по меньшей мере *двух* индивидов, связанных между собой через вещи и вещественно-телесные действия с этими вещами.

Поскольку человек, пишет К. Маркс, «родится без зеркала в руках и не фихтеанским философом: “Я есмь я”, то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности (со всеми особенностями его внешнего облика, со всеми случайностями цвета его волос и кожи. — *И.Э.*), становится для него формой проявления рода “человек”»[10].

Отношение, в котором находятся Петр и Павел, — это именно предметно-телесное, во внешнем пространстве осуществляющееся отношение между двумя индивидами, сначала активное со стороны взрослого Павла и совершенно пассивное со стороны новорожденного Петра, а затем, по мере человеческого повзросления Петра, становящееся взаимно активным и лишь постольку личностно-человеческим и с его стороны, а не только со стороны его воспитателя. Это именно *реальное* отношение, отношение двусторонне-активное, а не

[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 62.

«отношение», как и каким оно представлено в системе самочувствий и самомнений одного из участников, будь то Петр или Павел.

Петр может относительно реального своего отношения к Павлу иметь представление и наивно-младенческое, и учено-схоластическое; соответственно неадекватным будет и его «отношение к самому себе», т.е. реальное отношение, *как* и *каким оно представлено* в системе его самочувствия и самомнения. Отсюда-то и возникает самая возможность несоответствия между реальной личностью и ее самочувствием-самомнением. Это происходит именно из диалектического коварства так называемых «рефлективных отношений», «соотносительных определенностей». Данный человек лишь потому «король», приводит пример К. Маркс, что другие люди относятся к нему как «подданные». Между тем сами они считают себя «подданными» потому, что он — «король».

Если же исследовать это реальное отношение дальше, то получится, что они не только сами так думают, а и «королю» это мнение о своей персоне внушают. В итоге и «подданные», и «король» имеют о самих себе одно ложное представление на двоих, относятся «к самим себе» в своем самочувствии и самосознании совсем не так, как они относятся и к себе самим, и к другим *на самом деле*. <...>

Когда индивид настолько срастается с той ролью, которую он обречен играть внутри известной системы взаимоотношений с другими индивидами, с той специфической функцией, которая ему «поручена» в составе «ансамбля» (конкретно-локальной системы социальных отношений), он, само собой понятно, постоянно тренирует именно те органы своего тела, которые физиологически обеспечивают исполнение его специфических социальных функций и прежде всего необходимы для их исполнения. Эти органы, естественно, и развиваются гораздо более интенсивно, нежели другие, и в итоге даже внешний облик индивида начинает красноречиво свидетельствовать о том, что он в жизни делает. Речь идет отнюдь не только о таких сразу же бросающихся в глаза различиях, как, скажем, гипертрофированная мускулатура гиревика-тяжеловеса или сутуловатость бухгалтера-канцеляриста. Опытный физиономист заметит и оценит различия куда более тонкие.

«Только поверхностный человек не судит по внешности», — глубокую психологическую правду этого иронического парадокса Оскара Уайльда[11] живо постигаешь перед шедеврами портретной живописи, перед полотнами Репина[12] и Веласкеса[13], Рембрандта[14] и Серова[15] — художников, умевших разглядеть сквозь

[11] Уайльд (*Wilde*) Оскар (1854—1900) — английский писатель. — *Ред.-сост.*

[12] Репин Илья Ефимович (1844—1930) — русский живописец. — *Ред.-сост.*

[13] Веласкес (Родригес де Сильва Веласкес) (*Rodriguez de Silva Velásquez*) Диего (1599—1660) — испанский живописец. — *Ред.-сост.*

[14] Ре́мбрандт Харменс ван Рейн (*Rembrandt Harmensz van Rijn*) (1606—1669) — голландский живописец, рисовальщик, офортист. — *Ред.-сост.*

[15] Серов Валентин Александрович (1865—1911) — русский живописец и график. — *Ред.-сост.*

внешность индивида те *черты его личности*, которые он старается скрыть даже от самого себя.

И как бы иронически ни относиться к «физиономистике», нельзя отрицать, что способностью «судить по внешности» должен обладать каждый настоящий художник, каждый большой писатель, каждый актер, режиссер или скульптор. И судить именно о структуре *личности* индивида, а не о том, за что этот индивид хочет себя выдать, не о том, чем тот себя мнит и желает казаться в глазах других. Угождать самомнению заказчика старается лишь плохой художник. Настоящий художник всегда считал такое угождение низостью, предательством по отношению к искусству, какими бы красивыми словами оно ни оправдывалось.

Именно поэтому настоящее, большое искусство всегда состояло в близком родстве с настоящей, подлинно материалистической *психологией* (с наукой о закономерностях становления личности). Даже в тех случаях, когда оно ориентировалось на религиозно-мистические представления о «душе», формирующей тело и управляющей им. Но этого никак нельзя сказать о тех представителях физиологии, которые под флагом «научного» объяснения личности истолковывали ее *натуралистически*, выводя из врожденных особенностей морфологии и физиологии тела индивида, из своеобразия его «церебральных структур».

Именно поэтому настоящие художники с гораздо большим правом могут быть названы *психологами*, чем, скажем, некоторые даже выдающиеся физиологи. Гениальный физиолог сплошь и рядом может быть слабым психологом, но плохой психолог никогда не бывал и не мог быть не только гениальным, но и просто хорошим художником.

А причина этого проста: личность, одинаково интересующая и психологию как науку, и настоящее искусство, — чисто социальное, а вовсе не естественно-природное образование; чтобы понять, как она образуется (возникает, развивается и телесно выражает себя), нужно исследовать события, совершающиеся не внутри органики индивида, а в *«пространстве» общественных отношений*, в социально детерминированных его деяниях. Физиолог же, в отличие от подлинного художника, зачастую остается предельно наивным в отношении вещей и событий, находящихся за пределами черепной коробки, за пределами органического тела индивида, и потому легко попадает в плен поверхностных представлений о сути психики и личности. <...>

Плюшкин и Гобсек — уродливые порождения мира частной собственности. Потому-то о них (вернее, личностях подобного типа) можно читать даже в газетах, а не только в сочинениях Гоголя[16] и Бальзака[17], где они были не просто описаны, но и проанализированы как типичные (тем самым необходимые) фигуры «ансамбля» индивидов, связанных между собой отношениями частной собственности, товарно-денежными отношениями. Гоголь и Бальзак разгадали и раскрыли миру секрет рождения и развития личности этого типа. «Челове-

[16] Гоголь Николай Васильевич (1809—1852) — русский писатель. — *Ред.-сост.*

[17] Бальзак (*Balzac*) Оноре де (1799—1850) — французский писатель. — *Ред.-сост.*

ческая комедия» и «Мертвые души» показали, что в Гобсеке и Плюшкине нет ровно ничего загадочного и мистического. Их психология была художественно точно объяснена именно потому, что это объяснение производилось как тщательный анализ тех *фактических отношений* между индивидами, того «ансамбля» их взаимоотношений, которые с необходимостью рождают и стимулируют личность совершенно определенного типа, формируя даже внешний облик, даже «сухопарые, как у оленя, ноги», на которых ростовщик весь день бегает по Парижу.

И если такой анализ покажется кому-то лишь «донаучным», «ненаучным», «беллетристическим» описанием личности, то это свидетельствует лишь о том, что свое представление о психологии этот кто-то почерпнул из далеко не лучших источников — из «психологии», созданной на базе интроспекционизма[18], т.е. на базе действительно беллетристического (в плохом смысле этого слова) описания «психических феноменов», без малейшего намека на исследование того *фактического процесса*, который эти феномены произвел на свет божий.

Само собой понятно, что если о психологии иметь такое представление, то разгадку тайны *происхождения* личности типа Гобсека или Плюшкина придется отыскивать совсем не там, где искали ее Бальзак и Гоголь, — не в «анатомии и физиологии» *общественного организма*, создающего необходимые для своего функционирования живые «органы», а в анатомии и физиологии *органического* тела Плюшкина, Гобсека и им подобных, в строжайшем отвлечении от всех «внешних» факторов, условий и отношений их к другим индивидам, равно как и этих индивидов к ним.

Двигаясь в русле этой логики, можно дойти до откровенно реакционных вымыслов идеологического порядка, вроде распространенных среди буржуазных исследователей утверждений о наличии у человека таких врожденных, генетически запрограммированных инстинктов, как «инстинкт агрессии», «инстинкт власти» (над ближними), «инстинкт собственности» (разумеется, частной собственности), «инстинкт» принадлежности к узкой социальной группе, враждебно противостоящей другим таким же группам (кланам, партиям, нациям, блокам и т.п.), вплоть до «инстинкта» иерархической организации «человеческого стада».

Ничуть не менее реакционную идеологическую роль играют и приписываемые человеку «благородные» инстинкты, такие, как генетически наследуемый «инстинкт альтруизма» (любви к ближнему), «инстинкт творчества» и «самоотверженности» и др. Никакой границы выдумыванию все новых и новых «инстинктов» логика натуралистического объяснения социальных феноменов не ставит и не может поставить. А роль социальной «среды» при таком объяснении личности сводится лишь к тому, что она одним «инстинктам» мешает проявить-

[18] Здесь автор, по-видимому, имеет в виду психологию сознания на первом этапе становления психологии как научной дисциплины, основным методом которой была интроспекция (контролируемое самонаблюдение). — *Ред.-сост.*

ся в полную силу, а другим — способствует. Вот и все, что остается на долю «социальных факторов». <...>

Логика, заставляющая искать «объективное основание» для социальных различий между людьми в различиях их врожденной анатомо-физиологической организации, оказывается особенно живучей применительно к фактам современной жизни, к наличной стадии развития разделения общественного труда и соответствующему ее нуждам разделению способностей между индивидами. Рассуждения при этом строятся так: членение на классы «капиталистов» и «наемных рабочих» еще можно объяснить по логике «чисто социологического» мышления, а вот как объяснить в духе той же логики разделение людей на «талантливых творческих индивидов» и «бездарных репродуктивов»? Социальный строй отношений человека к человеку тут вроде бы ни при чем. Значит, придется принимать в расчет естественно-природные, врожденные различия между индивидами. В таких случаях обычно из статьи в статью, из книги в книгу повторяется один и тот же аргумент: «социальная среда» одинакова, а какие разные получаются люди. Из одного получается Плюшкин, из другого — Ноздрев, из третьего — Манилов[19]. Из одного — Платон[20], из другого — Демокрит[21]. Из одного — Моцарт[22], из другого — Сальери[23]. Где же искать причину этих различий? Не иначе как в генах, в особенностях морфологии мозга.

Ошибочность подобного рассуждения заключается в том, что социальный строй («среда») понимается здесь крайне абстрактно (а потому и ложно) как некий вне индивидов находящийся *безличный механизм*, как гигантский штамп, норовящий впечатать в каждый «мозг» одну и ту же психическую схему. Если бы дело обстояло действительно так, то в биологической неодинаковости мозгов пришлось бы видеть единственную причину того обстоятельства, что «отпечатки» социального штампа каждый раз получаются разные, варьирующиеся. Но «среда», о которой идет речь, иная. Это всегда *конкретная совокупность взаимоотношений между реальными индивидами*, многообразно расчлененная внутри себя, и не только на основные — классовые — противоположности, но и на другие бесконечно разнообразные узлы и звенья, на локальные «ансамбли» внутри этих основных противоположностей, вплоть до такой ячейки, как семья с ее «внутренними» отношениями между индивидами, в чем-то всегда очень схожая, а в чем-то совсем несхожая с другой такой же семьей. Да и внутри семьи взаимоотношения между составляющими ее индивидами тоже со временем меняются, и иногда очень быстро — иной раз в течение часов и даже считанных минут. <...>

---

[19] Разнотипные персонажи поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души». — *Ред.-сост.*

[20] Платон (427—347 до н.э.) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

[21] Демокрит (ок. 470 или 460 — ок. 380 или 370 до н.э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. — *Ред.-сост.*

[22] Моцарт (*Mozart*) Вольфганг Амадей (1756—1791) — австрийский композитор. — *Ред.-сост.*

[23] Сальери (*Salieri*) Антонио (1750—1825) — итальянский композитор и педагог. — *Ред.-сост.*

Биосоциальное толкование личности ориентирует мышление на полную неразбериху и в вопросе о том, *какие именно индивидуальные особенности* человека относятся к характеристикам его *личности*, а какие не имеют к ней отношения, поскольку совершенно нейтральны, индифферентны к ее психической структуре и принадлежат к разряду чистейших *случайностей*, с равным успехом могущих быть и совершенно другими, даже прямо противоположными, абсолютно ничего не меняя в личности по существу. <...>

Нельзя научно исследовать личность, не имея четкого критерия для различения тех индивидуальных особенностей человека, которые характеризуют его как личность, от таких (может быть, даже кричащих и прежде всего бросающихся в глаза), которые ни малейшего отношения к его личности не имеют и могут быть заменены на обратные с такой же легкостью, как фасон пиджака или прическа.

Бывают в жизни даже такие ситуации, когда усилия человека направлены на то, чтобы под маской, наигранной позой, используя взятые напрокат внешние штампы или набор общепринятых стандартов, спрятать свою подлинную личность. Достаточно вспомнить героя широко известного телевизионного фильма — Штирлица.

А бывает и так, что маска приклеивается к лицу человека настолько прочно, что он уже не в силах содрать ее. И тогда маска начинает заменять ему собственную личность (если, разумеется, таковая была), а прежняя личность потихоньку атрофируется за ненадобностью, превращается в призрак воспоминания, в самообман. Эту ситуацию, которая со стороны может показаться даже комической, но всегда трагически-невыносима для самого человека с «чужим» и неподвластным ему «лицом», весьма наглядно представили людям Марсель Марсо[24] и Чарли Чаплин[25], Кобо Абэ[26] и Бергман[27].

А если жизнь все-таки с человека эту маску сорвет, то образ возникает еще более кошмарный: маска сорвана, а под нею и за нею собственного лица уже вообще нет. Человек без лица, как часы без стрелок, — бесформенная масса, биохимия плоти. Зрелище тем более страшное, что иллюзия наличия личности — индивидуально-неповторимое самочувствие этой плоти — не только полностью сохраняется, но и становится болезненно гипертрофированным. Это ситуация абсолютного одиночества среди толпы, сходная с той, в какую попадают герои бергмановского «Молчания», люди, приехавшие в чужой город, где никто не понимает их родного языка, где они никому не в состоянии поведать самых простых вещей, где никому нет никакого дела до их личности, ибо никто ее просто

---

[24] Марсо (*Marceau*) Марсель (р. 1923—2007) — французский актер-мим. — *Ред.-сост.*

[25] Чаплин (*Chaplin*) Чарлз Спенсер (1889—1977) — американский актер, кинорежиссер, сценарист, композитор и продюсер. — *Ред.-сост.*

[26] Абэ Кобо (1924—1993) — японский писатель. — *Ред.-сост.*

[27] Бергман (*Bergman*) Ингмар (1918—2007) — шведский режиссер и сценарист. — *Ред.-сост.*

не видит, не слышит, не ощущает. Потому ли, что отсутствуют взаимопонятные средства общения личности с личностью? Или потому, что никакой личности ни с той ни с другой стороны тут уже и нет?

И вот то, что еще сохранилось здесь от личности, начинает уродливо искажаться, как в зеркалах комнаты смеха, как в кошмарном сновидении, а сфера самоощущения превращается в средоточие боли одиночества, боли «личности», которая ни для кого другого, кроме самой себя, не существует. Боль, которую она испытывает, — это боль заживо похороненного.

А *существует* ли в такой ситуации личность, хотя бы внутри себя? Только в виде средоточия собственного страдания — страдания личности, утратившей самое себя. И то до поры до времени, до той точки, где страдание становится уже и физически невыносимым. И тогда — самоубийство. Сюжет, обсосанный тысячи раз и экзистенциальной беллетристикой, и экзистенциалистской психологией.

Именно *такой* «личностью» и этикой *такой* «личности» экзистенциалисты хотели бы «дополнить» марксизм.

Личность, утратившая самое себя, — это индивид, утративший все *личностные*, т.е. социально-человеческие связи с другими индивидами, это «ансамбль», все связи между участниками коего прерваны и торчат во все стороны, как болезненно кровоточащие обрывки. Не приходится благодарить за такое «дополнение».

Марксистско-ленинское понимание личности требует совсем иного выхода из подобной ситуации — восстановления *всей полноты* личностных, общественно-человеческих, отношений человека к человеку. Восстановления отношений, которые опосредствованы «вещами», сохраняющими человечески-личностный характер, в том числе и такими, как *слова*. Те самые слова, которые в известных условиях становятся преградой для взаимопонимания, вместо того чтобы быть *посредником*, формой выражения личности во всем ее неповторимом своеобразии, формой человеческого общения, формой «наличного бытия человека для другого человека».

В конце концов, всегда можно определить, имеем ли мы дело со словоизъявлением личности или же только с произнесением штампованных словосочетаний, в которых свое «Я» говорящий никак не выражает, т.е. с актом, в котором «личность» с успехом может быть заменена звуковоспроизводящим устройством. В любом случае, даже если такое устройство может переставлять слова и фразы, ставить их в необычный порядок и связь, создавая тем самым *иллюзию* индивидуальной неповторимости речи, индивидуальной неповторимости словосочетаний, всегда можно обнаружить хитрое или нехитрое *правило*, «алгоритм» создания этой иллюзии. «Игру без правил» способна осуществлять только *человеческая индивидуальность*, т.е. личность.

Экзистенциалисты изображают дело так, будто «личностное» («экзистенциальное») в человеке — это тот остаток, который получается за вычетом всех без

исключения социальных («институциональных») форм существования человека и форм выражения такого существования. А социальные формы человеческой жизнедеятельности третируются ими как чуждые личности (как «отчужденные» от нее) безликие штампы, стандарты, стереотипы, как извечно враждебные личности силы.

Личность в экзистенциальном понимании — это то, что принципиально невыразимо в сколь угодно хитроумном сочетании «социальных стереотипов» (будь то стереотипы поведения, языка или самочувствия), мистически-неуловимое «нечто», равное «ничто», «небытию», смерти в ее обрисованном выше виде. Такое понимание личности есть, однако, не что иное, как выраженное на философском языке честное самопризнание индивидуальности вполне определенного исторического типа. А именно — той индивидуальности, для которой социальный строй ее взаимоотношений с другими индивидуальностями наглухо закрывает возможность проявлять себя, свою неповторимость в *реальном социальном действии*, в сфере реальных взаимоотношений с другими людьми.

Индивидуальность, лишенная возможности проявлять себя в действительно важных, значимых не только для нее одной, а и для другого (для других, для всех) действиях, поскольку формы таких действий заранее заданы ей, ритуализированы и охраняются всей мощью социальных механизмов, поневоле начинает искать выхода для себя в пустяках, в ничего не значащих (для другого, для всех) причудах, в странностях. И чем меньше действительно индивидуального, заранее не заштампованного отношения к действительно серьезным, социально значимым вещам дозволяется ей проявлять, тем больше она хорохорится своей «неповторимостью» в пустяках, в ерунде, в курьезных особенностях: в словах, в одежде, в манерах, в мимике, призванных лишь скрыть (и от других и прежде всего от себя самой) отсутствие личности (индивидуальности) в главном, в решающем — в социально значимых параметрах. Иными словами, тут индивидуальность становится лишь маской, за которой на деле умело скрывается набор чрезвычайно общих штампов, стереотипов, безличных алгоритмов поведения и речи, дел и слов.

И наоборот, действительная *личность* обнаруживает себя тогда и там, когда и где индивид в своих действиях и продукте своих действий вдруг производит результат, всех других индивидов волнующий, всех других касающийся, всем другим близкий и понятный, короче — ***всеобщий результат***, ***всеобщий эффект***. Платон или Евклид[28], Ньютон[29] или Спиноза, Бетховен[30] или Наполеон[31],

---

[28] Евклид — древнегреческий математик; работал в Александрии в III в. до н.э. — *Ред.-сост.*

[29] Ньютон (*Newton*) Исаак (1643—1727) — английский математик, астроном и физик, создатель классической механики. — *Ред.-сост.*

[30] Бетховен (*Beethoven*) Людвиг ван (1770—1827) — немецкий композитор, пианист и дирижер. — *Ред.-сост.*

[31] Наполеон I (*Napoléon*) (Наполеон Бонапарт) (1769—1821) — французский император в 1804—1814 гг. и в марте—июне 1815 г. — *Ред.-сост.*

Робеспьер[32] или Микеланджело[33], Чернышевский[34] или Толстой[35] — это личности, которых ни с кем другим не спутаешь, в которых сконцентрировано, как в фокусе, социально значимое (то есть значимое *для других*) дело их жизни, ломающее косные штампы, с которыми другие люди свыклись, несмотря на то что эти штампы уже устарели, стали тесны для новых, исподволь созревающих форм отношений человека к человеку. Поэтому подлинная личность, утверждающая себя со всей присущей ей энергией и волей, и становится возможной лишь там, где налицо назревшая необходимость старые стереотипы жизни ломать, лишь там, где кончился период застоя, господства косных штампов и настала пора *революционного творчества*, лишь там, где возникают и утверждают себя новые формы отношений человека к человеку, человека к самому себе.

Масштаб личности человека измеряется только масштабом тех реальных задач, в ходе решения которых она и возникает, и оформляется в своей определенности, и разворачивается в делах, волнующих и интересующих не только собственную персону, а и многих других людей. Чем шире круг этих людей, тем значительнее личность, а чем значительнее личность, тем больше у нее друзей и врагов, тем меньше равнодушных, для которых само ее существование безразлично, для которых она попросту не существует.

Поэтому сила личности — это всегда *индивидуально выраженная* сила того *коллектива*, того «ансамбля» индивидов, который в ней идеально представлен, сила индивидуализированной *всеобщности устремлений*, *потребностей*, *целей*, ею руководящих. Это сила исторически накопившейся энергии множества индивидов, сконцентрированная в ней, как в фокусе, и потому способная сломать сопротивление исторически изживших себя форм отношений человека к человеку, противодействие косных штампов, стереотипов мышления и действия, сковывающих инициативу и энергию людей.

Личность тем значительнее, чем полнее и шире представлена в ней — в ее делах, в ее словах, в поступках — *коллективно-всеобщая*, а вовсе не сугубо индивидуальная ее неповторимость. Неповторимость подлинной личности состоит именно в том, что она по-своему открывает нечто *новое для всех*, лучше других и полнее других выражая «суть» всех других людей, своими делами раздвигая рамки наличных возможностей, открывая для всех то, чего они еще не знают, не умеют, не понимают. Ее неповторимость не в том, чтобы во что бы то ни стало выпячивать свою индивидуальную особенность, свою «непохожесть» на других, свою «дурную индивидуальность», а в том и только в том, что, впер-

---

[32] Робеспьер (*Robespierre*) Максимильен (1758—1794) — деятель Французской революции конца XVIII в. — *Ред.-сост.*

[33] Микеланджело Буонарроти (*Michelangelo Buonarroti*) (1475—1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор и поэт. — *Ред.-сост.*

[34] Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — русский публицист, литературный критик и писатель. — *Ред.-сост.*

[35] Толстой Лев Николаевич (1828—1910) — русский писатель, мыслитель и публицист. — *Ред.-сост.*

вые создавая (открывая) ***новое всеобщее***, она выступает как ***индивидуально выраженное всеобщее***.

Подлинная индивидуальность — личность — потому-то и проявляется не в манерничанье, а в умении делать то, что умеют делать все другие, но *лучше всех*, задавая всем новый эталон работы. Она рождается всегда на переднем крае развития всеобщей культуры, в создании такого продукта, который становится достоянием всех, а потому и не умирает вместе со своим «органическим телом».

С этим же связана и давно установленная в философии и психологии синонимичность «личности» и «свободы». Свободы не в обывательском смысле (в смысле упрямого стремления делать то, что «мне желается»), а в смысле развитой способности преодолевать препятствия, казалось бы, неодолимые, в способности преодолевать их легко, изящно, артистично, а значит, в способности каждый раз действовать не только согласно уже известным эталонам, стереотипам, алгоритмам, но и каждый раз ***индивидуально варьировать*** всеобщие способы действия применительно к индивидуально-неповторимым ситуациям, особенностям материала.

Потому-то личность и есть лишь там, где есть свобода. Свобода подлинная, а не мнимая, свобода действительного развертывания человека в реальных делах, во взаимоотношениях с другими людьми, а не в самомнении, не в удовольствии ощущения своей мнимой неповторимости.

Потому-то личность не только ***возникает***, но и ***сохраняет себя*** лишь в постоянном расширении своей активности, в расширении сферы своих взаимоотношений с другими людьми и вещами, эти отношения опосредствующими. Там же, где однажды найденные, однажды завоеванные, однажды достигнутые способы жизнедеятельности начинают превращаться в очередные штампы-стереотипы, в непререкаемые и догматически зафиксированные мертвые каноны, личность умирает заживо: незаметно для себя она тоже превращается медленно или быстро в набор таких шаблонов, лишь слегка варьируемых в незначительных деталях.

И тогда она, рано или поздно, перестает интересовать и волновать другого человека, всех других людей, превращаясь в нечто повторяющееся и привычное, в нечто обычное, а в конце концов и в нечто надоевшее, в нечто для другого человека безразличное, в нечто безличное — в живой труп. Психическая (личностная) смерть нередко наступает в силу этого гораздо раньше физической кончины человека, а бывшая личность, сделавшаяся неподвижной мумией, может принести людям горя даже больше, чем его натуральная смерть.

Подлинная же, живая личность всегда приносит людям естественную ***радость***. И прежде всего потому, что, создавая то, что нужно и интересно всем, она делает это талантливее, легче, свободнее и артистичнее, чем это сумел бы сделать кто-то другой, волею случая оказавшийся на ее месте. Тайна подлинной, а не мнимой оригинальности, яркой ***человеческой индивидуальности*** заключается

именно в этом. Вот почему между «личностью» и «талантом» тоже правомерно поставить знак равенства, знак тождества.

По той же причине уходящие, реакционные социальные силы способны порождать достаточно яркие фигуры, личностей, вроде Рузвельта[36] или Черчилля[37], лишь постольку, поскольку они еще являются силами, т.е. сохраняют известное влияние в обществе. Но чем дальше, тем более представляющие эти силы личности мельчают, так что и «личностями»-то их назвать становится все труднее и труднее.

Подлинную же высокую и непреходящую радость людям приносит личность, олицетворяющая силы прогресса, ибо смысл его как раз и состоит в расширении сферы творческой деятельности каждого человека, а не в сохранении ее границ в пределах привилегии немногих «избранных». Его смысл — *в превращении каждого живого человека в личность*, в активного деятеля, интересного и важного для других, для всех, а не только для самого себя и ближайших родственников.

Именно на этом пути, а вовсе не в физиологии мозга, не в «неповторимости» структур индивидуального тела, равно как и не в недрах мистически неуловимой монады-экзистенции (которая и есть не более как философски-беллетристический псевдоним морфофизиологической уникальности единичного мозга), и надо искать ответа на вопрос: «Что же такое личность и откуда она берется?»

Хотите, чтобы человек стал личностью? Тогда поставьте его с самого начала — с детства — в такие взаимоотношения с другим человеком (со всеми другими людьми), внутри которых он не только мог бы, но и *вынужден* был бы стать личностью. Сумейте организовать весь строй его взаимоотношений с людьми так, чтобы он умел делать все то, что делают они, но только *лучше*.

Конечно же *все* делать лучше всех нельзя. Да и не нужно. Достаточно делать это на том — пусть и небольшом — участке общего (в смысле *коллективно осуществляемого*, *совместного*, *социального*) дела, который сам человек себе по зрелом размышлении выбрал, будучи подготовлен к ответственнейшему акту свободного выбора *всесторонним* образованием.

Именно *всестороннее*, *гармоническое* (а не уродливо-однобокое) *развитие каждого человека и является главным условием рождения личности*, умеющей самостоятельно определять пути своей жизни, свое место в ней, свое дело, интересное и важное для всех, в том числе и для него самого.

Вот и надо заботиться о том, чтобы построить такую систему взаимоотношений между людьми (реальных, социальных взаимоотношений), которая позволит превратить *каждого живого человека в личность*.

---

[36] Рузвельт (*Roosevelt*) Франклин Делано (1882—1945) — 32-й президент США с 1933 г. от Демократической партии (избирался на этот пост 4 раза). — *Ред.-сост.*

[37] Черчилль (*Churchill*) Уинстон Леонард Спенсер (1874—1965) — премьер-министр Великобритании в 1940—1945, 1951—1955 гг. — *Ред.-сост.*

3 *Сущность человека и проблема развития личности*

Э. Фромм

Общая характеристика человеческого рода*

Любой человек является представителем всего человечества. Каждый отдельный индивид несет в себе характерные особенности всего рода человеческого. Он одновременно и конкретный «он» и «все»; он обладает своими отличительными особенностями и в этом смысле уникален, но в то же время в нем воплощены все характерные черты человеческого рода в целом. Его индивидуальность обусловлена особенностями человеческого существования, общими для всех людей. Поэтому рассмотрение общей характеристики человечества должно предшествовать изучению свойств человеческой индивидуальности, изучению личности.

Биологическое несовершенство человека

Первый признак, отличающий человеческое существование от животного, имеет отрицательную характеристику, а именно относительную недостаточность инстинктивной регуляции в процессах адаптации к окружающему миру. Способ адаптации животных повсеместно один и тот же: если инстинктивное обеспечение перестает отвечать требованиям успешной адаптации к изменяющемуся миру, то соответствующий биологический вид вымирает. Животное адаптируется к изменяющимся условиям путем изменения самого себя — аутопластически, а не путем изменения окружающей среды — аллопластически. Таким образом, оно живет в полной гармонии с природой, но не в смысле отсутствия борьбы с природой, а в том смысле, что присущие ему возможности делают его устойчивой и неизменяемой частью его мира; животное либо приспосабливается к миру, либо погибает.

---

* *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М.: Республика, 1993. С. 45—54.

Чем менее совершенна и устойчива инстинктивная организация животных, тем более развивается их мозг и, следовательно, способность к обучению. Происхождение человека тогда можно связать с тем моментом в процессе эволюции, где адаптация с помощью инстинктов достигла минимального уровня. Появление человека сопровождалось возникновением новых качеств, отличающих его от животных. Это осознание себя как отдельного, самостоятельного существа, это способность помнить прошлое и предвидеть, планировать будущее, обозначать различные предметы и действия с помощью знаков и символов; это способность разумного постижения и понимания мира; это его способность воображения, позволяющая ему достичь более глубокого познания, чем это возможно на уровне только чувственного восприятия. Человек — самое беспомощное из всех животных, но именно эта его биологическая беспомощность — основа его силы, главная причина развития его специфических человеческих качеств.

Дихотомия экзистенциального и исторического в человеке

Самосознание, разум и воображение разрушили «гармонию», которой характеризовалось существование животных. Появление этих качеств сделало человека аномалией, причудой вселенной. Разумеется, он — часть природы, подчиняющаяся ее физическим законам и не способная изменять их, но он трансцендентен остальной природе. Будучи частью природы, он разделен с ней; он бездомен, но привязан к общему для всех тварей дому. Заброшенный в мир в случайное место и в случайное время, он оказался вытесненным из него, опять-таки случайным образом. Обладая самосознанием, он осознает свое бессилие и ограниченность существования. Он предвидит свой конец — смерть. Он никогда не освободится от двойственности своего существования: он не может избавиться от своей души, даже если бы и захотел; и не может избавиться от своего тела, пока жив, — тело его заставляет его желать быть живым.

Разум — и благо, и проклятие человека одновременно; он принуждает его вечно решать задачу неразрешимой дихотомии[1]. Человек в этом отношении отличается от всех других организмов — в отличие от них он пребывает в постоянном и неустранимом неравновесном состоянии. Он не может жить, просто воспроизводя существующие видовые паттерны; он должен жить сам. Человек — единственное существо, которое способно испытывать скуку, недовольство, переживать состояние изгнанности из рая, т.е. такое существо, для которого собственное существование является проблемой, от которой он не в силах уйти. Он не может вернуться назад — к состоянию дочеловеческой гар-

[1] *Дихотомия* — последовательное деление целого на две части, затем каждой части снова на две и т.д. — *Ред.-сост.*

монии с природой; его удел — постоянное совершенствование разума, пока он не станет хозяином природы и самого себя.

С появлением разума в человеческом существовании утвердилась дихотомия, побуждающая человека к постоянному поиску новых путей ее преодоления. Динамичность истории человечества связана именно с наличием разума, который побуждает его к развитию и, следовательно, к созданию собственного мира, в котором он чувствовал бы себя дома с самим собой и с другими. Однако каждая достигнутая им ступень развития оставляет его неудовлетворенным и ввергает в замешательство, но это самое чувство замешательства подвигает его к новым поискам и решениям. Конечно, это не значит, что человек обладает врожденным «двигателем прогресса»: его заставляет продвигаться по избранному им пути противоречие в его существовании. Потеряв рай, утратив единство с природой, он стал вечным странником (Одиссей, Эдип, Авраам, Фауст)[2]: он принужден двигаться вперед с бесконечными усилиями, познавая еще не познанное, расширяя ответами пространство своего знания. Он должен давать отчет самому себе о смысле своего существования. Он движим стремлением преодолеть свою внутреннюю раздвоенность, внутреннее рассогласование, мучимый страстным желанием «абсолюта» — другой формы гармонии, которая может снять проклятие, оторвавшее его от природы, от людей и самого себя.

Эта раздвоенность человеческой природы порождает дихотомии, которые я называю экзистенциальными[3], потому что они укоренены в самом существовании человека, являясь такими противоречиями, которые человек не в силах устранить, но на которые реагирует по-разному, в зависимости как от собственного характера, так и от культуры, к которой он принадлежит.

---

[2] *Одиссей* — в древнегреческой мифологии царь острова Итака, участник похода греков под Трою, прославившийся отвагой, умом, красноречием, «многоопытностью» и, особенно, «хитроумием».

Эдип — в древнегреческой мифологии сын царя г. Фив Лая и его жены Иокасты. Лай приказал бросить новорожденного младенца в пустыне, так как ему предсказали смерть от руки собственного сына. Пастух, нашедший мальчика, передал его на воспитание бездетному царю Полибию. Когда Эдип вырос, ему было предсказано, что он убьет отца и женится на матери. Эдип ушел из дома приемных родителей и по дороге во время вспыхнушей ссоры убил незнакомого человека — своего отца. Он освободил Фивы от чудовища Сфинкса и стал царем Фив и мужем своей матери Иокасты. Когда невольное преступление Эдипа раскрылось, он ослепил себя и покинул Фивы.

Авраам — библейский патриарх, почитаемый в иудаизме, исламе и христианстве; считается родоначальником евреев и арабов.

Фауст (*Faust*) Иоганн — немецкий алхимик и астролог XVI в., биография которого стала легендарной. — *Ред.-сост.*

[3] Я употребляю этот термин безотносительно к терминологии экзистенциализма. В процессе подготовки данной рукописи я познакомился с «Мухами» Жан-Поля Сартра и с его «Экзистенциализм — это гуманизм». Я не вижу оснований для каких-либо изменений или дополнений. Хотя некоторые моменты у нас совпадают, я не могу судить в должной мере о степени этого совпадения, поскольку я еще не имею доступа к его главным философским трудам.

Самая фундаментальная экзистенциальная дихотомия — это дихотомия между жизнью и смертью. То, что мы должны умереть, — факт, неизбежный и неизменный для каждого человека. Человек осознает неизбежность смерти, и это осознание оказывает глубокое влияние на всю его жизнь. Смерть остается прямой противоположностью жизни, чуждой и несовместимой с опытом жизни. Никакое знание *о* смерти не изменяет того факта, что смерть не является ничего не значащей частью нашей жизни и что нам не остается ничего, как только смириться с нею; отсюда, казалось бы, тщетно все, что предпринимается для жизни. «Но разве не отдаст человек все, что имеет, за свою жизнь?» — а «мудрый... — говорит Спиноза[4], — думает о жизни, а не о смерти». Человек пытался отрицать дихотомию жизни и смерти с помощью различных идеологий, к примеру с помощью христианской концепции бессмертия, которая, признавая бессмертие души, отрицает тем самым трагический факт прекращения жизни со смертью.

Факт смертности человека рождает и другую дихотомию: хотя каждый человек является носителем всех человеческих потенциальных способностей, кратковременность его жизни не позволяет полностью реализовать все возможности, даже при наличии наиболее благоприятных условий. Только если бы время индивидуальной жизни было тождественно времени человечества, тогда мог бы человек полностью реализоваться в таком человеческом развитии, которое осуществляется в историческом процессе. Жизнь человека, начинаясь и обрываясь в случайный для общего эволюционного процесса всего рода человеческого момент, вступает в трагическое противоречие с индивидуальными притязаниями на реализацию всех его возможностей. Об этом противоречии между тем, что он *мог* бы реализовать, и тем, что он в действительности реализует, человек имеет весьма смутное представление. И здесь также различные идеологии стремятся ослабить или снять противоречие, либо защищая тезис, что жизнь продолжается и после смерти, либо что исторический период жизни каждого человека является полным и неоценимым вкладом в достижения всего человечества. Другие утверждают, что смысл жизни не в наиболее полном осуществлении собственных возможностей, а в социальном служении и исполнении общественного долга; что развитие, свобода и счастье индивида — второстепенно или вовсе ничего не значит по сравнению с благосостоянием государства, общества или какой-то другой символической вечной силы, трансцендентной человеку.

Итак, человек одинок и в то же время опутан многочисленными связями. Он одинок, поскольку является уникальной сущностью, совершенно не похожим ни на кого другого, осознающим себя в качестве существа отдельного и отделенного от других. Он должен оставаться один на один с собой, когда требуется вынести суждение или принять решение, руководствуясь только силами собственного разума. И в то же время он не может выносить своего одиночества, не может не вступать в связи с другими людьми. Его счастье зависит от чувства

---

[4] Спиноза (*Spinoza*, *d'Espinosa*) Бенедикт (Барух) (1632—1677) — нидерландский философ. — *Ред.-сост.*

солидарности, которое он испытывает к своим соотечественникам, к прошлым и будущим поколениям.

От дихотомии экзистенциального плана коренным образом отличается множество исторических противоречий в индивидуальной и общественной жизни, которые не являются необходимой частью человеческого существования, но создаются человеком и им же разрешаются — в момент ли их возникновения или позже — в соответствующих исторических условиях. Например, существующее ныне противоречие между изобилием технических средств, могущих обеспечить благосостояние, и невозможностью использовать их исключительно в мирных целях принципиально разрешимо. Это — не необходимое противоречие, но следствие недостатка человеческой мудрости и мужества. А вот институт рабства в Древней Греции может служить примером относительно неразрешимого противоречия, преодоление которого стало возможным лишь гораздо позже в процессе исторического развития с созданием материальной базы для обеспечения равенства людей.

Понимание различий между экзистенциальными и историческими противоречиями весьма важно, поскольку их неразличение ведет к далеко идущим последствиям. Те, кто заинтересован в сохранении исторических противоречий, настаивают на их экзистенциальной природе, а тем самым и на их неизбежности и неизменности. Говоря «чему быть, того не миновать», они пытаются убедить людей в необходимости подчиниться трагической судьбе. Однако подобная попытка смешения этих двух типов противоречий все же не могла удержать людей от попыток их разрешения. Одно из самых замечательных свойств человеческого разума заключается в том, что, сталкиваясь с противоречием, разум не может оставаться пассивным. Стремление разрешить противоречие приводит его в движение. Весь человеческий прогресс обязан этому факту. Если бы человек практически не реагировал на осознаваемые им противоречия, то само наличие этих противоречий надо было бы отрицать. Гармонизация, а в сущности, отрицание наличия противоречий — функция рационализации в индивидуальной жизни и функция идеологий (социальных моделей рационализации) в общественной жизни. Однако если бы человеческий разум мог довольствоваться исключительно рациональными ответами, истиной, то все идеологии оказались бы неэффективными. Но — и это тоже одна из особенностей разума — он способен принимать за истину мнение большинства или официальное мнение властей. Если идеология поддерживается всеобщим консенсусом или властью, разум человека несколько успокаивается, хотя сам он (человек) не находит полного покоя.

Итак, если исторические противоречия человек уничтожает в результате своей деятельности, то экзистенциальные противоречия он уничтожить не в состоянии, хотя и по-разному на них реагирует. Он может усыпить свой разум различными идеологиями (направленными на гармонизацию отношений между личностью и обществом). Он может попытаться отделаться от внутреннего беспокойства, уходя с головой в развлечения или какое-нибудь дело. Он может

уничтожить свою свободу, превратив себя в послушный инструмент внешних ему сил, принеся им в жертву свое *Я.* Но все равно он останется неудовлетворенным, испытывающим тревогу и беспокойство. Есть лишь единственное решение проблемы — посмотреть в глаза правде, осознать свое принципиальное одиночество, заброшенность во вселенной, безразличной к его судьбе, понять, что не существует такой трансцендентной ему силы, которая решила бы его проблемы за него. Человек должен принять на себя ответственность за самого себя и признать, что только собственными усилиями он может придать смысл своей жизни. Однако этот смысл не подразумевает какой-то определенности, уверенности и завершенности: в самом деле, поиск такой определенности делает невозможным поиск смысла. Неуверенность есть как раз то условие, которое вынуждает человека развивать свои возможности. Если человек отважится взглянуть правде в глаза, он увидит, поймет, что ***нет другого смысла жизни, кроме того, который он придает ей путем раскрытия своих сил в продуктивной, творческой жизнедеятельности;*** и что только постоянная бдительность, активность и усилия могут не дать нам потерпеть фиаско в нашем главном деле — в полном развитии наших сил, разумеется, в пределах законов нашей экзистенции. Человек никогда не перестает приходить в замешательство, удивляться и задаваться разными вопросами. Только если он разберется в сути своего реального положения, дихотомиях, присущих его существованию, и осознает свою способность раскрыть все свои силы, он преуспеет в решении своей задачи: быть самим собой для себя самого и достичь счастья, в полной мере реализовав свои сугубо человеческие свойства — разум, любовь и продуктивный труд.

Теперь, обсудив экзистенциальные дихотомии, по самой своей природе присущие человеческому существованию, мы можем вернуться к утверждению, сделанному в начале главы, т.е. что рассмотрение общих принципов человеческого существования должно предварять изучение личности. Смысл этого утверждения можно уточнить, если принять, что психология должна опираться на философско-антропологическую концепцию человеческого существования. <...>

Дисгармония человеческого существования рождает потребности, далеко превосходящие те, в основе которых лежат инстинкты, общие всему животному миру и сказывающиеся в непреодолимом желании восстановить единство и равновесие с природой. Прежде всего, он пытается создать в своем представлении всеохватывающую картину мира, в рамках которой стремится получить ответ на вопросы о своем реальном месте в мире и о том, что он должен делать. Однако чисто умозрительных построений недостаточно. Если бы человек был чистым интеллектом, лишенным телесной оболочки, то его цель была бы достигнута созданием исчерпывающей умозрительной системы. Но поскольку человек наделен не только умом, но и телом, постольку он вынужден решать проблему дихотомии не только в мысли, но и в целостном процессе жизнедеятельности, охватывающем сферу чувств и поведения. В поисках нового рав-

новесия он стремится к единству во всех сферах бытия. Поэтому любая более или менее удовлетворительная система ориентации подразумевает не только интеллектуальные притязания, но и чувства и ощущения, реализующиеся во всех сферах жизнедеятельности. Приверженность какой-либо цели, идее или сверхъестественной силе, к примеру Богу, есть выражение этой потребности осуществления полноты существования.

Вопросы об ориентации в мире и о приверженности какой-либо идее получают совершенно разные, как по содержанию, так и по форме, ответы. Существуют примитивные системы, вроде анимизма[5] или тотемизма[6], в которых в качестве объединяющих человека с природой и придающих смысл его существованию выступают какие-нибудь природные предметы или предки. Существуют нетеистические системы, вроде буддизма[7], которые обычно считаются религиями, хотя их изначальная форма не содержит понятия Бога. Существуют философские системы, наподобие стоицизма[8], а также монотеистические религиозные системы, которые для ответа на вопрос о смысле человеческого существования привлекают понятие Бога. При обсуждении этих разных систем мы сталкиваемся с терминологическими трудностями. Мы могли бы называть все эти системы религиями, если бы не то обстоятельство, что в силу исторических причин термином «религия» обозначаются теистические системы, центральным понятием которых является понятие Бога; в нашем же языке попросту нет слова для обозначения того общего, что есть в теистических и нетеистических системах, т.е. для обозначения всех тех умозрительных систем, пытающихся так или иначе дать ответ на проблему смысла жизни и попытки человека придать смысл своему существованию. Поэтому за неимением лучшего слова я буду называть такие системы «схемой ориентации и поклонения».

Я хотел бы при этом отметить, что все множество духовных устремлений человека, которые рассматриваются как сугубо светские, мирские, на деле коренятся в той же самой потребности, что и различные религиозные и философские системы. Что наблюдается, например, в наше время? Миллионы людей поклоняются успеху или престижу. Мы видели и все еще видим в некоторых обществах фанатическую приверженность диктаторским режимам. Мы поражаемся тому, что человеком порой владеют страсти, по своей силе превосходящие даже инстинкт самосохранения. Мы легко обманываемся *мирским* содержанием всех этих целей и истолковываем их как следствие сексуальных или других квази-

[5] *Анимизм* — вера в существование духов, в одушевленность всех предметов, в наличие независимой души у людей, животных и растений. — *Ред.-сост.*

[6] *Тотемизм* — форма религии, характеризующаяся верой в сверхъестественную связь и кровную близость данной родовой группы с каким-либо тотемом (животным, предметом или явлением природы). — *Ред.-сост.*

[7] *Буддизм* — одна из трех мировых религий (наряду с христианством и исламом) и философское учение, возникшее в древней Индии в VI—V вв. до н.э. — *Ред.-сост.*

[8] *Стоицизм* — направление в античной философии, согласно которому задача мудреца состоит в том, чтобы освободиться от страстей и влечений и жить, повинуясь разуму. — *Ред.-сост.*

биологических[9] потребностей. Но разве не очевидно, что фанатизм[10], с которым преследуются эти цели, подобен религиозному фанатизму; что все эти секуляризованные[11] системы ориентации и поклонения различаются только содержанием, но не основным запросом, на который они и пытаются давать каждая свой ответ? В нашей культуре картина особенно обманчива, поскольку большинство хотя и «верят» в монотеизм, но в действительности объектом их поклонения оказываются системы, близкие к тотемизму, или даже идолопоклонство, а не существующие формы христианства.

Но мы должны сделать следующий шаг. Понимание «религиозной» природы общественно признаваемых мирских стремлений — ключ к пониманию неврозов и иррациональных побуждений. Последние необходимо рассматривать как ответы — индивидуальные ответы — на запросы человека об ориентации и поклонении. К примеру, человек, жизненный опыт которого обусловлен его «привязанностью к семье» и который не в состоянии совершать независимые, самостоятельные поступки, по существу является приверженцем древнего культа предков, и единственное, что отличает его от миллионов других почитателей культа, — это то, что его система взглядов — его личная система, а не социально-культурный шаблон. Фрейд, установив связь между религиозностью и неврозами, объяснял религию как форму неврозов, мы же полагаем, что неврозы следует объяснять как особую форму религии и что они отличаются в основном своими индивидуальными, нетипическими характеристиками. Вывод, к которому мы приходим относительно общей проблемы человеческой мотивации, заключается в том, что в то время как потребность в системе ориентации и поклонения является общей всем людям, конкретное *содержание* таких систем различается. Различия в них определяются различиями в ценностях. Так, зрелый, продуктивный, рациональный человек будет стремиться к выбору такой системы, которая позволит ему быть зрелым, продуктивным, рациональным. Человек, задержавшийся в своем развитии, вынужден возвратиться к примитивным и иррациональным системам, которые, в свою очередь, еще более усиливают его зависимость и иррациональность. Он будет оставаться на уровне, который человечество, в лице своих лучших представителей, преодолело уже тысячелетия назад.

Поскольку потребность в системе ориентации и поклонения есть неотъемлемая часть человеческого существования, становится понятной и глубина этой потребности. В самом деле, нет иного, более сильного, источника человеческой энергии. Человек не свободен в выборе, иметь или не иметь ему «идеалы», но он свободен в выборе между разными идеалами: поклоняться ли разрушительным силам или разуму и любви. Все люди «идеалисты» и стремятся к чему-то

[9] *Квазибиологических* — т.е. мнимобиологических. — *Ред.-сост.*

[10] *Фанатизм* — доведенная до крайности, исступленная преданность своей вере или убеждениям, сочетающаяся с крайней нетерпимостью к иным верованиям и взглядам. — *Ред.-сост.*

[11] *Секуляризованные* — освободившиеся от влияния церкви. — *Ред.-сост.*

большему, чем достижение физического удовлетворения. Они отличаются теми идеалами, в которые верят. Самые лучшие, но и самые сатанинские проявления человека — это выражение не его плоти, но «идеализма» его духа. Поэтому, когда говорят, что иметь идеалы или религиозные чувства ценно само по себе, — это небезопасно, да и ошибочно. Мы должны рассматривать идеалы, включая и светские идеологии, как выражение все той же неискоренимой человеческой потребности и оценивать их с точки зрения их адекватности и того, в какой степени они являются для человека «путеводной звездой» в деле реализации им своих сил, а также с точки зрения того, насколько они действительно являются ответом на человеческую потребность обретения гармонии с миром. И, повторяю, понимание человеческих мотиваций должно вытекать из понимания общей характеристики смысла человеческого существования, т.е. проблемы человеческого существования в целом.

Личность

Все люди похожи друг на друга в силу общности существования и внутренне присущих им дихотомий экзистенциального плана; но каждый человек уникален, ибо каждый по-своему, свойственным только ему путем, решает возникающие перед ним проблемы. Само это разнообразие личностей уже является характеристикой человеческого существования.

Под личностью я понимаю целокупность как унаследованных, так и приобретенных психических качеств, которые являются характерными для отдельно взятого индивида и которые делают этого отдельно взятого индивида неповторимым, уникальным. Различия между врожденными и приобретенными качествами в целом синонимичны различиям между темпераментом, талантом, а также физическими конституциональными качествами, с одной стороны, и характером — с другой. В то время как различия в темпераменте не имеют этической значимости, различия в характерах составляют реальную проблему этики; они являются показателем того, насколько индивид преуспел в искусстве жить.

К. Роджерс

[Становление человека]*

Несколько гипотез, касающихся помощи в росте личности

Основная гипотеза

Изменения, которые произошли во мне, коротко говоря, выражаются в том, что в начале моей профессиональной деятельности я задавал себе вопрос: «Как я смогу вылечить или изменить этого человека?» Теперь я бы перефразировал этот вопрос так: «Как создать отношения, которые этот человек может использовать для своего собственного личностного развития?»

Как только я подошел ко второй постановке вопроса, я понял, что все, что узнал, применимо ко всем отношениям с людьми, а не только в работе с клиентами, имеющими проблемы. Именно поэтому я чувствую, что результаты моего познания, имеющие смысл для моего жизненного опыта, могут иметь некоторый смысл и для вашего опыта, так как все мы — участники человеческих отношений.

Возможно, лучше начать с отрицательного итога моего познания. Постепенно мне пришло в голову, что я не могу помочь пациенту с расстройствами, используя интеллектуальное или обучающее воздействие. Бесполезен любой подход, опирающийся на знания, на принятие того, что является предметом *обучения*. Эти соблазнительные подходы могут казаться прямо ведущими к цели, в прошлом я перепробовал многие из них. Можно объяснить человеку, что он собой представляет, предписать меры, которые поведут его вперед, дать ему знания о более подходящем образе жизни. Согласно моему опыту, такие методы оказались бесплодными и незначащими. Самое большее, что они могут дать, — это какое-то временное изменение, которое скоро исчезнет, и индивид еще более убедится в своей неполноценности.

---

* *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Издательская группа «Прогресс», 1998. С. 74—79, 153—171.

Неудачи интеллектуальных подходов заставили меня понять, что изменения, по-видимому, происходят через опыт во взаимоотношениях. Поэтому я собираюсь очень кратко и неформально рассказать о некоторых основных гипотезах, касающихся помогающих отношений. Кажется, что эти гипотезы получают все возрастающее подтверждение и в практике консультирования, и в исследованиях.

Я могу выразить основную гипотезу одним предложением: если я могу создать определенный тип отношений с другим человеком, он обнаружит в себе способность использовать эти отношения для своего развития, что вызовет изменение и развитие его личности.

Отношения

Какое же значение имеют эти термины? Давайте по отдельности рассмотрим три основные фразы этой гипотезы и выявим тот смысл, который они для меня имеют. Какой же тип отношений я собираюсь создавать?

Я обнаружил, что чем более я искренен в отношениях с клиентом, тем более это помогает ему. Это значит, что мне нужно знать свои собственные чувства настолько хорошо, насколько это возможно, а не показывать какое-либо отношение к человеку, чувствуя совсем другое на более глубинном или подсознательном уровне. Откровенность также включает желание выражать в словах и в поведении свои различные чувства и отношения. Только так мои отношения могут быть *правдивыми*, а это очень важно. Это — первое условие. Только при создании реально существующего отношения другой человек может успешно искать эту реальность в себе. Я обнаружил, что это верно даже в том случае, когда отношение, которое я чувствую, не нравится мне и не ведет к хорошим отношениям между нами. Кажется очень важным, чтобы это отношение было *правдивым*.

Второе условие заключается в следующем: чем более я принимаю другого человека, чем более мне он нравится, тем более я способен создать те отношения, которые он сможет использовать. Под принятием я понимаю теплое расположение к нему как к человеку, имеющему безусловную ценность, независимую от его состояния, поведения или чувств. Это значит, что он вам нравится, вы уважаете его как индивида и хотите, чтобы он чувствовал по-своему. Это значит, что вы принимаете и уважаете весь спектр его отношений в данный момент независимо от того, положительные они или отрицательные, противоречат его прежним отношениям или нет. Это принятие каждой меняющейся частицы внутреннего мира другого человека создает для него теплоту и безопасность в отношениях с вами, а защищенность, проистекающая от любви и уважения, мне кажется, является очень важной частью помогающих отношений.

Я также думаю, что хорошие отношения с другим человеком значимы лишь постольку, поскольку у меня есть постоянное желание понимать его — тонкая эмпатия[1] его чувств и высказываний, как он их представляет себе в этот момент. Принятие не

---

[1] *Эмпатия* – объективное осознание мыслей и чувств другого человека, а также их возможного значения. – *Ред.-сост.*

стоит многого до тех пор, пока в него не входит понимание. Только тогда, когда я понимаю чувства и мысли, которые кажутся вам такими ужасными, такими глупыми, такими сентиментальными или эксцентричными, только когда я понимаю их так, как вы, и принимаю их так же, как вы, — только тогда вы действительно чувствуете в себе свободу исследовать все глубоко скрытые расщелины и укромные уголки вашего внутреннего опыта. Эта *свобода* — необходимое условие отношений. Под ней подразумевается свобода изучать себя и на уровне сознания, и на неосознаваемом уровне с такой быстротой, с какой возможно пуститься в такое опасное исследование. Имеется также и полная свобода от любой моральной или диагностической оценки, так как все они, мне кажется, являются угрозой для личности.

Таким образом, отношение, которое я считаю помогающим, характеризуется как бы прозрачностью с моей стороны, в нем четко видны мои реальные чувства. Оно также отличается принятием другого человека как индивида, имеющего ценность, а также глубинным эмпатическим пониманием, которое дает мне возможность видеть личный опыт человека с его точки зрения. Когда достигнуты эти условия, я становлюсь спутником моего клиента, сопровождающим его в пугающем поиске самого себя, который, как он чувствует, можно сейчас свободно предпринять.

Конечно, я не всегда могу достигнуть таких отношений с другим человеком, и иногда, когда я чувствую, что достиг их, он может быть чересчур напуган, чтобы увидеть, что ему предлагают. Но я бы сказал, что, когда у меня есть данный выше тип отношений и когда другой человек может как-то чувствовать их, я верю, что *неизбежно* произойдут изменения и человек будет конструктивно развиваться. Я включаю слово «неизбежно» только после долгого и осмотрительного обдумывания.

Мотивация к изменению

Для определения помогающего отношения сказано достаточно. Во второй фразе в моей развернутой гипотезе говорилось о том, что индивид обнаружит в себе способность использовать это отношение для своего развития. Я постараюсь раскрыть тот смысл, который имеет для меня эта фраза. Постепенно мой опыт заставил меня сделать заключение о том, что у человека имеется способность и тенденция, если не явная, то потенциальная, двигаться вперед к зрелости. В подходящем психологическом климате эта тенденция высвобождается и становится не потенциальной, а актуальной. Это проявляется в способности человека понимать те стороны своей жизни и самого себя, которые причиняют ему боль и неудовлетворение. Это понимание нащупывает в подсознании тот опыт, который спрятан там из-за своей угрожающей природы. Высвобождение тенденции к зрелости заключается в стремлении перестроить свою личность и свое отношение к жизни, сделав его более зрелым. Как ни называть это — тенденция к росту, побуждение к самоактуализации или тенденция двигаться вперед, — это главная движущая сила жизни, это стремление, от которого зависит вся психотерапия. Это стремление, которое присутствует

во всей органической и человеческой жизни, — распространяться, расширяться, становиться независимым, развиваться, зреть — тенденция выражать и задействовать все возможности организма до такой степени, что такая активность усиливает организм или *Я*. Это стремление может быть наглухо закрыто слоями ржавых психологических защит, оно может быть скрыто за замысловатыми фасадами, отрицающими его существование, но я верю, что оно существует в каждом человеке и ожидает соответствующих условий, чтобы освободиться и проявить себя.

Результаты

Я попытался описать отношения, которые являются основными для конструктивных изменений личности. Я постарался сформулировать те качества, которые необходимы индивиду в этих отношениях. В третьей фразе моей основной гипотезы указывалось, что произойдут изменения и развитие человека. Моя гипотеза заключается в том, что при таких отношениях индивид изменяется и на сознательном, и на более глубинном уровне своей личности, чтобы справиться с трудностями жизни более конструктивно, разумно, социализированно, так, чтобы она приносила ему большее удовлетворение.

Здесь я могу оставить рассуждения и перейти к результатам накопляющихся научных исследований. Сейчас мы знаем, что индивиды, имеющие такие отношения в течение даже весьма небольшого времени, претерпевают глубокие и значимые изменения личности, отношений и поведения, что не наблюдается в соответствующих контрольных группах. В таких отношениях индивид становится более цельным, более действенным. У него проявляется меньше невротических или психопатических черт и больше качеств нормального, здорового человека. У него изменяется восприятие себя, он более реально оценивает себя. Такой человек становится более похож на того, каким он хочет быть. Он более уверен в себе и лучше владеет собой. Он лучше понимает себя, становится более открытым опыту, меньше отрицает и подавляет свой собственный опыт. Такой человек лучше принимает других и видит их более похожими на себя. Подобные изменения происходят у него и в поведении. На него меньше действует стресс[2], после него он быстрее приходит в себя. Как замечают друзья, он становится более зрелым в поведении. У него меньше защитных реакций, он более адаптирован, более способен творчески подойти к ситуации.

Это — некоторые из изменений, возникающих у людей, которые прошли на консультировании через ряд бесед в атмосфере, близкой к атмосфере отношений, описанных выше. Каждое из этих утверждений основано на объективных доказательствах. Конечно, необходимо продолжить исследования, но нельзя более сомневаться в ведущей роли таких отношений в возникновении изменений в личности.

---

[2] *Стресс* – здесь: любого рода причина (физическая, социальная или собственно психологическая), вызывающая расстройство нормального функционирования организма и/или психики. – *Ред.-сост.*

Что значит «становиться человеком»

Работая в Консультативном центре Чикагского университета, я имел возможность общаться с людьми, которые обращались ко мне с множеством личных проблем. Например, студент, озабоченный возможным провалом на экзаменах в колледже; домохозяйка, разочаровавшаяся в своем замужестве; человек, чувствующий, что он находится на грани полного нервного расстройства и психоза; ответственный работник, проводящий большую часть своего времени в сексуальных фантазиях и не справляющийся с работой; способный студент, парализованный убеждением в том, что безнадежно несостоятелен; родитель, удрученный поведением своего ребенка; очаровательная девушка, которую безо всяких причин одолевают приступы глубокой депрессии; женщина, которая опасается, что жизнь и любовь проходят мимо, а ее диплом с хорошими оценками — слишком малая компенсация этого; человек, который убедился в том, что могущественные или зловещие силы находятся в заговоре против него. Я мог бы продолжать умножать эти многочисленные и уникальные проблемы, с которыми к нам приходят люди. Они представляют полноту жизненного опыта. Однако я не испытываю удовлетворения, давая этот перечень, так как, будучи консультантом, я знаю, что та проблема, которая высказана в первой беседе, не будет той же проблемой во второй и третьей беседах, а к десятой беседе она обернется совсем иной проблемой или целым рядом проблем.

Я пришел к убеждению, что, несмотря на это ставящее в тупик разнообразие по горизонтали и многослойную вертикальную сложность, возможно, есть лишь одна проблема. Углубляясь в опыт многих клиентов во время психотерапевтических отношений, которые мы пытаемся для них создать, я прихожу к выводу, что каждый клиент задает один и тот же вопрос. За проблемной ситуацией, на которую жалуется индивид, за проблемами с учебой, женой, начальником, за проблемой своего собственного неконтролируемого или странного поведения, пугающих чувств лежит то, что составляет основной поиск клиента. Мне кажется, в глубине души каждый человек спрашивает: «Кто я в действительности? Как я могу войти в контакт с моим настоящим *Я*, лежащим в основе моего поверхностного поведения? Как я могу стать самим собой?»

Процесс становления

Заглянуть под маску

Разрешите мне попытаться объяснить, что я имею в виду, когда говорю, что мне кажется — цель, которой более всего хочет достигнуть человек, та цель, которую он сознательно или неосознанно преследует, состоит в том, чтобы стать самим собой.

Когда ко мне приходит человек, обеспокоенный своими, только ему присущими трудностями, я уверен, что самое лучшее — это постараться создать такие отношения с ним, в которых он чувствует свободу и безопасность. Моя цель —

понять, как он чувствует себя в своем внутреннем мире, принять его таким, каков он есть; создать атмосферу свободы, в которой он может двигаться куда захочет, по волнам своих мыслей и состояний. Как он использует эту свободу?

Мой опыт показывает, что он использует свободу для того, чтобы все более и более стать самим собой. Он начинает ломать фальшивый фасад, сбрасывать маски и роли, в которых он встречал жизнь. Выявляется, что он старается найти что-то более важное; что-то, что более правдиво представляло бы его самого. Сначала он сбрасывает маски, которые он до некоторой степени осознавал. Например, молодая студентка описывает в беседе с консультантом одну из масок, используемых ею. Она очень не уверена, есть ли за этим умиротворяющим всех, заискивающим фасадом какое-то реальное *Я* со своими убеждениями.

> Я думала об этой обязанности соответствовать норме. У меня как-то развилось что-то вроде умения, я думаю... ну... привычка... стараться, чтобы люди вокруг меня чувствовали себя легко, или вести себя так, чтобы все шло гладко. Всегда должен быть человек, который ублажает всех. На встрече, или на небольшой вечеринке, или еще когда... я могла делать так, чтобы все шло хорошо, и при этом еще казалось, что я тоже хорошо провожу время. А иногда я сама удивлялась тому, что отстаивала точку зрения, противоположную своей, боясь обидеть человека, высказавшего ее. Другими словами, я никогда не имела твердого и определенного отношения к вещам. А сейчас — о причине, почему я это делала: вероятно, потому, что я слишком часто была такой дома. Я просто не защищала своих убеждений до тех пор, пока не перестала понимать, есть ли у меня вообще какие-нибудь убеждения, которые нужно защищать. Я не была собой, если говорить действительно честно, и на самом деле не знала, что я собой представляю; я просто играла своего рода фальшивую роль.

В этом отрывке вы видите, как клиент исследует свою маску, осознавая свое недовольство ею, и хочет знать, как добраться до реального *Я* за этой маской, если таковое имеется.

В этой попытке обнаружить свое собственное *Я* психотерапевтические отношения обычно используются клиентом, чтобы исследовать, изучить различные стороны собственного опыта, осознать и быть готовым встретить глубокие противоречия, которые он часто обнаруживает. Он узнает, насколько его поведение и переживаемые им чувства являются нереальными, не тем, что идет от истинных реакций его организма, а представляют собой фасад, стену, за которой он прятался. Он открывает, насколько в жизни он следует тому, каким ему нужно быть, а не тому, каков он есть на самом деле. Он часто обнаруживает, что существует лишь как ответ на требования других людей, ему кажется, что у него нет своего *Я* и что он только старается думать, чувствовать и вести себя так, как, по мнению других, ему следует думать, чувствовать и вести себя.

В связи с этим я был удивлен, когда обнаружил, как точно, с глубоким психологическим пониманием более века тому назад описал проблему индивида датский философ Серен Кьеркегор. Он указывал, что мы часто встречаем отчаяние, про-

исходящее от невозможности выбора или нежелания быть самим собой, но самое глубокое отчаяние наступает тогда, когда человек выбирает «быть не самим собой, быть другим». С другой стороны, желание «быть тем *Я*, которое ты есть на самом деле», — это, конечно, нечто, противоположное отчаянию, и за этот выбор человек несет величайшую ответственность. Когда я читаю некоторые его сочинения, я почти чувствую, что он, должно быть, слышал все то, что говорили наши клиенты, когда они, волнуясь, расстраиваясь и мучаясь, искали и изучали реальность своего *Я*.

Этот поиск становится еще более волнующим, когда они обнаруживают, что срывают те лживые маски, о фальши которых и не подозревали. Со страхом они начинают исследовать вихри и даже бури чувств внутри себя. Сбрасывание маски, которая долгое время была неотъемлемой частью вас, вызывает глубокое волнение, однако индивид движется к цели, которая включает в себя свободу чувств и мыслей. Это проиллюстрируют несколько высказываний женщины, которая участвовала в ряде психотерапевтических бесед. Рассказывая о своей борьбе за то, чтобы дойти до ядра своей личности, она использует много метафор.

> Как я вижу это сейчас, слой за слоем я избавлялась от защитных реакций. Я построю их, испытаю, а затем сбрасываю, когда вижу, что вы оставались таким же. Я не знала, что было на дне, и очень боялась дойти до дна, но я должна была продолжать пытаться это сделать. Сначала я почувствовала, что внутри меня ничего нет — только огромная пустота чувствовалась там, где я хотела иметь твердое ядро.
>
> Тогда я почувствовала, что стою перед массивной каменной стеной, слишком высокой, чтобы перелезть через нее, и слишком толстой, чтобы пройти сквозь нее. Наступил день, когда стена стала скорее прозрачной, чем непроницаемой. После этого, казалось, стена исчезла, но за ней я обнаружила дамбу, сдерживающую яростно вспененные воды. Я почувствовала, что я как бы сдерживаю напор этой воды, и, если бы я сделала даже крохотную щель, я и все вокруг меня было бы уничтожено последующим потоком чувств, которые представлялись в виде воды. В конце концов я не смогла более выдерживать это напряжение и пустила поток. В действительности все мои действия свелись к тому, что я поддалась чувству охватившей меня острой жалости к себе, затем — чувству ненависти, потом — любви. После этого опыта я почувствовала, как будто я перепрыгнула через край пропасти на другую сторону и, немного шатаясь и стоя на самом краю, наконец-то ощутила, что оказалась в безопасности. Я не знаю, что я искала и куда шла, но тогда я почувствовала, как и всегда чувствовала, когда жила на самом деле, — что я двигалась вперед.

Мне кажется, этот отрывок довольно-таки хорошо передает чувства многих индивидов: если фальшивый фасад, стена, дамба не удержатся, все будет унесено в ярости чувств, запертых в их внутреннем мире. Однако этот отрывок также показывает непреодолимое желание искать себя и стать самим собой, испытываемое индивидом. Здесь также намечается способ, с помощью которого индивид определяет реальность своего внутреннего мира — когда он во всей

полноте переживает свои чувства, которые на органическом уровне и есть он сам, как этот клиент переживает жалость к себе, ненависть и любовь, — тогда он чувствует уверенность, что является частью своего реального *Я*.

Переживание чувств

Я хотел бы еще сказать кое-что о переживании чувств. В действительности это — открытие неизвестных компонентов своего *Я*. Феномен, который я собираюсь описать, очень трудно осмыслить до конца. В нашей каждодневной жизни есть тысяча причин, чтобы не разрешать себе переживать наши отношения в полной мере. Это причины, проистекающие из нашего прошлого и настоящего, причины, которые коренятся в социальном окружении. Переживать чувства свободно, во всей полноте кажется слишком опасным. Но в безопасности и свободе психотерапевтических отношений эти чувства могут переживаться в полной мере, такими, каковы они есть в реальности. Они могут переживаться и переживаются так, как я хотел бы думать, «в чистом виде», так что в данный момент человек — это действительно его страх, или действительно его нежность, или гнев, или что-нибудь еще.

Возможно, я снова смогу это прояснить, приведя пример из записей сеансов психотерапии одного клиента, пример, который покажет и раскроет, что я имею в виду. Молодого человека, студента-выпускника, давно участвующего в психотерапии, озадачивает смутное чувство, которое он ощущает в себе. Постепенно он определяет его как какое-то чувство страха, например провалиться на экзаменах, не получить степень доктора. Затем следует долгая пауза. Начиная с этого момента пусть запись беседы говорит сама за себя.

Клиент: «Я как бы разрешил этому просочиться. Но я также связал это с вами и с моими отношениями с вами. Я чувствую одно — что как бы страх этого исчезает; или есть другое... так трудно схватить... у меня как бы два разных чувства по отношению к этому. Или как-то два *Я*. Одно — испуганное, хотя держится за что-то, и этого человека я сейчас совершенно ясно ощущаю. Вы знаете, мне как бы нужно что-то, за что можно держаться... и я чувствую себя напуганным».

Терпевт: «Гм. Именно так вы можете чувствовать себя в эту минуту, чувствовали себя все это время, и, возможно, *сейчас* у вас такое же чувство, что нужно держаться за наши отношения».

Клиент: «Неужели вы не разрешите мне это, потому что, вы знаете, я как бы нуждаюсь в этом. Мне может быть так одиноко и страшно без этого».

Терпевт: «Ага, ага. Разрешите мне держаться за это, так как я буду страшно напуган без этого. Разрешите мне *держаться* за это...» (*Пауза.*)

Клиент: «Это как бы то же самое: *Не разрешите* ли вы мне иметь диссертацию или степень доктора, так что... — потому что я как бы нуждаюсь в этом маленьком мирке. Я имею в виду...»

Терпевт: «В обоих случаях это как бы мольба, да? *Дайте* мне это, потому что мне это так нужно. Я буду страшно испуган без этого». (*Большая пауза.*)

Клиент: «У меня чувство... Я как-то не могу идти дальше... Это как бы маленький мальчик с мольбой, как-то даже... Какой это жест — мольба?» (*Складывает ладони вместе, как на молитве.*) «Не смешно ли это? Потому что...»
Терпевт: «Вы сложили руки как бы для мольбы».
Клиент: «Ага, это так! Не сделаете ли вы это для меня? О, это *ужасно*! Кто я, *умоляю*?»

Возможно, этот отрывок немного раскроет то, о чем я говорю, — переживание чувства до его предела. Вот он, в этот момент чувствующий себя не кем иным, как просящим маленьким мальчиком, умоляющим, выпрашивающим, зависящим. В это мгновение он весь — эта мольба. Конечно, он почти немедленно отшатывается от этого переживания, говоря: «Кто я, *умоляю*?» — но оно оставило свой след. Как он говорит мгновение спустя:

Так прекрасно, когда, когда все это, что-то новое выходит из меня. Каждый раз я так поражаюсь, и затем у меня опять возникает это чувство, как бы чувство страха, что у меня столько всего, что я, возможно, что-нибудь скрываю.

Он понимает, что это прорвалось наружу и что в это мгновение он весь — его зависимость, и его изумляет то, как это произошло.

Этим способом — «все наружу» — переживается не только зависимость. Это может быть боль, горе, ревность, разрушительный гнев, сильное желание, или доверие и гордость, или чуткая нежность, или уходящая любовь. Это может быть любая из тех эмоций, на которые способен человек.

Постепенно из такого рода переживаний я пришел к знанию того, что в такой момент индивид начинает *быть* тем, кто он *есть*. Когда человек в процессе психотерапии прочувствует таким образом все те эмоции, которые возникают в нем организмически, причем осознавая их и открыто проявляя, тогда он прочувствует себя во всем том богатстве, которое существует в его внутреннем мире. Тогда он стал тем, кто он есть.

Открытие себя в опыте

Давайте продолжим рассмотрение вопроса о том, что значит стать самим собой. Это очень запутанный вопрос, и я снова постараюсь ответить на него, пусть в виде предположения, исходя из утверждений клиента, которые записаны между беседами. Женщина рассказывает, как различные фасады, с помощью которых она жила, как бы смялись и разрушились, вызвав не только чувство смятения, но и облегчения. Она продолжает:

Вы знаете, кажется, как будто все усилия, потраченные на то, чтобы удержать элементы в том произвольном узоре, совершенно не нужны, напрасны. Вы думаете, что должны сами составить узор, но кусков так много, и так трудно понять, как их состыковать друг с другом. Иногда вы кладете их неверно, и чем больше

> элементов не подходит, тем больше усилий требуется, чтобы собрать узор, до тех пор, пока наконец вы так устанете от всего этого, что подумаете, что эта ужасная неразбериха лучше, чем продолжение работы. А затем вы обнаруживаете, что эти смешанные в кучу кусочки совершенно естественно занимают свои места, и без вашего старания возникает живой узор. Вам остается только обнаружить его, и в процессе этого вы найдете себя и свое собственное место. Вы должны даже позволить вашему собственному опыту раскрыть свой смысл; в то самое мгновение, когда вы укажете, что он значит, вы очутитесь в состоянии войны с самим собой.

Разрешите мне выявить смысл этого поэтического описания; тот смысл, который оно имеет для меня. Я считаю, что она говорит: быть собой — это значит обнаружить тот узор, тот лежащий в основе узора порядок, который существует в непрерывно изменяющемся потоке ее опыта. Быть собой — значит скорее раскрыть единство и гармонию, которая существует в ее собственных чувствах и реакциях, чем стараться использовать маску для сокрытия опыта или стараться придать ему такую структуру, которой он не обладает. Это значит, что реальное *Я* — это что-то, что может быть спокойно открыто в собственном опыте, а не что-то, что ему навязывается.

Приводя отрывки из высказываний этих клиентов, я старался предположить, что происходит в теплой, понимающей атмосфере развивающихся отношений с терапевтом. Кажется, что постепенно очень болезненно индивид исследует что-то, находящееся за масками, которые обращены к миру; или то, что лежало за масками, с помощью которых он обманывал себя. Глубоко, часто очень ярко клиент переживает различные стороны самого себя, которые были запрятаны внутри. Таким образом, он все более и более становится самим собой — не фасадом, не конформистом по отношению к другим, не циником, отвергающим все чувства, не фасадом с интеллектуальной рациональностью, а живым, дышащим, чувствующим, пульсирующим процессом — короче говоря, он становится человеком.

Человек, который появляется

Я представляю, что некоторые из вас спросят: «Но каким человеком он становится? Недостаточно сказать, что он избавляется от фасадов. Какой человек находится за ними?» Ответ на этот вопрос не из легких. Поскольку один из наиболее очевидных фактов заключается в том, что каждый индивид имеет тенденцию стать самостоятельным, отличным от других, уникальным человеком, я хотел бы выделить несколько, по моему мнению, характерных направлений. Ни один человек не будет полностью воплощать в себе эти характеристики, никто полностью не подойдет под то описание, которое я предложу, но я вижу, что можно вывести некоторые обобщения, которые основаны на моем опыте участия в психотерапевтических отношениях с очень многими клиентами.

Открытость опыту

Прежде всего, я хотел бы сказать, что индивид становится более открытым своему опыту. Это высказывание имеет для меня огромное значение. Это — противоположность защите. Психологические исследования показали, что если данные наших органов чувств противоречат нашему представлению о себе, эти данные искажаются. Говоря другими словами, мы не можем видеть все то, что доносят до нас наши органы чувств, а лишь то, что соответствует нашему представлению о себе.

А сейчас в безопасной атмосфере отношений, о которых я говорил, на место этих защитных реакций или ригидности постепенно приходит все увеличивающаяся открытость опыту. Индивид становится все более открытым осознанию своих собственных чувств и отношений, таких, какими они существуют у него на органическом уровне, как я это пытался описать. Он также начинает более адекватно, непредвзято осознавать реальность так, как она существует вне его, не втискивая ее в заранее принятые схемы. Он начинает видеть, что не все деревья зеленые, не все мужчины суровые отцы, не все женщины его отвергают, не все неудачи его опыта свидетельствуют о том, что он плохой, и тому подобное. Он способен принять очевидное скорее так, *как оно есть*, чем исказить его, чтобы оно соответствовало той схеме, которой он уже придерживается. Как можно ожидать, эта все увеличивающаяся открытость опыту делает его более реалистичным при встречах с новыми людьми, новыми ситуациями и новыми проблемами. Это значит, что его верования не являются застывшими, он может нормально относиться к противоречиям. Он может получать много противоречивых сведений и не пытаться отвергнуть эту ситуацию. Открытость сознания тому, что в *данный момент* существует *внутри него и в окружающей его ситуации*, мне кажется, является важной характеристикой человека, рождающегося в процессе психотерапии.

Возможно, это высказывание будет более понятно, если я проиллюстрирую его отрывком из записанной на пленку беседы. Молодой специалист в сорок восьмой беседе рассказывает о том, как он стал более открытым телесным и некоторым другим чувствам.

> Клиент: «Мне кажется невозможным, чтобы кто-то смог рассказать о всех изменениях, которые он ощущает. Но я на самом деле недавно почувствовал, что стал с большим вниманием и более объективно относиться к своему физическому состоянию. Я имею в виду, что не ожидаю слишком многого от себя. Вот как это происходит на практике: я чувствую, что в прошлом обычно боролся с усталостью, которая одолевала меня после ужина. Ну а теперь я полностью уверен, что на самом деле устал, что я вовсе не придумываю этой усталости, у меня просто упадок сил. Кажется, что раньше я почти все время занимался критикой этой усталости».
>
> Терапевт: «Итак, вы можете позволить себе быть усталым, вместо того чтобы чувствовать наряду с усталостью еще и критицизм по отношению к ней».

Клиент: «Да, что мне не следует быть усталым или что-то еще. И я думаю, что это в некотором отношении довольно-таки мудро, что я сейчас просто могу не бороться с этой усталостью; и вместе с этим я чувствую, что мне также нужно замедлить темп. Так что быть усталым — вовсе не так уж плохо. И мне кажется, я как бы могу связать то, почему я не должен был так себя вести, с тем, какой у меня отец и как он смотрит на это. Например, представим, я заболел и сказал бы ему об этом. Наверное, внешне будет казаться, что отец хотел бы чем-то мне помочь, но при этом он говорил бы: "Ну, черт побери, вот еще неприятность!" Вы понимаете, что-то вроде этого».

Терапевт: «Как будто если ты болен, в этом на самом деле есть что-то досадное».

Клиент: «Ага. Я уверен, что мой отец так же с неуважением относится к своему телу, как и я. Вот прошлым летом я как-то неудачно повернулся и что-то вывихнул в спине; я услышал, как там хрустнуло, и все такое. Сначала у меня все время была резкая боль, по-настоящему сильная боль. Я вызвал врача, чтобы он посмотрел меня. Врач сказал, что ничего страшного, само пройдет, нужно только не слишком наклоняться. Ну, это было несколько месяцев тому назад, и только недавно я заметил, что... черт, это действительно больно, и сейчас еще болит... И я вовсе в этом не виноват».

Терапевт: «Это вовсе не характеризует вас с плохой стороны».

Клиент: «Нет... и одна из причин, почему я устаю больше, чем мне следовало бы, в том, что я в постоянном напряжении от этой боли, и поэтому... Я уже записался на прием к врачу, чтобы он осмотрел меня, сделал рентген или еще что-нибудь. В некотором отношении, думаю, вы можете сказать, что я стал более верно чувствовать... или более объективно все это чувствовать. И это действительно, как я говорю, глубокие изменения; и конечно, мои отношения с женой и двумя детьми... Ну, вы бы не узнали меня, если бы смогли увидеть, что я чувствую... как вы... я имею в виду... просто кажется, что на самом деле ничего нет более прекрасного, чем искренне и на самом деле... действительно чувствовать любовь к своим собственным детям и в то же время быть любимым ими. Я не знаю, как это выразить. У нас так возросло уважение... у нас обоих к Джуди... и мы заметили только... как мы стали делать это... мы заметили такие огромные изменения в ней... Кажется, что это — очень глубокая вещь».

Терапевт: «Я думаю, что вы хотите мне сказать, что теперь можете более правильно слышать себя. Если ваше тело говорит вам, что оно устало, вы слышите его и верите ему, вместо того чтобы его критиковать; если вам больно, вы можете это услышать; если вы чувствуете, что действительно любите вашу жену или детей, вы можете почувствовать это, и, кажется, это проявляется также и в изменениях в них самих».

Здесь в относительно небольшом, но важном по значению отрывке можно увидеть многое из того, что я пытался сказать об открытости опыту. Ранее этот человек не мог свободно чувствовать боль или болезнь, потому что они не при-

нимались отцом. Он не мог чувствовать нежность и любовь к своим детям, потому что эти чувства говорили бы о его слабости, а ему нужно было показывать фасад «Я — сильный». Но сейчас он способен быть по-настоящему открытым опыту своего организма: он может быть усталым, когда устал; он может чувствовать боль, когда ему больно; он способен свободно чувствовать любовь, испытываемую им к своей дочке; и он так же может чувствовать и выражать раздражение по отношению к ней. Как он сообщает в следующей части беседы, он может жить опытом своего целостного организма, а не закрывать его от осознания.

Вера в свой организм

Особую трудность представляет описание второго качества, появляющегося у человека после процесса психотерапии. Кажется, этот человек все в большей степени обнаруживает, что его собственному организму можно доверять; что организм является подходящим инструментом для выбора поведения, наиболее соответствующего данной ситуации.

Попытаюсь донести это до вас в более доходчивой форме. Возможно, вы сможете понять мое описание, представив себе индивида, который всегда стоит перед таким реальным выбором: «Проведу ли я отпуск вместе с семьей или один?», «Выпить ли мне третий коктейль, который вы мне предлагаете?», «Тот ли это человек, который может быть моим партнером в любви и в жизни?». Как же поведет себя человек в такого рода ситуациях после психотерапии? В той степени, в которой этот человек открыт всему своему опыту, у него есть доступ ко всем имеющимся у него данным, на которых можно построить свое поведение в конкретной ситуации. Он обладает знаниями о своих чувствах и побуждениях, которые часто бывают сложными и противоречивыми. Он с легкостью может чувствовать весь набор социальных требований: от относительно жестких социальных «законов» до желаний детей и семьи. Ему доступны воспоминания о подобных ситуациях и последствиях различного поведения. У него имеется сравнительно верное восприятие данной ситуации во всей ее сложности. Он может разрешить своему целостному организму при участии сознательной мысли рассмотреть, взвесить и привести в равновесие каждый стимул, потребность и требование, их относительную значимость и силу. Произведя это сложное взвешивание и уравновешивание, он способен найти такой путь действий, который, кажется, лучше всего удовлетворяет все его дальние и сиюминутные потребности в ситуации.

Взвешивая и уравновешивая компоненты данного жизненного выбора, его организм, конечно, будет совершать ошибки. Будут и ошибочные выборы. Но поскольку он стремится быть открытым своему опыту, происходит все более широкое и быстрое осознание неудовлетворительных последствий решения, все более быстрое исправление ошибочных выборов.

Возможно, полезно понять, что у большинства из нас недостатки, мешающие этому взвешиванию и нахождению баланса, заключаются в том, что мы

включаем в свой опыт то, что к нему не относится, и исключаем то, что относится к нему. Так, индивид может настаивать на таком представлении о себе, как «Я знаю меру при употреблении спиртных напитков», в то время как открытость его прошлому опыту показывает, что это едва ли верно. Или молодая женщина способна видеть только хорошие качества своего будущего супруга, в то время как открытость опыту показала бы, что у него есть и недостатки.

Как правило, когда клиент открыт своему опыту, он начинает находить свой организм более заслуживающим доверия. Он чувствует меньше страха перед своими эмоциональными реакциями. Наблюдается постоянный рост веры и даже расположения к сложному, богатому, разнообразному набору чувств и наклонностей, существующих в человеке на организмическом уровне. Сознание вместо того, чтобы быть сторожем многочисленных и опасных непредсказуемых побуждений, из которых лишь немногим может быть разрешено появиться на свет, становится довольным обитателем общества побуждений, чувств и мыслей, которые, как обнаруживается, очень хорошо управляют собой, когда за ними не следят со страхом.

Внутренний локус

Другое направление, очевидное в процессе становления человека, относится к источнику, или локусу, выборов его решений или оценочных суждений. Индивид все чаще начинает чувствовать, что локус оценки лежит внутри его. Все меньше и меньше он ищет у других одобрения или неодобрения решений, выборов и стандартов, по которым надо жить. Он осознает, что выбор — это его личное дело; что единственный вопрос, который имеет смысл, — это «Полностью ли удовлетворяет и верно ли выражает меня мой образ жизни?». Я думаю, возможно, это самый важный вопрос для творческого индивида.

Очевидно, вы поймете меня лучше, если я проиллюстрирую это на одном примере. Я бы хотел представить небольшую часть записанной на пленку беседы с молодой женщиной, студенткой-выпускницей, которая пришла к консультанту за помощью. Вначале ее беспокоили очень многие проблемы, и она даже хотела покончить жизнь самоубийством. Во время беседы одно из чувств, которое она открыла в себе, — ее большое желание быть зависимой, а именно желание дать кому-либо возможность направлять ее жизнь. Она очень критиковала тех, кто не оказал ей достаточной направляющей помощи. Она говорила о всех своих преподавателях, с горечью переживая, что ни один из них не научил ее чему-то, имеющему глубокий смысл. Постепенно она начала понимать, что частично ее трудности были обусловлены тем, что как у студентки у нее не было инициативы при участии в занятиях. А затем идет отрывок, который я хочу процитировать.

Я думаю, этот отрывок даст вам некоторое представление о том, что значит в своем опыте иметь локус оценки, находящийся внутри вас самих. Данный отрывок относится к более поздней беседе с этой молодой женщиной, когда она

начала понимать, что, возможно, и она частично ответственна за недостатки в своем собственном образовании.

Клиент: «Ну, сейчас мне интересно знать, не ходила ли я просто вокруг да около, получая лишь поверхностные знания и не занимаясь серьезно самими предметами?»
Терапевт: «Может быть, вы ткнулись туда, ткнулись сюда, вместо того чтобы действительно где-то копать поглубже».
Клиент: «Да-а-а. Вот почему я говорю... (*медленно и очень задумчиво*) ну, с таким основанием это действительно зависит от меня. Я хочу сказать, мне кажется совершенно очевидным, что я не могу *зависеть от кого-либо еще*, кто дал бы мне образование. (*Очень тихо.*) Я действительно должна буду получить его сама».
Терапевт: «Вы действительно начинаете осознавать, что есть только один человек, который может дать вам образование; начинаете понимать, что, возможно, никто другой не может дать вам образование».
Клиент: «У-гу. (*Долгая пауза. Она сидит задумавшись.*) У меня все симптомы страха». (*Тихо смеется.*)
Терапевт: «Страх? Это то, что пугает? Вы это имеете в виду?»
Клиент: «У-гу». (*Очень долгая пауза, очевидно, борется со своими чувствами.*)
Терапевт: «Вы не хотите сказать более конкретно о том, что имеете в виду? Что на самом деле у вас возникает чувство страха?»
Клиент (*смеется*): «Я... угу... Не знаю наверняка, так ли это... Я имею в виду... ну, мне на самом деле кажется, что я — отрезанный ломоть... (*пауза*) и что я очень... я не знаю... в уязвимом положении, но я... гм-м... я вскормила это, и... это вышло почти без слов. Мне кажется... этому что-то... я разрешила выйти».
Терапевт: «Едва ли это часть вас».
Клиент: «Ну, я почувствовала удивление».
Терапевт: «Как будто: "Ну, ради Бога, неужели я сказала это?"» (*Оба посмеиваются.*)
Клиент: «На самом деле я не думаю, что у меня раньше было это чувство. Я... э-э-э... ну, правда чувствуется, будто я говорю что-то, что действительно *является* частью меня. (*Пауза.*) Или... э-э-э (*совершенно в замешательстве*) я чувствую как бы, что я... Не знаю... Я чувствую себя *сильной*, и, однако, у меня есть и чувство... я осознаю это как страх, чувство страха».
Терапевт: «То есть вы хотите сказать, что, когда вы говорите что-то такое, у вас появляется в то же время чувство страха того, что вы сказали, не так ли?»
Клиент: «Гм-м-м... Я это чувствую. Например, я чувствую это сейчас внутри... как бы вздымается сила или отдушина какая-то. Как будто это что-то на самом деле большое и сильное. И однако... э-э-э... это было почти физическое чувство, что я осталась в одиночестве и как бы отрезана от... от поддержки, которая всегда у меня была».
Терапевт: «Вы чувствуете, что это что-то большое и сильное, рвущееся наружу, и в то же время вы чувствуете, что как бы отрезали себя от любой поддержки, говоря это».

Клиент: «Гм-м... Может быть, это... я не знаю... Это нарушение какой-то структуры, которая всегда связывала меня, мне кажется».

Терапевт: «Это как бы расшатывает структуру, ее связи».

Клиент: «Гм-м (*молчит, потом осторожно, но с убеждением*), я не знаю, но я чувствую, что после этого я начну *делать* больше, чем, я думаю, мне надо делать. Сколько всего мне еще надо сделать! Кажется, нужно найти, как по-новому вести себя на стольких тропинках моей жизни... но, может быть, я увижу, что лучше справляюсь кое с чем».

Я надеюсь, что представленный выше диалог дает вам некоторое представление о той силе, которую чувствует человек, являясь уникальным существом, ответственным за себя. Здесь видна и тревога, которая сопровождает принятие ответственности. Когда мы осознаем, что «именно я выбираю» и «именно я определяю для себя ценность опыта», это и вливает в нас силы, и ужасает.

Желание существовать как процесс

Мне бы хотелось выделить еще одну, последнюю, характеристику этих индивидов, когда они прилагают усилия, чтобы открыть себя и стать самими собой. Дело в том, что, вероятно, их более удовлетворяет существование в виде *процесса*, нежели как *застывшая сущность*. Когда кто-то из них только входит в психотерапевтические отношения, то, вероятно, хочет прийти к более устойчивому состоянию: он стремится приблизиться к тому рубежу, за которым скрываются решения его проблем или где спрятан ключ от семейного благополучия. В свободе психотерапевтических отношений такой индивид обычно избавляется от этих жестко установленных целей и приходит к более верному пониманию того, что он не застывшая сущность, а процесс становления.

Один клиент в конце психотерапии в замешательстве говорит:

У меня еще не закончилась работа по интеграции и реорганизации моей личности; это лишь заставляет задуматься, но не обескураживает, особенно сейчас, когда я понимаю, что это — длительный процесс... Когда чувствуешь себя в действии, зная, куда идешь, хотя и не всегда это осознавая, — все это волнует, иногда огорчает, но всегда поддерживает дух.

В этом высказывании можно увидеть и веру в свой организм, о которой я говорил, и также осознание себя как процесса. Это личное описание того состояния, когда принимаешь, что ты — это поток становления, а не законченный продукт. Это значит, что человек — это текущий процесс, а не застывшая, статичная сущность; это текущая река изменений, а не кусок твердого материала; это постоянно изменяющееся соцветие возможностей, а не застывшая сумма характеристик.

Вот другое выражение той же самой текучести, или, иначе, текущего в данный момент существования:

> Вся эта цель ощущений и те смыслы, которые я до сих пор обнаруживал в них, кажется, привели меня к процессу, который в одно и то же время и восхитителен, и пугающ. Кажется, он состоит в том, чтобы дать возможность моему опыту нести меня, как мне кажется, вперед, к целям, которые я могу лишь смутно определить, когда пытаюсь понять, по крайней мере, текущий смысл этого опыта. Появляется ощущение, что ты плывешь вместе со сложным потоком опыта, имея восхитительную возможность понять его все время меняющуюся сложность.

Заключение

Я старался рассказать вам о том, что происходит в жизни людей, с которыми мне посчастливилось быть в отношениях в то время, когда они боролись, чтобы стать самими собой. Я осмелился описать как можно точнее те смыслы, которые, кажется, вовлечены в процесс становления человека. Я уверен, что не только этот процесс происходит в психотерапии. Я уверен, что мое восприятие этого процесса не является четким или полным, так как его понимание и осмысление все время меняются. Надеюсь, что вы примете его как текущее гипотетическое описание, а не как что-то окончательное.

Одна из причин, почему я подчеркиваю, что это описание носит гипотетический характер, заключается в том, что я хочу, чтобы было ясно, что я не говорю: «Вот этим вам следует стать. Вот ваша цель». Скорее я говорю, что в этих переживаниях есть несколько смыслов, которые разделяли я и мой клиент. Возможно, описание опыта других может прояснить или сделать более осмысленным ваш собственный опыт.

Я указывал, что каждый индивид, вероятно, задает себе два вопроса: «Кто я?» и «Как я могу стать самим собой?». Я утверждал, что процесс становления возникает в благоприятном психологическом климате; что в нем индивид сбрасывает одну за другой защитные маски, в которых он встречал жизнь; что он полностью переживает свои скрытые качества; что он обнаруживает в этих переживаниях незнакомца, живущего за этими масками, незнакомца, который и есть он сам. Я постарался дать описание характерных качеств появляющегося человека; человека, более открытого ко всем составляющим его организмического опыта; человека, у которого возникает доверие к своему организму как инструменту чувственной жизни; человека, который полагает, что локус оценки лежит внутри него; человека, который учится жить как участник текущего процесса, в котором в потоке опыта он постоянно обнаруживает свои новые качества. Это некоторые из тех составляющих, которые, я думаю, входят в становление человека.

В. Франкл

[Духовность, свобода, ответственность и смысл]*

Духовность, свобода и ответственность — это три экзистенциала[1] человеческого существования. Они не просто характеризуют человеческое бытие как бытие именно человека, скорее даже они конституируют его в этом качестве. В этом смысле духовность человека — это не просто его характеристика, а конституирующая особенность: духовное не просто присуще человеку наряду с телесным и психическим, которые свойственны и животным. Духовное — это то, что отличает человека, что присуще только ему, и ему одному.

Самолет не перестает, конечно, быть самолетом, когда он движется по земле: он может и ему постоянно приходится двигаться по земле! Но лишь поднявшись в воздух, он доказывает, что он самолет. Точно так же человек начинает вести себя как человек, лишь когда он в состоянии преодолеть уровень психофизически-организмической данности и отнестись к самому себе, не обязательно противостоя самому себе.

Эта возможность и есть существование, а существовать — значит постоянно выходить за пределы самого себя. <...>

Духовность

Бессилие человеческого духа при психозе[2] заключается в том и соответственно ограничивается тем, что этот дух, равно как и его отношение к психозу, не получает своего выражения, заключается ли это отношение в сопротивлении болезни

---

* *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. С. 93, 102—109, 111—114, 118—119, 122, 124, 126, 128, 157—158, 205—206, 213—215, 296—297.

[1] *Экзистенциал* — т.е. реалия. — *Ред.-сост.*

[2] *Психоз*, или психическая болезнь — широкий термин, обозначающий множество тяжелых психических расстройств органического или эмоционального происхождения. Общим,

или в примирении с ней. Эту невозможность проявления мы не должны, однако, смешивать с невозможностью самого отношения. Возможность последнего сохраняется и то и дело претворяется в действительность благодаря тому, что мы называем *упрямством духа*. Не кто иной, как нейропсихиатр является знатоком закономерностей психофизической обусловленности духовной личности, однако именно он становится также свидетелем ее упрямства.

Человеческий дух обусловлен — не менее, но и не более того. Тело ни на что не влияет, оно лишь обусловливает, но эта обусловленность человеческого духа не в последнюю очередь состоит в привязанности человеческого духа к его телу. Так называемые внеличностные механизмы (В.Е. фон Гебзаттель[3]) локализованы не в сфере духовного, а в психофизическом (в зависимости человеческого духа от сохранности инструментальной[4] и экспрессивной функции его психофизического организма). Эта двойная функция, на которой целиком зиждется способность духовной личности действовать и проявлять себя вовне, может быть нарушена; однако духовная личность вследствие этого еще долго не претерпевает разрушения. Если на основании неспособности духовной личности выразить себя и свое отношение к психозу сделать вывод о ее неспособности вообще противостоять психозу, то этот вывод будет ложным. Так или иначе, пусть это отношение весьма дискретно и скрыто от наших глаз, оно от этого не исчезает, просто человек несет и терпит свои страдания молча.

При этом, как и прежде, само собой разумеется, что хорошо функционирующий психофизический организм является условием развития человеческой духовности. Важно лишь не забыть, что психофизическое, как бы оно ни обусловливало такую духовность, не может на что-либо воздействовать, не может породить эту духовность, что биос не влияет на логос, так же как фюзис или сома на психе, а лишь обусловливает его[5]. Кроме того, нельзя упустить из виду, что поражающему воздействию типа психотического заболевания подвергается всегда только лишь психофизический организм, ведь личность, будучи духовной, находится вне здоровья и болезни. Все же нарушение психофизической функции сказывается в том,

---

определяющим признаком этих заболеваний считается значительное ухудшение тестирования реальности, когда пациент, вопреки очевидным свидетельствам в обратном, делает ошибочные выводы относительно внешнего окружения, неверно оценивает правильность своих мыслей и восприятий. Классическими симптомами психозов являются бредовые идеи, галлюцинации, регрессивные формы поведения, несоответствующее действительным обстоятельствам настроение и бессвязная речь. — *Ред.-сост.*

[3] Гебзаттель (*Gebsattel*) Виктор фон (1883—1976) — немецкий философ, психиатр и психотерапевт. — *Ред.-сост.*

[4] Дух делает психофизическое инструментом; духовная личность организует психофизический организм. Лишь тогда она делает его «своим», когда превращает его в орудие, в орган, в инструмент (*Frankl V.E.* Der unbedingte Mensch. Metaklinische Vorlesungen. Wien: Franz Deutlicke, 1949. S. 53).

[5] *Frankl V.E.* Der unbedingte Mensch. Metaklinische Vorlesungen. Wien: Franz Deutlicke, 1949. S. 39.

что стоящая за психофизическим организмом и в определенном смысле над ним духовная личность не может получить внешнее проявление, выразить себя вовне. Психоз означает для личности именно это — не больше и не меньше.

Пока я не могу обнаружить в человеке духовную личность в связи с тем, что в условиях психоза она забаррикадирована и скрыта от моих глаз, я, естественно, не могу и терапевтически на нее воздействовать, и мое обращение должно потерпеть неудачу. Отсюда следует, что логотерапевтический подход годится при психозах лишь легкой и средней клинической тяжести[6].

Логотерапия при психозах (логотерапии психозов не существует) является, в сущности, терапией здоровых, а именно сохранением у больного установки здорового человека в противовес установке заболевшего; ведь здоровый не может заболеть, а больной не может быть вылечен с помощью психотерапии (не только логотерапии!), а доступен лишь соматотерапии.

Итак, оказывается, что судьба, именуемая психозом, уже сложилась, ведь личность всегда принимает в ней участие, личность всегда в этом замешана, она оказывает воздействие на развитие проявлений болезни. Ведь болезнь случается с человеком. Животное бы обязательно впало в болезненную аффективность и неизбежно действовало бы под влиянием болезненной импульсивности. Лишь человек может противостоять всему этому. И обратите внимание: он всегда этому противостоял, однако не отдавая себе ни в малейшей степени сколько-нибудь сознательного отчета в том, что же происходит. Одним словом, столкновение человеческого в больном и болезненного в человеке протекает помимо рефлексии, в имплицитной форме[7]. Это молчаливое столкновение.

Эту имплицитную патопластику не следует смешивать с расхожим утверждением, что бред представляет собой психическую реакцию на соматический процесс. Ведь у нас речь идет не о психических реакциях, а о духовных актах, а именно личностной установке по отношению к психозу[8].

Выявить в психозе личностное и дать ему проявиться — задача экзистенциального анализа. Этот анализ стремится сквозь клинический случай разглядеть человека, раздвинуть рамки картины болезни до картины человека. Ведь картина болезни — это лишь шарж, тень собственно человека, его простая проекция на уровень клинических проявлений, проекция из измерения человеческого бытия,

---

[6] См.: *Frankl V.E.* Psychagogische Betreuung endogen Depressiver // Theorie und Therapie der Neurosen. Einführung in Logotherapie und Existenzanalyse. München; Basel: Beltz, 1983. S. 67 ff.

[7] ***в имплицитной форме*** — т.е. скрытно и недоступно самонаблюдению. — *Ред.-сост.*

[8] То, что паранойяльный больной — как в одном известном нам конкретном случае — не допускает, чтобы патологическая ревность довела его до убийства, а вместо этого начинает баловать и нежить свою внезапно заболевшую жену, — это духовная перестройка, которую следует отнести за счет духовной личности, в данном отношении дееспособной. В этом достижении — в том, что мания не повлекла за собой никаких последствий, — не в последнюю очередь обнаруживает себя упрямство духа; в данном случае оно обнаруживает себя только лишь исключительно в этом, и уж, конечно, не в рассмотрении мании как мании или ревности как болезни — в так называемом проникновении в болезнь.

которое расположено по ту сторону невроза[9] и психоза, и в этом метаклиническом пространстве экзистенциальный анализ прослеживает феномены и симптомы невротических и психотических заболеваний. В этом пространстве он обнаруживает невредимую и неуязвимую человечность. Если бы обстояло иначе, то не стоило бы быть психиатром ни ради испорченного «психического механизма», ни ради разрушенного душевного «аппарата», ни ради сломанной машины,— лишь ради человеческого в больном, которое скрывается за всем этим, и ради духовного в человеке, которое возвышается над всем этим, стоит быть психиатром.

Экзистенциальный анализ распространяется на человека во всей его целостности, которая носит не только психофизически-организмический, но и духовно-личностный характер. И он был бы настоящей глубинной психологией, поскольку он опускается не только до бессознательных влечений, но и до духовного бессознательного. Или же мы можем, наоборот, рассматривать духовное в человеке как высшее измерение, в противоположность психофизическому уровню. И тогда мы согласимся, что экзистенциальный анализ есть нечто противоположное так называемой (называющей себя так) глубинной психологии. Глубинная психология забывает, что ее противоположностью является не поверхностная, а *вершинная психология*. Мы, впрочем, не настолько «высоко»мерны, пользуясь этим выражением. Оно применимо к любой психологии, которая в своем клиническом практическом приложении не забывает за соматическим и психическим в человеке также духовное в нем и стремится быть психотерапией духа и в этом смысле знает о существовании духовного измерения — высшего измерения человеческого бытия. Глубинная психология в чести, но «лишь вершина человека — это человек» (Парацельс[10]).

Сегодняшний человек, однако, духовно пресыщен, и это *духовное пресыщение* составляет сущность современного нигилизма[11].

С духовным пресыщением борется коллективная психотерапия. Фрейд[12] однажды сказал, что человечеству было известно, что оно обладает духом, а ему пришлось показать человечеству, что у него есть влечения. Однако сегодня, по-видимому, дело скорее опять в том, чтобы придать человеку мужество духовно жить, чтобы напомнить ему, что у него есть дух, что он духовное существо. И психотерапия, особенно принимая во внимание коллективные неврозы, должна сама об этом помнить! <...>

---

[9] *Невроз* — функциональное (т.е. не имеющее явной органической основы) расстройство психики, для которого характерен высокий уровень тревожности и другие вызывающие страдание симптомы, такие как патологические страхи, навязчивые идеи и действия, соматические реакции и настроение подавленности. При этом значительных нарушений личности не происходит и контакт с реальностью сохраняется. Неврозы обычно рассматривают как преувеличенные и неосознаваемые способы разрешения внутренних конфликтов и борьбы с вызываемой ими тревогой. — *Ред.-сост.*

[10] Парацельс (*Paracelsus*) (настоящее имя и фамилия Филипп Ауреол Теофраст Бомбаст фон Гогехейм, von Hohenheim) (1493—1541) — немецкий (по происхождению швейцарец) врач и естествоиспытатель. — *Ред.-сост.*

[11] *Нигилизм* — полное отрицание всего общепризнанного, полный скептицизм. — *Ред.-сост.*

[12] Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр. — *Ред.-сост.*

Свобода

Наше знание о себе говорит нам: мы свободны. Это знание о себе, очевидность этого фундаментального факта нашей свободы, может, однако, быть затуманено. Его, например, может затемнить психология в своем естественно-научном варианте: она не знает никакой свободы, ей нельзя о ней знать, как, скажем, физиологии непозволительно признавать или хотя бы замечать нечто вроде свободы воли. Психофизиология заканчивается по эту сторону свободы воли, теология начинается по ту ее сторону, там, где над свободой воли возвышается божественное провидение. Естествоиспытатель не может в качестве такового не быть детерминистом. Кто, однако, является «только лишь» естествоиспытателем? И естествоиспытатель, помимо всех своих научных установок, является человеком — целиком и полностью. Но и предмет, который он изучает с научных позиций — человек, — есть нечто большее, чем естествознание в состоянии в нем увидеть. Естествознание видит лишь психофизический организм, но не духовную личность. Поэтому оно не может заметить и ту духовную автономию человека, которая присуща ему, несмотря на психофизическую зависимость. Естественные науки, в том числе естественно-научная психология, видят в этой «автономии, несмотря на зависимость» (Н. Гартман[13]) лишь момент зависимости: вместо ***автономии духовного существования*** они видят ***автоматизмы душевного аппарата***. Они видят лишь необходимость.

Но человек как таковой всегда находится по ту сторону необходимости — хоть и по эту сторону возможности. По сути, человек — это существо, трансцендирующее необходимость. Хотя он «есть» лишь в связи с необходимостью, однако эта связь является свободной.

Необходимость и свобода не принадлежат к одному и тому же уровню. На том уровне, на котором локализуется зависимость человека, невозможно обнаружить его автономию. Поэтому раз мы касаемся проблемы свободы воли, мы никоим образом не должны допускать контаминации[14] уровней бытия. Там же, где нет контаминации уровней бытия, невозможен и компромисс точек зрения. Так, нельзя представить себе компромисс между детерминизмом[15] и индетерминизмом. Необходимость и свобода локализованы не на одном уровне; свобода возвышается, надстроена над любой необходимостью. Таким образом, причинные цепи остаются всегда и везде замкнуты, и в то же время они разомкнуты в высшем измерении, открыты для высшей «причинности». Бытие, вопреки причинности в узком смысле слова, более того, по законам собственной причинности,— это всегда открытый сосуд, готовый к восприятию смысла. В обусловливающее бытие проникает воздействующий смысл.

---

[13] Гартман (Хартман) (*Hartmann*) Николай (1882—1950) — немецкий философ. — *Ред.-сост.*

[14] ***Контаминация*** — смешение. — *Ред.-сост.*

[15] ***Детерминизм*** — философская концепция, признающая объективную закономерность и причинную обусловленность всех явлений природы и общества (противоположная ей концепция — индетерминизм). — *Ред.-сост.*

Что касается свободы, то она представляет собой свободу по отношению к трем вещам, а именно:

1. По отношению к влечениям.
2. По отношению к наследственности.
3. По отношению к среде.

Первое. Человек обладает влечениями, однако влечения не владеют им. Влечения не исчерпывают его. Мы не отрицаем влечения как таковые, но я не могу подтверждать что-либо, если мне не дана предварительно свобода это отрицать.

Признание влечений не только не противоречит свободе, но даже имеет свободу их отрицания своей предпосылкой. В сущности, свобода — это как раз свобода по отношению к чему-либо: «свобода от» чего-то и «свобода для» чего-то (ведь если и мое поведение определяется не влечениями, а ценностями, я все равно свободен сказать «нет» и этическим требованиям: я именно *позволяю* им определять мое поведение).

Психологические факты свидетельствуют, что у человека никогда не проявляются «влечения как таковые». Влечения всегда принимаются или отвергаются, они всегда каким-то образом — так или иначе — оформлены. Вся сфера влечений у человека преобразуется под влиянием его духовной установки, так что эта подчиненность сферы влечений формирующим влияниям сферы духовного присуща ей, можно сказать, априорно[16]. Влечения всегда направляются, пронизываются и пропитываются личностью, они всегда персонифицированы[17].

Ведь влечения человека, в противоположность влечениям животных, находятся во власти его духовности, они вросли в сферу духовного, так что не только тогда, когда влечения тормозятся, но и тогда, когда они растормаживаются, дух не бездействует, а вмешивается или же отстраняется.

Человек — это существо, которое всегда может сказать «нет» своим влечениям и которое не должно всегда говорить им «да» и «аминь»[18]. Когда он говорит им «да», это происходит всегда лишь путем идентификации[19] с ними. Это и есть то, что выделяет его из мира животных. Если человек должен каждый раз идентифицироваться с влечениями (в той мере, в какой он желает их принять), животное идентично своим влечениям. У человека есть влечения — животное само есть влечения. То же, что «есть» человек, — это его свобода, поскольку она присуща ему изначально и неотделима от него, в то время как то, что у меня просто «есть», я вполне могу потерять.

У человека нет влечений вне свободы и нет свободы вне влечений. Напротив, как уже было выяснено, влечения всегда, прежде чем проявиться, как бы пересекают зону свободы; вместе с тем человеческой свободе нужны влечения,

---

[16] *Априорно* — т.е. до опыта. — *Ред.-сост.*

[17] См.: *Frankl V.E.* Der unbewußte Gott. München; Kösel-Verlag, 1948. S. 74; *Frankl V.E.* Logos und Existenz. Drei Vorträge. Wien: Amandus Verlag, 1951. S. 70; *Frankl V.E.* Theorie und Therapie der Neurosen. Einführung in Logotherapie und Existenzanalyse. München: Urban & Schwarzenberg, 1956. S. 23.

[18] *«Аминь»* — истинно, верно, да будет так. — *Ред.-сост.*

[19] *Идентификации* — т.е. отождествления. — *Ред.-сост.*

можно сказать, как основание, на котором она покоится, но и как основание, над которым она может подняться, от которого она может оттолкнуться. Все же влечения и свобода находятся в коррелятивном[20] отношении друг к другу.

Это коррелятивное отношение существенно отлично, скажем, от отношения между психическим и физическим. В отличие от необходимого психофизического параллелизма[21] здесь мы имеем дело с тем, что мы называем факультативным[22] *ноопсихическим антагонизмом*.

Второе. Что касается наследственности, то серьезные исследования в этой области как раз показали, в какой степени человек обладает в конечном счете свободой и по отношению к своим задаткам. В частности, близнецовые исследования показали, насколько различная жизнь может быть построена на основе тождественных задатков. Я вспоминаю однояйцевых близнецов, описанных Ланге, один из которых был хитроумнейшим преступником, в то время как его брат-близнец — столь же хитроумным криминалистом. Врожденное свойство характера — «хитроумие» — было идентичным у обоих, однако само по себе оно нейтрально, т.е. не являлось ни пороком, ни добродетелью. И мы видим, как был прав Гёте, сказавший однажды, что нет такой добродетели, из которой нельзя было бы сделать порок, и нет такого порока, из которого нельзя было бы сделать добродетель. У нас есть письмо одной женщины-психолога, живущей за границей, в котором она пишет, что по всем чертам характера, вплоть до мелких деталей, она полностью повторяет свою сестру-близнеца: они любят одну и ту же одежду, одних и тех же композиторов и одних и тех же мужчин. Между ними есть лишь одно различие: одна сестра вполне жизнеспособна, другая же склонна к неврозам[23].

Третье. Что же касается среды, то и здесь обнаруживается, что и она не определяет человека. Влияние среды больше зависит от того, что человек из нее делает, как он к ней относится. Роберт Дж. Лифтон пишет об американских солдатах, находившихся в северокорейских лагерях для военнопленных: «Среди них найдется достаточно примеров как крайнего альтруизма[24], так и примитивнейших форм борьбы за выживание»[25].

---

[20] *Коррелятивном* — т.е. взаимосвязанном. — *Ред.-сост.*

[21] *Психофизический параллелизм* — одно из философских решений психофизиологической (психофизической) проблемы, согласно которому психические процессы происходят раздельно, но в точном соответствии друг с другом. — *Ред.-сост.*

[22] *Факультативным* — т.е. возможным, необязательным. — *Ред.-сост.*

[23] Кальман обнаружил в выборке из 2500 близнецовых пар 11 (8 дизиготных и 3 монозиготных), в которых один из близнецов совершил самоубийство (в среднем 17 лет назад). Ни разу этого не случилось с обоими близнецами. Исходя из этого, а также из соответствующей литературы, автор делает вывод, что самоубийство обоих близнецов не встречается даже у тех, кто рос в одинаковой среде и обнаруживает схожие особенности характера и психотические проявления.

[24] *Альтруизм* — бескорыстная забота о благе других, готовность жертвовать для других своими личными интересами (в противоположность эгоизму). — *Ред.-сост.*

[25] См.: *Lifton R.J.* Home by ship: Reaction patterns of american prisoners of war repatriated from North Korea // American Journal of Psychiatry. 1954. Vol. 110. P. 732—739.

Таким образом, *человек — это меньше всего продукт наследственности и окружения; человек в конечном счете сам решает за себя!* Попытаемся теперь обрисовать наиболее важные из вообще возможных измерений человеческого бытия. Одним из этих измерений является то, что можно обозначить как *витальная основа*; ее изучают как биология, так и психология. Во-вторых, необходимо назвать *социальное положение* человека; это предмет социологического анализа. Витальная[26] основа вместе с социальным положением образуют *естественную заданность* человека. Эту заданность можно всегда установить и зафиксировать средствами трех наук: биологии, психологии и социологии. Но нельзя при этом упускать из виду, что собственно человеческое бытие начинается лишь там, где кончается любая установленность и фиксируемость, любая однозначная и окончательная определенность. А начинается там, прибавляясь к естественной заданности человека, где есть его *личностная позиция*, установка, его личное отношение ко всему этому, к любой витальной основе и к любой ситуации. Эта установка, конечно, уже не может быть предметом какой-либо из названных наук; скорее она существует в особом измерении. Кроме того, эта установка принципиально свободна; в конечном счете она представляет собой решение. И если мы расширим нашу систему координат за счет этого последнего возможного измерения, то в нем будет реализовываться всегда существующая благодаря свободе личностной позиции возможность экзистенциальной перестройки. <...>

Все человеческое обусловлено. Но собственно человеческим оно становится лишь тогда и постольку, когда и поскольку оно поднимается над своей собственной обусловленностью, преодолевая ее, «трансцендируя» ее. Тем самым человек вообще является человеком тогда и постольку, когда и поскольку он как духовное существо выходит за пределы своего телесного и душевного бытия.

К тому, в чем я существую и за пределы чего я одновременно выхожу в своем существовании, принадлежат все внешние обстоятельства и все внутренние состояния моего бытия[27], принадлежит, собственно, любая психическая данность. Но я могу принципиально отстраниться от нее в силу того ноопсихического антагонизма, который мы из эвристических соображений[28] противопоставили психофизическому параллелизму, т.е. благодаря тому упрямству духа, которое дает человеку возможность утвердить себя в своей человечности наперекор телесно-психическим состояниям и социальным обстоятельствам. Другое дело, что это упрямство не всегда нужно. Мы уже говорили, что человек, к счастью, не должен все время пускать это упрямство в ход. Ведь по меньшей мере столь же

[26] *Витальная* — т.е. жизненная. — *Ред.-сост.*

[27] Отказ от личности и экзистенциальности в пользу фактической данности — это εποχή экзистенциального акта — является сущностной характеристикой невроза. Внешние обстоятельства и внутренние состояния приобретают «вид козла отпущения, на которого перекладывается вина за пропавшую жизнь» (Sozialärztliche Rundschau. 1933. Bd. 3. S. 43).

[28] ... *из эвристических соображений* — т.е. в качестве приема, позволяющего найти путь к истине. — *Ред.-сост.*

часто, что и вопреки своим влечениям, вопреки своей наследственности и вопреки своей среде, человек утверждает себя также благодаря своим влечениям, благодаря своей наследственности и благодаря своей среде.

Мы все же хотим подчеркнуть тот факт, что человек как духовное существо не только сталкивается с тем, что он противостоит миру (как внешнему, так и внутреннему), но и занимает позицию по отношению к нему. Человек всегда может как-то «относиться», как-то «вести себя» по отношению к миру. В каждое мгновение своей жизни человек занимает позицию по отношению как к природному и социальному окружению, к внешней среде, так и к витальному психофизическому внутреннему миру, к внутренней среде. И то, что может противостоять всему социальному, телесному и даже психическому в человеке, мы и называем духовным в нем. Духовное, по определению, и есть свободное в человеке. Духовная личность — это то в человеке, что всегда может возразить!

К способности человека «вставать над всем» принадлежит также его способность встать над самим собой. Проще говоря — как мы иногда это объясняем нашим пациентам, — я не обязан все время терпеть самого себя. Я могу отмежеваться от того, что есть во мне, причем не только от нормальных психических явлений, но и в определенных границах от психической патологии во мне. Я связан с обстоятельствами не просто как биологический тип или психологический характер. Ведь типом или характером я лишь обладаю; то же, что я есть, — это личность. Мое личностное бытие и означает свободу — свободу стать личностью. Это свобода от своей фактичности, свобода своей экзистенциальности. Это свобода стать иным.

Это особенно существенно в связи с невротическим фатализмом: когда невротик говорит о своей личности, о своем личном «так-бытии», он склонен его гипостазировать[29] и представлять дело так, как будто это «так-бытие» содержит невозможность иного. В действительности, однако, бытие не исчерпывается каким-либо «так-бытием». Существования нет вне его фактичности, однако оно не растворяется в собственной фактичности. Существование и есть то, что всегда выходит за пределы своей собственной фактичности.

Это в конечном счете и составляет неповторимую диалектическую особенность человеческого бытия: два предполагающих друг друга момента — существование и фактичность — и их взаимозависимость. Оба находятся в постоянном переплетении друг с другом, и разделить их можно только искусственно.

В свете этого диалектического единства и целостности, которую образует сплав психофизической фактичности и духовной экзистенции в человеческом бытии, оказывается, что четкое разделение духовного и психофизического может быть лишь эвристическим! Оно не может не иметь чисто эвристического характера уже потому, что духовное не является субстанцией в традиционном смысле этого слова. Оно скорее представляет собой онтологическую бытий-

---

[29] *Гипостазировать* — приписывать отвлеченным понятиям самостоятельное существование, рассматривать общие свойства, отношения и качества как самостоятельно существующие объекты. — *Ред.-сост.*

ность, к которой неприложимо то, что говорится об онтической реальности. Именно поэтому мы всегда говорим о «духовном» только в этих псевдосубстантивистских выражениях, используя субстантивированное прилагательное вместо существительного «дух», которого мы избегаем: ведь настоящим существительным может обозначаться только субстанция.

И все-таки четкое размежевание духовного и психофизического необходимо, хотя бы просто потому, что само духовное по своей сущности является отграничивающим себя, выделяющим себя. Оно отделяется как существование от фактичности и как личность от характера примерно так же, как фигура отделяется от фона.

Понятно, что в зависимости от точки зрения, с которой мы будем рассматривать человеческую сущность, в наше поле зрения преимущественно попадет либо ее единство и целостность, либо ее деление на духовное и противоположное ему психофизическое. Соответственно нам будет казаться, что в исследованиях в русле «бытийного анализа» больше подчеркивается момент единства, а наш экзистенциально-аналитический подход больше акцентирует множественность. Но ведь очевидно, что для целей анализа (бытийного или экзистенциального) важно раскрытие единства человеческого бытия, а для целей психо-(или лого-) терапии важна его множественность!

Ведь одно дело — понять болезнь, и совсем другое — вылечить больного. Чтобы вылечиться, больной должен как-то внутренне отмежеваться от своей болезни, от своего «сумасшествия». Если же, однако, я с самого начала буду рассматривать болезнь как нечто, что полностью овладевает человеком и преобразует его как целое, как бы диффузно проникая в него, то я никогда не смогу понять и постичь самого больного, стоящую за и над любым (в том числе психическим) заболеванием духовную личность. Тогда передо мной лишь болезнь, и ничего помимо нее, что я мог бы противопоставить болезни, противопоставить фатальной необходимости «быть-в-мире-так» (с меланхолией, с манией, с шизофренией и т. д.) «и-не-иначе».

Разве я могу в этом случае способствовать возникновению той полезной дистанции, которая позволяет больному как духовной личности в силу факультативного ноопсихического антагонизма занять позицию по отношению к психофизическому заболеванию, позицию, которая крайне важна в терапевтическом отношении! Ведь эта внутренняя дистанция, занимаемая духовным по отношению к психофизическому, на которой базируется ноопсихический антагонизм, в терапевтическом отношении представляется нам чрезвычайно результативной. Любая психотерапия должна в конечном счете строиться на ноопсихическом антагонизме.

Нам постоянно приходится слышать, как наши пациенты ссылаются на свой характер, который у них становится козлом отпущения: в тот момент, когда я веду о нем речь, я выгораживаю себя, сваливая все на него. Особенности характера никоим образом не являются решающими; решает всегда в конечном счете позиция личности. «В последней инстанции», таким образом, духовная

личность принимает решение о душевном характере, и в этом смысле можно сказать следующее: человек решает за себя; любое решение есть решение за себя, а решение за себя — всегда формирование себя. В тот момент, когда я формирую свою судьбу, я как личность формирую характер, которым я обладаю. В результате формируется личность, которой я становлюсь.

Что же это, однако, означает, как не то, что *я не только поступаю в соответствии с тем, что я есть, но и становлюсь в соответствии с тем, как я поступаю*[30].

Из постоянного делания добра вырастает добродетель.

Мы знаем, что действие в конечном счете — это переход возможности в действительность, потенции в акт. Что же касается нравственного поступка, то поступающий нравственно не довольствуется уникальностью своего нравственного деяния; он продолжает его, превращая акт в привычку. То, что было нравственным поступком, стало нравственной позицией.

Поэтому можно сказать: *решение сегодня есть потребность завтра.*

Ответственность

Экзистенциальный анализ признает человека свободным, однако этот «вердикт» отмечен двумя особенностями: одним ограничением и одним дополнением.

1. Экзистенциальный анализ *лишь условно* признает человека свободным, поскольку человек не может делать все, что он хочет; человеческая свобода отнюдь не тождественна всемогуществу.

2. Экзистенциальный анализ не признает человека свободным, не признавая его в то же время *ответственным*. Это означает, что человеческая свобода не тождественна не только всемогуществу, но и произволу.

Первое. Экзистенциальный анализ признает человека свободным, но лишь условно. Сам человек условен. «Человек лишь условно безусловен»[31]. В частности, человеческая свобода — не факт, а лишь факультатив. Когда человек поддается своим влечениям, он именно *поддается* влечениям; это значит, что он свободно отрекается от свободы, чтобы найти оправдание в своей несвободе. Этим же характеризуется и то, что составляет сущность невроза: отказ от «Я» в пользу «Оно», отказ от личностности и экзистенциальности в пользу фактичности — это εποχη экзистенциального акта! Ранее мы пришли к определению невротика как человека, бытие которого, являющееся возможностью «всегда-стать-иным», он переосмыслил как необходимость «быть-только-так-и-никак-иначе». И если есть не только «подневольный юмор», но и нечто вроде «подневольной мудрости», то последняя обнаруживается как раз в словах одной моей

---

[30] Тезис «действие вытекает из бытия» — это половина правды; вторая ее половина звучит так: «бытие вытекает из действия».

[31] *Frankl V.E.* Der unbedingte Mensch. Metaklinische Vorlesungen. Wien: Franz Deutlicke, 1949. S. VII.

пациентки, заметившей однажды: «Моя воля свободна, когда я этого желаю, а когда я не желаю, моя воля несвободна».

Само собой разумеется, невротик не свободен в том смысле, что он не несет ответственности за свой невроз, однако он, пожалуй, несет ответственность за *отношение* к своему неврозу; тем самым ему присуща определенная степень свободы.

Второе. Экзистенциальный анализ признает человека свободным; однако он признает его не только свободным, но и ответственным. И этим экзистенциальный анализ принципиально отличается от экзистенциалистской философии, прежде всего от французского экзистенциализма. Ведь ответственность включает в себя то, за что человек несет ответственность; согласно учению экзистенциального анализа, то, за что ответствен человек,—это осуществление смысла и реализация ценностей. Таким образом, экзистенциальный анализ считает человека существом, ориентированным на смысл и стремящимся к ценностям (в противоположность ходячему психоаналитическому представлению о человеке как о существе, детерминированном преимущественно влечениями и стремящемся к наслаждению). <...>

Эту утрату ценностей по причине имманентизации предметного мира[32], являющейся естественным следствием психоаналитического подхода, следует пояснить с помощью конкретного примера. К нам обратился один американский дипломат, который не менее пяти лет лечился в Нью-Йорке у психоаналитика. Им владело желание оставить свою дипломатическую карьеру и перейти работать в промышленность. Лечивший его аналитик, однако, все время пытался, хоть и тщетно, побудить его помириться наконец со своим отцом — ведь начальство представляет собой «не более чем» образ отца и вся злость и негативные чувства по отношению к службе проистекали у пациента, согласно психоаналитической трактовке, из его непримиримой борьбы с образом отца. Вопросы о том, есть ли реальные поводы для неприятия пациентом своего шефа и не стоит ли пациенту действительно оставить свою дипломатическую карьеру, так ни разу и не всплывали за многие годы, которые длилась имитация лечения — бой с образами, который вел аналитик плечо к плечу с пациентом. Как будто каждый должен ехать к себе на службу на белом коне, и как будто не существует ничего достойного осуществления не ради или же в пику каким-то воображаемым людям, а в связи с реальными обстоятельствами. Однако за сплошными образами действительность была уже не видна, она уже давно скрылась из глаз аналитика и пациента; не было ни реального шефа, ни реальной службы, ни мира вне образов — мира, перед которым у каждого пациента были бы обязательства, мира, задачи и требования которого ждали бы своего разрешения... Анализ как бы затянул пациента на уводящий от мира путь самотолкования и самопонимания. На языке психоанализа речь шла только лишь о непримиримости пациента к

---

[32] *...имманентизация предметного мира* — здесь, по-видимому, следует понимать как сведение бытия к внутренним содержаниям сознания. Поскольку автор утверждает объективное существование ценностей («мира человека»), это означает их утрату. — *Ред.-сост.*

образу его отца, хотя нетрудно было выяснить, что дипломатическое поприще и карьера нашего пациента фрустрировали[33], если можно так выразиться, его стремление к смыслу. <...>

В действительности, однако, человека не побуждают влечения, а притягивают ценности. Лишь насилие над языком допускает применительно к ценностям такие выражения, как «влекомый» или «движимый» ими. Ценности не толкают меня, а притягивают. Я выбираю свободу и ответственность ради осуществления ценностей, я решаюсь на осуществление ценностей, я открываю себя миру ценностей, но влечение, внутренняя побудительная сила здесь ни при чем. Конечно, не только психическое, но и духовное имеет свою динамику; эта динамика основывается, однако, не на побуждении влечений, а на стремлении к ценностям. Это духовное стремление к смыслу включает в себя на психическом уровне влечения как источник энергии. <...>

Выше речь шла о том, что ответственность, которую экзистенциальный анализ помещает как раз в центр своего поля зрения, не сводится к простой свободе постольку, поскольку ответственность всегда включает в себя то, за что человек каждый раз несет ответственность. Как выясняется, ответственность подразумевает (также в отличие от простой свободы) еще что-то сверх того, а именно то, перед чем человек несет ответственность. Пока же, однако, мы стоим перед вопросом, содержится ли вообще в человеческой ответственности это «перед чем». Пока я не включил в рассмотрение «перед чем» человеческой ответственности, я имею право говорить лишь то, что данный человек в состоянии отвечать за свои поступки, что ему может быть что-то вменено в ответственность, но не то, что он ответствен за них; ведь ответственность человек всегда несет не только за что-то, но и перед чем-то. <...>

Инстанция, перед которой мы несем ответственность, — это совесть. Если диалог с моей совестью — это настоящий диалог, то есть не просто разговор с самим собой, то встает вопрос, является ли совесть все-таки последней или же лишь предпоследней инстанцией. Последнее «перед чем» оказывается возможным выяснить путем более пристального и подробного феноменологического анализа, и «нечто» превращается в «некто» — инстанцию, имеющую облик личности. Более того — это своеобразная *сверхличность*. Мы должны стать последними, кто не решался назвать эту инстанцию, эту сверхличность тем именем, которое ей дало человечество: Бог. <...>

Что следует из того, что Бог выступает как невидимый свидетель и наблюдатель? Актер, стоящий на подмостках, точно так же не видит тех, перед кем он играет; его ослепляет свет софитов и рампы, а зрительный зал погружен в темноту. Тем не менее актер знает, что там, в темном зале, сидят зрители, что он играет перед *кем-то*. Точно так же обстоит дело с человеком: выступая на подмостках жизни и ослепленный сверкающей на переднем плане повседневностью, он все

[33] *...фрустрировали... его стремление к смыслу* — иначе говоря, препятствовали этому стремлению. — *Ред.-сост.*

же мудростью своего сердца всякий раз угадывает присутствие великого, хоть и незримого наблюдателя, перед которым он отвечает за требующееся от него осуществление его личного конкретного смысла жизни. <...>

[Проблема истинности смысла]

<...> Действительно, человек свободен и ответствен. Но его свобода конечна. Человеческая свобода — это не всемогущество. И человеческая мудрость — это также не всезнание. Человек никогда не знает, истинен ли смысл, который он принял для себя. И он не узнает этого даже на смертном одре. *Ignoramus et ignorabimus* — мы не знаем и никогда не узнаем, как сформулировал это однажды Эмиль Дюбуа-Реймон[34], хотя и в совершенно ином контексте, в контексте психофизической проблемы.

Но чтобы не противоречить своей человечности, человек должен безусловно подчиняться своей совести, хотя он и сознает возможность ошибки. Я бы сказал, что *возможность ошибки* не избавляет его *от необходимости пытаться.* Как сказал это Гордон У. Оллпорт[35], «мы можем быть одновременно уверены наполовину, но преданны всем сердцем»[36].

Возможность, что моя совесть ошибается, подразумевает возможность, что совесть другого может быть права. Это влечет за собой смирение и скромность. Если я хочу искать смысл, я должен быть уверен, что смысл есть. Если же, с другой стороны, я не могу быть уверен в том, что я найду его, я должен быть терпимым. Это никоим образом не подразумевает какого бы то ни было индифферентизма[37]. Быть терпимым — не значит присоединяться к верованию другого. Но это значит, что я признаю право другого верить в его собственную совесть и подчиняться ей.

Из этого следует, что психотерапевт не должен навязывать ценностей пациенту. Пациент должен быть направлен к своей собственной совести. И если меня спросят — как часто спрашивают,— следует ли поддерживать такой нейтралитет даже по отношению к Гитлеру, я отвечу утвердительно, потому что я убежден, что Гитлер никогда не стал бы тем, чем он стал, если бы он не *подавил* в себе голос совести.

Само собой разумеется, что в случае крайней опасности психотерапевт не должен быть привязан к своему нейтралитету. Перед лицом суицидального риска вполне законно вмешаться, потому что только ошибающаяся совесть может приказать человеку совершить самоубийство. Это утверждение согласуется с

---

[34] Дюбуа-Реймон (*Du Bois-Reymond*) Эмиль (1818—1896) — немецкий физиолог, ассистент И. Мюллера. После преждевременной смерти И. Мюллера сменил его на посту профессора анатомии и физиологии Берлинского университета. — *Ред.-сост.*

[35] Оллпорт (*Allport*) Гордон Уиллард (1897—1967) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[36] См.: *Allport G. W.* Psychological models for guidance // Harvard Educational Review. 1962. Vol. 32. P. 373.

[37] *...индифферентизма* — т.е. безразличия. — *Ред.-сост.*

моим убеждением, что только ошибающаяся совесть может приказать человеку совершить убийство, или, если снова упомянуть Гитлера, геноцид[38]. Но и помимо такого предположения, сама клятва Гиппократа заставит врача удерживать пациента от совершения самоубийства. Я лично с радостью принимаю на себя ответственность за то, что был директивным, предлагая жизнеутверждающее мировоззрение, когда работал с суицидальным пациентом.

Как правило же, психотерапевт не будет навязывать пациенту ту или иную мировоззренческую позицию. Логотерапевт не составляет исключения. Никакой логотерапевт не будет утверждать, что у него есть ответы. Ведь не логотерапевт, а «змей» «сказал женщине: “Вы будете как Бог, знающий добро и зло”»[39]. Никакой логотерапевт не будет притворяться, что он знает, что ценно, а что нет, что имеет смысл, а что нет. <...>

[Фатализм невротика]

Свобода принятия решений, так называемая свобода воли, для человека непредубежденного есть нечто само собой разумеющееся; он непосредственно ощущает себя свободным. Человек же, серьезно сомневающийся в свободе своего волеизъявления, либо безнадежно поддался влиянию философии детерминизма, либо болен параноидной шизофренией[40]; в последнем случае ему кажется, что воля его «скована» кем-то извне. Фатализм невротика проявляется в том, что свобода воли как бы скрыта от него; невротик сам себе не дает реализовать собственные возможности, он сам мешает себе быть таким, каким он «может быть». Вследствие этого он сам искажает свою жизнь. Если мы утверждали вначале, что быть человеком означает быть непохожим на других, то теперь мы должны выразить эту формулу иначе: быть человеком — значит не только не походить на других, но также уметь становиться непохожим, т.е. уметь изменяться.

Свобода воли противостоит судьбе. Ведь судьбой мы называем то, что по сути своей отрицает человеческую свободу, судьба — это то, что лежит за пределами как власти человека, так и его ответственности. Однако никогда не следует забывать, что вся свобода человека находится в зависимости от его судьбы, поскольку свободой этой человек пользуется в пределах своей судьбы и именно благодаря свободе он на эту судьбу воздействует.

---

[38] *Геноцид* — истребление отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным признакам. — *Ред.-сост.*

[39] Здесь автор цитирует Ветхий завет, а именно описание грехопадения Евы, когда воплотившийся в змея дьявол дал ей запретный плод с дерева познания добра и зла. — *Ред.-сост.*

[40] *Параноидная шизофрения* — одна из форм шизофрении, главными симптомами которой являются бред (преследования, величия, ревности и др.) и соответствующие галлюцинации. При этом в остальных аспектах жизнедеятельности больной может выглядеть как нормальный. — *Ред.-сост.*

Целостность прошлого — именно потому, что в нем уже ничего нельзя изменить, — составляет основу человеческой судьбы. То, что прошло, становится принципиально неизменным. И тем не менее человек обладает некоторой свободой даже по отношению к собственной судьбе, воплощенной в прошлом. Конечно, прошедшее во многом определяет и объясняет настоящее, однако никак нельзя представить себе будущее, которое определялось бы исключительно прошлым. В этом заключается ошибка, типичная для фаталистической позиции невротика, который, вспоминая свои прошлые неудачи, заключает, что его неудачная, несчастная судьба определяет и оправдывает все его возможные будущие ошибки. На самом деле ошибки прошлого должны служить плодотворным материалом для формирования более совершенного, «лучшего» будущего; из собственных промахов необходимо извлекать уроки. Человек волен занять чисто фаталистическую позицию по отношению к своему прошлому или, наоборот, чему-то учиться на опыте прошлого. Никогда не поздно учиться, но и никогда не рано: учиться всегда «самое время», чему бы мы ни учились. <...>

Заслуга психоанализа в том, что он сумел отчетливо выделить детерминированный характер психических процессов, их предопределенность, рассматривая все душевные события как неизбежный результат определенных более или менее необходимых «механизмов». Однако любой непредубежденный наблюдатель не может не признать того простого факта, что наши инстинкты, так сказать, лишь «формируют предложения» к поведению, тогда как наше «Я» принимает решение, что в конце концов делать с этими предложениями. Именно наше «Я» способно решать — и совершать свободный выбор; именно «Я» выступает субъектом желания: «Я хочу». И так происходит всегда — независимо от того, куда нас «влечет» сумма бессознательных побуждений — «Оно».

Сам Фрейд был вынужден допустить, что «Эго» («Я») по сути своей противостоит инстинктам, составляющим подсознательное «Оно». С другой стороны, он пытался вывести «Эго» из инстинктов. Несостоятельность подобного подхода аналогична тому, как если бы в ходе судебного разбирательства адвокат, закончив свою защитную речь, оказался вынужденным занять место обвинителя и вести дело против самого себя. Эрвин Штраус[41] давно уже доказал, что сила, которая подчиняет себе инстинкты и управляет ими, не может сама быть выведена из инстинктов. А Шелер[42] охарактеризовал психоанализ как интеллектуальную алхимию, которая настаивает на возможности превращения сексуальных инстинктов в нравственные побуждения.

Конечно же, «Эго», как воплощение воли, принимающей решение, неизбежно нуждается в энергии инстинкта. Однако «Эго» никогда не может оказаться просто пассивно «влекомым». Плавать под парусом — это не значит отдать корабль на волю ветра; напротив, искусство моряка-парусника как раз и

[41] Штраус (*Straus*) Эрвин (1891—1975) — немецко-американский философ, психиатр и психолог. — *Ред.-сост.*

[42] Шелер (*Scheler*) Макс (1874—1928) — немецкий философ и социолог. — *Ред.-сост.*

заключается в его способности использовать ветер так, чтобы он гнал корабль в нужном направлении, так что хороший моряк может править даже против ветра. Опасность психоаналитической концепции человеческой инстинктивности состоит в том, что она в конечном итоге приводит к фатализму. Как бы там ни было, невротические больные прежде всего предрасположены к слепой вере в неизбежность судьбы.

Изначальное слабоволие — это выдумка, не существует такой реальности. И хотя невротик склонен приписывать независимый статус силе воли, она сама по себе не остается чем-то застывшим или раз и навсегда данным. Напротив, сила воли определяется ясностью и глубиной понимания собственных целей, искренностью принимаемых решений и в немалой степени — навыками принятия решений (которых невротическим больным особенно не хватает). До тех пор, пока человек будет продолжать постоянно и совершенно неоправданно напоминать себе перед каждой попыткой совершить усилие, что она может оказаться неудачной, он вряд ли преуспеет в своих усилиях — хотя бы потому, что ему не захочется разрушать собственные ожидания. <...>

На невротических больных-фаталистов сильное впечатление производят идеи «индивидуальной психологии»[43] (причем они эти идеи понимают неверно и, как следствие, неверно их используют), в результате чего они склонны винить условия своего существования в детстве, полученное ими воспитание и образование в том, что все это «сделало» их такими, какие они есть, и, таким образом, предопределило их судьбу. Такие люди пытаются оправдать слабости своего характера изъянами биографии. Они принимают эти слабости как нечто раз и навсегда данное, вместо того чтобы понять следующее: раз в детстве и юности они находились под воздействием столь неблагоприятных условий, это тем более их обязывает взять себя в руки и заняться самовоспитанием. Один пациент, доставленный в психиатрическую клинику после попытки совершить самоубийство, ответил на увещевания своего психотерапевта: «Ну что я могу здесь сделать? Я как раз тот самый типичный “единственный ребенок”, о котором пишет Адлер».

Мораль «индивидуальной психологии» (если ее правильно понимать) должна требовать от каждого человека освобождаться от типических ошибок и слабостей, под влиянием которых он — в результате своего воспитания — все еще находится, освобождаться настолько, чтобы уже не иметь на себе клейма «единственный ребенок» или какого-нибудь еще, в зависимости от каждого конкретного случая. Фатализм невротика представляет собой еще одну неявную форму бегства от ответственности. Такой невротик предает свою неповторимость и непохожесть на других, ища прибежища в типичности и цепляясь за судьбу, которую якобы нельзя изменить. И в данном случае неважно, каков конкретно этот тип, законам которого человек, как он считает, обязан следовать:

---

[43] *Индивидуальная психология* — особое направление психоанализа, созданное учеником З. Фрейда Альфредом Адлером (1870—1937). — *Ред.-сост.*

тип ли это характера, расовый или классовый тип — иными словами, какую судьбу имеет в виду человек: психологическую ли (коллективную), биологическую или социальную.

«Закон» («индивидуальной психологии»), которому «подчинялся» вышеупомянутый пациент (воспринимающий себя единственным ребенком), имеет действие лишь теоретически для человека, далекого от психологии, практически же, в действительности этот закон действует до тех пор, пока его истинность принимается как должное, до тех пор, пока в законе этом человек видит не просто факт, но судьбу, — а это уже фатализм. Неправильное воспитание никого не оправдывает; последствия его необходимо преодолевать сознательными усилиями. <...>

[Смысл жизни и природа человека]

Понятие ответственности включает в себя представление о долге, обязательстве. Человеческий долг, однако, может быть понят только в контексте категории «смысла» — специфического смысла человеческой жизни. Вопрос о смысле представляет первостепенный интерес для врача, когда он сталкивается с психическим больным, которого терзают душевные конфликты. Однако не врач поднимает этот вопрос — его ставит перед ним сам пациент.

В явном или неявном виде этот вопрос присущ самой природе человека. Сомнения в смысле жизни, таким образом, никогда нельзя рассматривать как проявления психической патологии; эти сомнения в значительно большей степени отражают истинно человеческие переживания, они являются признаком самого человечного в человеке. Так, вполне возможно представить себе высокоорганизованных животных даже среди насекомых — скажем, пчел или муравьев, — которые во многом превзошли человека по части организации своих сообществ. Но невозможно представить, чтобы подобные создания задумывались о смысле собственного существования, сомневаясь, таким образом, в нем. Только человеку дано обнаружить проблематичность своего существования и ощутить всю неоднозначность бытия. Эта способность сомневаться в значимости собственного существования значительно больше выделяет человека среди животных, чем такие его достижения, как прямохождение, речь или понятийное мышление.

В.В. Петухов

Общее представление о развитии личности

Данный вопрос касается не возрастной, а только общей психологии, и является конкретной расшифровкой кажущегося абстрактным положения А.Н. Леонтьева: «Личность рождается дважды». Так, очевидно, что личность не возникает вместе с рождением природного организма, но лишь со становлением человека как социального индивида, с его вхождением в общество. Собственно личностью не рождаются, а становятся, как в социо-, так и в онтогенезе. В данном отрывке мы не будем их различать, но приведем лишь два, на наш взгляд, ярких примера первого и второго рождения личности.

Напомним о том, что личность в первый раз рождается внутри социального индивида, и, скажем, личность ребенка немыслима без участия взрослого. Собственно говоря, на первом этапе личность разделена по крайней мере между двумя людьми: учителем и учеником, терапевтом и пациентом, и т.п. Выберем в онтогенезе актуальный период первого рождения личности. Таковым будет кризис трех лет, когда ребенок уверенно заявляет о собственном *Я*, настаивает на том, чтобы выполнять собственные действия самостоятельно. На самом же деле, это, конечно, не так. Однако верно, что ребенок уже может продуктивно общаться со взрослым.

Хрестоматийным примером первого рождения личности является приведенный А.Н. Леонтьевым «феномен горькой конфеты»[1]. Личность начинается с определенного поступка в неопределенной ситуации. Такая ситуация есть борьба двух равнозначимых побуждений, или мотивов, выбор между которыми трудно осуществим. Так, в ситуации, описанной Леонтьевым, ребенку предлагается достать лежащий на столе предмет (и получить в награду за это вкусную конфету), не вставая со стула, который стоит достаточно далеко от стола. В дан-

[1] См.: *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. С. 187—188.

ной ситуации экспериментатор как раз и воспроизвел борьбу двух побуждений (мотивов): один из них — будущая награда, а другой, имеющий прямое отношение к личности, — это социокультурный запрет, договоренность со взрослым о том, что достать предмет со стола следует, не вставая со стула. Совершенно ясно, что пока взрослый будет находиться в комнате, ребенок не встанет со стула, т.е. социокультурный запрет будет соблюдаться, как бы разделенный между двумя людьми. Возможно, ребенок будет фрустрироваться, но в присутствии взрослого никакого личностного выбора не произойдет. Тогда взрослый должен выйти из комнаты, что он и делает, наблюдая затем за ребенком через полупрозрачное стекло. Возможно, ребенок какое-то время сидит на стуле, но затем достаточно быстро (подобно инсайту келлеровского шимпанзе) встает и забирает со стола искомый предмет. В следующий момент входит взрослый и видит, что задача решена, но спрашивает, вставал ли ребенок со стула. Тот отвечает, что нет. И раз так, то награда — вкусная конфета — достается ребенку.

Разберем теперь, что же представляет собой феномен горькой конфеты. Факт состоит в том, что ребенок получил награду, не заслужив ее. Он солгал. Подумаем, можно ли лгать субъекту, как социальному индивиду. Если не отрываться от реальности общественного бытия, то, конечно, скажем: субъекту необходимо, и поэтому можно лгать, или утаивать правду (соблюдая, например, коммерческую тайну). Но можно ли, и следовательно, нужно ли, лгать личности? Конечно, нет, поскольку личность, по определению, решает собственные проблемы, и лгать при этом бессмысленно. Рассматриваемый же нами субъект — ребенок — есть личность внутри социального индивида, и поэтому ему запрещено лгать взрослому. А он это сделал. Вот тогда и возникает феномен — в данном случае уникальное явление, когда ребенок ест вкусную (по природным признакам) конфету и плачет. Конфета в данном случае оказалась незаслуженной наградой, последствием нарушения социокультурной договоренности, т.е., по выражению Леонтьева, «горькой по личностному смыслу». В данном случае слезы ребенка свидетельствуют о том, что личность все же появилась в первый раз внутри социального индивида.

Но как бы ни поступил ребенок в данном случае, личностный выбор — первое рождение — будет иметь свой итог. Таковым является соподчинение, или структурирование (иерархизация) ранее равнозначных мотивов, один из которых теперь стал ведущим, другой — подчиненным. Если ребенок столкнется с подобной ситуацией в следующий раз, она уже не будет для него неопределенной. Тем самым структура мотивов, согласно А.Н. Леонтьеву, есть ядро личности. Подчеркнем, что при первом рождении личности не нужно осознавать свои мотивы: те будут выполнять свои функции и без осознания, поскольку за поступки ребенка в конечном счете отвечает взрослый. В возрастной психологии выделяют ряд ведущих деятельностей (соответствующих ведущим мотивам), например, для старшего дошкольника — это ролевая игра, для младшего школьника — учение. Общий же психолог добавляет: все это так, но только в

присутствии взрослого, поскольку личность ребенка находится внутри социального индивида, в данном случае разделенного между людьми.

Второе рождение личности будет возможно тогда, когда человеку (подростку, юноше) предоставят право самостоятельного выбора, например, будущей профессии. В таком случае, он будет вынужден выбирать, опираясь на собственные побуждения, осознавая их. Согласно А.Н. Леонтьеву, второе рождение личности есть осознание ее мотивов, потому что, осознавая свои мотивы, человек может изменить их структуру, т.е. ядро своей личности, и родиться второй раз. Показательно, что в данном случае человек должен разделять присвоенные социальные правила и общечеловеческие культурные нормы, с трудом осознавая их абсолютное значение.

Приведем пример второго рождения личности, взятый из детской художественной литературы. В такую ситуацию попадает «маленький герой» Возрождения — Робинзон Крузо — корыстный путешественник в плену непознанной природы (Фрейд: «Тело — это место, где можно жить»[2]), в которой ему суждено жить или не жить, но если жить, то культурно. Впрочем, основное его испытание — социальное: «необитаемый остров» — сказка для детей, и одинок герой лишь в том смысле, что решать свои проблемы ему нужно самостоятельно и ответственно, сталкиваясь, например, с местной бытовой традицией (но архаикой — для него).

Не сразу заметны на острове люди, да и неясно еще европейцу — люди они или нелюди. Так, однажды Робинзон видит здесь *перво*-бытных дикарей, которые привозят на остров пленников своей межклановой («Мы» и «Они») войны и, убивая (нет, скажем сразу — забивая), съедают их. Для обычного современного человека это отвратительно-страшные каннибалы, сплоченные, впрочем, в социальное единство (закрепленное, кстати, общим пищевым запретом), отделяя себя от враждебного племени. И первая его реакция — двойственная, социально-природная: неприятие каннибализма смешивается с ужасом быть съеденным самому. Сначала он пытается уберечься (блокироваться) от них, строя, как по Фрейду, защитные механизмы, а затем решает пойти в наступление (лучший способ обороны). Желания героя понятны, но автор дает ему время подумать, что выйдет на самом деле, если расчетливый проект будет осуществлен.

Ничего не выйдет. Пусть ему удастся, хитро расставив свои сети, уничтожить первую, наверное, малую группу врагов, однако затем (как в разъяснении учителя о целостности запрета) прибудет другая — уже побольше и агрессивнее... И тогда, наконец: либо — либо. Либо эти бывалые здешние охотники все же убьют его, и он сгинет как зверь — социально чуждое «Они». Либо победа будет за ним (призрачное счастье), и удачливо забивая их снова и снова, он станет («о, Боже мой»)... тем же самым «Они» — свирепым и грозным, одичалым Зве-

---

[2] Цит. по: ***Фейдимен Дж., Фрегер Р.*** Личность и личностный рост. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1994. С. 34.

рем (вот такое «Я» — «Оно»). Так где же здесь «либо — либо», когда получается одно и то же, и никакого выбора нет. Постепенно, скрепя сердце (и «скрипя» рассудком), герой чувствует, понимает различие социального и культурного: то, что им здесь, на диком острове — можно, то ему вообще, в том числе здесь — уже нельзя. Человеку нельзя (не выйдет) убить себе подобного, ибо это подобно само-убийству.

Но тогда ему открыт путь к пониманию универсальности этого принципа. Заброшенный в цветущую пустыню странник может понять, что здешние существа, омерзительные по частным своим привычкам, есть подобные ему — люди, соблюдающие — согласно месту, где (и когда) живут — тот же культурный запрет. Их каннибализм (в отличие от правил дорожного движения в нашем городе) выдержит предельное испытание. На самом деле, по-своему культурные посетители (туземцами их здесь не назовешь) острова не совершают убийства себе подобных, но забивают социально чуждую нелюдь, отличную от себя. Тот же принцип «Не убий», подкрепленный важным природным, пищевым ограничением[3], реализуется в традиции как символ социального единства. Тень развеялась: они (уже не с большой буквы) такие же люди, как и он. Значит, в принципе и среди них — равно Тех и Других (а не только пленников, с которыми хотелось бы договориться, как с будущим Пятницей) тоже может возникнуть странный, отказавшийся от социального долга «палач», рука которого дрогнет над отнюдь не невинной «жертвой».

И тогда он — гражданин мира, человек культурный — наверное, вспомнит, что еще на своей родине видел трагедию некоего Шекспира о двух по-своему почтенных, враждующих в городе Вероне кланах, и о том, как два юных их представителя полюбили друг друга и нелепо затем погибли. Так чем же станет их любовь и смерть для каждого из членов того и другого клана: поучительным архаичным символом недопустимости «межкультурных» связей или прецедентом культуры современных обществ, к которому следует как-то отнестись? Раз можно выйти из общей трудовой семьи для обретения собственной профессии, то в принципе можно выйти из разных, даже враждебных семей для создания дружной собственной. Но если теперь уже в том и другом клане (они — равны) появятся противники и сторонники «феномена Ромео и Джульетты», то на смену былому противостоянию «Мы» и «Они» придет война гражданская (и мировая), проникающая внутрь каждого — враждебная встреча «Я» с «Оно (Тенью)».

В заключение перечислим по крайней мере три основные характеристики развитой личности.

[3] И если бы он, побежденный, вскричал бы в последний миг перед их жадными глазами, что его есть нельзя, то они бы лишь удивлялись («Почему нельзя?»), отнюдь не нарушая своих пищевых табу. Все они, архаичные, понимают (чуют), что есть можно и что нельзя. Но, кто знает, быть может и кто-то из них (тот же Пятница), посмотрев на чужие места, сообразит, что нам, современным, есть-то подчас приходится все («о, всеядные дикари!»), и относительность пищевых (социальных) запретов делает их несущественными, а вот забить человека — вообще нельзя (это убийство), ибо теперь он тебе подобен.

Во-первых, личность, по определению, является творческой — потому, что она необходимо в неопределенной ситуации и всегда преобразует уже присвоенные стереотипные способы поведения и мышления. Это можно выразить другим термином: трансцендентальность, или выход за пределы. Иными словами, личность устремляется к возможности своего развития — «взирая на конечный пункт трансценденции, который, — как говорил философ М.К. Мамардашвили, — можно за неимением лучшего обозначить словом Бог»[4] и который есть последний предел нашей собственной души — и тем самым, не равна самой себе.

Во-вторых, личность является множественной, сохраняя при этом целостность. Множественность личности есть качественная разнородность составляющих ее субъектов. В психиатрии начала века существовало понятие раздвоения личности, а теперь мы могли бы сказать рас-троения, а то и более. Показательна в этом смысле работа Ю.М. Лотмана о Пушкине, в которой тот предстает то другом декабристов, то убежденным монархистом, то раскованным Дон Жуаном, то нарочитым сторонником Домостроя. Весьма часто бывает, что такого рода людей — личностей — пытаются свести лишь к определенным их частям, хотя это, пожалуй, характеризует того, кто это делает. Наш же вопрос состоит в том, как и для чего личности быть разнородной. Ответ довольно простой: личности приходится учитывать сразу несколько возможностей своего развития, и это является условием ее внутреннего продуктивного диалога. Отвергнутые части сохраняются как неиспользуемые возможности, и в каждом данном поступке личность свободна в выборе дальнейшего развития.

Наконец, в-третьих, личность существует только в развитии, и в этом смысле, действительно, не равна самой себе. Ярче других это показано у еще одного литературоведа — М.М. Бахтина в его книге об Ф.М. Достоевском[5]. Бахтин настаивает на том, что пока личность свободно развивается, ее нельзя определять по какому-либо моментальному срезу (поступку, действию), поскольку она может измениться уже в следующий момент.

Приведем два примера из романа «Идиот» Ф.М. Достоевского. Так во второй части этого романа, когда князь Мышкин является уже обладателем большого наследства, к нему приходит компания молодых людей с целью доказать свои права на наследство. Молодые люди заведомо неправы и справедливо изгнаны из высшего общества. На следующий день один из них — бывший боксер Келлер — решает покаяться перед князем и рассказать ему о своей несчастной судьбе. Но проделав все это, по сути исповедовавшись, он вдруг заявляет князю о том, что хочет попросить у князя денег взаймы, точно зная, что никогда не отдаст. И как бы проверяет князя на прочность: «Да, вот такое я Оно». Мышкин же, к удивлению Келлера, отвечает: «А я-то думал, что такое только у меня

[4] См.: *Мамардашвили М.К.* Начало всегда исторично, т.е. случайно // Вопросы методологии. 1991. № 1.

[5] См.: *Бахтин М.М.* Проблема творчества Достоевского. М.: Алконост, 1994.

бывает, а оказывается у многих. Я называю это феноменом двоемыслия. Когда приходит одно, то сразу же появляется и другое, противоположное»[6].

Во втором примере подобное замечание делает уже самому Мышкину девушка-аристократка Аглая Епанчина. Она замечает ему: «Вы говорите о людях только правду, а это жестоко»[7]. То есть тем самым человеку отказывают в его дальнейшем развитии, вынося окончательный приговор.

В конце концов, у развитой, многосторонней, и незавершенной в развитии личности есть главное свойство собранности. Как в известной африканской притче. Девушка, прогуливаясь по рынку (рынок, как нам известно, символ культуры), замечает привлекательного для нее молодого человека, которого называет про себя — собранным джентльменом. Молодой человек уходит с рынка и движется в сторону джунглей (символ природы) и уже на выходе теряет собранность, и начинает «распадаться» на части. Досужая мораль притчи, как в Красной Шапочке: предупреждение девушкам о том, что нельзя ходить за всяким привлекательным мужчиной. А подлинный смысл состоит в том, что природа — это всегда части, которые преобразуются, собираются воедино и удерживаются личностью.

---

[6] См.: *Достоевский Ф.М.* Идиот // Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 8. С. 257—258.

[7] Там же. С. 354.

К. Ратнер

Опосредствованная природа психологии человека*

> Можно обоснованно говорить о «природе червя», «природе муравья» и даже о «птичьей природе», но не о «природе человека», так как человек может иметь любую природу, разрешаемую условиями его воспитания и социальной ситуацией.
>
> *Т.К. Шнейрла*

Приведенное в качестве эпиграфа утверждение знаменитого биолога Шнейрлы может показаться странным, поскольку очевидно, что люди обладают определенной биологической природой. На самом деле в статье, где появилось данное высказывание, Шнейрла сравнивает нейроанатомию человека с нейроанатомией животных[1]. Отсутствие человеческой природы, о котором он говорит, имеет отношение не к биологии человека, а к его *деятельностям*. Шнейрла считает, что уникальность человечества заключается в том, что никаких *особых*, распространенных по всему биологическому виду и определяющих этот вид форм поведения у людей нет.

Как указывает Шнейрла в своей статье, причина отсутствия у людей специфической психологической природы состоит в том, что биология оказывает на поведение человека совершенно иное влияние, чем на поведение животных. Биология определяет большую часть поведения животных непосредственно и, как следствие, представители одного и того же вида (т.е. обладающие общей биологией) осуществляют общие, характерные для данного вида действия. А биология человека оказывает на его поведение косвенное, неспецифическое

---

* *Ratner C.* Vygotsky's Sociohistorical Psychology and Its Contemporary Applications. N.Y.; L.: Plenum Press, 1991. P. 11—19. (*Перевод Ю.Б. Дормашева.*)

[1] См.: *Schneirla T.S.* Selected Writings / L. Aronson et al. (Eds.). San Francisco: Freeman Co., 1972. P. 30—85.

влияние, и поэтому здесь одна и та же биология не производит общих, характерных актов. Шнейрла поясняет:

> Огромный репертуар сравнительно стереотипного поведения, наблюдаемого у низших животных, обеспечивается только созреванием, тогда как среди высших животных таким образом образуется лишь незначительное количество специализированных механизмов адаптивного поведения. Первоначально, у [высших. — *К.Р.*] млекопитающих, общая структура адаптивного поведения, как правило, не сформирована вообще или сформирована очень слабо[2].

Биология человека устанавливает широкие *возможности* восприятия, мышления, чувствования, личности, использования орудий, социальной коммуникации и взаимодействия. Однако этот потенциал не реализуется в заданных формах и содержаниях естественным или автоматическим образом[3]. Поэтому прав Паннекок, когда говорит, что «биологические законы, управляющие жизнью животных, отступают у человека на второй план»[4]. Кули выражает эту идею в виде следующей яркой метафоры:

> Грубо говоря, наследственность других животных представляет собой механизм, подобный шарманке. Он создан для того, чтобы сыграть несколько мелодий. Эти мелодии вы можете сыграть сразу, без тренировки, или после незначительной практики. Но вам никогда не удастся сыграть какую-то другую мелодию. Наследственность человека, напротив, является механизмом, подобным роялю. Он создан не для того, чтобы играть определенные мелодии. Без тренировки вы не сыграете на нем никакой мелодии, тогда как опытный пианист может извлечь из него безграничное множество различных музыкальных тем[5].

Социально-историческая психология признает ключевое значение биологии для психологии и ни в коей мере не является «антибиологической». Хотя и парадоксальным образом, но такие биологические характеристики как потребность в стимуляции, в деятельности и социальном контакте, а также крайне медленный рост и длительная зависимость после рождения, плюс непропорционально большая кора головного мозга являются исключительно важными для психологии. Эффект уникальной биологии человека состоит в сведении к минимуму *направляющей* функции биологии в психологии. Биология имеет значение для психологии в той степени в какой она *отстраняется* от строгого управления поведением. Биология подталкивает развитие сознания не потому, что управляет им, а потому, что при отсутствии биологической детерминации

---

[2] *Schneirla T.S.* Selected Writings / L. Aronson et al. (Eds.). San Francisco: Freeman Co., 1972. P. 220, 55.

[3] См.: *Lerner R.* On the Nature of Human Plasticity. N.Y.: Cambridge University Press, 1984.

[4] *Pannekoek A.* Study of the Origin of Man. Amsterdam: North-Holland Publ. Co., 1953. P. 120.

[5] *Cooley C.H.* Human Nature and the Social Order. 2-nd ed. N.Y.: Scribner's, 1922. P. 19.

сознание развивается само по себе как ее заместитель[6]. У человека биология функционирует отвлеченно и не порождает конкретную реальность того, кем, где, когда, почему и каким образом он станет[7]. Психология человека характеризуется уменьшением биологических детерминант, а не сведением к ним.

Отсутствие биологических детерминант деятельности означает, как говорит Сартр[8], что человек является в психологическом смысле первоначально Небытием, которое впоследствии достигает Бытия. Другие существа начинают с более определенного Бытия, избавляющего их от необходимости борьбы за его достижение. Необходимость в достижении такого бытия, которое не является врожденным, означает, что младенцу предоставлено лишь несколько ключей к бытию взрослого. То, чем он станет как взрослый, определяется им самим и не является расширением исходно данного бытия.

Если наша биология и предписывает что-нибудь, так это то, чтобы мы свободно устанавливали свою деятельность. Как подчеркивает Выготский[9], «наиболее фундаментальный факт состоит в том, что человек не только развивается [естественно. — *К.Р.*]; *он, кроме того, строит самого себя*»[10]. Возможность такого самопостроения обусловлена двумя уникальными особенностями биологии человека. В первую очередь тем, что у человека по сравнению с животными число биологически управляемых деятельностей резко сокращается. Например, животные от рождения боятся определенных вещей, а у человека страх не является врожденным. Он приобретается путем опыта[11]. Во-вторых, незначительное количество имеющихся у человека эндогенных психобиологических функций носит общий, а не специфический характер. Вклад природы человека в социально-психологическое функционирование, как настойчиво и справедливо утверждает Дюркгейм[12], «состоит только в крайне общих установках, в неопределенных и, следовательно, пластичных предрасположенностях, которые сами по себе, если не вмешиваются другие агенты, не могут принять характерные для социальных явлений определенные и сложные формы»[13].

Например, голод побуждает нас принимать решения: пора ли поесть, что поесть и где добыть эту пищу, как ее приготовить и съесть, как ее распределить

---

[6] См.: *Montagu A.* Antropology and Human Nature. Boston: Porter Sargent, 1957. P. 37.

[7] *Sahlins M.* The Use and Abuse of Biology: An anthropological Critique of Sociology. L.: Tavistock, 1977.

[8] Сартр (*Sartre*) Жан Поль (1905—1980) — французский писатель, философ и публицист, лидер французского экзистенциализма. — *Ред.-сост.*

[9] Выготский Лев Семенович (1896—1934) — отечественный психолог, создатель культурно-исторической теории развития высших психических функций; см. его тексты на с. 413—434 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[10] *Vygotsky L.S.* Thought and Language. Cambridge (Mass): MIT Press, 1989. P. 65.

[11] См.: *Izard C.* Emotions in personality and culture // Ethos. 1983. Vol. 11. P. 106—108.

[12] Дюркгейм (*Durkheim*) Эмиль (1858—1917) — основатель французской социологической школы; см. его текст на с. 392—402 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[13] *Durkheim E.* The Rules of Sociological Method. N.Y.: Free Press, 1895/1938. P. 106—108.

среди других голодных людей. Голод сам по себе не предписывает, какими будут наши попытки раздобыть еду, и чем именно нам следует питаться. У животных, напротив, он определяет эти аспекты питания. «То, что люди *могут* есть, определяется биологически, но совершенно иное дело, что же они едят *в действительности*»[14]. Даже такие по своей природе вкусные виды пищи, как сахар, едят по причинам социально-психологическим, а не потому, что это естественно. К таким социально-психологическим основаниям, предписывающим потребление сахара, относится: будут ли развернуты ресурсы производства сахара; решат ли, что сахар полезен для здоровья или что он, наоборот, вреден; будет ли ожирение тела при рационе питания, обогащенном сахаром, оцениваться обществом положительно или отрицательно; будут ли считаться социально желательными стимулирующие эффекты сахара на энергию тела; когда, согласно обычаям, следует есть сладкое, — до, в течение, после или между приемами другой пищи. Социально-психологические соображения такого рода определяют, будут ли есть сахар вообще, и если да, то в каком количестве, когда и кто его будет есть. Как пишет Минтц в своем обсуждении антропологии сахара, предрасположенность человека к сладкому не вызывает сомнений, но «она не может, даже предположительно, объяснить различия в структуре его потребления, в степени его предпочтения и разнообразия соответствующих вкусовых ощущений, точно так же, как анатомия так называемых органов речи не может "объяснить" определенную систему языка»[15].

Сходным образом, диапазон психобиологических нужд младенца в целом включает в себя такие общие потребности, как необходимость в стимуляции и регулярности опыта, в предоставлении возможностей для формирования умений, в демонстрации языка, в эмоциональной связи и в социальном поощрении самоуверенности. Эти потребности не предписывают изнутри какого-то обязательного, жесткого способа своего удовлетворения. Никакой определенной программы становления довольного и продуктивного взрослого путем объятий, поцелуев, шлепков, ношения на руках и лишения привилегий не существует. Как говорит Каган, «нет ниш окружения, которые были бы в каком-то абсолютном [т.е. биологическом. — *К.Р.*] смысле плохими или хорошими»[16]. В разных культурах выбираются различные практики, и эти нужды становятся *социально учреждаемыми потребностями индивида*.

Например, даже удовлетворение психобиологического требования в эмоциональной связи не гарантирует нормального психологического функционирования в том случае, если форма этой связи противоречит социальным нор-

---

[14] *Levins R., Lewontin R.* The Dialectical Biologist. Cambridge: Harvard University Press, 1985. P. 262.

[15] *Mintz S.* Sweetness and Power: The Place of Sugar in Modern History. N.Y.: Penguin, 1985. P. 18.

[16] *Kagan J.* The psychological requirements for human development // The Family in Transition / A. Skolnick, J. Skolnick (Eds.). Boston: Little, Brown, 1976/1986. Chap. 22.

мам. Так, девочка, установившая тесную эмоциональную связь с родителями, поощрявшими пассивность, страх перед мальчиками и несоревновательную установку к учебной работе, станет в подростковом возрасте особенно тревожной и ранимой в ситуации конфликта[17]. Следовательно, социальные отношения определяют не только способ удовлетворения психобиологических потребностей, но и то, приведет ли, в конечном счете, это удовлетворение к психологическому благополучию[18].

Разница между деятельностью человека и животных заключается в том, что поведение животных в основном (но не полностью) определяется биологически как непосредственный ответ на стимуляцию, тогда как поведение человека является некоторым конструируемым ответом. Биология животных определяет чувствительность индивида и его реакцию. Ответ естественно связан с некоторым стимулом, адекватным биологическим предписаниям. Биология человека не устанавливает никакой естественной чувствительности, реактивности и необходимой связи между стимуляцией и ответом. Вместо этого, поскольку никакой биологический механизм не устанавливает прямое, необходимое стимульно-ответное соединение, *связующим звеном* между стимулом и ответом *служит* искусственно созданный акт[19]. Как отмечает Халлоуэлл, «психобиологическая структура, эволюционировавшая в семействе приматов, — это структура, в которой ведущую роль стали играть промежуточные переменные, опосредствующие связи между прямой стимуляцией и открытым поведением»[20]. Воздействие на организм как внутренних, так и внешних стимулов определяют опосредствования, а не естественная чувствительность[21].

Существует три вида опосредствований: сознание (или психическая деятельность), социальное взаимодействие (социальность) и орудия (технология). Сознание — это сравнительно широкое осознание вещей и активная переработка информации. Оно анализирует, синтезирует, обдумывает, интерпретирует, планирует, припоминает, чувствует и решает. Кроме того, подлинное сознание

---

[17] См.: *Kagan J.* The Nature of the Child. N.Y.: Basic, 1984. P. 63—64.

[18] Поэтому фрейдистский психоанализ ошибается, когда настойчиво утверждает, что родители должны удовлетворять психосексуальные потребности [ребенка. — *Ред.-сост.*] определенным, специфическим образом, и осуждает другие способы, считая их болезнетворными (ср.: *Orlansky H.* Infant care and personality // Psychological Bulletin. 1949. Vol. 46. № 1. P. 1—48) <...>.

[19] См.: *Pannekoek A.* Study of the Origin of Man. Amsterdam: North-Holland Publ. Co., 1953; *Leontiev A.N.* Problems of the Development of the Mind. Moscow: Progress, 1981. P. 203, 301—309, 419—426 [Рус. пер. см.: *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — *Ред.-сост.*]; *Luria A.R.* Vygotsky and the problem of functional localization // The Selected Writings of A.R. Luria / M. Cole (Ed.). N.Y.: Sharpe, 1978. P. 275, 278; *Schneirla T.S.* Selected Writings / L. Aronson et al. (Eds.). San Francisco: Freeman Co., 1972. P. 46, 52, 231, 263, 915.

[20] См.: *Hallowell A.I.* Personality structure and the evolution of man // Culture and the Evolution of Man / A. Montagu (Ed.). N.Y.: Oxford, 1962. P. 250.

[21] Прекрасный исторический обзор проблемы опосредствования см.: *Lowith K.* Mediation and immediacy in Hegel, Marx, and Feuerbach // New Studies in Hegel's Philosophy / W.E. Steinkraus (Ed.). N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1971. Chap. 8.

осознает свое собственное состояние и деятельность, т.е. является самосознанием. Социальность – это координированная, совместная деятельность (а не только последовательное поведение) с другими индивидами, включающая в себя кооперацию, детальную коммуникацию, сопереживание, заботу о других, жертвы в пользу других, формирование себя по образцу как человека взаимодействующего с другими людьми и понимание намерений, целей, мыслей и переживаний других индивидов. Орудия — это материальные инструменты, используемые для увеличения естественных сил физического организма. Сознание, социальность и орудия организуют нашу чувствительность к стимулам, восприятие, понимание, запоминание стимулов и наши ответы на них.

Опосредствующий характер сознания в особенности ясно описан представителями символического интеракционизма. Они подчеркивают, что стимулы становятся символами, наделенными значениями и ценностями. Люди реагируют не на голые физические характеристики вещей, а на их символические свойства. Кроме того, символизация представляет вещи как зависимые от человека: она избирательно усиливает и ослабляет их различные свойства, в зависимости от соответствия этих свойств цели человека. Можно сказать, что эта активная организация символически строит мир. Такая символическая конструкция служит предпосылкой для материального построения и перестройки мира. Вещи могут стать материальными артефактами, поскольку являются символическими артефактами, наделенными изменчивым человеческим значением.

Индивид не противостоит вещам как обособленное сознание. Он является членом социального объединения, рассчитывая на материальную и психологическую поддержку и на помощь в плане поведения. Индивид формирует свой ответ на стимулы, опираясь на социально организованные данные, поведенческие образцы, понятия, вдохновения и мотивы. Это опосредствование стимулов выражает русский термин «предмет», подчеркивающий природу данного объекта как определяемую системой социальных действий, посредством которых он встраивается и вступает в частные отношения с действующим субъектом. В отличие от слова «предмет», термин «вещь» подчеркивает независимость объекта от намерений людей[22].

Социальные акты, учреждающие предмет и определяющие вещи, не являются чисто интеллектуальными или знаковыми. Не являются они и вольными упражнениями по созданию метафор или рассказов о вещах, как утверждает Кен Герджин и некоторые другие социальные конструктивисты. Социальные акты, учреждающие предмет, являются в своей основе практическими взаимодействиями, организующими материальное, социальное и психологическое существование людей. Акцент на социальной деятельности, порождающей символические конструкты, привел к тому, что социально-исторические психологи стали называть свое учение теорией деятельности. Этот термин близок к марксистскому

[22] См.: *Minick N.* L.S. Vygotsky and soviet activity theory: New perspectives on the relationship between mind and society. Unpublished doctoral dissertation. Northwestern University, 1985. P. 116.

понятию «практики», в котором мышление рассматривается как неотделимое от практического социального действия[23].

Орудия и инструменты так же организуют чувствительность к вещам, их восприятие, понимание, запоминание и ответы. Поэтому орудия составляют третий вид опосредствования между стимулом и ответом.

Своеобразие человеческого существования заключается в сознательном, социальном и технологическом опосредствовании. Как говорит Хокетт, «зарождающийся язык, зачаточное использование и изготовление орудий и зарождающаяся культура стартовали первыми на пути к новому образу жизни, именуемому человеческим»[24].

Благодаря отсутствию биологической детерминации чувствительность и реактивность становятся безграничными. Они направляются по определенному руслу не какой-то естественной тенденцией, а самим человеком, когда он строит сознание, социальность и орудия. В самоутверждении существования путем опосредствований заключается отличие чувствительности и реактивности человека от их биологически предписываемых вариантов у животных. Поскольку опосредствования направляют чувствительность и реактивность, они становятся действительным предметом психологии.

Сознание, социальность и технология — это не просто дополнение к биологическим механизмам, определяющим поведение животных. Они не взаимодействуют с биологическими определяющими факторами в том смысле, что каждый из них вносит свой частичный вклад в воздействие [этих механизмов. — *Ред.-сост.*] на поведение. Сознание, социальность и технология вытесняют биологический детерминизм. Биологические процессы, конечно, сохраняются в том же объеме и при наличии опосредствований. Однако эти процессы теряют детерминирующую силу воздействия на деятельность. Гены, гормоны, рецепторы органов чувств и периферическая нервная система, определяющие поведение низших организмов, продолжают существовать, хотя и в иной форме, у высших организмов. Опосредствования существуют потому, что вытесняют (нем. — *aufgehoben*) биологический детерминизм. Если бы организмические детерминанты предписывали чувствительность и реактивность, то опосредствований не было бы вообще. Сознание не существовало бы, потому что детерминирующий организм не имел бы ни нужды, ни возможности мыслить, решать и понимать. Сознание, способное порождать новые образы, планы, инструменты и поведение в генетически заданном организме было бы оксимороном[25]. Как

[23] См.: *Volosinov V.* Marxism and the Philosophy of Language. Cambridge: Harvard University Press, 1929/1973; *Leontiev A.N.* Problems of the Development of the Mind. Moscow: Progress, 1981. [Рус. пер. см.: *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — *Ред.-сост.*]

[24] *Hockett C.F.* The origin of speech // Scientific American. 1960. Vol. 203. P. 96, см. также выпуск Scientific American (1960, Sept.), целиком посвященный этим аспектам эволюции человека.

[25] *Оксиморон* (оксюморон) — сочетание контрастных слов, создающих неожиданное смысловое единство, например, «живой труп». — *Ред.-сост.*

красиво сказал Геллнер, «скованное существование не использует способность к осмыслению альтернативных путей к свободе»[26].

Социальность также становится возможной лишь при том условии, что естественное управление механизмами будет уменьшено. Как отмечает Гиртц, «внешние [культурные] источники информации приобретают столь жизненно важное значение только потому, что поведение человека слабо детерминировано внутренними источниками»[27]. В другом месте Гиртц пишет: «Мы живем в “информационном зазоре”. Между тем, что говорит нам наше тело, и тем, что мы должны знать, чтобы действовать, существует пробел, который мы должны заполнить сами, и мы заполняем его информацией (или дезинформацией), поставляемой нашей культурой. ...Мы являемся несовершенными и незавершенными животными, которые делают себя совершенными или завершают себя посредством культуры, причем не культуры вообще, а довольно особых ее форм»[28].

Кроме того, люди совершенствуют себя и выходят за свои пределы с помощью орудий, что для биологически детерминированного организма было бы невозможным. Такой организм был бы физиологически подготовлен (предопределен) к выживанию посредством своей организмической чувствительности, генетически запрограммированного репертуара ответов и телесных сил. В любых видах поведения, стесненного биологической смирительной рубашкой, этому существу не удалось бы увеличить свои афферентные и эфферентные силы посредством вспомогательных, искусственных инструментов. Такой стесненный организм не смог бы использовать орудия для расширения своего репертуара поведения.

Биология открывает возможность психологии, а сознание, социальность и технология реализуют эту возможность. Когда естественные образующие отсутствуют, эти *опосредствования учреждают психологию.* Брунер и Шервуд пишут: «Несмотря на то, что *способность* к разумному поведению имеет глубокие биологические корни ... *упражнение* этой способности зависит от того, овладеет ли человек теми орудиями и специальными приемами, которые существуют не в его генах, а в его культуре»[29]. Кроме того, можно сказать, что хотя проблемы,

---

[26] *Gellner E.* Culture, constraint, and community: Semantic and coercive compensations for the genetic under-determination of Homo sapiens // The Human Revolution: Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans. / P. Mellars, C. Stringer (Eds.). Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 520.

[27] См.: *Geertz C.* Religion as a cultural system // Anthropological Approaches to the Study of Religion / M. Bantom (Ed.). N.Y.: Praeger, 1966. P. 7; ср.: *Baldwin J.M.* Social and Ethical Interpretations in Mental Development: A Study in Social Psychology. 5 th. ed. N.Y.: Macmillan, 1897/1913. P. 23; *Ogbu J.* Cultural influences on plasticity in human development // The Malleability of Children / J. Gallagher, C. Ramey (Ed.). Baltimore: Brookes, 1987. Chap. 13.

[28] *Geertz C.* Religion as a cultural system // Anthropological Approaches to the Study of Religion / M. Bantom (Ed.). N.Y.: Praeger, 1966. P. 49—50.

[29] См.: *Bruner J., Sherwood V.* Thought, language, and interaction in infancy // Social Cognition: Perspectives on Everyday Understanding / J. Forgas (Ed.). N.Y.: Academic Press, 1981. P. 27.

поставленные биологией человека, могут быть по сути одинаковыми [т.е. такими же, как у животных. — *Ред.-сост.*], ответы, которые дает на эти универсальные вопросы культура, будут разными[30].

Биология человека выполняет общую функцию, а опосредствования включают в себя специфические частности психологии. Они полностью меняют животную природу, которая по большей части состоит из специфических компонентов, просто извлекаемых опытом. К сожалению, большинство психологов ошибочно используют модель [поведения. — *Ред.-сост.*] животных для объяснения деятельности человека.

Согласно этому неправильному представлению, социальный опыт инициирует заранее определенные факторы, такие как познавательные умения, черты личности, тенденции поведения и предрасположенности к психологическим расстройствам. Следовательно, внешняя стимуляция оказывает пороговый эффект в том смысле, что если стимуляция превышает необходимый порог, то она может запустить психологические функции, а если она будет ниже порога, то она их выключает (или приостанавливает). Стимуляция не определяет специфические свойства психологических явлений. Она даже не коррелирует с уровнем психологического развития. Если стимуляция превышает порог, то определенный уровень возбуждения сказывается на уровне психологического функционирования незначительно, поскольку последний определяется эндогенными факторами. Этой точки зрения придерживается Ноам Хомский[31], когда утверждает, что вариации в выражении языка в конечном итоге сводятся примерно к одной и той же лингвистической компетенции. В другой формулировке той же основной позиции Артур Дженсен высказывает мнение, что сходства в опыте будут сводиться к различным уровням интеллекта, так как последний определяется внутренней способностью.

На самом деле эта концепция опыта как простого порогового эффекта в целом является ошибочной. Как только превышен биологический порог, *биология* приводит к результату, удовлетворяющему биологические требования питания, стимуляции и безопасности, но специфические детерминанты психологических функций лежат в социальном опыте[32]. При условии нормальной биологии, вариации в этой области влияют на психологические функции незначительно.

Опосредствования, выделяющие (отдаляющие) человеческий организм из естественного мира, парадоксально увеличивают нашу чувствительность, понимание, объективность, приспособляемость и свободу[33]. Естественные фильтры

---

[30] См.: *Kluckhohn C.* Universal categories of culture // Anthropology Today / A.L. Kroeberg (Ed.). Chicago: University of Chicago Press, 1953.

[31] Хомский (*Chomsky*) Ноам (р. 1928) — американский лингвист, философ и психолог. — *Ред.-сост.*

[32] См.: *Kagan J.* The Nature of the Child. N.Y.: Basic, 1984. P. 109.

[33] См.: *Scheler M.* Man's Place in Nature. N.Y.: Schocken, 1961. P. 37.

животных ограничивают чувствительность и реактивность. Организмы могут полностью осознавать вещи и выполнять широкий диапазон действий с ними только в том случае, если эти естественные фильтры устранены[34]. Организм может понять и подчинить себе природу только тогда, когда природа организма не определяет изнутри его деятельность, когда он отделен или отдален от природы. Существование, подчиненное природе, препятствует ее пониманию; существование, погруженное в мир, мешает овладению миром. Парадоксально, но осознание и преобразование природы обратно пропорционально той силе, с которой природа определяет деятельность организма. Животные являются объектами природы, а для людей природа является объектом.

Сознание, социальность и технология не просто сосуществуют, действуя независимым образом. Они взаимозависимы, неотделимы и взаимно усиливают друг друга. Например, сознание младенца может развиваться только в том случае, если система социальной поддержки предоставляет этому ребенку защиту и руководство. Без такой социальной защиты и руководства новорожденный ребенок умер бы практически сразу после рождения. Для выживания ему понадобилась бы не способность к постепенному приобретению сознания, а биологическое оснащение в виде врожденной чувствительности и структур поведения. Отказаться от естественных, жестких механизмов руководства в пользу роскоши развития сознания могут только социальные организмы[35]. Это означает, что сознание является социальным феноменом[36]. В основе социально-исторической психологии лежит положение о том, что сознание развивается только благодаря участию человека в практической социальной деятельности. Этот акцент возрождает первоначальное значение слова «сознание» как «знания чего-либо вместе с другими людьми».

И наоборот, сознание является *sine qua non* [непременное условие (лат.). — *Ред.-сост.*] социальности. Кроме того, сознание и социальность обязательно предполагают применение орудий, которое в свою очередь зависит от них.

Для психологической работы было бы естественным, чтобы сознание стало центральным пунктом, в котором сходятся другие опосредствования. Это может быть сделано путем двустороннего обсуждения, показывающего (1) социальные и технологические источники сознания и (2) природу сознания, порождающую социальность и технологию. С одной стороны, это будет сознание, формируемое социальными и технологическими воздействиями, и с другой — сознание,

---

[34] См.: *Montagu A.* Antropology and Human Nature. Boston: Porter Sargent, 1957. Chapt. 2; *Scheler M.* Man's Place in Nature. N.Y.: Schocken, 1961. P. 37; *Leontiev A.N.* Problems of the Development of the Mind. Moscow: Progress, 1981. P. 203—207. [Рус. пер. см.: *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. — *Ред.-сост.*]

[35] См.: *Baldwin J.M.* Social and Ethical Interpretations in Mental Development: A Study in Social Psychology. 5-th ed. N.Y.: Macmillan, 1897/1913. P. 70—73.

[36] См.: *Wald H.* Introduction to Dialectic Logic. Amsterdam: Gruner, 1975. P. 85—86; *Durkheim E.* Sociology and Philosophy. N.Y.: Free Press, 1898/1953; *Washburn S.L., Hamburg D.* The implications of primate research // Primate Behavior / I. Devore (Ed.) N.Y.: Holt, 1965. Chap. 18.

создающее социальность и технологию. Психология изучает и то и другое. Наиболее полная демонстрация взаимозависимости сознания, социальности и технологии предполагает использование как положительных, так и отрицательных примеров. То есть она описывает то, как прогрессивное состояние каждого из опосредствований зависит от уровней развития других и как недоразвитое состояние любого из опосредствований задерживает развитие остальных. <...>

В целом ход этой эволюции представляет собой все большее и большее освобождение от естественных, организмических детерминант поведения в пользу активных, произвольных опосредствований. Этим и объясняется эволюция от простых, стереотипных, автоматических, видоспецифичных форм поведения к большей организмической гибкости, к интеллекту, своеобразию, созиданию и к волевым актам[37]. Но даже высшие приматы, не считая человека, остаются детерминированными главным образом организмическими биологическими процессами, значительно ограничивающими поле их деятельности. За природные рамки, детерминирующие процесс жизни, в своей основе выходит только человек. Несмотря на то, что пластичность и интеллект имеют корни в эволюционном развитии, их формы у человека представляют собой качественный скачок по сравнению с животными. Как говорит Маршалл Сайлинз, «люди заменяют, а не продолжают животную природу»[38]. Вот почему психология человека отделяется от биологии, в то время как «психология» животных является частью биологии. Становится очевидным, что опосредствования — это не просто усовершенствования естественных способностей, а их полное превращение.

---

[37] См.: *Montagu A.* Antropology and Human Nature. Boston: Porter Sargent, 1957. Chapt. 8; *Lerner R.* On the Nature of Human Plasticity. N.Y.: Cambridge University Press, 1984; *Bruner J.S., Olver R., Greenfield P.* Studies in Cognitive Growth. N.Y.: Wiley, 1966. P. 320; *Schneirla T.S.* Selected Writings / L. Aronson et al. (Eds.). San Francisco: Freeman Co., 1972. P. 30—85; *Scheler M.* Man's Place in Nature. N.Y.: Schocken, 1961; *Luria A.* The Nature of Human Conflicts. N.Y., 1932. P. 401 и сл.).

[38] *Sahlins M.* The social life of monkeys, apes, and primitive man // The Evolution of Man's Capacity for Culture / J.N. Spuhler (Ed.). Detroit: Wayne State University Press, 1959. P. 68.

М. Кингет

Что же в людях человеческого?*

Отличие человека от животных

Отличие людей от всех других животных — абсолютно бесспорная истина. Человечество не было бы выделено в особый вид, если бы его удалось полностью свести к какому-то другому виду. Кроме того, это различение согласуется со здравым смыслом. Хотя иногда мы и видим собратьев, несколько похожих на обезьян или ведущих себя подобно обезьянам в штанах, тем не менее мы с первого взгляда определяем, что они не обезьяны.

Но в чем именно состоит это отличие определить с первого взгляда нелегко. Когда об этом спрашиваешь студентов, то их ответы крутятся вокруг того, что «человек обладает переживаниями (*feelings*)» — заявление не только банальное, но и неверное. Переживания есть и у животных, только они не знают об этом. (Это на первый взгляд простое утверждение может, подобно фейерверку, зажечь бурную дискуссию как среди студентов, так и среди специалистов.) Еще один, запасной вариант ответа — «человек обладает чувством собственного достоинства». Верно, но когда спрашиваешь, что такое чувство собственного достоинства и на каком основании его приписывают человеку и только человеку, то следуют, как правило, невразумительные ответы.

Человек-незнакомец. Ситуацию вокруг определения *специфики* человеческого, по-видимому до сих пор, характеризует название книги Алексиса Каррелла «Человек-незнакомец»[1]. На главные вопросы ответов нет, а имеющееся существенно важное знание о человеке не получило широкого распространения в обществе, где деловая хватка важнее гуманитарного образования. С другой стороны, не следует преувеличивать значение незнания человеком своих отличительных особенностей. Существо человеческого рода наделено здравым

---

* *Kinget G.M.* On Being Human: A Systematic View. N.Y., etc.: Harcourt Brace Jovanovich, 1975. P. 1—5, 240—241. (*Перевод Ю.Б. Дормашева.*)

[1] См.: *Carrel A.* Man, the UnKnown. N.Y.: Harper and Brothers, 1935.

смыслом или, по меньшей мере, возможностью его существования. На допонятийном уровне, «в глубине души», оно отличает типично человеческое от того, что таковым не является. Возьмем, к примеру, удивление цирковой публики при виде человеко*подобных* действий, которые могут совершать животные.

Безусловно, есть гораздо более важное и возвышенное свидетельство того, что люди знают разницу между поведением людей и животных. Они знают об этом в понятийной форме не всегда, но в практически действенной — в любом случае. Поэтому в большинстве сфер повседневной жизни люди склонны обращаться со своими сородичами, грубо говоря (иногда действительно грубо!), как с человеческими существами. Они в особенности проявляют способность к различению человеческого и нечеловеческого обращения, когда сами становятся объектом такого обращения или когда поставлено на карту их самолюбие. Тогда они, правильно или ошибочно, начинают проводить различения настолько тонкие, что их не видит никто, кроме них самих.

В последующих главах я попытаюсь описать основные свойства, которые отличают человека от прочих животных и, в частности, от видов, ближайших на филогенетической лестнице. Вследствие филогенетической близости определенные виды животных демонстрируют примеры на первый взгляд человекоподобного поведения, но рассмотрение этих случаев с точки зрения существенных отличий человека от животных обнаруживает их явно нечеловеческую природу. Этот схематический обзор специфических функций и характеристик человека может показаться не совсем приемлемым. Однако его следует рассматривать лишь как парадигму[2] моего действительного замысла — вызвать у читателя концентрированное, потенциально радостное осознание огромной мощи, разносторонности и неиссякаемого очарования человеческого существа. В то же время я надеюсь, что данный подход даст ориентировочную основу для ответа на главный вопрос, который должен решить применительно к самому себе каждый из нас: *для чего существует человек*?

Краткий предварительный обзор

Вначале было бы полезно представить ряд точек зрения, с которых можно рассматривать специфику человека. Ниже дан типовой, организованный в виде двух групп перечень свойств, характеризующих человека. В этом перечне используется методологический критерий группировки, а именно, тот метод, *объективный* или *субъективный*, с помощью которого обычно (хотя и не всегда) изучались перечисленные свойства. К первой группе относятся важнейшие явления поведения, доступные прямому наблюдению. Во вторую группу включаются главные явления сознательного опыта, которые требуют применения

[2] *... рассматривать лишь как парадигму* — т.е. обзор используется в качестве образца или теории, необходимой автору для решения поставленной задачи. — *Ред.-сост.*

множества критериев в виде продуманной и тщательно взвешенной смеси интуитивных предположений, субъективных отчетов, умозаключений и интерпретаций, сверенной с соответствующими данными наблюдения (смеси, которая, между прочим, составляет часть методологии «строгих» наук). Представленные в этих группах свойства присущи человеку либо потому, что он владеет ими монопольно, либо (в зависимости от философского направления, которого придерживаются исследователи) потому, что проявляет их в значительно большей степени, чем другие виды животных.

В первую группу явлений поведения входят:

Язык в смысле речи, а не просто биосоциальной коммуникации, которая есть как у людей, так и у животных. Последние также общаются для своих целей, и весьма эффективно. В отличие от коммуникации животных, речь человека состоит из высказываний, организована в виде предложений и подчиняется правилам, отчасти культурно специфическим и отчасти универсальным.

Изготовление орудий, к которым в самом широком смысле относится не только то, что мы обычно называем орудиями, утварью и инструментами, но и огонь, как главное технологическое средство, орудия производства орудий, фабричное производство одежды, пищи и крова (жилых помещений, которые широко варьируют у человека, в отличие от стереотипных сооружений, возводимых птицами, бобрами, муравьями и др.).

Создание культуры как социальный процесс, соответствующий всем деятельностям человека и их продуктам, паттерны которых специфичны для каждого общества. Такие паттерны можно обнаружить в бесконечном разнообразии обычаев, учреждений, законов, языков, религий, политической жизни, развлечений, ритуалов, кулинарии, одежды, искусства и архитектуры, преобладающих в данном обществе в течение определенного, нередко продолжительного, отрезка его истории. Сочетание устойчивости и гибкости этих паттернов становится возможным благодаря взаимодействию творческих порывов человека и его уникальной способности передавать приобретенные знания. Следовательно, создание культуры относится к деятельностям, определяемым не только биологическими потребностями, но и социально обусловленными *способами* удовлетворения как биологических, так и других потребностей.

Во вторую группу явлений входят главные характеристики опыта сознания, о существовании которых говорит не только *наблюдение*, но и *бытие* человека. Отметим, что эти характеристики не являются исключительно субъективными феноменами. Они связаны с поведением. Например, мышление, любовь, радость и припоминание недоступны прямой оценке внешними средствами, но находят свое выражение в таких деятельностях, которые можно расценить соответствующим образом.

Рефлексивное осознание как способность не только знать, но и знать, что́ ты знаешь и, как следствие, способность к воображению, самопознанию, построению научных гипотез, философскому размышлению, развитию представления о

самом себе и к другим подобным видам внутренней деятельности, без которых невозможно объяснить существование бесчисленных видов и продуктов внешне наблюдаемого поведения (например, произведения художественной литературы, автобиографии, ритуалы и праздники).

Моральное отношение как чувство справедливости и несправедливости, хорошего и плохого, трансцендентные ценности[3] и шкалы ценностей. Это существенное свойство невозможно свести к социальному обусловливанию[4], несмотря на то, что оно, конечно же, зависит от него — точно так же как способность говорить на каком-то языке зависит от социального окружения, но ее невозможно объяснить *только* им.

Эстетические устремления в деятельностях, процесс или результат которых служит только для чувственного или символического наслаждения. В соответствии с этим, человек и только человек украшает себя, свой дом, орудия, утварь и инструменты; создает звуки и сложные композиции звуков и движений, радующие глаза, уши и организм в целом; получает с помощью перегонки опьяняющие напитки, символически переносящие его в другие миры. Все это лишено практического интереса.

Историческое осознание как чувство времени; способность эффективно и точно перемещаться вдоль огромного континуума прошлого, настоящего и будущего; способность заглянуть в прошедшее и планировать будущее, а также предвидеть смерть, т.е. способности, признаки которых отсутствуют у любого другого вида.

Метафизические интересы как способность постижения предельных вопросов, т.е. вопросов, выходящих за пределы сферы видимого или чувственного, имеющих дело с «потусторонним», таким как бесконечность, вечность, первопричина и цель всех вещей. Эти интересы лежат в основе некоторых из самых древних, непреходящих и освященных веками элементов культурного наследия человечества.

Существование перечисленных свойств у человечества в целом, но не обязательно у каждого из его представителей, никто не оспаривает. Правда, Б.Ф. Скиннер[5] отрицает самостоятельный статус явлений сознательного опыта. При этом он допускает существование переживаний, чувств, сомнений, озабоченности и тому подобного только как эпифеноменальной реальности, к которой относятся, например, зрительные иллюзии. Но несмотря на в целом общее согласие относительно наличия этих характеристик у человека, обсуждение их значимости продолжается. Ученые различным образом отвечают на вопрос о

---

[3] *Трансцендентные ценности* — высшие ценности, такие как вечность и бессмертие. — *Ред.-сост.*

[4] *...невозможно свести к социальному обусловливанию* — нельзя полностью объяснить научением, обучением и воспитанием, т.е. воздействиями социального окружения. — *Ред.-сост.*

[5] Скиннер (*Skinner*) Беррес Фредерик (1904—1990) — американский психолог, основатель и общепризнанный лидер современного варианта радикального бихевиоризма. — *Ред.-сост.*

том, принадлежат ли эти свойства исключительно человеку или какие-то из них в определенной степени присущи некоторым животным.

Гуманистические психологи, несмотря на разницу во взглядах, в целом присоединяются к мнению о том, что вышеперечисленные свойства являются исключительно и специфически человеческими. Действительно, специалисты в области сравнительной психологии и общественных наук до сих пор не обнаружили полностью убедительных доказательств обратного. <...>

[Что такое хорошая жизнь]

<...> При глубоком обдумывании и детальном рассмотрении хорошая жизнь предстает как реальное, доступное определению и, по существу, достижимое состояние. Однако такая жизнь настолько разнообразна в своих внешних проявлениях, что может проходить неузнаваемо для всех, кроме тех, кто ею живет. Но даже они не всегда имеют ясный образ этого самого драгоценного из всех достояний вследствие того, что его затемняют превратности телесного и социального существования. И тем не менее, промелькнув хотя бы один раз, хорошая жизнь продолжает манить человека к себе, несмотря на все повороты его извилистого жизненного пути.

Человек робко берет этот «товар первой необходимости» в основном из-за своей склонности смешивать хорошую жизнь с хорошими временами. Эти два источника удовлетворения, хотя и не исключают друг друга, оказываются на удивление независимыми, если их рассматривать с точки зрения индивидуального существования в целом как единственного места хорошего обозрения, с которого может быть вынесен окончательный приговор. Высокое качество жизни (или ему противоположное) оценивается ретроактивно[6], точно так же как ретроактивна ценность путешествия, которая определяется, как это обычно бывает, его конечным результатом.

Хорошая жизнь не дается и не берется. Здесь применима метафора истины как птицы в полете, высказанная Карлом Бартом[7]. Как птицу в полете невозможно схватить без того, чтобы она не перестала быть птицей в полете, так и хорошую жизнь невозможно приобрести раз и навсегда ни для себя, ни для других. Также невозможно жить ею преднамеренно, так как хорошая жизнь — это спонтанно возникающий гештальт способа жизни[8], соответствующий специфической природе человека.

---

[6] *...оценивается ретроактивно* — т.е. по конечному результату, и в этом случае возможно смешение хорошей жизни с хорошими временами. — *Ред.-сост.*

[7] Барт (*Barth*) Карл (1886—1968) — швейцарский протестантский теолог. — *Ред.-сост.*

[8] *...гештальт способа жизни* — т.е. целостная, устойчивая форма способа жизни как структуры, организованной во времени; здесь можно провести сравнение с пространственным гештальтом как образом зрительного восприятия хорошей фигуры, законы организации которой описали гештальтпсихологи. — *Ред.-сост.*

Специфическая природа человека заключается в его способности к символизации, и хорошая жизнь, в конечном счете, не сводится к фактам и событиям, а определяется смыслом и пониманием, полнота реализации которых как высших ценностей зависит от самого человека. Будучи животным, придающим смысл своей жизни (*as the meaning-giving animal*), человек способен сделать хорошую жизнь из самых невероятных и неподатливых материалов — за исключением тяжелой и продолжительной болезни или лишений. Некоторые незаурядные индивиды способны к этому почти независимо от условий. Однако большей части человечества для поиска радостей, выходящих за пределы потребностей, связанных с выживанием, необходимы хотя бы минимально благоприятные условия заработка, образования и досуга. Человечество, освобожденное в большинстве своем от бремени пожизненного труда ради заработка и от глубокого невежества, может реализовать диапазон человеческих потребностей и способностей.

Ниже представлен проект основных принципов хорошей жизни, сформулированный в условном наклонении с гуманистической точки зрения и с учетом задач психологии.

Если, как считают многие, индивидуальное поведение является, по сути, функцией представления о себе, т.е. если человек на самом деле стремится осуществить в поведении имеющийся у него образ самого себя;

если тот редуцированный и фрагментарный образ человека, который преобладал в последние десятилетия, может быть восстановлен до целого путем включения специфических потребностей и способностей человека, и если психология сможет переставить акцент с характеристик, общих у человека и других животных, на его собственные, отличительные характеристики;

если в результате этого исправления образа человек сможет думать о себе и о реализации своей природы иначе, чем раньше;

если верно, что в филогенезе человечество все еще развивается — не в смысле структуры телесного, а в смысле способности осознания и понимания, и если под давлением необходимости оно научится развиваться в социальном и моральном планах так же, как в интеллектуальном и технологическом;

если, следовательно, его прошлое можно считать прологом, а не программой его будущего;

тогда, вместе с Джейкобом Броуновски[9], мы сможем прийти к заключению, что человечество действительно идет по восходящей линии к хорошей жизни.

---

[9] Броуновски (*Bronowski*) Джейкоб (1908—1974) — математик, философ и методолог науки; уроженец Польши, эмигрировавший после Второй мировой войны в США. — *Ред.-сост.*

Тема 4

Возникновение и развитие психики

Приспособительная роль психики в биологической эволюции. Проблема выделения критериев психики. Гипотеза о возникновении чувствительности как элементарной формы психического отражения. Психика как ориентировочная деятельность субъекта. Представление об эволюции психического отражения. Основные стадии развития психики и поведения животных: элементарная (сенсорная), перцептивная, интеллекта. Общая характеристика инстинктивного поведения животных. Индивидуально-изменчивое поведение, навык и интеллект. Понятие операции. Исследование интеллекта животных, функциональное использование орудий. Сравнение психики животных и человека. Основные характеристики трудовой деятельности, их филогенетические предпосылки. Возникновение действий и необходимость общественного сознания. Генетическое определение действия. Культурный опыт, формы его сохранения и воспроизводства. Знаковая речь и развитие мышления.

Вопросы к семинарским занятиям

1. *Роль психики в биологической эволюции. Критерии психического. Проблема первичной формы психики. Гипотеза о возникновении и стадиях развития психики в филогенезе*
2. *Сенсорная психика и инстинктивное поведение животных*
3. *Перцептивная психика и индивидуально-изменчивое поведение животных. Навык и интеллект*
4. *Характеристика поведения и психики на стадии интеллекта. Опыты и наблюдения Кёлера*
5. *Сравнение психики животных и человека. Трудовая деятельность и возникновение сознания*

1 *Роль психики в биологической эволюции. Критерии психического. Проблема первичной формы психики. Гипотеза о возникновении и стадиях развития психики в филогенезе*

А.Н. Северцов

Эволюция и психика*

Задачей настоящей статьи является разбор вопроса о значении различных способов, посредством которых совершается приспособительная эволюция животных, и определение, какую роль играют эти отдельные факторы в приспособлении животных к окружающей среде. Дело в том, что в сочинениях об эволюции авторы преимущественно останавливаются на главном и наиболее бросающемся в глаза из этих факторов, а именно, на *наследственном изменении* органов животных, и ему уделяют почти исключительное внимание. Но помимо наследственного изменения органов имеются еще и *изменения поведения* (behaviour) *животных без изменения их организации*, которые играют большую роль в эволюционном процессе и служат могучими средствами приспособления животных к окружающей среде: значение этих факторов, с биологической точки зрения, их роль в эволюционном процессе и взаимоотношения между ними и наследственными изменениями строения животных, как мне кажется, недостаточно выяснены, и в разборе этих вопросов и лежит центр тяжести настоящей статьи[1].

Важным и весьма прочно установленным результатом эволюционного учения в его современной форме является положение, что эволюция животных есть *эволюция приспособительная*, т.е. что она состоит в развитии признаков, соответствующих той среде, в которой живут данные животные. Другим таким же важным результатом мы можем считать положение, что эволюционный процесс

---

* *Северцов А.Н.* Эволюция и психика // Психологический журнал. 1982. Т. 3, № 4. С. 149—159.

[1] От этой постановки вопроса зависит некоторая неравномерность в распределении приводимого материала: на общей характеристике эволюции, на вопросе о наследственных изменениях органов (весьма подробно разобранном в эволюционной литературе), а также на ненаследственных изменениях организации я сознательно останавливаюсь весьма коротко. Во избежание недоразумений отмечу, что, говоря о психической деятельности животных, я рассматриваю ее только с биологической точки зрения, совершенно оставляя в стороне чисто психологическую сторону: психика животных интересует нас здесь только как фактор эволюционного процесса, а не сама по себе. Этим, между прочим, объясняются некоторые особенности употребляемой мною терминологии.

имеет *эктогенетический* характер, т.е. что он происходит под влиянием изменений внешней среды, в которой живут животные. Выработку новых приспособлений мы обыкновенно обозначаем как *прогресс* в эволюционном процессе, но здесь для понимания характера эволюции *необходимо различать между прогрессом биологическим*, с одной стороны, и *прогрессом морфологическим* (анатомическим и гистологическим) и *физиологическим* — с другой.

Мы можем представить себе, что эволюирует свободно живущее животное, например насекомое, и что оно переходит к еще более подвижному образу жизни. Предположим, что оно приобретает способность летать, не утрачивая способности к передвижению на земле; у него разовьются новые органы, крылья, с их скелетом, мускулами и нервами, другими словами, организация и функции данного животного станут более сложными; можем представить себе и другой случай, а именно, что не выработается новых органов, но что функции прежних органов повысятся и соответственно этому изменится и самое строение соответствующих органов: и в том и в другом случаях мы будем иметь *общий биологический прогресс*, т.е. животное выживет в борьбе за существование, численность особей его повысится, и вид распространится географически, параллельно этому мы будем иметь и прогресс морфологический (органы сделаются сложнее, могут появиться новые органы и т.д.) и физиологический (функции эволюционирующих органов повысятся); *здесь биологический, морфологический и физиологический прогресс организма как целого идет параллельно.*

Но мы можем представить себе и другую возможность: что животное того же типа от свободного образа жизни перейдет к паразитному, который может представить для него при данной организации и данных условиях определенные выгоды, ибо при паразитном образе жизни животное защищено от врагов в такой же степени, как его хозяин (т.е. животное гораздо более крупное и сильное) и оно всегда без труда находит себе готовую пищу. Животное приспособится к этим условиям паразитного образа жизни, и для него переход к паразитизму будет, несомненно, *биологическим прогрессом*, помогающим ему выжить в борьбе за существование; но этот биологический прогресс будет сопровождаться *морфологическим регрессом*, ибо у животного, переходящего к паразитному образу жизни, обыкновенно дегенерируют в большей или меньшей степени органы, необходимые для свободной жизни в сложных и меняющихся условиях среды, например органы движения, органы нападения и защиты, органы высших чувств и т.д. Морфологически и физиологически животное регрессирует: здесь *биологический прогресс сопровождается морфологическим и физиологическим регрессом.* Мы видим, что победа в борьбе за существование определяется, в сущности, только биологическим прогрессом; морфологический же (и физиологический) прогресс или регресс всего организма зависят от того *направления*, в котором идет в данную эпоху жизни вида эволюционный процесс.

Мы сейчас упомянули об общем регрессе организации, который выражается, в конечном счете, в потере (дегенерации) определенных органов без замены

их более совершенными; напомню, что и прогрессивная эволюция органов сопровождается всегда явлениями регресса: когда определенный орган изменяется прогрессивно, то некоторые части его, которые оказываются неприспособленными при изменившихся условиях существования, дегенерируют и заменяются новыми особенностями, нужными при новых условиях; в этом и состоит процесс приспособления. Об общем регрессе мы имеем право говорить только в тех случаях, когда определенные органы дегенерируют, не заменяясь другими с той же или близкой функцией, как это часто бывает при переходе к паразитному или к сидячему образу жизни. Частичный регресс является процессом, обычно сопровождающим морфологические прогрессивные изменения.

Я в предыдущем коротко и очень поверхностно охарактеризовал то, что выразил в данном в начале этой статьи определении эволюционного процесса: эволюция животных есть эволюция приспособлений и совершается под влиянием и в соответствии с изменениями окружающей среды. Я не буду останавливаться подробно на том, что такое мы обозначаем термином «среда», и отвечаю только, что этот термин необходимо понимать в *широком* смысле слова, разумея под ним всю сумму условий, имеющих биологическое отношение к животному, т.е. неорганическую среду: почву, условия освещения, тепла и холода, сухости и влажности, химический состав пищи и воды и т.д., и биологическую среду, т.е. всех животных (как принадлежащих к данному виду, так и к другим видам) и растения, с которыми данному животному приходится иметь дело.

Из всего сказанного о ходе эволюционного процесса мы можем вывести одно важное заключение: мы видели, что при изменениях среды организация животных изменяется в одних случаях незначительно, в других весьма сильно: самую способность к эволюционному изменению, которая, по-видимому, у разных животных различна, мы обозначим термином *пластичность организма*.

При только что сделанной характеристике эволюционного процесса я не коснулся важного фактора, имеющего громадное влияние и на ход эволюции и на конечные результаты ее в каждую данную эпоху, а именно, *фактора времени*.

Мы знаем, что изменения в организмах зависят от изменений в окружающей среде и состоят в приспособлении организма к этим изменениям; *но эти изменения среды могут совершаться и в действительности совершаются с весьма различной скоростью*: одни чрезвычайно медленно, другие несколько быстрее, наконец, некоторые относительно очень быстро. Например, горообразовательные процессы, меняющие облик поверхности суши, процессы эрозии, сглаживающие горы, процессы опускания и поднятия суши, вызывающие образование новых крупных морей и новых участков суши, суть процессы чрезвычайно медленные и постепенные, занимающие громадные промежутки времени; само собой разумеется, что и эти процессы совершаются с различной скоростью, одни быстрее, другие медленнее. Параллельно этим изменениям протекают связанные с ними изменения климата.

Другие изменения в неорганической природе, например, опреснение отделившегося от океана бассейна вследствие деятельности впадающих в него рек, изменение солености пресноводного или мало соленого бассейна при соединении его с морем, проливом протекают несколько быстрее. Так же относительно скоро, но по нашему человеческому счету, конечно, тоже весьма медленно, происходят многие важные биологические изменения в окружающей среде, например, естественное расселение новых растений (или сидячих животных) при соединении двух стран, прежде разделенных естественной преградой, или двух морей, между которыми установилось соединение.

Свободно живущие и подвижные животные при тех же условиях расселяются и тем самым изменяют условия жизни первоначальной фауны данной страны гораздо быстрее. Мы знаем, что свободно живущие и подвижные животные, попадая в благоприятные для них условия существования, размножаются с чрезвычайной быстротой и достигают необычайной многочисленности в короткое время. Так, например, Колумбом на остров С.-Доминго было привезено несколько голов рогатого скота, которые одичали и размножились так быстро, что через 27 лет стада в 4000 — 6000 голов были здесь довольно обыкновенны. Позднее рогатый скот был переведен с этого острова в Мексику и другие части Америки, и в 1567 г., через 65 лет после завоевания Мексики, испанцы вывезли 64 350 голов из Мексики и 35 444 головы из С.-Доминго, что указывает на то, какое множество этих животных существовало здесь, так как пойманные и убитые составляли конечно, только небольшую часть всего количества. Мы знаем, с какой быстротой размножились кролики, ввезенные в Австралию, и как они сделались настоящим бедствием для страны. Эти примеры касаются животных, ввезенных человеком, но мы имеем полное основание думать, что в благоприятных условиях животные размножаются с такой же быстротой и в диком состоянии, и мы знаем примеры такого размножения. Совершенно очевидно, что такое быстрое массовое появление новых животных не является индифферентным для старой местной фауны, и что оно сильно изменяет условия ее существования; новые животные для одних форм являются конкурентами, для других врагами, для третьих, наконец, добычей и т.д., и во всех этих случаях — факторами, весьма сильно изменяющими прежние условия. Мы видим, что эти перемены происходят весьма быстро, в срок нескольких лет, т.е. с эволюционной точки зрения с необыкновенной скоростью. Отметим, что мы брали примеры, касающиеся млекопитающих, т.е. животных, медленно размножающихся; для других животных, у которых скорость и интенсивность размножения больше, процесс идет еще быстрее. Таким образом, мы видим, что, наряду с очень медленными и постепенными переменами в условиях существования существуют и очень резкие и быстро наступающие изменения, к которым животные, которых они непосредственно касаются, должны под угрозой вымирания приспособиться в очень короткий срок.

Таким образом, *темп изменений среды, к которым приходится приспособляться животным, бывает весьма различным. Между тем совершенно очевидно, что скорость изменения самих животных, которые в каждом отдельном случае приспособляются к биологически важному для них изменению среды, должна быть ни в коем случае не меньше, чем скорость изменений среды*: если животное при своей эволюции отстает от изменений среды, то получается дисгармония между организацией животного и средой (или определенными сторонами среды), т.е. животное очутится в длительно неблагоприятных условиях существования, и данный вид начнет вымирать.

Мы, таким образом, приходим к чрезвычайно важному понятию о значении упомянутой нами выше пластичности организмов: *чем больше пластичность, т.е. чем больше способность организма быстро и сильно изменяться, приспособляясь к изменениям среды, тем больше для него шансов выжить в борьбе за существование.*

Существует два способа приспособления организмов к изменениям окружающих условий: 1) *наследственные изменения организации* — способ, посредством которого достигаются весьма значительные, количественно приспособленные изменения строения и функций животных, способ *весьма медленный*, посредством которого животные могут приспособиться только к *очень медленно* протекающим и весьма постепенным *изменениям среды*, 2) *способ ненаследственного функционального изменения строения*, посредством которого животные могут приспособляться к незначительным, *но быстро наступающим изменениям окружающих условий*. И в том, и в другом случаях строение организмов изменяется. Оба эти способа приспособления существуют и у животных, и у растений.

Кроме них существует еще два способа приспособления, которые встречаются только у животных и которые мы могли бы обозначить как *способы приспособления посредством изменения поведения животных без изменения их организации*. Они являются для нас особенно интересными, и этот вопрос приводит нас к рассмотрению различных типов психической деятельности животных в широком смысле этого слова.

Мы знаем три основных типа психической деятельности у животных, а именно, рефлекторную деятельность, инстинктивную и деятельность, которую мы условно обозначим как «деятельность разумного типа». Само собой разумеется, что я здесь рассматриваю этот вопрос о психической деятельности животных не как психолог и, соединяя эти три типа (рефлекс, инстинкт и «разумный тип») в одну общую группу, хочу только выразить, что здесь мы имеем деятельность одного порядка. Термином «рефлекс» мы обозначаем наследственные, однообразные, правильно повторяющиеся целесообразные, т.е. приспособительные реакции организма на специфические раздражения. Обыкновенно говорят, что рефлекторные действия отличаются машинообразностью, определение, которое только до известной степени точно, так как далеко не всегда одна и та же реакция следует за одним и тем же раздражением. Рефлекторная деятельность

является наследственной, т.е. молодое животное начинает производить те же рефлекторные действия, которые производили его родители без всякого предварительного обучения вполне правильно.

Точно так же, как и рефлекторная деятельность, инстинктивная деятельность является целесообразной, наследственной и до известной степени машинообразной, но отличается от рефлекторной своей гораздо большей сложностью. Здесь мы обычно находим длинный ряд сложных целесообразных действий, являющихся ответом на определенное внешнее раздражение.

Деятельность «разумного» порядка является также целесообразной, но, в отличие от предыдущих типов психической деятельности, *не наследственной и не машинообразной*. Наследственной является *способность* к деятельности данного типа, но не самые действия, и животные являются наследственно весьма различными в этом отношении: одни способны к сложным действиям «разумного» порядка, другие к весьма элементарным, но самые действия не предопределены наследственно и в индивидуальной жизни не являются готовыми, как рефлексы и инстинкты: для производства определенного действия требуется определенная выучка. Далее эти действия не являются машинообразными: за определенным раздражением могут следовать весьма разнообразные действия.

Сопоставляя эти три типа приспособительной деятельности животных, мы видим вполне ясно, что мы можем распределить их по основному сходству между ними на две группы: к одной будут относиться рефлексы и инстинкты, которые отличаются друг от друга только количественно, к другой — действия «разумного» типа: первые наследственны (как действия), не требуют выучки и машинообразны, вторые не наследственны, требуют выучки и в общем не машинообразны. Совершенно ясно, что при сравнении с приспособительными изменениями строения животных инстинкты и рефлексы будут соответствовать наследственным изменениям строения органов, действия «разумного» типа — функциональным изменениям органов.

Рефлексы свойственны всем животным и в общем хорошо известны: на них я не буду останавливаться и приведу некоторые примеры, поясняющие биологическое значение инстинктов, с одной стороны, действий «разумного» типа — с другой.

В различных группах животных преимущественное значение имеет либо тот, либо другой тип деятельности. Суживая нашу задачу и принимая в соображение только метамерных билатерально-симметричных животных, мы находим, что в типе членистоногих преимущественное значение приобрела деятельность типа инстинкта, в типе хордат[2] — психика «разумного» типа; мы говорим, конечно, только о преимущественном значении, а не об исключительном, так как, несомненно, и у членистоногих психика «разумного» типа играет известную, хотя и второстепенную, роль (мы говорим главным образом о высших предста-

[2] *Хордаты*, или хордовые — тип животных, характеризующийся наличием хорды, т.е. продольного скелетного тяжа. — *Ред.-сост.*

вителях этого типа, насекомых, психика которых сравнительно хорошо изучена), и у высших хордат, т.е. позвоночных, существуют сложные инстинкты, как, например, строительные инстинкты птиц и т.д.[3]

В типе членистоногих мы видим постепенное повышение инстинктивной деятельности, причем у высших представителей типа, у насекомых, инстинкты сделались необычайно высокими и сложными и достигли высокой степени совершенства, вследствие чего сознательная психика если не атрофировалась, то, во всяком случае, отступила на задний план. Напомню необычайно сложные строительные инстинкты общественных насекомых, соты пчел, гнезда муравьев и термитов и т.д. Высота и сложность инстинктов насекомых станут ясны для всякого, кто ознакомится с классической книгой Фабра[4] или с более близкими нам прекрасными работами В.А. Вагнера[5] об инстинктах пауков и шмелей. Сложность и постоянство (машинообразность) инстинктов здесь очень ясны точно так же, как их удивительная целесообразность. В качестве примера возьмем одну из роющих ос, сфекса, и посмотрим, в каких действиях выражается ее инстинкт заботы о потомстве. Сначала оса роет норку, сообщающуюся узким коридором с ячейкой, в которой складывается добыча, служащая пищей будущей личинке; затем эта добыча (сверчок) отыскивается и после некоторой борьбы крайне своеобразным способом делается неподвижной и беспомощной; сфекс перевертывает сверчка на спину, придерживает его лапками и своим жалом колет его в три совершенно определенных места, а именно, в три передних нервных ганглия брюшной нервной цепочки: в результате добыча остается живой, но парализованной, так что не может двигаться. После этого сфекс приносит ее к норке, кладет у входа, влезает в норку, вылезает из нее, втаскивает туда добычу, откладывает в совершенно определенное место ее тела яйцо, из которого

---

[3] Говорить об эволюции психики, конечно, можно только с известными оговорками, ибо трудность изучения эволюции психической деятельности, конечно, чрезвычайно велика, и в наших представлениях об этом процессе несомненно еще более гипотетического элемента, чем в наших сведениях об эволюции морфологических признаков. Трудность эта станет понятна читателю, если он примет в соображение, что для вопроса об эволюции психических свойств палеонтология дает очень мало, а именно только довольно отрывочные сведения о строении мозга ископаемых животных и некоторые, сделанные на основании строения ископаемых форм умозаключения об их образе жизни (Абель). Психоэмбриологическое исследование, т.е. учение о развитии психических свойств, вследствие отрывочности произведенных исследований до сих пор дало тоже немного; сравнительная зоопсихология в этом отношении дает гораздо больше, но и здесь приходится постоянно учитывать недостатки самого метода, затрудняющие его применение. Основным из этих недостатков является то, что при сравнительно-психологическом исследовании (как и при сравнительно-анатомическом) мы имеем дело с конечными членами эволюционных рядов, эволюировавших независимо друг от друга, а не с последовательными членами одного и того же филогенетического ряда.

[4] Фабр (*Fabre*) Жан Анри (1823—1915) — французский энтомолог; здесь имеется в виду его работа «Souvenirs entomologiques». [Рус. пер. см.: ***Фабр Ж.*** Инстинкт и нравы насекомых. М.: Терра, 1993. — *Ред.-сост.*]

[5] Вагнер Владимир Александрович (1849—1934) — биолог и психолог, основоположник сравнительной психологии в России. — *Ред.-сост.*

впоследствии вылупится личинка и, наконец, заделывает ячейку; затем в другую ячейку откладывается другая добыча, совершенно так же парализованная и т.д. Целесообразность этого инстинкта поразительна: слабая личинка снабжается свежей пищей, которая не портится в течение всей жизни личинки, и вместе с тем добыча неподвижна в такой степени, что не может сбросить с себя личинку-хищника, питающуюся ее телом. Аналогичных примеров того же инстинкта можно привести немало для других насекомых.

Весьма интересно, что этот очень сложный ряд инстинктивных действий является вполне наследственным: животное производит их без всякой выучки и без всяких изменений из поколения в поколение с замечательной правильностью.

Машинообразность инстинктивных действий, отличающая их от действий, которые нам приходится отнести к типу «разумных», особенно бросается в глаза при так называемых ошибках инстинкта, когда правильный ход процесса вследствие каких-либо причин нарушается и окончание его становится вполне бесполезным и бесцельным, и, тем не менее, животное заканчивает его по раз навсегда установленной рутине. Если у роющей осы, принесшей парализованную добычу, в то время как она осматривает норку утащить добычу, то она некоторое время ищет ее, но затем успокаивается и заделывает пустую норку совершенно так же, как будто там была положена добыча, что вполне бесцельно. Пчелы имеют обыкновение исправлять поврежденные ячейки сотов, причем производят ряд сложных действий: при нормальных условиях эти действия вполне целесообразны, но пчелы проделывают те же действия, когда ячейка повреждена наблюдателем и пуста, и действия совершенно бессмысленны. Таких примеров можно привести много и они показывают, что ***инстинкты суть приспособления видовые, полезные для вида в такой же степени, как и те или другие морфологические признаки, и столь же постоянные***. Если мы будем следить за последовательным изменением инстинктов в течение жизни насекомого или паука, то оказывается, что целый ряд инстинктов сменяет друг друга и что каждый инстинкт соответствует организации и образу жизни животного в определенный период жизни особи: при этом каждый инстинкт определенного периода жизни является готовым, действует определенное время и сменяется новым, таким же совершенным, когда изменяется при индивидуальном развитии организация и образ жизни особи, например, когда личинка превращается в куколку и т.д.

Мы видим, таким образом, что инстинкты суть приспособления, во многих случаях очень сложные и биологически весьма важные, и что приспособления эти являются вполне стойкими, т.е. повторяются у каждой особи неизменно из поколения в поколение. Мы выше поставили вопрос о том, к какой из перечисленных нами категорий приспособлений рефлексы и инстинкты относятся. Мы видим, что наш ответ на этот вопрос был правилен и что он вытекает из самого характера инстинктов и рефлексов, а именно, из того, что и те и другие наследственны; при этом весьма существенно, что ***наследственным признаком***

является не способность к действиям определенного типа, а ***самые действия с их типичными чертами***, т.е. последовательностью определенных движений, их характером и т.д.

Ввиду того, что и инстинкты и рефлексы являются приспособлениями наследственными, они эволюируют точно так же, как и прочие наследственные признаки, т.е. *крайне медленно и постепенно*, посредством суммирования наследственных мутаций инстинктов[6]. Таким образом, эти чрезвычайно важные для организма приспособления суть приспособления к медленно протекающим изменениям внешней среды, и о них мы можем сказать то же, что сказали о наследственных морфологических изменениях организма: количественно они могут быть очень велики, но протекают очень медленно и поэтому не могут иметь значения для животных, когда последние подвергаются относительно быстрым неблагоприятным изменениям среды. Иной характер имеют психические свойства организмов, которые мы относим к категории «разумных».

Здесь наследственной является только известная высота психики и способность к определенным действиям, но самые действия не предопределены наследственно и могут быть крайне разнообразными. При этом эти сложные действия не являются готовым ответом на определенные внешние раздражения или внутренние состояния организма, как в случаях инстинктов и рефлексов: каждая особь выучивается им заново, в зависимости от тех более или менее своеобразных условий, в которых она живет, чем достигается необыкновенная пластичность этих действий, громадная по сравнению с инстинктами.

У читателя может возникнуть вопрос о том, существуют ли в действительности у животных действия, которые мы могли бы отнести к категории «разумных». Во избежание недоразумений предупреждаю, что я употребляю этот термин только с классификационной точки зрения, чтобы отличить известную категорию действий животных от других, а именно, от тех, которые мы охарактеризовали терминами «инстинкт» и «рефлекс». Я здесь совершенно не вдаюсь в вопрос о том, обладают ли животные (и если обладают, то в какой степени) самосознанием, способны ли животные к абстракции и т.д.

Как пример самой низкой ступени психических процессов этой категории мы можем привести так называемые *условные рефлексы*: животное приучается реагировать постоянно и до известной степени машинообразно на раздражение, на которое оно нормально этим способом совершенно не реагировало. Например, у него начинает выделяться слюна, когда оно слышит определенный звук или при ином раздражении, при котором нормально слюна не выделялась и та-

[6] Это наиболее вероятный способ эволюции наследственных рефлексов и инстинктов по современному состоянию наших сведений об эволюции наследственных изменений. Если бы мы стали на неоламаркистскую точку зрения и предположили, что рефлексы и инстинкты эволюируют благодаря упражнению и влиянию внешних условий и затем делаются наследственными, то и этот способ эволюции является крайне медленным, так как и по этой гипотезе требуется чрезвычайно большое число поколений, чтобы особенности, приобретаемые таким способом, сделались наследственными.

ким образом устанавливается новый рефлекс. Этот рефлекс отличается от обычного типа рефлексов тем, что не наследствен и что он приобретен животным в необычно короткое, с эволюционной точки зрения, время. В искусственных условиях условные рефлексы могут быть нецелесообразны с биологической точки зрения, но по аналогии мы имеем полное основание думать, что вполне целесообразные условные рефлексы, имеющие приспособительный характер, могут устанавливаться и в естественной обстановке животных и что здесь они имеют весьма большое биологическое значение. Мы знаем, что некоторые дикие животные, например птицы и млекопитающие, живущие на уединенных островах и не знавшие человека, при первом появлении его ведут себя как ручные животные и не боятся человека, не убегают от него и т.д.; при повторном появлении его и после того, как они испытали неудобства и опасности, проистекающие от присутствия этого нового для них существа, они начинают пугаться и убегать: установился новый условный рефлекс. Между очень простыми условными рефлексами и несравненно более сложными действиями, которым животные выучиваются и в которые, несомненно, входит элемент разумности, существует полный ряд постепенных переходов.

Близка к условным рефлексам и способность диких и домашних животных к *дрессировке*, т.е. к приобретению новых навыков: мы преимущественно знаем эту способность по домашним животным и благодаря ей животное может производить крайне сложные и весьма целесообразные (конечно, с человеческой точки зрения) действия. Охотничья собака приучается ложиться и вставать по команде, идет на свисток к хозяину; идет по его команде в определенном направлении, знает классические слова «тубо» и «пиль»[7], подает дичь и т.д. Многие комнатные собачки, например пудели, проделывают гораздо более сложные операции: отворяют и затворяют двери, приносят определенные вещи, снимают с хозяина шляпу, лают по команде, ходят за покупками и аккуратно приносят их. Всякий знает удивительные вещи, которые проделывают дрессированные лошади, свиньи и другие животные в цирке. Весьма интересно, что к дрессировке способны не только домашние, но и дикие и прирученные животные. Как известно, слоны, обезьяны, даже такие крупные хищники, как львы, тигры, медведи, поддаются дрессировке и после выучки у искусного дрессировщика проделывают удивительные штуки: носят поноску, прыгают через кольца, маршируют и т.д. В известных отношениях эти сложные действия близки к простым условным рефлексам, о которых мы только что говорили, но вместе с тем они отличаются от них тем, что, во-первых, они несравненно сложнее, во-вторых, тем, что в них, несомненно, до известной степени, входит тот элемент, который мы у человека относим к категории разума. Конечно, я этим не хочу сказать, что животное понимает мысли и цели человека, который с ним имеет дело, т.е. что собака, которую охотник заставляет идти у ноги, понимает, что он боится,

[7] *«Тубо»* и *«пиль»* — команды охотничьим собакам «стой!» или «не тронь», и «вперед» или «бери», соответственно. — *Ред.-сост.*

что она спугнет дичь и т.д. Но всякий, кому приходилось дрессировать собаку или лошадь, знает, что одна из главных трудностей дрессировки состоит в том, чтобы добиться, чтобы животное поняло то, что от него требуют. Сказать, что мы имеем здесь дело только с условным рефлексом, едва ли можно. В разбор этого уже психологического вопроса я вдаваться не буду, да он для нас и не важен. Для нас интересно, что как у домашних, так и у диких животных при известных условиях (приручении и дрессировке) устанавливаются в сравнительно короткое время и простые, и очень сложные, и длинные ряды *новых действий*, которые животное в обычной обстановке не производит и без этой выучки не способно произвести. По аналогии мы имеем полное право заключить, что высшие позвоночные (птицы и млекопитающие) и в естественной обстановке могут приобретать новые привычки и навыки, вызывающие ряды сложных действий, уже биологически целесообразных.

Тут может появиться сомнение в том, возможна ли такая выучка (дрессировка) без дрессировщика. Наблюдения над домашними животными, а отчасти и над дикими, устраняют это сомнение: мы знаем, что птицы и млекопитающие *сами*, без дрессировки выучиваются новым для них и сложным действиям. Собаки и кошки выучиваются отворять двери, доставать еду из тех мест (шкафов, полок), куда она спрятана, и т.д. Молодого шимпанзе (которого исследовала Н.Н. Котс[8]), когда он разыгрался, заманили в клетку с двумя дверцами, одной закрытой, другой открытой, и для приманки положили в нее грушу; бегая, он немного приоткрыл закрытую дверцу, потом быстро вбежал в открытую дверь, схватил грушу и выскочил в другую дверцу клетки. Одно время у меня жил попугай, который сам выучился отворять дверцу своей клетки, запертую на задвижку. Подобные примеры показывают, что животные, по крайней мере, высшие позвоночные, способны вырабатывать новые и целесообразные способы поведения вполне самостоятельно.

Примеры, которые мы приводили до сих пор, касаются прирученных животных; является вопрос — происходит ли то же и в естественной обстановке, т.е. *способны ли дикие животные вырабатывать под влиянием изменений внешней среды новые способы действия и новые привычки приспособительного характера*? Аналогия с прирученными животными является сильным аргументом в пользу этого предположения, но и кроме этой аналогии имеются, как мне кажется, указания на то, что такие привычки действительно вырабатываются. Трудность решения этого вопроса заключается в значительной степени в том, что наблюдение животных в их естественной обстановке всегда затруднительно и что нам приходится в данном случае пользоваться материалом, доставляемым нам путешественниками, коллекционерами, охотниками и т.д., к наблюдениям которых зоопсихологи, особенно современные, склонны относиться крайне скептически. Принимая, что осторожность по отношению к достоверности сообщаемых

---

[8] Ладыгина-Котс Надежда Николаевна (1889—1963) — психолог, специалист в области сравнительной психологии. — *Ред.-сост.*

сведений, конечно, здесь необходима в той же степени, как и по отношению ко всяким другим наблюдениям биологического характера, как, например, относительно времени гнездования, перелета и т.д., я думаю, что мы свободно можем ввиду особенности постановки нашего вопроса пользоваться этими данными. Дело в том, что зоопсихологи совершенно справедливо относятся скептически к *толкованиям*, даваемым наблюдателями действий животных, когда, например, согласованные действия общественных насекомых приписываются их взаимной симпатии, когда говорят об особенной «сообразительности» пчел или муравьев и о «разумности» постройки гнезд птиц или жилищ бобров и т.д.; но для нас не интересен вопрос о том, что чувствуют те или иные из рассматриваемых нами животных при своих действиях, что они думают, словом, вопрос о чисто психологической стороне их деятельности (поэтому мы и употребляем такие неопределенные термины, как «действия типа разумных»): мы ставим вопрос о том, в какой мере и *насколько скоро способны высшие животные изменять характер своих приспособительных действий при изменении внешних условий*. Трудность проверки относительно диких животных состоит в том, что нам приходится принимать в соображение только те стороны их поведения, которые касаются несомненно новых для них условий существования: таким образом, отпадает целый ряд проявлений их психической деятельности, в которых мы могли бы заподозрить существование уже установившихся привычек и инстинктов, например их поведение при ловле привычной добычи, способы спасения от привычных врагов и т.д. Принимая во внимание это ограничение, мы, тем не менее, находим ряд примеров, которые показывают нам, что высшие позвоночные приспособляются к несомненно новым для них условиям.

Рузевельд в своем путешествии по Африке приводит факт, что слоны изменили свое поведение с тех пор, как за ними стали охотиться охотники с дальнобойными винтовками: они перестали пастись в открытой местности, где к ним охотник может подкрасться издали и использовать свое дальнобойное оружие, а стали держаться в лесу, где их отыскать гораздо труднее и где дальнобойное оружие не представляет преимуществ; охота за ними стала гораздо труднее и истребление приостановилось. Интересно, что носороги, гораздо более тупые, не приобрели этой привычки и поэтому усиленно истребляются.

Это изменение у слонов произошло очень быстро, в течение одного поколения, так что о наследственном изменении инстинкта здесь говорить нельзя. Совершенно аналогичное изменение в повадках произошло у бизонов в Канаде: они тоже под влиянием преследования из степных животных сделались лесными и тоже в короткое время.

С рассматриваемой точки зрения весьма характерным является отношение диких животных к различного рода ловушкам; здесь животное сталкивается с совершенно новыми для него опасностями, которые подготовляет ему человек, и изменение его поведения после сравнительно немногих опытов является весьма показательным. Песцы, которым клали приманку, соединенную шнуром с

настороженным ружьем, первоначально ее хватали и погибали, но весьма скоро стали прорывать ход в снегу и схватывать приманку снизу, так что выстрел не попадал в них, и они благополучно утаскивали добычу. В качестве аналогичного примера упомяну о так называемых «контроблавах» на оленей: когда в данной местности произведено несколько облав, то поведение оленей изменяется, и они, вместо того чтобы бежать от шума, производимого загонщиками на стоящих тихо и спрятанных охотников, начинают бежать на шум, т.е. на загонщиков, прорываются через их линию и таким образом уходят. Это становится настолько постоянным, что стрелкам приходится становиться позади загонщиков, и тогда олени нарываются на них.

Некоторые интересные случаи такого изменения поведения были сообщены мне нашим известным орнитологом, проф. П.П. Сушкиным[9], и ввиду авторитетности наблюдателя я их здесь приведу. Если коллекционер сторожит хищную птицу у гнезда с птенцами (П.П. Сушкин наблюдал это относительно соколов), то старые птицы, заметив охотника, не подлетают к гнезду и держатся от него на почтительном расстоянии; при этом птенцы, сидя без корма, голодают и пищат. В этом случае иногда старые птицы, принося пищу для птенцов, не опускаются с ней в гнездо, а пролетая высоко над ним, т.е. вне выстрела охотника, бросают добычу в гнездо: конечно, она далеко не всегда падает к птенцам, но все-таки иногда попадает и съедается. Тут мы видим ряд сложных действий явно приспособительного характера, которые едва ли можем истолковать иначе, как употребляя такие термины, как «сообразительность, сметка» и т.д. Другой случай тоже весьма характерен: если ворона пытается утащить птенца из выводка домашних уток, то сначала она просто бросается на утят и иногда ей удается схватить утенка и утащить его; но если старая утка отбила нападение и повторные попытки нападения не удаются (старые утки защищают птенцов весьма ожесточенно и собирают утят под себя), то ворона начинает сильно кричать, и обыкновенно на крик прилетает другая ворона и атака возобновляется вдвоем: одна из ворон нападает на утку и дразнит ее, стараясь отвлечь от утят, а другая держится в стороне и пользуется моментом, когда утка занята дракой с ее компаньонкой, чтобы схватить утенка и утащить его. По мнению П.П. Сушкина, факт, что первоначально атака производится одной птицей и только в случае неудачи другая призывается на помощь, показывает, что мы имеем здесь не постоянный инстинкт, а ряд индивидуальных действий приспособительного характера. Оценивая теоретическое значение только что приведенных примеров, мы должны обратить внимание на *кратковременность* того периода времени, в течение которого вырабатывается изменение поведения животных: здесь мы имеем развитие психической деятельности, совершенно отличной от инстинктивной и, наоборот, весьма похожей на сообразительность человека, где после нескольких «попыток» выбирается наиболее целесообразный метод поведения.

---

[9] Сушкин Петр Петрович (1868—1928) — зоолог и палеонтолог. — *Ред.-сост.*

Если мы сопоставим все сказанное относительно только что рассмотренного нами типа действий высших животных, то мы можем сделать несколько небезынтересных для эволюционной теории выводов.

1. У высших позвоночных животных широко распространены действия, которые в отличие от наследственных рефлексов и инстинктов мы имеем полное право отнести к типу, который мы обозначали условно термином «разумный»; в низшей форме эти действия подходят под тип простых условных рефлексов; у более высоко стоящих животных они усложняются настолько, что приближаются к действиям, которые мы у человека обозначаем как произвольные и разумные действия.

2. В отличие от инстинкта эти действия *не наследственны* и этим отличаются от инстинктов и рефлексов; *наследственными признаками* являются здесь не самые действия как таковые, а только *некоторая высота психической организации* (способности к установке новых ассоциаций и т.д.).

С биологической точки зрения, т.е. с точки зрения приспособляемости животных, мы имеем здесь фактор чрезвычайной важности, биологическое значение которого до сих пор не было достаточно оценено: значение его состоит в том, что он в весьма *значительной степени повышает пластичность животных по отношению к быстрым изменениям среды*. При изменении внешних условий животное отвечает на него *не изменением своей организации, а быстрым изменением своего поведения* и в очень большом числе случаев может приспособиться к новым условиям весьма скоро.

Чтобы оценить значение этого фактора (мы говорим именно о биологическом значении его), нам надо принять в соображение факт, что многие органы высших животных являются органами с *полиморфными функциями*. Мы знаем, что весьма многие органы животных, имеющих отношение к внешней среде, способны к довольно разнообразным функциям. Это положение касается, прежде всего, органов движения: мы видим, например, что конечности высших позвоночных способны к перемене функции *без всякой перемены строения*. Крылья крупных птиц служат для полета, но в случае надобности птица ими пользуется как органами нападения и обороны: орлы наносят крыльями сильные удары и сбрасывают при случае добычу со скал ударом крыла. Задние [конечности. — *Ред.-сост.*] птиц служат не только для передвижения на земле (первичная функция задней конечности), но и для обхватывания веток при сидении на них, схватывания и перенесения добычи при полете, для нападения и защиты. То же можно сказать и о передних лапах многих млекопитающих, которые служат для бегания, для лазания, для плавания и в качестве органов обороны и т.д. Даже ноги копытных животных, гораздо более специализованные, чем пятипалые конечности, служат и в качестве органов передвижения, и в качестве органов обороны. Напомню о необычайно разнообразных функциях всех четырех конечностей обезьян и лемуров; о разнообразных функциях рта и зубов очень многих млекопитающих и клюва у некоторых птиц, например попугаев; о необычайном

многообразии действий, которые может произвести своим хоботом слон, и т.д. Даже кишечный канал способен к довольно разнообразным функциям: мы знаем, что многие животные, нормально питающиеся определенной пищей, как, например, млекопитающие, у которых о роде пищи, которой они питаются, можно судить по строению зубов, переходят в случае нужды к другому типу пищи, например от мясной к растительной или от мясной к питанию насекомыми, и свободно переваривают эту пищу. Я не буду останавливаться на подробном перечислении таких примеров органов с полиморфными функциями: всякий читатель, несколько знакомый с биологией, их легко подыщет сам.

Для меня важно только отметить, что у многих высших животных (мы их здесь и имеем главным образом в виду) существует *полиморфизм функций экзосоматических органов*: другими словами, данное животное может употреблять один и тот же орган, имеющий отношение к окружающей среде, для нескольких, часто весьма непохожих друг на друга функций.

Мы можем спросить себя, от чего зависит тот факт, что животное в известный момент своей видовой жизни вдруг станет употреблять данный орган для функций, для которых его предки этот орган не употребляли?

Если мы примем в расчет не только быстроту и легкость изменения поведения животных при наличности того типа психики, который мы обозначили как «разумный», но и полиморфность функций органов, то нам станет понятно все громадное значение этого типа психической деятельности *как фактора приспособления*. Мы привели ряд примеров более или менее сложных и целесообразных изменений поведения животных при соответственных изменениях условий существования; мы можем представить себе, что изменения эти могут быть еще более значительными, если животные будут при этом пользоваться своими органами для несколько иных целей, чем они пользовались ими раньше; тогда изменения поведения могут привести к весьма значительным изменениям в образе жизни животного. Например, наземное животное может сделаться путем описанного нами активного приспособления из бегающего лазающим или роющим без изменения своей организации, т.е. в *весьма короткий промежуток времени*.

Прибавим к сказанному еще некоторые соображения относительно деятельности «разумного» типа. Наблюдая жизнь высших животных, у которых эта психика развита до известной степени высоты, мы видим, что всякое такое животное живет в обычное время среди условий, хотя и в достаточной мере сложных, но в общем повторяющихся; оно имеет дело с определенными условиями неорганической природы, определенным типом растительности данной местности, определенной и в общем знакомой ему фауной, конечно, в той мере, насколько эта фауна, т.е. другие животные, касаются его в качестве конкурентов, врагов, добычи или полезных для него животных. Для того чтобы выжить при этих данных и определенных условиях, требуется определенная высота «разумной» психики, и в среднем животные, приспособленные к данным условиям, ею и обладают.

Но если условия резко и быстро изменятся в неблагоприятную сторону, т.е. если появится новый и опасный враг (мы берем этот грубый пример для наглядности), то данному виду придется приспособляться к этим новым условиям посредством *быстрого изменения* определенных сторон *своего поведения.* Естественно думать, что при этих условиях выживут и приспособятся, т.е. окажутся способными быстро и целесообразно изменить свое поведение и выработать новые привычки, особи с потенциально более высокой психикой, т.е. животные наиболее умные и наиболее способные: говоря метафорически, выживут *«изобретатели» новых способов поведения.* Другими словами, при эволюции этим путем *повышается потенциальная психика*, причем дело здесь идет уже *о наследственном* повышении психических способностей данного типа. Этот процесс, как и другие наследственные процессы, идет, само собой разумеется, *очень медленно.* Когда животное приспособилось к наступившим изменениям и установилось некоторое новое состояние равновесия, так сказать, некоторая рутина жизни, то эта интенсивная изобретательность, игравшая большую роль в период сильного изменения условий, не требуется, и животное ее может обычно не проявлять, но способность к ней, так сказать, некоторый «запасной ум» в психике животного сохраняется и при случае, т.е. при наступлении нового изменения условий, может проявиться. Таким образом, мы приходим к заключению (я отношусь к этому предположению только как к гипотезе), что высшие позвоночные животные (птицы и млекопитающие) в общем умнее, чем это кажется при наблюдении их в обычных условиях их жизни. Мне кажется, что опыты дрессировки диких животных (особенно таких, от которых по условиям их существования трудно ждать высокой психики, как, например, тюлени или морские львы) вполне подтверждают эту гипотезу о «запасном уме» млекопитающих. Может быть, эта гипотеза могла бы оказаться полезной при суждении об исключительных проявлениях ума животных, которые мы имеем у лошадей Краля, собак проф. Циглера и т.д. Вдаваться в разбор этих вопросов, требующих специально психологического разбора (от которого я в этой статье сознательно уклоняюсь), я не буду.

В предыдущем мы сделали некоторую попытку разобрать способы, посредством которых животные приспособляются к различным изменениям среды, и пришли к выводу, что способов этих два, причем каждый из них может в свою очередь быть подразделен на две категории: *первый тип* составляют наследственные изменения, которые являются способом, посредством которого животные приспособляются к очень медленным, но вместе с тем и очень значительным изменениям среды. Посредством наследственного изменения изменяются: а) организация животных (и вырабатываются те бесчисленные приспособительные изменения, которые нам известны на основании данных палеонтологии и сравнительной морфологии), б) рефлексы и инстинкты животных, причем изменяется наследственно самое поведение животных; в некоторых случаях это изменение поведения происходит без изменения строения органов, в других

сопровождает его, так как эволюция нового активного, а часто и пассивного, органов всегда требует изменения поведения животного.

Ко *второму типу* приспособления относятся ненаследственные приспособления, которые в свою очередь являются приспособлениями к быстрым, хотя и не особенно значительным изменениям в условиях существования животных; сюда относятся: а) те изменения строения, которые мы, за неимением лучшего термина, обозначили как функциональные изменения строения животных, и б) изменение поведения животных, происходящее без изменения их строения под влиянием тех психических процессов, которые мы отнесли к «разумному» типу. Отметим, что в основе и тех и других приспособлений лежит, в конце концов, наследственное изменение: способность животных к приспособительным реакциям на раздражения, получаемые из внешней среды, весьма различна у различных животных, и мы имеем полное основание думать, что если не сама реакция, то способность к ней наследственна и эволюирует по типу наследственных изменений. Напомню о различиях в способности к регенерации у различных животных, относительно которых мы с большой вероятностью можем сказать, что они произошли от общих предков. То же самое можно сказать о психических действиях разумного типа: самые действия не наследственны, но способность к ним является наследственной и соответственно этому эволюирует очень медленно. Указанное распределение можно выразить, следовательно, такой классификационной схемой:

I. *Наследственные приспособления к очень медленным изменениям среды*:

1) *наследственные изменения строения* животных;

2) *наследственные изменения поведения* без изменения строения (рефлексы и инстинкты);

II. *Ненаследственные приспособления к сравнительно быстрым изменениям среды*:

1) *функциональные изменения строения* животных;

2) *изменения поведения* животных «разумного» типа.

Мы видим таким образом, что существует несколько отличных друг от друга способов приспособления животных к окружающей среде, посредством которых они приспособляются к изменениям, протекающим с различной скоростью. Эти типы приспособления до известной степени независимы друг от друга, т.е. в одних эволюционных рядах сильнее развиты одни, в других — другие. Я не буду подробно разбирать здесь значение наследственных (I, 1) и ненаследственных (II, 1) приспособительных изменений строений животных и только коротко остановлюсь на эволюции двух остальных типов приспособления посредством изменения действий и поведения животных.

Если мы возьмем членистых и членистоногих животных, начиная от аннелид[10] и кончая насекомыми и пауками как высшими представителями, то увидим,

[10] *Аннелиды* — кольчатые черви. — *Ред.-сост.*

что здесь прогрессивно развивалась деятельность рефлекторно-инстинктивного типа, так что у высших представителей членистоногих, насекомых и пауков инстинкты достигают высокой степени сложности и совершенства. Мы должны признать, что у многих общественных и одиноких насекомых и очень многих пауков психическая деятельность этого типа достигает необычной высоты, сложности и целесообразности: напомню строительные инстинкты пауков, общественные и строительные инстинкты насекомых, инстинкты заботы о потомстве у тех и других и т.д. В каждом из таких инстинктов мы имеем длинный ряд очень точно регулированных и строго повторяющихся действий, которые при обычных условиях существования представляют самые удивительные примеры приспособления животных к совершенно определенным условиям существования. Но даже у тех форм членистоногих, у которых инстинкты достигли высокой степени сложности и совершенства, психическая деятельность этого типа, который мы обозначили как «разумный», стоит относительно весьма низко. Приспособление посредством перемены способа действий и выучки у них, по-видимому, играет весьма небольшую роль[11].

Насколько мы можем судить, эволюция приспособлений при помощи изменения поведения животных здесь пошла в сторону прогрессивного развития наследственно фиксированного поведения (инстинкта).

В другом ряду билатерально-симметричных животных, а именно у хордат, мы видим, что эволюция пошла в направлении прогрессивного развития психики «разумного» типа, т.е. наследственно не фиксированных действий. Нельзя сказать, чтобы инстинктов в этом ряду не было, но в общем они гораздо менее сложны и менее распространены, чем у высших членистоногих, и к ним постоянно примешиваются действия «разумного» типа: это мы видим даже в тех случаях, когда мы имеем дело со сложными инстинктами высших позвоночных, как, например, с инстинктом постройки гнезд птиц или заботы о детенышах у амфибий, птиц и млекопитающих.

Если же мы возьмем тот тип психической деятельности, который мы обозначили термином «разумный», то в ряду позвоночных мы, в общем, видим, что он развивался прогрессивно: у рыб и амфибий он, насколько мы можем судить, сводится к сравнительно простым условным рефлексам, значительно сложнее он у рептилий и достигает своего высшего развития у птиц, с одной стороны, у млекопитающих — с другой. И у тех и у других приспособления посредством изменения поведения в течение индивидуальной жизни имеют громадное биологическое значение и позволяют высшим представителям этих двух групп быстро приспособляться к весьма разнообразным условиям и к весьма быстро наступающим изменениям в последних. Это бывает особенно ясно видно, когда

[11] Надо сказать, что этот род психики у членистоногих исследован сравнительно мало, так как исследователи обращали преимущественное внимание на изучение инстинктов и их эволюции; может быть, было бы весьма интересно проверить существование условных рефлексов у насекомых и паукообразных; насколько мне известно, таких исследований сделано не было.

животным приходится приспособляться к изменениям, вносимым в их жизнь человеком.

Наибольшее значение приспособлений этого типа мы, конечно, видим при эволюции человека, где они, несомненно, играли первенствующую роль. Можно сказать, что благодаря развитию сознательно-разумной психики способность непосредственных предков человека и самого человека к приспособлению повысилась в невероятной степени и что именно благодаря этой способности человек и занял не только в ряду млекопитающих, но и в ряду всех животных доминирующее положение: он может приспособляться в *чрезвычайно короткое*, с эволюционной точки зрения, время решительно ко всяким изменениям и условиям существования.

Может быть, было бы интересно сравнить с этой точки зрения способы приспособления животных и человека к изменениям внешних условий: при таком сравнении мы видим, что относительное значение отдельных факторов приспособления, которые мы только что рассмотрели, весьма различно в разных группах животных и у человека. Представим себе, что какое-нибудь млекопитающее животное переселяется из теплого климата в холодный и приспособляется к новым условиям существования. Обычно мы видим, что у него вырабатываются новые приспособления, т.е. что организация его путем наследственного изменения весьма сильно изменяется и что поэтому самый процесс переселения есть процесс весьма медленный: общие покровы животного изменяются таким образом, что они делаются способными защитить животное от холода; соответственно этому происходит целый ряд изменений во внутренних органах, часто изменяется окраска животного и т.д. Аналогичные изменения мы видим, когда млекопитающее из лесного делается степным, когда оно переменяет пищу и т.д. Даже такие незначительные различия, как питание травой и питание ветками деревьев, сопровождаются изменениями строения: мы знаем, например, что у обыкновенного носорога на верхней губе существует пальцевидный придаток для захватывания веток, которого нет у белого носорога, питающегося травой. Всякому известны удивительные приспособления в языке и лапах дятлов, выработавшиеся как приспособления к сравнительно незначительным изменениям в образе жизни и способе питания: лазанию по стволам деревьев и добыванию насекомых и их личинок из-под коры и из щелей последних. Напомню, что эти примеры относятся и к птицам и к млекопитающим, у которых приспособление посредством изменения поведения играет большую роль.

Обращаясь к человеку, мы видим, что соответствующие и даже гораздо большие изменения в образе жизни, переселения в совершенно иной климат, весьма значительные изменения в способе питания и т.д. не отразились на его организации, и к таким весьма значительным, с биологической точки зрения, изменениям человек приспособлялся только изменениями своего поведения и своих привычек. Переселяясь в холодный климат, человек не изменяет своей

организации, но изменяет свою одежду, свое жилище и т.д. При встрече с новым и опасным врагом он не вырабатывает новых органов нападения и защиты, рогов, клыков, чешуй и т.д., но *изобретает* новый способ борьбы, новое оружие. Другими словами, человек уже на очень ранней стадии своей эволюции начинает заменять новые органы новыми орудиями. Там, где животное для приспособления к новым условиям существования вырабатывает новые особенности строения, требующие громадных промежутков для своей эволюции, человек изобретает (при той же организации) новые орудия, которые практически заменяют ему органы: одежду, согревающую его, огонь для варки пищи, каменный топор, увеличивающий силу его удара, копье, позволяющее ему поражать врага на расстоянии, лук и стрелы, увеличивающие это расстояние, и т.д. Благодаря членораздельной речи человек приобрел способность быстро передавать новое изобретение или, с нашей точки зрения, новое приспособление другим людям, чем увеличилась легкость обучения; слово, песня и затем письмо фиксировали всякое новое изобретение, сделали возможным его передачу из поколения в поколение и облегчили его усовершенствование и т.д.

Я не буду разбирать эту сторону эволюции человека в деталях, так как это выходит далеко за пределы моей задачи: сказанного достаточно, чтобы показать, что тот тип деятельности, который мы у животных обозначали как «разумный» и который у человека уже в полной мере заслуживает этого имени, был у человека необычайно важным фактором прогрессивной эволюции. Главное значение этого фактора заключается в том, что он *до крайних пределов повысил способность человека к приспособлению*, сделав его существом в самой высокой степени пластичным по отношению к изменениям среды.

Эволюция «приспособлений посредством изменения поведения без изменения организации» пошла в дивергирующих направлениях по двум главным путям и в двух типах животного царства достигла своего высшего развития. В типе членистоногих прогрессивно эволюировали наследственные изменения поведения, инстинкты, и у высших представителей их, у насекомых, мы находим необыкновенно сложные и совершенные, приспособленные ко всем деталям образа жизни инстинктивные действия. Вся жизнь общественного насекомого введена в строгие рамки, подчинена строго определенной рутине. Каждый повторяющийся случай обыденной жизни муравья или паука служит стимулом, вызывающим к деятельности определенную инстинктивную реакцию: все правила поведения наследственны и даны раз навсегда. Но этот сложный и совершенный аппарат инстинктивной деятельности является вместе с тем и *крайне громоздким*: если происходит изменение в условиях среды, то изменение деятельности, посредством которого животное может приспособиться к новым условиям (если оно к ним приспособляется этим путем, а не развитием новых органов), совершается *необыкновенно медленно*, так что к быстрым изменениям животное этим путем приспособиться не может. Таким образом, мы здесь имеем тип животных очень совершенных, с высоко стоящей психикой, но у которых

пластичность организации не превышает пластичности, достигаемой посредством наследственного изменения организации.

В типе хордат эволюция пошла по другому пути, инстинктивная деятельность не достигла очень большой высоты (так же как у членистоногих деятельность разумного типа), но зато приспособление посредством индивидуального изменения поведения, деятельность разумного типа стала развиваться прогрессивно и в высокой степени повысила пластичность организмов: *над наследственной приспособляемостью появилась надстройка индивидуальной приспособляемости поведения.* У человека эта надстройка достигла максимальных размеров, и благодаря этому человек является существом, приспособляющимся к любым условиям существования, создающим себе, так сказать, искусственную среду — среду культуры и цивилизации: с биологической точки зрения, мы не знаем существа, обладающего большей способностью к приспособлению, а, следовательно, и большим количеством шансов на выживание в борьбе за существование, чем человек.

А.Н. Леонтьев

[Возникновение ощущения]*

Проблема возникновения ощущения

Проблема

Проблема возникновения, т.е. собственно *генезиса*, психики и проблема ее развития теснейшим образом связаны между собой. Поэтому то, как теоретически решается вопрос о возникновении психики, непосредственно характеризует общий подход к процессу психического развития.

Как известно, существует целый ряд попыток принципиального решения проблемы возникновения психики. Прежде всего это то решение вопроса, которое одним словом можно было бы обозначить как решение в духе «антропопсихизма» и которое связано в истории философской мысли с именем Декарта[1]. Сущность этого решения заключается в том, что возникновение психики связывается с появлением человека: психика существует только у человека. Тем самым вся предыстория человеческой психики оказывается вычеркнутой вовсе. Нельзя думать, что эта точка зрения в настоящее время уже не встречается, что она не нашла своего отражения в конкретных науках. Некоторые исследователи до сих пор стоят, как известно, именно на этой точке зрения, т.е. считают, что психика в собственном смысле является свойством, присущим только человеку.

Другое, противоположное этому, решение дается учением о «панпсихизме», т.е. о всеобщей одухотворенности природы. Такие взгляды проповедовались некоторыми французскими материалистами, например Робине[2]. Из числа известных в психологии имен можно назвать Фехнера[3], который тоже стоял на этой точке зрения.

---

* *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 15—25, 28, 36—37, 41—42, 48—56, 58—62, 163, 173—176.

[1] Декарт (*Descartes*) Рене (1596—1650) — французский философ и математик. — *Ред.-сост.*

[2] Робинé (*Robinet*) Жан Батист Рене (1735—1820) — французский философ. — *Ред.-сост.*

[3] Фехнер (*Fechner*) Густав Теодор (1801—1887) — немецкий ученый и философ, основатель психофизики. — *Ред.-сост.*

Между обоими этими крайними взглядами, с одной стороны, допускающими существование психики только у человека, с другой — признающими психику свойством всякой вообще материи, существуют и взгляды промежуточные. Они пользуются наибольшим распространением. В первую очередь это тот взгляд, который можно было бы обозначить термином «биопсихизм». Сущность «биопсихизма» заключается в том, что психика признается свойством не всякой вообще материи, но свойством только живой материи. Таковы взгляды Гоббса[4] и многих естествоиспытателей (К. Бернара[5], Геккеля[6] и др.). В числе представителей психологии, державшихся этого взгляда, можно назвать В. Вундта[7].

Существует и еще один, четвертый, способ решения данной проблемы: психика признается свойственной не всякой вообще материи и не всякой живой материи, но только таким организмам, которые имеют нервную систему. Эту точку зрения можно было бы обозначить как концепцию «нейропсихизма». Она выдвигалась Дарвином[8], Спенсером[9] и нашла широкое распространение как в современной физиологии, так и среди психологов, прежде всего психологов-спенсерианцев.

Можем ли мы остановиться на одной из этих четырех позиций как на точке зрения, в общем правильно ориентирующей нас в проблеме возникновения психики?

Последовательно материалистической науке чуждо как то утверждение, что психика является привилегией только человека, так и признание всеобщей одушевленности материи. Наш взгляд состоит в том, что психика — это такое свойство материи, которое возникает лишь на высших ступенях ее развития — на ступени органической, живой материи. Значит ли это, однако, что *всякая* живая материя обладает хотя бы простейшей психикой, что переход от неживой к живой материи является вместе с тем и переходом к материи одушевленной, чувствующей?

Мы полагаем, что и такое допущение противоречит современным научным знаниям о простейшей живой материи. Психика может быть лишь продуктом дальнейшего развития живой материи, дальнейшего развития самой жизни.

Таким образом, необходимо отказаться также и от того утверждения, что психика возникает вместе с возникновением живой материи и что она присуща всему органическому миру.

---

[4] Гоббс (*Hobbes*) Томас (1588—1679) — английский философ-материалист. — *Ред.-сост.*

[5] Берна́р (*Bernard*) Клод (1813—1878) — французский физиолог, один из основоположников эндокринологии и экспериментальной медицины. — *Ред.-сост.*

[6] Ге́ккель (*Haeckel*) Эрнст (1834—1919) — немецкий биолог, сторонник и пропагандист учения Ч. Дарвина. — *Ред.-сост.*

[7] Вундт (*Wundt*) Вильгельм Макс (1832—1920) — немецкий физиолог, психолог и философ, основатель экспериментальной психологии. — *Ред.-сост.*

[8] Дарвин (*Darwin*) Чарлз Роберт (1809—1882) — английский натуралист, основоположник эволюционного учения о происхождении видов путем естественного отбора. — *Ред.-сост.*

[9] Спенсер (*Spencer*) Герберт (1820—1903) — английский философ и социолог. — *Ред.-сост.*

Остается последний из перечисленных взглядов, согласно которому возникновение психики связано с появлением у животных нервной системы. Однако и этот взгляд не может быть принят, с нашей точки зрения, безоговорочно. Его неудовлетворительность заключается в произвольности допущения прямой связи между появлением психики и появлением нервной системы, в неучете того, что орган и функция хотя и являются неразрывно взаимосвязанными, но вместе с тем связь их не является неподвижной, однозначной, раз и навсегда зафиксированной, так что аналогичные функции могут осуществляться различными органами. <...>

Первое, что встает перед исследованием генезиса психики, — это вопрос о первоначальной, исходной форме психического. По этому поводу существуют два противоположных взгляда. Согласно одному из них, развитие психической жизни начинается с появления так называемой гедонической психики, т.е. с зарождения примитивного, зачаточного самосознания. Оно заключается в первоначально смутном еще переживании организмом своих собственных состояний, в переживании положительном при условии усиленного питания, роста и размножения и отрицательном при условии голодания, частичного разрушения и т.п. Эти состояния, являющиеся прообразом человеческих переживаний влечения, наслаждения или страдания, якобы и составляют ту главную основу, на которой в дальнейшем развиваются различные формы «предвидящего» сознания, сознания, познающего окружающий мир.

Этот взгляд может быть теоретически оправдан только с позиций психовиталистического понимания развития, которое исходит из признания особой, заключенной в самом объекте силы, раньше действующей как чисто внутреннее побуждение и лишь затем «вооружающей» себя органами внешних чувств. Мы не считаем, что этот взгляд может быть принят современным исследованием, желающим остаться на научной почве, и не считаем необходимым вдаваться здесь в его критику.

Как теоретические, так и чисто фактические основания заставляют нас рассматривать жизнь прежде всего как процесс взаимодействия организма и окружающей его среды.

Только на основе развития этого процесса внешнего взаимодействия происходит также развитие внутренних отношений и состояний организма; поэтому внутренняя чувствительность, которая по своему биологическому значению связана с функциональной коадаптацией органов, может быть лишь вторичной, зависимой от «проталлаксических» (А.Н. Северцов[10]) изменений. Наоборот, первичной нужно считать экстрачувствительность, функционально связанную с взаимодействием организма и его внешней среды.

Итак, мы будем считать элементарной формой психики ощущение, отражающее внешнюю объективную действительность, и будем рассматривать вопрос о возникновении психики в этой конкретной его форме как вопрос о

[10] Северцов Алексей Николаевич (1866—1936) — русский биолог, основатель отечественной школы морфологов-эволюционистов; см. его текст на с. 180—200 наст. изд. — *Ред.-сост.*

возникновении «способности ощущения», или, что то же самое, ***собственно чувствительности***.

Что же может служить критерием чувствительности, т.е. как можно вообще судить о наличии ощущения, хотя бы в самой простой его форме? Обычно практическим критерием чувствительности является критерий *субъективный*. Когда нас интересует вопрос о том, испытывает ли какое-нибудь ощущение данный человек, то, не вдаваясь в сложные рассуждения о методе, мы можем поступить чрезвычайно просто: спросить его об этом и получить совершенно ясный ответ. Мы можем, далее, проверить правильность данного ответа, поставив этот вопрос в тех же условиях перед достаточно большим числом других людей. Если каждый из спрошенных или подавляющее большинство из них будет также отмечать у себя наличие ощущения, то тогда, разумеется, не остается никакого сомнения в том, что это явление при данных условиях действительно всегда возникает. Дело, однако, совершенно меняется, когда перед нами стоит вопрос об ощущении у животных. Мы лишены возможности обратиться к самонаблюдению животного, мы ничего не можем узнать о субъективном мире не только простейшего организма, но даже и высокоразвитого животного. Субъективный критерий здесь, следовательно, совершенно неприменим.

Поэтому когда мы ставим проблему критерия чувствительности (способности ощущения) как элементарнейшей формы психики, то мы необходимо должны поставить задачу отыскания не субъективного, но строго *объективного* критерия.

Что же может служить объективным критерием чувствительности, что может указать нам на наличие или отсутствие способности ощущения у данного животного по отношению к тому или иному воздействию?

Здесь мы снова должны прежде всего остановиться на том состоянии, в котором находится этот вопрос. Р. Йеркс[11] указывает на наличие двух основных типов объективных критериев чувствительности, которыми располагает или якобы располагает современная зоопсихология[12]. Прежде всего это те критерии, которые называются критериями функциональными. Это критерии, т.е. признаки психики, лежащие в самом поведении животных.

Можно считать — и в этом заключается первое предположение, которое здесь возможно сделать, — что всякая подвижность вообще составляет тот признак, по наличию или отсутствию которого можно судить о наличии или отсутствии ощущения. Когда собака прибегает на свист, — то совершенно естественно предположить, что она слышит его, т.е. что она чувствительна к соответствующим звукам.

Итак, когда этот вопрос ставится по отношению к такому животному, как, например, собака, то на первый взгляд дело представляется достаточно ясным;

---

[11] Йеркс (*Yerks*) Роберт (1876—1956) — американский психолог, один из основателей зоопсихологии. — *Ред.-сост.*

[12] См.: *Yerks R.M.* Animal psychological criteria // J. of Philosophy. 1905. Vol. 11, № 6.

стоит, однако, перенести этот вопрос на животных, стоящих на более низкой ступени развития, и поставить его в общей форме, как тотчас же обнаруживается, что подвижность еще не говорит о наличии у животного ощущения. Всякому животному присуща подвижность; если мы примем подвижность вообще за признак чувствительности, то мы должны будем признать, что всюду, где мы встречаемся с явлениями жизни, а, следовательно, и с подвижностью, существует также и ощущение как психологическое явление. Но это положение находится в прямом противоречии с тем бесспорным для нас тезисом, что психика, даже в своей простейшей форме, является свойством не всякой органической материи, но присуща лишь высшим ее формам. Мы можем, однако, подойти к самой подвижности дифференцированно и поставить вопрос так: может быть, признаком чувствительности является не всякая подвижность, а только некоторые формы ее? Такого рода ограничение также не решает вопроса, поскольку известно, что даже очень ясно ощущаемые воздействия могут быть вовсе не связаны с выраженным внешним движением.

Подвижность не может, следовательно, служить критерием чувствительности. <...>

Причина, которая делает невозможным судить об ощущении по двигательным функциям животных, заключается в том, что мы лишены объективных оснований для различения, с одной стороны, *раздражимости*, которая обычно определяется как общее свойство всех живых тел приходить в состояние деятельности под влиянием внешних воздействий, с другой стороны — *чувствительности*, т.е. свойства, которое хотя и представляет собой известную форму раздражимости, но является формой качественно своеобразной. Действительно, всякий раз, когда мы пробуем судить об ощущении по движению, мы встречаемся именно с невозможностью установить, имеем ли мы в данном случае дело с чувствительностью или с выражением простой раздражимости, которая присуща всякой живой материи.

Совершенно такое же затруднение возникает и в том случае, когда мы оставляем функциональные, как их называет Йеркс, критерии и переходим к критериям структурным, т.е. пытаемся судить о наличии ощущений не на основании функции, а на основании анатомической организации животного. Морфологический критерий оказывается еще менее надежным. Причина этого заключается в том, что, как мы уже говорили, органы и функции составляют единство, но они, однако, связаны друг с другом отнюдь не неподвижно и не однозначно[13]. Сходные функции могут осуществляться на разных ступенях биологического развития с помощью различных по своему устройству органов или аппаратов, и наоборот. Так, например, у высших животных всякое специфическое для них движение осуществляется, как известно, с помощью нервно-мускульной системы. Можем ли мы, однако, утверждать на этом основании, что движение существует только там, где существует нервно-мускульная

[13] См.: *Дорн А.* Принцип смены функций. М.: Огиз, 1937.

система, и что, наоборот, там, где ее нет, нет и движения? Этого утверждать, конечно, нельзя, так как движения могут осуществляться и без наличия нервно-мускульного аппарата. Таковы, например, движения растений; это тургорные движения, которые совершаются путем быстро повышающегося давления жидкости, прижимающей оболочку плазмы к клеточной оболочке и напрягающей эту последнюю. Такие движения могут быть очень интенсивны, так как давление в клетках растений иногда достигает величины в несколько атмосфер (Г. Молиш). Иногда они могут быть и очень быстрыми. Известно, например, что листья мухоловки (*Dionaea muscipula*) при прикосновении к ним насекомого моментально захлопываются. Но подобно тому, как отсутствие нервно-мускульного аппарата не может служить признаком невозможности движения, так и отсутствие дифференцированных чувствительных аппаратов не может еще служить признаком невозможности зачаточного ощущения, хотя ощущения у высших животных всегда связаны с определенными органами чувств.

Известно, например, что у мимозы эффект от поражения одного из лепестков конечной пары ее большого перистого листа передается по сосудистым пучкам вдоль центрального черенка, так что по листу пробегает как бы волна раздражения, вызывающего складывание одной пары за другой всех остальных лепестков. Является ли имеющийся здесь аппарат преобразования механического раздражения, в результате которого наступает последующее складывание соседних лепестков, органом передачи ощущений? Понятно, что мы не можем ответить на этот вопрос, так как для этого необходимо знать, чем отличаются аппараты собственно чувствительности от других аппаратов — преобразователей внешних воздействий. А для этого, в свою очередь, нужно умело различать между собой процессы раздражимости и процессы чувствительности. <...>

Таким образом, путь прямого сравнительно-морфологического исследования также закрыт для разрешения проблемы возникновения ощущения благодаря тому, что органы, общие по своему происхождению, могут быть, однако, связаны с различными функциями. Может существовать гомология, но может не существовать аналогии между ними, причем это несовпадение, естественно, будет тем резче, чем больший отрезок развития мы берем и чем ниже мы спускаемся по ступеням эволюции. Поэтому если на высших ступенях биологической эволюции мы еще можем по органам достаточно уверенно ориентироваться в функциях, то, чем дальше мы отходим от высших животных, тем такая ориентировка становится менее надежной. Это и составляет основное затруднение в задаче различения органов чувствительности и органов раздражимости. <...>

То безнадежное положение проблемы генезиса ощущения, которое создалось в буржуазной психологии вопреки собранному ею огромному фактическому материалу о поведении животных, обязывает нас с самого начала отчетливо противопоставить ее общетеоретическим позициям принципиально иной подход, вытекающий из принципиально иного понимания психики.

Психика есть свойство живых, высокоорганизованных материальных тел, которое заключается в их способности отражать своими состояниями окружающую их, независимо от них существующую действительность — таково наиболее общее материалистическое определение психики. Психические явления — ощущения, представления, понятия — суть более или менее точные и глубокие отражения, образы, снимки действительности; они являются следовательно, вторичными по отношению к отражаемой ими действительности, которая, наоборот, есть первичное, определяющее. <...>

Для решения вопроса о возникновении психики мы должны начинать с анализа тех условий жизни и того процесса взаимодействия, который ее порождает. Но такими условиями могут быть только условия жизни, а таким процессом — только сам материальный жизненный процесс.

Психика возникает на определенной ступени развития жизни не случайно, а необходимо, т.е. закономерно. В чем же заключается необходимость ее возникновения? Ясно, что если психика не есть только чисто субъективное явление, не только «эпифеномен» объективных процессов, но представляет собой свойство, имеющее реальное значение в жизни, то необходимость ее возникновения определяется развитием самой жизни, более сложные условия которой требуют от организмов способности *отражения* объективной действительности в форме простейших ощущений. Психика не просто «прибавляется» к жизненным функциям организмов, но, возникая в ходе их развития, дает начало качественно новой высшей форме жизни — жизни, связанной с психикой, со способностью отражения действительности.

Значит, для того чтобы раскрыть процесс перехода от живой, но еще не обладающей психикой материи к материи живой и вместе с тем обладающей психикой, требуется исходить не из самих по себе внутренних субъективных состояний в их отделенности от жизнедеятельности субъекта и не из поведения, рассматриваемого в отрыве от психики или лишь как то, «через что изучаются» психические состояния и процессы, но нужно исходить из действительного единства психики и деятельности субъекта и исследовать их внутренние взаимосвязи и взаимопревращения.

Гипотеза

Что же отличает процессы взаимодействия, специфически присущие живой материи, от процессов взаимодействия в неживой природе? <...>

Всюду, где мы находим явления жизни, мы находим также, с одной стороны, процесс поглощения организмом из внешней среды тех или иных веществ, которые затем ассимилируются им, а с другой стороны, процесс выделения организмом продуктов диссимиляции. Этот двусторонний процесс *обмена веществ* является существеннейшим моментом взаимодействия живых, т.е. белковых тел с другими телами, представляющими для них питательную среду. По определе-

нию Энгельса, жизнь и есть «способ существования белковых тел, существенным моментом которого является ***постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой***, причем с прекращением этого обмена веществ прекращается и жизнь, что приводит к разложению белка»[14]. <...>

Факт органического обмена веществ есть, таким образом, фундаментальный факт жизни. Именно из этого факта вытекают все прочие функции органической материи: поддержание жизни, рост, размножение. В его основе лежит <...> общее свойство всякого живого тела — свойство самовосстановления, в котором выражается качественно особая форма его существования.

Поэтому возникновение жизни есть прежде всего возникновение нового отношения процесса взаимодействия к сохранению существования самих взаимодействующих тел. В неживой природе процесс взаимодействия тел есть процесс непрерывного, ни на одно мгновение не прекращающегося то более медленного, то более быстрого изменения этих тел, их разрушения как таковых и превращения их в иные тела. <...>

Противоположное этому отношение процесса взаимодействия к сохранению существования взаимодействующих тел мы находим в органическом мире. Если всякое неорганическое тело в результате взаимодействия перестает быть тем, чем оно было, то для живых тел их взаимодействие с другими телами является <...> необходимым условием для того, чтобы они продолжали свое существование. <...>

Рассматривая процессы, осуществляющие специфические отношения субъекта к окружающей его предметной действительности, необходимо с самого начала отличать их от других процессов. Так, например, если поместить одноклеточную водоросль в достаточно концентрированный раствор кислоты, то она тотчас же погибает; однако можно допустить, что сам организм при этом не обнаружит по отношению к данному воздействующему на него веществу никакой активной реакции. Это воздействие будет, следовательно, объективно отрицательным, разрушающим организм, с точки зрения же реактивности самого организма оно может быть нейтральным. Другое дело, если мы будем воздействовать сходным образом, например, на амебу; в условиях приливания в окружающую ее воду кислоты амеба втягивает свои псевдоподии, принимает форму шара и т.д., т.е. обнаруживает известную активную реакцию. Таковы же, например, и реакции выделения слизи у некоторых корненожек, двигательная реакция инфузорий и т.д. Таким образом, в данном случае объективно отрицательное воздействие является отрицательным также и в отношении вызываемой им активности организма. Хотя конечный результат в обоих этих случаях может оказаться одинаковым, однако сами процессы являются здесь глубоко различными. Такое же различие существует и в отношениях организмов к объективно положительным воздействиям.

---

[14] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 83.

Необходимость этого различения приходится специально отмечать потому, что вопреки очевидности оно далеко не всегда учитывается. Ведь именно этому обязаны своим появлением крайние механические теории, для которых тот факт, что организм, повинуясь силе тяготения, движется по направлению к центру земли, и тот факт, что он активно стремится к пище, суть факты принципиально однопорядковые.

Те специфические процессы, которые осуществляют то или иное жизненное, т.е. активное, отношение субъекта к действительности, мы будем называть в отличие от других процессов процессами *деятельности*.

Соответственно мы ограничиваем и понятие предмета. Обычно это понятие употребляется в двояком значении: в более широком значении — как вещь, стоящая в каком-либо отношении к другим вещам, т.е. как «вещь, имеющая существование», и в более узком значении — как нечто противостоящее (нем. *Gegenstand*), сопротивляющееся (лат. *objectum*), то, на что направлен акт (русск. «предмет»), т.е. как нечто, к чему относится именно живое существо, как ***предмет его деятельности*** — безразлично, деятельности внешней или внутренней (например, ***предмет питания, предмет труда, предмет размышления*** и т.п.). В дальнейшем мы будем пользоваться термином ***предмет*** именно в этом более узком, специальном его значении.

Всякая деятельность организма направлена на тот или иной предмет; непредметная деятельность невозможна. Поэтому рассмотрение деятельности требует выделения того, что является ее действительным предметом, т.е. предмета активного отношения организма. <...>

Итак, основной «единицей» жизненного процесса является деятельность организма; различные деятельности, осуществляющие многообразные жизненные отношения организма к окружающей действительности, существенно определяются их предметом; поэтому мы будем различать отдельные виды деятельности по различию их предметов. <...>

Главная особенность процесса взаимодействия живых организмов с окружающей их средой заключается, как мы видели, в том, что всякий ответ (реакция) организма на внешнее воздействие является активным процессом, т.е. совершается за счет энергии самого организма.

Свойство организмов приходить под влиянием воздействий среды в состояние деятельности, т.е. свойство раздражимости, есть фундаментальное свойство всякой живой материи; оно является необходимым условием обмена веществ, а значит, и самой жизни.

Что же представляет собой процесс жизни в его простейших, начальных формах?

Согласно современным научным представлениям, примитивные, первые жизнеспособные организмы представляли собой протоплазматические тела, взвешенные в водной среде, которая обладает рядом свойств, допускающих наиболее простую форму обмена веществ и наиболее простое строение самих

организмов: однородностью, способностью растворения веществ, необходимых для поддержания простейшей жизни, относительно большой теплоустойчивостью и пр. С другой стороны, и сами эти примитивные организмы также обладали такими свойствами, которые обеспечивали возможность наиболее простого взаимодействия их со средой. Так, по отношению к первоорганизмам необходимо допустить, что они получали пищевые вещества из окружающей среды путем прямой адсорбции[15]; их деятельность выражалась, следовательно, лишь в форме внутренних движений, обслуживающих процессы промежуточного преобразования и непосредственного усвоения ассимилируемых веществ[16]. А это значит, что в нормальных случаях и диссимилятивные процессы происходили у них лишь в связи с такими воздействиями, которые способны сами по себе определить положительно или отрицательно процесс ассимиляции, процесс поддержания жизни.

Таким образом, для того чтобы жизнь в ее простейшей форме могла осуществляться, необходимо и достаточно, чтобы живое тело было раздражимо по отношению к таким воздействующим веществам или формам энергии, которые в результате ряда последующих преобразований внутри организма могли бы привести к процессу ассимиляции, способному компенсировать распад (диссимиляцию) собственного вещества организма, за счет энергии которого протекает реакция, вызываемая самими этими воздействиями. <...>

Очевидно также, что простейшие жизнеспособные организмы не обладают ни специализированными органами поглощения, ни специализированными органами движения. Что же касается их функций, то та основная общая функция, которая является существенно необходимой, и есть то, что можно было бы назвать *простой раздражимостью*, выражающейся в способности организма отвечать специфическими процессами на то или другое жизненно значимое воздействие.

Эта форма взаимодействия со средой простейших организмов в дальнейшем развитии не сохраняется неизменной.

Процесс биологической эволюции, совершающийся в форме постоянной борьбы наследственности и приспособления, выражается во все большем усложнении процессов, осуществляющих обмен веществ между организмом и средой. Эти процессы усложняются, в частности, в том отношении, что более высокоразвитые организмы оказываются в состоянии поддерживать свою жизнь за счет все большего числа ассимилируемых ими из внешней среды веществ и форм энергии. Возникают сложные цепи процессов, поддерживающих жизнь организмов, и специализированные, связанные между собой виды раздражимости по отношению к соответствующим внешним воздействиям.

---

[15] *Адсорбция* — поглощение вещества из раствора или газа поверхностным слоем жидкости или твердого тела. — *Ред.-сост.*

[16] См.: *Опарин А.И.* Возникновение жизни на Земле. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

Развитие жизнедеятельности организмов, однако, не сводится только к такому, прежде всего, количественному, ее усложнению.

В ходе прогрессивной эволюции на основе усложнения процессов обмена веществ происходит также изменение общего типа взаимодействия организмов и среды. Деятельность организмов качественно изменяется: возникает качественно новая форма взаимодействия, качественно новая форма жизни.

Анализ чисто фактического положения вещей показывает, что в ходе дальнейшего развития раздражимость развивается не только в том направлении, что организмы делаются способными использовать для поддержания своей жизни все новые и новые источники, все новые и новые свойства среды, но также и в том направлении, что организмы становятся раздражимыми и по отношению к таким воздействиям, которые *сами по себе* не в состоянии определить ни положительно, ни отрицательно их ассимилятивную деятельность, обмен веществ с внешней средой. Так, например, лягушка ориентирует свое тело в направлении донесшегося до нее легкого шороха; она, следовательно, раздражима по отношению к данному воздействию. Однако энергия звука шороха, воздействующая на организм лягушки, ни на одной из ступеней своего преобразования в организме не ассимилируется им и вообще прямо не участвует в его ассимилятивной деятельности. Иначе говоря, само по себе данное воздействие не может служить поддержанию жизни организма, и, наоборот, оно вызывает лишь диссимиляцию вещества организма.

В чем же в таком случае заключается жизненная, биологическая роль раздражимости организмов по отношению к такого рода воздействиям? Она заключается в том, что, отвечая определенными процессами на эти сами по себе непосредственно жизненно незначимые воздействия, животное приближает себя к возможности усвоения необходимого для поддержания его жизни вещества и энергии (например, к возможности схватывания или поглощения шуршащего в траве насекомого, вещество которого служит ему пищей).

Рассматриваемая новая форма раздражимости, свойственная более высокоорганизованным животным, играет, следовательно, положительную биологическую роль в силу того, что она опосредствует деятельность организма, направленную на поддержание жизни.

Схематически это изменение формы взаимодействия организмов со средой может быть выражено так: на известном этапе биологической эволюции организм вступает в активные отношения также с такими воздействиями (назовем их воздействиями типа α), биологическая роль которых определяется их объективной устойчивой связью с непосредственно биологически значимыми воздействиями (назовем эти последние воздействиями типа a). Иначе говоря, возникает деятельность, специфическая особенность которой заключается в том, что ее предмет определяется не его собственным отношением к жизни организма, но его объективным отношением к другим свойствам, к другим воздействиям, т.е. отношением $\alpha : a$.

Что же обозначает собой это наступающее изменение формы жизни с точки зрения функций организма и его строения? Очевидно, организм должен обнаруживать теперь процессы раздражимости двоякого рода: с одной стороны, раздражимость по отношению к воздействиям, *непосредственно* необходимым для поддержания его жизни (*а*), а с другой стороны, раздражимость по отношению также и к таким свойствам среды, которые непосредственно не связаны с поддержанием его жизни (α). <...>

Первое и основное допущение нашей гипотезы заключается именно в том, что функция процессов, опосредствующих деятельность организма, направленную на поддержание его жизни, и есть не что иное, как функция *чувствительности*, т.е. способность ощущения.

С другой стороны, те временные или постоянные органы, которые суть органы преобразования, осуществляющие процессы связи организма с такими воздействиями, необходимыми для поддержания жизни, но которые сами по себе не могут выполнить этой функции, суть не что иное, как органы чувствительности. <...>

Итак, мы можем предварительно определить чувствительность следующим образом: чувствительность (способность к ощущению) есть генетически не что иное, как раздражимость по отношению к такого рода воздействиям среды, которые соотносят организм к другим воздействиям, т.е. которые *ориентируют организм в среде*, выполняя сигнальную функцию. Необходимость возникновения этой формы раздражимости заключается в том, что она опосредствует основные жизненные процессы организма, протекающие теперь в более сложных условиях среды.

Процессы чувствительности могут возникнуть и удержаться в ходе биологической эволюции, конечно, лишь при условии, если они вызываются такими свойствами среды, которые объективно связаны со свойствами, непосредственно биологически значимыми для животных; в противном случае их существование ничем не было бы биологически оправдано, и они должны были бы видоизмениться или исчезнуть вовсе. Они, следовательно, необходимо должны соответствовать объективным свойствам окружающей среды и *правильно отражать их в соответствующих связях*. Так, в нашем примере с лягушкой те процессы, которые вызываются у нее шорохом, отражают собой особенности данного воздействующего звука в его устойчивой связи с движением насекомых, служащих для нее пищей.

Первоначально чувствительность животных, по-видимому, является малодифференцированной. Однако ее развитие необходимо приводит к тому, что одни воздействия все более точно дифференцируются от других (например, звук шороха от всяких иных звуков), так что воздействующие свойства среды вызывают у животного процессы, отражающие эти воздействия в их отличии от других воздействий, в качественном их своеобразии, в их специфике. Недифференцированная чувствительность превращается в чувствительность все более дифференцированную, возникают дифференцированные *ощущения*. <...>

Что же является тем главным условием, благодаря которому у животных возникает чувствительность и развиваются специализированные органы чувствительности — органы ощущений? Можно думать, что таким главным, решающим для возникновения чувствительности условием является переход от жизни в однородной среде к жизни в более сложной среде дискретных предметов, переход от неоформленных к вещно оформленным источникам жизни.

Говоря о вещно не оформленных источниках жизни, мы разумеем такие источники, поддерживающие существование организмов, как, например, химические вещества, растворенные в водной среде, в которой живет данный организм, как энергия света или тепловая энергия. Специфическая черта такого рода источников жизни организмов заключается в том, что эти источники представляют собой свойства среды, способные вызвать у организма активные процессы, лишь воздействуя на него сами по себе, т.е. непосредственно.

Наоборот, вещно оформленная среда, вещно оформленные источники жизни выступают для организма не только своими свойствами, способными оказать на него то или иное биологическое действие, но также такими устойчиво связанными с ними свойствами, как, например, форма, цвет и т.п., которые, будучи биологически нейтральными, вместе с тем объективно посредствуют существенные для жизни свойства данного оформленного вещества. Оформленное тело, прежде чем оказать воздействие на организм своими химическими свойствами, например, как пищевое вещество, воздействует на него другими своими свойствами — как обладающее объемом, упругостью и пр. Это создает объективную необходимость возникновения опосредствованных отношений к среде также со стороны самих животных. Переход к существованию в условиях сложной вещно оформленной среды выражается поэтому в том, что приспособление к ней организмов приобретает качественно новую форму, связанную с отражением свойств вещной, объективно-предметной действительности.

Иначе это можно выразить так: возникновение чувствительности связано с переходом организмов из гомогенной среды, из «среды-стихии» в вещно оформленную — в среду дискретных предметов. Теперь приспособление организмов, которое всегда, разумеется, является своеобразным отражением ими свойств среды, приобретает также форму отражения воздействующих свойств среды в *их объективных связях и отношениях*. Это и есть специфическая для психики форма отражения, отражение *предметное*. Ведь предмет — материальная вещь — всегда обладает рядом взаимосвязанных свойств; в этом смысле это всегда «узел» свойств. Таким образом, на определенном этапе биологического развития прежде единый сложный процесс взаимодействия, осуществляющий жизнь организмов, как бы раздваивается. Одни воздействия внешней среды выступают для организма как определяющие (положительно или отрицательно) само его существование; другие — лишь как побуждающие и направляющие его деятельность.

Соответственно раздваивается и сама жизнедеятельность организмов.

С одной стороны, выделяются процессы, с которыми непосредственно связаны поддержание и сохранение жизни. Эти процессы составляют первую, исходную форму жизнедеятельности организмов. В ее основе лежат явления первичной раздражимости организмов.

С другой стороны, выделяются процессы, прямо не несущие функции поддержания жизни и лишь опосредствующие связи организма с теми свойствами среды, от которых зависит его существование. Они составляют особую форму жизнедеятельности, которая и лежит в основе чувствительности организмов, психического отражения ими свойств внешней среды[17]. <...>

Те свойства, по отношению к которым данное животное является чувствительным и воздействие которых побуждает процессы, составляющие первую форму жизнедеятельности, могут отделяться от тех свойств, с которыми связано осуществление второй ее формы. Например, цвет вещества может быть отделен от его пищевых свойств. Соответственно отделяются и сами процессы, составляющие содержание первой формы жизнедеятельности животных, от процессов, составляющих содержание второй ее формы.

Следует отметить, что вообще если те или иные процессы (и раздражители, которые их вызывают) могут быть отделены от процессов (и раздражителей), непосредственно выполняющих функцию поддержания жизни, то это является признаком того, что они связаны с явлениями чувствительности; если же такое отделение невозможно, то это значит, что в основе данных процессов лежит первичная раздражимость организма. <...>

Для решения вопроса о генезисе зачаточной психики мы пошли не путем рассмотрения отдельно взятых функций и органов, но путем анализа и характеристики целостных форм жизни. Мы нашли при этом, что существуют две основные качественно различные формы жизни. Одну из них, простейшую, можно было бы назвать допсихической жизнью. Другая является жизнью, связанной с отражением свойств действительности в их объективных связях и отношениях, жизнью, опосредствованной ощущением. Переход к этой форме жизни и есть, очевидно, не что иное, как переход от деятельности допсихической, т.е. не опосредствованной отражением предметной действительности, к деятельности, опосредствованной психическим отражением.

Таким образом, психика, психическая деятельность выступила для нас не как нечто прибавляющееся к жизни, но как своеобразная форма проявления жизни, необходимо возникающая в ходе ее развития.

Конечно, то решение проблемы возникновения психики, которое мы наметили, является лишь предварительным научным предположением. <...>

---

[17] Эта гипотеза о генезисе и природе чувствительности была разработана автором совместно с А.В. Запорожцем (1936).

[Эмпирическое обоснование гипотезы]

Эксперименты, которые были поставлены в связи с данной гипотезой (А.Н. Леонтьев при участии Н.Б. Познанской, В.И. Аснина, В.И. Дробанцевой и С.Я. Рубинштейн), <...> проводились с интенсивными световыми раздражителями, воздействующими на кожу руки. В основе экспериментов лежало следующее простое рассуждение. Как известно, кожа раздражима по отношению к лучам видимого спектра, т.е. действие света на кожу животных и человека вызывает известные прямые физиологические эффекты. С другой стороны, кожа не является органом, чувствительным к свету: даже при большой интенсивности световых раздражителей они не вызывают, действуя на кожу, ориентировочных реакций. В этом смысле свет по отношению к коже является неадекватным раздражителем, т.е. таким, который не только остается в «субсенсорном» или «пресенсорном» диапазоне, но который вообще не способен выполнять сигнальную функцию и вступать в условные связи с другими раздражителями.

Это положение прежде всего и было проверено экспериментально. Свет, тщательно отфильтрованный от лучей инфракрасной части спектра, направлялся на ладонную поверхность руки испытуемого (о чем на протяжении экспериментов испытуемый не знал), после чего давался электрокожный раздражитель, рефлекторно вызывающий приподнимание, «снятие» руки испытуемого с поверхности особым образом сконструированной установки. Таким образом, опыты этой серии шли по обычной схеме так называемой двигательной методики образования условного рефлекса, но только со значительно большей, чем обычно, длительностью действия нейтрального раздражителя и соответственно бо́льшими перерывами между их подачей.

Эти опыты дали отрицательные результаты. Даже после 350—400 сочетаний «свет — ток» ни у одного из четырех испытуемых условный рефлекс не образовался.

Последующие серии экспериментов отличались от описанного, во-первых, тем, что перед испытуемым ставилась задача «снимать» руку так, чтобы избегать неприятных электрических толчков, ориентируясь на «предупреждающее» воздействие, которое он должен был обнаружить самостоятельно. Во-вторых, методика этих опытов была несколько усложнена: в случае, если испытуемый снимал руку до воздействия «предупреждения» (т.е. в случае «неправильной» реакции), он получал оптический сигнал об ошибке и должен был вновь прижать ладонь руки к поверхности установки, после чего ему немедленно давалось «предупреждение» с последующим ударом тока. Наконец, опыты, составившие эти серии, велись с помощью более технически совершенной установки, практически полностью исключавшей возможность реакции на какое-нибудь сопряженное с включением света постороннее воздействие (температурное, звуковое и т.п.).

Описанная методика вызывала у испытуемого активную поисковую ориентировочную деятельность, направленную на обнаружение «предупреждения».

О том, какой именно раздражитель выполнял эту функцию, как и вообще о существовании света, падающего на ладонную поверхность руки, испытуемые, как и в первой серии, не знали.

Результат этих опытов состоял в том, что испытуемые (16 человек, считая все серии опытов этого рода) обнаружили способность избегать действия тока, снимая руку через несколько секунд после начала действия света. При этом испытуемые указывали, что они ориентируются на проявление слабых субъективных явлений, лишенных специфического качества, которые предшествуют удару электрического тока.

Еще более интересным оказался факт своеобразной фазовости в формировании этой способности. Как показали и объективные данные, и отчеты испытуемых, в первый период опытов «правильное» снятие руки появлялось только при условии активного поиска. Вначале правильные реакции были явно случайными, затем число ошибок снижалось (в отдельных случаях до 10 и даже до 4 %, никогда, однако, не исчезая вовсе). Начиная с момента, когда снижение числа ошибочных реакций приобретало устойчивый характер, снятие руки могло происходить у испытуемого уже «машинально». С этого момента развитие исследуемого процесса вступало во вторую фазу, которая характеризовала возможность образовать обычные условные рефлексы на воздействие засвета ладонной поверхности руки.

Это положение также было специально проверено и подтверждено экспериментально в серии опытов с параллельным применением двух методик: методики «активно-поисковой», которая ставила перед испытуемым задачу обнаружить воздействие, и методики образования на данное воздействие собственно условного рефлекса.

Таким образом, описанное исследование показало, во-первых, что агент, воздействие которого на неспецифический для него орган в обычных условиях не вызывает процессов, ориентирующих по отношению к другим воздействиям, способен превращаться в агент, вызывающий такого рода процессы.

Во-вторых, оно показало фактическую необходимость различать между собой, с одной стороны, процесс, в результате которого раздражитель, обычно не вызывающий ориентировочной реакции, приобретает эту функцию, и, с другой стороны, процесс превращения данного раздражителя в условный, т.е. процесс выработки условного рефлекса.

П.Я. Гальперин

Основные формы психического отражения. Объективные признаки психики*

Основные формы психического отражения

Для мозга, который реализует психическое отражение объективного мира, отражаемый мир делится на две неравные и по-разному важные части: внутреннюю среду организма и внешнюю среду его жизни. Эти существенно разные части объективного мира получают и существенно разное психическое отражение.

Внутренняя среда индивида отражается в его потребностях, ощущениях удовольствия — неудовольствия, в так называемом «общем чувстве». Внешняя среда отражается в чувственных образах и понятиях.

Органические потребности[1] возникают из цикла физиологических процессов и служат выражением недостатка или отсутствия условий дальнейшего существования или избытка отходов жизнедеятельности, от которых необходимо избавиться. В качестве психического отражения этих объективных нужд потребности имеют две стороны: более или менее острое чувство неудовольствия, страдания и тесно связанное с ним побуждение освободиться от него с помощью чего-то, что находится в окружающем мире (и что становится предметом этой потребности). Отсюда — побуждение к деятельности (направленной на добывание недостающих средств или условий существования), к предмету потребности. В качестве таких побуждений к деятельности, исходящих из жизненных процессов индивида, потребности составляют одну из основных движущих сил поведения.

---

* *Гальперин П.Я.* Психология как объективная наука. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1998. С. 150—158, 221—227.

[1] В этом предварительном анализе я ограничиваюсь примером органических потребностей потому, что они представляются более простыми и рассматриваются лишь со стороны тех свойств, которые присущи всем потребностям, «потребности вообще».

В отличие от потребностей, ощущения боли или удовольствия составляют психические отражения состояний, которые вызываются отдельными, нерегулярными, экстемпоральными воздействиями. Эти воздействия носят то положительный, то отрицательный характер и тоже требуют немедленных действий для устранения (или сохранения) того, что причиняет эти ощущения. Таким образом, в ощущениях удовольствия — неудовольствия различаются те же две стороны (что и в потребностях): характеристика вызванного ими состояния и побуждение к действиям (или к активному воздержанию от них); от потребностей эти ощущения отличаются тем, что обслуживают состояния, вызываемые нерегулярными воздействиями.

Роль общего самочувствия: бодрости — вялости, возбуждения — подавленности, веселости — угнетения — ясна уже из этих характеристик. Самочувствие определяет общий уровень активности и общую «тональность» поведения, а нередко и субъективную оценку предметов, с которыми в это время индивид вступает в «общение».

Общим для этих видов психического отражения внутреннего состояния индивида является то, что они, во-первых, отражают не те раздражители, которые их вызывают, а их оценку по непосредственному переживанию вызванного ими состояния и, во-вторых, они теснейшим образом связаны с побуждениями к действиям (в направлении к определенным предметам внешней среды или от них) или к активному воздержанию от всяких действий.

Существенно иначе происходит психическое отражение внешней среды. Во-первых, из всего состава этой среды в ее психическом отражении представлены лишь те объекты, их свойства и отношения, с которыми индивиду приходится считаться при физических действиях с ними. Это уже не сплошная, слитная среда, а членораздельный «окружающий мир» (Я. Икскюль[2]). Во-вторых, эти части среды представлены в образах, содержание которых воспроизводит свойства и отношения самих вещей (а не вызываемых ими состояний индивида). Правда, в содержании образов представлены и такие свойства, как цвета, звуки, запахи и другие так называемые «чувственные качества», которые непосредственными объектами физических действий не являются; но они служат важными различительными признаками, а также сигналами других жизненно важных свойств вещей или сигналами ожидаемых предметов и событий.

Когда говорят об образах, то обычно имеют в виду образы отдельных предметов, с которыми они сопоставляются в процессе познания как с оригиналами. Но интересы такого сопоставления не должны заслонять от нас того жизненно важного положения, что в психическом отражении ситуации перед индивидом открываются не отдельные вещи, а поле вещей — совокупность «элементов» в определенных взаимоотношениях, и что в этом поле представлен и сам индивид, каким он себя воспринимает среди прочих вещей. Без учета своего положения

---

[2] Икскюль (*Üxküll*) Якоб фон (1864—1944) — немецкий биолог, зоопсихолог и философ. — *Ред.-сост.*

в поле вещей индивид не мог бы определять направление их действий, не мог бы установить, происходит ли движение другого тела относительно нашего, от него или мимо, с какой стороны, как далеко, каково расстояние между ним и другими объектами — словом, не мог бы использовать психическое отражение по его прямому и основному назначению, для ориентировки в ситуации.

Различие в том, как представлены в психических отражениях внутренние состояния индивида (побуждения) и окружающий его мир (образы), находится в явной связи с их ролью в поведении: побуждения служат его движущими силами, а образы — основой для ориентировки в окружающем мире. Очевидно, интересы поведения диктуют различие между основными видами психического отражения и, вместе с тем, объединяют их на разном обслуживании этого поведения.

Как правило, они появляются вместе и вызываются одной и той же причиной — рассогласованием сигналов, поступающих из внешней или внутренней среды, с возможностями автоматического реагирования. Как мы видели, это было прямо установлено для «нервной модели стимула» (из внешней среды), но может быть полностью перенесено и на органические потребности, которые в обычных условиях регулируются автоматически (например, внешнее дыхание, терморегуляция). Лишь когда изменения внешней среды выходят за пределы возможностей автоматического приспособления, появляется ощущение того, что «нечем дышать», «слишком жарко» или «слишком прохладно», «какая сушь!» (или сырость); и только вместе с этим психическим отражением возникает побуждение к действиям, которые должны изменить характер реакции индивида на причины этих ощущений.

Появление психического отражения в обоих его видах служит не только показателем того, что автоматического реагирования недостаточно. Неподходящую реакцию можно было бы просто задержать и ограничиться одним «рефлексом естественной осторожности», о котором говорил И.П. Павлов. Производство психических отражений — это новый вид нервной деятельности, и если она развивается, а в этом нет сомнений, то, видимо, как побуждения, так и образы, каждые по-своему, открывают для реакций индивида какие-то новые возможности. И это парадоксально! Парадоксально уже тем, что в психических отражениях не может быть «ни грана» больше того, что есть в их физиологической основе и чего в данных случаях оказалось недостаточно. Но если в психических отражениях нет ничего больше, то откуда же новые возможности?

Действительный парадокс заключается в том, что в психических отражениях открывается даже меньше того, что есть в их физиологической основе, в физиологических отражениях ситуации. Но именно это «меньше» и открывает новые возможности действия! При ближайшем рассмотрении это разъясняется так.

Потребности как побуждения индивида к действиям в направлении «цели» (к тому, что должно удовлетворить потребность) отличаются от действия любых физических (в широком смысле) факторов следующими чертами:

физические силы определяют действие как результирующую по величине и направлению, не определяя ее конечный результат; последний находится в прямой зависимости от «помех» на пути (иначе, следуя первому закону механики, «тело сохраняет движение прямолинейное и равномерное, пока действие сил не выведет его из этого состояния»). Даже в управляющих устройствах сопротивление сбивающим влияниям и сохранение заданной траектории является результатом взаимодействия этих влияний, предусмотренного «сложения сил». В простом и явном виде таким является сложное движение бильярдного шара, обусловленное сначала ударом кия, потом столкновением с другим шаром и, наконец, от борта в лузу. Потребность же с самого начала намечает (потенциально или актуально) «конечную цель» и одновременно побуждает индивида к поискам, так как самого пути (операционного содержания действия) потребность не определяет; ведь она и возникает оттого, что готовые пути, пути автоматического реагирования, заблокированы. Потребность диктует только побуждение, влечение к цели, но выбор пути, определение конкретного содержания действия или приспособление действия к наличным обстоятельствам становится в этих условиях отдельной задачей — задачей особой, ориентировочно-исследовательской деятельности.

Так получается, что вследствие пропуска самого действия (которое намечается лишь вторично) потребность, именно в качестве психологического образования, становится источником и основанием целестремительности. Целестремительность отсутствует среди физических процессов и ее вообще нет в мире до тех пор, пока в организме не возникнет активное противоречие — требование действовать, но не так, как организм умеет, не автоматически, а как-то иначе, причем еще неизвестно как. И в качестве условия, одного из условий выхода из этого противоречия образуется психическое отражение ситуации, в частности, потребность.

С другой стороны, окружающий мир представлен в психическом отражении в образах, т.е. со свойствами, которые существенны для действия, но выступают идеально. И пока предметы наличной ситуации в этом виде только «являются», они не действуют и конкретного содержания действия тоже не определяют. Они открываются как условия действия, а не действующие факторы. Условия — это значит, что если с представленными в них предметами действовать «так», то получится «вот так», но с ними можно действовать и не «так» или вообще действовать не с ними, а с другими вещами и другим способом. Вместо поля взаимодействующих тел окружающий мир (благодаря отражению в образах) открывается перед индивидом как арена его возможных действий. Возможных — значит не таких, что неизбежно должны произойти, а таких, каждое из которых может быть сначала намечено, затем опробовано и лишь после этого или отвергнуто, или принято для исполнения с поправками или без них. Индивид не может действовать вне условий, и с условиями нельзя обращаться «как угодно», произвольно, однако свойства вещей, благодаря представительству в образах,

можно учитывать заранее и при этом намечать разные действия. Благодаря психическому отражению ситуации, у индивида открывается возможность выбора. А у бильярдного шара выбора нет.

Так, психические отражения (в обоих своих основных видах — побуждений и образов) действительно открывают новые возможности реагирования, и эти возможности обусловлены тем, что в психических отражениях содержится меньше, чем в их материальных, физиологических основах. Ни побуждения, ни образы не предопределяют конкретное содержание действий, и выяснение этого содержания становится отдельной задачей — одной из общих задач ориентировочно-исследовательской деятельности.

Кто же выполняет эту деятельность? Кто испытывает побуждения, перед кем образы открывают панораму поля возможных действий? Очевидно, в центральной нервной системе вместе с «центрами», осуществляющими психическое отражение ситуации, выделяется особый центр, «инстанция», которая представительствует индивида в его целенаправленных действиях. Перед ним-то и открывается содержание этих психических отражений. Эта «инстанция» располагает прошлым опытом индивида, получает и перерабатывает информацию о его «внутренних состояниях» и об окружающем его мире, намечает ориентировочно-исследовательскую деятельность, а затем, на основе ее результатов, осуществляет практическую деятельность. Организм с такой центральной управляющей инстанцией — это уже не просто организм, а субъект целенаправленных предметных действий.

О некоторых дополнительных условиях превращения организма в субъект действий ниже <...> будет сказано несколько подробней. А сейчас мы должны подчеркнуть теснейшую функциональную зависимость между субъектом и психическим отражением ситуации. Эти отражения составляют непременное условие целенаправленных (хотя и не всегда разумных, целесообразных) действий. Так, например, индивид всегда следует именно актуальной потребности: сытое животное не пожирает пищу, даже если ее предлагают, и у него нельзя воспитать условные рефлексы на пищевом подкреплении; человек, страдающий так называемым «волчьим голодом» (при поражении одного из подкорковых центров), ест против воли, хотя и знает, что это вредно. Незнание или «незамечание» некоторых обстоятельств ведет к тяжелейшим ошибкам, а переоценка других обстоятельств — к утрате привлекательных возможностей. Простая истина заключается в том, что когда для индивида благодаря психическому отражению ситуации открываются новые возможности действия, то от качества этих отражений и качества построенной на них ориентировочно-исследовательской деятельности в решающей степени зависят характер и подлинные размеры использования этих возможностей. А качества психических отражений и ориентировочно-исследовательской деятельности уже у высших животных в значительной мере, а у человека, можно сказать, полностью формируются в индивидуальном опыте.

Обратная зависимость психических отражений от субъекта выражается в том, что только в системе его ориентировочной деятельности психические явления получают свое естественное место и функциональное оправдание. Проделаем мысленный эксперимент (как его делали, не сознавая этого, все механистические системы психологии, начиная с классического ассоцианизма и кончая необихевиоризмом), исключим субъект из нашего представления о психической жизни — и сразу возникает клубок не просто трудных, а неразрешимых проблем. Психические явления «остаются один на один» с физиологическими процессами мозга, и тогда правомерно и неотвратимо возникает вопрос: каково их взаимоотношение, какова функция психических процессов? Если они действуют, то... В прошлом разумное решение проблемы было дано Спинозой, но сегодня и оно неудовлетворительно. При включении психических явлений в цепь физиологических процессов разумное решение вопроса становится невозможным. Единственное, что при таком рассмотрении обеспечивается, это дуализм (то в более скромной форме психофизического параллелизма, то в откровенно воинствующей форме «взаимодействия души и тела»).

Только в системе осмысленной предметной[3] деятельности субъекта психические отражения получают свое естественное место. Для субъекта они составляют «запасное поле» его внешней деятельности, позволяющее наметить и подогнать действия к наличной обстановке, сделать их не только целестремительными, но и целесообразными в данных индивидуальных условиях. И это включение психики в систему осмысленной предметной деятельности оправданно составляет одну из центральных идей «проблемы деятельности» в советской психологии.<...>

Объективные признаки психики

Понимание предмета психологии как ориентировочной деятельности позволяет наметить решение нескольких трудных вопросов психологии.

Один из них — это вопрос об объективных признаках психики. С точки зрения традиционного понимания предмета психологии как явлений сознания, которые открываются только в самонаблюдении, на этот вопрос можно ответить лишь отрицательно. В аспекте этого классического понимания объективно наблюдаются только разные физиологические изменения: движения тела или его отдельных частей, изменения окраски кожи, потоотделения, электропроводности и т.д. Все эти изменения имеют свои физиологические причины, которые в конце концов приводят исследователя к процессам в нервной системе, а эти

[3] «Предметной», в том принятом в марксистской философии смысле, который постоянно подчеркивает А.Н. Леонтьев в своих методологических работах, в частности в кн. «Проблемы развития психики» (М.: АПН РСФСР, 1959) и «Деятельность, сознание, личность» (М.: Политиздат, 1975).

нервные процессы в свою очередь вызываются определенными физическими агентами, раздражителями. Получается так, что, переходя от внешних проявлений так называемых душевных состояний к их внутрителесному, физиологическому механизму, а от него — к причинам, вызывающим его работу, исследователь обнаруживает только цепь физических причин и действий и нигде не находит такого, хотя бы самого малого, участка, где бы эта цепь прерывалась и в качестве причины выступало какое-нибудь «душевное движение». Отсюда следует, что объяснение тех внешних реакций и внутренних изменений тела, которые в общежитии приписываются душевной жизни, не нуждается в предположении о вмешательстве психических факторов. Более того, подобное вмешательство означало бы принципиальное нарушение причинно-следственных закономерностей материальных процессов — принципиальное нарушение естественнонаучных представлений о мире.

Это положение, давно известное и общепризнанное в буржуазной психологии, в конце прошлого столетия было еще раз в полемической форме изложено А.И. Введенским[4] в качестве основного психофизиологического закона, содержание которого можно кратко формулировать так: «отсутствие объективных признаков одушевленности»[5]. Правда, Введенский тут же отмечал, что для каждого человека его собственная душевная жизнь представляет нечто совершенно несомненное; но душевная жизнь других людей есть уже голое предположение, которое с одинаковым правом можно и принять и отвергнуть. Поскольку каждый человек в своей душевной жизни нисколько не сомневается, а другие люди могут с полным основанием сделать то же самое и отрицать его душевную жизнь, Введенский утверждал, что «там, где наверное существует душевная жизнь (то есть во мне самом), она всегда течет таким образом, что сопутствующие ей телесные явления совершаются по собственным материальным законам так, будто бы там совсем нет душевной жизни»[6]. Иначе говоря, такое представление о психике изображает ее как процесс, параллельный некоторым физическим процессам организма и никак на эти физические процессы не влияющий. Это типичное выражение дуализма, в частности психофизического параллелизма, столь распространенного в буржуазной психологии XIX и XX столетий.

Отсюда, из такого идеалистического понимания психики, с одинаковым правом вытекают два противоположных утверждения. Одно заключается в том, что только я, наблюдающий в себе самом непосредственным и несомненным образом душевную жизнь, только я один являюсь одушевленным существом, все остальные — как люди, так и животные — суть только сложные машины. Эта

---

[4] Введенский Александр Иванович (1856—1925) — русский философ-идеалист и психолог, крупнейший представитель русского неокантианства. — *Ред.-сост.*

[5] *Введенский А.И.* Психология без всякой метафизики. Пг., 1917. С. 78.

[6] Там же.

точка зрения (так называемого солипсизма — «я один») категорически отрицает какие бы то ни было объективные признаки душевной жизни. Другое, прямо противоположное, выражение того же основного положения составляет панпсихизм — учение о всеобщем одушевлении. Эта точка зрения возникает из таких соображений: объективно наблюдаются только физические процессы, а среди них нельзя провести четкой, качественной границы между человеком и животными, животными и растениями, растениями и простейшими живыми существами и, наконец, между ними и неодушевленной материей; поскольку в себе мы, несомненно, находим душевную жизнь, то должны признать возможность и даже весьма большую вероятность наличия ее в других людях, в других живых существах в постепенно уменьшающейся степени и даже в какой-то очень малой доле в неживой материи.

Привлекательная сторона этого учения о всеобщем одухотворении, одушевлении заключается в том, что окружающая нас природа наделяется духовной жизнью и тем восстанавливается ее внутренняя близость человеку[7]. Создается ощущение родственности человека с окружающим миром, который обычно представляется таким чуждым и нередко даже враждебным. Чувство родства с окружающим миром — прекрасное чувство, но эти сентиментальные переживания таят в себе большую теоретическую опасность. Не говоря уже о том, что они порождают неоправданное доверие и снисхождение ко многим, несомненно отрицательным, явлениям окружающего мира, они оставляют и даже делают принципиально непонятным само духовное начало: оно объявляется первичным и, следовательно, не подлежащим объяснению. Более того, его всевозрастающая роль в развитии животных и особенно человека легко истолковывается в том смысле, что назначение психики — одухотворить материю, поставить дух руководить ею, ее развитием и через завоевание мира человеком подчинить весь мир неким надматериальным целям, иначе говоря, утвердить идеалистическое мировоззрение.

В противоположность этому одно из основных положений диалектического материализма заключается в том, что психика есть особое свойство высокоорганизованной материи — не особое бытие, а только особое свойство, и не первичное, а вторичное. Оно возникает благодаря тому, что на определенной ступени развития организмов психика становится необходимым условием подвижного образа жизни и их дальнейшего развития. Это основное положение диалектического материализма философски завершает развитие естественнонаучных представлений о возникновении и роли психики.

---

[7] Г.Т. Фехнер после пережитого им душевного кризиса с наивным простодушием возвещал эту точку зрения своим согражданам и, видя их равнодушие, решил доказать ее убедительно, так сказать с принудительностью научной истины, для чего и разработал свою психофизику (хороший очерк о Фехнере см.: *Джеймс В.* Вселенная с плюралистической точки зрения. М., 1911). В очень яркой форме это воззрение излагал Ф. Паульсен (его «Введение в философию» пользовалось в свое время большой популярностью).

Поэтому для нас вопрос об объективных признаках психической деятельности — это уже не философский, а конкретно научный вопрос, и заключается он в следующем: на каком основании можно утверждать, что наблюдаемые действия являются активными, а не автоматическими, что они выполняются на основе ориентировки в плане образа, хотя бы восприятия, а не как результат взаимодействия раздражителей и двигательных возможностей организма. Прежний критерий — целесообразности — оказался принципиально недостаточным; автоматические реакции любой сложности могут быть вполне целесообразными. Сигнальность раздражителей и «экстраполяционный рефлекс»[8] сами нуждаются в разделении тех случаев, где они могут служить показателями психической деятельности, от других случаев, где они такими показателями служить не могут (так как полностью обеспечиваются безусловнорефлекторным механизмом). Ориентировочная деятельность становится необходимой там, где наличных механизмов недостаточно и нужно или заново наметить действие, или приспособить, подогнать его к наличным условиям.

В настоящее время ориентировка на определенные части того поля, которое открывается в плане образа, ориентировка «на что» и «как» есть экспериментально доказательный факт и устанавливается совершенно объективно. В этой связи кратко напомним о широко известных опытах В. Кёлера[9]. Разумное решение задач, предлагавшихся Кёлером, отличалось именно тем, что животные начинали ориентировать свои действия на существенные отношения «проблемной ситуации», причем такие отношения, которые в начале опыта ими не замечались и не выделялись. Можно без конца спорить о том, как происходит выделение этих существенных отношений и что представляет собой мышление животных[10]. Но сам факт активного выделения этих существенных отношений и ориентации действия по линиям этих, тут же выделенных отношений, является совершенно несомненным. Такого же рода опыты были затем успешно проведены Ф. Бейтендайком[11] на собаке[12] и А.В. Запорожцем[13]

---

[8] *Крушинский Л.В.* Проблема экстраполяции в физиологии высшей нервной деятельности // Достижения современной физиологии. М.: Наука, 1970.

[9] *Кёлер В.* Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М., 1930.

[Кёлер (*Köhler*) Вольфганг (1887—1967) — немецкий психолог, один из основателей гештальтпсихологии. С 1935 г. жил и работал в США; см. его текст на с. 315—341 наст. изд. — *Ред.-сост.*]

[10] См. предисловие Л.С. Выготского к русскому изданию: *Кёлер В.* Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М., 1930.

[11] Бейтендейк (*Buytendijk*) Фредерик Якоб (1887—1974) — голландский биолог и психолог, проводивший исследования в различных областях психологии; наиболее известны его труды по психологии животных. — *Ред.-сост.*

[12] *Buytendijk F.* The mind of the Dog. London, 1935.

[13] Запорожец Александр Владимирович (1905—1981) — российский психолог, автор теории перцептивных действий. — *Ред.-сост.*

на кошке[14]. Исключительно важный по своему теоретическому значению экстраполяционный рефлекс, выделенный Л.В. Крушинским[15], представляет собой прослеживание животным того направления, в котором движется приманка, и учет этого направления после того, как приманка скрывается за ширмой[16]; наконец, все многочисленные опыты с так называемым «латентным обучением» и «викарными пробами и ошибками»[17], опыты по изучению ориентировочно-исследовательской деятельности животных в процессе выработки условных рефлексов, проведенные И.П. Павловым и его школой, — все они свидетельствуют о том, что ориентировка животного на определенные объекты, ситуации, их свойства и отношения есть факт, который устанавливается совершенно объективно; сам способ выделения объектов ориентировки и ее последовательные изменения прослеживаются тоже совершенно объективно.

Что же происходит в процессе ориентировки? На основе первоначального образа проблемной ситуации устанавливаются действительные признаки, свойства, связи и отношения ее объектов, прослеживаются движения приманки к ним, примериваются собственные действия и в результате всего этого уточняются или даже впервые выделяются те элементы или отношения, которые прежде не выступали или не выступали в том значении, которое существенно для решения актуальной задачи. Словом, прежнее значение объектов, их свойств или отношений между ними меняется, они приобретают новое значение, полностью или частично отличающееся от того, которое они имели в прошлом опыте животного. Эта ориентировка на новое значение объектов, их свойств или отношений, значение, которого они не имели в прошлом опыте данного животного (что должно быть предварительно и специально установлено) и которое они впервые приобретают благодаря ориентировке в наличной ситуации, — вот это и составляет объективные показатели ориентировочной деятельности, объективные признаки психики.

Еще раз подчеркнем, что ориентировка на такое новое значение элементов ситуации должна быть каждый раз специально установлена. Поэтому на вопрос о том, когда в эволюционном процессе возникает психика, ответ может дать только экспериментальное исследование. Но главное заключается в том, что объективное доказательство может быть проведено, и, как мы видели, это уже неоднократно было сделано.

---

[14] *Запорожец А.В.* Интелектуальні моменти в поведінку тварини // Наукові записки Харьківского Державного Педагогичного інстітуту. 1941. Т. VI (на укр. яз.).

[15] Крушинский Леонид Викторович (1911—1984) — российский биолог, проводивший исследования по генетике и поведению животных. — *Ред.-сост.*

[16] *Крушинский Л.В.* Формирование поведения животных в норме и патологии. М., 1960; *Его же.* Проблема экстраполяции в физиологии высшей нервной деятельности // Достижения современной физиологии. М.: Наука, 1970.

[17] *Анциферова Л.И.* О закономерностях элементарной познавательной деятельности. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

И. Мюллер

[О чувствах]*

Чувства сообщают нам о состояниях наших тел посредством специфического ощущения наших нервов. Они говорят также о тех свойствах и переменах окружающего нас мира, которые вызывают изменения в состоянии этих нервов. Ощущение является общим свойством всех чувств, но его модальность в каждом чувстве своя, а именно, у нас могут быть ощущения света, звука, вкуса и осязания. Под осязанием здесь и далее понимается особый вид ощущений таких нервов осязания как *n. trigeminus, vagus, glossopharyngeus* [тройничный, блуждающий, языкоглоточный нервы (*лат.*). — *Ред.-сост.*] и спинного мозга, т.е. ощущения зуда, наслаждения, боли, тепла, холода и прикосновения. Далее мы говорим об ощущении в узком смысле, подразумевая все чувственные нервы, имеющие один и тот же проводящий путь в сенсориум[1]. То, что посредством чувства приходит в сознание, является прежде всего только свойствами и состояниями наших нервов. Однако представление и суждение [основанные на прошлом опыте. — *Ред.-сост.*] уже подготовлены к толкованию процессов, происходящих в наших нервах по внешним причинам, как [отражению. — *Ред.-сост.*] свойств и изменений самих внешних тел. Там, где впечатления, вызванные внутренними причинами, происходят редко, а именно в области зрения и слуха, это толкование настолько обычно, что мы впервые замечаем его только тогда, когда специально о нем подумаем. Напротив, при чувстве осязания, вызываемом одинаково часто как внутренними, так и внешними причинами, мы с легкостью признаем, что специфические ощущения соответствующих нервов, осознаваемые как прикосновение, боль и наслаждение, — это состояние наших нервов, а не свойство вещей, которые это состояние вызывают. Так мы выходим на несколько общих основных

---

* *Müller J.* Handbuch Physiology des Menschen für Vorlesungen. Coblenz: Verlag von J. Hölscher, 1840. Bd. 2. S. 249—75. (*Перевод Н. Холостовой.*)

[1] *Сенсориум* — все отделы центральной нервной системы, принимающие участие в ощущении и восприятии; однако в более старом значении этот термин использовали как эквивалент термина «сознание». — *Ред.-сост.*

положений, которые необходимо сформулировать до рассмотрения физиологии отдельных чувств.

I. В первую очередь следует доказать, что *благодаря внешним причинам у нас не может быть ощущений такого рода, которых мы не могли бы иметь и без этих причин посредством ощущения состояний наших нервов.*

В отношении чувства осязания сразу становится очевидным, что ощущения соответствующих нервов, т.е. холод и тепло, боль и наслаждение, а также их многочисленные модификации, которые не назовешь ни болезненными, ни приятными, включают в себя, хотя и не обязательно в максимальной степени, один и тот же чувственный элемент. Все эти ощущения нередко возникают по внутренним причинам повсюду, где есть соответствующие нервы. Они могут быть вызваны внешними причинами самими по себе, но таковые помимо внутреннего раздражения нервов не в состоянии внести в эти ощущения какой-то добавочный элемент. Следовательно, чувствование нервов осязания сообщает об их собственных состояниях и свойствах, проявляемых благодаря внутреннему или внешнему раздражителю. Чувствование нервов обоняния может осознаваться и без внешнего пахучего вещества, если эти нервы находятся в состоянии определенной предрасположенности. Такие возникающие по внутренним причинам [в нашем сознании. — *Ред.-сост.*] запахи наблюдаются редко. Несколько чаще они бывают у людей с возбудимой нервной системой. В чувстве вкуса мы также встречаемся с подобными явлениями, хотя различить их здесь нелегко, поскольку неизвестно, не вызван ли данный вкус особыми изменениями в слюне или в слизистой оболочке полости рта. Как бы то ни было, но в случаях прямой стимуляции этих нервов очень часто возникает тошнотворное ощущение, которое относят к разряду вкусовых. Без внешних причин бывают и зрительные ощущения цвета, света и темноты. В состоянии максимального покоя зрительного нерва ощущается только темнота. Возбужденное состояние этого нерва обнаруживается при закрытых глазах в виде света или вспышек как чистых ощущений без присутствия настоящего материального света. Эти вспышки не могут осветить какой-нибудь объект. Каждому известно, что закрыв глаза можно без труда увидеть великолепные цвета (в особенности утром, когда возбудимость нервов еще велика). Наиболее часто эти явления бывают у детей после пробуждения. Итак, внешнее окружение не может создать в нас такого зрительного впечатления, которое не переживалось бы и в результате внутреннего возбуждения наших нервов. Отсюда ясно, что у человека, слепого от рождения из-за помутнения прозрачных сред глаз, но с неповрежденными сетчатками и зрительными нервами, должно быть внутреннее, полное и наглядное представление о свете и цветах. Расхожее мнение о новых великолепных ощущениях, переживаемых таким человеком непосредственно после успешной операции, [следует признать. — *Ред.-сост.*] преувеличенным и неправильным. Зрительное ощущение света, цвета и темноты должно быть у этих

людей таким же как и у других. Представим себе человека, который родился в однообразной среде, абсолютно лишенной всего великолепия красок, и который никогда не переживал извне вызванного впечатления цвета. И тем не менее, чувство зрения у него было бы не хуже, чем у обычных людей, так как [способность к ощущению. — *Ред.-сост.*] света и цвета даны ему от рождения, и они нуждаются только в раздражителях.

Слуховые ощущения также могут быть вызваны изнутри столь же успешно, как и снаружи. Например, всякий раз, когда слуховые нервы находятся в возбужденном состоянии, их чувствование обнаруживается в виде звона, шипенья и треска. Посредством подобных ощущений проявляются и заболевания этих нервов. При более легких и преходящих расстройствах нервной системы жужжание, звон и хруст в ушах говорят о той роли, которую играет чувство слуха в данном расстройстве.

Из всего вышесказанного достаточно ясно следует то, что и требовалось доказать: у нас не существует какой-либо модальности, которая появляется в результате внешних воздействий ощущений, и которая не могла бы возникнуть в соответствующем чувстве при отсутствии внешних причин.

II. ***Одна и та же внутренняя причина вызывает в различных*** [органах. — *Ред.-сост.*] ***чувств различные ощущения, соответствующие их природе.***

Такой причиной, влияющей на чувственные нервы одинаковым образом, является скопление крови в капиллярах в случае ее застоя и воспаления. По этой же причине появляется ощущение света и вспышек при закрытых глазах в сетчатках, ощущение жужжания и звона в слуховых нервах и ощущение боли в нервах осязания. Кроме того, таким же образом воздействуют введенные в кровь наркотические вещества, вызывающие в каждом чувствительном нерве соответствующее нарушение: ощущение мелькания в зрительных нервах, шума в ушах в слуховых нервах и мурашек в нервах осязания.

III. ***Одна и та же внешняя причина также вызывает в различных*** [органах. — *Ред.-сост.*] ***чувств разные ощущения соответственно их природе.***

Механическое воздействие при ударах, толчках и надавливаниях вызывает в глазу ощущения света и цветов. Хорошо известно, что, надавливая на глаз при закрытых веках, мы можем увидеть огненный круг, а при легким надавливании появляется цветовое ощущение с переходом одного цвета в другой. Молодые люди охотно занимаются этим после пробуждения от сна, когда на улице еще темно. Объективного источника света здесь нет, но есть чистое усиленное ощущение. Если надавить на глаз еще сильнее, то возникает ощущение света, подобное молнии. В том, что этот свет не в состоянии осветить внешние объекты, поскольку является чистым ощущением, каждый может убедиться на собственном опыте. Я проводил этот опыт многократно и мне ни разу не удавалось увидеть

в темноте или лучше рассмотреть близко расположенные предметы. Сравните сказанное с заметками о случае судебного разбирательства, когда некто стал утверждать, что благодаря удару в глаз он узнал грабителя, напавшего на него в темноте. Столь же мало увидит во тьме и другой человек: когда я вызываю надавливанием на свой глаз ощущение яркой вспышки, в моем глазу нет и малейшего следа объективного света, потому что такой свет есть ничто иное как мое собственное усиленное ощущение. <...>

Механическое воздействие возбуждает специфическое ощущение и слуховых нервов. Выражение «ударил так, что из глаз искры посыпались и в ушах зазвенело» стало по меньшей мере обычным. Хотя в данном ходячем выражении этого и не говорится, но вполне возможен такой удар, у которого будет запах и вкус. В результате механического раздражения мягкого нёба, надгортанника и корня языка возникает ощущение тошнотворного вкуса. Совершенно механическим при ударе является и воздействие телесных тканей на орган слуха. Внезапный механический толчок воздуха при воздействии на орган слуха возбуждает ощущение хлопка, подобно тому как механический толчок при воздействии на органы зрения вызывает ощущение света. При сильном толчке воздуха ощущается сильный хлопок, а при слабом — шорох. При увеличении длительности воздействия соответственно затягивается и продолжительность ощущения шороха или шума. При определенных условиях из этого шороха и шума образуется определенный тон. Для перехода к звуку, сопоставимому по своему значению с некоторым тоном, необходимо быстрое повторение одинаковых кратковременных толчков. Продолжительный и непрерывный шорох перейдет в звуковой тон только в том случае, если будет регулярно и очень часто прерываться. Сцепление зубьев шестеренки с деревянной дощечкой в машине, изобретенной Саваром[2], производит механически распространяемый на слуховой орган толчок воздуха, вызывающий только ощущение щелчка. Но чем выше скорость вращения шестеренки или частота следования щелчков друг за другом, тем меньше различие между ними, и в конце концов они сливаются в определенный тон, высота которого с увеличением скорости вращения шестеренки или частоты толчков воздуха будет расти. Колебания тела, которые происходят сами по себе, по отдельности в лучшем случае вызовут ощущение треска, но начинают ощущаться как тон, если следуют в одном ряду друг за другом. Толчки здесь также имеют механическую природу. Если мы согласимся, что свет воздействует на тела посредством механических колебаний (волновая теория), то получим еще один пример различного влияния колебаний на разные нервы. В глазу они вызывают ощущения света, в нервах осязания — ощущения тепла, а в других нервах ничего не вызывают.

В качестве второго примера того, что один и тот же раздражитель вызывает в различных чувственных нервах разные ощущения, можно привести электрическое раздражение. Если замкнуть пару пластин из разнородных металлов в одну

---

[2] Сава́р (*Savart*) Феликс (1791—1841) — французский физик. — *Ред.-сост.*

цепь с глазом, то в темноте появляется ощущение яркого света, подобного молнии. Если глаз расположен вне цепи, но не очень удален от нее, это ощущение возникает благодаря отведению части тока к глазу. Так происходит, например, когда одна пластина прикладывается к середине века, а другая помещается во рту. Более сильное электрическое раздражение вызывает множество интенсивных светоощущений. В органе слуха электрическое раздражение вызывает слуховые ощущения. Вольта[3] услышал шипение и пульсирующий шум, когда подключил к своим ушам батарею, состоящую из сорока пар пластин. Это произошло сразу после замыкания цепи и продолжалось все время вплоть до окончания опыта[4]. Риттер услышал при замыкании гальванической цепи тон *G*.

Электрические заряды, произведенные трением в машине Савара, возбуждают в обонятельных нервах ощущение запаха фосфора, а прикладывание разнородных металлических пластин к языку — одной сверху, другой снизу — вызывает, в зависимости от их расположения, ощущение либо кислого, либо соленого вкуса. Теперь, учитывая сказанное о других чувствах, нельзя объяснить это явление только разложением солей, входящих в состав слюны.

С другой стороны, воздействие электричества на осязательные нервы приводит не к световым, слуховым, вкусовым или обонятельным ощущениям, а к характеризующим эти воздействия ощущениям покалываний, ударов и т.д.

Вероятно, что и химические препараты оказывают различное влияние на разные чувственные нервы. Конечно, сведений об этом крайне мало. Известно, что химические воздействия на осязательные нервы возбуждают такие кожные впечатления как жжение, боль и ощущение тепла, на вкусовые — вкусовые ощущения мимолетного характера, на обонятельные — запахи. На органы высших чувств наиболее щадящим образом мы можем воздействовать только путем введения в кровь усваиваемых химических веществ. При этом способе они влияют на все чувственные нервы, оказывая воздействия, соответствующие природе каждого из органов чувств. Сюда относятся эффекты наркотиков, вызывающих, как известно, субъективные зрительные и слуховые феномены.

IV. *Специфические ощущения нами любого чувственного нерва могут быть вызваны одновременно несколькими внутренними и внешними причинами.*

Как следует из вышеприведенных фактов, ощущение света в глазу возбуждается:

1) колебаниями или волнообразными движениями, которые мы называем светом из-за их воздействия на глаз, несмотря на то, что они оказывают и многие другие воздействия, в том числе и химические, поддерживающие органические процессы, происходящие в растениях;

---

[3] Вольта (*Volta*) Алессандро (1745—1827) — итальянский физик и физиолог, один из основоположников учения об электричестве. — *Ред.-сост.*

[4] См.: *Volta A.* Philos.transakt. 1800. P. 427.

2) механическими воздействиями, такими как толчок и удар;

3) воздействиями электричества;

4) химическими влияниями введенных в кровь наркотиков, дигиталиса[5] и других веществ, вызывающих субъективные ощущения мельканий и т.п.

5) пульсацией крови.

Звуковое ощущение в слуховых нервах возбуждается:

1) механическими воздействиями, а именно вибрациями, которые могут распространяться в среде, достигая слухового аппарата;

2) воздействиями электричества;

3) химическими влияниями попадающих в кровь наркотиков;

4) пульсацией крови.

Ощущение запахов в обонятельных нервах возбуждается:

1) химическими влияниями летучих пахнущих веществ;

2) воздействиями электричества.

Вкусовые ощущения возбуждаются:

1) химическими воздействиями, оказываемыми на вкусовые нервы либо извне, либо через кровь; в опытах Мажанди[6] собаки, после инъекции молока в кровь, начинали ощущать его вкус и делали лакательные движения языком;

2) воздействиями электричества;

3) механическими воздействиями; сюда относятся раздражения мягкого нёба, надгортанника и корня языка, вызывающие ощущение тошнотворного вкуса.

Тактильные ощущения возбуждаются:

1) механическими воздействиями звуковых колебаний и прикосновений любого рода;

2) химическими влияниями;

3) теплом;

4) воздействиями электричества;

5) пульсацией крови.

V. ***Чувственное ощущение позволяет сознавать не качество или состояние внешнего объекта, а качество или состояние чувственного нерва, вызываемое некоторой внешней причиной, и этими качествами являются чувственные энергии, различные в различных чувственных нервах.***

---

[5] *Дигиталис* (наперстянка) — род травянистых растений семейства норичниковых. Препараты дигиталиса употребляются при болезнях сердца. Входящие в его состав активные биологические вещества имеют свойство накапливаться в организме и могут быть вредны или даже смертельны для человека со здоровым сердцем. — *Ред.- сост.*

[6] Мажанди (*Magendie*) Франсуа (1783—1855) — французский физиолог. — *Ред.-сост.*

Восприимчивость различных нервов к определенным влияниям, например, зрительных к свету, слуховых к колебаниям и т.д., обычно объясняют их специфической раздражимостью. Но для объяснения всех фактов этого явно недостаточно. Чувственные нервы действительно обладают специфической раздражимостью по отношению к определенным воздействиям, так как многие раздражители, которые оказывают сильное воздействие на какой-то один орган чувств, крайне слабо или совсем не влияют на другие органы чувств. Например, свет или подобные ему бесконечно быстрые колебания влияют только на зрительные и осязательные нервы, более медленные колебания — только на слуховые и осязательные нервы, но не на зрительные, пахучие вещества — только на обонятельные нервы и т.д. Следовательно, внешние раздражители должны быть гомогенными [однородными. — *Ред.-сост.*] органу чувств. Например, свет является гомогенным раздражителем для зрительных нервов, а колебания незначительной частоты, которые влияют на слуховые нервы, являются гетерогенными, или нейтральными, по отношению к зрению. Путем соприкосновения глаза с вибрирующим камертоном можно получить только ощущение дрожи в слизистой оболочке, но не ощущение света. Но выше мы показали, что определенные одинаковые раздражители вызывают в каждом органе чувств различные ощущения. Примером такого раздражителя может служить электричество. Оно гомогенно всем чувственным нервам и все-таки ощущения в них различны. То же справедливо для многих других химических и механических раздражителей. Объяснить эти факты только специфической раздражимостью невозможно, и поэтому мы вынуждены, вслед за Аристотелем[7], приписать каждому чувственному нерву определенные энергии, которые являются их особыми витальными [жизненными. — *Ред.-сост.*] качествами, подобно тому как сократимость является витальным свойством мышцы. В последнее время эти факты стали более известными благодаря изучению так называемых субъективных чувственных явлений такими исследователями как Эллиот, Дарвин[8], Риттер, Гёте[9], Пуркинье[10] и Херт. Сейчас так называют чувственные явления, которые вызываются не обычными гомогенными раздражителями органов чувств, а теми, которые, как правило, на них не воздействуют. С ошибочных позиций в течение длительного времени эти важные явления игнорировали, считая их «обманом чувств» вопреки тому, что при анализе чувств их следовало бы изучать как непосредственно подлинные и фундаментальные чувственные феномены.

---

[7] Аристотель (384—322 до н. э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. — *Ред.- сост.*

[8] Дарвин (*Darwin*) Чарлз Роберт (1809—1882) — английский натуралист, основоположник эволюционного учения о происхождении видов путем естественного отбора. — *Ред.-сост.*

[9] Гёте (*Goethe*) Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель. — *Ред.-сост.*

[10] Пуркине (Пуркинье) (*Purkinje*) (*Purkyne*) Ян Эвангелиста (1787—1869) — чешский физиолог и естествоиспытатель. — *Ред.-сост.*

Итак, ощущение звукового тона является специфической энергией слуховых нервов, ощущение света и цветов — специфической энергией зрительных нервов и т.д. К этой же истине, но другим путем, должно привести ближайшее рассмотрение того, что происходит в ощущении. Например, ощущения тепла и прохлады сообщают нам поверхностное представление о существовании вблизи наших нервов осязания невесомых теплых веществ или специфических колебаний. Но объяснить тепло посредством того, что изначально является состоянием нервов осязания, невозможно. Для этого необходимо исследовать физические свойства этих веществ, к которым относятся их распространение и выход из связанного состояния, их способность к соединению и расширению тел и т.д. С другой стороны, все это никак не объясняет специфику тепла как состояния нервов. Этот чистый и необъяснимый факт говорит нам только о том, что тепло как ощущение возникает при воздействии теплого вещества на нервы осязания, а прохлада как ощущение — при удалении этого вещества от них.

То же относится и к звуковому тону. Чистый факт здесь состоит в том, что при воздействии на слуховые нервы определенного числа толчков или колебаний возникает тон как ощущение. Но тон как ощущение совершенно различен в зависимости от числа колебаний. То число колебаний камертона, которое вызывает в слуховых нервах ощущение звука, в нервах осязания будет вызывать ощущение щекотания. Для того, чтобы произошло ощущение звукового тона, к колебаниям должно присоединиться нечто совершенно другое, и это необходимое нечто находится только в слуховых нервах.

Точно так же дело обстоит и со зрением. Различные сильные воздействия невесомого посредника или света вызывают разное ощущение от разных участков сетчаток глаза независимо от того, происходят ли эти воздействия путем ударов (теория колебаний) или благодаря потоку с бесконечной скоростью (теория излучения). Слабо возбужденные места сетчатки ощущаются как умеренно яркие, сильно возбужденные — в виде света, более спокойные или вовсе невозбужденные — как затененные или темные. Таким образом получается световая картина, соответствующая распределению возбуждений на сетчатке. Цвета также являются внутренне присущими самим зрительным нервам. Они вызываются внешним светом благодаря колебаниям, в основе которых лежит пока еще неизвестная особенность так называемых цветовых лучей или цветовых впечатлений. Вкусовые и обонятельные нервы подвержены множеству внешних воздействий. Но каждый вкус зависит от определенного состояния нервов, обусловленного этими воздействиями. Примечательно, что ощущение кислого вызывает раздражение вкусовых нервов, хотя кислота влияет и на нервы осязания, но не вызывает в них ощущения вкуса.

Существенная природа состояний нервов, посредством которых мы можем видеть свет и слышать тон, существенная природа ощущения звука как свойства слухового нерва, ощущения света как свойства зрительного нерва, существен-

ная природа вкуса, обоняния и осязания останутся, как и конечные причины в естествознании, навеки неизвестными. Рассуждать далее, например, об ощущении голубого непозволительно. Этот факт, как и многие другие, указывает на границы нашего разума. Желание объяснить специфические ощущения разных нервов, возникающие по одинаковым причинам, различной скоростью проведения колебаний от нервных окончаний к сенсориуму не принесло бы никакого продвижения вперед. Если бы такое предположение и было уместным, то его следовало бы применить прежде всего для объяснения различных ощущений в диапазонах определенных чувств. Например, почему сенсориум включает в себя ощущение голубого, красного и желтого, ощущение высоких и низких тонов, ощущение боли или наслаждения, тепла или холода, горького, сладкого и кислого? Это объяснение заслуживает внимания только в этом смысле. Причина различия высоты тонов заключается по меньшей мере в различной скорости колебаний звучащего тела. При первом воздействии контакт такого тела с чувствительными нервами кожи вызывает простое ощущение прикосновения. Повторные колебания звучащего тела возбуждают ощущение щекотки и, возможно, специфическое ощущение наслаждения, когда оно независимо от внешних причин порождается внутренними причинами, будучи обусловлено скоростью колебаний окончаний нервов осязания.

Смутное представление о зрительных ощущениях, возникающих благодаря внутренним причинам, и о самих этих причинах возникало уже у древних натурфилософов. Это видно из учения о зрении, которое Платон[11] излагает в диалоге «Тимей»:

> Из орудий они [боги. — *Ред.-сост.*] прежде всего устроили те, что несут с собой свет, то есть глаза, и сопрягли их [с лицом] вот по какой причине: они замыслили, чтобы явилось тело, которое несло бы огонь, не имеющий свойства жечь, но изливающий мягкое свечение, и искусно сделали его подобным обычному дневному свету. Дело в том, что внутри нас обитает особенно чистый огонь, родственный свету дня, его-то они заставили ровным и плотным потоком изливаться через глаза; при этом они уплотнили как следует глазную ткань, но особенно в середине, чтобы она не пропускала ничего более грубого, а только этот чистый огонь. И вот когда полуденный свет обволакивает это зрительное истечение и подобное устремляется к подобному, они сливаются, образуя единое и однородное тело в прямом направлении от глаз, и притом в месте, где огонь, устремляющийся изнутри, сталкивается с внешним потоком света. А поскольку это тело благодаря своей однородности претерпевает все, что с ним ни случится, однородно, то стоит ему коснуться чего-либо или, наоборот, испытать какое-либо прикосновение, и движения эти передаются уже ему всему, доходя до души: отсюда возникает тот вид ощущения, который мы именуем зрением. Когда же ночь скроет родственный ему огонь дня, внутренний огонь как бы отсекается:

[11] Платон (427—347 до н.э.) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

наталкиваясь на то, что ему не подобно, он терпит изменения и гаснет, ибо не может слиться с близлежащим воздухом, не имеющим в себе огня[12].

Более точные соображения, сформулированные в более научной форме, мы находим в тексте Аристотеля, посвященном сновидениям. Перевод этого текста я привожу в своем исследовании фантастических зрительных явлений. Объяснение фантазмов по Аристотелю — как внутренних чувственных эффектов — полностью согласуется с современной научной точкой зрения. Он даже сообщает о наблюдении, которое сделал и Спиноза[13], что видимые во сне образы могут быть осознаны во время пробуждения [как возникающие. — *Ред.-сост.*] в органах чувств. Кроме того, Аристотель хорошо знал о субъективных превращениях цвета [последовательного, сетчаточного. — *Ред.-сост.*] образа солнца в глазу. <...>

Из вышесказанного довольно отчетливо видно, что чувственные нервы не являются чистыми проводниками свойств тел к нашему сенсориуму и что мы узнаём о внешних предметах только посредством свойств наших нервов и благодаря их способности изменять в той или иной степени свое состояние в зависимости от внешних предметов. Ощущение прикосновений нашей руки в первый момент ничего не говорит о состоянии поверхностей ощупываемого тела, но благодаря этим прикосновениям побуждаются к анализу некоторые участки нашего тела. Представление и суждение делают из простого ощущения нечто совершенно другое. В основе надежности чувственного различения лежат различия в способе, которым внешний объект приводит наши нервы в возбужденное состояние. Но в том же заключается и понимание, почему чувственное познание никогда не сможет открыть нам природу и сущность чувственного мира. В отношениях с чувственным внешним миром мы всегда ощущаем самих себя и образуем из этих ощущений свои представления о состоянии внешних предметов. Эти представления могут быть сравнительно верными, но природа внешнего объекта никогда не предоставляет себя тому непосредственному рассмотрению, которому подвергаются состояния частей нашего тела в сенсориуме.

VI. ***Нерв каждого органа чувств дает ощущение только определенного вида и не может проявить ощущения других органов чувств; поэтому чувственные нервы не могут заменять друг друга.***

Ощущение каждого органа чувства может усилиться до такой степени, что станет приятным или неприятным. При этом его специфическая природа не меняется и оно не переходит в ощущение другого органа чувств. Орган зрения ощущает неприятное при слепящем воздействии и приятное при

[12] Цит. по: *Платон.* Тимей // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1994. Т. 3. С. 447—448.

[13] Спиноза (*Spinoza, d'Espinosa*) Бенедикт (Барух) (1632—1677) — нидерландский философ. — *Ред.-сост.*

гармонии цветов. Орган слуха находит приятное и неприятное в гармонии и дисгармонии звуков. Свои ощущения в виде приятных и неприятных запахов и вкусов имеют органы обоняния и вкуса, а для органа осязания таковыми будут наслаждение и боль. Это говорит о том, что ощущение и в состоянии сильного возбуждения органа чувств не теряет своей специфической энергии. Известно, что ощущения света, звука, вкуса и запаха имеются только в соответствующих нервах. С осязанием дело обстоит не столь ясно. Особо спрашивается, возможно ли ощущение боли в нервах высших чувств? Например, может ли ощущаться сильное повреждение зрительного нерва не в виде боли, а как резкое световое ощущение? При исследование этого вопроса возникают большие трудности. В состав чувственных нервов включены как собственные специфические нервы, так и ответвления осязательных нервов; в носу имеются как обонятельные, так и осязательные нервы двух ветвей *Trigeminus* (тройничного нерва. — *Ред.-сост.*); по соседству расположены осязательные и вкусовые нервы в языке, и ощущение одного из них может сохраняться при потере другого. Со зрением и слухом дело обстоит точно так же. При исследовании этого вопроса необходимо провести дополнительные опыты с изолированными чувственными нервами. Данные, полученные к настоящему времени таким способом, говорят о том, что чувственные нервы обладают только своими специфическими видами ощущения и не способны к ощущению осязания. <...>

Среди достоверных физиологических фактов опять-таки нет ни одного убедительного подтверждения того, что один чувствительный нерв может принимать на себя функции другого. Обострение осязания при слепоте в наше время уже не называют зрением посредством пальцев. Рассказы о случаях ви́дения пальцами и надчревной областью в так называемом состоянии магнетизма — это всего лишь выдумки, и при попытках практического доказательства такого ви́дения всегда обнаруживался обман. Осязательные нервы не могут чувствовать ничего, кроме осязательного ощущения. Слышать звуки можно только с помощью слуховых нервов. Ощущение осязательных нервов при колебаниях тел является чисто осязательным и не похоже на звук, несмотря на то, что в настоящее время различные виды воздействия колебаний тел на слуховые и осязательные нервы нередко смешивают. В мире без живого уха нет звуков, а есть только колебания; в мире без живого глаза нет света, цвета и тьмы, а есть только наличие или отсутствие колебаний невесомой материи света.

VII. *Лежат ли причины различий энергий чувственных нервов в них самих, или они находятся в тех частях головного и спинного мозга, к которым эти нервы приходят, неизвестно, хотя и ясно, что центральные, расположенные в головном мозге части чувственных нервов, независимо от нервных проводников, способны к определенным чувственным ощущениям.*

Специфическая раздражимость чувственного нерва по отношению к определенным раздражителям вероятно должна быть свойством самого нерва. Например, быстрые и медленные колебания действуют только на органы чувств слуха и осязания, а чисто механическое воздействие на вкусовые нервы едва ли вызовет вкусовые ощущения. Но реакция специфического вида, наступающая после возбуждения чувственного нерва, может возникать двояким способом: либо сам по себе один и тот же сенсориум получает различные качества ощущений от нервов, либо сами по себе сходные колебания в нервах приводят к восприятию разных качеств соответственно свойствам тех органических частей сенсориума, с которыми эти различные чувственные нервы связаны. <...>[14]

VIII. *Чувственные нервы прежде всего ощущают только свои состояния и сенсориум прежде всего ощущает состояния чувственных нервов. Однако чувственные нервы, будучи телами, воспринимают свойства других тел благодаря тому, что им может быть переданы вибрации, распространяемые в пространстве, и тому, что химическое, тепловое и электрическое воздействие может изменить их состояние. Поэтому во время изменения своего состояния, происходящего по внешним причинам, они сообщают сенсориуму не только об этом изменении, но и о свойствах и переменах внешнего мира в каждом чувстве по-разному, т.е. соответственно качествам ощущений или энергиям чувств.*

Качества ощущения — света, цветов, звуков, горечи, сладости, вони, благоухания, боли, наслаждения, холода, тепла — все это свойства качества чувственных нервов, которые проявляются главным образом благодаря воздействиям на органы чувств [т.е. представляют собой реакцию органа чувств на внешнее воздействие. — *Ред.-сост.*]. К свойствам, которые могут полностью определяться воздействиями снаружи, относятся протяжение, поступательное и колебательное движение, химическое изменение.

Наши органы чувств способны к передаче в сенсориум пространственного протяжения в разной степени. <...>

IX. *Причина того, что содержание ощущений нервов выносится вовне, заключается не в природе нервов самих по себе, а в сопровождающем наши ощущения, закрепленном благодаря опыту представлении.* <...>

X. *Душа не различает чистого содержания ощущений, толкуя их как представления. Она оказывает на это содержание такое влияние, благодаря*

[14] В пропущенном фрагменте автор говорит о том, что решить, какой из этих способов (или оба вместе) имеет место в действительности, пока не представляется возможным. Однако он уверен, что в любом случае центральные отделы головного мозга принимают участие в качественной спецификации чувств и приводит ряд данных, подтверждающих это предположение. — *Ред.-сост.*

которому ощущениям придается отчетливость. Эта интенция помогает четко выделить различение чувства, соответствующее пространственному протяжению отдельной части чувствительного органа, и привести к более тонкому различению отдельного акта ощущения этого органа. Кроме того она может придать какому-то чувству больший вес, чем остальным чувствам.

Внимание не может одновременно посвятить себя многим впечатлениям. Когда множество впечатлений происходит одновременно, их отчетливость уменьшается соответственно их количеству, или душа воспринимает отчетливо только некоторые из них, а другие воспринимает смутно или не воспринимает вообще. Когда внимание души отвлекается от чувственных нервов и тонет в интеллектуальном рассмотрении, в глубоком размышлении или в глубокой страсти, то ощущения нервов становятся абсолютно равнозначными и совершенно не заметными, т.е. либо вообще не поступают в сознание *Я*, либо настолько слабые, что душа из-за сильного перевеса определенного представления не в состоянии на них задержаться даже на мгновенье или возвращается к ним только спустя некоторое время, когда устанавливается равновесие, и данное захватывающее представление как бы покидает чашу весов. Отсюда легко понять, почему отдельному чувству можно придать четкость, если все другие чувства абсолютно бездействуют. Тогда внимание не будет разделяться на несколько чувств, а будет каждый раз обращаться к анализу ощущений определенного чувства. У слепого это приводит к столь удивительной остроте осязания, что он легко различает малейшие выпуклости, например монеты, а иногда может различить даже крупицы или частицы краски.

Интенция [направленность сознания. — *Ред.-сост.*] помогает выделить детали и в единственном ощущении. Поскольку душа не в состоянии уделить одинаково острое внимание всем частям возбужденной кожной поверхности, то отчетливость ощущения всех частей достигается последовательно благодаря скачкам интенции с одной части нервных волокон на другую. Благодаря интенции слабое пропадающее ощущение некоторого участка кожи лица можно довести до крайней степени отчетливости и продолжительности, в противном же случае это ощущение проходит само по себе и легко забывается. Та же интенция имеет место в чувстве зрения. При интенции на зрительное ощущение всего зрительного поля ничего не увидишь отчетливо. Интенция склонна переходить то на одно ощущение, то на другое, выделяя его деталь, и то, на что она направлена, видится более отчетливо, чем все остальное. Понятно, почему центр сетчатки, в котором отчетливость ощущения наибольшая, перемещается последовательно к различным частям объекта, а остальное видится нечетко. Однако при неподвижной зрительной оси интенция может увеличить отчетливость и бокового зрительного ощущения. Таким образом мы можем рассматривать сложную геометрическую фигуру, последовательно и отчетливо выделяя

ее отдельные элементы и игнорируя остальные. Рассматриваемая многоугольная фигура, внутри разделенная линиями, доставляет нам различные впечатления в зависимости от того, какая из частей ее целого выделена вниманием. Из всего многоугольника нашу интенцию может полностью занять отдельный треугольник, но в следующий миг она может пройти сквозь треугольник на другую фигуру, которая уже была внутри него, но при отчетливом созерцании треугольника не замечалась. То же самое происходит при рассматривании архитектурных украшений, роз и арабесок[15]. Привлекательность этих фигур заключается преимущественно в том, что они в значительной степени возбуждают живые действия и перемены интенции, и таким образом мы осознаем их своеобразное [эстетическое. — *Ред.-сост.*] воздействие. Хотя оба глаза смотрят, как правило, одновременно и с одинаковой силой, интенция может опять-таки сделать зрительное впечатление одного глаза господствующим. Позже мы покажем на опыте, что при взоре двумя глазами, хотя мы этого обычно не замечаем, между глазами происходит соревнование и когда равновесие между ними нарушается, у нас получается совершенно другое впечатление. Например, мы смотрим на лист белой бумаги двумя глазами через прозрачные стекла разного [голубого и желтого. — *Ред.-сост.*] цветов. Впечатления голубого и желтого смешиваются с трудом: то появляется голубое облакообразное пятно на желтом поле, то желтое, меняющее свою величину пятно появляется на голубом поле, то господствует один цвет, поглотивший другой, то наоборот. Эти пятнистые проявления одного цвета на другом цвете говорят о том, что часть сетчатки одного глаза может оказывать направляющее воздействие на части сетчатки другого глаза.

В чувстве слуха, которое не различает пространственную протяженность так, как это делают чувства зрения и осязания, зато обладает наиболее отчетливым ощущением временного хода впечатлений, воздействие интенции становится другим. Самое большее, что орган слуха может различить, это то, какое ухо слышит вообще [при слабом звуке. — *Ред.-сост.*] или же слышит более отчетливо [при сильном звуке. — *Ред.-сост*]. Разумеется, так происходит и в том случае, когда в то и другое ухо говорится разное, а интенция посвящает себя одному из этих впечатлений. Но более удивительно то влияние, которое оказывает интенция на различение слабых звуков. Мы обычно не замечаем слабых побочных звуков струнных и других музыкальных инструментов. Однако благодаря интенции нам удается отчетливо выделить даже тишайшие из них. Еще удивительнее наша способность посредством интенции прислушаться к любому звуку из множества одновременно слышимых звуков оркестра и с вниманием отслеживать слабейшее звучание одного инструмента, снижая отчетливость впечатлений от всех других инструментов.

[15] *Арабеска* — вид сложного орнамента, состоящего из геометрических фигур, цветов и листьев, получивший распространение в европейском искусстве под влиянием арабских образцов. — *Ред.-сост.*

В заключение этого введения в физиологию чувств затронем вопрос о том, ограничено ли число чувств и нет ли у каких-то видов животных других чувств. Спалланзани[16] приумножил известное заблуждение, когда приписал особое чувство летучим мышам потому, что они, будучи ослепленными, ловко пролетали вблизи стен. Некое особое чувство приписывают многим животным вследствие того, что они предчувствуют перемены погоды. Поскольку давление, влажность, температура и наэлектризованность атмосферы оказывают настолько значительное влияние на наше естество, что мы чувствуем их изменения, можно уверенно предположить возможность такого же и даже большего воздействия на животных. Однако что касается ощущений, то большая зависимость от погоды не предполагает никакого нового чувства. Погода может ощущаться через состояние нервной системы в целом и, главным образом, благодаря самым многочисленным и поверхностным нервам осязания. Тем более неприемлемо предполагать существование у животных особого чувства электричества, так как электричество действует, как мы показали выше, на все органы чувств, возбуждая специфические ощущения. Суть нового чувства лежит не в том обстоятельстве, что благодаря ему возникает восприятие внешних предметов, которые обычно на другие чувства не действуют, а в том, что внешние причины вызывают специфические ощущения такого вида, которого в ощущениях наших пяти чувств до сих пор не было. Специфический вид ощущений зависит от силы нервной системы, и предполагать, что такие силы есть у некоторых животных независимо от опыта, когда нет никаких подтверждающих фактов, не следует. Также совершенно невозможно узнать что-нибудь о природе ощущения иначе чем на самом себе.

Некоторые авторы рассматривают внутренние ощущения осязания, посредством которых мы узнаем о состояниях наших тел, как нечто отличное от чувства осязания и сравнительно близкое к общему самочувствию или к ценестезии[17]. Это различение ошибочно, так как ощущение общего самочувствия относится к тому же виду, что и кожное чувство, возбуждаемое снаружи, хотя и является чувством более неопределенным, темным и возбуждаемым во многих органах. Впрочем, для чувства безразлично, возбуждается оно снаружи или изнутри, и нет такого чувства, для которого наше различение объективных и субъективных ощущений было бы чем-то существенным. Конечно, обозначение чувства прикосновения предполагает особое отношение чувства осязания к внешнему миру. Однако касания доставляют восприятию только энергии чувства осязания, которые обслуживаются повсюду одинаковыми нервами с двойными корешками и смешанными нервами спинного и головного мозга. Но и в других случаях также происходит произвольное управление чувствованиями, подобное ощупываниям, а именно прислушивание, разглядывание, смакование, обнюхивание или принюхивание.

---

[16] Спалланзани (*Spallanzani*) Лазаро (1729—1799) — итальянский биолог. — *Ред.-сост.*

[17] *Ценестезия* — совокупность ощущений, исходящих от собственного тела. — *Ред.-сост.*

М. Уошберн

Признаки психики*

Поведение как основание для выводов о наличии психики

Мы постараемся показать, что даже если мы и считаем, что психика (*mind*) есть у всех животных, фактических доказательств для этого у нас нет. Другими словами, не существует таких объективных доказательств наличия психики, отсутствие которых можно было бы рассматривать как доказательства ее отсутствия.

Для начала зададимся вопросом: верно ли, что когда животное реагирует на стимул движением, это связано с осознанием (*consciousness*) стимула, а если движения нет, то нет и его осознания? Может ли *реакция на стимул* свидетельствовать о сознании? Мы знаем, что отсутствие наблюдаемой реакции у человека не позволяет нам утверждать, что он не воспринимает этот стимул, хотя вполне возможно, что осознание стимула всегда приводит к какому-то моторному эффекту, который не всегда можно заметить. С другой стороны, если движение в ответ на физическое воздействие доказывает наличие сознания, то можно прийти к выводу, что и мяч, который падает на пол под действием силы тяжести, а затем отскакивает от него, обладает сознанием. Ничего не меняет и тот факт, что движения животных не эквивалентны в энергетическом смысле тому стимулу, который их вызывает, так как они используют энергию, запасенную самим животным. Действительно, когда простейшее животное встречается на своем пути с препятствием и устремляется назад, то оно не просто отскакивает от этого препятствия, но и использует при этом энергию собственного тела. Однако точно так же и взрыв пороха энергетически не равен огню от зажженной спички, который его вызвал. Таким образом можно прийти к утверждению, что реакции животных на внешние стимулы не связаны с какими-либо

---

* *Washburn M.F.* The Animal Mind: a textbook of comparative psychology. N.Y.: The Macmillan Co., 1926. P. 25—33. (***Перевод Е.Н. Осина, Ю.Б. Дормашева.***)

другими процессами, существующими в неживой природе, кроме физических и химических.

Если мы видим, что движения животного в ответ на внешние стимулы заключаются в уходе от одних стимулов и приближении к другим, то при описании такого поведения вполне естественно использовать слово «*выбор*». Но если мы предполагаем, что этот выбор связан с сознанием, то нам придется говорить и о сознательном поведении ионов в химических реакциях. Когда в раствор нитрата серебра попадает соляная кислота, ионы серебра и хлора находят друг друга, подчиняясь безошибочному «инстинкту», и выпадают в виде белого осадка хлорида серебра, и таким же образом «выбирают» друг друга водород и ион нитрата. Нельзя использовать как доказательство наличия психики и тот факт, что поведение животных адаптировано к определенной цели, поскольку «целевые» реакции, поддерживающие жизнь организма, также избирательны. Поиск пищи, забота о потомстве и сложные виды активности, обеспечивающие выживание, состоят из реакций, связанных с «выбором» стимулов; и если простая реакция «выбора» подобна поведению ионов, тогда и эта *адаптация к определенной цели*, кажущаяся целенаправленность поведения не является доказательством наличия сознания.

Таким образом, сам по себе факт реакции животного на стимул, пусть даже избирательной и осуществляемой в его собственных интересах, не дает нам каких-то особых доказательств наличия у животных психики, которые с таким же успехом нельзя было бы отнести и к частицам неживой материи. Напротив, есть основание считать, что реакции низших животных бессознательны. Это основание состоит в очевидном отсутствии разнообразия в их реакциях. У человека, как нам известно, некоторые движения тела, в частности, связанные с пищеварением и кровообращением, как правило, не осознаются; в случае некоторых других движений, таких как коленный рефлекс, осознание стимула возникает лишь после начала движения и нервный процесс, связанный с этим осознанием, по-видимому, не имеет отношения к выполнению самого движения. Эти бессознательные реакции человека характеризуются сравнительным постоянством, отсутствием разнообразия в их осуществлении. Более того, если движение, первоначально связанное с осознанием, часто повторяется, оно постепенно становится неосознаваемым и однообразным — и это, по-видимому, две стороны единого процесса. Следовательно, есть основания считать, что у низших животных, которые ведут себя совершенно однообразно, сознание отсутствует. Однако необходимо сделать важную оговорку, связанную с использованием этого критерия: очень трудно согласиться с тем, что реакции животного действительно одинаковы. Чем внимательнее мы изучаем наиболее сложные из них, тем больше разнообразия и различий мы открываем там, где поверхностное наблюдение ранее свидетельствовало о механическом и автоматическом постоянстве. Вполне возможно, что даже в простых, как кажется на первый взгляд, жестких реакциях простейших животных с помощью более

совершенных методов наблюдения удастся обнаружить различия, которые мы пока не замечаем.

Противопоставление однообразия и вариативности движений подсказывает нам следующий шаг в поиске надежных критериев психики. Может ли простая *вариативность* поведения, т.е. непостоянство реакции, служить таким критерием? Наш собственный опыт говорит, что нет. Осознаваемая часть нашего поведения более разнообразна, чем неосознаваемая, однако причины этой вариативности зачастую лежат в области физиологии, к которой сознание не имеет никакого отношения. Бывают дни, когда мы ясно мыслим и легко припоминаем, и дни, когда мысли спутаны, а нужные слова не приходят в голову; бывают дни, когда мы раздражительны и дни, когда мы спокойны. И поскольку мы не знаем, что в психических процессах отвечает за эти различия, приводить в качестве доказательства наличия психики подобные колебания в поведении животных было бы странно. Столь сложная машина как организм животного, даже если это всего лишь машина, должна проявлять некоторое непостоянство в своей работе.

Следовательно, поведение должно быть вариативным, но не только вариативным, чтобы свидетельствовать о психике. Чаще всего используется следующий критерий наличия или отсутствия психики — *изменение в поведении, которое определенно является результатом индивидуального опыта*. Роменс[1] задает вопрос: «Научается ли организм новым способам поведения или он изменяет старые в соответствии с результатами своего индивидуального опыта?»[2] Лёб[3] утверждает, что «фундаментальным процессом, участвующим во всех психических феноменах в качестве элементарного компонента» является «активность ассоциативной памяти, или процесс ассоциации»[4]. Он определяет ассоциативную память как «механизм, благодаря которому стимул вызывает не только эффекты, определяемые его собственной природой и особенностями строения раздражаемого органа чувств, но также эффекты других стимулов, которые воздействовали на организм в прошлом или почти одновременно с текущим стимулом»[5]. «Если животное научается, — продолжает Лёб, — если оно поддается дрессировке, оно обладает ассоциативной памятью»[6], а следовательно, и психикой. Психологов не удовлетворяет термин «ассоциативная память», и они возражают против смешения психических и физиологических понятий, которое позволяет Лёбу говорить

---

[1] Роменс (*Romanes*) Джордж Джон (1848—1894) — английский биолог, физиолог и психолог; см. его текст на с. 291—294 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[2] *Romanes G.J.* Yellyfish, starfish and sea-urchins. N.Y.: Appleton, 1885. P. 4.

[3] Лёб (*Loeb*) Жак (1859—1924) — физиолог и биолог, активно работавший в области сравнительной психологии; в 1891 г. переехал из Германии в США. — *Ред.-сост.*

[4] *Loeb J.* Comparative physiology of the brain and comparative psychology. N.Y.: Putnam's Sons, 1900. P. 12.

[5] Там же.

[6] Там же.

о механизме, представляющем собой элементарный компонент психических феноменов. Но мы не будем останавливаться на обсуждении этого вопроса. Способность к научению на собственном опыте — вот факт, который Роменс, Морган[7] и Лёб считают доказательством наличия психики у животных.

Верно ли то, что если животное не способно к научению, то у него нет сознания? Роменс уделяет внимание этому вопросу, отвечая на него отрицательно. «На том основании, что низкоорганизованное животное *не* обучается на собственном опыте, мы не можем заключить, что в его природных или наследственных реакциях на соответствующие стимулы сознание, или элемент психики, полностью отсутствует; мы можем говорить лишь об отсутствии данных, свидетельствующих о нем»[8]. Лёб, напротив, пишет, что отсутствие доказательств наличия сознания говорит о том, что у животных его нет. По-видимому, он исходит из принципа экономии, в соответствии с которым в доказательстве не следует использовать какие-либо положения, если они не являются необходимыми. «Наш критерий, — отмечает Лёб, — полагает конец любым метафизическим идеям о том, что всякая материя и, следовательно, весь животный мир обладает сознанием»[9]. Даже если согласиться с тем, что научение на собственном опыте действительно является удовлетворительным доказательством наличия психики, то его отсутствие у некоторых видов животных не позволяет нам выдвинуть постулат о том, что все животные обладают сознанием, но это и не исключает такой возможности. Тем не менее, для науки эта возможность представляет не больший научный интерес, чем любая другая из миллиона фантазий, на доказательство ложности которых не хватит никакого времени. Позже мы покажем, что научение на собственном опыте само по себе является слишком неопределенным понятием, а будучи определено, оно не позволяет делать столь широкие выводы как вывод о наличии или отсутствии сознания у животных. При таком положении дел нельзя исключать возможность наличия сознания у тех животных, у которых не была выявлена способность к научению.

В свете рассматриваемого критерия первым важным тезисом является следующий: обучение на опыте не должно быть слишком медленным, иначе мы можем обнаружить его параллели в неживой природе. Можно говорить о том, что животное обучилось, если оно стало иначе реагировать на стимул в результате воздействия предыдущих стимулов. Но одно дело, если поведение изменилось под действием одного стимула, и совсем другое дело, если изменение произошло после двух сотен его повторений. Древесина, из которой сделана скрипка, иначе реагирует на вибрации струн, если она «обучалась» этому в течение десяти лет: ее молекулы выстроились в ином порядке. Стальной рельс иначе реагирует

[7] Морган (*Morgan*) Конвей Ллойд (1852—1936) — английский зоолог и психолог. — *Ред.-сост.*

[8] *Romanes G.J.* Yellyfish, starfish and sea-urchins. N.Y.: Appleton, 1885. P. 3.

[9] *Loeb J.* Comparative physiology of the brain and comparative psychology. N.Y.: Putnam's Sons, 1900. P. 13.

на стук колес и может даже переломиться под их нагрузкой после продолжительного воздействия. Можем ли мы сказать, что скрипка и рельс обучились на своем индивидуальном опыте? Очевидное возражение состоит в том, что только у живых организмов обучение на опыте может служить свидетельством разума; в таком случае, возьмем в качестве примера живое существо. У кузнеца, проработавшего один год по специальности, реакции мышц отличаются от первоначальных. И это отличие связано не только с развитием дифференцировки ощущений, лучшим распределением внимания и так далее; в самой структуре мышц кузнеца произошли изменения, в результате которых эффективность их работы повысилась, и эти изменения никак не были связаны с сознанием. Они протекали гораздо медленнее, чем процессы сознательного обучения. Ученик обучается тому, что ему следует делать, за один или два урока, но лишь с течением времени его мускулы приобретают силу, необходимую, чтобы делать это как следует. У низших животных мы встречаемся с научением на опыте, которое протекает очень медленно: требуется сотня или более проб, чтобы новая реакция закрепилась. В таких случаях у нас есть аналогичные причины подозревать, что в тканях организма произошли изменения, которые не имеют сознательного сопровождения, подобно подстройке древесины скрипки или медленному развитию мускула.

Теперь мы должны задать вопрос: *какие виды научения никогда*, насколько нам известно, *не протекают бессознательно*? Предположим, что человека заперли в комнате, из которой он может выйти лишь подобрав комбинацию к замку. Как мы узнаем позже, это один из способов, которые используются при определении способности животного к обучению. Человек после длительного обследования замка совершает необходимые действия и выходит. Предположим, что позже он окажется в той же ситуации; тогда он, безо всяких раздумий и проб, сразу откроет замок и сможет проделать этот трюк вновь и вновь, демонстрируя, что его успех не был случайной удачей. Возможна лишь одна интерпретация такого поведения. Мы знаем из собственного опыта, что человек не смог бы открыть замок, который видит второй раз в жизни, если бы сознательно не вспомнил те движения, которые он совершил в первый раз; т.е. если бы в его сознании не было какой-то идеи, которой он руководствовался. В данном случае наверняка не могло произойти никаких изменений в строении мускулов, поскольку такие изменения протекают постепенно; изменения произошли в той части организма, которая наиболее им подвержена — в нервной системе, причем в самой неустойчивой и лабильной ее части — в высших корковых центрах, активность которых сопровождается осознанием. Другими словами, мы можем быть практически уверены в том, что научение сопровождается сознанием лишь в случаях, когда оно протекает достаточно быстро, чтобы продемонстрировать припоминание прошлого опыта в виде какой-либо идеи или умственного образа. Но даже наблюдая очень быстрый процесс научения, можем ли мы быть уверены, что в сознании низшего животного присутствует какая-либо идея?

Если мотив как полезное или вредное следствие действия обладает большой силой, быть может достаточно единственного опыта, чтобы повлиять на это действие без его отражения в качестве идеи? Более того, даже столь высокоразвитые животные как кошки и собаки научаются решать задачи, аналогичные вышеуказанной задаче с замком, но так медленно, что мы не можем сделать вывод о наличии у них идей. Следует ли нам тогда заключить, что эти животные не обладают сознанием или что у нас нет никаких причин предполагать наличие у них сознания? Йеркс[10] критиковал критерий «научения на опыте», указывая, что «не существует такого живого организма... относительно которого было бы показано, что он не способен извлекать для себя пользу из опыта»[11]. Вопрос, скорее, состоит лишь в скорости и способах научения. «Речному раку требуется сотня или более проб, чтобы усвоить тот тип реакции, для усвоения которого лягушке потребуется двадцать проб, собаке — скажем, пять, а человеку, возможно, всего лишь одна — и этот факт указывает на основную сложность, связанную с использованием этого критерия»[12]. Нагел отмечает, что Лёб, предлагая «ассоциативную память» как критерий сознания, не подкрепляет это никакими доказательствами[13]. Итак, факт состоит в том, что лишь очень быстрое научение животного может служить доказательством наличия у него психики. Однако другие данные, столь же валидные, поскольку получены по тому же принципу аналогии, делают *маловероятным предположение о том, что очень медленное научение животных доказывает наличие у них бессознательных идей.* Эти данные получены в результате рассмотрения *морфологии.*

Структура как основание для выводов о наличии психики

Йеркс и Лукас считают, что при решении вопроса о наличии сознания у животных необходимо учитывать сходство нервной системы и органов чувств животных и человека. Лукас разбивает критерии наличия сознания на три группы: (1) морфологические, включающие в себя структуру головного мозга и органов чувств; (2) физиологические и (3) телеологические. В обсуждении второй группы он утверждает, что характеристикой движений, в соответствии с которой можно заключить о существовании сознания, является их «индивидуальная целенаправ-

[10] Йеркс (*Yerkes*) Роберт (1876—1956) — американский психолог, один из основателей зоопсихологии. — *Ред.-сост.*

[11] *Yerkes R.M.* The sense of hearing in frogs // J. Comp. Neurol. and Psychol. 1905. Vol. 15. P. 145.

[12] *Yerkes R.M.* Animal psychology and criteria of the psychic // J. of Philosophy and Scientific Metod. 1905. Vol. 2. P. 143.

[13] *Nagel W.A.* Review of Loeb: Vergleichende Gehirnphysiologie u.s.w. // Zool. Cent. 1899. Bd. 6. S. 611.

ленность»; что индивидуальная целенаправленность свойственна только произвольным актам, и что произвольные акты — это акты, которым предшествует намерение выполнить определенное движение и, следовательно, идея этого движения. К тому же выводу мы пришли в предыдущем разделе. Третий критерий наличия сознания основан на рассмотрении того, «зачем организм производит сознательный эффект от определенных стимулов?». Но этот критерий, по причине своего чисто априорного характера, менее ценный, чем другие.

Йеркс предлагает:

> ... шесть критериев, которые, как мне кажется, можно расположить в порядке возрастающей важности. Функциональные признаки, как правило, являются более ценными, чем структурные, а внутри этих категорий специальный признак обычно более ценный, чем общий. Однако в некоторых случаях можно утверждать, что специализация в нервной системе имеет большее значение, чем изменяемость реакции.
>
> I. Структурные критерии
> 1. Общая форма организма (организация)
> 2. Нервная система (нервная организация)
> 3. Специализация в нервной системе (нервная специализация)
>
> II. Функциональные критерии
> 1. Общая форма реакции (различение)
> 2. Изменяемость реакции (научаемость)
> 3. Непостоянство (инициатива)[14].

Термины «различение» (*discrimination*), «научаемость» (*docility*) и «инициатива» (*initiative*) заимствованы в этой связи из «Очерков психологии» Ройса[15].

Если структурное сходство нервной системы и органов чувств сопоставить со скоростью научения как с равным по рангу признаком сознания, то будет ясно, что здесь также все дело в степени. По мере того, как мы спускаемся по шкале [эволюции. — *Ред.-сост.*] структура нервной системы низших животных отличается все больше и больше от нашей. На какой же ступени сходства мы должны остановиться и сказать, что выше у животных может быть сознание, а ниже — нет? Провести такую линию, вероятно, не решится никто. Эту проблему, по сути, можно сформулировать следующим образом: ***мы не в состоянии определить ни величину структурного сходства других животных с человеком, ни скорость научения, которые устанавливали бы определенную границу между животными с психикой и животными без психики, если полностью не согласимся с тем, что психика есть только у тех животных, которые научаются столь быстро,***

---

[14] *Yerkes R.M.* Animal psychology and criteria of the psychic // J. of Philosophy and Scientific Metod. 1905. Vol. 2. P. 143.

[15] См.: *Royce J.* Outlines of Psychology: An Elemental Treatise with some Practical Applications. N.Y.: McMillan, 1911.

что у них должно быть припоминание идей. А последнее вступает в противоречие с аргументом структуры. Например, мы не располагаем весомыми экспериментальными доказательствами того, что у кошек есть идеи. Но сходство их нервной системы с нашей достаточно велико, чтобы усомниться в том, что сознание, столь сложное и высоко развитое у нас, у них полностью отсутствует. Мы не знаем, где в мире животных берет начало сознание. Мы знаем точно, где оно находится — в нас самих; мы знаем, с известной долей сомнения, что оно есть у тех животных, структура нервной системы которых сходна с нашей и которые быстро адаптируют себя к урокам опыта. За этой чертой, насколько мы знаем, оно может существовать во все более и более простой форме до тех пор, пока мы не достигнем уровня самых низших из живых существ.

Э.Л. Торндайк

Почему изучают психологию животных?*

Мы можем изучать психику разных животных в силу научной любознательности, — для того, чтобы лучше узнать, какова она и как она работает. Мы можем изучать ее, потому что хотим избежать неприятностей и увеличить эффективность нашей деятельности при отлове или отстреле диких животных, а также при разведении и выращивании диких или домашних животных и использовании их в качестве домашних любимцев или рабочей силы. Мы можем изучать ее для того, чтобы лучше понимать психику людей и лучше руководить ими. По какой бы причине мы их не изучали, полученное при этом знание и понимание вероятно увеличит и улучшит наше знание человеческой природы и наше управление ею. Человек является позвоночным животным, млекопитающим и приматом[1], а также *homo sapiens* [человек разумный (лат.). — *Ред.-сост.*]. Лучшее знание поведения даже низших животных, таких как рыбы или земноводные, может привести к лучшему знанию поведения человека. Лучшее знание наших ближайших родственников, — приматов — способствует этому с еще большей вероятностью.

Психика человека является продуктом врожденных, а также приобретенных на основании опыта тенденций. Врожденные даны человеку от природы наследственно, точно так же как ему даны прямой стан, относительно короткие передние конечности и большой объем головного мозга. Приобретенные воздействуют на его психику, изменяя ее в соответствии с законами человеческой изменчивости. Врожденные тенденции человека лучше познаются с помощью исследований врожденных тенденций наших родственников-животных,

---

* *Thorndike E.L.* Why study animal psychology? // Comparative Psychology. Revised edition / E.L. Thorndike, R.H. Waters, C.P. Stone et al. N.Y.: Prentice-Hall, 1946. P. 1—6. (*Перевод Ю.Б. Дормашева.*)

[1] *Приматы* — высший отряд млекопитающих, включающий полуобезьян, обезьян и человека. — *Ред.-сост.*

а законы изменчивости человеческой психики лучше понимаются благодаря исследованиям способности животных к научению.

Первые психологи старались описать каждую из человеческих врожденных тенденций или инстинктов только как способность к достижению того или иного состояния или как склонность к тому или иному условию существования. Так, мы говорим об инстинкте самосохранения и об инстинкте спаривания. Изучение инстинктов животных подталкивает и даже предъявляет требования к тому, чтобы мы сделали нечто большее, нежели простое признание факта, что определенные состояния достигаются или предпочитаются в тех или иных условиях. Например, инстинктивное поведение строительства у пчел, птиц, бобров и шимпанзе состоит из явно разных ответов на разные условия жизни. Поэтому при рассмотрении этого инстинкта у человека мы должны задать вопрос: «Какие ответы происходят, на какие внешние ситуации и в связи с какими внутренними условиями или установками (*sets*) психики?»

Отделить инстинктивное или незаученное от того, что добавлено опытом, зачастую легче у животных, чем у человека. Так, сексуальную активность крыс можно без труда контролировать от рождения до зрелого возраста с помощью специально отобранных наблюдателем стимулов, сохраняя ее внутреннее развитие и устранив влияние всех других факторов. В то же время изоляция ребенка от таких влияний если и была бы возможной, то привела бы к тяжелым последствиям. На самом деле, инстинктивные тенденции, ведущие к спариванию, и влияние на них опыта лучше исследовать на белых крысах, а не на человеке, несмотря на то, что число наблюдаемых и время наблюдения будут ограничены.

Время проявления врожденных тенденций, их общее развитие и ослабление удобно исследовать на животных. Схватки цыплят можно наблюдать с самого начала, когда у двух молодых петушков происходят перестычки из-за курочки или просто так, после чего они переходят к своим делам, и до времени полноценных петушиных боев.

Натуралисты подразумевают под инстинктом определенный ответ на определенную ситуацию более или менее неизбежным и одинаковым образом. В настоящее время, отчасти благодаря экспериментам с животными, каждая такая тенденция рассматривается как увеличивающая вероятность определенного ответа, но не всегда и не обязательно до 100%. Страх темноты означает не то, что данный индивид всегда или обычно пугается, а то, что в таких ситуациях он будет испытывать страх с большей вероятностью. Темнота и одиночество вместе вызывают страх с большей вероятностью, чем по отдельности. Вообще в любой данный момент поведение является следствием всех действующих в этот момент тенденций и их фрагментов.

На животных развитие таких тенденций можно исследовать задолго до рождения, сохраняя эмбрион живым в среде, сходной с материнской, и под-

вергая его воздействию различных ситуаций. Кармайкл и его ученики провели такое исследование и получили интересные результаты.

Общие и фундаментальные факты изменчивости поведения человека нередко сложно выявить из-за множества происходящих изменений. Если вы исследуете свое собственное научение французскому языку, то вам необходимо учитывать свое знание английского и других языков. Если вы исследуете, нравятся вам или нет новые виды пищи, книги или музыка, то вам необходимо измерить воздействия, произведенные на вас тем, что вы ели, читали и слушали в прошлом. Кроме того, нужно выявить как на ваши действия в прошлом повлияло поведение других людей, связанное с отношением к пище, книгам и музыке и еще многие обстоятельства прошлого опыта. Когда вы исследуете психику животных, необходимость этой работы во многом устраняется. В действительности можно наблюдать животное на протяжении всей его жизни и собрать данные, позволяющие объяснить практически все его поведение в прошлом и предсказать практически все его поведение в будущем.

Поколение тому назад исследователи психики человека описывали процессы абстракцией, обобщением, суждением, рассуждением, выбором, желанием, мотивами, целями, вниманием, ассоциациями и слиянием идей, навыком и автоматизацией. Однако в разработке представлений о движущих силах, благодаря которым эти функции осуществляются, существенного прогресса достигнуто не было. К настоящему времени эксперименты с людьми привели к более простым и плодотворным объяснениям причинной обусловленности человеческого поведения, но самые простые и, возможно, наиболее плодотворные объяснения были получены в рамках исследований научения животных. Было обнаружено, что в основе большинства процессов научения человека лежит формирование умственных связей посредством варьируемой реакции и усиления некоторых из них (т.н. научение животных путем «проб и ошибок» или «проб и успехов»). То же установлено и для процесса ассоциативного смещения, благодаря которому ответ, первоначально вызываемый совокупностью стимулов, например *ABCDE*, позже вызывается ее частью или одним из них, например, *BCDE, CDE, DE* или *E*. Не имеет значения, были ли эти общие принципы обнаружены при исследовании научения животных или же сформировались в результате исследования сложных и тонких форм научения человека. Продуктивность исследования научения животных в этом смысле уже не вызывает сомнений.

Кроме определения общих принципов, которые могут быть адекватно использованы для объяснения большей части и даже всех процессов научения человека, эксперименты с животными предоставляют психологам возможность проверить любые гипотезы, если последние не предполагают воздействия идей и импульсов, имеющихся только у человека. Например, общие и педагогические психологи обоснованно предполагают, что общее количество практических занятий лучше распределить на уменьшающиеся порции, увеличивая при этом интервалы между ними, чем на несколько крупных порций

через небольшие одинаковые интервалы. Проверка эффективности этого и других способов распределения упражнений, проведенная в исследованиях на животных, оказалась весьма полезной. Практически невозможно на одних и тех же испытуемых-людях получить данные об относительной способности к научению в разном возрасте и, кроме того, нелегко устранить влияния на такие данные, избирательно оказываемые различными индивидами. На животных подобные эксперименты проводятся гораздо легче и быстрее. В результате определенных экспериментов с испытуемыми-людьми я предположил, что вознаграждение всегда приводит к усилению умственной связи, тогда как наказание ослабляет эту связь только в том случае, если побуждает человека к формированию какой-то альтернативной связи. Впоследствии я проверил эту гипотезу двумя способами: во-первых, я провел ряд экспериментов с людьми и животными и, во-вторых, проанализировал результаты тех экспериментов, в которых к умственным связям присоединялось наказание. Большинство этих экспериментов было проведено на животных.

Доктор Л.С. Холлингзуэрт предполагает, что, экспериментируя с животными, можно проверить теории причинной обусловленности неврозов, истерии и, возможно, некоторых форм умопомешательства человека. Вне всякого сомнения, было бы разумно проверить, например, теорию, согласно которой неврозы, истерия и тому подобные расстройства психики являются следствием сексуальных извращений, ограничений и психических травм, путем организации условий, соответствующих этим предполагаемым причинам, в экспериментах с животными и сравнения полученных таким образом результатов с данными контрольной группы. Возможно, что поскольку психика животных проще, она приходит в расстройство иначе, чем психика человека, но в то же время не исключено, что причины психических нарушений у человека и животных одни и те же. Согласно теории, популярной в настоящее время среди психиатров и некоторых психологов, фундаментальные особенности характера и темперамента человека, а также его приспособляемости к среде являются следствиями переживаний в раннем детстве. Данных, подтверждающих или опровергающих эту теорию, очень мало, так как выявить связь хорошего опыта с плохой наследственностью у человека очень трудно и еще труднее обнаружить связь плохого опыта с хорошей наследственностью. Экспериментируя с определенными видами животных, мы можем, в пределах диапазона вариативности данного вида, организовать любой родительский уход и даже использовать механических родителей в качестве условия, ухудшающего естественные отношения.

Для решения ряда проблем в области общественных наук необходимо исследовать сравнительную изменчивость поведения мужских и женских особей. Вероятно, что в силу врожденной природы среди наиболее и наименее способных, лучших и худших, психически наиболее здоровых и наиболее больных преобладают мужчины. Но истинность этого вывода оспаривается и будет подвергаться сомнению до тех пор, пока мужчинам и женщинам не будут каким-то

естественным или искусственным образом предоставлены возможности одинакового воспитания. Однако достаточно хорошие сравнительные данные можно получить хоть сейчас, если провести сравнительное исследование мужских и женских особей других видов млекопитающих.

Проблемы, связанные с психической наследственностью, осложняются тем, что у двух родителей-людей обычно бывает мало детей, а также тем, что влияние наследственности затемняется и искажается условиями семейного воспитания. Большинство этих проблем может быть решено в первом приближении в экспериментах с животными, среди которых мы можем набрать необходимое для исследования количество сестер и братьев и обеспечивать им уход, контролируемый экспериментатором.

Исследования животных не только дополняют и помогают разрешить проблемы в области психологии человека, но и ставят перед ней новые проблемы и предлагают ей новые методы. Если взять полдюжину недавних открытий, оказавших наибольшее влияние на психологию человека, то среди них безусловно окажется открытие Павловым[2] того факта, что акт выделения слюны у собаки может быть связан с любым стимулом. Наиболее многообещающие методы измерения мотивов и уравновешивания одного желания или мотива другим были разработаны Моссом, Уорденом и другими авторами в проведенных на белых крысах исследованиях сравнительной силы голода, сексуального желания и материнского поведения.

Определенные важные аспекты человеческой природы, изучаемые, например, в области психологии речи, музыки, науки и предпринимательства, могут быть прояснены путем исследования животных только косвенным образом, благодаря лучшему знанию общих принципов. Особые сенсорные способности человека, его моторные умения и способности к формированию идей лучше всего исследовать непосредственно на людях. Лучше понять что-то в психике человека, изучая его развитие как животного, можно далеко не всегда, и в этих случаях проведение соответствующих исследований на животных становится неоправданным; не исключено, что таким образом некоторые свойства человеческой психики не удастся выяснить никогда. Пути развития предков человека и предков шимпанзе и горилл разошлись миллионы лет тому назад. Конечно, не следует надеяться, что, изучая этих крупных обезьян, мы узнаем, как мы пришли к изобретению языка, математики и стали психологами. Тем не менее они, как и другие млекопитающие, могут помочь многое выяснить относительно фундаментальных проблем в области врожденных тенденций и научения, и исследователь этих аспектов человеческой природы извлечет из знания психологии животных большую пользу.

Исследователь, специально изучающий эволюцию психики человека, также должен быть в курсе всех релевантных данных, полученных при изучении наших ближайших сородичей. Некоторые из их особенностей, например, любопытство,

---

[2] Павлов Иван Петрович (1849—1936) — русский физиолог. — *Ред.-сост.*

способность к манипулятивным действиям и любовь к опыту ради самого опыта, позволили ведущему исследователю психологии приматов [Р. Йерксу[3]. — *Ред.-сост.*] назвать книгу о них «Почти человечество». Некоторые из особенностей, отличающих обезьян и человека от других млекопитающих, менее достойны уважения, например, сексуальное партнерство вне сезона. Очень может быть, что еще одной древней точкой соприкосновения является обследование кожных покровов компаньона с целью обнаружения мелких живых и неживых объектов и расправы с ними путем поедания[4]. Эта особенность не должна чрезмерно ухудшить мнение читателя о своих далеких предках. Взаимопомощь может иметь корни и в таких непритязательных формах поведения, и в более уважаемых формах материнской любви и групповой защиты. Наука должна идти вслед за фактами, куда бы они ни вели.

---

[3] Йеркс (*Yerkes*) Роберт — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[4] Р.М. Йеркс вкратце описывает существенные особенности такого поведения, широко распространенного среди примитивных людей: «Волосы компаньона, независимо от его пола, обследуются зрительно и с помощью пальцев с целью обнаружения паразитов и других чужеродных объектов. Когда паразит найден, то обычно он схватывается и либо раздавливается ногтями, отправляется в рот и съедается, либо раздавливается зубами и затем проглатывается» (*Yerkes R.M.* Genetic aspects of grooming, a socially important primate behavior pattern // Journal of Social Psychology. 1933. Vol. 4. P. 3—25.).

2 *Сенсорная психика и инстинктивное поведение животных*

А.Н. Леонтьев

Стадия элементарной сенсорной психики*

Возникновение чувствительных живых организмов связано с усложнением их жизнедеятельности. Это усложнение заключается в том, что выделяются процессы внешней деятельности, опосредствующие отношения организмов к тем свойствам среды, от которых зависит сохранение и развитие их жизни. Выделение этих процессов обусловлено появлением раздражимости к воздействиям, которые выполняют сигнальную функцию. Так возникает способность отражения организмами воздействий окружающей действительности в их объективных связях и отношениях — *психическое* отражение.

Развитие этих форм психического отражения совершается вместе с усложнением строения организмов и в зависимости от развития той деятельности, вместе с которой они возникают. Поэтому их научный анализ невозможен иначе как на основе рассмотрения самой деятельности животных.

Что же представляет собой та деятельность животных, с которой связана простейшая форма их психики? Ее главная особенность заключается в том, что она побуждается тем или иным воздействующим на животное свойством, на которое она вместе с тем направлена, но которое не совпадает с теми свойствами, от которых *непосредственно* зависит жизнь данного животного. Она определяется, следовательно, не самими по себе данными воздействующими свойствами среды, но этими свойствами в их отношении с другими свойствами.

Так, например, известно, что, как только насекомое попадает в паутину, паук немедленно направляется к нему и начинает опутывать его своей нитью. Что же именно вызывает эту деятельность паука и на что она направлена? Для того чтобы решить это, нужно исключить один за другим различные моменты, которые, возможно, воздействуют на паука. Путем такого рода опытов удалось установить, что то, что побуждает деятельность паука и на что она направлена, есть вибрация, которую производят крылья насекомого, передающаяся по пау-

* *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 219—221, 223—234, 236—237, 239.

тине. Как только вибрация крыльев насекомого прекращается, паук перестает двигаться к своей жертве. Достаточно, однако, чтобы крылья насекомого снова начали вибрировать, как паук вновь устремляется к нему и вновь опутывает его паутиной. Действительно ли, однако, вибрация и есть то, что вызывает деятельность паука, и вместе с тем то, на что она направлена? Это показывает следующий опыт. К паутине прикасаются звучащим камертоном. В ответ на это паук устремляется к камертону, взбирается на его ножки, опутывает их паутиной и пытается нанести удар своими конечностями-челюстями (Е. Рабо). Значит, дело здесь именно в факте вибрации: ведь кроме свойства вибрировать между камертоном и насекомым, попавшим в паутину, нет ничего общего.

Почему же деятельность паука связана именно с воздействующей на него вибрацией, которая сама по себе, конечно, не играет никакой роли в его жизни? Потому, что в нормальных условиях воздействие вибрации находится в определенной связи, в определенном устойчивом отношении к питательному веществу насекомого, попадающего в паутину. Мы будем называть такое отношение воздействующего свойства к удовлетворению одной из его биологических потребностей *биологическим смыслом* данного воздействия. Пользуясь этим термином, мы можем сказать, что деятельность паука направлена на вибрирующее тело в силу того, что вибрация приобрела для него в ходе видового развития смысл пищи.

Биологический смысл тех или иных воздействий не является постоянным для животного, но, наоборот, изменяется и развивается в процессе его деятельности в зависимости от объективных связей соответствующих свойств среды.

Если, например, проголодавшуюся жабу сначала систематически кормить червями, а потом положить перед ней обыкновенную спичку и круглый кусочек мха, то жаба набрасывается на спичку, имеющую, как и черви, удлиненную форму, но не трогает мха: удлиненная форма приобрела для нее биологический смысл пищи. Если, наоборот, мы предварительно будем кормить жабу пауками, то она, не реагируя на спичку, будет набрасываться на кусочек мха, сходный по форме с пауком: смысл пищи теперь приобрела для нее круглая форма предметов. <...>

Отражение животными среды находится в единстве с их деятельностью. Это значит, что, хотя существует различие между ними, они вместе с тем неотделимы друг от друга. Это значит, далее, что существуют взаимопереходы между ними. Эти взаимопереходы заключаются в том, что, с одной стороны, всякое отражение формируется в процессе деятельности животного; таким образом, то, будет ли отражаться и насколько точно будет отражаться в ощущениях животных воздействующее на него свойство предмета, определяется тем, связано ли реально животное в процессе приспособления к среде в своей деятельности с данным предметом и как именно оно с ним связано. С другой стороны, всякая деятельность животного, опосредствованная ощущаемыми им воздействиями, совершается в соответствии с тем, как отражается данное воздействие в ощущениях животного. Понятно, что основным в этом сложном единстве отражения

и деятельности является деятельность животного, *практически* связывающая его с объективной действительностью; вторичным, производным оказывается психическое отражение воздействующих свойств этой действительности.

Деятельность животных на самой ранней, первой стадии развития психики характеризуется тем, что она отвечает тому или иному отдельному воздействующему свойству (или совокупности отдельных свойств) в силу существенной связи данного свойства с теми воздействиями, от которых зависит осуществление основных биологических функций животных. Соответственно отражение действительности, связанное с таким строением деятельности, имеет форму чувствительности к отдельным воздействующим свойствам (или совокупности свойств), форму элементарного ощущения. Эту стадию в развитии психики мы будем называть стадией *элементарной* сенсорной психики. Стадия элементарной сенсорной психики охватывает длинный ряд животных. Возможно, что элементарной чувствительностью обладают некоторые высшие инфузории.

Еще гораздо более уверенно мы можем утверждать это в отношении таких животных, как некоторые черви, ракообразные, насекомые, и, разумеется, в отношении всех позвоночных животных. <...>

Понятно, что материальную основу развития деятельности и чувствительности животных составляет развитие их анатомической организации. Тот общий путь изменений организмов, с которыми связано развитие в пределах стадии элементарной сенсорной психики, заключается, с одной стороны, в том, что органы чувствительности животных, стоящих на этой стадии развития, все более дифференцируются и их число увеличивается; соответственно дифференцируются и их ощущения. Например, у низших животных клеточки, возбудимые по отношению к свету, рассеяны по всей поверхности тела так, что эти животные могут обладать лишь весьма диффузной светочувствительностью. <...>

С другой стороны, развиваются и органы движения, органы внешней деятельности животных. Их развитие происходит особенно заметно в связи с двумя следующими главными изменениями: с одной стороны, в связи с переходом к жизни в условиях наземной среды, а с другой стороны, у гидробионтов (животных, живущих в водной среде) в связи с переходом к активному преследованию добычи.

Вместе с развитием органов чувствительности и органов движения развивается также и орган связи и координации процессов — нервная система. <...>

Изменение деятельности внутри этой стадии развития заключается во все большем ее усложнении, происходящем вместе с развитием органов восприятия, действия и нервной системы животных. Однако как общий тип строения деятельности, так и общий тип отражения среды на всем протяжении этой стадии резко не меняются. Деятельность побуждается и регулируется отражением ряда отдельных свойств; восприятие действительности никогда, следовательно, не является восприятием целостных вещей. При этом у более низкоорганизованных животных (например, у червей) деятельность побуждается всегда воздействием одного какого-нибудь свойства, так что, например, характерной

особенностью поисков пищи является у них то, что они всегда производятся, как указывает В. Вагнер[1], «при посредстве какого-либо одного органа чувств, без содействия других органов чувств: осязания, реже обоняния и зрения, ***но всегда только одного из них***»[2].

Усложнение деятельности в пределах этого общего ее типа происходит в двух главных направлениях. Одно из них наиболее ярко выражено по линии эволюции, ведущей от червей к насекомым и паукообразным. Оно проявляется в том, что деятельность животных приобретает характер иногда весьма длинных цепей, состоящих из большого числа реакций, отвечающих на отдельные последовательные воздействия. <...>

Механизмом такой деятельности является механизм элементарных рефлексов — врожденных, безусловных и условных.

Деятельность такого типа особенно характерна для насекомых, у которых она достигает наиболее высоких ступеней своего развития. Эта линия усложнения деятельности не является прогрессивной, не ведет к дальнейшим качественным ее изменениям. Другое направление, по которому идет усложнение деятельности и чувствительности, является, наоборот, прогрессивным. Оно приводит к изменению самого строения деятельности, а на этой основе и к возникновению новой формы отражения внешней среды, характеризующей уже более высокую, вторую, стадию в развитии психики животных — стадию перцептивной (воспринимающей) психики. Это прогрессивное направление усложнения деятельности связано с прогрессивной же линией биологической эволюции (от червеобразных к первичным хордовым и далее к позвоночным животным).

Усложнение деятельности и чувствительности животных выражается здесь в том, что их поведение управляется сочетанием многих одновременных воздействий. Примеры такого поведения можно взять из поведения рыб. Именно у этих животных с особенной отчетливостью наблюдается резкое противоречие между уже относительно весьма сложным содержанием процессов деятельности и высоким развитием отдельных функций с одной стороны, и еще примитивным общим ее строением — с другой.

Обратимся снова к специальным опытам. В отдельном аквариуме, в котором живут два молодых американских сомика, устанавливается поперечная перегородка, не доходящая до одной из его стенок, так что между ее концом и этой стенкой остается свободный проход. Перегородка — из белой марли, натянутой на рамку.

Когда рыбы (обычно державшиеся вместе) находились в определенной, всегда одной и той же стороне аквариума, то с противоположной его стороны на дно опускали кусочек мяса. Побуждаемые распространяющимся запахом

---

[1] Вагнер Владимир Александрович (1849—1934) — биолог и психолог, основоположник сравнительной психологии в России. — *Ред.-сост.*

[2] *Вагнер В.А.* Возникновение и развитие психических способностей. Психология питания и ее эволюция: Этюды по сравнительной психологии. Л., 1928. Вып. 8. С. 4.

мяса, рыбы, скользя у самого дна, направлялись прямо к нему. При этом они наталкивались на марлевую перегородку; приблизившись к ней на расстояние нескольких миллиметров, они на мгновение останавливались, как бы рассматривая ее, и далее плыли вдоль перегородки, поворачивая то в одну, то в другую сторону, пока случайно не оказывались перед боковым проходом, через который они и проникали дальше, в ту часть аквариума, где находилось мясо.

Наблюдаемая деятельность рыб протекает, таким образом, в связи с двумя основными воздействиями. Она побуждается запахом мяса и развертывается в направлении этого главного, доминирующего воздействия; с другой стороны, рыбы замечают (зрительно) преграду, в результате чего их движение в направлении распространяющегося запаха приобретает сложный, зигзагообразный характер (рис. 1 А). Здесь нет, однако, простой цепи движений: сначала реакция на натянутую марлю, потом реакция на запах. Нет и простого сложения влияний обоих этих воздействий, вызывающего движение по равнодействующей. Это сложно координированная деятельность, в которой объективно можно выделить двоякое содержание. Во-первых, определенную направленность деятель-

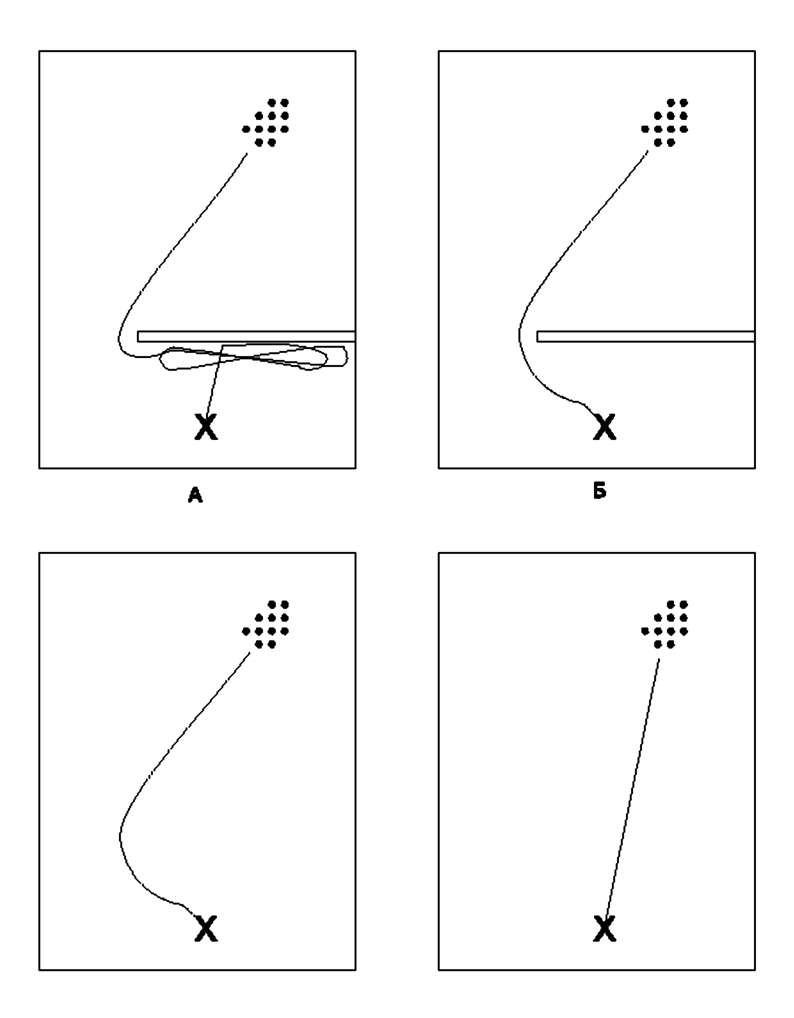

Рис. 1. Схема опытов с рыбами (А.В. Запорожец и И.Г. Диманштейн)

ности, приводящую к соответствующему результату; это содержание возникает под влиянием запаха, имеющего для животного биологический смысл пищи. Во-вторых, собственно обходные движения; это содержание деятельности связано с определенным воздействием (преграда), но данное воздействие отлично от воздействия запаха пищи; оно не может самостоятельно побудить деятельность животного; сама по себе марля не вызывает у рыб никакой реакции. Это второе воздействие связано не с предметом, который побуждает деятельность и на который она направлена, но с теми условиями, в которых дан этот предмет. Таково объективное различие обоих этих воздействий и их объективное соотношение. Отражается ли, однако, это объективное их соотношение в деятельности исследуемых рыб? Выступает ли оно и для рыбы также раздельно: одно — как связанное с предметом, с тем, что побуждает деятельность; второе — как относящееся к условиям деятельности, вообще — как *другое*?

Чтобы ответить на этот вопрос, продолжим эксперимент.

По мере повторения опытов с кормлением рыб в условиях преграды на их пути к пище происходит как бы постепенное «обтаивание» лишних движений, так что в конце концов рыбы с самого начала направляются прямо к проходу между марлевой перегородкой и стенкой аквариума, а затем к пище (рис. 1 Б).

Перейдем теперь ко второй части эксперимента. Для этого, перед тем как кормить рыб, снимем перегородку. Хотя перегородка стояла достаточно близко от начального пункта движения рыб, так что, несмотря на свое относительно мало совершенное зрение, они все же не могли не заметить ее отсутствия, рыбы, тем не менее, полностью повторяют обходный путь, т.е. движутся так, как это требовалось бы, если перегородка была бы на месте (рис. 1 В). В дальнейшем путь рыб, конечно, выпрямляется, как это показано на рис. 1 Г, но это происходит лишь постепенно (А.В. Запорожец и И.Г. Диманштейн).

Итак, воздействие, определявшее обходное движение, прочно связывается у исследованных рыб с воздействием самой пищи, с ее запахом. Значит, оно уже с самого начала воспринималось рыбами наряду и слитно с запахом пищи, а не как входящее в другой «узел» взаимосвязанных свойств, т.е. свойство другой ***вещи***.

Таким образом, в результате постепенного усложнения деятельности и чувствительности животных мы наблюдаем возникновение развернутого несоответствия, противоречия в их поведении. В деятельности рыб (и, по-видимому, некоторых других позвоночных) уже выделяется такое содержание, которое объективно отвечает воздействующим условиям; для самого же животного это содержание связывается с теми воздействиями, по отношению к которым направлена их деятельность в целом. Иначе говоря, деятельность животных фактически определяется воздействием уже со стороны отдельных вещей (пища, преграда), в то время как отражение действительности остается у них отражением совокупности отдельных ее ***свойств***.

В ходе дальнейшей эволюции это несоответствие разрешается путем изменения ведущей формы отражения и дальнейшей перестройки общего типа

деятельности животных; совершается переход к новой, более высокой стадии развития отражения.

Однако, прежде чем начать рассмотрение этой новой стадии, мы должны будем остановиться еще на одном специальном вопросе, возникающем в связи с общей проблемой изменчивости деятельности и чувствительности животных.

Это вопрос о так называемом инстинктивном, т. е. врожденном, безусловнорефлекторном поведении и о поведении, изменяющемся под влиянием внешних условий существования животного, под влиянием его индивидуального опыта. <...>

Противопоставление врожденного и индивидуально приспосабливающегося поведения возникло, с одной стороны, из неправильного сведения механизмов деятельности животных к ее врожденным механизмам, а с другой стороны, из старинного идеалистического понимания термина «инстинкт».

Простейшим видом врожденного поведения считают обычно тропизмы. Теория тропизмов применительно к животным была разработана Ж. Лёбом[3]. Тропизм, по Лёбу, — это вынужденное автоматическое движение, обусловленное неодинаковостью физико-химических процессов в симметричных частях организма вследствие односторонности падающих на него воздействий[4].

Примером такого вынужденного и неизменно происходящего движения может служить прорастание корней растения, которые всегда направляются книзу, в какое бы положение мы ни ставили растение. Сходные явления можно наблюдать также и у животных, однако из этого не следует, что деятельность этих животных сводится к механизму тропизмов и что она не является пластичной, изменяющейся под влиянием опыта.

Так, например, известно, что большинство дафний обладают положительным фототропизмом, т.е. что они совершают вынужденные движения по направлению к свету. Однако, как показывают специальные опыты Г. Блееса и советских авторов (А.Н. Леонтьев и Ф.И. Бассин), поведение дафний отнюдь не похоже на «поведение» корней растений. <...>

Тропизмы животных — это не элементы механического в целом поведения, а механизмы элементарных процессов поведения, поведения всегда пластичного и способного перестраиваться в соответствии с изменяющимися условиями среды.

Другое понятие, с которым связано в психологии представление о врожденном, строго фиксированном поведении животных, — это понятие инстинкта. Существуют различные взгляды на то, что такое инстинкт. Наибольшим распространением пользуется понимание инстинктивного поведения как поведения наследственного и не требующего никакого научения, которое совершается под влиянием определенных раздражителей и раз навсегда определенным образом,

---

[3] Лёб (*Loeb*) Жак (1859—1924) — физиолог и биолог, активно работавший в области сравнительной психологии; в 1891 г. переехал из Германии в США. — *Ред.-сост.*

[4] См.: *Леб Ж.* Вынужденные движения и тропизмы. М., 1924.

совершенно одинаково у всех представителей данного вида животных. Оно является поэтому «слепым», не учитывающим особенностей внешних условий жизни отдельного животного и способным изменяться только в длительном процессе биологической эволюции. Такого понимания инстинкта придерживался, например, известный естествоиспытатель Фабр[5].

Действительно, у большинства более высокоразвитых животных мы можем достаточно четко выделить, с одной стороны, такие процессы, которые являются проявлением сложившегося в истории вида, наследственно закрепленного поведения (например, врожденное «умение» некоторых насекомых строить соты), а с другой стороны, такие процессы поведения, которые возникают в ходе «научения» животных (например, пчелы научаются правильно выбирать кормушки с сиропом, отмеченные изображением определенной фигуры).

Однако, как показывают данные многочисленных исследований, даже на низших ступенях развития животных противопоставление видового и индивидуально вырабатываемого поведения невозможно. <...>

Поэтому оба эти вида поведения отнюдь не должны противопоставляться друг другу. Можно утверждать лишь, что у одних животных большую роль играют врожденные механизмы, а у других — механизмы индивидуального опыта. <...>

Итак, различие в типе механизмов, осуществляющих приспособление животных к изменениям среды, не может служить единственным критерием развития их психики. Существенным является не только то, каким преимущественно путем изменяется деятельность животных, но, прежде всего, то, каково само ее содержание и внутреннее строение и каковы те формы отражения действительности, которые с ней закономерно связаны.

---

[5] См.: *Fabre J.H.* Souvenirs entomologiques. Paris, 1910.

К. Лоренц

[О механизмах поведения и научении]*

Амебоидная реакция

Примечательным образом самая обычная и простейшая реакция на стимулы в мире организмов, *движение*, может быть направлена в любую сторону трехмерного пространства. Амебоидная клетка, состоящая лишь из «голой» протоплазмы, движется таким образом, что в некотором месте ее наружный слой, эктоплазма, становится тоньше. Затем выпячивается нечто вроде разорванного мешка, которое при дальнейшем, локализованном утончении внешней оболочки вырастает в ложноножку, так называемый псевдоподий. Далеее содержимое клетки, следуя направлению наименьшего сопротивления, вливается в псевдоподий, основание которого все более наполняется и утолщается, и таким образом вся клетка постепенно движется в соответствующем направлении. Рост псевдоподиев сопровождается утолщением и стягиванием эктоплазмы на той стороне ползущей амебоидной клетки, которая в процессе движения оказывается сзади. <...>

Когда амебу наблюдают в ее естественной жизненной среде, т.е. не на подложке микроскопа, а свободно движущейся в чашке с культурой, где она живет, то обнаруживается поразительное разнообразие и приспособленность ее поведения. Как говорит лучший знаток простейших Г.С. Дженнингз[1], если бы она была размером с собаку, можно было бы без колебаний приписать ей субъективное переживание. И единственный способ движения, описанный выше, позволяет амебе справляться со всеми ситуациями окружающей среды. Следует иметь в виду, что с помощью одного и того же механизма амеба «боязливо» бежит от вредного воздействия, стремится к благоприятному воздействию, а в оптимальном случае

---

* *Лоренц К.* Оборотная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. С. 97—98, 285—299, 304—314.

[1] Дженнингз (*Jennings*) Герберт Спенсер (1868—1947) — американский зоолог и генетик. — *Ред.-сост.*

«жадно» обтекает предмет, от которого исходит позитивный стимул, и поглощает его. Амеба бежит и ест с помощью одного и того же механизма движения!

Приспособительная информация, обусловливающая кажущуюся разумность амебы, основывается исключительно на ее способности избирательно реагировать на весьма различные внешние стимулы <...>

Кинезис

Теперь нам предстоит рассмотреть ряд механизмов управления, позволяющих животным со структурно закрепленными передним и задним концами целесообразно использовать для сохранения вида свою способность к передвижению, отыскивая места, где более вероятно приобретение энергии и менее вероятна ее потеря. Может показаться удивительным, что это может быть достигнуто без воздействия на *направление* движения. И все же это возможно. Организм, движущийся в случайном направлении, ускоряющий при этом свое движение, как только окружающие условия становятся неблагоприятными, и замедляющий движение, когда они благоприятны, достигает требуемого эффекта таким чисто количественным воздействием на процесс движения. В виде иллюстрации можно представить себе (нежелательный, впрочем) процесс, когда число автомобилей возрастает в тех местах улицы, где условия замедляют движение. Если бы на их месте были простейшие животные вблизи разлагающейся частицы растения, то их поведение было бы целесообразным. Этот простейший вид поведения, ведущий к возможно более длительному пребыванию в возможно более благоприятных условиях среды, Френкель и Ганн назвали кинезисом (что означает движение)[2]. <...>

Кинезис в собственном смысле замечателен простотой своего механизма. Здесь достаточен единственный рецептор, чисто количественным образом действующий на единственный способ движения. Это, насколько я могу понять, есть простейший процесс, с помощью которого организм, способный не амебоидно передвигаться во всех направлениях, может получать и оценивать *текущую пространственно ориентирующую информацию*. То, что организм узнает о внешнем мире, можно выразить простыми словами: «Здесь лучше» или «Здесь не так хорошо». Следствия, которые он выводит из этого «знания», столь же просты: «Здесь мы еще побудем» или «Отсюда надо поскорее уйти». При этом животное ничего не узнаёт о направлении перепада, в котором внешняя среда становится лучше или хуже.

Фобическая реакция

Есть ряд низших организмов, реагирующих стереотипной реакцией *обращения*, когда перемена места приводит их к перепаду стимула, означающему быстрое ухудшение условий среды. В таком случае организм узнаёт нечто о *направлении*, в

---

[2] См.: *Fraenkel G.S., Gunn D.S.* The Orientation of Animals. Oxford: Clarendon Press, 1961.

котором находится подлежащее избеганию. Но если, наоборот, животное встречается с изменением, означающим улучшение жизненных условий, то реакция отсутствует, если только не действует кинезис, как это бывает у многих простейших. И лишь когда глупое существо выходит из благоприятной области на другую сторону, т.е. в неблагоприятную среду, оно отвечает на это реакцией избегания; по выражению Отто Кёлера, оно ведет себя точно так же, как поступает человек, кладущий в карман прибавку к заработной плате, не проронив ни слова, но устраивающий большой скандал при любом сокращении его дохода[3].

<...> Может случиться и так, что новое направление оказывается еще менее благоприятным, чем прежнее, и ведет к еще более крупному нарастанию пугающего стимула. В обоих случаях животное повторяет свою реакцию. Этот способ поведения, названный Альфредом Кюном *фобической* реакцией[4], в отношении объема доставляемой животному информации значительно превосходит кинезис (но никоим образом не амебоидную реакцию). Животное не только узнаёт при этом, что некоторое место неблагоприятно, но также в каком направлении условия еще менее благоприятны, хотя и не получает сведений о том, в каком направлении нежелательные условия хуже всего и тем более в каком направлении надо искать благоприятные условия. Поскольку фобическая реакция не только оказывает количественное воздействие на движение, как это делает кинезис, но вызывает сверх того еще качественно иную реакцию обращения, животное может в течение длительного времени избегать неблагоприятной среды и оставаться в благоприятной, а не только сокращать свое пребывание в первой и удлинять во второй, как это позволяет делать кинезис. <...>

Топическая реакция, или таксис

На гораздо более высоком уровне, как в отношении получаемой текущей информации, так и в смысле сложности участвующих процессов, стоит тип реакций ориентации, которые мы назовем вместе с Альфредом Кюном топическими реакциями, или таксисами. <...>

Простейшая топическая реакция, в терминологии Кюна — тропо-таксис, состоит в том, что организм вращается до тех пор, пока между двумя симметрично расположенными рецепторами не устанавливается равновесие стимулов. Плоский червь, реагирующий «положительным тропо-таксисом» на течения, приносящие ему запах пищи, вращается до тех пор, пока поток воды с обеих сторон его головного конца не достигает равной силы, а затем ползет против течения. Если искусственно устроить такую ситуацию, симметрично направив на голову червя два водяных потока из раздвоенной трубки, то червь проползает между ними по результирующему направлению. <...>

---

[3] См.: *Köhler O.* Die Ganzheitsbetrachtung in der modernen Biologie // Verhandlungen der Königsberger Gelehrten Gesselschaft. 1933.

[4] См.: *Kühn A.* Die Orientierung der Tiere im Raum. Jena: Fischer, 1919.

Все эти топические реакции, от простейших до самых сложных, имеют ту общую черту, что животное сразу же, без проб и ошибок, выбирает пространственное направление, благоприятное для сохранения вида. Иными словами, *величина* угла, на который поворачивается животное, непосредственно зависит от угла между воспринятым стимулом и продольной осью животного. «Отмеренный» поворот характерен для всех топических реакций.

В то время как фобическая реакция дает организму информацию только о направлении, в котором он не должен двигаться, ничего не говоря ему о бесчисленных других направлениях пространства, которые он мог бы избрать, топическая реакция непосредственно информирует животное, какое из всех этих возможных направлений наиболее благоприятно. Таким образом, в отношениии получаемой информации таксис многократно превосходит и фобическую реакцию, и кинезис, но, подчеркнем еще раз, не реакцию псевдоподий амебоидной клетки.

Врожденный механизм запуска

В разделах, посвященных движению амебы, кинезису и фобической реакции, я упомянул уже наряду с функцией приобретения информации, выполняемой соответствующим процессом движения, также функцию физиологического механизма, *запускающего этот процесс*. Организм нуждается не только в структурах, обеспечивающих моторное осуществление некоторой формы движения, способствующей сохранению вида; ему нужен также аппарат для приема стимулов, говорящих ему, в какой момент и при каких обстоятельствах соответствующая форма поведения имеет шанс выполнить свое назначение. <...>

Мы должны спросить себя: как получается, что организм в точности «знает», какая именно реакция должна последовать за данным стимулом, чтобы осуществилась функция, полезная для сохранения вида? Каким образом получается, например, что амеба обволакивает и поглощает не все мелкие частицы, но — за редкими исключениями — только те, которые могут служить ей пищей? Откуда знает маленькое существо, пробивающееся через жизнь с помощью кинезиса, когда и где оно должно плыть быстро или медленно?

Следует предположить, что каждому такому моторному ответу предшествует работа механизма, *фильтрующего стимулы*, т.е. позволяющего действовать лишь тем из них, которые с достаточной статистической достоверностью характеризуют внешнюю ситуацию, где запускаемый способ движения может оказаться целесообразным. Этот рецепторный аппарат можно сравнить с замком, который отпирается лишь вполне определенным ключом. Поэтому употребляется также выражение *ключевой стимул*. Физиологический аппарат, фильтрующий стимулы, мы назовем *врожденным механизмом запуска*, сокращенно — ВМЗ.

У одноклеточных и низших многоклеточных с их не слишком богатым запасом различных форм движения, по существу ограничивающимся поиском добычи и полового партнера, а также избеганием опасных ситуаций, к избирательности ВМЗ предъявляются не слишком высокие требования. И все же амеба избирательно реагирует на целый ряд стимулирующих ситуаций, хотя ее формы поведения различаются лишь количественно. По сравнению с нею заключенные в жесткую структуру жгутиковые инфузории, к которым принадлежит парамеция, кажутся далеко не столь пластичными. Это животное отыскивает с помощью своих фобических и топических реакций среду с требуемыми свойствами, и прежде всего с определенной концентрацией Н-ионов. Чаще всего встречающаяся в природе кислота есть CO_2[5], и ее повышенная концентрация обнаруживается в водах, где находят парамеций, чаще всего поблизости от гниющих остатков растительных веществ; кислоту выделяют скопления бактерий, питающихся этими остатками. Связь эта столь надежна, а присутствие других, особенно ядовитых, кислот столь редко, что парамеция отлично обходится очень простой информацией, которую можно выразить словами: где имеется определенная концентрация кислоты, там собираются съедобные бактерии. Разумеется, программа вида не предусматривает экспериментирующего физиолога, который вводит в жизненное пространство парамеции каплю ядовитой щавелевой кислоты.

У высших животных с хорошо развитыми центральной нервной системой и органами чувств, а также с богатым запасом качественно различных форм поведения, к избирательности врожденных механизмов запуска предъявляются более высокие требования, особенно в тех случаях, когда различные комбинации стимулов, воспринимаемые *одним и тем же* органом, должны вызывать разные ответы. Когда, как, например, в случае самки сверчка, некоторый орган воспринимает лишь единственный вид раздражения, вызывающий единственное ответное поведение, эта проблема не возникает. Как показал Реген, самка сверчка не слышит ничего, кроме призыва самца сверчка. Напротив, мальки большинства видов цихлид оптически реагируют как на образ их матери, за которой они следуют, так и на хищную рыбу того же размера, от которой они спасаются бегством в укрытия. Любой из этих двух способов поведения, примененный к неправильному объекту, означал бы несомненную гибель.

В указанном случае самки сверчка орган слуха теоретически мог бы быть прямо соединен с исполнительным моторным аппаратом. Но в случае рыб между рецептором и эффектором должен быть фильтрующий аппарат, способный различать два вида ключевых стимулов. Сам он может быть расположен только в нервной системе, т.е. между воспринимающим и исполняющим органами.

[5] Точнее, имеется в виду угольная кислота H_2CO_3, разлагающаяся на двуокись углерода CO_2 и воду H_2O. — *Пер.*

О том, каким образом ВМЗ осуществляет свою физиологическую фильтрацию, мы знаем очень мало, хотя исследования Леттвина с сотрудниками, а также Экгарда Бутенандта на сетчатке лягушки бросают яркий свет на возможности такой сортировки[6]. В последнее время Шварцкопф и его ученики показали на кузнечиках, что цепь ганглий, которую должны проходить ключевые стимулы, в самом деле выполняет фильтрацию, и установили, как это происходит[7].

Когда мы видим в естественных условиях, с какой уверенностью и целесообразностью ВМЗ сообщает организму, какие именно способы поведения способствуют в данных обстоятельствах сохранению вида, возникает тенденция к переоценке количества информации, заключенного в таком сообщении. Когда мы видим, как «разумно» ведут себя парамеции вблизи толчеи кормящихся бактерий, или как только что вылупившийся индюшонок при виде пролетающей хищной птицы забивается в ближайшее укрытие, или как молодая пустельга при первом столкновении с водой купается в ней и затем чистит свои перья, как будто она уже делала это тысячу раз, то мы узнаем почти с разочарованием, что примитивные инфузории ориентируются только по концентрации кислоты, что индюшонок точно так же прячется от большой мухи, ползающей по белому потолку, и что гладкая мраморная плита вызывает у молодой пустельги те же движения, что вода.

Врожденная информация механизма запуска закодирована столь просто, как это только возможно при условии, что в биологически неадекватных ситуациях его действие должно быть маловероятным. Классическим примером простой, но вполне достаточной для животного в естественных условиях информации служит ВМЗ, вызывающий реакцию укуса у обыкновенного клеща (*Ixodes rhicinus*). Как показал Якоб фон Икскюль[8], клещ кусает все, что имеет температуру в 37° С и пахнет масляной кислотой[9]. Насколько проста эта характеристика естественного хозяина клеща, млекопитающего, настолько же невероятно, чтобы эту реакцию мог вызвать какой-нибудь другой встречающийся в лесу предмет.

Одно из самых основательных и точных исследований ВМЗ было проведено на мальках цихлид супругами Кюнцер. Хороший обзор современного состояния этой проблемы содержится в работе В. Шлейдта[10].

---

[6] См.: *Lettvin J.Y. et al.* What the frog's eye tells the frog's brain // Proc. Inst. Radio Engr. 1959. Vol. 47. P. 1940—1951; *Butenandt E., Grüsser O.J.* The effect of stimulus area on the response of movement detecting neurons in the frog's retina // Pflügers Archiv. 1968. Vol. 298. P. 283—293.

[7] См.: *Schwartzkopff J.* Vergleichende Physiologie des Gehörs und der Lautaußerungen // Fortschr. Zool. 1962. Bd. 15. S. 214—336.

[8] Икскюль (*Üxküll*) Якоб фон (1864—1944) — немецкий биолог, зоопсихолог и философ. — *Ред.-сост.*

[9] См.: *Üxküll J. v.* Umwelt und Innenleben der Tiere. Berlin, 1909/1921.

[10] См.: *Schleidt W.M.* Wirkungen außerer Factoren auf das Verhalten // Fortschr. Zool. 1964. Bd. 16. S. 469—499.

Свойственное виду импульсивное поведение в смысле Оскара Гейнрота[11]

Врожденный механизм запуска играет особую роль, когда он приводит в действие так называемое инстинктивное движение. У организмов, которым жесткий, расчлененный скелет оставляет лишь вполне определенные степени свободы, т.е. прежде всего у членистоногих и позвоночных, всегда есть свойственные виду двигательные координации, запрограммированные в геноме[12] как одно целое и готовые к выполнению. По-немецки они называются наследственными координациями (*Erbkoordinationen*), или инстинктивными движениями (*Instinktbewegungen*), по-английски «закрепленными шаблонами движения» (*fixed motor patterns*). Физиологически они характерны тем, что их очень жесткая последовательность движений порождается не сцеплением рефлексов, как естественно было бы предположить, а процессами, происходящими в самой нервной системе *без участия рецепторов*. Эрих фон Хольст, Пауль Вейс и другие посвятили подробные исследования физиологии центрально координированных форм движения[13]. Как показали недавно Э. Тауб с коллегами, даже у приматов большая часть их часто высокодифференцированных двигательных координаций функционирует независимо от какого-либо управления внешними и внутренними рецепторами[14]. При врожденных координациях афферентный контроль играет роль лишь в общей пространственной ориентации, но несуществен для самого возникновения последовательности движений. Это можно уяснить себе даже без вивисекционных опытов дезафферентации (т.е. выключения всех чувствительных нервов) по часто происходящим *холостым движениям*, в которых врожденная координация выполняется в целости без присутствия нормально вызывающего ее объекта. Так, например, ткачик, *Quelia*, может выполнять все сложное движение, служащее для закрепления на ветке соломинки при постройке гнезда, даже при отсутствии соломинки или какого-либо подобного предмета. Это поведение выглядит так, как будто птица «галлюцинирует» отсутствующий предмет.

---

[11] *... импульсивное поведение в смысле Оскара Гейнрота* — данным выражением переведено немецкое слово *Triebhandlung*, где *Trieb* означает «побуждение», «импульс», «инстинкт». Поскольку слово «инстинкт» имеет менее специфический характер и не было использовано Гейнротом и Лоренцем, мы предпочли приведенный в тексте перевод, не связанный с какой-либо абстрактной концепцией поведения. — *Пер.*

[12] *Геном* — совокупность генов, содержащихся в одинарном наборе хромосом данной клетки. — *Ред.-сост.*

[13] См.: *Holst E. v.* Zur Verhaltens Physiologie bei Tieren und Menschen. München: Piper, 1969. Bd. I; 1970. Bd. II; *Weiss P.A.* Dynamics of Development: Experiments and Inferences. N.Y.: Academic Press, 1968; *Weiss P.A.* The Living System: Determinism Stratified // Beyond Reductionism / A. Koestler, J.R. Smythies (Eds.). L.: Hutchinson, 1969. P. 3—42.

[14] См.: *Taub E., Ellman S.J., Berman A.J.* Deafferentation in monkeys: effect on conditioned grasp response // Science. 1966. Vol. 151. P. 593—594.

Выполнение наследственной координации, рассматриваемое само по себе, не есть когнитивный [познавательный. — *Ред.-сост.*] процесс. Содержащееся в ней готовое к употреблению моторное умение находится в распоряжении животного как хорошо сконструированное орудие, и чем более специализировано это орудие, тем у́же область его применения. Есть врожденные координации общего назначения, как, например, координации перемены места, грызения, чесания, долбления, и т.д., и есть другие, в высшей степени специализированные для определенной функции, как, например, уже упомянутое связывающее движение ткачика или многие формы поведения при токовании и оплодотворении.

Именно в этих врожденных координациях, дифференцированных для вполне определенных функций, наиболее отчетливо проявляется их точно приспособленная жесткость, их полная независимость от какого-либо обучения. Даже опытный этолог снова и снова удивляется, видя, как только что выращенное молодое животное, о котором достоверно известно, что оно не могло получить информацию из собственного опыта, впервые демонстрирует такую последовательность поведения во всей ее целесообразности и совершенстве. Оскар Гейнрот описывает, как выращенный из яйца и едва научившийся летать ястреб поймал в воздухе фазана, пытавшегося перелететь со стола на подоконник, и прежде чем смог вмешаться его воспитатель, уселся с уже убитой добычей на шкаф. Гейнрот прибавляет: «Это первое профессиональное действие ястреба произвело на нас неизгладимое впечатление»[15]. В действительности соединение моторного умения и точного «знания» ситуации, в которой это умение должно быть применено, предполагает огромную массу врожденной информации.

Только что описанная форма поведения, состоящая из срабатывания некоторого ВМЗ и запущенного им действия врожденной координации, образует функциональное целое, чрезвычайно часто встречающееся в царстве животных. Оскар Гейнрот назвал его «свойственным виду импульсивным поведением»[16]. Это понятие оказалось чрезвычайно плодотворным, и лишь много времени спустя дальнейший анализ этого единства показал, что две его компоненты могут интегрироваться в функциональное целое также и другим способом.

У высших животных свойственное виду импульсивное поведение представляет собой прототип когнитивного процесса, который, как уже говорилось <...> является не приспособлением, а функцией уже приспособленного механизма. При рождении организму задается информация о биологически «правильных» ситуациях и о средствах, позволяющих ему справляться с такими ситуациями.

[15] См.: *Heinroth O.* Beiträge zur Biologie, namentlich Ethologie und Psychologie der Anatiden // Verhandl. d. V. Intern. Ornithol. Kongreß. Berlin, 1910. S. 589—702; *Heinroth O.* Reflectorische Bewegungen bei Vögeln // J. f. Ornithol. 1918. Bd. 66; *Heinroth O.* Über bestimmte Bewegungsweisen der Wirbeltiere // Sitzungsberichte der Ges. d. naturforsch. Freunde. Berlin, 1930.

[16] См.: *Там же.*

Процесс, доставляющий текущую информацию, говорит животному лишь одно: *Hic Rhodus, hic salta*[17], теперь наступил момент применить вот этот особенный способ поведения!

Свойственное виду импульсивное поведение является типичным примером *линейной* цепи актов поведения, пригодной к функционированию уже в этой простой форме; но при интеграции с другими такими цепями, каждая из которых столь же проста, возникает «фульгурация» поистине эпохальных новых функций. Простая цепь описанного выше типа встречается, собственно, лишь у тех живых существ, у которых, как, например, у пауков-скакунов и многих насекомых, такое поведение осуществляется в жизни индивида лишь единственный раз.

Но у высших животных к этому прибавляется еще по крайней мере один дальнейший тип поведения — поиск запускающей ситуации стимулирования, который мы назовем, вместе с Уоллесом Крейгом, ***аппетентным поведением***[18]. Можно предположить, что чисто линейная цепь поведения, дополненная этим предварительным членом, уже имеет значение для сохранения вида. Впрочем, я не могу подтвердить это каким-либо конкретным примером. Почти во всех случаях, когда наблюдается аппетентное поведение, обнаруживается также ***обратное влияние успеха*** на предшествующее поведение. Но тем самым возникает тот же круговой процесс, на котором основывается обучение в собственном смысле этого слова, т.е. обучение посредством успеха, о чем будет речь <...>.

Другие системы, построенные из врожденных механизмов запуска и инстинктивных движений

Как я уже говорил, мой учитель Оскар Гейнрот и я сам в течение долгого времени рассматривали «свойственное виду импульсивное поведение» как простейший и важнейший составной элемент всего животного и человеческого инстинктивного поведения. Понимание, что оно состоит из двух физиологически различных частей, непосредственно следовало из открытия Эриха фон Гольста, убедительно показавшего, что врожденная координация не состоит, как до тех пор считалось само собою разумеющимся, из цепей безусловных рефлексов. Как показал Гольст, координация движений не только выполняется в точной последовательности без помощи рефлексов, но может также начаться без всякого внешнего стимула[19]. Лини, у которых были перерезаны задние корни всех спинномозговых

---

[17] *Здесь Родос, здесь прыгай* (*лат.*) — пословица, взятая из басни Эзопа. — *Пер.*

[18] См.: *Craig W.* Appetites and aversions as constituents of instincts // Biological Bulletin. 1918. Vol. 34. P. 91—107.

[19] См.: *Holst E. v.* Zur Verhaltens Physiologie bei Tieren und Menschen. München: Piper, 1969. Bd. I; 1970. Bd. II.

нервов, выполняли вполне нормальные плавательные движения; нервная система дождевого червя, полностью отделенная от остального тела и подвешенная в физиологическом растворе, неуклонно посылала последовательность нервных импульсов, которая побудила бы мышечную систему червя, если бы она была, выполнять координированные движения ползания. Таким образом, движение вызывается стимуляцией и координацией, производимыми в *самой центральной нервной системе*. Как выразился Эрих фон Гольст, «мантия рефлексов» служит лишь для того, чтобы целесообразно приспособить стимулируемые изнутри движения к обстоятельствам места и времени окружающего мира.

Наследственная координация образует неизменный остов поведения, структура которого содержит исключительно филогенетически полученную информацию. Она приводится в действие лишь многочисленными служащими ей механизмами, принимающими текущую информацию, которые в адекватной ситуации запускают эту координацию и направляют ее во времени и пространстве. Это открытие я рассматриваю как момент рождения этологии, поскольку оно доставило Архимедову точку опоры[20], на которой основано наше аналитическое исследование.

Описанные здесь физиологические открытия бросают новый свет на процессы, образующие совместно с врожденной координацией уже рассмотренные функциональные устройства. До тех пор, пока свойственное виду импульсивное поведение считали цепью безусловных рефлексов, процесс его запуска казался первым членом этой цепи, таким же «рефлексом», как другие. Физиологически он казался не отличающимся от этих других, а потому не заслуживающим особого внимания. Но когда оказалось, что эндогенная [внутреннего происхождения. — *Ред.-сост.*] стимуляция каждой такой последовательности движений непрерывно происходит сама по себе и должна постоянно тормозиться особыми контролирующими механизмами, т.е. когда стало ясно, что запуск инстинктивного движения, по существу, означает лишь ***снятие торможения*** его спонтанности, тем самым возник вопрос, какой особый физиологический механизм осуществляет такое снятие торможения.

У многих низших животных важнейшая функция высших инстанций нервной системы состоит именно в том, чтобы осуществлять постоянное торможение различных свойственных организму эндогенных автоматических движений, а в надлежащий момент, на основании поступающей извне мгновенной информации, «снимать с них узду». Дождевой червь, лишенный своего «мозга», т.е. его верхнеглоточного ганглия, непрерывно ползает и не может остановиться. Подобным же образом оперированный краб не может перестать есть, пока имеется что-нибудь съедобное, и т.п.

---

[20] Архимед (ок. 287—212 до н.э.) — величайший математик и механик Древней Греции, автор многочисленных изобретений и открытий. В частности, он изобрел систему рычагов, блоков и винтов для поднятия больших тяжестей. Отсюда произошла приписываемая Архимеду и ставшая крылатой фраза: «Дайте мне точку опоры, и я сдвину Землю». — *Ред.-сост.*

Открытие эндогенной стимуляции централько координированных форм движения бросило новый свет не только на процесс их высвобождения, но и на ряд других, иначе устроенных и в высшей степени важных явлений. <...>

В области исследования поведения Уоллес Крэйг был первым, кто сделал явление спонтанности предметом научного изучения. Еще до него Уильям Макдугалл[21] противопоставил девизу Декарта[22] *Animal non agit, agitur*[23], который начертала на своем щите американская психологическая школа так называемых бихевиористов[24], свой гораздо более верный афоризм — *The healthy animal is up and doing*[25]. Но сам он считал эту спонтанность следствием мистической жизненной силы, о которой никто не знает, что же собственно под ней понимается. Потому он и не догадался точно пронаблюдать ритмическое повторение спонтанных способов поведения, каждый раз измеряя при этом порог провоцирующего раздражения, как это сделал впоследствии его ученик Крэйг.

Крэйг провел серию опытов с самцами горлицы, отбирая у них самок на ступенчато возрастающие промежутки времени и экспериментально устанавливая, какие объекты все еще способны вызвать токование самца. Через несколько дней после исчезновения самки своего вида самец горлицы был готов ухаживать за белой домашней голубкой, которую он перед тем полностью игнорировал. Еще через несколько дней он пошел дальше и стал выполнять свои поклоны и воркованье перед чучелом голубя, еще позже — перед смотанной в узел тряпкой и, наконец, через несколько недель одиночества стал адресовать свое токование пустому углу клетки, где пересечение ребер ящика создавало хоть какую-то оптическую точку, способную задержать его взгляд. В переводе на язык физиологии эти наблюдения означают, что при длительной приостановке некоторого инстинктивного поведения — в описанном случае токования — *порог запускающего его раздражения снижается*. Это явление настолько распространено и закономерно, что народная мудрость уже давно с ним освоилась и выразила в простой поговорке: «При нужде черт муху слопает»; Гёте[26] выразил ту же закономерность словами Мефистофеля[27]: «Недолго ждать — напиток так хорош, что в каждой женщине Елену ты найдешь». А если

---

[21] Макдугалл (*McDougall*) Уильям (1871—1938) — англо-американский психолог. — *Ред.-сост.*

[22] Декарт (*Descartes*) Рене (1596—1650) — французский философ и математик. — *Ред.-сост.*

[23] Животное не действует, а является объектом действия *(лат.). — Пер.*

[24] *Бихевиоризм* — одно из направлений в психологии, считающее предметом психологии не сознание, а поведение. — *Ред.-сост.*

[25] Здоровое животное активно и что-нибудь делает *(англ.). — Пер.*

[26] Гёте (*Goethe*) Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель. — *Ред.-сост.*

[27] *Мефистофель* — в христианской демонологии один из семи дьяволов, дух сомнения и насмешки; имя Мефистофеля, персонажа трагедии «Фауст» И.-В. Гёте стало общераспространенным наименованием сатаны, адского искусителя. — *Ред.-сост.*

ты голубь, то в конце концов увидишь ее даже в старой пыльной тряпке или в пустом углу своей тюрьмы!

Снижение порога запускающего раздражения может привести к тому, что в особых условиях его величина может упасть до нуля, т.е. при определенных обстоятельствах соответствующее инстинктивное действие может «прорваться» без какого-либо видимого внешнего стимула. У меня жил много лет скворец, взятый из гнезда в младенчестве, который никогда в жизни не поймал ни одной мухи и никогда не видел, как это делают другие птицы. Всю жизнь он получал пищу в своей клетке из кормушки, которую я ежедневно наполнял. Но однажды я увидел его сидящим на голове бронзовой статуэтки в столовой венской квартиры моих родителей, и вел он себя очень странно. Наклонив голову набок, он, казалось, оглядывал белый потолок над собой; затем по движениям его глаз и головы можно было, казалось, безошибочно определить, что он внимательно следит за какими-то движущимися предметами. Наконец он взлетал вверх к потолку, хватал что-то мне невидимое, возвращался на свою наблюдательную вышку, производил все движения, какими насекомоядные птицы убивают свою добычу, и что-то как будто глотал. Потом встряхивался, как это делают очень многие птицы, освобождаясь от напряжения, и устраивался на отдых. Я десятки раз карабкался на стул, даже затащил в столовую лестницу-стремянку (в венских квартирах того времени потолки были высокие), чтобы найти ту добычу, которую ловил мой скворец. Никаких насекомых, даже самых мелких, там не было! <...>

Впрочем, снижение порога запускающего стимула — не единственное следствие длительного отсутствия ситуации, адекватной для определенного инстинктивного движения. Длительное лишение условий выполнения некоторой врожденной координации большею частью приводит организм ***как целое в состояние беспокойства***, побуждая его ***активно искать ключевые стимулы***. Это уже рассмотренное в конце предыдущего раздела явление мы называем, следуя Уоллесу Крейгу, ***аппетентным поведением*** (***appetitive behavior***).

То, что «подгоняет»[28] животное, «импульс», неявно содержащийся в старом термине Гейнрота «импульсивное поведение», таким образом, во многих случаях вовсе не совпадает с одним из «великих» общих побуждений животного и человеческого поведения — таких, как голод, жажда или половое влечение, — физиологические причины которых сравнительно легко обнаруживаются и состоят в нехватке важных веществ либо в переполнении пустотелых органов («импульс детумесценции»[29]). Более того, каждое мельчайшее специальное инстинктивное движение представляет собой автономный стимул поведения, если оно в течение некоторого времени не «отреагируется» (*abreagiert*) — если воспользоваться этим

---

[28] *То, что «подгоняет» животное, «импульс»...* — немецкое *Trieb*, переведенное у нас словом «импульс», происходит от глагола *trieben*, первоначальное значение которого «гнать, подгонять» соответствует латинскому *impulsus* — толчок, побуждение. — *Ред.-сост.*

[29] Импульс детумесценции — *Detumeszenztrieb*, от лат. *tumere* — распухнуть, раздуться. — *Пер.*

не очень изящным выражением Зигмунда Фрейда[30]. Это играет важную роль в образовании условных реакций <...>. Как впервые показали Н. Тинберген[31] и Г.П. Берендс, три важнейших подсистемы стимулируемого поведения: аппетентное поведение, действие врожденного механизма запуска и успокаивающее выполнение инстинктивного движения — могут соединяться друг с другом также иным, более сложным образом[32]. Очень часто продолжительная последовательность форм поведения программируется таким образом, что составляющее ее начало аппетентное поведение доставляет стимулирующую ситуацию, которая запускает не непосредственно инстинктивное движение, составляющее его цель, а вначале лишь *другой вид аппетентного поведения*. Чеглок [*Baumfalk, falco sabluteo. — Пер.*] летает в поисках добычи — это аппетентное поведение первого порядка. Он встречает стаю скворцов и, высоко поднявшись над нею, выполняет особый маневр, имеющий целью отрезать от стаи одного определенного скворца, — это аппетентное поведение второго порядка. Лишь в случае, если это поведение приводит к успеху, хищник достигает ситуации, в которой осуществима следующая форма поведения, а именно умерщвление добычи, за которым следуют дальнейшие инстинктивные движения — сначала ее ощипывание, а затем пожирание. Для нашего представления о сущности инстинктивного движения важно то обстоятельство, что многие врожденные координации встроены в такую последовательность не в качестве удовлетворяющей инстинктивное стремление конечной цели, а в некотором смысле в виде промежуточных целей. Их можно поэтому с равным правом истолковать как формы аппетентного поведения, направленные к достижению стимулирующей ситуации, запускающей следующий член последовательности. Такую последовательность аппетенций Тинберген назвал иерархически организованным инстинктом[33].

Такая система иерархически упорядоченных аппетенций по филогенетически «хорошо продуманной» программе ведет животное от одной стимулирующей ситуации к другой, причем — и в этом суть дела — всегда от более общей, легче находимой к более специальной, которую трудно было бы найти, если бы первый механизм запуска, производящий переключение с аппетенций первого порядка на аппетенцию второго порядка, не указывал к ней путь. Понятие иерархически организованного инстинкта не имеет ничего общего с метафизическими конструкциями: число участвующих в нем механизмов запуска

---

[30] Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр. — *Ред.-сост.*

[31] Тинберген (*Tinbergen*) Николас (1907—1988) — нидерландский (датский) зоопсихолог и этолог. — *Ред.-сост.*

[32] См.: *Tinbergen N.* Die Übersprungbewegung // Z. Tierpsychol. 1940. Bd. 4. S. 1—40; *Tinbergen N.* The Study of Instinct. L.: Oxford University Press, 1951; *Baerends G.P.* Specializations in organs and movements with a releasing function // Physiological Mechanisms in Animal Behaviour / J.F. Danielli, R. Brown (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 1950. P. 337—360.

[33] См.: *Tinbergen N.* Die Übersprungbewegung // Z. Tierpsychol. 1940. Bd. 4. S. 1—40; *Tinbergen N.* The Study of Instinct. L.: Oxford University Press, 1951.

можно определить экспериментально, а участвующие врожденные координации допускают точное описание.

Цепи аппетенций и механизмов запуска, участвующих в такой системе, могут также образовывать «вилку», когда после достижения стимулирующей ситуации, к которой ведет аппетентное поведение первого порядка, имеется возможность *нескольких* дальнейших способов поведения, т.е. пробуждается несколько дальнейших аппетенций. Самец колюшки, у которого весной, с возрастанием продолжительности дня, гормональным путем развивается готовность к размножению, начинает сначала перемещаться из глубокой воды в мелкую и продолжает это аппетентное поведение до тех пор, пока не оказывается в заросшем растениями спокойном мелководье. В этой ситуации он становится «территориальным», т.е. завладевает вполне определенной областью, которую более не покидает. При этом меняется его «установка», т.е. готовность к определенным формам поведения, что внешним образом сообщается как собратьям по виду, так и исследователям его поведения изменением его окраски. С этого момента самец колюшки в равной мере готов строить гнездо, сражаться с соперниками и ухаживать за самкой, вести ее к гнезду и там с нею нереститься. Таким образом, стимулирующая ситуация, достигнутая аппетентным поведением первого порядка, составляет предпосылку для одновременного возникновения нескольких различных аппетенций. Систему инстинктов колюшки глубоко изучил Н. Тинберген[34], а для случая песочной осы (*Ammophila*) эту работу проделал Г.П. Берендс[35].

Подобная иерархически организованная система инстинктов намного «пластичнее», чем простое импульсивное действие в смысле Гейнрота, поскольку каждый из многих последовательно включаемых механизмов запуска получает информацию об условиях окружающей среды в данный момент и приспосабливает к ним поведение. Сверх того многие участвующие в общем процессе и направляющие его в пространстве таксисы также вносят значительный вклад в приобретение информации.

Иерархические системы инстинктов обладают особой приспособительной способностью, экономящей время и энергию; она состоит в том, что в определенных случаях отдельные члены цепи поведения могут опускаться. Когда чеглок в нашем предыдущем примере сталкивается с отдельным скворцом, то он, конечно, не производит маневр отрезания от стаи и переходит прямо к умерщвлению. Как показал Берендс, соответствующие «сокращения» не всегда удается вызвать у песочной осы: во многих случаях насекомое застревает в обязательной иерархической последовательности действий[36].

Подчеркнем еще раз, что эта поистине удивительная и тем самым производящая впечатление «разумности» приспособительная способность иерархи-

[34] *Tinbergen N.* The Study of Instinct. L.: Oxford University Press, 1951.

[35] См.: *Baerends G.P.* Fortpflanzungsverhalten und Orientierung der Grabwespe (Ammophila campestris) // Tijdsch. v. Entomologie. 1941. Bd. 84.

[36] См.: *Там же*

чески организованной системы достигается посредством функций, служащих для приема текущей информации. Система приспособлена, но она обеспечивает своей открытой программой богатый набор комбинаций, целесообразный для сохранения вида *даже и без* адаптивной модификации ее механизма. Тем самым она полностью относится к категории когнитивных процессов, действующих без обучения, — процессов, составляющих предмет этой главы. Независимость их действия от обучения может быть доказана в тех многих случаях, где сложные, иерархически организованные цепи поведения встречаются в жизни индивидуального животного лишь единственный раз, как, например, в столь основательно изученном супругами Пекхем и Джоселин Крейн поведении спаривания многих пауков[37], или исследованном и заснятом на кинопленку Эрнстом Ризом поведении личинок рака-отшельника, которые уже в стадии свободно плавающей *Glaucothoe* при первой же встрече с раковиной улитки выполняют всю высокодифференцированную последовательность форм поведения, с помощью которых взрослый рак-отшельник находит, обследует, чистит и заселяет раковину[38].

Принципиальная независимость действия иерархически организованного инстинктивного поведения от процессов обучения не исключает того факта, что как раз оно и стало основой, на которой развились механизмы обучения. К высокоразвитым процессам обучения оно находится в том «одностороннем» отношении, которое характерно для явлений, происходящих на различных уровнях интеграции. Вспомним, что было сказано об этом выше <...>.

Механизмы, получающие текущую информацию, независимы в своем действии от процессов обучения, добавляющихся на высшем уровне, но составляют *предпосылку* для их возникновения. Без них были бы невозможны рассматриваемые в следующих двух главах процессы адаптивной, или «телеономной», модификации поведения путем обучения. Прокладывание путей посредством упражнения, ослабление стимулов вследствие привыкания, усиление избирательности механизмов запуска вследствие привычки — короче, все те процессы, о которых пойдет речь в следующей главе, возможны лишь на основе функций, описанных в этой главе. Это в особенности справедливо в отношении когнитивной функции *обучения посредством успеха* (*conditioning by reinforcement*) <...>. Возникновение этой высшей и важнейшей формы обучения имело своей предпосылкой наличие вполне пригодных к действию систем, состоявших из аппетентного поведения, врожденного механизма запуска и конечной целевой ситуации. Без

[37] См.: *Peckham G.W., Peckham E.G.* Observations on sexual selection in spiders of the family Attidae // Occasional Papers of the National History Soc. of Wisc Milwaukee. 1889. Vol. 1. P. 3—60; *Crane J.* Comparative biology of salticid spiders at Rancho Grande Venezuela. IV: An analysis of display // Zoologica. 1949. Vol. 34. P. 159—214.

[38] См.: *Reese E.S.* The behavioral mechanisms underlying shell selection by hermit crabs // Behavior. 1963. Vol. 21. P. 78—126; *Reese E.S.* A mechanism underlying selection or choice behavior which is not based on previous experience // Am. Zoologist. 1963. Vol. 508. № 3. P. 135; *Reese E.S.* Shell use: An adaptation for emigration from the sea by the Coconut Crab // Science. 1968. Vol. 161. P. 385—386.

наличия этих трех членов никогда не могла бы возникнуть «фульгурация» той обратной связи, посредством которой успех воздействует в обратном направлении на предшествующее поведение и которая составляет сущность условных реакций в узком смысле. <...>

Поскольку вся психологическая школа бихевиоризма основывает свою работу на гипотезе, что обучение посредством успеха — *conditioning by reinforcement* — есть единственная форма обучения, более того, единственный заслуживающий изучения процесс во всем поведении животных и человека, мне кажется уместным подчеркнуть своеобразие этого процесса обучения еще и тем, что я рассмотрю его в отдельной главе <...> а в этой главе описываю лишь простейшие формы индивидуального приобретения знаний.

Прокладывание пути посредством упражнения

Как известно, механизмы автомобиля подвергаются адаптивному изменению с помощью процесса, именуемого «обкаткой». Нечто подобное происходит также, по-видимому, со многими механизмами поведения. Например, М. Уэллс установил, что у только что вылупившихся из яйца каракатиц (*Sepia officinalis*) реакция поимки добычи уже в первый раз происходит с совершенной координацией, хотя и заметно медленнее, чем после многократного повторения[39]. Улучшается также и точность прицела. Э. Гесс наблюдал подобный же эффект упражнения при клевательном движении только что вылупившихся цыплят домашней курицы[40]. Как он показал, попадание в цель не играет никакой роли в улучшении этой формы движения. Гесс надевал цыплятам очки, призматические стекла которых имитировали боковое смещение цели. Цыплята так и не научились корректировать отклонение и все время продолжали клевать в ожидаемом направлении, мимо цели. Но после некоторого упражнения это движение имело гораздо меньший разброс.

Сенситивизация

С сенсорной стороны поведения процессам моторного прокладывания путей соответствует так называемая *сенситивизация*. Так называется вызываемое повторным запуском некоторой реакции снижение пороговых значений запускающих ее ключевых стимулов. Первая реакция вызывает у животного в некотором смысле тревогу; на антропоморфном языке можно было бы сказать, что у него *обостряется внимание*. Этим сравнением выражается уже и тот факт, что сенситивизация большей частью *кратковременнее* моторного прокладывания путей.

[39] См.: *Wells M.J.* Brain and Behavior in Cephalopods. L.: Heinemann, 1962.

[40] См.: *Hess E.H.* Space perception in the chick // Scient. Americ. 1956. Vol. 195. P. 71—80.

Конечно, состояние тревоги, вызванное сенситивизацией, имеет значение для сохранения вида лишь в тех случаях, когда однократное столкновение с некоторой стимулирующей ситуацией предвещает ***ее вероятное повторение***. Это особенно относится к стимулам, вызывающим бегство. Слегка клюнутый дождевой червь, избежавший гибели благодаря быстрой реакции бегства, правильно поступает, «считаясь» с тем, что опасный дрозд может снова оказаться на его пути. Как показал М. Уэллс, сенситивизация становится особенно важной для сохранения вида, когда объект реакции, враг или добыча, регулярно встречается стаями, как это часто бывает у многих организмов открытого моря. Один из самых впечатляющих примеров сенситивизации поведения поимки добычи — так называемая *feeding frenzy*[41] у глубоководных морских рыб, например у акул, макрелей или сельдей. Поймав несколько особей добычи, рыбы кажутся буквально обезумевшими — *frenzy* и означает помешательство — и бессмысленно хватают все вокруг себя, причем пороговые значения ключевых стимулов снижаются настолько, что, например, тунцы хватают толстые крючки без приманки; на этом и основана техника рыболовства, обычная в тропических морях.

У низших животных сенситивизация (*Sensitivierung*)[42] — широко распространенная форма обучения, особенно типичная, согласно М. Уэллсу, для многощетинковых кольчатых червей (*Polychaeta*). Среди них есть высокоразвитые хищные формы, снабженные эффективными органами чувств.

Как при моторном прокладывании путей, так и при сенситивизации улучшение функции системы достигается ***самим ее функционированием***, что составляет одну из определяющих особенностей обучения. Но в обоих случаях еще отсутствует другой признак, обычно включаемый в определение обучения, — так называемая ***ассоциация***. Этот термин означает образование новой связи между двумя нервными процессами, которые до этого индивидуального процесса обучения функционировали независимо друг от друга. Ассоциация характерна для всех процессов обучения, рассматриваемых в дальнейшем.

Привыкание

Стимулирующая ситуация, запускающая при первом столкновении с нею реакцию определенной интенсивности, часто уже во второй раз теряет в некоторой степени свою действенность, а после ряда дальнейших повторений может совсем лишиться запускающей силы. В немецком языке это называется *Reizgewöhnung* (привыканием к стимулу) или *Sinnesadaptation* (адаптацией к ощущению); как будет видно из дальнейшего, последнее выражение нельзя считать особенно удачным. По-английски это называется *habituation*.

---

[41] Лихорадка питания (*англ.*). — *Пер.*

[42] Вошедший в употребление термин *Sensitierung*, обозначающий этот процесс, ошибочен, во всяком случае в немецком языке; в английском же используется слово *sensitation*.

В типичном случае исчезновение реакции не зависит от того, следует ли за соответствующим ключевым стимулом дрессирующая, «усиливающая» ситуация стимулирования или нет. Во многом это явление подобно *уставанию*; может быть, оно и развилось в ходе эволюции из некоторых весьма специфических явлений уставания. Однако его важное значение для сохранения вида состоит как раз в том, что оно *предотвращает* уставание соответствующей реакции, прежде всего в ее моторном аспекте.

Цель эта достигается тем, что привыкание касается лишь стимулов вполне определенного вида. Пресноводный полип (*Hydra*) отвечает на целый ряд различных стимулов тем, что стягивает свое тело и щупальца в как можно меньшее пространство. Сотрясение подкладки, прикосновение, небольшое движение окружающей воды, химические или тепловые раздражения — все это производит одно и то же действие. Но если гидра поселяется, как это часто бывает, в медленно текущей воде, где ее тело все время колеблется в разные стороны вследствие завихрений потока, то это стимулирующее действие потока постепенно перестает запускать описанное поведение и полип широко распускает свое тело и щупальца, позволяя им пассивно следовать движению среды. Но при этом — что следует подчеркнуть — *пороговое значение всех других стимулов, запускающих стягивание, не меняется.* Именно это, без сомнения, произошло бы, если бы стимулы потока не совсем утратили свое действие, а снова и снова вызывали хотя бы очень слабое стягивание гидры. Тогда, конечно, моторная функция реакции уставала бы, а тем самым снижалась бы также способность реагировать на все другие *стимулы.* Этому и препятствует привыкание к стимулу.

Привыкание можно также назвать *десенситивизацией*, выработкой нечувствительности. Упомянутое выше выражение «адаптация к ощущению» (*Sinnesadaptation*), по-английски *sensory adaptation*, вводит в заблуждение, поскольку его языковая форма вызывает представление, будто имеются в виду процессы, происходящие в органе чувства, подобные адаптации сетчатки нашего глаза к свету и темноте или изменению величины зрачка, служащим для того, чтобы приспособить чувствительность нашего глаза к различным условиям освещения. Конечно, и этот процесс можно называть привыканием; человек, выходящий ночью из ярко освещенной комнаты, может, разумеется, сказать: «Мне надо сначала привыкнуть к темноте». Но в том смысле, как мы понимаем здесь слово «привыкание», оно означает процессы, которые лишь в немногих случаях, как, например, в случае глаза, могут быть сведены к изменениям в самом органе чувства, а происходят в центральной нервной системе. Кроме того, они большею частью *долговременнее* подлинных «адаптаций» органов чувств. Для изучения привыкания к стимулу Маргрет Шлейдт воспользовалась реакцией так называемого клохтания у индюка и доказала, что этот процесс происходит не в органе чувства[43]. Клохтание вызывается

[43] См.: *Schleidt M.* Untersuchungen über die Auslosung des Kollerns beim Truthahn // Z. Tierpsychol. 1954. Bd. 11. S. 417—435.

разнообразными звуками, и если с помощью генератора звуков производится краткий звук постоянной высоты, повторяющийся через некоторые промежутки времени, то вначале индюк клохчет на каждый из этих стимулов, потом он делает это все реже и наконец совсем перестает. Когда затем производятся звуки другой высоты, то оказывается, что возникшая таким образом десенситивизация относится лишь к очень узкой области высот, примыкающей сверху и снизу к высоте стимулирующего звука. «Кривая адаптации» круто опускается с обеих сторон от вершины, так что пороговые значения высот, чуть дальше отстоящих от исходной, не меняются. Все описанное до сих пор еще укладывается в представление, что адаптация или уставание происходит в самом органе чувства. Но М. Шлейдт показала, что дело обстоит иначе, с помощью опыта, впечатляющего своей простотой: она предложила звук, уже переставший действовать, такой же высоты и длительности, как раньше, но гораздо более тихий. К нашему общему удивлению, этот более тихий звук вновь произвел полное запускающее действие, как если бы был предложен совсем другой звук. Таким образом, специфическая сенситивизация по отношению к данному стимулу, безусловно, произошла не в органе чувства, потому что этот орган в своем адаптированном или уставшем состоянии реагировал бы на тихий звук еще намного слабее, чем на звук прежней силы.

Даже без направленных экспериментов, при наблюдении процессов привыкания в естественных условиях, можно уяснить себе, как сильно исчезновение первоначальной реакции зависит от вполне определенной комбинации внешних стимулов. Уже сама сложность таких условий указывает, что в общем процессе должны участвовать высшие функции центральной нервной системы. Вот пример: многие из утиных (*Anatidae*) реагируют на хищников, движущихся по границе их водоема, поведением, которое охотники называют «травлей»[44]: они преследуют врага, издавая предостерегающие звуки и сколько возможно не упуская его из виду. Эта реакция прежде всего относится к лисе и особенно легко вызывается объектами, покрытыми рыжим мехом, чем весьма коварно пользуются голландские охотники на уток в так называемых загонах[45]: они привязывают лисью шкуру к спине дрессированной собаки, которая заманивает уток в длинный, спирально изогнутый канал, так называемую трубку, с ловушкой в конце. Когда мы переселились с нашим богатым поголовьем утиных на озеро Эсс (*Ess-See*), тогда еще не огороженное от лис, мы опасались, что привычка наших птиц к моим собакам, помесям чау и овчарки, с рыжей шерстью и очень похожим на лис, может стать для наших птиц опасной. Они

[44] *... которое охотники называют «травлей».* — В оригинале *auf sie hassen* (ненавидят их). Здесь глагол *hassen* имеет специальное значение, объясняемое ниже. — *Пер.*

[45] *Загоны* — *Koje* — здесь: «Область, открытая сверху и спереди, отделенная от большего пространства временными стенами, которая (временно) устроена для определенной цели». См.: *Duden K.* Das große Wörtebuch der deutschen Sprache. Leipzig; Wien: Bibliographisches Institut, 1905. Bd. 4. — *Пер.*

подпускали к себе собак столь близко, что подобное поведение по отношению к лисе могло бы оказаться фатальным. Однако это опасение оказалось напрасным, поскольку исчезновение реакции относилось лишь к нашим собственным индивидуальным собакам: даже собака породы чау, принадлежавшая моей знакомой, подверглась «травле» с нисколько не сдерживаемой яростью, и тем более доставалось лисам.

Часто удивляются, насколько малые изменения достаточны, чтобы разрушить привыкание к целой ситуации. Например, достаточно было одной из наших собак появиться на берегу озера, противоположном нашему институту, чтобы вновь разжечь полную реакцию травли у тех же уток и гусей. То же я наблюдал у дроздов шама (*Copsychus malabaricus*). Пара этих птиц, высиживавших птенцов в моей комнате, изгнала из своего участка птенцов первого выводка, когда следующий выводок приближался к возрасту оперения. Когда я запер в клетку молодого самца, предохранив его таким образом от нападений родителей, прежде всего отца, то взрослые птицы привыкли к присутствию неустранимого сына, так как стимул был некоторым образом скрыт. Они не обращали больше внимания на клетку и ее обитателя. Но когда я неосторожно переставил клетку в другое место комнаты, «адаптация» была совершенно уничтожена и оба родителя так яростно набросились через решетку на молодого самца, что совсем забыли обо всем остальном, и прежде всего о новых птенцах. Поскольку эти птенцы еще не могли самостоятельно есть, они погибли бы с голоду, если бы я не удалил камень преткновения из комнаты.

Явление привыкания задает нам загадки в том отношении, что процесс «адаптации» в ряде случаев кажется явно нецелесообразным. Мы знаем ряд очень специфических форм реагирования, которые, вопреки их очевидному значению для сохранения вида, так скоро десенситивизируются, что, собственно, лишь при первом выполнении проявляют свою полную интенсивность; это показал Роберт Хайнд на реакции предупреждения и бегства, вызываемой у зяблика совой[46]. Даже после нескольких месяцев «отдыха» реакция и отдаленно не достигла той интенсивности, какую она имела в первый раз. Даже сильнейший мыслимый стимул, дрессирующий, т.е. «подкрепляющий», реакцию, а именно преследование живой совой, вырвавшей у зяблика несколько перьев, никоим образом не произвел ожидаемого действия, т.е. не снял притупления этой реакции. Трудно себе представить, чтобы механизм, столь очевидным образом произведенный эволюцией для определенной функции и столь высокодифференцированно выполняющий ее, был создан для того, чтобы развить свою деятельность один раз или самое большее два раза в жизни индивида. Должна быть какая-то ошибка в нашей аргументации или в нашей постановке эксперимента. Реакция молодых серых гусей на имитацию родительского предупреждения исчезала в наших опытах так же быстро, как реакция зяблика

[46] См.: *Hinde R.A.* Animal Behavior, a Synthesis of Ethology and Comparative Psychology. N.Y.: McGraw-Hill, 1972. [Рус. пер. см.: *Хайнд Р.* Поведение животных. М.: Мир , 1975. — *Ред.-сост.*]

на сову в опытах Хайнда, и так же мало восстанавливалась. Может быть, мы просто сводим на нет реакцию, запуская ее в человеческом нетерпении слишком быстро и слишком часто; а может быть, мы способствуем ненормально быстрой адаптации тем, что устраиваем в наших «контролируемых» экспериментальных условиях такую однородность всей ситуации, какой никогда не бывает в естественной жизни.

Вольфганг Шлейдт изучил случай, в котором десенситивизация действительно доставляет полезную для приспособления информацию. Как было уже сказано [см с. 294. — *Ред.-сост.*], у индюков имеется механизм запуска реакции бегства от хищных птиц, отвечающий очень простой конфигурации стимулов: все, что выделяется черным силуэтом на светлом фоне и движется с определенной угловой скоростью, связанной определенным соотношением с собственной длиной, для дикой индейки является «хищной птицей», например муха, медленно ползущая по белому потолку, точно так же, как пролетающий в небе сарыч, вертолет или воздушный шар. При попытке сравнить друг с другом разные формы в отношении их действенности, например форму летящего гуся с формой орла, оказалось, что форма, как таковая, вполне безразлична, но привыкание к определенному объекту происходило столь быстро, что в каждом случае действеннее всех оказывался тот, который дольше всего не предъявлялся подопытному животному. На свободе наши дикие индейки проявляли самую сильную «реакцию на хищную птицу», когда показывался дирижабль мюнхенской рекламной фирмы, раз или два в год пролетающий над нашей местностью, гораздо меньшую реакцию — на значительно чаще видимые вертолеты и самую слабую — на сарычей, почти ежедневно круживших над нами. Информация, вызывающая у птицы это быстрое привыкание, в словесном выражении звучала бы таким образом: «Опасайся медленно проходящих по небу предметов, но больше всего тех, которые видишь *реже всего*». В естественных условиях Северной Америки это был бы несомненно белоголовый орел (*Haliaetus albicilla*), единственная хищная птица, которая может угрожать взрослым диким индейкам.

Как уже было сказано, процесс привыкания, или десенситивизации, отличается от ранее рассмотренных простейших процессов модификации поведения — прокладывания путей и сенситивизации — в одном существенном отношении: он сопровождается так называемой ассоциацией, устанавливающей связь врожденных механизмов запуска с весьма сложными функциями распознавания образов, которые будут рассмотрены в одной из следующих глав. Эта связь осуществляет особое, в физиологическом аспекте еще загадочное *торможение*. В *привычной* стимулирующей ситуации, которая может представлять невероятно сложную комбинацию отдельных стимулирующих данных, ключевые стимулы, действующие врожденным образом, *теряют* свое запускающее действие, но *сохраняют* его во всех других, даже очень мало отличающихся комбинациях с другими стимулами.

Приучение

В обиходной речи мы обозначаем словом «привычка» (*Gewöhnung*) не только процесс, посредством которого мы привыкаем к ранее тягостному стимулу, так что он перестает действовать и более нами не осознается, но и такой процесс, когда определенная стимулирующая ситуация или способ поведения вследствие многократного повторения становятся нам приятными и даже необходимыми. В этом случае, точно так же как и в случае десенситивирующего привыкания, имеется прочная «ассоциация», устанавливающая связь между ключевыми стимулами, действующими на аппарат запуска, и комплексом стимулов окружающей ситуации, повторно сопровождающих такие ключевые стимулы. Эта ассоциация приводит к тому, что реакция, которая первоначально могла быть вызвана простой конфигурацией ключевых стимулов, в дальнейшем нуждается уже для своего запуска во всем комплексе стимулирующих данных, как врожденных, так и «привычных». Таким образом, ассоциация производит здесь действие, прямо противоположное ее действию при десенситивизации, описанному в предыдущем разделе. Там она прекращает действие первоначально действовавших стимулов; между тем в рассматриваемом здесь процессе ключевые стимулы не только остаются действенными в своем взаимодействии с привычной стимулирующей ситуацией, но, более того, их действенность проявляется *только* в соединении с нею. Значение этого процесса для сохранения вида состоит в значительном усилении *избирательности* механизма запуска. В отличие от десенситивирующего привыкания, соответствующие примеры можно найти прежде всего у высших животных. Птица, долго содержавшаяся в клетке и годами евшая из одного и того же блюдца, может умереть с голоду, если это блюдце разобьется и ей предложат есть из другой посуды. Патологическим образом приучение проявляется у людей со старческим слабоумием, у которых малейшее изменение обстановки расстраивает осмысленное поведение.

Значение приучения для сохранения вида отчетливее всего видно в онтогенетическом развитии многих животных. Например, только что вылупившийся серый гусь «приветствует», а затем бежит следом за любым предметом, отвечающим на его «свистки покинутости» ритмическими звуками средней высоты и при этом движущимся. Если гусенок проделал это один или несколько раз по отношению к человеку, то в дальнейшем очень трудно побудить его следовать за гусыней или чучелом; а если терпеливо приучить его к этому, он не проявляет уже той интенсивности и верности, какую вызывает у него первый объект. Такая необратимая фиксация побуждения на его объекте, называемая *запечатлением*, будет рассмотрена дальше, в отдельном разделе. Запечатление в реакции следования гусенка, независимо от того, направлено ли оно на человека или гусыню, вначале относится лишь к виду, а не к индивидуальности запечатленного объекта. Уже способный к бегу и однозначно запечатленный на гусей, маленький гусенок может быть еще без труда перемещен из одной гусиной семьи в другую.

Но если он следовал за своими родителями около двух полных дней, то он начинает уверенно узнавать их индивидуально, и несколько раньше по голосу, чем по чертам лица, — ведь анатиды[47] примечательным образом узнают друг друга, как и мы, по конфигурации лица. И когда они не видят лица своего собрата по виду, они распознают его еще хуже, чем мы.

Это избирательное привыкание гусенка к индивидуальности своих родителей происходит без участия положительной или отрицательной дрессировки. Случается, что гусенок теряет своих родителей в течение первого часа следования за ними и тогда пытается примкнуть к какой-нибудь другой гусиной паре с выводком, большей частью изгоняющей такого чужака укусами. Но эти неприятные переживания с чужими собратьями по виду не предохраняют его от повторения такой ошибки, а если он снова находит своих родителей, никак не побуждают его крепче их держаться. Напротив, кажется, что даже недолгое следование за чужими гусями стирает образ родителей: как показывают наблюдения, гусенок, однажды потерявший родителей и приставший к чужой паре, склонен снова и снова это повторять. Связанные с этим неприятные переживания, по-видимому, не действуют на его поведение.

Другой пример. Как показал строгими опытами Рене Спитс, у человеческого младенца примерно двухмесячного возраста, только что выработавшего моторику *улыбки,* этот вид приветствия может быть запущен с помощью очень простых макетов[48]. Наряду с конфигурацией двух глаз и переносицы здесь существенно кивающее движение головы, причем оптическое воздействие усиливается отчетливой границей волос. Как добавочный ключевой стимул действует ухмыляющийся рот с высоко оттянутыми вверх уголками. Сначала детский воздушный шар с грубо нарисованными на нем признаками действовал так же, как кивающий воспитатель. Но через несколько недель, в течение которых младенец чаще улыбался подлинным людям, чем макетам, действие простого макета почти внезапно исчезало. Научившись отличать, «как выглядит человек», ребенок боялся теперь разрисованного воздушного шара, которому раньше улыбался, хотя — это следует подчеркнуть — шар не причинил ему никаких неприятных переживаний, так что здесь не могло быть отрицательной дрессировки.

Значительно позже, между шестым и восьмым месяцами жизни, запускающий улыбку механизм еще раз повышает свою избирательность, на этот раз резким скачком. Ребенок начинает, как говорят воспитатели, «дичиться» посторонних, и с этого времени приветствует улыбкой только мать и нескольких других хорошо знакомых людей; по отношению ко всем остальным он заметным образом проявляет поведение бегства или избегания. Вместе с процессом обучения, приводящим к личному узнаванию определенных людей, в ребенке пробуждаются важные процессы образования человеческих связей. Самые ужас-

[47] Утиные. — *Пер.*

[48] См.: *Spitz R.* Vom Säugling zum Kleinkind. Naturgeschichte der Mutter-Kind-Beziehungen im ersten Lebenshjahr. Stuttgart: Klett, 1965.

ные последствия получаются, когда у ребенка отнимают возможность шаг за шагом, как было описано выше, повышать избирательность механизмов запуска своего социального поведения и устанавливать тем самым социальные связи с определенными лицами; между тем это происходит и по сей день в больницах и детских учреждениях, где все время меняется персонал.

Несомненно также, что, когда человеческий младенец «дичится», это происходит вследствие приучения, не связанного с отрицательной дрессировкой, т.е. с неприятными переживаниями от общения с чужими людьми. Напротив, чем меньше чужих видит маленький ребенок, тем сильнее он дичится.

Реакции избегания, вызываемые «травмой»

Я перехожу теперь к процессу обучения, который большинство психологов, изучающих обучение, отождествляют с приобретением подлинного условного рефлекса. Но я полагаю, что здесь идет речь о гораздо более простом явлении, для объяснения которого нет надобности постулировать сложный механизм обратной связи — условные реакции <...>.

Ключевой стимул, врожденным образом вызывающий реакцию бегства максимальной интенсивности, часто уже после единственного воздействия неразрывно ассоциируется с сопровождающей его и непосредственно предшествующей ему общей стимулирующей ситуацией. У низших животных этот особый вид ассоциации наблюдается уже на самой низшей ступени. Вероятно, он связан непрерывными переходами с процессами простой сенситивизации. Например, у многих плоских червей световой сигнал, который уже сам по себе, возможно, вызывает незаметную, еще допороговую реакцию бегства, усиливает свое действие при ассоциации с некоторым стимулом, врожденным образом запускающим сильную реакцию бегства; многие американские исследователи поведения называют такое усиление *conditioning* [обусловливанием. — *Ред.-сост.*] У низших беспозвоночных без централизованной нервной системы приобретение условных реакций — если можно их так назвать — всегда основывается на процессе этого рода. Все их обучение ограничивается этим процессом и видом привыкания, описанным [ранее на с. 306. — *Ред.-сост.*] для пресноводных полипов.

У высших животных рассматриваемое здесь приобретение реакций бегства, как и привыкание, ассоциируется с функцией комплексного распознавания образов. Собака, однажды застрявшая во вращающейся двери и испытавшая вследствие этого крайний испуг, с тех пор избегала не только всех вообще вращающихся дверей, но также, очень специальным образом, даже отдаленной окрестности того места, где она пережила травму. Если ей приходилось пробегать по соответствующей улице, то еще до приближения к этому месту она переходила на противоположный тротуар и мчалась мимо него галопом, поджав хвост и опустив уши.

Подобные «психические травмы», как их называют психоаналитики у людей, представляют собой почти необратимые ассоциации между некоторой

комплексной стимулирующей ситуацией и реакцией бегства, очень хорошо известные дрессировщикам собак и наездникам: однократное действие стимула на животное может его навсегда «испортить».

Запечатление

Необратимая фиксация некоторой реакции на стимулирующей ситуации, встреченной индивидом лишь несколько раз в своей жизни, вызывается также уже упомянутым процессом, который мы назвали *запечатлением*. С физиологической стороны это явление замечательно тем, что неразрушимая ассоциация формы поведения с ее объектом устанавливается в такое время, когда она еще вовсе не способна проявляться, а в большинстве случаев не может быть обнаружена даже в виде следов. *Сенситивный период*, в течение которого возможно запечатление, часто располагается в онтогенезе индивида очень рано и в ряде случаев ограничивается немногими часами, но всегда довольно отчетливо определен. Однажды совершившаяся детерминация объекта уже не может быть обращена. Так, например, животные, сексуально запечатленные на другой вид, навсегда и непоправимо «извращены».

Большинство известных процессов запечатления относится к *социальным* формам поведения. Например, запечатлеваются реакция следования у птенцов выводковых птиц, соперническая борьба у многих птиц, и прежде всего сексуальное поведение. Неправильно говорить, что такая-то птица или такое-то млекопитающее запечатлены, например «запечатлены на человека». То, что таким образом определяется, — это всегда лишь объект некоторой вполне определенной формы поведения. Птица, сексуально фиксированная на чужой вид, может никак не проявлять это в других отношениях, например в отношении соперничеcкой борьбы или иного социального поведения. У серых гусей детские реакции следования и иные социальные формы поведения очень легко запечатлеваются на человека, что весьма полезно для наших исследований; однако сексуальное запечатление при этом не происходит.

Известны также случаи, когда поведение паразитов запечатлевается на вид их хозяина; например, как показал Г. Торп, наездники откладывают яйца в тот вид гусениц моли, из которого они сами вылупились[49]. Посредством «трансплантации» личинок можно запечатлеть на мучную моль наездников, нормально паразитирующих на восковой моли. У муравьев, как показал Брун, каждый индивид фиксирует свои социальные реакции на том виде муравьев, представители которого оказывали ему помощь, когда он вылупливался из куколки[50]. На этом основывается так называемое рабовладение у многих видов

[49] См.: *Thorpe W.H., Jones F.H.W.* Olfactory conditioning in a parasitic insect and its relation to the problem of host selection // Proc. Roy. Soc. London. B. 1937. Vol. 124. P. 56—81; *Thorpe W.H., Jones F.H.W.* Science, Man and Morals. L.: Methuen, 1965.

[50] См.: *Brun E.* Zur Psychologie der künstlichen Allianzkolonien bei den Ameisen // Biol. Zentralbl. 1912. Bd. 32.

муравьев. Моника Гольцапфель показала, что поведение ловли добычи у сов запечатлевается на определенный вид животных, служащих добычей; более того, если в течение сенситивного периода это запечатление не произошло, то индивид навсегда остается неспособным поймать добычу.

Запечатление связано множеством переходов с другими процессами ассоциативного обучения. Так, например, обучение характерному для вида способу пения у многих певчих птиц, как показал М. Кониси, точно так же связано с некоторым сенситивным периодом и точно так же необратимо, как типичные процессы запечатления[51]. Такие переходы приводили к недоразумениям. Многие авторы, в том числе Р. Хайнд, П. Бейтсон и другие, изучали процессы, вполне отчетливо отличающиеся от типичных процессов запечатления, такие, как процесс присоединения цыпленка курицы к матери или к некоторому замещающему объекту[52]. Такие явления больше похожи на обычные процессы обучения, чем на типичное запечатление. На основании полученных при этом результатов были подвергнуты сомнению наблюдения Ч.О. Уитмена, О. Гейнрота и мои[53]. Между тем современные результаты К. Иммельмана, М. Шейна, М. Кониси, Ф. Шутца и других полностью подтвердили все установленное прежними авторами уже более двадцати лет назад[54].

---

[51] См.: *Konishi M.* Effects of deafening on song development in two species of juncos // Condor. 1964. Vol. 66. P. 85—102; *Konishi M.* Effects of deafening on song development of American Robins and Black-headed Grosbeaks // Z. Tierpsychol. 1965. Bd. 22. S. 584—599; *Konishi M.* The role of auditory feedback in the control of vocalisation in the white-crowned sparrow // Z. Tierpsychol. 1965. Bd. 22. S. 770—783.

[52] См.: *Hinde R.A.* Animal Behavior, a Synthesis of Ethology and Comparative Psychology. N.Y.: McGraw-Hill, 1972 [Рус. пер.: *Хайнд Р.* Поведение животных. М.: Мир, 1975. — *Ред.-сост.*]; *Bateson P.P.B.* The characteristics and context of imprinting // Biol. Rev. 1966. Vol. 41. P. 177—220.

[53] См.: *Heinroth O.* Beiträge zur Biologie, namentlich Ethologie und Psychologie der Anatiden // Verhandl. D. V Intern. Ornithol. Kongreß. Berlin. 1910; *Heinroth O.* Reflectorische Bewegungen bei Vögeln // J. f. Ornithol.1918. Bd. 66; *Heinroth O.* Über bestimmte Bewegungsweisen der Wirbeltiere // Sitzungsberichte der Ges. D. naturforsch. Freunde. Berlin,1930; *Lorenz K.* Evolution and Modification of Behavior. Chicago: Chicago University Press, 1965; *Lorenz K.* Über tierisches und menschliches Verhalten. Aus dem Werdegang der Verhaltenslehre // Ges. Abhandlungen. München: Piper, 1965/1971. Bd. I, II; *Lorenz K.* Die acht Todsünden der zivilisierten Menschheit. München: R. Piper und Co. Verlag, 1973 [Рус. пер.: *Лоренц К.* Восемь смертных грехов цивилизованного человечества // Лоренц К. Оборотная сторона зеркала. М.: Республика, 1998. С. 4—60. — *Ред.-сост.*]; *Whitman C.O.* Animal Behavior. Biological Lectures from the Marine Biological Laboratory. 1898. Vol. 16. P. 285—338.

[54] См.: *Immelmann K.* Prägungserscheinungen in der Gesangsentwicklung junger Zebrafinken // Naturwiss. 1965. Bd. 52. S. 169—170; *Immelmann K.* Zur Irreversibilität der Prägung // Naturwiss. 1966. Bd. 53. S. 209; *Konishi M.* Effects of deafening on song development in two species of juncos // Condor. 1964. Vol. 66. P. 85—102; *Konishi M.* Effects of deafening on song development of American Robins and Black-headed Grosbeaks // Z. Tierpsychol. 1965. Bd. 22. S. 584—599; *Konishi M.* The role of auditory feedback in the control of vocalisation in the white-crowned sparrow // Z. Tierpsychol. 1965. Bd. 22. S. 770—783; *Schutz F.* Sexuelle Prägung bei Anatiden // Z. Tierpsychol. 1965. Bd. 22. S. 50—103; *Schutz F.* Sexuelle Prägungserscheinungen bei Tieren // Die Sexualität des Menschen. Hb. D. Med. Sexualforschung / H. Giese (Hrsg.). Enke, 1968. S. 284—317.

Так же как привыкание и приучение, запечатление «ассоциируется» с комплексными процессами распознавания образов, и так же как в тех двух процессах, при запечатлении выученное «закладывается во врожденный механизм запуска». Тем самым процесс запечатления делает этот механизм более избирательным.

Одна из самых интересных и загадочных функций запечатления состоит в том, что оно осуществляет при восприятии запускающей комбинации стимулов замечательную абстракцию. Сексуальные реакции селезня кряквы, воспитанного в обществе самки пеганки, запечатлеваются не на этот индивид *Tadorna tadorna L.*, а на этот *вид*. При выборе между многими пеганками этот селезень почти никогда не выбирает свою «партнершу по запечатлению» — чему препятствуют механизмы, сдерживающие инцест[55], — а предпочитает другую представительницу того же вида. Одна галка, воспитанная мною и тем самым «сексуально запечатленная на человека», направила свое токование на маленькую темноволосую девочку. Для меня непостижимо, что побудило птицу считать нас обоих представителями одного вида.

Не решен также вопрос, не играют ли все же некоторую роль в процессе запечатления какие-то вознаграждающие, т.е. дрессирующие, стимулы; иначе говоря, нельзя ли истолковать запечатление как условную реакцию (*conditioned response*) в смысле И.П. Павлова[56] и американских исследователей психологии обучения. Против этого говорит то уже упомянутое обстоятельство, что запечатленный объект часто оказывается твердо детерминированным к такому моменту времени, когда животное ни разу еще не выполнило, даже в виде слабого намека, относящуюся к этому объекту форму поведения. Например, галка незадолго до вылета из гнезда сексуально запечатлена, хотя можно с уверенностью утверждать, что к этому моменту у нее никогда не было даже намека на сексуальное настроение. Должно пройти еще два года, прежде чем у нее пробудится инстинктивное поведение копуляции[57], которое, как надо полагать, должно производить важнейшее дрессирующее действие в качестве окончательного акта, удовлетворяющего побуждение. Впрочем, этим не вполне исключается возможное участие других дрессирующих стимулов, еще не распознанных как таковые. Но для такого предположения нет принудительных мотивов, и, по всей вероятности, запечатление есть ассоциативный процесс обучения того же рода, что и оба описанных в предыдущих разделах. Ввиду своей необратимости и своей связи с точно определенными фазами онтогенеза запечатление имеет более отчетливый характер *индукции* в смысле Шпемана, чем все другие процессы обучения.

---

[55] *Инцест* — половые сношения между близкими родственниками. — *Пер.*

[56] Павлов Иван Петрович (1849—1936) — русский физиолог. — *Ред.-сост.*

[57] *Копуляция* — соединение двух особей при половом акте. — *Ред.-сост.*

Дж. Роменс

[Эмоциональная жизнь пауков]*

Эмоциональная жизнь пауков, насколько она выражается в действиях насекомых, а следовательно доступна нашему наблюдению, делится, по-видимому, между половым влечением (с материнской привязанностью включительно) с одной стороны и более суровыми чувствованиями, сопутствующими их свирепым хищническим привычкам, с другой. Но видимо немногочисленные и простые по своему характеру эмоции пауков чрезвычайно сильны. У многих пород паук-самец во время ухаживания за самкой подвергается такой крайней степени личной опасности от лап и челюстей своей страшной подруги, которая наверное устрашила бы самого Леандра[1]. До смешного маленькие и слабые, по сравнению со своими огромными и прожорливыми невестами, самцы этих пород могут выполнить брачную церемонию только с помощью самого деятельного маневрирования, которое в случае неудачи неизбежно стоит им жизни. Но половые эмоции их так сильны, что, как показывает непрерывность существования видов, они предаются им вполне, невзирая ни на какую степень личной опасности. Во всем животном царстве нет другого примера, где любовные похождения были бы сопряжены хотя бы с тенью той опасности, с какой они сопряжены у пауков. У многих животных самцам приходится терпеть некоторые неудобства из-за кокетства и нерасположения самок, но здесь это кокетство и нерасположение переходят в голодную ярость свирепой великанши. Потому-то, как единственный в своем роде, случай этот очень интересен с точки зрения эволюциониста. Мы можем понять прямую выгоду, которую извлекает вид из опасности, вытекающей для самцов из обо-

---

* *Роменс Дж.* Ум животных. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1888. С. 208—212.

[1] Согласно одному из мифов Древней Греции юноша Леандр влюбился в жрицу Геро́, которая жила на противоположном берегу пролива. Каждую ночь Геро зажигала на башне огонь, и Леандр, ориентируясь на пламя этого маяка, переплывал пролив, чтобы встретиться со своей возлюбленной. Однажды огонь погас, и Леандр утонул. Утром Геро обнаружила его труп, прибитый волнами к берегу, и в отчаянии бросилась в море. — *Ред.-сост.*

юдной ревности; ибо ясно, что давая начало тому, что Дарвин назвал «законом борьбы», ревность эта должна постоянно порождать и поддерживать у самцов их специфическое искусство: по закону борьбы только сильнейшие и храбрейшие из самцов должны оставить по себе потомство. Но польза для вида не так наглядна там, где опасность для самца во время ухаживания за самкой исходит от самой самки. Тем не менее очевидно, что и здесь польза должна быть, так как все строение самца, если строение самки мы примем за оригинальный тип, — значительно видоизменилось под влиянием этой опасности: будь она бесполезна, то или она не могла бы возникнуть или вид вымер бы. Единственное, чем можно по-моему объяснить этот случай уклонения, это — что смелость и решимость, каких он требует от самца, не только несомненно полезны самому индивиду в других случаях его жизни, но могут быть благотворны и для вида, переходя к потомкам этого индивида, как мужского, так и женского пола.

Смелость и хищнические наклонности пауков как класса так хорошо и повсеместно известны, что не требуют пояснения примерами. Можно, впрочем, привести один пример, показывающий, как сильно у пауков материнское чувство. Бонне[2] бросил самку паука вместе с ее мешком с яйцами в норку муравьиного льва[3]. Последний схватил яйца и вырвал их у матери; но хотя Бонне вытащил ее из норки, она вернулась и предпочла быть похороненной заживо, чем покинуть детей.

Единственный другой известный мне пункт, относящийся к эмоциям пауков, довольно замечателен: это видимая любовь пауков к музыке. Свидетельства по этому пункту так обильны и разнообразны, что в достоверности приводимых ими фактов едва ли можно сомневаться. Факты же эти заключаются в том, что пауки — по крайней мере, некоторые породы или индивиды — приближаются к звучащему музыкальному инструменту, в особенности, если звуки нежны и не слишком громки. Обыкновенно они подходят как можно ближе, нередко спускаются по паутине с потолка комнаты и висят над инструментом. Профессор С. Реклэн видел во время одного концерта в Лейпциге, как с одного из канделябров спустился паук, когда скрипка заиграла соло, но как только заиграл оркестр, паук быстро убежал. Подобные этим наблюдения были опубликованы Рабиго, Симониусом, фон Гартманом и другими.

К.В. Бойс дал недавно в высшей степени вероятное объяснение всем таким фактам, объяснение, избавляющее нас от необходимости приписывать какие бы то ни было зачатки эстетических эмоций животным, так низко стоящим в животной лестнице. Так как наблюдение Бойса очень интересно, то я приведу его полностью.

---

[2] Бонне (*Bonnet*) Шарль (1720—1793) — швейцарский естествоиспытатель и философ. — *Ред.-сост.*

[3] *Myrmeleon formicarius*, из отряда сетчатокрылых (*Neuroptera*). — *Ред. источника.*

«Сделав несколько наблюдений над садовым пауком, наблюдений, как мне кажется, новых, я посылаю описание их в надежде что они могут иметь интерес для читателей “Nature”[4].

Когда я следил прошлой осенью, как некоторые из этих пауков ткали свою красивую, геометрически правильную паутину, мне пришло в голову испытать, какое действие произведет на них камертон. Когда я ударял камертоном и затем слегка прикасался им к одному из листьев, поддерживавших паутину, или к другой точке ее прикрепления, или к какой-нибудь части самой паутины, то паук, если он был в центре паутины, начинал быстро вертеться кругом, ощупывая передними ножками радиальные нити паутины, чтобы узнать, которая из них колеблется, и таким образом определить направление звука. Определив это направление, он бежал вдоль нити, пока не достигал или самого камертона, или точки соединения двух или более нитей; тут он по-прежнему мгновенно определял, которая из них колеблется. Если, когда паук добегал до камертона, я не удалял камертона, то он производил на животное то же действие, какое произвела бы муха: паук бросался на него, обхватывал его ножками, бегал по нему всякий раз, как я заставлял его звучать; опыт ни разу не помог ему догадаться, что жужжать может не одна только его естественная пища, но и другие предметы.

Если в минуту прикосновения камертона паук находится не в центре паутины, то он не может определить, которая из нитей колеблется, если только не находится случайно на этой самой нити или на натянутой, поддерживающей нити, соприкасающейся с камертоном, до тех пор, пока не вернется в центр и уже оттуда не нащупает колеблющуюся нить.

Если, приманив паука к краю паутины, отнять камертон и затем подносить его постепенно, то паук чувствует его присутствие и узнает направление звука: он тянется навстречу звуку. Но если звучащий камертон поднести тихонько к пауку, который не был потревожен и ждет добычи, сидя, как обыкновенно, в центре паутины, то, вместо того, чтобы бежать на звук, он мгновенно падает (на конец нити, разумеется). Если при таких условиях прикоснуться камертоном к паутине, то паук чувствует это, взбирается по нити и с изумительной быстротой достигает камертона. Паук никогда не покидает центра паутины без нити, по которой он мог бы вернуться назад. Если, выманив паука из центра, мы обрежем эту нитку, то он не может, по-видимому, вернуться назад, не повредив паутины; обыкновенно, в таких случаях он склеивает вязкие параллельные нити по три и по четыре вместе.

С помощью камертона паука можно заставить съесть то, к чему иначе он не прикоснулся бы. Я взял муху, утонувшую в парафине, положил ее на паутину и затем приманил паука, прикоснувшись к мухе камертоном. Когда паук пришел к тому заключению, что это пища неподходящая, и собирался бросить муху, я

[4] «Nature» — еженедельный научный многопрофильный иллюстрированный журнал, выходит с 1869 г. — *Ред.-сост.*

снова прикоснулся к ней. Это произвело то же действие, что и в первый раз, и, прикасаясь к мухе всякий раз, как паук был готов ее оставить, я заставил-таки его съесть большой кусок мухи.

Те немногие домовые пауки, которых я наблюдал, не одобряли, по-видимому, камертона: при звуке его они прятались как бы в испуге. Тем не менее предполагаемая любовь пауков к музыке наверное имеет связь с моими наблюдениями: нельзя ли объяснить тот факт, что пауки выходят слушать музыку, тем, что они хотят определить, где находится добыча и в какую сторону им направиться?

Немногие сделанные мною наблюдения по необходимости неполны, но я посылаю их, так как естествоиспытателю они могут дать метод, который поможет ему изучить привычки, трудно поддающиеся наблюдению, и наведет его на заключения, которые я при моем невежестве в естественных науках должен предоставить другим».

3 *Перцептивная психика и индивидуально-изменчивое поведение животных. Навык и интеллект*

Э.Л. Торндайк

Рассуждают ли животные?*

Наверное, каждый читатель, у которого есть собака или кошка, уже ответил на вопрос, стоящий в заглавии этой статьи, и с вероятностью десять к одному скажет: «Да». Несмотря на заявления психологов — от Декарта[1] до Ллойда Моргана[2], мужчина, который любит свою собаку, или женщина, ласкающая свою кошку, твердо убеждены, что у их любимцев есть мыслительные процессы, похожие в какой-то мере на их собственные. И тот, кто не сможет сказать в пользу противоположной точки зрения больше того набора аргументов, которые предлагают психологи, вряд ли их переубедит. Надеюсь, что эксперименты, которые я проводил на протяжении двух лет, позволят мне высказать по данному вопросу нечто новое, и это может если не переубедить, то хотя бы вызвать сомнение у всех тех, кто верит в существование рассудка у животных.

Пытаясь выяснить, как мыслят животные, я применил новый, очень простой метод. Я помещал голодных собак и кошек в огороженное место, из которого они могли выбраться, выполнив определенное простое действие, например, потянув за проволочную петлю, наступив на платформу или рычаг, потянув вниз веревку, натянутую поперек ограждения, повернув деревянную вертушку и т.д. Это действие запускало простой механизм, открывавший дверцу. Мотивом выхода за пределы этого огороженного пространства был находящийся снаружи кусочек рыбы или мяса. Ограждение для кошек представляло собой деревянный ящик размером около 20 × 15 × 12 дюймов [50,8 × 38,1 × 30,48 см. — *Ред.-сост.*]. Ящик для собак (сравнительно небольших — их средний вес был около тридцати фунтов [13,6 кг. — *Ред.-сост.*]) имел размер 40 × 22 × 22 дюймов [101,6 × 55,8 × 55,8 см. — *Ред.-сост.*]. Таким образом мы создавали ситуации, которые должны были, по

---

* *Thorndike E.L.* Do animals reason? // Readings in General Psychology / W. Dennis (Ed.). N.Y.: Prentice-Hall, 1949. P. 289—301. (*Перевод А.М. Пантюшкова.*)

[1] Декарт (*Descartes*) Рене (1596—1650) — французский философ и математик. — *Ред.-сост.*

[2] Морган (*Morgan*) Конвей Ллойд (1852—1936) — английский зоолог и психолог. — *Ред.-сост.*

всей вероятности, актуализировать умственные способности животных. Поскольку в экспериментальные дни животных не кормили, у них были веские основания сделать все возможное, чтобы выбраться из ящиков. И действительно, когда животных запирали в ящики, их поведение демонстрировало предельное старание выбраться оттуда и достичь столь желанной пищи. Кроме того, ожидаемые в этой ситуации действия и процессы мышления собак и кошек оказались, с одной стороны, такими же, какими они известны нам из рассказов об умных животных, а с другой стороны, они мало отличались от действий и переживаний, характерных для их повседневной жизни. Было бы неразумным отрицать наличие рассудка у животного по той причине, что оно не сумело сделать то, до чего в своей естественной жизни оно вообще не могло додуматься (например, провести арифметическое вычисление), или для чего не приспособлены его кости и мышцы, или то, что оно никогда не захотело бы сделать. Поэтому наши эксперименты были специально подготовлены таким образом, чтобы предоставить способности животных к рассуждению, если только она существует, все шансы проявиться.

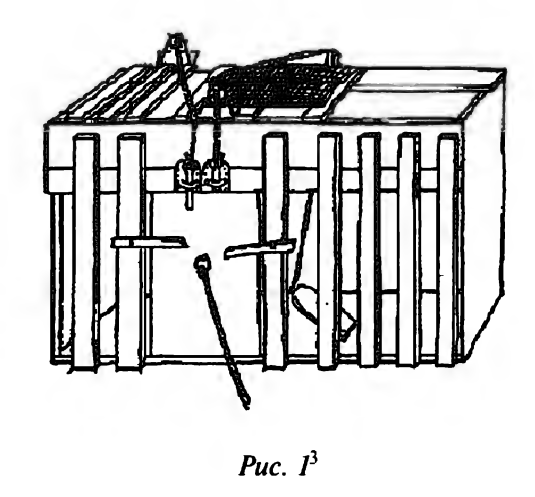

Рис. 1[3]

Что будет, если животное, ***обладающее рассудком***, попадет в ящик, дверца которого открывается при повороте из вертикального в горизонтальное положение вертушки, запирающей эту дверцу сверху и изнутри? Если оно стремится выбраться из него, то сначала попытается разодрать когтями ящик на куски или пролезть между прутьями. Затем, осознав всю тщетность этих попыток, животное остановится, чтобы подумать. Возможно, что, поразмыслив, оно решит, что ключевым местом является вертушка, или вспомнит о том, что когда-то видело двери, открывающиеся при повороте вертушки. Тогда оно начнет тыкать или хватать вертушку когтями со всех сторон, пока она не повернется и дверца не откроется. Если после того, как животное съело кусочек рыбы, находящийся снаружи, его снова закрыть в том же ящике, оно должно вспомнить, что дела-

[3] Вид снаружи одной из разновидностей «ящика Торндайка» (см.: *Thorndike E.L.* Animal Intelligence. N.Y.: Macmillan, 1911. P. 30. Fig.1). В данном тексте описана более простая конструкция. — *Ред.-сост.*

ло раньше и сразу наброситься на вертушку. Позже, вновь оказавшись в этом ящике, оно будет действовать точно так же. Не исключено, что, попав в ящик впервые, животное не сможет придумать, как из него выбраться. Но предположим, что, царапая, кусая и пытаясь пролезть через щели, оно случайно повернет вертушку и вырвется наружу. В этом случае, если его снова посадят в ящик, оно намеренно и сразу же выполнит именно то действие, которое в первой пробе было найдено случайно. Вот что следовало бы ожидать, если бы животное действительно было способно к рассуждению. Что же мы видим на самом деле?

Для краткости ограничимся описанием поведения двенадцати кошек[4], на которых был проведен эксперимент, добавив, что собаки не проявили никаких отличий в поведении, которые повлияли бы на наши выводы. Поведение всех кошек, кроме № 11 и № 13 было почти одинаковым. После помещения в ящик в поведении кошки появляются явные признаки дискомфорта и стремления выбраться из заключения. Она пытается протиснуться через ту или иную щель, царапает когтями и кусает прутья решетки, просовывает между ними лапы и хватает когтями все, до чего может дотянуться, неоднократно бьет по всему шатающемуся и непрочно закрепленному, может рвать когтями вещи, находящиеся в ящике. Энергия, с которой кошка пробивается наружу, просто удивительна. В течение восьми или десяти минут она непрерывно рвет когтями, кусает и пытается протиснуться наружу. Поведение старшей кошки № 13 и на редкость вялой кошки № 11 было иным. (Они не боролись столь энергично или продолжительно. В течение нескольких часов они спокойно сидели в запертом ящике. Поэтому, для того, чтобы они смогли связать факт своего пребывания снаружи с фактом приема пищи и у них возникло желание выбраться, мне пришлось несколько раз выпустить их из ящика. После этого они стремились выйти из ящика точно так же, как и остальные кошки.) Когда кошка хватает когтями и кусает все, что окружает ее в ящике, эта инстинктивная борьба приводит к тому, что она случайно поворачивает вертушку и выбирается наружу. Эти разнонаправленные царапания, укусы и попытки протиснуться, конечно же, инстинктивны и непреднамеренны. То же самое кошки будут делать и в ящике, из которого вообще невозможно выбраться, или в корзине без отверстий, т.е. даже если эти действия будут наиболее бесполезными из всех тех, которые можно осуществить. Кошки совершают их по той же самой причине, по которой они сосут, будучи маленькими, размножаются, когда становятся старше, и едят мясо, если чувствуют его запах.

Каждая из двенадцати кошек подвергалась такому испытанию в различных ящиках, и я никогда не видел ничего внешне похожего на внимательное изучение ситуации или на обдумывание возможных способов выхода на свободу. После того

[4] Приведем данные таблицы (см: *Thorndike E.L.* Animal Intelligence. N.Y.: Macmillan, 1911. P. 34), в которой указан возраст кошек (мес.): № 1. 8—10; № 2. 5—7; № 3. 5—11; № 4. 5—8; № 5. 5—7; № 6. 3—5; № 7. 3—5; № 8. 5—6; № 10. 4—8; № 11. 7—8; № 12. 4—6; № 13. 18—19. Там же (p. 35—36) автор проводит обсуждение нетипичного поведения кошки № 13. Автор предполагает, что поскольку поведение этой кошки было не столь яростным, она уделяла своим действиям больше внимания, чем другие кошки, и поэтому научение выходу из ящика у нее проходило быстрее, чем у остальных. — *Ред-сост.*

как кошка, случайно совершившая правильное действие, съедала кусочек лежащей снаружи рыбы, ее быстро сажали в тот же ящик. Возникает вопрос, думала ли она о том, каким образом ей удалось только что выбраться из него, и повторила ли она, сразу или после некоторого размышления, нужное действие? Никоим образом. Она демонстрирует ту же инстинктивную активность, что и раньше, и либо вообще не выйдет, либо выйдет гораздо позже, чем в первый раз, после длительного периода всякого рода цепляний, случайно совершив, наконец, нужное движение (когтями, всей лапой или носом), запускающее механизм открывания. Если повторять эту процедуру снова и снова, помещая кошку обратно в ящик после каждого достигнутого ею успеха, то количество бесполезных действий постепенно уменьшается, правильное движение совершается все раньше и раньше, пока, в конце концов, оно не делается сразу, как только кошку сажают внутрь ящика.

Эти наблюдения не характеризуют животное как рассуждающее. Они свидетельствуют о том, что в данной ситуации животное совершает множество инстинктивных действий. В эти действия совершенно непреднамеренно оказывается включенным какое-то одно, приводящее к свободе и пище. Получаемое в результате удовольствие способствует постепенному закреплению связи этого действия с ситуацией заключения в данном ящике, а все другие действия кусания, царапания и попытки протиснуться, не приводящие к такому удовольствию, постепенно затормаживаются. Так мало-помалу данное действие становится все более вероятным в этой ситуации, в то время как остальные действия совершаются все реже и реже и, в конце концов, исчезают. Такие наблюдения свидетельствуют в пользу процесса медленного проторения пути в мозге кошки, а не о принятии ею решения, опирающегося на разумное осознание.

Разницу между поведением рассуждающего животного и поведением участвовавших в нашем исследовании собак и кошек можно показать графически. Обозначим перпендикуляром порядковый номер каждого испытания в каком-то конкретном ящике, а его высотой — время <...> затраченное животным, чтобы выбраться в этой пробе из ящика. Как видно из рис. 2, для того, чтобы выйти в первый раз, кошке понадобилось 60 с. Во второй пробе ей потребовалось 80 с, в третьей — 50 с, в четвертой — 60 с, в пятой — 50 с, в шестой — 40 с и т.д. Эта диаграмма показывает, что в действительности происходило с одной из кошек, научившейся выполнять очень простое действие.

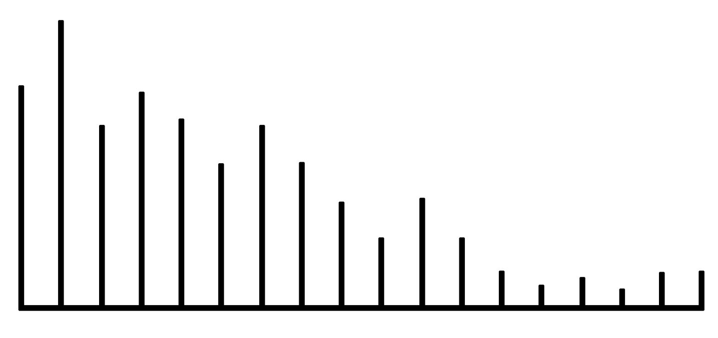

Рис. 2

Теперь предположим, что после третьего случайного успеха кошка начинает рассуждать. Тогда в следующий раз и во всех последующих испытаниях она выполнила бы нужное действие сразу же после того, как ее посадили в ящик, и диаграмма была бы такой, как мы видим на рис. 3.

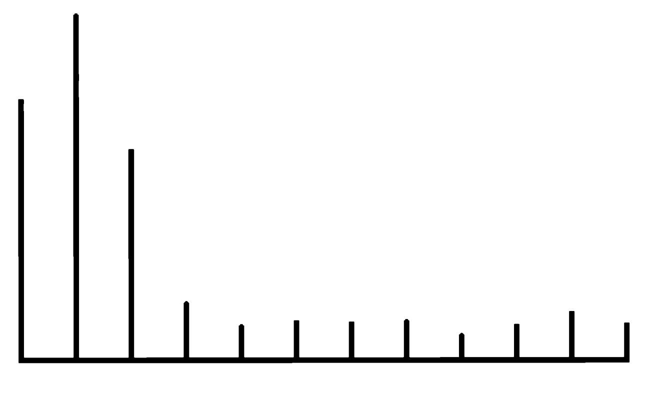

Рис. 3

Суть сказанного будет более наглядной, если вместо перпендикуляров мы проведем линию, соединяющую их вершины. Тогда на рис. 4 будет изображена кривая для реального случая, а на рис. 5 будет заметно резкое снижение, которое наблюдалось бы в случае разумного осмысления ситуации.

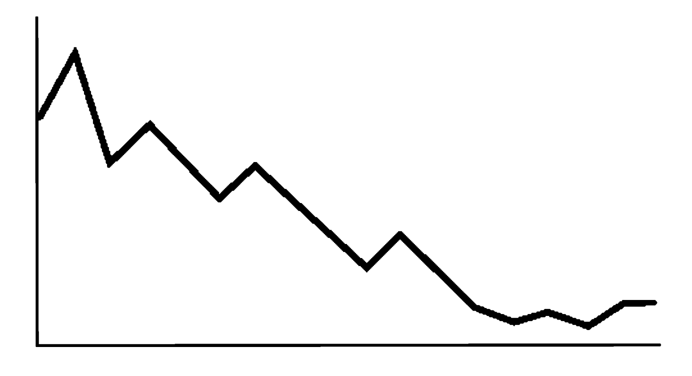

Рис. 4

Рис. 5

На протяжении всего исследования я с точностью до секунды регистрировал время выхода из ящика. Однако ни разу у меня не возникало даже малейшего подозрения в том, что у животных было рассуждение типа: «То, что позволило мне выйти из этого ящика три секунды назад, позволит мне выйти сейчас». Конечно, если бы животное могло рассуждать, оно после десяти или одиннадцати случайных успехов непременно задумалось бы о том, что оно делало до этого, и в одиннадцатом или двенадцатом испытании сразу совершило бы нужное действие. Но нет! Уменьшение затрачиваемого времени, как можно видеть на графиках, представленных на рис. 5, происходило всегда постепенно. Поэтому, когда я говорю о том, что в поведении животных во всех экспериментах не было никаких признаков рассуждения, я не высказываю свое личное мнение, а привожу беспристрастные свидетельства непредвзятого наблюдения. Кривые на рис. 6 отражают поведение кошек, научавшихся выбираться из ящика, дверь которого запиралась изнутри деревянной вертушкой.

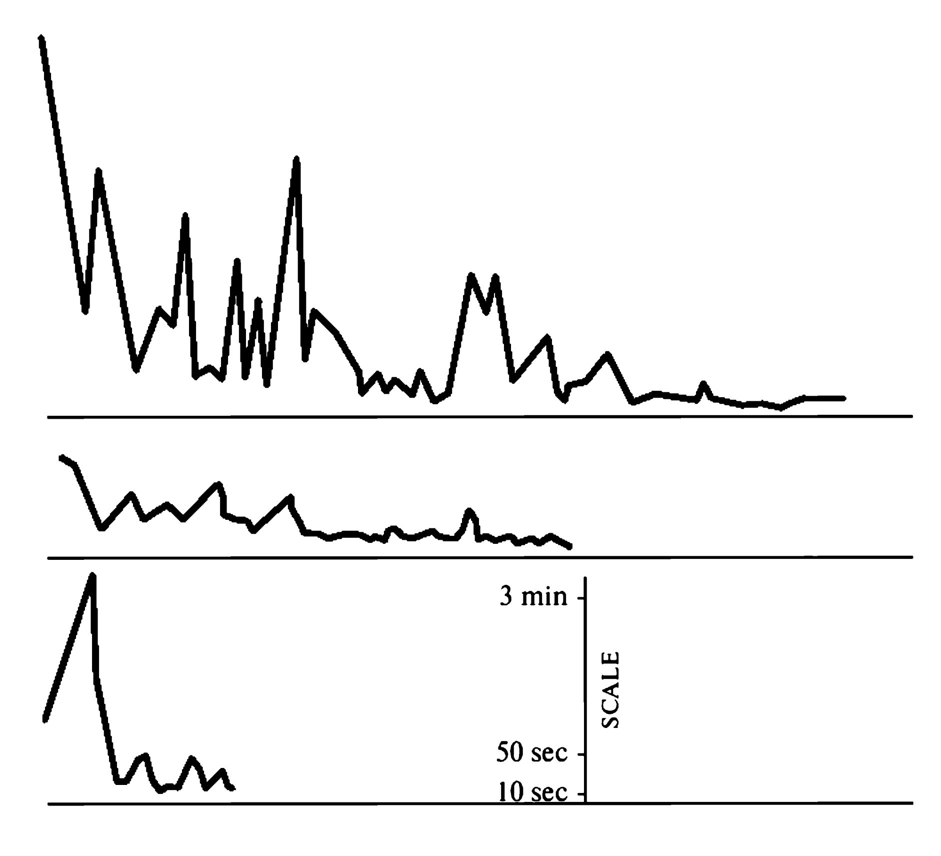

Рис. 6

Читатель может согласиться с вышеизложенным и в то же время возразить, что «разумные» действия животных нередко бывают и такими, что не позволяют говорить об их случайном происхождении. Истории об отдельных случаях понимания и умозаключений у животных являются единственным аргументом,

приводимым теми, кто верит в их способность к рассуждению. Но этот аргумент устраняется, если животные совершают так называемые разумные действия в ходе инстинктивной борьбы[5]. А они так и делают. Для своих экспериментов я специально отобрал два наиболее разумных действия, описанных Роменсом в книге «Ум животных»[6], а именно, открывание двери нажатием на рычаг обычной щеколды и открывание окна поворотом вертушки. Приведу выдержки из подробного отчета об этих экспериментах:

> Размер используемого ящика был 29 × 20,5 × 20,5 дюймов [ок. 74 × 53 × 53 см. — *Ред.-сост.*]. В нем была дверь 29 × 12 дюймов [ок. 74 × 30 см. — *Ред.-сост.*], прикрепленная на петлях к левой стороне ящика (если смотреть изнутри), которая закрывалась обычной щеколдой, находившейся в пятнадцати дюймах [ок. 38 см. — *Ред.-сост.*] от пола. Остальная часть передней стороны ящика была загорожена деревянными прутьями. Дверь представляла собой деревянную раму, покрытую щитом, и открывалась наружу нажатием изнутри. Она была устроена так, что при поднятии щеколды не открывалась сразу, для этого требовалось приложить силу не менее четырехсот граммов. Кроме того, если дверь не приоткрывалась хотя бы чуть-чуть, язычок щеколды падал обратно на свое место. Восемь кошек (№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 и 13) поодиночке помещались в этот ящик и запирались. У всех начинались обычные инстинктивные действия кусания, царапания и попытки протиснуться между прутьев. В ходе этих энергичных усилий все восемь кошек нажали на рычаг, и если бы дверь распахнулась сама, то выбрались бы из ящика. Шесть сумели надавить и на рычажок, и на дверь так, что язычок щеколды не упал обратно на свое место. Из них пять преуспели также и в дальнейшем открывании двери, в результате чего они выбрались наружу и поели рыбы. Три из них, после примерно пятидесяти попыток, установили такую прочную ассоциацию между необходимыми сложными движениями и видом ящика изнутри, что сразу же набрасывались на щеколду.

Кошкам № 1 и № 6 оказалось нелегко осуществить требуемое сочетание двух случайных действий. Они сравнительно редко достигали успеха и поэтому утомление и неудачи перевешивали удовольствие от получения еды. После четырех (кошка № 1) и десяти (кошка № 6) успешных проб им не удалось воспроизвести правильное сочетание движений, хотя такая возможность предоставлялась им множество раз. Поведение этих кошек говорит о том, что они открывали дверь случайно, а не благодаря умозаключению. Кошки несколько раз находили нужный способ, но не осознавали происходящее настолько, чтобы

---

[5] Здесь, по-видимому, автор указывает на то, что разумное действие не следует смешивать с адаптивным, целесообразным действием. — *Ред-сост.*

[6] См.: *Romanes G.* Animal Intelligence. N.Y.: D. Appleton, 1883. [Рус. пер. см: *Роменс Дж.* Ум животных. СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1888. — *Ред.-сост.*]

извлечь пользу из этих событий, и поэтому не сумели открыть дверь ни в пятой (кошка № 1), ни одиннадцатой (кошка № 6) пробах.

Случай пришел на помощь кошке и в том эксперименте, где ящик запирался вертушкой.

> Из шести кошек, помещенных в ящик, дверь которого открывалась с помощью вертушки, по ходу импульсивной активности, вертушку повернули все. Иногда они поворачивали ее когтями, дергая за нижний конец, иногда в результате сильного давления сверху, иногда толчком вверх носом. У всех кошек, которым предоставляли возможность повторных попыток, сформировалась тесная связь между видом ящика изнутри и правильными движениями.

Если трем кошкам из восьми удалось выбраться из небольшого ящика, случайно открыв щеколду, то, вероятно, одна кошка из ста также сможет выбраться и из комнаты, случайно обнаружив нужный для этого способ. Если все кошки в конце концов поворачивают вертушку в экспериментальном ящике, то хотя бы одна кошка из тысячи сможет сразу же выбраться и из комнаты, случайно повернув вертушку.

Итак, в искусственных ситуациях, активирующих возможные мыслительные способности животных, в их поведении не удается обнаружить никаких признаков чего-то большего, чем случайное формирование ассоциации между видом ящика изнутри и побуждением к определенному действию, а также последующей жесткой фиксации этой связи, так как чувство удовольствия закрепляет любой ведущий к нему процесс. Мы также видели, что действия, для осуществления которых, по мнению некоторых авторов, необходимо рассуждение, успешно совершаются благодаря случайным инстинктивным попыткам. Вывод о том, что высшие психические процессы у животных отсутствуют, подкрепляют и другие исследования, например, некоторые эксперименты на подражание.

Подробно описывать эти эксперименты я не буду. Достаточно сказать, что кошкам и собакам предоставлялась возможность видеть, как один из их собратьев освобождается из заключения, выполнив некоторое простое действие, и получает еду. Они находились в таком месте, откуда могли видеть, как он проделывает это от 50 до 150 раз, и действительно с близкого расстояния наблюдали за его действиями от 10 до 40 раз. После каждых десяти проб наблюдения за собратом их сажали в ту же клетку. Теперь за ними тщательно наблюдал я, пытаясь увидеть, понимают ли они, как действовал их предшественник, и смогут ли они выполнить то же действие самостоятельно. Они потерпели полную неудачу. Те животные, которым не предоставлялась возможность случайно обнаружить нужный способ самим, никогда не научались этому способу, наблюдая за его исполнением другими животными. «Наблюдатели», которым предоставили возможность научиться случайно, не научались этим действиям быстрее, т.е. научались так, как будто они никогда не видели, как другое животное выполняет то же действие два и более десятка раз. Животные не могли сделать простой вывод:

«Если в определенной ситуации мой собрат совершает определенное действие и получает рыбу, то и я в той же ситуации могу получить рыбу, совершив это действие». Им не хватило мыслительных способностей для того, чтобы извлечь пользу из наблюдения за собратьями, причем, сколько раз им предоставляли такую возможность, не имело никакого значения.

Наш главный вывод подтверждают результаты еще одной серии экспериментов, в которой с собаками и кошками вынужденно [т.е. пассивно, с помощью экспериментатора. — *Ред.-сост.*] совершали правильное движение от 25 до 100 раз. После каждых пяти или десяти движений такого рода их оставляли в ящике, и я наблюдал, поймут ли они, что действие, которое их только что заставили сделать, и в результате которого они освободились и получили пищу, будет тем самым действием, которое нужно сделать сейчас, чтобы выбраться наружу. Например, собаку сажали в ящик, дверца которого открывалась, если веревочная петля, висящая снаружи ящика, опускалась вниз на примерно на один дюйм [2,5 см. — *Ред.-сост.*]. В экспериментах участвовали животные, которым прежде самостоятельно найти это действие в ходе разнонаправленной инстинктивной активности не удавалось. Спустя две минуты я протягивал свою руку, брал лапу собаки, протаскивал ее между прутьями, вставлял в петлю и тянул вместе с ней вниз. Дверца открывалась и, конечно, собака выходила и съедала кусочек мяса. Повторив указанную процедуру десять, а в некоторых случаях пять раз, я снова помещал собаку внутрь ящика и предоставлял ей полную свободу действий. Если, как и раньше, в течение периода от десяти до двадцати минут ей не удавалось извлечь пользу из моего обучения, я выводил ее из ящика, но не кормил. Приблизительно через полчаса я возобновлял свои попытки показать собаке, что нужно делать. И так продолжалось два или три дня до тех пор, пока я не убедился, что животное не в состоянии самостоятельно выполнить то, к чему его принуждали сто и более раз. Необходимый для выполнения этой задачи психический процесс несомненно ниже уровня рассуждения или умозаключения и, конечно, любое животное, обладающее этим процессом, сто раз увидев и почувствовав, как его лапа тянет петлю вниз и приводит к таким хорошим результатам, поняло бы все, что нужно для того, чтобы проделать это действие самостоятельно. К такому пониманию не пришло ни одно из моих животных. В десяти или двенадцати предварительных испытаниях они не натолкнулись на это действие случайно, они не смогли научиться его совершать и после ряда процедур вынужденного выполнения этого действия. Как и в ситуации подражания, действия, которым можно было научиться благодаря случайному успеху, осваивались ничуть не быстрее и ничуть не легче после того, как я многократно проделывал их вместе с животным.

Интересные сведения, дополняющие эти факты, я обнаружил в ответах на вопросы, которые послал дрессировщику одной удивительной лошади, выступающей в цирке. Про арифметические фокусы, показываемые этой лошадью, мне рассказал мой друг. По его мнению, объяснить их можно, если предполо-

жить, что лошадь обучили выполнять нужную последовательность движений в ответ на различные сигналы.

Вопрос 1. Если бы вы захотели научить лошадь стучать копытом семь раз в ответ на ваш вопрос «Сколько дней в неделе?», стали бы вы ее учить, беря за ногу и заставляя производить нужные движения?

Ответ. Нет!

Вопрос 2. Как вы думаете, *смогли бы* вы научить ее этим способом, даже если вам кажется более естественным какой-то другой способ?

Ответ. Нет, я не думаю, что смог бы.

Вопрос 3. Как бы вы стали ее учить?

Ответ. Я напишу цифру 2 на грифельной доске и *два раза тростью прикоснусь к ее ноге*, и так далее.

Арифметические фокусы дрессированных лошадей кажутся нам удивительными, потому что мы не знакомы с простым, но важным фактом, что лошадь инстинктивно поднимает копыто, если уколоть ее ногу или стукнуть по ноге в определенном месте. На основе инстинкта кошки царапать, протискиваться и т.д., вы можете легко научить ее открывать двери, оперируя щеколдой или поворачивая вертушку. Точно так же, на основе простого рефлекса поднимания копыта, вы можете, проявив определенную изобретательность и терпение, научить лошадь показывать любые арифметические фокусы.

Того, кто после вышесказанного все еще верит, что животные могут рассуждать, не переубедят никакие дальнейшие доказательства. Но тем, кого все-таки волнует научная обоснованность представлений о наличии сознания у животных, будет полезно обратить внимание на результаты еще двух серий экспериментов, о которых пока не говорилось. Первая серия была посвящена выяснению того, как животные будут научаться выполнять сложное составное действие. Некоторые наши ящики были сконструированы таким образом, чтобы для открывания двери животному нужно было бы выполнить два или три разных действия в определенной последовательности. Например, собака или кошка должна была встать на платформу и, протянув лапу вверх к прутьям в крышке ящика, потянуть вниз веревку, натянутую между ними, а затем просунуть лапу наружу рядом с дверью, чтобы опустить придерживающую ее планку.

Инстинктивная активность животного зачастую приводит к случайному выполнению этих нескольких действий одного за другим, и в некоторых случаях, благодаря повторным успехам, эти действия выполняются в быстрой последовательности. Но совершенно ясно, что они не обдумываются и осуществляются без разумного понимания, поскольку время, затраченное на то, чтобы научиться такому сложному действию, значительно превосходит время, которое заняло бы научение всем трем компонентам в отдельности. И даже когда животное выполняло сложное действие за минимальное временя, оно зачастую не выполняло его компоненты в надлежащем порядке или вновь и вновь повторяло один и тот же компонент, хотя его цель уже была достигнута.

Вторая серия была направлена на изучение так называемой «памяти» животных. Опишу только один из многих подобных экспериментов. Я научил котенка забираться вверх по проволочной сетке, которая закрывала переднюю часть его клетки, всякий раз, когда я к ней приближался [и подносил рыбу к верху сетки. — *Ред.-сост.*]. Затем я начал учить его забираться вверх после того, как он услышит мои слова: «Я должен покормить кошек». Я говорил эти слова, затем через десять секунд подходил к клетке и подносил немного рыбы к верху сетки. При повторении этого сочетания около сорока раз, котенок залезал наверх по сигналу [«Я должен покормить кошек». — *Ред.-сост.*] примерно в 50 % случаев. Затем я ввел нечто новое. Иногда, как и прежде, я говорил: «Я должен покормить кошек», и кормил котенка, а в других случаях говорил: «Я не буду их кормить», и неподвижно сидел в своем кресле. Сначала котенок не почувствовал разницы, и забирался наверх по неправильному сигналу [«Я не буду их кормить». — *Ред.-сост.*] так же часто, как по правильному [«Я должен покормить кошек». — *Ред.-сост.*]. Но постепенно (после приблизительно 450 проб) неудачи в получении удовольствия после залезания наверх по неправильному сигналу погасили у него импульс к этому действию, в то время как удовольствие, получаемое после залезания по правильному сигналу, постоянно его поддерживало. Подобно тому, как это было в других экспериментах, этот котенок в какой-то момент многократных безуспешных проб не мог подумать и сделать простой вывод, что один набор звуков в этой ситуации означает еду, а другой — нет. Но еще лучшее доказательство приводится ниже. После перерыва в 80 дней я вновь подверг котенка тому же испытанию, чтобы посмотреть, насколько устойчива сформированная у него ассоциация. Она оказалась достаточно устойчивой: вместо 380 проб, затраченных на ее формирование ранее, теперь потребовалось всего 50. После 50 испытаний с сигналами «я должен покормить кошек» и «я не буду их кормить» котенку снова удавалось хорошо их различать. Но эта ассоциация была неустойчивой в том смысле, что в первом, десятом или двадцатом испытаниях он не подумал, как это было бы свойственно животному, обладающему памятью и рассуждающим сознанием: «Да ведь это сочетание звуков означает, что он не подойдет ко мне с рыбой». Котенок мог забыть прошлый опыт и некоторое время карабкаться вверх при словах «я не буду их кормить», а затем вспомнить его и сразу же прекратить это бесполезное занятие. Тогда как на самом деле доля неверных ответов снижалась у него постепенно, пока, в конце концов, он не начинал отвечать только правильно.

Все вышесказанное верно, несмотря на возможную некомпетентность и предвзятое отношение с моей стороны, во всех случаях подтверждается не только моими наблюдениями, но и беспристрастной регистрацией времени и такими фактами, как: освободилось животное из ящика или не освободилось, вскарабкалось оно на сетку или не вскарабкалось. К этому могу добавить, что, проведя рядом с этими животными шесть месяцев по четыре-восемь часов

в день, я ни разу не заметил у них действий, которые хотя бы *предположительно показались* мне проявлением умственных способностей, напротив, я наблюдал у них множество не упомянутых здесь действий, которые, вне всякого сомнения, свидетельствовали об отсутствии этих способностей.

Все, что остается сказать хозяину якобы разумного любимца, это то, что в этих экспериментах участвовали обычные собаки и кошки, которые действительно не могут рассуждать, тогда как *его* питомец значительно выше среднего уровня, и, следовательно, заслуживает специального изучения. Он может заявить, что неспособность обычных животных делать выводы не дает нам права отрицать способность к рассуждению у всех животных и, в частности, у его кошки или собаки. В таком случае, справедливо попросить этого человека повторить мои эксперименты с его кошкой или собакой, якобы превосходящими других в способности к рассуждению. Пока он этого не сделает и не попытается систематически выяснить, как работает их ум и на что он способен, такие заявления ничего не стоят. Добавлю, что посетители лаборатории, которые наблюдали за действиями моих животных уже после того, как они полностью их освоили, но не знали, каким образом они этому научились, единодушно удивлялись их интеллектуальным способностям. Обычно мои гости спрашивали «как же вы их *научили*?» или «где вы нашли таких умных животных?» и говорили «я всегда считал, что животные могут думать». На самом деле для экспериментов я подбирал первых попавшихся мне на улице собак и кошек, и ни одна из них не вложила даже искры мысли в то, что научилась делать. Внешне убедительная видимость рассудка в полностью сформированном навыке вовсе не означает, что в процессе научения участвует или ему помогает рассуждение.

А.Н. Леонтьев

Стадия перцептивной психики*

Следующая за стадией элементарной сенсорной психики, вторая стадия развития, может быть названа стадией перцептивной психики. Она характеризуется способностью отражения внешней объективной действительности уже не в форме отдельных элементарных ощущений, вызываемых отдельными свойствами или их совокупностью, но в форме отражения *вещей*.

Переход к этой стадии развития психики связан с изменением строения деятельности животных, которое подготовляется еще на предшествующей стадии.

Это изменение в строении деятельности заключается в том, что уже наметившееся раньше содержание ее, объективно относящееся не к самому предмету, на который направлена деятельность животного, но к тем условиям, в которых этот предмет объективно дан в среде, теперь выделяется. Это содержание уже не связывается с тем, что побуждает деятельность в целом, но отвечает специальным воздействиям, которые его вызывают.

Так, например, если млекопитающее животное отделить от пищи преградой, то оно, конечно, будет обходить ее. Значит, как и в описанном выше поведении рыбы в условиях перегороженного аквариума, в деятельности этого животного мы можем выделить некоторое содержание, объективно относящееся не к самой пище, на которую она направлена, но к преграде, представляющей одно из тех внешних условий, в которых протекает данная деятельность. Однако между описанной деятельностью рыб и млекопитающих животных существует большое различие. Оно выражается в том, что, в то время как у рыб при последующем убирании преграды это содержание деятельности (обходные движения) сохраняется и исчезает лишь постепенно, высшие животные в этом случае обычно направляются прямо к пище. Значит, воздействие, на которое направлена деятельность этих животных, уже не сливается у них с

---

* *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 240—248.

воздействием со стороны преграды, оба выступают для них раздельно друг от друга. От первого зависят направление и конечный результат деятельности, от второго — то, как она осуществляется, т.е. способ ее осуществления, например путем обхода препятствия. Этот особый состав или сторону деятельности, отвечающую условиям, в которых дан побуждающий ее предмет, мы будем называть *операцией*.

Именно выделение в деятельности операций и указывает на то, что воздействующие на животного свойства, прежде как бы рядоположенные для него, начинают разделяться по группам: с одной стороны, выступают взаимосвязанные свойства, характеризующие тот предмет, на который направлена деятельность, а с другой стороны, выступают свойства предметов, определяющих самый способ деятельности, т.е. операцию. Если на стадии элементарной сенсорной психики дифференциация воздействующих свойств была связана с простым их объединением вокруг доминирующего раздражителя, то теперь впервые возникают процессы интеграции воздействующих свойств в единый целостный образ, их объединение как свойства одной и той же вещи. Окружающая действительность отражается теперь животным в форме более или менее расчлененных образов отдельных вещей.

На разных уровнях стадии перцептивной психики стоит большинство существующих ныне позвоночных животных. Переход к этой стадии, по-видимому, связан с переходом позвоночных к наземному образу жизни.

Возникновение и развитие у животных перцептивной психики обусловлено рядом существенных анатомо-физиологических изменений. Главнейшее из них заключается в развитии и изменении роли дистантных (действующих на расстоянии) органов чувств, в первую очередь зрения. <...>

Одновременно развиваются и органы внешних движений — эти «естественные орудия» животных, позволяющие осуществлять сложные операции, требуемые жизнью в условиях наземной среды (бег, лазание, преследование добычи, преодоление препятствий и т.п.). <...>

Выделение операций, характеризующее стадию перцептивной психики, дает начало развитию новой формы закрепления опыта животных, закреплению в форме двигательных навыков, в узком смысле этого термина.

Иногда навыком называют любые связи, возникающие в индивидуальном опыте. Однако при таком расширенном понимании навыка это понятие становится весьма расплывчатым, охватывающим огромный круг совершенно различных процессов, начиная от изменений реакций инфузорий и кончая сложными действиями человека. В противоположность такому ничем не оправданному расширению понятия навыка мы будем называть навыками лишь закрепленные операции. <...>

При переходе к стадии перцептивной психики качественно изменяется также и сенсорная форма закрепления опыта. У животных впервые возникают чувственные представления.

Вопрос о существовании у животных представлений до сих пор служит предметом споров. Однако огромное число фактов убедительно свидетельствует о том, что животные имеют представления.

Начало систематическому экспериментальному изучению этого вопроса положили опыты Тинклпоу[1]. Этот исследователь прятал на глазах у животного (обезьяны) фрукты за глухую перегородку, а затем незаметно подменял их капустой, обладающей значительно меньшей привлекательностью. После этого животное направлялось за перегородку; найдя там капусту, оно тем не менее продолжало искать прежде виденные им фрукты. <...>

Таким образом, вместе с изменением строения деятельности животных и соответствующим изменением формы отражения ими действительности происходит перестройка также и функции памяти. Прежде, на стадии элементарной сенсорной психики, эта функция выражалась в двигательной сфере животных в форме изменения под влиянием внешних воздействий движений, связанных с побуждающим животное воздействием, а в сенсорной сфере — в закреплении связи отдельных воздействий. Теперь, на этой более высокой стадии развития мнемическая функция выступает в моторной сфере в форме двигательных навыков, а в сенсорной сфере — в форме примитивной образной памяти.

Еще большие изменения претерпевают при переходе к перцептивной психике процессы анализа и обобщения внешней среды, воздействующей на животных.

Уже на первых ступенях развития психики можно наблюдать процессы дифференциации и объединения животными отдельных воздействий. <...>

Главное изменение в процессах дифференциации и обобщения при переходе к перцептивной психике выражается в том, что у животных возникают дифференциация и обобщение образов вещей. <...>

Возникая вместе с формированием операции по отношению к данной вещи и на ее основе, обобщенный образ этой вещи позволяет в дальнейшем осуществиться переносу операции в новую ситуацию. <...>

---

[1] См.: *Tinklepaugh O.L.* An experimental study of representative factors in monkeys // J. of Comp. Psychol. 1928. Vol. 8. № 3.

К.Э. Фабри

Эволюция психики*

Вводные замечания

Эволюция психики составляет часть общего процесса эволюции животного мира и совершалась по закономерностям этого процесса. Повышение общего уровня жизнедеятельности организмов, усложнение их взаимоотношений с окружающим миром приводило в ходе эволюции к необходимости все более интенсивного контактирования со все большим числом предметных компонентов среды, к совершенствованию передвижения среди этих компонентов и ко все более активному обращению с ними. Только такое прогрессивное изменение поведения могло обеспечить возрастающее потребление необходимых для жизни компонентов среды, равно как все более успешное избегание неблагоприятных или вредных воздействий и опасностей. Однако для всего этого требовалось существенное совершенствование ориентации во времени и пространстве, что и достигалось прогрессом психического отражения.

Таким образом, движение (первично локомоция, а впоследствии и манипулирование) являлось решающим фактором эволюции психики. С другой стороны, без прогрессивного развития психики не могла бы совершенствоваться двигательная активность животных, не могли бы производиться биологически адекватные двигательные реакции и, следовательно, не могло бы быть эволюционного развития.

Конечно, психическое отражение не оставалось неизменным в ходе эволюции, а само претерпевало глубокие качественные преобразования, к рассмотрению которых мы сейчас и перейдем. Существенным является то, что первично; еще примитивное, психическое отражение обеспечивало только уход от неблагоприятных условий (как это характерно и для современных простейших); поиск непосредственно не воспринимаемых благоприятных условий появился

---

* *Фабри К.Э.* Основы зоопсихологии. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 172—175.

значительно позже. Как мы уже видели, такой поиск является постоянным компонентом развитого инстинктивного поведения.

Равным образом только на высоких уровнях эволюционного развития, когда уже существует предметное восприятие, и сенсорные действия животных обеспечивают возникновение образов, психическое отражение становится способным полноценно ориентировать и регулировать поведение животного с учетом предметности компонентов внешней среды. Такое отражение имеет, в частности, первостепенное значение для выделения преград (в узком и широком смысле слова), что, как мы видели, является необходимым условием для появления самых лабильных форм индивидуального поведенческого приспособления к меняющимся условиям среды — навыков и, у наиболее высокоразвитых животных, интеллекта.

Признаки наиболее глубоких качественных изменений, которые претерпела психика в процессе эволюции животного мира, Леонтьев[1] положил в основу сформулированных им стадий психического развития. Четкая, наиболее существенная грань проходит между элементарной сенсорной и перцептивной психикой, знаменуя собой основную веху грандиозного процесса эволюции психики. Поэтому в дальнейшем изложении мы будем основываться на этом делении.

Элементарную сенсорную психику Леонтьев определяет как стадию, на которой деятельность животных «отвечает тому или иному отдельному воздействующему свойству (или совокупности отдельных свойств) в силу существенной связи данного свойства с теми воздействиями, от которых зависит осуществление основных биологических функций животных. Соответственно отражение действительности, связанное с таким строением деятельности, имеет форму чувствительности к отдельным воздействующим свойствам (или ее совокупности свойств), форму элементарного ощущения»[2]. Стадия же *перцептивной психики*, по Леонтьеву, «характеризуется способностью отражения внешней объективной действительности уже не в форме отдельных элементарных ощущений, вызываемых отдельными свойствами или их совокупностью, но в форме отражения вещей»[3]. Деятельность животного определяется на этой стадии тем, что выделяется содержание деятельности, направленное не на предмет воздействия, а на те условия, в которых этот предмет объективно дан в среде. «Это содержание уже не связывается с тем, что побуждает деятельность в целом, но отвечает специальным воздействиям, которые его вызывают»[4].

---

[1] Леонтьев Алексей Николаевич (1903—1979) — отечественный психолог, создатель психологической теории деятельности; см. его тексты на с. 58—69, 201—216, 256—263; 307—309; 342—346; 365—376; 403—412; 461—469; 492—510; 530—564; 681—684 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[2] См.: *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. С. 162—163.

[3] Там же. С. 176.

[4] Там же.

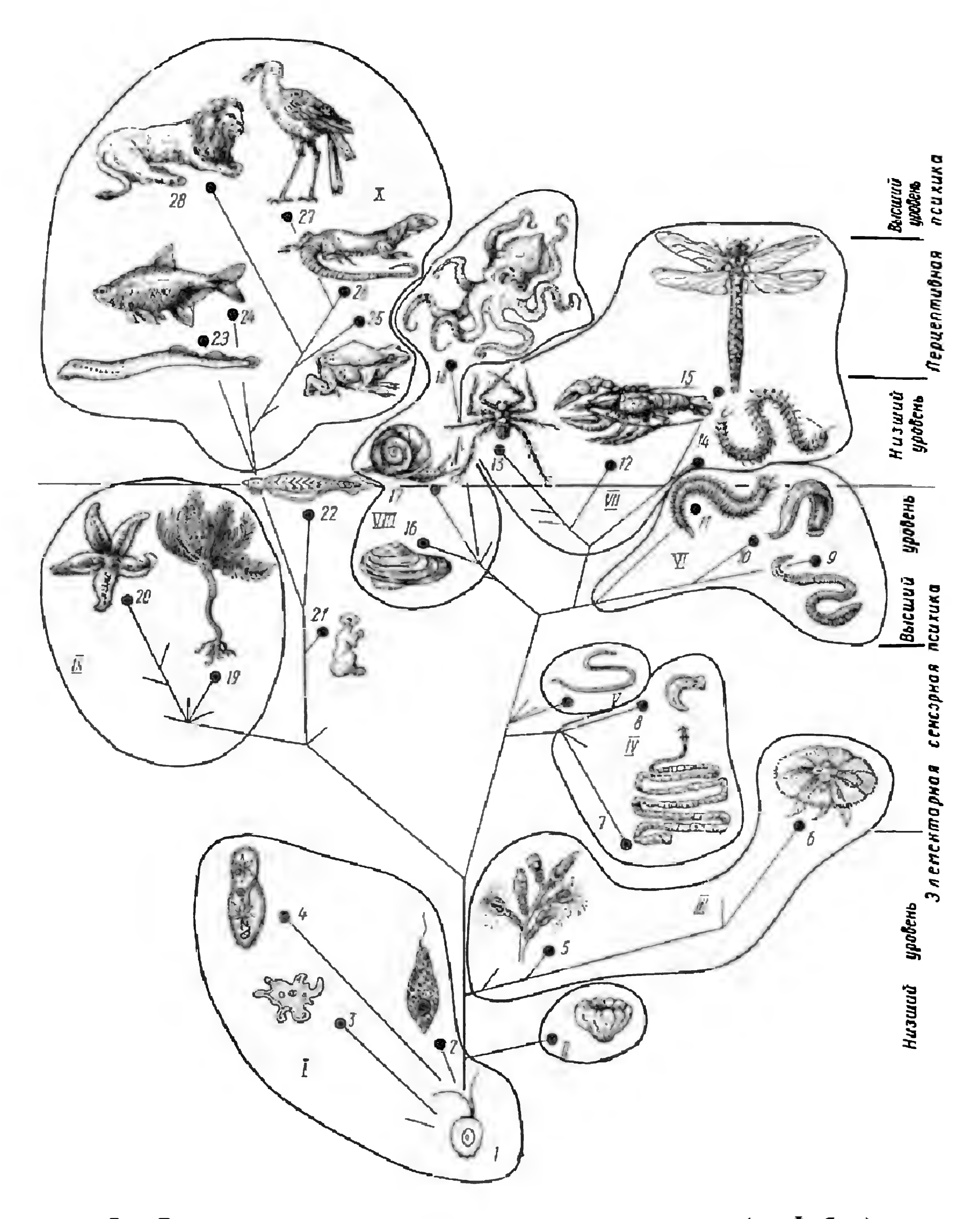

Рис. Родословное дерево и уровни развития животных (по Фабри):

I — простейшие; II — губки; III — кишечнополостные; IV — плоские черви; V — круглые черви; VI — кольчатые черви; VII — членистоногие; VIII — моллюски; IX — иглокожие; X — позвоночные

1 — первичные жгутиковые; 2 — современные жгутиковые; 3 — корненожки (амебы); 4 — инфузории; 5 — гидроидные; 6 — медузы; 7 — ленточные черви; 8 — ресничные черви (планарии); 9 — малощетинковые черви; 10 — пиявки; 11 — многощетинковые черви; 12 — ракообразные; 13 — паукообразные; 14 — многоножки; 15 — насекомые; 16 — двустворчатые моллюски; 17 — брюхоногие моллюски; 18 — головоногие моллюски; 19 — морские лилии; 20 — морские звезды; 21 — оболочники; 22 — бесчерепные (ланцетники); 23 — круглоротые; 24 — рыбы; 25 — земноводные; 26 — пресмыкающиеся; 27 — птицы; 28 — млекопитающие

Однако для наших целей этого подразделения недостаточно, и поэтому следует как в пределах элементарной сенсорной, так и пределах перцептивной психики выделить существенно различающиеся уровни психического развития: низший и высший, допуская при этом существование и промежуточных уровней. Важно отметить, что крупные систематические таксоны животных не всегда и не вполне укладываются в эти рамки. Это неизбежно, так как в пределах крупных таксонов[5] (в данном случае подтипов или типов) всегда имеются животные, стоящие на смежных уровнях психического развития. Объясняется это тем, что качества высшего психического уровня всегда зарождаются на предшествующем уровне.

Кроме того, расхождения между психологической и зоологической классификациями обусловлены тем, что морфологические признаки, на которых построена систематика животных, отнюдь не всегда определяют особенности и степень развития психической деятельности последних. Поведение животных представляет собой совокупность функций эффекторных органов животных. А в процессе эволюции именно функция первично определяет форму, строение организма, его систем и органов. И лишь вторично строение эффекторов, их двигательные возможности определяют характер поведения животного, ограничивают сферу его внешней активности.

Этот диалектический процесс, однако, осложняется еще возможностями многопланового решения задач (по меньшей мере у высших животных) и компенсаторными процессами в области поведения. Это означает, что если животное в данных условиях лишено возможности решить биологически важную задачу одним путем, оно, как правило, имеет в своем распоряжении еще другие, резервные возможности. Так, одни эффекторы могут замениться другими, т.е. разные морфологические структуры могут служить для выполнения биологически однозначных действий. С другой стороны, одни и те же органы могут выполнять разные функции, т. е. осуществляется принцип мультифункциональности. Особенно гибки морфофункциональные отношения в координационных системах, прежде всего в центральной нервной системе высших животных.

Итак, с одной стороны, образ жизни определяет развитие приспособлений в эффекторной сфере, а с другой стороны, функционирование эффекторных систем, т.е. поведение, обеспечивает удовлетворение жизненных потребностей, обмена веществ в ходе взаимодействия организма с внешней средой. Изменения условий жизни порождают необходимость изменения прежних эффекторных функций (или даже появления новых функций), т.е. изменения поведения, а это затем приводит к соответствующим морфологическим изменениям в эффекторной и сенсорной сферах и в центральной нервной системе. Но не сразу и даже не всегда функциональные изменения влекут за собой морфологические. Более того, у высших животных зачастую вполне достаточными, а иногда даже

[5] *Таксон* — группа дискретных объектов (здесь — животных), связанных той или иной степенью общности свойств и признаков. — *Ред.-сост.*

наиболее результативными являются чисто функциональные изменения без морфологических перестроек, т. е. адаптивные изменения только поведения (А.Н. Северцов). Поэтому поведение в сочетании с мультифункциональностью эффекторных органов обеспечивает животным наиболее гибкую адаптацию к новым условиям жизни.

Указанные функциональные и морфологические преобразования определяют качество и содержание психического отражения в процессе эволюции. О них, о диалектических взаимоотношениях между образом жизни (биологией) и поведением, необходимо всегда помнить, когда мы говорим о примате двигательной активности, деятельности животных, в развитии психического отражения.

Уместно еще раз напомнить и о том, что вопреки еще бытующему представлению врожденное и приобретаемое поведение не являются последовательными ступенями на эволюционной лестнице, а развиваются и усложняются совместно, как два компонента одного единого процесса. Следовательно, не было и нет такого положения, чтобы у низших животных имелись лишь одни инстинкты (или даже рефлексы), на смену которым у высших приходят навыки, а инстинкты все больше сходят на нет. На самом деле, как уже было показано, прогрессивному развитию именно инстинктивного, генетически фиксированного поведения соответствует прогресс в области индивидуально-изменчивого поведения. Инстинктивное поведение достигает наибольшей сложности как раз у высших животных, и этот прогресс влечет за собой развитие и усложнение у этих животных форм научения.

Мы здесь можем, разумеется, дать только самый общий обзор эволюции психики, и то лишь по некоторым его направлениям и на немногих примерах, совершенно не вскрывая всего многообразия путей развития психики в мире животных.

4 *Характеристика поведения и психики на стадии интеллекта. Опыты и наблюдения Кёлера*

В. Кёлер

[Исследование интеллекта шимпанзе]*

Введение

<...> Опыт показывает, что мы еще не склонны говорить о разумном поведении в том случае, когда человек или животное достигает цели на прямом пути, не представляющем каких-нибудь затруднений для их организации, но обычно впечатление разумности возникает уже тогда, когда обстоятельства преграждают такой, как бы сам собой разумеющийся, путь, оставляя взамен возможность непрямого образа действия, и когда человек или животное избирает этот, по смыслу ситуации, «обходной путь». Поэтому, молчаливо признавая это, почти все те, кто до сих пор пытался ответить на этот вопрос о разумном поведении животных, создавали для наблюдения подобные ситуации. Так как для животных, стоящих по своему развитию ниже антропоидов, вывод в общем был отрицательным, то из таких именно опытов и выросло распространенное в настоящее время воззрение; соответствующие опыты над антропоидами произведены были в незначительном количестве и не принесли еще правильного решения вопроса. Все опыты, о которых сообщается в начале последующего изложения, принадлежат к одному и тому же роду. Экспериментатор создает ситуацию, в которой прямой путь к цели непроходим, но которая оставляет открытым непрямой путь. Животное входит в эту вполне обозримую ситуацию и здесь может показать, до какого типа поведения позволяют ему подняться его задатки, в особенности, решает ли оно задачу при помощи возможного обходного пути. <...>

Обходные пути

<...> Наблюдения при простейших опытах с обходным путем настолько легки, что легко допускают сравнение с такими же опытами, поставленными над другими животными; если имеешь дело с более простым экземпляром, сейчас же

* *Кёлер В.* Исследование интеллекта человекоподобных обезьян // Основные направления психологии в классических трудах. Гештальтпсихология. М.: ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. С. 37—269 (с сокр.).

обращает на себя внимание один момент, который повторяется во всех более трудных опытах над шимпанзе, и там его легко будет распознать, если мы уясним его в следующих примерах.

Неподалеку от стены дома импровизируется квадратное, обнесенное забором пространство, так что одна сторона, удаленная от дома на 1 м, стоит параллельно ему, образуя проход длиной в 2 м; один конец прохода закрывают решеткой и теперь вводят в тупик по направлению от A до B взрослую канадскую суку; там, держа голову по направлению к замыкающей решетке, она некоторое время ест свой корм [рис. 1]. Когда корм съеден почти до конца, новый кладется на место C по ту сторону решетки; собака смотрит на него, на мгновение кажется озадаченной, но затем моментально поворачивается на 180° и бежит из тупика вокруг забора по плавной кривой, без каких-либо остановок, к новому корму.

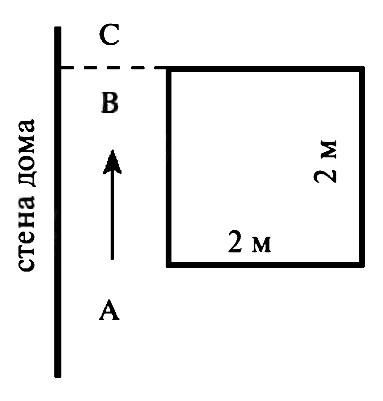

Рис. 1

<...>

Употребление орудий

<...> Ситуация подвергается дальнейшему усложнению: нет больше пространства для возможных обходных путей, непроходима теперь не только прямая линия, соединяющая с целью, но и все остальные геометрически мыслимые кривые; равным образом, некое приспособление формы собственного тела к пространственным формам окружающей обстановки не приводит животное в соприкосновение с целью. Если такое соприкосновение все же должно быть каким-либо образом установлено, то это может произойти посредством включения промежуточного материального члена. Так осторожно, мы увидим потом почему, следует выразиться сообразно положению вещей; только тогда это непрямое (*indirekte*) поведение с помощью третьего тела принимает определенные формы, можно сказать, в обычном смысле: обладание объектом, являющимся целью, достигнуто посредством орудия; существует один род преодоления расстояния до цели ***при помощи третьего тела, к которому это положение применимо***[1].

[1] Хорошо делают, когда на всем протяжении исследования проблемы заменяют время от времени такие избитые слова, как «употребление орудий», «подражание» и т.п. другими,

Если поле уже содержит *в себе третьи тела, пригодные для преодоления критического расстояния между животными и целью*, то возникает вопрос, в какой мере шимпанзе способен, находясь под влиянием стремления к цели, использовать возможности подобного рода. <...>

Цель ничем не соединяется с помещением, где находится животное; в качестве единственного вспомогательного средства ситуация содержит палку, с помощью которой цель может быть придвинута.

Из семи шимпанзе, которые принадлежали станции с самого начала, я нашел у Султана уже достаточный опыт в подобном применении палок, такое же действие наблюдалось также у Раны; как возникло оно у некоторых других животных впервые, будет сообщено в следующей части этих исследований. К тому роду опытов, который здесь первоначально рассматривается, относятся три случая — с Чего, Нуэвой и Коко.

Большая самка, о предыдущей жизни которой в Камеруне, разумеется, ничего не известно, содержалась ко времени опыта (26. II. 1914) почти всегда изолированно от других (в течение 1,5 лет), к тому же в таких помещениях, которые редко давали повод иметь дело с подвижными предметами помимо соломы и одеяла; напротив, смотреть на занятия маленьких животных она могла, когда ей было угодно. Чего выпускается из своей комнаты в обнесенное решеткой помещение, которое служит ей местом пребывания в течение дня; снаружи, дальше, чем может достать ее очень длинная рука, лежит цель; внутри, поблизости от решетки и несколько в стороне, находятся несколько палок. Она безуспешно пробует сначала достать фрукты руками, потом ложится на спину, немного спустя делает новую попытку, снова оставляет ее и т. д. в течение более чем получаса; наконец, она остается продолжительное время лежать, не заботясь больше о цели; палки, которые, находясь непосредственно рядом с нею, могли бы привлечь к себе ее внимание, как будто для нее не существуют. Но теперь младшие животные, бегавшие неподалеку снаружи, начинают интересоваться целью и осторожно подходят ближе и ближе; одним прыжком Чего выскакивает, схватывает одну из палок и подталкивает ею довольно ловко бананы к себе, пока они не приблизятся на расстояние длины руки. При этом она сейчас же ставит палку правильно позади цели; она пользуется сначала левой рукой, потом правой и часто меняет их; палку она держит не всегда так, как это сделал бы человек, но часто так, как она любит держать свой корм, именно — зажав ее между третьим и четвертым пальцами, в то время как большой придерживает ее сбоку.

Опыт с Нуэвой был поставлен через три дня по ее прибытии (11. III. 1914). Она не бывала еще в обществе других животных, но сидела изолированно в своей клетке. Ей дают в клетку палочку. Она скребет ей некоторое время по полу,

---

которые, возможно, точнее соответствуют поведению животного. Такие затасканные слова имеют ту вредную сторону, что за кажущейся знакомостью прячут важнейшие вопросы; к хорошо поставленным вопросам приходят, вероятно, скорее, когда при выборе выражений насколько возможно заставляют себя следовать за поведением животного; порою это весьма затруднительно просто потому, что не всегда имеешь под рукой вполне подходящие слова.

сгребает таким образом в одну кучу кожуру бананов и потом роняет палку без внимания приблизительно в 75 см от решетки. 10 мин. спустя снаружи на пол, дальше чем может достать рука, кладут фрукты; животное безуспешно старается схватить их и сейчас же начинает горевать с характерной для шимпанзе манерой. Она выпячивает на несколько сантиметров обе губы, особенно нижнюю, издает, глядя на наблюдателя умоляющими глазами и протягивая к нему руку, плачущие звуки[2] и, наконец, отчаявшись, бросается на спину — очень выразительное поведение, которое можно наблюдать вообще в случаях большого горя. Так проходит, в просьбах и жалобах, несколько времени, пока примерно через 7 мин. после появления цели животное не замолкает при взгляде по направлению к палке, которая здесь, как чаще всего и в дальнейшем, находится в левой руке, и тотчас же ставится на землю позади цели. При повторении опыта через час проходит гораздо меньше времени до того, как животное схватывает палку; равным образом, теперь она употребляет ее уже с большей ловкостью; ловкость достигает своего maximum'а же после немногих повторений. <...>

Говоря очень обще, можно считать, что шимпанзе, который однажды в подобной ситуации начал применять палку, не останется беспомощным, если налицо не окажется палки или если находящаяся налицо палка скроется от внимания. <...>

Когда животные, нашедшие практический способ поведения в определенной ситуации, применяют тот же способ в сходном положении, тогда высказывается (и часто с полным правом) предположение, что в неясном восприятии животного новая ситуация совсем не отличается от старой, и, следовательно, одинаковое поведение в обоих случаях понятно само собою. Было бы совершенно ошибочно привлекать подобное объяснение для тех случаев, когда шимпанзе заменяет палку другим предметом: оптика шимпанзе, как это легко установить в опытах, да и помимо них, слишком высоко развита, чтобы он мог чисто оптически «смешать» ранее примеренную палку с пучком соломы, полями шляпы, камнем, башмаком и т.д. Но если сказать, что палка приобрела в зрительном поле определенное функциональное значение для известных ситуаций, и это само собою переносится на все другие предметы, которые в некоторых наиболее общих свойствах формы и консистенции имеют объективное сходство с палкой, хотя бы в остальном имели какой угодно вид, — то это совершенно точно выражает единственное воззрение, которое согласуется с наблюдаемым поведением животных. Поля шляпы и башмак для шимпанзе, конечно, не всегда являются оптическими палками (и едва ли поэтому они смешиваются в опыте), но лишь в определенных ситуациях они выступают как «палки» в функциональном смысле, после того как до известной степени родственная по форме и консистенции вещь, например, прут, однажды выполняла функцию палки. <...>

Другой момент кажется гораздо более существенным, чем внешнее различие между палкой, полями шляпы и башмаком; в опытах с Чего и Коко (Нуэва

[2] Шимпанзе, как известно, не плачет слезами.

по внешним причинам не испытывалась в этом направлении) это положение предметов, рассматриваемых как орудия, по отношению к животному и цели. У обоих животных палки, которые они перед этим часто употребляли, теряли свой функциональный или инструментальный характер единственно потому, что они удалялись от критического места. Точнее: если позаботиться о том, чтобы при взгляде на критическую область и при блуждании взором внутри этой зоны невозможно было увидеть палку и, наоборот, при взгляде в направлении палки вся область цели исчезала бы из поля зрения, то этим, как правило, применению орудия ставится препятствие, или оно, по меньшей мере, резко замедляется, несмотря на то, что до этого было уже неоднократно использовано. Всеми средствами я обращал внимание Чего на лежавшие на заднем плане клетки прутья, и она смотрела прямо на них; но она при этом не могла видеть области цели позади себя, и палки оставляются в покое. Даже когда мы однажды утром довели дело до того, что она схватила одну из палок и использовала ее, после обеда, когда палки лежали на том же месте, она уже не могла выйти из положения еще раз, хотя, бродя по клетке, прямо наступила на палки и несколько раз смотрела точно в их направлении. В то же самое время прутья и различные замещающие предметы, которые она видит неподалеку от области цели, используются ею без малейшего промедления, и животное съедает то, что ему удается добыть, с величайшим аппетитом[3]. <...>

Если цель прикреплена высоко, на таком месте, к которому не ведет ни один обходной путь, то расстояние может быть преодолено при помощи возвышения пола, выдвигания ящика или другой подставки, на которую животное затем взбирается. Палки следует заранее удалить, если их применение уже известно; возможность обойтись старыми способами решения по большей части препятствует возникновению новых (24. I. 1914). Шесть молодых животных, коренные обитатели станции, запираются в помещении с гладкими стенами, потолок которого (примерно 2 м высотою) они не могут достать; деревянный ящик (50 × 40 × 30 см) стоит почти на середине помещения плашмя, причем открытая сторона его направлена кверху; цель прибита к крышке в углу (в 2,5 м от ящика, если мерить по полу). Все животные безуспешно стараются достать цель прыжком с пола; Султан, однако, скоро оставляет это, беспокойно обходит помещение, внезапно останавливается перед ящиком, хватает его, перевертывает его с ребра на ребро прямо к цели, взбирается на него, когда он находится еще примерно на расстоянии 50 см (горизонтально) и сейчас же, прыгнув изо всех сил, срывает цель. С момента прикрепления цели прошло около 5 мин.; процесс

[3] Одеяло лежит в помещении для сна на таком же расстоянии, как палка, позади животного, однако оно приносится; но здесь следует заметить, что дверь совсем рядом с решеткой на переднем плане сбоку, так что Чего при относительно небольшом отклонении взора, которое оставляет еще решетку (область цели) в зрительном поле, уже видит сквозь дверь одеяло; напротив, если она повернется лицом к палкам, область цели исчезает совершенно. Помимо этого, одеяло, благодаря тому, что оно является предметом ежедневного обихода животного, стоит, так сказать, вне конкуренции с другими вещами.

от остановки перед ящиком до первого откусывания плода длится только несколько секунд; он, в отличие от предыдущего блуждания, представляет собою единый, гладко протекающий процесс. До этого мгновения никто из животных не обращает внимания на ящик, все они слишком заняты целью; никто из них не принял ни малейшего участия в перемещении ящика, кроме Султана, который выполнил это один и очень быстро. Наблюдатель при этом опыте смотрел снаружи через решетку[4].

В операции, выполненной животным, имеются черты, свидетельствующие о неловкости. Ящик можно было бы придвинуть совсем под цель; при последнем опрокидывании перед прыжком открытая сторона ящика обращена вверх, Султан не исправляет этого, но становится на ребро ящика и прыгает, разумеется, менее ловко; он не поставил ящик «стоймя» (длинной стороной вертикально), чем, во всяком случае, можно было бы избежать бесполезного напряжения. Без сомнения, все в целом протекало слишком быстро для таких тонкостей.

На следующий день опыт повторяется, но ящик поставлен так далеко от цели, насколько позволяет помещение (5 м). Султан, несмотря на это, схватывает его, как только ситуация оказывается перед его глазами, тащит его под самую цель и прыгает. На этот раз ящик обращен кверху закрытой стороной. <...>

После того, как и другие животные усвоили применение ящика, их поведение в таких случаях совсем не отличалось от поведения Султана; поэтому можно при рассмотрении всего того, что развилось впоследствии из этой первоначальной операции, привлекать также наблюдения над ними: если первое применение этого способа в значительной степени определялось внешними влияниями, то в дальнейшем животные изменяли его уже совершенно самостоятельно и точно так же, как Султан.

Мы видим, как все они постепенно заменяют ящик, лестницу, стол самыми разнообразными предметами: камни, решетчатые рамы от окон клеток, жестяные барабаны, деревянные чурбаны, мотки проволоки притаскивались и с успехом применялись в качестве скамеек и лестниц — одно постоянно переходит в другое в практике шимпанзе. Но самой замечательной вариацией остается все же та, которую ввел Султан непосредственно после первого опыта с лестницей, когда ему решительно не удавалась установка этого орудия под новой целью. Чтобы еще раз побудить к работе весьма изнуренную обезьяну, наблюдатель выходит вперед и, указывая на цель, приближается к ней приблизительно на расстояние длины руки, как вдруг Султан вскакивает, схватывает его за руку и изо всех сил старается притянуть его к цели. Так как возникает впечатление, что Султан хочет, чтобы ему дали цель, его отталкивают; однако он с величайшим упорством снова и снова схватывает за руку

[4] За исключением некоторых случаев, которые будут точно описаны, наблюдатель является для животных тем, кто постоянно запрещает наиболее удобные методы (обходные пути в обычном смысле слова). Его присутствие поэтому допустимо: как правило, шимпанзе не обращает на него никакого внимания. Само собою разумеется, что он ведет себя совершенно нейтрально в тех случаях, когда о помощи с его стороны не упоминается.

или за ногу и тянет так, что, наконец, его резко отстраняют. Следствием этого являются вспышки ярости со спазмами голосовой щели и эрекцией. Когда вскоре после этого под целью наискось проходит сторож, Султан быстро идет к нему, хватает его за руку, энергично тянет его по направлению к цели, мимо которой тот уже прошел, и в то же время делает несомненные попытки взобраться ему на спину. Сторож избавляется от него и отходит назад, насколько позволяет помещение, но Султан следует за ним, и так как сторож, согласно полученному приказанию, только делает вид, что сопротивляется, Султан притягивает его к самой цели; взобраться к нему на плечи и сорвать цель после этого — дело одного мгновения. С этих пор животное совсем помешалось на этом удобном решении, и, пока его не отучили от него (в интересах опыта), происходило немало бурных сцен, при которых Султан порою, казалось, совершенно задыхался.

Дальнейшая модификация, когда одно животное пользуется другим как скамейкой, была однажды введена маленьким Консулом спонтанно — его с трудом можно было побудить принять участие в опыте — в то время как он (также как и другие) еще ни разу не видел, как Султан употреблял нас в качестве лестниц. <...>

Изготовление орудий. Постройки. (Продолжение)

Когда шимпанзе не достигает высоко подвешенной цели при помощи одного ящика, есть возможность, что он поставит один на другой два ящика или еще больше, и, таким образом, достигнет цели. Кажется, что единственный и простой вопрос, который должен быть быстро разрешен, заключается в том, сделает ли он это на самом деле. Однако, если поставить соответствующие опыты, вскоре оказывается, что для шимпанзе проблема распадается на два частичных требования, которые надо хорошо различать, причем с одним из них он справляется очень легко, в то время как другое представляет для него необычайные трудности. Человек (взрослый) наперед считает, что в первом требовании заключается вся проблема, а там, где для животных лишь впервые начинаются трудности, мы вначале не видим вообще никакой проблемы. Для того, чтобы этот замечательный факт выступил в описании с такой же яркостью, с какой он навязывается наблюдателю, непосредственно видящему опыт, является совершенно необходимым разделение с этой точки зрения отчетов об опытах. Я начинаю с того ответа на вопрос, который человеку кажется единственным.

Султан в одном из ранее описанных опытов был близок к тому, чтобы поставить два ящика один на другой, когда одного оказалось недостаточно; однако вместо того чтобы действительно поставить уже поднятый второй ящик на первый, он производил с ним неправильные движения в свободном пространстве вокруг первого ящика и над ним; затем другие способы вытеснили это спутанное

действие. Опыт повторяется (8. II); цель подвешена очень высоко, оба ящика стоят неподалеку друг от друга на расстоянии примерно 4 м от цели; все другие вспомогательные средства устранены. Султан тащит больший из ящиков к цели, ставит его плашмя под цель, становится, глядя вверх, на него, приготовляется к прыжку, но на самом деле не прыгает; он слезает, схватывает другой ящик и бежит галопом, таща его за собой по помещению, где происходят опыты, причем производит необычайный шум, ударяет о стены и всеми возможными способами обнаруживает свое неудовольствие[5].

Он схватил второй ящик, наверное, не для того, чтобы поставить его на первый; ящик должен только помочь ему выразить свое расположение духа. Однако его поведение сразу совершенно изменяется; он прекращает шум, подтаскивает издали свой ящик прямым путем к другому и тотчас же ставит его в вертикальном положении на первый; затем он влезает на постройку, которая несколько качается, много раз приготовляется к прыжку, но опять не прыгает: цель все еще находится слишком высоко для плохого прыгуна. Впрочем, он сделал все, что от него зависело. <...>

Ряд дальнейших опытов, которые, однако, приводили к большей правильности нового действия отнюдь не так быстро, как в других случаях, будет описан ниже. После того, как животные привыкли тотчас же ставить два ящика один на другой, когда этого требовала ситуация, возник вопрос, могли ли бы они продвигаться еще дальше вперед в этом направлении.

Опыты (более высоко подвешенная цель, три ящика в некотором отдалении) обнаружили вначале, что Султан выполнял только более трудные постройки из двух ящиков, поставленных друг на друга в вертикальном положении, которые выглядели как колонны и, само собою разумеется, позволяли доставать очень высоко (8. IV); Султан, правда, с самого начала подтаскивал третий ящик вместе с двумя остальными к месту постройки прежде, чем приступал к самому конструированию, однако оставлял его лежать возле без употребления, так как он и без этого достигал цели при помощи своей колонны. (9. IV). Цель висит еще выше; Султан голодал предобеденное время, поэтому с большим усердием приступает к работе. Он кладет тяжелый ящик плашмя под цель, ставит на него другой в вертикальном положении и пытается, стоя наверху, схватить цель; не достигнув цели, он смотрит вниз и осматривается кругом — его глаза останавливаются на третьем ящике, который вначале из-за своих незначительных размеров показался ему не имеющим никакой ценности — с большой осторожностью слезает вниз, схватывает ящик, влезает с ним наверх и завершает постройку.

---

[5] Все животные проявляли по отношению к месту, где производились опыты, сильное нерасположение. И не потому, что там экспериментировали — они абсолютно ничего не имели против этого — но из-за невыносимо сухого зноя, который по большей части господствовал в нем. В те дни я по внешним причинам не мог экспериментировать нигде в другом месте, но впоследствии я, по возможности, избегал этого места. Некоторые глупости, которые наблюдались здесь, наверное, представляют собой отчасти симптомы изнурения.

Особенно далеко со временем пошла Грандэ, в ту пору из маленьких — самое сильное, но вместе с тем и самое терпеливое животное. Большое количество неудач, обвал начатых построек, разного рода (отчасти незаметно созданные ею же самой) трудности не могли отвлечь ее от работы, и она вскоре дошла до того, что, подобно Султану, ставила друг на друга три ящика <...> и довела это (30. VII. 1914) даже до красивой постройки из четырех ящиков, когда поблизости нашлась клетка больших размеров, широкая поверхность которой позволяла поставить на нее три остальных части постройки. Когда весной 1916 г. опять была предоставлена возможность возводить более высокие постройки, Грандэ и после большого перерыва была относительно самым лучшим и, во всяком случае, столь же превосходящим других архитектором, как и раньше; высокие постройки из четырех строительных элементов хотя и представляли для нее трудности, тем не менее при упорном старании удавались ей вполне хорошо <...>.

Обходные пути через самостоятельные промежуточные цели

<...> Если попытаться сделать составные части какого-либо действия еще более самостоятельными с внешней стороны, мы приходим к опытам, в которых животное должно поставить перед первоначальной целью (или конечной целью) предварительную промежуточную цель другого рода. Эта последняя сама требует непрямого пути для ее достижения, чтобы после этого конечная цель стала доступной. И с другой стороны: если рассматривать процесс до момента достижения промежуточной цели, взятый сам по себе, безотносительно к дальнейшему его течению, то обнаруживается, что этот первый обходный путь имеет еще меньше отношения к конечной цели и внешне выделяется как совершенно особое действие. Опыт показывает, что мы выносим особенно сильное впечатление разумного поведения тогда, когда используются в замкнутой форме «обходные пути», в отдельных частях столь далеко уводящие от конечной цели, но в целом существенно необходимые. (26. III) Султан сидит у решетки и не может достать при помощи короткой палки, находящейся в его распоряжении, лежащую снаружи цель;

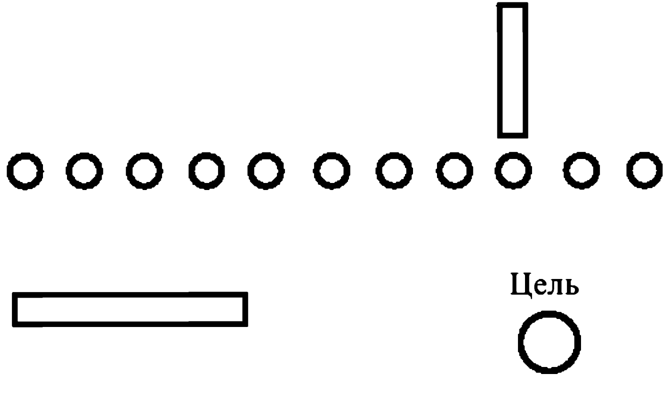

Рис. 2

между тем снаружи, приблизительно в 2 м в стороне от цели, но ближе к решетке, лежит более длинная палка параллельно плоскости решетки; ее тоже нельзя достать рукой, но можно притянуть при помощи короткой папки (ср. рис. 2).

Султан старается достать цель короткой палкой, когда это не удается, он безуспешно старается вырвать кусок проволоки, который выступает из решетки его помещения. После некоторого осматривания — в подобных опытах почти всегда наступают продолжительные паузы, во время которых животное обводит глазами все окружающее — он внезапно снова схватывает свою палочку, подходит с ней к тому месту решетки, против которого лежит длинная палка, быстро подтаскивает ее к себе при помощи своей палочки, схватывает ее, идет теперь уже назад, к тому месту, против которого лежит цель, и притягивает к себе эту последнюю. Начиная с момента, когда взгляд животного останавливается на палке, лежащей в 2 м в стороне и весь процесс образует единое замкнутое целое без пробелов и, несмотря на то, что подтаскивание длинной палки (промежуточная цель) при помощи короткой является действием, которое могло бы быть самостоятельным и замкнутым в себе, наблюдение все же показывает, что это действие внезапно возникает из состояния беспомощности (поиски глазами), *которую*, несомненно, следует отнести и к конечной цели, и что оно затем переходит без задержек в заключительное действие (притягивание конечной цели).

(12. IV) Нуэва подвергается испытанию в такой же ситуации; маленькая палка лежит перед решеткой с ее стороны, как раз против цели, большая — снаружи, несколько ближе к решетке, чем цель, приблизительно на расстоянии 1,5 м в стороне от нее. Так как Нуэва уже тяжело больна и совершенно лишена аппетита, она очень скоро прекращает всякие старания, когда не может достать цель при помощи короткой палки. Когда же мы добавляем несколько особенно привлекательных фруктов, она вновь приближается к решетке и осматривается вокруг себя; вскоре большая палка приковывает ее взгляд, она берет меньшую палку, подтаскивает с ее помощью другую на близкое расстояние и тотчас же при ее помощи подтаскивает также и цель. Протекание опыта не могло бы быть более ясным и единым.

Грандэ подвергается испытанию значительно позже (19. III. 1916). Она безуспешно протягивает короткую палку к цели, затем на короткое время оставляет опыт без внимания, снова возвращается, протягивает палку наружу, как прежде, затем спокойно усаживается на минуту у решетки, все еще против цели. Когда ее взгляд падает в сторону, на большую палку, она застывает на несколько мгновений без движения, фиксируя ее, но затем внезапно вскакивает, подходит к тому месту решетки, против которого лежит большая палка, притягивает последнюю при помощи маленькой палки и тотчас же при помощи этой большой — цель. <...>

По ту сторону решетки опять лежит цель; в помещении животного на большом расстоянии от решетки к крыше прикреплена палка, и в стороне стоит ящик. Цель может быть достигнута с помощью палки, а палка — только с помощью ящика. Султан (4. IV. 1914) начинает с глупости, которая нам уже знакома, и тащит ящик к решетке против цели; после того как он путешествует с ним

некоторое время, он оставляет его и начинает более осмысленно повсюду искать, очевидно, какое-нибудь орудие и только теперь замечает палку на крыше. Тотчас же он опять хватается за ящик, ставит его под палкой, влезает на него, срывает палку, спешит с ней к решетке и подтаскивает цель. Начиная с того момента, когда его взгляд в поисках падает на палку, весь дальнейший процесс совершенно ясен и замкнут; время, в течение которого он длится, достигает, самое большее, полуминуты, включая сюда употребление палки в собственном смысле. <...>

«Случайность» и «подражание»

<...> В случае опытов с обходным путем процесс, который внешним образом суммируется из случайных составных частей и приводит к успеху, резко отличается для наблюдения от «настоящих решений». Для последних, как правило, в высшей степени характерен направленный, замкнутый в себе процесс, резко отделенный от всего того, что ему предшествует, благодаря внезапному возникновению. Вместе с тем этот процесс как целое соответствует структуре ситуации, объективному отношению ее частей. Например: цель находится на земле за преграждающим путь препятствием. Внезапно возникает безостановочное и плавное движение по соответствующей кривой решения. Создается навязчивое впечатление, что эта кривая возникает как целое, и притом с самого начала как продукт оптического охвата общей структуры ситуации. (Шимпанзе, поведение которых неизмеримо выразительнее, чем поведение, скажем, кур, обнаруживают уже своим взглядом, что они действительно сначала предпринимают своего рода съемку основных частей ситуации; из этого обозрения ситуации внезапно появляется затем «решение».)

Мы умеем и уже у самих себя резко различать [разницу. — *Ред.-сост.*]между поведением, которое с самого начала возникает из учета свойств ситуации, и другим, лишенным этого признака. Только в первом случае мы говорим о понимании, и только такое поведение животных необходимо кажется нам разумным, которое с самого начала в замкнутом гладком течении отвечает строению ситуации и общей структуре поля. Поэтому этот признак — возникновение всего решения в целом в соответствии со структурой поля — должен быть принят как критерий разумного поведения. <...>

Само собой разумеется, что мысль о том, что структура поля в целом, взаимоотношения частей ситуации друг к другу и т.д. становятся определяющими для решения, вытекает из этой теории: следует совершенно исключить то, что наблюдаемое поведение животных не может быть объяснено согласно тому мнению, по которому решение должно произойти безотносительно к структуре ситуации и может возникнуть из случайных частей, т.е. неразумно. <...>

Только с чрезвычайным усилием можно так долго аргументировать против объяснения, для которого наблюдения не дают ни малейшего повода. Я еще раз

в заключение обращаю внимание на характер этих наблюдений, который говорит больше, чем все подобные аргументы, и на его противоречия с требованиями этой теории [случайного нахождения решения. — *Ред.-сост.*].

1. Животные должны были прежде случайно выработать путем дрессировки такое решение; мы наблюдаем, говорят нам, в высшей степени легко протекающий процесс — продукт упражнения, — который имеет, благодаря этой величайшей легкости протекания, совершенно такой же вид, как и осмысленное решение. Но самые лучшие, самые ясные решения, которые я наблюдал, наступали часто совершенно внезапно после того, как животное в начале опыта, а в отдельных случаях часами, пребывало в полной беспомощности. Кто склонен рассматривать первый опыт Чего (ящик на пути к решетке) или первый опыт с ящиком Коко (употребление его в качестве скамейки) как воспроизведение бессмысленного продукта длительной дрессировки, тот вступает в противоречие с непосредственным впечатлением, которое производит это поведение на наблюдателя.

2. Животные должны образовать путем отбора удачных «импульсов» известный процесс, укрепить и сгладить его настолько, чтобы быть в состоянии производить его теперь в этой форме совершенно гладко. Этому требованию не соответствует ни один из всех наблюдавшихся опытов, так как почти ни один не протекал два раза одинаковым образом, напротив, отдельные движения обычно сильно менялись от опыта к опыту: дверь повертывается одинаковым образом, как тогда, когда животное стоит на полу, так и тогда, когда оно сидит на ней сверху; ящик, преграждающий дорогу, отодвигается от решетки под углом или опрокидывается через заднее нижнее ребро. Когда нужно принести ящик под цель, можно видеть, как то же самое животное тянет его, поворачивает через ребро, носит, как ему заблагорассудится и т.д. Единственное имеющееся здесь ограничение заключается в смысле этого действия. Поэтому-то наблюдатель при всем своем желании не может сказать: животное сокращает такой-то и такой-то мускул, производит тот и тот импульс. Это было бы подчеркиванием несущественного, произвольно меняющегося от случая к случаю побочного обстоятельства. Если хотят быть верными фактам, следует, скорее, просто употреблять для описания такие выражения, которые уже включают осмысленную связь действий: например, «животное устранило с дороги стоящий у решетки ящик», совершенно все равно, какие мускулы, какие движения выполнили это.

3. Не столь безразличны дальнейшие вариации, которые также противоречат теории, но которые все же могут быть непосредственно вызваны непредвиденными побочными обстоятельствами и представляют собою ответ на их возникновение: совершенно невозможно, чтобы все они были результатом дрессировки. Животное не продолжает бессмысленно дальше выученную программу, но оно отвечает на случайное затруднение соответствующей вариацией. Подобные вещи можно часто наблюдать, например, при употреблении палки: легко сказать, что животное достает предмет при помощи палки, но в действи-

тельности оно должно всякий раз вести себя иначе, потому что всякое движение приводит цель на неровной земле в новое положение, которое требует всякий раз соответствующего обращения. Когда Султан в первый раз достал одну палку с помощью другой, опыт протекал (на удобном полу) совершенно гладко. Но в следующий раз при доставании палки она, натолкнувшись на кремень, резко повернулась концом наружу и оказалась, таким образом, недоступной, так как она была направлена прямо на Султана: животное тотчас же остановилось, осторожными легкими толчками привело палку снова в поперечное положение и затем притянуло ее к себе. Можно сказать, что в большинстве случаев с употреблением палки решение главной задачи вызывает попутно маленькие непредвиденные добавочные задачи и что шимпанзе, как правило, тотчас же вводит соответствующее изменение в свое поведение. Конечно, и здесь есть свои границы — о них будет идти речь в следующей главе, — но мы вовсе и не утверждаем, что шимпанзе способен к таким же операциям, как и взрослый человек. С другой стороны, было бы бессмысленно утверждать, что животное проделало особые комбинации случайных импульсов для всех этих различных случаев и вариаций.

4. Из всех возникавших комбинаций успех должен отобрать объективно подходящие и объединить их в единое целое. Но животные обнаруживают внезапно ясные, замкнутые в себе и законченные способы решения как целые, которые в известном смысле совершенно соответствуют ситуации и вместе с тем все же оказываются невыполнимыми. Никогда животное не могло с их помощью достигнуть успеха, следовательно, эти способы, наверное, не являются результатом предшествующего упражнения, согласно схеме данной теории. Я напомню, как двое животных внезапно подымают ящик, который стоит слишком низко, и прижимают его повыше к стене; как многие из них стараются поставить ящик диагонально, чтоб он был выше; как Рана соединяет две слишком маленьких палки для прыганья в одну, оптически двойную по величине; как Султан на большом расстоянии от цели направляет одной палкой другую и, таким образом, в известном смысле «достигает» до цели; во второй части этого исследования мы опишем особенно замечательный случай, как несколько животных, когда камень мешает им повернуть тяжелую створку двери, внезапно с величайшими усилиями пытаются приподнять тяжелую дверь над камнем. Как могли подобные хорошие ошибки возникнуть из дрессировки посредством отбора удачных случаев?

Соответственно всему этому даже сторонник данной теории должен, насколько я понимаю, придти к тому выводу, что приводимые здесь описания опытов не оставляют никакого места для применения его объяснения. Чем больше он будет стремиться к чему-нибудь более ценному, чем простая схема его теории, а именно действительно продумать и показать, как каждый из этих опытов может быть объяснен и понят по его способу, тем яснее должно ему становиться, что он пытается сделать нечто невозможное. Он должен только

все время придерживаться условия, чтобы разум, как понимание отношений в ситуации, не привлекался им даже в самой безобидной форме и даже в самомалейшей детали опыта. <...>

Изготовление орудий

<...> Группу случаев, о которых будет идти речь ниже, мы обыкновенно обозначаем словами «изготовление орудий» (*«Werkzeugherstellung»*). Однако из чисто практических целей это название здесь употребляется более широко, чем обычно, а именно, всякое побочное действие, которое «предварительно приготовляет» орудие, не вполне подходящее к ситуации, так, чтобы оно стало пригодным к применению, будет рассматрриваться как «изготовление орудий». Предварительное приготовление, какого бы рода оно ни было, представляет собой новую составную часть, которая, будучи выхвачена как изолированный отрывок вообще не имеет ни малейшего отношения к цели, напротив, становится осмысленной по отношению к последней, поскольку рассматривается вместе с остальным ходом процесса, особенно с «применением орудия». <...>

Султан тянется к предметам, находящимся за решеткой, и не может достать их рукой; он в поисках ходит вокруг; наконец, направляется к обыкновенному приспособлению для вытирания ног, состоящему из железных стержней в деревянной раме, и в течение некоторого времени трудится над ним, пока ему не удается вытащить одну из железных полос; тотчас же он спешит с ней к подлинной цели, находящейся на расстоянии около 10 м и пододвигает ее к себе.

Вполне ясно, что в этом случае ход процесса, рассматриваемый в отрывках, представляет даже несколько составных частей, которые, будучи изолированы, являются бессмысленными. 1) Вместо того, чтобы оставаться около своей цели, Султан уходит от нее; взятое само по себе, это даже противоречит смыслу. 2) Он разламывает прибор для вытирания ног, принадлежащий станции; взятое само по себе, это вообще не имеет отношения к цели.

Однако относительно обоих отрывков в том виде, в каком они входят в фактический ход процесса, следует заметить еще кое-что: 1) Животное вовсе не убегает от цели с тем свободным беззаботным видом, какой можно наблюдать у него и у других обезьян в нейтральные моменты, но отходит так, как уходил бы тот, перед кем стоит задача. Я еще раз настоятельно прошу не говорить об «антропоморфизме», о «приписывании животному» и т.п. там, где для подобных упреков нет ни малейшего основания. Я спрашиваю, имеет ли другой вид то, когда кто-нибудь слоняется без дела, чем то, когда он ищет ближайшую аптеку или потерянную вещь? Несомненно, это имеет другой вид. В состоянии ли мы точно проанализировать общее впечатление, в обоих указанных случаях это вопрос, который не касается данного факта. Я лишь говорю: «Оба противопоставленных здесь друг другу впечатления выступают у шимпанзе точно так же, как и при наблюдениях над людьми; эти впечатления, которые вовсе не

являются чем-то приписанным шимпанзе, но относятся к элементарной феноменологии его поведения, имеются в виду, когда мы говорим “Султан весело бегал вокруг” — или в другой раз: “Он ходил в поисках по площадке”». Если это антропоморфизм, то последний заключается так же и в следующей фразе: «Шимпанзе имеет такую же формулу зубов, как и человек». Чтобы не оставить совершенно никакого сомнения по поводу значения выражения «в поисках ходит вокруг», я добавлю еще, что этим мы вовсе ничего не говорим о сознании животного, но лишь о его «поведении». 2) При работе над прибором для вытирания ног деятельность Султана полностью сконцентрирована на высвобождении из доски одной из железных полос; однако это действие, будучи даже более точно описано, остается не имеющим значения по отношению к подлинной цели, поскольку его рассматривают изолированно. <...>

(17. II. 1914) По ту сторону решетки лежит цель, которую нельзя достать руками; по эту сторону, на заднем плане помещения, где производится опыт, поставлено спиленное рициновое дерево, ветви которого можно достаточно легко отломить: просунуть дерево через решетку невозможно, так как оно имеет разветвленную форму, кроме того, только большая обезьяна могла бы без труда подтащить его к самой решетке. Приводят Султана, он сначала не видит цели и обсасывает, равнодушно оглядываясь вокруг себя, одну из ветвей дерева; после того, как его внимание было привлечено к цели, он подходит к решетке, бросает взгляд за решетку, в следующий же момент поворачивается, идет прямо к дереву, схватывает тонкий стройный сук, резким движением отламывает его, и вот уже спешит обратно к решетке и достигает цели. Процесс от момента поворота к дереву до доставания плода при помощи отломанной ветви представляет собой одну-единственную и быстро законченную цепь действий, без малейшего «зияния» («*Hiatus*») и без малейшего движения, которое, говоря по существу, не входило бы в состав описанного решения. <...>

У Коко попытки решения этого рода имели место прежде, чем мы намеревались осуществить над ним подобное испытание. В первый же день опытов с палкой он неловким движением оттолкнул цель еще дальше, так что ее теперь уже больше нельзя было достать палкой и уж, конечно, нельзя было достать стеблем, лежавшим поблизости. Тогда он отправился к кусту герани у края дорожки (в стороне), схватил один из стеблей, отломил его и пошел с ним к цели; по пути он поспешно оборвал один за другим все листья, так что остался один только длинный стебель; тогда при помощи последнего он пытался (тщетно) подтащить цель. Обрывание листьев в одно и то же время правильно и неправильно: оно неправильно, так как ветви от этого практически не становятся длиннее, и правильно, так как при этом оптические размеры в длину выступают резче, и благодаря этому стебель оптически в большей степени становится «палкой». Мы еще увидим, как много у шимпанзе (вообще при их попытках решения) приходится на долю оптических условий подобного рода, которые иногда как раз берут верх над практическими отношениями. О том, чтобы Коко обрывал листья

лишь играя, не может быть и речи; взгляд и движения ясно показывают, что во время этих действий он уже явно стремился к цели: здесь дело идет о подготовке орудия. Игра выглядит совершенно иначе, и я еще никогда не видел шимпанзе, который (как Коко здесь), отчетливо проявляя в своем поведении неустанное стремление к цели, в то же время играл бы.

Двумя днями позже, когда прекратилось употребление ящиков, Коко сначала без успеха тянулся рукой к цели, затем он, ища, оглядывается вокруг, внезапно идет к сильно заросшей беседке (на расстоянии 3 м от цели), карабкается вверх по шестам до места, где сильно утолщенный стебель вьющегося растения оптически резко выступает из ветвей, откусывает стебель, концы которого срослись с зарослями, сначала в одном месте, затем перегрызает еще один раз 10-ю см дальше, быстро сползает опять вниз, бежит к цели и, не пуская в ход принесенной палочки, остается угрюмо сидеть здесь и обсасывает конец деревяшки. Палочка слишком коротка. В этом случае процесс от момента, когда обезьяна бросается к беседке, до возвращения к цели представляет собою один замкнутый ряд. Можно снова и снова наблюдать, что шимпанзе, взглянув на расстояние, которое ему нужно преодолеть, не пускает в ход орудия, которое слишком мало по размеру, при том условии, если животное действует не в состоянии сильного аффекта. <...>

Приходит ли, наконец, животное в нужном случае также и к технически годному соединению двух палок? Испытанию подвергается Султан (20. IV). В качестве палок ему служат две полых, но крепких тростинки, какие уже часто употреблялись животными для пододвигания фруктов. Одна имеет настолько меньшее поперечное сечение, чем другая, что ее можно легко вдвинуть в оба отверстия последней. По ту сторону решетки лежит цель на таком расстоянии, что животное не может достать ее при помощи отдельных тростинок (приблизительно одинаковой длины). Несмотря на это, животное сначала дает себе много труда, чтобы достигнуть цели при помощи той или другой тростинки, просовывая правое плечо далеко за решетку между ее прутьями[6].

Когда все это оказывается тщетным, Султан делает «плохую ошибку» или, говоря яснее, большую глупость, которая иногда случается с ним: он тащит из задней части помещения ящик к решетке; впрочем, отсюда он опять отодвигает его обратно, так как от ящика нет никакой пользы или, лучше сказать, он стоит на дороге. Тотчас же после этого совершается поступок, правда, практически бесполезный, но такой, который в остальном должен быть отнесен к числу «хороших ошибок»: Султан выдвигает одну тростиночку настолько далеко, насколько это возможно, затем берет другую и осторожно пододвигает ею первую к цели, медленно толкая и напирая на ее задний конец и старательно придерживаясь направления к фруктам. Разумеется, это не всегда удается, но если он таким способом пододвинул тростинку хоть сколько-нибудь далеко, осторож-

[6] Это не противоречит тому, что было отмечено выше: чтобы сразу не привести в уныние животное, я положил цель лишь настолько далеко, чтобы ее только-только нельзя было достать при помощи отдельных палок.

ность становится особенно большой, он двигает совсем тихонько, очень хорошо принимает в соображение движения лежащей тростинки и, действительно, подводит ее кончик к самой цели. Этим самым, благодаря способу, который появляется здесь в первый раз совершенно непосредственно, устанавливается контакт животное — цель, и Султан находит известное зрительное удовлетворение — человек также может пережить те же чувства — в том, чтобы иметь власть над фруктами, по крайней мере, постольку, поскольку он может при посредстве пододвинутой палки толкать и слегка двигать их. Этот образ действий повторяется; когда животное отодвинуло лежащую на земле палку так далеко, что оно никак само не может опять достать ее, ему отдают ее. Хотя тростинка, находящаяся в руке Султана, при осторожной работе приставляется как раз к поперечному сечению (а стало быть, и к отверстию) лежащей на земле тростинки, для того чтобы возможно было как следует управлять последней, и, очевидно, уже при этом напрашивается возможность вставить одну тростинку в другую, тем не менее, нет никакого намека на подобное решение, имеющее притом полный практический смысл. Наконец, наблюдатель оказывает помощь животному, вдвигая на глазах последнего указательный палец в отверстие одной из тростинок (впрочем, не указывая при этом на другую тростинку). Никакого действия — Султан направляет, как и раньше, одну тростинку при посредстве другой к цели, и, когда это псевдорешение больше не удовлетворяет его, он совершенно прекращает свои старания и ни разу не берет тростинок, когда их снова бросают ему через решетку. Опыт длился более часа и, как безнадежный в этой форме, был пока прекращен. Так как мы намереваемся возобновить опыт после некоторой паузы, применяя более сильные вспомогательные средства, цель остается на своем месте, а Султану оставляются его тростинки; на всякий случай, мы ставим сторожа в качестве караульщика.

Отчет сторожа: «Султан вначале безразлично сидит на ящике, который остался стоять несколько позади от решетки; затем он поднимается, берет обе тростинки, опять садится на ящик и небрежно играет ими. При этом случайно получается, что он держит перед собой в каждой руке по тростинке, и именно так, что они лежат на одной линии; он немного вставляет более тонкую тростинку в отверстие более толстой, и вот уже подскакивает к решетке, к которой он раньше наполовину повернулся спиной, и начинает пододвигать банан при помощи двойной тростинки. Я зову вас; между тем, у животного одна тростинка слетает с другой, так как он очень мало вдвинул одну в другую, и он тотчас же опять составляет их вместе»[7].

[7] Рассказ сторожа кажется мне очень достоверным, особенно потому, что он сделал ударение на том, что Султан сначала вставлял одну тростинку в другую, играя и не обращая внимания на цель (задачу). Животные ведь постоянно сверлят, играя соломинами и палочками, в дырках и щелях, так что надо было бы прямо удивляться, если бы Султан также и во время орудования обеими тростинками ни разу не проделал привычной игры. Подозрение, что сторож мог бы на скорую руку «выдрессировать животное», совершенно исключено; он никогда не отважился бы на это. Если кто-нибудь хочет сомневаться, это совершенно не меняет дела, так как Сул-

Рассказ сторожа относится к промежутку времени продолжительностью, самое большее, в 5 мин., которые прошли с того момента, как был прерван опыт. Вызванный сторожем, я сам видел дальше следующее:

Султан сидит у решетки, держит выдвинутой наружу одну тростинку, на кончике которой висит, шатаясь, другая, более широкая тростинка — как раз в процессе падения; она на самом деле падает, Султан придвигает ее, тотчас же снова с величайшей уверенностью вставляет более тонкую тростинку, так что та сидит в ней до известной степени прочно, и достает плод при помощи удлиненного орудия. Однако более широкая тростинка выбрана немного более просторной, чем нужно, и поэтому она впоследствии еще много раз соскакивает с кончика более тонкой тростинки и падает вниз; каждый раз Султан тотчас же опять составляет тростинки вместе, держа широкую слева на себя, а более тонкую — справа, несколько кзади, и вставляя последнюю в первую.

Этот образ действий, по-видимому, чрезвычайно нравится ему; его лицо становится очень оживленным, он подтаскивает все фрукты один за другим к решетке, не оставляя времени на то, чтобы съесть их, а когда я еще раз разбираю двойную палку, он быстро опять составляет тростинки вместе и подтаскивает издалека к решетке совершенно безразличные предметы.

На следующий день опыт повторяется; Султан начинает с практически бесполезного образа действия, но после того, как он в течение немногих минут направлял вперед одну тростинку при помощи другой, он опять берет обе тростинки, быстро вставляет одну в другую и достигает цели при помощи двойной палки.

(1. V). Перед решеткой лежит цель, еще более удаленная; в распоряжении Султана имеются три тростинки, просветы которых выбраны так, что обе более широких тростинки могут быть надвинуты на оба конца третьей. Он пытается достигнуть цели, как и раньше, при помощи двух тростинок; когда при этом наружная тростинка часто соскакивает, он, как это ясно видно, старается вдвинуть глубже более узкую палку в более широкую. Против ожидания, он в действительности достигает цели при помощи двойной палки и подтаскивает последнюю. Когда при этом длинное орудие становится помехой, попадая задним концом между прутьями решетки и повисая при косых движениях, животное быстро разбирает его на части и выполняет остальную работу только одной тростинкой; начиная с этого раза, это происходит всегда, когда цель придвинута так близко, что одной тростинки хватает и двойная палка лишь создает большее неудобство.

Новую цель мы кладем еще дальше. Следствием этого является то, что Султан пробует, какая из обеих более широких тростинок вместе с тонкой является более пригодной; обе не очень отличаются по длине (64 и 70 см); животное, разумеется, не сравнивает одну с другой. Никогда Султан не делает попыток составить вместе обе широких тростинки: один раз он держит их одно мгновение друг против друга без соприкосновения и рассматривает оба отверстия, однако,

---

тан постоянно доказывает, что он не только выполняет определенный образ действий, но и разумно овладевает им.

тотчас же (не пробуя) откладывает одну из них и опять хватается за третью, более тонкую; обе широких тростинки имеют одинаковый просвет[8].

Решение наступает совершенно внезапно: Султан двигает двойной тростинкой, состоящей из более тонкой и одной широкой тростинки, причем он, как и прежде, конец более тонкой тростинки держит в руке. Сразу он втаскивает двойную тростинку к себе, перевертывает ее, — так что тонкий конец оказывается у него перед глазами, а другой конец выдается в воздух позади него, — хватает третью тростинку левой рукой и вставляет кончик двойной палки в отверстие. Тройной палкой Султан без труда достигает цели: при подтаскивании, когда длинное орудие оказывается помехой, Султан тотчас же опять разбирает его.

Согласно наблюдению, в этом опыте никогда не встречалось, чтобы Султан хотел наугад составлять вместе то, что по размерам и другим свойствам ни в коем случае не поддается соединению. Когда однажды эксперимент должен был быть показан посетителям, я положил цель снаружи и в то же время бросил Султану через решетку две тростинки различной толщины — просто те, которые были под руками. Он тотчас же взял их, как всегда, широкую в левую руку, более тонкую — в правую, и уже поднял последнюю для того, чтобы вставить одну тростинку в другую, как вдруг остановился, не выполнив своего намерения, перевернул более толстую тростинку, рассмотрел другой конец последней и тотчас же после этого бросил обе тростинки на землю. Я велел принести их мне и обнаружил, что случайно более широкая тростинка с обеих сторон оканчивалась сучками и, таким образом, не имела отверстий; при этих обстоятельствах Султан вовсе не пробовал предварительно соединять тростинки. После того, как я при посредстве среза удалил один из сучков, Султан тотчас же выполнил задачу. <...>

Дополнение. Коллективная стройка. Когда животные, пригодные для этого опыта, уже знали стройку из двух ящиков, им часто предоставлялась возможность строить на площадке сообща для того, чтобы достать высоко подвешенную цель. Со временем это превратилось в их поистине любимое занятие. Однако нельзя представлять себе «коллективную стройку» шимпанзе как упорядоченную совместную работу, при которой роль каждого отдельного соучастника, насколько это возможно, строго установлена в смысле разделения труда. Скорее, дело происходит таким образом: если цель подвешена, все животные, ища, оглядываются вокруг себя, и тотчас же после этого одно животное бежит к шесту, другое — к ящику или к чему-либо иному, что кажется пригодным; со всех сторон они подтаскивают материал, причем большинство из них тащит свой материал по земле, а Хика часто несет ящик высоко на руках или половую доску на плечах, как рабочий. Несколько животных в одно и то же время хотят взобраться наверх, каждое старается достигнуть этого и ведет себя так, как будто оно строит без участия других или как будто то, что уже сделано, представляет собой его постройку, которую

[8] Можно показать, что при составлении двойной палки для шимпанзе определяющим является отношение друг к другу толщины тростинок. (Ср.: Nachweis einfacher Strukturfunktionen usw // Abh. d. Pruss. Akad. d. Wiss. 1918. Phys.-Math. Kl. № 2. S. 56 ff.)

оно само намеревается окончить. Если, далее, одно животное начало строить, а другие тоже строят совсем рядом, как это нередко имеет место, то в случае нужды у соседа отбирают ящик, а иногда даже вспыхивает борьба за обладание им. То, что драки часто прерывают работу, понятно ведь само собой, так как, чем выше постройка, тем больше желание каждого животного стоять наверху. Результат, по большей части, таков, что, благодаря ссоре, объект спора уничтожается — рушится во время драки, и так как дело идет о том, чтобы опять начать сначала, то довольно часто Султан, Хика и Рана через некоторое время перестают драться и прекращают работу, в то время как Грандэ, более старая, сильная и терпеливая, чем те трое, обычно остается одна. Таким образом, она постепенно приобрела наибольший навык в стройке, хотя более нетерпеливые животные — Султан и Хика — безусловно, превосходили ее по интеллекту. Одно животное помогает другому очень редко, а когда это бывает, надо очень внимательно проследить, в каком смысле это происходит. Так как Султан вначале был явно впереди других, и я поэтому хотел именно других заставить строить, умное животное должно было часто сидеть в стороне и наблюдать. <...> Если допустить небольшое послабление — не возобновлять все снова и снова строгого запрещения — то хотя оно все еще оказывает свое действие, так что Султан не осмеливается сам строить, как тогда, когда ему дозволено достать цель, однако, при внимательном наблюдении он иногда не может удержаться от того, чтобы не приложить (придвинуть) быстро руку, когда ящик грозит упасть, поддержать его, когда другое животное делает решительное и опасное усилие или, наконец, не вмешаться другим маленьким движением, как бы относящимся к чужой постройке <...>.

Однажды при подобных условиях (запрещение строить самому) случилось даже так, что Султан — когда Грандэ, поставив два ящика один на другой, не достигла цели и не знала, как помочь себе, — не мог больше продолжать пассивной роли зрителя, быстро притащил к самой постройке третий ящик, находившийся до этого примерно на расстоянии 12 м, и после этого опять уселся, как будто это само собой разумелось, в качестве зрителя, хотя наблюдатель ни словами, ни движениями не напоминал ему о запрещении.

Не следует ошибочно представлять себе это явление, как и все, что идет в таком же направлении: то, что заставляет Султана делать нечто подобное, не есть желание помочь другому животному, по крайней мере, это не является главной причиной. Если видеть, как он перед тем сидит и следит за каждым движением другого животного, занимающегося стройкой, глазами, а часто и незначительными зачаточными движениями руки и кисти, то не остается никакого сомнения в том, что происходящее по существу и в высшей степени интересует его, и что он тем в большей степени, так сказать, «внутренне содействует», чем более критическим является положение. «Помощь», которую он моментами действительно оказывает, есть ничто иное, как увеличение того «содействия», на которое все время были намеки; таким образом, интерес к другому животному в лучшем случае мог действовать при этом как совершенно второстепенный фактор, осо-

бенно у крайне эгоистичного Султана. Во второй части этих исследований будет показано, как далеко может идти этот вид «содействия» и как оно принудительно овладевает животным, когда последнее наблюдает за другим, воздвигающим постройку <...>. Ведь мы все знаем нечто подобное: если кто-нибудь, благодаря длительному упражнению, очень хорошо владеет каким-либо видом работы, ему трудно спокойно наблюдать, как другой неловко проделывает эту работу: «у него чешутся руки» вмешаться и «сделать дело». Также и мы, по большей части, далеки от того, чтобы желать облегчить другому работу исключительно из чистой любви к ближнему (наши чувства к нему обычно моментами даже холодны), столь же мало мы ищем в работе внешней выгоды для себя, работа сама по себе могуче притягивает нас.

Иногда мне кажется, что шимпанзе в отношении таких незначительных черточек, которые ведь нельзя трактовать слишком интеллектуалистически, еще более похож на нас, чем в области интеллекта в узком смысле этого слова. (Прекрасным примером является то, что животное, подвергшись наказанию, передает его другому, нелюбимому животному: так, например, нередко Султан передает его Хике.)

Порой поведение животных походит на совместную работу в обычном смысле этого слова; однако, нельзя быть вполне убежденным в этом. Маленькие шимпанзе однажды (15. II) уже сделали значительное количество безуспешных попыток достать высоко подвешенную цель. В некотором отдалении стоит тяжелая деревянная клетка, которую они до настоящего времени еще никогда не применяли в подобных опытах. Но вот, наконец, Грандэ обращает внимание на ящик: она трясет его, чтобы подтащить к цели, переворачивая его с ребра на ребро, но ей не удается приподнять его с земли; тогда подходит Рана и, рядом с Грандэ, подхватывает ящик настолько целесообразно, насколько это возможно: обе собираются, действительно, поднять клетку и кантовать ее, когда подскакивает также и Султан и, схватив клетку с одной стороны, очень усердно «помогает». Ни одно из животных не могло бы без помощи других сдвинуть ящик с места; в руках трех животных, движения которых точно согласованы, он быстро приближается к цели; однако ящик еще немного удален от нее, когда Султан внезапно вскакивает на него и во время другого сильного прыжка по воздуху срывает цель. Другие животные не получили награды за работу, но вместе с тем они вовсе не работали для Султана, а, с другой стороны, последний имел полное основание сделать прыжок уже на некотором отдалении от цели. Рана уже при первых движениях Грандэ у ящика, с которым первая еще не освоилась, наверное, тотчас же понимает, в чем дело; также и она теперь рассматривает ящик как орудие и подхватывает его в собственных интересах; вслед за тем также поступает и Султан. Так как все животные хотят одного и того же, и ящик, приведенный в движение, непосредственно предписывает вновь присоединяющемуся животному способ участия, ящик (тяжесть) быстро сдвигается с места. <...>

Оперирование формами

<...> Следующие опыты показывают, в каком направлении нужно идти дальше, чтобы найти высшие, но все еще достаточно ясные для наблюдения и понимания функции, экспериментальные ситуации.

Чего проводит свой первый опыт с палкой и приближает (2. III. 1914) фрукты палкой по прямой линии к решетке, за которой она находится. Теперь нижняя часть решетки покрыта еще одной густой проволочной сеткой с узкими отверстиями, так что животное не может схватить фрукты, которые оно подтащило к себе, хотя они лежат совсем рядом с ним, ни через узкие отверстия, ни сверху над сеткой, так как последняя слишком высока, чтобы его рука могла при этом достать до полу. Сбоку, примерно на расстоянии 1 м, сетка не так высока. После того как Чего однажды напрасно работала палкой внизу, она тотчас же снова берет палку рукой, катит цель ясным непрерывным движением в сторону, к более низкому месту сетки (следовательно, прочь от своего теперешнего места), затем быстро подходит сама к тому же месту и теперь может без труда завладеть фруктами.

Совершенно так же ведет себя Султан (17. III). Палка привязана к веревке, а последняя прикреплена к раме решетки. Снаружи лежит цель, но низ железной решетки снова покрыт густой проволочной сеткой, так что животное может через нее просунуть палку, но не может, приблизив цель к самой сетке, достать ее. Султан берет палку и весьма определенным движением катит цель в сторону к дыре, которая имеется внизу в проволочной сетке и сквозь которую он может прямо с земли схватить ее рукой. Замечательно, особенно для теории случайности, что Султан, после того как заботливо подкатил цель к отверстию, бросает палку, подходит к отверстию, протягивает руку наружу, пытаясь схватить цель, и так как он не может этого сделать, сейчас же возвращается за палкой и подкатывает цель еще ближе к отверстию, так что он может теперь сквозь отверстие достать фрукты.

Если бы животное начинало работать не с этого места у решетки, прямо против которого лежит цель, но с самого начала с того места, где в только что описанных опытах оно просовывало руку, тогда животное в течение всего процесса сидело бы, повернувшись в сторону к цели, и притягивало цель почти прямо к себе, не совершая наблюдавшегося нами обходного пути. Чтобы помешать Султану действовать таким образом, палка была посредством веревки укреплена так, что ее нельзя было применить с того второго места, так как веревка не доходила туда. При нашей постановке опыта оба животных катили цель прочь от себя под углом 90 градусов до 180 градусов, если мы 0 градусами обозначим направление цель — животное, в котором естественнее всего было бы действовать палкой. Следовательно, как и в прежних опытах с обходным путем, перед нами случай, когда действие, рассматриваемое само по себе, является бессмысленным, даже вредным, но в соединении с другим («позже подойти к другому месту и там взять цель рукой») и только в этом соединении становится осмысленным: целое

дает единственную возможность решения, могущую придти в голову. В одной из предыдущих глав я рассматривал это обстоятельство как самое характерное для обходных путей, но там нельзя было вывести никаких заключений о животных. Согласно разъяснениям, сделанным в предыдущей главе, мы могли, во всяком случае, поставить вопрос: первая часть a процесса опыта («откатить к другому месту и прочь от себя») не может осмысленно возникнуть одна, потому что, взятая отдельно, она, скорее, вредна, чем полезна; однако часть b («подойти к другому месту и схватить цель») еще не принимается в расчет — мыслимо ли, что (a, b) возникает у животного (или у человека) как замкнутый в себе план действия из осмысленно рассматриваемой ситуации? Я именно не вижу другого пути объяснения, раз начало действия, будучи изолировано, не имеет ничего общего с решением задачи и даже, видимо, противоречит ему, — следовательно, не может осмысленно возникнуть как изолированная часть. Поэтому реально требуется целое, которое, так сказать, определяет свои «части» для того, чтобы вообще мог осмысленно возникнуть такой процесс, который нами описан. Структурная теория знает целые, которые являются чем-то большим, чем «сумма их частей»; здесь же требуется целое, которое даже в известном смысле противоположно одной из своих частей, и это кажется очень странным выводом. Если попытаться физиологически объяснить возникновение осмысленных решений, это могло бы быть хорошим пробным камнем для всех теоретических построений.

С функциональной стороны только что описанное поведение можно рассматривать с двух относительно простых точек зрения. Можно сказать, что животное умеет находить обходные пути с помощью палки в качестве орудия, как и действительные пути для собственного тела — эта возможность выявилась в самом опыте еще недостаточно ясно — и второе: применение палки совершается в расчете на позднейшее, совершенно иное действие (изменение собственного местоположения), которое может действительно наступить только вслед за ним, как заключительная часть всего процесса. Обратимся к ближайшему исследованию первой возможности.

Легко может показаться, что обсуждение этого первого момента относится не сюда, так как здесь к животным должны быть предъявлены большие требования. При самой легкой форме исследования этого общего типа можно установить обходные пути уже в опытах с собаками и в очень ограниченных размерах — даже с курами. Можно поэтому подумать, что нет большой разницы в том, должен ли быть пройден обходный путь самим животным или рукой, держащей орудие; если только в этом последнем случае само по себе употребление орудия знакомо, тогда прокладывание обходного пути — хорошо знакомое по собственным движениям — должно было бы удаваться само собой. И в действительности, при логизированном понимании сущности разумного поведения, может быть, и можно было бы сделать такой вывод. Но здесь, как и вообще в высшей психологии, даже разумное поведение, интеллектуальная операция, не поддается интеллектуалистическому толкованию. Во всяком случае, шимпанзе

очень далек от того, чтобы совершать требуемые ситуацией обходные пути орудиями (вообще вещами) столь же легко, как он это умеет делать при движениях собственного тела. Я опишу исследования, которые были произведены в этом направлении сначала над самым спокойным и кротким животным, над Нуэвой. Она сидит за решеткой, снаружи перед ней (в 45 см) на земле стоит сооружение в форме квадратного выдвижного ящика (сверху открытого), у которого не достает одной боковой стенки; ящик имеет 38 см в длину, три вертикальные стенки — 6 см в вышину; эта «обходная доска» установлена на голом грунте так, что ящик открытой стороной (см. рис. 3) обращен в противоположную от животного сторону (нормальное положение).

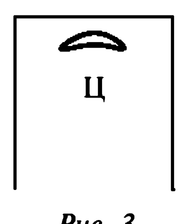

Рис. 3

В Ц экспериментатор кладет цель (бананы) и затем дает Нуэве в руки длинную палку (18. III). Она тащит цель прямо к себе (0°), очень скоро не может тащить ее дальше — потому что передняя стенка преграждает дорогу — и приходит в большое смущение; она жалуется и просит, но не получает никакой помощи. Наконец, она снова схватывает палку и опять старается притащить цель под углом в 0°. Затем поведение сразу меняется: она уже ставит палку не позади цели, а перед ней, и не тянет ее, а толкает ее несколько раз, заботливо пристраивая палку, со всей уверенностью, к открытой стороне (обращенной в противоположную от нее сторону), т.е. примерно, под углом в 180°. Это осмотрительное и равномерное движение продолжается почти до края доски, где без всякого скачка, без изменения в общем поведении животного, палка помещается сразу позади цели, и животное оттягивает цель назад на несколько сантиметров (около 5). «Поворот» длится только несколько мгновений, затем снова совершенно ясно животное начинает отгонять цель к отверстию, цель спокойно равномерными движениями скатывается с доски на землю в сторону, и, наконец, животное по кривой (слева от него и так всегда) удачно придвигает цель к себе.

При повторении опыта через несколько минут животное сейчас же проводит цель по всему обходному пути без одной ошибки, ясно начиная его под углом в 180°.

Повторение на следующий день: Нуэва сперва тащит цель к себе, под углом в 0°, затем еще до того, как цель доходит до преграждающей путь вертикальной стены, резко изменяет направление движения на обратное, и равномерно гонит

прочь от себя цель на протяжении большей части доски, на мгновение делает, как и накануне, поворот и затем снова возвращается к гладкому и заботливому проведению кривой пути. (Повторение через несколько минут: ясное решение без одной ошибки.) <...>

Заключение

Мы находим у шимпанзе разумное поведение того же самого рода, что и у человека. Разумные действия шимпанзе не всегда имеют внешнее сходство с действиями человека, но самый тип разумного поведения может быть у них установлен с достоверностью при соответственно выбранных для исследования условиях. Несмотря на очень значительное различие между отдельными животными, это может быть отнесено даже к наименее одаренным из обезьян этого вида, которых нам пришлось наблюдать, и, следовательно, может быть подтверждено на любом экземпляре данного вида, поскольку он не является явно слабоумным в патологическом смысле этого слова. За исключением подобного, по-видимому, редкого случая, удачный исход испытаний интеллекта в общем подвергается большей опасности со стороны экспериментатора, чем со стороны животного: надо заранее знать, а если нужно, установить предварительными наблюдениями, в какой зоне трудности и при каких функциях для шимпанзе вообще становится возможным обнаружить разумное поведение; очевидно, что отрицательные и путанные результаты, полученные на случайно выбранном материале испытаний произвольной сложности, не имеют никакого значения для решения принципиального вопроса, и вообще исследователь должен иметь в виду, что всякое испытание интеллекта необходимо является испытанием не только для испытуемого, но и для самого экспериментатора. Я это говорил самому себе достаточно часто и все-таки остался вне уверенности, являются ли в этом отношении «удовлетворительными» поставленные мною опыты; без теоретических основ и в неисследованной области возникают гораздо чаще методические ошибки, которых легче избежать всякому, кто продолжает уже начатую работу. Во всяком случае, дело обстоит так: данный антропоид выделяется из всего прочего животного царства и приближается к человеку не только благодаря своим морфологическим и физиологическим — в узком смысле слова — чертам, но он обнаруживает также ту форму поведения, которая является специфически человеческой. Мы знаем его соседей, стоящих ниже на эволюционной лестнице, до сих пор очень мало, но то немногое, что нам известно, и данные этой книги не исключают возможности, что в области нашего исследования антропоид также по разуму стоит ближе к человеку, чем ко многим низшим видам обезьян[9].

---

[9] Конечно, не по объему интеллекта. В этом отношении шимпанзе, благодаря общей несомненной слабости организации, стоит ближе к низшим обезьянам, чем к человеку.

В этих пределах наблюдения хорошо согласуются с данными теории развития, особенно подтверждается корреляция между интеллектом и развитием большого мозга.

Положительные результаты нашего исследования потребуют в дальнейшем более точного определения границ, даже если они будут полностью подтверждены опытами несколько другого рода, о которых будет сообщено позднее; но даже когда они прибавятся, нужно будет создать более полную картину и, следовательно, останется еще большое поле для исследования шимпанзе. Гораздо важнее то обстоятельство, что эксперименты, при помощи которых мы испытывали животных, ставили последних перед вполне актуальной данной ситуацией, в которой также и решение могло быть тотчас же актуально выполнено. Эти опыты столь же пригодны для решения принципиального вопроса о разумном поведении, как и всякие другие, при которых возможно только положительное или отрицательное решение: в настоящее время это, может быть, даже лучший из всех возможных методов, так как он дает ясные и богатые результаты. Но мы не должны забывать, что и в условиях этих опытов не проявляются вовсе, или проявляются в самой незначительной мере, те моменты, которым справедливо приписывается величайшее значение в интеллектуальной жизни человека. Мы не исследуем здесь, или разве только однажды и вскользь, в какой мере поведение шимпанзе может определяться не наличными стимулами, может ли его занимать вообще в сколько-нибудь заметной мере «только мыслимое». И в теснейшей связи с этим: мы не могли проследить на том пути, которым мы шли до сих пор, как далеко простирается прошлое время в будущее, «в котором шимпанзе живет», потому что всевозможные проявления узнавания и репродукции в ответ на наглядную ситуацию, устанавливаемые через длинные промежутки времени, как они действительно наблюдались у антропоидов, конечно, не могут быть непосредственно приравнены к «жизни» в больших временных отрезках. Длительное общение с шимпанзе заставляет меня предположить, что помимо отсутствия языка, именно чрезвычайно узкие границы в этом отношении создают огромную разницу, которая все же всегда может быть обнаружена между антропоидами и самым примитивным человеком. Отсутствие бесконечно ценного технического вспомогательного средства и принципиальная ограниченность важнейшего интеллектуального материала, так называемых «представлений», явились бы в этом случае причинами того, почему у шимпанзе не могут быть обнаружены даже малейшие начатки культурного развития. Что касается в особенности второго момента, то шимпанзе, для которого уже простейшие, оптически наличные комплексы легко становятся неясными, должен тем более быть беден «жизнью представлений», в сфере которой даже человек беспрестанно должен с трудом бороться против слияния и исчезновения известных процессов.

В области наших исследований интеллектуальное поведение шимпанзе преимущественно ориентируется на оптическую структуру ситуации; иногда

даже решение их слишком односторонне направляется оптическими моментами, а во многих случаях, когда шимпанзе не дает разумного решения, просто структура зрительного поля требует слишком многого от уменья оптически схватывать (относительная «слабость структуры»). Поэтому трудно дать пригодное объяснение его действий до тех пор, пока в основу их не может быть положена развитая теория пространственных структур. Потребность в такой теории будет ощущаться еще живее, если принять во внимание, что разумное решение в этой интеллектуальной сфере необходимо зависит от характера структуры данного оптического поля постольку, поскольку оно должно протекать в форме динамических, направленных процессов сообразно данной структуре.

Не столько для установления границ только что описанных интеллектуальных действий, сколько для масштаба стоило бы сравнить с ними соответствующие действия (больного и здорового) человека и особенно человеческого ребенка различных возрастов. Так как результаты нашей работы относятся к определенному способу исследования и к специальному материалу оптически актуальных ситуаций, естественно, что для сравнения с ними следовало бы употребить психологические данные, которые были бы получены на человеке (особенно на ребенке) при таких же условиях. Это сравнение нельзя сейчас же произвести, так как к большому вреду для психологии до сих пор не были предприняты даже самые необходимые из подобных исследований. Предварительные и случайные опыты, из которых некоторые были упомянуты выше, дали мне общее впечатление, что мы в этом отношении склонны переоценивать способности к подобным действиям ребенка до самой зрелости, и даже взрослого без специального (технического) упражнения. Впрочем, здесь речь идет о совершенной *terra incognita*[10]. Педагогическая психология, занимающаяся с недавнего времени так называемыми тестами, не могла еще установить, в какой мере нормальные и слабоумные дети умеют справляться с наглядно данными ситуациями. Так как подобные опыты можно применить вплоть до самых первых лет, и так как они не уступают в смысле собственно научной ценности обычным испытаниям интеллекта, можно было бы пренебречь тем, что они не могли бы быть немедленно применены к школе и к практике вообще. Вертхаймер[11] защищал этот взгляд в течение многих лет в академических лекциях; я хотел бы здесь, где этот недостаток особенно дает себя чувствовать, настойчиво указать на необходимость и — если только антропоиды не обманывают нас — на плодотворность исследования в этом направлении.

---

[10] *Terra incognita* (*лат.*) — буквально «неизвестная земля»; что-либо непонятное, непостижимое. — *Ред.-сост.*

[11] Вертхаймер (*Wertheimer*) Макс (1880—1943) — немецкий, позже американский психолог, один из основателей гештальтпсихологии. — *Ред.-сост.*

А.Н. Леонтьев

Стадия интеллекта*

Психика большинства млекопитающих животных остается на стадии перцептивной психики, однако наиболее высокоорганизованные из них поднимаются еще на одну ступень развития.

Эту новую, высшую ступень обычно называют стадией интеллекта (или «ручного мышления»).

Конечно, интеллект животных — это совсем не то же самое, что разум человека; между ними существует, как мы увидим, огромное качественное различие.

Стадия интеллекта характеризуется весьма сложной деятельностью и столь же сложными формами отражения действительности. Поэтому, прежде чем говорить об условиях перехода на стадию интеллекта, необходимо описать деятельность животных, стоящих на этой стадии развития в ее внешнем выражении.

Интеллектуальное поведение наиболее высокоразвитых животных — человекоподобных обезьян — было впервые систематически изучено в экспериментах, поставленных Кёлером[1].

Эти эксперименты были построены по следующей схеме.

Обезьяна (шимпанзе) помещалась в клетку. Вне клетки, на таком расстоянии от нее, что рука обезьяны не могла непосредственно дотянуться, помещалась приманка (банан, апельсин и др.). Внутри клетки лежала палка. Обезьяна, привлекаемая приманкой, могла приблизить ее к себе только при одном условии: если она воспользуется палкой. Как же ведет себя обезьяна в такой ситуации? Оказывается, что обезьяна прежде всего начинает с попыток схватить приманку непосредственно рукой. Эти попытки не приводят к успеху. Деятельность обезьяны на некоторое время как бы угасает. Животное отвлекается от приманки, прекращает свои попытки. Затем деятельность начинается вновь, но теперь она идет уже по другому пути. Не пытаясь непосредственно схватить плод

---

* *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 249—252, 254—255, 257—261.

[1] Кёлер (*Köhler*) Вольфганг (1887—1967) — немецкий психолог, один из основателей гештальтпсихологии. С 1935 г. жил и работал в США. — *Ред.-сост.*

рукой, обезьяна берет палку, протягивает ее по направлению к плоду, касается его, тянет палку назад, снова протягивает ее и снова тянет назад, в результате чего плод приближается и обезьяна его схватывает. Задача решена.

По тому же принципу были построены и другие многочисленные задачи, которые ставились перед человекоподобными обезьянами; для их решения также необходимо было применить такой способ деятельности, который не мог сформироваться в ходе решения данной задачи. Например, в вольере, где содержались животные, на верхней решетке подвешивались бананы, непосредственно овладеть которыми обезьяна не могла. Вблизи ставился пустой ящик. Единственно возможный способ достать в данной ситуации бананы заключается в том, чтобы подтащить ящик к месту, над которым висит приманка, и воспользоваться им как подставкой. Наблюдения показывают, что обезьяны и эту задачу решают без заметного предварительного научения.

Итак, если на более низкой ступени развития операция формировалась медленно, путем многочисленных проб, в процессе которых удачные движения постепенно закреплялись, другие же, лишние движения столь же постепенно затормаживались, отмирали, то в этом случае у обезьяны мы наблюдаем раньше период полного неуспеха — множество попыток, не приводящих к осуществлению деятельности, а затем как бы внезапное нахождение операции, которая почти сразу приводит к успеху. Это первая характерная особенность интеллектуальной деятельности животных.

Вторая характерная ее особенность заключается в том, что если опыт повторить еще раз, то данная операция, несмотря на то что она была осуществлена только один раз, воспроизводится, т.е. обезьяна решает подобную задачу уже без всяких предварительных проб.

Третья особенность данной деятельности состоит в том, что найденное решение задачи очень легко переносится обезьяной в другие условия, лишь сходные с теми, в которых впервые возникло данное решение. Например, если обезьяна решила задачу приближения плода с помощью палки, то оказывается, что если теперь ее лишить палки, то она легко использует вместо нее какой-нибудь другой подходящий предмет. Если изменить положение плода по отношению к клетке, если вообще несколько изменить ситуацию, то животное все же сразу находит нужное решение. Решение, т.е. операция, переносится в другую ситуацию и приспосабливается к этой новой, несколько отличной от первой ситуации.

Среди многочисленных данных, добытых в экспериментальных исследованиях человекоподобных обезьян, следует отметить одну группу фактов, которые представляют некоторое качественное своеобразие. Эти факты говорят о том, что человекоподобные обезьяны способны к объединению в единой деятельности двух различных операций.

Так, например, вне клетки, где находится животное, в некотором отдалении от нее кладут приманку. Несколько ближе к клетке, но все же вне пределов досягаемости животного находится длинная палка. Другая палка, более короткая,

которой можно дотянуться до длинной палки, но нельзя достать до приманки, положена в клетку. Значит, для того чтобы решить задачу, обезьяна должна раньше взять более короткую палку, достать ею длинную палку, а затем уже с помощью длинной палки пододвинуть к себе приманку (рис. 1). Обычно обезьяны справляются с подобными «двухфазными» задачами без особого труда. Итак, четвертая особенность интеллектуальной деятельности заключается в способности решения двухфазных задач.

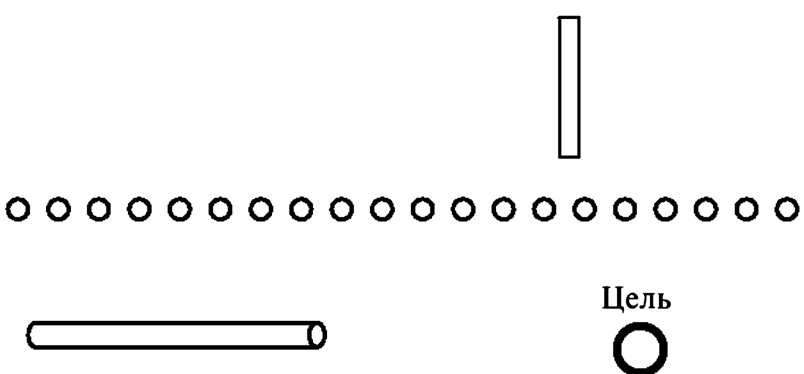

Рис. 1. Схема двухфазной задачи

<...> Кёлер считал, что главный признак, который отделяет поведение этих животных от поведения других представителей животного мира и который сближает его с поведением человека, заключается именно в том, что операции формируются у них не постепенно, путем проб и ошибок, но возникают внезапно, независимо от предшествующего опыта, как бы по догадке[2]. Вторым, производным от первого признаком интеллектуального поведения он считал способность запоминания найденного решения «раз и навсегда» и его широкого переноса в другие, сходные с начальными условия. Что же касается факта решения обезьянами двухфазных задач, то Кёлер и идущие за ним авторы считают, что в его основе лежит сочетание обоих моментов: «догадки» животного и переноса найденного прежде решения. Таким образом, этот факт ими рассматривается как не имеющий принципиального значения. <...>

В двухфазных задачах особенно ясно обнаруживается двухфазность *всякой* интеллектуальной деятельности животного. Нужно раньше достать палку, потом достать плод. Нужно раньше оттолкнуть плод от себя, а затем обойти клетку и достать его с противоположной стороны. Само по себе доставание палки приводит к овладению палкой, а не привлекающим животное плодом. Это — первая фаза. Вне связи со следующей фазой она лишена какого бы то ни было биологического смысла. Это есть фаза подготовления. Вторая фаза — употребление палки — является уже фазой осуществления деятельности в целом, направленной на удовлетворение данной биологической потребности животного. Таким образом,

---

[2] См.: *Кёлер В.* Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М.: Изд-во Комакадемии, 1930.

если с этой точки зрения подойти к решению обезьянами любой из тех задач, которые им давал Кёлер, то оказывается, что каждая из них требует двухфазной деятельности: взять палку — приблизить к себе плод, отойти от приманки — овладеть приманкой, перевернуть ящик — достать плод и т.д.

Каково же содержание обеих этих фаз деятельности обезьяны? Первая, подготовительная фаза побуждается, очевидно, не самим предметом, на который она направлена, например не самой палкой. Если обезьяна увидит палку в ситуации, которая требует не употребления палки, а, например, обходного пути, то она, конечно, не будет пытаться взять ее. Значит, эта фаза деятельности связана у обезьяны не с палкой, но с объективным отношением палки к плоду. Реакция на это отношение и есть не что иное, как подготовление дальнейшей, второй фазы деятельности — фазы осуществления.

Что же представляет собой эта вторая фаза? Она направлена уже на предмет, непосредственно побуждающий животное, и строится в зависимости от определенных объективно-предметных условий. Она включает, следовательно, в себя ту или иную операцию, которая становится достаточно прочным навыком.

Таким образом, при переходе к третьей, высшей стадии развития животных наблюдается новое усложнение в строении деятельности. Прежде слитая в единый процесс деятельность дифференцируется теперь на две фазы: фазу подготовления и фазу осуществления. Наличие фазы подготовления и составляет характерную черту интеллектуального поведения. Интеллект возникает, следовательно, впервые там, где возникает процесс подготовления возможности осуществить ту или иную операцию или навык.

Существенным признаком двухфазной деятельности является то, что новые условия вызывают у животного уже не просто пробующие движения, но пробы различных прежде выработавшихся способов, операций. Как, например, ведет себя курица, если ее гнать из-за загородки? Пробуя выйти наружу, она слепо мечется из стороны в сторону, т.е. просто увеличивает свою двигательную активность, пока, наконец, случайное движение не приведет ее к успеху. Иначе ведут себя перед затруднением высшие животные. Они тоже делают пробы, но это не пробы различных движений, а прежде всего пробы различных операций, способов деятельности. Так, имея дело с запертым ящиком, обезьяна раньше пробует привычную операцию нажимания на рычаг; когда это ей не удается, она пытается грызть угол ящика; потом применяется новый способ: проникнуть в ящик через щель дверцы; затем следует попытка отгрызть рычаг, которая сменяется попыткой выдернуть его рукой; наконец, когда и это не удается, она применяет последний метод — пробует перевернуть ящик (Бойтендейк).

Эта особенность поведения обезьян, которая заключается в том, что они могут решать одну и ту же задачу многими способами, представляется нам важнейшим доказательством того, что у них, как и у других животных, стоящих на той же стадии развития, операция перестает быть неподвижно связанной с деятельностью, отвечающей определенной задаче, и для своего переноса не требует, чтобы новая задача была непосредственно сходной с прежней. Рассмотрим те-

перь интеллектуальную деятельность со стороны отражения животными окружающей их действительности.

В своем внешнем выражении первая, основная, фаза интеллектуальной деятельности направлена на подготовление второй ее фазы, т.е. объективно определяется последующей деятельностью самого животного. Значит ли это, однако, что животное имеет в виду свою последующую операцию, что оно способно представить ее себе? Такое предположение является ничем не обоснованным. Первая фаза отвечает объективному отношению между вещами. Это отношение вещей и должно быть отражено животным. Значит, при переходе к интеллектуальной деятельности форма психического отражения животными в действительности изменяется лишь в том, что возникает отражение не только отдельных вещей, но и их отношений (ситуаций).

Соответственно с этим меняется и характер переноса, а следовательно, и характер обобщений животных. Теперь перенос операции является переносом не только по принципу сходства вещей (например, преграды), с которыми была связана данная операция, но и по принципу сходства отношений, связей вещей, которым она отвечает (например, ветка — плод). Животное обобщает теперь отношения и связи вещей. Эти обобщения животного, конечно, формируются так же, как и обобщенное отражение им вещей, т.е. в самом процессе деятельности. <...>

Исследование интеллекта высших обезьян показывает, что мышление человека имеет свое реальное подготовление в мире животных, что и в этом отношении между человеком и его животными предками не существует непроходимой пропасти. Однако, отмечая естественную преемственность в развитии психики животных и человека, отнюдь не следует преувеличивать их сходство, как это делают некоторые современные зоопсихологи, стремящиеся доказать своими опытами с обезьянами якобы извечность и природосообразность даже такого «интеллектуального поведения», как работа за плату и денежный обмен[3].

Неправильными являются также и попытки резко противопоставлять интеллектуальное поведение человекообразных обезьян поведению других высших млекопитающих. В настоящее время мы располагаем многочисленными фактами, свидетельствующими о том, что двухфазная деятельность может быть обнаружена у многих высших животных, в том числе у собак, енотов и даже у кошек (правда, у последних, принадлежащих и животным-«поджидателям», — лишь в очень своеобразном выражении).

Итак, интеллектуальное поведение, которое свойственно высшим млекопитающим и которое достигает особенно высокого развития у человекообразных обезьян, представляет собой ту верхнюю границу развития психики, за которой начинается история развития психики уже совсем другого, нового типа, свойственная только человеку, — история развития человеческого сознания.

---

[3] *См.: Wolfe Y.B.* Effectivennes of token rewardes for chimpanzees // Comp. Psychol. Monog. 1936. Vol. 12.

Г. Айзенк,
М. Айзенк

Шимпанзе, которого воспитывали как ребенка*

Некоторые из самых интересных экспериментов в истории психологии связаны с шимпанзе, нашими ближайшими родственниками. Большинство исследователей интересовал один большой вопрос: способны ли шимпанзе научиться языку? Но есть и еще один, даже более важный вопрос: могут ли шимпанзе воспитываться и развиваться точно так же, как человеческие дети? В своем смелом эксперименте Герберт Террис из Колумбийского университета наблюдал социализацию молодого шимпанзе и формирование его личности в течение четырех лет — гораздо дольше, чем требовалось исследователям для проведения любого из описанных в этой книге экспериментов.

Зачем учить шимпанзе говорить?

Прежде чем приступить к подробному обсуждению работы Терриса, давайте обратимся к возникающим в этой связи вопросам. Например, зачем исследователям важно знать, можно ли научить шимпанзе языку? Наиболее простой ответ заключается в том, что нами движет естественное любопытство, заставляющее нас исследовать неизвестное, даже если цена достигает астрономических размеров (стоит только вспомнить о высадке человека на Луну). Мысль о том, что мы могли бы полноценно общаться с другим видом и таким образом взглянуть на мир с недоступной для нас точки зрения, представляется невероятно увлекательной.

---

* *Айзенк Г., Айзенк М.* Исследования человеческой психики. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 157—172.

Вторая причина была выражена Террисом: «Возможность понаблюдать за тем, как язык повлиял бы на культуру шимпанзе, могла бы позволить нам заглянуть в наше прошлое и посмотреть, какой была жизнь на заре человеческой цивилизации».

Еще одна причина такого любопытства с нашей стороны состоит в том, что успех или отрицательный результат такого предприятия могут помочь решить ожесточенные теоретические споры, ведущиеся по поводу научения языку человеком. Знаменитый психолог Б.Ф. Скиннер утверждал, что люди учатся языку во многом точно так же, как крысу учат нажимать на рычаг, желая получить пищу: любое действие, которое вознаграждается или подкрепляется, будет повторено. Если Скиннер прав, то нет, очевидно, никаких причин, почему шимпанзе не могли бы научиться языку, если их попытки в освоении языка вознаграждать подходящим образом.

По всей вероятности, в утверждении Скиннера есть свое рациональное зерно. Когда ребенок произносит звук, который напоминает слово, родители обычно демонстрируют ему всяческое одобрение — словесное («Умница!») или физическое (ребенка целуют и обнимают), — тем самым, очевидно, подкрепляя поведение ребенка. Однако если посмотреть на общение матери со своим ребенком в первый год его жизни более пристально, выяснится, что мать вознаграждает буквально все звуковые реакции ребенка, а не только те, которые более всего похожи на осмысленные слова.

У позиции Скиннера есть многочисленные критики, большинство из которых заявляет, что он предложил чересчур упрощенное понимание формирования языковых навыков. Психолингвист Ноам Хомски высказал сомнение в том, что многообразие предложений, которыми оперируют дети, и их способность создавать новые предложения не могут быть объяснены упрощенческими представлениями о подкреплении. Он настаивает, что человеческий мозг изначально приспособлен к тому, чтобы производить различные грамматические трансформации, которые наблюдаются в любом языке. Другие определили эту врожденную способность к языковому научению «языковой компетенцией». Существование такой врожденной способности, безусловно, объяснило бы замечательную способность детей продуцировать грамматически правильные предложения за много лет до того, как они начинают знакомиться с грамматикой языка.

Мозг для языковых навыков

Некоторые психологи полагают, что умение пользоваться этой языковой компетенцией определяется специализацией, которая постепенно формируется в двух полушариях головного мозга. Как правило, дети начинают говорить на втором году жизни, после чего их языковые навыки стремительно совер-

шенствуются до пятилетнего возраста. В дальнейшем они развиваются более медленно, вплоть до периода полового созревания. Развитие специализации мозга тесно взаимосвязано с формированием языковых навыков. Специализация мозга практически полностью завершена к периоду полового созревания. До этого времени дети усваивают язык легко, но после становится трудно выучить второй язык, а изучающий его обычно говорит на нем с акцентом. До периода полового созревания дети довольно легко научаются говорить на втором языке.

Хомски и его последователи полагают, что внутренняя способность к языку свойственна только людям. Следовательно, шимпанзе должны демонстрировать неспособность к языковому обучению, так как они не обладают языковой компетенцией. Таким образом, на вопрос о том, могут ли шимпанзе научиться языку, Скиннер скорее дает положительный, а Хомски отрицательный ответ. Так кто же прав?

Несомненно, что ранние попытки научить шимпанзе рудиментарным знаниям языка дали результаты, подкрепляющие позицию Хомски. Эти попытки потерпели почти полный провал. Кейт и Катрин Гейз провели семь лет в попытках научить самку шимпанзе по кличке Викки произносить несколько английских слов. В конце этого времени Викки могла произносить только четыре слова: «мама», «папа», «дай» и «чашка». Ее учителям приходилось поначалу собственноручно придавать правильное положение ее губам и рту, но, в конце концов, она научилась делать это сама с помощью своих собственных пальцев, чтобы произнести звуки.

Почему окончилась неудачей эта попытка? Отчасти это, безусловно, объясняется тем, что для шимпанзе совершенно неестественно активное использование голосовых связок. Если их не беспокоят, шимпанзе обычно пребывают в молчании. Кроме того, физически они способны произносить всего примерно двенадцать отчетливых звуков по сравнению с нашими 100 звуками.

Язык жестов шимпанзе

Основной прорыв наметился тогда, когда Аллен и Беатрис Гарднер из университета штата Невада увидели немой показ фильма, сделанного Кейт и Катрин Гейз. Даже без звукового сопровождения Гарднеры были способны понять, что говорила Викки, по одним только жестам, которыми она сопровождала звуки. Это заставило их задуматься, а не легче ли было бы использовать не звуки, а жесты, особенно если учесть, что в неволе шимпанзе свободно пользуются целым набором жестов.

В июне 1966 г. Гарднеры начали тренировать годовалую самку шимпанзе. Они назвали ее Вешу, по имени графства в штате Невада, где они жили. Вешу виртуозно демонстрировала вошедшую в пословицы способность обезьян к под-

ражанию. Например, на десятом месяце эксперимента она купала в ванночке одну из своих кукол точно так же, как купали ее Гарднеры. Она наполняла водой свою маленькую ванночку, опускала куклу в воду, а затем вынимала и вытирала ее полотенцем.

Эта способность к подражанию оказалась очень полезной, когда Гарднеры стали обучать Вешу языку жестов по принятой в США азбуке для глухонемых. В первые семь месяцев обучения она сумела выучить четыре знака или слова, еще девять в следующие семь месяцев и 21 — в последующие семь месяцев. Спустя три с половиной года Вешу овладела 132 знаками, а по уверениям Гарднеров, она понимала в три раза больше знаков, чем могла выразить. Она также умела осмысленно комбинировать слова.

Было и еще несколько заметных исследований. Дэвид Премак из Калифорнийского университета изобрел искусственный язык, используя пластиковые квадратики. Он добился столь больших успехов со своей шимпанзе Сарой, что она, в конце концов, была в состоянии комбинировать из пластиковых квадратиков законченное предложение вроде: «Мэри дать яблоко Сара».

Результаты этих исследований порождают соблазн утверждать, что шимпанзе способны научиться языку. Однако, как показывает работа Терриса, это предположение может быть неверным.

Контрольный эксперимент: проект Ним

Когда Герберт Террис впервые встретил шимпанзе, которого он решил учить языку, это был 37-летний холостяк, преподававший в Колумбийском университете. Это произошло 2 декабря 1973 г., когда шимпанзе было всего лишь две недели от роду. Террис решил назвать его Ним Чимпски (каламбур с использованием имени Ноама Хомски[1]). В отличие от контрольных экспериментов, описанных в других главах, этот эксперимент продолжался, не прекращаясь, в течение почти четырех лет.

Террис считал, что в других экспериментах по обучению языку шимпанзе помещали в стерильную обстановку, лишенную социального значения. Террис был намерен поместить Нима Чимски в атмосферу, напоминающую атмосферу, окружающую ребенка в семье. Этот подход имел то преимущество, что языковые навыки Нима формировались бы в результате социального взаимодействия с окружающими, именно так, как это происходит с детьми.

Террис ни в коем случае не был убежден, что шимпанзе действительно обладают врожденной способностью к языку, как это считали исследователи до

[1] По-английски «шимпанзе» выглядит в усеченном варианте как chimp.

него. Он полагал, что успехи шимпанзе в обучении нередко всего лишь трюки со стороны учителей. Вы можете научить голубей ударять клювом в кружки разного цвета в определенном порядке, чтобы получить пищу, но никто не станет рассматривать это как свидетельство того, что голуби способны строить предложения. Также ничего не доказывает, если мы надпишем слово «пожалуйста» на белом кружке, «учитель» на красном, «дай» на голубом и «пищу» на зеленом, и голубь будет «говорить» с нами, клюя в кружки в нужном порядке: «Пожалуйста, учитель, дай пищу». Террис надеялся, что подобную проблему можно устранить, если не избегать соблазна учить Нима языку так, как если бы он был цирковой обезьянкой. Обучение языку должно было быть частью социализации Нима. История эксперимента Терриса с Нимом в действительности распадается на две части: общее социальное развитие Нима и приобретение им языковых навыков.

Социализация Нима

Ним Чимпски был сыном Пана и Кэролин, которые считались самыми умными и уравновешенными животными в обезьяньем питомнике в Оклахоме. Ним провел большую часть из первых 18 месяцев своей жизни в большом доме Стефани Лафарж и ее второго мужа. Это была типичная нью-йоркская семья, состоявшая из Стефани, ее мужа, трех детей от ее первого брака, четырех детей от первого брака ее мужа и школьного учителя — друга семьи.

В свои первые четыре месяца в доме Стефани Ним спал по 15—18 часов в сутки на кровати у Стефани и ее мужа. Он получал тот же уход, что и любой человеческий ребенок: ему меняли подгузники, его подбрасывали в воздух, обнимали и прижимали к себе.

Во многих своих проявлениях Ним был даже большим ребенком, чем человеческое дитя. Его эмоциональные реакции, например, были сильнее, чем у человеческого ребенка, особенно когда он понимал, что кто-то из окружающих его людей страдает. Однажды, когда Дженни (одна из дочерей Стефани) плакала, Ним прыгнул ей на руки и стал пристально смотреть ей в глаза. Затем он очень нежно прикоснулся к ее щекам и попытался смахнуть с них слезы.

Порой то, как реагировал Ним на мужа Стефани, странно напоминало Эдипов комплекс. Однажды днем, когда Стефани с мужем спали после обеда, муж перекинул руку, чтобы обнять Стефани. В одно мгновение Ним вскочил и укусил его. (Ученые неоднократно наблюдали в колониях шимпанзе, что молодой шимпанзе нападает на своего отца, когда тот спаривается с его матерью.)

Развитие Нима в некоторых отношениях шло быстрее, чем развитие человеческого ребенка. К концу второго месяца он уже мог ползать, а еще через

месяц стоять, опираясь на что-нибудь. К тому времени, как ему исполнилось 20 месяцев, его научили ходить в туалет и регулярно пользоваться горшком.

Его поведение перед сном очень напоминало поведение человеческого ребенка. Когда он начинал засыпать самостоятельно в пятимесячном возрасте, он вскрикивал или хныкал в течение нескольких минут после того, как его клали в постель. Однако обычно он легко успокаивался, когда ему давали бутылочку или соску.

Когда Ниму был почти год, он начал пользоваться помещениями в Колумбийском университете в качестве одновременно школы и игровой площадки, возвращаясь в дом Стефани на ночь. Он был столь подвижным и энергичным, что пришлось принять все меры предосторожности, чтобы обезопасить помещения. Вначале его учителя попробовали использовать цепочку на двери в добавление к задвижке, которую Ним быстро научился открывать. Затем они попробовали использовать замок в виде сложных крючков, которые требовали особой ловкости при открывании. Ниму по-прежнему удавалось время от времени убегать в главное крыло психологического факультета. (Вопреки распространенному убеждению, Нима было довольно легко отыскать среди психологов.)

В конце концов наставники Нима обнаружили, что наиболее эффективный способ заставить Нима слушаться — направиться к выходу и показать жестами «ты плохой» или «я не люблю тебя». Его типичной реакцией было прекратить делать то, что он делал, и броситься к наставнику, показывая ему знаками «обнимать» или «извини».

К июню 1975 г. Ним стал таким непослушным, что возникла необходимость в его переезде из дома Стефани. Кроме всего прочего, он разбил несколько ценных вещей, прыгая с мебели на мебель. К счастью, Колумбийскому университету принадлежал великолепный 21-комнатный особняк, Делафилд, половина которого была сдана за небольшие деньги Террису. Там Ниму в его исключительное пользование было предоставлено пять комнат.

Во время своего пребывания в Делафилде Ним был очень непослушным и проказливым. Один раз он услышал, как Кэрол (одна из его учителей) готовит ему на обед кашу в соседней лабораторной комнате, перед тем как уйти. Несколько минут спустя его следующий наставник, Лаура Петитто, оставила его на столике для переодевания, отправившись в классную комнату, чтобы подготовиться к его следующему занятию. Когда она зашла в лабораторную комнату за миской с кашей, она обнаружила, что миска пропала. Ним по-прежнему лежал на столике для переодевания, но с преувеличенным выражением невинности. Она сурово посмотрела на него и показала ему жестами: «Где миска?» Ним сделал озадаченное выражение и стал оглядываться по сторонам, словно желая помочь отыскать миску. Только когда Лаура пригрозила, что отшлепает его, Ним

наконец взял ее за руку и привел ее к раковине рядом со столиком. В ней стояла полупустая миска с кашей!

Он также вел себя удивительно по-детски, когда Сьюзен Квинби, другая его наставница, принесла с собой кошку. Он предложил кошке ложку йогурта и был поражен, когда кошка вылизала ложку. В следующий раз он нарочно предложил кошке пустую ложку. После этого он зачерпнул йогурт и съел его сам.

Ним считал себя обязанным участвовать в большинстве домашних дел и во всем, что происходило вокруг него. Он особенно любил помогать в приготовлении своей пищи и проявлял большое терпение и усердие, смешивая и перемешивая разные ингредиенты. Другой любимой его работой по хозяйству было мытье посуды; на его лице появлялось очень сосредоточенное выражение, когда он начинал водить губкой по тарелке. Если по какой-то причине его отстраняли от участия в таких делах, он начинал мстить — открывал шкафы и выдвигал ящики, вываливая на пол их содержимое, или открывал краны, или переворачивал мусорное ведро.

Сто лет тому назад Чарлз Дарвин высказывал утверждение, что выражение эмоций у шимпанзе, таких, как радость, гнев, привязанность и любопытство, имеет отчетливый человеческий характер. Что и говорить, поведение Нима, несомненно, подтверждало наблюдение Дарвина, за исключением, возможно, того, что реакции Нима выражались более непосредственно и сильно, чем реакции человека. Если он долгое время не видел того, к кому испытывал привязанность, он приветствовал его, взвизгивая от удовольствия, улыбаясь, притоптывая от радости, обнимая, целуя и поглаживая.

Гораздо менее привлекательной чертой Нима было то, что он стремился всячески установить свое доминирующее положение над кем только возможно. Когда новый учитель встречался с ним в первый раз, он подвергал его суровому испытанию с тем, чтобы принудить его к подчинению. Его ничем не спровоцированные приступы агрессии в такие первые встречи были так стремительны и сильны, что нередко встреча заканчивалась для нового учителя царапинами и укусами и разорванной одеждой.

Более поразительной чертой Нима, чем его способность выражать свои эмоции, была его способность видеть насквозь попытки людей замаскировать свои чувства. Лаура, возможно, лучшая наставница Нима, так подытожила это, когда описывала важные аспекты своих взаимоотношений с Нимом: «С ним нужно было быть не просто расслабленной и спокойной. Ним обладал сверхъестественной способностью читать чувства другого. Я всегда чувствовала, что должна быть честной с ним, поскольку он понимает меня... он заставлял меня чувствовать себя так, словно я была “раздетой”».

Обучение языку

Психологи, которые пытались научить языку представителей других видов, обращались прежде всего к шимпанзе. Главная причина этого в том, что шимпанзе более всего напоминает человека, а это должно облегчать общение. Значение этого стало ясно во время эксперимента Терриса, когда обнаружилось, что Ним наиболее свободно общается на языке жестов с теми, кого он знает и к кому испытывает симпатию. Другая важная причина в том, что из всех приматов шимпанзе обладает мозгом, наиболее близким по сложности и сравнительному весу мозгу человека.

Обучение Нима языку жестов по принятой в США азбуке для глухонемых оказалось более трудным делом, чем ожидал Террис. (Постоянный недостаток средств на оплату большого количества людей, которые должны были присматривать за Нимом в течение 24 часов 365 дней в году, означал, что профессионалы очень быстро сменялись добровольными помощниками. Нима обучали 60 разных учителей всего за 46 месяцев, и ясно, что такое непостоянство отношений не помогало.) Вот, например, как он учил жест, означающий «чай». Лаура, его учительница, привлекала внимание Нима, когда наливала горячую воду в чашку с пакетиком чая. Затем она складывала его руки в знак, обозначающий «чай», и предлагала ему сделать глоток. После этого Ним протягивал Лауре свои руки, чтобы она сложила его пальцы нужным образом. Следующим шагом Ним пытался сложить руки Лауры, чтобы получился соответствующий знак. Когда ему удалось добиться этого, Лаура в ответ дала ему желанную чашку чая.

После этого обучения Ним постепенно начал складывать руки в жесте, обозначающем слово «чай», когда учитель в разговоре делал этот знак. Наконец, он стал делать этот знак при виде чайной чашки. Однако обучение еще не было завершено. Точно так же как маленький ребенок нередко использует какое-то слово для обозначения целого ряда одушевленных и неодушевленных объектов, Ним иногда придавал этому жесту слишком общее значение, показывая жестами «играй мне чай», имея в виду «поиграй со мной в “догони меня”».

По крайней мере, в одном отношении Ниму удалось продемонстрировать большую лингвистическую ловкость, чем его учителям. Террис пощекотал Нима, когда тот висел на ветке дерева, держась за нее обеими руками. Ним тут же нашел легкий способ показать, что он хочет, чтобы его продолжали щекотать: он сделал знаки «больше» и «щекотать» одними ногами!

В процессе обучения языковым навыкам Ним приобрел еще один — очень человеческий — навык, а именно способность лгать. Он, очевидно, замечал, что его учителя незамедлительно реагировали в тех случаях, когда он делал жесты «грязный» (имея в виду, что ему нужно в туалет) или «спать» (имея в виду, что он устал). Постепенно он начал использовать эти знаки тогда, когда они не

подходили к ситуации, возможно, потому, что ему было скучно или хотелось нового развлечения.

Ним овладел своим первым жестом («пить») в четыре месяца, и за ним быстро последовали еще четыре жеста («на ручки», «конфета», «дать» и «больше»). Интересно отметить, что есть несколько сообщений о глухих детях, усвоивших свой первый знак в четыре месяца. Слова можно научиться передавать знаками гораздо раньше, чем можно научиться их произносить, как предполагается, потому, что для произнесения звуков требуется более тонкая мышечная координация.

Всего Ним научился выражать 125 знаков за свои первые 44 месяца и, похоже, мог понимать более 200 знаков. Его успехи были очень неровными и сильно зависели от умения учителя и установившихся с ним взаимоотношений. Под общим руководством Лауры Ниму удавалось усвоить пять знаков в месяц — в два с лишним раза больше, чем до ее появления.

Летом 1975 г. под руководством Лауры Ним начал выдавать несколько комбинаций, состоявших из двух знаков, в том числе: «больше есть», «пощекотать меня» и «давать яблоко». К лету 1976 г. он строил комбинации из трех и более знаков («мне больше есть», «ты щекотать меня», «я гладить ребенка»). Со временем он начал использовать доступные ему слова все больше и больше. В период между 1 июня 1975 г. и 13 февраля 1977 г., по подсчетам учителей, Ним употребил 19 000 высказываний, состоявших из двух и более знаков. Это не было простым повторением одних и тех же комбинаций: было зафиксировано 5235 разных комбинаций. Само многообразие этих комбинаций позволяет предполагать, что Ним не просто заучил их наизусть. К сожалению, оказалось невозможным проследить то, как далеко могло бы привести обучение Нима. В конце 1977 г. Террис был вынужден вернуть Нима институту исследований приматов в городе Норман в штате Оклахома.

Может быть высказано возражение, что Ним комбинировал известные ему знаки более или менее случайным образом. Возьмем комбинации из двух знаков, состоящие из переходного глагола и слов «меня» или «Ним». С одинаковой ли вероятностью комбинировал Ним «щекотать меня» или «меня щекотать», «щекотать Ним» или «Ним щекотать»? Вовсе нет. Он ставил «щекотать» на первое место в 107 случаях и «меня» или «Ним» в 16 случаях. Другими словами, он выбирал глагол первым в 87% случаев. В целом Ним ставил на первое место глагол в 83% случаев, когда он комбинировал переходный глагол и «меня» или «Ним». Несколько других анализов подтвердили, что в высказываниях Нима была определенная структура, точно так же как и в высказываниях людей.

Имеется еще одно сходство между высказываниями Нима и высказываниями детей. Когда дети строят в раннем возрасте комбинации из двух слов, около 80 процентов этих высказываний может быть отнесено к восьми разным

семантическим категориям. Две из этих категорий образуют сочетания «прямое дополнение + косвенное дополнение, обозначающее лицо, которое получает что-либо» (например, «еда Ним») и «глагол + прямое дополнение» (например, «есть виноград»). Когда Террис проанализировал высказывания Нима таким образом, он обнаружил, что 84% его комбинаций из двух знаков подходили под эти семантические категории.

Все выше приведенные свидетельства позволяют предположить, что языковые навыки Нима формировались во многом точно так же, как у человеческого ребенка. Однако было несколько важных отличий. В замедленном темпе были просмотрены видеопленки с записью общения Нима с его учителями, чтобы можно было точно увидеть, когда Ним начинал высказывание в ответ на высказывание учителя. Хотя его учителя почти не замечали этого, Ним прерывал их гораздо чаще, чем нормальный ребенок своих родителей. Выяснилось, что Ним больше говорил, желая заставить своих учителей выполнять свои желания, чем слушал то, что говорили ему они.

Установлено, что менее 20% высказываний нормального ребенка состоят из имитаций высказываний родителей, а около 30% того, что говорит ребенок, — это спонтанная речь и не просто ответ взрослому. Даже после нескольких лет обучения высказывания Нима были сравнительно точными имитациями того, что говорилось ему, и только 10% его высказываний были спонтанными. Другими словами, Ним пользовался языком менее творчески, чем человеческий ребенок.

Наиболее важные из результатов эксперимента Терриса заставляют еще больше усомниться в возможности сравнения языковых навыков Нима и ребенка. Начиная говорить, дети с нормальным слухом продуцируют высказывания, содержащие в среднем 1,5 слова, но очень быстро начинают произносить высказывания, составленные из 4 и больше слов (иногда уже к 26 месяцам). Глухие дети демонстрируют такое же быстрое увеличение количества слов на одно высказывание, но обычно несколько позже, чем дети с нормальным слухом. На этом фоне средняя длина высказываний Нима в 1,5 слова, остававшаяся неизменной и в 26, и в 46 месяцев, кажется заметным отличием.

Другим важным отличием между Нимом и детьми является то, что более длинные высказывания детей передают гораздо больше смысла, чем короткие. Высказывания же Нима такой особенностью не обладали, как можно увидеть на примере его самого длинного высказывания: «Дать апельсин мне дать апельсин есть апельсин мне есть апельсин дать мне есть апельсин дать мне ты». Сравнение комбинаций Нима, состоявших из двух и трех знаков, выявило, что его комбинации из трех знаков практически ничего не прибавляли (кроме усиления) к его комбинациям из двух знаков. Его наиболее частые комбинации из трех знаков включали такие высказывания, как

«играть меня Ним», «обнимать Ним обнимать», «играть меня играть» и «есть мне есть».

Если сравнить научение языку с подниманием по лестнице, то можно сказать, что шимпанзе довольно ловко поднимаются на первые несколько ступенек. После этого, однако, они, судя по всему, останавливаются и дальше не идут. Они могут выучить еще несколько слов, но их способность комбинировать эти слова в более длинные и осмысленные высказывания никак не меняется в лучшую сторону. Есть соблазн рассматривать отсутствие у шимпанзе языковой компетенции или чего-либо подобного как непреодолимый барьер на пути вверх по языковой лестнице. Если так, то Ним Чимпски был очень удачно назван, так как, по всей видимости, подтвердил взгляды, высказанные ученым, в честь которого его так назвали.

Вместо заключения

Социальное и эмоциональное развитие Нима Чимпски имело немало заметного сходства с развитием человеческого ребенка. В самом деле, его реакции были часто всего лишь сильнее и непосредственнее, чем реакции у человека. Он вел себя как непослушный и проказливый ребенок и во многом напоминал последнего.

Ним Чимпски добился определенных успехов в освоении языка и научился выражать свои желания и эмоции с помощью небольшого набора знаков, и сама реальность этих успехов — большой соблазн увидеть в них раскрытие тайны овладения языком. Однако более внимательный анализ говорит о том, что больших оснований для этого, пожалуй, нет.

5 *Сравнение психики животных и человека. Трудовая деятельность и возникновение сознания*

К. Ясперс

Что произошло в доисторический период?*

Необозримые дали времени, когда человек уже существовал, в основе своей остаются для нас тайной. Это время молчания истории, хотя именно тогда должно было произойти то, что наиболее существенно для нас.

Первое становление человека — глубочайшая тайна, до сих пор совершенно нам недоступная, непонятная. Такие обороты речи, как «постепенно», «переход», лишь маскируют ее. Можно, конечно, фантазировать по поводу возникновения человека, однако эти фантазии очень быстро оказываются несостоятельными: представление о человеке всегда уже есть в момент, к которому относят его становление.

К тому же нам не известен даже окончательный, удовлетворительный ответ на вопрос: что такое человек? Исчерпывающий ответ на него мы дать не можем. Мы, собственно говоря, не знаем, что такое человек, и это также относится к сущности нашего человеческого бытия. Ясное представление о становлении человека в доистории и истории означает также ясное представление о сущности человеческого бытия.

К доистории относятся два момента — *биологическое* развитие человека и его происходившее в доистории *историческое* развитие, которое, несмотря на отсутствие письменности, тем не менее создавало передачу навыков. То и другое следует разделять как реальность и как объект исследования различного типа.

Биологическое развитие создает наследуемые свойства, историческое развитие — только передачу опыта. То, что наследуется, носит постоянный характер. То, что передается, может быть в кратчайший промежуток времени уничтожено и забыто. Биологическая реальность постигается в образе, в функции и в психофизических свойствах человеческого организма; реальность передачи — в речи, поведении, труде.

---

* *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 62—68.

В процессе становления человека в течение многих тысячелетий фиксировались, по-видимому, в качестве наследуемых биологических свойств существующие теперь основные черты человека. В историческое время, напротив, человек биологически, по-видимому, не менялся. А. Портман[1] полагает, что «нет ни малейших признаков того, что в рамках научно контролируемой исторической эпохи изменялись бы задатки новорожденных». Способы рассмотрения и соответствующие им реальности — биологическая и историческая — не совпадают. Создается впечатление, будто одно, историческое, развитие человека, которое формирует человека, продолжает другое, биологическое. То, что мы называем историей, по-видимому, не имеет ничего общего с биологическим развитием.

Между тем в человеческой природе биологические и исторические черты на самом деле неразрывно связаны. Как только мы производим разделение понятий, возникает ряд вопросов. К каким биологическим последствиям может привести историческое развитие? Какие биологические реальности могут послужить причиной тех или иных возможностей истории?

Быть может, сама биологическая природа человека, если ей удастся достигнуть своего завершения, будет в какой-то степени отличаться от биологической природы других существ.

Однако каким образом биологическое развитие человека и его историческое преобразование воздействовали друг на друга, в целом также остается от нас скрытым. У нас есть сведения о поразительных фактах, относящихся к истории и к современной нам действительности, к доисторическому периоду и к жизни народов на стадии первобытного существования, на основании которых мы строим гипотезы о причинах этих фактов и о предшествующем им развитии. Это — попытки, в рамках которых постановка вопросов оправданна, полученные же ответы, вероятно, сплошь неверны вплоть до сегодняшнего дня.

Остановимся на том, какие свойства человека обращают на себя наше внимание в этой двойственной по своему характеру доистории.

Биологические свойства человека. На вопрос, чем человек отличается от животного, обычно отвечают: прямохождением, большим весом мозга, соответствующей этому формой черепа и высоким лбом, развитой рукой, гладкой кожей, только человеку присущей способностью смеяться и плакать и т.д. Хотя морфологически человек должен быть причислен к зоологическим формам жизни, он по своим физическим свойствам, вероятно, не имеет себе равных. Его тело — выражение души. Существует специфическая красота человеческого тела. Однако объективно и понятийно в качестве общего положения особенность человеческого тела еще не может быть доказана принципиально; она проявляется лишь в отдельных феноменах, которые не дают права выносить общее суждение.

---

[1] Портман (*Portmann*) Адольф (1897—1961) — швейцарский зоолог. — *Ред-сост.*

Наибольшую значимость имеет следующее общее положение: все животные развивают органы, соответствующие особенностям определенной среды, определяющей их жизнь. Эта специализация определенных органов ведет к тому, что все животные превосходят человека какими-либо особыми свойствами. Однако это превосходство означает вместе с тем и сужение. Человек избежал подобного специфического развития каких-либо отдельных органов. Вследствие этого он, уступая животным в развитии отдельных органов, превосходит их по своим потенциальным возможностям, благодаря своей неспециализированности. Недостаточное развитие отдельных свойств заставляет человека — а его превосходство позволяет ему — с помощью присущего ему сознания построить свое бытие совсем иным образом, чем все животные. Именно это, а совсем не структура его тела является причиной того, что он может жить в любых климатических поясах и зонах, в любых ситуациях и в любой среде.

Если человек уже изначально является существом, избегающим всякого окончательного утверждения своих возможностей, то при всей его слабости по сравнению с животными он должен превосходить их по своему мышлению и духовному развитию. Благодаря неспециализированности органов для него оказалась открытой возможность преобразования среды посредством замены развитых органов орудиями. Поскольку человек (по сравнению с животными) хрупок, он может силою свободного решения стать на путь духовного преобразования, ведущего к необозримым высотам. Вместо того чтобы, подобно животному, бесконечно повторять один и тот же круговорот естественного процесса жизни, он оказался способен создать историю. Природа имеет историю лишь в качестве неосознанного, по человеческим масштабам бесконечно медленного, необратимого изменения. Человек же совершает историю на основе повторяемости своего естественного существования (которое в исторически обозримые времена остается одним и тем же), что свойственно жизни вообще, но в качестве осознанного быстрого изменения посредством свободных актов и творений духа.

Можно фиксировать биологические свойства, которые, правда, отличают человека от животного, но остаются в плоскости неспецифически человеческого. Так, например, существуют такие биологические предрасположенности, как предрасположенность к психозам, свойственная только и исключительно людям, хотя людям всех рас. Существуют такие черты человеческого характера, подобно некоей своеобразной злобе, которые присущи отнюдь не всем животным, но, правда, наблюдаются у некоторых обезьян. У шимпанзе мы обнаруживаем нечто вроде биологических свойств, сложившихся задолго до появления человека,— добродушие и склонность мучить, а также проявление интеллекта и глупости. Быть может, существует в этом смысле и биологическое бытие человека. Наши подсознательные влечения, склонности уходят своими корнями в биологические пласты и могут подчас ощущаться как нечто чуждое, пугающее нас.

Все это еще нельзя считать специфически человеческими свойствами. Определить специфические черты человека посредством исследования его биологической природы впервые попытался А. Портман[2].

Он обращает внимание, например, на следующее: новорожденный младенец отличается от детенышей животных (его органы чувств достаточно развиты, вес мозга и тела значительно больше, чем у обезьян), и при всем том его можно считать едва ли не преждевременно родившимся, настолько он беспомощен. Он не может ни стоять, ни бегать. В течение первого года жизни человека созревают те функции, которые у сосунков животных формируются еще до рождения. Человек живет в первый год своей жизни уже в мире, хотя, если сравнивать его с детенышами животных, он как будто должен был бы еще формироваться в утробе матери. Так, его спинной хребет обретает форму только тогда, когда он научается прямо держаться и стоять. Происходит это вследствие инстинктивного стремления подражать взрослым, под влиянием их интереса и побуждения к этому; ясно одно: исторически сложившаяся среда является одним из факторов, влияющих на формирование человека. В самой биологической сфере уже действует дух. Вероятно, переживания и опыт первого года жизни, года биологического созревания элементарных функций человеческого организма, которые животные обретают уже в эмбриональном состоянии, имеют первостепенное значение, окрашивающее всю дальнейшую жизнь человека.

Короче говоря: «В отличие от всех приматов человек обретает свойственную ему форму существования “на свободе”, в открытом соотношении со всем богатством красок и форм, с живыми существами, и прежде всего с самими людьми», тогда как животное рождается с уже сложившейся формой своего существования.

Тем самым Портман видит своеобразие человека не в явных морфологических и физиологических особенностях его тела. Для характеристики человека недостаточно проследить, как контуры обезьяньей челюсти сменяются челюстью доисторического человека и неандертальца и, наконец, выступающим подбородком современного человека.

Существенно не это, а форма человеческого бытия в его целостности. «В человеке мы обнаруживаем совершенно особую форму жизни. Несмотря на то, что многое в человеке сближает его с телом и поведением животного, человек в целом структурирован совсем по-иному. Каждый член нашего тела, каждое наше движение выражает эту особенность, которой мы не даем какого-либо наименования, но своеобразие которой постоянно стараемся тщательно выявлять во всех феноменах человеческой жизни».

Пытаясь понять биологические свойства человеческой природы, мы сразу же наталкиваемся на то, что они перестают быть только биологическими. Совершен-

---

[2] См.: *Portmann A.* Biologische Fragmente zu einer Lehre vom Menschen. Basel, 1944; *Idem.* Vom Ursprung des Menschen. См. также мою работу: *Jaspers K.* Der philosophische Glaube. München, 1948. [Рус. пер. см.: *Ясперс К.* Философская вера // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991. С. 419—508. — *Ред.-сост.*]

но очевидно, что человек в целом не может быть понят методами биологического исследования, однако столь же очевидно, что во всех своих конкретных действиях он обнаруживает и свою биологическую реальность и может быть постигнут биологически, т.е. посредством тех категорий, которые служат для изучения жизни всего животного и растительного мира. Однако вместе с тем само понятие биологического означает в применении к человеку нечто большее, а именно то, что отличает человека от всех остальных живых существ, что контрастирует со всеми бесконечными формами идентичностей и аналогий.

Если, следовательно, в человеческой природе биологическая реальность неотделима от духовной, то это означает следующее: человек не может быть понят прежде всего как постепенно развивающийся зоологический вид, к которому в один прекрасный день в качестве чего-то принципиально нового присоединился дух. Человек и по своей биологической природе с самого начала должен быть чем-то совершенно отличным от всех иных форм жизни.

Иногда биологическую особенность человека пытаются понять как результат доместикации[3], аналогично тому, как одомашненные животные изменяют свою сущность. Согласно этому представлению, не человек создал культуру, а культура создала человека. Оставляя в стороне вопрос, откуда же взялась культура, мы не располагаем и чисто биологическими данными о следствиях доместикации в целом.

Портман следующим образом определяет решающие моменты этого процесса:

Вес человеческого мозга увеличился, тогда как известно, что мозг животных после доместикации уменьшается в весе.

Процесс полового созревания человека в значительной степени замедляется — для домашних животных характерна, как правило, ранняя половая зрелость.

Исчезновение обычного для животных периода течки определялось как признак доместикации. Однако это свойственно и живущим на воле приматам. Здесь перед нами, следовательно, эвентуальный[4] признак приматов, который следует понимать скорее как предпосылку культуры, чем ее следствие.

Отсутствие у человека волосяного покрова — это не только негативное свойство, но и позитивное — повышенное чувство осязания.

Правда, и у человека обнаруживаются некоторые следствия доместикации (например, кариес зубов), однако они не определяют специфические свойства человеческой природы.

Вопрос о конститутивном различии человеческих рас — белых, негров и желтой расы — уходит в далекое прошлое. В историческую эпоху расовые признаки относительно неизменны, но корни их находятся в глубинах доистории.

Все расы, в свою очередь, образовались посредством смешения и являют собой движущиеся в процессе отбора и изменения формы человеческой при-

[3] *Доместикация* (от лат. *domesticus* — «домашний») — приручение диких животных.

[4] *Эвентуальный* (от лат. *eventus* — «случай») — возможный при некоторых обстоятельствах.

роды. Смешения великих рас происходили с давних пор. В Индии смешение белой и желтой рас достигло такой степени, что уже почти нет потомков некогда переселившихся туда белых людей. В древности смешения белых и негров происходили редко, в течение последних трех столетий — чаще. Смешение белых с индейцами создало многочисленное население.

Чистые расы — всегда лишь идеальные типы. Не было в действительности такого времени, когда существовали замкнутые в себе, не подверженные изменению и смешению расы; это лишь пограничная ситуация. Она создает предпосылку наличия изолированных чистых рас. К тому же доистория как будто свидетельствует о расах, которых в настоящее время больше нет. Мы не обнаруживаем одну прарасу, из которой возникли все остальные, и не обнаруживаем ряд первичных прарас, служивших в своем различии очевидным отправным пунктом всего развития человечества. Перед нами волнующееся море различных образов, четкие контуры которых возникают лишь на поверхности, иллюзорно, лишь на мгновение, не навсегда и не абсолютно. Как на самом деле возник и развивался человек в необозримых далях доистории, никому не известно и, вероятно, никогда не станет известным.

Исторические данные. Мы ничего не знаем ни о созидающих моментах истории, ни о ходе духовного становления, нам известны только результаты. И на основании этих результатов нам приходится делать выводы. Мы задаем вопрос о том, что явилось существенным в превращении человека в человека в мире, который он создает; о том, какие открытия он сделал в опасных ситуациях, в своей борьбе, руководимый страхом и мужеством; как сложились взаимоотношения полов, отношение к жизни и смерти, к матери и отцу. Существенным является здесь, вероятно, следующее:

1. *Использование огня и орудий.* Живое существо, не имеющее ни того ни другого, мы вряд ли сочли бы человеком.

2. *Появление речи.* Радикальное отличие от взаимопонимания животных посредством спонтанного выражения своих ощущений составляет присущая только человеку способность выражать осознаваемый в речи и передаваемый ею смысл предметного мира, который является объектом мышления и речи.

3. Способы *формирующего человека насилия над самим собой*, например, посредством табу. В самой природе человека заложено то, что он не может быть только частью природы; напротив, он формирует себя посредством искусства. Природа человека — это его искусственность.

4. *Образование групп и сообществ.* Человеческое сообщество коренным образом отличается от инстинктивно-автоматически созданных государств у насекомых. Основное отличие человеческого сообщества от групп и отношений господства и подчинения, образуемых приматами, состоит в осознании людьми его смыслового значения.

Существует, по-видимому, специфически человеческий феномен — социальная жизнь людей завершается образованием государства, что является пре-

одолением ревности как проявления полового инстинкта посредством мужской солидарности.

В то время как у животных обнаруживаются либо временные объединения в стада, разбредающиеся в каждый период течки, либо длительные сообщества, возможные благодаря асексуальности большинства особей, как, например, у муравьев, только человек был способен, не отказываясь от потребностей пола, создать мужскую товарищескую организацию, напряженность которой стала предпосылкой жизни людей в истории.

1. Жизнь, формируемая *мифами*, формирование жизни посредством образов, подчинение всего существования, семейного уклада, общественного устройства, характера труда и борьбы этим образам, которые в своем бесконечном толковании и углублении по существу являются просто носителями самосознания и осознания своего бытия, дают ощущение укрытости и уверенности,— все это в своих истоках неразличимо. В начале истории и позже человек живет в этом мире. Пусть визионерское видение Бахофена[5] и сомнительно по своей исторической достоверности, неубедительно по своим документальным данным, оно тем не менее выявляет некую основу, имеющую первостепенное значение как по своей общей направленности, так, вероятно, и во многих отдельных чертах[6].

---

[5] Бахофен (*Bachoven*) Иоганн Якоб (1815—1887) — швейцарский историк права.

[6] Несколько раньше автор пишет: «Совершенно иной характер носит путь в доисторию, когда, отправляясь от начала исторического развития и доходя до позднейших времен вплоть до наших дней, мы стремимся определить, что осталось в нас от доистории в процессе бессознательной передачи свойств человека от поколения к поколению. Здесь в творческом визионерстве делается попытка проникнуть в сущность изначальных основополагающих сторон человеческой природы. Затем результаты этих попыток используют в качестве гипотез и, оперируя ими, прослеживают, в какой мере они способствуют пониманию фактической передачи опыта и фактических событий доистории. Но сущность этого проникновения состоит в том, чтобы выявить вечные неподвластные времени черты, поэтому даже при отсутствии эмпирических доказательств какое-то значение они сохраняют. Наилучшим примером такого понимания служат прозрения И.Я. Бахофена. Он учит нас видеть. Это совсем не скудное представление о прошлом. Но и не достоверные доказательства, открывающие перед нами фактический мир доистории. Видения Бахофена создают лишь обширную сферу возможных образов и содержаний жизни, зримых и значительных, установленных не на основании археологических данных или позитивистских конструкций, а посредством сопереживания и созерцания данных историей типов поведения, нравов и обычаев, символов и характера мышления людей» (с. 60). — *Ред.-сост.*

А.Н. Леонтьев

[О психике животных и условиях возникновения сознания]*

Общая характеристика психики животных

Предысторию человеческого сознания составляет, как мы видели, длительный и сложный процесс развития психики животных.

Если окинуть единым взглядом путь, который проходит это развитие, то отчетливо выступают его основные стадии и основные управляющие им закономерности. <...>

Отвечая изменению условий существования, деятельность животных меняет свое строение, свою, так сказать, «анатомию». Это и создает необходимость такого изменения органов и их функций, которое приводит к возникновению более высокой формы психического отражения. Коротко мы могли бы выразить это так: каково объективное строение деятельности животного, такова и форма отражения им действительности.

При этом, однако, развитие психического отражения животными окружающей их внешней среды как бы отстает от развития их деятельности. Так, простейшая деятельность, определяемая объективными связями воздействующих свойств и соотносящая животное со сложной вещно оформленной средой, обусловливает развитие элементарных ощущений, которые отражают лишь отдельные воздействия. Более сложная деятельность позвоночных, определяемая вещными соотношениями, ситуациями, связана с отражением целостных вещей. Наконец, когда на стадии интеллекта в деятельности животных выделяется «фаза подготовления», объективно определяемая возможностями дальнейшей деятельности самого животного, то форма психики характеризуется отражением вещных соотношений, вещных ситуаций.

---

* *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 261—273, 275—292.

Таким образом, развитие форм психического отражения является по отношению к развитию строения деятельности животных как бы сдвинутым на одну ступень вниз, так что между ними никогда не бывает прямого соответствия.

Точнее говоря, это соответствие может существовать лишь как момент, обозначающий собой переход в развитии на следующую, высшую ступень. Уничтожение указанного несоответствия путем возникновения новой формы отражения раскрывает новые возможности деятельности, которая приобретает еще более высокое строение, в результате чего вновь возникает несоответствие и противоречие между ними, но теперь уже на новом уровне. <...>

Рассматривая развитие психики животных, мы подчеркивали прежде всего те различия, которые существуют между ее формами. Теперь нам необходимо выделить то общее, что характеризует эти различные формы и что делает деятельность животных и их психику качественно отличными от человеческой деятельности и от человеческого сознания.

Первое отличие всякой деятельности животных от деятельности человека состоит в том, что она является деятельностью инстинктивно-биологической[1]. Иначе говоря, деятельность животного может осуществляться лишь по отношению к предмету жизненной, биологической потребности или по отношению к воздействующим свойствам, вещам и их соотношениям (ситуациям), которые для животного приобретают смысл того, с чем связано удовлетворение определенной биологической потребности. Поэтому всякое изменение деятельности животного выражает собой изменение фактического воздействия, побуждающего данную деятельность, а не самого жизненного отношения, которое ею осуществляется. <...>

Итак, деятельность животных всегда остается в пределах их инстинктивных, биологических отношений к природе. Это общий закон деятельности животных.

В связи с этим и возможности психического отражения животными окружающей их действительности так же являются принципиально ограниченными. В силу того что животное вступает во взаимодействие с многообразными, воздействующими на него предметами среды, перенося на них свои биологические отношения, они отражаются им лишь теми своими сторонами и свойствами, которые связаны с осуществлением этих отношений.

Так, если в сознании человека, например, фигура треугольника выступает безотносительно к наличному отношению к ней и характеризуется прежде всего объективно — количеством углов и т.д., то для животного, способного различать формы, эта фигура выделяется лишь в меру биологического смысла, который она имеет. При этом форма, выделившаяся для животного из ряда других, будет отражаться им неотделимо от соответствующего биологического его отношения. Поэтому если у животного не существует инстинктивного отношения к данной

---

[1] Здесь и ниже термин «инстинктивный» употребляется нами в самом широком его значении — как непосредственно природный.

вещи или к данному воздействующему свойству и данная вещь не стоит в связи с осуществлением этого отношения, то в этом случае и сама вещь как бы не существует для животного. Оно обнаруживает в своей деятельности безразличие к данным воздействиям, которые хотя и *могут* быть предметом его восприятия, однако никогда при этих условиях *не становятся* им.

Именно этим объясняется ограниченность воспринимаемого животными мира узкими рамками их инстинктивных отношений. Таким образом, в противоположность человеку у животных не существует устойчивого объективно-предметного отражения действительности. <...>

С другой стороны, если для животного всякий предмет окружающей действительности всегда выступает неотделимо от его инстинктивной потребности, то понятно, что и само отношение к нему животного никогда не существует для него как таковое, само по себе, в отделенности от предмета. Это также составляет противоположность тому, что характеризует сознание человека. Когда человек вступает в то или иное отношение к вещи, то он отличает, с одной стороны, объективный предмет своего отношения, а с другой — само свое отношение к нему. Такого именно разделения и не существует у животных. <...>

Наконец, мы должны отметить и еще одну существенную черту психики животных, качественно отличающую ее от человеческого сознания. Эта черта состоит в том, что отношения животных к себе подобным принципиально таковы же, как и их отношения к другим внешним объектам, т.е. тоже принадлежат исключительно к кругу их инстинктивных биологических отношений. Это стоит в связи с тем фактом, что у животных не существует общества. Мы можем наблюдать деятельность нескольких, иногда многих животных вместе, но мы никогда не наблюдаем у них деятельности совместной, совместной в том значении этого слова, в каком мы употребляем его, говоря о деятельности людей. Например, специальные наблюдения над муравьями, перетаскивающими вместе относительно крупный предмет — какую-нибудь веточку или большое насекомое, показывают, что общий конечный путь, который проделывает их ноша, является не результатом совместных организованных действий этих животных, но представляет собой результат механического сложения усилий отдельных муравьев, из которых каждый действует так, как если бы он нес данный предмет самостоятельно. Столь же ясно это видно и у наиболее высокоорганизованных животных, а именно у человекообразных обезьян. Если сразу перед несколькими обезьянами поставить задачу, требующую положить ящик на ящик, для того чтобы влезть на них и этим способом достать высоко подвешенный банан, то, как показывает наблюдение, каждое из животных действует, не считаясь с другими. Поэтому при таком «совместном» действии нередко возникает борьба за ящики, столкновения и драки между животными, так что в результате «постройка» так и остается невозведенной, несмотря на то что каждая обезьяна в отдельности умеет, хотя и не очень ловко, нагромождать один ящик на другой и взбираться по ним вверх.

Вопреки этим фактам некоторые авторы считают, что у ряда животных якобы существует разделение труда. При этом указывают обычно на общеизвестные примеры из жизни пчел, муравьев и других «общественных» животных. В действительности, однако, во всех этих случаях никакого настоящего разделения труда, конечно, не существует, как не существует и самого труда — процесса, по самой природе своей общественного.

Хотя у некоторых животных отдельные особи и выполняют в сообществе разные функции, но в основе этого различия функций лежат непосредственно биологические факторы. Последнее доказывается и строго определенным, фиксированным, характером самих функций (например, «рабочие» пчелы строят соты и прочее, матка откладывает в них яички) и столь же фиксированным характером их смены (например, последовательная смена функций у «рабочих» пчел). Более сложный характер имеет разделение функций в сообществах высших животных, например в стаде обезьян, но и в этом случае оно определяется непосредственно биологическими причинами, а отнюдь не теми объективными условиями, которые складываются в развитии самой деятельности данного животного сообщества.

Особенности взаимоотношений животных друг с другом определяют собой и особенности их «речи». Как известно, общение животных выражается нередко в том, что одно животное воздействует на других с помощью звуков голоса. Это и дало основание говорить о речи животных. Указывают, например, на сигналы, подаваемые сторожевыми птицами другим птицам стаи.

Имеем ли мы, однако, в этом случае процесс, похожий на речевое общение человека? Некоторое внешнее сходство между ними, несомненно, существует. Внутренне же эти процессы в корне различны. Человек выражает в своей речи некоторое объективное содержание и отвечает на обращенную к нему речь не просто как на звук, устойчиво связанный с определенным явлением, но именно на отраженную в речи реальность. Совсем другое мы имеем в случае голосового общения животных. Легко показать, что животное, реагирующее на голос другого животного, отвечает не на то, что объективно отражает данный голосовой сигнал, но отвечает на самый этот сигнал, который приобрел для него определенный биологический смысл. <...>

Так, например, у птиц, живущих стаями, существуют специфические крики, предупреждающие стаю об опасности. Эти крики воспроизводятся птицей всякий раз, когда она чем-нибудь напугана. При этом, однако, совершенно безразлично, что именно воздействует в данном случае на птицу: один и тот же крик сигнализирует и о появлении человека, и о появлении хищного животного, и просто о каком-нибудь необычном шуме. Следовательно, эти крики связаны с теми или иными явлениями действительности не по их объективно сходным признакам, но лишь по сходству инстинктивного отношения к ним животного. Они относятся не к самим предметам действительности, но связаны с теми субъективными состояниями животного, которые возникают в связи с этими пред-

метами. Иначе говоря, упомянутые нами крики животных лишены устойчивого объективного предметного значения.

Итак, общение животных и по своему содержанию, и по характеру осуществляющих его конкретных процессов также полностью остается в пределах их инстинктивной деятельности.

Совсем иную форму психики, характеризующуюся совершенно другими чертами, представляет собой психика человека — человеческое сознание.

Переход к человеческому сознанию, в основе которого лежит переход к человеческим формам жизни, к человеческой общественной по своей природе трудовой деятельности, связан не только с изменением принципиального строения деятельности и возникновением новой формы отражения действительности; психика человека не только освобождается от тех черт, которые общи всем рассмотренным нами стадиям психического развития животных, и не только приобретает качественно новые черты. Главное состоит в том, что с переходом к человеку меняются и сами законы, управляющие развитием психики. Если на всем протяжении животного мира теми общими законами, которым подчинялись законы развития психики, были законы биологической эволюции, то с переходом к человеку развитие психики начинает подчиняться законам *общественно-исторического развития.*

Условия возникновения сознания

Задача, которая стоит перед нами, и заключается в том, чтобы проследить условия, порождающие эту высшую форму психики — человеческое сознание.

Как известно, причиной, которая лежит в основе очеловечения животноподобных предков человека, является возникновение труда и образование на его основе человеческого общества. «...Труд, — говорит Энгельс, — создал самого человека»[2]. Труд создал и сознание человека. <...>

Конечно, возникновение труда было подготовлено всем предшествующим ходом развития. Постепенный переход к вертикальной походке, зачатки которой отчетливо наблюдаются даже у ныне существующих человекообразных обезьян, и формирование в связи с этим особо подвижных, приспособленных для схватывания предметов передних конечностей, все более освобождающихся от функции ходьбы, что объясняется тем образом жизни, который вели животные предки человека — все это создавало физические предпосылки для возможности производить сложные трудовые операции.

Подготавливался процесс труда и с другой стороны. Появление труда было возможно только у таких животных, которые жили целыми группами и у которых существовали достаточно развитые формы совместной жизни, хотя эти

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 486.

формы были, разумеется, еще очень далеки даже от самых примитивных форм человеческой, общественной жизни. О том, насколько высоких ступеней развития могут достигать формы совместной жизни у животных, свидетельствуют интереснейшие исследования Н.Ю. Войтониса и Н.А. Тих, проведенные в Сухумском питомнике. Как показывают эти исследования, в стаде обезьян существует уже сложившаяся система взаимоотношений и своеобразной иерархии с соответственно весьма сложной системой общения. Вместе с тем эти исследования позволяют лишний раз убедиться в том, что, несмотря на всю сложность внутренних отношений в обезьяньем стаде, они все же ограничены непосредственно биологическими отношениями и никогда не определяются объективно-предметным содержанием деятельности животных.

Наконец, существенной предпосылкой труда служило также наличие у высших представителей животного мира весьма развитых, как мы видели, форм психического отражения действительности.

Все эти моменты и составили в своей совокупности те главные условия, благодаря которым в ходе дальнейшей эволюции могли возникнуть труд и человеческое, основанное на труде общество.

Что же представляет собой та специфически человеческая деятельность, которая называется трудом?

Труд — это процесс, связывающий человека с природой, процесс воздействия человека на природу. «Труд,— говорит Маркс, — есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»[3].

Для труда характерны прежде всего две следующие взаимосвязанные черты. Одна из них — это употребление и изготовление орудий. <...>

Другая характерная черта процесса труда заключается в том, что он совершается в условиях совместной, коллективной деятельности, так что человек вступает в этом процессе не только в определенные отношения к природе, но и к другим людям — членам данного общества. Только через отношения к другим людям человек относится и к самой природе. Значит, труд выступает с самого начала как процесс, опосредствованный орудием (в широком смысле) и вместе с тем опосредствованный общественно.

---

[3] *Маркс К. Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 188—189.

Употребление человеком орудий также имеет естественную историю своего подготовления. Уже у некоторых животных существуют, как мы знаем, зачатки орудийной деятельности в форме употребления внешних средств, с помощью которых они осуществляют отдельные операции (например, употребление палки у человекообразных обезьян). Эти внешние средства «орудия» животных, однако, качественно отличны от истинных орудий человека — орудий труда.

Различие между ними состоит вовсе не только в том, что животные употребляют свои «орудия» в более редких случаях, чем первобытные люди. Их различие, тем не менее, может сводиться к различиям только в их внешней форме. Действительное отличие человеческих орудий от «орудий» животных мы можем вскрыть, лишь обратившись к объективному рассмотрению самой деятельности, в которую они включены.

Как бы ни была сложна «орудийная» деятельность животных, она никогда не имеет характера общественного процесса, она не совершается коллективно и не определяет собой отношений общения осуществляющих ее индивидов. Как бы, с другой стороны, ни было сложно инстинктивное общение между собой индивидов, составляющих животное сообщество, оно никогда не строится на основе их «производственной» деятельности, не зависит от нее, ею не опосредствовано.

В противоположность этому человеческий труд является деятельностью изначально общественной, основанной на сотрудничестве индивидов, предполагающем хотя бы зачаточное техническое разделение трудовых функций; труд, следовательно, есть процесс воздействия на природу, связывающий между собой его участников, опосредствующий их общение. <...>

Чтобы уяснить себе конкретное значение этого факта для развития человеческой психики, достаточно проанализировать то, как меняется строение деятельности, когда она совершается в условиях коллективного труда.

Уже в самую раннюю пору развития человеческого общества неизбежно возникает разделение прежде единого процесса деятельности между отдельными участками производства. Первоначально это разделение имеет, по-видимому, случайный и непостоянный характер. В ходе дальнейшего развития оно оформляется уже в виде примитивного технического разделения труда.

На долю одних индивидов выпадает теперь, например, поддержание огня и обработка на нем пищи, на долю других — добывание самой пищи. Одни участники коллективной охоты выполняют функцию преследования дичи, другие — функцию поджидания ее в засаде и нападения.

Это ведет к решительному, коренному изменению самого строения деятельности индивидов — участников трудового процесса.

Выше мы видели, что всякая деятельность, осуществляющая непосредственно биологические, инстинктивные отношения животных к окружающей их природе, характеризуется тем, что она всегда направлена на предметы био-

логической потребности и побуждается этими предметами. У животных не существует деятельности, которая не отвечала бы той или другой прямой биологической потребности, которая не вызывалась бы воздействием, имеющим для животного биологический смысл — смысл предмета, удовлетворяющего данную его потребность, и которая не была бы направлена своим последним звеном непосредственно на этот предмет. У животных, как мы уже говорили, предмет их деятельности и ее биологический мотив всегда слиты, всегда совпадают между собой.

Рассмотрим теперь с этой точки зрения принципиальное строение деятельности индивида в условиях коллективного трудового процесса. Когда данный член коллектива осуществляет свою трудовую деятельность, то он также делает это для удовлетворения одной из своих потребностей. Так, например, деятельность загонщика, участника первобытной коллективной охоты, побуждается потребностью в пище или, может быть, потребностью в одежде, которой служит для него шкура убитого животного. На что, однако, непосредственно направлена его деятельность? Она может быть направлена, например, на то, чтобы спугнуть стадо животных и направить его в сторону других охотников, скрывающихся в засаде. Это, собственно, и есть то, что должно быть результатом деятельности данного человека. На этом деятельность данного отдельного участника охоты прекращается. Остальное довершают другие участники охоты. Понятно, что этот результат — спугивание дичи и т.д. — сам по себе не приводит и не может привести к удовлетворению потребности загонщика в пище, шкуре животного и пр. То, на что направлены данные процессы его деятельности, следовательно, не совпадает с тем, что их побуждает, т.е. не совпадает с мотивом его деятельности: то и другое здесь разделено между собой. Такие процессы, предмет и мотив которых не совпадают между собой, мы будем называть действиями. Можно сказать, например, что деятельность загонщика — охота, спугивание же дичи — его действие.

Как же возможно рождение действия, т.е. разделение предмета деятельности и ее мотива? Очевидно, оно становится возможным только в условиях совместного, коллективного процесса воздействия на природу. Продукт этого процесса в целом, отвечающий потребности коллектива, приводит также к удовлетворению потребности и отдельного индивида, хотя сам он может и не осуществлять тех конечных операций (например, прямого нападения на добычу и ее умерщвления), которые уже непосредственно ведут к овладению предметом данной потребности. Генетически (т.е. по своему происхождению) разделение предмета и мотива индивидуальной деятельности есть результат происходящего вычленения из прежде сложной и многофазной, но единой деятельности отдельных операций. Эти-то отдельные операции, исчерпывая теперь содержание данной деятельности индивида, и превращаются в самостоятельное для него действие, хотя по отношению к коллективному трудовому процессу в целом они продолжают, конечно, оставаться лишь одним из частных его звеньев.

Естественными предпосылками этого вычленения отдельных операций и приобретения ими в индивидуальной деятельности известной самостоятельности являются, по-видимому, два следующих главных (хотя и не единственных) момента. Один из них — это нередко совместный характер инстинктивной деятельности и наличие примитивной «иерархии» отношений между особями, наблюдаемой в сообществах высших животных, например у обезьян. Другой важнейший момент — это выделение в деятельности животных, еще продолжающей сохранять всю свою цельность, двух различных фаз — фазы подготовления и фазы осуществления, которые могут значительно отодвигаться друг от друга во времени. <...>

Однако, несмотря на наличие несомненной генетической связи между двухфазной интеллектуальной деятельностью высших животных и деятельностью отдельного человека, входящей в коллективный трудовой процесс в качестве одного из его звеньев, между ними существует и огромное различие. Оно коренится в различии тех объективных связей и отношений, которые лежат в их основе, которым они отвечают и которые отражаются в психике действующих индивидов.

Особенность двухфазной интеллектуальной деятельности животных состоит, как мы видели, в том, что связь между собой обеих (или даже нескольких) фаз определяется физическими, вещными связями и соотношениями — пространственными, временными, механическими. В естественных условиях существования животных это к тому же всегда природные, естественные связи и соотношения. Психика высших животных соответственно и характеризуется способностью отражения этих вещных, естественных связей и соотношений. <...>

Вспугивание дичи загонщиком приводит к удовлетворению его потребности в ней вовсе не в силу того, что таковы естественные соотношения данной вещной ситуации; скорее наоборот, в нормальных случаях эти естественные соотношения таковы, что вспугивание дичи уничтожает возможность овладеть ею. Что же в таком случае соединяет между собой непосредственный результат этой деятельности с конечным ее результатом? Очевидно, не что иное, как то отношение данного индивида к другим членам коллектива, в силу которого он и получает из их рук свою часть добычи — часть продукта совместной трудовой деятельности. Это отношение, эта связь осуществляется благодаря деятельности других людей. Значит, именно деятельность других людей составляет объективную основу специфического строения деятельности человеческого индивида; значит, исторически, т.е. по способу своего возникновения, связь мотива с предметом действия отражает не естественные, но объективно-общественные связи и отношения.

Итак, сложная деятельность высших животных, подчиняющаяся естественным вещным связям и отношениям, превращается у человека в деятель-

ность, подчиняющуюся связям и отношениям изначально общественным. Это и составляет ту непосредственную причину, благодаря которой возникает специфически человеческая форма отражения действительности — сознание человека.

Выделение действия необходимо предполагает возможность психического отражения действующим субъектом отношения объективного мотива действия и его предмета. В противном случае действие невозможно, оно лишается для субъекта своего смысла. Так, если обратиться к нашему прежнему примеру, то очевидно, что действие загонщика возможно только при условии отражения им связи между ожидаемым результатом лично им совершаемого действия и конечным результатом всего процесса охоты в целом — нападением из засады на убегающее животное, умерщвлением его и, наконец, его потреблением. Первоначально эта связь выступает перед человеком в своей еще чувственно воспринимаемой форме — в форме реальных действий других участников труда. Их действия и сообщают смысл предмету действия загонщика. Равным образом и наоборот: только действия загонщика оправдывают, сообщают смысл действиям людей, поджидающих дичь в засаде; если бы не действия загонщиков, то и устройство засады было бы бессмысленным, неоправданным.

Таким образом, мы снова здесь встречаемся с таким отношением, с такой связью, которая обусловливает направление деятельности. Это отношение, однако, в корне отлично от тех отношений, которым подчиняется деятельность животных. Оно создается в совместной деятельности людей и вне ее невозможно. То, на что направлено действие, подчиняющееся этому новому отношению, само по себе может не иметь для человека никакого прямого биологического смысла, а иногда и противоречить ему. Так, например, спугивание дичи само по себе биологически бессмысленно. Оно приобретает смысл лишь в условиях коллективной трудовой деятельности. Эти условия и сообщают действию человеческий разумный смысл.

Таким образом, вместе с рождением действия, этой главной «единицы» деятельности человека, возникает и основная, общественная по своей природе «единица» человеческой психики — разумный смысл для человека того, на что направлена его активность. <...>

Становление мышления и речи

Выше мы проследили общие условия, при которых возможно возникновение сознания. Мы нашли их в условиях совместной трудовой деятельности людей. Мы видели, что только при этих условиях содержание того, на что направлено действие человека, выделяется из своей слитности с его биологическими отношениями.

Теперь перед нами стоит другая проблема — проблема формирования тех специальных процессов, с которыми связано сознательное отражение действительности.

Мы видели, что сознание цели трудового действия предполагает отражение предметов, на которые оно направлено, независимо от наличного к ним отношения субъекта.

В чем же мы находим эти специальные условия такого отражения? Мы снова находим их в самом процессе труда. Труд не только изменяет общее строение деятельности человека, он не только порождает целенаправленные действия; в процессе труда качественно изменяется также содержание деятельности, которое мы называем операциями.

Это изменение операций совершается в связи с возникновением и развитием орудий труда. Трудовые операции человека ведь и замечательны тем, что они осуществляются с помощью орудий, средств труда.

Что же такое орудие? «Средство труда, — говорит Маркс, — есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет»[4]. Орудие есть, таким образом, предмет, которым осуществляют трудовое действие, трудовые операции. <...>

Необходимо, далее, учесть еще одно обстоятельство, которое характеризует орудие. Оно заключается в том, что орудие есть не только предмет, имеющий определенную форму и обладающий определенными физическими свойствами. Орудие есть вместе с тем общественный предмет, т.е. предмет, имеющий определенный способ употребления, который общественно выработан в процессе коллективного труда и который закреплен за ним. Например, топор, когда мы рассматриваем его как орудие, а не просто как физическое тело, — это не только две соединенные между собой части — та часть, которую мы называем топорищем, и та, которая является собственно рабочей частью. Это вместе с тем тот общественно выработанный способ действия, те трудовые операции, которые материально оформлены, как бы кристаллизованы в нем. Поэтому-то владеть орудием — значит не просто обладать им, но это значит владеть тем способом действия, материальным средством осуществления которого оно является.

«Орудие» животных тоже осуществляет известную операцию, однако эта операция не закрепляется, не фиксируется за ним. В тот самый момент, когда палка выполнила в руках обезьяны свою функцию, она снова превращается для нее в безразличный предмет. Она не становится постоянным носителем данной операции. Поэтому, кстати говоря, животные специально и не изготовляют своих орудий и не хранят их. Наоборот, человеческие орудия — это то, что специально изготовляется или отыскивается, что хранится человеком и само хранит осуществляемый им способ действия. <...>

---

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 190.

Итак, орудие есть общественный предмет, есть продукт общественной практики, общественного трудового опыта. Следовательно, и то обобщенное отражение объективных свойств предметов труда, которое оно кристаллизует в себе, также является продуктом не индивидуальной, а общественной практики. Следовательно, даже простейшее человеческое познание, совершающееся еще в непосредственно практическом трудовом действии, в действии посредством орудий, не ограничено личным опытом человека, а совершается на основе овладения им опытом общественной практики.

Наконец, человеческое познание, первоначально со-совершающееся в процессе трудовой орудийной деятельности, способно в отличие от инстинктивной интеллектуальной деятельности животных переходить в подлинное мышление.

Мышлением в собственном значении слова мы называем процесс сознательного отражения действительности в таких объективных ее свойствах, связях и отношениях, в которые включаются и недоступные непосредственному чувственному восприятию объекты. Например, человек не воспринимает ультрафиолетовых лучей, но он тем не менее знает об их существовании и знает их свойства. Как же возможно такое познание? Оно возможно опосредствованным путем. Этот путь и есть путь мышления. В самом общем своем принципе он состоит в том, что мы подвергаем вещи испытанию другими вещами и, сознавая устанавливающиеся отношения и взаимодействия между ними, судим по воспринимаемому нами изменению их о непосредственно скрытых от нас свойствах этих вещей. <...>

Мышление, как и вообще человеческое познание, принципиально отличается от интеллекта животных тем, что его зарождение и развитие также возможно лишь в единстве с развитием общественного сознания. Общественными по своей природе являются не только цели человеческого интеллектуального действия; общественно выработанными, как мы уже видели, являются также и его способы и средства. Впоследствии, когда возникает отвлеченное речевое мышление, оно тоже может совершаться лишь на основе овладения человеком общественно выработанными обобщениями — словесными понятиями и общественно же выработанными логическими операциями.

Последний вопрос, на котором мы должны специально остановиться, — это вопрос о форме, в какой происходит сознательное отражение человеком окружающей его действительности. <...>

Что же является той конкретной формой, в которой реально происходит сознание людьми окружающего их объективного мира? Этой формой является язык, который и представляет собой, по словам Маркса, «практическое сознание» людей. Сознание неотделимо поэтому от языка. Как и сознание человека, язык возникает лишь в процессе труда и вместе с ним. Как и сознание, язык является продуктом деятельности людей, продуктом коллектива и вместе с тем

его «самоговорящим бытием» (Маркс); лишь поэтому он существует также и для индивидуального человека.

«Язык так же древен, как и сознание; язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание...»[5]. <...>

Как же формировались речь и язык? В труде, как мы видели, люди необходимо вступают в отношения друг к другу, в общение друг с другом. Первоначально собственно трудовые их действия и их общение представляют собой единый процесс. Трудовые движения человека, воздействуя на природу, воздействуют также и на других участников производства. Значит, действия человека приобретают при этих условиях двоякую функцию: функцию непосредственно производственную и функцию воздействия на других людей, функцию общения.

В дальнейшем обе эти функции разделяются между собой. Для этого достаточно, чтобы опыт людей подсказал им, что в тех условиях, когда трудовое движение не приводит по тем или другим причинам к своему практическому результату, оно все же способно воздействовать на других участников производства, например способно привлечь их к совместному выполнению данного действия. Таким образом, возникают движения, сохраняющие форму соответствующих рабочих движений, но лишенные практического контакта с предметом и, следовательно, лишенные также того усилия, которое превращает их в подлинно рабочие движения. Эти движения вместе с сопровождающими их звуками голоса отделяются от задачи воздействия на предмет, отделяются от трудового действия и сохраняют за собой только функцию воздействия на людей, функцию речевого общения. Они, иначе говоря, превращаются в жест. Жест и есть не что иное, как движение, отделенное от своего результата, т.е. не приложенное к тому предмету, на который оно направлено.

Вместе с тем главная роль в общении переходит от жестов к звукам голоса; возникает звуковая членораздельная речь. <...>

Непосредственная связь языка и речи с трудовой деятельностью людей есть то главнейшее и основное условие, под влиянием которого они развивались как носители «объективированного», сознательного отражения действительности. Означая в трудовом процессе предмет, слово выделяет и обобщает его для индивидуального сознания именно в этом объективно-общественном его отношении, т.е. как общественный предмет.

Таким образом, язык выступает не только как средство общения людей, он выступает и как средство, как форма человеческого сознания и мышления, также не отделенного еще от материального производства. Он становится формой, носителем сознательного обобщения действительности. Именно поэтому вместе с происходящим впоследствии отделением языка и речи от непосредственно

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 3. С. 29.

практической деятельности происходит также и абстракция словесных значений от реального предмета, которая делает возможным существование их только как факта сознания, т.е. только в качестве мысли, только идеально.

Рассматривая условия перехода от досознательной психики животных к сознанию человека, мы нашли некоторые черты, характеризующие особенности этой высшей формы психического отражения.

Мы видели, что возникновение сознания возможно лишь в условиях, когда отношение к природе человека становится опосредствованным его трудовыми связями с другими людьми. Сознание, следовательно, есть именно «изначально-исторический продукт» (Маркс).

Мы видели далее, что сознание становится возможным лишь в условиях активного воздействия на природу — в условиях трудовой деятельности посредством орудий, которая является вместе с тем и практической формой человеческого познания. Следовательно, сознание есть форма активно-познающего отражения.

Мы видели, что сознание возможно лишь в условиях существования языка, возникающего одновременно с ним в процессе труда.

Наконец — и это мы должны особенно подчеркнуть, — индивидуальное сознание человека возможно лишь в условиях существования сознания общественного. Сознание есть отражение действительности, как бы преломленное через призму общественно выработанных *языковых* значений, понятий.

Эти черты, характеризующие сознание, являются, однако, лишь наиболее общими и абстрактными его чертами. Сознание же человека представляет собой конкретно-историческую форму его психики. Оно приобретает разные особенности в зависимости от общественных условий жизни людей, изменяясь вслед за развитием их экономических отношений.

Г. Глейтман,
А. Фридлунд,
Д. Райсберг

Биологические основы социального поведения*

Социальная природа человека и животных

Естественный отбор и выживание

<...> Многие из характеристик, способствующих выживанию и размножению (например, ноги лошади или рога оленя), обусловлены структурой тела. Однако Дарвин[1] и его последователи показали, что на естественный отбор влияют также и поведенческие факторы. Белки запасают орехи, бобры строят плотины; эти поведенческие паттерны являются видовой характеристикой и зависят от *генов* животного, основного элемента его наследственности. Будут ли эти гены приумножаться, зависит от того, насколько они повышают *адаптивность* организма, т.е. способствуют выживанию и последующей репродукции. Белка, у которой есть генетическая предрасположенность осенью запасаться орехами, с большей вероятностью переживет зиму, чем та белка, которая не делает на зиму никаких запасов; т.е. повышается вероятность того, что эта запасливая белка произведет такое потомство, которое унаследует гены, каким-то образом предрасполагающие к заготовке запасов. Конечный результат (если считать, что среда обитания белок до определенной степени стабильна) — это рост количества белок, запасающих на зиму орехи.

---

* *Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д.* Основы психологии. СПб.: Речь, 2001. С. 459—460, 463—464, 489—500.

[1] Дарвин (*Darwin*) Чарлз Роберт (1809—1882) — английский натуралист, основоположник эволюционного учения о происхождении видов путем естественного отбора. — *Ред.-сост.*

Если мы исходим из того, что поведение может изменяться в результате естественного отбора, то какое поведение будет формироваться с наибольшей вероятностью? И, что гораздо важнее для нас, каковы те генетические предрасположенности, которые характерны для представителей человеческого рода? Многие мыслители XIX в. отвечали на этот вопрос в духе Гоббса[2]. Они доказывали, что люди — это животные и что в борьбе за существование все без исключения животные являются законченными эгоистами просто в силу необходимости выжить. Они утверждали, что в конечном счете все животные, в том числе и человек, одиноки и эгоистичны, что иначе просто быть не может. И если люди ведут себя социально приемлемо и временами даже неэгоистично (к примеру, когда они выбирают сексуального партнера, воспитывают детей, живут и работают совместно с другими), то это обусловлено лишь их эгоцентричными потребностями.

Учитывая все эти доводы, можно сказать, что взгляды Гоббса вполне соответствуют эволюционной доктрине. Но при более пристальном анализе выясняется, что теория Дарвина вовсе не предполагает ничего такого. Она говорит о том, что «выживает сильнейший», но «сильнейший» — это тот, кто способен произвести на свет более сильное потомство; речь не идет ни об одиночестве, ни об эгоизме. Сам Дарвин считал, что определенные социальные инстинкты способствуют выживанию и репродуктивности и что они также являются фактором и продуктом естественного отбора. Теперь мы знаем, что его предположения во многом верны, причем как для животных, так и для человека. Существует множество доказательств того, что Гоббс был не прав: во-первых, животные и люди по природе своей социальны, а не асоциальны; во-вторых, во многом их социальное поведение обусловлено генетическими факторами, а вовсе не идет вразрез с ними.

Врожденное социальное поведение

Большая часть исследований, основывающихся на таком подходе к социальному поведению, была осуществлена в рамках *этологии* — науки, изучающей поведение животных в естественных условиях. Самыми яркими представителями этой науки были два европейца — Конрад Лоренц (1903—1989) и Нико Тинберген (1907—1988); в свое время оба были удостоены Нобелевской премии. Эти и другие этологи проанализировали множество поведенческих паттернов, которые являются врожденными и возникают без опоры на соответствующий прошлый опыт. Зачастую эти поведенческие паттерны носят внутривидовой характер. Многие из них социальны по своей сути; они определяют, каким образом живые существа взаимодействуют с себе подобными. <...>

---

[2] Гоббс (*Hobbes*) Томас (1588—1679) — английский философ-материалист. — *Ред.-сост.*

Родители и дети

Привязанность потомства к матери

У большинства птиц и млекопитающих потомство сильно привязывается к матери. Утята повсюду следуют за уткой, ягнята — за овцой, а детеныши обезьян крепко цепляются за своих мам. В любом из этих случаев разлучение с матерью вызывает сильнейший стресс: малыши издают жалобные звуки, крякают, мычат или кричат до тех пор, пока мама не вернется. Биологическая функция подобной привязанности заключается в том, чтобы повысить шансы малышей на выживание. Для человека это так же верно, как и для животных: мало кто сомневается в том, что на первом этапе нашей эволюционной истории ребенок без матери мог быстро умереть от голода или от нападения хищника. <...>

Привязанность потомства к матери определяется не только биологическими факторами, а именно избавлением от голода, жажды и боли. Детеныши животных и людей сильно страдают, если их разлучают с матерями, даже в том случае, когда им обеспечен превосходный уход.

Привязанность матери к потомству

Как было сказано выше, биологическая функция привязанности потомства к матери заключается в выживании малышей. Для матери это тоже задача выживания, но для нее это в большей степени генетическое выживание, а не личное. Если ее малыш не доживет до периода полового созревания, то и ее гены в нем погибнут. Но что за механизм вызывает материнскую, а у многих видов также и отцовскую, привязанность к потомству?

И дрозды и гиббоны ведут себя так, как это присуще родителям: они ухаживают за своими малышами и защищают их. Но действуют они подобным образом, конечно же, не из-за понимания того, что в противном случае их гены угаснут. Имеет смысл предположить, что врожденная предрасположенность к родительскому поведению является одним из механизмов, полученных в результате естественного отбора.

У многих видов молодые особи демонстрируют ряд врожденных реакций (механизмов), предназначенных для того, чтобы побудить родителей к проявлению заботы. <...> Птенцы открывают рот как можно шире, как только кто-то из родителей появляется в гнезде. Эти открытые рты означают просьбу о пище, и родители реагируют на нее соответствующим образом. Действительно, у некоторых видов птиц существуют определенные анатомические особенности, которые привлекают внимание к подобным сигналам, в достаточно высокой степени гарантируя соответствующую родительскую реакцию. (Например, кедровый свиристель, чей яркий красный рот является несомненным напоминанием родителям: «Я маленький, я голодный, и я — кедровый свиристель!».)

У людей ухаживание за детьми длится намного дольше, чем у птиц. Проявление этого внимания к детям у человека намного многообразнее и слож-

нее, чем у животных, хотя также имеет биологическую основу. Отношения «мать-ребенок» вырастают из ряда врожденных шаблонных реакций ребенка по отношению к матери и матери к ребенку. Например, почти все родители, разговаривая с ребенком, используют специфический поющий голос. Это свойство наблюдается среди различных культур и может отображать биологически определенный стиль общения, запускаемый в тех случаях, когда взрослый взаимодействует с маленьким и зависимым существом[3].

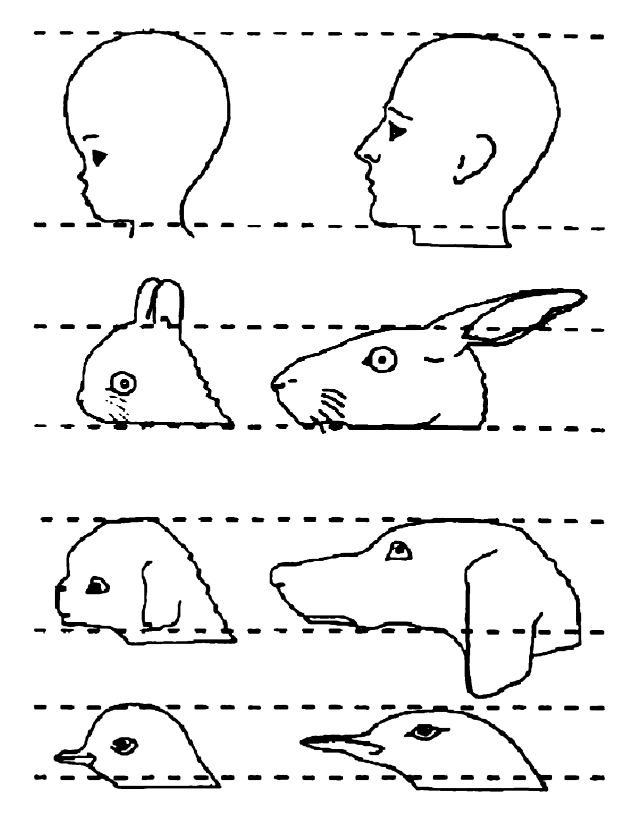

Рис. 1. Притягательные особенности детской модели

Эти особенности являются общими как для людей, так и для ряда животных. Для детенышей характерны круглая форма головы, выпуклый лоб и большие глаза, расположенные ниже середины лица[4]

Человеческий ребенок начинает жизнь, обладая некоторыми важными для социального взаимодействия свойствами, например, рефлексами, помогающими обнаружить материнский сосок, или сосательными рефлексами. Кроме того, у него есть врожденная сигнальная система (плач или крик), с помощью которой он может показать матери, что с ним не все в порядке. Подобные сигнальные си-

[3] См.: *Newport E., Gleitman H., Gleitman L.* Mother, I'd rather do it myself: Some effects and non-effects of maternal speech style // Talking to Children: Language Input and Acquisition / C. Snow, C. Ferguson (Eds.). N.Y.: Cambridge University Press, 1977.

[4] См.: *Lorenz K*. Die angeborenen For-men möglicher Erfahrung. (The innate conditions of the possibility of experience) // Zeitschrift für Tierpsychologie. 1942. Bd. 5. S. 235—409.

стемы существуют у многих животных: когда малыши чирикают, блеют, мяукают или кричат — мама немедленно спешит к ним с помощью и утешением.

Этологи считают, что естественный отбор снабдил детей и рядом стимулирующих особенностей, задача которых состоит в том, чтобы вызывать родительские, в особенности материнские, чувства. Признаки, определяющие стадию детства, включают в себя большой, выступающий вперед лоб, большие глаза, вздернутый нос, круглые щечки, и так далее. Наделенный этими отличительными признаками, ребенок выглядит в глазах взрослых привлекательным и милым, кем-то, кого следует оберегать, опекать; о ком нужно заботиться (рис. 1). Аналогичная ситуация присутствует и у различных животных, где у детенышей можно наблюдать отличительные признаки. Во всех случаях, утверждает часть исследователей, эти стимулирующие признаки гарантируют, что реакция взрослых на детишек будет правильной: защищающей и обучающей[5]. Существует возможность эксплуатации этого явления, и многие коммерческие компании совершенно обдуманно этим и занимаются. Герои мультфильмов Уолта Диснея, например, очень похожи на детей (рис. 2)[6].

Рис. 2. Использование притягательных особенностей детской модели
Герой фильмов Диснея Микки Маус становится более привлекательным после многих лет приближения к детской модели путем изменения формы глаз и головы (Walt Disney Productions)

Природа снабдила детей еще одной уловкой, обезоруживающей сердца даже самых каменных родителей: улыбкой. Иногда ребенок улыбается с первых дней жизни. Улыбка часто рассматривается как врожденный сигнал, используя который, люди говорят друг другу: «Я желаю тебе всего хорошего. Будь добр ко мне». Есть основания считать, что как сам сигнал (улыбка), так и ответ на него являются врожденными. Дети, родившиеся слепыми, улыбаются в тех же ситуациях, что и зрячие малыши, например, слыша мамин голос. Очевидно, что они не могли с помощью имитации выработать такую реакцию.

---

[5] См.: *Lorenz K*. Part and parcel in animal and human societies // Studies in Animal and Human Behavior. L.: Methuen, 1950. Vol. II. P.115—195.

[6] См.: *Fridlung A.J. Macdonald M.* Approaches to Goldie: A field study of human approach responses to canine juvenescence // Anthrozoos. 1998. Vol. 11. P. 95—100.

Коммуникация

<...> Дети улыбаются тем, кто за ними ухаживает, и плачут, когда чем-то расстроены. Собаки при приближении опасности прижимают уши к голове, а в знак подчинения ложатся на спину, поднимая лапы кверху. В этих (и многих других) случаях люди и животные сигнализируют о своих ожиданиях и намерениях по отношению друг к другу, и это, в свою очередь, играет важную роль в поведении других индивидов. Каковы же корни подобного рода сигналов?

Экспрессивные движения

Движения представляют собой способ общения, с помощью которого животные информируют друг друга о том, что они собираются делать в ближайшем будущем. Краб размахивает своими клешнями, а волк обнажает клыки. Эти угрожающие действия могут спасти обоих — и посылающего подобное сообщение, и принявшего его — от ран и даже от гибели, если сообщение будет принято во внимание[7].

Как этологи определяют, какое сообщение было передано тем или иным жестом? Ведь у животных нельзя прямо спросить об этом. Однако исследователи могут постараться выяснить значение сообщения, изучая связь между произведенными движениями и поведением животных до и сразу после того, как было послано сообщение. Например, если за определенной позой обычно следует атака, то эта поза называется выражением угрозы; если следует спаривание, то это — брачный ритуал, и так далее.

Однако этологи обнаружили, что жесты могут нести в себе большой объем информации, которая не сводится лишь к сообщению о намерениях. Некоторые из этих жестов служат для выражения таких характеристик, как пол, возраст, вид. Другие определяют положение в сообществе и используются только среди членов стада, стаи, семьи, а какие-то жесты просто говорят: «Я здесь!»[8].

Передают ли люди информацию с помощью жестикуляции? Конечно же, передают. Существует множество выражений, особенно выражений лица. Так же как и животные, мы с помощью жестикуляции и мимики передаем информацию о наших нуждах и намерениях. Но что именно обозначают жесты, насколько они универсальны и лежат ли их корни в биологической природе человека? Этим вопросам психологи уделяют очень много внимания <...>.

Социальное познание

На социальную жизнь сильное влияние оказывают наши желания, касающиеся других людей: наших врагов или друзей, незнакомцев или любовников, роди-

[7] См.: *Krebs J.R.*, *Dawkins R.* Animal signals: Mind reading and manipulation // Behavioral Ecology: An Evolutionary Approach / J.R. Krebs, N.B. Davies (Eds.). 2nd. ed. Oxford: Blackwell, 1984. P. 380—402.

[8] См.: *Smith W.J.* The Behavior of Communicating. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1977.

телей или детей. Но не меньшее влияние на нашу жизнь в обществе оказывает и то, *что* мы знаем и думаем о людях, нас окружающих. Однако многие исследования показали, что и в мире животных присутствует множество аналогий подобного социального познания.

Социальное познание у обезьян. Посмотрим на вервета, маленькую обезьянку, обитающую в африканской саванне. Их стада насчитывают примерно пятнадцать особей. Так как принадлежность к стаду необходима для обеспечения безопасности и добывания пищи, возможность отличать своего собрата от других обезьян очень важна. И действительно, верветы узнают своих собратьев по стаду по виду и издаваемым звукам, что доказали в своих полевых исследованиях Дороти Ченей и Роберт Сейфар. Они разбили свой лагерь в Южной Кении вблизи от мест обитания нескольких стад верветов. Исследователи записали на магнитофонную ленту крики верветов, а затем воспроизводили эти звуки в определенное время. В одном случае они воспроизвели крик боли детеныша для его матери и двух других самок, которые находились поблизости и у которых также были дети. Никто из детенышей в момент воспроизведения крика не находился в поле видимости. Мать стала вглядываться в направлении, откуда доносились звуки, а затем побежала в этом направлении, показывая тем самым, что она узнала голос своего детеныша. Две другие самки не смотрели ни в сторону магнитофона, ни друг на друга, но обе стали глядеть на третью (мать «кричащего» детеныша), как будто желая сказать ей: «Это ведь *твой* детеныш. Что *ты* собираешься предпринять?»[9]. <...>

Альтруизм и самопожертвование

Итак, животные сражаются и соперничают друг с другом, спариваются, заводят детей, общаются. Некоторые из них даже составляют свое мнение о мыслях и чувствах других существ и стараются извлечь из этого выгоду. Во всех случаях такого рода каждое животное стремится к достижению своих собственных целей и удовлетворению своих нужд. Но в некоторых обстоятельствах животные отклоняются от этого эгоистичного поведенческого шаблона и ведут себя как подлинные альтруисты.

Конечно, всем хорошо известен тот факт, что многие животные идут на значительные жертвы, чтобы защитить своих малышей. Птицы, например, делают вид, что они ранены, чтобы иметь возможность увести хищника подальше от гнезда. Птица волочит крыло или ковыляет кругами, чтобы казаться для хищника легкой добычей, и потихоньку уводит его от гнезда и от птенцов.

---

[9] См.: *Cheney D.L., Seyfarth R.M.* Recognition of individuals within and between groups of free-ranging vervet monkeys // American Zoologist. 1982. Vol. 22. P. 519—529; *Cheney D.L., Seyfarth R.M.* How Monkeys See World. Chicago: University of Chicago Press, 1990.

В подобных актах проявляется бескорыстное самопожертвование родителей, готовых принять опасность на себя, несмотря на то что они могут стать добычей хищников. Но с точки зрения биологов, эта стратегия самопожертвования не совсем альтруистична[10]. Чтобы понять это, представим себе, что птица-мать в первую очередь позаботилась о собственной безопасности и улетела прочь, вместо того чтобы остаться и, подвергая себя риску, защищать птенцов. Она выживет, но с точки зрения эволюции это мало что будет значить, потому что ее гены, переданные птенцам, погибнут, если она улетит, спасая себя и оставив птенцов на съедение хищнику. В результате останется меньше тех птенцов, которым она передала свои гены, включая тот ген, который отвечает за ее материнское безразличие.

Альтруизм среди зверей. Родительское самопожертвование легко объясняется с точки зрения теории эволюции. Похожим образом можно рассматривать и альтруистические поступки[11].

Многие виды животных предупреждают о приближении опасности тревожными криками. Например, когда малиновка замечает ястреба, она издает *крики тревоги*, специальные звуки, сообщающие всем членам стаи об опасности и побуждающие их искать укрытие. Все малиновки издают эти крики в момент опасности, даже в том случае, если находятся в полнейшей изоляции от своих собратьев. Без сомнения, эти звуки дают существенное преимущество тем, кто их услышал. Они могут спрятаться, и их шансы на то, чтобы не быть замеченными врагом, существенно возрастают. Но это не касается той малиновки, которая предупреждает об опасности. Ведь она больше занята тем, чтоб предупредить других птиц, а не тем, чтобы спрятаться. Крики тревоги подвергают еще большей опасности птицу, их издающую, так как выдает ястребу место, где она скрывается. Почему же, спрашивается, малиновка проявляет героизм, вместо того чтобы улететь прочь и предоставить собратьев их собственной судьбе? Существует несколько причин, каждая из которых играет свою роль.

Просвещенный героизм. Одна из причин состоит в том, что подобные акты птичьего героизма отнюдь не альтруистичны (как это может показаться на первый взгляд), так как они увеличивают шансы на выживание. Если малиновка, заметившая ястреба, промолчит, то увеличится вероятность того, что ястреб поймает кого-то другого из стаи, и, скорее всего, это будет та птица, которая позже других заметит опасность. Но что будет завтра? Ястреб, поймавший добычу в определенном месте, почти наверняка вернется сюда же в поисках пищи. И в следующий раз его добычей уже может стать эта промолчавшая птичка[12].

---

[10] См.: *Wilson E.O.* Sociobiology. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1975.

[11] В современной биологии *альтруистическими* считаются те поступки, которые не дают прямой выгоды индивиду либо его потомству.

[12] См.: *Trivers R.L.* The evolution of reciprocal altruism // Quarterly Review of Biology. 1971. Vol. 46. P. 35—57.

Родственный отбор. Возможно, что существует и другая причина. Представим, что нашей героической малиновке не повезло, она была поймана ястребом и погибла мученической смертью. И хотя данное событие погубило нашу героиню, оно могло помочь сохранить ее гены. Ведь даже если в стае не было ее собственных птенцов, там, скорее всего, присутствовало множество ее сородичей, носителей ее генов: братьев и сестер, у которых половина генов совпадают, или племянников и племянниц с четвертью подобных генов. И в этом случае крики тревоги могли спасти родичей, у которых также присутствуют гены, ответственные за подачу этих криков, и те передадут их будущим поколениям. Таким образом, с эволюционной точки зрения, крики тревоги играют важную роль если не для самого издающего эти крики или его детей, то уж наверняка для его генов[13].

Итак, альтруизм будет развиваться, если он повышает шансы на выживание рода. Эта *гипотеза родственного отбора* говорит о том, что бескорыстное поведение распространено скорее среди родичей, чем среди индивидов, не состоящих в родстве, и существуют доказательства, подтверждающие эту теорию. Олень громко хрипит в случае опасности и этим предупреждает соседей. Подобное поведение намного чаще встречается у самок, поскольку они теснее связаны родственными узами, чем самцы. Правда, аналогичное поведение наблюдается у петухов, которые поднимают большой шум, если рядом находятся их самки или другие куры[14]. Хотя особи могут и не быть генетически связанными, идет защита как своих, так и потенциально своих самок. Результаты, подтверждающие гипотезу родственного отбора, можно наблюдать и у многих других видов животных[15].

Взаимовыгодный альтруизм. Существует еще один возможный механизм, который может лежать в основе биологически бескорыстных поступков, — это *взаимовыгодный альтруизм.* Создается впечатление, что некоторые животные и люди следуют внутреннему Золотому Правилу: «Относись к другим так, как ты бы хотел, чтобы они относились к тебе (или к твоим генам)». Если один индивид помогает другому и другой впоследствии отплатит ему тем же, то в результате в выигрыше окажутся оба. Например, самцы бабуинов иногда помогают друг другу в агрессивных столкновениях, и получивший помощь затем помогает своим собратьям[16].

---

[13] См.: *Hamilton W.D.* The genetical evolution of social behavior // Journal of Theoretical Biology. 1964. Vol. 7. P. 1—51; *Maynard-Smith J.* The Evolution of alarm calls // American Naturalist. 1965. Vol. 100. P. 637—650.

[14] См.: *Marler P.R., Duffy A., Pickert R.* Vocal communication in the domestic chicken: I. Does a sender communicate information about quality of a food referent to a receiver? // Animal Behaviour. 1986. Vol. 34. P. 188—193.

[15] См.: *Hirth D.H., McGullough D.R.* Evolution of alarm signals in ungulates with special reference to white-tailed deer // American Naturalist. 1977. Vol. 111. P. 31—42; *Sherman P.W.* Nepotism and the evolution of alarm calls // Science. 1977. Vol. 197. P. 1246—1254.

[16] См.: *Packer C.* Reciprocal altruism in olive baboons // Nature. 1977. Vol. 265. P. 441—443, а также *Bercovitch F.B.* Coalitions, cooperation and reproductive tactics among adult male baboons //Animal Behaviour. 1988. Vol.36. № 4. P. 1198—1209.

Альтруизм у людей. Не вызывает ни малейших сомнений тот факт, что люди способны на самопожертвование. Вспомним о солдатах, миссионерах или религиозных мучениках, погибших за веру. Можно перечислить огромное количество примеров менее заметных проявлений альтруизма, когда люди отдавали последние еду и деньги, помогая больным и бездомным. Объяснимы ли подобные человеческие действия с той же точки зрения, с которой мы объясняли проявления альтруизма у животных?

Эволюционная точка зрения. По мнению биолога Эдварда Вильсона, ответ на этот вопрос положителен. Вильсон пишет, что во всех человеческих общественных системах может быть найдено много общего, а причины этого, как он считает, лежат в нашем генетическом наследии. Наиболее важны родственные отношения, потому как родство, с точки зрения Вильсона, это в первую очередь общие гены. Вильсон и другие эволюционисты предполагают, что в общем и целом мы будем проявлять больше альтруизма по отношению к нашим ближайшим родственникам. Как и в случае с малиновкой, герой может погибнуть, но его гены останутся жить[17].

Для эволюционистов такая точка зрения подтверждается тем фактом, что родственные отношения имеют огромное значение во всех человеческих обществах и везде существуют термины, используемые для описания точной природы родственных отношений: брат, сестра, дядя, тетя, двоюродный брат, внучатая племянница и так далее. Возможно, более убедительным покажется тот факт, что в нашей культуре вероятность того, что один человек пожертвует собой ради другого, намного выше, если эти двое находятся в генетическом родстве.

Правомерен ли эволюционный подход, когда мы анализируем поведение людей? На этот счет имеются определенные сомнения, причем часть критических замечаний касается ряда основополагающих фактов. Например, изучение различных культур показало, что степень, в которой родственники помогают друг другу, зависит не только от их генетической близости. Вероятность оказания помощи часто зависит от того, насколько люди сами считают себя близкими друг другу, а не от того, насколько они близки генетически. Это доказывают исследования, изучавшие различные культуры, в которых молодожены живут с родственниками отца мужа и в конечном счете создается обширная семья с множеством братьев, сестер, дядек и теток. Сын в подобной семье хорошо знает родственников со стороны отца, так как они живут в *том же* доме или неподалеку. Родственников же со стороны матери он знает хуже, так как все они живут в доме его деда со стороны матери. Генетически он, конечно же, близок и к тем и к другим, но если встанет вопрос, кому он скорее поможет или кто скорее придет на помощь ему, он, конечно же, назовет отцовскую родню, которую хорошо знает и с которой прожил всю жизнь[18].

---

[17] См.: *Wilson E.O.* Sociobiology. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1975.

[18] См.: *Sahlins M.* The Use and Abuse of Biology. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1976.

Критики эволюционистского подхода придерживаются той точки зрения, что эти и похожие открытия показывают, что человеческое социальное поведение в основном зависит от культуры, а не от генетики. Чтобы понять человеческий альтруизм, говорят они, мы должны понять его в социальном аспекте. Мальчик, который чувствует себя ближе к отцовской родне, относится к родству так, как ему предписано его культурой, и это больше того, что определено генами. То же самое касается и самопожертвования. Древние римляне набрасывались на своих врагов не ради спасения генов своих родственников, а ради славы. Ранние христиане бросали вызов смерти ради веры, а не для поддержания генофонда. Мы не можем понять древних римлян, не рассматривая их концепцию славы; не можем мы и объяснить мученичество ранних христиан, если не будем принимать во внимание их веру в загробную жизнь.

Подведем итоги. Вильсон и другие эволюционисты утверждают, что альтруизм и самопожертвование людей являются, по сути дела, проявлениями биологической адаптации, которые гарантируют выживание при наибольшей репродуктивности и в принципе, вне зависимости от социальных шаблонов, существуют и у приматов, и у других животных. Критики подобных взглядов не отрицают сильного влияния биологических факторов на поведение человека. Но они считают, что на его поведение большое влияние оказывает и культура: мораль и религия, обычаи и искусство, и это не имеет никаких аналогий с поведением животных. Вопрос меры этого влияния горячо обсуждается в рамках самых разных наук: психологии, биологии, антропологии, — и мы не сможем дать исчерпывающий ответ на него в рамках данной книги. <...>

Некоторые проблемы этики. Поговорим теперь о значении этики в эволюционном процессе. Представим, что предположения, касающиеся людей, справедливы: все мужчины биологически предрасположены к распутству, все женщины — к сохранению верности, и все они готовы на генетическом уровне жертвовать собой ради близких. Правда, все эти предположения являются предметом горячих споров[19]. Но представим на минутку, что все это так, и что из этого? Значит ли это, что биологическими факторами можно оправдать дискриминацию по половому признаку или что эти факторы предполагают изначальное пренебрежение к людям, с которыми нас не связывают родственные узы? Ответ, конечно же, отрицателен. Если действительность такова, какой ее представляют эволюционисты (а мы еще раз повторяем, что вопрос этот — весьма спорный), то мужчины действительно являются предрасположенными к распутству, оно для них является естественным. Но «естественно» отнюдь не значит хорошо. Любовь к сладкому заложена в нас генетически, и это понятно с эволюционной точки

---

[19] См. напр.: *Lewontin R.C., Rose S., Kamin L.J.* Not in our Genes: Biology, Ideology and Human Nature. N.Y.: Random House, 1984; *Kitcher P.* Vaulting Ambition: Sociobiology and the Quest for Human Nature. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1985; *Kitcher P.* Precis of Vaulting Ambition: Sociobiology and the quest for human nature (and open peer commentary) // Behavioral and Brain Sciences. 1987. Vol. 10. P. 61—100.

зрения, ведь сладости обычно имеют высокую питательную ценность. Но в наши дни, когда вокруг — огромное количество высококалорийных продуктов, многие из нас стараются сдержать свою естественную любовь к сладкому или же вынуждены страдать от неприятных последствий переедания. Грубость и корысть также являются врожденными качествами, но цивилизованный человек должен уметь их сдерживать.

Эту точку зрения поддерживают многие биологи. Сара Харди, специалист по поведению приматов, говоря об этом, цитирует героиню Кэтрин Хепберн из фильма «Королева Африки»: «Природа — это то, мистер Олнат, с чем мы пришли на эту Землю, чтобы возвыситься над ней!»[20].

Этология и человеческая сущность

Прошло более трехсот лет с тех пор, как Гоббс описал «войну всех против всех», которую он считал естественным состоянием всего человечества. Мы все еще далеки от понимания основ социальной природы человека. Но по крайней мере мы знаем, что решение Гоббса либо ошибочно, либо слишком упрощенно. Мы не созданы для одиночества. Другие люди являются необходимым аспектом нашей жизни, и стремление к взаимодействию с окружающими заложено в нас с самого рождения. То, что верно для людей, также во многом верно и для большинства животных. Малиновка запрограммирована общаться с другими малиновками, а бабуин — с другими бабуинами. Одни из этих взаимодействий — мирные, другие, наоборот, враждебные. Но все дело в том, что общение между себе подобными имеет место всегда, при любых обстоятельствах. Социальное общение является неотъемлемой частью жизни любого существа: мы можем говорить о совокупности социальных реакций, которые управляют процессом воспроизведения, заботой о потомстве и внутривидовым соперничеством практически во всем мире животных. Ни человек, ни любое другое животное не являются полностью сосредоточенными исключительно на себе.

---

[20] *Hardy S.B.* The primate origins of sexuality // The Evolution of Sex / M.S. Smith, W.D. Hamilton, L. Margulis et al. (Eds.). San Francisco: Harper and Row, 1988. P. 126.

Тема 5

Социокультурная регуляция деятельности

Человек как социальный индивид. Понятие социального факта. Социальные позиции, нормы, ожидания. Социальные роли и процесс их присвоения. Ролевое поведение и общение. Социализация индивида как процесс присвоения культурного опыта. Развитие общественного и индивидуального сознания в антропогенезе. Конкретные характеристики индивидуального сознания. Значение и личностный смысл. Понятие высшей психической функции. Строение и развитие высших психических функций. Их основные свойства и закономерности формирования. Понятие интериоризации.

Вопросы к семинарским занятиям

1. *Строение сознания. Специфика коллективных сознательных представлений. Значение и личностный смысл*
2. *Социализация индивида. Высшие психические функции: понятие и основные характеристики*
3. *Развитие сознания. Присвоение общественно-исторического опыта в онтогенезе. Соотношение внешней и внутренней деятельности. Понятие интериоризации*

1 *Строение сознания. Специфика коллективных сознательных представлений. Значение и личностный смысл*

Э. Дюркгейм

Происхождение основных понятий или категорий ума*

В основе наших суждений имеется известное число существенных понятий, которые управляют всей нашей умственной жизнью; философы со времени Аристотеля[1] называют их категориями разума: это понятия времени, пространства[2], рода, числа, причины, субстанции, личности и т.д. Они соответствуют наиболее всеобщим свойствам вещей. Они являются как бы основными рамками, заключающими в себе мысль; последняя может освободиться от них, только разрушивши самое себя. Другие понятия — случайны и изменчивы; нам кажется, что они могут отсутствовать у человека, у общества в ту или иную эпоху; первые же, напротив, представляются нам почти неотделимыми от нормальных отправлений разума. Они составляют как бы «костяк» последнего. Анализируя методически религиозные верования, непременно встречаешься с наиболее основными из этих категорий. Они родились в религии и из религии, они — продукт мысли религиозной.

Это наблюдение уже само по себе интересно, но вот то, что придает ему подлинную важность.

Религия есть явление существенно социальное. Религиозные представления суть коллективные представления, выражающие реальности коллективного характера. Обряды суть способы действия, возникающие среди тех или других общественных групп и предназначенные для возбуждения,

---

* *Дюркгейм Э.* Социология и теория познания // Новые идеи в социологии / Под ред. М.М. Ковалевского и Е.В. де Роберти. СПб.: Образование, 1914. Вып. 2. С. 27—44.

[1] Аристотель (384—322 до н.э.) — древнегреческий философ и ученый-энциклопедист. — *Ред.-сост.*

[2] Время и пространство мы называем категориями потому, что нет никакого различия между ролью, которую играют эти понятия в умственной жизни, и ролью, которая принадлежит понятиям рода и причины (см. об этом: *Hamelin O.* Essai sur les élements principaux de la représentation. Paris: Alcan, 1907. P. 63, 76).

поддержания или нового создания известных психических состояний этих групп. Но если категории имеют религиозное происхождение, то они должны быть одарены и общими свойствами всех религиозных фактов, они должны быть также явлениями социальными, продуктами коллективной мысли. По крайней мере (так как при современном состоянии наших знаний в данной области следует остерегаться всяких исключительных и радикальных тезисов), вполне законно предположить, что они изобилуют социальным содержанием.

В этом, впрочем, и теперь уже можно убедиться, что касается некоторых категорий. Попытайтесь, например, представить себе время, не принимая в расчет приемов, посредством которых мы его делим, измеряем и выражаем известными знаками; время, которое не было бы последовательностью или рядом годов, месяцев, недель, дней и часов! Это нечто почти немыслимое. Мы можем понимать время только под условием различения в нем разнородных моментов.

Откуда же проистекает эта разнородность? Несомненно, что состояния сознания, уже испытанные нами, могут вновь возникать в нас в том же самом порядке, в каком они первоначально протекали; точно так же и отдельные части нашего прошлого мы можем снова воспроизвести в настоящем, невольно отличая их в то же время от настоящего. Но как бы ни было важно это различение для нашего частного опыта, оно недостаточно, чтобы создать понятие или категорию времени. Эта последняя состоит не просто в частичном или огульном воспоминании нашей протекшей жизни. Она есть отвлеченная и безличная рамка, которая обрамляет не только наше индивидуальное существование, но и бытие всего человечества. Заключенное в эти пределы время не есть *мое время*; это есть время, которое объективно мыслится всеми людьми одинакового культурного уровня. Одного этого уже достаточно, чтобы понять, что определение времени есть дело коллективное. И действительно, наблюдение подтверждает, что порядок, в котором все явления располагаются во времени, заимствован из социальной жизни. Разделения на дни, недели, месяцы, годы и т.д. соответствуют периодичности обрядов, праздников и публичных церемоний[3]. Всякий календарь выражает ритм коллективной деятельности и служит для удовлетворения его правильности[4].

---

[3] См. в подтверждение этого мнения: *HubertH., Mausse M.* Mélanges d'histoire religieuse (Travaux de l'Année Sociologique). Paris: F. Alcan, 1929. Гл. «La Représentation du temps dans la Religion».

[4] Отсюда видно все различие между комплексом ощущений и представлений, служащих для нашего ориентирования среди следующих друг за другом событий и категорий времени. Первые — результат индивидуального опыта, имеющего значение только для индивида, который его пережил, а вторая выражает время, одинаковое для всей группы, время социальное, если так можно выразиться. Оно само по себе уже является настоящим социальным институтом. Сверх того, оно свойственно только человеку; животное не имеет представлений этого рода. Это различие между категорией времени и соответствующими ощущениями может быть одинаково проведено и по отношению к пространству и причинности.

Не иначе обстоит дело и с пространством. Как показал Hamelin[5], пространство не есть та смутная и неопределенная среда, которую воображал себе Кант[6]: чистое и абсолютно однородное, оно не служило бы ни чему и не могло бы даже быть схвачено мыслью. Пространственное представление состоит существенно в известном порядке первичного распределения данных чувственного опыта. Но это распределение было бы невозможно, если бы все части пространства были качественно равнозначительны, если бы они действительно могли заменять друг друга. Чтобы иметь возможность расположить вещи пространственно, нужно обладать и возможностью распределить их различно: одни положить направо, другие — налево, одни — наверх, другие — вниз, к северу и к югу, к западу и к востоку и т.д. подобно тому, как для расположения во времени состояний сознания необходимо иметь возможность отнести их к определенным срокам. Это значит, что пространство, подобно времени, не могло бы быть тем, что оно есть, если бы оно не было делимо и если бы оно не дифференцировалось. Но откуда могли взяться эти различия, столь важные для пространства? Само по себе оно не имеет ни правой, ни левой стороны, ни верха, ни низа, ни севера, ни юга и т.д. Все эти деления, очевидно, объясняются различной эмоциональной оценкой той или другой окружающей среды. А так как все люди одной и той же цивилизации представляют себе пространство одинаковым образом, то очевидно, что эта эмоциональная оценка и зависящие от нее разделения пространства были у них так же одинаковы, а это-то почти несомненно и указывает на социальное происхождение таких различий[7]. Далее, имеются случаи, где этот социальный характер обнаруживается вполне ясно. В Австралии и в Северной Америке существуют общества, где пространство рассматривается как необъятный круг, потому что само становище их имеет форму круга[8] и пространство у них разделено точно так же, как и становище всего племени. Там столько же отдельных «стран света», сколько имеется кланов в племени. Каждая отдельная область обозначается через тотем того клана, которому она назначена. У Зуни, например, «пуэбло» (по-испански народ) состоит из семи частей, каждая представляет собой группу кланов, возникшую, вероятно, из одного клана, который потом подразделился. И пространство вообще состоит из тех же семи стран, причем каждая из них является тесно связанной с соответствующей частью, «pueblo»[9]. «Таким образом, — говорит Cusching, одна часть племени чув-

---

[5] *Hamelin O.* Essai sur les élements principaux de la représentation. Paris: F. Alcan, 1907 P. 75 и след.

[6] Кант (*Kant*) Иммануил (1724—1804) — немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классическй философии. — *Ред.-сост.*

[7] Иначе для объяснения подобного согласия необходио было бы допустить, что все индивиды, в силу их мозгового устройства, аффектируются одинаковым образом — различными частями пространства; а это тем более невероятно, что многие страны сами по себе в этом отношении безразличны. К тому же деления пространства меняются с обществами, а это доказыает, что они не основаны исключительно на прирожденных свойствах человека.

[8] См.: *Durkheim E., Mausse M.*. De quelques formes primitives de classification // Année Sociol. 1903. VI. P. 47 f).

[9] Ibid., p. 34 f.

ствует себя тесно связанной с севером, другая представляет собою запад, третья — юг»[10] и т.д. Каждая часть племени имеет свой характеристический цвет, который ее символизирует; подобно этому и каждая страна света имеет тот же цвет.

С течением времени число основных кланов колебалось; соответственно этому колебалось и число стран света. Таким образом, социальная организация служила образцом для пространственной организации, являющейся как бы отпечатком первой. В последней нет ничего, вплоть до деления на правую и левую стороны, что не было бы продуктом религиозных, следовательно, коллективных представлений[11].

Аналогичные же доказательства можно найти и относительно понятий рода, силы, личности и действенности. Позволительно даже спросить, не зависит ли от социальных условий и понятие противоречия. Думать так нас побуждает то, что власть, которую оно получило над мыслью, изменялась в зависимости от времени и состава человеческих обществ. Принцип тождественности теперь господствует в сфере научной мысли; но существуют обширные системы представлений, игравших значительную роль в истории идей, где этот принцип сплошь и рядом не признавался: это мифология, начиная с самых грубых и кончая самыми утонченными[12].

Здесь постоянно ставится проблема бытия, обладающего одновременно самыми противоречивыми атрибутами; единством и множественностью, материальностью и духовностью, способностью подразделяться до бесконечности, ничего не теряя из своего состава, и т.д.

Именно в мифологии является аксиомой, что часть равна целому. Эти колебания, испытанные началом тождественности, управляющим современной логикой, доказывают, что оно, будучи далеко не извечным свойством в умственной природе человека, зависит, хотя бы только отчасти, от факторов исторических, а следовательно, социальных. Мы не знаем в точности, каковы эти факторы; но мы имеем право думать, что они действительно существуют[13].

При допущении этой гипотезы проблема познания получает новую постановку. До настоящего времени на этот счет имелись лишь две доктрины. Для од-

---

[10] См.: Züni Creation Myths, in 13th. Rep. of the Bureau of Amer. Ethnology. P. 376 f.

[11] См.: *Hertz R.* La préeminence de la main droite. Êtude de polarité religieuse // Rev. Philos. Dec., 1909. Относительно того же вопроса см.: *Ratzel F.* Politische Geographie. Berlin: Munich, 1923, главу под названием: «Der Raum im Geist der Völker».

[12] Мы не хотим сказать этим, что мысль мифологическая игнорирует принцип тождественности, но лишь то, что она более часто и более открыто его нарушает, чем мысль научная. И обратно, мы покажем, что и наука не может не нарушать его, несмотря на то, что она более добросовестно сообразуется с ним, чем мысль религиозная. Между наукой и религией как в этом, так и в других отношениях существует только различие в степени.

[13] Эта гипотеза была уже предложена основателями «психологии народов». Она указана в статье Виндельбанда «Erkenntnisslehre unter dem völkerpsychologischen Gesichtspunkte» (см.: Zeitsch. f. Völkersychologie. 1875. VIII. S. 166 f. См. также заметку Л. Штейнталя по тому же вопросу на с. 178 и 179 указ. соч.).

них категории были не выводимы из опыта: они логически предшествовали ему и являлись условием его возможности. Вот почему и говорят о них, что они априорны. Для других, напротив, они построены из отдельных опытов индивидуальным человеком, который и является настоящим творцом их[14].

Но то и другое решение вызывают серьезные возражения. Приемлем ли тезис эмпиристов? При утвердительном ответе пришлось бы отнять у категорий все их характеристические свойства. Они отличаются от всех других знаний своей всеобщностью и необходимостью. Они — наиболее общие понятия, которые в силу того, что они приложимы ко всему реальному и не связаны ни с каким объектом в частности, независимы от каждого отдельного субъекта. Они являются общей связью, соединяющей все умы, перекрестком, на котором они необходимо встречаются уже потому, что разум, представляющий собой не что иное, как совокупность основных категорий, облечен таким авторитетом, из-под власти которого мы не можем освободиться по произволу, и когда мы пытаемся восстать против него, освободить себя от некоторых из таких основных понятий, мы наталкиваемся на самое живое сопротивление. Следовательно, категории не только не зависят от нас, но, напротив, они предписывают нам наше поведение. Эмпирические же данные имеют диаметрально противоположный характер. Ощущение и образное представление относятся всегда к определенному объекту или к совокупности объектов определенного рода; они выражают преходящее состояние отдельного сознания: они в существе своем индивидуальны и субъективны.

В силу этого мы можем относительно свободно распоряжаться представлениями, имеющими подобное происхождение. Правда, когда ощущения переживаются нами, они нам навязываются *фактически*. Но *юридически* мы остаемся хозяевами их, и от нас зависит, рассматривать их так или иначе, представлять их себе протекающими в ином порядке и т.п. По отношению к ним ничто не связывает нас. Таковы два вида знаний, представляющие собой как бы два полюса ума. В подобных условиях вывести разум из опыта — значит заставить его исчезнуть, ибо такой вывод равносилен сведению всеобщности и необходимости, характеризующих разум, к простым видимостям, к иллюзиям, которые могут быть практически удобны, но которые не имеют под собой никакой реальной почвы. Это значит также отказаться признать объективную реальность логической жизни, упорядочение и организация которой и являются главной

---

[14] Даже по теории Спенсера, категории — результат индивидуального опыта. Единственное различие, имеющееся на этот счет между заурядным эмпиризмом и эмпиризмом эволюционным, заключается в том, что, согласно последнему, результаты индивидуального опыта закрепляются при помощи наследственности. Но это закрепление не придает им ничего существенно нового; оно не вводит в них никакого элемента, который бы возник помимо индивидуального опыта. А та необходимость, с какой категории мыслятся нами теперь, в глазах эволюционной теории есть лишь продукт иллюзии, предрассудок, пустивший прочные корни в нашу мозговую организацию, но не имеющий основания в природе вещей.

функцией категорий. Классический эмпиризм примыкает к иррационализму и часто сливается с ним.

Априористы, несмотря на смысл, обычно придаваемый этому ярлыку, более почтительны к фактам. Они не допускают как самоочевидную истину того, что категории созданы из одних и тех же элементов, что и наши чувственные восприятия; они систематически не оголяют их, не лишают их реального содержания, не сводят их к пустым словесным построениям. Напротив, они признают все их характеристические черты. Априористы суть рационалисты. Они верят, что мир имеет и логическую сторону или грань, находящую свое высшее выражение в разуме. Однако для этого им приходится приписать разуму некоторую способность переходить за пределы опыта, и нечто присоединять к тому, что ему дано непосредственно. Но беда их в том, что они не объясняют этой странной способности, так как нельзя же считать объяснением утверждение, что она присуща природе человеческого ума. Нужно было бы показать, откуда берется это удивительное превосходство наше и каким образом мы можем находить в вещах отношения, которые не может дать нам непосредственное наблюдение самих вещей. Сказать, что сам опыт возможен лишь при этом условии, — значит изменить, передвинуть, а не решить задачу. Ибо дело идет именно о том, почему опыт сам по себе недостаточен и предлагает условия, которые для него являются внешними и предшествующими. Отвечая на этот вопрос, иногда прибегали к фикции высшего или божественного разума, простой эманацией[15] которого является разум человека. Но эта гипотеза имеет тот недостаток, что она висит в воздухе, не может быть экспериментально проверена и, следовательно, не удовлетворяет условиям, предъявляемым к научной гипотезе. Сверх того, категории человеческой мысли никогда не закреплялись в одной неизменной форме. Они создавались, уничтожались и пересоздавались беспрестанно; они изменялись в зависимости от времени и места. Божественный же разум, напротив, одарен противоположным свойством. Каким же образом его неизменность может объяснить эту непрерывную изменяемость?

Вот два понимания, которые в течение веков борются друг с другом, и если этот спор все еще продолжается, то только потому, что аргументы обеих сторон почти равносильны. Разум как форма одного лишь индивидуального опыта означает отсутствие разума.

С другой стороны, если за разумом признать способности, ему бездоказательно приписываемые, то этим самым мы как будто ставим его вне природы и вне науки. При наличности прямо противоречивых возражений решение остается неопределенным. Но если допустить социальное происхождение категорий, то дело примет тотчас же совершенно иной оборот.

---

[15] *Эманация* — в философии переход от от высшей онтологической ступени универсума к низшим, менее совершенным. — *Ред.-сост.*

Основное положение априоризма гласит, что знание состоит из двоякого рода элементов, не сводимых друг к другу[16]. Наша гипотеза удерживает целиком этот принцип. В самом деле, знания, которые зовутся эмпирическими, которые одни всегда служили теоретикам эмпиризма для обоснования их взглядов на разум, — эти знания возникают в нашем уме под прямым действием объектов. Следовательно, мы имеем тут дело с индивидуальными состояниями, которые всецело объясняются психической природой индивида. Напротив, если категории (как мы думаем) являются существенно коллективными представлениями, они выражают собой, прежде всего, те или другие состояния коллективности, они зависят от ее состава и способа организации, от ее морфологии, от ее институтов — религиозных, моральных, экономических и т.д. Следовательно, между этими двумя родами представлений существует такое же расстояние, какое отделяет индивидуальное от социального. Нельзя поэтому выводить коллективные представления из индивидуальных, как нельзя выводить общество из индивида, целое — из части, сложное — из простого[17].

Общество есть реальность *sui generis*[18], оно имеет собственные свойства, которых нельзя найти вовсе или в той же самой форме в остальном мире. Поэтому представления, которые его выражают, имеют совершенно иное содержание, чем представления чисто индивидуальные, и заранее можно быть уверенным, что первые прибавляют кое-что ко вторым.

Даже самый способ образования тех и других ведет к их дифференцированию. Коллективные представления — продукт обширной, почти необъятной кооперации, которая развивается не только в пространстве, но и во времени. Для их создания множество различных умов сравнивали между собой, сближали и соединяли свои идеи и свои чувства, и длинные ряды поколений накопляли свой опыт и свои знания. Поэтому в них как бы сконцентрировалась весьма своеобразная умственная жизнь, бесконечно более богатая и более сложная, чем умственная жизнь индивида. Отсюда понятно, почему разум обладает спо-

---

[16] Может быть, удивятся тому, что мы не определяем априоризм как гипотезу врожденных идей, но в действительности понятие врожденности играет лишь второстепенную роль в априорической доктрине.

[17] Не нужно, однако, понимать эту несводимость абсолютным образом: мы не хотим сказать, что в эмпирических представлениях нет ничего, что не предвещало бы представлений рациональных, а равно, что в индивиде нет ничего, что не могло бы рассматриваться как проявление социальной жизни. Если опыт был бы чужд всего рационального, то разум не мог бы к нему прилагаться; точно так же, как если бы психическая природа индивида была абсолютно неспособна к социальной жизни, общество было бы невозможно. Полный анализ категорий должен, следовательно, найти, даже и в индивидуальном сознании, зародыши рациональности. Мы в дальнейшем изложении вернемся к этому вопросу. Все, что мы хотим обосновать здесь, сводится к тому, что между нерасчлененными зародышами разума и разумом в собственном смысле имеется расстояние, близкое к тому, какое отделяет свойства минеральных элементов, из которых состоит живое существо, от характеристических атрибутов жизни после ее возникновения.

[18] *Sui generis* (*лат.*) — в своем роде; своеобразный. — *Ред.-сост.*

собностью переходить за пределы эмпирического познания. Он обязан этим не какой-нибудь неизвестной мистической силе, а просто тому факту, что человек, согласно известной формуле, есть существо двойственное. В нем — два существа: существо индивидуальное, имеющее свои корни в организме и круг деятельности которого вследствие этого оказывается узко-ограниченным, и существо социальное, которое является в нем представителем наивысшей реальности интеллектуального и морального порядка, какую мы только можем познать путем наблюдения, — я разумею общество. Эта двойственность нашей природы имеет своим следствием в порядке практическом несводимость морального идеала к утилитарным побуждениям, а в порядке отвлеченной мысли — несводимость разума к индивидуальному опыту. В какой мере индивид причастен к обществу, в той же мере он естественно перерастает самого себя и тогда, когда он мыслит, и тогда, когда он действует.

Тот же социальный характер позволяет понять, откуда происходит необходимость категорий. Говорят, что идея бывает необходимой тогда, когда она, благодаря своей внутренней ценности, сама навязывается уму, не нуждаясь в каком бы то ни было доказательстве. Следовательно, в ней есть нечто принудительное, что вызывает согласие без предварительного изучения. Априоризм постулирует, но не объясняет эту своеобразную силу категорий. Сказать, что категории необходимы, потому что они неразрывно связаны с деятельностью мысли, — значит просто повторить, что они необходимы. Если же они имеют происхождение, которое мы им приписываем, то их превосходство перестает заключать в себе что-либо удивительное.

И в действительности они выражают собой наиболее общие из отношений, существующих между вещами. Превосходя своей широтой все другие понятия, они управляют всеми сторонами нашей умственной жизни. Поэтому, если бы в один и тот же период истории люди не имели однородных понятий о времени, пространстве, причине, числе и т.д., всякое согласие между отдельными умами сделалось бы невозможным, а следовательно, стала бы невозможной и всякая совместная жизнь. В силу этого общество не может упразднить категорий, заменив их частными и произвольными мнениями, не упразднивши самого себя. Чтобы иметь возможность жить, оно нуждается не только в моральном согласии, но и в известном минимуме логического единомыслия, за пределы которого нельзя было бы переступать по произволу. Вследствие этого общество всем своим авторитетом давит на своих членов и стремится предупредить появление «отщепенцев». Если же какой-нибудь ум открыто нарушает общие нормы мысли, общество перестает считать его нормальным человеческим умом и обращается с ним как с субъектом патологическим. Вот почему, если в глубине нашего сознания мы попытаемся отделаться от этих основных понятий, мы тотчас же почувствуем, что мы не вполне свободны, мы встретим непреодолимое сопротивление и внутри и вне нас. Извне — нас осудит общественное мнение, а так как общество представлено также и в нас, то оно

будет сопротивляться и здесь, противополагая наше внутреннее *Я* этим революционным покушениям, благодаря чему у нас и получится впечатление, что мы не можем упразднить категорий, не рискуя тем, что наша мысль перестанет быть истинно человеческой мыслью. Авторитет общества[19] в тесном союзе с известными видами мышления является как бы неизбежным условием всякого общего действия. Необходимость как основная черта категорий и составляет, следовательно, результаты простых навыков ума, от которых он мог бы освободиться путем соответственных усилий; она, тем не менее, может быть физической или метафизической необходимостью, так как категории изменяются сообразно времени и месту, но она есть особый вид моральной необходимости и в умственной жизни играет ту же роль, какую моральный долг играет по отношению к нашей волевой деятельности[20].

Но если категории сызначала выражают только социальные состояния, не следует ли отсюда, что они могут прилагаться к остальной природе лишь в качестве метафор? Если они возникли единственно с целью ближайшего определения социальных явлений, то могут ли они быть распространены на другие разряды фактов иначе, как условно? В силу этих соображений, за ними, когда мы их прилагаем к явлениям мира физического или биологического, не следует ли признать лишь значение искусственных символов, полезных только практически? Таким образом, мы с известной точки зрения как будто снова возвращаемся к номинализму и эмпиризму.

Но толковать так социологическую теорию познания — это значит забывать, что если общество и представляет специфическую реальность, однако оно в то же время не есть государство в государстве; оно составляет часть природы, ее наивысшее проявление. Социальное царство есть царство естественное, отличающееся от других царств природы лишь своей большей сложностью. Основные отношения между явлениями, выражаемые категориями, не могут поэтому быть существенно различными в различных царствах. Если в силу причин, которые будут исследованы нами, они и проявляются более от-

---

[19] Наблюдения показывают, что социальные волнения имели почти всегда своим следствием усиление умственной анархии. Это служит лучшим доказательством того, что логическая дисциплина есть лишь особый вид социальной дисциплины. Первая ослабляется, когда ослабляется вторая.

[20] Между этой логической необходимостью и моральном долгом есть аналогия, но нет тождества, по крайней мере в настоящее время. Теперь общество иначе обходится с преступниками, чем с субъектами, одержимыми лишь умственной ненормальностью, а это служит доказательством, что авторитет логических норм и авторитет, принадлежащий нормам моральным, несмотря на значительные сходства, имеют все же различную природу. Это два различных вида одного и того же рода. Было бы интересно исследовать, в чем состоит и откуда проистекает это различие, которое едва ли можно считать первобытным, так как в течение долгого времени общественное мнение плохо отличало помешанного от преступника. Мы ограничиваемся здесь простым указанием проблемы. Из сказанного выше видно, сколько интересных задач может возбудить анализ понятий, считающихся обычно элементарными и простыми, в действительности же являющихся в высшей степени сложными.

четливо в социальном мире, то отсюда не следует, чтобы они не существовали и в остальной природе, хотя и под более скрытыми формами. Общество делает их более очевидными, но они не являются его исключительной особенностью. Вот почему понятия, созданные по образцу и подобию социальных фактов, могут помочь нашей мысли и тогда, когда она обращена на другие явления природы. Если в силу того только, что это — понятия, построенные умом, в них имеется нечто искусственное, то мы должны сказать, что искусство здесь по пятам следует за природой и стремится все более и более слиться с нею[21]. Из того что идеи времени, пространства, рода, причины построены из социальных элементов, не следует, что они лишены всякой объективной ценности. Напротив, их социальное происхождение скорее ручается за то, что они имеют корни в самой природе вещей[22].

Обновленная таким образом теория познания кажется призванной соединить в себе положительные достоинства двух соперничающих теорий без их явных недостатков. Она сохраняет все основания начала априоризма, но в то же время вдохновляется духом того позитивизма, которому пытался служить эмпиризм. Она не лишает разум его специфической способности, но одновременно объясняет ее, не выходя за пределы наблюдаемого мира. Она утверждает как нечто реальное двойственность нашей умственной жизни, но сводит ее к ее естественным причинам. Категории перестают быть в наших глазах фактами первичными, не допускающими анализа, весьма простыми понятиями, которые первый встречный мог извлечь из своих личных наблюдений и которые, к несчастью, усложнило народное воображение; а напротив, они считаются нами ценными орудиями мысли, терпеливо созданными в течение веков общественными группами, вложившими в них лучшую часть своего умственного капитала[23]. В них как бы резюмирована каждая часть человеческой истории.

---

[21] Рационализм, свойственный социологической теории познания, занимает среднее место между эмпиризмом и классическим априоризмом. Для первого категории суть чисто искусственные построения, для второго, наоборот, они данные чисто естественные; для нас они в известном смысле произведения искусства, но искусства, подражающего природе с совершенством, способным увеличиваться безгранично.

[22] Например, в основе категории времени лежит ритм социальной жизни. Но можно быть уверенным, что есть другой ритм и в жизни индивидуальной, и в жизни вселенной. Первый лишь более ясно отмечен и более заметен, чем другие. Далее, понятие рода образовано по аналогии с человеческой группой. Но если люди образуют естественные группы, то можно предположить, что и между вещами существуют группы, одновременно и сходные, и различные. Это естественные группы вещей, составляющие роды и виды. Очень многие еще думают, что нельзя приписывать социальное происхождение категориям, не лишая их всякой теоретической ценности. Это происходит оттого, что общество еще весьма часто признается явлением неестественным. Отсюда и заключают, что представления, выражающие общество, не выражают ничего из реально существующего в природе.

[23] Потому позволительно сравнивать категории с орудиями, что и орудия суть сбереженный материальный капитал. Вообще между тремя понятиями — орудие, категория и институт — существует тесное родство.

Во всяком случае, для успешного понимания и обсуждения их необходимо прибегнуть к иным приемам, чем те, которые были в ходу до настоящего времени. Чтобы знать, как создались эти понятия, которые установлены не нами самими, недостаточно обращаться с запросами к нашему сознанию, а нужно выйти наружу, нужно наблюдать факты и изучать историю, нужно установить целую науку, науку сложную, которая может развиваться лишь медленно и только с помощью коллективной работы.

А.Н. Леонтьев

[Образующие сознания: значение, личностный смысл и чувственная ткань]*

[Значение и личностный смысл]

Значения и являются важнейшими «образующими» человеческого сознания. <...>

Значения преломляют мир в сознании человека. Хотя носителем значений является язык, но язык не демиург [созидающее начало, созидательная сила, творец. — *Ред.-сост.*] значений. За языковыми значениями скрываются общественно выработанные способы (операции) действия, в процессе которых люди изменяют и познают объективную реальность. Иначе говоря, в значениях представлена преобразованная и свернутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой. Поэтому значения сами по себе, т.е. в абстракции от их функционирования в индивидуальном сознании, столь же «не психологичны», как и та общественно познанная реальность, которая лежит за ними[1].

Значения составляют предмет изучения в лингвистике, семиотике, логике. Вместе с тем в качестве одной из «образующих» индивидуальное сознание они необходимо входят в круг проблем психологии. <...>

Исследования формирования у детей понятий и логических (умственных) операций внесли очень важный вклад в науку. Было показано, что понятия отнюдь не формируются в голове ребенка по типу образования чувственных генерических образов, а представляют собой результат процесса присвоения

---

* *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 133—137, 139—146, 148, 274—282.

[1] В данном контексте нет необходимости жестко различать понятия и словесные значения, логические операции и операции значения.

«готовых», исторически выработанных значений и что процесс этот происходит в деятельности ребенка, в условиях общения с окружающими людьми. Обучаясь выполнению тех или иных действий, он овладевает соответствующими операциями, которые в их сжатой, идеализированной форме и представлены в значении.

Само собой разумеется, что первоначально процесс овладения значениями происходит во внешней деятельности ребенка с вещественными предметами и в симпраксическом общении[2]. На ранних стадиях ребенок усваивает конкретные, непосредственно предметно отнесенные значения; впоследствии ребенок овладевает также и собственно логическими операциями, но тоже в их внешней, экстериоризированной форме — ведь иначе они вообще не могут быть коммуницированы. Интериоризуясь, они образуют отвлеченные значения, понятия, а их движение составляет внутреннюю умственную деятельность, деятельность «в плане сознания». <...>

Сознание как форма психического отражения, однако, не может быть сведено к функционированию усвоенных извне значений, которые, развертываясь, управляют внешней и внутренней деятельностью субъекта. Значения и свернутые в них операции **сами по себе**, т.е. в своей абстракции от внутренних отношений системы деятельности и сознания, вовсе не являются предметом психологии. Они становятся им, лишь будучи взяты в этих отношениях, в движении их системы. <...>

Здесь мы вплотную подходим к проблеме, которая является настоящим камнем преткновения для психологического анализа сознания. Это проблема особенностей функционирования знаний, понятий, мысленных моделей, с одной стороны, в системе отношений общества, в общественном сознании, а с другой — в деятельности индивида, реализующей его общественные связи, **в его** сознании.

Как уже говорилось, сознание обязано своим возникновением происходящему в труде выделению действий, познавательные результаты которых абстрагируются от живой целостности человеческой деятельности и идеализируются в форме языковых значений. Коммуницируясь, они становятся достоянием сознания индивидов. При этом они отнюдь не утрачивают своей абстрагированности; они несут в себе способы, предметные условия и результаты действий, независимо от субъективной мотивации деятельности людей, в которой они формируются. На ранних этапах, когда еще сохраняется общность мотивов деятельности участников коллективного труда, значения как явления индивидуального сознания находятся в отношениях прямой адекватности. Это отношение, однако, не сохраняется. Оно разлагается вместе с разложением первоначальных отношений индивидов к материальным условиям и средствам производства, возникнове-

[2] *Симпраксическое общение* — общение в процессе совместной практической деятельности, которое опосредствовано предметами (внешними объектами-вещами и орудиями). — *Ред.-сост.*

нием общественного разделения труда и частной собственности[3]. В результате общественно выработанные значения начинают жить в сознании индивидов как бы двойной жизнью. Рождается еще одно внутреннее отношение, еще одно движение значений в системе индивидуального сознания. <...>

Другая сторона движения значений в системе индивидуального сознания состоит в той особой их субъективности, которая выражается в приобретаемой ими **пристрастности**. Сторона эта, однако, открывает себя лишь при анализе внутренних отношений, связывающих значения с еще одной «образующей» сознания — *личностным смыслом*. <...>

Это особое внутреннее отношение проявляет себя в самых простых психологических фактах. Так, например, все учащиеся постарше, конечно, отлично понимают значение экзаменационной отметки и вытекающих из нее следствий. Тем не менее, отметка может выступить для сознания каждого из них существенно по-разному: скажем, как шаг (или препятствие) на пути к избранной профессии, или как способ утверждения себя в глазах окружающих, или, может быть, как-нибудь еще иначе. Вот это-то обстоятельство и ставит психологию перед необходимостью различать сознаваемое объективное значение и его значение для субъекта. Чтобы избежать удвоения терминов, я предпочитаю говорить в последнем случае о *личностном смысле*. Тогда приведенный пример может быть выражен так: значение отметки способно приобретать в сознании учащихся разный личностный смысл.

Хотя предложенное мною понимание соотношения понятий значения и смысла было неоднократно пояснено, оно все же нередко интерпретируется совершенно неправильно. По-видимому, нужно вернуться к анализу понятия личностного смысла еще раз. <...>

В обычном словоупотреблении понятие *смысла* часто не отличают от понятия *значения*. Например, говорят о смысле слова или о его значении, подразумевая в обоих случаях одно и то же. Однако понятие значения не выражает всего богатства психологического содержания, которое мы находим в сознавании «означенных» нами явлений объективной действительности.

Значение — это то обобщение действительности, которое кристаллизовано, фиксировано в чувственном носителе его, обычно в слове или в словосочетании. Это идеальная, духовная форма кристаллизации общественного опыта, общественной практики человечества. Круг представлений данного общества, его наука, сам язык его — все это суть системы значений. Итак, значение принадлежит прежде всего миру объективно-исторических идеальных явлений. Из этого и надо исходить.

Но значение существует и как факт индивидуального сознания. Человек воспринимает, мыслит мир как общественно-историческое существо, он вооружен и вместе с тем ограничен представлениями, знаниями своей эпохи, своего общества. Богатство его сознания отнюдь не сводится к богатству его личного

[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19. С. 17—48.

опыта. Человек познает мир не как Робинзон[4], делающий на необитаемом острове самостоятельные открытия. Человек в ходе своей жизни усваивает опыт человечества, опыт предшествующих поколений людей, это происходит именно в форме овладения им значениями и в меру этого овладения. Итак, значение — это та форма, в которой отдельный человек овладевает обобщенным и отраженным человеческим опытом.

Значение как факт индивидуального состояния не утрачивает, однако, своего объективного содержания и не становится вещью чисто «психологической». Конечно, то, что я мыслю, понимаю, знаю о треугольнике, может и не совпадать точно со значением «треугольник», принятым в геометрии. Но это не принципиальное различие. Значения не имеют своего существования иначе, как в сознании конкретных людей. Нет самостоятельного царства значений, нет платоновского мира идей. Следовательно, нельзя противопоставлять «геометрическому», логическому, вообще объективному значению это же значение в сознании человека как особое «психологическое» значение; отличие здесь не логического от психологического, а, скорее, общего от индивидуального. Не перестает же быть понятие понятием, как только оно становится моим понятием, разве может существовать «ничье понятие»? Это такая же абстракция, как и библейское представление о Слове, которое «**бе в начале**».

Главный же психологический вопрос о значении — это вопрос о том, каково реальное место и роль значения в психической жизни человека, что́ оно есть в его жизни.

В значении открывается человеку действительность, но особенным образом. Значение опосредствует сознавание человеком мира, поскольку он сознает мир как общественное существо, т.е. поскольку отражение им мира опирается на общественную практику и включает ее в себя.

Лист бумаги отражается в моем сознании не только как нечто прямоугольное, белое, покрытое линиями и не только как некая структура, целостная форма. Он отражается в моем сознании именно как лист бумаги, как **бумага**. Чувственные впечатления, получаемые мной от листа бумаги, определенным образом преломляются в моем сознании в силу того, что я владею соответствующим значением; в противном случае лист бумаги оставался бы для меня только чем-то белым, прямоугольным и т.д. Однако — и это принципиально очень важно, — когда я воспринимаю бумагу, я воспринимаю **эту**, **реальную бумагу**, а не значение «бумага». Интроспективно значение отсутствует в моем сознании: преломляя воспринимаемое или мыслимое, само оно при этом не воспринимается и не мыслится. Это фундаментальный психологический факт.

---

[4] Робинзон — главный герой романа английского писателя Даниэля Дефо (1660—1731) «Приключения Робинзона Крузо» (1719); Робинзон более двадцати восьми лет прожил на необитаемом острове и несмотря на это не только сохранил человеческий облик, но и прошел путь прогресссивного личностного развития. — *Ред.-сост.*

Поэтому хотя значение и может, конечно, сознаваться, но лишь в том случае, если предметом сознания является не означаемое, а само значение, например при изучении языка. Итак, психологически значение это есть обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме языкового значения, понятия, знания или даже в форме фиксированного умения, как обобщенного «образа действия», технической нормы и т. п.

Значение представляет собой отражение действительности независимо от индивидуальных отношений к ней отдельного человека; человек находит уже готовую, исторически сложившуюся систему значений и овладевает ею, так же, как он овладевает орудием, этим материальным носителем значения. Собственно психологическим фактом — фактом моей жизни — является то, что я **овладеваю** данным значением, то, насколько я им овладеваю и чем оно становится для меня, для моей личности. От чего же зависит последнее? Это зависит от того, какой **смысл** для меня имеет данное значение.

В зарубежной психологии понятие смысла разрабатывалось в очень разных направлениях. Мюллер[5] называл смыслом зачаточный образ, Бине[6] — очень проницательно — зачаточное действие; Ван-дер-Вельдт пытался экспериментально показать образование смысла как результат того, что ранее безразличный для испытуемого сигнал приобретает содержание условно связываемого с ним действия. Большинство же современных авторов идет в другом направлении, рассматривая понятие смысла лишь в связи с языком. Полан определяет смысл как совокупность всех психических явлений, вызываемых в сознании словом, Титченер[7] — как сложное контекстное значение, а Бартлетт[8] — более точно — как значение, создаваемое «целостностью» ситуации, очень многие — как конкретизацию значения, как результат, продукт процесса «означения».

Таким образом, эти психологические взгляды рассматривали смысл как то, что создается в индивидуальном сознании значением. Но значение принадлежит кругу явлений идеальных, явлений общественного сознания. Выходит, что смысл, как и значение, определяется сознанием же, но только сознанием общественным. Поэтому внесение в психологию понятия смысла в такой его интерпретации приводит к тому, что индивидуальное сознание человека остается отделенным от его реальной жизни.

Принципиально иначе раскрывается понятие смысла при подходе к сознанию, исходящему из анализа самой жизни, из анализа отношений, характеризующих взаимодействие реального субъекта с окружающим его реальным миром.

---

[5] Мюллер (*Müller*) Иоганнес (1801—1858) — немецкий физиолог и анатом; считается основателем современной физиологии. — *Ред.-сост.*

[6] Бине (*Binet*) Альфред (1857—1911) — французский психолог. — *Ред.-сост.*

[7] Титченер (*Titchener*) Эдуард Брэдфорд (1867—1927) — англо-американский психолог, ученик Вундта. — *Ред.-сост.*

[8] Бартлетт (*Bartlett*) Фредерик Чарлз (1886—1969) — английский психолог. — *Ред.-сост.*

При таком подходе смысл выступает в сознании человека как то, что непосредственно отражает и несет в себе его собственные жизненные отношения.

Конкретно-психологически сознательный смысл создается отражающимся в голове человека объективным отношением того, что побуждает его действовать, к тому, на что его действие направлено как на свой непосредственный результат. Другими словами, смысл выражает отношение мотива деятельности к непосредственной цели действия. Необходимо только подчеркнуть, что мотив нужно понимать не как переживание самой потребности, но как то объективное, в чем эта потребность находит себя в данных условиях, что делает ее предметной и поэтому направляющей деятельность к **определенному** результату.

Смысл — это всегда смысл чего-то. Не существует «чистого» смысла. Поэтому субъективно смысл как бы принадлежит самому переживаемому содержанию, кажется входящим в **значение**. Это, кстати сказать, и создавало то крупнейшее недоразумение в психологии и психологизирующей лингвистике, которое выражалось либо в полном неразличении этих понятий, либо в том, что смысл рассматривался как конкретизированное в зависимости от контекста или ситуации значение. В действительности же, хотя смысл и значение интроспективно кажутся слитыми в сознании, они все же имеют разную основу, разное происхождение и изменяются по разным законам[9]. Они внутренне связаны друг с другом, но только отношением, обратным вышеуказанному: скорее, смысл конкретизируется в значениях (как мотив — в целях), а не значения — в смысле.

Смысл отнюдь не содержится потенциально в значении и не может возникнуть в сознании из значения. Смысл порождается не значением, а жизнью.

В некоторых случаях несовпадение смысла и значения в сознании выступает особенно ясно. Я могу, например, очень глубоко, многосторонне и совершенно понимать, что такое смерть, понимать ее неизбежность для человека, быть совершенно убежденным в ее неизбежности для себя лично, я могу, наконец, детально знать биологическую природу этого процесса. Иначе говоря, я могу полностью владеть соответствующим знанием, значением. Как, однако, различно может выступать для меня это значение! По отношению к себе самому понимание неизбежности смерти может как бы вовсе не иметь для меня смысла: не входить в мою жизнь, ни в чем реально ее не изменять — ни на йоту [нисколько, ничуть. — *Ред.-сост.*], ни на одно мгновение. И в начале своей жизни человек обычно действительно ведет себя так, как если бы жизнь длилась целую вечность. Но вот что-то меняется в его жизни, или, быть может, жизнь его подходит к концу, и тот же человек рассчитывает теперь оставшиеся ему годы, даже месяцы, спешит довести до конца выполнение одних своих намерений, отказывается вовсе от других. Можно сказать, что его сознание смерти сделалось иным. Изменилось

[9] Я не имею здесь возможности остановиться на этом важном вопросе подробнее; равным образом, я оставляю в стороне и вопрос о собственно физиологическом механизме смыслообразования.

ли, однако, увеличилось ли его знание, стало ли иным в его сознании самое понятие, *значение* смерти? Нет. Изменился его **смысл** для человека.

В этом примере ясно выступает также и отличие смысла от эмоциональной окрашенности переживания значения, от его субъективного фона. Как раз в первом случае представление смерти может, наоборот, и не вызывать сколько-нибудь сильных эмоциональных переживаний[10].

Ясное различение смысла и значения особенно важно для психологии потому, что их отношение не остается неизменным, но меняется в ходе исторического развития, образуя различные формации сознания, различные типы его строения[11].

Сознание как отношение к миру психологически раскрывается перед нами именно как система смыслов, а особенности его строения — как особенности отношения смыслов и значений. Развитие смыслов — это продукт развития мотивов деятельности; развитие же самих мотивов деятельности определяется развитием реальных отношений человека к миру, обусловленных объективно-историческими условиями его жизни. Сознание как отношение — это и есть смысл, какой имеет для человека действительность, отражающаяся в его сознании. Следовательно, сознательность знаний характеризуется именно тем, какой смысл приобретают они для человека. <...>

Итак, то, **что** я актуально сознаю, то, **как** я это сознаю, какой смысл имеет для меня сознаваемое, определяется мотивом деятельности, в которую включено данное мое действие. Поэтому вопрос о смысле есть всегда вопрос о мотиве.

Допустим, я читаю учебник анатомии. Ясно ли, понятно ли, что я делаю? И да, и нет. Понятна цель, которую я преследую: конечно, я читаю учебник анатомии, чтобы изучить анатомию. Понятно также значение того, что я делаю. И все же мое действие может остаться непонятным — непонятным именно **психологически**. Чтобы действительно понять его, меня спрашивают: какой мне смысл учить анатомию? Но ответить на вопрос о смысле можно только указанием на мотив. Поэтому я говорю: «Мне это нужно в связи с моими исследованиями». Этим я и объясняю, чтó для меня есть данное действие (или целая система, целая цепь действий), т.е. какой имеет оно смысл.

Но, может быть, я сказал неправду. Может быть, я это делаю потому, что я хочу вернуться к профессии врача и **поэтому** восстанавливаю свои медицинские знания; тогда мое действие имеет совсем другой, в силу каких-то скрываемых мною обстоятельств, смысл.

---

[10] Нельзя попутно не отметить, что различение в сознании смысловой сферы и сферы значений оправдывается и современными патопсихологическими данными. Так, можно считать установленным, что, в то время как поражение затылочно-теменных систем коры головного мозга приводит к распаду значений и соответствующих им интеллектуальных операций, поражение переднелобных (префронтальных) систем связано как бы со смысловым опустошением личности больного. Таким образом, обе эти различные сферы представлены и совершенно разными кортикальными структурами.

[11] См.: *Леонтьев А.Н.* Очерк развития психики. М.: ВНИИС, 1946.

Смысл действия меняется вместе с изменением его мотива. По своему объективному содержанию действие может остаться почти тем же самым, но если оно приобрело новый мотив, то психологически оно стало уже иным. Оно иначе протекает, иначе развивается, ведет к совсем другим субъективно следствиям, оно занимает другое место в жизни личности.

Кстати, так называемая практическая психология — та психология, которой «ненаучно» пользуется следователь, писатель и вообще человек, о котором говорят, что он «хорошо понимает людей», есть прежде всего психология смысла, ее неосознанный метод заключается именно в раскрытии смысла человеческих действий. Поэтому-то она так личностна, так конкретна и так **по-настоящему** жизненна.

Анализ, ведущий к действительному раскрытию смысла, не может ограничиваться поверхностным наблюдением. Это — психологический анализ со всеми присущими ему трудностями. Уже самое первое необходимое различение — различение действия и деятельности — требует проникновения во внутреннее содержание процесса. Ведь из самого процесса не видно, какой это процесс — действие или деятельность? Часто для того, чтобы это выяснить, требуется активное исследование: обосновывающее наблюдение, предположение, воздействие-поверка.

То, на что направлен данный процесс, может казаться побуждающим его, составляющим его мотив; если это так, то это — деятельность. Но этот же процесс может побуждаться совсем другим мотивом, вовсе не совпадающим с тем, на что он направлен как на свой результат; тогда это — действие. И может случиться так, что в первом случае процесс этот будет выражать возвышеннейшее чувство, во втором — коварство.

Одно и то же действие, осуществляя разные отношения, т.е. входя в разномотивированные деятельности, психологически меняется: оно приобретает разный смысл. Но это значит также, что и актуально сознаваемое субъектом данного действия предметное содержание сознается им иначе. Поэтому единственный путь подлинного конкретно-психологического исследования сознания есть путь смыслового анализа — путь анализа мотивации, в развитии которой и выражается с субъективной стороны развитие психической жизни человека. <...>

Чувственная ткань сознания

Развитое сознание индивидов характеризуется своей психологической многомерностью.

В явлениях сознания мы обнаруживаем прежде всего их чувственную ткань. Эта ткань и образует чувственный состав конкретных образов реальности, актуально воспринимаемой или всплывающей в памяти, относимой к будущему или даже только воображаемой. Образы эти различаются по своей модальности, чувственному тону, степени ясности, большей или меньшей устойчивости и т.д.

Обо всем этом написаны многие тысячи страниц. Однако эмпирическая психология постоянно обходила важнейший с точки зрения проблемы сознания вопрос: о той особой функции, которую выполняют в сознании его чувственные элементы. Точнее, этот вопрос растворялся в косвенных проблемах, таких, как проблема осмысленности восприятия или проблема роли речи (языка) в обобщении чувственных данных.

Особая функция чувственных образов сознания состоит в том, что они придают реальность сознательной картине мира, открывающейся субъекту. Что, иначе говоря, именно благодаря чувственному содержанию сознания мир выступает для субъекта как существующий не в сознании, а **вне** его сознания — как объективное «поле» и объект его деятельности. <...>

Системный анализ сознания требует исследовать «образующие» сознания в их внутренних отношениях, порождаемых развитием форм связи субъекта с действительностью, и, значит, прежде всего, со стороны той функции, которую каждое из них выполняет в процессах презентирования (представленности) субъекту картины мира.

Чувственные содержания, взятые в системе сознания, не открывают прямо своей функции, субъективно она выражается лишь косвенно — в безотчетном переживании «чувства реальности». Однако она тотчас обнаруживает себя, как только возникает нарушение или извращение рецепции внешних воздействий. Так как свидетельствующие об этом факты имеют для психологии сознания принципиальное значение, то я приведу некоторые из них.

Очень яркое проявление функции чувственных образов в сознании реального мира мы наблюдали в исследовании восстановления предметных действий у раненых минеров, полностью ослепших и одновременно потерявших кисти обеих рук. Так как у них была произведена восстановительная хирургическая операция, связанная с массивным смещением мягких тканей предплечий, то они утрачивали также и возможность осязательного восприятия предметов руками (явление асимболии). Оказалось, что при невозможности зрительного контроля эта функция у них не восстанавливалась, соответственно у них не восстанавливались и предметные ручные движения. В результате через несколько месяцев после ранения у больных появлялись необычные жалобы: несмотря на ничем не затрудненное речевое общение с окружающими и при полной сохранности умственных процессов, внешний предметный мир постепенно становился для них «исчезающим». Хотя словесные понятия (значения слов) сохраняли у них свои логические связи, они, однако, постепенно утрачивали свою предметную отнесенность. Возникала поистине трагическая картина разрушения у больных чувства реальности. «Я обо всем как читал, а не видел... Вещи от меня все дальше» — так описывает свое состояние один из ослепших ампутантов. Он жалуется, что когда с ним здороваются, «то как будто и человека нет»[12].

---

[12] *Леонтьев А.Н., Запорожец А.В.* Восстановление движения. М., 1945. С. 75.

Сходные явления потери чувства реальности наблюдаются и у нормальных испытуемых в условиях искусственной инверсии зрительных впечатлений. Еще в конце прошлого столетия Страттон[13] в своих классических опытах с ношением специальных очков, переворачивающих изображение на сетчатке, отмечал, что при этом возникает переживание нереальности воспринимаемого мира[14]. <...>

Я мог привести здесь лишь немногие данные, касающиеся того особенного вклада, который чувственность вносит в индивидуальное сознание; были, например, вовсе опущены некоторые важные факты, полученные в условиях длительной сенсорной депривации[15,16]. Но и сказанного достаточно, чтобы поставить вопрос, центральный для дальнейшего анализа рассматриваемой проблемы.

Глубокая природа психических чувственных образов состоит в их предметности, в том, что они порождаются в процессах деятельности, практически связывающей субъекта с внешним предметным миром. Как бы ни усложнялись эти связи и реализующие их формы деятельности, чувственные образы сохраняют свою изначальную предметную отнесенность.

Конечно, когда мы сопоставляем с огромным богатством познавательных результатов мыслительной человеческой деятельности те вклады, которые непосредственно вносит в него наша чувственность, то прежде всего бросается в глаза их крайняя ограниченность, почти ничтожность; к тому же обнаруживается, что чувственные впечатления постоянно вступают в противоречие с более полным знанием. Отсюда и возникает идея, что чувственные впечатления служат лишь толчком, приводящим в действие наши познавательные способности, и что образы предметов порождаются внутренними мыслительными — бессознательными или сознательными — операциями, что, иначе говоря, мы не воспринимали бы предметного мира, если бы не мыслили его. Но как могли бы мы мыслить этот мир, если бы он изначально не открывался нам именно в своей чувственно данной предметности?

---

[13] Страттон (*Stratton*) Джордж Малколм (1865—1957) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[14] См.: *Stratton M.* Some preliminary experiments in vision without inversion of the retinal image // Psychological Review. 1897. № 4.

[15] *Сенсорная депривация* — естественная или экспериментальная ситуация, в которой значительно сокращена стимуляция органов чувств. — *Ред.-сост.*

[16] См.: *Solomon Ph., Kubzansky P. et al.* Physiological and Psychological aspects of sensory deprivation // Sensory deprivation. Cambridge (Mass), 1965.

2 *Социализация индивида. Высшие психические функции: понятие и основные характеристики*

Л.С. Выготский

Инструментальный метод в психологии*

1. В поведении человека встречается целый ряд искусственных приспособлений, направленных на овладение собственными психическими процессами. Эти приспособления по аналогии с техникой могут быть по справедливости условно названы психологическими орудиями или инструментами (по терминологии Э. Клапареда[1] — внутренняя техника, по Р. Турнвальду — *modus operandi* [способ действия (*лат.*) — *Ред.-сост.*]).

2. Эта аналогия, как всякая другая, не может быть проведена до самого конца, до полного совпадения всех признаков обоих понятий; поэтому заранее нельзя ожидать, что в этих приспособлениях мы найдем все до одной черты орудия труда. Для своего оправдания аналогия эта может быть верна в основном, центральном, наиболее существенном признаке двух сближаемых понятий. Таким решающим признаком является роль этих приспособлений в поведении, аналогичная роли орудия в труде.

3. Психологические орудия — искусственные образования; по своей природе они суть социальные, а не органические или индивидуальные приспособления; они направлены на овладение процессами — чужого или своего так, как техника направлена на овладение процессами природы.

4. Примерами психологических орудий и их сложных систем могут служить язык, различные формы нумерации и счисления, мнемотехнические приспособления, алгебраическая символика, произведения искусства, письмо, схемы, диаграммы, карты, чертежи, всевозможные условные знаки и т.д.

5. Будучи включено в процесс поведения, психологическое орудие так же видоизменяет все протекание и всю структуру психических функций, определяя своими свойствами строение нового инструментального акта, как техническое

---

* *Выготский Л.С.* Инструментальный метод в психологии // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1982. Т. 1. С. 103—108.

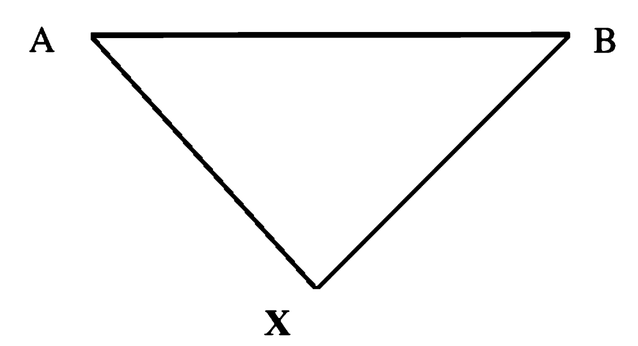
[1] Клапаред (*Claparède*) Эдуар (1873—1940) — швейцарский психолог. — *Ред.-сост.*

орудие видоизменяет процесс естественного приспособления, определяя форму трудовых операций.

6. Наряду с естественными (натуральными) актами и процессами поведения следует различать искусственные, или инструментальные, функции и формы поведения. Первые возникли и сложились в особые механизмы в процессе эволюционного развития и общи у человека и высших животных; вторые составляют позднее приобретение человечества, продукт исторического развития и специфически человеческую форму поведения. В этом смысле Т. Рибо[2] называл непроизвольное внимание естественным, а произвольное — искусственным, видя в нем продукт исторического развития (ср. взгляд П.П. Блонского[3]).

7. Искусственные (инструментальные) акты не следует представлять себе как сверхъестественные или надъестественные, строящиеся по каким-то новым, особым законам. Искусственные акты суть те же естественные, они могут быть без остатка, до самого конца разложены и сведены к этим последним, как любая машина (или техническое орудие) может быть без остатка разложена на систему естественных сил и процессов.

Искусственной является комбинация (конструкция) и направленность, замещение и использование этих естественных процессов. Отношение инструментальных и естественных процессов может быть пояснено следующей схемой — треугольником.

При естественном запоминании устанавливается прямая ассоциативная (условно-рефлекторная) связь *А—В* между двумя стимулами *А* и *В*; при искусственном мнемотехническом запоминании того же впечатления при помощи психологического орудия *X* (узелок на платке, мнемическая схема) вместо этой прямой связи *А—В* устанавливаются две новые: *А—X* и *X—В*; каждая из них является таким же естественным условно-рефлекторным процессом, обусловленным свойствами мозговой ткани, как и связь *А—В*; новым, искусственным, инструментальным является факт замещения одной связи *А—В* двумя: *А—X* и *X—В*, — ведущими к тому же результату, но другим путем; новым является искусственное направление, данное посредством инструмента естественному

[2] Рибо (*Ribot*) Теодюль А. (1839—1916) — французский психолог. — *Ред.-сост.*

[3] Блонский Павел Петрович (1884—1941) — психолог, историк философии и педагог. — *Ред.-сост.*

процессу замыкания условной связи, т.е. активное использование естественных свойств мозговой ткани.

8. Этой схемой поясняется сущность инструментального метода и своеобразие устанавливаемой им точки зрения на поведение и его развитие. Метод этот не отрицает ни одного естественно-научного метода изучения поведения и нигде не пересекается с ним. Можно один раз взглянуть на поведение человека как на сложную систему естественных процессов и стремиться достигнуть законов, управляющих ими, как можно действие любой машины рассматривать в качестве системы физических и химических процессов. Можно другой раз взглянуть на поведение человека с точки зрения использования им своих естественных психических процессов и способов этого использования и стремиться постигнуть, как человек использует естественные свойства своей мозговой ткани и овладевает происходящими в ней процессами.

9. Инструментальный метод выдвигает новую точку зрения на отношение между актом поведения и внешним явлением. Внутри общего отношения стимул — реакция (раздражитель — рефлекс), выдвигаемого естественно-научными методами в психологии, инструментальный метод различает двоякое отношение, существующее между поведением и внешним явлением: внешнее явление (стимул) может играть в одном случае роль объекта, на который направлен акт поведения, разрешающий ту или иную стоящую перед личностью задачу (запомнить, сравнить, выбрать, оценить, взвесить что-либо и т.п.), в другом случае — роль средства, при помощи которого мы направляем и осуществляем необходимые для разрешения задачи психологические операции (запоминания, сравнения, выбора и т.п.). В обоих случаях психологическая природа отношения между актом поведения и внешним стимулом существенно и принципиально разная, и в обоих случаях стимул совершенно по-разному, совершенно своеобразным способом определяет, обусловливает и организует поведение. В первом случае правильно было бы стимул называть объектом, а во втором — психологическим орудием инструментального акта.

10. Величайшим своеобразием инструментального акта, раскрытие которого лежит в основе инструментального метода, является одновременное наличие в нем стимулов обоего порядка, т.е. сразу объекта и орудия, из которых каждый играет качественно и функционально различную роль. В инструментальном акте, таким образом, между объектом и направленной на него психической операцией вдвигается новый средний член — психологическое орудие, становящееся структурным центром или фокусом, т.е. моментом, функционально определяющим все процессы, образующие инструментальный акт. Всякий акт поведения становится тогда интеллектуальной операцией.

11. Включение орудия в процесс поведения, во-первых, вызывает к деятельности целый ряд новых функций, связанных с использованием данного орудия и с управлением им; во-вторых, отменяет и делает ненужным целый ряд естественных процессов, работу которых выполняет орудие; в-третьих, ви-

доизменяет протекание и отдельные моменты (интенсивность, длительность, последовательность и т.п.) всех входящих в состав инструментального акта психических процессов, замещает одни функции другими, т.е. пересоздает, перестраивает всю структуру поведения совершенно так же, как техническое орудие пересоздает весь строй трудовых операций. Психические процессы, взятые в целом, образующие некоторое сложное единство, структурное и функциональное, по направленности на разрешение задачи, поставленной объектом, и по согласованности и способу протекания, диктуемому орудием, образуют новое целое — инструментальный акт.

12. Взятый со стороны естественно-научной психологии, весь состав инструментального акта может быть без остатка сведен к системе стимулов — реакций; природу инструментального акта как целого определяет своеобразие его внутренней структуры, важнейшие моменты которой перечислены выше (стимул — объект и стимул — орудие, пересоздание и комбинирование реакций при помощи орудия). Инструментальный акт для естественно-научной психологии — это сложное по составу образование (система реакций), синтетическое целое и вместе с тем простейший отрезок поведения, с которым имеет дело исследование, элементарная единица поведения с точки зрения инструментального метода.

13. Существеннейшее отличие психологического орудия от технического — направленность его действия на психику и поведение, в то время как техническое орудие, будучи тоже вдвинуто как средний член между деятельностью человека и внешним объектом, направлено на то, чтобы вызвать те или иные изменения в самом объекте; психологическое орудие ничего не меняет в объекте; оно есть средство воздействия на самого себя (или другого) — на психику, на поведение, а не средство воздействия на объект. В инструментальном акте проявляется, следовательно, активность по отношению к себе, а не к объекту.

14. В своеобразной направленности психологического орудия нет ничего противоречащего самой природе этого понятия, так как в процессе деятельности и труда человек по отношению к данному природой веществу «сам противостоит как сила природы»[4]; в этом процессе, действуя на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет и свою собственную природу и действует на нее — делает себе подвластной работу своих естественных сил. Подчинение себе и этой «силы природы», т.е. своего собственного поведения, есть необходимое условие труда. В инструментальном акте человек овладевает собой извне — через психологические орудия.

15. Само собой разумеется, что тот или иной стимул становится психологическим орудием не в силу его физических свойств, которые используются в техническом орудии (твердость стали и пр.); в инструментальном акте используются психологические свойства внешнего явления, стимул становится психологиче-

[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 188.

ским орудием в силу использования его как средства воздействия на психику и поведение. Поэтому всякое орудие является непременно стимулом: если бы оно не было стимулом, т.е. не обладало способностью воздействия на поведение, оно не могло бы быть и орудием. Но не всякий стимул является орудием.

16. Применение психологических орудий повышает и безмерно расширяет возможности поведения, делая доступными для всех результаты работы гениев (ср. историю математики и других наук).

17. Инструментальный метод по самому существу метод историко-генетический. В исследование поведения он вносит историческую точку зрения: поведение может быть понято только как история поведения (П.П. Блонский). Главными областями исследования, где может быть с успехом применен инструментальный метод, являются: а) область социально-исторической и этнической психологии, изучающей историческое развитие поведения, отдельные его ступени и формы; б) область исследования высших, исторически сложившихся психических функций — высших форм памяти (ср. мнемотехнические исследования), внимания, словесного или математического мышления и т.п.; в) детская и педагогическая психология. Инструментальный метод не имеет ничего общего (кроме названия) с теорией инструментальной логики Дж. Дьюи[5] и других прагматистов.

18. Инструментальный метод изучает ребенка не только развивающегося, но и воспитуемого, видя в этом существенное отличие истории человеческого детеныша. Воспитание же может быть определено как искусственное развитие ребенка. Воспитание есть искусственное овладение естественными процессами развития. Воспитание не только влияет на те или иные процессы развития, но перестраивает самым существенным образом все функции поведения.

19. Если теория естественной одаренности (А. Бине[6]) стремится уловить процесс естественного развития ребенка, не зависящего от школьного опыта и влияний воспитания, т.е. изучает ребенка независимо от того, школьником какой ступени он является, то теория школьной пригодности или одаренности стремится уловить только процесс школьного развития, т.е. изучить школьника на данной ступени независимо от того, каким ребенком он является. Инструментальный метод изучает процесс естественного развития и воспитания как единый сплав, задаваясь целью раскрыть, как перестраиваются все естественные функции данного ребенка на данной ступени воспитания. Инструментальный метод стремится представить историю того, как ребенок в процессе воспитания проделывает то, что человечество проделало в течение длинной истории труда, т.е. «изменяет свою собственную природу ... развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»[7]. Если первая методика

[5] Дьюи (*Dewey*) Джон (1859—1952) — американский философ, педагог и психолог. — *Ред.-сост.*

[6] Бине (*Binet*) Альфред (1857—1911) — французский психолог. — *Ред.-сост.*

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 188—189.

изучает ребенка независимо от школьника, вторая — школьника независимо от других его особенностей как ребенка, то третья изучает данного ребенка как школьника.

Развитие многих естественных психических функций в детском возрасте (памяти, внимания) или не наблюдается в сколько-нибудь заметном размере вовсе, или имеет место в столь незначительном объеме, что за его счет никак не может быть отнесена вся огромная разница между соответствующей деятельностью ребенка и взрослого. В процессе развития ребенок вооружается и перевооружается различнейшими орудиями; ребенок старшей ступени отличается от ребенка младшей ступени еще степенью и характером своего вооружения, своим инструментарием, т.е. степенью овладения собственным поведением. Основными эпохами развития являются безъязычный и языковый периоды.

20. Различие в детских типах развития (одаренность, дефективность) в большой степени оказывается связанным с типом и характером инструментального развития. Неумение использовать свои естественные функции и овладение психологическими орудиями существенно определяют весь тип детского развития.

21. Исследование данного состояния и структуры поведения ребенка требует раскрытия его инструментальных актов и учета перестройки естественных функций, входящих в данный акт. Инструментальный метод есть способ исследования поведения и его развития при помощи раскрытия психологических орудий в поведении и создаваемой ими структуры инструментальных актов.

22. Овладение психологическим орудием и при его посредстве собственной естественной психической функцией всякий раз поднимает данную функцию на высшую ступень, увеличивает и расширяет ее деятельность, пересоздает ее структуру и механизм. Естественные психические процессы не устраняются при этом, они вступают в комбинацию с инструментальным актом, но они оказываются функционально зависимыми в своем строении от применяемого инструмента.

23. Инструментальный метод дает принцип и способ психологического изучения ребенка; этот метод может использовать любую методику, т.е. технический прием исследования: эксперимент, наблюдение и т.д.

24. Примерами применения инструментального метода могут служить произведенные автором и по его почину исследования памяти, счета, образования понятий у детей школьного возраста.

Л.С. Выготский

[Две линии психического развития]*

...Мы должны, прежде всего, установить, какое конкретное содержание скрывается за словами «развитие высших психических функций» и каков, следовательно, непосредственный предмет нашего исследования.

Понятие «развитие высших психических функций» и предмет нашего исследования охватывают две группы явлений, которые на первый взгляд кажутся совершенно разнородными, а на деле представляют две основные ветви, два русла развития высших форм поведения, неразрывно связанных, но не сливающихся никогда воедино. Это, во-первых, процессы овладения внешними средствами культурного развития и мышления — языком, письмом, счетом, рисованием; во-вторых, процессы развития специальных высших психических функций, не отграниченных и не определенных сколько-нибудь точно и называемых в традиционной психологии произвольным вниманием, логической памятью, образованием понятий и т.д. Те и другие, взятые вместе, и образуют то, что мы условно называем процессом развития высших форм поведения ребенка.

В сущности, как мы видели, в таком понимании проблема развития высших форм поведения вовсе не была осознана детской психологией как особая проблема. Она полностью отсутствует в современной системе детской психологии как единая и особая область исследования и изучения. Она рассеяна по частям в самых разных главах детской психологии. Но и каждая из двух основных частей нашей проблемы в отдельности — развитие речи, письма, рисования ребенка и развитие высших психических функций в собственном смысле этого слова, — как мы видели, не могла получить адекватного разрешения в детской психологии.

Это объясняется в основном следующим. Детская психология до сих пор не овладела той несомненной истиной, что следует различать две по существу различные линии в психическом развитии ребенка. Детская психология до сих пор, говоря о развитии поведения ребенка, не знает, о какой из двух линий раз-

---

* *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. С. 24—36, 146—148.

вития идет речь, и смешивает обе линии, принимая это смешение — продукт недифференцированного научного понимания сложного процесса — за реальное единство и простоту самого процесса. Проще говоря, детская психология до сих пор продолжает считать процесс развития поведения ребенка простым, в то время как на деле он оказывается сложным. Здесь, несомненно, заложен источник всех главных заблуждений, ложных истолкований и ошибочных постановок проблемы развития высших психических функций. Уяснение положения о двух линиях психического развития ребенка — необходимая предпосылка всего нашего исследования и всего дальнейшего изложения.

Поведение современного культурного взрослого человека, если оставить в стороне проблему онтогенеза, проблему детского развития, является результатом двух различных процессов психического развития. С одной стороны, процесс биологической эволюции животных видов, приведший к возникновению вида *Homo sapiens* [человек разумный (*лат.*). — *Ред.-сост.*]; с другой — процесс исторического развития, путем которого первобытный примитивный человек превратился в культурного. Оба процесса — биологического и культурного развития поведения — представлены в филогенезе раздельно как самостоятельные и независимые линии развития, составляющие объект отдельных, самостоятельных психологических дисциплин.

Все своеобразие, вся трудность проблемы развития высших психических функций ребенка заключаются в том, что обе эти линии в онтогенезе слиты, реально образуют единый, хотя и сложный процесс. Именно поэтому детская психология до сих пор не осознала своеобразия высших форм поведения, в то время как этническая психология (психология примитивных народов) и сравнительная психология (биологическая эволюционная психология), имеющие дело с одной из двух линий филогенетического развития поведения, давно осознали каждая свой предмет. Представителям этих наук никогда не придет на ум отождествлять оба процесса, считать развитие от примитивного человека до культурного простым продолжением развития от животного до человека или сводить культурное развитие поведения к биологическому. А между тем именно это совершается на каждом шагу в детской психологии.

Поэтому мы должны обратиться к филогенезу, не знающему объединения и слияния обеих линий, для того чтобы распутать сложный узел, образовавшийся в детской психологии. Мы должны сказать, что делаем это не только в интересах более отчетливого и полного выражения основной мысли нашего очерка, но и в интересах самого исследования, более того, в интересах всего учения о развитии высших форм поведения в онтогенетическом аспекте. Выяснение основных понятий, с помощью которых впервые только становится возможной постановка проблемы развития высших психических функций ребенка, постановка, адекватная самому предмету, должна опираться при настоящем уровне наших знаний в этом вопросе на анализ того, как развивалась психика человека на последовательных ступенях исторического развития.

Само собой разумеется, что опираться на эти данные отнюдь не значит переносить их непосредственно в учение об онтогенезе: ни на одну минуту нельзя забывать своеобразие, возникающее вследствие слияния двух различных линий развития в онтогенезе. Это — центральный, всеопределяющий факт. Мы всегда должны иметь его в виду, даже тогда, когда оставляем его на время как будто в стороне, чтобы в филогенезе более ясно разглядеть обе линии в отдельности.

На биологическом развитии — от простейших животных до человека — можно сейчас не останавливаться. Эволюционная идея в ее приложении к психологии достаточно усвоена и настолько вошла в общее сознание, что нуждается скорее в упоминании, чем в разъяснении. Вместе с эволюцией животных видов эволюционировало и поведение; этого напоминания совершенно достаточно в той связи, которая занимает нас сейчас. Мы, правда, многого еще не знаем из области сравнительной психологии; многие звенья эволюционной цепи еще не известны науке, в частности, наиболее близкие к человеку звенья частью вовсе исчезли, выпали из цепи, частью недостаточно еще изучены, чтобы мы могли с исчерпывающей полнотой представить себе картину биологического развития поведения. Но все же в основных чертах эта картина нам понятна, а в последнее время, благодаря исследованию высшей нервной деятельности методом условных рефлексов и открытию зачатков интеллекта и употребления орудий у человекоподобных обезьян, биологические корни поведения человека и генетические предпосылки его предстали перед нашими глазами в новом и достаточно ясном свете.

Сложнее дело обстоит с другой линией в развитии поведения человека, начинающейся там, где линия биологической эволюции прекращается, — линией исторического или культурного развития поведения, линией, соответствующей всему историческому пути человечества от первобытного, полуживотного человечества до современной нам культуры. Мы не станем касаться этого поучительнейшего для нашей проблемы вопроса сколько-нибудь подробно и полно, так как это увело бы нас слишком далеко в сторону от непосредственного предмета изучения — от ребенка, и ограничимся только некоторыми наиболее важными моментами, характеризующими новый и для детской психологии совершенно неизвестный путь и тип развития.

Достаточно общеизвестно коренное и принципиальное отличие исторического развития человечества от биологической эволюции животных видов, и мы можем снова ограничиться только упоминанием, для того чтобы иметь право сделать совершенно ясный и бесспорный вывод: насколько отлично историческое развитие человечества от биологической эволюции животных видов, настолько же, очевидно, должны различаться между собой культурный и биологический типы развития поведения, так как тот и другой процессы составляют часть более общих процессов — истории и эволюции. Итак, перед нами процесс психического развития *sui generis*, процесс особого рода.

Основным и всеопределяющим отличием этого процесса от эволюционного надо считать то обстоятельство, что развитие высших психических функций

происходит без изменения биологического типа человека, в то время как изменение биологического типа является основой эволюционного типа развития. Как известно и как неоднократно указывалось, эта черта составляет и общее отличие исторического развития человека. При совершенно изменившемся типе приспособления у человека на первый план выступает развитие его искусственных органов — орудий, а не изменение органов и строения тела.

Совершенно особое и исключительное значение это положение о развитии без изменения биологического типа приобретает в психологии, ибо, с одной стороны, до сих пор недостаточно выяснен вопрос о том, какова непосредственная зависимость высших форм поведения, высших психических процессов от структуры и функций нервной системы и, следовательно, в каком объеме и, главное, в каком смысле возможно вообще изменение и развитие высших психических функций без соответствующего изменения или развития нервной системы и мозга. С другой стороны, возникает совершенно новый и для психологии до сих пор роковой вопрос: мы говорим обычно, что у человека благодаря особенностям его приспособления (употребление орудий, трудовая деятельность) развитие искусственных органов заступает место развития естественных органов; но *что* заступает место органического развития нервной системы в психическом развитии, что вообще мы имеем в виду, когда говорим о развитии высших психических функций без изменения биологического типа?

Мы знаем, что каждый животный вид имеет свойственный ему и отличающий его тип поведения, соответствующий его органической структуре и функциям. Мы знаем, далее, что каждый решительный шаг в биологическом развитии поведения совпадает с изменениями в структуре и функциях нервной системы. Мы знаем, что развитие мозга шло, в общем, путем надстройки новых этажей над более древними; что, следовательно, древний мозг у всех низших животных устроен одинаково, что каждая новая ступень в развитии высших психических функций возникает вместе с надстройкой нового этажа в центральной нервной системе. Достаточно напомнить роль и значение коры полушария большого мозга как органа замыкания условных рефлексов, чтобы проиллюстрировать связь между каждой новой ступенью в развитии высших психических функций и новым этажом в развитии мозга. Это основной факт.

Но примитивный человек не обнаруживает никаких существенных отличий в биологическом типе, отличий, за счет которых можно было бы отнести все огромное различие в поведении. Как согласно показывают новейшие исследования, это одинаково относится и к самому примитивному человеку из живущих сейчас племен, которому, по выражению одного из исследователей[1] должен быть присвоен полный титул человека, и к доисторическому человеку более близкой к нам эпохи, о котором мы знаем, что и он не обнаруживает столь заметного соматического отличия, которое оправдывало бы отнесение его к низшей категории

[1] Вероятно, имеется в виду один из первых исследователей первобытного мышления Л. Леви-Брюль.

человечества. И в том и в другом случае мы имеем дело, по словам того же исследователя, с полноценным человеческим типом, только более примитивным.

Все исследования подтверждают это положение и показывают, что существенных отличий в биологическом типе примитивного человека, которые могли бы обусловить различие в поведении примитивного и культурного человека, нет. Все элементарные психические и физиологические функции — восприятия, движения, реакции и т.д. — не обнаруживают никаких уклонений по сравнению с тем, что нам известно о тех же функциях у культурного человека. Это столь же основной факт для психологии примитивного человека, для исторической психологии, как обратное положение — для биологической.

Возникают два предположения, которые мы должны сразу же отбросить без рассмотрения, одно — как явно несостоятельное и давно отвергнутое наукой, другое — как находящееся вообще за пределами науки. Первое состоит в том, что дух человеческий, как полагали сторонники ассоциативной психологии, разрабатывавшие проблемы примитивной культуры, во все времена всегда один и тот же, неизменны и основные психологические законы, законы ассоциации, своеобразие же поведения и мышления примитивного человека объясняется исключительно бедностью и ограниченностью его опыта. Это воззрение, как мы сейчас сказали, исходит из предположения, что в процессе исторического развития человечества психические функции оставались неизменными, что менялось только содержание психики, содержание и сумма опыта, но сами способы мышления, структуры и функции психических процессов у примитивного и культурного человека тождественны.

В сущности это предположение в скрытом виде продолжает существовать в тех системах детской психологии, которые не знают различия между культурным и биологическим развитием поведения, т.е. почти во всей детской психологии. Для этнической психологии эта теория имеет сейчас лишь историческое значение. Две ее капитальные ошибки заключаются, во-первых, в попытке исходить из законов индивидуальной психологии (законы ассоциации) при объяснении исторического развития поведения и мышления (игнорирование социальной природы этого процесса) и, во-вторых, в ничем не оправданной слепоте к тем глубоким изменениям высших психических функций, которые и составляют на деле содержание культурного развития поведения. Насколько не изменились в процессе исторического развития элементарные психофизиологические функции, настолько глубокому и всестороннему изменению подверглись высшие функции (словесное мышление, логическая память, образование понятий, произвольное внимание, воля и пр.).

Второе предположение находит еще более легкий выход из положения, еще проще решает задачу. Оно просто снимает научную проблему, перенося ее решение в царство духа. Оно состоит в том, что культура, как полагают иные исследователи первобытной культуры, в действительности состоит не из материальных фактов и явлений, а из тех сил, которые вызывают эти явления, — из духовных

способностей, из совершенствующихся функций сознания. Психическое развитие без изменения биологического типа, с этой точки зрения, объясняется тем, что развивается сам по себе дух человека. Или, как выражает ту же мысль один из исследователей, историю культуры можно назвать историей человеческого духа.

Мы можем без дальнейшего обсуждения расстаться с обоими предположениями, из которых одно снимает интересующую нас проблему, просто отрицая наличие культурного развития психических функций, другое самое культуру и ее развитие растворяет в истории человеческого духа.

Перед нами снова встает прежний вопрос: что такое развитие высших психических функций без изменения биологического типа?

Мы хотели бы в первую очередь отметить: содержание развития высших психических функций, как мы пытались определить его выше, совершенно совпадает с тем, что нам известно из психологии примитивного человека. Область развития высших психических функций, которую мы прежде пытались определить на основании чисто негативных признаков: пробелов и неразработанных проблем детской психологии, сейчас вырисовывается перед нами с достаточной ясностью своих границ и очертаний.

По выражению одного из самых глубоких исследователей примитивного мышления[2], мысль о том, что высшие психические функции не могут быть поняты без социологического изучения, т.е. что они являются продуктом не биологического, а социального развития поведения, не нова. Но только в последние десятилетия она получила прочное фактическое обоснование в исследованиях по этнической психологии и ныне может считаться бесспорным положением нашей науки.

В интересующей нас связи это означает, что развитие высших психических функций составляет одну из важнейших сторон культурного развития поведения. Едва ли нуждается в особых доказательствах и та мысль, что вторая ветвь культурного развития, намеченная нами, именно овладение внешними средствами культурного поведения и мышления или развитие языка, счета, письма, рисования и т. п., также находит полное и бесспорное подтверждение в данных этнической психологии. Мы можем, таким образом, считать достаточно выясненным для предварительной ориентировки содержание понятия «культурное развитие поведения».

На этом мы могли бы прервать вынужденный экскурс в сторону других частей генетической психологии, экскурс, отвлекший нас на время от прямой цели, и вернуться снова к онтогенезу. Но прежде следует кратко сформулировать тот вывод, который мы могли бы, думается нам, с полным правом сделать из нашего экскурса. Вывод гласит: культура создает особые формы поведения, она видоизменяет деятельность психических функций, она надстраивает новые этажи в развивающейся системе поведения человека. Это основной факт, в котором убеждает нас каждая страница психологии примитивного человека, изучающей культурно-психологическое развитие в чистом, изолированном виде. В процес-

[2] Вероятно, имеется в виду Л. Леви-Брюль.

се исторического развития общественный человек изменяет способы и приемы своего поведения, трансформирует природные задатки и функции, вырабатывает и создает новые формы поведения — специфически культурные.

Мы не станем сейчас ближе определять своеобразные закономерности возникновения, функционирования и структуры высших форм поведения. Ответ на эти вопросы мы должны найти в наших исследованиях. Сейчас мы могли бы чисто формально ответить на два вопроса, поставленные выше: говоря о культурном развитии ребенка, мы имеем в виду процесс, соответствующий психическому развитию, совершавшемуся в процессе исторического развития человечества. Ответ на эти вопросы по существу мы постараемся в дальнейшем изложить языком исследования.

Но *a priori* [независимо от опыта (*лат.*). — *Ред-сост.*] нам было бы трудно отказаться от той мысли, что своеобразная форма приспособления человека к природе, коренным образом отличающая его от животных и делающая принципиально невозможным простое перенесение законов животной жизни (борьба за существование) в науку о человеческом обществе, что эта новая форма приспособления, лежащая в основе всей исторической жизни человечества, окажется невозможной без новых форм поведения, этого основного механизма уравновешивания организма со средой. Новая форма соотношения со средой, возникшая при наличии определенных биологических предпосылок, но сама перерастающая за пределы биологии, не могла не вызвать к жизни и принципиально иной, качественно отличной, иначе организованной системы поведения.

Заранее трудно предположить, что общество не создает надорганических форм поведения. Трудно ожидать, что употребление орудий, принципиально отличающееся от органического приспособления, не приведет к образованию новых функций, нового поведения. Но это новое поведение, возникшее в исторический период человечества, которое мы условно называем, в отличие от биологически развившихся форм, высшим поведением, должно было непременно иметь свой особый, отличный процесс развития, свои особые корни и пути.

Итак, возвратимся снова к онтогенезу. В развитии ребенка представлены (не повторены) оба типа психического развития, которые мы в изолированном виде находим в филогенезе: биологическое и историческое, или натуральное и культурное, развитие поведения. В онтогенезе оба процесса имеют свои аналоги (не параллели). Это основной и центральный факт, исходный пункт нашего исследования: различение двух линий психического развития ребенка, соответствующих двум линиям филогенетического развития поведения. Эта мысль, сколько нам известно, никак не высказана, и тем не менее она представляется нам совершенно очевидной в свете современных данных генетической психологии, и кажется совершенно непонятным то обстоятельство, что она до сих пор упорно ускользала от внимания исследователей.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что онтогенез в какой-нибудь форме или степени повторяет или воспроизводит филогенез или является его параллелью.

Мы имеем в виду нечто совершенно иное, что только ленивой мыслью может быть сочтено за возвращение к аргументации биогенетического закона. В изложении наших исследований мы не раз в эвристических целях будем обращаться к данным филогенеза в тех случаях, когда будем испытывать нужду в чистом и ясном определении основных исходных понятий культурного развития поведения. <...> мы подробнее разъясним значение подобных экскурсов. Сейчас достаточно сказать, что, говоря об аналогичности двух линий детского развития двум линиям филогенеза, мы отнюдь не распространяем нашу аналогию на структуру и содержание того и другого процесса. Мы ограничиваем ее исключительно одним моментом: наличием в фило- и онтогенезе двух линий развития.

Первое и коренное отступление от биогенетического закона мы вынуждены сделать уже с первого шага. Оба процесса, представленные в раздельном виде в филогенезе и связанные отношением преемственности и последовательности, представлены в слитом виде и образуют реально единый процесс в онтогенезе. В этом мы склонны видеть величайшее и самое основное своеобразие психического развития человеческого ребенка, делающее развитие не сравнимым по структуре ни с одним подобным процессом и в корне отклоняющимся от биогенетического параллелизма. В этом же заключается основная трудность всей проблемы.

Поясним это обстоятельство, имеющее для нас центральное значение. Если, как мы говорили выше, культурное развитие человечества совершалось при относительно неизменяющемся биологическом типе человека, в период относительной неподвижности и остановки эволюционных процессов, при условии известного постоянства биологического вида *Homo sapiens*, то культурное развитие ребенка тем и характеризуется в первую очередь, что оно совершается при условии динамического изменения органического типа. Оно налагается на процессы роста, созревания и органического развития ребенка и образует с ними единое целое. Только путем абстракции мы можем отделить одни процессы от других.

Врастание нормального ребенка в цивилизацию представляет обычно единый сплав с процессами его органического созревания. Оба плана развития — естественный и культурный — совпадают и сливаются один с другим. Оба ряда изменений взаимопроникают один в другой и образуют в сущности единый ряд социально-биологического формирования личности ребенка. Поскольку органическое развитие совершается в культурной среде, постольку оно превращается в исторически обусловленный биологический процесс. В то же время культурное развитие приобретает совершенно своеобразный и ни с чем не сравнимый характер, поскольку оно совершается одновременно и слитно с органическим созреванием, поскольку носителем его является растущий, изменяющийся, созревающий организм ребенка. Развитие речи ребенка может служить хорошим примером такого слияния двух планов развития — натурального и культурного.

Своеобразие культурного развития, налагающегося на процессы органического роста и созревания, можно пояснить на простом и наглядном примере из

области непосредственно интересующих нас <...> вопросов, именно на примере развития употребления орудий в детском возрасте. Г. Дженнингз[3] ввел в психологию понятие ***системы активности***. Этим термином он обозначает тот факт, что способы и формы поведения (активности), которыми располагает каждое животное, представляют систему, обусловленную органами и организацией животного. Например, амеба не может плавать, как инфузория, а инфузория не обладает органом для того, чтобы передвигаться летая.

Исходя из этого, безусловно, биологически весьма важного понятия, исследователи психологии ребенка первого года жизни пришли к установлению решающего, переломного момента в развитии младенца. Человек не представляет исключения из общего закона Дженнингза. Человек также обладает своей системой активности, которая держит в границах его способы поведения. В эту систему, например, не входит возможность летать. Но человек тем и превосходит всех животных, что он безгранично расширяет посредством орудий радиус своей активности. Его мозг и рука сделали его систему активности, т.е. область доступных и возможных форм поведения, неограниченно широкой. Поэтому решающим моментом в развитии ребенка в смысле определения круга доступных ему форм поведения является первый шаг по пути самостоятельного нахождения и употребления орудий, шаг, который совершается ребенком в конце первого года.

Инвентарь способов поведения ребенка может поэтому охватить только поведение ребенка до этого решающего момента, если он должен, разумеется, оставаться биологическим инвентарем, составленным согласно установленному принципу системы активности. В сущности уже у шестимесячного ребенка исследования открыли предварительную ступень в развитии употребления орудий; это еще, конечно, не употребление орудий в собственном смысле слова, но уже принципиальный выход за пределы системы активности, подготавливающий первое употребление орудий: ребенок воздействует одним предметом на другой и обнаруживает попытки добиться чего-нибудь при помощи какого-либо предмета. В 10—12 месяцев, как установили наблюдения, он обнаруживает умение употреблять простейшие орудия, разрешая задачи, сходные с теми, которые решает шимпанзе. К. Бюлер[4] предложил указанный возраст называть шимпанзеподобным возрастом, обозначая этим словом тот факт, что ребенок в этот период доходит до того способа употребления орудий, который известен нам по поведению высших человекоподобных обезьян.

Сам по себе факт, что употребление орудий создает принципиально иную обусловленность системы активности человека, не является сколько-нибудь новым, хотя он до сих пор недостаточно учитывается биологической психоло-

---

[3] Дже́ннингз (*Jennings*) Герберт Спенсер (1868—1947) — американский зоолог и генетик. — *Ред.-сост.*

[4] Бюлер (*Buhler*) Карл (1879—1963) — немецко-австрийский языковед и психолог. — *Ред.-сост.*

гией, пытающейся построить систему поведения человека исходя из формулы Дженнингза. Новым является решающее для всей психологии младенческого возраста и психологии детства установление важнейших моментов в развитии неизвестной у животных системы активности, обусловленной употреблением орудий. До последних лет детская психология просто не замечала этого капитального факта, не могла осознать его значения. Заслуга новых исследований в том, что они вскрыли и во всей реальной сложности показали переломный генетический процесс там, где старая психология или просто видела плоское место, или на место генетического процесса подставляла интеллектуалистическое объяснение.

Но и новые исследования не осознали со всей ясностью одного момента, так как и они находятся еще в плену старых интеллектуалистических теорий. Между тем этот момент имеет центральное значение для всей проблемы, и он-то составляет сейчас предмет нашего непосредственного интереса.

Все своеобразие перехода от одной системы активности (животной) к другой (человеческой), совершаемого ребенком, заключается в том, что одна система не просто сменяет другую, но обе системы развиваются одновременно и совместно: факт, не имеющий себе подобных ни в истории развития животных, ни в истории развития человечества. Ребенок не переходит к новой системе после того, как старая, органически обусловленная система активности развилась до конца. Ребенок не приходит к употреблению орудий, как примитивный человек, закончивший свое органическое развитие. Ребенок переступает границы системы Дженнингза тогда, когда сама эта система находится еще в начальной стадии развития.

Мозг и руки ребенка, вся область доступных ему естественных движений не созрели еще тогда, когда он выходит за пределы этой области. Младенец 6 месяцев беспомощнее цыпленка, в 10 месяцев он еще не умеет ходить и питаться самостоятельно; между тем в эти месяцы он проходит шимпанзеподобный возраст, берясь впервые за орудие. До какой степени перепутан весь порядок филогенетического развития в онтогенезе, нагляднее всего можно убедиться на этом примере. Мы не знаем более сильного и мощного опровержения теории биогенетического параллелизма, чем история первого употребления орудий.

Если в биологическом развитии человека господствует *органическая* система активности, а в историческом развитии — *орудийная* система активности, если в филогенезе, следовательно, обе системы представлены порознь и развивались отдельно одна от другой, то в онтогенезе — и одно это, сводя воедино оба плана развития поведения: животный и человеческий, делает совершенно несостоятельной всю теорию биогенетической рекапитуляции[5] — обе системы развиваются одновременно и совместно. Это значит, что в онтогенезе развитие системы активности обнаруживает двойственную обусловленность. Формула

[5] *Рекапитуляция* — краткое и быстрое повторение, воспроизведение основных этапов развития предковых форм филогенеза в ходе индивидуального развития. — *Ред.-сост.*

Дженнингза продолжает действовать в то время, когда ребенок вступил уже в период развития, в котором господствуют совершенно новые закономерности. Этот факт заслуживает названия основного культурно-биологического парадокса детского развития. Развиваются не только употребление орудий, но и система движений и восприятий, мозг и руки, весь организм ребенка. Тот и другой процессы сливаются воедино, образуя, как уже сказано, совершенно особенный процесс развития.

Следовательно, система активности ребенка определяется на каждой данной ступени и степенью его органического развития, и степенью его овладения орудиями. Две различные системы развиваются совместно, образуя в сущности третью систему, новую систему особого рода. В филогенезе система активности человека определяется развитием или естественных, или искусственных органов. В онтогенезе система активности ребенка определяется и тем и другим одновременно.

Мы подробно остановились на примере с формулой Дженнингза, потому что этот пример обнаруживает обе основные особенности культурно-психологического развития ребенка: принципиальное отличие этого типа развития от развития биологического и слияние органического и культурного развития в единый процесс. Процесс культурного развития поведения ребенка в целом и развития каждой отдельной психической функции обнаруживает полную аналогию с приведенным примером в том отношении, что каждая психическая функция в свое время переходит за пределы органической системы активности, свойственной ей, и начинает свое культурное развитие в пределах совершенно иной системы активности, но обе системы развиваются совместно и слитно, образуя сплетение двух различных по существу генетических процессов.

Сплетение обоих процессов надо строго отличать от того смешения обеих линий в развитии поведения, о котором мы говорили выше как об отличительной черте старой психологии. Старая психология не различала вовсе двух процессов развития поведения ребенка и принимала детское развитие не только за единый, но и за простой процесс. Новая точка зрения, устанавливая реальное единство процесса детского развития, ни на минуту не забывает сложности этого процесса. Если старая психология считала принципиально возможным выстроить в один ряд все явления детского развития — развитие речи, как и развитие ходьбы, — то новая точка зрения исходит из понимания развития ребенка как диалектического единства двух принципиально различных рядов и основную задачу исследования видит в адекватном исследовании одного и другого ряда и в изучении законов их сплетения на каждой возрастной ступени.

Исследование, понимающее так развитие высших психических функций, всегда пытается постигнуть этот процесс как часть более сложного и обширного целого, в связи с биологическим развитием поведения, на фоне сплетения обоих процессов. Предметом нашего исследования поэтому является развитие, совершающееся в процессе биологического развития ребенка и сливающееся с

ним. Мы поэтому строго различаем, но не отделяем резко в нашем рассмотрении один процесс от другого. Для нашего рассмотрения далеко не безразлично, на каком биологическом фоне совершается культурное развитие ребенка, в каких формах и на какой ступени происходит сплетение обоих процессов.

Мы полагаем — и все наши исследования укрепляют эту уверенность, — что именно различные формы сплетения обоих процессов определяют своеобразие каждой возрастной ступени в развитии поведения и своеобразный тип детского развития. Мы поэтому можем повторить вслед за Э. Кречмером[6], что противоположение «природы» и «культуры» в психологии человека правильно только очень условно. В отличие от Кречмера мы, однако, полагаем, что различение того и другого является совершенно необходимой предпосылкой всякого адекватного исследования психологии человека.

В связи с этим возникает чрезвычайно важный методологический вопрос, которым, естественно, завершается в основных моментах постановка интересующей нас проблемы: как возможно в процессе исследования различение культурного и биологического развития поведения и выделение культурного развития, которое на деле не встречается в чистом, изолированном виде? Не противоречит ли требование различения обоих процессов признанию их сплетения основной формой детского психического развития и не является ли их сплетение препятствием, делающим невозможным постижение своеобразных закономерностей культурного развития ребенка?

Внешне дело действительно обстоит как будто бы так, но по существу мы натолкнулись только на чрезвычайно серьезную трудность, но не на невозможность исследования развития высших психических функций ребенка. Исследование пользуется двумя основными методами преодоления этой трудности: во-первых, генетическим рассмотрением, во-вторых, сравнительным способом изучения. Сплетение двух разнородных процессов развития, рассматриваемое в генетическом разрезе, само представляет изменчивую величину. На каждой ступени развития обоих процессов господствуют особые законы, особые формы сплетения. Хотя оба процесса на всем протяжении детского возраста встречаются в сложном синтезе, характер сплетения обоих процессов, закон построения синтеза не остается одним и тем же.

История развития высших психических функций полна примерами того, что В. Вундт[7] применительно к речи назвал преждевременным развитием. В самом деле, стоит вспомнить приведенный выше пример сплетения первого употребления орудий с незрелой биологической структурой 6- или 10-месячного младенца или пример Вундта, для того чтобы со всей очевидностью убедиться: детская психология изобилует случаями подобного преждевременного неадекватного сплетения биологических и культурных процессов развития.

---

[6] Кречмер (*Kretschmer*) Эрнст (1888—1964) — немецкий психиатр. — *Ред.-сост.*

[7] Вундт (*Wundt*) Вильгельм Макс (1832—1920) — немецкий физиолог, психолог и философ, основатель экспериментальной психологии. — *Ред.-сост.*

При генетическом рассмотрении само сплетение обнаруживает ряд сдвигов, выявляющих, подобно геологическим трещинам, различные пласты какого-либо сложного образования. Развитие высших форм поведения требует известной степени биологической зрелости, известной структуры в качестве предпосылки. Это закрывает путь к культурному развитию даже самым высшим, наиболее близким к человеку животным. При отсутствии или недостаточном развитии этой предпосылки возникает неадекватное, неполное слияние обеих систем активности, как бы смещение, или сдвиг, одной формы. На всем протяжении генетического ряда эти смещения, или сдвиги, это неполное слияние и совпадение двух систем, как уже сказано, сами изменяются, и в результате перед нами не единый, сплошь, всецело и наглухо сомкнутый ряд, а ряд соединений различного рода, характера и степени.

Вторым основным средством исследования является сравнительное изучение различных типов культурного развития. Отклонение от нормального типа, патологическое изменение процессов развития, представляет в отношении нашей проблемы, как и вообще, впрочем, в отношении всех проблем детской психологии, как бы специально оборудованный природный эксперимент, обнаруживающий и раскрывающий часто с потрясающей силой истинную природу и строение интересующего нас процесса.

Может показаться парадоксом, что ключ к постижению развития высших психических функций мы надеемся найти в истории развития так называемого дефективного, т.е. биологически неполноценного, ребенка. Объяснение этого парадокса заложено в самом характере развития высших форм поведения ребенка, отягченного каким-либо физическим недостатком.

Мы выше подробно развивали мысль, что основное своеобразие детского развития заключается в сплетении культурного и биологического процессов развития. У дефективного ребенка такого слияния обоих рядов не наблюдается. Оба плана развития обычно более или менее резко расходятся. Причиной расхождения служит органический дефект. Культура человечества слагалась и созидалась при условии известной устойчивости и постоянства биологического человеческого типа. Поэтому ее материальные орудия и приспособления, ее социально-психологические институты и аппараты рассчитаны на нормальную психофизиологическую организацию.

Пользование орудиями и аппаратами предполагает в качестве обязательной предпосылки наличие свойственных человеку органов, функций. Врастание ребенка в цивилизацию обусловлено созреванием соответствующих функций и аппаратов. На известной стадии биологического развития ребенок овладевает языком, если его мозг и речевой аппарат развиваются нормально. На другой, высшей, ступени развития ребенок овладевает десятичной системой счета и письменной речью, еще позже — основными арифметическими операциями.

Эта связь, приуроченность той или иной стадии или формы развития к определенным моментам органического созревания возникала столетиями и ты-

сячелетиями и привела к такому сращиванию одного и другого процессов, что детская психология перестала различать один процесс от другого и утвердилась в мысли, что овладение культурными формами поведения является столь же естественными симптомами органического созревания, как те или иные телесные признаки. <...>

Мы могли бы сказать, что все высшие функции сложились не в биологии, не в истории чистого филогенеза, а сам механизм, лежащий в основе высших психических функций, есть слепок с социального. Все высшие психические функции суть интериоризованные отношения социального порядка, основа социальной структуры личности. Их состав, генетическая структура, способ действия — одним словом, вся их природа социальна; даже превращаясь в психические процессы, она остается квазисоциальной. Человек и наедине с собой сохраняет функции общения. Изменяя известное положение Маркса, мы могли бы сказать, что психическая природа человека представляет совокупность общественных отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности и формами ее структуры. Мы не хотим сказать, что именно таково значение положения Маркса, но мы видим в этом положении наиболее полное выражение всего того, к чему приводит нас история культурного развития.

В связи с высказанными здесь мыслями, которые в суммарной форме передают основную закономерность, наблюдаемую нами в истории культурного развития и непосредственно связанную с проблемой детского коллектива, мы видели: высшие психические функции, например функция слова, раньше были разделены и распределены между людьми, потом стали функциями самой личности. В поведении, понимаемом как индивидуальное, невозможно было бы ожидать ничего подобного. Прежде из индивидуального поведения психологи пытались вывести социальное. Исследовали индивидуальные реакции, найденные в лаборатории и затем в коллективе, изучали, как меняется реакция личности в обстановке коллектива.

Такая постановка проблемы, конечно, совершенно законна, но она охватывает генетически вторичный слой в развитии поведения. Первая задача анализа — показать, как из форм коллективной жизни возникает индивидуальная реакция. В отличие от Пиаже[8] мы полагаем, что развитие идет не к социализации, а к превращению общественных отношений в психические функции. Поэтому вся психология коллектива в детском развитии представляется в совершенно новом свете. Обычно спрашивают, как тот или иной ребенок ведет себя в коллективе. Мы спрашиваем, как коллектив создает у того или иного ребенка высшие психические функции.

Раньше предполагали, что функция есть у индивида в готовом, полуготовом или зачаточном виде, в коллективе она развертывается, усложняется, повышается, обогащается или, наоборот, тормозится, подавляется и т.д. Ныне

---

[8] Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ. — *Ред.-сост.*

мы имеем основания полагать, что в отношении высших психических функций дело должно быть представлено диаметрально противоположно. Функции сперва складываются в коллективе в виде отношений детей, затем становятся психическими функциями личности. В частности, прежде считали, что каждый ребенок способен размышлять, приводить доводы, доказывать, искать основания для какого-нибудь положения. Из столкновений подобных размышлений рождается спор. Но дело фактически обстоит иначе. Исследования показывают, что из спора рождается размышление. К тому же самому приводит нас изучение и всех остальных психических функций.

При обсуждении постановки нашей проблемы и разработке метода исследования мы имели уже случай выяснить огромное значение сравнительного способа изучения нормального и ненормального ребенка для всей истории культурного развития. Мы видели, что это основной прием исследования, которым располагает современная генетическая психология и который позволяет сопоставить конвергенцию [схождение, сближение. — *Ред.-сост.*] естественной и культурной линий в развитии нормального ребенка с дивергенцией [расхождением. — *Ред.-сост.*] тех же двух линий в развитии ненормального ребенка. Остановимся несколько подробнее на том значении, какое имеют найденные нами основные положения относительно анализа, структуры и генезиса культурных форм поведения для психологии ненормального ребенка.

Начнем с основного положения, которое нам удалось установить при анализе высших психических функций и которое состоит в признании естественной основы культурных форм поведения. Культура ничего не создает, она только видоизменяет природные данные сообразно с целями человека. Поэтому совершенно естественно, что история культурного развития ненормального ребенка будет пронизана влияниями основного дефекта или недостатка ребенка. Его природные запасы — эти возможные элементарные процессы, из которых должны строиться высшие культурные приемы поведения, — незначительны и бедны, а потому и самая возможность возникновения и достаточно полного развития высших форм поведения оказывается для такого ребенка часто закрытой именно из-за бедности материала, лежащего в основе других культурных форм поведения.

Указанная особенность заметна на детях с общей задержкой в развитии, т.е. на умственно отсталых детях. Как мы вспоминаем, в основе культурных форм поведения лежит известный обходной путь, который складывается из простейших, элементарных связей. Этот чисто ассоциативный подстрой высших форм поведения, фундамент, на котором они возникают, фон, из которого они питаются, у умственно отсталого ребенка с самого начала ослаблен.

Второе положение, найденное нами в анализе, вносит существенное дополнение к сказанному сейчас, а именно: в процессе культурного развития у ребенка происходит замещение одних функций другими, прокладывание обходных путей, и это открывает перед нами совершенно новые возможности в развитии

ненормального ребенка. Если такой ребенок не может достигнуть чего-нибудь прямым путем, то развитие обходных путей становится основой его компенсации. Ребенок начинает на окольных путях добиваться того, чего он не мог достигнуть прямо. Замещение функций — действительно основа всего культурного развития ненормального ребенка, и лечебная педагогика полна примеров таких обходных путей и такого компенсирующего значения культурного развития.

Третье положение, которое мы нашли выше, гласит: основу структуры культурных форм поведения составляет опосредованная деятельность, использование внешних знаков в качестве средства дальнейшего развития поведения. Таким образом, выделение функций, употребление знака имеют особо важное значение во всем культурном развитии. Наблюдения над ненормальным ребенком показывают: там, где эти функции сохраняются в неповрежденном виде, мы действительно имеем более или менее благополучное компенсаторное развитие ребенка, там, где они оказываются задержанными или пораженными, и культурное развитие ребенка страдает. В. Элиасберг на основе своих опытов выдвинул общее положение: употребление вспомогательных средств может служить надежным критерием дифференциации диагноза, позволяющим отличить любые формы ослабления, недоразвития, нарушения и задержки интеллектуальной деятельности от безумия. Таким образом, умение употреблять знаки в качестве вспомогательного средства поведения исчезает, по-видимому, только вместе с наступлением безумия.

Наконец, четвертое и последнее из найденных нами положений раскрывает новую перспективу в истории культурного развития ненормального ребенка. Мы имеем в виду то, что мы назвали выше овладением собственным поведением. В применении к ненормальному ребенку мы можем сказать, что надо различать степени развития той или иной функции и степени развития овладения этой функцией. Всем известно, какую огромную диспропорцию образует развитие высших и низших функций у умственно отсталого ребенка. Для дебильности характерно не столько общее равномерное снижение всех функций, сколько недоразвитие именно высших функций при относительно благополучном развитии элементарных. Поэтому мы должны исследовать не только то, какой памятью обладает умственно отсталый ребенок, но и то, как, насколько он умеет использовать свою память. Недоразвитие умственно отсталого ребенка и заключается в первую очередь в недоразвитии высших форм поведения, в неумении овладеть собственными процессами поведения, в неумении их использовать.

Я. Валсинер,
Р. Ван дер Веер

[Теория поведения Пьера Жане]*

О теории поведения

«От волнения к экстазу» — последний труд П. Жане, в котором он дает подробные и обширные описания разнообразных симптомов при заболеваниях психики[1]. В последующих книгах он излагает свой общепсихологический подход — теорию поведения[2]. Элементы этой теории можно обнаружить в его работах

---

* См.: *Valsiner J., Van der Veer R.* The Social Mind: Construction of the Idea. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 118—128. (*Перевод Е.А. Яцухиной.*)

В примечаниях использованы материалы диссертации на соискание ученой степени канд. психол. наук Н.Ю. Федуниной на тему «Эволюция психологических взглядов Пьера Жане» (М., 2003). Редакторы-составители глубоко благодарны Н.Ю. Федуниной за любезно предоставленный текст диссертации. — *Ред.-сост.*

[1] См.: *Janet P.* De l'angoisse à l'extase. Étude sur les croyance et les sentiments. Un délire religieux. La croayance. Paris: Alcan, 1926. T. 1; *Janet P.* De l'angoisse à l'extase. Étude sur les croyance et les sentiments. Les Sentiments fondamentaux. Paris: Alcan, 1928. T. 2.

[2] *Теория поведения* (*the theory of conduct*) — в психологической литературе на английском языке термин *conduct* (поведение) обычно обозначает поведение или, точнее, действия человека, которые направляются и/или регулируются этическими и моральными нормами или оцениваются с точки зрения таких норм. Базисным понятием теории Жане является «действие» (*action*) и поэтому на английском языке эту теорию иногда называют *psychology of action*. Там же, в словаре понятий Жане, автор приводит ряд основных терминов этой теории.

Жане обращает внимание на необходимость разграничения понятий *conduite* (поведение, образ действия) и *comportement* (поведение, поступки). Жане часто употребляет термин *conduite* во множественном числе, тогда как в русском языке он используется преимущественно в единственном. Меняется и смысл. От общего «поведения» мы переходим скорее к «поведенческим реакциям», что также не является удачным переводом. Л.И. Анцыферова переводит *conduite* как образ действия, деятельность в противоположность *comportement* — совокупности реакций.

Действие [*фр.* action] — действие представляет собой совокупность движений, изменяющих что-либо во внешнем мире. Оно существует в развитии и заключает в себе «постоянное

начала XX в.[3], но в более или менее оформленном виде она появилась только в конце 1920-х гг.[4] Отличительными чертами теории Жане являются три взаимосвязанные темы, которые в сумме образуют социогенетическое объяснение происхождения и природы психики. В конце 1920-х и в начале 1930-х гг. эти темы были представлены практически в каждой книге и статье Жане. Поэтому для изучения его взглядов на социогенез психики не столь важно, где именно разрабатывается та или иная тема.

Мы рассмотрим эти главные темы ниже, причем их тесная взаимосвязь неизбежно приводит к тому, что наше обсуждение будет несколько избыточным. Эти темы таковы: (а) идея о том, что все психические акты являются изначально социальными; (б) идея о том, что любое человеческое поведение изначально относится к действиям; (в) идея о развивающейся природе поведения.

Социальное происхождение актов психики

Идея о том, что все приватные[5] психические акты имеют социальное происхождение, выступает особенно рельефно в поздних работах Жане[6]. Вопросами социального воздействия он занимался на протяжении всей профессиональной деятельности (например, в исследованиях гипноза и роли внушения), но теперь, под влиянием Болдуина[7],

---

преобразование, новизну, открытие» (*Janet P.* De l'angoisse à l'extase. Étude sur les croyance et les sentiments. Les Sentiments fondamentaux. Paris: Alcan, 1928. T. 2. P. 25). Обладает количественными и качественными характеристиками. Развертывается при активации тенденции. Проходит многочисленные стадии эволюции.

Тенденция (фр. tendance) — склонность, предрасположенность организма производить серии определенных движений в некоторой последовательности вслед за стимулом. «Тенденция — это то, что, реализуясь, порождает действие» (*Janet P.* La tension psychologique et ses oscillations // Traite de Psychologie par G. Dumas. Paris, 1923. T. 1. P. 923.). — *Ред.-сост.*

[3] См.: *Ducret J.-J.* Jean Piaget: Savant et philosophe. Geneva: Droz, 1984. P. 604; *Janet P.* Névroses et idées fixes. Paris: F. Alcan, 1898. Vol. 1; *Janet P.* Les obsessions et la psychasthénie (2 volumes). Paris: F. Alcan, 1903.

[4] См.: *Janet P.* L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris: Chahine, 1928; *Janet P.* De l'angoisse à l'extase. Étude sur les croyance et les sentiments. Les Sentiments fondamentaux. Paris: Alcan, 1928. T. 2; *Janet P.* L'évolution psychologique de la personnalite. Paris: Chahine, 1929; *Janet P.* Autobiography // A history of psychology in autobiography / C. Murchinson (Ed.). Worcester (MA): Clark Univeristy Press, 1930. Vol. 1. P. 123—133; *Janet P.* L'hallucinations dans le delire de persecution // Revue philosophique, 57 annee, 1932. № 1—2. P. 61—98; *Janet P.* Les croyance et les hallucinations // Revue Philosophique, 57 annee, 1932. № 3—4. P. 278—331; *Janet P.* L'intelligence avant le langage. Paris: Flammarion, 1936.

[5] *Приватные* — здесь и далее: закрытые для постороннего наблюдения. — *Ред.-сост.*

[6] См., напр.: *Janet P.* L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris: Chahine, 1928. P. 148, 172; *Janet P.* L'intelligence avant le langage. Paris: Flammarion, 1936. P. 55—56.

[7] Болдуин (*Baldwin*) Джеймс Марк (1861—1934) — американский психолог и социолог, один из основателей социальной психологии. — *Ред.-сост.*

Гёффдинга[8], Джеймса[9], Ройса[10] и других авторов он начинает подчеркивать, что основополагающую роль в генезисе[11] личности играют другие социальные индивиды. Сама по себе эта точка зрения имеет ограниченную ценность. Важно показать, что данное общее положение может быть верным и рассмотреть его следствия.

Жане формулирует эту тему разным образом: явно, в виде так называемого закона психологического развития, и менее открыто, в форме утверждений о происхождении высших психических процессов, таких как память, мышление и речь. Кроме того, эта тема отчетливо выступает в его теории иерархической структуры психики человека.

Позицию Жане в явной форме представляет следующая цитата из его книги «Эволюция памяти и понятие времени»:

> Общими усилиями мы долго изучали интериоризированное мышление человека и пришли к выводам, которые, по моему мнению, могут быть значительной степени верными и полезными, хотя и несколько принижают то, что называют достоинством мысли: интериоризированное мышление — это некоторый способ речевого общения с самим собой, некоторый способ информировать самого себя. Все виды социального поведения, выполняемые визави[12] с другими людьми, имеют свои приватные последствия. Все, что мы делаем визави с другими людьми, мы делаем визави с самими собой; мы обращаемся с собой так же, как с другим человеком[13].

Эта тема появляется снова в книге «Психологическая эволюция личности»[14]. Одно из фундаментальных положений этой работы заключается в том, что человек не рождается личностью[15], личность — это конструкт, изобретение человека. На этом основании Жане выступает против любых попыток объяснения личности путем ссылок исключительно на данные биологии или ассоцианизма. Он настаивает на том, что личность развивается, поскольку мы приписываем себе точно

---

[8] Гёффдинг (*Höffding*) Харальд (1843—1931) — датский философ и психолог, историк философии Нового времени. — *Ред.-сост.*

[9] Джеймс (*James*) Уильям (1842—1910) — американский психолог и философ. — *Ред.-сост.*

[10] Ройс (*Royce*) Джосайя (1855—1916) — американский философ. — *Ред.-сост.*

[11] *Генезис* — возникновение, становление; происхождение и последующий процесс развития чего-либо. — *Ред.-сост.*

[12] Визави (фр. *vis-à-vis*) — против, напротив, лицом к лицу. — *Ред.-сост.*

[13] *Janet P.* L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris: Chahine, 1928. P. 22.

[14] *Janet P.* L'évolution psychologique de la personnalite. Paris: Chahine, 1929.

[15] Ср.: *Levitin K.* One is not born a personality. M.: Progress, 1982. [Рус. пер. см.: *Левитин К.Е.* Личностью не рождаются. М.: Наука, 1990. — *Ред.-сост.*]

такие же черты и установки, которые мы сначала приписывали другим людям и которые другие люди приписывали нам[16]. Жане пишет:

> Исследования двух американских философов, Джосайи Ройса и Уильяма Джеймса, помогли установить, что наша личность — продукт главным образом социальный. В частности им удалось показать, что понятие личности начинается в основном с [представлений о. — *Ред.-сост.*] личности других людей, которые мы строим прежде нашей собственной личности или, точнее говоря, что две личности конструируются совместно, и что одна постоянно влияет на другую. Сначала ребенок отличает свою мать, няню и людей, которые его окружают, приписывает им различные роли, ожидает от них различных видов поведения и реагирует на эти виды по-разному. Разделение индивидов (т.е. их различение. — *Я.В, Р.В.*) сперва социально и только потом — согласно закону Болдуина — мы применяем к себе то, что вначале применяли к другим.
>
> Люди, среди которых мы живем, отводят нам определенную социальную функцию и заставляют ее выполнять. Они приписывают нам специфический характер и зачастую воспитывают нас так, чтобы мы его сохраняли. И, наконец, самое важное, они дают нам единственное имя и принуждают присвоить его, чтобы отличать себя от других людей, у которых есть свои имена, и чтобы связывать с данным именем действия и намерения, отправная точка которых лежит в нашем организме, а с именами других людей — действия и намерения, которые зависят от их организмов, в той истории, которую мы конструируем о них и о себе[17].

В этой цитате можно выделить три взаимосвязанных аспекта, которые частично перекрываются с темами, упомянутыми выше (о социальном, основанном на действии развитии психики). Во-первых, здесь явно присутствует элемент конструктивизма (см. ниже цитату о Канте[18]). Говорится, что люди активно строят или конструируют свою личность на основе возможностей, предоставляемых социальным (точнее: социально-интерактивным) окружением. Жане не дает детального описания того, как этот процесс может происходить. Однако понятно, что главную роль в нем он отводит различным видам подражания, особенно подробно описанного Болдуином, Гийомом[19] и Тардом[20], на работы которых он часто

[16] См.: *Janet P.* Les médications psychologiques. Paris: Félix Alcan, 1919. Vol. 3; *Janet P.* Les débuts de l'intelligence. Paris: Flammarion, 1935.

[17] *Janet P.* L'intelligence avant le langage. Paris: Flammarion, 1936. P. 55—56.

[18] Кант (*Kant*) Иммануил (1724—1804) — немецкий философ и ученый, родоначальник немецкой классической философии. — *Ред.-сост.*

[19] См.: *Guillaume P.* L'imitation chez l'enfant Etude psychologique. Paris: Alcan, 1925.

[20] Тард (*Tarde*) Габриель (1843—1904) — французский психолог, социолог и криминолог. — *Ред.-сост.*

ссылается[21]. Во-вторых, во многих местах и более явно, чем в приведенной выше цитате, Жане предлагает некоторую хронологию в том смысле, что сначала появляется социальное, а *за ним* — индивидуальное (напр.: «Не забудем... общее правило: ...*после того*, как мы сконструировали персонаж ближнего человека, мы тем же путем конструируем персонажи самих себя»[22] (курсив наш. — *Я.В., Р.В.*)).

Позже эта точка зрения стала широко известной среди психологов как одно из наиболее типических положений Выготского несмотря на то, что сам Выготский открыто и неоднократно ссылается на нее как на «закон Жане»[23]. Точка зрения Жане о том, что индивидуальные высшие психические процессы берут начало в социальном взаимодействии, подразумевала, что даже глубоко личные, приватные психические процессы (напр., фантазии и желания) имеют социальное происхождение и носят его печать. В-третьих, и это тесно связано со вторым пунктом, Жане явно предполагал, что высшие социальные функции, такие как запоминание, сначала совершаются вовне и только впоследствии становятся доступными как внутренние функции: «...Все социальные психологические законы имеют два выражения: внешнее, касающееся других людей, и внутреннее, касающееся нас самих. Почти всегда... вторая форма следует за первой»[24]. Здесь представление о хронологической последовательности соединяется с различением внешнего и внутреннего. Высшие психические процессы сначала совершаются в межличностном, внешнем плане и только впоследствии — в приватном (внутриличностном), внутреннем плане. Маленькие дети не могут скрывать свои переживания, не могут секретничать и запирать свою душу на замок. Только постепенно они приобретают способность утаивать свои переживания, хранить секреты, развивать приватную, внутреннюю сферу фантазий, желаний и верований[25].

Вышесказанное все еще остается на уровне общих положений, которые в соответствии с идеалом должны быть обоснованы теоретическими или эмпирическими доказательствами. Как будет показано ниже, Жане в большинстве случаев полагается на теоретические аргументы. Например, он сочиняет мифические истории о происхождении действий в истории человечества. Но иногда, чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, он обращается к клиническим данным. Это особенно видно, например, в обсуждении социальной природы человеческой памяти. Запоминание, неоднократно утверждает Жане, приспо-

[21] См.: *Janet P.* De l'angoisse à l'extase. Étude sur les croyance et les sentiments. Un délire religieux. La croayance. T. 1. Paris: Alcan. 1926; *Janet P.* Les débuts de l'intelligence. Paris: Flammarion, 1935; *Janet P.* L'intelligence avant le langage. Paris: Flammarion, 1936; *Janet P.* Psychological strength and weakness in mental diseases // Factors determining human behavior. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1937. P. 64—106.

[22] *Janet P.* L'évolution psychologique de la personnalite. Paris: Chahine, 1929. P. 334.

[23] См. текст Я. Валсинера и Р. ван дер Веера на с. 435—448, 449—460 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[24] *Janet P.* L'évolution psychologique de la personnalite. Paris: Chahine, 1929. P. 521.

[25] Ср.: *Elias N.* The society of individuals. Oxford: Basil Blackwell, 1991.

сабливается к обстоятельствам, это социальное поведение. Жане пытается доказать, что память нужна человеку только тогда, когда есть другие люди, которым он может сообщить о пережитых событиях. В обсуждении случая пациентки Ирен Жане пишет, что часто замечал, как пациенты приспосабливают свои сообщения о событиях прошлого к тому, кто их слушает. Так происходит потому, что вспоминание — социальное событие, это поведение пациента по отношению к врачу, который ведет опрос. Мы знаем, утверждает Жане, что Ирен будет повторять по отношению к себе то поведение, которое было по отношению ко мне, она будет расспрашивать себя так же, как я расспрашивал ее прежде. Он делает вывод, что это поведение социальное всегда, «даже если она остается одна, это будет, как и ранее, социальное поведение»[26].

Вывод о социальной природе памяти человека вытекает также из того, как Жане объясняет развитие памяти в онтогенезе. Как уже говорилось, Жане считает, что индивиду память не нужна, если нет других людей, которым можно сообщить о событиях прошлого. По мнению Жане, дети начинают запоминать, потому что хотят рассказать своим матерям о том, что произошло. В этом заключается первичный мотив запоминания, мотив собственно человеческий. Отсюда Жане делает вывод, что человеческую память не следует приравнивать к памяти животных, которую он считает качественно другим видом памяти, зависящим главным образом от формирования ассоциаций. В общем плане Жане утверждает, что социальные потребности, т.е. необходимость в понимании друг друга и в общении, указывают путь для всего развития мышления человека. Он неоднократно иллюстрирует это положение, рассказывая выдуманную им историю о часовом. Представьте, что в далеком прошлом, среди дикой природы живет племя людей. Чтобы защитить себя от хищников и врагов, они ставят часовых на некотором расстоянии от места, где живут остальные сородичи. Когда приближаются враги, могут произойти две вещи. Если часовой, заметивший неприятелей, находится вблизи стоянки племени, он закричит и таким образом предупредит своих соплеменников. Если же он находится далеко от стоянки, то его крик будет равносилен бессмысленному самоубийству. Вместо этого он молча запоминает то, что видит, и скрытно бежит в свой лагерь. В том и другом случае, заключает Жане, социальная организация значительно расширяет возможности органов чувств. Фактически, часовые являются глазами и ушами своих соплеменников. Таким образом общество может одержать победу над временем и отсутствием [участников социально необходимого взаимодействия. — *Ред.-сост.*]. Память — социальное изобретение для преодоления времени и отсутствия[27].

---

[26] *Janet P.* L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris: Chahine, 1928. P. 213 [см. также перевод фрагментов этой работы на рус. яз.: *Жане П.* Эволюция памяти и понятие времени // Психология памяти / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и В.Я. Романова. М.: ЧеРо, 1998/2000. С. 371—379. — *Ред.-сост.*]; ср.: *Janet P.* Les débuts de l'intelligence. Paris: Flammarion, 1935.

[27] См.: *Janet P.* L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris: Chahine, 1928. P. 233.

Обобщая сказанное, можно заключить, что все по виду приватные психологические функции, например речь и память, по своему происхождению и по существу являются социальными. Все они появились благодаря необходимости общения с другими людьми. Дети сохраняют в памяти следы собственного поведения, чтобы сообщить о нем своим матерям. Само по себе такое сохранение следов обслуживает важную для ребенка функцию, благодаря которой становится возможным согласованное и организованное поведение в индивидуальном плане. Этот пример служит еще одной иллюстрацией фундаментального тезиса Жане, широко известного благодаря Выготскому, — все высшие, собственно человеческие виды поведения имеют социальное происхождение: они существуют сначала между людьми, как социальные, интерпсихологические акты, и только затем превращаются во внутренние, интрапсихологические процессы.

Истоки поведения в действии

Тема действия и ее значение для психологии представлена в нескольких книгах Жане, но особенно ярко она раскрывается в работе «Эволюция памяти и понятия времени»[28]. В этой книге Жане утверждает, что все высшие психические функции, такие как речь, эмоции и память, тесно связаны с действием. Речь — потому что в истоке это команда к выполнению какого-либо действия. Эмоции — потому что являются действиями или регуляторами действий[29]. Память — потому что исходно является отложенным действием (фр. *une action différée*). Под действием Жане понимает доступные наблюдению движения тела человека[30]. Его цель состояла в том, чтобы соединить как можно больше психических процессов с этими объективно доступными наблюдаемыми действиями. Здесь он близок к бихевиоризму, хотя и отвергает его, так как бихевиористский подход для изучения специфически человеческих, высших психических процессов был неприемлем[31].

Особенно интересен вопрос о происхождении языка или, скорее, речи. Почему поначалу речь должна быть командой? Вообще-то, это предположение было частью более широкой дискуссии о происхождении социальных действий. Жане считает командование одним из самых важных социальных действий. По его мнению, оно имеет особый характер: в обычных ситуациях мы выполняем все части действия (начало, продолжение, завершение) самостоятельно. Ссылаясь на клинические данные, Жане утверждает, что начало (*initiation*) — самый

[28] См.: *Janet P.* L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris: Chahine, 1928. P. 619.

[29] Ср.: *Janet P.* Les débuts de l'intelligence. Paris: Flammarion, 1935. P. 100.

[30] См. напр.: *Janet P.* La psychologie de la conduite // Encyclopédie Française / H. Wallon (Ed.). Paris, 1938. T. VIII, la vie mentale. P. 8.08-11—8.08-16.

[31] См.: *Janet P.* De l'angoisse à l'extase. Étude sur les croyance et les sentiments. Un délire religieux. La croayance. Paris: Alcan, 1926. T. 1; *Janet P.* La psychologie de la conduite // Encyclopédie Française / H. Wallon (Ed.). Paris, 1938. T. VIII, la vie mentale. P. 8.08-11—8.08-16.

тяжелый этап любого действия. Характерными для него являются специфичные жесты, движения и крики, как выражение прикладываемого усилия. Жане предполагает, что приказания развились из этих криков-сигналов к началу действия. В этом отношении люди отличаются от животных. Лай собаки, преследующей добычу, служит сигналом для других собак бежать за ней. Когда же приказ отдает человек, он ограничивает себя криком и не выполняет остальные части действия. Собака-вожак бежит, тогда как человек-вождь дает сигнал — крик начинать — но не продолжает свое действие. О продолжении и завершении действия позаботятся его подчиненные. Жане утверждает, что это типично для команд и вообще для всех социальных актов человека: они являются действием, разделенным между несколькими индивидами, т.е. действием, в котором каждый из них выполняет только одну часть[32].

Согласно Жане, из этих первичных приказаний развилась речь человека и свой командно-подобный характер она сохранила до сих пор. Кроме того, отсюда понятно, почему Жане считал речь вторым по своему значению источником стимуляции. По Жане, простые виды поведения можно объяснить, если рассмотреть внешние стимулы, поступающие из окружения, но на более высоком уровне поведения вмешивается речь. Жане считает речь важнейшим источником социальной стимуляции и приходит к заключению, что «наши действия определяются двумя факторами: стимуляцией, поступающей из окружающего мира, и стимуляцией, поступающей из общества»[33].

В общем, Жане разделяет идею, которую можно найти также в работах Клапареда[34] и Пиаже[35], что мы сначала исполняем действия и только потом — постфактум[36] — осознаем их. Он утверждает, что открыл этот принцип независимо от Клапареда, но дает ему то же название, поскольку в научных кругах оно пользуется большим успехом. Таким образом, он использовал термин Клапареда *prise de conscience*[37] для процесса осознания собственного поведения.

Интересно отметить, что Жане отстаивал свой ориентированный на действие подход и на почве гносеологии[38]. Можно даже доказать[39], что система Жане

---

[32] См.: *Janet P.* L'évolution psychologique de la personnalite. Paris: Chahine, 1929. P. 182—189.

[33] Там же. P. 419.

[34] Клапаред (*Claparède*) Эдуар (1873—1940) — швейцарский психолог. — *Ред.-сост.*

[35] Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ. — *Ред.-сост.*

[36] *Постфактум* — после того, как что-либо уже произошло. — *Ред.-сост.*

[37] *prise de conscience* (*фр.*) — прибавка в сознании или захват сознания. — *Ред.-сост.*

[38] *Гносеология* (теория познания) — раздел философии, в котором изучается сущность и возможности познания, его предпосылки, условия достоверности и истинности знания, его отношения к реальности. В англо- и франкоязычных странах соответствующую область философских исследований называют эпистемологией. Здесь и далее английский термин *epistemology* переводится как гносеология. — *Ред.-сост.*

[39] См.: *Ducret J.-J.* Jean Piaget: Savant et philosophe. Geneva: Droz, 1984. P. 609; *Prévost C.* La psycho-philosophie de Pierre Janet. Paris: Payot, 1973. P. 33.

была в некотором смысле ответом на гносеологию картезианства[40]. Декарт[41] построил свою метафизическую систему на бесспорном допущении, что человек мыслит (лат. *cogito*), и вывел из этого первого принципа все остальные феномены. Тогда как психология Жане начинается с другой стороны, — с утверждения, что действительно первым принципом будет не *cogito*, а *ago* (лат. действую). Жане рассуждает следующим образом: «Начинать изучение психологии с мысли... значит идти на риск быть непонятым... Психология есть ничто иное, как наука о человеческих действиях. Мысль — это только деталь и форма этих действий»[42] и годом позже уточняет:

> По-моему, философы делают большую ошибку. Они постоянно, со времен Платона, рассматривали психику как нечто завершенное, раз и навсегда сформированное, как то, в чем все феномены имеют одну и ту же ценность и одну и ту же реальность... я не думаю, что мысль, как мыслил Декарт, отправная точка разумной жизни. В начальной стадии мышления не было, оно появилось на последней. Это продукт позднего развития[43].

Конечно, Жане не был первым, кто стал утверждать, что функционирование человеческой психики постепенно развивается, когда индивид действует в сложном социальном окружении. Найти как предшественников, так и последователей его точки зрения не составляет большого труда. Интересно, что многие мыслители обращались к Евангелию по Иоанну[44], в котором (следуя греческой традиции мистицизма) написано, что «в начале было слово»[45]. Гёте[46], например, был одним из первых, кто пытался усовершенствовать Би-

---

[40] *Картезианство* — направление в философии и естествознании XVII—XVIII вв., истоком которого явились идеи Декарта. Это течение получило такое название потому, что латинизированным именем Декарта было Картезий. — *Ред.-сост.*

[41] Декарт (*Descartes*) Рене (1596—1650) — французский философ и математик. — *Ред.-сост.*

[42] *Janet P.* L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris: Chahine, 1928. P. 23.

[43] *Janet P.* L'évolution psychologique de la personnalite. Paris: Chahine, 1929. P. 403—404; ср.: *Janet P.* L'intelligence avant le langage. Paris: Flammarion, 1936. P. 33.

[44] Четвертое каноническое Евангелие (*гр.* благая весть) — повествование о жизни, деяниях и учении Иисуса Христа; написано его любимым учеником апостолом Иоанном предположительно в конце I-го века н.э. — *Ред.-сост.*

[45] Так начинается Евангелие по Иоанну. Приведем несколько первых строк: «В начале 'всего' было Слово / и Слово было с Богом, и 'Само' Оно было Бог. / Слово от начала 'уже' было с Богом. Через Него все обрело свое начало, и не возникло без Него ничто из всего, что возникло. / В Слове была жизнь, и жизнь эта — Свет людям. Этот Свет и во тьме светит: не одолела она его» [Цит. по: Новый Завет в современном русском переводе. Институт перевода Библии в Заокском, 2000. С. 156; слова в одинарных кавычках отсутствуют в оригинальном тексте, но, по мнению переводчиков и редактора, их включение оправданно, «так как они подразумеваются в развитии мысли автора и помогают уяснению смысла, заложенного в тексте» (там же, с. VII). — *Ред.-сост.*]

[46] Гёте (*Goethe*) Иоганн Вольфганг (1749—1832) — немецкий поэт, мыслитель и естествоиспытатель. — *Ред.-сост.*

блию[47], резко возразив дерзким заявлением: «В начале было деяние» (*Im Anfang war die Tat*)[48].

Гёте, в свою очередь, вдохновил таких мыслителей, как Гутцман, Выготский[49] и Валлон[50], которые разрабатывали свои варианты психологии, ориентированной на действие. Прево даже говорит, что для Жане более подходящей является словарная форма *agitur* (быть задействованным, — без подлежащего), чем *ago* (действую), так как он понимает поведение как общий акт человека и объекта. Объекты как таковые Жане считает конструкциями человека (он постоянно сомневался, соответствуют ли наши классификации и обозначения каким-то действительным различиям в реальности), а человек <...> постепенно развивается. По-видимому, он признавал существование реальности «как таковой», но это была реальность, качества которой действия человека могли раскрыть только частично. Жане понимает, что его позиция напоминает некоторую форму кантианства[51] (и метафизику Бергсона), и иногда открыто пишет об этом сходстве:

> О том, что время и пространство не вещественны, говорил уже Кант. Они являются формами психики... которые приписываются вещам. Я думаю, что можно пойти несколько дальше. Это не формы... [а] конструкции психики. В нашем человеческом знании всё является конструкцией... время и пространство тоже являются конструкциями[52].

Отсюда видно, что Жане делает выбор в пользу активного кантианства, в котором категории или формы человеческого знания — включая пространство и время — постепенно изобретаются действующим индивидом как в фило-, так и в онтогенезе. Как отмечает Прево[53], эта гносеологическая позиция нашла отражение в теории когнитивного развития Пиаже[54]. Недавно Дюкре убедительно показал, что в этом отношении Пиаже действительно во многом опирается на Жане[55].

---

[47] *Библия* — свод книг, составляющий Священное писание; состоит из двух частей — Ветхого завета и Нового завета, в который входит и Евангелие по Иоанну. — *Ред.-сост.*

[48] *Goethe I.W.* Faust. Berlin: Aufbau-Verlag, 1977. S.101. [В рус. пер. Б.Л. Пастернака эта строка выглядит «В начале было дело» (*Гёте И.* Фауст. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1957. С. 88). — *Ред.-сост.*]

[49] См.: *Vygotsky L.* Thought and Language. Cambridge (MA): The M.I.T. Press, 1934/1962. P. 317—318. [Рус. изд. см. напр.: *Выготский Л.С.* Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. — *Ред.-сост.*]

[50] См.: *Wallon H.* De l'acte à la pensée: Essai de psychologie comparée. Paris: Collection Champs. Flammarion, 1942/1970. P. 5. [Рус. пер. см.: *Валлон А.* От действия к мысли. М., 1956 — *Ред.-сост.*]

[51] *Кантианство* — совокупность учений, примыкающих к учению Канта. — *Ред.-сост.*

[52] См.: *Janet P.* De l'angoisse à l'extase. Étude sur les croyance et les sentiments. Les Sentiments fondamentaux. T. 2. Paris: Alcan, 1928. P. 619.

[53] См.: *Prévost C.* La psycho-philosophie de Pierre Janet. Paris: Payot, 1973.

[54] См.: *Atkinson C.* Making sense of Piaget: The philosophical roots. London: Routledge and Kegan Paul, 1983; *Kitchener R.* Piaget's theory of knowledge. New Haven: Yale University Press, 1986.

[55] См.: *Ducret J.-J.* Jean Piaget: Savant et philosophe. Geneva: Droz, 1984. P. 469—486, 604—632.

Можно сделать вывод, что Жане выступает за психологический подход, ориентированный на действие, мощные корни которого уходят в его гносеологические взгляды, и усиливает этот подход анализом клинических случаев и размышлениями о происхождении человеческих действий. Исторически акцент Жане на деятельностной природе психических процессов был также следствием его глубокого знания философии Бергсона, на которого он часто ссылается, и которого он называл «одним из великих родоначальников психологии действия»[56].

Развивающаяся природа поведения

Жане многократно утверждает, что психические процессы человека развивались в течение тысячелетий, и это развитие будет продолжаться. У людей оно основано на культуре и не зависит от физиологических структур. Относительно передачи информации от одного поколения к другому он говорит, что самой примитивной формой такой передачи — и это присуще уже низшим организмам — является наследственность. Организмы более высокого уровня развили способность подавать примеры и подражать им, и, наконец, с появлением человечества развиваются язык и обучение[57]. Такое «экстрацеребральное» психическое развитие открыто, в принципе, и в будущее. Жане пишет:

> Мы находимся в начале революции... у наших потомков... будут совершенно другие психологические концепции, у них будут наблюдаться совершенно другие феномены... Ошибка традиционной психологии состоит в том, что она представляет психологические формы поведения как окончательные факты, как приобретенные состояния... которые появились раз и навсегда, которые всегда существовали и всегда будут существовать[58].

В качестве конкретного примера процессов, развитие которых происходило на протяжении тысячелетий, Жане часто приводит изготовление и использование орудий. (При этом он детально рассматривает данные об использовании орудий животными, полученные Кёлером[59], Брейнардом[60], Гийомом и Мейерсоном[61],

[56] *Janet P.* L'intelligence avant le langage. Paris: Flammarion, 1936. P. 151.

[57] См.: *Janet P.* L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris: Chahine, 1928. P. 15.

[58] Там же. P. 160; ср. p. 502.

[59] См.: *Köhler W.* Intelligenzprüfungen an Menschenaffen. Berlin: Julius Springer, 1921. [Рус. пер. см.: *Кёлер В.* Исследование интеллекта человекоподобных обезьян // Основные направления психологии в классических трудах. Гештальтпсихология. В. Кёлер. Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. К. Коффка. Основы психического развития. М.: ООО «Издательство АКТ-ЛТД», 1998; см. также текст Кёлера на с. 315—341 наст. изд. — *Ред.-сост.*]

[60] См.: *Brainard P.P.* The mentality of a child compared with that of apes // Journal of Genetic Psychology. 1930. Vol. 37. P. 268—292.

[61] См.: *Guillaume P., Meyerson I.* Recherches sur l'usage de l'instrument chez les singes. I. Le probleme du détour // Journal de Psychologie. 1930. Vol. 27. P. 177—236; *Guillaume P., Meyerson I.*

и исследования речи, ссылаясь на работы Кассирера[62], Делакруа[63], Хеда[64] и Мурга по афазии). Он обсуждает также общую способность использования знаков[65] и, кроме того, утверждает, что более сложными и интеллектуализированными становятся эмоции[66]. И, наконец, сознание как таковое он считает сравнительно недавним изобретением, состоящим из нескольких иерархически организованных слоев психологических феноменов[67]. Ясно, что Жане предполагает, что ребенок, для того чтобы стать полностью сознательным человеком, должен пройти несколько стадий развития или приобщения к культуре[68].

Тему развития психики можно, наверное, лучше всего иллюстрировать, обратившись к обсуждению Жане фило- и онтогенетического происхождения памяти. Жане различает несколько стадий (или уровней) в развитии запоминания и утверждает, что вначале оно опиралось на символику движений тела. На первой стадии запоминание состояло в разыгрывании пережитого события. Жане считает, что у современных людей эта исходная форма запоминания не утрачена полностью. Он утверждает, что «эти изображения все еще актуальны для нас, но я боюсь, что это всего лишь ископаемые, исчезающие остатки древних процедур»[69]. Следующие стадии развития памяти образуют запоминание, основанное на различных уровнях словесного «кодирования», таких как (простое) описание, повествование и, наконец, сочинение небылиц[70].

Довольно интересно, что Жане выделяет еще одну линию развития памяти человека, — память, основанную на материальных предметах. Вдохновленный, вероятнее всего, своим другом Леви-Брюлем[71], Жане предполагает, что первыми воспоминаниями человека были воспоминания о предметах и их использовании. В качестве примеров использования вещественных вспомогательных средств памяти он приводит завязывание узелков на носовых платках и покупку сувениров туристами. Кроме того (под влиянием Флурнуа), он ссылается на привычку де-

---

Recherches sur l'usage de l'instrument chez les singes II. L'intermédiaire lié à l'objet // Journal de Psychologie. 1930. Vol. 28. P. 481—555.

[62] См.: *Cassirer E.* Pathologie de la conscience symbolique // Journal de Psychologie. 1929. Vol. 26. P. 289—336.

[63] См.: *Delacroix H.* L'aphasie selon Head // Journal de Psychologie. 1927. Vol. 24. P. 285—329.

[64] См.: *Head H.* Disorders of symbolic thinking and expression // British Journal of Psychology. 1921.Vol. 11. № 2. P. 179—193.

[65] См.: *Janet P.* L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris: Chahine, 1928. P. 173, 238.

[66] См.: *Janet P.* De l'angoisse à l'extase. Étude sur les croyance et les sentiments. Les Sentiments fondamentaux. Paris: Alcan, 1928. T. 2. P. 581—582.

[67] См.: там же. P. 162.

[68] ***приобщение к культуре*** (enculturation) — процесс, включающий в себя изменение установок, поведения и языка индивида для приспособления к той или иной культуре. — *Ред.-сост.*

[69] *Janet P.* L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris: Chahine, 1928. P. 240.

[70] Там же. P. 5.

[71] См.: *Lévy-Bruhl L.* Les functions mentales dans les sociétés inéfrieures. Paris: Alcan, 1910/1922; *Lévy-Bruhl L.* La mentalité primitive. Paris: Retz, 1922/1976. [Леви-Брюль (*Levy-Bruhl*) Люсьен (1857—1939) — французский этнограф и психолог. — *Ред.-сост.*]

лать специальные зарисовки запоминаемых предметов и предполагает, что здесь следует искать истоки письменности[72]. Короче говоря, то, что мы называем памятью, является очень сложным целым, состоящим из интеллектуальных операций, которые накладываются друг на друга.

В свете вышесказанного не вызывает удивления утверждение Жане, что память человека во многом отличается от памяти животных, которая, как и память детей и некоторых психически нездоровых людей, находится в зависимости от ассоциаций; воспоминания не являются гибкими, они не приспосабливаются к изменению обстоятельств. Жане назвал этот вид памяти *restitutio ad integrum*[73], имея в виду то, что один стимул запускает другой, ассоциированный с ним стимул, и это ведет к восстановлению в целом. Все это, по мнению Жане, не имеет никакого отношения к развитой человеческой памяти, которая может быть гибко приспособлена к обстоятельствам и основывается на рассказе себе и другим людям. Память в своей высшей форме — это рассказ в настоящем о том, что было в прошлом, адресованный определенному человеку с конкретной целью. Она не имеет отношения ни к поиску копий прошедших событий, оставленных в каком-то хранилище, ни к простой реконструкции прошлого на основе следов памяти и знания настоящего. Это реконструкция в виде рассказа, адресованного определенному человеку, с определенного угла зрения[74]. По существу, это очень сложный социальный процесс, который может сбиться при различных обстоятельствах. Поэтому Жане, как и Бартлетт[75] довольно критично относится к экспериментальному подходу Эббингауза[76]. Обычно даже при заучивании ряда слов люди запоминают не путем простого повторения, а используя умственные процессы, такие как группировка слов со сходным значением или создание определенных ритмических структур. Жане делает вывод, что даже если реальные жизненные обстоятельства сходны с зада-

[72] Сходное обоснование см.: *Vygotsky L.S., Luria A.R.* Ape, Primitive Man, and Child: Essays in the History of Behavior. Hillsdall; N.Y.: Erlbaum, 1993. [Рус. изд.: *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. — *Ред.-сост.*]

[73] *restitutio ad integrum* (*лат.*) — восстановление в целости. — *Ред.-сост.*

[74] Слово «реконструкция» имеет два значения: 1) коренное переустройство, перестройка чего-либо с целью улучшения; 2) восстановление чего-либо по сохранившимся остаткам или описаниям. Здесь акцент делается на первом значении. — *Ред.-сост.*

[75] См.: *Bartlett F.C.* Remembering // A Study in Experimental and Social Psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932/1977.

Интересно, что Бартлетт, прочитав «Эволюцию памяти и понятие времени» Жане, отметил: «Многие положения Жане очень напоминают общий подход, которого я придерживаюсь в данной работе. Позволю себе сказать, что с обеих сторон любая возможность обмена мыслями по данной теме была исключена, и хотя я, как и многие другие психологи, давно восхищаюсь трудами профессора Жане, эту часть своего исследования я закончил прежде, чем была опубликована его книга» (Там же. Р. 293).

[Бартлетт (*Bartlett*) Фредерик Чарлз (1886—1969) — английский психолог. — *Ред.-сост.*]

[76] Эббингауз (*Ebbinghaus*) Герман (1850—1909) — немецкий психолог, выдающийся представитель классической ассоциативной психологии. — *Ред.-сост.*

ниями Эббингауза, то «повторение — это только один из множества процессов запоминания»[77].

Конечно, память ребенка должна пройти разные уровни развития, как и память всего человечества в целом. Более сложные способы запоминания в значительной степени зависят от развития языка. Поэтому, утверждает Жане, у маленьких детей нет памяти, и для объяснения амнезии на события детства не нужно обращаться к психоаналитическим теориям вытеснения[78].

Основным источником представлений Жане о сущности и последовательности стадий развития психики и поведения была его работа с душевнобольными людьми[79]. Но, кроме того, с целью обоснования своего объяснения этого развития он приводит следующие три вида аргументов.

Во-первых, он ссылается на данные сравнительного изучения поведения животных и человека. С результатами таких эмпирических исследований, полученных его современниками, Жане был хорошо знаком. И тем не менее, для того, чтобы доказать определенное происхождение особых видов поведения, он не боялся сочинять различные истории. Прево жестко отмечает[80], что некоторые из них выглядят фантастическими и предполагает, что Жане черпал свое вдохновение из сказок Лафонтена[81] (например, о том, как тигры напугали коров).

Во-вторых, Жане, подобно многим другим авторам, считал, что, наблюдая за современными детьми Запада с нарушениями психики и «примитивными» людьми, можно судить об эволюции психики западного человека[82]. По мнению Жане[83], эти категории людей выступают для нас как «живые документы» того филогенетического развития, которое когда-то происходило в действительности.

Наконец, он утверждал, что психические процессы человека на ранних стадиях эволюции воплощались в орудиях[84] и в том, что он называет «умственными объектами»[85], которыми в сущности являются типичные, культурно обусловленные виды поведения, например, использование корзины для яблок. Согласно Жане, они служат примерами «неживых документов», свидетельствующих об эволюции психики человека, которые мы имеем в нашем распоряжении[86].

Мы можем сделать вывод: согласно Жане, развитие высших психических функций, как в филогенезе, так и в онтогенезе человека, происходит путем постепенного овладения ресурсами, доступными в данной культуре или обществе.

---

[77] *Janet P.* L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris: Chahine, 1928. P. 260—262.

[78] См.: Там же. P. 224.

[79] Ср.: *Ducret J.-J.* Jean Piaget: Savant et philosophe. Geneva: Droz, 1984. P. 617.

[80] См.: *Prévost C.* La psycho-philosophie de Pierre Janet. Paris: Payot, 1973. P. 62.

[81] Лафонтен (*La Fontaine*) Жан де (1621—1695) — французский писатель. — *Ред.-сост.*

[82] См. напр.: *Janet P.* L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. Paris: Chahine, 1928. P. 210, 240—241.

[83] См.: *Janet P.* Les débuts de l'intelligence. Paris: Flammarion, 1935. P. 25.

[84] См.: Там же. P. 205.

[85] См.: *Janet P.* L'intelligence avant le langage. Paris: Flammarion, 1936. P. 28.

[86] См.: *Janet P.* Les débuts de l'intelligence. Paris: Flammarion, 1935. P. 28.

Я. Валсинер,
Р. Ван дер Веер

Культурно-историческая теория высших психических функций*

Восхищение Выготского сравнительной психологией и гештальтпсихологией следует рассматривать на фоне того, что стало его главной целью: сформулировать теорию, которая адекватно объяснит развитие, функцию и структуру специфически человеческих процессов психики. Над этой теорией он работал примерно с 1927 г., выдвигая различные варианты, проводя множество экспериментов и читая современную литературу. В 1931 г. он написал «Историю развития высших психических функций», которую можно рассматривать как наиболее полную версию так называемой культурно-исторической теории высших психических функций[1]. В этой теории предлагалось особое и дискуссионное объяснение психического развития ребенка, основанное на данных антропологии, клинической психологии, сравнительной психологии и психологии развития.

Основная идея Выготского заключается в том, что в онтогенезе человека в отличие от его филогенеза и онтогенеза животных объединяются две «линии»: [1] натурального и [2] культурного развития. По его мнению, филогенез человека состоит из двух «стадий»: [1] медленной биологической эволюции и [2] ускоренного развития, наступающей после «изобретения» орудий труда и языка. За несколько последних сотен тысяч лет человеческий вид мало изменился биологически. Природные способности человека оставались по существу одними и теми же. Развитие орудий труда и языка открыло возможность быстрого роста культуры, результатом которого стало радикальное изменение психических процессов. Психические процессы современных людей принципиально отличаются

---

* *Valsiner J., van der Veer R.* The Social Mind: Construction of the Idea. Cambridge (UK): Cambridge University Press, 2000. P. 364—375. (*Перевод А.В. Селивановой.*)

[1] См.: *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. С. 5—328.

от психических процессов других гоминид[2], которые имели только зачатки речи и использования орудий. Таким образом, как утверждали Вагнер[3] и Северцов[4], в филогенезе развитие психики человека происходит без значительного изменения его внешнего вида и строения.

Онтогенез человека отличается от его филогенеза тем, что биологическое, натуральное развитие (созревание, рост) и культура (язык, орудия, культурные артефакты[5]) присутствуют в нем одно и то же время. Новорожденный (биологический, натуральный) человек растет в среде, наполненной культурными символами, орудиями и другими артефактами. В результате две линии развития — натуральная и культурная — сливаются в одну специфически человеческую, уникальную форму развития. Тем не менее проводить различение между натуральной и культурной линиями развития ребенка необходимо хотя бы потому, что благодаря адекватному пониманию их сложного взаимодействия можно помочь детям с физическими или психическими дефектами. Поскольку для таких детей общепринятые культурные средства нередко оказываются непригодными, им необходимы специальные средства.

Концепцию культурного развития можно пояснить следующим образом. Прежняя S—R психология описывала субъекта как существо, которое пассивно реагирует на стимулы окружающей среды. Схема S—R считается общим принципом, но не может выявить того, что является специфичным для человека. Специфичным для человека является то, что он сам создает стимулы, определяющие его собственное поведение. Такие стимулы-средства имеют социальное происхождение и мы обычно называем их «символы». Любимым примером Выготского была ситуация, в которой два одинаково сильных стимула требуют ответа. Предположим, что девушка не может сделать выбор между двумя равно привлекательными возлюбленными. В соответствии с доктриной S—R, девушка не в состоянии сделать выбор и не будет действовать, если они действительно одинаково привлекательны. Но реально она введет абсолютно новый стимул в ситуацию, который разрешит ее в пользу одного из возлюбленных. Она может решить, что ее фаворитом будет тот, кто позвонит первым. Она может бросить монетку. Она может перевести буквы первых имен возлюбленных в числа и решить, что победит тот, у кого сумма наименьшая. И так далее. Существует бесконечное количество способов, чтобы разрешить такую теоретически уравновешенную ситуацию. Особенность всех этих способов заключается в том, что субъект сам вводит полностью произвольный стимул в ситуацию и реагирует на этот стимул.

---

[2] *Гоминиды* — семейство отряда приматов, включающего в себя как ископаемого человека (питекантропа, синантропа, неандертальца), так и современных людей. — *Ред.-сост.*

[3] Вагнер Владимир Александрович (1849—1934) — биолог и психолог, основоположник сравнительной психологии в России. — *Ред.-сост.*

[4] Северцов Алексей Николаевич (1866—1936) — биолог, создавший отечественную школу морфологов-эволюционистов; см. его текст на с. 180—200 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[5] *Артефакт* — любой объект, созданный или модифицированный людьми. — *Ред.-сост.*

Выготский подчеркивает, что принцип S—R остается в силе, потому что девушка будет реагировать на новый стимул запланированным образом, если она играет честно. Так, если первым позвонит Джон, он будет ее молодым человеком. Как бы то ни было, тот факт, что субъекты сами вводят эти новые стимулы-средства в ситуацию, чтобы управлять своим собственным поведением, делает ее особой, специфично человеческой, выходящей за пределы S—R анализа.

Анализ этой ситуации Выготским выглядит необычным и парадоксальным, потому что описывает конкретного человека, как решающего быть рабом ситуации. Но в отличие от животных, люди могут сами вносить изменения в окружающую среду и таким образом управлять своим поведением. В этой новой среде, тем не менее, они подчиняются законам S—R. Быть действительно свободным значит знать действующие законы природы и использовать это знание. Этот подход «господин—раб» нашел отражение в сходных взглядах Гегеля[6], Энгельса[7], Спинозы[8] и Бэкона[9]. Выготский часто с одобрением цитировал афоризм Бэкона: «Чтобы управлять природой, необходимо повиноваться ей»[10].

Идея Выготского заключалась в том, что все высшие психические процессы включают в себя произвольные или условные стимулы-средства. Мы можем сказать, что высшие психические процессы культурно и социально детерминированы в той степени, в какой такие стимулы-средства, или знаки, являются культурными и социальными продуктами. Таким образом, культурное развитие — это та доля развития, где используются культурные стимулы-средства, знаки или орудия.

Понятие натурального развития оставалось на этой стадии построения теории чем-то неопределенным. При анализе своих экспериментов Выготский склоняется называть тип поведения натуральным, если он не включает в себя использование стимулов-средств или орудий. Таким образом, если в задании на запоминание парных ассоциаций[11] испытуемым дают карточки, но те не могут

---

[6] Гегель (*Hegel*) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ, представитель немецкой классической философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма. — *Ред.-сост.*

[7] Энгельс (*Engels*) Фридрих (1820—1895) — немецкий мыслитель и общественный деятель, один из основоположников марксизма. — *Ред.-сост.*

[8] Спиноза (*Spinoza*, *d'Espinosa*) Бенедикт (Барух) (1632—1677) — нидерландский философ. — *Ред.-сост.*

[9] Бэкон (*Bacon*) Фрэнсис (1561—1626) — английский философ, родоначальник английского материализма и методологии опытной науки. — *Ред.-сост.*

[10] См.: *Bacon F.* The New Organon / F.H. Anderson (Ed). N.Y.: Macmillan, 1620/1960. P. 39.

[11] Имеется в виду исследование процесса заучивания методом парных ассоциаций М. Калкинс: испытуемый заучивает ряд слов, состоящий из пар элементов. После каждого предъявления этого ряда ему последовательно предъявляют первый элемент каждой пары (стимул), а он должен воспроизвести второй элемент пары (ответ). При запоминании и воспроизведении испытуемый может использовать карточку, на которой изображена картина, или использовать образ воображения. Например, для того, чтобы лучше запомнить пару «собака — велосипед», он может представить себе собаку, едущую на велосипеде. — *Ред.-сост.*

их использовать, чтобы улучшить свои результаты, то поведение считается натуральным. В этом смысле «натуральное», очевидно, означает доорудийное, и период натурального развития, по-видимому, варьирует в зависимости от вида культурных орудий, которые подчиняют его себе. В этом смысле можно сказать, что семи- или восьмилетние дети все еще демонстрируют натуральное поведение, т.е. поведение, при котором не используются конкретные, связанные с заданием культурные средства, например, ребенок еще не знает, как использовать игральные кости, чтобы ускорить принятие решения.

Мы могли бы определить натуральное поведение шире, сказав, что это поведение, при котором не используются никакие культурные средства. Однако если мы принимаем это более широкое определение, тотчас же становится очевидным, что поведение семи- или восьмилетних детей в этом смысле не может быть натуральным. Ибо, как Выготский неоднократно подчеркивал, культурным орудием, превосходящим другие, является слово (понимаемое как знак на ранней и как понятие на последней стадии развития теории). Но дети этого возраста, несомненно, используют слова и представляют экспериментальное задание в словах. Следовательно, считать их поведение натуральным нельзя. Чтобы обнаружить натуральное поведение, нужно вернуться в довербальный период развития ребенка, как Выготский и подразумевает в других частях своей работы. Исходя из такого широкого определения, некоторые психологи критиковали концепцию натурального развития Выготского[12].

Выготский подчеркивает, что разграничение натурального и культурного развития является умозрительным, теоретическим, и в реальной практике эти две линии едва ли можно развести. Несмотря на это, при особых обстоятельствах различие между этими линиями может быть показано.

Во-первых, можно попытаться изучить слияние культурной и натуральной линий в реальности при некоторой организации эксперимента, снабжая испытуемых культурными средствами, которые они могут использовать, чтобы повысить свои натуральные результаты. По Выготскому, такие эксперименты скорее всего не дадут точного ответа на вопрос, как это слияние происходит в действительном развитии ребенка, но могут предоставить модель того, как это может происходить в принципе. Так, он провел множество экспериментов, в которых детям предлагались задания, превышавшие их натуральные возможности, и затем снабжал их культурными средствами, которые могли улучшить выполнение этих заданий. В этом заключалась методика двойной стимуляции, названная так потому, что испытуемым предъявляются как стимулы (стимулы-объекты), так и средства (стимулы-средства), чтобы управлять их реакцией на эти стимулы. Например, детей просили запомнить списки из двадцати или тридцати слов, которые им зачитывались. Разумеется, они не могли воспроизвести такой список после одного предъявления. Однако воспроизведение значительно

---

[12] См.: *Van der Veer R., Van IJzendoorn M.H.* Vygotskij's theory of the higher psychological processes: Some criticisms // Human Development. 1985. Vol. 28. P. 1—9.

улучшается, когда детям дают картинки, которые можно связать с запоминаемыми словами. В определенном возрасте дети становятся способными создавать эффективные связи «картинка—слово» и воспроизводить слова, глядя на лежащие перед ними картинки. Выготский и его коллеги провели множество подобных экспериментов, чтобы выяснить, помимо прочего: [1] зависит ли способность к использованию вспомогательных средств от возраста (да, зависит); [2] становится ли она спонтанной (как правило, нет); [3] используют ли дети разного возраста эти средства по-разному (да); [4] замещается ли использование внешних вспомогательных средств использованием внутренних вспомогательных средств (да, замещается) и так далее. На основании полученных данных Выготский делает вывод, что слияние натуральных процессов (в данном случае, натуральной памяти) и культурных средств (в данном случае, картинок) — это процесс интериоризации (*internalization*). Первоначально испытуемые опираются на материальные, внешние средства, но постепенно они научаются замещать их внутренними средствами (преимущественно вербальными, например, они могут увеличить число воспроизведенных слов путем группировки их по категориям).

Во-вторых, Выготский утверждает, что исторические и антропологические данные, а также данные возрастной психологии говорят о том, что его объяснение развития высших психических функций действительно является правдоподобным. Возьмем, для примера, счет. В соответствии с культурно-исторической теорией, это способность, которая изначально происходит из использования внешних средств и затем становится внутренней. Исторические данные действительно показывают, что когда-то существовали системы счета, в которых использовались внешние средства, такие как части тела и веревки с узелками. Антропологи нашли такие системы в неевропейских культурах. Выготский интерпретировал эти данные с точки зрения развития, исходя из того, что существование таких систем в настоящее время наводит на мысль, что в этих культурах развитие счета почему-то было приостановлено, и что такие системы являются пережитками прошлого. Наконец, в возрастной психологии показано, что во время счета маленькие дети нередко используют внешние средства, например, свои пальцы. В более старшем возрасте они могут обходиться без этих внешних средств. Конечно, на внешние средства опираются даже взрослые (например, список дел на день, конспект лекции, секретарь), но Выготский снова интерпретирует этот факт с точки зрения развития. По его мнению, использование таких средств также является пережитком прошлого. Например, когда взрослый человек завязывает узелок на носовом платке, чтобы припомнить определенное событие, то использует способ, который принадлежит раннему периоду его развития. Такие феномены Выготский называет рудиментарными процессами или функциями. Он считает, что они свидетельствуют о происхождении и развитии наших психических процессов. Поэтому можно подумать, что в идеале, согласно Выготскому, все психические процессы должны протекать полностью

внутренне, с опорой на внутренние средства. Для человека с совершенной памятью — известно, что Выготский выступал в качестве мнемониста перед студентами, запоминая и воспроизводя длинные списки слов в прямом и обратном порядке, — это предположение выглядит правдоподобным.

В-третьих, в определенных клинических случаях мы можем увидеть, что то, что мы принимаем за натуральные процессы и способности, на самом деле является культурными условностями. Следовательно, такие случаи выступают в роли естественных экспериментов и дают возможность провести различение между натуральной и культурной линиями в развитии. Например, для нормально видящих людей чтение является зрительным процессом, и мы склонны забывать, что зрительное чтение является культурной условностью. Но уметь читать — значит научиться связывать определенные условные знаки с определенными значениями слов, и эти знаки не обязательно должны быть зрительными. Очевидным подтверждением этому являются незрячие люди, которые читают при помощи пальцев, используя азбуку Брайля. Такие примеры говорят о том, что процессы, которые мы принимаем за натуральные, могут опираться на культурные соглашения. Они также показывают, что если нормальному развитию процесса препятствуют патологические нарушения или дефекты, то адекватное функционирование может быть достигнуто каким-то другим, обходным путем. Существующие способы чтения, разговора и т.д. в совершенстве приспособлены для нормального, здорового человека, именно поэтому мы не можем полностью признать их культурное происхождение. [Болезни как. — *Ред.-сост.*] эксперименты природы позволяют нам распознать натуральные и культурные линии развития.

Выше мы довольно неразборчиво использовали такие термины, как «высший», «культурный», «социальный», «опосредствованный» и «внутренний», с одной стороны, и «низший», «натуральный», «неопосредствованный» и «внешний», с другой. Полезно обсудить их более детально. Это поможет нам понять, какой смысл придает им Выготский и являются ли они полностью эквивалентными или имеют разные оттенки значений. Выготский часто разграничивает высшие и низшие психологические процессы и функции.

Высшие процессы называются высшими потому, что являются измененными низшими процессами. А именно, они стали культурными, социальными, опосредствованными и внутренними. Попытаемся пояснить эти термины, обсудив некоторые примеры так называемых низших и высших психологических процессов, по Выготскому.

Почему высшие психические процессы являются культурными? Потому, что включают в себя использование культурных способов действия и средств, которые варьируют в различных культурах. Так, если нам надо запомнить длинный список несвязанных слов, то мы можем всего лишь внимательно посмотреть на них (тип стратегии, который мы, по-видимому, разделяем с животными, хотя у животных, конечно, проще продемонстрировать узнавание, чем

припоминание), надеясь, что сможем воспроизвести их впоследствии. Такой образ действия малоэффективен. Мы можем также попробовать использовать мнемотехники, например, метод мест[13]. Однако такие мнемотехники развивались внутри определенных культур и различались в разных культурах. В этом смысле высшая и типично человеческая стратегия памяти, связанная с использованием мнемотехник, является культурной.

Почему высшие психические процессы социальные? Они являются социальными потому, что имеют социальное происхождение. Здесь особенно интересны два примера Выготского. Первый пример — указательный жест. В интерпретации Выготского, указательный жест первоначально есть не что иное, как неудачная попытка ребенка схватить объект. Тем не менее, окружающие ребенка взрослые интерпретируют это движение как указательный жест и реагируют соответственно. Постепенно ребенок осознает (социальный) эффект своего движения и, наконец, начинает использовать его преднамеренно. Следовательно, именно люди из социального окружения ребенка изначально придают значение этому движению. Указательный жест существует сначала для других и только потом для ребенка. В этом смысле можно сказать, что указательный жест имеет социальное происхождение. Второй пример — слова. Выготский признавал закон Жане и неоднократно ссылался на него при интерпретации фактов, с которыми сталкивался:

> В общем мы могли бы сказать, что отношения между высшими психическими функциями были некогда реальными отношениями между людьми. Я отношусь к себе так, как люди относятся ко мне. Как словесное мышление представляет перенесение речи внутрь, как размышление есть перенесение спора внутрь, так точно и психически функция слова, по Жане, не может быть объяснена иначе, если мы не привлечем для объяснения более обширную систему, чем сам человек. Первоначальная психология функций слова — социальная функция, и, если мы хотим проследить, как функционирует слово в поведении личности, мы должны рассмотреть, как оно прежде функционировало в социальном поведении людей. <...> Всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая[14].

Возьмем простой пример: ребенок, которого учат переходить дорогу. На первой стадии родители говорят ребенку «посмотри налево», «посмотри направо» и т.д., и он просто выполняет эти инструкции. На следующей стадии ребенок

---

[13] *Метод мест* (method of loci) — мнемотехника, в которой элементы запоминаемого материала переводятся в образную форму и связываются с определенными позициями или местами хорошо знакомой местности, улицы, здания, комнаты и т.д. — *Ред.-сост.*

[14] Цит. по: *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. С. 142, 145. — *Ред.-сост.*

говорит сам себе вслух «посмотри налево», «посмотри направо», инструктируя таким образом самого себя. На конечной стадии он будет представлять эти инструкции только мысленно. Таким образом, процесс который изначально разделен между двумя людьми, т.е. интерпсихический процесс, становится индивидуальным, интрапсихическим процессом. Ребенок применяет к себе то, что сначала применялось к нему другими людьми.

Примеры с указательным жестом и с вербальной инструкцией демонстрируют, по-видимому, довольно-таки разные случаи. В примере с указательным жестом ребенок спонтанно обнаруживает поведение, которое впоследствии интерпретируется определенным образом и только после приобретает определенное значение для него самого. Таким путем спонтанное поведение может стать социализированным. Подобным образом социальное окружение постоянно интерпретирует аффективные состояния ребенка, выражаемые в глобальном моторном поведении, которое рассматривается как внешнее проявление (*externalization*) определенных внутренних состояний психики и таким образом становится их выражением, если верить Валлону[15]. В примере с вербальной инструкцией нет спонтанного поведения, но есть имитация или овладение инструкцией для того, чтобы управлять собой. В примере с указательным жестом нет явной самоинструкции или самостимуляции. Здесь мы видим, что понятие «социальное происхождение высших психических функций» приобретает разные значения, восходящие к различным традициям, которые Выготский синтезировал в своем подходе.

Почему высшие процессы являются опосредствованными? Высшие психические функции опосредствованы потому, что включают в себя использование средств или посредника, в смысле промежуточного обстоятельства (*thing*), через которое действует сила, или производится эффект[16]. Как показано выше, основная идея заключается в том, что исходная связь S—R разбита введением промежуточной операции или стимула-средства. Значение и сила нового стимула определяется соглашением. Нет никакой внутренней причины, по которой слово «голова» значило бы «остаться дома», а слово «хвост» — «навестить тетю Энни», но если субъект так решит, то «голова» и «хвост» приобретут эти значения. Возможность введения стимулов-средств, созданных нами самими, позволяет нам управлять нашим собственным поведением окольным путем.

Почему высшие процессы являются внутренними? Выготский утверждает, что все высшие психические процессы являются внутренними потому, что прошли процесс интериоризации. Изначально мы выполняем вычисление, используя части тела и т.п., позднее мы учимся делать это в уме. Однако многие сложные психические процессы все еще выполняются и будут выполняться с помощью внешних средств. Счеты, логарифмические линейки, карманные

---

[15] Ср.: *Van der Veer R.* Wallon's theory of early child development: The role of emotions // Developmental Review. 1996. Vol. 16. P. 364—390.

[16] Ср.: Webster's dictionary.

калькуляторы и компьютеры делают выполнение сложных операций гораздо более легким, а их использование иногда требует немалых размышлений. В теории Выготского не всегда понятно, что именно интериоризируется, и почему полная интериоризация некоторых сложных процессов была бы наиболее предпочтительной (высшей).

Важно понять, что различные характеристики высших психических функций (культурные, социальные, опосредствованные и внутренние) не перекрываются полностью и не всегда могут быть согласованы. Так, указательный жест не производит впечатления культурного в смысле кросскультурной вариабельности. И он не интериоризируется, если только мы не считаем его вместе с Выготским[17] предшественником слов, что сомнительно. Термины «опосредствованнный» и «внутренний» не имеют одинакового значения. Интересно, нуждаются ли опосредствованные процессы в том, чтобы быть социальными в смысле своего интерперсонального происхождения? Более того, можно задать вопрос: любая ли культурная передача требует опосредствования в значении Выготского?[18] Мы думаем, что здесь все еще остается множество неисследованных проблем. Выготский приводит в пользу своего социогенетического подхода множество данных из разнообразных источников и массу примеров для его иллюстрации. Одна из задач современной психологии состоит в том, чтобы понять, укладываются ли эти факты в согласованную, единую теорию.

Культурно-историческая теория в значительной степени ориентирована на развитие психики. Пафос Выготского связан со стремлением разгадать синтез натуральной и культурной линии в развитии психики, и все его исследования в течение этого периода [т.е. начиная с 1927 г. — *Ред.-сост.*] были задуманы в соответствии с этой целью. Исследование должно быть генетическим, потому что истинная природа явления может быть установлена только путем отслеживания его происхождения и развития. В идеале, как утверждалось выше, развитие должно быть «схвачено вживую» в специально организованных экспериментах. Выготский критикует современные исследования за их почти полное сосредоточение на том, что он называет законченными, окаменевшими процессами, и настаивает на том, что мы должны сделать их пластичными, возвратившись к их происхождению[19]. Например, если нас интересует умение читать, то гораздо более поучительным будет исследование детей, обучающихся чтению, чем взрослых читателей. У взрослых развитие умения читать завершено, и этот процесс стал полностью автоматическим. Анализировать умения в таких ста-

---

[17] См.: *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. С. 323. — *Ред.-сост.*

[18] См.: *Van der Veer R.* The Concept of Culture in Vygotsky's Thinking // Culture & Psychology. Vol. 2. № 3. P. 247—263.

[19] Болдуин отмечал, что реакции могут «полностью утратить видимость своего подлинного происхождения».

тичных состояниях можно лишь с большим трудом. Заяц в поле становится практически невидимым, когда перестает двигаться. Так и подлинную природу психических процессов трудно раскрыть, когда они больше не развиваются. Выготский пишет: «Ибо только в движении тело показывает, что оно есть»[20].

Но в чем же, в таком случае, состоит психическое развитие? Как связаны низшие и высшие психические процессы? Развитие — это непрерывное переструктурирование натуральных процессов и способностей путем овладения культурными средствами (которые впоследствии могут быть заменены более мощными средствами и так далее). Согласно Выготскому, хотя натуральные процессы и способности и развиваются сами по себе, они подвергаются гораздо более важной трансформации, когда пересекают культурную линию развития. Например, дети ясно проявляют способности памяти в том, что могут узнавать предметы и лица. Этот тип памяти может развиваться и усиливаться до такой степени, что их память становится действительно эйдетической. Поскольку этот вид памяти является невербальным, а в более общем смысле непосредственным, Выготский считал его натуральным. Тем не менее, в определенном возрасте дети научаются использовать культурные средства, такие как слова (например, названия категорий), чтобы улучшить свою память. Конечно, это улучшение будет касаться определенного материала (узнавание лиц может быть особым случаем). Но это не значит, что натуральная память ребенка исчезла. Натуральные способности памяти все еще сохраняются, но отныне они переходят под контроль языка. Выготский пишет, что они не отменяются, а сохраняются в подчиненной форме или заменяются[21]. Подобно Жане, он склоняется к тому, чтобы сравнивать низшие и высшие психические процессы (например, вербальную и невербальную память) с низшими (более старыми) и высшими (более новыми) слоями мозга и обсуждать процесс развития в геологических терминах. Как и Жане, он предполагает, что низшие процессы могут быть снова загружены, если нарушаются высшие процессы.

Здесь можно различить две концепции отношений между низшими и высшими процессами. В соответствии с радикальной концепцией трансформации утверждается, что низшие процессы по ходу овладения культурным умением подвергаются фундаментальному необратимому изменению. Например, человек, научившийся играть в шахматы, никогда не сможет снова наивно смотреть на расположение фигур на доске. В соответствии с менее радикальной концепцией замещения утверждается, что низшая функция управляется высшей и может функционировать в своей исходной форме, если это управление каким-то образом ослаблено. Как и Жане, Выготский выбирает менее радикальную позицию, и, подобно Жане, обращается за аргументами в пользу этой точки зрения к ис-

---

[20] Цит. по: *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М.: Педагогика, 1983. Т. 3. С. 63.

[21] См. напр.: Там же. С. 113. — *Ред.-сост.*

следованиям афазии Кассирера, Гольдштейна[22], Хеда[23], Хьюлингза Джексона[24] и других. Согласно этой концепции, человек, который, например, теряет способность пользоваться абстрактными понятиями, возвращается в то состояние, в котором он был до обретения этой способности. Эта точка зрения кажется в равной степени спорной и труднопроверяемой.

Выготский в своем взгляде на развитие психики и в культурно-исторической теории в целом позаимствовал многие понятия и данные из исследований его предшественников и современников. Большинство из того, что сейчас кажется оригинальным и действительно новаторским, во время Выготского считалось банальным, например, генетический подход, подразумевающий изучение филогенетической и онтогенетической сферы[25].

В 1922 г. комитет Американской психологической ассоциации (APA), возглавляемый Ховардом Уорреном, уже определил генетическую психологию как «систематическое изучение психических явлений в терминах происхождения и развития психической жизни у индивида, рода, или любой части ряда животных»[26]. <...>[27] Основную попытку проследить некоторые истоки размышлений Выготского мы совершили в другом месте и там же привели доводы в пользу того, что культурно-историческую теорию следует рассматривать как синтез многих идей из менее известных источников[28].

Эта теория действительно уникальна в своем акцентировании на определенных понятиях и их разработке. И текст, написанный Выготским, довольно легко узнаваем. Среди элементов, которые позволили бы непрофессиональному читателю определить текст, принадлежащий Выготскому, можно указать следующие. Во-первых, там будет присущая исключительно Выготскому разработка проблемы управления и контроля. Культурные орудия дают нам возможность управлять нашим собственным поведением обходным путем. Благодаря их использованию человек одновременно является господином и рабом, и в той степени, в какой эти культурные орудия переданы нам социальным окружением, мы одновременно являемся собой и окружающими, «другим» и «я». Короче, Выготский приходит к заключению, что человек двойственен. Во-вторых, там будет

---

[22] Гольдштейн (*Goldstein*) Курт (1978—1965) — немецкий, позже американский, невролог, психиатр и психолог. — *Ред.-сост.*

[23] Хед (*Head*) Генри (1861—1940) — английский невролог. — *Ред.-сост.*

[24] Джексон (*Jackson*) Джон Хьюлингз (1835—1911) — английский невролог. — *Ред.-сост.*

[25] См.: *Wertsch J.V.* Vygotsky and the social formation of mind. Cambridge (Mass): Harvard University Press, 1985.

[26] См.: *Calkins M.W. et al.* Definitions and limitations of psychological terms. II // Psychological Bulletin. 1922. Vol. 19. № 4. P. 230—233.

[27] В пропущенном отрывке авторы ссылаются на другие главы своей книги (в особенности на гл. 3), в которых «читатель может найти многие понятия, которые иногда рассматриваются современными психологами как принадлежащие Выготскому» (с. 373). — *Ред.-сост.*

[28] См.: *Van der Veer R., Valsiner J.* Understanding Vygotsky: A quest for synthesis. Oxford; Blackwell, 1991.

теория интериоризации Выготского, которая придает особое значение переходу от опоры на внешние средства к опоре на внутренние средства. Сомнительность этой теории подтолкнула Выготского к тому, чтобы исследовать модель процесса интериоризации эмпирически. Ирония в том, что его часто критикуемые и неопределенно описанные экспериментальные исследования интериоризации были первыми в своем роде. Наконец, Выготский по-своему использовал эксперименты природы. Идея изучать патологические случаи, чтобы понять нормальное развитие, была традиционной, но идея использовать детей с физическим недостатком (незрячих и глухих), чтобы пролить свет на условную, культурную природу таких процессов как чтение и устная речь, определенно принадлежит Выготскому.

Культурно-историческая теория была важной попыткой пролить свет на проблему «природа—воспитание в развитии ребенка». Предполагается, что можно разграничить низшие и высшие психические процессы, и что высшие психические процессы развиваются в онтогенезе под сильным влиянием культуры. Чтобы аргументировать эту точку зрения, Выготский и его коллеги исследовали и патологические (например, нарушения психики после поражения мозга), и эволюционные данные. Эволюционные данные собирались в трех направлениях исследований. В первом направлении выяснялось, действительно ли различные культуры «производят» различные высшие психические процессы, как предсказывает культурно-историческая теория. Для исследования этого вопроса коллега Выготского, Лурия[29], организовал несколько экспедиций в Узбекистан[30]. Второе направление исследований включало в себя лонгитюдные исследования дизиготных и монозиготных близнецов. Изучение разлученных близнецов помогало объяснить взаимодействие природы и воспитания. Наконец, изучение нормальных детей и детей с физическими недостатками позволило Выготскому и его коллегам разделить натуральные и культурные линии развития и понять, какими альтернативными путями может пойти развитие. Взятые вместе, данные патологии и эволюционные данные складываются в картину психического развития, которую можно считать убедительной или нет, но она действительно положила начало исследовательской традиции, которая продолжается по сей день.

---

[29] Лурия Александр Романович (1902—1977) — отечественный психолог, один из основателей нейропсихологии. — *Ред.-сост.*

[30] См.: *Van der Veer R., Valsiner J.* Understanding Vygotsky: A quest for synthesis. Oxford; Blackwell, 1991.

3 *Развитие сознания. Присвоение общественно-исторического опыта в онтогенезе. Соотношение внешней и внутренней деятельности. Понятие интериоризации*

А.Н. Леонтьев

Проблема присвоения человеком общественно-исторического опыта*

В процессе своего онтогенетического развития[1] человек вступает в особые, специфические отношения с окружающим его миром предметов и явлений, которые созданы предшествующими поколениями людей. Специфичность их определяется, прежде всего, природой этих предметов и явлений. Это с одной стороны. С другой — она определяется условиями, в которых складываются эти отношения.

Действительный, ближайший к человеку мир, который более всего определяет его жизнь, — это мир, преобразованный или созданный человеческой деятельностью. Однако как мир общественных предметов, предметов, воплощающих человеческие способности, сформировавшиеся в процессе развития общественно-исторической практики, он непосредственно не дан индивиду; в *этом* своем качестве он стоит перед каждым отдельным человеком как задача.

Даже самые элементарные орудия, инструменты или предметы обихода, с которыми впервые встречается ребенок, должны быть активно раскрыты им в их специфическом качестве. Иначе говоря, ребенок должен осуществить по отношению к ним такую практическую или познавательную деятельность, которая *адекватна* (хотя, разумеется, и не тождественна) воплощенной в них человеческой деятельности. Другой вопрос, насколько адекватна будет эта деятельность ребенка и, следовательно, с какой мерой полноты раскроется для него значение данного предмета или явления, *но эта деятельность всегда должна быть.*

Вот почему если внести предметы человеческой материальной культуры в клетку с животными, то хотя предметы эти, конечно, и не утратят ни одного

---

* *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 372—378.

[1] Я имею в виду здесь и ниже только период постнатального развития.

из своих физических свойств, но проявление тех специфических свойств их, в которых они выступают для человека, станет невозможным; они выступят лишь как объекты приспособления, уравновешивания, т.е. только как часть природной среды животного.

Деятельность животных осуществляет акты приспособления к среде, но никогда — акты овладения достижениями филогенетического развития. Эти достижения даны животному в его природных, наследственных особенностях; человеку они *заданы* в объективных явлениях окружающего его мира[2]. Чтобы реализовать эти достижения в своем онтогенетическом развитии, человек должен ими *овладеть*; только в результате этого всегда активного процесса индивид способен выразить в себе истинно человеческую природу — те свойства и способности, которые представляют собой продукт общественно-исторического развития человека. А это является возможным именно потому, что эти свойства и способности приобретают объективную предметную форму. <...>

Итак, духовное, психическое развитие отдельных людей является продуктом совершенно особого процесса — процесса присвоения, которого вовсе не существует у животных, как не существует у них и противоположного процесса опредмечивания их способностей в объективных продуктах их деятельности[3].

Приходится специально подчеркивать отличие этого процесса от процесса индивидуального приспособления к естественной среде, потому что безоговорочное распространение понятия приспособления, уравновешивания со средой на онтогенетическое развитие человека стало чуть ли не общепринятым. Однако применение этого понятия к человеку без надлежащего анализа только заслоняет действительную картину его развития. <...>

Основное различие между процессом приспособления в собственном смысле и процессами присвоения, овладения состоит в том, что процесс биологического приспособления есть процесс изменения видовых свойств и способностей организма и его видового поведения. Другое дело — процесс присвоения или овладения. Это процесс, в результате которого происходит *воспроизведение* индивидуумом исторически сформировавшихся человеческих способностей и функций. Можно сказать, что это есть процесс, благодаря которому в онтогенетическом развитии человека достигается то, что у животного достигается действием наследственности, а именно, воплощение в свойствах индивида достижений развития вида.

Формирующиеся у человека в ходе этого процесса способности и функции представляют собой психологические новообразования, по отношению к кото-

---

[2] «Ни природа в объективном смысле, ни природа в субъективном смысле непосредственно не дана человеческому существу адекватным образом», — замечает Маркс (*Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. С. 632).

[3] Я, понятно, отвлекаюсь от случаев проявления у животных «строительных инстинктов» и т. п., так как очевидно, что они имеют совершенно другую природу.

рым наследственные, прирожденные механизмы и процессы являются лишь необходимыми внутренними (субъективными) условиями, делающими *возможным* их возникновение; но они *не определяют* ни их состава, ни их специфического качества.

Так, например, морфологические особенности человека позволяют сформироваться у него слуховым способностям, но лишь объективное бытие языка объясняет развитие *речевого* слуха, а фонетические особенности языка — развитие специфических качеств этого слуха.

Точно так же логическое мышление принципиально невыводимо из прирожденных мозгу человека процессов и управляющих ими внутренних законов. Способность логического мышления может быть только результатом овладения *логикой* — этим объективным продуктом общественной практики человечества. У человека, живущего с раннего детства вне соприкосновения с объективными формами, в которых воплощена человеческая логика, и вне общения с людьми, процессы логического мышления не могут сформироваться, хотя бы он встречался бесчисленное число раз с такими проблемными ситуациями, приспособление к которым требует формирования как раз этой способности.

Впрочем, представление о человеке, стоящем один на один перед окружающим его предметным миром, является, конечно, допущением совершенно искусственным. В нормальных обстоятельствах отношения человека к окружающему его предметному миру всегда опосредствованы отношением к людям, к обществу. Они включены в общение, даже когда внешне человек остается один, когда он, например, занимается научной и тому подобной деятельностью[4].

Общение — в своей первоначальной, внешней форме как сторона совместной деятельности людей, т.е. в форме «непосредственной коллективности» или в форме внутренней, интериоризованной, — составляет второе необходимое и специфическое условие процесса присвоения индивидами достижений исторического развития человечества.

Роль общения в онтогенетическом развитии человека достаточно хорошо изучена в психологических исследованиях, посвященных раннему возрасту[5]. С интересующей нас стороны общий итог этих исследований может быть выражен следующим образом. Уже в младенческом возрасте практические связи ребенка с окружающими его человеческими предметами необходимо включены в общение со взрослыми — в общение, тоже, разумеется, первоначально «практическое». Субъективной предпосылкой возникновения этих ранних общений

[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Из ранних произведений. С. 390.

[5] См.: *Фрадкина Ф.И.* Психология игры в раннем детстве: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1948; *Фрадкина Ф.И.* Возникновение речи у ребенка // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1955. Т. 12; *Конникова Т.Е.* Начальный этап в развитии детской речи: Дис. ... канд. психол. наук. Л., 1947; *Лехтман-Абрамович Р.Я., Фрадкина Ф.И.* Этапы развития игры и действий с предметами в раннем детстве. М.: Медицина, 1949.

является пробуждение у ребенка специфической реакции, вызываемой у него человеком, которую Фигурин и Денисова назвали комплексом оживления[6]. Из этой комплексной реакции и дифференцируется далее практическое общение ребенка с окружающими людьми.

Общение это с самого начала имеет характерную для человеческой деятельности структуру опосредствованного процесса, но в ранних, зачаточных своих формах оно опосредствовано не словом, а предметом. Оно возникает благодаря тому, что на заре развития ребенка его отношения к окружающим предметам необходимо осуществляются при помощи взрослого: взрослый приближает к ребенку вещь, к которой тот тянется; взрослый кормит ребенка с ложки; он приводит в действие звучащую игрушку и т.п. Иначе говоря, отношения ребенка к предметному миру первоначально всегда опосредствованы действиями взрослого.

Другая сторона этих отношений состоит в том, что действия, осуществляемые самим ребенком, обращаются не только к предмету, но и к человеку. Ребенок, манипулируя предметом, например, бросая его на пол, воздействует этим и на присутствующего взрослого; это явление, которое иногда описывается как «вызов взрослого на общение»[7]. Возникновение в поведении ребенка мотива общения обнаруживается в том, что некоторые его действия начинают подкрепляться не их преметным эффектом, а реакцией на этот эффект взрослого. Об этом выразительно говорят, например, данные исследования С. Фаянс, изучавшей манипулирование с предметами у детей ясельного возраста: когда взрослый скрывается из поля восприятия ребенка, то действия ребенка прекращаются; когда взрослый снова появляется перед ними, они возобновляются[8].

Таким образом, уже на самых первых этапах развития индивида предметная действительность выступает перед ним через его взаимоотношения с окружающими людьми и *поэтому* не только со стороны своих вещественных свойств и своего биологического смысла, но и как мир предметов, которые постепенно раскрываются для него человеческой деятельностью — в их общественном значении.

Это и составляет ту первоначальную основу, из которой происходит овладение языком, речевым общением.

Не касаясь сейчас того нового, что вносит в психическое развитие речь (об этом написаны многие тысячи страниц), я только хочу еще раз подчеркнуть, что хотя языку принадлежит огромная, действительно решающая роль, однако

[6] См.: *Фигурин Н.Л., Денисова М.П.* Этапы развития поведения детей в возрасте от рождения до одного года. М.: Медицина, 1949.

[7] См.: *Каверина Е.К.* О развитии речи детей первых двух лет жизни. М.: Медицина, 1950.

[8] См.: *Fajans S.* Die Bedeutung der Entfernung für die Stärke eines Aufforderungscharakters beim Säugling // Psychologische Forschungen. 1933. Bd. 13. H. 3—4.

язык не является *демиургом*[9] человеческого в человеке[10]. Язык — это то, в чем обобщается и передается отдельным людям опыт общественно-исторической практики человечества; это, следовательно, также средство общения, условие присвоения этого опыта индивидами и вместе с тем форма его существования в их сознании.

Иначе говоря, онтогенетический процесс формирования человеческой психики создается не воздействием самих по себе словесных раздражителей, а является результатом описанного специфического процесса присвоения, который определяется *всеми* обстоятельствами развития жизни индивидов в обществе.

Процесс присвоения реализует у человека главную необходимость и главный принцип онтогенетического развития — воспроизведение в свойствах и способностях индивида исторически сложившихся свойств и способностей человеческого вида, в том числе также и способности понимать язык и пользоваться им.

[9] *Демиург* — созидающее начало, созидательная сила, творец. — *Ред.-сост.*

[10] См.: *Леонтьев А.Н.* Обучение как проблема психологии // Вопросы психологии. 1957. № 1. С. 12.

А.Н. Леонтьев

Соотношение внешней и внутренней деятельности*

Старая психология имела дело только с внутренними процессами — с движением представлений, их ассоциацией в сознании, с их генерализацией и движением их субститутов — слов. Эти процессы, как и непознавательные внутренние переживания, считались единственно составляющими предмет изучения психологии.

Начало переориентации прежней психологии было положено постановкой проблемы о происхождении внутренних психических процессов. Решающий шаг в этом отношении был сделан И.М. Сеченовым[1], который еще сто лет тому назад указывал, что психология незаконно вырывает из целостного процесса, звенья которого связаны самой природой, его середину — «психическое», противопоставляя его «материальному». Так как психология родилась из этой, по выражению Сеченова, *противоестественной* операции, то потом уже «никакие уловки не могли склеить эти разорванные его звенья». Такой подход к делу, писал далее Сеченов, должен измениться. «*Научная психология по всему своему содержанию не может быть ничем иным, как рядом учений о происхождении психических деятельностей*»[2].

Дело историка — проследить этапы развития этой мысли. Замечу только, что начавшееся тщательное изучение филогенеза и онтогенеза мышления фактически раздвинуло границы психологического исследования. В психологию вошли такие парадоксальные с субъективно-эмпирической точки зрения понятия, как понятие о практическом интеллекте, или ручном мышлении. Положение о том, что внутренним умственным действиям генетически предшествуют

* *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 94—101.

[1] Сеченов Иван Михайлович (1829—1905) — русский физиолог, создатель физиологической школы. — *Ред.-сост.*

[2] См.: *Сеченов И.М.* Избр. произв.: В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 209.

внешние, стало едва ли не общепризнанным. С другой стороны, т.е. двигаясь от изучения поведения, была выдвинута гипотеза о прямом, механически понимаемом переходе внешних процессов в скрытые, внутренние; вспомним, например, схему Уотсона[3]: *речевое поведение → шепот → полностью беззвучная речь*[4].

Однако главную роль в развитии конкретно-психологических взглядов на происхождение внутренних мыслительных операций сыграло введение в психологию понятия об **интериоризации**.

Интериоризацией называют, как известно, переход, в результате которого внешние по своей форме процессы с внешними же, вещественными предметами преобразуются в процессы, протекающие в умственном плане, в плане сознания; при этом они подвергаются специфической трансформации — обобщаются, вербализуются, сокращаются и, главное, становятся способными к дальнейшему развитию, которое переходит границы возможностей внешней деятельности. Это, если воспользоваться краткой формулировкой Ж. Пиаже[5], — переход, «ведущий от сенсомоторного плана к мысли»[6].

Процесс интериоризации детально изучен сейчас в контексте многих проблем — онтогенетических, психолого-педагогических и общепсихологических. При этом обнаруживаются серьезные различия как в теоретических основаниях исследования этого процесса, так и в теоретической его интерпретации. Для Ж. Пиаже важнейшее основание исследований происхождения внутренних мыслительных операций из сенсомоторных актов состоит, по-видимому, в невозможности вывести операторные схемы мышления непосредственно из восприятия. <...> Иные исходные позиции определили взгляды на переход от действия к мысли П. Жане[7], А. Валлона[8], Дж. Брунера[9].

В советской психологии понятие об интериоризации («вращивании») обычно связывают с именем Л.С. Выготского[10] и его последователей, которым принадлежат важные исследования этого процесса. Последние годы последовательные этапы и условия целенаправленного, «не стихийного» преобразования внешних (материализованных) действий в действия внутренние (умственные) особенно детально изучаются П.Я. Гальпериным[11].

---

[3] Уотсон (*Watson*) Джон Бродес (1878—1958) — американский психолог, основоположник бихевиоризма. — *Ред.-сост.*

[4] См.: *Watson J.B.* The Ways of the Behaviorism. N.Y.: Harper and Brothers, 1928.

[5] Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ. — *Ред.-сост.*

[6] *Пиаже Ж.* Роль действия в формировании мышления // Вопросы психологии. 1965. № 6. С. 33.

[7] Жане (*Janet*) Пьер (1859—1947) — французский психолог и психопатолог. — *Ред.-сост.*

[8] Валлон (*Wallon*) Анри (1879—1962) — французский психолог. — *Ред.-сост.*

[9] Брунер (*Bruner*) Джером Сеймор (1915) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[10] Выготский Лев Семенович (1896—1934) — отечественный психолог, создатель культурно-исторической теории развития высших психических функций. — *Ред.-сост.*

[11] См.: *Гальперин П.Я.* Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР: В 2 т. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. Т. 1. С. 441—469.

Исходные идеи, которые привели Выготского к проблеме происхождения внутренней психической деятельности из внешней, принципиально отличаются от теоретических концепций других современных ему авторов. Идеи эти родились из анализа особенностей специфически человеческой деятельности — деятельности трудовой, продуктивной, осуществляющейся с помощью орудий, деятельности, которая является изначально общественной, т.е. которая развивается только в условиях кооперации и общения людей. Соответственно Выготский выделял два главных взаимосвязанных момента, которые должны быть положены в основание психологической науки. Это орудийная («инструментальная») структура деятельности человека и ее включенность в систему взаимоотношений с другими людьми. Они-то и определяют собой особенности психологических процессов у человека. Орудие опосредствует деятельность, связывающую человека не только с миром вещей, но и с другими людьми. Благодаря этому его деятельность **впитывает в себя опыт человечества**. Отсюда и проистекает, что психические процессы человека (его «высшие психологические функции») приобретают структуру, имеющую в качестве своего обязательного звена общественно-исторически сформировавшиеся средства и способы, передаваемые ему окружающими людьми в процессе сотрудничества, в общении с ними. Но передать средство, способ выполнения того или иного процесса невозможно иначе, как во внешней форме — в форме действия или в форме внешней речи. Другими словами, высшие специфические человеческие психологические процессы могут родиться только во взаимодействии человека с человеком, т.е. как **интерпсихологические**, и лишь затем начинают выполняться индивидом самостоятельно; при этом некоторые из них утрачивают далее свою исходную внешнюю форму, превращаясь в процессы **интрапсихологические**[12]. <...>

Таким образом, процесс интериоризации состоит не в том, что внешняя деятельность **перемещается** в предсуществующий внутренний «план сознания»; это — процесс, в котором этот внутренний план **формируется**. <...>

Именно в итоге движения теоретической мысли по этому пути открывается принципиальная общность внешней и внутренней деятельности как опосредствующих взаимосвязи человека с миром, в которых осуществляется его реальная жизнь.

Соответственно этому главное различение, лежавшее в основе классической картезианско-локковской психологии, — различение, с одной стороны, внешнего мира, мира протяжения, к которому относится и внешняя, телесная деятельность, а с другой — мира внутренних явлений и процессов сознания, — должно уступить свое место другому различению; с одной стороны — предметной реальности и ее идеализированных, превращенных форм (*verwandelte Formen*), с другой стороны — деятельности субъекта, включающей в себя как внешние, так и внутренние

[12] См.: *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. С. 198—199.

процессы. А это означает, что рассечение деятельности на две части или стороны, якобы принадлежащие к двум совершенно разным сферам, устраняется. Вместе с тем это ставит новую проблему — проблему исследования конкретного соотношения и связи между различными формами деятельности человека.

Эта проблема стояла и в прошлом. Однако только в наше время она приобрела вполне конкретный смысл. Сейчас на наших глазах происходит все более тесное переплетение и сближение внешней и внутренней деятельности: физический труд, осуществляющий практическое преобразование вещественных предметов, все более «интеллектуализируется», включает в себя выполнение сложнейших умственных действий; в то же время труд современного исследователя — деятельность специально познавательная, умственная *par excellence* [*фр.* преимущественно. — *Ред.-сост.*] — все более наполняется процессами, которые по форме своей являются внешними действиями. Такое единение разных по своей форме процессов деятельности уже не может быть интерпретировано как результат только тех переходов, которые описываются термином интериоризации внешней деятельности. Оно необходимо предполагает существование постоянно происходящих переходов также и в противоположном направлении, от внутренней к внешней деятельности. <...>

Несколько забегая вперед, скажем сразу, что взаимопереходы, о которых идет речь, образуют важнейшее движение предметной человеческой деятельности в ее историческом и онтогенетическом развитии. Переходы эти возможны потому, что **внешняя и внутренняя деятельность имеют одинаковое общее строение**. Открытие общности их строения представляется мне одним из важнейших открытий современной психологической науки.

Итак, внутренняя по своей форме деятельность, происходя из внешней практической деятельности, не отделяется от нее и не становится над ней, а сохраняет принципиальную и притом двустороннюю связь с ней.

П.Я. Гальперин

К учению об интериоризации*

Л.С. Выготскому[1] мы обязаны тем, что понятие интериоризации вошло в обиход советской психологии, и еще больше — особым значением этого понятия, которое в других теориях оно не получило.

Во французской социологической школе[2], где понятие интериоризации впервые возникло, оно означало прививание элементов идеологии к изначально биологическому сознанию индивида: идеология, общественное сознание переносилось «в» индивидуальное сознание; менялось местонахождение, но не природа явления; оно как было, так и оставалось идеальным.

Пиаже[3] подчеркивает роль интериоризации в образовании «операций», сочетаний обобщенных и сокращенных, взаимообратных действий. В плане восприятия, в поле внешних вещей каждое действие направлено только к своему результату, оно исключает одновременное противоположное; только в идеальном плане (который приравнивается к внутреннему) можно построить схему двух таких действий и вывести из их взаимопогашающих результатов «принцип сохранения» основных свойств вещей, основные константы предметного мира. Но образование такого внутреннего плана не составляет у Пиаже самостоятельную проблему, а является естественным следствием развития мышления: до известного «умственного возраста» ребенок способен проследить изменение объекта только в одном направлении, а с приближением к этому возрасту начинает улавливать и другие изменения, одновременные и возмещающие первые. Тогда ребенок, начинает увязывать их и приходит к более широким схемам действий,

---

* *Гальперин П.Я.* К учению об интериоризации // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 25—32.

[1] Выготский Лев Семенович (1896—1934) — отечественный психолог, создатель культурно-исторической теории развития высших психических функций; см. его тексты на с. 413—434 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[2] ***Французская социологическая школа*** — направление, утвердившее социологию как особую область гуманитарного знания благодаря учению Э. Дюркгейма (1858—1917) о «социальных фактах» и «коллективных представлениях». — *Ред.-сост.*

[3] Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ. — *Ред.-сост.*

к «операциям» и к выделению различных констант физических величин. Интериоризация — явление вторичное от логического развития мышления и означает создание плана идеальных, собственно логических конструкций. Вопрос о переходе от непсихического к психическому при этом не затрагивается.

А у Выготского он неизбежно затрагивался. Самое утверждение Выготского: высшие психические функции сначала образуются как внешние формы деятельности и лишь потом, в результате интериоризации, становятся психическими процессами индивида, — не может не звучать как утверждение, что, по крайней мере в этом случае (высших психических функций), непсихическое превращается в психическое. Принципиальное значение этого очевидно: приоткрывается возможность преодолеть извечную пропасть между ними.

Следует добавить и подчеркнуть, что экспериментальные исследования в школе Выготского с самого начала были поставлены широко генетически и, таким образом, в неявной форме содержали еще три фундаментальные мысли.

а) Только в генезе раскрывается подлинное строение психических функций; когда они окончательно сложатся, строение их становится неразличимым, более того — «уходит в глубь» и прикрывается «явлением» совсем другого вида, природы и строения.

б) Психические процессы имеют не только «явление», но и скрытую за ними «сущность», которая не дана изначально, но образуется в процессе становления этих процессов.

в) Эта «сущность» не сводится к физиологическим процессам, с одной стороны, и логическим схемам вещей, с другой; она представляет собой характерную организацию интериоризированной ориентировочной деятельности, — организацию, которая продолжает функционировать и после того, как уходит за кулису сцены, открывающейся самонаблюдению.

В свое время эти радикальные следствия из учения Выготского были отодвинуты на задний план двумя обстоятельствами. Одно из них состояло в том, что в советской психологии 20-х и 30-х гг. первое место занимал вопрос об общественно-исторической природе человеческого сознания. Выготский считал понятие отдельной «клеточкой сознания» и экспериментальный путь к исследованию становления сознания у ребенка усматривал в развитии понятий. Другое обстоятельство заключалось в том, что констатация факта — переноса внешних форм действия во внутренний план сознания — сама по себе не давала оснований для суждения об изменении их природы. Если, скажем, внешний спор после интериоризации превращался в обсуждение вопроса, его участники — в «точки зрения», а возражения и ответы на них — в доводы «за» и «против»,— то происходило абстрагирование, но процесс оставался логическим и не становился психологическим. Интериоризация представлялась в виде транспортировки процесса из одной сферы в другую; это создавало дополнительные удобства, но не меняло процесс по существу. Поэтому главный вопрос состоял в том, как этот процесс складывался в основной, исходной форме. Радикальное значение

понятия об интериоризации, объективно в нем заложенное, оставалось потенциальным. И только новая линия генетического исследования, не возрастного, а функционального — формирование умственных действий и понятий, — восстановила это основное значение понятия об интериоризации, придав ему, естественно, и новое содержание.

Эта новая линия генетического исследования заключалась прежде всего в новом методе. Л.С. Выготский хорошо сознавал принципиальную недостаточность констатации того, что может (и не может) сделать ребенок на разных последовательных уровнях развития. Выготский указывал, что подлинным генетическим анализом процесса будет его систематическое воспроизведение, обучающий эксперимент. Может быть поэтому он придавал такое значение учению о «зоне ближайшего развития»[4], в которой ясно выступает конструктивная роль обучения. Но, к сожалению, достаточно полного контроля над условиями формирования понятий в то время получить не удавалось, и метод последовательных «поперечных срезов» оставался решающим в исследовании психического развития.

В настоящее время, в результате исследований, произведенных главным образом в течение 50-х гг., мы в значительной мере приблизились к решению задачи управления процессом формирования умственных действий. И теперь метод исследования заключается не в том, чтобы установить: «до этих пор» ребенок не переносит действие в умственный план, а «с этих пор» переносит, — теперь метод нацелен на выяснение условий, позволяющих систематически осуществлять такой перенос (конечно, при наличии объективно необходимых «предварительных знаний и умений»). Результаты этих исследований заставляют изменить представление о природе «внутреннего плана» и вместе с ним, естественно, о процессе интериоризации.

Объектом этих исследований служили не формы речевого общения между людьми — предмет деликатный и не очень ясный,— а разнообразные действия, изучаемые в математике, физике, грамматике, истории, логике и других областях знания. Это действия четкие по назначению, материалу и способу применения, им обучают в школе, к их усвоению предъявляются определенные требования, и одно из них заключается в том, чтобы дети выполняли эти действия не только на предметах и бумаге, но и в уме, как можно быстрее, по возможности автоматизированно, но с полным контролем над ходом и результатами. Попытки такой планомерной интериоризации вначале натолкнулись на следующие препятствия: наглядную картину предметного действия, даже хорошо обобщенную и освоенную, не удается планомерно, систематически и у всех одинаково успешно непосредственно перенести в умственный план: ни руководитель, ни ребенок не располагают средствами непосредственного возбуждения этой кар-

[4] *Зона ближайшего развития* — термин Л.С. Выготского, обозначающий расхождение между тем, что ребенок может выполнить сам и тем, что он может достичь с помощью взрослого или более способного ровесника. — *Ред.-сост.*

тины в уме во всех необходимых деталях. Способность прямого запечатления и затем оживления наглядной картины процесса сильно колеблется, большею частью недостаточна, и мы не управляем ею. А задача состоит в том, чтобы найти средства, которые позволили бы уверенно и без потерь перенести предметное действие во внутренний план.

До сих пор найдено лишь одно такое средство: предварительное формирование действия в громкой речи, без непосредственной опоры на какие-нибудь материальные объекты (кроме звуков самой речи). Пока действие осуществляется как преобразование материальных объектов (хотя бы это были письменные знаки), точность самой речи действующему лицу представляется несущественной: положение вещей само говорит за себя. Когда же действие отрывается от вещей, его единственным объективным носителем становится речь. Конечно, даже в отсутствие вещей у ребенка нередко возникает соблазн действовать «по представлению» и по-прежнему не придавать «слишком большого» значения словесному выражению. Но известно, как ненадежны представления, как они могут расходиться с словами и как опасно такое расхождение.

Формирование речи, полно и точно воплощающей действие, которое оторвалось от своих материальных объектов и средств, возможно только под контролем других людей. Их требования приучают ребенка говорить не так, как ему самому кажется понятным и правильным, а так, чтобы это было понятно другому человеку и ясно сообщало о предметном содержании действия. Ребенок научается слушать себя «со стороны» и оценивать свою речь с точки зрения других людей — у него вырабатывается отстраненное, объективно-общественное отношение к своему речевому действию, его сознание. Конечно, в какой-то мере оно имеется с самого начала, но теперь такое отношение кристаллизуется, становится постоянным и полным. С другой стороны, значения слов и выражений становятся самостоятельным объектом, а их соотнесение с предметным содержанием действия представляет особую задачу.

«Действие в громкой речи без вещей» объективно является рассуждением, логическим мышлением, и ребенку приходится считаться с требованиями к этой форме мышления и усваивать ее. Иначе говоря, объективно-общественное сознание этого действия впервые становится достоянием его индивидуального сознания.

Такое речевое действие уже можно планомерно и систематически перенести в умственный план. Для этого достаточно, все более уменьшая его физическую громкость, воспроизводить звуковой образ речи: про себя. В результате такой процедуры первой формой «действия в уме» становится та же самая речь, только без ее громкости, «внешняя речь про себя». Отношение к этой речи про себя такое же, каким оно было на предыдущем этапе,— оценка ее правильности и полной понятности с точки зрения другого. Это опять отстраненное, объективно-общественное сознание действия, производимого в форме рассуждения «в» сознании. Именно это и, по-видимому, только это составляет

процесс интериоризации, которая, следовательно, означает, что умственный план — это не пустой сосуд, куда помещают некую вещь, что процесс интериоризации — это и есть процесс образования внутреннего плана. Он совершается по-разному: вначале, когда умственный план только формируется (это, обычно, первый школьный возраст, время систематического формирования различных умственных действий), и потом, когда новое умственное действие образуется на основе сложившегося внутреннего плана и присоединяется к системе прежних умственных действий. Но главное заключается в том, что перенос в умственный план есть процесс его формирования, а не простое пополнение новым содержанием.

Поэтому нужно подчеркнуть, что представления, чувственные образы как простая актуализация прошлых восприятий, без их включения в сеть объективно-общественного сознания, такого отдельного плана не составляют. «Чистые представления» могут входить в состав многих и разных психических явлений: самих восприятий или их продолжений за границы непосредственного поля восприятия, в сновидения и галлюцинации, в образы фантазии и собственно воспоминания о прошлом (в последних случаях уже на основе «критического отношения» к ним). Во всех этих случаях (кроме двух последних) они выступают для субъекта как действительность, а не как представления о действительности, и сознаются как отделенные от нее границами внутреннего поля. Такой внутренний мир появляется лишь с момента, когда он дифференцируется от внешнего, а эта дифференцировка опирается не на различие в яркости или «освещенности» его объектов, а на критическое разделение того, что кажется, от действительных вещей. Представления включаются в умственный план, но сами по себе его не выделяют и не составляют.

Формирование умственного действия не заканчивается переходом в умственный план. Действие во «внешней речи про себя» слишком развернуто и замедленно, а это оправдано лишь, пока задачей является воспитание такого действия. Когда же эта задача остается позади, неизбежно наступают обычные последующие изменения действия. Прежде всего оно осваивается во всем диапазоне задач и во всех вариантах его речевой формы. Благодаря этому из него выделяется его обобщенный, постоянный состав и опознавательные характеристики материала, позволяющие непосредственно применять соответствующий вариант действия. В свою очередь, это ведет к автоматизации действия, когда ситуация уже не распознается, а только узнается, действие вызывается пусковым сигналом, а его течение контролируется по «чувству» согласования его программы с его фактическим исполнением и результатами.

Создается особое положение. Звуковые образы речи и ее артикуляция нужны лишь для правильного построения звукового образа «внешней речи про себя», когда оно не только устанавливается, но и закрепляется, когда предметное действие в уме начинает выполняться уверенно и быстро, стереотипный механизм артикулированного выполнения звуковых образов передается на ав-

томатизмы. Сокращается и самое воспроизведение этих образов, так как они — лишь представители слов, а слова — носители предметного значения, которое единственно интересует нас в этом действии. Как известно, возбуждение всего динамического стереотипа предшествует исполнению его отдельных операций; поэтому сознание предметного значения действия появляется во внутреннем плане раньше его звуковых образов — и делает их излишним; а так как воспроизведение этих образов— работа нелегкая и требующая времени, то, становясь ненужной, она исключается. Остаются речевые значения, за которыми самонаблюдение не обнаруживает ни чувственных образов предметов, ни звуковых образов речи, ни ее кинестезии. (Иначе говоря, в результате автоматизации и сокращения «внешней речи про себя» предметное действие в уме превращается в мысль об этом действии, «чистую мысль» о решении задачи, которое это действие составляет.)

Итак, не самый переход в умственный план, а лишь эти дальнейшие изменения действия превращают его в новое, конкретное, частное психическое явление. Эти изменения свойственны не только умственному плану, напротив, они происходят на каждом этапе формирования действия; но только в умственном плане они ведут к образованию мысли как явления психологического (в качестве логического явления она формируется уже на этапе «громкой речи без вещей»). Изучение поэтапного формирования умственных действий и понятий впервые раскрывает значение «перехода извне внутрь» как условия (но только условия!) преобразования непсихического явления в психическое.

Конечно, психика есть и у бессловесных существ, потому что такое преобразование происходит не только через речь и не только в умственном плане. Но высшие психические функции образуются только так, и в этом смысле Л.С. Выготский совершенно прав, может быть, даже больше, чем в свое время он имел возможность показать.

Если мы перенесем внимание на те изменения, которые претерпевает действие на каждом этапе своего становления, на связь этих изменений между собой и на связь между этапами, то станет ясна справедливость и двух последних (отмеченных выше) выводов из процесса интериоризации. Напомним эти изменения.

Действие сначала развертывается в полном составе ориентировочных и исполнительных операций, и разносторонне дифференцируется, «обобщается по материалу». Затем его ориентировочная часть начинает сокращаться. Такое сокращение доходит до превращения объекта действия в систему сигналов, «стереотип раздражителей». Тогда ориентировка уже не разделяет исполнительные операции, они начинают сближаться, затем — сливаться, а контроль за ними ограничивается чувством согласования (или рассогласования) их результатов с программой «динамического стереотипа». Словом, происходит существенная перестройка структуры действия и, соответственно, системы условных связей, установленных вначале. А сокращенная часть действия, не участвуя в его ис-

полнении, продолжает участвовать в его «понимании» субъектом и в скрытом автоматическом механизме контроля.

На этой материальной или материализованной форме действия, как ее прямое отображение, надстраивается его громко-речевая форма, с которой повторяется такая же эволюция. За громко-речевым действием следует действие во «внешней речи про себя» и, с соответствующими изменениями, процесс трансформации повторяется, пока действие не перейдет во «внутреннюю речь» и превратится в «чистую мысль».

Получается ступенчатая пирамида, на каждом ярусе которой действие получает существенно новую форму: материальную или материализованную, громко-речевую, в звуковых образах речи и, наконец, «безо́бразную», — а каждая такая форма получает разные видоизменения в зависимости от меры сокращения и освоения; за каждой такой формой и ее видоизменениями стоит система условных связей, и все эти системы образуются одна из другой и одна на другой и связаны между собой. На поверхности же остается только то, что требует активного досмотра и произвольного выполнения. В завершающей форме, во «внутренней речи» от действия сохраняется только своеобразное переживание — «сознавание» объективного содержания процесса, его направления и благополучного или неблагополучного движения — переживание, которому нельзя дать более точное описание, а тем более — определение.

Таково «явление», а за ним, под ним совершается работа сложного и слаженного механизма умственного действия, вызванного для решения очередной задачи. В каждый момент доминантное положение занимает та из этих форм, которая представляется достаточной, а остальные формы действия отводятся на положение того, что только «имеется в виду» и обеспечивает «понимание» процесса и автоматизированный контроль за ним. При затруднениях доминантная активность перемещается на более внешние и развернутые формы действия и, прежде всего, его ориентировки.

Таким образом, в каждый данный момент за явлением скрывается сущность, которую составляет вся система более внешних, полных и развернутых форм действия, — система, обеспечивающая явление его объективным значением, его эффективностью и «пониманием». Явление совсем не похоже на то, что за ним скрывается и если мы не проследили формирования «явления» из того, что потом становится «сущностью», то разные формы действия и разные формы переживания выступают перед нами как «просто разные явления», не в генетической связи, а наряду друг с другом. Лишь функционально-генетическое исследование раскрывает их действительные отношения — и обнаруживает у психологических явлений сущность, столь упорно отрицавшуюся всей идеалистической философией и психологией.

Сущность эту, повторяем, составляют многочисленные формы предметного действия (вместе с ориентировочным планом каждой из них), последовательно вырабатываемые, дифференцируемые, изменяемые, все менее связанные с не-

посредственным присутствием своих материальных объектов и их преобразованием, все более понятийные, умственные, «чисто мысленные». Каждое звено в сложном строении каждой из этих форм действия и ее разновидностей воспитывается на основе условной связи; закрепление этой связи проявляется в одном из основных свойств действия, мерой его освоения. Но какие элементы будут приведены в такую связь, — это диктуется объективной, предметной структурой действия, да и самые условные связи устанавливаются лишь в результате выявления объективной связи между элементами с помощью ориентировочно-исследовательской деятельности. Таким образом, хотя предметное действие (с его обширной ориентировочной частью во всех формах) образуется по законам высшей нервной деятельности, на основе условных связей и их дифференцировок, структура предметного действия, даже в самых обобщенных и абстрактных его формах, определяется не содержанием и логикой процессов высшей нервной деятельности, а логикой решения задачи, составляющего это действие. С другой стороны, хотя действие отражает эту предметную логику, оно не сводится к ней, потому что субъект осуществляет эту логику лишь в меру того, насколько в ней ориентируется; дело обстоит не так, что эта логика сама осуществляется «в сознании», как осуществляется копия той же логики в предметном мире, без сознания. Сознание есть особая форма управления действием субъекта, и самая логика действия осуществляется субъектом лишь в меру того и так, как сознается.

Это значит, что «сущность» психологических «явлений» есть собственно психологическая сущность и что она не сводится ни к физиологическим механизмам, с помощью которых она осуществляется, ни к предметным, в том числе и к логическим отношениям, на которые она ориентируется и которые избирательно осуществляет. Как всякий реальный процесс, психическая деятельность имеет много разных «сторон», каждая из которых составляет предмет отдельной науки. Естественно поэтому, что та «сторона» этого процесса, которая изучается психологией, теснейшим образом связана с другими его «сторонами», а психология — с другими науками, многими и разными. Но ни одна из «сторон» не сводится к другим «сторонам» и предмет психологии обладает такою же самостоятельностью, как и предметы других наук, в том числе и непосредственно смежные с нею.

Й. Лангмейер, З. Матейчек

Случаи крайней социальной изоляции*

Действительно единственный случай совершенной, «чистой» депривации[1] специфических человеческих потребностей представляют те ситуации, когда ребенок полностью или почти полностью вырастает без человеческого общества и культуры. Ребенок старшего возраста способен уже — как Робинзон Крузо[2] — собственными силами обеспечить хотя бы свое существование и выжить в течение некоторого времени. Маленький ребенок зависит, однако, при удовлетворении своих биологических потребностей от чужой помощи, которая ему в этих особых случаях предоставляется в крайне ограниченной мере либо людьми, либо — как это предполагают — животными. Интерес представляют случаи покинутых, заблудившихся, одичавших или прямо «волчьих» детей давнего времени. Если опустить различные легенды и сообщения древних и средневековых летописцев (Геродот[3],

---

* *Лангмейер Й., Матейчек З.* Психическая депривация в детском возрасте. Прага: Авиценум, 1984. С. 26—38.

[1] *Депривация* (психическая) — потеря или лишение чего-либо из-за недостаточного удовлетворения какой-либо важной потребности. — *Ред.-сост.*

[2] *Робинзон Крузо* — герой романа английского писателя Даниэля Дефо (ок. 1660—1731) «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, рассказанная им самим» (первое издание в 1719 г.). Роман неоднократно переиздавался в переводе на русский язык. В 27 лет Робинзон Крузо в результате кораблекрушения попал на необитаемый остров и прожил там более 28 лет. Благодаря разуму и воле к жизни, а также ряду благоприятных обстоятельств, он не только не потерял человеческий облик, но и развивался во всех отношениях. Дефо знал о людях, проведших по нескольку лет на необитаемых островах. На замысел «Робинзона Крузо» повлияла действительная история шотландского матроса Селкирка, которого, по обычаю того времени, высадили на необитаемый остров за неповиновение капитану. Когда спустя более чем четыре года Селкирка нашли и забрали с этого острова, оказалось, что он (в отличие от вымышленного Крузо) одичал и практически забыл родной язык. — *Ред.-сост.*

[3] Геродóт (между 490 и 480 — ок. 425 до н.э.) — древнегреческий историк, прозванный «отцом истории». — *Ред.-сост.*

Ливий[4], Салимбене[5]), то можно найти много философских и педагогических раздумий о данном предмете в эпоху гуманизма и затем снова в эпоху просвещения (Руссо[6], Гердер[7] и др.).

Я.А. Коменский[8] в своей «Большой дидактике» в VI главе, где он доказывает, что «если человек должен стать человеком, то его следует обучать» приводит два весьма примечательных примера подобных «волчьих детей», исходя при этом из сообщений других гуманистов, которые являлись современниками описываемых событий. Коменский пишет:

> Имеются примеры, что некоторые люди, которые в детстве были похищены хищными животными и среди них воспитывались, не знали ничего больше, чем дикие животные, и даже языком, руками, ногами ничего не умели делать отличного от животных, не побывши снова некоторое время между людьми. Около 1540 г. случилось в какой-то гессенской деревне, лежащей в лесах, что трехлетний ребенок потерялся из-за нерадивости родителей. Через несколько лет крестьяне заметили, что среди волков бегает какое-то другое четырехногое животное, однако с головой, похожей на человеческую. Когда вести об этом распространились, местный управляющий им сказал, чтобы они постарались по возможности каким-либо образом поймать его живым. Животное было поймано и приведено к управляющему и, наконец, к ландграфу в Кассель. Когда его привели на княжеский двор, оно вырвалось, убежало и спряталось под лавкой, дико осматриваясь и издавая страшный вой. Князь приказал содержать его между людьми; когда это свершилось, животное понемногу присмирело, затем начало вставать на задние ноги и ходить на двух ногах, наконец оно начало говорить разумно и превращаться в человека. И тут этот человек начал рассказывать, поскольку он мог это припомнить, что волки его унесли и выкормили; потом они стали ходить с ним на охоту... В 1563 г. во Франции несколько дворян отправились на охоту, и, убивши 12 волков, поймали, наконец, в капкан мальчика в возрасте около семи лет, голого, с кожей желтого цвета и кудрявыми волосами. Ногти у него были искривлены как у орла, он ничего не говорил, но издавал какой-то дикий рев. Когда его принесли в замок, он так дико сопротивлялся, что ему с трудом надели кандалы. Только когда многодневная голодовка его ослабила, он присмирел и потом в течение семи месяцев постепенно заговорил. Его водили по городам с немалой прибылью для его господ. Наконец, какая-то бедная женщина «признала в нем своего сына».

---

[4] Ливий Тит (59 до н.э. — 17 н.э.) — римский историк. — *Ред.-сост.*

[5] Салимбене (*Salimbene*), настоящее имя Адамо ди Оньибене (*Adamo di Ognibine*) (1221 — ок. 1287) — итальянский хронист. — *Ред.-сост.*

[6] Руссо (*Rousseau*) Жан Жак (1712—1778) — французский философ и писатель. — *Ред.-сост.*

[7] Гердер (*Herder*) Иоганн Готфрид (1744—1803) — немецкий писатель, критик, богослов и философ; в тексте, по-видимому ошибочно, назван Гербером. — *Ред.-сост.*

[8] Ко́менский (*Komenský*) Ян Амос (1592—1670) — чешский мыслитель-гуманист, педагог и писатель. — *Ред.-сост.*

Так говорит Коменский, хотя и не верится, чтобы первый мальчик припомнил после нескольких лет события времен своего трехлетнего возраста, и хотя то, что мать «узнала» сына во втором случае, могло мотивироваться именно прибылью, которую этот особый случай приносил господам, однако приведенные описания во многих пунктах примечательно совпадают с более правдоподобными и лучше документированными сообщениями недавнего времени.

К. Линней[9] в первом томе своей «Systema naturae» (1767) приводит десять случаев «дикого человека» (*Homo sapiens ferus*[10]) с характерной триадой *mutus*, *tetrapus*, *hisutus* (немой, четвероногий, заросший волосами). С более позднего времени имеется критический обзор антрополога Блюменбаха (1811) и А. Раубера (1885), затем данной проблематикой занимался профессор антропологии в Денвере Р.М. Зинг, который в своей работе приводит 31 относительно достоверный случай[11]. Смотря по условиям, в которых ребенок вырастает, данные случаи можно классифицировать дальше: а) одичавшие дети, которые убежали или которых выгнали в дикую местность и которые там самостоятельно выжили; б) «волчьи дети», которые были похищены и выжили с помощью домашних или диких животных; в) дети, которых кормили люди, но которые в остальном были изолированы от человеческого общества в большинстве случаев преступными или умалишенными родителями.

а) ***Одичавшие дети.*** Первое действительно научное сообщение об «одичавшем ребенке» касается «авейронского мальчика дикаря», который в 1799 г. в возрасте 12 лет был найден охотниками недалеко от Авейрона на юге Франции. Предполагалось, что он потерялся или убежал в леса и жил там как дикое существо, лазил по деревьям, питался лесными плодами, не говорил и отличался поведением животных. Врач и учитель глухонемых Жан Итар взял на себя перевоспитание мальчика, предприняв большие усилия, однако с малыми результатами: мальчик хотя и потерял вид и поведение животного, превратился в милого человека, однако обучился весьма малому числу слов и интеллектуально остался на весьма примитивном уровне. Дожил он до сорока лет. Выдающийся французский психиатр того времени Ф. Пинель [1745—1826. — *Ред.-сост.*] объявил мальчика идиотом. Против этого имеется серьезное возражение, а именно то, что мальчик все же обладал достаточным интеллектом, чтобы поддержать свое существовали в диком месте без чужой помощи.

---

[9] Линне́й (*Linné, Linnaeus*) Карл (1707—1778) — шведский естествоиспытатель и натуралист, создатель системы классификации растительного и животного мира. — *Ред.-сост.*

[10] *Homo sapiens ferus* (*лат.*) — человек, впавший в звериное состояние, одичавший человек. — *Ред.-сост.*

[11] См.: *Zing R.M.* Feral man and extreme cases of isolation // American Journal of Psychology. 1940. Vol. 53. P. 487—517.

Этот хорошо документированный случай все снова и снова привлекает внимание психологов и педагогов. М. де Местр анализирует педагогические методы Итара и их результаты[12]. Его останавливает, прежде всего, бросающаяся в глаза неспособность «мальчика дикаря» играть и проявлять любопытство. Местр заключает свое рассмотрение следующим образом: «Чтобы в человеке выжил ребенок, необходимо, чтобы сначала он сам был ребенком — у Виктора же мы постоянно ощущаем тот недостаток, что им не был прожит важный отрезок жизни, когда ему следовало бы быть настоящим ребенком».

Случай новейшего периода приводит Р. Зинг, описывающий историю одичавшего мальчика («Тарзанито»), найденного приблизительно в пятилетнем возрасте в тропических джунглях Средней Америки, где он будто бы питался лесными плодами и сырой рыбой, спал в пещерах и на деревьях[13]. Он также не говорил и издавал лишь пронзительные крики, прекрасно карабкался по деревьям, ловко защищался от поимки и повторно убегал. В конце концов он все же был воспитан и превратился в милого мальчика, научился говорить и хорошо учился в школе. История, однако, остается неполной в отношении того, как мальчик попал в джунгли — дело в том, что представляется неправдоподобным, чтобы в таком раннем возрасте ему самому удалось выжить. Встречаются и другие сообщения о взрослых «диких» людях, которые либо заблудились в дремучих лесах, либо потерпели крушение в диком месте. При встрече с людьми они впадали в панический страх и в невменяемый аффект (острый психоз?).

б) ***«Волчьи дети».*** *Доказано* с достоверностью, что ребенок может вскармливаться домашним животным. Целый ряд сообщений о том, как ребенок учится сосать из козьего вымени и как животное начинает прибегать на крик голодного ребенка, свидетельствует о том, что ребенок может приспособиться к таким условиям. Еще Брюнинг сообщал об опытах, которые он производил с козами, вскармливающими детей в лейпцигской детской клинике. От данного факта уже только шаг к предположению, что грудной ребенок и ползунок могут выжить в природной дикой среде лишь при помощи животного. Чаще всего в качестве кормилиц и воспитательниц приводятся волчицы, иногда и медведицы, самки леопардов, дикие свиньи и др. Данный мотив можно найти в давних легендах различных народов (Ромул и Рем, Заратустра, Вольфдитрих и т.п.), а также в новейшей обработке (например, Маугли Киплинга). В настоящее время также появилось несколько таких сообщений, претендующих на аутентичность [подлинность. — *Ред.-сост.*] и научное значение.

---

[12] См.: *Maistre M. de*. Actualité de Jean Itard Psychologie de l'enfant et pédagogie expérimentale // Societé Alfred Binet et Théodore Simon. 1974. Vol. 74. P. 268—281.

[13] См.: *Zing R.M.* Feral man and extreme cases of isolation // American Journal of Psychology. 1940. Vol. 53. P. 487—517.

Несомненно самым известным и лучше всего документированным является сообщение индусского миссионера А. Синха, которое обработали в 1940 г. А. Гезелл, в 1942 г. Р.М. Зинг и последним Ч. Маклейн[14]. При посещении деревни Годамур Синх узнал о каком-то особенном «человеческом духе», который запугивает всех кругом и передвигается с группой волков. При более усиленных поисках ему удалось увидеть двух существ перед волчьим логовом с тремя взрослыми волками и двумя волчатами. Была предпринята специальная экспедиция, при этом два взрослых волка убежали, волчица, защищавшая волчат, была убита, а в логове были пойманы в сеть двое волчат и двое «волчьих» детей. Младшая девочка (Амала) была в возрасте приблизительно 18 мес., старшая (Камала) приблизительно в возрасте 8 лет. По описанным физическим признакам, свидетельствующим о далеко идущем приспособлении к жизни в волчьем логове, Гезелл заключает, что дети жили в обществе волков приблизительно с шестимесячного возраста. Руки и кисти Камала использовала лишь для передвижения, хватательным органом остался рот. Бросались в глаза ее мощные плечи и крепкие ноги, на коленях, подошвах, локтях и ладонях имелись огромные мозоли — на четвереньках она бегала так быстро, что в свободном пространстве поймать ее было трудно. Кожа была исключительно чистой, волосы же слепились в мощный шар. В ноябре 1920 г. священник Синх перевез их обеих в свой приют в Минднапур, где было предпринято систематическое перевоспитание, о чем он вел подробный дневник. Только голодом можно было принудить детей принимать в новой среде пищу, они пили из миски как животные. Люди их приводили в ужас; ребенка, который к ним приблизился, Камала искусала. Днем они спали, свернувшись в уголке, ночью, однако, оживали, рыскали кругом и регулярно, три раза в течение ночи «выли», совершенно как волки. Их голос, однако, не был «ни человеческим, ни звериным» и сначала пугал работников сиротского приюта. Иных звуков они не издавали, за исключением тех случаев, когда во время кормления приближался кто-либо из детей. Тогда Камала угрожающе ворчала и оскаливала зубы. В воспитании Амалы отмечался сравнительно быстрый прогресс, однако она умерла менее чем через год. Перевоспитание Камалы продвигалось весьма медленно и с затруднениями. После двух лет она произнесла первое слово, через два года ее словарь содержал 6 слов и только через 8 лет она начала говорить, произнося короткие простые фразы. Через три года она достигла стоячего положения, однако первые шаги без помощи были отмечены лишь после 6 лет перевоспитания. В это время она начала уже приемлемым образом включаться в детский коллектив, ей доверяли незначительное обслуживание и рабочие обязанности, причем ее эмоциональная жизнь стала сравнительно богатой. Она умерла от уремии[15] после девятилетнего пребывания в приюте, т.е. приблизительно в 17-летнем возрасте.

---

[14] См.: *Gesell A.* Wolf Children and Human Child. N.Y.: Harper and Brothers, 1940; *Zing R.M.* Feral man and extreme cases of isolation // American Journal of Psychology. 1940. Vol. 53. P. 487—517; *Maclean C.* The Wolf Children. Harmondsworth: Penguin Books, 1979.

[15] *Уремия* — самоотравление организма вследствие острой или хронической недостаточности функции почек. — *Ред.-сост.*

Наиболее значительным явлением в данном случае Гезелл считает «медленную, однако равномерно и закономерно продвигающуюся регуляцию задержанного умственного развития». По его мнению, у Камалы далеко не были еще использованы все возможности для развития; предполагается, что ее развитие закончилось бы приблизительно в 35-летнем возрасте, когда она достигла бы умственного развития приблизительно 10-12-летних детей. Более быстро развивающаяся Амала достигла бы данного уровня приблизительно в 17-летнем возрасте.

В 1957 г. в индийских газетах появились сообщения о двух других «волчьих детях», проживших целых 6 лет в дикой природе. Сообщения об этих детях, подобно тому как и о ряде других, опирается на рассказы родителей, будто бы узнавших в них своих сыновей, похищенных волками.

Если бы данные о «волчьих детях» были всегда с достоверностью документированы, то они, несомненно, обладали бы исключительным значением, так как представляли бы убедительный естественный эксперимент по воспитанию ребенка в «бесчеловеческом» обществе и лучше всего показали бы, какие психические свойства человека являются врожденными, а какие зависят от человеческого воспитания. Большинство сообщений показывает, что подобный ребенок не только глубоко запаздывает в своем развитии, но и что он усвоил целый ряд животных навыков. Перевоспитание крайне затруднительно и способность «человеческого» развития кажется стойко пораженной.

Многие исследователи приняли данные сообщения и опираются на них в своих теоретических рассмотрениях (психологи А. Келлог и А. Гезелл, биологи А. Портман, Ж. Ростан и другие); в отличие от этого другие (зоолог О. Кэлер, педиатр А. Пейнер) высказывают веские возражения против достоверности и правдоподобности подобных сообщений. Последующее исследование ребенка является, несомненно, важным, однако анамнез[16], который должен был бы представлять здесь опорный пункт, почти всегда бывает неполным и сомнительным. Обстоятельства, при которых ребенок попал в дикое место, и как долго он там прожил, почти всегда остаются неизвестными. Подробности обнаружения детей также приводятся довольно неточно. Только в сообщении Синха и в сообщении об одном из индусских детей от 1957 г. мы узнаем, что их видели непосредственно с хищниками — в иных случаях об этих обстоятельствах имеются лишь догадки, высказывания свидетелей бывают неточными и нередко несут следы очевидного воздействия распространенных легенд и предположений. Можно допустить, что волчица, которая в период кормления потеряла детеныша, может оставить в живых ребенка и заботиться о нем. Сомнительно, однако, чтобы ребенок после такого короткого времени (приблизительно 4 месяца) кормления молоком волчицы мог так быстро приспособиться к столь несоответствующей

[16] *Анамнез* — сведения об условиях жизни, а также о начале и развитии заболевания (в данном случае о пропаже и жизни детей в условиях изоляции), сообщаемые больным (здесь ребенком) либо его близкими. — *Ред.-сост.*

пище, каковой является сырое мясо и падаль. Пейнер, который решительно отвергает доказательства о «волчьих детях», склоняется к мнению, что речь идет о слабоумных детях, которые были, возможно, покинуты родителями и посажены где-нибудь вблизи полицейских постов. Против этого мнения свидетельствует документация Синха, которая настолько подробна и серьезна, что с трудом можно допустить подобное объяснение.

А.Р. Фавецца приводит некоторые психологические аргументы против «волчьих детей»[17]. Новые легенды о волчьих детях доказывают, по его мнению, лишь то же самое, что и легенды древности. Дело в том, что некоторые дети ведут себя таким особенным образом, так невероятно и так «не по-человечески», что наивные наблюдатели легко могут решить, что подобное поведение может возникнуть лишь в обществе животных. Детский психиатр Б. Беттельгейм[18], проанализировав дневник священника Синха, доказывает, что все, принимаемое у Амалы и у Камалы за наследие общества волков, довольно часто обнаруживается у детей, страдающих некоторыми формами психотического заболевания. Документацию Синха он рассматривает как солидный труд искреннего человека, ложно понимавшего, однако, некоторые явления. Приняв представление, что Амала и Камала являются волчьими детьми, он на этом основании объяснял все их поведение. Беттельгейм заключает свое рассмотрение в том смысле, что «волчьи дети» появляются не благодаря тому, что волчицы ведут себя как человеческие матери, но скорее потому, что человеческие матери ведут себя «не по-человечески».

Во всяком случае вопрос об этих детях остается во многих пунктах неясным и спорным, так что выводить из него решающее заключение нельзя.

в) ***Каспар Хаузер.*** Для клинической практики большой интерес представляют дети, вырастающие в течение определенного времени практически в социальной изоляции, которой их подвергли жестокие и, преобладающим образом, психопатические или психотические родители. Подобные случаи, конечно, также редки, однако время от времени они все же встречаются и, как правило, бывают лучше документированы. Классический случай представляет Каспар Хаузер, фигура, окутанная многими предположениями и попавшая даже в романы[19]. Хаузер появился загадочно в Нюрнберге в 1828 г. в возрасте около 17 лет. По своим более поздним высказываниям он был с раннего детства заперт

---

[17] См.: *Favezza A.R.* Feral and isolated children // Mental Health in Children / D.V. Siva Sancar (Ed.). Westbury (N.Y.): PJD Publication, 1975. Vol. I. P. 411—457.

[18] Беттельгейм (Беттельхайм) (*Bettelheim*) Бруно (1903—1990) — американский психолог, австриец по происхождению; после оккупации Австрии был отправлен в концлагерь Дахау, а затем в Бухенвальд и после освобождения в 1939 г. эмигрировал в США. — *Ред.-сост.*

[19] См., например, переведенный на русский язык роман немецкого писателя Якоба Вассермана «Каспар Хаузер». Широкую известность и международное признание получила экранизация этого романа — художественный фильм немецкого режиссера Вернера Херцога «Каждый за себя, а Бог против всех» (1974) — *Ред.-сост.*

в темном подвале, где почти не видел людей — хлеб и воду клали возле него во время его сна. Он знал только одну непонятную фразу, которую непрестанно повторял; он был настолько слаб, что был едва способен сделать несколько шагов, однако умел подписываться именем Каспар Хаузер, под которым он был затем известен во всей Европе. Таким образом определенная степень социального контакта при его пребывании в подвале была, вероятно, сохранена. Его перевоспитанием занялся выдающийся учитель Г.Ф. Даумер, который через 5 лет помог создать из мальчика с умственным уровнем приблизительно трехлетнего ребенка юношу, который свободно говорил, писал и даже знал немного латинский язык. В 1833 г. он был ранен и вскоре умер. Осталось невыясненным, было ли это убийством или самоубийством. Хаузеровская литература весьма богата, существовало множество предположений (не был ли он законным наследником баденского трона, или может быть мошенником?), однако достоверных заключений весьма мало.

Рис. 1. Каспар Хаузер появляется в Нюрнберге с таинственным письмом в руках (старая гравюра того времени)

В настоящее время было описано несколько сходных случаев. Нам самим представилась возможность встретиться с несколькими такими детьми, где подобная изоляция продолжалась несколько лет.

К.П. был ребенком незамужней психопатической матери и неизвестного отца. Мать жила весьма неупорядоченной жизнью, была весьма непостоянной, непрестанно меняла места работы. При беременности пыталась вызвать аборт, наевшись маковок. О родах нет подробных сведений, были они будто бы преждевременными и «тяжелыми». Вскоре после рождения ребенка мать уехала от своих родителей и работала сначала как гардеробщица (причем ребенка она оставляла у чужих людей), позднее как подсобная работница в одной районной больнице, где ребенка она содержала тайно. Мальчик почти до двухлетнего

возраста оставался целыми днями запертым в ее комнате совершенно один, голодный, без ухода и, конечно, без какого бы то ни было воспитания. Когда эти обстоятельства выяснились, то ребенок был у нее отобран и отдан на попечение весьма хорошим и интеллигентным опекунам. В то время (на третьем году) он все еще плохо ходил, непрестанно плакал, всего боялся (автомобиля, собаки, кошки, ветра, но также и людей и игрушек — прошло много времени, пока он вообще отважился взять в руки игрушку). Он не говорил вообще, зная лишь единственное выражение «такн» неопределенного значения. Приемная мать — бывшая учительница — взялась за его перевоспитание с большой самоотверженностью и терпеливостью. От крайней боязливости в отношении людей и вещей мальчик весьма скоро перешел к обратной крайности: он начал обнимать и целовать всех подряд. Говорить он начал только в три с половиной года, однако дальнейшее развитие речи было быстрым, он вскоре начал говорить вразумительно целыми фразами. С трудом он учился соблюдать чистоту тела — лишь около четырехлетнего возраста он перестал бесконтрольно мочиться и не держать стул. В детском саду и дома он был весьма рассеянным и неспокойным, обижал детей и нарушал дисциплину. В школе мальчик учился в общем успешно, хотя и был весьма неусидчивым и невнимательным. Вскоре, однако, начались жалобы, которые никогда не прекращались: перечил, лгал, дерзил, мочился на остальных детей, трогал их половые органы, щекотал детей, валялся голым на другом мальчике на дворе. С родителями он хотел постоянно только нежничать и целоваться. Никоим образом его нельзя было приучить к дисциплине, ни одно из своих желаний он не умел откладывать, ни в чем он не умел ждать и подчиняться. Еще в 8 лет его должны были кормить как маленького ребенка. По повторным исследованиям уровень его интеллекта был нормальным (скорее немного выше среднего), речь хорошо развита, у него были сравнительно богатые знания, свидетельствующие о хорошем воспитании дома. В свободном рисунке[20] он выбирает сюжет «кладовка и уборная». При наблюдении за игрой в группе старается непрестанно обращать на себя внимание психолога вопросами, хвастовством и интенсивным нежничанием, что мальчик использует, желая что-либо получить. Если его желания не удовлетворяют, то он становится дерзким и беспокойным. Если ему предоставляется возможность, то он спускает штаны и трогает половой орган; в других случаях сексуальные тенденции он маскирует агрессивностью, плачем, дониманием, старается вызвать зависть у других детей и т.п. Данные аномальные черты характера сохраняются у него еще в 15-летнем возрасте. Он все еще упрям, склонен играть и рассеян; из школы приносит замечания о том, что мешает остальным ученикам, любит сенсации и постоянно стремится, чтобы на него обращали внимание. Любит заниматься спортом, причем до полного изнеможения. Учится легко и быстро, однако так же легко забывает, так как он весьма

[20] *Свободный рисунок* — ребенок изображает все, что приходит ему в голову, не обращая внимания на то, что и как он рисует. — *Ред.-сост.*

неустойчив и его интерес непостоянен. Последнее сообщение (1978) приемных родителей также приводит целый ряд затруднений при социальном включении ныне уже взрослого пациента.

Данное неблагоприятное развитие контрастирует с далеко идущей регуляцией в случае, о котором повторно сообщала Колухова[21]. Речь шла о крайней социальной изоляции двух мальчиков (однояйцевых близнецов), выраставших вплоть до 7 лет в совершенно из ряда вон выходящих условиях. Эти дети, мать которых умерла после родов, воспитывались до 11-месячного возраста в детдоме, затем недолго у своей тетки, а потом снова в детдоме до 18-месячного возраста. Затем, когда их отец снова женился, их воспитывала мачеха, женщина со средним уровнем интеллекта, однако психопатического характера — эгоистичная, деспотичная и агрессивная. К близнецам у нее с самого начала было безразличное отношение, из которого постепенно развилась активная ненависть. Оба ребенка жили почти в полной изоляции в небольшой неотапливаемой каморке, без контакта со старшими детьми и с минимальным контактом с родителями, без возможности играть на дворе и выходить на улицу. Их часто жестоко били, запирали на длительное время в погреб, нередко они страдали от голода и жажды, а их единственной игрушкой было несколько кубиков. Отец был человеком пассивным, с уровнем интеллекта ниже среднего, у него не было ни желания, ни интереса изменить что-либо в этих бесчеловечных условиях. Некоторые соседи даже не подозревали о существовании этих детей, у других имелись подозрения, хотя детей они не видели и лишь предполагали, что здесь что-то не в порядке, однако опасались вмешиваться. Дети вообще не попали на учет медицинских и социальных учреждений, и лишь когда им надо было поступать в школу, а отец просил отложить посещение школы, все эти обстоятельства стали известны. Дети были отобраны из семьи, помещены в детский дом и после повторного обследования в больнице отданы, наконец, на попечение двум женщинам, незамужним сестрам, которые к ним относились очень ласково и прекрасно о них заботились.

При приеме на общественное попечение (в 7-летнем возрасте) у обоих детей была сильная физическая и психическая задержка. Они выглядели, скорее, как трехлетние дети с признаками тяжелого рахита[22], были боязливыми и недоверчивыми, плохо умели ходить (обутыми они вообще не ходили), говорили очень мало и для понимания друг друга использовали больше жесты. Их игра ограничивалась лишь манипулированием с предметами, а их реакция на многие обычные предметы (подвижные механические игрушки, телевизор, автомобили, упраж-

---

[21] См.: *Koluchová J.* Severe deprivation in twins: A case study // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1972. Vol. 13. P. 107—114; *Koluchová J.* The further development of twins after severe and prolonged deprivation: A second report // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1980. Vol. 13. P. 107—114.

[22] *Рахит* — заболевание, вызванное недостатком витамина D и характеризующееся нарушением обмена веществ с расстройством процесса развития костей и поражением функций ряда органов и систем. — *Ред.-сост.*

няющиеся дети) являлась крайне боязливой. У них не было вообще способности распознавать предметы, изображенные на картинках, а также их двигательная координация была весьма недостаточной. Тот факт, что между отдельными их проявлениями отмечались значительные различия в уровне развития, свидетельствовал о том, что речь идет не о простом слабоумии, хотя их общий уровень соответствовал имбецильности (*IQ*[23] около 40).

В условиях интенсивной лечебной и воспитательной заботы состояние обоих детей удивительно быстро улучшалось. Уже в возрасте 8 лет 4 мес. их развитие перешагнуло границу слабоумия (*IQ* 80 и 72 по *WISC*[24]), а в 11 лет достигло уже полосы среднего (*IQ* 95 и 93). В 9 лет оба мальчика начали посещать школу, сначала специальную, а затем они были переведены в нормальную школу, где их успеваемость была удовлетворительной. Постепенно исправлялись отдельные недостатки в их умственном развитии и социальном поведении. Сначала они весьма быстро вступали в отношения со всеми взрослыми в своей среде, что бывает типичным для депривированных детей социально гиперактивного типа. Позднее, находясь на попечении опекунов, они вступили в глубокие эмоциональные отношения со своими попечительницами, причем их проявления чувств стали явно более богатыми и глубокими. Ныне (в 1980 г.) мальчики проявляют себя во всех отношениях как нормальные молодые мужчины. Они выучились на механиков канцелярских машин и теперь учатся в техникуме; оба хорошо включились в общество своих сверстников — у них нет затруднений и бросающихся в глаза особенностей.

Развитие данных детей, за которыми Колухова вела тщательное наблюдение и которое она подробно описала, представляет чрезвычайно ценное доказательство того, что пессимистические прогнозы, подчеркивающие необратимые результаты ранних депривационных нарушений, не являются столь определенно обоснованными и что они часто лишь маскируют наше терапевтическое равнодушие. А. Кларк, который комментировал данный случай и сравнивал его с подобными сообщениями иных авторов, поэтому явно обоснованно подчеркивает, что значение имеют не только условия раннего учения, но и более поздние обстоятельства, либо укрепляющие, либо не укрепляющие данное раннее учение[25]. Пластичность развития таких детей, сохранившаяся, несмотря на длительную и тяжелую раннюю депривацию, свидетельствует о том, что предположения о «критических периодах развития» и о решающем, постоянном влиянии раннего опыта следует проверить и формулировать по-новому.

---

[23] IQ (*Intelligence Quotient*) — коэффициент интеллекта, т.е. отношение (в процентах) умственного возраста к хронологическому возрасту. Умственный образ испытуемого определяется по результатам выполнения заданий различного рода и различной сложности, разработанных и апробированных на больших и представительных выборках детей различного возраста. — *Ред.-сост.*

[24] WISC (*Wechsler Intelligence Scale for Children*) — тест на интеллект, разработанный и стандартизованный для детей от 5 лет 0 мес. до 15 лет 11 мес. — *Ред.-сост.*

[25] См.: *Clarke A.M., Clarke A.D.B.* Early Experience: Myth and Evidence. L.: Open Books, 1976.

У нас самих имелась не столь давно возможность ознакомиться с подобным случаем тяжелой социальной изоляции. Осенью 1971 г. в одной семье было установлено, что у троих детей в возрасте 1 год 6 месяцев, 2 года 4 месяца и 5 лет 9 месяцев имеются признаки сильного недоедания, дети являются во всех отношениях запущенными, так что самый младший ребенок близок к смерти. В последнее время они питались главным образом тем, что им удавалось забрать из миски имевшейся по соседству собаки. Вмешательство медицинских работников буквально стало их спасением. Первое психологическое исследование через два месяца после приема в больницу показало весьма серьезную задержку их умственного развития, которое у двух младших детей отвечало имбецильности[26]. Контрольное обследование спустя два месяца, когда детям оказывалась интенсивная помощь, показало уже выразительно прогрессивную тенденцию, так что можно было заключить, что задержка у детей была обусловлена тяжелой депривацией, а не врожденным дефектом. На основании этих обстоятельств детей можно было направить в «детский поселок», где они быстро адаптировались и у них отмечался дальнейший быстрый прогресс. Два старших ребенка после последующего полугода семейной воспитательной заботы подошли к границе среднего развития, тогда как самый младший и наиболее тяжело пострадавший ребенок еще долго отличался сильной задержкой. Эта девочка считалась неспособной к обучению, так что обсуждалась возможность ее направления в учреждение для умственно отсталых детей. Однако после двух лет семейной заботы в детском поселке ее развитие начало поразительно прогрессировать, установившись на уровне ниже среднего. В настоящее время (в 1980 г.) она с хорошей успеваемостью посещает специальную школу. <...>

Хотя сообщения о детях, частично или полностью социально изолированных, в большинстве своем менее точны, чем это было бы желательно, все же по ним можно сделать по меньшей мере некоторые вероятные заключения. Очевидно, социальная изоляция представляет самую тяжелую депривационную ситуацию. Ее последствия являются весьма тяжелыми. Психическое развитие ребенка сильно задержано, речь не развита вообще, а требующиеся социальные навыки не образовались. Ребенок выглядит в тяжелой степени слабоумным, причем нередко его за такого и принимают. Против врожденной олигофрении свидетельствует, однако, целый ряд обстоятельств: у детей, пребывавших в дикой природе — то, что они выжили несмотря на все ее опасности, а у остальных детей — тот факт, что некоторые результаты их действий достигают сравнительно высокого, почти нормального уровня. Способность поправиться, очевидно, различна: у детей с самой тяжелой депривацией улучшение развития бывает весьма медленным и никогда не бывает полным, тогда как дети, которые поражены депривацией меньше, прогрессируют сначала так же медленно, однако

---

[26] *Имбецильность* — врожденная или приобретенная форма слабоумия средней тяжести, промежуточная между слабой (дебильность) и сильной (идиотия) формами. — *Ред.-сост.*

затем весьма быстро преодолевают свою отсталость. Нельзя, конечно, исключить влияния также иных факторов. Если не принимать во внимание наследственность и возможность органического повреждения ЦНС, то здесь может воздействовать недостаточное питание, травмы, заболевания, а у детей, которых запирают в подвалах, очевидно и сенсорная депривация. В тех случаях, где происходит улучшение развития интеллекта, сохраняются, однако, обычно серьезные нарушения личности: дети сначала боятся людей, позднее же вступают с ними в непостоянные и недифференцированные отношения; бросается в глаза назойливость и неутолимая потребность «любви» и внимания; сексуальные проявления бывают либо аутистического[27] характера, либо отличаются неконтролируемым и недифференцированным характером. Проявления чувств характеризуются также бедностью и нередко явной склонностью к острым аффектам (возбуждение на основе сенсаций, гнев, занятия спортом до изнеможения) и весьма низкой фрустрационной толерантностью[28]. Чувства более высокого рода почти полностью отсутствуют, а моральная человеческая надстройка образуется, очевидно, лишь отрывочно и поверхностно. Наиболее типичные человеческие свойства не могут, по всей видимости, развиваться без влияния своевременного человеческого воспитания.

Случаи крайней социальной изоляции, которые нами до сих пор рассматривались, являются, конечно, сравнительно редкими. Они служат, скорее, как некая модель депривации, исходя из которой мы можем затем производить оценку последствий менее полной изоляции, сочетающейся в большей мере с иными факторами. Так как подобные «более легкие» случаи являются для практики намного более важными, ибо они встречаются несравненно чаще, но одновременно и более сложными, обусловленными самыми различными жизненными ситуациями, мы хотим рассмотреть их тщательно в соответствующих местах, а именно в главах о воспитании в учреждениях, о депривации в семье, о культурной депривации, а также об экспериментальном подходе к вопросу недостатка стимулов.

---

[27] *Аутизм* — погружение в мир личных переживаний с активным отстранением от внешнего мира. — *Ред.-сост.*

[28] *Фрустрационная толерантность* — здесь, по-видимому, терпимое отношение к препятствиям на пути удовлетворения желаний или потребностей. — *Ред.-сост.*

Тема 6

Строение индивидуальной деятельности человека

Проблема побуждения к деятельности. Понятия потребности и мотива. Основные свойства потребностей, их опредмечивание. Функции мотива: побуждение и смыслообразование. Строение потребностно-мотивационной сферы, специфика потребностей человека. Определение деятельности. Понятие действия. Цель как представление о результате, который должен быть достигнут. Понятие задачи, ее объективная и психологическая структура. Целеобразование и поиск средств решения задач. Действие и операции. Соотношение действий и деятельности. Проблема возникновения мотивов (потребностей) в ходе выполнения деятельности. Представление о ведущих деятельностях, их смене в онтогенезе. Взаимосвязи действий и операций в процессе формирования и выполнения навыка. Виды операций. Уровни построения движений.

Вопросы к семинарским занятиям

1. *Понятия деятельности, особенной и ведущей деятельности. Определение и функции мотива. Потребности человека, их свойства и специфика. Общее представление о мотивации*

2. *Уровни анализа деятельности. Понятия действия, операции, психофизиологических функций*

3. *Действия и деятельность. Развитие мотивационно-потребностной сферы. Сдвиг мотива на цель*

4. *Действия и операции. Виды операций. Функциональные органы деятельности*

5. *Кольцевая регуляция и уровни построения движений*

1 *Понятия деятельности, особенной и ведущей деятельности. Определение и функции мотива. Потребности человека, их свойства и специфика. Общее представление о мотивации*

А.Н. Леонтьев

[Проблема деятельности в психологии]*

О категории предметной деятельности

Деятельность есть молярная, не аддитивная единица жизни телесного, материального субъекта. В более узком смысле, т.е. на психологическом уровне, это единица жизни, опосредованной психическим отражением, реальная функция которого состоит в том, что оно ориентирует субъекта в предметном мире. Иными словами, деятельность — это не реакция и не совокупность реакций, а система, имеющая строение, свои внутренние переходы и превращения, свое развитие.

Введение категории деятельности в психологию меняет весь понятийный строй психологического знания. Но для этого нужно взять эту категорию во всей ее полноте, в ее важнейших зависимостях и детерминациях: со стороны ее структуры и в ее специфической динамике, в ее различных видах и формах. Иначе говоря, речь идет о том, чтобы ответить на вопрос, как именно выступает категория деятельности в психологии. Вопрос этот ставит ряд далеко еще не решенных теоретических проблем. Само собой разумеется, что я могу затронуть лишь некоторые из них.

Психология человека имеет дело с деятельностью конкретных индивидов, протекающей или в условиях открытой коллективности — среди окружающих людей, совместно с ними и во взаимодействии с ними, или с глазу на глаз с окружающим предметным миром — перед гончарным кругом или за письменным столом. В каких бы, однако, условиях и формах ни протекала деятельность человека, какую бы структуру она ни приобретала, ее нельзя рассматривать как изъятую из общественных отношений, из жизни общества. При всем своем своеобразии деятельность человеческого индивида представляет собой систему, включенную в систему отношений общества. Вне этих отношений человеческая

---

* *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 81—92.

деятельность вообще не существует. <...> В обществе человек находит не просто внешние условия, к которым он должен приноравливать свою деятельность, но что сами эти общественные условия несут в себе мотивы и цели его деятельности, ее средства и способы; словом, что общество производит деятельность образующих его индивидов. Конечно, это отнюдь не значит, что их деятельность лишь персонифицирует отношения общества и его культуру. Имеются сложные связывающие их трансформации и переходы, так что никакое прямое сведение одного к другому невозможно. <...>

Основной, или, как иногда говорят, конституирующей, характеристикой деятельности является ее предметность. Собственно, в самом понятии деятельности уже имплицитно содержится понятие ее предмета (*Gegenstand*). Выражение «беспредметная деятельность» лишено всякого смысла. Деятельность может *казаться* беспредметной, но научное исследование деятельности необходимо требует открытия ее предмета. При этом предмет деятельности выступает двояко: первично — в своем независимом существовании, как подчиняющий себе и преобразующий деятельность субъекта, вторично — как образ предмета, как продукт психического отражения его свойства, которое осуществляется в результате деятельности субъекта и иначе осуществиться не может.

Уже в самом зарождении деятельности и психического отражения обнаруживается их предметная природа. Так, было показано, что жизнь организмов в гомогенной, хотя и изменчивой среде может развиваться лишь в форме усложнения той системы элементарных отправлений, которая поддерживает их существование. Только при переходе к жизни в дискретной среде, т.е. к жизни в мире предметов, над процессами, отвечающими воздействиям, имеющим прямое биотическое значение, надстраиваются процессы, вызываемые воздействиями, которые сами по себе могут быть нейтральными, абиотическими, но которые ориентируют его по отношению к воздействиям первого рода. Формирование этих процессов, опосредствующих фундаментальные жизненные отправления, происходит в силу того, что биотические свойства предмета (например, его пищевые свойства) выступают как скрытые за другими, «поверхностными» его свойствами, поверхностными в том смысле, что, прежде чем испытать на себе эффекты, вызываемые биотическим воздействием, нужно, образно говоря, пройти через эти свойства (таковы, например, механические свойства твердого тела по отношению к химическим его свойствам). <...>

Итак, предыстория человеческой деятельности начинается с приобретения жизненными процессами предметности. Последнее означает собой также появление элементарных форм психического отражения — превращение раздражимости (*irribilitas*) в чувствительность (*sensibilitas*), в «способность ощущения».

Дальнейшая эволюция поведения и психики животных может быть адекватно понята именно как история развития предметного содержания деятельности. На каждом новом этапе возникает все более полная подчиненность эф-

фекторных процессов деятельности объективным связям и отношениям свойств предметов, во взаимодействие с которыми вступает животное. Предметный мир как бы все более «втягивается» в деятельность. Так, движение животного вдоль преграды подчиняется ее «геометрии» — уподобляется ей и несет ее в себе, движение прыжка подчиняется объективной метрике среды, а выбор обходного пути — межпредметным отношениям.

Развитие предметного содержания деятельности находит свое выражение в идущем вслед развитии психического отражения, которое регулирует деятельность в предметной среде.

Всякая деятельность имеет кольцевую структуру: *исходная афферентация → эффекторные процессы, реализующие контакты с предметной средой → коррекция и обогащение с помощью обратных связей исходного афферентирующего образа*. Сейчас кольцевой характер процессов, осуществляющих взаимодействие организма со средой, является общепризнанным и достаточно хорошо описан. Однако главное заключается не в самой по себе кольцевой структуре, а в том, что психическое отражение предметного мира порождается не непосредственно внешними воздействиями (в том числе и воздействиями «обратными»), а теми процессами, с помощью которых субъект вступает в практические контакты с предметным миром и которые поэтому необходимо подчиняются его независимым свойствам, связям, отношениям. Последнее означает, что «афферентатором», управляющим процессами деятельности, первично является сам предмет и лишь вторично — его образ как субъективный продукт деятельности, который фиксирует, стабилизирует и несет в себе ее предметное содержание. Иначе говоря, осуществляется двойной переход: переход *предмет → процесс деятельности* и переход *деятельность → ее субъективный продукт*. Но переход процесса в форму продукта происходит не только на полюсе субъекта. Еще более явно он происходит на полюсе объекта, трансформируемого человеческой деятельностью; в этом случае регулируемая психическим образом деятельность субъекта переходит в «покоящееся свойство» (*ruhende Eigenschaft*) ее объективного продукта.

На первый взгляд кажется, что представление о предметной природе психики относится только к сфере собственно познавательных процессов; что же касается сферы потребностей и эмоций, то на нее это представление не распространяется. Это, однако, не так.

Взгляды на эмоционально-потребную сферу как на сферу состояний и процессов, природа которых лежит в самом субъекте и которые лишь изменяют свои проявления под давлением внешних условий, основываются на смешении, по существу, разных категорий, смешении, которое особенно дает о себе знать в проблеме потребностей.

В *психологии* потребностей нужно с самого начала исходить из следующего капитального различения: различения потребности как внутреннего условия, как одной из обязательных предпосылок деятельности и потребности как того,

что направляет и регулирует конкретную деятельность субъекта в предметной среде. «Голод способен поднять животное на ноги, способен придать поискам более или менее страстный характер, но в нем нет никаких элементов, чтобы направить движение в ту или другую сторону и видоизменять его сообразно требованиям местности и случайностям встреч» — писал Сеченов[1]. Именно в направляющей своей функции потребность и является предметом психологического познания. В первом же случае потребность выступает лишь как состояние нужды организма, которое само по себе не способно вызвать никакой определенно направленной деятельности; ее функция ограничивается активацией соответствующих биологических отправлений и общим возбуждением двигательной сферы, проявляющимся в ненаправленных поисковых движениях. Лишь в результате ее «встречи» с отвечающим ей предметом она впервые становится способной направлять и регулировать деятельность.

Встреча потребности с предметом есть акт чрезвычайный. Он отмечался уже Ч. Дарвином[2], о нем свидетельствуют некоторые данные И.П. Павлова; о нем говорит Д.Н. Узнадзе[3] как об условии возникновения установки, и его блистательное описание дают современные этологи. Этот чрезвычайный акт есть акт опредмечивания потребности — «наполнения» ее содержанием, которое черпается из окружающего мира. Это и переводит потребность на собственно психологический уровень.

Развитие потребностей на этом уровне происходит в форме развития их предметного содержания. Кстати сказать, это обстоятельство только и позволяет понять появление у человека новых потребностей, в том числе таких, которые не имеют своих аналогов у животных, «отвязаны» от биологических потребностей организма и в этом смысле являются «автономными»[4]. Их формирование объясняется тем, что в человеческом обществе предметы потребностей производятся, а благодаря этому производятся и сами потребности[5].

Итак, потребности управляют деятельностью со стороны субъекта, но они способны выполнять эту функцию лишь при условии, что они являются предметными. Отсюда и происходит возможность оборота терминов, который позволил К. Левину[6] говорить о побудительной силе (*Aufforderungscharakter*) самих предметов[7].

---

[1] См.: *Сеченов И.М.* Избранные произведения: В 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 581.

[2] Дарвин (*Darwin*) Чарлз Роберт (1809—1882), английский натуралист, основоположник эволюционного учения о происхождении видов путем естественного отбора. — *Ред.-сост.*

[3] Узнадзе Дмитрий Николаевич (1886/1887—1950) — грузинский философ и психолог. — *Ред.-сост.*

[4] См.: *Allport G.* Pattern and Growth in Personality. N.Y.: Holt; Rinehart and Winston, 1961.

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 26—31.

[6] Левин (*Lewin*) Курт (1890—1947) — немецкий психолог, представитель гештальтпсихологии в области психологии мотивации и личности; с 1932 г. жил и работал в США. — *Ред.-сост.*

[7] См.: *Levin K.* A Dynamic Theory of Personality. N.Y.: McGraw-Hill, 1935.

Не иначе обстоит дело с эмоциями и чувствами. И здесь необходимо различать, с одной стороны, беспредметные стенические, астенические состояния[8], а с другой — собственно эмоции и чувства, порождаемые соотношением предметной деятельности субъекта с его потребностями и мотивами. Но об этом нужно говорить особо. В связи же с анализом деятельности достаточно указать на то, что предметность деятельности порождает не только предметный характер образов, но также предметность потребностей, эмоций и чувств.

Процесс развития предметного содержания потребностей не является, конечно, односторонним. Другая его сторона состоит в том, что и сам предмет деятельности открывается субъекту как отвечающий той или иной его потребности. Таким образом, потребности побуждают деятельность и управляют ею со стороны субъекта, но они способны выполнять эти функции при условии, что они являются предметными.

Предметная деятельность и психология

То обстоятельство, что генетически исходной и основной формой человеческой деятельности является деятельность внешняя, чувственно-практическая, имеет для психологии особый смысл. Ведь психология всегда, конечно, изучала деятельность — например, деятельность мыслительную, деятельность воображения, запоминания и т. д. Только такая внутренняя деятельность, подпадающая под декартовскую категорию *cogito* [я мыслю. — *Ред.-сост.*], собственно, и считалась психологической, единственно входящей в поле зрения психолога. Психология, таким образом, отлучалась от изучения практической, чувственной деятельности.

Если внешняя деятельность и фигурировала в старой психологии, то лишь как *выражающая* внутреннюю деятельность, деятельность сознания. Произошедший на рубеже нашего столетия бунт бихевиористов против этой менталистской психологии скорее углубил, чем устранил разрыв между сознанием и внешней деятельностью, только теперь, наоборот, внешняя деятельность оказалась отлученной от сознания.

Подготовленный объективным ходом развития психологических знаний вопрос, который встал сейчас во весь рост, состоит в том, входит ли изучение внешней практической деятельности в задачу психологии. Ведь «на лбу» деятельности «не написано», предметом какой науки она является. Вместе с тем научный опыт показывает, что выделение деятельности в качестве предмета некоей особой области знания — «праксиологии» — не является оправданием. Как и всякая эмпирически данная реальность, деятельность изучается разными

---

[8] *Стеническое* состояние — состояние высокой жизненной активности; *астеническое* состояние — состояние, для которого характерно сочетание повышенной чувствительности, возбудимости, раздражительной слабости с быстрой утомляемостью. — *Ред.-сост.*

науками; можно изучать физиологию деятельности, но столь же правомерным является ее изучение, например, в политической экономии или социологии. Внешняя практическая деятельность не может быть изъята и из собственно психологического исследования. Последнее положение может, однако, пониматься существенно по-разному.

Еще в тридцатых годах С.Л. Рубинштейн (1934) указывал на важное теоретическое значение для психологии мысли Маркса о том, что в обыкновенной материальной промышленности мы имеем перед собой раскрытую книгу человеческих сущностных сил и что психология, для которой эта книга остается закрытой, не может стать содержательной и реальной наукой, что психология не должна игнорировать богатство человеческой деятельности[9].

Вместе с тем в своих последующих публикациях С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что, хотя в сферу психологии входит и та практическая деятельность, посредством которой люди изменяют природу и общество, предметом психологического изучения «является только их специфически психологическое содержание, их мотивация и регуляция, посредством которой действия приводятся в соответствие с отраженными в ощущении, восприятии, сознании объективными условиями, в которых они совершаются»[10].

Итак, практическая деятельность, по мысли автора, входит в предмет изучения психологии, но лишь тем особым своим содержанием, которое выступает в форме ощущения, восприятия, мышления и вообще в форме внутренних психических процессов и состояний субъекта. Но это утверждение является, по меньшей мере, односторонним, так как оно абстрагируется от того капитального факта, что деятельность — в той или иной ее форме — входит в самый процесс психического отражения, в само содержание этого процесса, его порождение.

Рассмотрим самый простой случай: процесс восприятия упругости предмета. Это процесс внешне-двигательный, с помощью которого субъект вступает в практический контакт, в практическую связь с внешним предметом и который может быть направлен на осуществление даже не познавательной, а непосредственно практической задачи, например, на его деформацию. Возникающий при этом субъективный образ — это, конечно, психическое и, соответственно, бесспорный предмет психологического изучения. Однако для того, чтобы понять природу данного образа, я должен изучить процесс, его порождающий, а он в рассматриваемом случае является процессом внешним, практическим. Хочу я этого или не хочу, соответствует или не соответствует это моим теоретическим взглядам, я все же вынужден включить в предмет моего **психологического** исследования внешнее предметное действие субъекта.

---

[9] См.: *Рубинштейн С.Л.* Проблемы психологии в трудах К. Маркса // Советская психотехника. 1934. № 7.

[10] См.: *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 40.

Значит, неправомерно считать, что внешняя предметная деятельность хотя и выступает перед психологическим исследованием, но лишь как то, во что включены внутренние психические процессы, и что собственно психологическое исследование движется, не переходя в плоскость изучения самой внешней деятельности, ее строения.

С этим можно согласиться только в том случае, если допустить одностороннюю зависимость внешней деятельности от управляющего ею психического образа, представления цели или ее мысленной схемы. Но это не так. Деятельность необходимо вступает в практические контакты с сопротивляющимися человеку предметами, которые отклоняют, изменяют и обогащают ее. Иными словами, именно во внешней деятельности происходит размыкание круга внутренних психических процессов как бы навстречу объективному предметному миру, властно врывающемуся в этот круг.

Итак, деятельность входит в предмет психологии, но не особой своей «частью» или «элементом», а своей особой функцией. Это функция полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности.

А.Н. Леонтьев

[Соотношение мотивов и потребностей]*

В современной психологии термином «мотив» (мотивация, мотивирующие факторы) обозначаются совершенно разные явления. Мотивами называют инстинктивные импульсы, биологические влечения и аппетиты, а равно переживание эмоций, интересы, желания; в пестром перечне мотивов можно обнаружить такие, как жизненные цели и идеалы, но также и такие, как раздражение электрическим током[1]. Нет никакой надобности разбираться во всех тех смешениях понятий и терминов, которые характеризуют нынешнее состояние проблемы мотивов. Задача психологического анализа личности требует рассмотреть лишь главные вопросы.

Прежде всего, это вопрос о соотношении мотивов и потребностей. Я уже говорил, что собственно потребность — это всегда потребность в чем-то, что на психологическом уровне потребности опосредствованы психическим отражением, и притом двояко. С одной стороны, предметы, отвечающие потребностям субъекта, выступают перед ним своими объективными сигнальными признаками. С другой — сигнализируются, чувственно отражаются субъектом и сами потребностные состояния, в простейших случаях — в результате действия интероцептивных раздражителей[2]. При этом важнейшее изменение, характеризующее переход на психологический уровень, состоит в возникновении **подвижных** связей потребностей с отвечающими им предметами.

---

* *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 189—196, 201—206.

[1] В советской литературе достаточно полный обзор исследований мотивов приводится в книге П.М. Якобсона «Психологические проблемы мотивации поведения человека» (М.: Просвещение, 1969). Последняя вышедшая книга, дающая сопоставительный анализ теорий мотивации, принадлежит К. Мадсену (*Madsen K.B.* Modern Theories of Motivation. Copenhagen, 1974).

[2] *Интероцептивные раздражители* — раздражители интероцепторов, т.е. чувствительных нервных окончаний (рецепторов), воспринимающих сдвиги во внутренней среде организма и расположенных в мышцах, сухожилиях, внутренних органах, сосудах и т.п. — *Ред.-сост.*

Дело в том, что в самом потребностном состоянии субъекта предмет, который способен удовлетворить потребность, жестко не записан. До своего первого удовлетворения потребность «не знает» своего предмета, он еще должен быть обнаружен. Только в результате такого обнаружения потребность приобретает свою предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет — свою побудительную и направляющую деятельность функции, т.е. становится мотивом[3].

Подобное понимание мотивов кажется, по меньшей мере, односторонним, а потребности — исчезающими из психологии. Но это не так. Из психологии исчезают не потребности, а лишь их абстракты — «голые», предметно не наполненные потребностные состояния субъекта. Абстракты эти появляются на сцену в результате обособления потребностей от предметной деятельности субъекта, в которой они единственно обретают свою психологическую конкретность.

Само собой разумеется, что субъект как индивид рождается наделенным потребностями. Но, повторяю это еще раз, потребность как внутренняя сила может реализоваться только в деятельности. Иначе говоря, потребность первоначально выступает лишь как условие, как предпосылка деятельности, но, как только субъект начинает действовать, тотчас происходит ее трансформация, и потребность перестает быть тем, чем она была виртуально [в возможности. — *Ред.-сост.*], «в себе». Чем дальше идет развитие деятельности, тем более эта ее предпосылка превращается в ее результат.

Трансформация потребностей отчетливо выступает уже на уровне эволюции животных: в результате происходящего изменения и расширения круга предметов, отвечающих потребностям, и способов их удовлетворения развиваются и сами потребности. Это происходит потому, что потребности способны конкретизироваться в потенциально очень широком диапазоне объектов, которые и становятся побудителями деятельности животного, придающими ей определенную направленность. Например, при появлении в среде новых видов пищи и исчезновении прежних пищевая потребность, продолжая удовлетворяться, вместе с тем впитывает теперь в себя новое содержание, т.е. становится ***иной***. Таким образом, развитие потребностей животных происходит путем развития их деятельности по отношению ко все более обогащающемуся кругу предметов; разумеется, что изменение конкретно-предметного содержания потребностей приводит к изменению также и способов их удовлетворения.

Конечно, это общее положение нуждается во многих оговорках и пояснениях, особенно в связи с вопросом о так называемых функциональных потребностях[4]. Но сейчас речь идет не об этом. Главное заключается в выделении факта трансформации потребностей через предметы в процесс их

---

[3] См.: *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972.

[4] ***Функциональные потребности*** — потребности, связанные с желанием развить путем упражнения собственные способности и умения, испытывая при этом радость и удовольствие. — *Ред.-сост.*

потребления. А это имеет ключевое значение для понимания природы потребностей человека.

В отличие от развития потребностей у животных, которое зависит от расширения круга потребляемых ими природных предметов, потребности человека порождаются развитием производства. Ведь производство есть непосредственно также и потребление, создающее потребность. Иначе говоря, потребление опосредствуется потребностью в предмете, его восприятием или мысленным его представлением. В этой отраженной своей форме предмет и выступает в качестве идеального, внутренне побуждающего мотива[5]. <...>

Марксистское понимание далеко от того, чтобы усматривать в потребностях исходный и главный пункт. Вот что пишет в этой связи Маркс[6]: «В качестве нужды, в качестве потребности, потребление само есть внутренний момент производительной деятельности. Но **последняя** (выделено мной. — *А.Л.*) есть исходный пункт реализации, а потому и ее господствующий момент — акт, в который снова превращается весь процесс. Индивид производит предмет и через его потребление возвращается опять к самому себе...»[7]

Итак, перед нами две принципиальные схемы, выражающие связь между потребностью и деятельностью. Первая воспроизводит ту идею, что исходным пунктом является потребность и поэтому процесс в целом выражается циклом: *потребность → деятельность → потребность*. В ней, как отмечает Л. Сэв[8], реализуется «материализм потребностей», который соответствует домарксистскому представлению о сфере потребления как основной. Другая, противостоящая ей схема есть схема цикла: *деятельность → потребность → деятельность*. Эта схема, отвечающая марксистскому пониманию потребностей, является фундаментальной также и для психологии, в которой «никакая концепция, основанная на идее “двигателя”, принципиально предшествующего самой деятельности, не может играть роль исходной, способной служить достаточным основанием для научной теории человеческой личности»[9]. <...>

Другая принципиальная трудность возникает в результате полупризнания общественно-исторической природы человеческих потребностей, выражающегося в том, что часть потребностей рассматриваются как социальные по своему происхождению, другие же относятся к числу чисто биологических, принципиально общих у человека и животных. Не требуется, конечно, особой глубины мысли, чтобы открыть общность некоторых потребностей у человека и животных. Ведь человек, как и животные, имеет желудок и испытывает

---

[5] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 26—29.

[6] Маркс (*Marx*) Карл (1818—1883) — мыслитель и общественный деятель, основоположник марксизма. — *Ред.-сост.*

[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 30.

[8] Сэв (*Sève*) Люсьен (р. 1926) — французский философ-марксист. — *Ред.-сост.*

[9] См.: *Sève L.* Marxisme et theorié de la Personnalité. Paris, 1972. P. 49 [Рус. пер. см.: *Сэв Л.* Марксизм и теория личности. М.: Прогресс, 1972. С. 73. — *Ред.-сост.*].

голод — потребность, которую он должен удовлетворять, чтобы поддерживать свое существование. Но человеку свойственны и другие потребности, которые детерминированы не биологически, а социально. Они являются «функционально автономными» или «анастатическими»[10]. Сфера потребностей человека оказывается, таким образом, расколотой надвое. Это неизбежный результат рассмотрения «самих потребностей» в их отвлечении от предметных условий и способов их удовлетворения и, соответственно, в отвлечении от деятельности, в которой происходит их трансформация. Но преобразование потребностей на уровне человека охватывает также (и прежде всего) потребности, являющиеся у человека гомологами [подобиями. — *Ред.-сост.*] потребностей животных. «Голод, — замечает Маркс, — есть голод, однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов»[11].

Позитивистская мысль[12], конечно, видит в этом не более чем поверхностное отличие. Ведь для того, чтобы обнаружить «глубинную» общность потребности в пище у человека и животного, достаточно взять изголодавшегося человека. Но это не более чем софизм[13]. Для изголодавшегося человека пища действительно перестает существовать в своей человеческой форме, и, соответственно, его потребность в пище «расчеловечивается»; но если это что-нибудь и доказывает, то только то, что человека можно довести голоданием до животного состояния, и ровно ничего не говорит о природе его **человеческих** потребностей.

Хотя потребности человека, удовлетворение которых составляет необходимое условие поддержания физического существования, отличаются от его потребностей, не имеющих своих гомологов у животных, различие это не является абсолютным, и историческое преобразование охватывает **всю** сферу потребностей.

Вместе с изменением и обогащением предметного содержания потребностей человека происходит также изменение и форм их психического отражения, в результате чего они способны приобретать идеаторный [мысленный. — *Ред.-сост.*] характер и благодаря этому становиться психологически инвариантными [неизменными. — *Ред.-сост.*]; так, пища остается пищей и для голодного, и для сытого

[10] Достижение каких-либо целей для того, чтобы удовлетворить определенные потребности, может в конце концов выступить как самоцель в роли автономной мотивации или *функционально автономных потребностей*, независимых от первичной мотивации. Так, человек может поставить себе целью заработать деньги, чтобы приобрести определенные материальные блага, например, купить автомобиль или дом. Но, в конце концов, его мотивация будет заключаться в том, чтобы «делать деньги». *Анастатические потребности*, по-видимому, можно отнести к т.н. духовным потребностям, проявляющимся в желании собственного бессмертия или вечного существования души. — *Ред.-сост.*

[11] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. 1. С. 28.

[12] *Позитивистская мысль* — взгляд с позиций позитивизма как философского направления, исходящего из того, что источником истинного знания являются специальные науки, роль которых ограничивается описанием и систематизацией фактов. — *Ред.-сост.*

[13] *Софизм* — формально кажущееся правильным, но ложное по существу утверждение или умозаключение. — *Ред.-сост.*

человека. Вместе с тем развитие духовного производства порождает такие потребности, которые могут существовать только при наличии «плана сознания». Наконец, формируется особый тип потребностей — потребностей *предметно-функциональных*, таких, как потребность в труде, художественном творчестве и т.д. Самое же главное состоит в том, что у человека потребности вступают в новые отношения друг с другом. Хотя удовлетворение витальных [жизненных, животворных. — *Ред.-сост.*] потребностей остается для человека «первым делом» и неустранимым условием его жизни, высшие, специально-человеческие потребности вовсе не образуют лишь наслаивающиеся на них поверхностные образования. Поэтому и происходит так, что когда на одну чашу весов ложатся фундаментальнейшие витальные потребности человека, а на другую — его высшие потребности, то перевесить могут как раз последние. Это общеизвестно и не требует доказательства.

Верно, конечно, что общий путь, который проходит развитие человеческих потребностей, начинается с того, что человек действует для удовлетворения своих элементарных, витальных потребностей; но далее это отношение обращается, и человек удовлетворяет свои витальные потребности для того, чтобы действовать. Это и есть принципиальный путь развития потребностей человека. Путь этот, однако, не может быть непосредственно выведен из движения самих потребностей, потому что за ним скрывается развитие их предметного содержания, т.е. конкретных мотивов деятельности человека.

Таким образом, психологический анализ потребностей неизбежно преобразуется в анализ мотивов. Для этого, однако, необходимо преодолеть традиционное субъективистское понимание мотивов, которое приводит к смешению совершенно разнородных явлений и совершенно различных уровней регуляции деятельности. Здесь мы встречаемся с настоящим сопротивлением: разве не очевидно, говорят нам, что человек действует потому, что он **хочет**. Но субъективные переживания, хотения, желания и т.п. не являются мотивами потому, что сами по себе они не способны породить **направленную** деятельность, и, следовательно, главный психологический вопрос состоит в том, чтобы понять, в чем состоит предмет данного хотения, желания или страсти. <...>

Генетически исходным для человеческой деятельности является несовпадение мотивов и целей. Напротив, их совпадение есть вторичное явление: либо результат приобретения целью самостоятельной побудительной силы, либо результат осознания мотивов, превращающего их в *мотивы-цели*. В отличие от целей, мотивы актуально не сознаются субъектом: когда мы совершаем те или иные действия, то в этот момент мы обычно не отдаем себе отчета в мотивах, которые их побуждают. Правда, нам нетрудно привести их *мотивировку*, но мотивировка вовсе не всегда содержит в себе указание на их действительный мотив. <...>

Одни мотивы, побуждая деятельность, вместе с тем придают ей личностный смысл; мы будем называть их *смыслообразующими мотивами*. Другие, сосуществующие с ними, выполняя роль побудительных факторов (положительных

или отрицательных) — порой остро эмоциональных, аффективных, — лишены смыслообразующей функции; мы будем условно называть такие мотивы *мотивами-стимулами*[14]. <...>

Распределение функций смыслообразования и **только** побуждения между мотивами одной и той же деятельности позволяет понять главные отношения, характеризующие мотивационную сферу личности: отношения **иерархии** мотивов. Иерархия эта отнюдь не строится по шкале их близости к витальным (биологическим) потребностям, подобно тому как это представляет себе, например, Маслоу[15]: в основе иерархии лежит необходимость поддерживать физиологический гомеостазис[16]; выше — мотивы самосохранения; далее — уверенность, престижность; наконец, на самой вершине иерархии — мотивы познавательные и эстетические[17]. Главная проблема, которая здесь возникает, заключается не в том, насколько правильна данная (или другая, подобная ей) шкала, а в том, правомерен ли самый принцип такого шкалирования мотивов. Дело в том, что ни степень близости к биологическим потребностям, ни степень побудительности и аффектогенности тех или иных мотивов еще не определяют иерархических отношений между ними. Эти отношения определяются складывающимися связями деятельности субъекта, их опосредствованиями и поэтому являются релятивными [относительными. — *Ред.-сост.*]. Это относится и к главному соотношению — к соотношению смыслообразующих мотивов и мотивов-стимулов. В структуре одной деятельности данный мотив может выполнять функцию смыслообразования, в другой — функцию дополнительной стимуляции. Однако смыслообразующие мотивы всегда занимают более высокое иерархическое место, даже если они не обладают прямой аффектогенностью. Являясь ведущими в жизни личности, для самого субъекта они могут оставаться «за занавесом» — и со стороны сознания, и со стороны своей непосредственной аффективности.

Факт существования актуально несознаваемых мотивов вовсе не выражает собой особого начала, таящегося в глубинах психики. Несознаваемые мотивы имеют ту же детерминацию, что и всякое психическое отражение: реальное бытие, деятельность человека в объективном мире. Несознаваемое и сознаваемое не противостоят друг другу; это лишь разные формы и уровни психического отражения, находящегося в строгой соотнесенности с тем местом, которое занимает отражаемое в структуре деятельности, в движении ее системы. Если цели и отвечающие им действия необходимо сознаются, то иначе обстоит дело с

---

[14] На различие между мотивами и стимулами указывают многие авторы, но по другим основаниям; например, под мотивами разумеют внутренние побуждения, а под стимулами — внешние (см.: *Здравомыслов А.Г., Рожин В.Н., Ядов Я.В.* Человек и его работа. М.: Мысль, 1967. С. 38).

[15] Маслоу (*Maslow*) Эйбрахам Харолд (1908—1970) — американский психолог; см. его текст на с. 511—529 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[16] *Гомеостазис* — относительное динамическое постоянство внутренней среды организма. — *Ред.-сост.*

[17] См.: *Maslow A.* Motivation and Personality. N.Y.: Harper and Brother, 1954. [Рус. пер. см.: *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. — *Ред.-сост.*]

осознанием их мотива — того, ради чего ставятся и достигаются данные цели. Предметное содержание мотивов всегда, конечно, так или иначе воспринимается, представляется. В этом отношении объект, побуждающий действовать, и объект, выступающий в качестве орудия или преграды, так сказать, равноправны. Другое дело — осознание объекта в качестве мотива. Парадокс состоит в том, что мотивы открываются сознанию только объективно, путем анализа деятельности, ее динамики. Субъективно же они выступают только в своем косвенном выражении — в форме переживания желания, хотения, стремления к цели. Когда передо мною возникает та или иная цель, то я не только сознаю ее, представляю себе ее объективную обусловленность, средства ее достижения и более отдаленные результаты, к которым она ведет, вместе с тем я **хочу** достичь ее (или, наоборот, она меня отвращает от себя). Эти непосредственные переживания и выполняют роль внутренних сигналов, с помощью которых регулируются осуществляющиеся процессы. Субъективно выражающийся же в этих внутренних сигналах мотив прямо в них не содержится. Это и создает впечатление, что они возникают эндогенно [изнутри. — *Ред.-сост.*] и что именно они являются силами, движущими поведением.

Осознание мотивов есть явление вторичное, возникающее только на уровне личности и постоянно воспроизводящееся по ходу ее развития. Для совсем маленьких детей этой задачи просто не существует. Даже на этапе перехода к школьному возрасту, когда у ребенка появляется стремление пойти в школу, подлинный мотив, лежащий за этим стремлением, скрыт от него, хотя он и не затрудняется в мотивировках, обычно воспроизводящих **знаемое** им. Выяснить этот подлинный мотив можно только объективно, «со стороны», изучая, например, игры детей «в ученика», так как в ролевой игре легко обнажается личностный смысл игровых действий и, соответственно, их мотив[18]. Для осознания действительных мотивов своей деятельности субъект тоже вынужден идти по «обходному пути», с той, однако, разницей, что на этом пути его ориентируют сигналы-переживания, эмоциональные «метки» событий.

День, наполненный множеством действий, казалось бы, вполне успешных, тем не менее, может испортить человеку настроение, оставить у него некий неприятный эмоциональный осадок. На фоне забот дня этот осадок едва замечается. Но вот наступает минута, когда человек как бы оглядывается и мысленно перебирает прожитой день, в эту-то минуту, когда в памяти всплывает определенное событие, его настроение приобретает предметную отнесенность: возникает аффективный сигнал, указывающий, что именно это событие и оставило у него эмоциональный осадок. Может статься, например, что это его негативная реакция на чей-то успех в достижении общей цели, единственно ради которой, как ему думалось, он действовал; и вот оказывается, что это не вполне так и что

[18] См.: *Божович Л.И., Морозова Н.Г., Славина Л.С.* Развитие мотивов учения у советских школьников // Известия Академии педагогических наук РСФСР. М., 1951. Вып. 36; *Леонтьев А.Н.* Психологические основы дошкольной игры // Дошкольное воспитание. 1947. № 9.

едва ли не главным для него мотивом было достижение успеха для себя. Он стоит перед «задачей на личностный смысл», но она не решается сама собой, потому что теперь она стала задачей на соотношение мотивов, которое характеризует его как **личность**.

Нужна особая внутренняя работа, чтобы решить такую задачу и, может быть, отторгнуть от себя то, что обнажилось. Ведь беда, говорил Пирогов[19], если вовремя этого не подметишь и не остановишься. Об этом писал и Герцен, а вся жизнь Толстого — великий пример такой внутренней работы.

Процесс проникновения в личность выступает здесь со стороны субъекта, феноменально. Но даже и в этом феноменальном его проявлении видно, что он заключается в уяснении иерархических связей мотивов. Субъективно они кажутся выражающими психологические «валентности», присущие самим мотивам. Однако научный анализ должен идти дальше, потому что образование этих связей необходимо предполагает трансформирование самих мотивов, происходящее в движении всей той системы деятельности субъекта, в которой формируется его личность.

[19] Пирогов Николай Иванович (1810—1881) — русский хирург, естествоиспытатель, педагог и общественный деятель. — *Ред.-сост.*

А.Н. Леонтьев

[Ведущая деятельность]*

В изучении развития психики ребенка следует исходить из анализа развития его деятельности так, как она складывается в данных конкретных условиях его жизни. Только при таком подходе может быть выяснена роль как внешних условий жизни ребенка, так и задатков, которыми он обладает. Только при таком подходе, исходящем из анализа содержания самой развивающейся деятельности ребенка, может быть правильно понята и ведущая роль воспитания, воздействующего именно на деятельность ребенка, на его отношения к действительности и поэтому определяющего его психику, его сознание.

Жизнь или деятельность в целом не складывается, однако, механически из отдельных видов деятельности. Одни виды деятельности являются на данном этапе ведущими и имеют большее значение для дальнейшего развития личности, другие — меньшее; одни играют главную роль в развитии, другие — подчиненную. Поэтому нужно говорить о зависимости развития психики не от деятельности вообще, а от ведущей деятельности.

В соответствии с этим можно сказать, что каждая стадия психического развития характеризуется определенным, ведущим на данном этапе отношением ребенка к действительности, определенным, ведущим типом его деятельности.

Признаком перехода от одной стадии к другой является именно изменение ведущего типа деятельности, ведущего отношения ребенка к действительности.

Что же такое «ведущий тип деятельности»?

Признаком ведущей деятельности отнюдь не являются чисто количественные показатели. Ведущая деятельность — это не просто деятельность, наиболее часто встречающаяся на данном этапе развития, деятельность, которой ребенок отдает больше всего времени.

---

* *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 513—518.

Ведущей мы называем такую деятельность ребенка, которая характеризуется следующими тремя признаками.

Во-первых, это такая деятельность, в форме которой возникают и внутри которой дифференцируются другие, новые виды деятельности. Так, например, обучение в более тесном значении этого слова, впервые появляющееся уже в дошкольном детстве, прежде возникает в игре, т.е. именно в ведущей на данной стадии развития деятельности. Ребенок начинает учиться играя.

Во-вторых, ведущая деятельность — это такая деятельность, в которой формируются или перестраиваются частные психические процессы. Так, например, в игре впервые формируются процессы активного воображения ребенка, в учении — процессы отвлеченного мышления. Из этого не следует, что формирование или перестройка всех психических процессов происходит только внутри ведущей деятельности. Некоторые психические процессы формируются и перестраиваются не непосредственно в самой ведущей деятельности, но и в других видах деятельности, генетически с ней связанных. Так, например, процессы абстрагирования и обобщения цвета формируются в дошкольном возрасте не в самой игре, но в рисовании, цветной аппликации и т.п., т.е. в тех видах деятельности, которые лишь в своем истоке связаны с игровой деятельностью.

В-третьих, ведущая деятельность — это такая деятельность, от которой ближайшим образом зависят наблюдаемые в данный период развития основные психологические изменения личности ребенка. Так, например, ребенок-дошкольник именно в игре осваивает общественные функции и соответствующие нормы поведения людей («каким бывает красноармеец», «что делает на заводе директор, инженер, рабочий»), а это является весьма важным моментом формирования его личности.

Таким образом, ведущая деятельность — это такая деятельность, развитие которой обусловливает главнейшие изменения в психических процессах и психологических особенностях личности ребенка на данной стадии его развития.

Стадии развития психики ребенка характеризуются, однако, не только определенным содержанием ведущей деятельности ребенка, но и определенной последовательностью во времени, т.е. определенной связью с возрастом детей. Ни содержание стадий, ни их последовательность во времени не являются, однако, чем-то раз навсегда данным и неизменным.

Дело в том, что как и всякое новое поколение, так и каждый отдельный человек, принадлежащий данному поколению, застает уже готовыми известные условия жизни. Они и делают возможным то или иное содержание его деятельности. Поэтому хотя мы и отмечаем известную стадиальность в развитии психики ребенка, однако содержание стадий отнюдь не является независимым от конкретно-исторических условий, в которых протекает развитие ребенка. Оно зависит прежде всего именно от этих условий. Влияние конкретно-исторических условий сказывается как на конкретном содержании той или другой отдельной стадии развития, так и на всем протекании процесса психического

развития в целом. Например, продолжительность и содержание того периода развития, который является как бы подготовлением человека к его участию в общественно-трудовой жизни, — периода воспитания и обучения — исторически далеко не всегда были одинаковыми. Продолжительность эта менялась от эпохи к эпохе, удлиняясь по мере того, как возрастали требования общества, предъявляемые к этому периоду.

Значит, хотя стадии развития и распределяются определенным образом во времени, но их возрастные границы зависят от их содержания, а оно, в свою очередь, определяется теми конкретно-историческими условиями, в которых протекает развитие ребенка. Таким образом, не возраст ребенка, как таковой, определяет содержание стадии развития, а сами возрастные границы стадии зависят от их содержания и изменяются вместе с изменением общественно-исторических условий.

Эти условия определяют также, какая именно деятельность ребенка становится ведущей на данной стадии развития его психики. Овладение непосредственно окружающей ребенка предметной действительностью, игра, в которой ребенок овладевает более широким кругом явлений и человеческих отношений, систематическое учение в школе и далее специальная подготовительная или трудовая деятельность — такова последовательная смена ведущих деятельностей, ведущих отношений, которые мы можем констатировать в наше время и в наших условиях.

Какие же отношения связывают между собой ведущий тип деятельности ребенка и то реальное место, которое занимает ребенок в системе общественных отношений? Как связаны между собой изменение этого места и изменение ведущей деятельности ребенка?

В самой общей форме ответ на этот вопрос состоит в том, что в ходе развития прежнее место, занимаемое ребенком в окружающем его мире человеческих отношений, начинает сознаваться им как не соответствующее его возможностям, и он стремится изменить его.

Возникает открытое противоречие между образом жизни ребенка и его возможностями, уже определившими этот образ жизни. В соответствии с этим его деятельность перестраивается. Тем самым совершается переход к новой стадии развития его психической жизни.

В качестве примера можно привести хотя бы случаи «перерастания» ребенком своего дошкольного детства. Вначале, в младшей и средней группах детского сада, ребенок охотно и с интересом принимает участие в жизни группы, его игры и занятия полны для него смысла, он охотно делится со старшими своими достижениями: показывает свои рисунки, читает стишки, рассказывает о событиях на очередной прогулке. Его вовсе не смущает то, что взрослые выслушивают его с улыбкой, рассеянно, часто не уделяя должного внимания всем этим важным для ребенка вещам. Для него самого они имеют смысл, и этого достаточно, чтобы они заполняли его жизнь.

Но проходит некоторое время, знания ребенка расширяются, увеличиваются его умения, растут его силы, и в результате деятельность в детском саду теряет для него свой прежний смысл и он все больше «выпадает» из жизни детского сада. Вернее, он пытается найти в ней новое содержание; образуются группки детей, начинающих жить своей особой, скрытой, уже совсем не «дошкольной» жизнью; улица, двор, общество старших детей делаются все более привлекательными. Все чаще самоутверждение ребенка приобретает формы, нарушающие дисциплину. Это так называемый кризис семи лет.

Если ребенок останется еще целый год вне школы, а в семье на него попрежнему будут смотреть как на малыша и он не будет всерьез вовлечен в ее трудовую жизнь, то этот кризис может обостриться чрезвычайно. Ребенок, лишенный общественных обязанностей, сам найдет их, может быть, в совершенно уродливых формах.

Такие кризисы — кризисы трех лет, семи лет, кризис подросткового возраста, кризис юности — всегда связаны со сменой стадий. Они в яркой и очевидной форме показывают, что существует именно внутренняя необходимость этих смен, этих переходов от одной стадии к другой. Но неизбежны ли эти кризисы в развитии ребенка?

О существовании кризисов развития известно давно, и «классическое» их понимание состоит в том, что они относятся за счет вызревающих внутренних особенностей ребенка и тех противоречий, которые на этой почве возникают между ребенком и средой. С точки зрения такого понимания кризисы, конечно, неотвратимы, потому что ни при каких условиях неотвратимы сами противоречия, о которых идет речь. Нет ничего, однако, более ложного в учении о развитии психики ребенка, чем эта идея.

В действительности кризисы отнюдь не являются неизбежными спутниками психического развития. Неизбежны не кризисы, а переломы, качественные сдвиги в развитии. Наоборот, кризис — это свидетельство не совершившегося своевременно перелома, сдвига. Кризисов вовсе может не быть, если психическое развитие ребенка складывается не стихийно, а является разумно управляемым процессом — управляемым воспитанием.

В нормальных случаях смена ведущего типа деятельности ребенка и его переход от одной стадии развития к другой отвечают возникающей внутренней необходимости и совершаются в связи с тем, что ребенок ставится воспитанием перед новыми задачами, соответствующими его изменившимся возможностям и его новому сознанию.

Э.Х. Маслоу

Базовые потребности*

Физиологические потребности

За отправную точку при создании мотивационной теории обычно принимаются специфические потребности, которые принято называть физиологическими позывами. В настоящее время мы стоим перед необходимостью пересмотреть устоявшееся представление об этих потребностях, и эта необходимость продиктована результатами последних исследований, проводившихся по двум направлениям. Мы говорим здесь, во-первых, об исследованиях в рамках концепции гомеостаза, и, во-вторых, об исследованиях, посвященных проблеме аппетита (предпочтения одной пищи другой), продемонстрировавших нам, что аппетит можно рассматривать в качестве индикатора актуальной потребности, как свидетельство того или иного дефицита в организме.

Концепция гомеостаза предполагает, что организм автоматически совершает определенные усилия, направленные на поддержание постоянства внутренней среды, нормального состава крови. Каннон[1] описал этот процесс с точки зрения: 1) водного содержания крови, 2) солевого баланса, 3) содержания сахара, 4) белкового баланса, 5) содержания жиров, 6) содержания кальция, 7) содержания кислорода, 8) водородного показателя (кислотно-щелочной баланс) и 9) постоянства температуры крови[2]. Очевидно, что этот перечень можно расширить, включив в него другие минералы, гормоны, витамины и т.д.

Проблеме аппетита посвящено исследование Янга, он попытался связать аппетит с соматическими потребностями[3]. По его мнению, если организм ощу-

---

* *Маслоу А.Г.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. С. 77—96.

[1] Каннон (Кэннон, Кеннон) (*Cannon*) Уолтер Брэдфорд (1871—1945) — американский физиолог, психофизиолог. — *Ред.-сост.*

[2] См.: *Cannon W.G.* Wisdom of the Body. N.Y.: Norton, 1932.

[3] См.: *Young P.T.* Appetite, palatability and feeding: a critical review // Psychol. Bull. 1948. № 45. P. 289—320; *Young P.T.* The experimental analysis of appetite // Psychol. Bull. 1941. № 38. P. 129—164.

щает нехватку каких-то химических веществ, то индивидуум будет чувствовать своеобразный, парциальный голод по недостающему элементу, или, иначе говоря, специфический аппетит.

Вновь и вновь мы убеждаемся в невозможности и бессмысленности создания перечней фундаментальных физиологических потребностей; совершенно очевидно, что круг и количество потребностей, оказавшихся в том или ином перечне, зависит лишь от тенденциозности и скрупулезности его составителя. Пока у нас нет оснований зачислить все физиологические потребности в разряд гомеостатических. Мы не располагаем достоверными данными, убедительно доказавшими бы нам, что сексуальное желание, зимняя спячка, потребность в движении и материнское поведение, наблюдаемые у животных, хоть как-то связаны с гомеостазом. Мало того, при создании подобного перечня мы оставляем за рамками каталогизации широкий спектр потребностей, связанных с чувственными удовольствиями (со вкусовыми ощущениями, запахами, прикосновениями, поглаживаниями), которые также, вероятно, являются физиологическими по своей природе и каждое из которых может быть целью мотивированного поведения. Пока не найдено объяснения парадоксальному факту, заключающемуся в том, что организму присущи одновременно и тенденция к инерции, лени, минимальной затрате усилий, и потребность в активности, стимуляции, возбуждении.

<...> Физиологическую потребность, или позыв, нельзя рассматривать в качестве образца потребности или мотива, она не отражает законы, которым подчиняются потребности, а служит скорее исключением из правила. Позыв специфичен и имеет вполне определенную соматическую локализацию. Позывы почти не взаимодействуют друг с другом, с прочими мотивами и с организмом в целом. Хотя последнее утверждение нельзя распространить на все физиологические позывы (исключениями в данном случае являются усталость, тяга ко сну, материнские реакции), но оно неоспоримо в отношении классических разновидностей позывов, таких как голод, жажда, сексуальный позыв.

Считаю нужным вновь подчеркнуть, что любая физиологическая потребность и любой акт консумматорного поведения[4], связанный с ней, могут быть использованы для удовлетворения любой другой потребности. Так, человек может ощущать голод, но, на самом деле, это может быть не столько потребность в белке или в витаминах, сколько стремление к комфорту, к безопасности. И наоборот, не секрет, что стаканом воды и парой сигарет можно на некоторое время заглушить чувство голода.

Вряд ли кто-нибудь возьмется оспорить тот факт, что физиологические потребности — самые насущные, самые мощные из всех потребностей, что они

---

[4] *... акт консумматорного поведения* — акт, завершающий собой некоторую направленную, подготовительную деятельность и приводящий организм в состояние удовлетворенности. — *Ред.-сост.*

препотентны[5] по отношению ко всем прочим потребностям. На практике это означает, что человек, живущий в крайней нужде, человек, обделенный всеми радостями жизни, будет движим прежде всего потребностями физиологического уровня. Если человеку нечего есть и если ему при этом не хватает любви и уважения, то все-таки в первую очередь он будет стремиться утолить свой физический голод, а не эмоциональный.

Если все потребности индивидуума не удовлетворены, если в организме доминируют физиологические позывы, то все остальные потребности могут даже не ощущаться человеком; в этом случае для характеристики такого человека достаточно будет сказать, что он голоден, ибо его сознание практически полностью захвачено голодом. В такой ситуации организм все свои силы и возможности направляет на утоление голода; структура и взаимодействие возможностей организма определяются одной-единственной целью. Его рецепторы и эффекторы, его ум, память, привычки — все превращается в инструмент утоления голода. Те способности организма, которые не приближают его к желанной цели, до поры дремлют или отмирают. Желание писать стихи, приобрести автомобиль, интерес к родной истории, страсть к желтым ботинкам — все эти интересы и желания либо блекнут, либо пропадают вовсе. Человека, чувствующего смертельный голод, не заинтересует ничего, кроме еды. Он мечтает только о еде, он вспоминает только еду, он думает только о еде, он способен воспринять только вид еды и способен слушать только разговоры о еде, он реагирует только на еду, он жаждет только еды. Привычки и предпочтения, избирательность и привередливость, обычно сопровождающие физиологические позывы, придающие индивидуальную окраску пищевому и сексуальному поведению человека, настолько задавлены, заглушены, что в данном случае (но только в данном, конкретном случае) можно говорить о голом пищевом позыве и о чисто пищевом поведении, преследующем одну-единственную цель — цель избавления от чувства голода.

В качестве еще одной специфической характеристики организма, подчиненного единственной потребности, можно назвать специфическое изменение личной философии будущего. Человеку, измученному голодом, раем покажется такое место, где можно до отвала наесться. Ему кажется, что если бы он мог не думать о хлебе насущном, то он был бы совершенно счастлив и не пожелал бы ничего другого. Саму жизнь он мыслит в терминах еды, все остальное, не имеющее отношения к предмету его вожделений, воспринимается им как несущественное, второстепенное. Он считает бессмыслицей такие вещи как любовь, свобода, братство, уважение, его философия предельно проста и выражается присказкой: «Любовью сыт не будешь». О голодном нельзя сказать: «Не хлебом единым жив человек», потому что голодный человек живет именно хлебом и только хлебом.

---

[5] *...препотентны* — т.е. преобладают или доминируют. — *Ред.-сост.*

Приведенный мною пример, конечно же, относится к разряду экстремальных, и, хотя он не лишен реальности, все-таки это скорее исключение, нежели правило. В мирной жизни, в нормально функционирующем обществе экстремальные условия уже по самому определению — редкость. Несмотря на всю банальность этого положения, считаю нужным остановиться на нем особо, хотя бы потому, что есть две причины, подталкивающие нас к его забвению. Первая причина связана с крысами. Физиологическая мотивация у крыс представлена очень ярко, а поскольку большая часть экспериментов по изучению мотивации проводится именно на этих животных, то исследователь иногда оказывается не в состоянии противостоять соблазну научного обобщения. Таким образом выводы, сделанные специалистами по крысам, переносятся на человека. Вторая причина связана с недопониманием того факта, что культура сама по себе является инструментом адаптации, и что одна из главных ее функций заключается в том, чтобы создать такие условия, при которых индивидуум все реже и реже испытывал бы экстремальные физиологические позывы. В большинстве известных нам культур хронический, чрезвычайный голод является скорее редкостью, нежели закономерностью. Во всяком случае, сказанное справедливо для Соединенных Штатов Америки. Если мы слышим от среднего американца «я голоден», то мы понимаем, что он скорее испытывает аппетит, нежели голод. Настоящий голод он может испытать только в каких-то крайних, чрезвычайных обстоятельствах, не больше двух-трех раз за всю свою жизнь.

Если при изучении человеческой мотивации мы ограничим себя экстремальными проявлениями актуализации физиологических позывов, то мы рискуем оставить без внимания высшие человеческие мотивы, что неизбежно породит однобокое представление о возможностях человека и его природе. Слеп тот исследователь, который, рассуждая о человеческих целях и желаниях, основывает свои доводы только на наблюдениях за поведением человека в условиях экстремальной физиологической депривации и рассматривает это поведение как типичное. Перефразируя уже упомянутую поговорку, можно сказать, что человек и действительно живет одним лишь хлебом, но только тогда, когда у него нет этого хлеба. Но что происходит с его желаниями, когда у него вдоволь хлеба, когда он сыт, когда его желудок не требует пищи?

А происходит вот что — у человека тут же обнаруживаются другие (более высокие) потребности, и уже эти потребности овладевают его сознанием, занимая место физического голода. Стоит ему удовлетворить эти потребности, их место тут же занимают новые (еще более высокие) потребности, и так далее до бесконечности. Именно это я и имею в виду, когда заявляю, что человеческие потребности организованы иерархически.

Такая постановка вопроса имеет далеко идущие последствия. Приняв наш взгляд на вещи, теория мотивации получает право пользоваться, наряду с концепцией депривации, не менее убедительной концепцией удовлетворения.

В соответствии с этой концепцией удовлетворение потребности освобождает организм от гнета потребностей физиологического уровня и открывает дорогу потребностям социального уровня. Если физиологические потребности постоянно и регулярно удовлетворяются, если достижение связанных с ними парциальных [частных, промежуточных. — *Ред.-сост.*] целей не представляет проблемы для организма, то эти потребности перестают активно воздействовать на поведение человека. Они переходят в разряд потенциальных, оставляя за собой право на возвращение, но только в том случае, если возникнет угроза их удовлетворению. Удовлетворенная страсть перестает быть страстью. Энергией обладает лишь неудовлетворенное желание, неудовлетворенная потребность. Например, удовлетворенная потребность в еде, утоленный голод уже не играет никакой роли в текущей динамике поведения индивидуума.

Этот тезис в некоторой степени опирается на гипотезу, о которой мы поговорим подробнее ниже, и суть которой состоит в том, что степень индивидуальной устойчивости к депривации той или иной потребности зависит от полноты и регулярности удовлетворения этой потребности в прошлом.

Потребность в безопасности

После удовлетворения физиологических потребностей их место в мотивационной жизни индивидуума занимают потребности другого уровня, которые в самом общем виде можно объединить в категорию безопасности (потребность в безопасности; в стабильности; в зависимости; в защите; в свободе от страха, тревоги и хаоса; потребность в структуре, порядке, законе, ограничениях и др.). Почти все, что говорилось выше о физиологических позывах, можно отнести и к этим потребностям, или желаниям. Подобно физиологическим потребностям, эти желания также могут доминировать в организме. Они могут узурпировать право на организацию поведения, подчинив своей воле все возможности организма и нацелив их на достижение безопасности, и в этом случае мы можем с полным правом рассматривать организм как инструмент обеспечения безопасности. Так же, как в случае с физиологическим позывом, мы можем сказать, что рецепторы, эффекторы, ум, память и все прочие способности индивидуума в данной ситуации превращаются в орудие обеспечения безопасности. Так же, как в случае с голодным человеком, главная цель не только детерминирует восприятие индивидуума, но и предопределяет его философию будущего, философию ценностей. Для такого человека нет более насущной потребности, чем потребность в безопасности (иногда даже физиологические потребности, если они удовлетворены, расцениваются им как второстепенные, несущественные). Если это состояние набирает экстремальную силу или приобретает хронический характер, то мы говорим, что человек думает только о безопасности.

Несмотря на то, что мы предполагаем обсуждать мотивацию взрослого человека, мне представляется, что для лучшего понимания потребности в безопасности имеет смысл понаблюдать за детьми, у которых потребности этого круга проявляются проще и нагляднее. Младенец реагирует на угрозу гораздо более непосредственно, чем взрослый человек, воспитание и культурные влияния еще не научили его подавлять и сдерживать свои реакции. Взрослый человек, даже ощущая угрозу, может скрыть свои чувства, смягчить их проявления настолько, что они останутся незамеченными для стороннего наблюдателя. Реакция же младенца целостна, он всем существом реагирует на внезапную угрозу — на шум, яркий свет, грубое прикосновение, потерю матери и прочую резкую сенсорную стимуляцию[6].

Реакция младенца на различного рода соматические нарушения также гораздо более непосредственна, чем у взрослого человека. Очень часто соматическое расстройство воспринимается ребенком как прямая угроза, как угроза *per se* [сама по себе (*лат.*). — *Ред.-сост.*] и вызывает страх. Так, например, рвота, колики в животе, острая боль могут полностью изменить мировосприятие ребенка. Образно говоря, для ребенка, испытывающего боль, весь мир становится мрачным, пугающим, опасным и непредсказуемым, — в таком мире может произойти все что угодно. Расстройство желудка, любое другое недомогание, которое взрослый человек счел бы «легким», заставляет ребенка испытывать ужас, вызывает ночные кошмары. В таком состоянии ребенок особенно остро ощущает потребность в участии и защите. Наглядным подтверждением наших рассуждений может служить недавно проведенное исследование, в котором изучались психологические последствия хирургических вмешательств у детей[7].

Потребность в безопасности у детей проявляется и в их тяге к постоянству, к упорядочению повседневной жизни. Ребенку явно больше по вкусу, когда окружающий его мир предсказуем, размерен, организован. Всякая несправедливость или проявление непоследовательности, непостоянства со стороны родителей вызывают у ребенка тревогу и беспокойство. В данном случае главную роль играет не столько несправедливость как таковая и даже не боль, связанная с ней, сколько то обстоятельство, что несправедливость или непоследовательность заставляет ребенка ощутить непредсказуемость мира, его опасность, убеждает ребенка в том, что этому миру нельзя доверять. Маленькие дети чувствуют себя гораздо лучше в такой обстановке, которая, если уж и не абсолютно не-

---

[6] Такие сведения часто истолковываются неверно, так как нередко используются для опровержения любой теории появления психопатии, вызванной изменениями окружающей обстановки или культурной среды. Такое оспаривание просто говорит о непонимании динамической психологии. На самом же деле конфликты и угрозы в большей степени, чем внешние катаклизмы, являются непосредственными причинами психопатии. Внешние бедствия оказывают динамическое влияние на человека, по крайней мере, до тех пор, пока они воздействуют на его основные личные цели и на его защитную систему.

[7] См.: *Levy D.M.* Psychic trauma of operations in children // Am. J. Diseases Children. 1945. № 69. P. 7—25.

зыблема, то хотя бы предполагает некие твердые правила, в ситуации, которая в какой-то степени рутинна, в какой-то мере предсказуема, которая содержит в себе некие устои, на которые можно опереться не только в настоящем, но и в будущем. Вопреки расхожему мнению о том, что ребенок стремится к безграничной свободе, вседозволенности, детские психологи, педагоги и психотерапевты постоянно обнаруживают, что некие пределы, некие ограничения внутренне необходимы ребенку, что он нуждается в них, или, если сформулировать этот вывод более корректно, — ребенок предпочитает жить в упорядоченном и структурированном мире, его угнетает непредсказуемость.

Несомненно, центральную роль в процессах формирования чувства безопасности у ребенка играют родители и семейная среда. Ссоры и скандалы, разлука с кем-либо из родителей, развод, смерть близкого члена семьи — каждое из этих семейных событий таит в себе угрозу для ребенка. Родительский гнев, угроза физического наказания, грубое обращение, словесные оскорбления подчас вызывают у ребенка столь сильный ужас и панику, что мы вправе предположить, что здесь задействован не только страх перед болью. Одни дети реагируют на грубое обращение паникой, которую можно объяснить страхом утраты родительской любви, тогда как другие, например, заброшенные, отверженные дети, реагируют совсем иначе — они льнут к карающим их родителям, и судя по всему, не столько в надежде завоевать или вернуть родительскую любовь, сколько потому, что ищут безопасности и защиты.

Реакция испуга часто возникает у детей в ответ на столкновение с новыми, незнакомыми, неуправляемыми стимулами и ситуациями, например, при потере родителя из поля зрения или при разлуке с ним, при встрече с незнакомым человеком, при приближении незнакомца, при встрече с новыми, неизвестными или неуправляемыми объектами, в случае болезни родителей или их смерти. Именно такие ситуации заставляют ребенка отчаянно цепляться за родителей, прятаться за их спины, и это еще раз убеждает нас в том, что родитель дает ребенку не только заботу и любовь, но и защиту от опасности[8].

Нашему наблюдению можно придать более обобщенный характер и заявить, что среднестатистический ребенок и — что не так очевидно — среднестатистический взрослый представитель нашей культуры стремится к тому, чтобы жить в безопасном, стабильном, организованном, предсказуемом мире, в мире, где действуют раз и навсегда установленные правила и порядки, где исключены опасные неожиданности, беспорядок и хаос, где у него есть сильные родители, защитники, оберегающие его от опасности.

Уже сама констатация того факта, что вышеописанные реакции с легкостью обнаруживаются у детей, свидетельствует о недостаточно безопасном существовании наших детей (или, если рассматривать этот феномен в мировом масштабе, можно заявить, что детям не обеспечена надлежащая забота). В безопасном, любящем семейном окружении дети, как правило, не обнаруживают этих ре-

[8] В наше время это было бы названо бихевиоральной терапией.

акций. Реакция испуга у детей, окруженных надлежащей заботой, возникает только в результате столкновения с такими объектами и ситуациями, которые представляются опасными и взрослому человеку.

Потребность в безопасности здорового и удачливого представителя нашей культуры, как правило, удовлетворена. Люди, живущие в мирном, стабильном, отлаженно функционирующем, хорошем обществе, могут не бояться хищников, жары, морозов, преступников, им не угрожает ни хаос, ни притеснения тиранов. В такой обстановке потребность в безопасности не оказывает существенного влияния на мотивацию. Точно так же, как насытившийся человек уже не испытывает голода, человек, живущий в безопасном обществе, не чувствует угрозы. Для того, чтобы наблюдать потребности данного уровня в их активном состоянии, нам приходится обращаться к проблемам невротиков и невротизированных индивидуумов, к представителям социально и экономически обездоленных классов; массовые проявления активной работы этих потребностей наблюдаются в периоды социальных потрясений, революционных перемен. В нормальном же обществе, у здоровых людей потребность в безопасности проявляется только в мягких формах, например, в виде желания устроиться на работу в компанию, которая предоставляет своим работникам социальные гарантии, в попытках откладывать деньги на «черный день», в самом существовании различных видов страхования (медицинское, страхование от потери работы или утраты трудоспособности, пенсионное страхование).

Потребность в безопасности и стабильности обнаруживает себя и в консервативном поведении, в самом общем виде. Большинство людей склонно отдавать предпочтение знакомым и привычным вещам[9]. Мне представляется, что тягой к безопасности в какой-то мере объясняется также исключительно человеческая потребность в религии, в мировоззрении, стремление человека объяснить принципы мироздания и определить свое место в универсуме. Можно предположить, что наука и философия как таковые в какой-то степени мотивированы потребностью в безопасности (позже мы поговорим и о других мотивах, лежащих в основе научных, философских и религиозных исканий). <...>

Некоторые взрослые невротики в своем стремлении к безопасности уподобляются маленьким детям, хотя внешние проявления этой потребности у них несколько отличаются от детских. Все неизвестное, все неожиданное вызывает у них реакцию испуга, и этот страх обусловлен не физической, а психологической угрозой. Невротик воспринимает мир как опасный, угрожающий, враждебный. Невротик живет в неотступном предощущении катастрофы, в любой неожиданности он видит опасность. Неизбывное стремление к безопасности заставляет его искать себе защитника, сильную личность, на которую он мог бы положиться, которой он мог бы полностью довериться или даже подчиниться, как мессии, вождю, фюреру.

---

[9] См.: *Maslow A.H.* The influence of familiarization on preference // J. Exp. Psychol. 1937. № 21. P. 162—180.

Мне представляется, что есть здравое зерно в том, чтобы определить невротика как человека, сохранившего детское отношение к миру. Взрослый невротик ведет себя так, словно боится, что его отшлепает или отругает мать, что она бросит его или оставит без сладкого. Складывается впечатление, что его детские страхи и реакции остались неизжитыми, что на них никак не повлияли процессы взросления и научения, — любой стимул, пугающий ребенка, пугает и невротика[10]. Всеобъемлющее описание «базальной тревоги» невротика можно найти у Хорни[11].

Стремление к безопасности особенно отчетливо проявляется у больных компульсивно-обсессивными формами неврозов. Компульсивно-обсессивный невротик поглощен лихорадочными попытками организовать и упорядочить мир, сделать его неизменным, стабильным, исключить всякую возможность неожиданного развития событий. Он окружает себя частоколом всевозможных ритуалов, правил и формул в надежде, что они помогут ему справиться с непредвиденной случайностью, помогут предотвратить ситуацию непредсказуемости в будущем. Такие невротики очень похожи на описанных Гольдштейном больных с поражениями головного мозга: те также ищут спокойствия в попытках избежать всего незнакомого. Узкий, ограниченный мир невротика, в котором нет места ничему новому, предельно организован и дисциплинирован, в нем все разложено по полочкам, любая вещь и явление имеет свое, раз и навсегда отведенное место. Они стараются обустроить свой мир таким образом, чтобы оградить себя от любых неожиданностей и опасностей. Но если все же, вопреки их стараниям, с ними случается нечто непредвиденное, они впадают в страшную панику, словно эта неожиданность угрожает их жизни. То, что в норме проявляется как умеренная склонность к консерватизму, к предпочтению знакомых вещей и ситуаций, в патологических случаях приобретает характер жизненной необходимости. Здоровый вкус к новизне, к умеренной непредсказуемости у среднестатистического невротика утрачен или сведен к минимуму.

Потребность в безопасности приобретает особую социальную значимость в ситуациях реальной угрозы ниспровержения власти, когда бал правят беззаконие и анархия. Логично было бы предположить, что неожиданно возникшая угроза хаоса у большинства людей вызывает регресс мотивации с высших ее уровней к уровню безопасности. Естественной и предсказуемой реакцией общества на такие ситуации бывают призывы навести порядок, причем любой ценой, даже ценой диктатуры и насилия. По-видимому, эта тенденция присуща и отдельным индивидуумам, даже самым здоровым, они тоже реагируют на угрозу реалистической регрессией к уровню безопасности и готовы любой ценой защищаться от подступающего хаоса. Но наиболее ярко эта тенденция прослеживается у тех

[10] Эта тенденция тесно связана с описанной ранее склонностью к внутреннему постоянству.

[11] См.: *Horney K.* The Neurotic Personality of Our Time. N.Y.: Norton, 1937. [Хорни (*Horney*) Карен (1885—1952) — немецко-американский психолог и психиатр. — *Ред.-сост.*]

людей, мотивационная жизнь которых исключительно или преимущественно детерминирована потребностью в безопасности — такие люди особенно остро воспринимают угрозу беззакония.

Потребность в принадлежности и любви

После того, как потребности физиологического уровня и потребности уровня безопасности достаточно удовлетворены, актуализируется потребность в любви, привязанности, принадлежности, и мотивационная спираль начинает новый виток. Человек как никогда остро начинает ощущать нехватку друзей, отсутствие любимого, жены или детей. Он жаждет теплых, дружеских отношений, ему нужна социальная группа, которая обеспечила бы его такими отношениями, семья, которая приняла бы его как своего. Именно эта цель становится самой значимой и самой важной для человека, он может уже не помнить о том, что когда-то, когда он терпел нужду и был постоянно голоден, само понятие «любовь» не вызывало у него ничего, кроме презрительной усмешки. Теперь же он терзаем чувством одиночества, болезненно переживает свою отверженность, ищет свои корни, родственную душу, друга. <...>

Мне думается, что стремительное развитие так называемых групп встреч и прочих групп личностного роста, а также клубов по интересам, в какой-то мере продиктовано неутоленной жаждой общения, потребностью в близости, в принадлежности, стремлением преодолеть чувство одиночества, ощущение изоляции, чувство, которое вызвано ростом мобильности американской нации, разрывом родственных связей, углублением пропасти между поколениями, стремительной урбанизацией, разрушением традиционного деревенского уклада жизни, утратой глубины понятия «дружба». У меня складывается впечатление, что цементирующим составом какой-то части подростковых банд — я не знаю, сколько их и какой процент они составляют от общего числа — стали неутоленная жажда общения, стремление к единению перед лицом врага, причем врага *неважно какого*. Само существование образа врага, сама угроза, которую содержит в себе этот образ, способствуют сплочению группы. На тех же принципах основывается и феномен солдатской дружбы. Внешняя опасность объединяет солдат неразрывными узами кровного родства, которые не может порвать даже испытание мирной жизнью. Потребность бывшего солдата в братском единении столь настоятельна, что хорошее общество, стремящееся к здоровью, хотя бы в целях самосохранения обязано предоставить ему возможности для ее удовлетворения.

Невозможность удовлетворить потребность в любви и принадлежности, как правило, приводит к дезадаптации, а порой и к более серьезной патологии. В нашем обществе сложилось амбивалентное отношение к любви и нежности, и особенно к сексуальным способам выражения этих чувств; почти всегда проявление любви и нежности наталкивается на то или иное табу или ограничение.

Практически все теоретики психопатологии сходятся во мнении, что в основе нарушений адаптации лежит неудовлетворенная потребность в любви и привязанности. Этой теме посвящены многочисленные клинические исследования, в результате которых мы знаем об этой потребности больше, чем о любой другой, за исключением разве что потребностей физиологического уровня. Рекомендую прочесть великолепную работу Сатти[12], представляющую собой блестящий образец анализа «запрета на нежность».

Вынужден оговориться, что в нашем понимании «любовь» не является синонимом «секса». Сексуальное влечение как таковое мы анализируем при рассмотрении физиологических позывов. Однако, когда речь идет о сексуальном поведении, мы обязаны подчеркнуть, что его определяет не одно лишь сексуальное влечение, но и ряд других потребностей, и первой в их ряду стоит потребность в любви и привязанности. Кроме того, не следует забывать, что потребность в любви имеет две стороны: человек хочет и любить, и быть любимым.

Потребность в признании

Каждый человек (за редкими исключениями, связанными с патологией) постоянно нуждается в признании, в устойчивой и, как правило, высокой оценке собственных достоинств, каждому из нас необходимы и уважение окружающих нас людей, и возможность уважать самого себя. Потребности этого уровня подразделяются на два класса. В первый входят желания и стремления, связанные с понятием «достижение». Человеку необходимо ощущение собственного могущества, адекватности, компетентности, ему нужно чувство уверенности, независимости и свободы[13]. Во второй класс потребностей мы включаем потребность в репутации или в престиже (мы определяем эти понятия как уважение окружающих), потребность в завоевании статуса, внимания, признания, славы. Вопрос об этих потребностях лишь косвенно поднимается в работах Альфреда Адлера[14] и его последователей и почти не затрагивается в работах Фрейда[15]. Однако сегодня психоаналитики и клинические психологи склонны придавать большее значение потребностям этого класса.

Удовлетворение потребности в оценке, уважении порождает у индивидуума чувство уверенности в себе, чувство собственной значимости, силы, адекват-

[12] См.: *Suttie I.* The Origins of Love and Hate. N.Y.: Julian Press, 1935.

[13] «Но никто не сможет открыть, что существуют такие вещи, как человеческие лица, если он будет смотреть на мир через микроскоп» (*Koffka K.* Principles of Gestalt Psychology. Harcourt: Brace and World, 1935. P. 319).

[14] Адлер (*Adler*) Альфред (1870—1937) — австрийский психиатр, первый из учеников Фрейда, создавший собственное направление психоанализа — индивидуальную психологию. — *Ред.-сост.*

[15] Фрейд (*Freud*) Зигмунд (1856—1939) — австрийский психолог, невропатолог и психиатр. — *Ред.-сост.*

ности, чувство, что он полезен и необходим в этом мире. Неудовлетворенная потребность, напротив, вызывает у него чувство униженности, слабости, беспомощности, которые, в свою очередь, служат почвой для уныния, запускают компенсаторные и невротические механизмы. Исследования тяжелых случаев посттравматических неврозов помогают нам понять, насколько необходимо человеку чувство уверенности в себе и насколько беспомощен человек, лишенный этого чувства[16].[17]

Теологические дискуссии о гордости и гордыне, многочисленные теории глубинной диссоциации (или несоответствия собственной природе), выдержанные в духе философии Фромма, роджерсовские исследования *Я*, работы таких эссеистов как Эйн Рэнд[18] способствуют все более глубокому пониманию опасных последствий нереалистической самооценки — самооценки, построенной только на основании суждений окружающих и утратившей связь с реальными способностями, знаниями и умениями человека. Можно сказать, что самооценка лишь тогда будет устойчивой и здоровой, когда она вырастает из заслуженного уважения, а не из лести окружающих, не из факта известности или славы. Необходимо четко понимать разницу между самим достижением и связанным с ним чувством компетентности, между тем, что обретено исключительно усилием воли, напористостью, ответственным отношением к делу, и тем, что пришло к вам как результат реализации ваших естественных, спонтанных склонностей, что даровано вам вашей природой, конституцией, биологическим предназначением, судьбой, или, говоря словами Хорни, вашим реальным *Я*, а не идеализированным псевдо-*Я*[19].

Потребность в самоактуализации

Даже в том случае, если все вышеперечисленные потребности человека удовлетворены, мы вправе ожидать, что он вскоре вновь почувствует неудовлетворенность, неудовлетворенность оттого, что он занимается совсем не тем, к чему предрасположен. Ясно, что музыкант должен заниматься музыкой, художник —

---

[16] См.: *Kardiner A.* The Traumatic Neuroses of War. N.Y.: Hoeber, 1941.

[17] Здесь наблюдается склонность сторонников холистической психологии не доверять корреляционным методам, но я думаю, что это происходит потому, что эти методы использовались ранее исключительно в атомистических теориях, а не потому, что они вступают в противоречие с холистической теорией. Но хотя самокорреляция не вызывает доверия у обычного статистика (как будто в организме можно ожидать чего-нибудь еще!), они нуждаются в том, чтобы этого не было, когда к рассмотрению принимаются некоторые холистические явления.

[18] См.: *Rand A.* The Fountainhead. Indianapolis: Bobbs-Merrill, 1943.

[19] См.: *Horney K.* Neurosis and Human Growth. N.Y.: Norton, 1950. [Рус. пер. см.: *Хорни К.* Невроз и развитие личности // Хорни К. Собр. соч.: В 3 т. М.: Смысл, 1997. Т. 3. С. 235—684. — *Ред.-сост.*]

писать картины, а поэт — сочинять стихи, если, конечно, они хотят жить в мире с собой. Человек обязан быть тем, кем он может быть. Человек чувствует, что он должен соответствовать собственной природе. Эту потребность можно назвать потребностью в самоактуализации. <...>

Термин «самоактуализация», изобретенный Куртом Гольдштейном[20] употребляется в этой книге в несколько более узком, более специфичном значении. Говоря о самоактуализации, я имею в виду стремление человека к самовоплощению, к актуализации заложенных в нем потенций. Это стремление можно назвать стремлением к идиосинкразии[21], к идентичности[22].

Очевидно, что у разных людей эта потребность выражается по-разному. Один человек желает стать идеальным родителем, другой стремится достичь спортивных высот, третий пытается творить или изобретать[23]. Похоже, что на этом уровне мотивации очертить пределы индивидуальных различий почти невозможно.

Как правило, человек начинает ощущать потребность в самоактуализации только после того, как удовлетворит потребности нижележащих уровней.

Предпосылки для удовлетворения базовых потребностей

Можно назвать ряд социальных условий, необходимых для удовлетворения базовых потребностей; ненадлежащее исполнение этих условий может самым непосредственным образом воспрепятствовать удовлетворению базовых по-

[20] См.: *Goldstein K.* The Organism. N.Y.: American Book, 1939. [Гольдштейн (*Goldstein*) Курт (1878—1965) — немецкий, позже американский, нейролог, психиатр и психолог. — *Ред.-сост.*]

[21] *Идиосинкразия* — здесь: особенность, поведение или черта, специфические для данного индивида. — *Ред.-сост.*

[22] *... стремление ... к идентичности* — потребность в том, чтобы чувствовать себя целостной и неповторимой личностью и как таковым быть воспринимаемым другими людьми. — *Ред.-сост.*

[23] К примеру, роль ситуации может быть исключена из детерминант поведения, если представить ее достаточно не отчетливой, как это делается при проведении различных тестов. Также в некоторых случаях требования организма бывают настолько сильными — как, например, у душевнобольных, — что они ведут к попыткам отрицать законы внешнего мира и игнорировать нормы культуры. На сеансах психоанализа иногда намеренно пытаются исключить влияние культуры. В некоторых ситуациях культурное воздействие может быть ослаблено — как, например, в случаях опьянения, гнева или других видах неконтролируемого поведения. Существует множество типов поведения, которые на подсознательном уровне определяются культурой — так называемые экспрессивные движения. Так же можно изучать поведение относительно несдержанных людей, детей, чья подверженность нормам культуры еще слаба, животных, которым эти нормы недоступны, общества с другими культурными традициями, чтобы по контрасту исключить культурные влияния. Эти немногие примеры показывают, что продуманные, теоретически подготовленные исследования поведения могут прояснить вопрос о внутренней организации личности.

требностей. В ряду этих условий можно назвать: свободу слова, свободу выбора деятельности (т.е. человек волен делать все, что захочет, лишь бы его действия не наносили вред другим людям), свободу самовыражения, право на исследовательскую активность и получение информации, право на самозащиту, а также социальный уклад, характеризующийся справедливостью, честностью и порядком. Несоблюдение перечисленных условий, нарушение прав и свобод воспринимается человеком как личная угроза. Эти условия нельзя отнести к разряду конечных целей, но люди часто ставят их в один ряд с базовыми потребностями, которые имеют исключительное право на это гордое звание. Люди ожесточенно борются за эти права и свободы именно потому, что, лишившись их, они рискуют лишиться и возможности удовлетворения своих базовых потребностей.

Если вспомнить, что когнитивные способности (перцептивные, интеллектуальные, способность к обучению) не только помогают человеку в адаптации, но и служат удовлетворению его базовых потребностей, то становится ясно, что невозможность реализации этих способностей, любая их депривация или запрет на них автоматически угрожает удовлетворению базовых потребностей. Только согласившись с такой постановкой вопроса, мы сможем приблизиться к пониманию истоков человеческого любопытства, неиссякаемого стремления к познанию, к мудрости, к открытию истины, неизбывного рвения в разрешении загадок вечности и бытия. Сокрытие истины, цензура, отсутствие правдивой информации, запрет на коммуникацию угрожают удовлетворению всех базовых потребностей. <...>

Потребность в познании и понимании

Мы мало знаем о когнитивных импульсах, и в основном оттого, что они мало заметны в клинической картине психопатологии, им просто нет места в клинике, во всяком случае, в клинике, исповедующей медицинско-терапевтический подход, где все силы персонала брошены на борьбу с болезнью. В когнитивных позывах нет той причудливости и страстности, той интриги, что отличает невротическую симптоматику. Когнитивная психопатология невыразительна, едва уловима, ей часто удается ускользнуть от разоблачения и представиться нормой. Она не взывает к помощи. Именно поэтому мы не найдем упоминаний о ней в трудах Фрейда, Адлера или Юнга[24], этих «столпов» психотерапии и психодинамического подхода.

Шильдер[25] — единственный из известных мне психоаналитиков, обратившийся к проблеме человеческого любопытства и стремления к пониманию с

[24] Юнг (*Jung*) Карл Густав (1875—1961) — швейцарский психолог и психиатр. — *Ред.-сост.*

[25] Шильдер (*Schilder*) Пауль Фердинанд (1886—1940) — австро-американский психиатр и психоаналитик. — *Ред.-сост.*

точки зрения психодинамики[26]. К этой проблеме обращались такие психологи, как Мерфи[27], Вертхаймер[28] и Аш[29]. До сих пор мы лишь походя упоминали когнитивные потребности. Стремление к познанию универсума и его систематизации рассматривалось нами либо как средство достижения базового чувства безопасности, либо как разновидность потребности в самоактуализации, свойственная умным, образованным людям. Обсуждая необходимые для удовлетворения базовых потребностей предпосылки, в ряду прочих прав и свобод мы говорили и о праве человека на информацию, и о свободе самовыражения. Но все, что мы говорили до сих пор, еще не позволяет нам судить о том, какое место занимают в общей структуре мотивации любопытство, потребность в познании, тяга к философии и эксперименту и т.д., — все наши суждения о когнитивных потребностях, прозвучавшие раньше, в лучшем случае можно счесть намеком на существование проблемы.

У нас имеется достаточно оснований для того, чтобы заявить — в основе человеческой тяги к знанию лежат не только негативные детерминанты (тревога и страх), но и позитивные импульсы, импульсы *per se*, потребность в познании, любопытство, потребность в истолковании и понимании[30].

1. Феномен, подобный человеческому любопытству, можно наблюдать и у высших животных. Обезьяна, обнаружив неизвестный ей предмет, старается разобрать его на части, засовывает палец во все дырки и щели — одним словом, демонстрирует образец исследовательского поведения, не связанного ни с физиологическими позывами, ни со страхом, ни с поиском комфорта. Эксперименты Харлоу[31] также можно счесть аргументом в пользу нашего тезиса, достаточно убедительным и вполне корректным с эмпирической точки зрения.

2. История человечества знает немало примеров самоотверженного стремления к истине, наталкивающегося на непонимание окружающих, нападки и даже на реальную угрозу жизни. Бог знает, сколько людей повторили судьбу Галилея[32].

---

[26] См.: *Kasner E., Newman J.* Matematics and the Imagination. Simon and Schuster, 1949. P. 301—304.

[27] Мерфи (*Murphy*) Гарднер (1895—1979) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[28] Вертхаймер (*Wertheimer*) Макс (1880—1943) — немецкий, позже американский психолог, один из основателей гештальтпсихологии. — *Ред.-сост.*

[29] См.: *Asch S.E.* Social Psychology. Englewood Cliffs. N.J.: Prentice-Hall, 1952; *Freud S.* The Interpretation of Dreams. N.Y.: Basic Books, 1956 [Рус. пер. см., напр.: *Фрейд 3.* Толкование сновидений. М.: Попурри, 2006. — *Ред.-сост.*]; *Wertheimer M.* On truth // M. Henle (Ed.). Documents of Gestalt Psychology. Berkeley (Calif.): University of California Press, 1961.

[Аш (*Asch*) Соломон (1907—1996) — американский психолог. — *Ред.—сост.*]

[30] См.: *Maslow A.H.* Toward a Psychology of Being. N.Y.: Van Nostrand Reinhold, 1968 [Рус. пер. см.: *Маслоу А.* По направлению к психологии бытия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — *Ред.-сост.*].

[31] См.: *Harlow H.F.* Learning motivated by a manipulation drive // J. Exp. Psychol. 1950. № 40. P. 228—234.

[32] Галилей (*Galilei*) Галилео (1564—1642) — итальянский физик, астроном, математик и мыслитель, один из основателей современного естествознания, заложивший основы классической

3. Всех психологически здоровых людей объединяет одна общая особенность: всех их влечет навстречу хаосу, к таинственному, непознанному, необъясненному. Именно эти характеристики составляют для них суть привлекательности; любая область, любое явление, обладающее ими, представляет для этих людей интерес. И наоборот — все известное, разложенное по полочкам, истолкованное вызывает у них скуку.

4. Немало ценной информации могут дать нам экстраполяции из области психопатологии. Компульсивно-обсессивные невротики (как и невротики вообще), солдаты с травматическими повреждениями мозга, описанные Гольдштейном, эксперименты Майера с крысами[33] — во всех случаях мы имеем дело с навязчивой, тревожной тягой ко всему знакомому и ужас перед незнакомым, неизвестным, неожиданным, непривычным, неструктурированным. Но, с другой стороны, описаны и феномены, диаметрально противоположные этим, такие как нарочитый нонконформизм[34], протест против любой власти, любых авторитетов, так называемая богемность, навязчивое желание шокировать окружающих, — эти феномены также наблюдаются при некоторых неврозах, но могут отмечаться и в процессе отторжения культурных ценностей.

Возможно, стоит упомянуть в этой связи и персеверативные детоксикации <...> представляющие собой, по крайней мере на поведенческом уровне, влечение к страшному, пугающему, таинственному и непознанному.

5. Складывается впечатление, что фрустрация когнитивных потребностей может стать причиной серьезной психопатологии[35]. Об этом также свидетельствует ряд клинических наблюдений.

6. В моей практике было несколько случаев, когда я вынужден был признать, что патологическая симптоматика (апатия, утрата смысла жизни, неудовлетворенность собой, общая соматическая депрессия, интеллектуальная деградация, деградация вкусов и т.п.) у людей с достаточно развитым интеллектом была вызвана исключительно одной лишь необходимостью прозябать на скучной, тупой работе. Несколько раз я пробовал воспользоваться подходящими случаю методами когнитивной терапии (я советовал пациенту поступить на заочное отделение университета или сменить работу), и представьте себе, это помогало.

Мне приходилось сталкиваться со *множеством* умных и обеспеченных женщин, которые не были заняты никаким делом, в результате чего их интел-

---

механики. Активно защищал представление о гелиоцентрической системе мира, за что был подвергнут суду инквизиции и вынужден отречься от этого учения. — *Ред.-сост.*

[33] См.: *Maier N.R.F.* Frustration. N.Y.: McCraw Hill, 1949.

[34] *Нонконформизм* — инакомыслие, бунтарство. — *Ред.-сост.*

[35] См.: *Maslow A.H.* Toward a Psychology of Being. N.Y.: Van Nostrand Reinhold, 1968 [Рус. пер. см.: *Маслоу А.* По направлению к психологии бытия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — *Ред.-сост.*]; *Maslow A.H.* A theory of metamotivation: the biological rooting of the value-life // J. Humanistic Psychol. 1967. № 7. P. 93—127.

лект постепенно разрушался. Обычно я советовал им заняться хоть чем-нибудь, и если они следовали моему совету, то я наблюдал улучшение их состояния или даже полное выздоровление, и это еще раз убеждает меня в том, что когнитивные потребности существуют. Если человек лишен права на информацию, если официальная доктрина государства лжива и противоречит очевидным фактам, то такой человек, гражданин такой страны почти обязательно станет циником. Он утратит веру во все и вся, станет подозрительным даже по отношению к самым очевидным, самым бесспорным истинам; для такого человека не святы никакие ценности и никакие моральные принципы, ему не на чем строить взаимоотношения с другими людьми; у него нет идеалов и надежды на будущее. Кроме активного цинизма, возможна и пассивная реакция на ложь и безгласность — и тогда человека охватывает апатия, безволие, он безынициативен и готов к безропотному подчинению.

7. Потребность знать и понимать проявляется уже в позднем младенчестве. У ребенка она выражена, пожалуй, даже более отчетливо, чем у взрослого человека. Более того, похоже, что эта потребность развивается не под внешним воздействием, не в результате обучения, а скорее сама по себе, как естественный результат взросления (неважно, какому из определений обучения и взросления мы отдадим предпочтение). Детей не нужно учить любопытству. Детей *можно* отучить от любопытства, и мне кажется, что именно эта трагедия разворачивается в наших детских садах и школах[36].

8. И наконец, удовлетворение когнитивных потребностей приносит человеку — да простят мне эту тавтологию! — чувство глубочайшего удовлетворения, оно становится источником высших, предельных переживаний. Очень часто, рассуждая о познании, мы не отличаем этот процесс от процесса обучения, и в результате оцениваем его только с точки зрения результата, совершенно забывая о чувствах, связанных с постижением, озарением, инсайтом. А между тем, доподлинное счастье человека связано именно с этими мгновениями причастности к высшей истине. Осмелюсь заявить, что именно эти яркие, эмоционально насыщенные мгновения только и имеют право называться лучшими мгновениями человеческой жизни.

Можно подвести черту под всем вышесказанным: на существование базовой когнитивной потребности указывают многочисленные факты и наблюдения, клинические данные и результаты кросс-культуральных исследований[37].

Однако, даже сформулировав этот постулат, нам явно не удастся почить на лаврах. Так и человек, узнав нечто, не останавливается на достигнутом, он устремляется к более детальному, но в то же самое время и к более глобальному знанию, он пытается вплести его в некую философскую или теологическую си-

---

[36] См.: *Goldfarb W.* Psychological privation in infancy and subsequent adjustment // Am. J. Orthopsychiat. 1945. № 15. P. 247—255.

[37] *Кросс-культур(аль)ные исследования* — изучение влияния какого-либо средового фактора путем наблюдения его действия в различных культурах. — *Ред.-сост.*

стему. Новое знание, на первых порах очень предметное и конкретное, заставляет человека искать возможности для того, чтобы вписать его в некую систему, побуждает к анализу и систематизации. Некоторые называют этот процесс поиском смысла, или значения. А мы можем выдвинуть еще один постулат: человек стремится к пониманию, систематизации и организации, к анализу фактов и выявлению взаимосвязей между ними, к построению некой упорядоченной системы ценностей.

Если мы согласимся с этими двумя постулатами, то вынуждены будем признать, что взаимоотношения между этими двумя стремлениями иерархичны, т.е. стремление к познанию всегда предшествует стремлению к пониманию. Все, что мы говорили об иерархии препотентности и ее характеристиках, справедливо и по отношению к иерархии когнитивных потребностей.

Хочу сразу же предостеречь от искушения, с которым вы неизбежно столкнетесь при обсуждении проблемы когнитивных потребностей. Нельзя рассматривать эти потребности, или стремления, как самостоятельный феномен, в отрыве от описанных выше базовых потребностей. Когнитивные и конативные потребности не противостоят друг другу. Само по себе желание знать и само по себе желание понимать — конативны, т.е. носят побудительный характер[38] и являются такими же неотъемлемыми характеристиками личности, как и все описанные выше базовые потребности. Кроме того, и мы уже говорили об этом, иерархии когнитивных и конативных потребностей тесно связаны между собой, переплетены друг с другом; между ними нет антагонизма, напротив, они скорее синергичны[39], и у нас еще будет возможность убедиться в этом. Некоторые работы более подробно освещают этот вопрос[40].

Эстетические потребности

Об этих потребностях мы знаем меньше, чем о каких-либо других, но обойти вниманием эту неудобную (для ученого-естествоиспытателя) тему нам не позволяют убедительные аргументы в пользу ее значимости, которые со всей щедростью предоставляют нам история человечества, этнографические данные и наблюдения за людьми, которых принято называть эстетами. Я предпринял

[38] Кроме того, о конативных потребностях говорят как о таких потребностях, которые определяют направленность психических процессов и поведения на действие и изменение и в которых проявляется внутренне присущая организму тенденция к выходу из состояния равновесия. — *Ред.-сост.*

[39] *...синергичны* — т.е. содружественны, помогают или способствуют друг другу. — *Ред.-сост.*

[40] *Maslow A.H.* Toward a Psychology of Being. N.Y.: Van Nostrand Reinhold, 1968 [Рус. пер. см.: *Маслоу А.* По направлению к психологии бытия. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. — *Ред.-сост.*]; *Maslow A.H.* A theory of metamotivation: the biological rooting of the value-life // J. humanistic Psychol. 1967. № 7. P. 93—127.

несколько попыток к тому, чтобы исследовать эти потребности в клинике, на отдельных индивидуумах, и могу сказать, что некоторые люди действительно испытывают эти потребности, у *некоторых* людей они на самом деле проявляются. Такие люди, лишенные эстетических радостей, в окружении уродливых вещей и людей, в буквальном смысле этого слова заболевают, и заболевание это очень специфично. Лучшим лекарством от него служит красота. Такие люди выглядят *изнеможенными*, и немощь их может излечить *только* красота[41]. Эстетические потребности обнаруживаются практически у любого здорового ребенка. Те или иные свидетельства их существования можно обнаружить в любой культуре, на любой стадии развития человечества, начиная с первобытного человека.

Эстетические потребности тесно переплетены и с конативными, и с когнитивными потребностями, и потому их четкая дифференциация невозможна. Такие потребности, как потребность в порядке, в симметрии, в завершенности, в законченности, в системе, в структуре, — могут носить и когнитивно-конативный, и эстетический, и даже невротический характер. Лично я рассматриваю эту область исследования как почву для объединения гештальтпсихологии с психодинамическим подходом. Если мы видим, что человек испытывает непреодолимое и вполне осознанное желание поправить криво повешенную картину, то, в самом деле, стоит ли стремиться к однозначной интерпретации его потребности?

[41] См.: *Maslow A.H.* A theory of metamotivation: the biological rooting of the value-life // J. humanistic Psychol. 1967. № 7. P. 93—127.

2 *Уровни анализа деятельности. Понятия действия, операции, психофизиологических функций*

А.Н. Леонтьев

Общее строение деятельности*

До сих пор речь шла о деятельности в общем, собирательном значении этого понятия. Реально же мы всегда имеем дело с **особенными** деятельностями, каждая из которых отвечает определенной потребности субъекта, стремится к предмету этой потребности, угасает в результате ее удовлетворения и воспроизводится вновь — может быть, уже в совсем иных, изменившихся условиях.

Отдельные конкретные виды деятельности можно различать между собой по какому угодно признаку: по их форме, по способам их осуществления, по их эмоциональной напряженности, по их временной и пространственной характеристике, по их физиологическим механизмам и т.д. Однако главное, что отличает одну деятельность от другой, состоит в различии их предметов. Ведь именно предмет деятельности и придает ей определенную направленность. По предложенной мной терминологии предмет деятельности есть ее действительный мотив[1]. Разумеется, он может быть как вещественным, так и идеальным, как данным в восприятии, так и существующим только в воображении, в мысли. Главное, что за ним всегда стоит потребность, что он всегда отвечает той или иной потребности.

Итак, *понятие деятельности необходимо связано с понятием мотива*. Деятельности без мотива не бывает; «немотивированная» деятельность — это деятельность не лишенная мотива, а деятельность с субъективно и объективно скрытым мотивом.

Основными «составляющими» отдельных человеческих деятельностей являются осуществляющие их **действия**. Действием мы называем процесс, подчиненный представлению о том результате, который должен быть достигнут, т.е.

---

* *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 101—105, 107—110, 112, 115—117, 120—123.

[1] Такое суженное понимание мотива как того предмета (вещественного или идеального), который побуждает и направляет на себя деятельность, отличается от общепринятого; но здесь не место вдаваться в полемику по этому вопросу.

процесс, подчиненный сознательной цели. Подобно тому, как понятие мотива соотносится с понятием деятельности, понятие цели соотносится с понятием действия.

Возникновение в деятельности целенаправленных процессов — действий исторически явилось следствием перехода к жизни человека в обществе. Деятельность участников совместного труда побуждается его продуктом, который первоначально непосредственно отвечает потребности каждого из них. Однако развитие даже простейшего технического разделения труда необходимо приводит к выделению как бы промежуточных, частичных результатов, которые достигаются отдельными участниками коллективной трудовой деятельности, но которые **сами по себе** не способны удовлетворять их потребности. Их потребность удовлетворяется не этими «промежуточными» результатами, а долей продукта их совокупной деятельности, получаемой каждым из них в силу связывающих их друг с другом отношений, возникших в процессе труда, т.е. отношений **общественных**.

Легко понять, что тот «промежуточный» результат, которому подчиняются трудовые процессы человека, должен быть выделен для него также и субъективно — в форме представления. Это и есть выделение цели, которая, по выражению Маркса, «как закон определяет способ и характер его действий...»[2].

Выделение целей и формирование подчиненных им действий приводит к тому, что происходит как бы расщепление прежде слитых между собой в мотиве функций. Функция побуждения, конечно, полностью сохраняется за мотивом. Другое дело — функция направления: действия, осуществляющие деятельность, побуждаются ее мотивом, но являются направленными на цель. Допустим, что деятельность человека побуждается пищей; в этом и состоит ее мотив. Однако для удовлетворения потребности в пище он должен выполнять действия, которые **непосредственно** на овладение пищей не направлены. Например, цель данного человека — изготовление орудия лова; применит ли он в дальнейшем изготовленное им орудие сам или передаст его другим и получит часть общей добычи — в обоих случаях то, что побуждало его деятельность, и то, на что были направлены его действия, не совпадают между собой; их совпадение представляет собой специальный, частный случай, результат особого процесса, о котором будет сказано ниже.

Выделение целенаправленных действий в качестве составляющих содержание конкретных деятельностей естественно ставит вопрос о связывающих их внутренних отношениях. Как уже говорилось, деятельность не является аддитивным [получаемым путем сложения. — *Ред.-сост.*] процессом. Соответственно действия — это не особые «отдельности», которые включаются в состав деятельности. Человеческая деятельность не существует иначе, как в форме действия или цепи действий. Например, трудовая деятельность существует в

---

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 23. С. 189.

трудовых действиях, учебная деятельность — в учебных действиях, деятельность общения — в действиях (актах) общения и т.д. Если из деятельности мысленно вычесть осуществляющие ее действия, то от деятельности вообще ничего не останется. Это же можно выразить иначе: когда перед нами развертывается конкретный процесс — внешний или внутренний, — то со стороны его отношения к мотиву он выступает в качестве деятельности человека, а как подчиненный цели — в качестве действия или совокупности, цепи действий.

Вместе с тем деятельность и действие представляют собой подлинные и притом не совпадающие между собой реальности. Одно и то же действие может осуществлять разные деятельности, может переходить из одной деятельности в другую, обнаруживая таким образом свою относительную самостоятельность. Обратимся снова к грубой иллюстрации: допустим, что у меня возникает цель — прибыть в пункт *N*, и я это делаю. Понятно, что данное действие может иметь совершенно разные мотивы, т.е. реализовать совершенно разные деятельности. Очевидно и обратное, а именно, что один и тот же мотив может конкретизоваться в разных целях и соответственно породить разные действия.

В связи с выделением понятия действия как важнейшей «образующей» человеческой деятельности (ее момента) нужно принять во внимание, что сколько-нибудь развернутая деятельность предполагает достижение **ряда** конкретных целей, из числа которых некоторые связаны между собой жесткой последовательностью. Иначе говоря, деятельность обычно осуществляется некоторой совокупностью действий, подчиняющихся ***частным целям***, которые могут выделяться из общей цели; при этом случай, характерный для более высоких ступеней развития, состоит в том, что роль общей цели выполняет осознанный мотив, превращающийся благодаря его осознанности в **мотив—цель**. <...>

Всякая цель — даже такая, как «достичь пункта *N*» — объективно существует в некоторой предметной ситуации. Конечно, для сознания субъекта цель может выступить в абстракции от этой ситуации, но его **действие** не может абстрагироваться от нее. Поэтому помимо своего интенционального аспекта (**что** должно быть достигнуто) действие имеет и свой операционный аспект (**как**, каким способом это может быть достигнуто), который определяется не самой по себе целью, а объективно-предметными условиями ее достижения. Иными словами, **осуществляющееся** действие отвечает задаче; задача — это и есть цель, данная в определенных условиях. Поэтому действие имеет особое качество, особую его «образующую», а именно, способы, какими оно осуществляется. Способы осуществления действия я называю ***операциями***.

Термины «действие» и «операция» часто не различаются. Однако в контексте психологического анализа деятельности их четкое различение совершенно необходимо. Действия, как уже было сказано, соотносительны целям, операции — условиям. Допустим, что цель остается той же самой, условия же, в которых она дана, изменяются; тогда меняется именно и только операционный состав действия.

В особенно наглядной форме несовпадение действий и операций выступает в орудийных действиях. Ведь орудие есть материальный предмет, в котором кристаллизованы именно способы, операции, а не действия, не цели. Например, можно физически расчленить вещественный предмет при помощи разных орудий, каждое из которых определяет способ выполнения данного действия. В одних условиях более адекватным будет, скажем, операция резания, а в других — операция пиления; при этом предполагается, что человек умеет владеть соответствующими орудиями — ножом, пилой и т.п. Так же обстоит дело и в более сложных случаях. <...>

Действия и операции имеют разное происхождение, разную динамику и разную судьбу. Генезис действия лежит в отношениях обмена деятельностями; всякая же операция есть результат преобразования действия, происходящего в результате его включения в другое действие и наступающей его «технизацией». Простейшей иллюстрацией этого процесса может служить формирование операций, выполнения которых требует, например, управление автомобилем. Первоначально каждая операция — например, переключение передач — формируется как действие, подчиненное именно этой цели и имеющее свою сознательную «ориентировочную основу» (П.Я. Гальперин[3]). В дальнейшем это действие включается в другое действие, имеющее сложный операционный состав, — например, в действие изменения режима движения автомобиля. Теперь переключение передач становится одним из способов его выполнения — операцией, его реализующей, и оно уже перестает осуществляться в качестве особого целенаправленного процесса: его цель не выделяется. Для сознания водителя переключение передач в нормальных случаях как бы вовсе не существует. Он сделает другое: трогает автомобиль с места, берет крутые подъемы, ведет автомобиль накатом, останавливает его в заданном месте и т.п. В самом деле: эта операция может, как известно, вовсе выпасть из деятельности водителя и выполняться автоматом. Вообще судьба операций — рано или поздно становиться функцией машины[4].

Тем не менее, операция все же не составляет по отношению к действию никакой «отдельности», как и действие по отношению к деятельности. Даже в том случае, когда операция выполняется машиной, она все же реализует действия **субъекта**. У человека, который решает задачу, пользуясь счетным устройством, действие не прерывается на этом экстрацеребральном звене; как и в других своих звеньях, оно находит в нем свою реализацию. Выполнять операции, которые не осуществляют никакого целенаправленного действия субъекта, может только «сумасшедшая», вышедшая из подчинения человеку машина.

Итак, в общем потоке деятельности, который образует человеческую жизнь в ее высших, опосредствованных психическим отражением проявлениях, ана-

[3] Гальперин Петр Яковлевич (1902—1988) — российский психолог, автор концепции формирования умственных действий.

[4] *Леонтьев А.Н.* Автоматизация и человек // Психологические исследования. М., 1970. Вып. 2. С. 8—9.

лиз выделяет, во-первых, отдельные (особенные) деятельности — по критерию побуждающих их мотивов. Далее выделяются действия — процессы, подчиняющиеся сознательным целям. Наконец, это операции, которые непосредственно зависят от условий достижения конкретной цели.

Эти «единицы» человеческой деятельности и образуют ее макроструктуру. Особенность анализа, который приводит к их выделению, состоит в том, что он пользуется не расчленением живой деятельности на элементы, а раскрывает характеризующие ее внутренние отношения. Это — отношения, за которыми скрываются преобразования, возникающие в ходе развития деятельности, в ее движении. Сами предметы способны приобретать качества побуждений, целей, орудий только в системе человеческой деятельности; изъятые из связей этой системы, они утрачивают свое существование как побуждения, как цели, как орудия. Орудие, например, рассматриваемое вне связи с целью, становится такой же абстракцией, как операция, рассматриваемая вне связи с действием, которое она осуществляет.

Исследование деятельности требует анализа именно ее внутренних **системных** связей. Иначе мы оказываемся не в состоянии решать даже самые простые задачи — скажем, судить о том, имеем ли мы в данном случае действие или операцию. К тому же, деятельность представляет собой процесс, который характеризуется постоянно происходящими трансформациями. Деятельность может утратить мотив, вызвавший ее к жизни, и тогда она превратится в действие, реализующее, может быть, совсем другое отношение к миру, другую деятельность; наоборот, действие может приобрести самостоятельную побудительную силу и стать особой деятельностью; наконец, действие может трансформироваться в способ достижения цели, в операцию, способную реализовать различные действия.

Подвижность отдельных «образующих» системы деятельности выражается, с другой стороны, в том, что каждая из них может становиться более дробной или, наоборот, включать в себя единицы, прежде относительно самостоятельные. Так, в ходе достижения выделявшейся общей цели может происходить выделение промежуточных целей, в результате чего целостное действие дробится на ряд отдельных последовательных действий; это особенно характерно для случаев, когда действие протекает в условиях, затрудняющих его выполнение с помощью уже сформировавшихся операций. Противоположный процесс состоит в укрупнении выделяемых единиц деятельности. Это случай, когда объективно достигаемые промежуточные результаты сливаются между собой и перестают сознаваться субъектом.

Соответственно происходит дробление или, наоборот, укрупнение также и «единиц» психических образов: переписываемый неопытной рукой ребенка текст членится в его восприятии на отдельные буквы и даже на их графические элементы; позже в этом процессе единицами восприятия становятся для него целые слова или даже предложения. <...>

Выделение в деятельности действий и операций не исчерпывает ее анализа. За деятельностью и регулирующими ее психическими образами открывается грандиозная физиологическая работа мозга. Само по себе положение это не нуждается в доказательстве. Проблема состоит в другом — в том, чтобы найти те действительные отношения, которые связывают между собой деятельность субъекта, опосредствованную психическим отражением, и физиологические мозговые процессы. <...>

Важнейшее обстоятельство заключается в том, что переход от анализа деятельности к анализу ее психофизиологических механизмов отвечает **реальным** переходам между ними. Сейчас мы уже не можем подходить к мозговым (психофизиологическим) механизмам иначе, как к продукту развития самой предметной деятельности. Нужно, однако, иметь в виду, что механизмы эти формируются в филогенезе и в условиях онтогенетического (особенно — функционального) развития по-разному и, соответственно, выступают не одинаковым образом.

Филогенетически сложившиеся механизмы составляют готовые предпосылки деятельности и психического отражения. Например, процессы зрительного восприятия как бы записаны в особенностях устройства зрительной системы человека, но только в виртуальной форме — как их возможность. Однако последнее не освобождает психологическое исследование восприятия от проникновения в эти особенности. Дело в том, что мы вообще ничего не можем сказать о восприятии, не апеллируя к этим особенностям. Другой вопрос, делаем ли мы эти морфофизиологические особенности **самостоятельным** предметом изучения или исследуем их функционирование в структуре действий и операций. <...>

Несколько иначе обстоит дело, когда формирование мозговых механизмов происходит в условиях функционального развития. В этих условиях данные механизмы выступают в виде складывающихся, так сказать, на наших глазах новых «подвижных физиологических органов» (А.А. Ухтомский[5]), новых «функциональных систем» (П.К. Анохин[6]).

У человека формирование специфических для него функциональных систем происходит в результате овладения им орудиями (средствами) и операциями. Эти системы представляют собой не что иное, как отложившиеся, овеществленные в мозге внешнедвигательные и умственные — например, логические — операции. Но это не простая их «калька», а скорее их физиологическое иносказание. Для того чтобы это иносказание было прочитано, нужно пользоваться уже другим языком, другими единицами. Такими единицами яв-

---

[5] Ухтомский Алексей Алексеевич (1875—1942) — российский физиолог, создатель учения о доминанте. — *Ред.-сост.*

[6] Анохин Петр Кузьмич (1898—1974) — российский физиолог, автор концепции «афферентного синтеза» и теории функциональных систем. — *Ред.-сост.*

ляются мозговые функции, их ансамбли — функционально-физиологические системы. <...>

Значение психофизиологических исследований состоит в том, что они позволяют выявить те условия и последовательности формирования процессов деятельности, которые требуют для своего осуществления перестройки или образования новых ансамблей психофизиологических функций, новых функциональных мозговых систем. Простейший пример здесь — формирование и закрепление операций. Конечно, порождение той или иной операции определяется наличными условиями, средствами и способами действия, которые складываются или усваиваются извне; однако спаивание между собой элементарных звеньев, образующих состав операций, их «сжимание» и их передача на нижележащие неврологические уровни происходит подчиняясь физиологическим законам, не считаться с которыми психология, конечно, не может. Даже при обучении, например, внешнедвигательным или умственным навыкам мы всегда интуитивно опираемся на эмпирически сложившиеся представления о мнемических функциях мозга («повторение — мать учения») и нам только кажется, что нормальный мозг психологически безмолвен. <...>

Анализ структуры интрацеребральных процессов, их блоков или констелляций представляет собой, как уже было сказано, дальнейшее расчленение деятельности, ее моментов. Такое расчленение не только возможно, но часто и необходимо. Нужно только ясно отдавать себе отчет в том, что оно переводит исследование деятельности на особый уровень — на уровень изучения переходов от единиц деятельности (действий, операций) к единицам мозговых процессов, которые их реализуют. Я хочу особенно подчеркнуть, что речь идет именно об изучении **переходов**. Это и отличает так называемый микроструктурный анализ предметной деятельности от изучения высшей нервной деятельности в понятиях физиологических мозговых процессов и их нейронных механизмов, данные которого могут лишь **сопоставляться** с соответствующими психологическими явлениями.

С другой стороны, исследование реализующих деятельность интерцеребральных процессов ведет к демистификации понятия о «психических функциях» в его прежнем, классическом значении — как пучка способностей. Становится очевидным, что это проявления общих функциональных физиологических (психофизиологических) свойств, которые вообще не существуют как отдельности. Нельзя же представить себе, например, мнемическую функцию как отвязанную от сенсорной и наоборот. Иначе говоря, только физиологические системы функций осуществляют перцептивные, мнемические, двигательные и другие операции. Но, повторяю, операции не могут быть сведены к этим физиологическим системам. Операции всегда подчинены объективно-предметным, т.е. экстрацеребральным отношениям. <...>

Конечно, и нейропсихологические исследования, так же как и исследования психофизиологические, необходимо ставят проблему перехода от экстрацеребральных отношений к интрацеребральным. Как я уже говорил, проблема эта не может быть решена путем прямых сопоставлений. Ее решение лежит в

анализе движения системы предметной деятельности в целом, в которую включено и функционирование телесного субъекта — его мозга, его органов восприятия и движения. Законы, управляющие процессами их функционирования, конечно, проявляют себя, но лишь до того момента, пока мы не переходим к исследованию самих реализуемых ими предметных действий или образов, анализ которых возможен лишь на уровне исследования деятельности человека, на уровне психологическом.

Не иначе обстоит дело и при переходе от психологического уровня исследования к собственно социальному: только здесь этот переход к новым, т.е. социальным, законам происходит как переход от исследования процессов, реализующих отношения индивидов, к исследованию отношений, реализуемых их совокупной деятельностью в обществе, развитие которых подчиняется объективно-историческим законам.

Таким образом, **системный** анализ человеческой деятельности необходимо является также анализом поуровневым. Именно такой анализ и позволяет преодолеть противопоставление физиологического, психологического и социального, равно как и сведение одного к другому.

3 *Действия и деятельность. Развитие мотивационно-потребностной сферы. Сдвиг мотива на цель*

А.Н. Леонтьев

[Деятельность и действия: сдвиг мотива на цель]*

Мы называем деятельностью не всякий процесс. Этим термином мы обозначаем только такие процессы, которые, осуществляя то или иное отношение человека к миру, отвечают особой, соответствующей им потребности. Такой процесс, как, например, запоминание, мы не называем собственно деятельностью, потому что этот процесс, как правило, сам по себе не осуществляет никакого самостоятельного отношения к миру и не отвечает никакой особой потребности.

Мы называем деятельностью процессы, которые характеризуются психологически тем, что то, на что направлен данный процесс в целом (его предмет), всегда совпадает с тем объективным, что побуждает субъекта к данной деятельности, т.е. мотивом.

Поясним это примером. Допустим, что учащийся, готовясь к экзамену, читает книгу по истории. Является ли это психологически процессом, который мы условились называть собственно деятельностью? Сразу ответить на этот вопрос нельзя, потому что психологическая характеристика данного процесса требует сказать, что он представляет собой для самого субъекта. А для этого нужен уже некоторый психологический анализ самого процесса.

Допустим, что к нашему учащемуся зашел его товарищ и сообщил ему, что книга, которую он читает, вовсе не нужна для подготовки к экзамену. Тогда может случиться следующее: либо учащийся немедленно отложит эту книгу в сторону, либо будет продолжать читать ее, или, может быть, оставит ее, но оставит с сожалением, нехотя. В последних случаях очевидно, что то, на что был направлен процесс чтения, т.е. содержание данной книги, само по себе побуждало чтение, было его мотивом. Иначе говоря, в овладении ее содержанием непосредственно находила свое удовлетворение какая-то особая потребность учащегося — потребность узнать, понять, уяснить себе то, о чем говорится в книге.

Другое дело, если будет иметь место первый случай. Если наш учащийся, узнав, что содержание книги не входит в программу испытания, охотно бросает

---

* *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 518—523.

чтение, то ясно, что мотивом, побуждавшим его читать, было не само по себе содержание книги, а лишь необходимость сдать экзамен. То, на что было направлено чтение, не совпадало с тем, что побуждало ученика читать. Следовательно, в данном случае чтение не было собственно деятельностью. Деятельностью здесь была подготовка к экзаменам, а не чтение книги самой по себе.

Другая важная психологическая особенность деятельности состоит в том, что с деятельностью специфически связан особый класс психических переживаний — эмоции и чувства. Эти переживания зависят не от отдельных, частных процессов, но всегда определяются предметом, течением и судьбой той деятельности, в состав которой они входят. Так, например, то чувство, с которым я иду по улице, определяется не тем, что я иду, и даже не тем, в каких внешних условиях мне приходится идти и встречаю ли я на своем пути какие-нибудь препятствия, но зависит от того, в какое жизненное отношение включено это мое действие. Поэтому в одном случае я радостно иду под холодным дождем, в другом — я внутренне коченею в хорошую погоду; в одном случае задержка в пути приводит меня в отчаяние, в другом — даже непредвиденное препятствие, вынуждающее вернуться домой, может внутренне меня обрадовать.

От деятельности мы отличаем процессы, называемые нами действиями. Действие — это такой процесс, мотив которого не совпадает с его предметом (т.е. с тем, на что оно направлено), а лежит в той деятельности, в которую данное действие включено. В приведенном выше случае чтение книги, когда оно продолжается только до тех пор, пока ученик сознает его необходимость для подготовки к экзамену, является именно действием. Ведь то, на что оно само по себе направлено (овладение содержанием книги), не является его мотивом. Не это заставляет читать школьника, а необходимость сдать экзамен.

Так как предмет действия сам не побуждает действовать, то для того, чтобы действие возникло и могло совершиться, необходимо, чтобы его предмет выступил перед субъектом в своем отношении к мотиву деятельности, в которую это действие входит. Это отношение и отражается субъектом, причем в совершенно определенной форме — в форме сознания предмета действия как цели. Таким образом, предмет действия есть не что иное, как его сознаваемая непосредственная цель. (В нашем примере цель чтения книги — усвоить ее содержание, и эта непосредственная цель стоит в определенном отношении к мотиву деятельности, к тому, чтобы сдать экзамен.)

Существует своеобразное отношение между деятельностью и действием. Мотив деятельности может, сдвигаясь, переходить на предмет (цель) действия. В результате этого действие превращается в деятельность. Этот момент представляется исключительно важным. Именно этим путем и рождаются новые деятельности, возникают новые отношения к действительности. Этот процесс как раз и составляет ту конкретно-психологическую основу, на которой возникают изменения ведущей деятельности и, следовательно, переходы от одной стадии развития к другой.

В чем состоит психологический «механизм» этого процесса?

Для того чтобы это выяснить, поставим раньше общий вопрос о рождении новых мотивов и лишь затем — вопрос о переходе к мотивам, создающим новую ведущую деятельность. Обратимся к анализу конкретного примера.

Допустим, что какого-либо ученика-первоклассника не удается усадить за уроки. Он всячески старается оттянуть их приготовление, а начав работу, почти тотчас же отвлекается посторонними вещами. Понимает ли, знает ли он, что ему нужно приготовить урок, что в противном случае он получит неудовлетворительную отметку, что это огорчит его родителей, что, наконец, учиться вообще его обязанность, его долг, что без этого он не сможет стать по-настоящему полезным для своей Родины человеком и т.д. и т.п.? Конечно, хорошо развитой ребенок знает все это, и тем не менее этого еще, может быть, недостаточно, чтобы заставить его готовить уроки.

Предположим теперь, что ребенку говорят: до тех пор, пока ты не сделаешь уроков, ты не пойдешь играть. Допустим, что такое замечание действует, и ребенок выполняет заданную ему на дом работу.

Таким образом, в данном случае мы наблюдаем следующее положение вещей: ребенок хочет получить хорошую отметку, хочет выполнить и свой долг. Для его сознания эти мотивы, бесспорно, существуют. Однако они для него психологически не действенны, а подлинно действенным является для него другой мотив: получить возможность пойти играть.

Будем называть мотивы первого рода «только понимаемыми мотивами», а мотивы второго рода — мотивами, «реально действующими»[1]. Имея в виду это разграничение, мы можем выдвинуть теперь следующее положение: «только понимаемые» мотивы при определенных условиях становятся действенными мотивами. Именно так и возникают новые мотивы, а следовательно, и новые виды деятельности.

Ребенок начал готовить уроки под влиянием мотива, который мы специально для него создали. Но вот проходит неделя-другая, и мы видим, что ребенок сам садится за занятия, уже по собственной инициативе. Однажды во время списывания он вдруг останавливается и, плача, выходит из-за стола. «Что же ты перестал заниматься?» — спрашивают его. «Все равно, — объясняет ребенок, — я получу тройку или двойку: я очень грязно написал».

Этот случай раскрывает нам новый действующий мотив его домашних занятий: он делает теперь уроки потому, что хочет получить хорошую отметку. Именно в этом заключается для него сейчас истинный смысл списывания, решения задач, выполнения прочих учебных действий.

Реально действующим мотивом, побуждающим ребенка готовить уроки, оказался теперь мотив, который прежде был для него лишь «понимаемым».

Каким же образом происходит это превращение мотива? Ответить на этот вопрос можно просто. Дело в том, что при некоторых условиях результат дей-

---

[1] Сходное различение было введено у нас В.Н. Мясищевым (1936). Исходя из него, мы, однако, вносим несколько другой оттенок и поэтому пользуемся также и другими терминами.

ствия оказывается более значительным, чем мотив, реально побуждающий это действие. Ребенок начинает с того, что добросовестно готовит уроки, имея в виду скорее пойти играть. В результате же это приводит к гораздо большему: не только к тому, что он получает возможность пойти играть, но и к хорошей отметке. Происходит новое «опредмечивание» его потребностей, а это значит, что они поднимаются на ступеньку выше[2].

Переход к новой, ведущей деятельности отличается от описанного процесса лишь тем, что реально действующими становятся в случае смены ведущей деятельности те «понимаемые мотивы», которые находятся не в сфере отношений, в какие уже фактически включен ребенок, а в сфере отношений, характеризующих место, какое ребенок сможет занять лишь на следующей, более высокой стадии развития. Поэтому эти переходы подготавливаются длительно, ибо нужно, чтобы сознанию ребенка открылась с достаточной полнотой сфера этих новых для него отношений.

В тех случаях, когда появление нового мотива не соответствует реальным возможностям деятельности ребенка, эта деятельность не может возникнуть в качестве ведущей, и первоначально, т.е. на данной стадии, она развивается как бы по побочной линии.

Допустим, например, что ребенок-дошкольник в процессе игры овладевает процессом драматизации и выступает затем на детском празднике, на который приглашены его родители и другие взрослые. Предположим, что результат его творчества пользуется всяческим успехом. Если ребенок понимает этот успех как относящийся к результату его действий, он начинает стремиться к объективной продуктивности своей деятельности. Его творчество, прежде управлявшееся игровыми мотивами, теперь начинает развиваться как особая деятельность, уже выделившаяся из игры. Но он, однако, не может еще стать артистом. Поэтому формирование этой новой продуктивной по своему характеру деятельности не имеет значения в его жизни: гаснут огни праздника, и его успехи в драматизации уже больше не вызывают к себе прежнего отношения окружающих; тем самым не происходит и никаких сдвигов его деятельности. Новая ведущая деятельность на этой основе не возникает.

Совсем другое дело, если подобным же образом в самостоятельную деятельность превращается учение. Эта деятельность, имеющая мотивацию нового типа и соответствующая реальным возможностям ребенка, становится уже устойчивой. Она устойчиво определяет собой жизненные отношения ребенка и, развиваясь под влиянием школы усиленным темпом, обгоняет развитие других видов его деятельности. Поэтому новые приобретения ребенка, его новые психологические процессы впервые возникают именно в этой деятельности, а это значит, что она начинает играть роль ведущей деятельности.

---

[2] Не заключается ли вообще искусство воспитания в создании правильного сочетания «понимаемых мотивов» и мотивов, «реально действующих», а вместе с тем в умении вовремя придать более высокое значение успешному результату деятельности, чтобы этим обеспечить переход и к более высокому типу реальных мотивов, управляющих жизнью личности?

А.Н. Леонтьев

Проблемы психологии деятельности*

Я сегодня поставил перед собой задачу резюмировать ряд положений, касающихся деятельности, как она выступает в психологии, не вводя новых положений, и я делаю это, имея в виду следующее. Я до сих пор пользуюсь той системой понятий, которая была мной в свое время предложена в отношении анализа деятельности и, естественно, я бы хотел выработать отношение, прежде всего свое собственное, к этой системе, еще раз ее пересмотреть. А с другой стороны, я бы хотел поставить ряд вопросов такого рода: если эта система понятий представляет известное значение, т.е. способна работать в психологии, то, по-видимому, эту систему нужно разрабатывать — что в последние годы, в сущности, не делается. Эта система понятий оказалась замерзшей, без всякого движения. И я лично оказался очень одиноким в этом отношении. Все движение идет по разным проблемам, которые более или менее соприкасаются с проблемой деятельности, скорее более, чем менее, но в упор понятие деятельности разрабатывается в высшей степени недостаточно. Вот почему я имел в виду сегодня резюмировать очень коротко то, что мне представляется важным.

Прежде всего я хотел бы зафиксировать некоторое общее понятие о деятельности. Я зафиксировал это общее понятие о деятельности в пяти коротких положениях, которые я просто зачитаю.

Первое положение. Мне представляется, что деятельность должна быть понята как процесс, осуществляющий жизнь субъекта, процесс, направленный на удовлетворение предметных потребностей субъекта. Мне кажется, что здесь важен каждый термин. Прежде всего важно, что эта деятельность есть процесс, осуществляющий *жизнь*. Важно, что это жизнь *субъекта* (я не даю определение, оно достаточно интересно); важно и пояснение, которое я только что сделал, что это есть процесс, направленный на удовлетворение предметных *потребностей*.

---

* *Леонтьев А.Н.* Проблемы психологии деятельности // Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. С. 247—259.

Я говорю «предметных потребностей», разделяя потребности, которые иногда, не вполне точно ограничивая этот термин, называют функциональными. Потребности, которые определяются состоянием, так сказать, внутреннего хозяйства организма. В связи с этим я хочу отметить, что я довольно много работал над проблемой потребностей, способов их удовлетворения, и это может служить предметом специального рассмотрения, если это понадобится.

Второе положение состоит в том, что развитие деятельности необходимо приводит к возникновению психического отражения реальности в ходе эволюции, и этот тезис не нуждается в комментировании. Это совершенно банальное положение, говорящее примерно о том, что цитируется в таком виде: «Жизнь рождает мозг. В мозгу человека отражается природа...» и т.д., т.е. *жизнь порождает отражение.*

Третье положение заключается в том, что в общем виде деятельность есть процесс, который переводит отражаемое в отражение. Я не комментирую этого тезиса по той простой причине, что этот тезис есть не что иное, как повторение центрального тезиса дискуссии 1947 г. в Институте психологии, которая заняла, как помнят товарищи, пять или шесть заседаний и которая острием своим была направлена против понятия о так называемом третьем звене. Я стою на том, что исключение третьего звена, т.е. рассмотрение непосредственного отношения вещи (отражаемой) и мозга (отражающего) невозможно по соображениям методологическим. Это невозможно в системе диалектических категорий, т.е. это абсурдно с точки зрения методологии диалектической в любом ее варианте. Это невозможно по Гегелю[1], это невозможно по Марксу. Думаю, что это не требует ни комментариев, ни доказательств.

Четвертое положение состоит в том, что то, что мы называем психическим отражением (я нарочно ввожу этот крайне широкий термин), опосредствует деятельность. Можно также сказать, что оно *управляет* деятельностью. В этой своей функции психическое отражение проявляет себя объективно.

Пятое положение является прибавочным. На уровне человека, а, по-видимому, речь будет только об этом идти дальше, психическое отражение также кристаллизуется в *продуктах* деятельности. Деятельность в этом смысле не только проявляет в объективной форме отражение, но оно вместе с тем переводит, во всяком случае в условиях продуктивной деятельности способно переводить образ в объективно-предметную форму — вещественную или идеальную, безразлично. Смысл этого тезиса совпадает со смыслом знаменитого тезиса Маркса о промышленности, которая есть открытая книга[2]. Когда она открытая — это

---

[1] Гегель (*Hegel*) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ, представитель немецкой классической философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма. — *Ред.-сост.*

[2] «Мы видим, что история *промышленности* и сложившееся *предметное бытие* промышленности являются *раскрытой* книгой *человеческих сущностных сил*» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 123).

хорошо для психологии. Мне остается только еще раз подчеркнуть, конечно, что я не наивно понимаю это, т.е. думаю, что здесь речь идет о промышленности как материальной, так и идеальной, духовной, т.е. это может быть как вещный продукт, так и идеальный продукт, фиксированный, скажем, в языковой, в речевой форме.

Самым важным мне представляется вопрос о внешней и внутренней деятельности. Это, конечно, центральный вопрос. Речь идет о том, что внешняя и внутренняя деятельность не противостоит друг другу: одна — как принадлежащая миру протяжения, другая — как принадлежащая миру мышления. Объективно развитие научных психологических знаний все более устраняло противоположность или идею противоположности между ними. Структурно это устранение шло в связи с тем, что представление, аналогичное представлениям о потоке сознания, о связи, о движении представлений в сознании необходимо уступило свое место в системе интроспективной психологии представлению об этих процессах как интенциональных, целенаправленных, решающих проблемы, задачи, зависящие от мотива, т.е. понимание самих этих процессов от характеристики их как потока двигалось к характеристике содержательной, за которой довольно прозрачно можно было прочитать характеристику вообще человеческой активности — тоже целенаправленной, тоже интернациональной, тоже решающей задачи, тоже имеющей свои средства. В генетическом аспекте это сближение представлений о внешней и внутренней деятельности происходило примерно тогда же. Я имею в виду и сближение, которое объективно реализовалось бихевиоризмом в системе его собственных понятий и в зоопсихологических исследованиях других школ. Я имею в виду работу Кёлера[3] о поведении обезьяны[4], которое, по точному выражению Кёлера, того же рода, что и мышление, мыслительная деятельность человека. Известно, как сильно это сближение прозвучало в исследованиях онтогенеза, когда появились ходовые понятия о практическом интеллекте, когда появились исследования типа Липмана и Богена[5] и бесчисленных авторов, которые продолжали, варьировали эти исследования практического интеллекта детей, в особенности малышей. Не могло быть и речи о том, что за этими процессами лежит какая-то дискуссия, что сначала что-то решается в уме, потом реализуется в действии. Наконец, стал совсем уж ходовым (в более позднее время) тезис о преобразовании внешнедвигательных операций в умственные, с силой выраженный Пиаже[6] в терминах операций: операциональный внешний интеллект, затем логические

---

[3] Кёлер (*Köhler*) Вольфганг (1887—1967) — немецкий психолог, один из основателей гештальтпсихологии. С 1935 г. жил и работал в США; см. его текст на с. 315—341 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[4] См.: *Кёлер В.* Исследование интеллекта человекоподобных обезьян. М.: Изд-во Комакадемии, 1930.

[5] *Lipmann O., Bogen H.* Naive Physik. Leipzig: Barth, 1923.

[6] Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ. — *Ред.-сост.*

структуры,— и в другой форме, более, я бы сказал, тонкой, столь же отчетливо выраженный Валлоном[7] в филогенетическом, даже историческом, плане. Это было очень ясно выражено Жане[8]. Я могу бесконечно продолжать этот список. Я беру классические имена первых, бросавших эти идеи и их реализовавших. В общем я мог бы резюмировать это положение таким образом. Возникла и широко сейчас популярна идея интериоризации в разных истолкованиях этого термина, а в общем все это сводится к очень простому положению о том, что внутренняя деятельность есть дериват деятельности внешней в своей исходной практической форме. Мне представляется, что крупнейшее открытие состояло здесь в том, что была осознанная попытка представить себе общность строения или утверждать общность строения внешней и внутренней деятельности. Под внешней деятельностью я при этом понимаю прежде всего практическую деятельность, а также внешнюю деятельность, не преследующую практических целей — конкретную деятельность, так сказать, достигающую познавательного результата. У Выготского[9] мы находим сознательную реализацию такого подхода. Но известно, что сама идея опосредствованности высших психических функций возникла из анализа и по аналогии со строением опосредствованного труда. Орудие, трансформируемое в знак, сохраняет целенаправленность процесса. Я не буду об этом говорить, я напомню только, а может, и расскажу тем, кто этого не знает, о знаменитом листке двадцать седьмого года, написанном у меня за столом Выготским, где этот генезис мысли, метода был экстериоризован, остался в виде внешнего следа очень четко. Надо сказать, что в последующих работах вот эта исходная мысль как-то несколько стиралась. Пафос перешел на проблему значения, на внутреннюю сторону знака, и понятно, надо было говорить о строении сознания. Возникла эта огромная проблема, хотя в самом учении о сознании сохранился след этого метода, т.е. он просто ушел с поверхности куда-то, в предпосылки. Но небольшой анализ, не составляет труда его сделать, может отчетливо показать, что это основное осталось. В чем я вижу значение этого открытия? Значение открытия общности строения внешней и внутренней деятельности состоит, на мой взгляд, в том, что это открытие дает возможность понять наличие постоянных взаимопереходов одной формы деятельности в другую, понять обмен звеньями между ними. Под последним я разумею реально наблюдаемое наличие внешних звеньев, иногда даже имеющих характер практического действия во внутренней и теоретической по своей мотивации и по основным решающим звеньям деятельности, и напротив,— внедрение, если так можно выразиться, заполнение практической деятельно-

---

[7] См.: *Валлон А.* От действия к мысли. М.: Иностранная литература, 1956.

[Валлон (*Wallon*) Анри (1879—1962) — французский психолог и педагог. — *Ред.-сост.*].

[8] Жане (*Janet*) Пьер (1859—1947) — французский психолог и психопатолог. — *Ред.-сост.*

[9] Выготский Лев Семенович (1896—1934) — отечественный психолог, создатель культурно-исторической теории развития высших психических функций; см. его тексты на с. 413—434 наст. изд. — *Ред.-сост.*

сти, в прямом смысле этого слова, огромным количеством внутренних звеньев. Отсюда вытекает, мне кажется, очень важный вывод: нельзя представлять себе дело так, что внутренняя деятельность, выделившись из внешней, далее отъединилась от нее. Мне представляется, что такого отъединения не происходило и не происходит.

Я немножко поразмышляю. Мне представляется очень образно это бесконечное, постоянное движение, эти бесконечные переходы. И поэтому я все более думаю о том, что если на поверхность прежде всего вышла идея преобразования, как у Пиаже[10], внешних операций во внутренние, то не менее важна идея экстериоризации и приобретения деятельностью внешней, даже вещественной формы, переход деятельности из движения, так сказать, в предметное бытие, если пользоваться терминологией Маркса[11]. И вот мне представляется все более движение этой деятельности не только внутри нее, но с этим постоянным переходом внешнего — внутреннего, внутреннего—внешнего. И это относится прежде всего к обмену, как я выразился, звеньями между обеими этими формами деятельности, потому что я должен оговориться, что я вовсе не хочу отрицать относительную независимость, самостоятельность самой деятельности. Она именно потому относительна, что она не может существовать в своем собственном, так сказать, внутреннем пространстве, она непрерывно строится путем преобразования извне, развивается путем преобразования во внешние формы деятельности, в предметы. Правда, идет постоянный процесс отслаивания от деятельности элементов человеческой культуры, хотя бы в субъективном смысле этого слова, т.е. не в смысле — вклад в объективно-историческую культуру, а вклад в мою культуру и непрерывное присвоение этого процесса. Иначе нельзя понять сознание человеческое иначе, как загнав его под черепную крышку. А это значит — загнать его в гроб. Там выхода нет, из-под этой черепной крышки. Есть конкретное движение, которое показывает, что сознание (я сейчас говорю о сознании) находится столько же под крышкой, сколько и во внешнем мире. Это одухотворенный мир, одухотворенный человеческой деятельностью. Вот теперь надо, по-моему, дать себе (я перехожу к третьему пункту) отчет: а как же мы можем представить себе эту структуру деятельности, учитывая, что в этом описании структура должна отвечать общему понятию о деятельности, не извращая его и не отбрасывая от нее самых существенных ее определений, а с другой стороны, понимая, что такой анализ деятельности должен реализовать понимание этого постоянного обмена звеньев, форм деятельности, этого постоянного перетекания одного звена в другое.

Понятно, что такой подход может быть очень разным, больше того, даже самый поверхностный подход к современной литературе показывает, что сейчас предложено столько возможностей анализа схемы деятельности, что можно

---

[10] См.: *Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М.: Просвещение, 1969.

[11] «Во время процесса труда труд постоянно переходит из формы деятельности в форму бытия, из формы движения в форму предметности» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 200).

составить целую огромную картотеку этих решений. Можно привести ряд живых впечатлений. Так, например, недавно мне попался термин «праксеологический», который меня сильно удивил. Я взял Котарбинского и посмотрел его праксеологию[12]. Это, конечно, кошмар; это Богданов[13], поправленный на Тэйлора[14] и объявленный марксистом. Каким образом богдановщина и тэйлоризм образуют вместе марксизм — это остается на совести Котарбинского. Я мог бы положительно отметить большую книгу Нюттена, вышедшую некоторое время назад, которая называется «Очерк строения деятельности»[15]. Это гораздо умнее, и хотя это на идеалистический лад, но это совсем другое. Я могу сослаться как на пример совсем неадекватного подхода к проблеме деятельности, путь, использованный Зараковским[16], где происходит описание звеньев процесса так, как их можно было бы описать при описании любого механизма. Можно при этом употреблять символику математической логики. Однако если я перевожу это на русский язык, то я получаю необыкновенно плоское образование; там вся пышность в том, что используется эта символика. Если вы эту символику снимете и будете говорить просто по-русски, то получается так, как это просто делается в технологии, т.е. никакой деятельности там уже нет, и весь рельеф исчезает. Правда, там представляется какой-то таинственный коэффициент, который не может быть измерен, но тем хуже для этих коэффициентов. Они описывают деятельность по образу и подобию алгоритма машины, но никакой деятельности там нет. Поэтому передо мной возникла очень тяжелая задача. Я постарался критически пересмотреть то, что я в свое время предлагал, но у меня из этого критического пересмотра мало что вышло. Я не буду повторять то, что всем достаточно известно, то, что я повторяю неустанно: я имею в виду обязательность выделения самого понятия деятельности по критерию завершаемости действия при удовлетворении потребности, т.е. по критерию подчиненности мотиву. Это позволяет классифицировать деятельности и находить классы деятельности по классам мотивов, т.е. с логической стороны здесь все обстоит очень четко. Я продолжаю думать о необходимости выделения единицы деятельности, которую я обозначил как действие, следуя обычному словоупотреблению, т.е. имея здесь в виду целеподчиненные процессы. Эти процессы реализуют деятельность. Здесь я только должен дополнить то, о чем я писал. Теперь меня заинтересовали такие детали, о которых я сейчас по существу говорить не буду, как, например,

[12] См.: *Котарбинский К.* Трактат о хорошей работе. М.: Экономика, 1975.

[13] Богданов (наст. фамилия Малиновский) Александр Александрович (1873—1928) — политический деятель, врач, философ и экономист. — *Ред.-сост.*

[14] Тейлор (*Taylor*) Фредерик Уинслоу (1856—1915) — американский инженер-изобретатель, исследователь и организатор производства, основоположник научной организации труда. — *Ред.-сост.*

[15] См.: *Nuttin J.* Tâche, réussite et échec. Théorie de la conduite humaine. Louvain; Paris, 1961.

[16] См.: *Зараковский Г.М.* Психофизиологический анализ трудовой деятельности. М.: Наука, 1966.

целеобразование как особый процесс: мотив есть, но как осуществляется целеобразование, мы не знаем. И вообще это есть специфический акт. В докладе на Ученом совете Института истории естествознания и техники АН СССР я пытался показать на иллюстрациях по Дарвину[17] и по Пастеру[18], как разно идет процесс целеобразования при общности мотива. Цель может быть дана, сразу открываться, а может быть не дана и открываться только через много-много лет, как это имело место у Дарвина. У него десять лет не выделялись цели. И наоборот, у Пастера — мгновенное целеобразование в связи с ситуацией, сложившейся тогда в связи с проблемой винно-каменной кислоты. Мне представляется фундаментально важным — не растворять деятельность в действии и понимать, что имеется еще одна единица деятельности, которую я привык называть операцией и которая очень легко переводится в язык навыка — это то, что связано с инструментальностью, если говорить языком бихевиоризма, это то, что выделяется по критерию условий, в которых дана цель. Я очень настаиваю на этом логическом критерии отношения цели и задачи, о котором много раз говорил: задача есть цель, данная в определенных условиях, т.е. в уже найденных условиях, иначе будет цель без условий, т.е. никакого способа действия найти нельзя и цель не будет осуществлена. Наконец, я очень настойчиво хочу ввести еще такую единицу, о которой я уже упоминал, но которая в то время у меня не была разработана ни теоретически, ни вообще ни в каком смысле. Я имею в виду понятие психофизиологической функции. Я в связи с этой проблемой посмотрел именно в этом контексте некоторые страницы, в особенности первую часть «корковых функций» Александра Романовича[19]. Он приводит там двойное, даже тройное, истолкование понятия функции: функции в смысле выделения секрета органом, функции по Анохину[20], ну и, наконец, понятие высшей функции, которая есть составная, по мысли автора, часть корковых функций. Почему я говорю психофизиологическая функция? Потому что я имею в виду функцию, как действительное отправление системы органов, которая зависит от их устройства. Например, такова сенсорная функция.

Что касается этих выделяемых единиц, которые я только что назвал, то я хотел бы в этой связи подчеркнуть два обстоятельства: *первое*, что эти единицы не представляют собой никаких отдельностей, т.е. это значит, что когда я имею

---

[17] Дарвин (*Darwin*) Чарлз Роберт (1809—1882) — английский натуралист, основоположник эволюционного учения о происхождении видов путем естественного отбора. — *Ред.-сост*

[18] Пастер (*Pasteur*) Луи (1822—1895) — французский ученый, основоположник современной микробиологии и иммунологии. — *Ред.-сост*

[19] См.: *Лурия А.Р.* Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969.

[Лурия Александр Романович (1902—1977) — отечественный психолог, один из основателей нейропсихологии; см. его текст на с. 565—570 наст. изд. — *Ред.-сост.*].

[20] См.: *Анохин П.К.* Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.

живую деятельность, все равно внутреннюю или внешнюю, или внутреннюю с внешними звеньями или наоборот, то швы, по каким, например, может происходить этот обмен, совпадают с этими единицами. Но если вы произведете мысленное вычитание из деятельности действий, операций или из операций функций, то вы получите дырку от бублика. Это не отдельности, это не предметы, нельзя сказать, что деятельность складывается из... Деятельность может включать в себя одно-единственное действие. Она тогда ни из чего не складывается, она есть это действие. Действие может включать в себя единственную операцию. Она есть эта операция [и. — *Ред.-сост.*]вместе с тем действие. Словом, нельзя их рассматривать как некоторые кирпичи, только разные. Так не выйдет.

Второе, что мне кажется капитально важным. Эти единицы — не отдельности, однако связаны между собой переходами. Кстати, это и заставляет выделять их, это и есть те разломы, те границы этих единиц, которые выступают очень отчетливо как вместе с тем самостоятельные единицы, не отдельные, но самостоятельные. Например, очень легко себе представить даже без воображения, что одно и то же действие может входить в составе других действий в другую деятельность. И, конечно, оно несколько меняет свое лицо, свою динамику, словом, какие-то свои особенности, сохраняя все-таки себя как действие, как таковое. Ну, нечего уж говорить о том, что мы имеем постоянный переход операций из одного действия в другое. Вы никогда не знаете, с чем вы имеете дело. На разных уровнях развития, например, это резко не одно и то же. Скажем, то, что для ученика первого класса есть действие арифметическое, целенаправленное, сознательное и т.д., то для ученика четвертого класса является операцией, способом решения задачи, а действие — решение задачи, нахождение условий, порядка операций, но не сами операции, которые выполняются совершенно независимо. Складываем, умножаем, делим, возводим в степень, находим алгоритм — мы все одинаково делаем, в любом составе действий, они становятся жесткими или почти жесткими, и с этим ничего нельзя сделать. Вот эти швы верифицируют правомерность такого рода анализа. Александр Романович часто говорил: «Ломается мозг по его естественным структурным швам, швам процессов». Ну так вот, эти обмены, эти переходы тоже идут по естественным структурным швам естественного процесса живой деятельности и иначе никогда не происходит. Надо сказать, что переходы все разные, поэтому каждый раз надо смотреть, что это за переход. Например, становление действия составляет особую проблему рождения действия. Я уже говорил, что я занимался проблемой целеобразования. Это то же самое. Ну, например, по отношению к функциям. Ведь это тоже переход. Ведь и функции не создаются независимо от развития деятельности. Это какие-то окаменевшие процессы, зафиксированные морфофизиологически, даже, я скажу грубее, морфологически. Например, сенсорная функция с этой стороны — это есть функция, дающая материал для восприятия. (Вчера или позавчера так говорили — это очень

точное выражение.) Но дело в том, что материал для восприятия не образует восприятия. Вот опять возобновился в последние годы интерес к больным, у которых снимают катаракту впервые. Колоссальный материал! Работает функция — достаточно раздражителя, и отправление системы органов, которые образуют зрительную систему (в данном случае), осуществляется. Ну и что с этим отправлением? Нужен последующий процесс, в этом же все дело. Но оно окаменело, оно прирождено.

Есть другая сторона перехода. Это — не отделение от деятельности внутрь, в морфу, а отделение от деятельности вовне. Такова, например, патетическая история отделения операций, которые могут приобретать внешнюю форму, материализоваться, вернее, овеществляться в системе машин, начиная от китайских счетов и кончая современными любыми электронно-вычислительными устройствами. Я записал себе так: «Особенно важно выделить преобразование действий в операции: "технизацию" действий и рождение "искусственных органов человеческого мозга" в виде машин, продолжающих работу мозга».

Все эти единицы связаны с психикой как образом закономерно. Я не буду повторять того, что мною множество раз высказывалось. Как действие связано с сознанием *sui generis* [в своем роде. — *Ред.-сост.*], так деятельность необходимо не связана с сознаванием, если нет целеполагания; только вторично мотив может выступать как сознательный мотив, как цель. Словом, здесь есть динамические отношения определенного порядка. Смысл заключается в том, что я опустил этот тезис, но я считаю сейчас необходимым его ввести, напомнить, хотя я перейду к нему сейчас в другом контексте. Дело все в том, что мы имеем в психологии еще одно различение, которое оправдано обстоятельствами. Это психика как образ и психика как процесс. В мышлении это — мышление и понятие, в восприятии — воспринимание и образ. Я буду называть психику как явление, образ — просто образом, а психику как процесс — просто процессом. Но ведь вот в чем дело, всякое такое психическое образование, как образ, есть не что иное, как свернутый процесс. Я употребляю здесь термин «свертывание» в том смысле, в каком его можно употребить, как противоположное развертке. Кто не понимает после Выготского, что за значениями лежит система операций, что адекватную характеристику значения получают в системе возможных операций, что характеризовать операции или характеризовать значения — это одно и тоже. Это, собственно, и есть характеристика значений. В сущности, исследование понятий на уровне, достигнутом Выготским, есть исследование операций. И это адекватное исследование, конечно. Почему тогда и возникали вопросы: не метод определения, не какие-то там другие методы — метод субъективного описания *a la* [вроде, на манер. — *Ред.-сост.*] Вюрцбургская школа. Со времен Бине[21] это было раскритиковано, значит, один путь остается — исследовать операции. Мне кажется, что это совершенно общее положение. Вот

[21] Бине (*Binet*) Альфред (1857—1911) — французский психолог. — *Ред.-сост.*

теперь я позволю себе поставить последний вопрос: четвертый и последний. Очень заостряется вопрос о том (если принять во внимание то, что я говорю), будет ли деятельность, в том числе внешняя, практическая, входить в предмет психологии, психологической науки. Составляет ли деятельность предмет психологии? Дело здесь в том, что деятельность как процесс, в котором происходит отражение реальности, которая управляется психическим отражением, может рассматриваться или как предмет психологии, или как ее условие, условие существования психологического предмета, т.е. психики. Это формулировалось иногда у нас — либо психика рассматривается как то, что зависит от деятельности, либо другая возможность заключается в том, чтобы деятельность включить в предмет психологии, т.е. сделать ее предметом психологии, понять ее как предмет психологии. Я сейчас попробую встать на точку зрения такую, что деятельность не может быть предметом психологии. Можно говорить как угодно: в деятельности, через деятельность, зависит от деятельности. Так, как об этом говорил Рубинштейн[22], в свое время писавший, что психология, которая понимает, что она делает, изучает психику и только психику (желая подчеркнуть, что никогда — деятельность), но изучает эту психику в деятельности. Это знаменитая его статья в «Ученых записках» герценовского института, декларация теоретического характера того времени[23]. Я посмотрел после этого, как обстоит дело в новых последних работах: «Путях» и «Бытии и сознании»[24]. Там повторяется эта же самая мысль, только еще в более грубом виде, потому что там еще есть то, что отсутствовало раньше. Это объяснения физиологические по существу: синтез, анализ — то, что вы хорошо знаете, что запутало саму исходную мысль Рубинштейна и не сослужило ему хорошую службу. Я постараюсь сейчас занять такую позицию «в деятельности», или «зависящую от деятельности», или «пребывающую в деятельности», как некий эликсир, который оттуда надо извлечь. Я поставил альтернативу. С этой точки зрения я и хочу сейчас взглянуть на вещи. Я усматриваю в этой позиции, которую я сейчас условно занимаю, ряд капитальных трудностей, которые я лично решить не могу. Сколько я их ни пробовал решать — я не нахожу удовлетворительного решения до сегодняшнего дня. Может быть, товарищи имеют это решение. У меня его нет. Какие же трудности я не могу решить? Первая трудность, которую я не могу решить и которую я отчетливо вижу, состоит в том, что при такой позиции деятельность снова рассекается. Внутренняя деятельность целиком относится к психологии, как это было согласно картезианскому членению. Внутренняя деятельность — это «богу богово», что касается до внешней, особенно

---

[22] Рубинштейн Сергей Леонидович (1889—1960) — отечественный психолог и философ. — *Ред.-сост*

[23] См.: *Рубинштейн С.Л.* Мысли о психологии // Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. XXXIV. Л., 1940.

[24] См.: *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957; *Он же.* Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

практической, деятельности, то она не психологическая, ее нужно отдать кесарю, это кесарево[25]. Только не известно — какому кесарю и кто этот кесарь. И получается поэтому зона ничейной земли, ничейная зона. Вы можете отдавать эту деятельность кому угодно, но эту внешнюю деятельность никто не берет. Я потом докажу, что ее никто не берет. Эта внешняя деятельность, так, как она описана, остается без кесаря. Нет кесаря, которому это можно отдать. Она — ничейная земля. Вторая трудность заключается в том, что одни звенья единой деятельности оказываются принадлежащими психологии, а другие — вне ее. Принимая во внимание то, что я говорил (это просто фактическое описание положения вещей), что деятельность включает в себя внешние, а равно внутренние звенья, трудно понять, как же может случиться, что одни звенья единого принадлежат одной науке, а другие звенья — другой науке. Это трудность номер два. Третья трудность, по-моему, самая важная. Происходит естественное обособление психики-образа, как я назвал это, от психики-процесса. Потому что то, что я назвал психика-образ, как бесспорный предмет психологии может иметь в свернутом виде, в себе, внешнюю деятельность. Тогда уже реальность рассекается еще по одной плоскости. Всякий образ (я записал себе здесь в тетрадь) есть свернутый процесс, и за этим процессом уже нет ничего. Есть объективная действительность: общество, история. Нет ничего в том смысле, в каком философы говорят, что за взаимодействием нет ничего. Есть вещи, взаимодействия, но за этим взаимодействием нет ничего, т.е. оно само объясняет свойства вещей и т.д., в них оно раскрывает свою сущность. Мне представляется, что трудности, которые возникают при обсуждении этой альтернативы, связаны, как всегда все трудности, с неточной методологически постановкой вопроса, проблемы. Вопрос о том, какой науке принадлежит деятельность, является ложно поставленным вопросом. Ведь науки делятся не по эмпирическим предметам. Нет науки о столах, магнитофонах. Науки, как известно, делятся не по эмпирическим объектам, а по связям и отношениям, в которых те или другие объекты берутся, т.е., как говорят философы, по соответствующим формам движения материи. Нельзя сказать, к какой науке принадлежит эта вещь — технологии, политической экономии, как обладающая стоимостью, эстетики, как изящная вещь. Наверное, тому и другому, и третьему — все зависит от того, в какой системе отношений вы берете ее. Если в системе экономических отношений — это будет товар; если в системе эстетических отношений — это будет эстетическая вещь; если в системе геометрии, то это будет требующая геометрического описания форма, и т.д. Ленинский пример со стаканом[26]: предмет

[25] На вопрос нужно ли отдавать подать кесарю, т.е. гражданской власти, Иисус Христос ответил: «Итак отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Матф. 22,21). Это высказывание стало крылатой фразой, приобретающей в зависимости от контекста различный смысл. В данном случае автор категорически против подобного разделения — *Ред.-сост.*

[26] См.: *Ленин В.И.* Еще раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина // Полн. собр. соч. Т. 42. С. 289.

для метания, геометрическая форма цилиндрическая, ну, все, что угодно, — так же нельзя делить. Вот, кстати, почему, когда мы делим, кому принадлежит деятельность, оказывается — никому, потому что все отказываются. Все желают иметь определение своего предмета через систему отношений. Когда я говорю просто — деятельность, никто ее не берет. Я поэтому думаю, что взятая в отношении к психическому отражению мира в голове человека — деятельность есть предмет психологии, но только в этом отношении. Взятая в других отношениях, деятельность есть предмет других соответствующих наук, и не одной, а очень многих. Взятая в системе отношений к психическому отражению мира в голове человека, деятельность есть предмет психологии, т.е. становится им. Взятая в других отношениях, в системе других отношений, или в системах других отношений, деятельность принадлежит другим соответствующим наукам: от биомеханики до политической экономии, социологии, чего угодно. Кстати, у Ленина чудно рассказано про психологию и социологию. Итак, деятельность отдельного человека может быть предметом социологического изучения, антропологического, или психологического, естественно-научного. При этом надо сделать примечание, очень важное: психология, как и всякая наука, исследует не только данный предмет, взятый в данных отношениях, т.е. в данной системе движения материи, в данной форме движения материи, как говорят философы, но также и переходы исследуемой формы движения материи в другие. Эта мысль старая, более чем столетней давности, а не современная (не путайте, товарищи, с междисциплинарными исследованиями), она стара, как мир, эта мысль, и исследование этих переходов чрезвычайно важно. Здесь мы имеем дело с необходимостью изучения переходов не для того, чтобы изучать то, во что она переходит, а для того, чтобы понимать эти переходы. Я уже говорил, технизация операций, логика — смотрите, как четко здесь совпадает с общей методологической позицией преобразования, т.е. перехода в новую форму движения через продукт. Логика есть продукт совокупной человеческой мысли, она уже не принадлежит творческой мысли, ее создававшей веками. Есть и другие переходы. Я уже говорил — окостеневание. Это нескладный термин, более точный термин — фиксация в морфологии. Это уже переход, опять через продукт в другое, т.е. в морфофизиологию, в объект исследования физиологического. Я думаю, например, что соображения о формирующихся прижизненно мозговых системах, конструкциях, как выражался Павлов, не отделимых от динамики, — это есть переход, только другой стороной, другим краем. Там — во внешний мир, в культуру, в общество, в общественные следствия, здесь — в устройство мозга. Не в устройство мозга, которое предусмотрено генетически, а в системы, подвижные органы, по Ухтомскому[27], словом, в то, во что можно. Физическая, мускульная деятельность переходит в мышцу, т.е. функция в мор-

[27] Ухтомский Алексей Алексеевич (1875—1942) — отечественный физиолог, создатель учения о доминанте. — *Ред.-сост.*

фу, и с этим вы ничего не можете сделать. Я себе вот такие бицепсы набил и мои гири, которые я поднимал, можно сказать, зафиксировались в этих набитых бицепсах, с которыми я не знаю теперь, что делать. Когда я выйду из спорта (мне рассказывал директор одного научно-исследовательского института физкультуры) — целая драма. Тяжелоатлеты погибают, просто погибают.

И последнее положение, которое мне представляется капитально важным. Это то, что подлежит разработке все больше, и больше, и больше. Деятельность, образы, словом, все психологическое, может быть понято только как инфраструктура в суперструктуре, которая есть общество, общественные отношения, словом, инфраструктура психологического может быть понята только в ее связи с суперструктурой социального, потому что инфраструктура без этой суперструктуры не существует вообще. (Я говорю про человеческую психику.) Не существует, это просто иллюзия. Я поясню. Не может психологическое исследование идти так, как будто бы человек вел «тет-а-тет» с предметами, или с суммой предметов, с системой предметов. К сожалению, «тет-а-тета» здесь нет. И это опять мысль Выготского. Это была бы робинзонада самого вульгарного порядка. Я не сказал самого последнего, что мне представляется продуктивным и эвристически очень важным. Надо открыть для психологии, не для нас самих, для психологии (надо об этом писать, напоминать, это показывать в исследованиях), что движение, которое есть основное, есть движение сверху вниз, а не снизу вверх. Если составить систему единиц, понять ее иерархически — от деятельности к операциям, функциям, то движение, формирование, развитие идет сверху вниз: от высших образований к физиологии. Невозможно движение восхождения — от мозга к неким процессикам, от процессиков к более сложным образованиям, и, наконец, к сложению жизни. Нет, от жизни к мозгу, а никогда — от мозга к жизни, если говорить обобщенно. Показ этого капитально важен, потому что есть непрерывные сбивки. Это форма выражения механицизма, неосознанного, может быть, и мы имели «блистательное» выступление Евгения Николаевича Соколова, которое многие слышали, где была высказана с самой большой силой мысль, что никакого движения нет иначе, как от клетки к группе клеток, от группы клеток к мозгу, от мозга к физиологической функции, от физиологической функции к пониманию поведения. Точная схема — только однонаправленное движение. Нет, оно двухнаправленное, но центральным, главным является движение сверху. Я этот тезис сказал вслед за тезисом «инфраструктура и суперструктура», потому что этот тезис и есть реализация мысли о включенности всей психической жизни в социальную, т.е., иначе говоря, мысль о том, что эта инфраструктура не существует вне суперструктуры. (Термины все условные.) А тогда есть нисхождение сверху вниз как основной процесс.

4 *Действия и операции. Виды операций. Функциональные органы деятельности*

А.Н. Леонтьев

[Виды операций и их представленность в сознании]*

Ученик пишет. Что при этом им сознается? Прежде всего, это зависит от того, что побуждает его писать. Но оставим пока этот вопрос в стороне и допустим, что в силу того или иного мотива перед ним возникла цель: сообщить, выразить в письменной форме свою мысль. Тогда предметом его сознания будет именно сама мысль, ее выражение в словах. Конечно, при этом ученик будет воспринимать и изображение тех букв, которые он пишет, — не это, однако, будет в данный момент (т.е. актуально) предметом его сознания, — и буква, слово или предложение для него субъективно лишь **окажутся** так или иначе написанными, лучше или хуже. Допустим теперь, что в этой же деятельности его цель перешла на другое: написать красиво, каллиграфически. Тогда актуальным предметом его сознания станет именно изображение букв.

При этом разумеется, не структурное место, занимаемое данным содержанием в деятельности, зависит от того, сознается ли это содержание или нет, а, наоборот, факт сознавания данного содержания зависит от его структурного места в деятельности. <...>

Из сказанного выше следует, что надо различать содержание, **актуально** сознаваемое, и содержание, лишь **оказывающееся** в сознании. Различение это психологически весьма важно, ибо оно выражает существенную особенность самого «механизма» сознавания.

Актуально сознается только то содержание, которое является предметом целенаправленной активности субъекта, т.е. занимает структурное место непосредственной цели внутреннего или внешнего действия в системе той или иной деятельности. Положение это, однако, не распространяется на то содержание, которое лишь «оказывается сознанным», т.е. контролируется сознанием.

---

* *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. С. 249, 265—270.

Для того чтобы «оказываться сознанным», т.е. сознательно контролироваться, данное содержание, в отличие от актуального сознаваемого, не должно непременно занимать в деятельности структурное место цели. Это отчетливо видно хотя бы из приведенных выше примеров с осознаванием того или иного содержания в процессе письма. Ведь если для того, чтобы актуально сознавалась графическая сторона письма, необходимо сделать именно ее тем предметом, на который действие направлено как на свой непосредственный результат, то, с другой стороны, она способна «оказываться сознанной» и, следовательно, сознательно контролироваться также и в процессе собственно письменного изложения мысли. Однако далеко не все способно сознательно контролироваться.

Какое же в таком случае содержание может выступить в этой последней своеобразной форме сознавания — в форме сознательно контролируемого?

Мы имеем возможность ответить на этот вопрос совершенно точным положением. Это содержание составляют **сознательные операции** и, соответственно, те условия, которым эти операции отвечают.

Что же такое *операции*? Условно мы обозначаем этим термином совершенно определенное содержание деятельности: операции — это те *способы*, какими осуществляется действие. Их особенность состоит в том, что они отвечают не мотиву и не цели действия, а тем *условиям*, в которых дана эта цель, т.е. задаче (задача и есть цель, данная в определенных условиях). Как правило, операции, т.е. способы действия, вырабатываются общественно и иногда оформляются в материальных средствах и орудиях действия. Так, например, в счетах кристаллизованы, материально оформлены известные счетные операции, в пиле — операция распиливания, пиления и т.д. Поэтому большинство операций в деятельности человека является результатом обучения, овладения общественно выработанными способами и средствами действия.

Не всякая, однако, операция является **сознательной** операцией. Сознательной операцией мы называем только такой способ действия, который сформировался путем превращения в него прежде сознательного целенаправленного действия. Но существуют операции, имеющие другое происхождение, другой генезис; это операции, возникшие путем фактического «прилаживания» действия к предметным условиям или путем простейшего подражания. Операции последнего рода, как и те условия, которым они отвечают, и являются содержанием, не способным без специального усилия сознательно контролироваться (хотя, конечно, они воспринимаются в той форме, которая фактически необходима для того, чтобы данное действие могло осуществиться). Это содержание может превратиться в содержание, способное «оказываться сознанным», т.е. сознательно контролируемым, только в том случае, если оно станет прежде предметом специального действия и будет сознано актуально. Тогда, вновь заняв структурное место условий действия (а если иметь в виду самый процесс, то вновь превратившись из действия в операцию), данное содержание приобретает эту замечательную способность.

Так, например, ребенок, еще не обучавшийся родному языку, практически полностью владеет грамматическими формами, дети никогда не делают ошибок типа «лампа стояли на столом», т.е. в своей речевой практике совершенно правильно склоняют, спрягают и согласуют слова. В результате какого же процесса ребенок научается это делать, т.е. овладевает этими речевыми операциями? Очевидно, в процессе именно фактического приспособления своей речевой деятельности к тем языковым условиям, в которых она протекает, т.е. в процессе «прилаживания», подражания. В силу этого соответствующие грамматические формы, которыми ребенок столь совершенно пользуется в качестве способов речевого сообщения, выражения не способны, однако, контролироваться сознанием; для этого они прежде должны стать специальным предметом отношения ребенка — предметом его целенаправленного действия; в противном случае они могут продолжать существовать у него лишь в форме так называемого «чувства языка» (Л.И. Божович[1]). Поэтому-то ребенка и нужно учить грамматике — учить тому, чем он практически уже владеет, и это нужно делать не только для орфографии, ибо и орфографией можно владеть лишь практически, что иногда действительно и бывает (правильное «писарское» письмо, с редкими, но грубыми, «некультурными» ошибками и штампами).

Эту зависимость между тем, по какому пути формируется операция, и сознаванием как самой операции, так соответственно и тех условий, которым она отвечает, мы наблюдали в экспериментальном исследовании двигательных навыков, т.е. фиксированных двигательных операций[2].

В этом исследовании формировались вполне одинаковые навыки (серии движений на клавишном аппарате). Однако первые два из этих навыков создавались внутри действия, цель которого состояла для испытуемого в том, чтобы нажиманием на клавиши **возможно скорее** гасить вспыхивающие над ними лампочки; два же других навыка с самого начала строились как действия, цель которых испытуемый видел в том, чтобы, руководствуясь вспыхивающими лампочками, производить движения в определенной последовательности. Таким образом, с чисто внешней своей стороны процесс формирования навыков в обоих сравниваемых между собой случаях протекал совершенно одинаково: объективно та же задача, те же внешние условия, те же движения, отличавшиеся в разных сериях только своей последовательностью (например: в одной серии — 4-я — 6-я — 5-я — 2-я — 3-я — 1-я — 4-я клавиши и т.д., а в другой — 6-я — 3-я — 2-я — 4-я — 1-я — 5-я — 6-я и т.д.). Разница между ними состояла только в том, что структурное место в деятельности, занимаемое формирующейся и фиксирующейся последовательностью движений, было неодинаково. В первом случае эта последовательность составляла простое условие выполнения дейст-

---

[1] Божович Лидия Ильинична (1908—1981) — психолог; основная область исследований педагогическая и детская психология. — *Ред.-сост.*

[2] См.: *Аснин В.И.* Своеобразие двигательных навыков в зависимости от условий их образования // Научн. зап. Харьк. педагог. ин-та. 1936. Т. 1. С. 37—65.

вия, к которому фактически оно приспосабливалось; во втором же случае эта последовательность вначале выступала в качестве того, на что, собственно, и было направлено действие испытуемого, т.е. она стояла перед испытуемым как сознательная цель и лишь затем превращалась для испытуемого в способ выполнения целостного требования инструкции: возможно более быстро, точно и уверенно выполнить заданную цепь движений.

Главнейший результат, полученный в этом исследовании, состоит в том, что при условии, когда данная операция формировалась и фиксировалась лишь «по ходу действия», путем простого двигательного прилаживания, испытуемые были не в состоянии в критическом опыте дать отчет о последовательности клавиш (или, соответственно, о последовательности своих движений), которой они фактически уже полностью владели и которую только что реализовали в действии. И наоборот: когда требуемая двигательная операция строилась в форме действия и лишь затем фиксировалась в форме прочного «автоматического» навыка, последовательность клавиш и движений всегда и всеми испытуемыми могла сознательно контролироваться.

В проведенных несколько грубых, но зато крайне отчетливых по своим результатам экспериментах с большой определенностью выступили также и **объективные** особенности операций, различных по своему генезису. Те, которые оказываются не способными сознательно контролироваться, естественно, являются и недостаточно управляемыми, слишком неподвижными, жесткими. Вторые, т.е. те, которые могут быть контролируемыми, отличаются прямо противоположными чертами. Они более лабильны, и их легко произвольно изменять.

Итак, за различием сознательно контролируемого (оказывающегося сознанным) и вовсе не сознаваемого содержания кроется опять-таки объективное различие того структурного места, которое данное содержание занимает в деятельности субъекта.

Отношение «оказывающегося сознанным» к несознаваемому лишь воспроизводит в себе отношение тех операций, которые рождаются в форме действия, и тех операций, которые являются продуктом бессознательной адаптации.

А.Н. Леонтьев

Мозг и психическая деятельность человека[*]

Предшествующий анализ исходил из двух следующих положений: во-первых, что в ходе общественно-исторического развития у человека формируются ***новые*** психические способности, ***новые*** психические функции; во-вторых, что в эру господства социальных законов мозг человека филогенетически уже не претерпевает никаких *существенных* морфофизиологических изменений, что достижения исторического развития закрепляются в объективных — материальных и идеальных — продуктах человеческой деятельности и в этой форме передаются от поколения к поколению и что, следовательно, психологические новообразования, возникшие в ходе исторического процесса, воспроизводятся отдельными людьми не в порядке действия биологической наследственности, а в порядке прижизненных приобретений.

Сопоставление между собой этих положений ставит очень важную проблему — проблему мозговых механизмов исторически сложившихся у человека психических способностей и функций. <...>

Трудность этой проблемы состоит в том, что признание общественно-исторической природы психических способностей человека ведет к парадоксальному на первый взгляд утверждению их относительной независимости от морфологических особенностей мозга. Иначе говоря, возникает вопрос о возможности существования таких психических способностей или функций, которые не имеют своих специальных органов в собственном, морфологическом, значении слова. <...>

Успехи экспериментально-психологического исследования, и особенно успехи развития учения о высшей нервной деятельности, полностью подготовили единственно возможное положительное решение этой сложнейшей проблемы.

---

[*] *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1981. С. 396—409.

Уже к началу XX столетия был накоплен обширный экспериментальный и клинический материал, свидетельствующий о том, что даже относительно простые сенсорные психические функции представляют собой продукт совместной деятельности различных рецепторных и эффекторных аппаратов. Это и дало возможность выдвинуть общее положение, что «там, где физиологические функции приобретают специфическое значение, выраженное психологически в своеобразном качестве ощущения... там *специфический* характер такой деятельности основан не на самих элементах, а на их соединении»[1]. При этом подчеркивалось, что такое соединение физиологических элементов дает *новое* качество, самим этим элементам не присущее.

Вместе с тем многочисленные данные приводили также и к другому, не менее важному общему выводу, а именно что объединение элементарных физиологических элементов, лежащее в основе психических функций, вырабатывается прижизненно, вследствие чего, как писал Вундт, «образование этих (психических) функций всецело следует приписывать ближайшим жизненным условиям, имеющим место во время индивидуального развития»[2].

С позиций материалистического рефлекторного понимания работы мозга идея прижизненного образования и упрочения сложных связей, функционирование которых осуществляет познавательные функции, была, как известно, впервые развита И.М. Сеченовым[3]. При этом он внес то принципиально важное положение, что решающая роль в их образовании принадлежит двигательным звеньям рефлексов, т.е. не самим ощущениям и образам, а их «двигательным последствиям»[4].

Однако конкретное физиологическое объяснение образования связей отдельных элементов в системе рефлексов было дано значительно позже. Я имею в виду открытый И.П. Павловым[5] механизм образования функциональных мозговых систем.

Еще в статье «Анализ некоторых сложных рефлексов собаки» (1916) И.П. Павлов высказал ту мысль, что для понимания физиологической основы сложного поведения недостаточно представления только о деятельности отдельных центров в нервной системе, что для этого нужно допустить «функциональное объединение, посредством особенной проторенности соединений, разных отделов центральной нервной системы, для совершения определенного рефлекторного акта»[6]. <...>

[1] См.: *Вундт В.* Основы физиологической психологии: В 3 т. СПб.: Типография Сойкина, 1906. Т. 1. С. 458.

[2] Там же. С. 460.

[3] Сеченов Иван Михайлович (1829—1905) — русский физиолог, создатель физиологической школы.— *Ред.-сост.*

[4] См.: *Сеченов И.М.* Избранные философские и психологические произведения. М.: Госполитиздат, 1947. С. 258, 259, 274, 275.

[5] Павлов Иван Петрович (1849—1936) — русский физиолог, лауреат Нобелевской премии (1904). — *Ред.-сост.*

[6] См.: *Павлов И.П.* Полн. собр. соч.: В 6 т. М.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. III. С. 321.

Специфическая особенность этих образований состоит <...> в том, что, раз сложившись, они далее функционируют как единое целое, ни в чем не проявляя своей «составной» природы, поэтому соответствующие им психические процессы всегда имеют характер простых и непосредственных актов, как, например, акты восприятия удаленности предметов, относительной оценки веса (феномен Шарпантье[7]), схватывания (*insight*'а), наглядных отношений и т.п.

Указанные особенности позволяют рассматривать эти прижизненно складывающиеся образования как своеобразные *органы*, специфические отправления которых и выступают в виде проявляющихся психических способностей или функций[8].

Я должен подчеркнуть, что применение здесь понятия органа является совершенно оправданным. Уже более 30 лет назад А.А. Ухтомский[9] выдвинул мысль о существовании «физиологических органов нервной системы». В этой связи он писал: «Обычно с понятием “орган” наша мысль связывает нечто морфологически отличное, постоянное, с какими-то постоянными статическими признаками. Мне кажется, что это совершенно необязательно, и в особенности духу новой науки было бы свойственно не видеть здесь ничего обязательного»[10].

Функциональные органы <...> формируются не в порядке образования ассоциаций, просто «калькирующих» порядок внешних раздражителей, но являются продуктом связывания рефлексов в такую целостную систему, которая обладает высокогенерализованной и качественно особой функцией. <...>

Примером таких целостных систем, которые лежат в основе функций, имеющих вид элементарных психических способностей, может служить система звуковысотного слуха.

Звуковысотный слух дифференцировался у человека как особая способность в силу того, что он составляет необходимое условие адекватного восприятия музыки, являющейся, как и звуковой язык, продуктом развития человеческого общества. Его основное отличие от слуха, способного воспринимать тончайшие различия фонем человеческой речи, состоит в том, что он выделяет в звуковых комплексах параметр высоты, т.е. как раз тот параметр, который в большинстве современных (не тональных) языков не играет прямой смыслоразличительной роли; вместе с тем он позволяет, наоборот, абстрагироваться

---

[7] *Феномен Шарпантье* — тенденция оценивать более крупные объекты как более легкие по сравнению с объектами, такими же по физической массе, но меньшими по объему. — *Ред.-сост.*

[8] См.: *Леонтьев А.Н.* Природа и формирование психических свойств и процессов человека // Вопросы психологии. 1955. № 1; *Леонтьев А.Н.* О системной природе психических функций // Тезисы докладов философского факультета Московского гос. университета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1955. С. 27—28.

[9] Ухтомский Алексей Алексеевич (1875—1942) — отечественный физиолог, создатель учения о доминанте. — *Ред.-сост.*

[10] См.: *Ухтомский А.А.* Собр. соч.: В 5 т. Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. С. 299.

от тембральных компонентов, определяющих специфические качества речевых звуков.

Экспериментальное изучение строения звуковысотного слуха, произведенное автором и его сотрудниками (Ю.Б. Гиппенрейтер, О.В. Овчинникова), показало, что эта функция формируется онтогенетически. У отдельных людей она может находиться на разных стадиях формирования или даже вообще не сложиться, и в этом случае она компенсируется тембровым слухом. Было вместе с тем показано, что решающим звеном в структуре этой функции является ответная реакция, адекватная воспринимаемому параметру звука, а именно реакция интонирования (вокализации) высоты. Это звено первоначально имеет форму внешнего пропевания, подравниваемого к высоте воспринимаемого звука. Затем, редуцируясь, оно превращается во внутреннее пропевание, участвующее в анализе высоты лишь своими кинестезиями. В результате анализ звуков по высоте и звуковысотных отношений происходит путем образующегося специального механизма активной внутренней «компарации», т.е. процесса сравнивания, подравнивания, происходящего во внутреннем поле. Этот прижизненно формирующийся механизм, наличие которого может быть выявлено только объективным исследованием и действие которого полностью скрыто от самонаблюдения, собственно, и представляет собой орган звуковысотного слуха. Хотя он складывается в онтогенезе и, как это показывает исследование, его формированием можно активно управлять, его функция на первый взгляд ничем не отличается от проявления элементарных врожденных способностей. Но это только на первый взгляд. <...>

Факты, выявляемые системным анализом онтогенетически складывающихся психических деятельностей, функций и способностей человека, как и факты, характеризующие процесс их формирования, полностью согласуются с современными данными, полученными на патологическом материале.

Я имею в виду многочисленные данные, свидетельствующие о том, что нарушение процессов, наступающее вслед за поражением определенного участка мозга, должно пониматься не как *выпадение* функции, а как распад, дезинтеграция соответствующей функциональной системы, одно из звеньев которой оказывается разрушенным[11].

Соответственно этому решается и вопрос о локализации психических функций, а именно в том смысле, что в их основе лежит не отправление той или другой обособленной группы корковых клеток, а сложная мозговая система, элементы которой расположены в различных, часто далеко отстоящих друг от друга мозговых зонах, но которые образуют, однако, единую констелляцию. <...>

[11] См.: *Анохин П.К.* Общие принципы компенсации нарушенных функций и их физиологическое обоснование. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1955; *Гращенков Н.И., Лурия А.Р.* О системной локализации функций в коре головного мозга // Невропатология и психиатрия. 1945. Т. 14. № 1. С. 10—27.

Системный психологический анализ функций, расстроенных в результате очаговых поражений мозга, имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение, давая метод для их эффективного восстановления. Он состоит в том, чтобы, предварительно развернув структуру пораженной функции, заменить ее выпавшее звено другим, сохранным звеном и далее снова «свернуть» эту структуру, постепенно автоматизируя соответствующий процесс. Так, например, ранение передних отделов затылочной области коры может оставить сохранными элементарные зрительные функции, но вызвать полную неспособность читать, причем простое упражнение не дает заметного восстановления этого нарушения. Поэтому без применения специальных приемов такой дефект сохраняется иногда годами. Можно, однако, достаточно быстро восстановить утраченную способность чтения. Для этого оптико-моторное звено данной системы замещается звеном мануально-моторным: больного переобучают чтению путем обведения острием карандаша предъявляемых ему букв, затем путем «зрительного обведения»; через некоторое время система с перестроенным и восстановленным теперь звеном интериоризуется и ее функция приобретает вид обычного автоматизированного чтения[12].

При всем своеобразии, которое характеризует восстановление функций по сравнению с их развитием, оба этих процесса одинаково выражают их системное строение. Именно последнее делает возможной как компенсацию, основанную на замещении непосредственно пострадавшего элемента функции (так называемую внутрисистемную компенсацию), так и приспособление функций к новым задачам; не случайно поэтому, что понятию компенсации в настоящее время придается более широкое значение, так как успехи в изучении ее механизмов показали отсутствие какой-либо *принципиальной* разницы между перестройкой функций в патологических и нормальных условиях[13]. <...>

Возвратимся, однако, к поставленной более общей проблеме. Итак, психическое развитие человека на протяжении его общественной истории не вызывало морфологических изменений. Возникавшие психологические новообразования имели в качестве своих мозговых органов формирующиеся новые нервные «функциональные объединения посредством особой проторенности», которые вновь и вновь воспроизводились у людей каждого последующего поколения в результате специфического процесса присвоения ими человеческой действительности, человеческого бытия. Так происходило изменение высшего выражения природы человека — его духовных способностей и сил.

«Природа наша делаема» — это более всего относится к духовной природе человека, к природе его психики.

[12] См.: *Лурия А.Р.* Восстановление функций мозга после военной травмы. М.: Изд-во АМН СССР, 1948; *Лурия А.Р.* Психология и проблема перестройки мозговых функций // Изв. АН БССР. 1950. № 2.

[13] См.: *Анохин П.К.* Общие принципы компенсации нарушенных функций и их физиологическое обоснование. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1955.

Главный прогресс в развитии мозга, совершавшийся в период становления человека современного типа, по-видимому, заключался в том, что происходила постепенная кортикализация функции фиксации складывающихся динамических структур, т.е. передача коре — этому органу онтогенетического опыта — той роли, которую по отношению к накоплению видового биологического опыта играют подкорковые центры. Это и выражает физиологически то, что выше я описывал как свойственную человеку возможность прижизненно приобретать видовой опыт — опыт человеческих поколений. <...>

Если на уровне животных речь должна идти прежде всего об образовании наследственно закрепленных конструкций, то на уровне человека эти изменения воспроизводятся не путем биологического наследования, а в описанном выше процессе присвоения, который и составляет механизм социальной «наследственности». <...>

Итак, психика человека является функцией тех высших мозговых структур, которые формируются у него онтогенетически в процессе овладения им исторически сложившимися формами деятельности по отношению к окружающему его *человеческому* миру; та сторона развития людей, которая физиологически выражается в воспроизведении, изменении и усложнении этих структур у сменяющих друг друга поколений, и представляет собой процесс исторического развития психики.

Экспериментальное изучение генезиса и строения психических способностей и функций людей, формирующихся в процессе овладения ими достижениями общественно-исторического развития человечества в связи с изучением генезиса и строения соответствующих мозговых механизмов, означает собой распространение исторического подхода также и на область пограничных, психофизиологических исследований.

Такое изучение делает лишь первые свои шаги. Но уже и сейчас опыт анализа системного строения таких способностей, как способности слуха, вызываемые к жизни объективным бытием созданной человечеством действительности музыкальных звуков и действительности звуковой речи или способности специфически человеческого восприятия цвета, дает новое экспериментальное доказательство тому, что психические свойства человека, как общие, так и специальные, представляют собой не выявление неких биологически заложенных в нем особых свойств, наличие или отсутствие которых может быть только констатировано, но что эти свойства формируются в процессе развития и воспитания.

Этот опыт показывает, что знание законов процесса их формирования позволит сознательно управлять этим процессом и увереннее идти к цели — возможно более полному развитию способностей всех людей.

А.Р. Лурия

Пересмотр основных понятий*

Пересмотр понятия «функция»

Исследователи, пытавшиеся рассмотреть вопрос о «локализации» элементарных функций в коре головного мозга, пользуясь как методом раздражения, так и методом выключения ограниченных участков мозга, понимали «функцию» как отправление той или иной ткани.

Такое понимание, несомненно, правомерно. Совершенно естественно считать, что выделение желчи есть функция печени, а выделение инсулина — функция поджелудочной железы. Правомерно рассматривать и восприятие света как функцию светочувствительных элементов сетчатки глаза и связанных с нею нейронов зрительной коры, а генерацию двигательных импульсов — как функцию пирамидных клеток Беца.

Однако такое определение не исчерпывает понятия функции. Когда мы говорим о функции пищеварения или функции дыхания, понимание их как отправления строго определенной ткани недостаточно. Для осуществления акта пищеварения требуется доведение пищи до желудка, переработка ее под влиянием желудочного сока, участие в этом секретов печени, поджелудочной железы, далее необходимо сокращение стенок желудка и кишечника, проталкивание усваиваемого вещества по пищевому тракту и, наконец, всасывание расщепленных элементов пищи стенками тонкого кишечника.

Аналогично обстоит дело с функцией дыхания. Для реализации конечной цели дыхания необходимо участие сложного мышечного аппарата (мышц диафрагмы, межреберных мышц, позволяющих расширять и сужать объем грудной клетки) и управление этими движениями, осуществляемое сложнейшей системой нервных приборов ствола мозга и вышележащих образований. Легко видеть, что весь этот процесс осуществляется целой функциональной системой,

---

* *Лурия А.Р.* Функциональная организация мозга // Естественнонаучные основы психологии / Под ред. А.А. Смирнова, А.Р. Лурия, В.Д. Небылицына. М.: Педагогика, 1978. С. 112—115.

включающей многие звенья, расположенные на различных этапах секреторного, двигательного и нервного аппарата.

Такая «функциональная система» (термин, введенный и успешно разработанный П.К. Анохиным[1]) отличается не только сложностью своего строения, но и подвижностью входящих в ее состав частей.

Так, если конечный результат (доведение кислорода до альвеол с последующим его всасыванием в кровь) остается во всех случаях одинаковым (инвариантным), то путь, по которому осуществляется эта задача, может варьировать: если основная группа работающих при дыхании мышц диафрагмы перестает действовать, в работу включаются межреберные мышцы, а если и они почему-либо страдают, включаются мышцы гортани, и воздух доходит до альвеол легкого иными путями. Наличие постоянной (инвариантной) задачи, осуществляемой меняющимися (вариативными) средствами, доводящими процесс до постоянного (инвариантного) результата, — одна из основных особенностей работы каждой «функциональной системы».

Другая ее особенность — сложный состав, сложный набор афферентных и эфферентных импульсов.

Если уже наиболее сложные вегетативные и соматические процессы построены по типу таких «функциональных систем», то с еще большим основанием такое понимание функции можно отнести к актам поведения. С большой основательностью это доказано работами П.К. Анохина и Н.А. Бернштейна[2].

Это системное строение «функций» характерно не только для относительно простых поведенческих актов, но и для более сложных форм психической деятельности. Восприятие и запоминание, гнозис и праксис, речь и мышление, письмо, чтение, счет меньше всего являются изолированными «способностями», которые могут быть поняты как непосредственная «функция» ограниченных клеточных групп и «локализованы» в определенных участках мозга. Уже тот факт, что все они сформировались в процессе длительного исторического развития, являются социальными по своему происхождению и сложными, опосредствованными по своему строению, что все они опираются на сложную систему способов и средств[3], заставляет относиться к основным формам сознательной деятельности как к сложнейшим функциональным системам, а следовательно, и коренным образом изменить основной подход к их «локализации» в коре головного мозга.

---

[1] Анохин Петр Кузьмич (1898—1974) — российский нейрофизиолог и нейропсихолог, автор теории функциональных систем. — *Ред.-сост.*

[2] Бернштейн Николай Александрович (1896—1966) — российский нейрофизиолог и нейропсихолог; см. его тексты на с. 571—586; 587—607 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[3] См.: *Выготский Л.С.* Избранные психологические исследования. М., 1956; *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. М., 1960; *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1959; *Эльконин Д.Б.* Детская психология. М., 1960; *Гальперин П.Я.* Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. Т.1; *Запорожец А.В.* Развитие произвольных движений ребенка. М., 1960.

Пересмотр понятия «локализация»

Если элементарные отправления той или иной ткани имеют четкую локализацию в определенных клеточных группах, то о «локализации» сложных функциональных систем в ограниченных участках мозга или мозговой коры не может быть речи.

Даже такая функциональная система, как дыхание, как было сказано, включает весьма сложную и подвижную систему составных элементов. И эта сложность настолько велика, что уже И.П. Павлов[4], обсуждая вопрос о «дыхательном центре», должен признать, что «с самого начала думали, что это — точка с булавочную головку в продолговатом мозгу. Но теперь он чрезвычайно расползся, поднялся в головной мозг и спустился в спинной, и сейчас границы его точно никто не укажет...»[5]. Совершенно естественно, что с «локализацией» высших форм психической деятельности дело обстоит еще сложнее.

Высшие формы психических процессов имеют особенно сложное строение. Они складываются в процессе онтогенеза, представляя собой сначала развернутые формы предметной деятельности, которые лишь постепенно свертываются и приобретают характер внутренних умственных действий[6]. Как правило, они опираются на ряд внешних вспомогательных средств, сформированных в процессе общественной истории (таких как язык, разрядная система счисления), опосредствуются ими и без их участия вообще не могут быть поняты[7]. Они всегда связаны с отражением внешнего мира в процессе активной деятельности, и при отвлечении от этого факта их понимание теряет всякое содержание. Поэтому как сложные «функциональные системы» они не могут быть локализованы в узких зонах мозговой коры или в изолированных клеточных группах, а должны быть «размещены» в сложных системах совместно работающих зон, каждая из которых обеспечивает свою роль в осуществлении сложных психических процессов и которые могут находиться в различных, иногда далеко отстоящих друг от друга участках мозга.

Едва ли не наиболее существенными для такого понимания «локализации» психических процессов в коре головного мозга являются два факта, резко отличающие работу человеческого мозга от более элементарных форм работы мозга животного.

---

[4] Павлов Иван Петрович (1849—1936) — российский физиолог, лауреат Нобелевской премии (1904). — *Ред.-сост.*

[5] См.: *Павлов И.П.* Полн. собр. соч. Т. III. Кн. 1. С. 157.

[6] См.: *Выготский Л.С.* Избранные психологические исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956; *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960; *Гальперин П.Я.* Развитие исследований по формированию умственных действий // Психологическая наука в СССР. М., 1959. Т. 1.

[7] См.: *Выготский Л.С.* Избранные психологические исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956; *Выготский Л.С.* Развитие высших психических функций. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960.

Первый из них заключается в следующем: поскольку высшие формы сознательной деятельности человека, как показано Л.С. Выготским[8] и его учениками и последователями, всегда опираются на какие-либо внешние средства, эти последние, являющиеся исторически сформированными средствами, представляют собой существенные факторы установления функциональной связи между отдельными участками мозга. С их помощью участки мозга, которые раньше работали самостоятельно, становятся звеньями единой функциональной системы. Образно говоря, исторически сформировавшиеся средства организации поведения человека завязывают новые узлы в его мозговой деятельности, и именно наличие таких функциональных узлов, или, как некоторые называют их, «новых функциональных органов»[9], является важнейшей чертой, отличающей функциональную организацию мозга человека от мозга животного. Именно этот принцип построения функциональных систем человеческого мозга Л.С. Выготский называл принципом «экстракортикальной» организации сложных психических функций[10], имея в виду под этим не совсем обычным термином то обстоятельство, что формирование высших форм сознательной деятельности человека всегда осуществляется с опорой на ряд внешних вспомогательных орудий или средств.

Вторая отличительная черта «локализации» высших психических процессов в коре головного мозга человека заключается в том, что размещение их по мозговой коре никогда не является устойчивым, постоянным, но существенно меняется в процессе развития ребенка и на последовательных этапах упражнения.

Известно, что каждая сложная сознательная деятельность сначала носит развернутый характер и опирается на ряд внешних опорных средств и только затем постепенно сокращается и превращается в автоматизированный двигательный навык. Так, на первых этапах письмо опирается на припоминание графического образа каждой буквы и осуществляется цепью изолированных двигательных импульсов, каждый из которых обеспечивает выполнение лишь одного элемента графической структуры. Впоследствии же, в результате упражнения, такая структура процесса коренным образом меняется и письмо превращается в единую «кинетическую мелодию», переставая требовать каждый раз специального припоминания зрительного образа изолированной буквы или отдельных двигательных импульсов для выполнения каждого штриха. Аналогичные изменения происходят и при развитии других высших психических процессов.

Естественно, что при этом в ходе развития меняется не только функциональная структура данного процесса, но и его мозговая «локализация»:

---

[8] Выготский Лев Семенович (1896—1934) — отечественный психолог, создатель культурно-исторической теории развития высших психических функций; см. его тексты на с. 413—434 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[9] См.: *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959.

[10] См.: *Выготский Л.С.* Избранные психологические исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956.

участие слуховых и зрительных зон коры, необходимое на ранних этапах формирования данной деятельности, перестает быть необходимым на ее поздних этапах, и та же деятельность начинает опираться на иную систему совместно работающих зон[11].

В процессе онтогенеза меняется не только структура высших психических функций, но и их отношение друг к другу, иначе говоря — их «межфункциональная организация»[12]. Если на первых этапах развития сложная психическая деятельность опирается на свою более элементарную основу и зависит от базальной функции, то на дальнейших этапах она не только приобретает более сложную структуру, но и начинает осуществляться при ближайшем участии более высоких по своему строению форм психических процессов. Так, если маленький ребенок мыслит, опираясь на наглядные образы восприятия и памяти, иначе говоря — мыслит, припоминая, то на более поздних этапах — в юношеском или зрелом возрасте — отвлеченное мышление (функции отвлечения и обобщения) настолько развивается, что даже такие относительно простые процессы, как восприятие и память, превращаются в сложные формы познавательного анализа и синтеза и человек начинает воспринимать или припоминать размышляя.

Это изменение взаимоотношений между основными психическими процессами также не может оставлять неизменными соотношения основных систем мозговой коры, участвующих в реализации этих процессов. Если в раннем возрасте поражение какой-нибудь зоны коры, обеспечивающей относительно элементарные основы психической деятельности (например, зрительных отделов коры головного мозга), неизбежно вызывает в виде вторичного, «системного» эффекта недоразвитие более высоких, надстроенных над ней образований, то у зрелого человека, у которого сложные системы не только уже сформировались, но и стали оказывать решающее влияние на организацию более простых форм деятельности, поражение «низших» зон уже не имеет такого значения, которое оно имело на ранних этапах развития, а, наоборот, поражение «высших» зон приводит к распаду более элементарных функций, которые получили уже сложное строение и стали зависеть от наиболее высокоорганизованных форм деятельности.

Это положение, сформулированное Л.С. Выготским в правиле, согласно которому поражение определенной области мозга в раннем детстве влияет на более высокие зоны коры, в то время как поражение той же области в зрелом возрасте оказывает влияние на ее более низкие зоны, является одним из фундаментальных положений, внесенных в учение о «динамической локализации» высших психических функций советской психологической наукой.

Все сказанное заставляет коренным образом пересмотреть традиционные представления о «локализации» высших психических функций в коре головного

[11] См.: *Лурия А.Р.* Мозг человека и психические процессы: В 2 т. М., 1963/1970. Т. 1—2.

[12] См.: *Выготский Л.С.* Избранные психологические исследования. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956.

мозга: не «локализовать» их в ограниченных участках мозга, а тщательно проанализировать, какие группы совместно работающих мозговых зон обеспечивают выполнение сложных форм психической деятельности, какой вклад вносит каждая из этих зон в сложную функциональную систему и как меняется соотношение этих совместно работающих отделов мозга в осуществлении сложной психической деятельности на разных этапах ее развития. Решению этой задачи должно предшествовать тщательное изучение строения того психического процесса, мозговую организацию которого требуется установить, и выделение в нем тех звеньев (основных компонентов), которые в той или иной степени могут быть отнесены к определенным системам мозга. Только такая работа по уточнению функциональной структуры изучаемого процесса с выделением его составных компонентов и с дальнейшим анализом его «размещения» по системам головного мозга позволит решать вопрос о локализации психических функций в коре головного мозга.

5 *Кольцевая регуляция и уровни построения движений*

Н.А. Бернштейн

[Рефлекторное кольцо]*

Двигательная система позвоночных включает в себя: а) пассивную часть — жесткий сочлененный скелет и б) активную часть — поперечнополосатую мускулатуру со всем ее оснащением. Пассивный двигательный аппарат составляется из костных звеньев, располагающихся преимущественно вдоль оси органов (аксиально), а потому не обеспечивающих устойчивости системы без постоянного активного участия мускулатуры[1]. Эти звенья подвижно сочленены между собой, образуя так называемые *кинематические цепи*. Мышечные массивы, анатомическое членение которых на отдельные мускулы имеет по большей части чисто морфологическое основание, без существенной значимости для биодинамики, облекают эти аксиальные кинематические цепи снаружи, повинуясь в своем размещении также преимущественно причинам чисто морфогенетического порядка, поскольку (эта теорема очень легко доказывается) биодинамическое и решающе важное значение имеет расположение и направление концевых отрезков *мышечных сухожилий*, в то время как расположение *мышечных брюшков* не имеет никакого. В дальнейшем под скелетными кинематическими цепями

---

* *Бернштейн Н.А.* Физиология движения и активность. М.: Наука, 1990. С. 23—29, 34, 35, 382—389.

[1] Неокинетические двигательные системы <...> имеют место в филогенезе у членистоногих и позвоночных. У обоих этих классов животных они принесли с собой быструю и мощную подвижность, резко отличающую их от более древних, мягкотелых классов. Но задача устойчивости (статокинетическая проблема) решена у членистоногих и позвоночных принципиально по-разному. У первых скелеты звеньев облекают их снаружи, как панцири, не требуя мышечной активности для поддержания устойчивой позы. Это доказывается уже тем, что осторожно убитое насекомое (наркотизированное) не падает, как позвоночное. В связи с этим мышечная ткань членистоногих не несет статической нагрузки; она бедна саркоплазмой, грубо исчерчена и т.д.

Жесткие скелеты являются необходимым оборудованием для передачи динамических усилий быстрой и мощной поперечнополосатой мускулатуры. Почти единственное исключение представляет только бесскелетная поперечнополосатая мышца *сердца*, для которой заменою жесткого внешнего скелета служит гидродинамическое сопротивление, встречаемое ею в *несжимаемой жидкости крови*.

будут подразумеваться не одни только кости с их суставами, а подвижные органы, взятые в целом.

Мера взаимной подвижности двух звеньев кинематической цепи определяется в механике числом так называемых *степеней свободы подвижности и деформируемости.* Каждая степень свободы подвижности более или менее точно совпадает с отдельным, независимым направлением подвижности в том или другом суставе. Одноосные, например блоковидные, суставы обладают одной степенью; яйцевидные и седловидные суставы (соответствующие примеры: лучезапястный сустав и запястно-пястный сустав большого пальца руки) имеют по две, шаровидные суставы — по три степени свободы подвижности. Степени свободы подвижности характеризуют собой не размах или количественную меру подвижности (например, сгибаемости на большее или меньшее число градусов в сочленении), а качественную меру многообразия направлений и форм этой подвижности, которое может в некоторых случаях оказаться очень большим и при умеренных количественных амплитудах. Примерами могут служить: подвижность локтевой кости относительно плечевой, имеющая одну степень свободы, и деформируемость грудного отдела позвоночного столба, теоретически насчитывающая их 66.

Число степеней свободы взаимной подвижности звеньев кинематической цепи (или, иными словами, свободы деформируемости кинематической цепи) есть не что иное, как необходимое и достаточное число *независимых друг от друга координат*, которые должны быть назначены для того, чтобы поза органа оказалась вполне определенной. Так, например, для определения положения плеча относительно лопатки (при наличии у лопаточно-плечевого сочленения трех степеней свободы) необходимо и достаточно назначить три координаты (например, координаты сгибания — разгибания, приведения — отведения, продольной ротации). Очень важно отметить, что количество степеней свободы цепи не зависит от выбора той или иной системы координат или обозначений, т.е. является объективно присущим самой цепи. Заметим еще, что число степеней свободы деформации многозвенной цепи либо равно сумме чисел степеней свободы всех ее сочленений (так называемые незамкнутые цепи), либо несколько меньше ее (замкнутые цепи).

Подвижности кинематических цепей человеческого тела огромны и исчисляются десятками степеней свободы. Подвижность запястья относительно лопатки и подвижность предплюсны относительно таза насчитывают по 7 степеней, кончика пальца относительно грудной клетки — 16 степеней. Обладание подвижными пальцами обогащает подвижность и деформируемость руки по сравнению с передней конечностью, например, однокопытных четвероногих на 22 добавочных степени. Для сравнении укажем, что преобладающее большинство машин, работающих без непрерывного управления человеком, обладает при всей кажущейся сложности рычажных и шестеренных кинематических цепей *всего одной степенью свободы*, т.е. тем, что носит название *вынужденного дви-*

жения: например, многоцилиндровый дизель или газетопечатная ротационная машина. Две степени встречаются редко (например, центробежные регуляторы), три степени совершенно неупотребительны — настолько бурно возрастает сложность управления кинематическими цепями с прибавлением новых степеней свободы. Теоретически шестью степенями свободы обладает летящий снаряд (пушечное ядро, пуля, мина) — предмет изучения внешней баллистики. Здесь необходимо отметить: а) очень большую неточность управления его полетом и попаданием и б) необходимость пристрелки и корректировки, к чему мы еще вернемся ниже.

Указанное первое резкое отличие кинематических цепей живого тела от искусственных машин должно быть самым выразительны образом подчеркнуто.

Отсутствие в искусственных машинах кинематических цепей с многими степенями свободы объясняется чрезвычайно большими трудностями управления движениями таких цепей. Самая основная из них состоит вот в чем. *Одна степень* свободы характеризует при любой сложности и многозвенности кинематической цепи так называемый *вынужденный тип движения*. Это значит, что в подобной системе каждая из ее подвижных точек неотрывно привязана к одной определенной траектории. Эта траектория может обладать любой формой, простой или сложной; точка имеет возможность двигаться по ней вперед или назад, быстрее или медленнее и т.д., но сам по себе путь движения для нее предрешен. Появление у системы еще хотя бы одной степени свободы сверх первой означает переход от одной траектории для каждой точки не к нескольким или даже многим, а к целому участку некоторой *поверхности*, по которой точка с двумя степенями свободы получает возможность двигаться абсолютно любым образом по *бесчисленному множеству* равнодоступных траекторий. Так, например, кончик пера, пока он не отрывается от поверхности бумаги, обладает двумя степенями свободы; при этом, очевидно, разнообразие доступных ему траекторий совпадает с разнообразием всего того, что когда-либо могло быть или было написано и нарисовано пером на листе бумаги.

Таким образом, переход от одной степени свободы, т.е. от вынужденного типа подвижности, к двум или нескольким степеням знаменует собой возникновение необходимости *выбора* или *трассирования* траектории движения. Живой организм всегда имеет возможность *обосновать* свой выбор и планировку той или другой траектории; для машины же необходимо в подобном случае предусмотреть специальное *устройство, способное целесообразно обеспечить* такого рода *выбор*, иначе движение будет обречено на хаотичность. Примером устройства указанного характера может служить автоматический гиропилот. Подвижность судна (рассматриваемого как материальная точка) на поверхности моря имеет как раз две степени свободы; гиропилот обеспечивает выбор среди бесконечного количества разновозможных для корабля траекторий той из них, которая отвечает заданному компасному курсу.

Следовательно, как вытекает из всего рассмотренного выше, между одной и несколькими степенями свободы имеет место очень важный принципиальный качественный скачок. Крайняя редкость в технике невынужденных подвижных систем объясняется прежде всего именно трудностями устройств для *автоматического непрерывного целесообразного выбора.* Кроме того, при многих степенях свободы у системы суммируются, конечно, и погрешности, приносимые каждой из степеней свободы; при большом количестве последних суммарная ошибка сможет вырасти до такой величины, которая покроет все преимущества, в принципе создаваемые богатым разнообразием подвижности сложной цепи. Например, если каждая из степеней свободы руки и пальца пианиста, сидящего за инструментом, даст погрешность всего в 1 угл. град., то, суммируясь, эти погрешности смогут дать отклонение кончика пальца на 5—6 см (хотя по отдельным звеньям, например, пальцевых фаланг, составляющие погрешности не превысят при этом 0,05 см), т.е. вызовут промахивание на терцию или кварту. Необходимо еще принять в расчет неизбежную кумуляцию погрешностей во времени, не устранимую никакой феноменальной точностью первоначальной пригонки движущихся частей, к тому же в кинематических цепях живого тела позвоночных заведомо не очень высокой.

Еще более существенное значение имеют *осложнения динамические.* В сложной кинематической цепи, каждое звено которой обладает известной тяжелой и инертной массой, всякая сила, возникающая в одном из звеньев, тотчас же вызывает целую систему *реактивных* или отраженных сил, передающихся на все остальные звенья. Это взаимное влияние звеньев цепи друг на друга во всех мыслимых сочетаниях создает в общей совокупности огромное количество силовых взаимодействий, совершенно необозримое математически и представляющее непреодолимые трудности для аналитического решения. Эти реактивные силы наслаиваются на те силы, которые находятся в распоряжении организма для управления движениями системы, и на внешние силы, подвластные ему всегда лишь в большей или меньшей степени, и делают общую динамическую картину движения цепи чрезвычайно осложненной, а главное — практически *непредусмотримой* из-за их крайней механической запутанности. Сделать движение многозвенной цепи *точным* все-таки возможно, хотя бы в теории, для этого достаточно повысить в неимоверной степени точность пригонки ее частей друг к другу. Сделать такую многозвенную цепь *послушной* невозможно принципиально, потому что никакая теория не в состоянии управиться с бурно возрастающим изобилием и сложностью реактивных сил и взаимодействий между звеньями цепи. Для такой системы, как, например, рука, удается определить математически лишь самый начальный момент ее движения под действием той или иной мышцы. Установить, как потечет движение дальше, оказывается уже неразрешимой задачей.

Для того чтобы *статически* зафиксировать позу сложной кинематической цепи, необходимо закрепить каждую из имеющихся у нее степеней свободы

независимыми друг от друга связями, по одной на каждую степень. Роль этих связей в организме позвоночного большей частью исполняют мышцы, реже и в известном проценте — внешние силы. Совершенно аналогичное положение создается *и в динамике.*

Как бы сложна ни была кинематическая цепь, ее движение всякий раз оказывается хотя и не предусмотримым заранее, но, очевидно, совершенно определенным и потенциально доступным сколь угодно точному динамическому анализу *post factum* [после сделанного или после того, как что-либо уже произошло (*лат.*). — *Ред.-сост.*]. Следовательно, при как угодно обусловленном движении любой кинематической цепи равнодействующие всех приложенных к ней сил и моментов фактически свяжут все степени свободы ее элементов, кроме одной для каждого, — той, по которой в действительности совершилось подвергшееся наблюдению движение. Таким образом, если, кроме статических сил, принять в расчет и все динамические, то можно трактовать любое движение какой угодно цепи как *динамически вынужденное*, причем место недостающих связей для закрепления избыточных степеней свободы занимают динамические силы, внутренние и внешние. От этого, однако, не получается много проку. Спора нет, что совокупность всех действующих сил, и внутренних, и реактивных, и внешних, свяжет все избыточные степени свободы звеньев и поведет эти последние по каким-то вполне определенным траекториям, но только траектории эти имеют все основания оказаться не теми, которые нам нужны.

Очевидно, мы вправе назвать кинематическую цепь *управляемой* только в том случае, если мы в состоянии *назначить* определенные, желательные для нас траектории (и скорости) движения для каждого из элементов цепи и *заставить* эти элементы двигаться по назначенным им путям. А для этого нужно, чтобы мы всегда располагали реальными средствами для связывания избыточных степеней свободы такой цепи, т. е. так или иначе имели в повиновении всю совокупность тех сил, которые возникают и разыгрываются при движении цепи. *В этом преодолении избыточных степеней свободы движущегося органа, т.е. в превращении последнего в управляемую систему*, как раз и заключается основная задача *координации* движений.

Трудность, зависящая от того, что у организма всякий раз оказывается в повиновении только небольшая часть всех тех сил, равнодействующие которых обусловливают движения цепи, сама по себе уже очень велика, особенно если принять во внимание ту щедрость, с какой организм наделяет свои кинематические цепи степенями свободы. Уже одна эта «беззаботность» к количеству степеней свободы должна бы подсказать, что свойственный ему принцип управления в корне отличается от знакомых нам в настоящее время по искусственным сооружениям. И, несмотря на это, в течение долгих десятилетий развития нервной физиологии держалось (а в учебниках и до настоящего времени держится) убеждение, что зависимость между мышечным напряжением и движением столь же проста, пряма и однозначна, как, например, зависимость между движениями

поршня паровозного цилиндра и вращениями ведущего колеса. К сожалению, в фактическом материале биодинамики мы имеем множество случаев, когда на всем протяжении кинематической цепи включены *только сгибательные мышцы*, а при этом все сочленения этой цепи испытывают *только разгибательные угловые ускорения*, или наоборот. Случаи же, когда мышца, переброшенная через сочленение *A*, вызывает угловые ускорения во всех прочих сочленениях *B, C, D*... и т.д. кинематической цепи, резко преобладают над случаями, когда она этого не делает. <...> И вот, как будто для того, чтобы, наконец, пробудить наше внимание и заставить всмотреться в реальный координационный процесс, природа нагромождает на осложнения, связанные с огромной свободой подвижности скелетных кинематических цепей, еще одну трудность, в свою очередь намного осложняющую проблему центрального управления движением. Эта новая трудность в том, что двигателями кинематических цепей организма служат *упругие тяжи*, перекинутые между звеньями, — скелетные мышцы.

Дело в том, что поперечнополосатая мышца представляет собой своеобразно упругое образование, хотя и не дающее прямой пропорциональности между приростами длин и приростами напряжений, но тем не менее характеризуемое для каждого из своих физиологических состояний вполне определенной кривой зависимости между обеими этими величинами. Иными словами, напряжение мышцы (или, что одно и то же, развиваемое ею усилие) есть функция сразу двух переменных: ее физиологического состояния и ее наличной длины. Полная картина зависимости между эффекторным процессом или физиологическим состоянием мышцы, с одной стороны, и развиваемым ею напряжением — с другой, может быть представлена только в виде целого семейства кривых (рис. 1). Каждая кривая подобного семейства изображает то или другое физиологическое состояние мышцы[2]; каждая точка такой кривой — степень напряжения как функцию длины при этом физиологическом состоянии. Посылая в мышцу какую-то определенную совокупность импульсов, центральная нервная система назначает этим одну из кривых упомянутого семейства, но, как это легко понять, отсюда еще очень далеко до того, чтобы определилась та или другая точка на этой кривой, т.е. фактически развиваемое мышцей усилие. Итак, получается, что из всей совокупности сил, определяющих движение сложной кинематической цепи, — сил внутренних, реактивных и внешних — организму хотя в некоторой мере подвластна только первая категория сил; но, как мы сейчас убеждаемся, и по отношению к этим внутренним силам нет и не может быть однозначной зависимости между эффекторным процессом и возникающей за счет его силой. При той же самой импульсации она может оказаться двадцать раз подряд совершенно разной в зависимости только от позы (и скорости деформации) кинематической цепи — от переменных, которые, в свою очередь, в очень многом зависят от не подвластных организму внешних и реактивных сил.

[2] То есть функцию процентного количества активно работающих мионов, качества включенных в работу мионов, параметров возбудимости каждого из них и т.д.

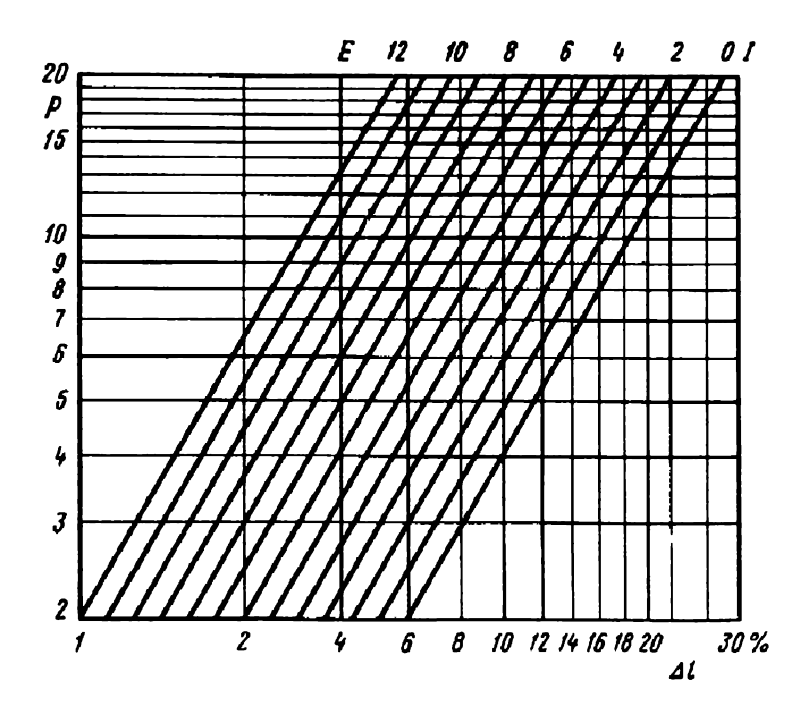

Рис. 1. Семейство линий зависимости между мерой возбуждения, длиной и напряжением мышцы (схема)

Линии *0—12* соответствуют постепенному нарастанию механической меры возбуждения мышцы от полной денервации (*I*) до наивысшей дозы возбуждения (*E*); по абсциссам отложены (по логарифмической шкале) процентные изменения длины мышцы по отношению к максимальному сокращению, принятому за 1; по ординатам также в логарифмическом масштабе — приросты напряжения *P*. Подробности в тексте

На самом деле положение еще сложнее, чем это казалось до сих пор. Напряжение, развиваемое мышцей, так или иначе входит составной частью в систему тех сил, которые вызывают перемещения и деформации кинематической цепи. При деформации цепи смещаются и точки прикрепления концов мышцы к костям, т.е. происходит вторичным порядком изменение ее длины в ту или другую сторону[3]. Таким образом, изменение напряжения мышцы изменяет ее наличную длину, а это изменение длины вызывает, в свою очередь, изменение напряжения мышцы. Здесь имеет место кольцевая взаимозависимость причин и следствий, выражаемая на языке математики дифференциальными уравне-

[3] Из этого вывода, как заметит внимательный читатель, следует, что сокращение мышцы есть не причина движения, а его следствие. При всей кажущейся парадоксальности это заключение верно, и действительная последовательность причин и следствий здесь такова: 1) изменение напряжения мышцы; 2) смещение костей с находящимися на них точками прикрепления концов мышцы; 3) изменение длины мышцы. Точно так же, например, расширение пара в паровом цилиндре есть не причина, а следствие движения поршня, в то время как причиной этого движения является давление пара.

ниями второго порядка[4]. Мы обозначаем эту кольцевую зависимость как *периферический цикл взаимодействий.*

Итак, между мышечным напряжением и результирующим движением нет и не может быть однозначной зависимости; здесь имеет место *принципиальная неопределенность*[5]. В этом факте — второе капитальное различие между механикой живого организма позвоночного и механикой искусственных сооружений. <...>

Путь, найденный природой к преодолению охарактеризованных трудностей, прямо подсказывается тем фактом двоякой обусловленности мышечных напряжений, который мы выше интерпретировали посредством семейств кривых (см. рис. 1). Раз при данном физиологическом состоянии мышцы напряжение ее зависит от ее наличной длины (мы пока отвлекаемся от осложняющего влияния мышечной вязкости, которое принципиально не меняет дела), значит, центральная нервная система будет реально в состоянии придать мышце то или иное требующееся напряжение в том и только в том случае, если она будет в курсе этой наличной длины мышцы и всех претерпеваемых ею изменений. Решение вопроса о неоднозначности лежит в использовании для регулирования эффекторного процесса *сенсорных сигналов* о позе кинематической цепи и о мере растяжения каждой из влияющих на ее движения мышц. Далее уже легко представить себе, что при наличии такого непрерывно текущего потока сигналов с периферии центральной нервной системе в принципе нетрудно справиться с любой расточительностью по части степеней свободы подвижности. Действительно, как только орган, находящийся под действием внешних и реактивных сил, плюс еще какая-то добавка внутренних мышечных сил отклонится в своем результирующем движении от того, что входит в намерения центральной нервной системы, эта последняя получит исчерпывающую сигнализацию об этом отклонении, достаточную для того, чтобы внести в эффекторный процесс соответственные адекватные поправки. Весь изложенный принцип координирования заслуживает поэтому названия *принципа сенсорных коррекций*[6]. <...>

Все виды афферентации организма принимают в разных случаях и в разной мере *участие в осуществлении сенсорных коррекций.* Иными словами: каждому виду и

---

[4] Указанная кольцевая взаимозависимость еще несколько осложняется тем обстоятельством, что при движениях в сочленении изменяется угол между осью мышцы и осями соединенных с ней костных звеньев, т.е. изменяется плечо рычага, входящее сомножителем в выражение вращающего силового момента мышцы. Вследствие этого уравнение, которое должно выражать зависимость между мышечным силовым моментом и движением, становится более сложным, и его уже не удается представить в виде простого дифференциального уравнения второго порядка, который оно имело бы без указанного добавочного осложнения.

[5] *Неопределенность не означает неопределимости.* Последнее выражение обозначало бы отрицание причинности; первое выражает лишь *отсутствие однозначности* (сравнить, например, термин «неопределенные уравнения»).

[6] В моторике животных — носителей гладкой мускулатуры — принцип сенсорных коррекций не играет ощутимой роли, что очень характерным образом отражается в их движениях: а) преимущественно метамерных и б) хаотически ощупывающих.

качеству чувствительности доводится в очередь с ее основной экстероцептивной (иногда и энтероцептивной) работой выполнять функции наблюдения за движениями собственного тела и сигнализировать о них в центральную нервную систему в порядке выполнения сенсорных коррекций. Используя и далее терминологию Шеррингтона[7], мы назовем всю совокупность рецепторных отправлений этого рода *проприоцепторикой в широком, или функциональном, смысле*. Однако сам основной факт, в первую очередь требующий подобного корригирования, — факт зависимости мышечного напряжения от длины мышцы — говорит о том, что самое первоочередное и непосредственное участие в реализации этих коррекций *принимает проприоцептивная система* в узком смысле слова — система сенсорных сигналов о позах, сочленовных угловых скоростях, мышечных растяжениях и напряжениях. <...>

В своих работах о построении движений и частично в предыдущих очерках этой книги я подробно останавливался на причинах, создающих биодинамическую необходимость организованных по кольцевому принципу механизмов двигательной координации, и на некоторых обнаруженных наблюдением чертах тех физиологических процессов контрольного взаимодействия, которые обеспечивают кординационное руководство движением при посредстве сенсорных синтезов разных уровней построения. Там было показано, какое огромное место в ряду непредусмотримых и практически неподвластных сил, требующих непрерывного восприятия и преодоления, занимают наряду с внешними силами *реактивные* силы, неизбежно возникающие при движениях в многозвенных кинематических цепях органов движения и усложняющиеся в огромной прогрессии с каждым лишним звеном сочленовной цепи и с каждой новой степенью свободы подвижности. Не затрагивая здесь более этой чисто биодинамической стороны проблем, обратимся к вопросу, оставшемуся в тени в названных выше работах, но все более назревающему в ходе современного развития физиологической мысли. Если двигательная координация есть система механизмов, обеспечивающая *управляемость* двигательного аппарата и позволяющая утилизировать с уверенностью всю его богатую и сложнейшую подвижность, то что можно сказать к настоящему времени о путях и механизмах самого *управления* двигательными актами? В каких отношениях могут уловимые для нас в настоящее время закономерности этого управления оказаться полезными для интересов прикладной кибернетики (бионики) и какие из сторон или свойств этих закономерностей отсеются как наиболее специфические для нервных систем высших животных и человека и поэтому наиболее способные осветить ту пропасть, которая пока еще (и, видимо, надолго) качественно разделяет достижения автоматики от реализующейся в двигательных актах жизнедеятельности высокоразвитых организмов?

Предварительно нужно вкратце остановиться на некоторых вопросах терминологии и попытаться систематизировать известные на сегодняшний день принципиальные схемы саморегулирующихся устройств (в дальнейшем для

---

[7] Шеррингтон (*Sherrington*) Чарлз Скотт (1859—1952) — английский физиолог, лауреат Нобелевской премии (1932). — *Ред.-сост.*

краткости мы будем обозначать этот термин первыми буквами — СУ) с интересующих нас проблемных позиций.

Все системы, саморегулирующиеся по какому-либо параметру, постоянному или переменному, обязаны, как минимум, содержать в своем составе следующие элементы:

1) *эффектор* (мотор), работа которого подлежит регулированию по данному параметру;

2) *задающий элемент*, вносящий тем или другим путем в систему требуемое значение регулируемого параметра;

3) *рецептор*, воспринимающий *фактические* текущие *значения* параметра и сигнализирующий о них каким-либо способом в прибор сличения;

4) *прибор сличения*, воспринимающий *расхождение* фактического и требуемого значений с его величиной и знаком;

5) *устройство, перешифровывающее* данные прибора сличения в коррекционные импульсы, подаваемые по обратной связи на регулятор;

6) *регулятор*, управляющий по данному параметру функционированием *эффектора*.

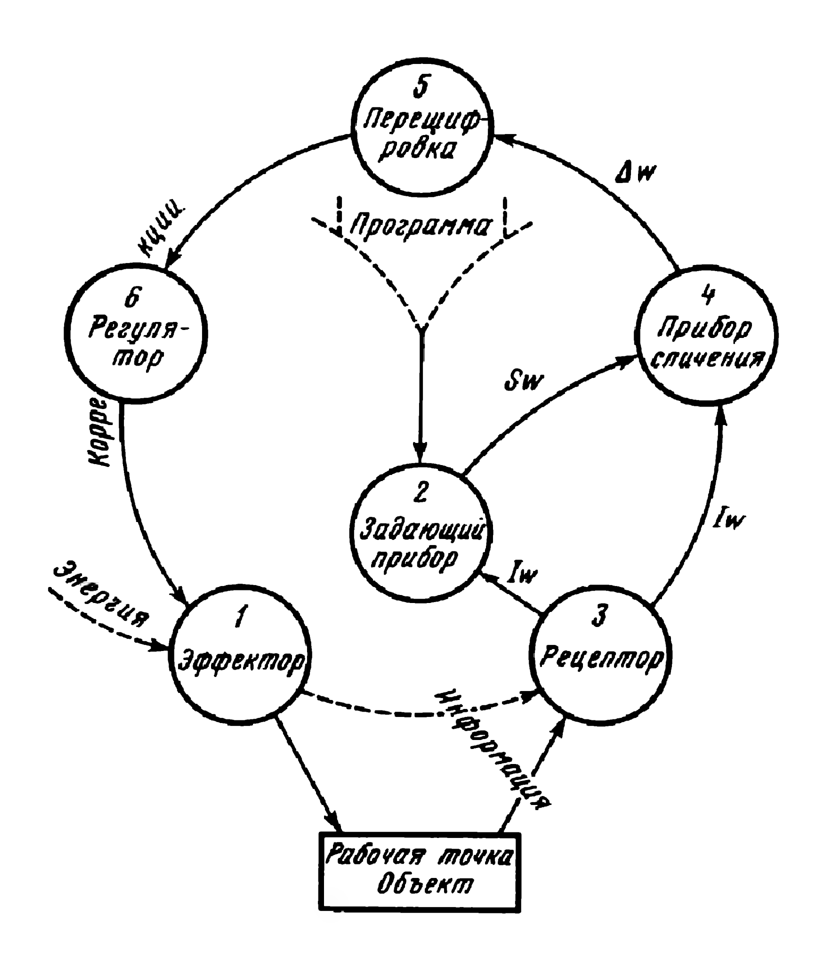

Рис. 2. Простейшая блок-схема аппарата управления движениями

Вся система образует, таким образом, замкнутый контур взаимодействий, общая схема которого дана на рис. 2. Между перечисленными элементами нередко бывают включены не имеющие принципиального значения вспомогательные устройства: усилители, реле, сервомоторы и т.п.

Для значений регулируемого параметра очень удобными представляются краткие термины, применяемые немецкими авторами; ими целесообразно пользоваться и у нас. *Требуемое* значение будет в последующем тексте обозначаться *Sw* (от немецкого *Sollwert*), *фактическое* значение — *Iw* (*Istwert*), *расхождение* между тем и другим, воспринимаемое элементом *4*, точнее говоря, избыток или недостаток *Iw* над *Sw* (*Iw* – *Sw*) — символом Δ*w*.

В примере, приводимом Винером по идее его партнера Розенблюта, координационное управление жестом взятия видимого предмета со стола рассматривается как непрерывная оценка уменьшения того куска пути, какой еще остается пройти кисти руки до намеченного предмета. При всей правомерности обозначения места предмета как *Sw*, текущего положения кисти — как *Iw*, а планомерно убывающего расстояния между ними — как переменной Δ*w* = (*Iw* – *Sw*) я должен пояснить здесь же, что и выше, и в дальнейшем рассматриваю координационный процесс в ***микроинтервалах*** пути и времени, опираясь на данные, собранные за годы работы моей и моих товарищей. Поэтому в рамках настоящего очерка я рассматриваю как переменный *Sw* ***весь непрерывный запланированный путь, или процесс движения*** органа, а как *Iw* — фактически текущие координаты последнего. В связи с этим Δ*w* в настоящем контексте — это пороговомалые отклонения, корригируемые более или менее исправно ***по ходу движения***. Примером их могут служить отклонения линии, проводимой от руки карандашом или острием планиметра, от начерченной линии, которую требуется обвести. В нашем смысле, следовательно, Δw есть не планомерно убывающая макродистанция, а колеблющаяся, то возникающая, то погашаемая с тем или иным успехом малая величина переменного знака и направления.

Центральным командным постом всей кольцевой системы СУ является, конечно, ее задающий элемент *2*. По характеру задаваемого им *Sw* все мыслимые виды СУ разделяются на два больших класса: СУ с фиксированным, постоянным значением *Sw* (так называемые стабилизирующие системы) и СУ с меняющимися по тому или другому принципу значениями *Sw* (следящие системы). Закон хода изменений задаваемого *Sw* принято именовать программой функционирования СУ. Смена последовательных этапов реализации программ может быть скачкообразной или непрерывной и являться в разных случаях функцией времени, пути рабочей точки мотора — эффектора, промежуточного результативного этапа и т. д. В наиболее сложных и гибких системах могут переключаться, сменяя одна другую, и сами программы.

Наиболее примитивные по своим функциям ***стабилизирующие системы*** представляют в нашем аспекте наименьший интерес, хотя напоминающие их по типу рефлекторно-кольцевые регуляции можно встретить и среди физиоло-

гических объектов. Технические примеры подобных систем многочисленны, начиная с центробежного регулятора скорости паровых машин, изобретенного еще Уаттом. Биологическим примером может служить прессо-рецепторная система стабилизации артериального давления, подробно экспериментально изучавшаяся с этой точки зрения Вагнером (1954). Двигательный аппарат организма во всех своих отправлениях и по самому существу биодинамики двигательных процессов организован по принципу СУ *следящего типа* с непрерывной программной сменой последовательных регуляционных *Sw* в каждом конкретном случае того или иного движения.

Все элементы простейшей схемы кольцевого управления, содержащиеся в нашем перечне и в составе чертежа (см. рис. 2), обязательно должны иметься в том или другом виде и в органических регуляционных системах, в частности в системе управления движениями. Наши познания об этих структурных элементах живого двигательного аппарата очень неравномерны. О физиологических свойствах и даже о нервных субстратах элементов *5* и *6* мы совершенно ничего не знаем. Движущие элементы *1*, моторэффекторы наших движений — скелетные мышцы, наоборот, принадлежат к числу объектов, наиболее глубоко и обстоятельно изученных физиологией и биофизикой. Работа элемента *3* схемы — рецепторного комплекса — изучена подробно, но односторонне <...> и в нашем аспекте содержит в себе еще чрезвычайно много невыясненных сторон. Здесь я попытаюсь подытожить в последовательном порядке то, что можно высказать как утвердительно, так и предположительно (с порядочной степенью вероятности) о физиологическом облике элементов *2*, *4* и *3* схемы управления двигательными актами, и попутно постараюсь отметить как очередные в этой области те вопросы, к которым мы уже подходим вплотную, но которые еще очень далеки сейчас от своего решения. Начать этот обзор следует с «командного пункта» схемы — с задающего элемента *2*.

Каждое осмысленное, целенаправленное движение возникает как ответ на двигательную задачу, определяющуюся прямо или косвенно совокупной ситуацией. В том, каким именно двигательным актом индивид (животное или человек) наметит решение этой задачи, заложен и корень той или другой программы, которая будет реализоваться задающим элементом. Что же представляет собой такая программа управления движением и чем она управляется в свою очередь?

В книге «О построении движений» (1947) я подробно останавливался на том, как возникают и как возвратно действуют на движение сенсорные коррекции. Здесь надлежит коснуться другого вопроса: *что именно* они корригируют и *что* может направлять ход и сущность этого корригирования.

Наблюдение над простейшими движениями из категории «холостых» (проведение прямой линии по воздуху, показ точки и т.п.) может создать впечатление, что ведущим принципом программной смены *Sw*, по которым реализуются коррекции движения, является геометрический образ этого движения:

соблюдение прямолинейности, если требовалось провести прямую, соблюдение направления, если нужно было показать пальцем точку, и т. д. Между тем в таком суждении содержится ошибка принятия частного за общее. В названных видах движений корригирование действительно ведется по геометрическому образу, но только потому, что именно в этом и заключается здесь поставленная задача. Уже во втором из наших примеров геометрический ведущий элемент движения сжимается в одну точку в поле зрения, и достаточно познакомиться с циклографическими записями движений показа пальцем точки, выполненных с оптимальной точностью и ловкостью, чтобы убедиться, что *N* повторных жестов одного и того же субъекта было выполнено по *N* не совпадающих между собой траекторий, собирающихся, как в фокус, только близ самой целевой точки показа. Значит, геометрический принцип корригирования ограничивается тем возможным по смыслу минимумом протяжения движения, который существенно необходим, уступая в остальных частях движения место каким-то другим ведущим принципам. А в том, что они, несомненно, имеются в каждом микроэлементе жеста показа, убеждает уверенность и быстрота его протекания (сравните с жестом атактика[8]!), а также завершение его безупречным попаданием в цель.

Ошибка «принятия частного за общее» становится очевидной, как только мы переключимся от движений, геометрических по смыслу задания, к двигательным актам других типов. Если взять под наблюдение относительно простые целевые двигательные акты из числа тех, которые повторяются много раз и в связи с этим поддаются так называемой автоматизации, то можно убедиться, что обусловливающая их двигательная задача (обычная или спортивная локомоция, трудовой процесс и т.п.) начинает разрешаться достаточно удовлетворительно во много раз раньше, чем движение автоматизируется и стабилизируется до значительной геометрической стандартности повторений, в очень многих случаях уже с первых проб. Таким образом, кинематический двигательный состав акта, его геометрический рисунок, отнюдь не является той обязательной инвариантой, которая обусловливала бы успех выполняемого действия. Если же от простейших и часто повторяемых двигательных актов перейти к более сложным, нередко цепным, предметным действиям, связанным с преодолеванием внешних переменных условий и сопротивлений, то широкая вариативность двигательного состава действия становится уже всеобщим правилом.

Неизбежен вывод, что, говоря макроскопически о программе двигательного акта в целом, мы не находим для нее другого определяющего фактора, нежели образ или представление того результата действия (концевого или поэтапного), на который это действие нацеливается осмыслением возникшей двигательной

[8] *Атактик* — больной, страдающий атаксией, т.е. нарушением движений, проявляющимся в расстройствах их координации. — *Ред.-сост.*

задачи. Как именно, какими физиологическими путями может образ предвидимого или требуемого эффекта действия функционировать как ведущий определитель двигательного состава действия и программы отправлений задающего элемента, — это вопрос, на который еще и не начал намечаться сколько-нибудь конкретный и обоснованный ответ. Но какой бы вид двигательной активности высших организмов, от элементарнейших действий до цепных рабочих процессов, письма, артикуляции и т.п., ни проанализировать, нигде, кроме смысла двигательной задачи и предвосхищения искомого результата ее решения, мы не найдем другой ведущей инварианты, которая определяла бы от шага к шагу то фиксированную, то перестраиваемую на ходу программу осуществления сенсорных коррекций.

Привлечение мной для характеристики ведущего звена двигательного акта понятия образа или представления результата действия, принадлежащего к области психологии, с подчеркиванием того факта, что мы еще не умеем назвать в настоящий момент физиологический механизм, лежащий в его основе, никак не может означать непризнания существования этого последнего или выключения его из поля нашего внимания. В неразрывном психофизиологическом единстве процессов планирования и координации движений мы в состоянии в настоящее время нащупать и назвать определенным термином психологический аспект искомого ведущего фактора, в то время как физиология, может быть, в силу отставания ее на фронте изучения движений <...> еще не сумела вскрыть его физиологического аспекта. Однако *ignoratus* [не знаем (*лат.*). — *Ред.-сост.*] не значит *ignorabimus* [не узнаем (*лат.*). — *Ред.-сост.*]. Уже самое название настоящего очерка [«Назревшие проблемы регуляции двигательных актов». — *Ред.-сост.*] подчеркивает, что его задачей в большей мере было поставить и заострить еще не решенные очередные вопросы, нежели ответить на поставленные раньше.

В 8-й главе упомянутой книги был дан подробный разбор того, как и под действием каких причин оформляется и стабилизируется двигательный состав многократно выполняемого действия при образовании так называемого двигательного навыка путем упражнений. В порядке короткого извлечения следует подчеркнуть здесь, что даже в таких однообразно повторных актах изменчивость двигательного рисунка и состава вначале бывает очень большой, и более или менее фиксированная программа находится, а тем более осваивается упражняющимся не сразу.

Самая суть процесса упражнения по овладению новым двигательным навыком состоит в постепенно ведущем к цели искании оптимальных двигательных приемов решения осваиваемой задачи. Таким образом, правильно поставленное упражнение повторяет раз за разом не то или другое *средство решения* двигательной задачи, *а процесс решения* этой задачи, от раза к разу изменяя и совершенствуя средства. Сейчас уже для многих очевидно, что «упражнение есть своего рода повторение без повторения» и что двигательная тренировка, игнорирую-

щая эти положения, является лишь механическим зазубриванием — методом, давно дискредитированным в педагогике[9].

Несколько более конкретно можно высказаться относительно *микроструктуры* управления непрерывно текущим двигательным процессом. В какой бы форме ни конкретизировался ход перешифровки общей ведущей директивы образа предвосхищаемого решения в детализированные элементы *Sw* направления скорости, силы и т.д. каждого предельно малого (точнее, пороговомалого — см. ниже) отрезка движения, неоспоримо, что в низовые инстанции задающего комплекса поступают именно раздетализированные подобным микроскопическим образом *Sw*. Нужно отметить, что столкновение каждой текущей проприоцепции (в широком или функциональном смысле понятия) с очередным мгновенным направляющим значением *Sw* выполняет минимум три различные, одинаково важные для управления нагрузки.

Во-первых, та или иная мера расхождения между *Iw* и *Sw* (Δw) определяет, проходя через кольцевую схему, те или другие коррекционные импульсы. Об этой стороне процесса скажем более подробно при обсуждении «элемента сличения» *4*. Во-вторых, в рецепции — информации о том, что такой-то очередной пункт реализации двигательного акта достигнут, содержится и побудительная импульсация к переводу или переключению *Sw* на следующий очередной микроэлемент программы. Эта сторона функционирования более всего напоминает то, что обозначается П.К. Анохиным термином «санкционирующая афферентация»[10].

Наконец, в этой же текущей рецепции содержится и третья сторона, по-видимому, одно из тех явлений, которые всего труднее поддадутся модельному воспроизведению. В каждом двигательном акте, связанном с преодолеванием внешних неподвластных и изменчивых сил, организм беспрестанно сталкивается с такими нерегулярными и чаще всего непредвидимыми осложнениями, сбивающими движение с намеченной программой дороги, которые невозможно или крайне нецелесообразно осиливать коррекционными импульсами, направленными на восстановление во что бы то ни стало прежнего плана движения. В этих случаях рецепторная информация действует как побудитель к приспособительной перестройке самой программы «на ходу», начиная от небольших, чисто технического значения переводов стрелки движения на иную, рядом пролегающую трассу и кончая качественными реорганизациями программы, изменяющими самую номенклатуру последовательных элементов и

[9] В спортивно-гимнастических упражнениях двигательный состав (так называемый стиль) входит как неотъемлемая часть в смысловую сторону осваиваемой задачи. Поэтому здесь необходима пристальная забота тренера об определенном оформлении и быстрейшей стабилизации двигательного состава у учащегося, но это ни в чем не противоречит высказанному выше положению о правильной постановке упражнения.

[10] См.: *Анохин П.К.* Узловые вопросы в изучении высшей нервной деятельности // Проблемы высшей нервной деятельности / Под ред. П.К. Анохина. М.: Изд-во АМН СССР, 1949. С. 9—128.

этапов двигательного акта и являющимися, по сути дела, уже принятиями новых тактических решений. Такие переключения и перестройки программ, по данным рецепторных информаций, гораздо более часты, чем можно подумать, так как во многих случаях они осуществляются низовыми координационными уровнями, не привлекая на помощь сознательного внимания (с этим согласится каждый ходивший хотя бы раз в жизни не по паркету). <...>

Теперь следует обратиться к элементу *4* схемы, приведенной на рис. 2. Этот элемент — прибор сличения (как он был там условно обозначен) — представляет собой интереснейший и пока глубоко загадочный физиологический объект, однако уже вполне созревший для того, чтобы поставить на очередь его систематическое изучение.

Как и во всех искусственно создаваемых СУ, кольцевая регуляция нуждается в элементе, сопоставляющем между собой текущие значения *Iw* и *Sw* и передающем в следующие инстанции регуляционной системы ту оценку их расхождения между собой (Δw), которая и служит основой для подачи на периферию эффекторных коррекционных импульсов. Не будь налицо подобного функционального элемента в координационной системе мозга, последняя в одних только рецепциях *Iw* самих по себе не могла бы найти никакой почвы для включения каких бы то ни было коррекций. Здесь мы сразу сталкиваемся с совершенно своеобразным процессом, при котором сличение и восприятие разницы производится не между двумя рецепциями, симультанными или сукцессивными (как, например, при измерениях порога различения какого-либо рецептора), а между текущей рецепцией и представленным в какой-то форме в центральной нервной системе внутренним руководящим элементом (представлением, энграммой[11] и т.п., мы еще не знаем точно), вносящим в процесс сличения значение *Sw*. И в этом процессе имеют место своеобразные пороги «по сличению», как их можно было бы назвать. В простейших случаях они очевидны и легко доступны измерению. Таковы, например, пороги наступления вестибулярно-зрительной коррекционной реакции на начавшееся отклонение велосипедиста с его машиной от вертикальности; пороги, характеризуемые началом коррекции движения карандаша, отклонившегося от воображаемой прямой, которую требуется провести между точками на бумаге; пороги вокального управления, которые можно определить по звуковой осциллограмме[12] обучающегося пению, стремящегося выдерживать голосом ноту неизменной высоты, и т.п.

---

[11] *Энграмма* — «запись» или след в памяти. — *Ред.-сост.*

[12] *Осциллограмма* — графическое изображение на экране осциллографа зависимости между быстро меняющимися физическими величинами. — *Ред.-сост.*

Н.А. Бернштейн

[Уровни построения движений]*

...В наиболее точном определении *координация движений есть преодоление избыточных степеней свободы движущегося органа*, иными словами, *превращение последнего в управляемую систему*. Указанная в определении задача решается по принципу *сенсорных коррекций*, осуществляемых совместно самыми различными системами афферентации и протекающих по основной структурной формуле *рефлекторного кольца*.

Состав тех афферентационных ансамблей, которые участвуют в координировании данного движения, в осуществлении требуемых коррекций и в обеспечении адекватных перешифровок для эффекторных импульсов, а также вся совокупность системных взаимоотношений между ними обозначаются нами как *построение данного движения*.

Необходимо подчеркнуть, что хотя все имеющиеся в распоряжении организма виды рецепторных аппаратов принимают участие в осуществлении сенсорных коррекций и выполнении требуемых для этого перешифровок в разных планах на различных уровнях, однако ни в одном случае (кроме, может быть, простейших прарефлексов) эти акты корригирования не реализуются сырыми рецепторными сигналами от отдельных, изолированных по признаку качества афферентационных систем. Наоборот, сенсорные коррекции всегда ведутся уже *целыми синтезами*, все более усложняющимися от низа кверху и строящимися из подвергшихся глубокой интеграционной переработке сенсорных сигналов очень разнообразных качеств. Эти синтезы, или *сенсорные поля*, и определяют собой то, что мы обозначаем как уровни построения тех или иных движений. *Каждая двигательная задача находит себе в зависимости от своего содержания и смысловой структуры тот или иной уровень, иначе говоря, тот или иной сенсорный синтез, который наиболее адекватен по качеству и*

---

* *Бернштейн Н.А.* Физиология движения и активность. М.: Наука, 1990. С. 40—43; 135—136, 138, 141; *Бернштейн Н.А.* О ловкости и ее развитии. М.: Физкультура и спорт, 1991. С. 139—140, 143—148, 151—157, 160—163, 166—177.

составу образующих его афферентаций и по принципу их синтетического объединения, требующемуся решению этой задачи. Этот уровень и определяется как *ведущий уровень* для данного движения в отношении осуществления важнейших, решающих сенсорных коррекций и выполнения требуемых для этого перешифровок.

Лучше всего понятие о различных ***ведущих уровнях построения*** уяснится из примерного сопоставления ряда движений, сходных по своему внешнему оформлению, но резко различных между собой по уровневому составу.

Человек может совершить, положим, *круговое движение рукой* в ряде чрезвычайно не сходных между собой ситуаций. Например: *А*. При очень быстром фортепианном «вибрато», т.е. при повторении одной и той же ноты или октавы с частотой 6—8 раз в секунду нередко точки кисти и предплечья движутся у выдающихся виртуозов по небольшим кружочкам (или овалам). *В*. Можно описать рукой круг в воздухе в порядке выполнения гимнастического упражнения или хореографического движения. *С*. Человек может обвести карандашом нарисованный или вытисненный на бумаге круг (*С1*) или же срисовать круг (*С2*), который он видит перед собой. *D*. Он может совершить круговое движение рукой, делая стежок иглы или распутывая узел. *Е*. Доказывая геометрическую теорему, он может изобразить на доске круг, являющийся составной частью чертежа, применяемого им для доказательства. Все это будут круги или их более или менее близкие подобия, но тем не менее во всех перечисленных примерах их центрально-нервные корни, их (как будет показано ниже) *уровни построения* будут существенно разными. Во всех упомянутых вариантах мы встретимся и с различиями в механике движения, в его внешней, пространственно-динамической картине и, что еще более важно, с глубокими различиями координационных механизмов, определяющих эти движения.

Прежде всего нельзя не заметить, что все эти круговые движения связаны всякий раз *с другими афферентациями*. Кружки по типу примера *А* ... получаются непроизвольно, в порядке неосознаваемого *проприоцептивного рефлекса*. Круг танцевально-гимнастический (*В*) точно так же обводится главным образом под знаком *проприоцептивной коррекции*, но уже не элементарно-рефлекторной, а в значительной части осознаваемой и обнаруживающей преобладание уже не мышечно-силовых, а суставно-пространственных компонент проприоафферентации. Круг обрисовываемый (*С1*) или срисовываемый (*С2*) ведется с главенствующим контролем *зрения* — в первом случае более непосредственным и примитивным, во втором — осуществляемым очень сложной синтетической афферентационной системой «зрительно-пространственного поля». В случае *D* ведущей афферентационной системой является представление о ***предмете***, апперцепция[1] предмета, осмысление его формы и значения, дающее активный результат в виде или серии действий, направленных к целесообразному мани-

[1] ***Апперцепция*** — здесь: процесс ясного и отчетливого восприятия. — *Ред.-сост.*

пулированию с этим предметом. Наконец, в случае *E* — круга, изображаемого лектором математики на доске, ведущим моментом является не столько воспроизведение геометрической формы круга (как было бы, если бы на кафедре вместо учителя математики находился учитель рисования), сколько полуусловное изображение соотношений рисуемой окружности с другими элементами математического чертежа. Искажение правильной формы круга не нарушит замысла лектора и не пробудит в его моторике никаких коррекционных импульсов, которые, наоборот, немедленно возникли бы в этой же ситуации у учителя рисования.

Все перечисленные движения (от *A* до *E*) будут по их мышечно-суставным схемам кругами, но их реализация, их *построение*, проводимое центральной нервной системой, будет для каждой из поименованных разновидностей протекать на другом уровне.

Очень характерный пример практического использования этих данных для восстановительной терапии движений дает проведенная в течение настоящей войны серия исследований А.Н. Леонтьева[2] и его сотрудников (ВИЭМ[3] — Институт психологии). По их наблюдениям, даже в случае грубого периферического нарушения движений вследствие анкилоза[4] или тяжелой контрактуры[5] амплитуда возможных произвольных движений пораженной руки способна изменяться в очень широких пределах за счет изменений одной только формулировки двигательного задания, т.е. переключения исполняемого движения на тот или другой уровень. Например, на приказание «поднять руку как можно выше» больной поднимает ее до определенного штриха на (не видимой ему) измерительной рейке. На следующее затем приказание тронуть пальцем высоко расположенную видимую точку на листе бумаги больной поднимает руку уже на 10—12 см выше; если же задание будет выражено в виде: «сними с крючка повешенный на нем предмет», то это обеспечит увеличение амплитуды подъема еще на десяток сантиметров. Контрольная проба подъема по беспредметному заданию (как в начале опыта) показывает, что завоеванные уже десятки сантиметров сохраняют силу только по отношению к вызвавшим их формулировкам. Легко заметить, что три последовательных задания Леонтьева относятся соответственно к вышеназванным уровням *B*, *C* и *D*. Пример показывает, как различны между собой иннервационные и мы-

---

[2] Леонтьев Алексей Николаевич (1903—1979) — отечественный психолог, создатель общепсихологической теории деятельности; см. его тексты на с. 58—69, 201—216, 256—263; 307—309; 342—346; 365—376; 403—412; 461—469; 492—510; 530—564; 681—684 наст. изд. — *Ред.-сост.*

[3] ВИЭМ — Всесоюзный институт экспериментальной медицины. — *Ред.-сост.*

[4] *Анкилоз* — неподвижность сустава, обусловленная развитием фиброзной, хрящевой или костной спайки между суставными поверхностями сочленяющих костей. — *Ред.-сост.*

[5] *Контрактура* — стойкое ограничение нормальной подвижности в суставе вследствие его поражения, а также повреждения кожи, мышц, связок, фасций или нервов. — *Ред.-сост.*

шечные формулы, производящие совершенно однотипные на вид движения, но в разных уровнях. <...>

Ни одно движение (может быть, за редчайшими исключениями) не обслуживается по всем его координационным деталям одним только ведущим уровнем построения. Мы увидим ниже, что в начале формирования нового индивидуального двигательного навыка действительно почти все коррекции суррогатно [т.е. в качестве заменителя. — *Ред.-сост.*] ведутся ведущим уровнем-инициатором, но вскоре положение изменяется. Каждая из технических сторон и деталей выполняемого сложного движения рано или поздно находит для себя среди уровней такой, афферентации которого наиболее адекватны этой детали по качествам обеспечиваемых или сенсорных коррекций. Таким образом, постепенно, в результате ряда последовательных переключений и скачков образуется сложная многоуровневая постройка, возглавляемая ***ведущим уровнем***, адекватным ***смысловой структуре*** двигательного акта и реализующим только самые основные, решающие в смысловом отношении коррекции. Под его дирижированием в выполнении движения участвует, далее, ряд ***фоновых уровней***, которые обслуживают фоновые или технические компоненты движения: тонус, иннервацию и денервацию, реципрокное торможение, сложные синергии и т.п. ***Процесс переключения технических компонент движения в низовые, фоновые уровни есть то, что называется обычно автоматизацией движения. Во всяком движении***, какова бы ни была его абсолютная уровневая высота, ***осознается один только его ведущий уровень*** и только те из коррекций, которые ведутся непосредственно на нем самом. Так, например, если очередной двигательный акт есть завязывание узла, текущее на уровне *D*, то его технические компоненты из уровня пространственного поля *C*, как правило, не достигают порога сознания. Если же следующее за ним движение — потягивание или улыбка, протекающие на уровне *B*, то этот уровень осознается, хотя он абсолютно и ниже, чем *C*. Конечно, из этого не следует, чтобы степень сознательности была одинаковой у каждого ведущего уровня; наоборот, ***и степень осознаваемости, и степень произвольности растет с переходом по уровням снизу вверх.***

Переключение технической компоненты из ведущего уровня в тот или другой из низовых фоновых приводит, согласно сказанному, к уходу этой компоненты из поля сознания, а это явление как раз и заслужило название автоматизации. Вполне понятна выгодность автоматизации, ведущей к разгрузке сознания от побочного, технического материала и этим создающей для него возможность сосредоточиться на самых существенных и ответственных сторонах движения, к тому же, как правило, изобилующих непредвиденностями всякого рода, требующими быстрых и находчивых переключений. Противоположный описанному процесс временного или полного разрушения автоматизации носит название ***деавтоматизации.*** <...>

Закончим настоящую главу ***описью уровней построения*** <...> *A* — уровень палеокинетических регуляций, он же руброспинальный уровень центральной

нервной системы. *В* — уровень синергий, он же таламо-паллидарный уровень. *С* — уровень пространственного поля, он же пирамидно-стриальный уровень. Распадается на два подуровня: *С1* — стриальный, принадлежащий к экстрапирамидной системе, и *С2* — пирамидный, относящийся к группе кортикальных уровней. *D* — уровень действий (предметных действий, смысловых цепей и т.п.), он же теменно-премоторный уровень. *Е* — группа высших кортикальных уровней символических координаций (письма, речи и т.п.). <...>

Уровни, лежащие выше уровня действий (группа *Е*)

Общие характеристики существенных черт движений и действий уровня *D*, данные в настоящей главе, ясно показывают, что еще не все высшие интеллектуальные двигательные акты могут найти себе место в этом уровне. В координационный уровень действий не попадают, например, символические или условные смысловые действия, к которым в первую очередь относятся не технически-исполнительные, а ведущие в смысловом отношении координации *речи и письма*; двигательные цепи, объединяемые не предметом, а мнестической схемой, отвлеченным заданием или замыслом и т.д., например, художественное исполнение, музыкальное или хореографическое; движения, изображающие предметное действие при отсутствии реального объекта этого действия; предметные действия, для которых предмет является уже не непосредственным объектом, а вспомогательным средством для воспроизведения в нем или с его помощью абстрагированных, непредметных соотношений. Существование подобных движений и действий убедительно свидетельствует о наличии в инвентаре человеческих координаций одного или нескольких уровней, иерархически более высоких, нежели уровень *D*.

Необходимо оговориться, что наличие у человека мотивов и психологических условий для действий, значительно возвышающихся над конкретным, элементарным обращением с предметами, не подлежит никакому сомнению. Трудность заключается только в том, чтобы выяснить, сказываются ли, и если да, то в какой мере, эти отличия мотивировки и психологической обусловленности действий и *на внешнем, координационном оформлении* и корригировании движений, о чем здесь только и идет речь. Когда животное бежит один раз потому, что ему необходимо быстро перекрыть известное расстояние (подуровень *С1*), а другой раз бежит, нацелившись на то, чтобы с разбега схватить подвешенный плод или намеченную жертву (фон в *С1* к основному акту в *С2*), то разница в построении и сенсорных коррекций, и самого результирующего движения в обоих случаях не вызывает сомнений. Но когда человек наносит другому удар кинжалом в порядке элементарной самозащиты или грабительского нападения (уровень *D*), то у нас еще не может быть достаточных оснований ожидать существенно иного координационного оформления, если субъектом подобного же

акта будет Дамон, Занд или Шарлотта Кордэ. Необходимо обратиться прежде всего к анализу *двигательного состава* подобных действий, за которыми подозреваются высшие координационные уровни. <...>

Прежде всего нужно обосновать утверждение, что в группе *E* мы имеем дело действительно с координационными уровнями, а не только с чисто психологическими надстройками, т.е. что двигательные акты, относящиеся к этой группе, не являются суммами движений, полностью управляемых и координируемых более низовыми уровнями и только сцепляемых между собой психологическими мотивами нового рода, а представляют собой настоящие целостные координации с особыми качествами. При всей недостаточности экспериментального материала и связанной с этим очень большой трудности найти достаточно веские обоснования для этого положения можно все-таки и сейчас высказать ряд аргументов в его пользу. <...>

Мы не решимся предпринимать какой-либо классификационной попытки двигательных актов в охарактеризованной верховной уровневой группе. Помимо всего, здесь слишком велик риск впасть в ошибку, относя к числу актов, *координируемых* этой уровневой группой, и движения, только *мотивируемые* ею, но почти наверное строящиеся координационно полностью на нижележащих уровнях с *D* включительно. С полной уверенностью можно отнести к координациям верховной группы: 1) *все разновидности речи и письменности* (устная речь, пальцевая речь глухонемых, морзирование, сигнализация флажками и т.п.; письмо от руки, машинопись, стенография, работа на буквопечатающем телеграфе и наборных машинах и т.п.) и 2) *музыкальное, театральное и хореографическое исполнение — non multa, sed multum* [*лат.* букв. — «не многое, но много»; в немногих словах, но много по содержанию. — *Ред.-сост.*].

Уровень тонуса (A)

...Вряд ли найдутся такие движения, в которых не лежала бы в самом их основании работа этого «фона всех фонов». То, что она не бросается сразу в глаза, вполне вяжется с ролью этого уровня как глубокого фундамента движений — ведь и фундаменты зданий глубоко скрыты под землею, и ребенок или дикарь и не подозревают об их существовании. В более или менее чистом виде он выступает как ведущий уровень в те быстротечные доли секунды, пока длятся полетные фазы некоторых (но не всех) видов прыжков: стартового прыжка и прыжка с вышки в воду, прыжка на лыжах с трамплина и т.д. Эта редкость его появлений в качестве инструмента, исполняющего «соло» при молчании остального оркестра, объясняется его крайней древностью. Уровень *A* и выполняемые им движения — солиднейший документ-доказательство нашего прямого происхождения от праматери рыбы, старейшего из позвоночных. Редкость его выступлений в ведущей роли прямо связана с тем, что человеку только в очень исключительных случаях доводится оказываться в положении, в котором

рыба проводит все свои дни: ***в положении равновесия с окружающей средой, вне ощутимого действия силы тяжести.*** Очевидно, что у нас это может случаться только в редкие и краткие моменты так называемых состояний свободного падения. У водных существ как нельзя более у места были эти плавные движения, даже не столько движения, сколько выравнивающие шевеления, наклоны и скругления тела. <...>

Он обеспечивает всем конечностным мышцам *тонус*, т.е. то, что можно было бы назвать фоновым напряжением; он дает всему движению основную загрунтовку, на которой более новые и более тонко расчлененные (дифференцированные) уровни могут уже дальше рисовать узоры выводимых ими быстрых, ловких или силовых движений. Но и этого еще мало.

Как выясняется в последнее время, импульсы уровня *А* обеспечивают скелетным мышцам не только тонус и тонические сокращения. Может быть, еще важнее то, что они же могут очень тонко ***управлять возбудимостью*** как спинномозговых пусковых клеток, так и прикрепленных к ним мионов[6]. А свойства поперечнополосатой мышцы таковы, что за изменениями в ее возбудимости совершенно точно следуют и изменения в той силе, с какою она сокращается в ответ на импульсы новых уровней построения. Уровни *В* или *С*, которыми мы займемся дальше, могут изменять силу своих двигательных импульсов в какой им угодно мере, и это, как мы видели в очерке III [данной книги. — *Ред.-сост.*], ***не произведет никакого впечатления на мышцу***, отгородившуюся от всех изменений законом «все или ничего». На все эти импульсы, если только они не слабее известного минимума, каждый мион будет отвечать сокращениями одной и той же неизменной силы. Но если уровень *А* своим языком скажет миону «усилься» или «ослабей», если он, прибегая к другому сравнению, предварительно подкрутит в ту или другую сторону фитиль у пусковой клетки миона, то этот последний послушно начнет отзываться на эти же импульсы с верхних уровней либо большей силой сокращений, либо меньшей, либо вовсе потухнет и совсем перестанет работать, как вкрученный до отказа фитиль керосиновой лампы.

Последний факт и играет огромную роль в координации движений. Управляющая мышечною возбудимостью власть уровня *А* доходит до того, что он может вовсе угашать возбудимость пусковых клеток спинного мозга, как говорят «***блокировать***» их для идущих сверху двигательных импульсов. Один пример, зато относящийся к явлению первостепенного значения и очень широко распространенному, покажет нам, для чего нужна подобная блокировка.

Так как наши *мышцы* не могут толкать кости, а способны только тянуть их в свою сторону, т.е. *обладают односторонним действием*, то естественно, что для каждого из направлений подвижности в наших суставах должна иметься ***пара мышц взаимно противоположного действия.*** В локтевом суставе, например, одна

---

[6] *Мион* — пачка (от 10 до 100) мышечных волокон, иннервируемая одним волоконцем двигательного нерва. — *Ред.-сост.*

мышца работает как сгибатель — это всем широко известный бицепс плеча[7], другая, на задней стороне руки, — как разгибатель локтя (за свою трехглавость она называется трицепсом). Как легко понять, для беспрепятственной сгибательной работы бицепса необходимо, чтобы разгибатель — трицепс, растягиваемый при сгибании локтя, не сопротивлялся бы, не тянул бы свою сторону, как взводимая пружина, а безропотно уступал бы дорогу. В следующей фазе движения очередь дойдет до него, он начнет сокращаться и разгибать локтевой сустав; тут, наоборот, сгибателю — бицепсу придется озаботиться тем, чтобы как можно меньше обременять это движение своею упругой особой.

Тут и начинается закулисная управляющая работа уровня *А*. Он делает с пусковыми клетками и мионами мышц противоположного действия как раз то, что делают с цилиндрами паровых машин их *золотниковые механизмы*. Как эти механизмы поочередно включают в работу один из цилиндров и выключают другой или другие, так и импульсы уровня *А* действуют через спинномозговые клетки на возбудимость мышц. Когда надо отключить разгибатель, спинномозговые клетки его мионов становятся невозбудимыми, а их тонус падает, т.е. длина и степень растяжимости увеличиваются; в следующей фазе движения — наоборот. Не требует особых разъяснений и подчеркиваний то, насколько этот скрытый, черновой *фоновый механизм* важен для гладкого и экономичного протекания движения.

Как велика и значительна в общем и целом фоновая работа уровня *А*, ярче всего заметно на болезненных случаях, когда по каким-либо причинам она нарушается в ту или другую сторону. Тут появляется либо общая скованная одеревенелость всего тела, мертвенная маска ничего не выражающего лица, скудные, с большим трудом начинаемые движения либо, наоборот, глубокая разболтанность и расслабленность во всех суставах. Такому больному, лишенному тонуса, можно легко закинуть обе ноги за голову или завязать его всего чуть ли не узлом, сам же он ни одного связного движения, ни одного даже умеренного усилия произвести не может. <...>

В заключение этой характеристики необходимо прибавить, что действия уровня *А* — и в роли ведущего, и в роли фонового — почти полностью *непроизвольны*, и в большой степени ускользают от нашего сознания. Он — глубоко внизу, в трюмах мозга, и нам очень редко доводится спускаться туда, чтобы обозреть и проверить его работу сознательным наблюдением. Но он обычно хорошо оправдывает доверие, не любит вмешательств и так же благополучно обходится без них, как и внутренние органы тела. Двенадцатиперстная кишка или селезенка тоже ведь не часто докладывают нашему сознанию о своей работе!

---

[7] В локтевом суставе есть и еще одна мышца-сгибатель, работающая сообща с бицепсом, — внутренняя плечевая мышца. Ее наличие ни в чем не меняет дела в тех физиологических взаимоотношениях, которые рассматриваются в тексте.

Уровень мышечно-суставных увязок (*B*)

...Каждый *уровень построения движений* — это ключ к решению определенного *класса двигательных задач*. ...Задачи синергий больших мышечных хоров, и задачи всяческих локомоций возникли очень давно: они гораздо старше всех позвоночных животных и народились вместе с продолговатыми животными формами и их телерецепторами. Оттуда ведет свое происхождение и уровень *B*. Это почтенный старец, он, по сути дела, старше, чем «рыбий» уровень *A*. Именно вследствие его старости не удивительно, что на его долгом веку ему довелось пережить много биологических изменений. Он обитал в передних (грудных и головных) нервных узлах членистоногих, обосновался у позвоночных в системе нервных ядер так называемого промежуточного мозга, когда эти ядра еще были верховными во всей нервной системе, и, как увидим вскоре, вынужден был сдать многие из своих позиций и наследственных прав, когда пришли и захватили власть более молодые и сильные передние отделы мозга.

В истории развития головного мозга очень ярко проявляется один неуклонно совершающийся процесс, который получил название *энцефализации*[8]. Он состоит в том, что по мере возникновения новых этажей и надстроек в мозгу в них одни за другими перекочевывают отправления, которые раньше обитали в более низовых и старых отделах мозга. Несколько выше у нас был случай упомянуть о том, как постепенно все больше утрачивал свою самостоятельность спинной мозг. Еще у лягушки после полного ее обезглавливания он в состоянии управлять многими сложными и целесообразными рефлексами. Быстро обезглавленная курица может пробежать сотню своих шагов, может даже взлететь на высокий балкон. Кошка после отделения у нее спинного мозга от головного путем перерезки уже не может ходить, но у нее сохраняется один из важных фонов ходьбы: чередующееся переступательное движение лапами, которое можно обнаружить, если подвесить ее туловище на лямки. У человека, как показывают соответствующие заболевания, и этот чередовательный, переступательный фон требует для своего управления сохранности уровня *B*, т.е. уже середины головного мозга.

Таким же порядком ушло кверху и многое из того, что долгие миллионы лет было неотъемлемым достоянием уровня *B*. Он все еще *уровень синергий* и мышечно-суставных увязок, но уже не уровень локомоций, как был когда-то. Мы застаем его у человека на очень и очень ответственных *фоновых ролях*, но значительная часть тех отправлений, по которым он был ведущим еще у низших пресмыкающихся, с тех пор эмигрировала из него кверху, к более современно и тонко оборудованным разделам мозга. Мы и найдем их все в следующих разделах, под буквою *C*. <...>

---

[8] *Энцефализация* — от греческого слова «энцефалон» (буквально — «внутриголовное»), означающего головной мозг. Слово это, быть может, знакомо, читателю по вошедшему в быт выражению «энцефалит» (воспаление мозга).

Движения, лежащие на ответственности других, более высоких уровней, несравненно более сдержанны и скупы в отношении одновременно запрягаемых ими мышц, если только они не делают займа и уровня *B*, привлекая его в качестве фона, например при всякого рода локомоциях. Указанная особая способность уровня *B* делает его, так сказать, главным пультом управления по всем мышечным двигателям нашего тела. Он выступает в роли важнейшего фона отнюдь не только тогда, когда требуется мобилизация всех сотен мышц тела, сверху и донизу; не будучи таким гордым, он с готовностью берет на себя всякие синергии, даже в пределах одной только руки (например, в действиях письма, вязания крючком, завязывания узелка одной рукой).

Опять-таки благодаря теснейшей связи уровня *B* со всей рецепторикой движения под его управлением получаются всегда очень складными и стройными. Они выходят грациозно даже у совсем не грациозных людей. Они прекрасно налажены не только в каждый данный момент; этот же уровень мастерски организует движения и во времени, *управляет ритмом* движения, обеспечивает чередование работы мышц сгибателей и разгибателей и т.д. Что еще очень характерно для движений, за управление которыми берется этот уровень, — это необычайная, отчеканенная *одинаковость* последовательных повторений движения (так называемых *циклов* его) при всевозможных ритмических движениях. Последовательные шаги при ходьбе или беге получаются одинаковыми, как монеты одной и той же чеканки; последовательные циклы движений при работе пилой, напильником, косой, молотом и т.д. похожи друг на друга гораздо больше, чем две капли воды.

Это свойство очень тесно связано с образованием *двигательных навыков* и с *автоматизацией* движений <...>

При таких богатых возможностях, казалось бы, уровень мышечно-суставных увязок (*B*) мог бы управлять очень большим числом всякого рода движений. Препятствием для этого оказывается уже упомянутый пробел в его чувственной информации: *он плохо связан у человека с телерецепторами* зрения и слуха, нервные пути которых ушли от него кверху. Поэтому, как очень легко представить себе, он прекрасно приспособлен к тому, чтобы обеспечить всю *внутреннюю увязку* движения, согласовать между собою поведение мышц, наладить нужные синергии и т.д. Но приноровить скомпанованное таким порядком сложное и стройное движение к внешним условиям, к реальной окружающей обстановке — вот это ему не по силам.

В качестве примера взглянем на *ходьбу*. Даже при выпрямленной, двуногой походке, присущей человеку, в этот двигательный акт втянуты все четыре конечности, качающиеся взад и вперед в общем ритме. Нет такой мышцы во всем теле, которая не была бы как-то вовлечена в работу либо опорную, либо основную динамическую шагательную. Если бы человек оказался вдруг где-то в межзвездном беспредельном пространстве, то, наверное, уровень *B* сумел бы без добавочной помощи обеспечить ему в этом «отсутствии всякой обстановки»

точное выполнение всех движений нормальной ходьбы. К сожалению, только она была бы там бесполезной. Действительная же ходьба, от которой может получиться реальный прок, совершается по какой-то поверхности, в каком-то направлении, в каких-то условиях: почва твердая, мягкая, скользкая, неровная и т.д.; под ногою то камешек, то канавка, то лужа, то ступенька; в пути то уклон, то поворот, то порыв ветра, то встречный пешеход... На все это нужно своевременно и соответственно откликаться. В первую голову для всего этого нужны *сигналы телерецепторов*; главное же, как увидим в следующем разделе, даже не они сами по себе (слепые могут же ходить без помощи зрения!), а особенная форма организации всех внешних впечатлений в целом, до которой уровень *В* «не дорос» и которая одна только в состоянии доставить потребные для всего перечисленного сенсорные коррекции.

Здесь напрашивается одно сравнение, которое лучше всего пояснит роль уровня *В* и его слабые места. В движениях, подобных ходьбе, бегу и т.д., этот уровень делает то же, что бортмеханик на самолете: следит за правильной работой и главных ведущих моторов, и всех вспомогательных механизмов на борту, и всех приборов управления, и т.д. Роль же ведущего уровня при ходьбе или беге (это будет, как увидим ниже, уровень *С*) — это роль летчика-пилота, который ведет машину по требуемому курсу, выравнивает ее при качаниях, воздушных ямах, переменах ветра и т.д., уже не заботясь о том, что творится внутри машины. Уровень ***В неоценим для внутреннего управления*** движением, когда какой-либо из ***вышестоящих уровней берет на себя его пилотирование.***

Как призванный *фоновый уровень*, он работает по большей части *без привлечения сознания* — это вообще участь всех фонов. Многое в его отправлениях *непроизвольно*, полностью или в какой-то мере, хотя они несравненно более доступны для произвольного вмешательства, чем глубокие, «подземные», тонические фоны из уровня *А*. Нельзя, конечно, ожидать, чтобы в уровне мышечно-суставных увязок имелись в каком-то заранее заготовленном виде фоновые, вспомогательные координации для всевозможных движений и навыков, приобретаемых человеком в течение его жизни. Этого и нет на самом деле. Уровень *В* хорошо приспособлен у человека к *усвоению жизненного опыта*, к построению новых координаций и хранению их в сокровищнице двигательной памяти... К зрелому возрасту уровень *В* бывает переполнен всевозможными фонами, выработанными им по заявкам вышележащих уровней, которым эти фоны требовались по ходу выработки навыков. Эти «фоны на заказ» и есть то, что называется ***автоматизмами***... Нет ничего удивительного, что такой обогащенный всяческими «заказными» фонами зрелый уровень *В* легко может подобрать в своей, так сказать, фонотеке прекрасно подходящие или, на худой конец, более или менее подходящие фоны для очень многих незнакомых или непривычных движений, с которыми человек столкнется впервые в эту пору своей жизни. Это дает ему большую маневренность, легкость овладения самыми различными навыками и сноровками и очень увеличивает его средства к быстрой ориентировке в любом

положении. Человеку с хорошо разработанной коллекцией фонов в «фонотеке» уровня *В* несравненно легче, чем другому, *без промедления найти двигательный выход из любого положения.* <...>

После всего сказанного читатель уже не будет удивлен, увидев список самостоятельных движений, ведущихся на уровне *В*, осыпавшемся, как дерево осенью. Большая часть того двигательного слоя, которым он ведал когда-то, ушла от него к вышестоящим отделам мозга.

Что ему осталось по части самостоятельных движений? Полунепроизвольные, полунеосознаваемые двигательные акты, в преобладающей части — более нежели второстепенной жизненной значимости.

Осталась в его ведении *мимика* —

Ряд волшебных изменений
Милого лица...
(А. Фет)

Осталась *пантомима* или мимика телодвижений: те выразительные непроизвольные жесты, сопровождающие и речь и все поведение, на которые сравнительно скупы сдержанные северяне и которыми пересыщен весь обиход живых, темпераментных жителей юга. <...>

Остается уровню *В*, наконец, из этой же группы движений — *пластика*; не движения западноевропейского, бального танца или народной пляски, близкие скорее к локомоторным актам, а танцевальные движения ленивого Востока, то тягучие, полные сладостной истомы, то прорывающиеся змеистым, страстным устремлением. Дальше пройдут перед нами движения ласки, нежности, осуществленной страсти; движения расправления своего тела, потягивания, зевка; кое-что из вольногимнастических телодвижений в духе Мюллера; наконец, ряд привычных, у каждого человека своих, полумашинальных жестов вроде почесывания за ухом, верчения пуговицы, поигрывания перстами, как у толстого Увара Ивановича из тургеневского «Накануне», и т.п. (эта последняя группа жестов, по существу, очень близка к вилянию хвостом у четвероногих). Вот более или менее и все, что уровень *В* может нам предъявить. <...>

Уровень пространства (С)

...Это — чрезвычайно интересный и сложный уровень. Он имел бы право на наше пристальное внимание уже потому, что в нем мы впервые сталкиваемся с носителем огромных, богатейших списков самостоятельных движений, а не одних только фонов, как было сплошь раньше. К тому же, как это скоро выяснится, именно в нем нашли себе опору очень многие из движений, интересных для физкультурника: почти вся гимнастика, легкая атлетика, акробатика и еще многое, не говоря о фонах, которыми он обслуживает всю область физической культуры.

Уровень *C* не так-то просто разгадать и осмыслить у человека с первого взгляда. Он значительно сложнее предыдущих по своему строению и производит впечатление какого-то двойственного, двойного. Он обладает двумя очень разнородными и никак не связанными между собой ***системами двигательных нервных центров*** в мозгу и двумя же не менее разнохарактерными ***системами чувственной, сенсорной сигнализации.*** Он имеет такой вид, как будто полностью занимает в головном мозгу два этажа. Между тем это, вне всякого сомнения, один уровень, а не два отдельных, и при этом уровень очень слитный, цельный, обнаруживающий чрезвычайно характерные, больше нигде не повторяющиеся черты. <...>

Пространственное поле — это, во-первых, точное *объективное* (т.е. соответствующее действительности) ***восприятие внешнего пространства*** при сотрудничестве всех органов чувств, опирающемся вдобавок на весь прежний опыт, сохраняемый памятью.

Во-вторых, это есть своего рода ***владение*** этим внешним окружающим ***пространством.*** Мы можем без всякого труда и раздумья попасть пальцем в любую точку пространства, которую мы видим перед собой или ясно представляем себе. Это значит, что мы умеем мгновенно включить в работу то сочетание мышц руки, в той самой силе и последовательности, какие нужны для немедленного и безошибочного попадания в эту точку. Конечно, такое умение мгновенно сделать «перевод» с языка нашего представления о точке пространства на язык потребного сочетания мышц (как говорят, «мышечной формулы» движения) относится отнюдь не только к руке и пальцу. Нам также легко, не задумываясь, попасть в ту же точку пространства кончиком ноги, носом, ртом и т.п., не труднее сделать это и концом любого предмета, который мы держим в руке или в зубах. При несколько большей ловкости мы можем попасть в любую намеченную точку и путем меткого броска. Вот это и есть то, что называется ***«владение пространством»*** — вторая определяющая черта ***пространственного поля.*** <...>

Вот в этом-то пространственном поле и развертываются движения уровня *C*. Теперь нам легко будет уяснить себе, почему эти движения наделены такими, а не другими свойствами.

Они очень непохожи на те плавные, огромные, гармоничные синергии, какие мы видели на витрине движений предыдущего уровня *B*. Движения уровня пространства (конечно, если только они не пересыщены фонами из уровня *B*) обычно скупы и кратки. Они обладают какой-то деловитой сухостью, не втягивая в дело сколько-нибудь больших мышечных коллективов. Это, так сказать, камерные выступления мускулатуры.

Типичные движения уровня пространства — это ***целевые переместительные движения.*** Очень большая часть их — однократные. Они всегда ведут ***откуда-то, куда-то и зачем-то.*** Они переносят тело с места на место, преодолевают внешнюю силу, изменяют положение вещи. Это движения, которые что-то показывают, берут, переносят, тянут, кладут, перебрасывают. Они все имеют начало

и конец, приступ и исход, замах и удар или бросок. Они непременно приводят к какому-то определенному конечному результату. Даже в тех случаях, когда движения повторительные (например, вбивание гвоздя, раскладывание карт по столу, ловля мух), то за этой повторительностью, относящейся только к внешнему оформлению движений, всегда скрывается ясный целевой финал: гвоздь будет рано или поздно вбит по шляпку, карты все выложены и мухи переловлены.

С этим свойством движений уровня *С* стоит сравнить то, что типично для ранее описанного уровня *В*: можно ли говорить о целевом результате улыбки или о конечной цели, достигаемой зевком?

Вторая черта движений, ведущихся на уровне пространства, не менее выразительна, нежели описанный сейчас их целевой характер. Прежде всего, им присуща большая или меньшая степень ***точности и меткости***; во всяком случае, оценка качества движений этого уровня прямым образом зависит от того, насколько они точны или метки. Ехать на велосипеде надо уметь так, чтобы проехать по узкой прямой доске; бросить или отразить ракеткой мяч так, чтобы этот выстрел мог потягаться с выстрелом Вильгельма Телля[9] или Одиссея[10] ... и т.д. Оглянемся снова на уровень *В*: какая может быть точность у нахмуренных бровей или у движения ребенка, ласкающегося к своей матери? <...>

После той тощей тетрадки, какою выглядела опись самостоятельных движений уровня мышечно-суставной увязки, полное собрание движений, управляемых уровнем пространства, выглядит неисчерпаемым морем. На этот раз речь уже идет не о фонах, которые он доставляет вышележащему уровню действий, а именно о самостоятельных, законченных двигательных актах. Нет никакой возможности составить что-либо вроде их каталога. Все, что здесь можно сделать, это выделить среди их изобилия самые главные и характерные группы так, чтобы в них уместилось все наиболее важное, и привести по каждой из групп по несколько типичных примеров.

Самые старинные и основные движения уровня пространства, ради которых он, несомненно, и организовался в самом начале, — это ***локомоции***, передвижения всего тела в пространстве с одного места на другое. Перечислить их со всеми разновидностями, конечно, невозможно. Во главе их шествия выступают прародители всех сухопутных локомоций ***ходьба*** и ***бег***. Каждая из обеих первичных локомоций ответвляет от себя по целому семейству разновидностей: пригибной шаг, ходьба на носках, церемониальные марши, бег на различные дистанции и т.д. Их окружает толпа локомоций всевозможных других видов: предок всех вообще локомоций на земном шаре плавание, ползание, лазанье,

---

[9] Вильгельм Телль — герой средневековой народной легенды «Сказание о стрелке» и персонаж одноименной драмы Ф. Шиллера; в центре легенды — образ меткого стрелка из лука, попадающего стрелой в яблоко, положенное на голову маленького сына. — *Ред.-сост.*

[10] Одиссей — герой греческого эпоса и эпической поэмы «Одиссея», приписываемой Гомеру; в сцене отмщения женихам Пенелопы он стреляет из своего лука так метко, что стрела пролетает сквозь двенадцать колец. — *Ред.-сост.*

карабкание и т.д., вплоть до ходьбы на четвереньках и на руках. За всеми этими локомоциями, состоящими из бесчисленных повторений одних и тех же *циклов* движений (их так и называют — *циклическими*), следует ряд локомоций однократного, *нециклического* типа: всяческие прыжки в высоту, с высоты и на дальность.

Если во всех перечисленных видах локомоций человек выступал одной только собственной своею особой и мог бы каждую из них выполнять нагишом, без единого предмета на себе и при себе, то дальше в этой процессии локомоций мы увидим передвижения, связанные с *применением* тех или других *вещей*. Перед нами проходят локомоции с простейшими приспособлениями: лыжи, коньки ледовые и роликовые, ходьба на ходулях, прыжки с шестом. Дальше — вереница локомоций, перемещающих вещи: переноска всевозможными способами тяжестей на себе; затем носилки, тележки, санки, тачки, бурлацкая лямка и т.п. Читатель вряд ли ожидал, что в нашем распоряжении такой объемистый каталог локомоторных передвижений. <...>

Во *вторую группу* естественно будет объединить такие же большие, всеобъемлющие *движения всего тела в пространстве*, как и те, что относятся к числу локомоции, но только не переносящие человека с одного места на другое. Эта группа составится главным образом из спортивных, гимнастических и плясовых движений: всякого рода упражнений на брусьях, на кольцах, на перекладине, на трапеции; всевозможных видов кувырканий, сальто и т.п. Очень многое внесут в эту группу движений акробатика и балет. <...>

От всего тела в целом переходим к его частям. В *третьей группе* движений, которыми управляет уровень пространства, мы поместим *точные, целенаправленные движения рук* (и других органов) *в пространстве*. Наши руки и пальцы тоже умеют «ходить» и «бегать», — это не исключительная монополия ног. К очень многим движениям и в разговорной речи привились выражения: «*беглость пальцев*», «пальцы *забегали* по клавишам», «руки с рабочим инструментом *заходили* взад и вперед» и т.п. Встретятся в этой же группе и движения, делающие основной упор не на беглость, а на *точность*. Это те самые уверенные, целенаправленные простые движения руки, которые послужили нам первыми образцами и представителями движений уровня пространства: движения, которые что-то берут, несут, выхватывают, показывают и т.п. Они всевозможными способами перемещают вещи: куда-то кладут, бросают, передвигают, сталкивают их. Уровень пространства не умеет сделать с вещью ничего более сложного — на это, как увидим вскоре, нужно уже руководство более высокостоящего *уровня действий*. Но перемещать вещи туда или сюда в пространстве — это прямая специальность уровня *С*. <...>

От передвиганий вещей естественно перейти к *преодолеванию сопротивлений:* здесь, в *четвертой группе,* мы сосредоточим всякого рода силовые движения. Не задерживаясь на них долго, вызовем для знакомства пяток представителей их, какие подвернутся первыми: подъем тяжести с земли, подтягивание своего

тела на кольцах, натягивание лука, работа тяжелоатлета со штангой, кручение рукояти колодезя или лебедки. Мышечная нагрузка в этих движениях большая, значит, и фоновым уровням здесь много дела. Каждый знает по себе, насколько улучшает все эти движения выработанный навык или сноровка.

Теперь мы подходим к одной из интереснейших групп движений уровня пространства: к размашно-метательным, или *баллистическим, движениям*. К этой же, *пятой, группе* принадлежат и *ударные движения*. В самом деле, если вдуматься, движение удара с размаху топором или тяжелой кувалдой отличается от движения броска только самым последним моментом. Если пальцы, держащие предмет, разожмутся и выпустят его в тот миг, когда он движется с наибольшей скоростью, это будет бросок. Если пальцы не сделают этого легкого добавочного движения, то получится удар. В основном же те и другие движения очень родственны друг другу: в обеих разновидностях задача сводится к разгону некоторого предмета до возможно большей скорости. <...>

Последняя, *шестая, группа движений*, управляемых уровнем пространства, получится у нас сборная, в нее войдут не разместившиеся по предыдущим группам остатки. Нам остается упомянуть движения прицеливания всякого рода и движения подражания и передразнивания. Когда обезьяна копирует движения человека, производящего перед ней какое-нибудь сложное предметное действие из верхнего уровня *D*, к которому мы сейчас перейдем, то она производит их на своем «потолочном» уровне — уровне пространства, и именно поэтому у нее ничего не выходит: «Очки не действуют никак»...[11]

Уровень действий (*D*)

...*Уровень действий*[12], которому мы присваиваем буквенный знак *D*, по целому ряду свойств резко отличается от всех тех уровней, которые были описаны раньше.

Прежде всего все три ранее рассмотренных уровня построения — *A*, *B* и *C* — происходят вместе со своими задачами из очень глубокой старины. Уровень пространства (*C*) — наиболее молодой из них по истории развития — и тот своими истоками достигает времен зарождения поперечнополосатой мышцы и суставчатых скелетов. Правда, следуя закону «энцефализации», все более расширяя и обогащая круг доступных ему задач, уровень *C* непрерывно передвигался вперед и вперед по мозгу, меняя свои места обитания на квартиры со все возрастающим числом «удобств». Мы застали его у человека как раз в самом разгаре такого переезда в кору полушарий мозга — жилище, оборудованное хо-

[11] *Очки не действуют никак* — строка из басни И.А. Крылова (1769—1844) «Мартышка и очки». — *Ред.-сост.*

[12] В нервной физиологии этому уровню даются еще названия: уровня предметных действий, цепных действий, смысловых цепей и т.д.; из дальнейшего будет видно, насколько эти обозначения подходят для его характеристики.

рошим телефоном (слухом) и телевизором (зрением). Но все же, несмотря на это безостановочное движение вперед, уровень *C* уже по всем признакам перевалил через вершину своего развития. Какое бы из движений, характерных для этого уровня, ни назвать, почти по каждому из них нам легко будет указать млекопитающее или даже птицу, которые превосходят нас, людей, по совершенству выполнения этого движения. Есть немало животных, которые обладают гораздо более резвым и выносливым бегом, нежели человек, многие и многие из них лучше и ловчее нас лазают, прыгают, плавают, владеют равновесием и т.д.

С уровнем *действий* (*D*) дело обстоит совершенно иначе. Самые ранние зачатки его проявлений встречаются только у наиболее развитых млекопитающих: у лошади, собаки, слона. Заметно больше их у обезьян, но даже и у них *действий* еще так мало, они так зачаточны, что уровень *D* можно с полным правом и без натяжек назвать именем *человеческого уровня*. Может быть, и человеком-то человек стал в немалой мере благодаря этому уровню и в связи с ним.

Первым делом необходимо пояснить, что мы подразумеваем под *действиями*. Действия — это уже не просто движения. По большей части это — целые цепочки последовательных движений, которые все вместе решают ту или другую двигательную задачу. Каждая подобная цепочка состоит из разных между собой движений, которые сменяют друг друга, планомерно приближая нас к решению задачи. Все движения — звенья такой цепочки — связаны между собою *смыслом* решаемой задачи. Пропустить одно из таких необходимых звеньев или перепутать их порядок — и решение задачи будет сорвано.

В качестве простейшего, но очень выразительного примера разберем действие закуривания папиросы. Курильщик достает из кармана портсигар, открывает его, вынимает папиросу, разминает ее, вкладывает в рот; достает коробку спичек, открывает ее, достает спичку, беглым взглядом проверяет целость ее головки, поворачивает коробку, чиркает спичкой один или несколько раз, смотря по надобности, пока она не вспыхнет; поворачивает ее как надо, чтобы она хорошо разгорелась; если нужно, загораживает ее от ветра, подносит к папиросе и насасывает в нее пламя спички; тушит спичку и бросает ее, наконец, убирает все по местам.

Такой бытовой пустяк, как закуривание, оказался, может быть, даже несколько неожиданно для читателя, состоящим не менее чем из двух десятков последовательных различных движений-звеньев, которые все нужно выполнить без пропуска, не перепутав их порядка и притом приспосабливаясь к не всегда одинаковым обстоятельствам. Попробуйте проследить пять-шесть раз за одним и тем же человеком при закуривании им папиросы: как ни просто это действие, как оно ни автоматизировано у старого курильщика, ни в одном из этой полдюжины повторений в точности не повторится ни перечень движений, ни их количество.

Те же самые свойства обнаружатся и во всевозможных других действиях. В области быта: надевание той или иной принадлежности одежды, очинка ка-

рандаша, умывание, бритье, приготовление яичницы или чая, застилка постели и т.д. В области профессионального труда — необозримое обилие действий, из которых слагается работа по любой из специальностей: закладка детали в станок; заправка нитки в швейную или прядильную машину, обточка, штамповка, поковка, сверление, закалка, закладка бумаги в пишущую машину; все это — лишь бесконечно малая горсточка действий, зачерпнутая наудачу из океана производственного труда. Из области спорта: действия ведущего, гонящего футбольный мяч к воротам противника; тактика бегуна на состязании, направленная к выигрышу дистанции, действия борца, стремящегося положить на обе лопатки уже поверженного на землю противника; деятельность шофера, управляющего мчащейся автомашиной и т.д., и т.п.

В каждом из действий, подобных перечисленным, десятки новых примеров которых без труда подыщет сам читатель, обнаружатся оба указанных свойства: *цепное строение и приспособительная изменчивость* от раза к разу в составе и строении цепочек. <...>

Следующее характерное *свойство действий* — это то, что они очень часто (хотя и не всегда) *совершаются* над вещью, *над предметом*. Этим объясняется и одно из названий, прилагаемых к этому типу двигательных актов, — *предметные* действия. С *вещью* нередко имеют дело и движения уровня пространства (*С*), но там все ограничивается либо простым *перемещением* ее с одного места на другое (переложить, достать, вставить, подвинуть и т.п.), либо приложением к ней известного усилия (придавить, ударить, поднять, толкнуть, метнуть и т.д.).

Предметные действия изменяют вещь гораздо глубже; тут речь идет уж не о простой перемене ее местоположения.

Папироса загорается, яйцо варится, фотографическая пластинка проявляется — это все химические изменения. Металлическая деталь обтачивается, борода подстригается, из глины возникает сосуд или статуя — здесь налицо перемены величины и формы. Мяч забивается в ворота, ферзь берет слона или ладью, металлические литеры, проходя через руки наборщика, образуют типографский набор и т.д. В последних примерах дело сводится как будто только к перемещениям, однако, вникнув, легко убедиться, что это не так. Ведь если бы вся задача футбольных игроков состояла только в том, чтобы мяч оказался за воротами, то было бы гораздо скорее и проще прямо взять и отнести его туда. Если бы самая суть шахматной борьбы состояла только в передвигании фигурок, то, во-первых, тогда игра без доски и фигурок, «вслепую», была бы уже не игрой; во-вторых, тогда передвигание фигурок, производимое двухлетним сынишкой, забравшимся в отсутствие отца в его кабинет, было бы равноценно с действиями Ботвинника[13]; в-третьих, наконец, в том же случае, надо полагать, искусный игрок в бирюльки был бы и самым лучшим игроком в шахматы.

[13] Ботвинник Михаил Моисеевич (1911—1995) — шахматист, международный гроссмейстер, шахматный литератор и педагог. — *Ред.-сост.*

Ясно, что и в этих примерах за передвиганиями предметов всюду скрыт совсем иной и особый смысл, который и связывает движения во всех таких случаях в целостные смысловые цепи.

Здесь нельзя не отметить одно очень интересное и характерное свойство действий, которое покажет нам заодно, до чего способны бывают подняться в их применении разные животные. Очевидно, что если за движениями, из которых составляется смысловая цепочка действия, кроется нечто большее, чем простые перемещения и передвижения вещей, то в числе промежуточных движений такой цепочки будут нередко попадаться такие, которые передвигают вещь совсем *не туда*, куда она должна будет попасть в конце концов, после решения задачи.

Если, например, нужно расстегнуть пояс, застегнутый крючком, для снятия петельки с крючка нужно первым делом еще туже стянуть пояс. Если требуется снять присосавшуюся лечебную банку с тела, то надо не тянуть ее прочь от кожи, а подсунуть под нее ноготь, чтобы впустить внутрь воздух. Если хочется сорвать яблоко, висящее слишком высоко, то следует не прыгать и рваться к нему понапрасну, а сходить в сторону за стулом, влезть на него и спокойно вознаградить себя за труд.

Посмотрим теперь, как поступают в подобных случаях животные и маленькие дети.

За сквозною проволочной решеткой находится тарелка с кормом. Курица (не обладающая уровнем действий), увидя его, начинает суетливо рваться к нему по прямой линии, пытается перелететь через загородку, долбит клювом проволоку и т.д. Умная собака, может быть, тоже согрешив вначале подобным же «куриным» поведением по отношению к лакомому куску, очень скоро вслед за тем повернется и пойдет *прочь от него*, туда, где имеется, как ей известно, калитка, т.е. сумеет ***переключиться из уровня пространства в уровень действий***. У кур и подобных им низкоорганизованных существ есть в распоряжении, кстати сказать, один вспомогательный вид поведения, который, несомненно, выработался у них в порядке приспособления к жизни и который иногда выручает их. Курица начинает возбужденно метаться во все стороны и этим увеличивает свои шансы ***случайно попасть*** в распахнутую калитку. Может статься, что она действительно с размаху и вбежит в нее. Обезьяна проделала в своем развитии еще один шаг вперед по сравнению с собакой: она способна *сходить за орудием* — за палкой и, просунув ее сквозь решетку, загрести ею приманку.

Полуторагодовалому ребенку досталось большое деревянное разъемное яйцо. Он видывал такие и прежде и твердо знает, во-первых, что яйцо состоит из двух плотно сложенных половинок, а во-вторых, что внутри находится, побрякивая, сюрприз, не менее привлекательный для него, чем пшено для курицы или банан для обезьяны. Но как открыть яйцо? Ребенок делает, по сути, совершенно то же самое, с чего в предыдущем примере начала курица. Он включает в работу *уровень пространства* (*С*), наивысший из уровней, какие успели у

него дозреть к этому возрасту. Действуя в этом же уровне, курица устремляется к корму *по тому самому направлению* — по прямой линии, — по которому он ей виден. Ребенок принимается раскрывать яйцо *по тому самому направлению*, по которому должны будут разойтись уже разомкнувшиеся половинки. Он и начинает, напрягая все свои силенки, тянуть обе половины в стороны прочь одну от другой, в какой-то момент они разлетаются в обе стороны, а вожделенный сюрприз летит в третью. Лишь гораздо позднее, когда у ребенка уже дозреет и включится в работу *уровень действий* (*D*), он дойдет до уразумения того, что в подобных случаях надо *не тянуть* половинки туда, куда хочется их в конце концов сместить, а покачивать или откручивать их.

Винт, который извлекается *не выдергиванием, а вывинчиванием*; чемоданная крышка с застежкой, которую надо сперва придавить *книзу*, чтобы поднять *кверху*; висящий плод, который для того, чтобы сбить и заполучить *к себе*, приходится иной раз ударять палкой *от себя*; футбольный мяч, который посылается ведущим *влево*, потому что в создавшемся положении это — наивернейший путь вогнать его в ворота, находящиеся *справа*; лодочный руль, который нужно повернуть *против* направления часовой стрелки, чтобы лодка повернулась по часовой стрелке, — вот целая пригоршня примеров движений, которые ведут «не туда». Все это — составляющие звенья *цепных действий*. Все эти и подобные им движения лишены прямого смысла с наивных и прямолинейных точек зрения уровня пространства, и все они (или, по крайней мере, подавляющее большинство их) недоступны ни сколь угодно умным животным, ни маленькому ребенку.

Для полноты характеристики действий остается добавить, что к ним же принадлежит еще одна форма цепных двигательных актов, быть может несколько неожиданная для читателя, а именно — *речь*[14]. Если вдуматься, то все существенные, необходимые признаки цепных действий окажутся в ней налицо. Это тоже целая последовательность отдельных движений-звеньев, в данном случае — движений языка, губ и голосовых связок; здесь тоже отдельные звенья цепочки объединены общим смыслом, отнюдь не сводящимся к перемещению чего бы то ни было; и здесь, наконец, тоже возможны и постоянно на самом деле имеют место всяческие мелкие изменения и отклонения (в произношении, интонации, высоте голоса и т.п.), не искажающие смысла.

---

[14] Как видно из отрывка, взятого из основной работы Н.А. Бернштейна (см. выше в настоящем тексте) речь относится к уровню символических координаций (*E*), а не предметных действий (*D*); в книге «О ловкости», возможно потому, что она носит научно-популярный характер, уровень *E* не выделяется из уровня *D* и его работа не описывается. — *Ред.-сост.*

Тема 7

Человек как субъект познания

Специфика психологического изучения познания. Деятельность, сознание, познание. Образ (представление) мира как условие деятельности в нем и основа его познания. Познание и мотивация. Познавательная потребность и исследовательские действия. Категория образа, виды и функции образных явлений. Предметный образ, его чувственная основа, феноменальные характеристики. Перцептивный образ и понятийный смысл. Проблема адекватного познания реальности. Целостность познавательной деятельности и проблема выделения познавательных процессов. Специфические познавательные процессы: ощущение, восприятие, мышление. Универсальные («сквозные») психические процессы: память, внимание, воображение.

Вопросы к семинарским занятиям

1. *Образ как категория психологии познания. Определения основных психических процессов. Метапознание*
2. *Феномены восприятия. Основные свойства перцептивного образа*
3. *Психологическая характеристика мышления. Образ и смысл*

1 *Образ как категория психологии познания. Определения основных психических процессов. Метапознание*

Л.М. Веккер

Сквозные психические процессы: общая характеристика*

Прямая <...> постановка вопроса о формах, способах и механизмах разных уровней психической интеграции естественным образом приводит к еще одному промежуточному вопросу, суть которого заключается в следующем: совокупностью когнитивных, эмоциональных и регуляционно-волевых процессов фактически не ограничивается хорошо всем известный традиционный перечень психических процессов. В этот перечень входит еще одна существенная группа психических процессов: память, воображение, внимание и речь. В каком же соотношении находится основная психологическая триада с этой группой процессов? Если основная классификация психических процессов произведена по достаточно надежным общим критериям и отвечает реальности, а внимание, память, воображение и речь не выделены в ней в самостоятельный класс, то уже сам по себе этот факт заставляет сделать логически неизбежный вывод, что в совокупности психических явлений эта группа занимает особое место и включается в процессы основной триады. Однако включенность памяти, воображения, внимания и речи во внутренний состав когнитивных, эмоциональных и регуляционно-волевых процессов может интерпретироваться двояко. Первая из интерпретаций отвечает наиболее широко распространенной, традиционной, хотя и не всегда явно теоретически формулируемой установке, согласно которой память, воображение, внимание и речь трактуются как составное звено познавательных процессов. И это имеет, конечно, свои основания. Но достаточны ли они? Даже самое поверхностное рассмотрение эмпирико-теоретических аспектов этой проблемы, проведенное под указанным углом зрения, легко обнаруживает недостаточность аргументов, на основе которых память, воображение, внимание и речь относят только к когнитивным процессам, входящим в состав целостной структуры интеллекта. Свидетельства такой недостаточности обшир-

---

* *Веккер Л.М.* Психика и реальность: Единая теория психических процессов. М.: Смысл; Per Se, 2000. С. 493—501.

но представлены как в собственно экспериментальной, так и в прикладной, в особенности медицинской психологии и патопсихологии.

Одной из самых эмпирически надежно обоснованных форм обобщения экспериментального материала как нормальной, так и патологической психологии являются принятые в ней основные классификации. Существующие классификации памяти, воображения, внимания и речи обладают разной степенью определенности, однако все они достаточно явно свидетельствуют о том, что эти процессы выходят за пределы структуры и закономерностей процессов только когнитивных. Особенно отчетливо такое положение дел обнаруживается в общепринятой классификации структурно-содержательных характеристик основных видов памяти. По этим критериям память делится на образную, словесно-логическую, эмоциональную и двигательную. Достаточно очевидно, что такие виды памяти, как образная и словесно-логическая, относятся к сфере познавательных процессов разных уровней их организации, начиная с сенсорных и кончая концептуально-мыслительными; что же касается соотнесенности памяти эмоциональной и двигательной со вторым и третьим классами психологической триады, то такая взаимосвязь выражена уже просто этимологически и, по-видимому, не нуждается ни в каких специальных дополнительных комментариях. Тем самым не нуждается, очевидно, ни в каких комментариях факт включенности мнемических процессов во все три класса психологической триады, и можно только удивляться консервативной силе традиционных установок, благодаря которым характеристики и закономерности процессов памяти излагаются в учебных пособиях и руководствах главным образом в контексте только познавательных процессов.

Результаты обширных и многосторонних исследований различных форм амнезии[1], содержащиеся в экспериментальных данных нейропсихологии и патопсихологии, позволяют сделать на данном предварительном этапе анализа существенный вывод, суть которого заключается в следующем: эмпирические материалы клинической психологии достаточно однозначно свидетельствуют о том, что память выходит за пределы не только внутренней структуры и внутренних взаимосвязей разных когнитивных процессов, относящихся к разным уровням структуры интеллекта, но и за пределы всех процессов, относящихся ко всем классам психологической триады, и затрагивает интимнейшие механизмы и закономерности внутренней организации субъекта-носителя этих процессов, т.е. личности как высшей формы или высшего уровня психической интеграции.

Несколько иная по формальному положению дел, но чрезвычайно близкая по теоретико-эмпирическому смыслу ситуация сложилась и в области проблемы воображения. Специфика этой ситуации заключается в том, что в соответствии с исходной этимологией термина и, тем самым, с исходным смыслом

[1] *Амнезия* — любая потеря памяти (т.е. нарушение запоминания или припоминания какого-то материала), по своим масштабам и степени значительно превосходящая обычное забывание. — *Ред.-сост.*

понятия «воображение» оно связывается именно и только со сферой образов и трактуется как их создание или оперирование ими. Образы же, естественно, относятся к области познавательных процессов. Поэтому основная классификация воображения выделяет в нем два класса: воображение воспроизводящее и воображение творческое. Оба эти класса опять-таки, естественно, остаются в сфере познавательных процессов. Достаточно, однако, лишь слегка изменить градус видения и выйти за рамки этой сложившейся традиционной установки, чтобы прямая аналогия с положением дел в области памяти сразу бросилась в глаза. Прежде всего уже внутри сферы когнитивных процессов эта аналогия состоит в том, что воспроизводящее воображение имеет дело с исходной формой образов, пассивно воссоздающих реально существующие объекты, скрытые, однако, от прямого отображения в первичных образах (сенсорных или перцептивных). Тем самым воспроизводящее воображение непосредственно связано со сферой сенсорно-перцептивных образов, которые, однако, в отличие от вторичных образов или представлений памяти не пассивно воспроизводятся, а строятся по описанию или какими-либо средствами сенсорно-перцептивной экстраполяции[2]. Эти образы относятся к сенсорно-перцептивной сфере потому, что они отображают реально существующие объекты, которые не стали сферой прямого отражения в ощущениях и восприятиях не в силу их принципиальной чувственной недоступности, а по причинам какой-либо вызванной привходящими обстоятельствами их скрытости от прямого наблюдения (например, потому, что они выходят за границы опыта данной личности или данного поколения в целом, относясь к прошлым историческим периодам). Так или иначе, построение образов воспроизводящего воображения опирается не на мыслительное конструирование, а на косвенные формы пассивного построения образов, которые в принципе могли быть выстроены средствами прямого сенсорно-перцептивного отображения.

В отличие от этого творческое воображение, создавая образы не существующих еще, т.е. относящихся к будущему, объектов или фантастические образы, объекты которых маловероятны или вообще невероятны, строит образы средствами умственных действий, которые не восстанавливают, а именно перерабатывают сенсорно-перцептивный опыт. Тем самым творческое воображение явно включается в мыслительный процесс, представляя один из языков мышления — язык предметных пространственно-временных гештальтов[3].

---

[2] *Экстраполяция* — нахождение по ряду значений функции других ее значений, находящихся вне этого ряда. — *Ред.-сост.*

[3] *Веккер Л.М.* Мир психической реальности: структура, процессы, механизмы / Под общ. ред. А.В. Либина. М.: Информ.-издат. агентство «Русский мир», 1998; *Веккер Л.М., Либин А.В.* Принципы теории ментальной репрезентации: диалоги о природе психики. (В печати). [Термин «гештальт» обозначает такое целое, сущность и свойства которого невозможно объяснить путем разложения на части, анализа этих частей и их связей. Кроме того, части в составе гештальта приобретают свойства и функции, отсутствующие у них в изолированном состоянии или, как говорят, целое живет в каждой своей части. — *Ред.-сост.*]

Исходя из сказанного, есть основания заключить, что эквивалентами двух форм когнитивной памяти, т.е. памяти сенсорно-перцептивной, или образной, и памяти словесно-логической, или мыслительной, являются сенсорно-перцептивное воображение и воображение словесно-логическое, или мыслительное. Однако под влиянием традиции, ограничивающей процесс воображения только сферой когнитивных процессов, процесс воображения был рассмотрен и истолкован по существу только как компонент мыслительных процессов, а первая форма когнитивного воображения — воображение сенсорно-перцептивное — вообще не рассматривалась.

Между тем достаточно сделать еще один шаг по пути проведения рассматриваемой аналогии с процессами памяти, как сразу же откроется маскируемая традиционной установкой другая сторона психической реальности, отображаемой понятием «воображение». Эта другая сторона заключается в том, что эмоциональное воображение — столь же несомненная психическая реальность, как и эмоциональная память. Соответственно этому воображение движений и действий или, иначе, двигательно-действенное воображение столь же несомненная психическая реальность, как и двигательно-действенная память. Весь житейский психологический опыт, подкрепленный научным опытом психологии искусства и психологии деятельности, неопровержимо свидетельствует, что процесс воображения включен во все классы психологической триады и, следовательно, аналогично процессам памяти носит сквозной характер. И если вопреки прямо выраженному в научных классификациях факту включенности мнемических процессов во все классы психологической триады процессы памяти продолжают трактоваться в основном как процессы когнитивные, то тем легче консервативная сила этой традиции продолжает действовать по отношению к процессу воображения, поскольку сквозной характер последнего пока еще не получил своего выражения даже в соответствующих эмпирических классификациях. Однако в настоящее время не существует, по-видимому, серьезных научных оснований сомневаться во включенности воображения в эмоциональные и регуляционно-волевые процессы и тем самым — в его сквозном характере.

Аналогичная эмпирико-теоретическая ситуация имеет место в области проблемы внимания. По разным причинам, в частности потому, что само понятие «внимание» гораздо более неопределенно, чем понятие «память», в экспериментальной психологии отсутствуют четкие классификации видов внимания. Тем не менее наличие сенсорно-перцептивного или, соответственно, образного внимания, внимания речемыслительного, внимания эмоционального и внимания, относящегося к сфере движений или целостной структуры деятельности, свидетельствует об отнесенности внимания к когнитивным, эмоциональным и деятельностным процессам. Совпадение этой фактической классификации видов внимания с классификацией мнемической столь очевидно, что не нуждается в дополнительных обоснованиях и комментариях. Факты экспериментальной и клинической психологии, в частности связь расстройств личности с аттенцион-

ными нарушениями, достаточно ясно говорят о связи процессов внимания не только со всеми тремя блоками психологической триады, но и с уровнем организации личности как субъекта-носителя. Таким образом, универсальный характер процессов внимания, их отнесенность ко всем уровням организации психики не менее очевидны, чем универсальность мнемических процессов. Что касается речевых процессов, то здесь эмпирико-теоретическая ситуация аналогична предыдущим, однако с одной чрезвычайно существенной оговоркой: если памятью и вниманием обладает не только человек, то речь — принадлежность лишь человеческой психики. Но в пределах человеческого сознания ситуация, повторяем, здесь такая же, как и с памятью и вниманием. Поскольку основные классификации видов речи основаны на учете ее социально-психологической природы, ее роли как средства общения, они не повторяют картину классификации видов памяти, и поэтому в итоговых обобщениях экспериментальных исследований речевых процессов нет прямого аналога соответствующей классификации видов памяти. Однако в фактически представленных разносторонних описаниях и классификациях видов речи, хотя и не сведенных в единую систему, соответствующие аналоги классификаций видов памяти все-таки есть. Так, речь-повествование, речь-описание, словесный портрет, словесный пейзаж — все это достаточно явно выражает связь речи со сферой образов и представляет собой эквивалент того, что в классификации видов памяти обозначается как образная память.

Связь речи с мыслительными процессами не нуждается в обоснованиях хотя бы уже потому, что язык речевых символов представляет собой компонент мыслительных процессов, один из двух необходимых языков мышления. Если же говорить о наличии в материалах экспериментальной психологии указаний на соответствующие виды речи, которые выражают по самой своей природе ее связь с мышлением, то и здесь имеются соответствующие аналоги классификации видов памяти. Таковы речь-вопрос, речь-рассуждение, речь-доказательство, речь-аргументация и т.д.

Если продолжать это сопоставление, мы обнаружим такой вид речи, как речь-экспрессия, связь которой с эмоциональными процессами воплощена не только в собственно содержательных характеристиках речи, но и в ее интонационно-мелодических и мимико-пантомимических компонентах.

Что касается связи речи с процессами, относящимися к третьему члену психологической триады, функции речи как психического регулятора деятельности, причем регулятора не только интериндивидуального, социально-психологического, но именно интрапсихического, то эти факты и аспекты настолько многосторонне изучены экспериментальной и теоретической психологией[4], что такая связь не нуждается в комментариях. Если же говорить о представленности этой связи в описаниях соответствующих видов речи, то и здесь имеется эквивалент вида памяти, воплощенный в такой форме речи, как

---

[4] См.: *Лурия А.Р.* Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.

речь-инструкция, речь-команда, речь-приказ (здесь имеется в виду самоинструкция, самокоманда, самоприказ).

И, наконец, если продолжить это сопоставление дальше, то и здесь мы обнаруживаем включенность речи не только в процессы, принадлежащие к каждому из трех блоков психологической триады, но именно в межклассовый синтез или синтез более крупных блоков. Связь речи с сознанием в целом также настолько хорошо исследована в психологии, психолингвистике, лингвистике, социологии, что вряд ли нуждается в доказательствах. Речь, кроме того, участвует и в синтезе целостной структуры личности как субъекта-носителя высших психических явлений. Об этом опять-таки свидетельствует не только экспериментальная и теоретическая, но и прикладная, в частности клиническая, психология, нейропсихология и патопсихология, которые ясно показывают, какой интимный характер носит связь различных форм афазий[5] с многосторонними нарушениями целостной структуры личности.

Таким образом, все четыре процесса — память, воображение, внимание и речь — носят сквозной характер и тем самым оказываются не вне, а внутри основной психологической триады. Их специфическое место в системе психических процессов, включенность в когнитивные, эмоциональные и регуляционно-волевые структуры предполагает и особый подход к их исследованию. Он не может не отличаться от той стратегии, которая была применена к исследованию процессов, принадлежащих к основным классам психологической триады.

Но этот универсальный характер сквозных психических процессов, определяя их содержательную специфичность и обусловленную ею модификацию задач и стратегии их исследования, тем самым предопределяет многообразие существующих подходов к исследованию памяти, воображения, внимания и речи. В экспериментальной и теоретической психологии накоплен необозримый фактический материал, который очень трудно эмпирически, а тем более теоретически обобщить и дать сколько-нибудь последовательную, укладывающуюся в рамки определенных критериев систематизацию этих процессов. Вместе с тем именно универсальность, включенность памяти, воображения, внимания и речи во все психические явления в качестве их внутренних компонентов позволяют выделить особую функцию этих процессов в психической деятельности в целом. Речь идет о <...> внутрипроцессуальной, межпроцессуальной, но внутриклассовой, а затем и межклассовой интеграции <...> Из всего многообразия характеристик, закономерностей, аспектов и различных функций процессов памяти, воображения, внимания и речи в качестве главного предмета исследования здесь выделяются именно характеристики, особенности, закономерности их интегративной функции в системе психических явлений.

---

[5] *Афазия* — полное или частичное нарушение речи, возникающее при локальных поражениях коры левого полушария мозга (у правшей). — *Ред.-сост.*

В.В. Петухов

Основные определения собственно познавательных и универсальных психических процессов

Научное познание души, которое предполагает разделение ее на части, начинается, как известно, еще от Аристотеля[1]. Эти части — по Аристотелю, «способности души» — называют сегодня психическими, или уже — познавательными процессами. Действительно, Аристотеля справедливо считают античным предшественником когнитивной психологии, поскольку в данном направлении принято различать познавательную и мотивационную (эмоционально-волевую) сферы и исследовать только процессы познания. Впрочем, сегодня далеко не все когнитивные психологи придерживаются этого различения так же последовательно, как, например, Джеймс Гибсон[2] при изучении восприятия и Жан Пиаже[3] — мышления (интеллекта). Все, что приводит субъекта в движение, как бы выносится ими за скобки для более глубокого анализа собственно познания реальности — чувственного и рационального представления о ней.

Классификация психических, в том числе познавательных, процессов была и остается проблемой. Так, в большинстве учебников по общей психологии для педагогических институтов память относят к познавательным процессам, а, скажем, внимание — нет. Что касается памяти, то, по-видимому, ее связь с познанием суть старинная дань учению Платона: поскольку идеи бессмертны, постольку акты познания, понимания сущности вещей есть воспоминание о вечном. Внимание же рассматривают как необходимую характеристику любой деятельности, что несомненно так, однако то же справедливо и для памяти или, скажем, воображения.

---

[1] Аристотель (384—322 до н.э.) — древнегреческий философ. — *Ред.-сост.*

[2] Гибсон (*Gibson*) Джеймс Джером (1904—1980) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

[3] Пиаже (*Piaget*) Жан (1896—1980) — швейцарский психолог, логик и философ. — *Ред.-сост.*

Конечно, всякое разделение психических процессов условно: в реальной жизни они взаимосвязаны. И все же, не нарушая сложившейся традиции изложения учебного материала, предложим выделять *две* группы психических процессов, различив их по следующему основанию. Это — ***специфическое*** (или ***неспецифическое***) ***отношение*** процессов к собственно познавательной сфере. Так, с одной стороны, к специфическим, или ***собственно познавательным*** процессам, к познанию в точном смысле слова, следует отнести ***ощущение***, ***восприятие*** и ***мышление***. Действительно, результатом этих процессов является *знание* субъекта о мире и о себе, полученное либо с помощью органов чувств (ощущение, восприятие), либо рационально (мышление). С другой стороны, существуют неспецифические, т.е. имеющие отношение не только к познанию и, тем самым, *универсальные* психические процессы — ***память***, ***внимание*** и ***воображение***. Их называют также «сквозными»[4] — в том смысле, что они проходят как бы сквозь любую деятельность, обеспечивают ее осуществление, в том числе являются необходимыми условиями познания, но не сводятся к нему. Благодаря универсальным психическим процессам познающий, развивающийся субъект имеет возможность сохранять единство своего *Я* во времени: память позволяет ему удерживать ***прошлый*** опыт, внимание — извлекать ***актуальный*** (настоящий), воображение — прогнозировать *будущий*, а вместе — со-держать его в сознании.

Обратимся к процессам первой группы и рассмотрим каждый из них более подробно. В общей психологии принято гносеологическое различение чувственного и рационального познания, причем напомним, что именно ***ощущение*** выделялось как объективный элемент сознания в первых проектах экспериментальной науки. Отметим, во-первых, что ощущения как отражения отдельных свойств объектов характеризуются тем или иным ***качеством*** — цветом, звуком, запахом, вкусом и т.д. (а нередко и именуются сенсорными качествами). Во-вторых, они обладают определенной ***интенсивностью***, т.е. количественной характеристикой, скажем, яркостью цвета, громкостью звука, а если это так, то ощущения в принципе можно измерять. Точнее, их интенсивность можно соотносить с интенсивностью тех раздражителей, которыми они вызываются. При этом заметим, что область раздражителей, воспринимаемых органами чувств, ограничена, и ее пределы называются абсолютными ***порогами*** чувствительности. С установления функциональной связи между областью воспринимаемых раздражителей и областью соответствующих им ощущений началось особое направление в экспериментальной психологии, основанное еще в прошлом веке Густавом Фехнером[5] и называемое психофизикой. И наконец, в-третьих, ощущения характеризуются пространственно-временной протяженностью, или,

---

[4] См.: *Веккер Л.М.* Психические процессы: В 3 т. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. Т. 3.

[5] Фехнер (*Fechner*) Густав Теодор (1801—1887) — немецкий ученый и философ, основатель психофизики. — *Ред.-сост.*

другими словами, они взаимодействуют в пространстве и времени, что порождает ряд феноменов. Так, взаимодействие ощущений в пространстве проявляется в феноменах контраста — яркостного (когда на границе черного и белого цветов интенсивность соответствующих ощущений повышается) и цветового. Протекание же ощущений во времени связано с феноменом адаптации — изменения (понижения или повышения) чувствительности при постоянном действии раздражителя.

Восприятие как процесс чувственного познания реальности есть отражение предметов в форме их индивидуально-конкретных образов. Образ восприятия также обладает рядом характеристик. К первой из них относят *наличие сенсорных качеств*, причем различных и часто сразу нескольких по своей модальности, отчего образ называют полимодальным. Впрочем, перцептивный образ не сводится к сумме своих сенсорных качеств, и второй, основной его характеристикой является *целостность*. Эта характеристика образа была раскрыта и подробно исследована в гештальтпсихологии: как известно, гештальт и есть целостная форма, структура, обладающая особым качеством по сравнению с суммой своих частей, которая выступает в восприятии как фигура на том или ином фоне. Заметим, что именно целостный образ (а не отдельное ощущение) считается сегодня единицей чувственного познания, т.е. сенсорно-перцептивных процессов. Третья характеристика образа, причем именно как фигуры на фоне — его *константность*, т.е. относительное постоянство видимого образа, или его тенденция к сохранению истинных свойств отражаемого объекта, например величины, формы и др. Для того, чтобы убедиться в феномене константности, необходимо сравнить, скажем, воспринимаемую величину объекта, наблюдаемого на определенном расстоянии, с тем, каким он должен был бы видеться на этом расстоянии в точном соответствии с размером его проекции на чувствительной поверхности глаза. Если бы константность отсутствовала, то воспринимаемая и «проекционная» величины были бы одинаковы, однако реально видимая величина несколько больше, т.е. объект как бы приближен к наблюдателю. Тем самым величина перцептивного образа сохраняется относительно независимой от расстояния до объекта, форма — от угла его поворота по отношению к наблюдателю, а, скажем, яркость (или цвет) — от характера освещения. Четвертой характеристикой образа является его *предметность*, которая обычно связывается с человеческим, общественно-историческим опытом. Действительно, перцептивный образ выступает для человека не только как условная целостная фигура, наделенная сенсорными качествами, но как имеющий определенное предметное содержание. Однако в обычных условиях исследовать порождение этого содержания достаточно трудно, и поэтому в экспериментах привлекаются специальные устройства, искажающие привычные условия наблюдения, что позволяет изучать актуальное развитие предметности восприятия. Завершающим, пятым, свойством образа назовем его *инди-*

видуальный характер, именуемый также *установкой* в восприятии. Если предметность восприятия связана с присвоением культурного опыта человечества, то индивидуальность, или установка, выражает собственный прошлый опыт каждого человека и проявляется, например, при восприятии неоднозначных изображений.

Рациональной формой познания реальности является *мышление*, определение которого можно получить, обратившись к свойствам его основной единицы — *понятия*. Во-первых, всякое понятие (по сравнению с индивидуально-конкретным перцептивным образом) есть *обобщение* того или иного класса объектов. Во-вторых, для порождения понятия необходимы специальные *средства*: в отличие, например, от ощущения твердости или мягкости (скажем, кусочка мела), для которого вполне достаточно соответствующего органа чувств, понятие твердости—мягкости можно сформировать, лишь отражая отношения между предметами (скажем, мела и доски), один из которых является объектом познания, а другой — средством. Впрочем, как правило, средства развитого мышления вообще выходят за пределы восприятия, являются логическими формами адекватного рассуждения. С этим связано то, что, в-третьих, в содержании понятия отражаются не детально-конкретные, но *существенные*, абстрактные свойства предметов и явлений, подчас недоступные непосредственному чувственному наблюдению. Таким образом, мышление в широком смысле следует определить как обобщенное и опосредствованное познание субъектом существенных свойств и отношений реальности.

Попытаемся определить мышление в узком смысле — как предмет эмпирического изучения в психологии. Как известно, первые экспериментаторы в этой области, исследователи Вюрцбургской школы, возглавляемой Освальдом Кюльпе[6], связывали специфику мышления (в его отличии от восприятия) с постановкой вопроса, или понятием *задачи*. Тем самым мышление в узком смысле есть решение задачи. Однако оба ключевые слова следует уточнить. Так, во-первых, термин «решение» можно понимать двояко: как полученный результат (англ. *solution*) и как процесс его достижения (*solving*). Психолог принимает последнее значение, определяя мышление как *процесс* решения задачи (хотя нередко судит о нем по результату). Во-вторых, требует разъяснения и понятие задачи, в котором, с опорой на исследования гештальтпсихологов, следует выделять объективную и субъективную (психологическую) структуру. Так, объективно задача включает в себя определенное требование и условия, в которых оно должно быть выполнено, а психологически, соответственно, — поставленную (четко или нет) цель и наличие (или отсутствие) средств ее достижения. Если требование неясно субъекту, т.е. цель не может быть сразу поставлена четко, то необходим процесс преобразования объективного требо-

---

[6] Кюльпе (*Külpe*) Освальд (1862—1915) — немецкий психолог, лидер Вюрцбургской школы психологии мышления. — *Ред.-сост.*

вания в субъективную цель (целеобразования), и тогда в определение мышления должен войти не только процесс решения задачи, но и самой *постановки*, принятия ее субъектом. То же касается и средств: если таковые уже имеются в условиях (в том числе — в прошлом опыте субъекта), то мышление будет лишь репродуктивным (алгоритмическим), напоминающим умственный навык, а если нет, то необходим процесс поиска, создания средств, и мышление станет продуктивным (эвристическим). При этом сама задача становится для субъекта *творческой*, и именно она прежде всего привлекает современных исследователей. Суммируя сказанное, мы получаем: мышление — это процесс постановки и решения субъектом творческих задач.

Обратимся теперь к определениям универсальных («сквозных») психических процессов — памяти, внимания, воображения. Эти определения будут краткими, но принципиально указана их взаимосвязь. Так, определение *памяти* включает в себя три ключевых слова: это — *запечатление*, *сохранение* и *воспроизведение* прошлого опыта. Конечно, каждое из этих слов может быть названием группы процессов. В зависимости от запоминаемого материала «синонимами» запечатления могут стать заучивание (скажем, определенного текста или списка слов) или формирование (двигательного навыка). Рядом с процессом сохранения следует поставить альтернативный ему и не менее важный — забывание. В группу же процессов воспроизведения (по которому, собственно, и судят о феномене памяти) могут войти такие методические приемы, как воспроизведение слов в предъявленном порядке, свободное припоминание, изложение материала, узнавание и, наконец, повторное заучивание (которое по времени или количеству необходимых проб оказывается меньше, чем первоначальное).

Внимание — это процесс *отбора* материала и *сосредоточения* на нем; здесь ключевых слов два. Термин «отбор» в отечественной психологии нередко понимают как «направленность», а в мировой когнитивной психологии заменяют словом «селекция», отдавая дань тому, что первые модели внимания строились с опорой на метафору фильтра (стоящего на разных этапах переработки информации). Процесс же сосредоточенности сегодня понимают как удержание материала в сознании или как регулярное слежение (мониторинг) за текущим информативным потоком. Особо подчеркнем связь ключевых слов в определениях памяти и внимания: поскольку запечатлеть весь предъявляемый материал бывает практически невозможно, процесс отбора неизбежно присутствует уже на этом этапе, а для того, чтобы сохранить и затем воспроизвести материал, необходимо какое-то время быть на нем сосредоточенным, работать с ним, удерживать его в сознании.

Для определения *воображения* нам потребуется лишь одно ключевое слово: это — *преобразование* реальности или представления о ней. Понятно, что это преобразование обычно связывается с предвосхищением, прогнозированием будущего результата планируемого и выполняемого действия. Очевидны связи

воображения с процессами внимания, ведь преобразование материала необходимо осуществляется как при его отборе, так и сосредоточении на нем, служит условием удержания его в сознании, извлечения его новых аспектов и свойств. Особо подчеркнем непростые отношения воображения с собственно познавательными процессами. Во-первых, заметим, что корневой основой термина «воображение» является «образ», а образ, как известно, единица восприятия. Однако значения этого слова в двух данных случаях (а в английском языке и сами термины) не совпадают. Если единица (и результат) восприятия — это «*percept*», индивидуально-конкретное изображение объекта, то воображения — имидж (от англ. *image*), обобщенный образ, или образ-тип, выступающий, по существу, в функции «визуального понятия». Вместе с тем, во-вторых, воображение следует отличать от мышления так же, как наглядный обобщенный образ — от условного знака: если знак есть средство сохранения и воспроизводства *знания*, то имидж — это символ, способ самого представления, *понимания* реальности, связанный не только с познавательной, но и с эмоционально-волевой сферой человека.

Л. Моузес,
Дж. Бэрд

Метапознание*

Согласно широкому определению, *метапознание* — это познание или познавательный процесс, который направлен на познание любого вида, наблюдает за ним или управляет им. Хотя исторические корни этого понятия уходят в далекое прошлое[1], исследования метапознания впервые выходят на авансцену в 1970-е гг. благодаря работам Флейвелла[2] и других авторов, посвященным возрастным изменениям в знаниях детей о своей памяти («метапамять»), о своем понимании («метапонимание») и общении («метакоммуникация»)[3]. В настоящее время метапознание считается центральной опорой многих видов познания, в том числе памяти, внимания, коммуникации, решения проблем и интеллекта. Понятие метапознания находит важные приложения в таких сферах как образование, психология старения, нейропсихология и психология свидетельских показаний[4]. По меньшей мере в этом смысле метапознание является областью, общей для различных видов познания.

Теоретики по-разному характеризуют различные стороны метапознания[5]. Тем не менее, большинство из них проводит ориентировочную границу между метапознавательным знанием и метапознавательным регулированием. К *метапознавательному знанию* относятся имеющиеся у индивидов сведения о своем познании

---

* *Moses L.J., Baird J.* Metacognition // The MIT Encyclopedia of the Cognitive Sciences / R.A. Wilson, F.C. Keil (Eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 1999. P. 530—532. (*Перевод А.М. Пантюшкова.*)

[1] См. напр.: *James W.* Principles of Psychology. N.Y.: Holt, 1890. Vol. 1.

[2] Флейвелл (*Flavell*) Джон (р. 1928) — американский психолог, изучающий развитие познавательной сферы детей. — *Ред.-сост.*

[3] См.: *Flavell J.H.* Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34. P. 906—911.

[4] См.: *Flavell J.H., Miller P.H., Miller S.A.* Cognitive Development. Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1993; *Metcalfe J., Shimamura A.P.* (Eds.) Metacognition: Knowing about Knowing. Cambridge (MA): MIT Press, 1994.

[5] См.: *Schneider W., Pressley M.* Memory Development between 2 and 20. N.Y.: Springer, 1989.

или познании в целом. Флейвелл далее делит метапознавательное знание на знание [1] о себе (напр., знание того, что у меня очень хорошая память); [2] о заданиях (напр., знание того, что категоризуемые элементы, как правило, легче вспомнить, чем некатегоризуемые); [3] о стратегиях (напр., знание мнемотехник, таких как повторение или организация материала) и [4] о взаимодействиях заданий и стратегий (напр., знание того, что если задание включает в себя категоризуемые элементы, то обычно их организация эффективнее, чем повторение)[6]. Хотя некоторое метапознавательное знание есть даже у дошкольников, заметный прогресс во всех этих областях наблюдается в подростковом возрасте и, конечно, после него[7].

В *метапознавательное регулирование* входит ряд исполнительных функций, таких как планирование, распределение ресурсов, мониторинг, проверка, обнаружение и исправление ошибок[8]. Нелсон и Нэренз делят метапознавательное регулирование на мониторинг и управление в зависимости от направления движения информации: к метауровню или с метауровня, соответственно[9]. В процессе мониторинга (напр., при отслеживании понимания материала во время чтения) метауровень получает информацию с «предметного уровня» текущего познания, тогда как в процессе управления (напр., распределение усилия и внимания на важный, а не на тривиальный материал), метауровень видоизменяет это познание. И снова с возрастом в том и другом виде метапознавательных процессов происходит значительный прогресс[10].

Хотя мониторинг может происходить без явного осознания, он часто вызывает и, в свою очередь, испытывает воздействие сознательных метапознавательных переживаний[11]. Например, человек чувствует, что знает необходимый матеиал, но не в состоянии его вспомнить. Хотя какие-то метапознавательные переживания могут быть даже у двухлетних, дети более старшего возраста и взрослые значительно лучше интерпретируют и используют их[12]. Важен вопрос о том, являются ли метапознавательные переживания (такие как чувство знания) действительно надежными показателями познания, лежащего в их основе. В последние годы этот вопрос привлек к себе пристальное

[6] См.: *Flavell J.H.* Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34. P. 906—911.

[7] См. напр.: *Brown A.L., Bransford J.D., Ferrara R.A., Campione J.C.* Learning, remembering, and understanding // Handbook of Child Psychology. Vol. 3: Cognitive Development / J.H. Flavell, E.M. Markman (Eds.). N.Y.: Wiley, 1983. P. 77—166; *Schneider W., Pressley M.* Memory Development between 2 and 20. N.Y.: Springer, 1989.

[8] См.: *Brown A.L., Bransford J.D., Ferrara R.A., Campione J.C.* Learning, remembering, and understanding // Handbook of Child Psychology. Vol. 3: Cognitive Development / J.H. Flavell, E.M. Markman (Eds.). N.Y.: Wiley, 1983. P. 77—166.

[9] См.: *Nelson T.O., Narens L.* Metamemory: A theoretical framework and new findings // The Psychology of Learning and Motivation / G. Bower (Ed.). N.Y.: Academic Press, 1990. Vol. 26. P. 125—141.

[10] См., напр.: *Garner R.* Metacognition and Reading Comprehension. Norwood (NJ): Ablex, 1987.

[11] См.: *Flavell J.H.* Metacognition and cognitive monitoring: A new area of cognitive-developmental inquiry // American Psychologist. 1979. Vol. 34. P. 906—911.

[12] См.: *Flavell J.H.* Speculations about the nature and development of metacognition // Metacognition, Motivation, and Understanding / F.E. Weinert, R.H. Kluwe (Eds.). Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1987. P. 21—29.

внимание в области исследования познания у взрослых[13]. Полученные данные говорят о том, что наличие или отсутствие чувства знания необходимого материала предсказывают эффективность его последующего узнавания[14]. Однако, хотя точность таких чувств обычно выше вероятности случайного совпадения, она далека от абсолютной и в какой-то степени зависит от вида задания. Более того, механизмы, лежащие в основе чувства знания, не вполне ясны: индивиды могут либо иметь частичный доступ к материалу, который не в состоянии воспроизвести, либо просто делают умозаключение о вероятности его знания из другой родственной информации, которая им доступна[15].

Метапознавательное знание и регулирование зачастую тесно взаимосвязаны. Например, знание того, что данное задание трудное, может привести к тому, что индивид будет очень тщательно отслеживать продвижение в познании. И наоборот: следствием успешного мониторинга познания может быть знание того, какие задания легкие и какие трудные.

Как приобретаются метапознавательные способности, в точности неизвестно. Однако скорее всего этот процесс многогранный. Среди возможных вкладчиков в этот процесс отметим общее развитие саморегулирования и рефлексивного мышления, требования формального школьного обучения и моделирование метапознавательной активности родителями, учениками и ровесниками[16]. Важным предшественником развития метапознания является приобретение начального знания о существовании психики и умственных состояний (т.е. развитие теории психики[17]). Это знание, прочно установленное к концу дошкольного возраста, продолжает развиваться вместе с метапознанием в течение среднего детства и подросткового возраста[18]. Несколько странно, что теорию психики и метапознание нередко рассматривают как отдельные области исследований. Конечно, эти области фокусируются на разных вещах: в исследованиях, проводимых в рамках прототипической

---

[13] См., напр.: *Metcalfe J., Shimamura A.P.* (Eds.) Metacognition: Knowing about Knowing. Cambridge (MA): MIT Press, 1994; *Nelson T.O.* (Ed.). Metacognition: Core Readings. Boston: Allyn and Bacon, 1992.

[14] См. плодотворные данные: *Hart J.T.* Memory and the feeling-of-knowing experience // Journal of Educational Psychology. 1965. Vol. 56. P. 208—216.

[15] См.: *Nelson T.O.* (Ed.). Metacognition: Core Readings. Boston: Allyn and Bacon. Nelson, 1992.

[16] См.: *Flavell J.H.* Speculations about the nature and development of metacognition // Metacognition, Motivation, and Understanding / F.E. Weinert, R.H. Kluwe (Eds.). Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1987. P. 21—29.

[17] *Теория психики* (theory of mind) — говорят, что у субъекта есть теория психики, если он относит переживаемые умственные состояния к самому себе и приписывает такие же или сходные состояния другим людям. Эту систему убеждений и мнений называют «теорией», потому что состояния психики другого человека недоступны прямому наблюдению: о них можно только умозаключать на основании рефлексии собственных состояний и данных наблюдения за поведением других людей. Г. Уэллман включает метапознание в «теорию психики» как систему представлений, предположений, фактов и убеждений индивида относительно собственного душевного мира, которая подобно любой теории развивается и подтверждается или не подтверждается жизненным опытом. — *Ред.-сост.*

[18] См.: *Moses L.J., Chandler M.J.* Traveler's guide to children's theories of mind // Psychological Inquiry. 1992. Vol. 3. P. 286—301.

теории психики, изучают понимание детьми младшего возраста роли умственных состояний в прогнозировании и объяснении поведения других людей. Тогда как классические исследования метапознания проводятся, как правило, в учебном контексте: изучается то, что знают дети старшего возраста о своих умственных процессах. Но провести абсолютное разграничение между этими областями невозможно. И та и другая занимаются изучением познания о познании.

Дефицит в метапознании наблюдается не только у маленьких детей. Слабые метапознавательные умения обнаружены также у неуспевающих и умственно отсталых. И наоборот, одаренные индивиды зачастую обладают превосходными метапознавательными способностями[19], которые явно проявляются в тех сферах, в которых они особенно компетентны[20]. Некоторые стороны метапознания могут быть недостаточными и у пожилых людей, хотя не всегда ясно, являются ли эти расстройства следствием старения или каких-то других факторов (напр., незначительного опыта учебной деятельности)[21]. Наконец, дефицит в метапознании нередко наблюдается у индивидов с поражением лобных долей, тогда как у индивидов с повреждением других частей коры он обычно отсутствует[22]. Например, пациенты с поражением лобных долей зачастую не осознают недостатки своего познания, не знают о метапознавательных стратегиях, плохо их используют, а их чувство знания характеризуется низкой точностью. То, что метапознание может быть локализовано в лобных долях, неудивительно, если учитывать обширное перекрытие метапознавательного регулирования с исполнительными функциями — той стороны познания, которую издавна связывают с прецентральной корой.

Интерес к метапознанию по большей части обусловлен убеждением, что метапознавательные умения сильно влияют на познавательную деятельность. Конечно, на поведение в конкретной познавательной ситуации могут воздействовать многие факторы[23], в том числе скрытые процессы, которые не осознаются индивидом[24]. Тем не менее, в случае памяти (где этот вопрос исследован особенно детально), между метапамятью и продуктивностью выполнения задания, как правило, обнаруживается довольно высокая корреляция[25]. Эта связь становится сильнее у более старших детей, в случаях более трудных заданий и определенных сторон метапамяти (напр., для мониторинга памяти). Неудивительно, что корре-

---

[19] См.: *Jarman R.F., Vavrik J., Walton P.H.* Metacognitive and frontal lobe processes: At the interface of cognitive psychology and neuropsychology // Genetic, Social, and General Psychology Monographs. 1995. Vol. 121. P. 153—210.

[20] См.: *Alexander J.M., Carr M., Schwanenflugel P.J.* Development of metacognition in gifted children: Directions for future research // Developmental Review. 1995. Vol. 15. P. 1—37.

[21] См.: *Nelson T.O.* (Ed.). Metacognition: Core Readings. Boston: Allyn and Bacon, 1992.

[22] См.: *Shimamura A.P.* The role of the prefrontal cortex in controlling and monitoring memory processes // Implicit Memory and Metacognition / L.M. Reder (Ed.). Mahwah (NJ): Erlbaum, 1996. P. 259—274.

[23] См.: *Flavell J.H., Miller P.H., Miller S.A.* Cognitive Development. Englewood Cliffs (NJ): Prentice Hall, 1993.

[24] См.: *Reder L.M.* (Ed.). Implicit Memory and Metacognition. Mahwah (NJ): Erlbaum, 1996.

[25] См.: *Schneider W., Pressley M.* Memory Development between 2 and 20. N.Y.: Springer, 1989.

ляция между метапамятью (напр., знание стратегий) и использованием стратегий обычно выше, чем корреляция между метапамятью и продуктивностью выполнения задания. Это подтверждает, что связи между метапознанием и успешным выполнением задания на самом деле являются сложными.

Учитывая, что метапознавательные способности действительно улучшают познавательную деятельность, их приобретение и развитие должно иметь важное значение в сфере образования. В этом отношении радует тот факт, что иногда метапознавательным стратегиям можно успешно обучить[26]. Такое обучение наиболее эффективно, если индивидам точно объясняют, как работает данная стратегия, в каких обстоятельствах ее можно использовать, и в том случае, когда индивиды приписывают успех в выполнении заданий используемой стратегии[27]. Важно, что именно при этих условиях обучения индивиды с наибольшей вероятностью сохранят и используют свои новоприобретенные метапознавательные способности в широком круге ситуаций[28].

---

[26] См., напр.: *Brown A.L.,Campione J.C.* Communities of learning and thinking, or a context by any other name // Developmental Perspectives on Teaching and Learning Thinking Skills / D. Kuhn (Ed.). Basel: Karger, 1990. P. 108—126.

[27] См., напр.: *Schneider W., Pressley M.* Memory Development between 2 and 20. N.Y.: Springer, 1989.

[28] Дополнительная литература: *Borkowski J.G., Carr M., Rellinger E., Pressley M.* Self-regulated cognition: Interdependence of metacognition, attributions, and self-esteem // Dimensions of Thinking and Cognitive Instruction / B.F. Jones, L. Idol (Eds.). Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1990. P. 53—92; *Brown A.L., Palincsar A.S.* Guided cooperative learning and individual knowledge acquisition // Knowing, Learning, and Instruction: Essays in Honor of Robert Glaser / L.B. Resnick (Ed.). Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1989. P. 393—451; *Duell O.K.* Metacognitive skills // Cognitive Classroom Learning: Understanding, Thinking, and Problem Solving / G.D. Phye, T. Andre (Eds.). Orlando (FL): Academic Press, 1986. P. 205—242; *Flavell J.H., Wellman H.M.* Metamemory // Perspectives on the Development of Memory and Cognition / R.V. Kail Jr., J.W. Hagen (Eds.). Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1977. P. 3—33; *Forrest-Pressley D.L., MacKinnon G.E., Waller T.G.* (Eds.). Metacognition, Cognition, and Human Performance. Orlando (FL): Academic Press, 1985. Vol. 2; *Garner R., Alexander P.A.* Metacognition: Answered and unanswered questions // Educational Psychology. 1989. Vol. 24. P. 143—158; *Kluwe R.H.* Cognitive knowledge and executive control: Metacognition // Animal Mind-Human Mind / D.R. Griffin (Ed.). N.Y.: Springer, 1982. P. 201—224; *Markman E.M.* Comprehension monitoring // Children's Oral Communication Skills / W.P. Dickson (Ed.). N.Y.: Academic Press, 1981. P. 61—84; *McGlynn S.M., Schacter D.L.* Unawareness of deficits in neuropsychological syndromes // Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology. 1989. Vol. 11. P. 143—205; *Paris S.G., Winograd P.* How metacognition can promote academic learning and instruction // Dimensions of Thinking and Cognitive Instruction / B.F. Jones, Idol L. (Eds.). Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1990. P. 15—51; *Pressley M., Borkowski J.J., Schneider W.* Cognitive strategies: Good strategy users coordinate metacognition and knowledge // Annals of Child Development. Vol. 5 / R. Vasta, G. Whitehurst (Eds.). Greenwich (CT): JAI Press, 1987. P. 89—129; *Schneider W., Weinert F.E.* (Eds.). Interactions among Aptitudes, Strategies, and Knowledge in Cognitive Performance. N.Y.: Springer Verlag, 1990; *Schraw G., Moshman D.* Metacognitive theories // Educational Psychology Review. 1995. Vol. 7. P. 351—371; *Schwanenflugel P.J., Fabricius W.V., Noyes C.R.* Developing organization of mental verbs: Evidence for the development of a constructivist theory of mind in middle childhood // Cognitive Development. 1996. Vol. 11. P. 265—294; *Weinert F.E., Kluwe R.H.* (Eds.). Metacognition, Motivation, and Understanding. Hillsdale (NJ): Erlbaum, 1987; *Wellman H.M.* Metamemory revisited // Trends in Memory Development Research / M.T.H. Chi (Ed.). Basel: Karger, 1983. P. 31—51; *Yussen S.R.* (Ed.). The Growth of Reflection in Children. Orlando (FL): Academic Press, 1985.

2 Феномены восприятия. Основные свойства перцептивного образа

Ф. Оллпорт

Феномены восприятия*

Но мы еще не покончили с вопросом Коффки[1]. Перед тем, как начать наш обзор теорий, объясняющих, почему вещи выглядят именно такими, какими мы их видим, уместно будет спросить: «Какими же мы их видим?»... Существует ли несколько достаточно широких категорий, в которых можно было бы отразить сущность феноменов и связанных с ними физиологических процессов? Существует ли несколько аспектов, хотя и отчетливых, но не изолированных, а отражающих части целого интегрированного содержания акта восприятия?

Введение такой первоначальной классификации требует известной смелости, и различные классификации могут не совпадать. Тем не менее, нам надлежит сделать попытку, поскольку составление списка основных феноменов, которые должны быть объяснены теориями восприятия, представляет собой предварительное условие правильного анализа этих теорий. Это особенно необходимо, поскольку мы собираемся оценивать теории с точки зрения их общности или полноты. Большинство категорий, с помощью которых мы будем описывать классы феноменов восприятия, носит феноменологический характер. Они характеризуют разнообразные, но специфические свойства вещей, представленных наблюдателю в его опыте. В какой-то степени они выражают традиционный подход к экспериментам и теориям в области восприятия. Такой подход вполне понятен. Без него, как мы уже говорили, экспериментальное исследование восприятия будет *малосодержательным*. Однако следует помнить, что восприятие есть также активность организма. Оно предполагает наличие рецепторов, нервных импульсов, кортикальных структур и моторных элементов, не говоря уже о возможных влияниях установки или состояний организма — потребностей, мотивов, эмоций и т.п. Некоторые из этих факторов будут фигурировать в нашем

---

* Хрестоматия по ощущению и восприятию / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.Б. Михалевской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. С. 47—57.

[1] Коффка (*Koffka*) Курт (1886—1941) — немецкий, позже американский психолог; один из основателей гештальтпсихологии. — *Ред.-сост.*

списке явлений. Можно думать, что единственная причина, почему эти физиологические аспекты не всегда упоминаются наряду с феноменальными, состоит в их недостаточной еще изученности, недостаточной установленности их роли. Наше последнее знание относительно них сводится к убеждению, что объяснение перцептивных процессов должно непременно на них основываться.

Весьма разумно, следовательно, эти физиологические аспекты восприятия <...> обсудить в связи с феноменами восприятия. Совершенно независимо от вопроса Коффки, почему вещи выглядят такими, какими мы их видим, или даже вопроса, какими мы видим вещи, рассмотрение физиологических систем, обеспечивающих отражение объектов внешней среды и благодаря этому интеграцию целостного поведения организма, подводит к самому существу проблемы перцептивных процессов.

Шесть больших классов феноменов восприятия

Все феномены восприятия могут быть сгруппированы в шесть больших классов. Классы эти и их иллюстрации могут показаться довольно элементарными читателю, уже знакомому с ними. Тем не менее, их обзор существенен для получения четкого представления о задачах, стоящих перед различными теориями восприятия.

Представим себе, что мы смотрим на различные диски, круги и другие простые объекты в меняющихся условиях. Хотя для удобства наши примеры будут взяты из области зрения, все рассмотренные ниже феномены могут быть легко проиллюстрированы и в других сенсорных модальностях.

1. Небольшой бумажный диск показывается на белом фоне. Мы констатируем, что он видится красным. Нам предъявляется второй диск, и он выглядит синим. Представленные в непосредственном опыте определенные «качества» — в зрении мы называем их тонами или цветами — являются одним из наиболее очевидных аспектов того, как выглядят вещи. Музыкальный тон, запах розы, вкус, боль, переживания давления, тепла или холода составляют другие хорошо знакомые примеры. Далее мы замечаем, что качества характеризуются различными «количествами» или измерениями. В зрении, например, качества имеют пространственную протяженность: каждое из них как бы охватывает определенную область пространства. По отношению к качеству мы имеем также переживания «интенсивности» или «силы». Один серый диск выглядит ярче или темнее другого, один красный цвет кажется более насыщенным, нежели другой; один из тонов может быть громче или тише другого и т.д. Переживание качества, кроме того, длится во времени. Сенсорные качества и их количественные измерения составляют, следовательно, один общий аспект того, какими мы видим вещи[2].

[2] Хелсон насчитал не менее восемнадцати возможных направлений вариаций непосредственного восприятия цвета (см.: *Helson H.* Perception. Ch. 8 // Helson H. (ed.). Theoretical foundations of psychology. N.Y., 1951).

Конечно, эти качества и измерения часто модифицируются условиями среды, в которой они наблюдаются, например фоном или освещенностью. Кроме того, они могут различным образом взаимодействовать друг с другом, но сущность качества никогда не объясняется полностью этими взаимодействиями. Хотя наши образы восприятия более сложны, чем эти простые качества или сенсорные модальности, последние всегда в них присутствуют.

В классификации и терминологии, относящихся к этой области, существуют определенные трудности. Подходя к этому вопросу с точки зрения чистого сознания, Титченер[3] рассматривал ощущения как элементы сознания, а качества — интенсивность, протяженность, длительность и ясность — как атрибуты (или измерения) ощущений. Такая схема неудовлетворительна, поскольку кроме этих пяти атрибутов не существует ничего другого, придающего смысл слову «ощущение». Отделенное от них ощущение превращается в чистую абстракцию. Практика рассмотрения таких фиктивных «ощущений» в качестве элементов или строительных блоков сознания представляет мозаичную теорию непосредственного опыта, против которой так энергично выступали гештальтпсихологи. Правильней, быть может, считать не ощущения, а непосредственное переживание качества основным фактом нашего осознания мира. Качество, как мы видим, уникально. Оно отличимо от сенсорных измерений, с которыми, тем не менее, всегда тесно связано. Оно входит в такие измерения, как длительность, интенсивность, протяженность и т.п., но никогда не может быть сведено целиком ни к этим, ни к каким-либо другим измерениям. Конечно, качество исчезнет, если интенсивность, протяженность или длительность свести к нулю. Но то же самое произойдет со всякими объектами, даже с теми, которые относятся к миру, регистрируемому физическими методами.

Но существует ли измерение в самом качестве? Упорядочены ли сами качества в непрерывный континуум[4] едва различимых ступенек?

Некоторым психологам казалось, что это именно так. Например, градации цвета описываются в виде непрерывного ряда, расположенного вокруг основания цветового конуса. Звуковые тоны музыкальной шкалы располагаются в последовательную серию чрезвычайно малых различий. Эти соображения, вероятно, и привели ранних интроспекционистов к объявлению качеств атрибутами или измерениями абстрактных конструкций — ощущений. По-видимому, здесь имеется некоторая путаница. Основные цвета в действительности не образуют континуума. Каждый уникален и расположен на расстоянии от всех других подобно углам цветового треугольника. То, что лежит между основными цветами, может быть названо континуумом промежуточных качеств (сине-зеленые, оранжевые, пурпурные и т.д.). Каждое из этих качеств в различной степени похоже

[3] Титченер (*Titchener*) Эдуард Брэдфорд (1867—1927) — англичанин, ученик Вундта; позднее (с 1892 г.) американский психолог. — *Ред.-сост.*

[4] *Континуум* – непрерывность или непрерывное (связное) множество явлений. — *Ред.-сост.*

на основные компоненты, но каждое может быть также определено как первичное качество. Существует множество промежуточных серий, переходов, смесей качеств в различных количествах или пропорциях. Каждая из этих смесей, правда, обычно воспринимается как неразложимое «целое», однако часто удается выделить первичные компоненты, составляющие их. В них присутствуют как целостность, так и составленность, хотя в восприятии не может быть представлено и то и другое одновременно и с одинаковой ясностью. Игнорировать или пренебрегать элементарными или первичными качествами ради какой-то частной теории или метода интроспекции — значит закрывать глаза на факты, имеющие место в повседневном опыте.

2. Наш второй класс феноменов восприятия резко отличается от первого. Хотя, подобно феноменам первого класса, они представляют собой непосредственный опыт, возникающий от действия объектов среды, феномены этого класса кажутся еще в меньшей степени детерминированными стимуляцией и в большей степени — процессами организма. Они ярко демонстрируют влияние одного перцептивного явления на другое, которое часто приводит к оптическим или каким-либо другим иллюзиям. Они связаны в основном с конфигурационными качествами воспринимаемых вещей — их формой, контуром, группировкой и т.п. Глядя на окружность, начерченную чернилами на белом картоне, мы замечаем, что ее кажущиеся размеры меняются при помещении ее между двумя параллельными линиями или линиями, образующими угол. Она может показаться трансформированной в часть спирали, если ее контур заштриховать отрезками прямой с переменным наклоном, или вследствие специфических свойств фона. Квадрат, поставленный на один из своих углов, кажется вовсе не похожим (ромбовидным) на такой же квадрат, верхняя и нижняя стороны которого находятся в горизонтальном положении. Взглянув снова на окружность, но без пересекающих ее линий или других окружностей, мы заметим, что она заключает область, которая «отделена» от фона, и что линия окружности или ее контур кажется принадлежащим кругу, но не круглому отверстию в фоне. Мы видим, что круг кажется определенной «фигурой», отчетливо выступающей из фона, и что остальная часть картона кажется простирающейся за ним как менее ясный фон.

Фигура и фон — непременные аспекты восприятия. В каждой сенсорной модальности мир представляется нам состоящим из фигур, расположенных на некотором фоне. Существует большое число правил, определяющих, какая часть будет фигурой и какая фоном. Если некоторая часть изображения может быть как фигурой, так и фоном, то наблюдается смена выступающих и отступающих полей при каждом переходе от восприятия одного сочетания фигуры и фона к другому, противоположному.

Элементы фигур, точки и т.п. кажутся «идущими вместе» или разделяются на группы в зависимости от условий. Если две фигуры соединены, то они могут

казаться образующими единую большую фигуру или распадаться на две фигуры в соответствии с особенностями их организации. Фигура, которая сама по себе проста и отчетлива, часто трудно воспринимается, если она составляет часть большого, прочно связанного целого. Части, будучи соединены друг с другом, образуют совершенно особые целые. Часть, включенная в целое, кажется другой, чем при отдельном восприятии. Подобные эффекты организации и образования целого имеют место и в слуховой модальности. Если мы слышим серию регулярных ударов равной интенсивности, то на них накладывается субъективный ритм, содержащий более сильные и более слабые удары.

Две световые точки, поочередно зажигаемые на небольшом расстоянии друг от друга и с определенным временным интервалом, будут казаться непрерывно движущейся одной точкой. Если окружность, на которую мы смотрим, разорвана или образована последовательностью точек, она, тем не менее, будет воспринята как замкнутая фигура. Можно показать, что между частями единого «целого» существуют отношения, которые выходят за пределы этих отдельных частей. Так что, если части меняются с соблюдением некоторых пропорций, то их отношения (целостность) все еще остаются узнаваемыми. Этот факт демонстрируется транспозицией мелодии — переносом ее из одной тональности в другую (качество формы). То же имеет место в экспериментах, где с помощью пищевого подкрепления обучали цыплят реагировать достаточно четко на более темный из двух серых цветов. Затем, когда серый, на который была выработана реакция, объединялся в пару с новым, еще более темным цветом, цыплята начинали охотно выбирать этот последний вместо того, на который они ранее были обучены реагировать.

Приведенные факты показывают, что в восприятии имеет место взаимодействие внутри целостностей: каждая часть оказывает некоторое влияние на другие. Ничто никогда не изолировано. «Целостный» характер формируется ансамблем, он не может быть обнаружен в частях при их раздельном восприятии.

Итак, это наш второй большой класс аспектов восприятия. Как мы увидим, они представляют некоторую абстракцию, так как для их выделения приходится игнорировать многое из более очевидного содержания наших чувственных данных о вещах. Они скорее относятся к форме перцептивного опыта, нежели к его содержанию. Феномены этого класса широко известны как фигурационные или конфигурационные аспекты восприятия.

3. Предположим теперь, что нам предъявляется круглый диск сначала во фронтальной плоскости, где он, конечно, кажется круглым, а затем в наклонной плоскости, так что его проекция на сетчатке приобретает эллиптическую форму. Все же мы склонны и при этих условиях видеть диск круглым, а не эллиптическим. Правда, мы видим его не абсолютно круглым, а воспринимаем скорее некий компромиссный вариант формы, более близкий к кругу, нежели к эллипсу. Это феномен константности восприятия. Он обеспечивает нам по-

стоянство свойств всего видимого и, таким образом, позволяет узнавать и идентифицировать объекты, когда они воспринимаются под различными углами или в различных положениях. Этот же феномен обнаруживается при восприятии величины на различных расстояниях, а также цвета и яркости при различных условиях освещения. Признаки, поступающие от объектов и их окружения, неразрывно связаны с эффектом константности восприятия. Эти признаки, по-видимому, «используются» в соответствии с прошлым опытом, и по большей части они обеспечивают нам весьма правильное восприятие.

4. Четвертый класс феноменов появляется в условиях задачи абсолютной оценки отдельных стимулов упорядоченного ряда. Эта ситуация отличается от оценки, например, яркости или громкости стимула относительно объективного стандарта. Факты, с которыми мы в данном случае сталкиваемся, касаются скорее вопроса о том, что мы называем «ярким» или «тусклым», «легким» или «тяжелым», «громким» или «тихим» и т.п.

Предположим, например, что нам показывается несколько круглых дисков равной величины, один за другим. Они предъявляются в форме световых пятен, проецируемых на экран, и существенно различаются между собой по яркости. Мы должны решить в отношении каждого диска, считаем ли мы его «ярким», «тусклым» или «средним».

Хотя у нас нет эталона для оценки, после предъявления серии стимулов, вероятно, определится степень яркости, которая выглядит для наблюдателя нейтральной: выше нее диски кажутся яркими, ниже — тусклыми. Другими словами, человек сам строит субъективные шкалы оценок. Мы будем называть этот феномен системой отсчета в восприятии свойств.

5. Перейдем теперь к универсальному аспекту восприятия, который кажется слишком очевидным, чтобы на нем специально останавливаться. Он совершенно отличен от любого другого, уже описанного нами, но связан с каждым из них. Хотя это и не обязательно, давайте подойдем к вопросу с рассмотрения условий подпороговых воздействий.

Предположим, мы смотрим на некоторый объект с целью опознать его в условиях очень короткой экспозиции или при освещенности, недостаточной для его узнавания. Будем от пробы к пробе постепенно удлинять время экспозиции или увеличивать освещенность. Сначала мы увидим какое-то красное пятно округлой формы, но опознать объект еще не сможем. Экспозиция или освещенность увеличится, и мы вновь сделаем попытку опознать объект. Может последовать целая серия безуспешных попыток или ошибочных восприятий — вдруг мы узнаем объект сразу: это — яблоко. Это — не красный диск, не свекла, не круглый красный мяч, а яблоко. Мы не ошибаемся, так как объект имеет много характерных признаков. Мы не можем сказать, что это только цветовые впечатления; это также не одна только конфигурация. Хотя объект обладает определенной фактурой, организацией частей, непрерывностью контура и воспринимается как фигура на фоне, он представляется как нечто большее, нежели

каждое из этих свойств. Он подчиняется закону константности величины и цвета, и легко может быть создана система отсчета для «яблок», устанавливающая, кажется ли предъявленный объект большим или маленьким яблоком. Однако совершенно очевидно, что ни одно из перечисленных свойств не описывает его полностью.

Эта характеристика восприятия столь универсальна и характерна, что трудно найти в описании видения вещей что-либо более значимое. Вещи и события предстают перед нами не просто как качества, свойства или формы, но именно как вещи и события. Реальный предметный характер восприятия (назовем его так, подразумевая слово «предмет» в очень широком смысле) — фундаментальное его свойство. Быть может, примечательней всего, что в этом свойстве представлено «значение». Значение — это не только то, что связано с конфигурацией или целостностью объекта или с его величиной, яркостью и т.п. Это также и опыт в отношении данного объекта. Поскольку события также включены в наше широкое определение «предмета», то мы можем распространить эту характеристику на значения конкретных ситуаций и действий.

6. В первых трех категориях — в сенсорных качествах и измерениях, в свойствах конфигурации и константности — мы описывали свойства восприятия, общие всем людям. В четвертой и пятой категориях также были отмечены черты, вероятно присущие всем людям, имеющим нормальный опыт. Мы переходим теперь к свойству восприятия, которое связано с индивидуальными различиями, а также с различными состояниями одного индивида.

Давно уже известно, что специфические установки наблюдателя или отношения, существующие длительно или только что возникшие, влияют на выбор объектов, которые воспринимаются, а также на степень готовности к их восприятию. Феноменально это выражается в большей ясности или живости восприятия данных объектов. Описываемое свойство восприятия тесно связано с конкретным, предметным характером стимулов; именно в тех случаях, когда мы принимаем во внимание конкретный характер или значение объекта, мы часто обнаруживаем связь между ним и состоянием, в котором находится испытуемый. Этот феномен более отчетливо проявляется по отношению к объектам, которые мы ищем, или к неопределенным ситуациям, которые мы готовы осмыслить в определенном плане.

Если, например, мы смотрим не на бессмысленные окружности или цветные диски, а ищем потерянную нами дорогую брошь, наше переживание потери, соединяясь с установкой найти именно данный предмет (которая включает представление того, «как он выглядит»), сильно способствует поиску и может сократить его время. Перцептивные установки или состояния готовности, вызванные потребностями, одновременно и типичны и важны. Эмоциональные состояния также могут определять перцептивную готовность или способ восприятия определенных объектов. Как часто надгробная плита ночью на кладбище принималась за призрак. Способ восприятия неопределенных или двусмыс-

ленных ситуаций может до некоторой степени определяться индивидуальными особенностями наблюдателя — факт, используемый в тестах Роршаха[5] для диагностики личности.

Итак, для полноты нашего списка мы должны добавить шестое свойство восприятия, которое будем называть эффектом доминирующей установки или состояния. Не следует упускать из вида, что установка нередко может быть следствием не сильной мотивации, эмоциональной или личностной установки, а гораздо менее драматичных факторов, таких, как частота или привычность появления объекта в опыте наблюдателя. Описанные эффекты обычно относятся к избирательности восприятия, поскольку в них речь идет о том, какие объекты из окружения будут восприняты, а какие нет.

Приведенное описание основных феноменов восприятия, хотя оно в высшей степени сжато и оставляет без внимания физиологический аспект, является достаточно полным для нашей цели.

Итак, вопрос: «Какими мы видим вещи?» — позволяет выделить шесть аспектов восприятия: сенсорные качества и измерения, конфигурацию, константность, систему отсчета, предметный характер и эффект доминирующей установки или состояния. Все эти аспекты восприятия составляют факты, которые должна включить в свой состав каждая теория восприятия, претендующая на полноту.

[5] *Тест Роршаха* – методика исследования личности, предложенная и разработанная швейцарским психиатром Германом Роршахом (1884—1922). Испытуемому предъявляют изображения билатерально симметрично расположенных чернильных пятен и просят в свободной форме сообщить, что он видит в целом или в каких-то частях данного изображения. Поскольку этот стимульный материал неоднозначен и слабоструктурирован, предполагается, что его восприятие будет во многом зависеть от эмоционального состояния субъекта, его ожиданий, потребностей и желаний, в том числе и даже преимущественно неосознаваемых. — *Ред.-сост.*

Х. Шиффман

[Описания и примеры некоторых свойств образов восприятия]*

Константность восприятия

Одновременно с изменением пространственного положения объекта относительно наблюдателя постоянно и существенно изменяется и характер светового потока, воздействующего на наблюдателя. Причиной изменения взаимного положения наблюдателя и объекта в пространстве могут быть как перемещения объекта, так и движения наблюдателя. Изменение пространственного положения сопровождается изменениями в распределении света, воздействующего на сетчатки глаз наблюдателя, в результате чего изменяются величина проекции объекта, его форма и светимость. Однако вопреки меняющимся условиям стимуляции мы неизменно воспринимаем все постоянно присущие объекту качества, ибо в результате эволюции наша перцептивная система приобрела способность к восприятию объектов такими (более или менее), каковы они на самом деле. Окружающий нас большой воспринимаемый нами мир стабилен и наделен относительно неизменными физическими свойствами. Эта стабильность восприятия при наличии изменений в физической стимуляции называется *константностью восприятия.*

Константность восприятия — одно из наиболее значительных достижений эволюции, однако при всей своей важности этот механизм зрительной системы не вполне изучен и нередко вступает в противоречие с нашим пониманием некоторых аспектов пространственного восприятия. Константность восприятия реализуется автоматически и дана нам от рождения; она настолько широко распространена, что мы обычно не задумываемся о той роли, которую она играет в нашем взаимодействии с окружающим миром. Без константности восприятия непрерывно меняющиеся условия стимуляции превратились бы в ряд хаотичных зрительных ощущений. Лежащая перед вами страница кажется вам белой

---

* *Шиффман Х.* Ощущение и восприятие. СПб.: Питер, 2003. С. 296—303, 389—390, 395, 474—478.

независимо от того, чем она освещена — луной или яркой настольной лампой. Когда вы удаляетесь от нее или приближаетесь к ней, вам не кажется, что ее величина заметно увеличивается или уменьшается. Однако в соответствии с законами геометрии величина изображения страницы на сетчатке пропорциональна расстоянию между страницей и вами. По своей форме эта страница — прямоугольник, и ее форма не зависит от того, под каким углом вы смотрите на нее, однако ее изображение на сетчатке по своей форме практически всегда гораздо ближе к трапеции, нежели к прямоугольнику. Наша способность воспринимать неизменными отличительные признаки окружающей обстановки — *константность восприятия* — базируется отнюдь не только на абсолютном количестве отраженного света или на форме и величине ретинального изображения. Иными словами, эта способность — нечто большее, чем простое восприятие изолированных визуальных стимулов. Наблюдатель должен каким-то образом оценить и интерпретировать сигналы, принимаемые им в ходе стимуляции, учитывая всю совокупность обстоятельств, в которых она происходит. <...>

Экспериментальное подтверждение

Константность восприятия размера

Проведите следующий несложный опыт. Поставьте эту книгу вертикально и обратите внимание на ее высоту (она равна примерно 9,5 дюйма (24 см)). Теперь медленно отходите от нее, продолжая обращать внимание на ее высоту. Отойдите сначала на 5 футов (около 1,5 м), потом на 10 (3 м) и наконец на 15 (4,5 м). Кажущаяся высота книги остается неизменной. Более того, если вы повторите свои действия в обратном порядке, т.е. станете приближаться к книге, по-прежнему оценивая ее высоту, последняя тоже будет оставаться постоянной. С помощью этого на первый взгляд тривиального опыта вы продемонстрировали важную особенность константности восприятия размера. Когда вы отходили от книги,

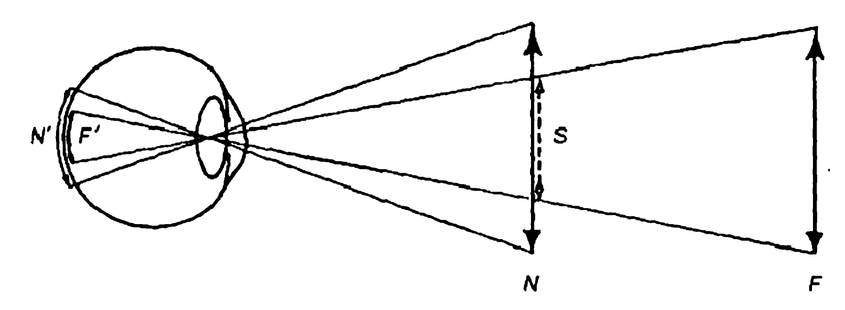

Рис. 1. Схема, демонстрирующая относительный размер ретинальных изображений *N'* и *F'* объектов *N* и *F*, одинаковых по величине, но расположенных на разном расстоянии от наблюдателя. Объект *F* находится в два раза дальше от наблюдателя, чем объект *N*, и поэтому его ретинальное изображение в два раза меньше, что полностью соответствует одному из законов оптики, в соответствии с которым размер проекции объекта на сетчатке обратно пропорционален расстоянию между глазом и объектом. Изображение, равное по размеру изображению объекта *F*, может также принадлежать и объекту *S*, который в два раза меньше объекта *N*, но находится рядом с ним

а потом приближались к ней, размер ретинального изображения книги претерпевал значительные изменения: по мере увеличения расстояния между книгой и вашими глазами оно уменьшалось, а по мере его уменьшения — увеличивалось. Количественно связь между величиной ретинального изображения и расстоянием от наблюдателя до объекта иллюстрируется на рис. 1.

[Предметность восприятия:] перцептивная адаптация к искаженной зрительной стимуляции

Изменчивость восприятия под влиянием систематического искажения стимуляции зрительной системы тесно связана с перцептивно-моторным развитием. Данный раздел посвящен системным искажениям, или нарушениям обычных связей между физическим миром и нормальной оптической стимуляцией организма.

Типичным примером является человек, впервые надевший очки, прописанные ему врачом. В первые пару дней он может воспринимать мир в несколько искаженном виде и испытывать некоторые трудности с координацией, например когда нужно что-то положить на определенное место или дотянуться до какого-либо предмета, а также при выполнении движений, направляемых зрительной системой. Однако нормальная координация движений восстанавливается весьма быстро. Складывается такое впечатление, что зрительная система человека, который носит очки, легко приспосабливается, или *адаптируется*, к создаваемым ими искажениям, и мир, воспринимаемый через очки, кажется ему нормальным. (Так и должно быть, потому что основное назначение очков — повышение остроты зрения.) Общий механизм «перенастройки» называется *адаптацией* и считается некой формой научения или переучивания.

Изменчивость перцептивной системы заслуживает изучения по нескольким причинам. Во-первых, важно знать, в какой мере восприятие систематически структурируемой, или искажаемой, визуальной информации сохраняет способность направлять пространственные реакции. Помимо этого, изучение адаптивности перцептивно-моторной системы к системным пространственным смещениям может помочь выявить факторы, которые влияют на нормальное течение перцептивно-моторного развития и определяют его. И, наконец, понимание того, как зрительная система адаптируется к постоянным искажениям стимуляции, может привести если не к полному пониманию механизмов, лежащих в основе всех появлений адаптивности зрительной системы, то по крайней мере позволит высказать некоторые предположения на этот счет. <...>

Эксперимент Страттона. Эксперимент, который Джордж Страттон[1] провел более ста лет тому назад, заключался в том, что он носил специально сконструированное оптическое приспособление, которое переворачивало изображение (вы-

[1] Страттон (*Stratton*) Джордж Малколм (1865—1957) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

зывало реверсирование изображения) как в вертикальном, так и в горизонтальном направлении. Испытуемый, а в данном случае им был сам Страттон, видел все окружавшие его объекты смещенными и перевернутыми «с ног на голову» так, словно вся визуальная сцена была повернута на 180°. В своем отчете о проведенном эксперименте Страттон написал, что на первых порах у него отмечались значительные нарушения перцептивно-моторной координации. Однако уже спустя несколько дней, в течение которых он постоянно носил оптическое приспособление, Страттон назвал свое восприятие визуального мира более или менее нормальным и одновременно сообщил о том, что ему приходится делать меньше усилий для корректировки своих движений. По мере увеличения времени ношения искажающе-оптического приспособления зрительное восприятие экспериментатора все более и более приближалось к нормальному[2]. Страттон пишет о том, что он в некотором роде адаптировался к своему новому визуальному миру, по его отчету нельзя сказать, начал ли он действительно «видеть» мир таким, каков он есть на самом деле, или всего лишь научился автоматически соотносить свою перцептивно-моторную активность с миром, в котором все объекты латерально смещены и перевернуты «вверх ногами». Предположение, что Страттон в известной мере приспособился к постоянно искаженному ретинальному изображению подкрепляется тем, что после снятия оптического приспособления имело место временное искажение, или *отрицательное последействие*: когда оптическое приспособление было наконец снято, в течение непродолжительного времени мир казался ему немного искаженным, сдвинутым в сторону, противоположную той, в которую он был сдвинут оптическим приспособлением, а это значит, что произошла перцептивная «коррекция», соответствующая искажению, вызванному ношением оптического приспособления. Исследования, выполненные другими авторами, подтверждают результаты Страттона[3].

Эксперимент Колера. Иво Колер[4], изучавший адаптацию к различным формам оптических искажений, провел многочисленные эксперименты, условия которых были не столь жесткими, как условия экспериментов Страттона[5]. Например, после 15-дневного ношения очков, через которые окружающие объекты воспринимались как собственные зеркальные отражения, один из его испытуемых сообщил следующее: «У меня такое впечатление, что я воспринимаю окружающее вполне адекватно. Например, дом, который я вижу через правое окно,

[2] См.: *Stratton G.M.* Upright vision and the retinal image // Psychological Review. 1897. № 4. P. 182—187; *Stratton G.M.* Vision without inversion of the retinal image // Psychological Review. 1897. № 4. P. 341—360.

[3] См.: *Ewert P.H.* A study of the effect of inverted retinal stimulations upon spatially coordinated behavior // Genetic Psychology Monographs. 1930. № 7. P. 177—363; *Snyder F.W., Pronko N.H.* Vision with spatial inversion. Wishita (KS): University of Wichita Press, 1952.

[4] Колер (*Kohler*) Иво (1915—1985) — австрийский психолог. — *Ред.-сост.*

[5] См.: *Kohler I.* Experiments with goggles // Scientific American. 1962. № 206. P. 62—86; *Kohler I.* The formation and transformation of the perceptual world // Psychological Issues. 1964. № 3 (Whole № 4.)

на самом деле находится справа, а отдельные части автомобиля выглядят именно такими, какими воспринимаются на ощупь»[6]. Колер пишет о том, что на восемнадцатый день ношения очков появились «весьма парадоксальные впечатления. Приближающиеся к испытуемому пешеходы воспринимались им правильно (т.е. с той стороны, с какой они приближались к нему), но он видел их правые плечи справа от себя. Надписи на зданиях и рекламы по-прежнему воспринимались как зеркальные отражения, но положение самих зданий или рекламных щитов воспринималось правильно. Регистрационные номера транспортных средств воспринимались в виде зеркальных отражений. Воистину странный мир!»[7] После тридцатисемидневного ношения очков испытуемый написал следующее:

> Мое восприятие, включая и восприятие цифр и букв, почти совсем правильное. Например, при чтении в первую очередь нормально стали восприниматься наиболее привычные, часто употребляющиеся слова, а те слова, чтение которых требовало внимания, оставались перевернутыми... После интенсивной тренировки чтение зеркальных изображений стало таким привычным делом, а предшествующий опыт настолько отошел на второй план, что даже сама печать — если не очень фокусировать не ней внимание — уже не казалась странной[8].

Складывается такое впечатление, что люди со временем приспосабливаются и адаптируются к оптически искаженной визуальной стимуляции. Это утверждение справедливо в той мере, в какой реверсирующая изображение оптическая система является источником хоть и искаженной, но системной и, по существу, вполне сохранной информации. По данным Колера, со временем испытуемые настолько адаптировались к пространственному реверсированию, что могли кататься на лыжах и велосипедах. Возможность адаптации к системному искажению визуальной стимуляции очевидна. Однако для окончательного вывода о том, что со временем ношение оптических приспособлений действительно изменяет зрительное восприятие, одних этих необычных исследований и их интригующих результатов явно мало. Иными словами, пока нет ответа на вопрос, воспринимается ли визуальный мир нормально после ношения приспособлений, оптически изменяющих ретинальное изображение.

Перцептивная установка

<...> Восприятие — это нечто большее, чем образование проекции стимула на сетчатке. Одной только совокупности внешних визуальных раздражителей — паттернов отдельных объектов, образованных линиями, точками и изменениями светлоты, — еще недостаточно для создания того осмысленного, структуриро-

[6] *Kohler I.* Experiments with goggles // Scientific American. 1962. № 206. P. 154.

[7] Там же. P. 155.

[8] Там же. P. 160.

ванного визуального мира, который мы на самом деле воспринимаем. Сейчас читателю уже должно быть понятно, что восприятие окружающего мира также зависит и от определенной предрасположенности наблюдателя, и от его намерений. На самом деле в обработке входящей визуальной информации важную роль играют и психологические процессы, более избирательные и изменчивые, чем <...> гештальтистские принципы. На восприятие влияют и прошлый опыт, и воспоминания, и ожидания, и внушение, и окружающая обстановка, и именно этим влиянием определяется готовность определенным образом — беспристрастно или предвзято — реагировать на визуальное стимулирование. То, что человек настроен на определенное восприятие окружающего мира, является результатом всех этих влияний — определенной перцептивной установки. В «Гамлете» Шекспир[9] намекает на роль внушения в организации восприятия и придании смысла знакомым, но кажущимся бесформенными конфигурациям — облакам. Именно об этом идет речь в отрывке из диалога, в котором Гамлет откровенно издевается над Полонием:

> Гамлет. Вы видите вон то облако, почти что вроде верблюда?
> Полоний. Ей-богу, оно действительно похоже на верблюда.
> Гамлет. Но, по-моему, оно похоже на ласточку.
> Полоний. У него спина, как у ласточки.
> Гамлет. Или как у кита?
> Полоний. Совсем как у кита[10].

Следовательно, перцептивная установка — это своего рода определение перцептивных приоритетов, или готовность воспринимать мир, являющаяся следствием предшествующего опыта и контекста, в котором происходит восприятие. С помощью ***нисходящего процесса*** обработки информации перцептивная установка привлекает к участию в восприятии те допущения и тот предшествующий опыт, которые необходимы для выработки генеральных стратегий, применимых ко всей конфигурации. В свою очередь, эти подходы определяют восприятие элементов и их деталей. Следовательно, восприятие элементов «картины» определяется самой изначальной «большой картиной».

Интересный пример перцептивной установки, включающей *top-down-процесс*, приводится на рис. 2. На черном фоне изображены семь белых фигур неправильной формы. Однако едва ли не мгновенно этот рисунок воспринимается как знакомое лицо исторического деятеля в полупрофиль. Такое восприятие не является только результатом детектирования контуров фигуры. На правом рисунке эти контуры видны еще более отчетливо, но их недостаточно для осмысленного восприятия профиля. Существенными для восприятия лица в профиль являются возникающее благодаря рисунку представление об освещен-

[9] Шекспир (*Shakespeare)* Уильям (1564—1616) — английский драматург и поэт. — *Ред.-сост.*

[10] *Шекспир В.* Гамлет // Полн. собр. соч.: В 8 т. / Пер. М.Л. Лозинского. М.: Искусство, 1960. Т. 6. С. 89.

ности фигур и сочетании света и тени на профиле. Оно играет роль установки, создает у наблюдателя известную предрасположенность к тому, чтобы «собрать» из разрозненных фрагментов такую единую фигуру (конфигурацию), которая соответствует его предыдущему опыту, а именно знакомое лицо.

Рис. 2. Перцептивная установка и процесс *top-down*. Левый рисунок без труда воспринимается как знакомый профиль. Однако одних только его контуров, представленных на правом рисунке, для этого недостаточно. Необходимо еще и допущение об освещенности и результате кажущегося распределения теней по всему профилю

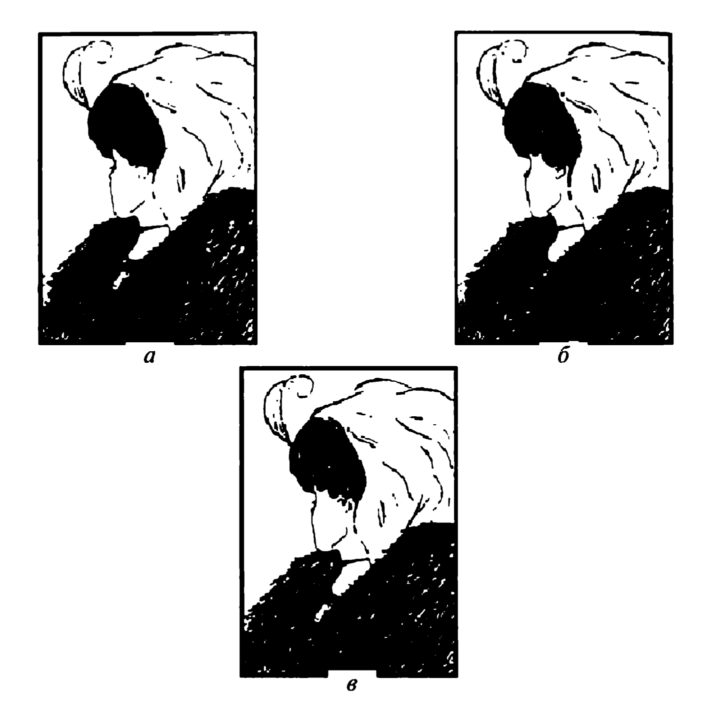

Рис. 3. Что наблюдатель увидит на *в* — силуэт молодой или пожилой женщины — зависит от его перцептивной установки. Если он сначала посмотрит на *а*, *в* покажется ему силуэтом молодой женщины, а если на *б* — то пожилой[11]

---

[11] См.: *Boring E.G.* A new ambiguous figure // American Journal of Psychology. 1930. 42. P. 444—445.

Читателю может показаться, что «профиль» на рис. 2 является также результатом гештальтистской организации восприятия, основанной на восприятии сочетания «фигура—фон», а также на принципах «хорошего продолжения» и замкнутости. Влияние перцептивной установки на восприятие иллюстрируется рис. 3.

Экспериментальное подтверждение

Перцептивная установка

Если вы сначала посмотрите на рис. 3, *а*, а затем — на рис. 3, *в*, то, скорее всего, вы увидите силуэт молодой женщины. Напротив, взглянув сначала на рис. 3, *б*, а затем на рис. 3, *в*, вы решите, что перед вами пожилая женщина. В данном случае определяющую роль в восприятии играет перцептивная установка, которая зависит от того, с какого рисунка вы начали — с *а* или с *б*. Еще одним примером, иллюстрирующим роль перцептивной установки в восприятии, является классический пример «утка или кролик?», представленный на рис. 4.

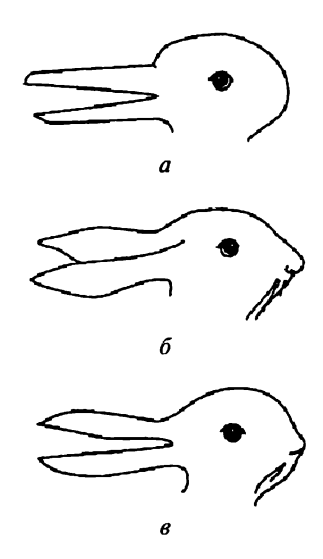

Рис. 4. Утка или кролик? Если сначала посмотреть на *а*, неопределенная фигура на *в* покажется уткой; если же сначала посмотреть на *б*, фигура на *в* покажется кроликом

Перцептивная установка играет определенную роль не только при восприятии фигур, не только при восприятии знакомых предметов. На рис. 5, *в* представлен неопределенный, обратимый куб Неккера, образованный рядом взаимно перекрывающихся квадратов[12].

Если рассматривать эту фигуру без предварительной подготовки, в отрыве от какого-либо контекста, она будет восприниматься как создающая эффект глубины неопределенная конфигурация, образованная взаимно перекрывающи-

[12] См.: *Long G.M., Toppino T.C, Mondin G.W.* Prime time: Fatigue and set effects in the perception of reversible figures // Perception & Psychophysics. 1992. 52. P. 609—616.

мися квадратами и направленная либо вверх, либо вниз. Однако стоит вначале посмотреть на рис. 5, *а* или *б*, как восприятие рис. 5, *в* приобретает полную определенность, т.е. восприятие наблюдателем рис. 5, *в* было подготовлено его предшествующими действиями. (Иными словами, речь идет о перцептивной установке, или перцептивных приоритетах, созданной действиями наблюдателя, предшествовавшими рассматриванию рис. 5, *в*). Когда предъявлению рис. 5, *в* предшествовало кратковременное (продолжительностью менее 100 мс) предъявление рис. 5, *а*, он воспринимался как фигура, образованная взаимно перекрывающимися квадратами и «смотрящая» вниз, слева направо. Напротив, если вначале быстро предъявляли рис. 5, *б*, наблюдателям казалось, что конфигурация на рис. 5, *в* направлена вверх, справа налево. Как правило, восприятие неопределенных фигур, которые можно толковать по-разному, зависит от контекста, созданного стимулами, предъявленными непосредственно перед ними. Следует, однако, подчеркнуть, что для создания перцептивной установки при восприятии куба Неккера важную роль играет *продолжительность* предъявления «установочного» стимула. Если продолжительность предъявления рис. 5, *а* или *б* превышает 100 мс, вероятность появления перцептивной установки уменьшается и достигается диаметрально противоположный эффект — чаще, чем перцептивная установка, наблюдаются усталость или адаптация. <...>

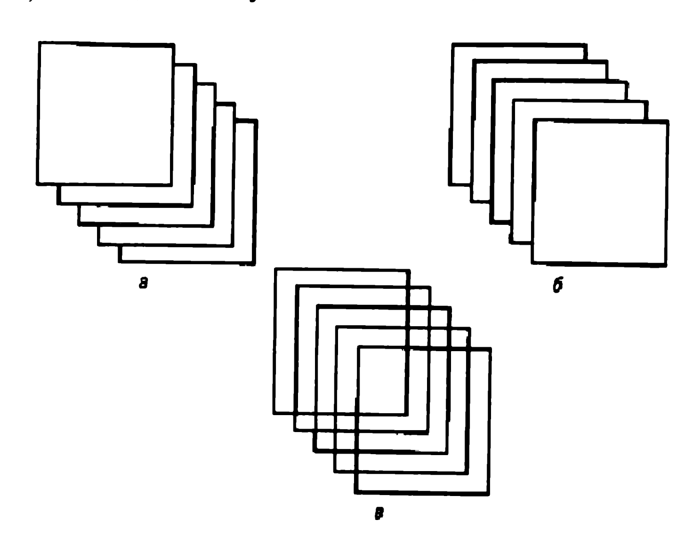

Рис. 5. Стимулы, создающие перцептивную установку. См. текст

Перцептивная установка может облегчить осмысленное восприятие в тех случаях, когда условия наблюдения далеки от оптимальных, например когда объект находится в тени, когда между ним и наблюдателем находится еще что-то или когда он плохо различим на фоне других предметов. Эта роль перцептивной установки важна, ибо в реальных условиях объекты зачастую предстают в нечетком и неполном виде. Перцептивный *top-down*-процесс, обеспечивающий осмысленное восприятие, при недостаточной освещенности обладает очевид-

ной и значительной адаптивностью и способен играть доминирующую роль в восприятии конкретного объекта. Нередко ожидание, основанное на предшествующем опыте человека, знающего, что «должно здесь быть», создает условия для осмысленной интерпретациии и результативного восприятия того, что «здесь есть на самом деле». Проблема, которую ставит рис. 6 и решает представленный ниже рис. 9, показывает, какой вклад перцептивная установка вносит в осмысленное восприятие стимула, на первый взгляд кажущегося лишенным всякого смысла.

Рис. 6. Замаскированная фигура. Рассмотрите конфигурацию, которая кажется вам бесформенной. Однако в ее деталях скрыт знакомый вам объект. Ответ дан на рис. 9[13]

Экспериментальное подтверждение
Замаскированная фигура, обнаруженная с помощью перцептивной установки

Посмотрите на рис. 6, лишенный определенного смысла. Вы не видите ни одного конкретного объекта. Теперь посмотрите на рис. 9. Вернувшись после этого к рис. 6, вы увидите знакомый объект. Ничего удивительного в этом нет: стоит только понять, что это такое, как становится трудно смотреть на рис. 6 и не видеть этого.

Перцептивная установка, чтение и эффект Струпа

Поскольку чтение — хорошо изученный и распространенный вид деятельности, оно может быть использовано для демонстрации перцептивной установки. Прочтите две строчки на рис. 7.

---

[13] *Dallenbach K.M.* A puzzle-picture with a new principle of concealment // American Journal of Psychology. 1951. 64. P. 432.

11 12 13 14

A B C D

Рис. 7. Кажется, что верхняя строчка образована исключительно числами, а нижняя — буквами. Однако один символ, имеющий двойной смысл, у них общий

Большинство испытуемых воспринимают верхнюю строчку как ряд чисел от 11 до 14, а нижнюю — как первые четыре буквы (латинского) алфавита. Однако обратите внимание на то, что числительное «13» и буква «B» в обеих строчках представлены одинаково. Мы склонны воспринимать неоднозначный символ в соответствии с ожиданиями, созданными контекстом.

Точно так же всякий раз, сталкиваясь с такими текстуальными символами, как слова, мы испытываем непреодолимую потребность прочесть их. Чтение кажется таким привычным, хорошо отработанным и знакомым занятием, что тяга к нему проявляется автоматически и может даже мешать другим видам деятельности. Справедливость этих слов подтверждается *эффектом Струпа*. Этот эффект, названный именем психолога Дж. Ридли Струпа[14], проявляется в том, что испытуемые, которых просят сказать, какого цвета данные слова, медленно справляются с заданием и допускают ошибки, если слово напечатано одним цветом, а обозначает другой, никак не связанный с первым. Как правило, тестирование проводится следующим образом: испытуемый получает список слов, обозначающих цвета, причем каждое слово напечатано краской, цвет которой отличается от цвета, обозначаемого данным словом, Например, слово «красный» напечатано синей краской <...>.

Тестируемый должен выполнить задание как можно быстрее, называя *только* цвет краски, которой напечатано каждое из слов. Иными словами, тест Струпа требует от испытуемых *игнорирования* семантики цветных слов и внимания только к цвету красок, которыми они напечатаны. Однако в ходе выполнения этого задания проявляется сильная автоматическая перцептивная установка, или тенденция к чтению, мешающая перечислению названий цветов. Иногда испытуемые сами чувствуют результат попыток подавить эту тенденцию, и бывает даже заметно, каких усилий им стоит выполнение этого задания: они начинают говорить тише, в голосе появляется неуверенность, а порой вместо того, чтобы назвать цвет, читают слово.

Одно из объяснений эффекта Струпа заключается в том, что назвать цвета — непростое задание, ибо трудно игнорировать или подавлять процесс

[14] Струп (*Stroop*) Джон Ридли (1897—1973) — американский психолог. — *Ред.-сост.*

чтения и семантическую релевантность стимулов: присутствие слов запускает автоматическую, но ошибочную перцептивную установку на чтение. Однако *значение* слов конкурирует с правильным выполнением задания, заключающегося в том, чтобы назвать цвета красок, которыми напечатаны слова, мешая ему и создавая «конфликт ответов». (Причиной эффекта Струпа может быть не только непроизвольный, автоматический процесс чтения[15].)

Восходящие или нисходящие процессы?

<...> [Ранее] мы впервые ввели и подчеркнули такое понятие, как *bottom-up*-процесс, обозначающее такой механизм распознавания, в соответствии с которым оно начинается с извлечения базовой сенсорной информации, фиксируемой рецепторами (т.е. информации о различиях в светлоте, информации об углах, контурах, ориентации). Затем эта информация интегрируется и обрабатывается зрительной системой до тех пор, пока стимул не будет распознан. Однако в этой главе при обсуждении многих проблем мы подчеркивали роль нисходящих процессов, т.е. такой организации восприятия, в которой главную роль играют контекст, предшествующий опыт и общие знания человека, перцептивная установка, ожидания и т.п.

Восприятие базируется на процессах *обоих* типов. Как правило, на наше восприятие влияют не только извлечение, интеграция и анализ информации о базовых признаках стимулов, но также формирующий перцептивную установку контекст и ожидания. Например, беглый осмотр кухни может подсказать, что именно изображено на рис. 8.

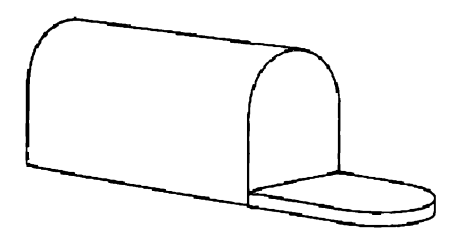

Рис. 8. Контекст и нисходящий процесс. Увиденный в кухне, этот предмет, скорее всего, будет принят за буханку хлеба, увиденный вблизи дома, на сельской дороге, — за почтовый ящик

Исходя из определенного контекста — предмет находится в кухне, вы, возможно, решите, что это буханка хлеба. Однако тот же самый предмет, мельком увиденный на сельской дороге, скорее всего, будет принят вами за почто-

[15] См., напр.: *Besner D., Stolz J.A., Boutilier C.* The Stroop effect and the myth of automaticity // Psychonomic Bulletin and Review. 1997. 94. P. 221—225; *Hunt E. R., Ellis H.C.* Fundamentals of cognitive psychology. N.Y.: McGraw-Hill, 1999; *Luo C.R.* Semantic competition as the basis of Stroop interference: Evidence from color-word matching tasks // Psychological Science. 1999. 10. P. 35—40.

вый ящик. Контекст на основании нисходящего процесса создает условия для правильного восприятия[16]. Что происходит, когда мы заглядываем в стоящую на плите кастрюлю, не зная, что в ней может вариться? Чтобы понять, что варится, нужно выявить какие-то отличительные признаки ее содержимого. Можно начать с определения формы (длинное, тонкое, нитевидное), цвета (белесый), а также с других характеристик, и так до тех пор, пока мы не поймем, что в кастрюле варятся макароны. В данном случае наше восприятие основано на восходящем процессе. Следовательно, восприятие, как правило, является результатом как *top-down*-, так и *bottom-up*-процесса.

Рис. 9. Решение проблемы, представленной на рис. 6. Контур головы коровы в левой части этого рисунка основан на детали рис. 6. Если вы увидели голову коровы на этом рисунке, вы без труда увидите ее и на рис. 6[17]

[16] См.: *Palmer S.E.* The effects of contextual scenes on the identification of objects // Memory and Cognition. 1975. Vol. 3. P. 519—526.

[17] См.: *Hochberg J.* Visual perception // Stevens Handbook of Experimental Psychology. N.Y.: John Wiley, 1988. Vol. 1. P. 258.

Д. Креч,
Р. Кратчфилд

[Эксперименты Уоллаха и Мишотта]*

Насыщение от восприятия движения вниз

[Немецко-американский психолог Ганс Уоллах (1904—1998) провел эксперимент, в котором. — *Ред.-сост.*] непрерывная бумажная лента с нанесенными на нее под углом 45° линиями движется вниз с небольшой постоянной скоростью[1]. Испытуемые смотрят на эту ленту через квадратное отверстие, вырезанное в картонном щите, расположенным перед ней (см. рис. 1, А). В этих условиях направление движения воспринимается *двояким образом*: либо вертикально вниз, либо горизонтально вправо. Вначале испытуемые почти всегда видят движение вниз. Но при более продолжительном наблюдении это движение внезапно начинает восприниматься как горизонтальное, и затем происходит чередование обоих направлений воспринимаемого движения.

Если предположить, что эти чередования являются результатом постепенно накапливающегося «насыщения» от восприятия движения в одном и том же направлении, то можно попытаться изменить очередность данных перцептивных эффектов посредством намеренного чрезмерного пресыщения каким-то одним из этих альтернативных вариантов. Уоллах провел такой эксперимент, предложив испытуемым внимательно смотреть в течение нескольких минут на движущуюся бумажную ленту с нарисованными на ней линиями, которые могли восприниматься движущимися только вниз (см. рис. 1, Б). Когда же затем испытуемым предъявлялась ситуация, изображенная на рис. 1, А, то они сразу воспринимали движение в горизонтальном направлении, а не как обычно, в вертикальном. По-видимому «насыщение» от движения вниз, возникшее в результате внимательно-

---

** Krech D., Crutchfield R.S.* Elements of Psychology. N.Y.: Alfred A. Knopf, 1958. P. 110, 114, 126—127. (*Перевод С.А. Капустина.*)

[1] См.: *Wallach H.* Über visuell wahrgenommene Bewegungsrichtung // Psychol. Forsch. 1935. Bd. 20. S. 325–380.

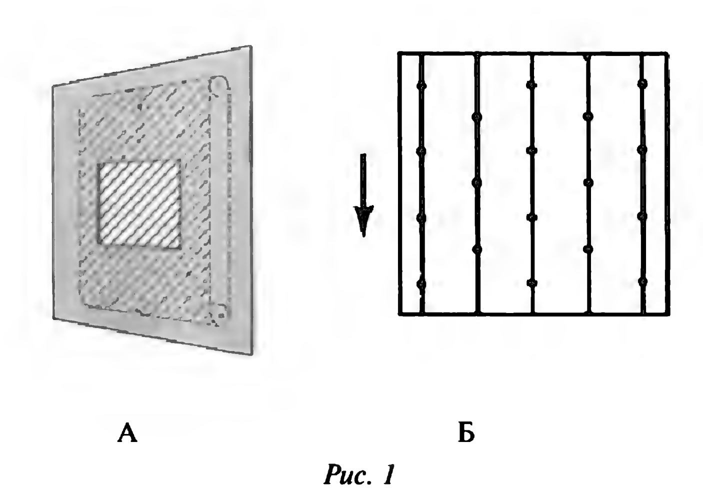

Рис. 1

го смотрения на ситуацию, изображенную на рис. 1, Б, создало противодействие видению движения в этом направлении, и поэтому восприятие альтернативного направления оказалось более предпочтительным.

Творческое восприятие

Эта иллюзия в дальнейшем использовалась Уоллахом для изучения перцептивной реорганизации[2]. Наблюдатель смотрит через квадратное отверстие на медленно и непрерывно движущуюся вниз бумажную ленту. На ленте нарисована решетка из линий под углом 45°, левая половина каждой линии черная, правая — красная (она обозначена на рис. 2, А пунктиром).

Вначале эта ситуация воспринимается как движущаяся вниз решетка, состоящая из наполовину черных и наполовину красных линий. Через несколько минут «насыщение» от движения вниз создает сильную тенденцию для восприятия движения в боковом направлении. Однако реализации этой тенденции мешает то, что в этом случае линии должны восприниматься невероятным образом, как *изменяющие цвет* с черного на красный в то время, когда они начинают двигаться вправо от центра. Поэтому восприятие движения вниз длится дольше, чем в условиях, описанных выше. В конечном итоге проблема, возникающая в связи с нарастанием тенденции к смене направления воспринимаемого движения, разрешается для воспринимающего через «творческую» перцептивную реорганизацию. Он вдруг видит, что черные линии движутся вправо и, достигнув центра, *заходят за прозрачную красную поверхность*. Эта красная поверхность перцептивно «изобретается». Она ясно воспринимается как отдельная поверхность, располагающаяся перед бумажной лентой, на которой нарисованы черные линии, а в центре отверстия видится вертикальный контур, ограничивающий край этой прозрачной красной поверхности, что показано на рис.2, Б.

---

[2] См.: Там же.

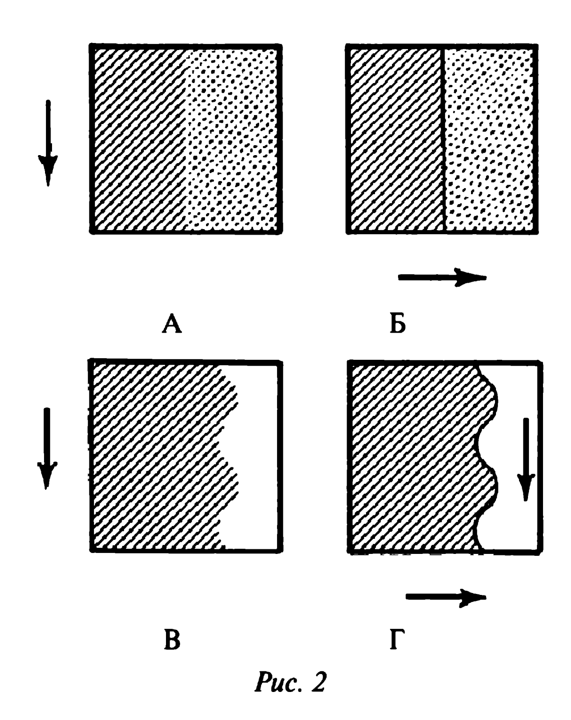

Рис. 2

Еще более сложный эффект получается при предъявлении решетки из линий, окончания которых образуют волнистый край (см. рис. 2, В). В этом случае увидеть боковое движение еще труднее, потому что линиям «некуда идти». Однако у многих наблюдателей спонтанно возникает удивительное перцептивное решение. Они видят поле, разделенное на две части: первая часть — ряд линий, двигающихся вправо, вторая часть — белая поверхность с волнистым краем, которая *движется вниз*, а линии заходят за эту поверхность (см. рис. 2, Г).

Переструктурирование происходит неожиданно и без какого-либо предвидения или намерения воспринимающего, он сам этому удивляется. Это переструктурирование, в результате которого создается новая конфигурацц, является «творческим», оно прилаживается к требованиям стимуляции посредством разделения целого на части и «изобретения» новых частей.

Восприятие причинности

Бельгийский психолог Альберт Мишотт [1881—1965. — *Ред.-сост.*] провел серию лабораторных экспериментов с целью точного определения стимульных условий, которые вызывают различные восприятия физической причинности движения[3].

На картонном диске он нарисовал две толстые кривые линии черного и серого цветов (см. рис. 3, А). Этот диск был закреплен вертикально на оси так, чтобы он мог медленно вращаться. Перед ним он поместил большой экран, за-

[3] См.: *Michotte A.* La perception de la causalité. Louvain: Publication Universitaires de Louvain, 1954.

гораживающий весь диск, кроме небольшого его участка, который наблюдатель мог видеть через небольшую горизонтальную щель, прорезанную в экране (на рис. 3, А она обозначена пунктирной линией). В той позиции, в которой этот диск представлен на этом рисунке, все наблюдатели могли видеть два маленьких квадрата: один — черный, а другой — серый.

Медленно вращая диск против часовой стрелки, экспериментатор создавал условия для восприятия этих двух квадратов движущимися вдоль щели. Характер их движений определялся особенностями траекторий линий, нарисованных на диске. На рис 3, А пунктирными линиями, проведенными вокруг диска, и буквами от *a* до *e* отмечены пять различных фаз движения квадратов при повороте диска. На рис. 3, Б показана последовательность событий, воспринимаемых наблюдателем. Сначала (фаза *a*) оба квадрата неподвижны, и черный квадрат находится на некотором расстоянии слева от серого. Затем (фаза *b*) черный квадрат воспринимается движущимся по направлению к серому. Соприкоснувшись (фаза *c*), оба квадрата долю секунды остаются неподвижными. После этого (фаза *d*) серый квадрат движется вправо, а черный остается на месте. Наконец (фаза *e*), серый квадрат останавливается на некотором расстоянии справа от черного.

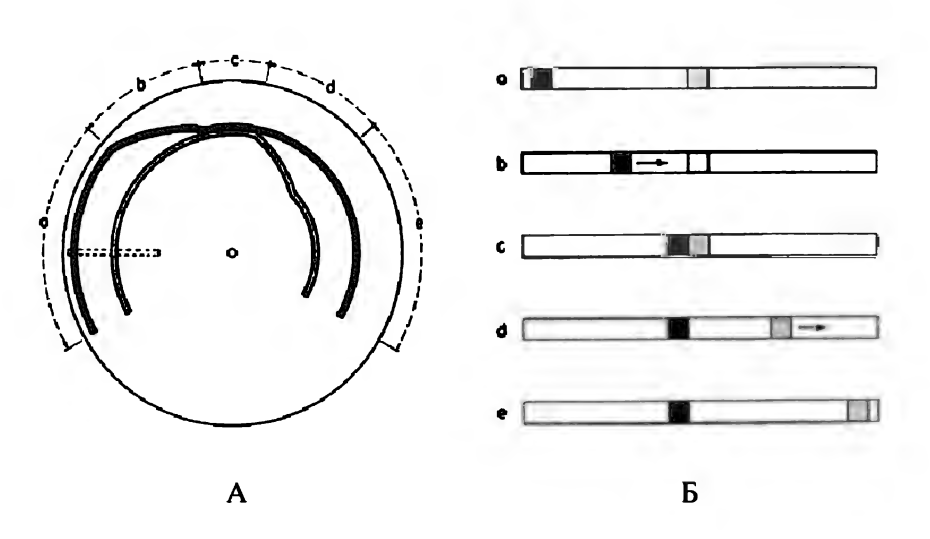

Рис. 3

В этом основном эксперименте испытуемые сообщали о том, что они ясно воспринимали, что движение черного квадрата было «причиной» последующего движения серого. Этот опыт переживался ими не как *умозаключение*, а как *непосредственное восприятие*.

Затем Мишотт начал систематически варьировать стимульные условия, изменяя траектории нарисованных на диске линий, и тем самым изучать влияние таких переменных, как: 1) скорость движения черного квадрата, 2) расстояние, проходимое им до соприкосновения с серым квадратом, 3) длительность кон-

такта между обоими квадратами, 3) последующая скорость движения серого квадрата после его отсоединения от черного.

Основываясь на отчетах наблюдателей, полученных в этих разных стимульных условиях, Мишотт обнаружил два четко различающихся типа восприятия причинности: «толкание», при котором черный объект воспринимался как приводящий в движение серый посредством передачи ему своей энергии, и «высвобождение», при котором черный объект приводил в движение серый посредством высвобождения или «включения» *скрытой* энергии, содержащейся в сером объекте при полном отсутствии впечатления передачи энергии от черного к серому.

Варьируя с точностью до миллисекунды (одной тысячной секунды) временной интервал, в течение которого черный и серый объекты находились в контакте (фаза *с*), он обнаружил, что если этот интервал был меньше определенной величины, то всегда воспринималось «толкание», а если больше, то — «высвобождение».

Некоторые полученные им данные совершенно отличаются от тех, которые можно прогнозировать, отталкиваясь от «здравого смысла». Например, если один объект движется с определенной скоростью и ударяет другой объект, который затем движется *быстрее*, чем первый, мы склонны делать вывод о том, что во втором объекте находился скрытый источник движения, который «высвободился» или «включился» в результате контакта с первым. Однако Мишотт обнаружил, что подобное «высвобождение» *не воспринималось* наблюдателями при этих стимульных условиях до тех пор, пока скорость движения серого объекта не превысила скорость движения черного *вдвое*. Даже если серый объект двигался значительно быстрее черного, но с меньшей чем вдвое скоростью, возникало полное впечатление его «толкания». В этом факте содержится прямое указание на общий вывод о том, что эти феномены восприятия не являются просто «рациональными» представлениями того, о чем говорит нам наша логика.

Р. Грегори

Неоднозначные фигуры. Рисование на плоскости*

Неоднозначные фигуры

Поскольку существует бесконечное число *возможных* трехмерных форм, дающих одну и ту же проекцию на плоскость (одну и ту же картину), нет ничего удивительного, что восприятие может быть неточным и неоднозначным. Замечательно как раз то, что нас так редко беспокоит и обманывает неоднозначность оптической проекции объектов на сетчатке глаза. На обычные объекты в нормальных условиях мы смотрим обоими глазами; так как каждый глаз получает несколько иную проекцию объекта, многие глубинные формы воспринимаются однозначно. К тому же с помощью движений головы мы (сходным образом) избавляемся от неоднозначности. Однако ни тот, ни другой способ не годятся для восприятия глубины на картинах — и все же мы воспринимаем глубину на картинах в основном однозначно. Есть, впрочем, исключения. Эти исключения показывают, как реагирует мозг в тех случаях, когда не удается прийти к единственному решению.

Наиболее известный пример такого рода — каркасный куб, нарисованный без соблюдения правил перспективы (ближняя и дальняя грани куба одинакового размера); это знаменитый куб Неккера. Швейцарский кристаллограф Л.А. Неккер описал свой куб в 1832 г. С тех пор — в разных вариациях и по разным поводам — куб фигурирует в психологических работах. Ретинальное изображение такого куба получается при проекции с любой из двух разных позиций. Поэтому здесь одинаково возможны два разных ответа на один и тот же вечный вопрос перцепции: что есть этот предмет и где он находится? Один общий ответ на эти вопросы дать нельзя — не хватает информации. И мозг, не давая окончательного ответа в этой неясной ситуации, принимает поочередно

* *Грегори Р.* Разумный глаз. М.: Мир, 1972. С. 41—47, 138—144.

каждую из двух возможных гипотез (см. рис. 1). Другой пример аналогичного характера — каркас полуоткрытой книги, фигура Маха (см. рис. 2).

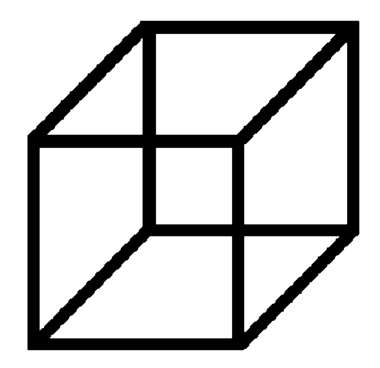

Рис. 1. Куб Некера

Это плоскостная проекция куба, видимого с очень большого расстояния. Перспектива отсутствует — разницы в размерах граней нет. При наблюдении фигура спонтанно (самопроизвольно) «переворачивается»: одна объемная проекция сменяется другой. По-видимому, в данном случае имеется не одно, а два равноправных решения перцептивной проблемы: что есть данный объект? Мозг «пробует» каждую из этих гипотез поочередно, не останавливаясь окончательно ни на одной из них

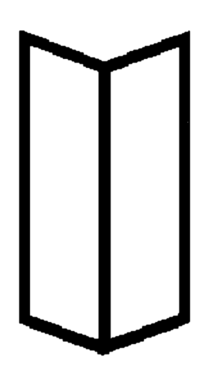

Рис. 2. Фигура Маха

Еще один пример самопроизвольно переворачивающейся фигуры. Она похожа на корешок книги, обращенной к вам то страницами, то обложкой

Глубинная неоднозначность — лишь одна из форм перцептивной неоднозначности. Неясным может оказаться и то, *что представляет собой* объект, показанный на картине или спроецированный оптикой глаза на сетчатку. А иногда вообще непонятно, содержит ли данная картина (данное изображение) *какой-нибудь* объект. Так, глядя на «абстрактную» картину, мы подчас далеко не уверены в том, что художник вообще хотел изобразить какие бы то ни было предметы — пусть даже весьма условно. Впрочем, быть может, он и не хотел этого. Да это и не обязательно. Даже в чернильных пятнах содержатся намеки

на формы предметов. Этот факт положен в основу одного из специальных тестов исследования личности — теста Роршаха (см. рис. 3). Так, облака иногда похожи на лицо человека, или на корабль, или еще на что-нибудь, но разве лишь мистик и впрямь поверит в небесные портреты или флотилии.

Рис. 3. Клякса или предмет?

Это один из тестов, характеризующих личность. Роршах предложил его, основываясь на том, что наш мозг стремится увидеть предметы даже в фигурах с очень нечеткой структурой. Куб Некера дает только две альтернативы восприятия. Клякса содержит бесчисленное множество таких альтернатив, причем ни одна из них не довлеет над другими. Поэтому каждый выбирает «объект», представляющий для него лично наибольший интерес, — в этом проявляются индивидуальные особенности восприятия и другие свойства личности

Рис. 4. Э. Боринг. «Неоднозначная теща»

Намеренно (или случайно) можно создать картину, в которой «одно и то же» видно как два разных объекта. Наиболее известный пример такого рода

показан на рис. 4, это картина американского психолога Э.Дж. Боринга. Она воспринимается то как портрет прелестной молодой девушки, то как лицо ужасной старухи, причем когда воспринимается один объект, совершенно «исчезает» другой. Девушка на картине видна в профиль; ресницы одного глаза осеняют щеку, на шее у нее — черная лента. Когда на картине «возникает» старуха, то подбородок юной леди превращается в противный громадный нос, а черная лента, окружавшая шею девы, — в узкую щель жесткого рта «старой развалины». Очень любопытно наблюдать за своими ощущениями во время альтернативного восприятия («вывертывания») этой картины. Значение каждого элемента картины меняется столь разительно, что трудно поверить в объективную неизменность рисунка: один рисунок как будто незаметно и ловко подменяют другим.

Эта картина обычно кажется неизменной до тех пор, пока взгляд не перейдет на новую часть рассматриваемого рисунка, причем фиксация взгляда на некоторых частях рисунка как бы способствует удержанию одного изображения, а перенос фиксации на иные части — появлению другого изображения. Когда кокетливо повернутая щечка превратится в хищный нос, остальная часть лица девушки как бы тает, перетекая вслед за носом в другое лицо (почти так же, как лицо доброго доктора Джекилля исчезает, уступая место зловещей физиономии мистера Хайда)[1].

Движения глаз способствуют перевертыванию воспринимаемого изображения; на некоторых картинах фиксация взгляда на определенных частях изображения выявляет одну из альтернатив; тем не менее, движения глаз *не обязательны* для возникновения перцептивного перехода; раньше или позже перевертывание наступает и само по себе.

Даже если последнюю картину (или куб Неккера) рассматривать совершенно неподвижным взором, изображение все же будет перевертываться, хотя и несколько реже. Таким образом, перцептивный переход происходит в мозгу без участия фактора изменения информации, поступающей от глаз (например, при движениях последних). Как мы увидим позднее, этот момент имеет немаловажное значение; он относится к числу фактов, подкрепляющих представление о восприятии как об активном процессе (точнее, сложной цепи процессов) преобразования ретинальных изображений в поисках их смысловой интерпретации. Правда, самому сделать взгляд абсолютно неподвижным невозможно: глаза совершают непроизвольные маленькие скачки от одной точки к другой и, кроме того, постоянно слегка дрожат с высокой частотой. И все же мы точно знаем, что перцептивные переходы неоднозначных фигур не зависят от движений глаз. Это подтверждается экспериментально, когда изображение долгое время остается *совершенно* неподвижным на сетчатке, так что при всех движениях глаз оно строго стабильно. Новые способы стабилизации ретинального образа требуют

[1] Персонаж-перевертыш из повести Р. Стивенсона «Странные приключения доктора Джекилля и мистера Хайда». — *Пер.*

сложных оптических приспособлений, но читатель может проверить сказанное с помощью старого способа, использующего послеобраз. В этом случае понадобится только одна фотографическая лампа-вспышка.

Методика такова. Поместите один из неоднозначных рисунков на удобном расстоянии от глаз; в затемненной комнате установите лампу-вспышку, с помощью которой будете освещать рисунок. Глядя в центр (или на какую-нибудь другую часть) рисунка, еле различаемого вами в темноте, дайте вспышку. Через несколько секунд после вспышки вы увидите яркий послеобраз рисунка, «спроецированный» вашим глазом на слабо освещенный потолок, стену или просто на чистый лист бумаги.

Вы обнаружите, что и картина, видимая в послеобразе, «перевертывается». Не вызывает сомнений, что послеобраз строго неподвижен относительно сетчатки; как бы ни двигался сам глаз, изображение остается на одном и том же участке сетчатки. Отсюда следует, что движение глаз, мерцание света (или изменение яркости освещения) и другие моменты, способствующие перцептивному изменению видимой картины, не являются обязательными для возникновения перцептивного перехода; последний может происходить *спонтанно*, т.е. вследствие колебаний мозгового «решающего» процесса, без каких-либо внешних побудительных причин.

Но что происходит с этими спонтанными изменениями восприятия, когда имеется *дополнительная* сенсорная информация, сигнализирующая мозгу об

Рис. 5

Глубинное расположение деталей этого покрытого светящейся краской куба перцептивно неоднозначно. В темноте видно перевертывание куба в глубину, несмотря на то, что он ощущается руками; таким образом, разделяются «два мира» — видимый и тактильно ощущаемый

истинном положении дел? Тут известно еще очень немногое, хотя некоторые эксперименты в этом направлении и были предприняты автором совместно с одним исследователем. Мы пользовались не двухмерной картиной, а трехмерным объектом, причем так, чтобы сигналы о форме объекта посылались в мозг через прикосновение в то же самое время, что и через зрение.

Опыт проводился в совершенно затемненной лабораторной комнате; объектом служил куб (со стороной около 10 сантиметров), изготовленный из проволоки и окрашенный светящейся краской. Куб жестко крепился к столу за один угол; испытуемый все время ощупывал куб рукой, неотрывно глядя на него и сообщая (в диктофон), какая грань куба кажется ему более близкой. Такой же опыт с каждым испытуемым проводился без ощупывания куба. Оказалось, что все испытуемые ощущали перевертывание куба в обоих случаях — с ощупыванием и без, — но во втором случае перевертывание происходило примерно вдвое чаще. В момент перевертывания зрительное восприятие и тактильные ощущения расходятся: грани куба видны в одном порядке, но *ощущаются рукой* в совершенно ином. Это весьма примечательное переживание для испытуемого (см. рис. 5).

По-видимому, зрительная интерпретация объектов (прежде всего, это касается взрослого человека) осуществляется на основе главным образом зрительной информации. Другие источники сенсорной информации, например прикосновение, хотя и влияют на то, как мы видим предметы, но не определяют всего того, что мы воспринимаем зрением. У взрослого человека зрение достаточно автономно; тем не менее, мы весьма склонны полагать, что при развитии — как эволюционном, так и в детском возрасте — зрение руководствуется прямыми сведениями об объектах, получаемыми через прикосновение. Необходимы широко разветвленные исследования, чтобы установить, в какой степени другие чувства могут влиять на зрение и исправлять его ошибки.

Мы упоминали два вида неоднозначности: во-первых, неоднозначность глубины на рисунках (проекциях куба) и, во-вторых, неоднозначность содержания рисунков (портрет молодой леди — старой ведьмы). Так как оба вида перцептивной неоднозначности *существенно* различаются, им следует дать свои названия: «глубинная неоднозначность» и «неоднозначность содержания». <...>

Рисование на плоскости

Если верно, что художник сильно зависит от собственных объект-гипотез[2], то что же происходит, когда он пытается изобразить совершенно незнакомый предмет? В поисках ответа следовало бы поставить эксперименты; однако некоторыми сведениями, проливающими свет на этот вопрос, мы уже располагаем. Речь

[2] Согласно автору, в процессе восприятия происходит выдвижение перцептивных гипотез (объект-гипотез), основанных на прошлом опыте наблюдения сходных объектов; эти гипотезы в той или иной степени подтверждаются сенсорными данными. — *Ред.-сост.*

идет о тех случаях в истории науки, когда внимательные и опытные наблюдатели старались описать и изобразить предметы, дотоле никогда не виданные человеком во всех деталях. Таких примеров немало, начиная с работ первых микроскопистов и астрономов, впервые применивших телескоп для наблюдения Луны и планет.

Первые телескопические наблюдения провел Галилео Галилей (1564—1642) между 1609 и 1619 гг.; у него был примитивный рефрактор[3] с апертурой в 2,5 см. Галилея в высшей степени озадачил вид Сатурна. Мы-то прекрасно знакомы с кольцами планеты, они хорошо видны почти в любой современный телескоп; Галилей же не имел никакого представления об этом явлении и очень долго не мог разглядеть кольцо. Этот феномен он описал как «тройственный объект», когда же понял, что наблюдал кольцо, то своевременно не сообщил об этом.

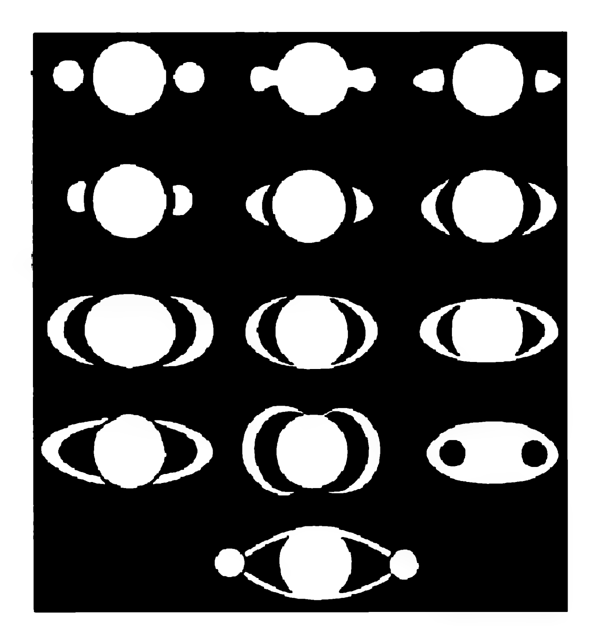

Рис. 6

Так Христиан Гюйгенс зарисовал планету Сатурн. Он не знал, что планета окружена кольцом. Не имея «объект-гипотезы» кольца, он не мог ни увидеть, ни нарисовать его верно

Голландский ученый Христиан Гюйгенс (1629—1695) строил собственные телескопы; по всей вероятности, они были лучше того, которым пользовался Галилей. Но и Гюйгенс не сумел правильно увидеть кольцо Сатурна. На рис. 6 показана серия рисунков, которыми Гюйгенс иллюстрировал свои наблюдения; фактически это изображения кольца, повернутого в разных ракурсах, но почти

[3] Оптические телескопы бывают двух видов — рефракторы и рефлекторы. В телескопе-рефракторе изображение создается системой линз, в рефлекторе зеркало формирует образ. Апертура — одна из величин, от которых зависит разрешающая сила телескопа; 2,5 сантиметра — весьма малая величина по современным представлениям. — *Пер.*

все они — невозможные варианты кольца. Впрочем, не следует забывать, что флуктуации изображения в телескопе, зависящие от атмосферных помех, могут порождать мимолетные искажения восприятия. И все же даже с учетом помех ошибки в первом, четвертом, десятом, одиннадцатом и тринадцатом рисунках вряд ли могли возникнуть объективно; их, безусловно, не сделал бы ни один из тех наблюдателей, которые знают «ответ». В конце концов, Гюйгенсу все же удалось прийти к правильному выводу: планета окружена «тонким, плоским кольцом, нигде не прикрепленным к телу планеты». Это кольцо трудно увидеть при помощи маленького телескопа, даже в большой телескоп оно четко видно лишь недолгие мгновения. Рисунки показывают совсем не то, что видно в телескоп в один из таких моментов; каждый рисунок — синтез очень большого числа наблюдений. Рисунок — это представление о том, как выглядит объект «в действительности». Поэтому вызывает серьезные сомнения возможность сделать какое бы то ни было единичное «наблюдение» какого бы то ни было предмета. Наблюдение, трактуемое как построение объект-гипотез, требует времени и знаний, иначе оно не может начаться.

Нам кажется привлекательной мысль, что любая картина, написанная художником с натуры, отображает не столько натуру, непосредственно видимую художником во время работы над этой картиной, сколько комплекс представлений, объект-гипотез, накопленных художником в предыдущем опыте. Ведь объект-гипотеза не содержит сведений об удаленности предметов; последние могут находиться на самых разных расстояниях от наблюдателя; удаленность и ориентация предмета, который находится перед глазами в данное время, оцениваются с помощью сенсорной информации, доступной именно в этот момент. Если картины, в самом деле, отражают главным образом содержание представлений художника о мире — а мы полагаем, что запасенные представления являются основным звеном всякой перцепции, то не следует слишком удивляться и тому, что отображение трехмерного пространства возникло уже в поздней истории развития искусства, когда появилась необходимость использовать рисунок для технических нужд, т.е. когда картины использовались скорее как инструменты, чем как самостоятельные ценности.

Описание уникальных вещей плохо поддается не только средствам живописи, но и словесному выражению, потому что в обоих случаях точная передача сообщения требует, чтобы «приемник» и «передатчик» владели сходными объект-гипотезами. И если можно говорить о языке живописи, то это скорее язык поэзии, чем прозы.

3 *Психологическая характеристика мышления. Образ и смысл*

У. Джеймс

Мышление*

Что такое мышление? Мы называем человека разумным животным, и представители традиционного интеллектуализма всегда с особенным упорством подчеркивали тот факт, что животные совершенно лишены разума. Тем не менее вовсе не так легко определить, что такое разум и чем отличается своеобразный умственный процесс, называемый мышлением, от ряда мыслей, который может вести к таким же результатам, как и мышление.

Большая часть умственных процессов, состоя из цепи образов, когда один вызывает другой, представляет нечто аналогичное самопроизвольной смене образов в грезах, какой, по-видимому, обладают высшие животные. Но и такой способ мышления ведет к разумным выводам, как теоретическим, так и практическим. Связь между терминами при таком процессе мысли выражается или в смежности, или в сходстве, и при соединении обоих родов этой связи наше мышление едва ли может быть очень бессвязным. Вообще говоря, при подобном непроизвольном мышлении термины, сочетающиеся между собой, представляют конкретные эмпирические образы, а не абстракции. Солнечный закат может вызвать в нас образ корабельной палубы, с которой мы видели его прошлым летом, спутников по путешествию, прибытие в порт и т.д., и тот же образ заката может навести нас на мысль о солнечных мифах, о погребальных кострах Геркулеса[1] и Гектора[2], о Гомере[3], о том, умел ли он писать, о греческой азбуке и т.д.

Если в нашем мышлении преобладают обыденные ассоциации по смежности, то мы обладаем прозаическим умом; если у данного лица часто непроизвольно возникают необыкновенные ассоциации по сходству и по смежности,

---

* *Джемс У.* Психология / Под ред. Л.А. Петровской. М.: Педагогика, 1991. С. 250—264 (с сокращениями).

[1] Геркулес — бог и герой в римской мифологии; соответствует греческому Гераклу. — *Ред.-сост.*

[2] Гектор — главный троянский герой поэмы Гомера «Илиада». — *Ред.-сост.*

[3] Гомер — древнегреческий эпический поэт, которому со времен античности приписывают авторство «Илиады», «Одиссеи» и других произведений. — *Ред.-сост.*

мы называем его одаренным фантазией, поэтическим талантом, остроумием. Но содержание мысли обусловлено совокупностью всех звеньев в последовательной цепи образов. Подумав о чем-нибудь, мы затем замечаем, что думаем уже о другом, почти не зная, каким путем пришли к последнему выводу. Если в этом умственном процессе играет роль отвлеченное свойство, то оно лишь на мгновение привлекает наше внимание, а затем сменяется чем-нибудь иным и никогда не отличается большой степенью абстракции. Так, размышляя о солнечных мифах, мы можем мельком с восторгом подумать об изяществе образов у первобытного человека или на мгновение вспомнить с пренебрежением об умственной узости современных толкователей этих мифов. Но в общем мы больше думаем о непосредственно воспринимаемых из действительного или возможного опыта конкретных впечатлениях, чем об отвлеченных свойствах.

Во всех этих случаях наши умственные процессы могут быть вполне разумны, но все же они не представляют здесь мышления в строгом смысле слова. В мышлении хотя выводы могут быть конкретными, тем не менее они не вызываются непосредственно другими конкретными образами, как это бывает при простых ассоциациях. Конкретные выводы связаны с предшествующими конкретными образами посредством промежуточных ступеней, общих, отвлеченных признаков, отчетливо выделяемых нами из опыта и подвергаемых особому анализу. Объект вывода может вовсе не быть элементом привычной ассоциации по смежности или сходству с данными вывода, из которых мы его получаем. Он может быть вещью, которой мы вовсе не встречали в предшествующем опыте и которая не могла бы никоим образом быть вызвана при помощи простой ассоциации конкретных образов. Великая разница между простыми умственными процессами, когда один конкретный образ минувшего опыта вызывается с помощью другого, и мышлением в строгом смысле слова фактически заключается в следующем: эмпирические умственные процессы только репродуктивны, мышление же — продуктивно. Грубый эмпирик ничего не в состоянии вывести из данных, с которыми у него нет общих элементов ассоциации и практическое значение которых ему неизвестно. Мыслитель же, наоборот, придя в столкновение с конкретными данными, которых он никогда раньше не видел и о которых ничего не слышал, спустя немного времени, если способность мышления в нем действительно велика, сумеет из этих данных сделать выводы, совершенно сглаживающие его незнание данной конкретной области. Мышление выручает нас при непредвиденном стечении обстоятельств, при которых вся наша обыденная ассоциативная мудрость и наше воспитание, разделяемые нами с животными, оказываются бессильными.

Точное определение мышления. Условимся считать характерной особенностью мышления в узком смысле слова *способность ориентироваться в новых для нас данных опыта.* Эта особенность в достаточной степени выделяет мышление из сферы обыденных ассоциативных умственных процессов и прямо указывает на его отличительную черту.

Мышление заключает в себе анализ и отвлечение. В то время как грубый эмпирик созерцает факт во всей его цельности, оставаясь перед ним беспомощным и сбитым с толку, если этот факт не вызывает в его уме ничего сходного или смежного, мыслитель расчленяет данное явление и отличает в нем какой-нибудь определенный атрибут. Этот атрибут он принимает за существенную сторону целого данного явления, усматривает в нем свойства и выводит из него следствия, с которыми дотоле в его глазах данный факт не находился ни в какой связи, но которые теперь, раз будучи в нем усмотрены, должны быть с ним связаны.

Назовем факт или конкретную данную опыта *S*, существенный атрибут *M*, свойство атрибута *P*. Тогда умозаключение от *S* к *P* может быть сделано только при посредстве *M*. Таким образом, *сущность M* заключается в том, что он является средним, или третьим, термином, который мы выше назвали *существенным атрибутом*. Мыслитель замещает здесь первоначальную конкретную данную *S* ее отвлеченным свойством *M*. Что справедливо относительно *M*, что связано с *M*, то справедливо и относительно *S*, то связано и с *S*. Так как *M* есть одна из частей целого *S*, то мышление можно очень хорошо определить как замещение целого его частями и связанными с ним свойствами и следствиями. Тогда искусство мышления можно охарактеризовать двумя чертами: 1) проницательностью или умением вскрыть в находящемся перед нами целом факте *S* его существенный атрибут *M*; 2) запасом знаний или умением быстро поставить *M* в связь с заключающимися в нем, связанными с ним и вытекающими из него данными. Если мы бросим беглый взгляд на обычный силлогизм:

M есть *P*
S есть *M*
S есть *P*,

то увидим, что вторая, или меньшая, посылка требует проницательности, первая, или большая,— полноты и обилия знаний. Чаще встречается обилие знаний, чем проницательность, так как способность рассматривать конкретные данные под различными углами зрения менее обыкновение, чем умение заучивать давно известные положения, так что при наиболее обыденном употреблении силлогизмов новым шагом мысли является меньшая посылка, выражающая нашу точку зрения на данный объект, но, конечно, не всегда, ибо тот факт, что *M* связано с *P*, также может быть дотоле неизвестен и ныне впервые нами сформулирован. Восприятие того факта, что *S* есть *M*, есть точка зрения на *S*. Утверждение, что *M* есть *P*, есть общее, или абстрактное, суждение.

Скажем два слова о том и другом.

Что такое точка зрения на данный предмет? Когда мы рассматриваем *S* просто как *M* (например, киноварь — просто как ртутное соединение), то сосредоточиваем все внимание на атрибуте *M*, игнорируя остальные атрибуты. Мы лишаем реальное явление *S* его полноты. Во всякой реальности можно найти бесчисленное множество различных сторон и свойств. Даже такое простое явление, как линия, проводимая по воздуху, можно рассматривать в отношении ее положе-

ния, формы, длины и направления. При анализе более сложных фактов точки зрения, с которых их можно рассматривать, становятся бесчисленными. Киноварь не только ртутное соединение, она, сверх того, окрашена в ярко-красный цвет, обладает значительным удельным весом, привозится в Европу из Китая и т.д. *ad infinitum*.

Все предметы суть источники свойств, которые познаются нами лишь мало-помалу, и справедливо говорят, что познать исчерпывающим образом какую-нибудь вещь значило бы познать всю Вселенную. Или непосредственно, или опосредованно эта вещь окажется в соотношении со всякой другой, и для всестороннего изучения ее необходимо будет познать все ее отношения. Но каждое отношение представляет один из атрибутов вещи, один из углов зрения, по которым мы можем ее рассматривать, игнорируя остальные ее свойства. Человек — весьма сложное явление; но из этого бесконечно сложного комплекса свойств провиантмейстер в армии извлекает для своих целей только одно, именно потребление стольких-то фунтов пищи в день; генерал — способность проходить в день столько-то верст; столяр, изготовляющий стулья,— такие-то размеры тела; оратор — отзывчивость на такие-то и такие-то чувства; наконец, театральный антрепренер — готовность платить ровно столько-то за один вечер развлечения. Каждое из упомянутых лиц выделяет в целом человеке сторону, имеющую отношение к его точке зрения, и практические выводы не могут быть сделаны этим мыслителем до тех пор, пока ему не удастся ясно и отчетливо выделить в человеке искомую сторону, а раз он ее выделил, он может игнорировать другие атрибуты человека.

Все остальные точки зрения на конкретный факт равно истинны. Нет ни одного свойства, которое можно было бы признать абсолютно существенным для чего-нибудь. Свойство, которое в одном случае существенно для данной вещи, становится для нее в другом случае совершенно неважной чертой. Теперь, пока я пишу, самым существенным в бумаге для меня является то, что она представляет поверхность, на которой можно писать. Если бы я не имел этого в виду, то должен был бы приостановить работу. Но если бы я захотел зажечь огонь и под рукой не было бы никакого иного горючего материала, кроме бумаги, то самым существенным свойством бумаги оказалась бы ее способность к горению и я мог бы игнорировать иные назначения бумаги. Она действительно заключает в себе все свойства, какие ей можно приписать: поверхность для письма, горючая тонкая вещь, органическое соединение, предмет длиной в десять и шириной в восемь вершков, отстоящий ровно на $^1/_8$ часть английской мили к западу от известного камня в поле моего соседа, предмет, сделанный на американской фабрике, и т.д. *ad infinitum*.

Становясь временно на любую из этих точек зрения, я начинаю несправедливо игнорировать другие точки зрения. Но так как я могу квалифицировать бумагу каждый раз только одним определенным образом, то каждая моя точка зрения неизбежно окажется ошибочной, узкой, односторонней. Природная не-

обходимость, заставляющая меня поневоле быть ограниченным и в мышлении, и в деятельности, делает для меня извинительной эту неизбежную односторонность. Мое мышление всегда связано с деятельностью, а действовать в одно и то же время я могу лишь в одном направлении. Бога, которого мы представляем правящим сразу целой Вселенной, мы можем также представить без всякого ущерба для его деятельности созерцающим разом без различия все части Вселенной. Но если бы наше внимание могло быть в такой степени равномерно распределено по различным частям созерцаемого мира, то мы оказались бы пассивно созерцающими явления и лишили бы себя возможности совершить какое бы то ни было определенное действие.

Уорнер в одном из произведений («Adirondae story») рассказывает, что он застрелил медведя, не целясь в какую-нибудь определенную часть тела — в глаз или сердце, а целясь «в медведя вообще», но мы не можем подобным же образом направлять наше внимание «на Вселенную вообще»; всякие попытки должны исследовать явления по частям, не пытаясь охватить грандиозную совокупность всех элементов природы, связывая в ряды отдельные факты и преследуя свои мелкие ежечасно изменяющиеся интересы. При этом односторонность нашего миросозерцания в каждый данный момент уравновешивается отчасти односторонностью иного характера, в которую мы впадаем в следующий момент. В данную минуту для меня, пока я пишу эту главу, способность подбирать факты и умение сосредоточивать внимание на известных сторонах явления представляется сущностью человеческого ума. В других главах иные свойства казались и будут еще казаться мне наиболее существенными сторонами человеческого духа.

Односторонность в мировоззрении до того глубоко укоренилась в людях, что для поклонников здравого смысла и схоластики (схоластика ведь та же точка зрения здравого смысла, только приведенная в систему) мысль, будто нет ни одного качества, которое было бы на самом деле абсолютно, всецело существенно для чего-нибудь, представляется почти логически невозможной. «Сущность всегда делает вещь тем, что она есть. Без сущности, принадлежащей абсолютно только ей, она не была бы ничем в частности, ее бы никак нельзя было назвать, мы не могли бы указать оснований, почему она должна быть именно тем, а не этим. Например, к чему вы говорите о материале, на котором пишете, что это — горючее вещество, предмет четырехугольной формы и т.д., когда вы знаете, что все это — случайные свойства, а то, что он есть на самом деле и чем должен быть, есть бумага и больше ничего?» Весьма возможно, что читатель сделает мне подобное возражение.

Но ведь и сам он подчеркивает лишь одну сторону в данном явлении, соответствующую той незначительной цели, которую он себе наметил: именно цели дать данному предмету известное название; для фабриканта бумаги важна иная цель — производство товара, на который есть всеобщий спрос. Между тем реальность остается явлением, совершенно безразличным по отношению к целям, которые мы с ней связываем. Наиболее обыденное житейское назначение реальности, ее наиболее привычное для нас название и ее свойства, ассоциировавшиеся с последним

в нашем уме, не представляют, в сущности, ничего неприкосновенного. Они более характеризуют нас, чем саму вещь. Но мы до того скованы предрассудками, наш ум до того окоченел, что наиболее привычным для нас названиям вещей и связанным с ними представлениям мы приписываем значение чего-то вечного, абсолютного.

Сущность вещи должна характеризоваться наиболее привычными для нас ее названиями; то, что означается в ней менее привычными названиями, может иметь для нас значение случайного и несущественного свойства. Натуралисты могут подумать, что молекулярное строение вещества составляет сущность мировых явлений в абсолютном смысле слова и что H_2O есть более точное выражение сущности воды, чем указание на ее свойство растворять сахар или утолять жажду. Нимало! Все эти свойства равно характеризуют воду как некоторую реальность, и для химика сущность воды прежде всего определяется формулой H_2O и затем уже другими свойствами только потому, что для его целей лабораторного синтеза и анализа вещество вода как предмет науки, изучающей соединения и разложения веществ, есть прежде всего H_2O.

Локк первым подметил это заблуждение. Но ни один из его последователей, насколько мне известно, не избежал этого заблуждения вполне, не обратил внимания на то, что «сущность» есть понятие телеологическое и что образование концептов и классификация суть чисто телеологические средства, которыми пользуется наш ум. Сущность вещи есть свойство ее, которое столь важно для преследуемых мною интересов, что я могу совершенно игнорировать остальные. Я классифицирую данную вещь среди тех, которые обладают интересным для меня свойством; я даю ей сообразное с ним название; я представляю ее себе как нечто, обладающее этим свойством. И в то время как я ее так классифицирую, называю и представляю, все остальные истины, относящиеся к этой вещи, не имеют для меня ровно никакого значения.

Для разных людей в различное время весьма различные свойства кажутся наиболее важными. Благодаря этому для той же вещи у нас имеются различные названия и концепты. Но многие предметы, входящие в состав нашего домашнего обихода (например, бумага, чернила, масло, сюртук), обладают свойствами столь постоянной для нас важности и названиями столь для нас привычными, что мы в конце концов начинаем думать, будто есть только один истинный способ представлять себе эти вещи — именно тот, к которому мы привыкли; на самом же деле этот способ не более истинен, чем другие, а только наиболее часто применялся нами к делу.

Мышление всегда связано с личным интересом. Обратимся опять к символическому изображению умственного процесса:

M есть *P*
S есть *M*
S есть *P*.

Мы различаем и выделяем *M*, так как оно в данную минуту есть для нас сущность конкретного факта, явления или реальности *S*. Но в нашем мире *M* стоит

в необходимой связи с *P*, так что *P* — второе явление, которое мы можем найти связанным с фактом *S*. Мы можем заключать к *P* посредством *M*, которое мы с помощью нашей проницательности выделили как сущность из первоначально воспринятого нами факта *S*.

Заметьте теперь, что *M* было только в том случае хорошим показателем для нашей проницательности, давшим нам возможность выделить *P* и отвлечь его от остальных свойств *S*, если *P* имеет для нас какое-нибудь значение, какую-нибудь ценность. Если, наоборот, *P* не имело для нас никакого значения, то лучшим показателем сущности *S* было бы не *M*, а что-нибудь иное. С психологической точки зрения, вообще говоря, с самого начала умственного процесса *S* является преобладающим по значению элементов. Мы *ищем* *P* или что-нибудь похожее на *P*. Но в целом конкретном факте *S* оно скрыто от нашего взора; ища в *S* опорный пункт, при помощи которого мы могли бы добраться до *P*, мы благодаря нашей проницательности нападаем на *M*, которое оказывается как раз свойством, стоящим в связи с *P*. Если бы мы желали найти *Q*, а не *P* и если бы *N* было свойством *S*, стоящим в связи с *Q*, то мы должны были бы игнорировать *M*, сосредоточить внимание на *N* и рассматривать *S* исключительно как явление, обладающее свойством *N*.

Мы мыслим всегда, имея в виду какие-нибудь частные выводы или желая в каком-нибудь отношении удовлетворить свое любопытство. Мыслитель расчленяет конкретный факт и рассматривает его с отвлеченной точки зрения, но он должен, сверх того, рассматривать его надлежащим образом, т.е. вскрывая в нем свойство, ведущее прямо к тому выводу, который представляет для исследователя в данную минуту наибольший интерес.

Результаты нашего мышления могут быть нами получены иногда случайно. Стереоскоп был открыт путем предварительных теоретических соображений, но на это открытие человек мог бы натолкнуться и совершенно случайно, играя с рисунками и зеркалами. Известно, что иногда кошки отворяют дверь, двигая ручку, но если бы ручка, испортившись, не стала поддаваться прежним толчкам, то ни одна кошка в мире не смогла бы догадаться, как открыть дверь, пока какая-нибудь новая случайность не натолкнула животное на новый способ движения, который ассоциировался бы в его уме с целым образом запертой двери. Мыслящий же человек сумеет отпереть дверь, выяснив, где находится препятствие. Для этого он определяет, что именно в двери повреждено. Если, например, рычаг не приподнимает в достаточной степени запора над поперечной перекладиной, — значит, дверь низко повешена на петлях и ее необходимо приподнять. Если дверь пристает снизу к порогу вследствие трения, ее также необходимо приподнять. Очевидно, малый ребенок или идиот могут быть научены, как отпирать ту или другую дверь, не прибегая к этим рассуждениям. Я помню, как моя горничная обнаружила, что наши стенные часы могут правильно идти, только будучи наклонены немного вперед. Она напала на этот способ случайно, после многих тщетных попыток заставить часы идти как следует. Причиной постоянной остановки часов было трение чечевицы маятника о заднюю стенку часового ящика;

развитый человек обнаружил бы эту причину в пять минут. У меня есть лампа, пламя которой мигает самым неприятным образом, если не приподнять стекла примерно на $^1/_{16}$ часть вершка. Я открыл это случайно, немало перед этим промучавшись, и теперь всегда при помощи маленькой подпорки держу стекло слегка приподнятым над основанием горелки. Но все эти открытия представляют простую ассоциацию двух конкретных фактов: доставляющего неудобство предмета и средства, устраняющего неудобство. Человек, хорошо знакомый с пневматикой, вскрыл бы путем абстракции причину мигания и тотчас же указал средство устранить его.

При помощи измерения множества треугольников можно было бы найти их площадь, всегда равную произведению высоты на половину основания, и сформулировать это свойство как эмпирический закон. Но мыслитель избавляет себя от бесчисленных измерений, доказывающих, что сущность треугольника заключается в том, что он есть половина параллелограмма с тем же основанием и высотой, площадь которого равна произведению высоты на основание. Чтобы уяснить себе это, надо провести дополнительные линии, и геометр часто должен проводить такие линии, чтобы с их помощью вскрыть нужное ему существенное свойство фигуры. Сущность фигуры заключается в некотором отношении ее к новым линиям, отношении, которое не может быть ясным для нас, пока эти линии не проведены. Гений геометра заключается в умении вообразить себе новые линии, а проницательность его — в усмотрении этого отношения к ним данной фигуры.

Итак, в мышлении есть две весьма важные стороны: 1) свойство, извлеченное нами из конкретного факта, признается нами равнозначным всему факту, из которого выделено; 2) выделенное свойство наталкивает нас на известный вывод и сообщает этому выводу такую очевидность, какой мы не могли бы извлечь непосредственно из данного конкретного факта.

Рассмотрим подробнее первую сторону мышления. Допустим, что мне предлагают в магазине кусок сукна. «Я не возьму его: оно на вид как будто линючее»,— говорю я, желая этим сказать только то, что вид его напоминает мне что-то линючее. Мое суждение в этом случае, может быть и верное, не есть процесс мышления в строгом смысле слова, а чисто эмпирический вывод. Но если я могу сказать, что в состав окраски данного сукна входит красящее вещество, химически неустойчивое, и *потому* сукно скоро выцветет, мое суждение есть строго логический вывод. Понятие окраски есть посредующее звено между понятиями сукна и линючести. Необразованный человек станет путем эмпирического вывода ожидать, что лед при приближении к огню будет таять, а палец, разглядываемый в увеличительное стекло, — казаться шероховатым. И в том, и в другом случае результат явления предвидят без полного предварительного знакомства с самим явлением. Здесь нет никакого акта мышления в строгом смысле слова.

Но человек, рассматривающий тепло как род движения, превращение твердого тела в жидкое состояние как нечто тождественное возрастанию молекулярного движения, человек, знающий, что кривые поверхности преломляют

известным образом световые лучи и что кажущаяся величина всякого предмета находится в зависимости от степени преломления световых лучей, входящих в глаз, — такой человек делал бы по поводу всех указанных явлений правильные выводы даже в том случае, если бы он никогда в жизни не наблюдал их в действительности. И он поступал бы так потому, что, согласно сделанному нами предположению, он обладал бы теми идеями, которые были посредующим звеном между явлениями, служившими для него исходным пунктом, и выводами, сделанными им из них. Но эти идеи суть лишь элементы, извлеченные из данного явления или связанные с ним обстоятельства. Правда, движение, порождающее теплоту, и преломление световых лучей глубоко скрытые ингредиенты; гораздо менее скрытым ингредиентом было трение чечевицы маятника о стенку часового ящика, а приставание двери к полу почти и вовсе не может считаться скрытым от нас ингредиентом. Но во всех есть та общая черта, что они устанавливают более очевидное отношение данного явления к выводу, который не может быть получен из него непосредственно с такой же очевидностью.

Обратимся теперь ко второй стороне мышления: почему следствия, выводы и комбинации, делаемые из составных элементов данного явления, более очевидны, чем выводы, делаемые прямо из целого конкретного явления? По двум причинам. Во-первых, отвлеченные свойства более общи, чем непосредственные, конкретные данные, вследствие этого они могут вступать в связь с фактами более знакомыми для нас, более часто встречаемыми в опыте. Предположите, что теплота — движение. Тогда все, что справедливо относительно движения, окажется справедливым и относительно теплоты, но в опыте нам приходится наблюдать в сто раз более явлений движения, чем теплоты. Начните рассматривать лучи, проходящие через призму, как линии, наклонные к перпендикуляру, и вы заместите сравнительно мало знакомое понятие призмы весьма привычным понятием «перемены в направлении линии», понятием, для которого мы ежедневно имеем массу примеров.

Другая причина, почему отношения между свойствами, выделенными нами из данного предмета, так очевидны, заключается в следующем. Эти свойства значительно малочисленнее совокупности всех свойств целого, из которого мы выделяем их. В каждом конкретном факте свойства и вытекающие из них следствия так многочисленны, что мы можем совершенно потеряться, не сделав из них того вывода, который надлежит сделать. Если же нам посчастливилось выделить надлежащее свойство, то мы разом можем как бы охватить мысленно все вытекающие из него следствия. Например, то обстоятельство, что дверь пристает к порогу, связано в нашем уме с весьма немногими следствиями, между которыми выделяется такое соображение: приподняв дверь, мы уничтожим ее трение о порог. Между тем целый образ плохо отпирающейся двери может вызвать в нашем уме огромное количество понятий. Подобные примеры могут показаться банальными, но они заключают в себе сущность самого утонченного отвлеченного мышления. Физика становится все более и более дедуктивной нау-

кой, придавая математическую формулировку законам, управляющим основными свойствами материи (каковы молекулярные массы или эфирные волны различной длины), именно потому, что непосредственные выводы из таких понятий весьма малочисленны и мы можем разом охватить все их мысленно и извлечь из них те, в которых имеем надобность.

Проницательность. Итак, для того чтобы мыслить, мы должны уметь извлекать из данного конкретного факта свойства, и не какие-нибудь вообще, а те, которые соответствуют правильному выводу. Извлекая несоответствующие свойства, мы получим неправильный вывод. Отсюда возникают недоумения: как извлекаем мы известные свойства из конкретных данных? И почему во многих случаях они могут быть вскрыты только гением? Почему все люди не могут мыслить одинаково успешно? Почему лишь одному Ньютону[4] удалось открыть закон тяготения, одному Дарвину[5] — принцип выживания существ наиболее приспособленных? Чтобы ответить на эти вопросы, нам необходимо произвести новое исследование, посмотрев, как у нас естественным путем развивается проникновение в явления действительности.

Первоначально все наше знание смутно. Мы хотим этим сказать, что в нем первоначально нет внутренних подразделений (ab intra) и точных внешних разграничений (ab extra); но все же к нему применимы все формы мысли. В нем может быть единство, реальность, предметность, объем и т.д.,— словом, оно есть познание объекта, вещи, но познание вещи как нераздельного целого. При этом неясном способе познания ребенку, впервые начинающему осознавать комнату, она, вероятно, представляется чем-то отличающимся от находящейся в движении кормилицы. В его сознании еще нет подразделений; одно окно комнаты, быть может, особенно привлекает его внимание. Такое же смутное впечатление производит каждая совершенно новая сфера опыта и на взрослого.

Библиотека, археологический музей, магазин машин представляют собой какие-то неясные целые для новичка, но для машиниста, антиквария, библиофила целое почти совершенно ускользает от внимания, до того стремительно они набрасываются на исследование деталей. Знакомство с предметом породило в них способность различения. Неопределенные термины, вроде «трава», «плесень», «мясо», для ботаника и зоолога не существуют, до того они углубились в изучение различных видов трав, плесени и мышц. Когда Кингслей[6] показал одному господину анатомированную гусеницу, тот, увидев тонкое строение ее внутренностей, заметил: «Право, я думал, что она состоит только из внешней оболочки и мякоти». Мирный обыватель, присутствуя при кораблекрушении, сражении или пожаре, совершенно беспомощен. Опыт так мало пробуждал в нем способность к различению, что его внимание не может сосредоточиться на какой-

[4] Ньютон (*Newton*) Исаак (1643—1727) — английский математик, астроном и физик, создатель классической механики. — *Ред.-сост.*

[5] Дарвин (*Darwin*) Чарлз Роберт (1809—1882) — английский натуралист, основоположник эволюционного учения о происхождении видов путем естественного отбора. — *Ред.-сост.*

[6] Кингсли (*Kingsley*) Чарлз (1819—1875) — английский писатель и публицист. — *Ред.-сост.*

нибудь стороне сложного, исключительного события, которое требует немедленной деятельности. Моряк же, пожарный или полководец сразу принимаются за дело. Они мигом умеют разобраться в данном положении и проанализировать его. Оно заключает в себе массу почти неуловимых деталей, которые замечаются специалистами благодаря постепенному развитию их сознания в известном направлении, но которые не различаются достаточно отчетливо не опытным в данной области лицом.

Каким путем развивается в нас способность к анализу, мы выяснили себе в главах «Различение» и «Внимание». Разумеется, мы диссоциируем элементы смутно воспринимаемых цельных впечатлений, направляя наше внимание то на одну, то на другую часть целого. Но почему мы сосредоточиваем наше внимание сначала на том, а потом на другом элементе? На это можно тотчас же дать два ясных ответа: 1) благодаря нашим практическим или инстинктивным интересам и 2) в силу наших эстетических интересов. Собака где угодно сумеет отличить запах себе подобных, лошадь чрезвычайно чутка к ржанию других лошадей, потому что эти факты имеют для них практическое значение и вызывают у этих животных инстинктивное возбуждение. Ребенок, замечая пламя свечки или окно, оставляет без внимания остальные части комнаты, потому что последние не доставляют ему столь живого удовольствия. Деревенский мальчишка умеет находить чернику, орехи и т.п. благодаря их практической пользе, выделяя их из массы кустарников и деревьев; дикарю доставляют немало удовольствия бусы и кусочки зеркал, привозимые на торговых кораблях, вид же самого корабля не вызывает у него никакого интереса, так как корабельное устройство недоступно из-за своей сложности его пониманию. Таким образом, эти практические и эстетические интересы суть наиболее важные факторы, способствующие яркому выделению частностей из цельного конкретного явления. На что они направляют наше внимание, то и служит объектом последнего, но что такое они сами, мы не можем сказать. Мы должны в данном случае ограничиться признанием их далее неразложимыми, первичными факторами, определяющими то направление, в котором будет совершаться рост нашего знания.

Существо, руководимое в своей деятельности немногочисленными инстинктивными импульсами или немногочисленными практическими и эстетическими интересами, будет обладать возможностью диссоциировать весьма немногие свойства и в лучшем случае будет одарено ограниченными умственными способностями; существо же, наделенное большим разнообразием интересов, будет обладать высшими умственными способностями. Человек, как существо, одаренное бесконечным разнообразием инстинктов, практических стремлений и эстетических переживаний, доставляемых каждым органом чувств, в силу одного этого должен обладать способностью диссоциировать свойства в гораздо большей степени, чем животные, и согласно этому мы находим, что дикари, стоящие на самой низкой ступени развития, мыслят неизмеримо более совершенным образом, чем самые высшие животные.

О. Кюльпе

Психология мышления*

С этой фазой развития экспериментальной психологии совпадает особое направление нашей науки, исследующее процессы мышления; оно развилось в Германии и особенно в Вюрцбургском психологическом институте. В прежней психологии мышлению было уделено далеко не достаточно внимания. Первоначально экспериментальному направлению приходилось иметь много дела по приведению в порядок громадной области ощущений, представлений и чувств и до утонченных и незаметных явлений мышления очередь еще не доходила. <...>

Психологи не считали правильным признать годным для исследования рядом с содержанием предметного мышления мышление без признаков наглядности, они отрицали, что слово может быть понимаемо независимо от представлений или что предложение можно постигнуть и подвергнуть суждению, хотя его содержание представляется для сознания едва заметным. <...>

Нас же систематическое применение самонаблюдения в конце концов привело к другой теории. Ранее в психологических исследованиях не старались добиваться после каждого опыта сведений о всех соответствующих переживаниях, удовлетворялись случайными показаниями испытуемого по поводу явлений, особенно бросающихся в глаза или отклоняющихся от нормы, и разве только после целого ряда совокупных исследований выспрашивали главное на основании сохранившихся у испытуемого воспоминаний. Таким путем освещались только наиболее характерные душевные явления. Близкое знакомство наблюдателей с традиционным кругом понятий об ощущениях, чувствах и представлениях не позволяло им заметить и назвать то, что не было ни ощущением, ни чувством, ни представлением.

Лишь только опытные испытуемые на основании самонаблюдения над переживаниями во время исследования начали сообщать непосредственно после

---

* *Кюльпе О.* Современная психология мышления // Новые идеи в философии: Сб. 16. Психология мышления / Под ред. Н.О. Лосского, Э.Л. Радлова. СПб.: Образование, 1914. С. 48—77.

опыта полные и беспристрастные данные о течении душевных процессов, тотчас же обнаружилась необходимость расширения прежних понятий и определений. Было обнаружено существование таких явлений, состояний, направлений, актов, которые не подходили под схему старой психологии. Испытуемые стали говорить на языке жизни, а представлениям во внутреннем мире отводили лишь подчиненную роль. Они знали и думали, судили и понимали, схватывали смысл и толковали общую связь, не пользуясь существенной поддержкой случайно всплывающих при этом чувственных представлений.

Приведем несколько примеров. Испытуемых спрашивают, понимают ли они предложение: «Лишь только золото замечает драгоценный камень, оно тотчас же признает превосходство его сияния и услужливо окружает камень своим блеском». В протокол после того вносится: «Вначале я обратил внимание на выделенное слово *золото*. Я понял предложение тотчас же, небольшие трудности составило только слово *видит*. Далее мысль перенесла меня вообще на человеческие отношении с намеком на порядок ценностей. В заключение я имел еще что-то вроде взгляда на бесконечную возможность применения этого образа».

Здесь описан процесс понимания, который происходит без представлений, но лишь при посредстве отрывочного внутреннего языка. Сверх того, непонятно, как могла возникнуть идея о порядке ценностей или же мысль о бесконечной возможности применения образа благодаря чувственному содержанию сознания?

Еще один пример. «Понимаете ли вы предложение: мышление так необычайно трудно, что многие предпочитают просто делать заключения». Протокол гласит: «Я знал сейчас же по окончании предложения, в чем суть. Однако мысли были еще совершенно неясны. Чтобы выяснить себе положение, я стал медленно повторять все предложение, и когда повторил, мысль сделалась ясной, я могу теперь передать ее следующим образом. Делать заключение означает здесь — высказывать нечто, не задумываясь, иметь готовый вывод в противоположность самостоятельным выводам мышления. Кроме тех слов предложения, которые я слышал и затем воспроизводил, в моем сознании не было никаких других представлений».

И здесь оказывается не обычный процесс мышления, но мышление без наглядных представлений. Следует отметить, что оба испытуемых указывали на то, что процесс понимания представляется им аналогичным также и при осмысливании более трудных положений. Таким образом, здесь мы имеем не искусственный продукт лабораторий, вскрывающий эти выводы, но самую живую действительность. <...>

Но если мысли отличаются от представления красок и тонов, лесов и садов, людей и зверей, то, следовательно, можно отметить подобное же разнообразие в проявлении, течении и формах мыслей, соответствующих этим представлениям. Мы знаем, какая закономерность царит в представлениях. Мы говорим об ассоциациях: репродукции, всплывании представлений, о влиянии одних представлений на другие связи их между собой. <...>

Если мысли не отличаются от представлений, то при заучивании стихов первые должны запоминаться с такой же трудностью, как и последние. Однако стоит нам припомнить, как мы заучиваем наизусть, и мы увидим, что в последнем случае происходит нечто совершенно иное. Внимательного прочтения стихов достаточно, чтобы иметь возможность вновь припомнить содержание мыслей. Только этим путем при чисто психических приемах достигаем мы тех плодотворных результатов, которые обнаруживаются при репродукции содержания наших мыслей во время проповедования, при чтении лекций, при игре на сцене, при создании беллетристических произведений, работы над научным сочинением или же в течение длительных разговоров. <...>

Особенно важное доказательство этому мы находим у Бюлера[1] в его исследованиях относительно парных мыслей: ассоциации между мыслями образуются несравненно быстрее и прочнее, чем между словами. Кто может заучить ряд из 20—30 слов, услышав его только один раз, так, чтобы иметь возможность при назывании одного члена ряда правильно и быстро ответить другим парным словом? Если бы кто-либо был в состоянии это проделать, то обладателя такой феноменальной памяти мы бы считали необыкновенным человеком. Однако такие именно результаты легко достижимы при заучивании парных мыслей, как показали экспериментальные исследования. Мы даем для иллюстрации подобный ряд.

I. Самосознание и продуктивность работы — духовное ничтожество натурализма.

II. Увеличение народонаселения в новое время — борьба племен в будущем.

III. Современная машина — колесница Фаэтона человеческого духа.

IV. Благородная сила мысли — портрет Канта.

V. Сущность языка — художник и картина.

VI. Колонии Германии — поэт при распределении мира[2].

VII. Наполеон и королева Луиза — гениальный варвар.

VIII. Единственный и общество — свобода есть самоограничение.

IX. Знание есть сила — господство над природой.

X. Пределы, видимые в телескоп, — бесконечность Вселенной.

Задача в этих исследованиях состоит в том, чтобы установить мысленную связь между двумя членами этого ряда. Особенно удивительно, как легко это удается и как долго удерживается нами мысль. Еще на следующий день такой ряд может быть воспроизведен безошибочно. Еще характернее тот факт, что иногда при этом слова звучат как-то чуждо или что смысл некоторых членов ряда известен, но соответствующее им выражение не может быть тотчас же найдено.

---

[1] Бюлер (*Bühler*) Карл (1879—1963) — немецко-австрийский языковед и психолог, представитель Вюрцбургской школы. — *Ред.-сост.*

[2] Стихотворение Шиллера «Die Teilung der Erde», где поэт получает свою часть после других участников дележа.

Следует отметить, что один из первых результатов нашей психологии мышления был отрицательным: термины чувств, представлений и их связей, установленные данными экспериментальной психологии до нашего времени, не давали возможности понять и точнее определить интеллектуальные процессы. Недостаточными оказались новые понятия о состояниях сознания, достигнутые при посредстве наблюдений над фактами: они способствовали скорее описанию, нежели их объяснению. Уже исследование элементарной деятельности мышления тотчас же показало, что осознано может быть и то, что не имеет наглядного характера, и что самонаблюдение в противоположность наблюдению явлений природы позволяет воспринять и прочно установить такие явления и определенно выраженные состояния сознания, которые не даны в виде цвета, звука или образа и не окрашены в чувственный тон. <...>

Значение абстрактных и общих выражений обнаруживается в сознании даже тогда, когда, кроме слов, в сознании не дано ничего наглядного, и переживается и припоминается само по себе независимо от слов. Эти факты обнаружены новым пониманием сознания. Таким образом, неподвижная до нашего времени схема строго определенных элементов душевной жизни была значительно расширена в очень важном отношении.

Этим самым экспериментальная психология была введена в область новых исследований, открывших широкие перспективы. К числу явлений, чувственно несозерцаемых, относится не только то, что мы сознаем, мыслим, или то, о чем думаем, с их свойствами и отношениями, но также самая сущность актов суждения и многообразное проявление нашей деятельности, функции нашего активного отношения к данному содержанию сознания, именно группировка и определение, признание или отрицание.

Наглядно данное содержание могло иметь значение только лишь как искусственная абстракция, как совершенно произвольно выделенное и обособленное явление. Для цельного же сознания представления составляли часть явлений, связанных с разного рода влияниями самого сознания и зависящих от душевных процессов, собственно одаривших их смыслом и ценностью для переживания субъекта. Насколько восприятие нельзя считать следствием ощущений, настолько же мало можно понять мышление как течение представлений в их ассоциативной связи. Ассоциативная психология в том виде, как она была основана Юмом[3], потеряла свое всемогущество. <...>

Именно через посредство мыслей открылся нам путь во внутренний мир, и тут не может быть и речи о мистической силе, будто бы приведшей нас туда; напротив, мы достигли его благодаря пренебрежению нами предрассудков. <...>

Однако мысли являются не только чистыми знаками для ощущений, они вполне самостоятельные образования, обладающие самостоятельными ценностями, о мыслях можно говорить с той же определенностью, как и о чувствен-

[3] Юм (*Hume*) Дейвид (1711—1776) — шотландский философ, историк и экономист. — *Ред.-сост.*

ных впечатлениях, их можно даже считать более положительными, постоянными и независимыми, чем чувственные образы, обусловленные деятельностью памяти и фантазии. Но, конечно, их нельзя рассматривать так же непосредственно, как объекты наблюдения, как наглядные предметы.

Опытным путем удалось доказать, что наше «я» нельзя отделить от нас. Невозможно мыслить — мыслить, отдаваясь вполне мыслям и погружаясь в них, и в то же время наблюдать эти мысли — такое разделение психики невозможно довести до конца. Сначала одно, затем другое — так гласит лозунг молодой психологии мышления, и эта задача осуществляется ею необычайно удачно.

Уже после того как испытуемый выполнит какую-либо задачу мышления, пережитый при этом процесс подвергался новому наблюдению, чтобы возможно глубже и прочнее установить его во всех его фазах. Сравнивая различных испытуемых и различные результаты одних и тех же испытуемых, можно было проверить, свободен ли опыт от противоречий.

Поразительное единство мнений в наших работах по психологии мышления, подтверждавших одна другую, было прекрасной иллюстрацией результатов наших исследований. <...>

Так были пережиты многие такие акты души, которые до сего времени проходили мимо психологии мышления: обратить внимание и узнать, признать и отвергнуть, сравнивать и различать и многое другое. Все эти процессы лишены были обязательного характера наглядности, хотя ощущения, представления и чувства могли их сопровождать.

Следует отметить беспомощность старой психологии, уверенной в том, что эти акты можно определить при помощи сопровождающих их признаков. Так, например, внимание рассматривалось ими как ощущение напряжения некоторой группы мускулов, потому что так называемое напряженное внимание сопровождается таким ощущением. Так же точно в представлениях движений была отвергнута воля, так как представления движений обыкновенно предшествуют внешнему проявлению воли. Эти построения, искусственность которых скоро обнаружилась, потеряли всякий смысл, лишь только было усмотрено существование особенных психических актов и тем самым ощущения и представления были лишены их всемогущества в сознании.

После того как стали известны эти факты, обнаружилась одна важная новинка. Изменился взгляд на наиболее сложный факт душевной жизни. До сих пор можно было говорить: мы потому внимательны, что наши глаза направлены в известную сторону и мускулы, находящиеся в определенном положении, сильно напряжены. Теперь нам ясно, что понимание такого рода совершенно превратно истолковывает сущность вопроса и что с гораздо большим правом можно было бы сказать: мы направляем наши глаза на определенный пункт и при этом напрягаем мускулы, потому что мы хотим на него смотреть; активность выступает на первый план, акт восприятия и механизм представлений — на второй.

Наше *Я* постоянно находится под влиянием той или иной точки зрения или же определенной задачи и ими же побуждается к деятельности. Можно также сказать, что и работа *Я* служит цели, заданной самой собой или другими. Мышление теоретика столь же мало нецелесообразно, как и мышление практика. Психологам приходится постоянно с этим считаться. Испытуемый получает какую-либо задачу, определенное наставление, инструкцию и, находясь под влиянием подобного рода, должен изучать себя при воздействии раздражителей. Испытуемый, например, должен сравнить два света или выполнить движение при знаке ударом или звуком, быстро ответить первым пришедшим в мысль словом, какое бы оно ни было, вслед за произнесенным словом исследователя, далее постараться понять данную фразу, вывести заключение и тому подобное. Если испытуемый берется охотно за выполнение опыта и усваивает все необходимое, то подобные задачи оказывают на него чрезвычайно яркое положительное влияние. Это влияние имеет особое имя в психологии, именно его называют детерминирующей тенденцией. *Я* заключает в себе известным образом безграничное множество возможностей реагировать. Если одно из них получает особенное значение, сравнительно с другими, то здесь, очевидно, имеет место детерминирующая тенденция, известный выбор.

Самостоятельное значение задач и определяемая ими роль детерминирующей тенденции были совершенно скрыты от ассоциационной психологии. Задачи, подобные указанным, не могут быть предложены для репродукций обычным порядком. К задачам приходится подготавливаться, испытуемый с этой целью должен особенно настроиться, так как каждая задача своеобразно направляет психическую работу индивидуальности. Вопросы ставятся не ощущениям, чувствам или представлениям, но некоторому субъекту, духовная сущность которого не имеет всегда определенного содержания, напротив, для целей опыта он должен проявить специфическую эластичность при усвоении и выполнении инструкции. Так как подобного рода руководящие и определяющие точки зрения играют роль при любом процессе мышления, и далее, так как абстракции и комбинации, суждение и заключение, сравнение и различение, нахождение и установка отношений тоже носят характер детерминирующей тенденции, то психология детерминирующей тенденции сделалась существенной частью современной психологии мышления. <...>

Аху[4] удалось очень хорошо показать, что даже ассоциации могут быть побеждены до значительной степени противодействием задач. Помимо того что сила, с которой проявляется детерминирующая тенденция, превосходит общеустановленную тенденцию воспроизведения, она не связана в своем проявлении с законами ассоциативных отношений.

Нашему исследованию подверглось влияние задач в простейших случаях. <...>

---

[4] Ах (*Ach*) Нарцисс (1871—1946) — немецкий психолог, представитель Вюрцбургской школы. — *Ред.-сост.*

Показывается, например, слово *доска*. Испытуемый имеет оптическое представление его, однако может пройти значительное время, пока он назовет подходящее целое, даже при значительном напряжении умственной деятельности, хотя бы теснилась целая масса всяких представлений. Наконец, он произносит: шкаф, спустя немного более, чем 4 с. Течение и выполнение начатого акта теснят различные представления, не соответствующие данной задаче. Если все же приходит нужное слово, испытуемый чувствует себя как бы освобожденным от чего-то. <...>

Мы теперь уже в состоянии установить по крайней мере индивидуальные формы сознания, в которых соблюдены правила логики и рассмотрены истина и правильность утверждений. Мы можем определить наличность в нашем сознании понятий и положений и как именно мы их сознаем. Мы можем психологически анализировать работу исследователя, изложенную им на основании данных логики, и представить ее в соответствующей психологической форме. Само собой разумеется, что не только реальное знание, но и многие другие дисциплины должны быть благодарны современной психологии мышления главным образом за то, что они сделались психологически доступными. В самом деле, нет такого знания, представитель которого не пользовался бы в своих работах мышлением в его многообразных формах. Исследователи уже начинают возбуждать глубоко интересные вопросы, наблюдая разнообразие процессов мышления в различных отраслях знания. Сделанные нами в этом направлении первые построения в психологии мышления обещают объяснить связь <...> именно между выбором человеком предмета научных занятий и известным направлением и поведением выбирающего.

С.Л. Рубинштейн

Мышление как познание*

Мышление — это познавательная деятельность субъекта, но в мышлении ничего нельзя понять, если рассматривать его сначала как чисто субъективную деятельность и затем вторично соотносить с бытием; в мышлении ничего нельзя понять, если не рассматривать его изначально как познание бытия. Даже внутреннюю структуру мышления, состав его операций и их соотношение можно понять, лишь отправляясь от того, что мышление есть познание, знание, отражение бытия. В таком подходе к мышлению и проявляется линия материалистического монизма в теории познания: мышление есть *деятельность субъекта* и вместе с тем *отражение бытия*.

Познание начинается ощущением, восприятием — как чувственное познание — и продолжается как абстрактное мышление, отправляющееся от чувственного и выходящее за его пределы, никогда, однако, не отрываясь от него. Ни сенсуализм, сводящий все познание к чувственному, ни рационализм, вовсе отвергающий познавательное значение чувственного, односторонне подчеркивающий недостоверность чувственных данных и перелагающий всю задачу познания на отвлеченное мышление, не отвечают действительности. В действительности существует *единый* процесс познания, который по необходимости начинается с чувственного и с такой же необходимостью выходит за его пределы — в абстрактное мышление. Мышление невозможно без чувственного познания — ощущения, восприятия — потому, что лишь в чувственности заключены исходные данные, от которых только и может отправляться мышление. Но, начинаясь с чувственных данных — ощущения, восприятия, — познание не может остановиться на них.

В действительности все взаимосвязано, взаимозависимо, все — продукт всеобщего взаимодействия, причем каждое внешнее воздействие преломляется через специфические внутренние свойства вещей. На чувственной поверхности действительности, отображенной в восприятии того или иного

* *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 106—110.

субъекта, как правило, выступает суммарный эффект различных, в данной точке скрещивающихся воздействий. Этим и определяется задача, которую непосредственно, чувственно данный мир ставит перед мышлением. Она заключается в том, чтобы *подвергнуть анализу суммарный итоговый эффект* еще не известных воздействий, преломившихся через еще не известные внутренние свойства вещей, расчленить различные воздействия, которым подвергаются веши, выделив из них основные, вычленить в суммарном эффекте каждого из воздействий на вещь воздействие и внутренние свойства вещи (явления), преломляясь через которые эти воздействия дают данный эффект, и, таким образом, определить внутренние, т.е. собственные, свойства вещей или явлений, с тем чтобы затем, соотнося, синтезируя данные, полученные в результате такого анализа, восстановить целостную картину действительности и объяснить ее.

Анализ, выделяющий внутренние, т.е. собственные, свойства вещи, связан с абстракцией от эффекта других воздействий на ту же вещь и того же воздействия на другие свойства этой вещи. Это — абстракция посредством выключения привходящих обстоятельств и определение выступающих при этом в чистом виде собственных свойств вещи. Такова позитивная познавательная задача абстракции и вообще абстрактного мышления.

Абстракция — это не только отвлечение от чего-то; она имеет не только негативный, но и положительный аспект, она что-то от чего-то отвлекает.

В научной абстракции отвлекаются от несущественных, привходящих обстоятельств и выделяют существенные определения изучаемых явлений.

Абстракция от привходящих, побочных, несущественных свойств и выделение основных, существенных — это две стороны единого процесса анализа. <...>

Собственные внутренние свойства вещи — это те, которые выступают в «чистом виде», когда выключается маскирующий их эффект всех привходящих обстоятельств, в которых они обычно бывают даны в восприятии. Эти собственные, внутренние свойства вещи в отличие от осложненной привходящими обстоятельствами формы их проявления на поверхности действительности и составляют то, что обычно на философском языке обозначают как «сущность» вещей, — их существенные свойства в их закономерных связях.

Раскрытие существенных, собственных, внутренних свойств вещи составляет естественную цель познания. В восприятии собственные, внутренние, существенные свойства вещей выступают лишь в специальных условиях и с некоторым приближением; обычно же в восприятии они маскируются, видоизменяются, перекрываются множеством привходящих обстоятельств и перекрещивающихся воздействий. Анализ, направленный на выделение существенных свойств явлений в их существенных, закономерных взаимосвязях и зависимостях, необходимо сопряжен с абстракцией от привходящих обстоятельств и случайных связей. Собственные свойства вещи в чистом виде, выступающие

в абстракции от непосредственно, чувственно данного, могут быть определены лишь в отвлеченных понятиях. Так же как анализ, направленный на выделение существенных свойств явлений в их закономерных связях, ведет к абстракции, так в свою очередь научная абстракция сопряжена с анализом. Поскольку она извлекает из явлений существенное, отвлекаясь от несущественного, она необходимо ведет к обобщению.

Свойства, существенные для явлений определенного рода, тем самым оказываются общими для них. Поэтому мышление как нацеленное на познание собственных свойств вещей и явлений по необходимости переходит от ощущений и восприятий к абстрактным понятиям.

Когда в результате аналитической работы мышления вскрываются существенные, внутренние свойства вещи, зависимость между ними выступает как закон. Законы — это и есть внутренние зависимости, т.е. зависимости между внутренними свойствами вещей, явлений, процессов. Законы, т.е. внутренние зависимости, открываемые в ходе исследования, входят затем в самое определение вещей и явлений, как, например, законы Ньютона — в определение «изменения движения», закон Бойля—Мариотта — в определение «идеального газа». <...>

Как ни важна аналитическая работа мышления, расчленяющая данный в восприятии суммарный эффект различных еще не известных, не выделенных, не проанализированных взаимосвязей и взаимодействий, приводящая нас в сферу абстракции, она не исчерпывает задач познания. В конечном счете, нам нужно не уйти из окружающего нас непосредственно, чувственно данного мира в сферу абстракции, а понять, осмыслить, объяснить этот мир явлений, в котором мы живем и действуем.

Расчленив данный в восприятии суммарный эффект различных перекрещивающихся взаимодействий, необходимо затем мысленно восстановить этот итоговый эффект, исходя из тех компонентов, которые мы вычленили из него анализирующей, абстрагирующей работой мысли.

В неразрывной связи с аналитической деятельностью необходимо выступает деятельность синтетическая. Проделывая тот же путь, что и анализ, но только в обратном направлении, синтез осуществляет двоякую работу и соответственно выступает в двух основных формах: 1) соотнося свойства и зависимости, выделенные анализом при абстракции из всех привходящих специальных обстоятельств, со все более специальными условиями, синтез, отправляясь от собственных внутренних свойств вещей, выводит все более специальные формы их проявления; 2) синтез не ограничивается прослеживанием специальных форм проявления одного и того же свойства; последовательно вводя и включая различные свойства и зависимости, которые были расчленены анализом, синтез соотносит их друг с другом.

В результате этой двойной мыслительной работы анализа и синтеза, снова с той или иной, все возрастающей мерой приближения, постепенно, шаг за

шагом, звено за звеном мысленно восстанавливается исходная конкретность, но уже проанализированная в своем содержании.

Движение мысли, взятое в целом, проделывает, таким образом, путь от непроанализированной конкретной действительности, данной в непосредственном чувственном созерцании, к раскрытию ее законов в понятиях отвлеченной мысли и от них — к объяснению действительности, в условиях которой мы живем и действуем.

Движение познания совершает, следовательно, путь от созерцания к мышлению и от мышления к практике, к уже проанализированным и познанным явлениям, с которыми последняя непосредственно имеет дело.

В свою очередь практика играет существенную роль в процессе познания. Познание мира неотделимо от его изменения. Изменяя вещи, практика анализирует их и ведет, таким образом, к вычленению их существенных свойств.

В результате анализа эмпирических данных и синтеза данных анализа складывается теория, создается возможность теоретического познания эмпирических явлений. Именно таким путем анализа и абстракции создается теоретическая механика, теоретическая физика, теоретическая политическая экономия, вообще всякая теоретическая наука, всякое теоретическое познание.

Конкретное как цель познания определяет, в конечном счете, весь путь научного мышления, совершающегося через абстракцию.

Абстрактное — это то, через что познание необходимо проходит; конкретное — это то, к чему познание, в конечном счете, идет.

Не трудно убедиться в том, что научное познание совершается именно таким образом.

А.Н. Леонтьев

[Мышление и чувственное познание]*

Так давайте все-таки решим вопрос, чем отличается уровень познания, который мы называем уровнем мышления, от уровня, который мы называем уровнем чувственного познания, уровнем восприятия.

Я хочу поступить следующим образом: я сам выдвину некоторую гипотезу — вот такой педагогический прием хочу сегодня применить, — а потом мы с вами детально рассмотрим, как этот гипотетический критерий обнаруживает себя по отношению к различным конкретным процессам и явлениям, о которых мы что-то знаем более или менее достаточно. Я бы написал две такие формулы, только, товарищи, примите всю их условность. Это не какие-нибудь символические обозначения, просто я для своего удобства хочу придать какую-то наглядность. Вот, видите ли, когда мы рассматриваем восприятие, то мы находим этот процесс всегда включенным во взаимодействие воспринимающего субъекта и воспринимаемого объекта, безразлично, каким бы он ни был. Он должен обладать одним свойством: воздействовать на те или иные органы чувств, правда? Сразу на многие или на один из них, только воздействовать он должен, правда? И наконец, второе условие — он является объектом нашей активности, этот объект.

Вот в эту систему, как угодно развитую, и укладываются все процессы, которые мы называем взаимодействием. Что бы ни стояло за субъектом, какой бы опыт ни стоял предварительный, который будет преломлять эти воздействия, участвовать в этом взаимодействии. Это может быть опыт индивидуальный. Это может быть опыт видовой. У животных видовой в буквальном смысле, биологический, унаследованный. Это то, что мы находим как свойственное субъекту. Далее: это может быть еще какой опыт? Видовой в другом значении: общественно-исторический, усвоенный опыт, и, в третьих, опыт индивидуальный. Есть видовой филогенетический и видовой исторический, т.е. усвоенный,

---

* *Леонтьев А.Н.* Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. С. 334—337.

тот, которому учится каждое новое последующее поколение. Он не записан как готовый, но и не строится на основе индивидуального обобщения. Это опыт поколений, опыт общественной практики, отраженный в языке, в системе понятий, значений, которые усваиваются ребенком в той или другой степени, правда? И естественно, что опыт включается в восприятие.

Но я сейчас изображаю другую схему. Признаться, я ее выдумал только что. Суть ее заключается вот в чем: если первая сфера познания, уровень познания, укладывается в эту схему процесса взаимодействия «познающий субъект — познаваемая реальность», то вторая схема оказывается хитрее. Дело все в том, что здесь объектом моего познания выступает мной устанавливаемое взаимодействие, т.е. тот или другой процесс, связывающий «объект» и «объект». Первое отношение можно назвать «субъектно—объектное» или «объектно—субъектное». А второе? «Объектно—объектное?» Нет. «Субъектно—объектно—объектное». Теперь попробуем посмотреть, так ли это и что это значит.

Видите ли, здесь все представляется следующим образом: можно взять избитый пример, который я уже где-то использовал. Он очень прост. Речь идет о возможности выйти, благодаря этой схеме, за пределы свойств, непосредственно доступных нашим органам чувств, т.е. нашему восприятию. Эта схема, вторая, выводит за эти границы, а первая не выводит за них. Теперь об иллюстрации, о которой я сейчас говорил.

Пороги моей кожно-мышечной чувствительности, как известно, довольно грубы и лежат в относительно коротком диапазоне. Практически мне необходимо выйти за пределы этого диапазона, т.е. выйти за пределы возможностей, которые мне дают органы моего восприятия, органы чувств. Как я это делаю? Я не могу различить твердость этого материала и этого. Вот я их пощупал: и это твердое, и это твердое. Одинаково твердое. Это за границами, за пределами возможности моего чувственного познания. Я не могу ответить на этот вопрос на основании вот этого взаимодействия «я—объект» и «объект—я». Вот я взаимодействую с этим объектом и взаимодействую с тем объектом и говорю, что они твердые, но не могу дифференцировать. А вот теперь я, пожалуй, попробую. Я сделаю так: поцарапаю здесь и посмотрю — нет царапины, а вот теперь наоборот: царапаю здесь — появилась царапина. Я что сделал? Я ввел, установил взаимодействие двух объектов и по изменению одного из них стал судить — высказал суждение — о свойстве другого. Вот этот предмет оказался более твердым. Я этого не знал и не мог этого узнать. Это за пределами доступности моих органов чувств,

Я не знаю, содержится ли такой-то или такой-то элемент в данном веществе и не могу этого узнать, потому что это вещество далеко от меня (допустим, это какая-то планета или некое небесное тело). Но спектрограмму я могу получить? Могу. И вот передо мной развернутая спектрограмма. Я вижу черную линию — так это же водород, понимаете? Я по чему сужу? По воздействию на меня или по изменению какого-то явления, вызванного воздействием вот того объекта,

который становится объектом моего познания. Вы понимаете эту механику? Теперь я ее воплощаю в некоторую формулу: суть дела заключается в том, что мы судим по видимому о невидимом, по непосредственно воспринимаемому — о том, о чем мы непосредственно, не приведя в действие другую вещь, судить не можем. У нас нет для этого органов чувств.

Тогда и получается решение парадокса: ничего в мышлении нет, кроме того, что было дано в ощущении, в восприятии, в познании. Но границы нашей чувствительности не являются границами познания, потому что, изучая взаимодействия вещей, мы открываем те свойства, которые во взаимодействии «познающий субъект — объект» не открываются нам. <...>

Я бы сказал, совсем упрощая (товарищи, сегодня я с вами разговариваю, а не читаю лекцию; мне хочется дать эту идею по возможности яснее в самом начале), я настаиваю на том, что восприятие можно при некоторой фантазии сравнить с ударом по шару, который отправляется прямо в лузу на бильярде. А вот с мышлением труднее, хитрее: всегда «двойным ходом», всегда есть проникновение в межпредметные отношения. Вы посмотрите: предмет на меня может воздействовать только в меру того, для чего у меня есть органы — зрительно, как отражающий световые лучи, механически при контакте, как вибрирующее тело (имея в виду упругие волны, которые достигают моего органа слуха), химическими своими свойствами (которые, впрочем, ограничены каким-то очень маленьким набором) на орган вкуса, обоняние. Ужасно маленькие кусочки выхватываются. А вот если я хочу узнать: слабокислый или слабощелочной раствор? Попробовал на вкус — не знаю. Не могу сказать, так как пороги грубы. Бумажечку, пожалуйста, лакмусовую: порозовела, будьте любезны, это кислота, поголубела — это уже щелочь. Я по цвету сужу о химическом свойстве. Я по спектральной черной линии водорода сужу о его наличии, по одному сужу о другом. Я проверяю эти связи, я их развиваю, я определяю правило движения по этим связям, и так возникает логика, потому что, если эти связи усложнять, объект отдаляется. Если он опосредствован многократно, то мне нужно пройти по этим путям опосредствования, а это невозможно сделать практически, если не вступает в силу необходимое сознанию теоретическое мышление, которое не опирается прямо на практические взаимодействия, как бы сложны и отдалены они ни были. Мы вынуждены пользоваться некой руководящей нитью, чтобы не сбиться с пути, некоторым аппаратом. И этот аппарат, это средство, эта нить — это и есть логический аппарат, не дающий сбиться с пути, а, наоборот, указывающий этот путь. Но процесс, по существу, остается тем же самым на любом уровне развития в любой форме. Не сразу видно эти сложные отношения — переход от «я—объект» к «я—суждение по изменению одного объекта о другом объекте». Мне нужно узнать высоту дерева, а между мной и деревом река. Холод стоит неимоверный, и переплывать реку я вовсе не собираюсь, не собираюсь получать воспаление легких. Да и вообще я не могу переплыть. Не умею плавать и нет подсобных средств. Дойти до этого дерева я не могу. А нужно

мне доходить до него или нет? Могу ли я заменить практический процесс измерения расстояния до дерева теоретическим? Да кто же не знает элементарную геометрию, которая учит вычислять эту величину? Могу. Для этого и есть теории и теоретическое мышление. Мы бесконечно сокращаем путь. Мы включаем теоретические звенья, то, чем мы вооружаем свое мышление, и определяем углы. Мы определили два угла, высчитали все остальное — и не надо переплывать реку. И это называется теоретическим расчетом.

Но сколько мы ни усложняем, какие абстракции мы ни ставим, какие гипотезы мы ни выдвигаем, они всегда имеют свою исходную чувственную точку. И всегда сложный опосредствованный путь, прогнозирующий опять какую-то точку, по которой мы судим о правильности или неправильности прогнозируемого нами процесса. Поэтому хитрые абстрактные науки все равно остаются в пределах той функции, которую они выполняют, они включаются внутрь этого процесса. Никогда логика не может стать субъектом познания, никакая логика. Субъектом познания остается человек. Его действительным объектом является мир, реальность. И не только та реальность, которая способна оказывать свое прямое действие на его органы чувств, но также вся действительность, которая существует в виде взаимодействий.

А вот скрыта ли от человека та действительность, которая не обладает свойством взаимодействовать с чем-то? Но такой действительности нет. Это не действительность, а «недействительность», отрицательная действительность, ибо всегда наблюдаются взаимодействия моментов мира. За взаимодействием есть сам мир, правда? Больше ничего нет. Значит, невзаимодействующий мир есть вообще нонсенс. И мир, не знающий взаимодействия, непознаваем. Но такого мира нет ни при каких условиях. На этом я заканчиваю введение в тему.

В.В. Петухов

Виды воображения и их соотношение с творчеством*

Воображение (в широком смысле) — это процесс мысленного (или действенного) преобразования объективной реальности для решения познавательных, исполнительных, личностных задач. Связь воображения с творчеством определяется, *во-первых*, тем, что оно разворачивается в неопределенных, проблемных ситуациях, когда готовые средства решения отсутствуют и требуется создание новых. *Во-вторых*, создание новых для субъекта продуктов деятельности — материальных предметов, умственных образов, знаний, способов поведения и, наконец, нового понимания окружающей действительности является результатом ее творческого преобразования.

Традиционно выделяются два вида воображения: ***воссоздающее и творческое***. Критерий их различения — ***новизна получаемого продукта***. Если второй вид воображения означает создание новых продуктов, то первый — воссоздание уже существующих по их условному изображению — схеме, описанию, чертежу и т.п. Вместе с тем различение репродуктивных (шаблонных) и творческих процессов может и не совпадать с указанным критерием: новый продукт может быть создан по алгоритму, а воссоздание по изображению может требовать творческих усилий.

Поэтому виды воображения (в узком смысле) с точки зрения их отношения к творческому мышлению можно различить иначе. Для этого следует обратиться к двузначности понятия образа. Первое его значение относится к психологии восприятия. Образ (*pattern*) есть целостное отражение субъектом предметов и ситуаций объективной реальности, и как таковое оно представляет собой психическую реальность определенной чувственной модальности. Таковы сенсорные послеобразы, эйдетические образы, образы-представления,

* *Петухов В.В.* Психология мышления. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 69—71.

наконец, галлюцинаторные, сновидные и другие образы. В этом смысле воображение есть *процесс оперирования образами*, которые рассматриваются здесь как материал и продукт умственной трансформации соответствующих объектов. Данный вид воображения, которое можно назвать *перцептивным*, иногда выделяют и как особый вид *наглядного (пространственного) мышления*. В своем втором значении образ (*image*) выступает не как психическая реальность сама по себе, но как *функционально включенная в процесс решения субъектом определенной задачи* — познавательной, исполнительной, личностной. Модальная определенность образов, сохраняясь как таковая, утрачивает свое значение, они становятся только материалом, возможными *средствами анализа* и организации неопределенной проблемной ситуации, выделения ее основного конфликта, поиска решения. Отсюда, воображение – это *процесс творческого мышления образами*. Преобразование наличных и создание новых образов не составляет конечной цели этого процесса, решающий задачу субъект мыслит образами — не о них самих. Тем самым найденный образ, продукт творческого воображения ценен субъекту именно как средство понимания (инсайта) проблемной ситуации, раскрытия и выражения принципа решения. В истории научных открытий существует немало примеров, когда ведущий принцип, еще не сформулированный вербально (или в других специфических средствах), но внутренне уже ясный и очевидный, раскрывался ученым в конкретности чувственных образов — зрительных (в том числе и сновидных), слуховых, кинестетических и т.п. Аналогичную роль играют необычные или настойчиво «повторяемые» в произведениях того или иного автора образы природных явлений, предметов, человеческих лиц, фигур, способов поведения — в художественном творчестве (литературе, живописи, кино). Художник, как и ученый, посредством преобразованных реальных предметов и ситуаций (например, образов падающих с деревьев яблок, колышимой ветром высокой травы, нарочито удлиненного женского лица и шеи, мерного потока глубокой воды или шума тяжелых дождевых капель) находят и создают *способы адекватного представления* проблемных ситуаций и путей их преодоления. Творческое воображение продуцирует особое (но также чувственное, психически зримое) «пространство», в котором ставятся и разрешаются значимые человеческие проблемы.

Мышление, восприятие, воображение объединены в современной психологии понятием *«визуальное мышление»*. Предложенное Р. Арнхеймом[1], оно включает оба названные вида воображения. Арнхейм различает, в частности, *две функции образа*: он может быть изображением объективной реальности и символическим выражением отвлеченного существенного содержания. В той

[1] Арнхейм (*Arnheim*) Рудольф (1904—2007) — немецко-американский психолог, видный представитель гештальтпсихологии. — *Ред.-сост.*

и другой функции образы отличны радикально: *образ-изображение* по отношению к оригиналу более абстрактен, схематичен (например, треугольник — изображение горы), *образ-символ* в сравнении со своим содержанием конкретен и вещественен (тот же треугольник — символ упорядоченной иерархии, развития, прогресса). Таким образом, в первом случае воображение это *оперирование изображениями* объектов, во втором — *мышление символами*, порождение способов понимания реальности и своего места в ней. Образ-символ называется также «визуальным понятием»: наглядный по материалу, он выполняет в решении задачи функции понятия.

Учебное пособие

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Тексты

В трех томах

Том 1

Введение

Книга 3

Редактор *М. И. Черкасская*

Корректор *Т. П. Толстова*

Верстка *О. В. Кокорева*

Дизайн обложки *В.Д. Ентинзон*

Издательство «Когито-Центр»
129366, Москва, ул. Ярославская, 13, корп. 1
Тел.: (495) 682-61-02
E-mail: post@cogito-shop.com, cogito@bk.ru
www.cogito-centre.com

Подписано в печать 08.10.12
Формат 70×100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная
Печ. л. 43,0. Усл. печ. л. 55,74
Тираж 500 экз. Заказ
Отпечатано с готовых диапозитивов в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Шубинский пер., 6